U 326/186

НЕ КОПИРОВАТЬ

ПОЛИТИЧЕСКІЯ и ОБЩЕСТВЕННЫЯ

ИДЕИ ДЕКАБРИСТОВЪ

В. И. Семевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели. Лиговская, 34.
1909.

336/192
И 326/186
НЕ КОПИРОВАТЬ

ПОЛИТИЧЕСКІЯ и ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИДЕИ ДЕКАБРИСТОВЪ

В. И. Семевскаго.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
Ф. 29-223

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели. Лиговская, 34.
1909.

2007237418

ПОСВЯЩАЮ ЭТОТЪ ТРУДЪ

женѣ—товарищу и другу.

Предисловіе.

Въ этомъ трудѣ, какъ видно изъ его заглавія, я предполагаю подробно познакомить читателей съ политическимъ и общественнымъ міросозерцаніемъ декабристовъ. При этомъ внѣшняя исторія тайныхъ обществъ, т. е. описаніе ихъ организаціи, событій дня 14 декабря 1825 г., возстанія Черниговскаго полка, суда надъ декабристами и ихъ дальнѣйшей жизни, не входитъ въ программу этой книги.

Чтобы лучше оцѣнить преобразовательные планы декабристовъ, я нашелъ нужнымъ во введеніи сдѣлать сжатый обзоръ предшествовавшихъ проектовъ реформъ государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка *). Затѣмъ я прежде всего излагаю мнѣнія декабристовъ о высшихъ представителяхъ власти, о центральныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ, государственномъ хозяйствѣ Россіи, о положеніи сословій, о жизни солдатъ. Я описываю волненіе Семеновскаго полка въ 1820 г., такъ какъ оно сыграло крупную роль въ усиленіи реакціоннаго настроенія имп. Александра I, а нѣкоторые переведенные въ армію офицеры этого полка были позднѣе видными дѣятелями тайнаго общества на югѣ Россіи. Далѣе я говорю объ отношеніи декабристовъ къ военнымъ поселеніямъ, цензурѣ, преслѣдованію профессоровъ и учащейся молодежи и къ нѣкоторымъ другимъ проявленіямъ произвола правительства, а также къ иностранной политикѣ Россіи.

Изобразивъ отрицательное отношеніе декабристовъ къ существовавшимъ тогда въ Россіи порядкамъ, я стараюсь опре-

*) Исторіи развитія идей о главномъ соціальномъ преобразованіи—уничтоженіи крѣпостного права—посвящена моя книга „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX в." и статья въ сборникѣ „Крестьянскій Строй" изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. 1905 г. т. I.

дѣлить тѣ вліянія, которыя помогли имъ разобраться въ тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, воспринимаемыхъ ими отъ современной жизни, и ищу этихъ вліяній въ условіяхъ ихъ образованія, въ посѣщеніи ими западной Европы, въ ихъ чтеніи, въ изученіи государственнаго устройства опередившихъ Россію народовъ западной Европы и Америки, въ знакомствѣ съ прошлыми и современными декабристамъ революціонными движеніями и, наконецъ, въ изученіи русской исторіи и вліяніи конституціоннаго строя Царства Польскаго.

Готовою организаціею для объединенія тогдашней интеллигенціи являлись масонскія ложи. Поэтому я разсматриваю участіе въ нихъ декабристовъ, характеризую политическое и соціальное міросозерцаніе масоновъ и указываю на причины разочарованія въ масонствѣ декабристовъ. Весьма важное значеніе для Тайнаго Общества могло имѣть французское и польское масонство высшихъ степеней и венты карбонаріевъ въ Швейцаріи, Франціи и Италіи, но пока мы располагаемъ еще недостаточнымъ количествомъ данныхъ для точнаго опредѣленія размѣровъ этого вліянія. Интересна неудавшаяся попытка гр. М. А. Дмитріева-Мамонова (не вступавшаго въ Тайное Общество) и М. Ѳ. Орлова (сдѣлавшагося позднѣе членомъ Союза Благоденствія) создать орденъ Русскихъ Рыцарей и выработанная ими программа преобразованій, въ которой мы находимъ впрочемъ, несмотря на горячее стремленіе ихъ обоихъ къ политической свободѣ, не мало несимпатичныхъ чертъ.

Въ пятой главѣ я перехожу къ характеристикѣ конституціонныхъ стремленій членовъ тайныхъ обществъ: Союза Спасенія, Союза Благоденствія, Сѣвернаго и Южнаго Обществъ. Говоря о Союзѣ Благоденствія, я разсматриваю связанныя съ нимъ попытки дѣятельности въ области первоначальнаго преподаванія, пропаганды, устройства литературныхъ обществъ и предположенія Н. И. Тургенева объ изданіи журнала.

Говоря о монархически-конституціонныхъ стремленіяхъ Сѣвернаго Общества, я подробно разбираю проектъ конституціи Никиты Мих. Муравьева въ трехъ его редакціяхъ, замѣчанія на него Пав. И. Пестеля и К. П. Торсона, а также проектъ конституціи Г. С. Батенькова, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываю на довольно замѣтное республиканское теченіе въ Сѣверномъ Обществѣ, а также останавливаюсь на предположеніяхъ его членовъ относительно временнаго правленія и созыва Великаго Собора.

Подробный разборъ „Русской Правды“ и „Государственнаго Завѣта“ Пестеля знакомитъ съ планами относительно политическихъ и соціальныхъ преобразованій Южнаго общества, стремившагося къ введенію республиканскаго правленія и къ широкимъ аграрнымъ реформамъ. Планъ федеративнаго союза славянскихъ народовъ, выдвинутый Обществомъ Соединенныхъ Славянъ, былъ къ сожалѣнію мало разработанъ.

Такъ какъ предположенія относительно судебной реформы, преобразованія военнаго строя, свободы печати и уничтоженія крѣпостного права разбирались въ Сѣверномъ и Южномъ Обществахъ подробнѣе другихъ реформъ, то я посвящаю разсмотрѣнію ихъ особыя главы.

Впервые общую характеристику стремленій тайныхъ обществъ второй половины десятыхъ и первой половины двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія далъ А. Н. Пыпинъ въ его талантливой книгѣ объ „Общественномъ движеніи въ Россіи при Александрѣ I“, вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ въ 1871 году. Однако подробное изученіе политическаго и общественнаго міросозерцанія декабристовъ сдѣлалось возможнымъ лишь съ тѣхъ поръ, когда дѣла о декабристахъ, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ, стали доступными изслѣдователямъ (хотя и съ особаго каждый разъ разрѣшенія), такъ какъ матеріалы, хранившіеся въ частныхъ рукахъ и лишь частію напечатанные въ Россіи и за-границею, не давали достаточно данныхъ по этому предмету.

Первый, получившій доступъ къ подлинному дѣлу о декабристахъ, М. И. Богдановичъ, авторъ „Исторіи царствованія имп. Александра I и Россіи въ его время“, въ двухъ главахъ VI-го тома своего труда (1871 г.) сообщилъ цѣнныя данныя о тайныхъ обществахъ. Но что онъ не могъ познакомиться со всѣмъ, имѣющимъ значеніе, матеріаломъ, видно изъ того, что „Русская Правда“ Пестеля ему очевидно не была доступна, и онъ долженъ былъ довольствоваться краткимъ извлеченіемъ изъ нея въ „Государственномъ Завѣтѣ“ Пестеля. Въ половинѣ 1880-хъ годовъ разрѣшеніе на изученіе дѣла декабристовъ въ полномъ его объемѣ получилъ академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ, но онъ задумалъ предпослать этому труду обширное введеніе на основаніи не только печатныхъ источниковъ, но и собраннаго имъ въ очень большомъ количествѣ матеріала изъ многихъ архивовъ, которое и печаталось въ „Русской Старинѣ“ подъ заглавіемъ „Русская жизнь въ началѣ XIX столѣтія“ (1898—1899, 1901—2 гг.) и „Послѣ отечественной войны“ (тамъ-

же 1903 г., 1904 г. №№ 1—5). Только въ двухъ послѣднихъ статьяхъ авторъ приступилъ къ исторіи тайныхъ обществъ, но успѣлъ сообщить свѣдѣнія лишь о Союзѣ Спасенія и Союзѣ Благоденствія, когда смерть помѣшала ему докончить свой трудъ.

Я получилъ возможность начать изученіе хранящихся въ Государственномъ Архивѣ матеріаловъ о декабристахъ въ 1903 г. Матеріалы эти состоятъ изъ 507 отдѣльныхъ дѣлъ, нѣкоторыя изъ нихъ всего въ нѣсколько листовъ, другія-же представляютъ объемистыя пачки. Болѣе трехсотъ изъ нихъ содержатъ въ себѣ преимущественно допросы отдѣльныхъ лицъ, какъ преданныхъ верховному уголовному суду, такъ и привлекавшихся къ слѣдствію и затѣмъ оправданныхъ или подвергшихся наказанію безъ суда по повелѣнію имп. Николая. Остальныя дѣла заключаютъ въ себѣ проекты предположенныхъ декабристами преобразованій, доносы на тайныя общества, нѣкоторыя масонскія бумаги (обширный архивъ кн. Баратаева), бумаги, взятыя у гр. М. А. Дмитріева-Мамонова и декабристовъ П. И. Пестеля, кн. А. И. Барятинскаго и Н. А. Крюкова, журналъ слѣдственной коммиссіи и ея дѣлопроизводство, дѣла объ арестахъ и освобожденіи арестованныхъ, докладныя записки государю о привлеченныхъ къ дѣлу и справки о нихъ, копіи съ показаній, данныхъ членами польскаго тайнаго Патріотическаго Общества варшавской слѣдственной коммиссіи, переписка цес. Константина Павловича по дѣламъ тайныхъ обществъ съ бар. И. И. Дибичемъ и гр. Татищевымъ, дѣлопроизводство верховнаго уголовнаго суда, повелѣнія имп. Николая о заключеніи въ крѣпость и порядкѣ содержанія арестованныхъ, бумаги Дибича, дѣло о верховномъ судѣ въ Царствѣ Польскомъ надъ членами Патріотическаго общества и проч.

Послѣ составленія біографическихъ очерковъ нѣкоторыхъ декабристовъ и характеристики взглядовъ декабристовъ вообще на крестьянскій вопросъ, я напечаталъ въ журналѣ „Былое“ (1906 г. №№ 1—3) подробный анализъ проекта конституціи Н. М. Муравьева во всѣхъ трехъ ея редакціяхъ, плана Батенькова и „Русской Правды“ Пестеля въ связи съ сжатымъ изложеніемъ предшествовавшихъ проектовъ преобразованія государственнаго строя Россіи. Затѣмъ я продолжалъ работать надъ трудомъ о политическихъ и общественныхъ идеяхъ декабристовъ и получилъ при этомъ возможность пополнить данныя, почерпнутыя изъ матеріаловъ Государственнаго Ар-

хива, обильными свѣдѣніями, заключающимися въ документахъ архива братьевъ Александра и Николая Иванов. Тургеневыхъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ и пожертвованныхъ туда сыномъ Николая Ивановича, Петромъ Николаев. Тургеневымъ, который оказалъ этимъ огромную услугу русской наукѣ *).

Не мало данныхъ для пополненія своего труда я нашелъ въ Военноученомъ Архивѣ **), въ архивахъ Главнаго Военносуднаго управленія и Государственнаго Совѣта ***), въ рукописныхъ отдѣленіяхъ Публичной библіотеки и библіотеки Академіи Наукъ, отчасти въ архивѣ Департамента Полиціи, гдѣ хранятся дѣла бывш. III Отдѣленія Соб. Е. Вел. Канц., общемъ архивѣ Минист. Внутр. Дѣлъ и въ архивѣ Собственной Его Величества канцеляріи. Общій Архивъ Главнаго Штаба къ сожалѣнію перевезенъ въ Москву, и я имѣлъ возможность ознакомиться лишь съ немногими его документами, оставленными для покойнаго академика Дубровина. Къ счастію въ собраніи его бумагъ, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ, нашлось не мало копій съ документовъ этого архива, снятыхъ для Н. Ѳ. Дубровина или имъ самимъ.

Появленіе въ печати сочиненій проф. М. Д. Довнара-Запольскаго „Идеалы декабристовъ“ и „Тайное общество декабристовъ“, составленныхъ, кромѣ печатныхъ источниковъ, на основаніи матеріаловъ одного Государственнаго Архива, не могли побудить меня отказаться отъ окончанія труда о политическихъ и общественныхъ идеяхъ декабристовъ ****). Я надѣюсь, что мой трудъ значительно подвигаетъ впередъ изученіе идеологіи декабристовъ, что же касается внѣшней исторіи и организаціи тайныхъ обществъ, что составляетъ содержаніе второго сочиненія проф. Довнара-Запольскаго, то этотъ вопросъ, какъ уже было сказано, не входитъ въ мою программу.

---

*) Общій обзоръ содержанія архива братьевъ Тургеневыхъ сдѣланъ А. А. Ѳоминымъ, содѣйствовавшимъ полученію Академіею Наукъ этого драгоцѣннаго дара, въ его статьѣ: „Новый историко-литературный кладъ“ въ журналѣ „Русская Мысль“ 1906 г. № 4.

**) См. „Каталогъ Военно-ученаго Архива Главнаго Штаба. Томъ I. Составилъ кап. Бендеръ подъ редакціею полковника Вивьенъ-де-Шатобрена“. Спб. 1905 г.

***) Подъ редакціею управляющаго этимъ архивомъ С. А. Панчулидзева уже напечатана „Опись дѣлъ Архива Государственнаго Совѣта“ т. I—III. Дѣла Госуд. Совѣта съ 1810 по 1849 г. Вся опись архива составитъ 22 тома.

****) Большая часть его была напечатана въ журналахъ „Русское Богатство“ (1907—8 гг.) и „Минувшіе Годы“ (1908 г.).

Трудъ этотъ составленъ, кромѣ печатнаго, на основаніи обширнаго неизданнаго матеріала. Правда, часть матеріаловъ Государственнаго Архива появилась въ послѣдніе годы въ печати (на что я дѣлаю указанія въ примѣчаніяхъ), но напечатанное составляетъ лишь незначительную часть архивныхъ документовъ по этому предмету. Чтобы не увеличивать чрезмѣрно количества примѣчаній, я въ большинствѣ случаевъ не указываю, изъ какого дѣла Государственнаго Архива заимствовано то или другое свѣдѣніе, но если я говорю, что такой-то декабристъ сообщилъ извѣстный фактъ или сказалъ то-то въ своемъ показаніи, то спеціалисты могутъ найти цитированное мѣсто въ дѣлѣ, содержащемъ показанія именно этого декабриста. Если же свѣдѣніе заимствовано изъ другого источника, то обыкновенно въ примѣчаніи онъ указанъ. Точно также я не цитирую каждый разъ номера дневниковъ и переписки Н. И. Тургенева въ архивѣ братьевъ Тургеневыхъ, такъ какъ изслѣдователи найдутъ необходимыя имъ указанія въ подробной описи этого архива, а для неспеціалистовъ эти указанія не нужны. Во введеніи я особенно избѣгалъ пестрить страницы ссылками, такъ какъ не теряю надежды со временемъ гораздо подробнѣе разработать содержаніе введенія, что уже въ значительной мѣрѣ мною исполнено.

Не желая еще болѣе увеличивать объемъ этого труда, принявшаго все же весьма значительные размѣры, и кромѣ того, считая необходимымъ соблюсти возможно большую соразмѣрность его частей, я не нашелъ удобнымъ собрать воедино всѣ мои работы, посвященныя декабристамъ. Поэтому считаю небезполезнымъ назвать здѣсь въ примѣчаніи тѣ изъ моихъ статей, которыя примыкаютъ къ содержанію настоящаго труда, но или вовсе не включены въ него, или лишь частію вошли въ его составъ. *).

---

*) Статьи эти слѣдующія: 1) „Первый политическій трактатъ Сперанскаго" („Русское Богат." 1907 г. № 1). 2) „Нѣсколько словъ о В. П. Каразинѣ" („Вѣсти. Евр." 1893 г. № 2). 3) „Волненіе Семеновскаго полка въ 1820 г." („Былое" 1907 г. №№ 1, 2, 3). Въ настоящей книгѣ перепечатана лишь первая изъ трехъ статей, напечатанныхъ въ „Быломъ", и немногія страницы изъ второй и третьей. 4) „Декабристы-масоны" („Минувшіе Годы" 1908 г. №№ 2, 3 и 5—6). Въ настоящую книгу *не* включены первыя 6 главъ этой статьи, напечатанныя во 2 и отчасти въ 3 № „Минувшихъ Годовъ". 5) „М. А. Фонъ-Визинъ. Біографическій очеркъ" въ изданіи Пирожкова: „Общественное движеніе Россіи въ первую половину XIX вѣка" т. I, стр. 1—96. 6) „Бар. В.л. Ив. Штейнгель. Біографическій очеркъ". Напечатано тамъ же, стр. 281—320. 7) „И. Д. Якушкинъ". (въ энцикл. Словарѣ Брок-

Въ заключеніе я считаю необходимымъ съ величайшею благодарностью упомянуть о томъ любезномъ содѣйствіи, которое я повсюду встрѣчалъ при собираніи матеріаловъ для этого труда и его обработкѣ. Прежде всего я обязанъ директору Государственнаго Архива С. М. Горяинову полученіемъ доступа къ хранящимся въ этомъ архивѣ матеріаламъ о декабристахъ. Разрѣшеніе пользоваться матеріалами архивовъ Военно-Ученаго, Главнаго Военно-Суднаго Управленія, Главнаго Штаба, Собственной Его Вел. Канцеляріи, Канцеляріи Военнаго Министерства, Минист. Внут. Дѣлъ и Департамента Полиціи было получено мною, благодаря ходатайству Академіи Наукъ при любезномъ содѣйствіи ея непремѣннаго секретаря, акад. С. Ѳ. Ольденбурга и акад. А. С. Лаппо-Данилевскаго. Академіи Наукъ я обязанъ также разрѣшеніемъ доступа къ матеріаламъ принадлежащаго ей архива бр. Тургеневыхъ и матеріаламъ Н. О. Дубровина, которое было дано вслѣдствіе содѣйствія акад. А. А. Шахматова, столь внимательнаго къ просьбамъ всѣхъ работающихъ въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Тутъ же долженъ упомянуть о крайней обязательности хранителя отдѣленія русскихъ рукописей Академіи Наукъ, Всев. Изм. Срезневскаго, котораго мнѣ такъ часто приходилось безпокоить.

Величайшую любезность и вниманіе ко мнѣ я всегда встрѣчалъ также со стороны управляющаго архивомъ Государственнаго Совѣта, С. А. Панчулидзева.

Затѣмъ я считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность всѣмъ гг. библіотекарямъ Академіи Наукъ, Спб. Университета и Публичной Библіотеки, къ которымъ мнѣ приходилось обращаться, и особенно В. Э. Банку, И. М. Болдакову, А. И. Браудо, И. А. Бычкову, Э. А. Вольтеру, Н. А. Вукотичъ, А. Б. Ламбиной, А. Д. Орлову, В. И. Саитову, служащимъ въ Государственномъ Архивѣ: Г. В. Бюшу, А. А. Привалову и М. Я. Королькову, архиваріусу архива Главнаго Военно-суднаго управленія И. С. Фильчакову, завѣдующему Военно-ученымъ

кауза-Ефрона). 8) „Н. Н. Тургеневъ“ (тамъ же). Статья эта написана до ознакомленія съ архивомъ братьевъ Тургеневыхъ, но представляетъ сжатый очеркъ всей жизни Ник. Ив. Т—ва. 9) „Іос. Викт. Поджіо“ въ „Галлерѣ шлиссельбургскихъ узниковъ“, изд. подъ редакц. Н. Ѳ. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, П. Ф. Якубовича и моею, т. I, стр. 17—28. 10) „Крестьянскій вопросъ въ обществахъ декабристовъ“: одна изъ главъ моей статьи, напечатанной въ сборникѣ „Крестьянскій Строй“, изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. 1905 г. т. I. 11) „Н. И. Тургеневъ о крестьянскомъ вопросѣ въ царствованіе Александра I“ („Вѣстн. Европы“, 1909 г. №№ 1—2).

архивомъ кап. Бендеру, начальнику архива Канцеляріи Военнаго Министерства Н. М. Затворницкому, начальнику архива Мин. Внутр. Дѣлъ П. А. Смирнову и служащему въ архивѣ Госуд. Совѣта А. В. Шебалову.

Доставленіемъ матеріаловъ или различными указаніями оказали мнѣ содѣйствіе: Д. В. Айналовъ, В. Я. Богучарскій, В. Н. Васильева, М. Л. Вишницеръ, В. В. Водовозовъ, Н. К. Кульманъ, В. И. Леонтовичъ, А. С. Лыкошинъ, В. А. и Е. А. Ляпкіе, Б. Л. Модзалевскій, В. Н. Ольнемъ, М. А. Островская, П. К. Пиксановъ, З. С. Свербеева, А. И. Смагинъ, М. К. и Т. О. Соколовскіе, Е. П. Тарасовъ, М. Л. и А. А. Чебышевы, кн. Д. П. Шаховской, проф. Ѳ. Ѳ. Шиманъ и В. Е. Якушкинъ.

Всѣмъ этимъ лицамъ приношу глубочайшую признательность.

Изъ скончавшихся помяну съ величайшею благодарностью Н. П. Павлова-Сильванскаго, потеря котораго особенно чувствительна для всѣхъ интересующихся исторіею декабристовъ, такъ какъ онъ началъ прекрасно работать въ этой области, и В. П. Ламбина.

Несомнѣнно много матеріаловъ о декабристахъ еще хранится у ихъ потомковъ и родственниковъ. Я былъ бы безконечно признателенъ тѣмъ изъ нихъ, которые нашли бы возможнымъ одолжить мнѣ на время принадлежащіе имъ документы для снятія копій и извлеченій. Это дало бы мнѣ возможность дополнить мой трудъ при новомъ изданіи.

Введеніе.

I.

Самодержавная власть при Петрѣ В. настолько окрѣпла, что онъ не считалъ нужнымъ обращаться къ содѣйствію земскаго собора, какъ это дѣлали первые Романовы; но среди болѣе развитыхъ людей даже изъ низшихъ классовъ проявлялось иногда сознаніе необходимости участія представителей народа въ законодательствѣ. Такъ Посошковъ, который въ началѣ XVIII вѣка совѣтовалъ Петру Великому назначить для осуществленія преобразованій человѣка, облеченнаго неограниченными полномочіями, въ концѣ царствованія того же государя высказывалъ глубокое убѣжденіе, что безъ содѣйствія общенароднаго совѣта верховная власть не можетъ составить хорошаго новаго уложенія. На высшіе классы общества, вслѣдствіе сближенія съ просвѣщеннымъ западомъ, начинаютъ вліять и западно-европейская политическая литература, и западные примѣры. Даже «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича, гдѣ такъ категорически формулировалось понятіе о самодержавной власти, въ то же время вносила въ русское общество новые для него взгляды и будила политическую мысль. Въ ней читатель могъ встрѣтить разъясненіе того, что такое демократія, аристократія, монархія; ему сообщалось, что монархія бываетъ избирательная и наслѣдственная, разбирались доводы за и противъ того и другого вида монархій; наконецъ, онъ знакомился съ ученіемъ, заимствованнымъ авторомъ у «наряднѣйшихъ законоучителей» Гуго Гроція, Гоббса и Пуфендорфа, о томъ, что государство основывается на первоначальномъ договорѣ. Разбирая доводы защитниковъ избирательной монархіи, авторъ упоминаетъ о томъ, что, по ихъ мнѣнію, въ наслѣдственной монархіи сынъ государя, увѣренный въ полученіи престола, менѣе заботится о своемъ умственномъ и нравственномъ усовершенствованіи; напротивъ, избранный монархъ, благодарный избравшему его народу, правитъ съ большою кротостью и вообще избирается наиболѣе того до-

стойный. Хотя авторъ и опровергаетъ эти доводы, но все же распространеніе указанныхъ идей въ государствѣ съ неограниченно-монархическимъ образомъ правленія должно было способствовать развитію политическаго либерализма. Самая неограниченность власти самодержавнаго монарха обусловливалась въ «Правдѣ воли монаршей» тѣмъ, чтобы повелѣнія государя не были вредны народу. Это естественно вызывало въ читателяхъ мысль о томъ, соотвѣтствуютъ ли мѣры правительства интересамъ общества. Широкое распространеніе этого трактата, разосланнаго при Екатеринѣ I въ количествѣ около 20,000 экземпляровъ, должно было возбуждать интересъ къ вопросу о политическихъ реформахъ.

Развитію политическихъ идеаловъ русскаго общества содѣйствовало и непосредственное знакомство наиболѣе развитыхъ его членовъ съ произведеніями знаменитыхъ иностранныхъ ученыхъ, переводы которыхъ начали появляться въ печати (какъ, напр., сочиненія Гуго Гроція и Пуфендорфа), а также распространялись въ рукописяхъ. Кромѣ того пребываніе русскихъ за границею давало имъ возможность знакомиться съ различными формами государственнаго устройства. Такъ кн. Б. И. Куракинъ, будучи въ 1706 г. въ Голландіи, собралъ свѣдѣнія объ англійскомъ государственномъ устройствѣ, о двухъ палатахъ парламента или о двухъ «парламентахъ», какъ онъ выражается, и записалъ въ своемъ дневникѣ, что нижній парламентъ сильнѣе верхняго и что постановленное парламентами должно предложить королю «только ему *во свидѣтельство*, что то сдѣлано и приговорено быть такъ, а не для того, чтобъ королю передѣлать приговоръ парламентовъ, и не можетъ того сдѣлать» [1]). Нѣсколько позднѣе узнали русскіе люди, что Ульрика Элеонора, провозгласившая себя шведскою королевою въ 1718 г., въ слѣдующемъ году была избрана сеймомъ и утверждена королевой, при чемъ отказалась отъ самодержавія, а когда въ 1720 г., по ея желанію, королемъ былъ провозглашенъ ея мужъ, то для достиженія этого пришлось сдѣлать новыя уступки: король былъ поставленъ въ совершенную зависимость отъ совѣта, который въ свою очередь былъ только исполнителемъ воли сословнаго сейма, гдѣ преобладало вліяніе мелкаго дворянства.

Послѣ смерти Петра В. немедленно обнаружилось въ высшихъ правительственныхъ сферахъ вліяніе шведскаго и англійскаго государственнаго устройства. Кн. Дм. Мих. Голицынъ и другіе приверженцы вел. кн. Петра Алексѣевича предлагали возвести на престолъ этого ребенка, а за малолѣтствомъ его поручить правленіе имп. Екатеринѣ *вмѣстѣ съ сенатомъ*. Хотя этотъ планъ и не былъ осуществленъ, но желаніе, зародившееся въ извѣстной части нашей знати, ограничить са-

---

[1]) Однако въ 1707 г. королева Анна воспользовалась въ послѣдній разъ правомъ отказать въ своемъ согласіи на постановленіе, принятое обѣими палатами парламента.

модержавную власть, было подмѣчено наблюдательнымъ иностранцемъ, французскимъ посломъ Кампредономъ. Въ февралѣ 1726 г. былъ учрежденъ верховный тайный совѣтъ, который имѣлъ право посылать указы даже въ сенатъ, и Кампредонъ спѣшитъ отмѣтить этотъ фактъ, какъ «первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія». Любопытно, что кабинетъ-секретарь Макаровъ, извѣщая Москву о восшествіи на престолъ Петра II, выразился такъ: по «тестаменту ея величества учинено *избраніе* на престолъ россійскій новымъ императоромъ наслѣдственному государю, вел. кн. Петру Алексѣевичу».

Аристократическія притязанія, навѣянныя отчасти воспоминаніями о роли боярства въ до-петровской Руси, и еще болѣе западно-европейскими примѣрами, встрѣтили особенно благопріятныя условія по смерти Петра II, и верховный тайный совѣтъ поставилъ Аннѣ Іоанновнѣ извѣстныя условія, которыя были заимствованы изъ шведскихъ государственныхъ актовъ: «формы правленія» королевы Ульрики-Элеоноры 1719 г. и «королевской присяги» Фридриха I слѣдующаго года, но верховный совѣтъ выбралъ изъ шведскихъ установленій лишь то, что опредѣляло участіе совѣта въ верховной власти, участіе же государственныхъ сословій (которое проявлялось въ Швеціи при посредствѣ риксдага) было въ условіяхъ, предложенныхъ Аннѣ Іановнѣ, совершенно устранено. Въ русскомъ шляхетствѣ также стали уже распространяться либеральныя идеи и слышались разсужденія о томъ, что не безопасно предоставить великую власть надъ всѣмъ народомъ одному человѣку; если даже онъ будетъ мудръ, кротокъ и справедливъ, онъ не можетъ быть непогрѣшимымъ, и силъ его одного не можетъ хватить на все; если же онъ дастъ волю своимъ страстямъ, то произойдутъ всевозможныя насилія и гибель невинныхъ [1]). Но ограниченію самодержавія въ пользу одного верховнаго тайнаго совѣта шляхетство вовсе не сочувствовало. Правда, наиболѣе образованный изъ верховниковъ, кн. Д. М. Голицынъ, знакомый съ трудами Макіавелли, Гуго Гроція, Локка, Пуфендорфа, Томазія и др., предполагалъ, по извѣстію, сообщаемому французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Маньяномъ, кромѣ верховнаго совѣта и сената, образовать еще двѣ палаты: 1) представителей дворянства—изъ 200 человѣкъ и 2) городскихъ депутатовъ, по два отъ каждаго города. Другой членъ совѣта, Вас. Лук. Долгорукой, соглашался на увеличеніе числа членовъ совѣта и предполагалъ выборъ ихъ произвести по соглашенію съ сена-

[1]) Указывали въ подтвержденіе своихъ взглядовъ и на факты новѣйшей русской исторіи: 1) временщикъ при неограниченномъ государѣ, особенно если онъ низкаго происхожденія или иноземецъ, ненавидитъ и преслѣдуетъ знатныхъ и заслуженныхъ людей, а себѣ ненасытно собираетъ имѣнія (намекъ на Меншикова); 2) существованіе тайной канцеляріи, которая составляетъ стыдъ предъ другими народами и при которой за одно неосторожно сказанное слово пытаютъ, казнятъ и лишаютъ невинныхъ дѣтей имѣнія.

томъ и генералитетомъ, а также на то, чтобы общественныя нужды разсматривались выборными отъ дворянства. Но такихъ уступокъ верховный совѣтъ сдѣлать не успѣлъ.

Одни изъ противниковъ верховниковъ стояли за ограниченіе верховной власти, но при участіи выборныхъ отъ генералитета и шляхетства, другіе—за сохраненіе самодержавія. Въ противовѣсъ притязаніямъ совѣта, составлено было 12 проектовъ и мнѣній шляхетства, подъ которыми подписались болѣе тысячи чел.; одни изъ этихъ проектовъ совершенно упраздняли верховный тайный совѣтъ, другіе допускали его существованіе, но требовали увеличенія числа его членовъ, однако во всѣхъ политическія права предоставлялись только дворянству.

Составитель одного изъ этихъ проектовъ, извѣстный историкъ Татищевъ, говоритъ, что «по закону естественному» избраніе государя должно было быть произведено не четырьмя или пятью человѣками, а съ согласія всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ лично, «другихъ чрезъ повѣренныхъ, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ утвержденъ». Когда государя нѣтъ, то перемѣнить законъ или порядокъ можетъ только «общенародное соизволеніе», но въ примѣненіи къ Россіи Татищевъ подъ «народомъ» разумѣлъ только дворянство [1].

Имп. Екатерина II, рѣшивъ собрать депутатовъ отъ народа въ коммиссію для составленія новаго уложенія, въ Наказѣ, для нея написанномъ, указала на необходимость самодержавія въ Россіи [2]. Дѣлая въ этомъ трудѣ громадныя заимствованія изъ сочиненія Монтескьё «О духѣ законовъ», она не согласилась однако съ его мыслью о томъ, что привилегіи аристократіи, дворянства, духовенства и городовъ должны составлять противовѣсъ власти государя и что только при соблюденіи этого условія монархія не превращается въ народное правленіе (демократію) или въ деспотію. Напротивъ, имп. Екатерина полагала, что отличительнымъ признакомъ монархіи отъ деспотіи является существованіе основныхъ законовъ, за соблюденіемъ которыхъ должны наблюдать сенатъ и другія бюрократическія учрежденія, которыя могутъ дѣлать представленія о противозаконности и вредѣ новаго указа и даже отказываться заносить ихъ въ число принятыхъ, но нужно замѣтить,

---

[1]) Подробности о событіяхъ 1730 г. см. въ книгѣ проф. *Корсакова*: „Воцареніе имп. Анны Іоанновны". Каз., 1880 г. и въ очеркѣ *П. Н. Милюкова*. „Верховники и шляхетство" (въ его книгѣ „Очерки русской интеллигенціи"); изданъ также отдѣльно книгоиздательствомъ „Донская Рѣчь".

[2]) Та же мысль еще ранѣе, въ 1764 г. была выражена ею въ секретномъ наставленіи кн. Вяземскому при назначеніи его генералъ-прокуроромъ. Въ рукописныхъ наброскахъ она также высказывалась за необходимость самодержавнаго и даже „деспотическаго" правленія въ такой обширной странѣ, какъ Россія. „Сочиненія имп. Екатерины II", изд. Академіи Наукъ. Спб. 1907 г., т. XII, 632, 674, ср. 670.

что такъ какъ члены этихъ учрежденій вполнѣ зависѣли отъ власти государя, то ихъ представленіе могло быть оставлено безъ вниманія, какъ это и случилось однажды съ протестомъ сената, въ началѣ царствованія имп. Александра I.

Депутаты въ Екатерининскую законодательную коммиссію выбирались дворянствомъ (по одному отъ каждаго уѣзда), по одному депутату отъ жителей каждаго города, по одному депутату отъ государственныхъ крестьянъ, однодворцевъ, инородцевъ крещенныхъ и некрещенныхъ отъ каждой провинціи (состоящей изъ нѣсколькихъ уѣздовъ), и наконецъ отъ казацкихъ войскъ. Не посылали депутатовъ духовенство (кромѣ одного депутата отъ синода), крестьяне крѣпостные, дворцоваго вѣдомства и, такъ называемые, экономическіе (т. е. отобранные въ 1764 г. отъ синода, архіерейскихъ домовъ, монастырей и церквей). Выборы отъ дворянъ были прямые и тайные и производились баллотированіемъ шарами, при чемъ участвовать въ нихъ могъ каждый, владѣющій имѣніемъ въ уѣздѣ, а женщины-помѣщицы могли подавать свой голосъ письменно Большимъ городамъ разрѣшалось устраивать двухстепенные выборы, избирая «повѣренныхъ» (выборщиковъ) отъ каждой части города для выбора депутата. Участвовать въ городскихъ выборахъ могъ всякій, имѣющій собственный домъ, кромѣ женщинъ. Выборы отъ крестьянъ были трехстепенные: каждый, владѣющій въ волости домомъ и землею, могъ участвовать въ выборѣ повѣреннаго; волостные повѣренные, собравшись въ уѣздномъ городѣ, выбирали уѣзднаго повѣреннаго, а уѣздные въ провинціальномъ городѣ—депутата отъ провинціи. Въ депутаты отъ дворянъ могли быть выбраны лица, владѣющія въ уѣздѣ деревнею; представители дворянъ и городовъ должны были имѣть не менѣе 25 лѣтъ. Повѣренными и депутатами отъ крестьянъ могли быть лишь женатые, имѣющіе дѣтей и въ возрастѣ не моложе 30 лѣтъ.

Всѣхъ депутатовъ въ коммиссіи было 564, въ томъ числѣ: отъ правительственныхъ учрежденій 28 (5%), отъ дворянъ 161 (менѣе 30%), представителей отъ городовъ 208 (менѣе 37%, почти все купцы), отъ государственныхъ крестьянъ со включеніемъ новокрещенныхъ иновѣрцевъ 79 (14%), казаковъ 54 (9%), отъ «иновѣрцевъ», т. е. инородцевъ,—34 (6%) [1]).

Выборъ депутатовъ въ Малороссіи и составленіе наказовъ подали поводъ для проявленія стремленій къ мѣстной автономіи—возстановленію гетманскаго достоинства, которое было уничтожено въ 1764 г., но малороссійскій генералъ-губернаторъ Румянцовъ вмѣшивался въ выборы и составленіе наказовъ, приказалъ уничтожить нѣкоторые наказы, не со-

---

[1]) *Латкинъ.* „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи" т. I, Спб., 1887 г., стр. 250.

отвѣтствующіе намѣреніямъ правительства, и замѣнить ихъ новыми и, наконецъ, по его представленію, были отданы подъ судъ тѣ выборщики, которые не оказывали ему повиновенія.

Когда коммиссія собралась, она, по свидѣтельству сочувствовавшаго ея созыву новгородскаго губернатора Сиверса, вызвала ревнивое отношеніе къ себѣ и интриги чиновниковъ, которые говорили, что «эти господа», т. е. депутаты, «пожалуй, захотятъ послать насъ въ школу». Ширлей, управлявшій тогда англійскимъ посольствомъ, утверждаетъ, что, какъ только депутаты «затронутъ вопросъ, непріятный для императрицы или несогласный съ ея видами, Вяземскій... проситъ ихъ не касаться этой струны» [1]). Стремленіе депутатовъ малороссійскихъ, эстляндскихъ, лифляндскихъ и др. къ сохраненію ихъ мѣстныхъ особенностей вызвало (9 сент. 1768 г.) слѣдующее заявленіе предсѣдателя коммиссіи Бибикова: коммиссія не должна ни въ чемъ иномъ упражняться, «кромѣ того, для чего она учреждена» и «не можетъ входить ни въ какое разбирательство, касающееся до правленія», а между тѣмъ депутаты отъ малороссійскаго и смоленскаго шляхетства и отъ эстляндскаго, лифляндскаго и финляндскаго дворянства заявили въ коммиссіи желаніе сохранить ихъ особыя привилегіи; это должно зависѣть только отъ власти государыни, почему всѣ такія «предохраненія» и требованія дворянства не только не могутъ быть внесены въ проектъ будущаго законодательства о правахъ благородныхъ, но даже не могутъ быть приняты въ коммиссію, и ему, Бибикову, ничего не остается, какъ возвратить ихъ депутатамъ. Мы не разсматриваемъ здѣсь вопроса о томъ, насколько желанія этихъ дворянскихъ депутатовъ соотвѣтствовали интересамъ народа, но указываемъ лишь на то, что дѣятельности коммиссіи были поставлены извѣстныя границы: она не могла разсматривать то, что касалось «до правленія». Понятно, что англичанинъ Ширлей нашелъ права депутатовъ въ коммиссіи, которой былъ предоставленъ лишь совѣщательный голосъ, очень ничтожными: по его словамъ, «этимъ людямъ даны лишь такія привилегіи, которыми не захотѣлъ бы воспользоваться ни одинъ гражданинъ благоустроеннаго государства».

Просуществовавъ полтора года (съ 31 Іюля 1767 г. по 12 Января 1769 г.), коммиссія была распущена въ виду войны съ турками и болѣе собираема не была, хотя она и не выполнила поставленной ей задачи [2]).

---

[1]) Быть можетъ по этой же причинѣ кн. М. М. Щербатовъ не внесъ въ коммиссію одного своего проекта, въ которомъ онъ между прочимъ предлагалъ допустить къ участію въ засѣданіяхъ сената депутатовъ отъ дворянства. *Д. П. Шаховской.* „Русскій депутатъ XVIII вѣка". „Минувшіе Годы" 1908 г. № 11, стр. 272—273.

[2]) Извѣстный историкъ, кн. М. М. Щербатовъ, въ своемъ сочиненіи: „Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостью изглаголанныхъ

Въ 1767 г., въ томъ самомъ году, когда была собрана законодательная коммиссія, возвратился въ Россію, послѣ ученія въ шотландскомъ университетѣ въ Глазго, талантливый молодой ученый Сем. Ефим. Десницкій, слушавшій тамъ лекціи Адама Смита о нравственной философіи. Десницкій скоро сдѣлался профессоромъ московскаго университета по юридическому факультету. Онъ былъ слишкомъ живой человѣкъ, чтобы ограничиться преподаваніемъ римскаго права (хотя бы и «съ примѣненіемъ его къ русскому»), и потому почувствовалъ потребность отозваться на обращеніе правительства къ содѣйствію народа въ дѣлѣ законодательства. Въ концѣ февраля 1768 г. онъ закончилъ составленіе проекта государственныхъ преобразованій и представилъ его императрицѣ.

Десницкій полагалъ, что законодательной власти въ Россіи «въ полномъ значеніи» никто, кромѣ государя, имѣть не можетъ, но такъ какъ и теперь сенатъ участвуетъ въ законодательствѣ, то онъ предлагалъ составить его изъ выборныхъ отъ всей имперіи и указывалъ широкую программу для его дѣятельности [1]).

Десницкій полагалъ, что въ виду обширности Россіи, сенатъ долженъ состоять по крайней мѣрѣ изъ 600—800 чел. Онъ предлагалъ выбирать ихъ изъ землевладѣльцевъ, изъ купцовъ и «художественныхъ» людей (ремесленниковъ) и, наконецъ, «изъ духовныхъ и училищныхъ мѣстъ, такъ, чтобы всякая губернія, провинція и корпусы» (военно-учебныя заведенія) имѣли своего представителя «въ законодательной власти». По мнѣнію Десницкаго, слѣдуетъ предоставить право голоса при избраніи сенаторовъ помѣщикамъ, однодворцамъ и живущимъ въ губерніяхъ и провинціяхъ землевладѣльцамъ, но только тѣмъ, которые платятъ въ казну подушныя подати за свою землю и за крѣпостныхъ 50 руб. [2]). Подобно тому, какъ въ Англіи посылали депутатовъ въ нижнюю палату парламента жители не только графствъ, но и городовъ, Десницкій предлагалъ предоставить право голоса купцамъ и «рукомесленнымъ людямъ», которые платятъ въ казну пошлины до 50 рублей. Изъ

словъ" (1789 г.), въ свое время неизданномъ говоритъ, что „собраніе депутатовъ для сочиненія уложенія... но съ тѣми мыслями было учинено, чтобы вольность тутъ владычествовала и чтобы твердое намѣреніе было до конца сію коммиссію довести".

[1]) Обязанность сената, по мнѣнію Десницкаго, должна была состоять въ томъ, чтобы, съ согласія монарха, издавать указы, налагать пошлины, продолжать войну и наблюдать, чтобы договоры, заключаемые съ сосѣдними государствами, не были вредны для отечества, окончательно рѣшать всѣ дѣла вносимыя по апелляціи изъ нижнихъ судовъ; наконецъ, сенату можетъ быть предоставлено государемъ право разсматривать отчеты „всѣхъ коллегій, корпусовъ и университетовъ" въ расходованіи казенныхъ денегъ.

[2]) Часть однодворцевъ также владѣла въ то время крѣпостными. Цѣнность рубля 1760-хъ гг. равнялась приблизительно 4-мъ рублямъ нынѣшнимъ.

духовныхъ лицъ онъ считалъ полезнымъ дозволить быть сенаторами всѣмъ архіереямъ, какъ въ Англіи архіепископы и епископы были членами верхней палаты по своему званію. Въ Англіи университеты имѣли право посылать въ палату общинъ по два депутата; подобно этому и Десницкій предлагалъ дозволить университетамъ, корпусамъ и училищамъ наукъ и художествъ выбирать членовъ сената.

Что касается права быть выбираемымъ въ сенатъ, то такъ какъ Десницкій, по образцу англійскаго парламента (гдѣ вышло изъ обыкновенія полученіе депутатами суточныхъ отъ ихъ избирателей), не назначалъ сенаторамъ никакого жалованья, онъ, кромѣ требованія указаннаго выше податного ценза, предлагалъ дозволить выставлять свою кандидатуру лишь тѣмъ, кто въ состояніи «жить при такой должности» на свой счетъ. По его мнѣнію, выбирать сенаторовъ слѣдуетъ на 5 лѣтъ, послѣ чего государь можетъ приказать произвести новые выборы. При этомъ разрѣшается избирать вновь и выбранныхъ прежде, но быть сенаторомъ три трехлѣтія сряду дозволять не слѣдуетъ, для того, чтобы большее количество людей могло имѣть случай оказать услуги отечеству, научиться искусству управлять и знало законы.

Всѣ выбранные должны имѣть въ сенатѣ равный, «свободный голосъ»; дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, но это рѣшеніе представляется государю, и безъ его согласія сенатъ не можетъ издавать никакихъ узаконеній. Ему можно дозволить ежегодно выбирать изъ своей среды президента, который обязанъ представлять дѣла на утвержденіе государя. Преобразованіе сената по предложенному имъ плану Десницкій считалъ полезнымъ, такъ какъ «одинъ пастырь, при такомъ множествѣ стада, не можетъ столь обстоятельно присмотрѣть» за всѣмъ, какъ 600 или 800 человѣкъ въ сенатѣ.

Относительно «судительной» власти въ проектѣ Десницкаго отмѣтимъ, что онъ считалъ необходимымъ введеніе суда присяжныхъ, которыхъ онъ называлъ «свидѣтелями», а также предлагалъ придать судопроизводству нѣкоторую гласность посредствомъ печатанія и изданія «во всенародное извѣстіе» всѣхъ рѣшеній по уголовнымъ и тяжебнымъ дѣламъ. Онъ считалъ необходимымъ введеніе состязательнаго процесса, такъ какъ съ учрежденіемъ адвокатовъ дѣла рѣшаются «съ великою осторожностью и справедливостью» и опытъ многихъ государствъ показалъ, что безъ споровъ въ судѣ нѣтъ средствъ достигнуть справедливости [1]). Наконецъ, онъ предлагалъ установить несмѣняемость судей, но съ тѣмъ,

[1]) Въ рѣчи, произнесенной въ томъ же 1768 г., Десницкій говоритъ: „Дозволь ходатайствующимъ съ обѣихъ сторонъ имѣть свободный и публичный голосъ предъ судомъ за судимыхъ, дабы ничто втайнѣ, но откровенно и постороннимъ извѣстно судимо было и исходило бы въ свѣтъ для наученія народнаго“.

что за противозаконное рѣшеніе онъ можетъ быть, по апелляціи въ сенатъ, подвергнутъ государемъ штрафу или наказанію [1]).

Записка Десницкаго была навѣяна собраніемъ коммиссій для составленія новаго уложенія; ею же были вызваны и тѣ мысли о государственномъ преобразованіи Россіи, которыя высказалъ знаменитый французскій писатель Дидро во время своего пріѣзда въ Петербургъ и бесѣдъ съ имп. Екатериною II въ октябрѣ и ноябрѣ 1773 г.

Подобно тому, какъ Десницкій предлагалъ Екатеринѣ составить сенатъ изъ выборныхъ членовъ, Дидро совѣтовалъ ей обратить коммиссію для составленія новаго уложенія въ постоянное учрежденіе, чтобы положить преграду деспотизму, отнять у своихъ преемниковъ право уничтожить эту коммиссію и предоставить провинціямъ право оставлять въ ней своихъ представителей или отзывать ихъ [2]). Чтобы легче достигнуть осуществленія своей мысли, Дидро готовъ согласиться на установленіе весьма тѣсныхъ рамокъ для дѣятельности проектируемаго имъ представительнаго учрежденія. «Оно не должно будетъ вмѣшиваться ни въ военныя дѣла, ни во внѣшнюю политику, ни въ дѣла финансовыя. Его задача будетъ состоять исключительно въ томъ, чтобы охранять существующіе законы и обсуждать то, какіе законы нужно издать, какіе отмѣнить, какія учрежденія ввести». Нужно опредѣлить время и продолжительность засѣданія этого собранія съ тѣмъ, чтобы власть не могла ее сокращать. Если бы даже случилось, что это собраніе очень усилилось, то оно «почти ни въ какомъ случаѣ не могло бы повредить имперіи; не тѣ государства несчастны, въ которыхъ власть народа возрастаетъ, а, напротивъ, тѣ, гдѣ власть государя дѣлается неограниченною». Дидро предлагалъ также Екатеринѣ, чтобы собраніе представителей установило порядокъ престолонаслѣдія и въ случаѣ прекращенія династіи могло бы распорядиться престоломъ.

Пребываніе Дидро въ Петербургѣ продолжалось до 5 марта 1774 г.

---

[1]) „Записки Имп. Акад. Наукъ по истор.-филол. отдѣл." т. VII, № 4.

[2]) „Всякое самовластное правительство", говоритъ Дидро, „дурно, не исключая и самовластнаго правительства государя добраго, сильнаго, справедливаго и просвѣщеннаго, такъ какъ онъ пріучаетъ почитать и любить государя, каковъ бы онъ ни былъ. Онъ отнимаетъ у народа право обсуждать, хотѣть или не хотѣть, сопротивляться, сопротивляться даже благу. Право сопротивленія кажется мнѣ", продолжаетъ Дидро, „правомъ прирожденнымъ, неотчуждаемымъ и священнымъ. Деспотъ, если бы онъ даже былъ наилучшимъ изъ людей, управляя по своему усмотрѣнію, совершаетъ преступленіе. Это—добрый пастырь, который доводитъ своихъ подданныхъ до состоянія животныхъ; заставляя ихъ забыть чувство свободы, чувство, которое столь трудно возстановить, когда оно потеряно, онъ даетъ имъ десятокъ лѣтъ счастья, за которыя они поплатятся двадцатью столѣтіями бѣдствія. Однимъ изъ самыхъ большихъ несчастій для свободной націи были бы два или три царствованія, одно за другимъ, справедливыхъ и просвѣщенныхъ деспотовъ... Несчастливъ народъ, у котораго не остается и тѣни надежды, хотя бы и мало обоснованной, на свободу.

Изъ Россіи онъ проѣхалъ въ Гаагу, чтобы прожить нѣсколько мѣсяцевъ у своего пріятеля, тамошняго русскаго посланника, кн. Дм. Алексѣев. Голицына. Въ одномъ изъ писемъ оттуда императрицѣ Дидро упоминаетъ, что перечиталъ ея Наказъ «съ перомъ въ рукѣ». Екатерина не обратила вниманія на эти слова и, только получивъ въ 1785 г. библіотеку Дидро, которую пріобрѣла еще при жизни философа (Дидро умеръ въ 1784 г.), она нашла въ ней его «Замѣчанія на Наказъ коммиссіи для сочиненія новаго уложенія», написанныя въ болѣе рѣшительномъ тонѣ, чѣмъ его замѣтки, оставленныя императрицѣ въ Петербургѣ.

«Нѣтъ истиннаго монарха, не можетъ быть истиннаго законодателя, кромѣ народа», писалъ Дидро... «Народъ будетъ любить, почитать законы, повиноваться имъ и защищать ихъ» лишь въ томъ случаѣ, если самъ будетъ ихъ составителемъ. «Первая строка хорошо составленнаго кодекса должна связать монарха» постановленіемъ, что присягу долженъ приносить не только народъ, но и государь, и что если государь нарушитъ ее, то народъ освобождается отъ клятвы вѣрности и можетъ не только низложить государя, но даже осудить его на смерть. «Второй законъ состоитъ въ томъ, что представители народа должны собираться въ каждый пятый годъ, чтобы обсуждать, соблюдалъ ли государь законъ согласно своей присягѣ, постановить наказаніе, которое онъ заслужилъ, если нарушилъ ее, рѣшить, оставить ли государя въ прежнемъ званіи, или низложить его и вновь принести присягу законамъ... [1]).

«Русская императрица», продолжаетъ Дидро, «конечно государыня деспотическая. Намѣрена ли она сохранить деспотизмъ, передать его наслѣдникамъ или отречься отъ него? Если она его сохраняетъ, пусть составляетъ свое уложеніе, какъ хочетъ: она не нуждается въ согласіи націи. Если она отрекается отъ него, пусть это отреченіе будетъ оформлено. Если это отреченіе искренно, пусть она позаботится вмѣстѣ со всѣмъ народомъ о принятіи самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, чтобы помѣшать возрожденію деспотизма, и чтобы въ первой главѣ уложенія было сказано о неминуемой гибели того, кто впослѣдствіи будетъ стремиться къ самовластію, отъ котораго она отказывается. Вотъ первый шагъ при составленіи Наказа, предложеннаго народу государынею искреннею»...

Въ концѣ записки Дидро говоритъ: «Почему Россія хуже управляется, чѣмъ Франція? Потому, что личная свобода сведена въ ней къ нулю, а власть государя еще слишкомъ велика, естественная свобода

[1]) Предложеніе это, вѣроятно, навѣяно соч. Руссо „Объ общественномъ договорѣ“ (кн. III, гл. 18); см. переводъ Л. Пеманова, подъ ред. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1907 г., стр. 176.

еще слишкомъ ограничена». Екатерина, по словамъ Дидро, вывела изъ его замѣчаній заключеніе, что, по его мнѣнію, ей «слѣдовало бы имѣть парламентъ по образцу Англіи».

Понятно, что это произведеніе Дидро весьма не понравилось Екатеринѣ, и она такъ отзывается о немъ въ письмѣ къ Гримму: «Эта статья просто болтовня, въ которой не видно ни знанія дѣла, ни благоразумія, ни предусмотрительности; если бы мой Наказъ былъ составленъ во вкусѣ Дидро, онъ могъ бы опрокинуть все вверхъ дномъ». Съ этихъ поръ императрица стала рѣже упоминать имя Дидро въ своей перепискѣ.

Высказано было предположеніе, что, подъ вліяніемъ совѣта Дидро, императрица хотѣла сдѣлать коммиссію для составленія новаго уложенія постояннымъ учрежденіемъ при сенатѣ [1]). Предположеніе это основывается на слѣдующемъ мѣстѣ письма Екатерины II къ московскому главнокомандующему (генералъ-губернатору) кн. Волконскому во время составленія проекта губернскихъ учрежденій, обнародованныхъ въ 1775 г.: «Сенатъ останется. При немъ будетъ палата, дабы сенатъ имѣлъ гдѣ отослать тѣхъ людей и дѣла, кои разбора требуютъ. Въ палату обратить я намѣрена коммиссію уложенія, а ея частныя коммиссіи по матеріямъ служить будутъ для разбора ненужныхъ». Общее собраніе всѣхъ депутатовъ было распущено еще въ 1769 г., но послѣ того существовало 5 лѣтъ общее собраніе частныхъ коммиссій, выбранныхъ большою законодательною коммиссіею [2]). Нужно замѣтить, что Дидро готовъ былъ допустить «уменьшеніе числа представителей». Вѣроятно въ отвѣтъ на замѣчаніе императрицы, что депутаты не могли дождаться распущенія коммиссіи, Дидро предлагалъ, при обращеніи ея въ постоянное учрежденіе, устроить такъ, чтобы всѣ представители, входящіе въ ея составъ, были бы изъ числа столичныхъ жителей и служащихъ въ разныхъ коммиссіяхъ, съ тѣмъ, чтобы они являлись представителями провинцій, голоса которыхъ были бы равномѣрно распредѣлены между ними. Но только Дидро совѣтовалъ, чтобы каждой провинціи было предоставлено право лишать голоса своего представителя, обязывать его спрашивать мнѣніе провинціи, предоставить ей право присылать въ столицу выбраннаго на мѣстѣ депутата, въ присутствіи котораго служащій въ столицѣ представитель ея лишается своего голоса, наконецъ, предоставить всѣмъ провинціямъ право одновременно присылать своихъ депутатовъ [3]). Имп. Екатерина отложила осуществленіе

---

[1]) *П. Н. Милюковъ.* „Очерки по ист. рус. культуры", ч. III, вып. 2, 1903 г., стр. 150.

[2]) Послѣ того, какъ большое собраніе коммиссіи было распущено, при малыхъ коммиссіяхъ оставалась еще канцелярія въ 153 чел.

[3]) *Maurice Tourneux.* Diderot et Catherine II. P. 1899.

своего предположенія объ устройствѣ «палаты» при сенатѣ, и даже члены частныхъ коммиссій были распущены 4 декабря 1774 года [1]).

О государственныхъ преобразованіяхъ, соединенныхъ съ введеніемъ дворянскаго представительства, мечталъ Н. И. Панинъ. Занимая 12 лѣтъ мѣсто посланника въ Швеціи (1748 — 1760 г.), при чемъ его главная задача состояла въ томъ, чтобы препятствовать шведамъ возстановить самодержавіе, онъ былъ хорошо знакомъ съ ихъ государственнымъ устройствомъ. Въ царствованіе Петра III, въ бесѣдахъ съ своею племянницею, кн. Ек. Ром. Дашковою, онъ высказывалъ мысль, что его воспитанникъ, великій князь Павелъ Петровичъ, будетъ царствовать согласно законамъ и формамъ шведской монархіи [2]). Въ 1762 г. Панинъ представилъ Екатеринѣ проектъ учрежденія императорскаго совѣта, посредствомъ котораго видимо стремился ограничить произволъ верховной власти въ Россіи и вліяніе фаворитовъ, или, какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, «случайныхъ» людей. Императрица уже подписала докладъ Панина, но, ознакомившись съ мнѣніями нѣкоторыхъ сановниковъ, что осуществленіе проекта можетъ повести къ умаленію самодержавной власти, она надорвала свою подпись на докладѣ Панина, и проектъ остался неосуществленнымъ [3]).

Подобныхъ же взглядовъ Панинъ держался и позднѣе, въ началѣ 1780-хъ гг. Декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ такъ излагаетъ основныя черты проекта государственнаго преобразованія, который былъ составленъ его дядею, знаменитымъ писателемъ Д. И. Фонъ-Визинымъ, подъ руко-

[1]) Послѣ этого подъ управленіемъ генералъ-прокурора продолжала существовать до смерти государыни лишь канцелярія коммиссіи, но мало по малу она пришла въ совершенное бездѣйствіе. Кречетовъ (см. ниже), указывая въ 1793 г. на бездѣлье служащихъ въ этой канцеляріи, называлъ ее „коммиссіею уложенія“. Есть указаніе Сиверса, что осенью 1775 г. Екатерина составила проектъ преобразованія сената. 4 авг. 1776 г. Екатерина писала Гримму, что уже два года не разлучается съ комментаріями Блэкстона, но „разматываетъ его пряжу по своему“. Въ недавно найденномъ трудѣ Екатерины II: „Выписки изъ 6 томовъ Блакстона, толкователя Англицкихъ законовъ“, и находится проектъ преобразованія сената и учрежденія при немъ главной расправной палаты изъ депутатовъ отъ всѣхъ губерній (см. ниже).

[2]) Въ первомъ разговорѣ съ нею о государственномъ переворотѣ онъ высказалъ желаніе, чтобы государемъ былъ провозглашенъ Павелъ Петровичъ, а императрица была бы только регентшею. Въ замѣчаніяхъ на книгу Рюльера кн. Дашкова свидѣтельствуетъ, что также желала для Екатерины лишь званія правительницы государева до совершеннолѣтія ея сына.

[3]) Въ секретномъ наставленіи кн. Вяземскому въ 1764 г., при назначеніи его на должность генералъ-прокурора, императрица, характеризуя партіи въ сенатѣ, говоритъ: „въ другой (партіи) думали, что виды далѣе простираются, но не ясно, всегда ли оные полезны. Иной думаетъ“ (по всей вѣроятности намекъ на Н. И. Панина) „для того, что онъ долго былъ въ той или другой землѣ, то *вездѣ по политикѣ той его любимой земли все учреждать должно*, а все другое безъ изъятія заслуживаетъ его критики, несмотря на то, что вездѣ внутреннія распоряженія на нравахъ націи основываются“.

водствомъ гр. Н. И. Панина. Въ немъ предполагалось установить: «политическую свободу *сначала* для одного дворянства», учредивъ верховный сенатъ, часть несмѣняемыхъ членовъ котораго назначалась бы отъ короны, а большинство состояло бы изъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ изъ своего сословія. Синодъ долженъ былъ входить въ составъ общаго собранія сената. Дворянскимъ собраніямъ губернскимъ, областнымъ и уѣзднымъ предполагалось дать право совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ и мѣстныхъ нуждахъ, представлять о нихъ сенату и предлагать ему новые законы. Выборъ, какъ сенаторовъ, такъ и всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ, долженъ былъ производиться въ этихъ же собраніяхъ. Сенатъ былъ бы облеченъ законодательною властью, но императору предоставлялось право утверждать принятые сенатомъ законы и обнародовать ихъ; государю принадлежала власть исполнительная. Предположеніе относительно предоставленія на первое время политическихъ правъ одному дворянству могло быть внушено Панину наблюденіемъ того властнаго положенія, какое оно занимало въ шведскомъ сеймѣ, и большею образованностью дворянства сравнительно съ другими сословіями въ Россіи. Какъ видно изъ свидѣтельства М. А. Фонъ-Визина, Панинъ предполагалъ со временемъ предоставить политическія права и другимъ сословіямъ.

Сохранилось «разсужденіе», составленное Д. И. Фонъ-Визинымъ и служившее какъ бы введеніемъ къ проекту основныхъ законовъ, въ которомъ авторъ доказываетъ опасность неограниченной верховной власти и необходимость установленія «непремѣнныхъ государственныхъ законовъ», безъ которыхъ «непрочно ни состояніе государства, ни состояніе государя». Признавая договорное начало происхожденія государства, авторъ находитъ, что подданные имѣютъ право низвергнуть власть, дурно исполняющую свое назначеніе [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что осуществленіе проекта Панина, отдающаго законодательную власть въ сущности въ руки дворянства (такъ какъ оно должно было выбирать большинство членовъ верховнаго сената) могло бы весьма вредно отразиться на положеніи народа. Такъ, напр., тогда могли бы исполнить совѣты нѣкоторыхъ лицъ относительно передачи въ руки дворянъ отобранныхъ отъ духовенства крестьянъ, судьба которыхъ послѣ секуляризаціи имѣній духовенства при Екатеринѣ II, благодаря предоставленію имъ значительнаго количества земли, была устроена весьма хорошо [2]).

[1]) См. мою статью о М. А. Фонъ-Визинѣ въ сборникѣ „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", т. I. Декабристы, СПБ., 1905 г., изд. Пирожкова, стр. 6—13.

[2]) Къ числу лицъ, желавшихъ въ царствованіе Екатерины II ограниченія самодержавія въ Россіи, принадлежала и кн. Е. Р. Дашкова; подъ этимъ условіемъ она готова была даже согласиться на ограниченіе крѣпостного права, между тѣмъ какъ вообще высказывала крѣпостническіе взгляды.

Изъ біографическаго очерка Н. И. Панина (составленнаго Д. И. Фонъ-Визинымъ) видно, что онъ стоялъ за гласность въ государственныхъ финансовыхъ дѣлахъ и былъ противъ какихъ либо исключительныхъ судовъ, учреждаемыхъ съ отступленіемъ отъ общаго порядка.

Д. И. фонъ-Визинъ въ одной статьѣ, назначенной къ помѣщенію въ журналѣ, который онъ предполагалъ издавать въ 1788 г., по возвращеніи изъ своей второй заграничной поѣздки, выражалъ желаніе, чтобы и у насъ было «народное собраніе», въ которомъ обсуждались бы законы и устанавлялись налоги, и которое судило бы о поведеніи министровъ. Но изданіе журнала не было дозволено Фонъ-Визину.

Кн. М. М. Щербатовъ, историкъ и дѣятельный участникъ въ коммиссіи для составленія новаго уложенія, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, составившій себѣ библіотеку, въ которой было до 15.000 томовъ, при своихъ аристократическихъ воззрѣніяхъ, естественно оказался въ числѣ лицъ, сочувствовавшихъ ограниченію самодержавной власти. Воззрѣнія свои онъ высказалъ въ цѣломъ рядѣ публицистическихъ работъ, которыя въ свое время не были, а частью и не могли быть (по причинамъ цензурнымъ) напечатаны.

Въ вопросѣ о происхожденіи человѣческихъ обществъ Щербатовъ стоитъ на точкѣ зрѣнія естественнаго права и ученія о первоначальномъ договорѣ. Однако онъ не согласенъ съ Гоббсомъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, сочиненіе котораго «Правда воли монаршей» онъ называетъ «памятникомъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому». Онъ думаетъ, напротивъ, что «народы, избирая себѣ начальниковъ, не иной имѣли предметъ, какъ пожертвовать часть вольности своея, дабы другую... сохранить». Онъ ненавидитъ «самовластное правленіе», существующее, по его словамъ, въ Россіи. Онъ утверждаетъ, что «деспотичество» не можетъ быть въ просвѣщенномъ народѣ, если же оно и появится, то «не можетъ быть продолжительно». Если какія либо постороннія обстоятельства и обусловливаютъ болѣе длительное его существованіе, то это только приготовляетъ ему «жесточайшій конецъ», такъ какъ «долгъ и благосостояніе» каждаго влекутъ «его низвергнуть сего кумира, никогда твердыхъ ногъ не имѣющаго». Такимъ образомъ Щербатовъ выражаетъ сочувствіе даже насильственному низверженію деспотической власти.

Изъ существовавшихъ въ Западной Европѣ, въ половинѣ 1780-хъ гг., формъ правленія наибольшимъ сочувствіемъ Щербатова пользовалось англійское государственное устройство. «Нигдѣ толь не цвѣтетъ народная вольность подъ тѣнью монаршическія власти», говоритъ онъ въ своихъ «Размышленіяхъ о законодательствѣ вообще», «какъ въ Англіи; тамъ вышнюю власть, ограниченную законами, имѣетъ король, верхняя камора парламента вельможную власть представляетъ, а нижняя камора,

единая могущая накладывать налоги, представляетъ власть народную, и всѣ сіи три власти, въ безпрестанныхъ преніяхъ между собою по раздѣльнымъ ихъ приватнымъ пользамъ, связаны непреоборимыми узами, равными стопами къ благу общему шествуютъ». Но въ другомъ сочиненіи («Размышленія о дворянствѣ») авторъ указываетъ на существованіе въ Англіи подкуповъ при выборахъ и на крайнее обремененіе народа налогами.

Щербатовъ порицалъ наши законы, такъ какъ они составляются не только не «съ согласія народнаго», но даже не «съ согласія главнаго правительства». Главнымъ же правительствомъ онъ считалъ сенатъ, но сенатъ преобразованный, который, по мнѣнію Щербатова, нужно не только «снабдить довольно основательными государственными правами о его могуществѣ, но также и наполнить такими людьми въ силу же основательныхъ» (т. е. основныхъ) «правъ, чтобъ онъ порученный ему залогъ въ силахъ былъ сохранять».

Свои мнѣнія о томъ, какое желательно государственное устройство, Щербатовъ высказалъ въ сочиненіи «Путешествіе въ землю Офирскую» (написанномъ въ 1783—84 гг.), представляющемъ частью обличеніе, посредствомъ различныхъ намековъ, недостатковъ современной Россіи, частью изображеніе, въ формѣ описанія выдуманной страны, симпатичнаго для автора государственнаго устройства.

Во главѣ государства Офирскаго стоитъ наслѣдственный императоръ, которому принадлежитъ власть исполнительная, но который имѣетъ возможность вліять и на законодательство, хотя сами цари «неудобны» для сочиненія законовъ. Однако наслѣдственность верховной власти не помѣшала тому, что два императора земли Офирской были свергнуты съ престола и окончили свою жизнь въ темницѣ. Для того, чтобы начать наступательную войну, государь долженъ собрать совѣтъ, въ составъ котораго входятъ не только члены хранилища законовъ, но и всѣ находящіеся въ столицѣ люди первыхъ четырехъ степеней.

«Вышнее правительство» земли Офирской занималось и законодательствомъ, и рѣшеніемъ дѣлъ судебныхъ, и высшею администраціею, и раздѣлялось на нѣсколько департаментовъ; кромѣ 6 членовъ «вышняго правительства» и имѣющихъ право присутствовать членовъ государственнаго совѣта, въ каждомъ департаментѣ засѣдали еще по 9 депутатовъ, избранныхъ въ губерніяхъ дворянами (всего было 75 дворянскихъ депутатовъ), а въ департаментѣ, вѣдающемъ «домостроительство», государственные доходы и торговлю, присутствовало еще 15 депутатовъ отъ купечества и, кромѣ того, столько же депутатовъ этого сословія засѣдали въ «государственномъ купеческомъ правленіи». Дозволялось въ депутаты отъ купечества выбирать не только купцовъ, но и мѣщанъ и ученыхъ. Вакансіи въ «вышнемъ правительствѣ» должны были замѣщаться слѣдующимъ обра-

зомъ. Дворянскіе и купеческіе депутаты, собравшись отдѣльно, кладутъ въ запечатанный сосудъ записки съ именами достойнѣйшихъ кандидатовъ и на основаніи этихъ записокъ общее собраніе «вышняго правительства» отмѣчаетъ трехъ кандидатовъ, получившихъ наибольшее число голосовъ; затѣмъ оно, съ своей стороны, выбираетъ трехъ депутатовъ и, наконецъ, выбравъ изъ этихъ 6 троихъ, представляетъ ихъ имена императору, который и назначаетъ изъ нихъ одного въ вышнее правительство.

Проекты новыхъ законовъ составляются коммиссіею, выбранною общимъ собраніемъ вышняго правительства. Проектъ обнародуется, и каждый можетъ высказать о немъ свое мнѣніе. Если проектъ не будетъ принятъ въ общемъ собраніи вышняго правительства, то онъ передѣлывается до трехъ разъ, при чемъ всегда, на сколько возможно, принимаются во вниманіе «народныя мнѣнія». Если и въ четвертый разъ проектъ не будетъ принятъ, то онъ отлагается до избирательныхъ собраній, которыя бываютъ одинъ разъ въ три года, и тогда подвергается баллотировкѣ во всѣхъ губерніяхъ, послѣ чего вышнее правительство утверждаетъ рѣшеніе, принятое большинствомъ; но случаи подобнаго обращенія къ избирательнымъ собраніямъ крайне рѣдки.

Такимъ образомъ, активныя избирательныя права Щербатовъ предоставляетъ только дворянству и купечеству. Отмѣтимъ еще, что онъ высказывается за публичность и гласность судопроизводства.

«Путешествіе въ землю Офирскую» было написано въ 1783—84 гг. [1]). Въ другомъ, болѣе позднемъ, сочиненіи, «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», написанномъ въ 1786—89 гг., Щербатовъ уже не довольствуется тѣмъ государственнымъ строемъ, который онъ изобразилъ въ землѣ Офирской. Описывая событіе 1730 г., нашъ историкъ-публицистъ говоритъ: «Собиравшіеся вельможи предопредѣлили *великое намѣреніе*, ежели бы самолюбіе и честолюбіе оное не помрачило, т. е. учинить основательные» (основные) «законы государству и *власть государеву сенатомъ или парламентомъ ограничить*. Но засѣданіе въ сенатѣ» (т. е. въ верховномъ совѣтѣ) «токмо нѣсколькимъ родамъ предоставили; тако, уменьшая излишнюю власть монарха, предавали ее... вельможамъ, со огорченіемъ множества знатныхъ родовъ и, вмѣсто одного, толпу государей сочиняли». Слѣдовательно, осуждая олигархическія стремленія верховниковъ, Щербатовъ вполнѣ сочувствовалъ дѣйствительному ограниченію власти государя сенатомъ или парламентомъ [2]).

---

[1]) Объ этомъ сочиненіи Щербатова см. *П. Д. Чечулинъ*: „Русскій соціальный романъ XVIII вѣка". Спб. 1900 г., изд. 2-е и ст. *А. А. Кизеветтера*: „Русская утопія XVIII вѣка" въ сборн. „Помощь", изд. 2-е, 1903 г.

[2]) Объ общественныхъ и политическихъ взглядахъ Щербатова вообще см. ст.

Такимъ образомъ Десницкій и Панинъ считали необходимымъ преобразованіе сената въ учрежденіе, составленное частью изъ выборныхъ лицъ, при чемъ Панинъ предлагалъ на первое время допустить въ него депутатовъ только отъ дворянъ, а Десницкій, на основаніи податного ценза, отъ помѣщиковъ, однодворцевъ и вообще землевладѣльцевъ въ провинціяхъ и отъ купцовъ, ремесленниковъ и нѣкоторыхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ городахъ. Кн. Щербатовъ желалъ видѣть въ сенатѣ депутатовъ отъ дворянства и купечества.

Когда Екатерина II работала надъ Наказомъ, она просила достать ей чрезъ англійскаго посла Букингама хорошій французскій переводъ англійской «великой хартіи». Во время составленія учрежденій о губерніяхъ она изучала извѣстную книгу Блэкстона: «Комментаріи на англійскіе законы», вышедшую въ свѣтъ въ 1765 г. Послѣдствіемъ этого изученія является то, что въ главѣ учрежденій для управленія губерніями (1775 г.) о совѣстномъ судѣ есть такое постановленіе: если кто пришлетъ прошеніе въ совѣстный судъ, что онъ содержится въ тюрьмѣ болѣе трехъ дней, и въ это время ему не объявлено, за что онъ содержится, или онъ не былъ допрошенъ, то совѣстный судъ, по полученіи прошенія, долженъ, не выходя изъ присутствія, послать повелѣніе, чтобы этотъ заключенный, если онъ обвиняется не въ оскорбленіи Величества, не въ измѣнѣ, не въ убійствѣ, не воровствѣ или разбоѣ, былъ присланъ и представленъ въ совѣстный судъ [1]) вмѣстѣ съ объясненіемъ причинъ, почему онъ содержится подъ стражею и не допрошенъ. Повелѣнія совѣстнаго суда должны были немедленно исполняться подъ угрозою большого штрафа. Если совѣстный судъ найдетъ, что содержащійся въ тюрьмѣ обвиняется не въ перечисленныхъ выше преступленіяхъ, то, не выходя изъ присутствія, онъ долженъ приказать освободить его на поруки и отослать дѣло его въ судъ той губерніи, которую онъ самъ изберетъ. До рѣшенія дѣла никто не можетъ посадить освобожденнаго въ тюрьму въ другой разъ по тому же дѣлу. Изъ этого видно, что англійскій законъ Habeas corpus (о приводѣ обвиняемаго въ судъ) произвелъ на Екатерину впечатлѣніе, но у насъ изложенное постановленіе осталось мертвою буквою.

Съ конца 1786 г. Екатерина вновь принимается за выписки изъ Блэкстона [2]) для работы о сенатѣ, которой она придавала очень боль-

---

В. А. Никитина: „Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи" въ его книгѣ „Изъ исторіи русскаго общества". 1906 г., изд. 2-е.

[1]) Въ этомъ судѣ, подъ предсѣдательствомъ совѣстнаго судьи намѣстничества, засѣдали по дворянскимъ дѣламъ два члена, выбранные на три года дворянами, по городскимъ дѣламъ два члена, выбранные городами поочереди и по „расправнымъ дѣламъ" два члена, выбранные селеніями.

[2]) О взглядѣ Блэкстона на власть парламента и короля см. въ книгѣ *И. И. Карѣева*: „Происхожденіе современнаго народно-правового государства".

шое значеніе: «тутъ всѣ интересованы», сказала она своему секретарю Храповицкому, «и законъ останется навѣки». При этомъ она говорила объ «утвержденіи самодержавства, о расправной палатѣ» и «генеральномъ судѣ».

Неизданный трудъ Екатерины II «Выписки изъ шести томовъ Блакстона, толкователя Аглицкихъ законовъ», сохранился, и въ немъ содержатся и предположенія ея относительно расправной палаты, и разсужденія относительно самодержавной власти. При сенатѣ, состоящемъ изъ «служителей императорскаго величества», т. е. состоящихъ на государственной службѣ, должна быть учреждена главная расправная палата изъ депутатовъ отъ всѣхъ губерній. Отъ 42 губерній должно было быть по 3 депутата отъ каждой, одинъ отъ дворянъ, другой отъ города и третій отъ «поселянъ», всего 126 человѣкъ. Каждый сенатскій департаментъ долженъ состоять изъ одного тайнаго дѣйствительнаго и 4 тайныхъ совѣтниковъ. Въ составъ перваго департамента главной расправной палаты входятъ канцлеръ и 12 засѣдателей (чиновниковъ), отъ которыхъ должно требовать по законамъ мнѣнія во всякомъ сомнительномъ случаѣ. Ни одинъ новый законъ не можетъ быть составленъ безъ вѣдома перваго департамента расправной палаты, предсѣдатель которой назначается «императорскимъ величествомъ». Второй департаментъ расправной палаты—«верхній уголовный судъ». Въ каждомъ департаментѣ главной расправной палаты должно быть по 30 депутатовъ (по 10 отъ каждаго изъ трехъ сословій), столько же должно быть и въ томъ департаментѣ, гдѣ составлялись бы законы. Въ главной расправной палатѣ должны были находиться 4 университетскихъ члена на жалованьѣ [1]).

При составленіи законовъ расправная палата должна была пользоваться только совѣщательнымъ голосомъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: «Законодательство принадлежитъ самодержавству изстари 1) непремѣнно и 2) неотъемлемо» [2]). Самодержавная власть переходитъ по наслѣдству и находится въ рукахъ одного лица, подъ властью котораго имперія пребываетъ нераздѣльно. Императорское величество посылаетъ пословъ, жалуетъ чинами, должностями, достоинствами, выгодами, украшеніями и награжденіями, заключаетъ миръ и объявляетъ войну и не обязано отчетомъ въ дѣлахъ и употребленіи доходовъ ни предъ кѣмъ,

---

1908 г., стр. 77—78. Книга Блэкстона была переведена по повелѣнію государыни Десницкимъ, издана въ 3-хъ частяхъ въ 1780—82 гг. и рекомендована императрицею для чтенія въ кадетскихъ корпусахъ.

[1]) Ниже въ росписаніи учрежденій главная расправная палата поставлена на ряду съ 3 „государственными палатами или коллегіями"—иностранною, военною сухопутною и военною морскою.

[2]) Екатерина держалась того мнѣнія, что толкованіе законовъ, всякіе комментаріи къ закону слѣдуетъ предоставить исключительно законодательной власти.

кромѣ единаго Бога. Особа императорскаго величества священна, такъ какъ помазана миромъ. Тайные дѣйствительные и тайные совѣтники «служатъ совѣтами своими и самымъ дѣломъ императорскому величеству къ пользѣ и оборонѣ Россіи», и потому должны пользоваться «особы ихъ всякою безопасностью въ отправленіи ихъ должности, наипаче же непремѣнно засѣдающіе въ сенатѣ нашемъ по нашему соизволенію». Всякій изъ нихъ имѣетъ право просить быть допущеннымъ къ императорскому величеству «и представить письменно и словесно, съ покорностію и почтеніемъ, о томъ, что для службы, пользы и нужды имперіи пристойно быть можетъ». На ряду съ упоминаніемъ Екатерины II о томъ, что она «честь и славу» своего царствованія ставила въ томъ, чтобы «законамъ давать теченіе и силу», она отмѣчаетъ, что тайная экспедиція «имѣетъ свѣдѣнія о всѣхъ преступленіяхъ противъ правленія» и арестуетъ преступниковъ, но дѣло рѣшается верховнымъ уголовнымъ судомъ [1]).

Однако имп. Екатерина не осуществила своего предположенія объ учрежденіи при сенатѣ расправной палаты изъ депутатовъ отъ трехъ сословій.

Въ 1787 г. была, повидимому, уже готова первая, болѣе краткая редакція проекта сената (съ 97 статьями), судя по тому, что въ этомъ году былъ заготовленъ проектъ манифеста по этому поводу. Перечисливъ правила, которыя императрица, по ея словамъ, положила «въ основаніе» своего царствованія и которыя заключались въ охраненіи православной вѣры, законовъ и безопасности жизни и имѣнія подданныхъ, утвержденіи правосудія, покровительствѣ торговлѣ и ремесламъ, возможно меньшемъ отягощеніи народа поборами и охраненіи безопасности имперіи, она съ гордостью говоритъ объ учрежденіяхъ для управленія губерній 1775 г., объ отдѣленіи въ нихъ «мѣстъ правленія и исполненія» отъ судовъ гражданскихъ и уголовныхъ и о томъ, что не смѣшаны съ ними и «дѣла казенныя».

Въ проектѣ 1788 г. сенатъ названъ «хранилищемъ» законовъ. Предсѣдательствуетъ въ немъ государь. Сенатъ раздѣляется на 4 департамента [2]); ему дозволялось «единогласно дѣлать представленія» о неудобствѣ закона, но, въ случаѣ подтвержденія его самодержавною властью, законъ долженъ быть безпрекословно исполненъ [3]).

---

[1]) *С. Колюпановъ.* „Новонайденный трудъ Екатерины Великой". „Русск. Архивъ" 1908 г., № 6, стр. 172—175, 177.

[2]) Первый долженъ былъ вѣдать дѣла государственныя и исполнительныя и скораго приказанія требующія, второй — уголовныя и слѣдственныя въ преступленіяхъ по должности, третій — по апелляціи на коллегіи или палаты относительно гражданскаго суда, четвертый — „домостроительныя" и казенныя.

[3]) Въ проектѣ 1795 г. подробно разработаны постановленія о генеральномъ судѣ, который составлялся изъ сената, синода, чиновъ первыхъ четырехъ

Однако въ 1788 г. проектъ остался необнародованнымъ, вѣроятно потому, что, въ виду начавшейся войны съ Турціею и Швеціею, Екатерина нашла, что «не время теперь дѣлать реформы». Въ 1794—95 гг. она вновь возвратилась къ проекту о сенатѣ, который, значительно разросшись, не измѣнилъ своего бюрократическаго характера. Въ этой второй редакціи, въ параграфѣ, опредѣляющемъ назначеніе второго департамента, императрица собственноручно напомнила о необходимости упомянуть и о состоящей при этомъ департаментѣ «тайной экспедиціи». Это та знаменитая экспедиція, служа въ которой «кнутобойничалъ» извѣстный слѣдователь Шешковскій, съ которою имѣли дѣло Радищевъ и Новиковъ. Одно сохраненіе этого учрежденія достаточно, чтобы показать истинный характеръ предполагаемой реформы [1]).

Между тѣмъ, какъ императрица не только сохраняла прежнюю позицію самодержавія и даже стала успокоиваться на мысли, что «не время дѣлать реформы», русское общество постепенно росло подъ вліяніемъ науки, литературы и западно-европейскаго примѣра. Вліяніе Монтескьё и Вольтера смѣняется среди болѣе молодого поколѣнія радикальными вліяніями Руссо, Мабли, Райналя. Русская молодежь, учащаяся въ западно-европейскихъ университетахъ, съ жадностью поглощаетъ произведенія передовыхъ западныхъ писателей; переводная литература, не исключая и серьезныхъ произведеній политической мысли, сильно разрастается; кромѣ того, западъ въ числѣ домашнихъ наставниковъ поставляетъ намъ иногда лицъ съ весьма опредѣленнымъ міросозерцаніемъ [2]). Наконецъ, сильное впечатлѣніе на наше общество производитъ французская революція.

Въ виду совокупности всѣхъ этихъ вліяній, нечего удивляться довольно значительному распространенію въ русскомъ обществѣ радикальныхъ идей въ послѣдніе годы царствованія имп. Екатерины II. Въ началѣ 1790 г. наставникъ вел. кн. Александра Павловича, священ-

---

классовъ и изъ предсѣдателей государственныхъ и другихъ судебныхъ палатъ или коллегій, находящихся въ мѣстѣ засѣданія суда, при чемъ подсудимымъ дозволялось „отрѣшить“ $^2/_3$ засѣдающихъ членовъ. По дѣлу дворянина въ генеральный судъ предполагалось призывать сверхъ палаты уголовнаго суда суды дворянскіе—верхній земскій судъ, уѣздный судъ, по дѣлу мѣщанина—губернскій и городовой магистраты, по дѣлу подлежащихъ суду расправы—расправы верхнюю и нижнюю. Генеральный судъ избираетъ въ судьи $^1/_3$ своего состава.

[1]) Въ одномъ изъ неизданныхъ въ свое время набросковъ Екатерина II предполагала дать сенату право постановленіями объ исполненіи и зарегистрированіемъ придавать силу указамъ, а также имѣть нѣкоторое наблюденіе надъ финансами. „Сочиненія имп. Екатерины“, т. XII, 634.

[2]) Таковы Ж. Роммъ, воспитатель гр. П. А. Строганова, впослѣдствіи одинъ изъ видныхъ дѣятелей французской революціи, Сеже въ домѣ гр. П. А. Толстого, позднѣе секретарь женевскаго революціоннаго комитета, пруссакъ Брюкнеръ, „истый вольтеріанецъ“, содѣйствовавшій въ домѣ кн. Куракина развитію либеральныхъ взглядовъ Сперанскаго и др.

никъ Самборскій, писалъ гр. Н. П. Салтыкову: Вольноглаголаніе о власти самодержавной почти всеобщее, и чувство, устремляющееся къ необузданной вольности, воспалившееся примѣромъ Франціи, предвѣщаетъ нашему любезнѣйшему отечеству напужаснѣйшее кровопролитіе». До этого дѣло пока еще не дошло, но все же весьма характерно, что два князя Голицына, съ ружьями въ рукахъ, принимаютъ участіе во взятіи Бастиліи, что Роммъ не только ведетъ своего питомца въ засѣданія національнаго собранія, но и побуждаетъ его записаться въ число членовъ двухъ радикальныхъ парижскихъ клубовъ. Сегюръ свидѣтельствуетъ о большомъ энтузіазмѣ въ Петербургѣ при вѣсти о взятіи Бастиліи среди негоціантовъ, купцовъ, горожанъ и нѣкоторыхъ молодыхъ людей болѣе высокаго общественнаго положенія: французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане обнимались и поздравляли другъ друга на улицѣ. Приподнятое общественное настроеніе сказывается и въ томъ, что семилѣтняя дочь Соймонова (вышедшая впослѣдствіи замужъ за Свѣчина) осенью 1789 г. иллюминовала въ Петербургѣ галлерею въ домѣ отца, чтобы отпраздновать 14 іюля, когда была взята Бастилія, и освобожденіе ея узниковъ. Нѣкоторые русскіе плакали отъ радости, узнавъ, что французскій король принялъ въ 1791 г. конституцію, и многіе сдѣлали визитъ представителю Франціи для выраженія горячей симпатіи его возродившейся родинѣ. Быстрый ходъ событій вызвалъ сильный интересъ къ чтенію газетъ и журналовъ; директоръ корпуса гр. Ангальтъ нашелъ даже полезнымъ, для ознакомленія кадетъ съ текущими событіями, завести особый столъ съ заграничными повременными изданіями. Въ 1794 г., со смертью гр. Ангальта, они были убраны, но въ это время мѣсто учителя французскаго языка въ корпусѣ занялъ одинъ швейцарецъ, который и сталъ передавать вѣсти о французской революціи. Кадетъ Сергѣй Ник. Глинка получилъ отъ него текстъ марсельезы, которую тогда же и перевелъ. Если такимъ образомъ воспитанники корпуса могли узнавать изъ иностранныхъ журналовъ и газетъ о ходѣ революціи, то не удивительно, что зимою 1791—92 гг. офицеры аплодировали въ театрѣ тому мѣсту въ «Свадьбѣ Фигаро» Бомарше, гдѣ есть намекъ на глупость солдатъ, дозволяющихъ себя убивать, неизвѣстно за что. В. П. Кочубей, будущій министръ при Александрѣ I, впослѣдствіи признавался, что въ началѣ революціи былъ ея ревностнымъ сторонникомъ. М. А. Салтыковъ превозносилъ во время революціи жирондистовъ. Сынъ французскаго эмигранта Эстергази пѣвалъ въ эрмитажѣ революціонныя пѣсни: «Ça ira» и др. Интересъ къ событіямъ во Франціи былъ такъ великъ и въ провинціи, что извѣстный агрономъ Болотовъ, жившій въ г. Богородицкѣ (Тульской губ.), перевелъ изъ иностранныхъ газетъ статьи, относящіяся къ казни Людовика XVI, такъ что изъ нихъ составилась рукописная книжка, которую брали у него

многіе. Тульскій намѣстникъ Кашкинъ давалъ въ 1794 г. Болотову читать «Революціонный Альманахъ». Изъ Москвы доносились слухи о броженіи въ дворянскихъ сферахъ въ аристократическомъ смыслѣ и мечтахъ о государственномъ устройствѣ по образцу Польши [1]). Наконецъ, по свидѣтельству В. Н. Каразина, вліяніе французской революціи на молодые умы обнаружилось не только въ отдаленныхъ отъ столицъ губерніяхъ Европейской Россіи, но даже и въ глубинѣ Сибири.

Весьма замѣчательнымъ представителемъ радикальныхъ теченій въ русскомъ обществѣ, мало отразившихся въ литературѣ вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, является А. Н. Радищевъ (1742—1802) [2]). Воспитывавшійся въ Москвѣ подъ надзоромъ француза, бывшаго совѣтника руанскаго парламента, который покинулъ отечество по политическимъ причинамъ, Радищевъ, послѣ обученія въ пажескомъ корпусѣ, закончилъ свое образованіе въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи 5 лѣтъ. Черезъ два года по возвращеніи въ Россію, онъ перевелъ сочиненіе Мабли «Размышленія о греческой исторіи». Передавъ здѣсь слово «деспотизмъ» терминомъ «самодержавство», онъ поясняетъ, что «самодержавство есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другаго права наказывать преступниковъ, опричь права собственныя сохранности... Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу: о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ *безмолвный* договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашей *обязанности*. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же и болѣе надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. *Государь есть первый гражданинъ народнаго общества*» [3]). Здѣсь въ сжатомъ видѣ Радищевъ намѣтилъ идеи, которыя онъ развилъ въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Въ 1789 г. Радищевъ напечаталъ книгу «Житіе О. В. Ушакова», своего товарища по лейпцигскому университету, въ которой, между прочимъ, высказываетъ такое наблюденіе: «всѣ, чувствовать начинающіе, придерживаются правилъ, народнымъ правленіямъ приличныхъ». Само-

---

[1]) Гр. А. Р. Воронцовъ разсказывалъ впослѣдствіи, что, проѣзжая въ молодости черезъ Варшаву при Августѣ III, онъ думалъ, что для него было бы высшимъ счастьемъ быть польскимъ вельможею съ такими же правами и привилегіями.

[2]) См. о немъ статью В. А. Мякотина (въ его книгѣ: „Изъ исторіи русскаго общества"), которая издана и отдѣльно книгоиздательствомъ „Донская Рѣчь".

[3]) Курсивы принадлежатъ Радищеву. Нужно замѣтить, что имя его, какъ переводчика, упомянуто въ книгѣ не было, какъ не выставлялось при изданіи имъ и оригинальныхъ его произведеній.

державное правленіе неудобно, по мнѣнію Радищева, даже въ томъ случаѣ, если самодержавецъ отличается большими достоинствами; хотя бы онъ былъ совершенно безпристрастенъ, другіе, начальствующіе его именемъ, не будутъ таковыми. Кромѣ того, самодержавный государь знаетъ истинныя заслуги лишь малаго числа служащихъ ему или отечеству, другихъ же «судитъ по слуху», награждаетъ по указанію вельможъ, наказываетъ нерѣдко того, кто имъ не нравится. Радищевъ обвиняетъ государей въ крайней близорукости и упрекаетъ ихъ въ томъ, что, нерѣдко подавляя одушевленіе на пользу родины, волнующее сердца молодежи, они вредятъ тѣмъ пользѣ общественной, а самихъ юношей «нерѣдко навѣки» дѣлаютъ калѣками. Радищевъ указываетъ на то, какъ мало считаются государи съ мнѣніемъ о нихъ современниковъ и потомства. «Не боятся правители народовъ прослыть грабителями, налагая на согражданъ своихъ отяготительныя подати, ни прослыть убійцами своей собратіи и разбойниками въ отношеніи тѣхъ, которыхъ непріятелями именуютъ, вчиная войну и предавая смерти тысячи воиновъ». Такимъ образомъ, уже въ этой небольшой книжкѣ Радищева мы встрѣчаемъ протестъ противъ войны, который въ главномъ его сочиненіи такъ раздражилъ имп. Екатерину. Самовластные государи слишкомъ разсчитываютъ на выносливость народа, и это ослѣпленіе представителей власти Радищевъ считаетъ залогомъ будущей политической свободы. Онъ высказываетъ горячее сочувствіе англичанамъ за то, что они умѣютъ стойко вести легальную борьбу, но не отступаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ и предъ такими крайними мѣрами, какъ казнь своего государя. Здѣсь мы видимъ уже зародышъ нѣкоторыхъ строфъ оды «Вольность» [1]).

Въ 1790 г. Радищевъ издалъ маленькую книжку: «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ по долгу званія своего», которая была написана еще въ 1782 г. по поводу открытія памятника Петру Великому въ Петербургѣ. При сочувственномъ вообще отношеніи къ этому государю, авторъ дѣлаетъ однако слѣдующее замѣчаніе: «Могъ бы Петръ славнѣе быть..., утверждая вольность частную; но если имѣемъ примѣры, что цари оставляли санъ свой, дабы жить въ покоѣ, что происходило не отъ великодушія, но отъ сытости своего сана», то «нѣтъ и до скончанія міра примѣра, можетъ быть, не будетъ, чтобы царь упустилъ добровольно что ли(бо) изъ изъ своея власти, сѣдяй на престолѣ» [2]). Обвиненіе Петра В. въ томъ, что онъ не утверждалъ «воль-

[1]) Изъ приложенныхъ къ этой книжкѣ набросковъ Ѳ. В. Ушакова отмѣтимъ подробное доказательство того, что смертная казнь не нужна и безполезна.

[2]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Радищевъ оговаривается, что «если бы сіе было писано въ 1790 г., то примѣръ Лудвига XVI далъ бы сочинителю другія мысли".

ность частную», вѣроятно навѣяно сочиненіемъ Мабли «Объ изученіи исторіи». Во время слѣдствія по дѣлу Радищева императрица прочитала его «Письмо къ другу» и сдѣлала по поводу его слѣдующее замѣчаніе: «видно..., что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революція его рѣшила себя опредѣлить въ Россіи первымъ подвизателемъ».

Но всего полнѣе раскрываются взгляды Радищева въ его знаменитомъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» (1790 г.) [1]). Въ противоположность тогдашнему состоянію Россіи вотъ что онъ желалъ бы видѣть въ ней: процвѣтаніе наукъ, искусствъ и ремеслъ, свободу разума и его господство въ дѣлѣ общественнаго устроенія, религіозную свободу, «равновѣсіе властей», «равенство имуществъ», признаніе права собственности гражданъ на землю, умѣренность наказаній, воспитаніе народа, «внутреннюю тишину», отсутствіе внѣшнихъ враговъ. Подъ вліяніемъ Руссо, Радищевъ склонялся къ мнѣнію, что признаніе права собственности на землю привело въ извѣстномъ отношеніи къ вреднымъ послѣдствіямъ. Это видно изъ того, что въ своемъ позднѣйшемъ философскомъ трудѣ «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи» онъ, подражая словамъ Руссо, говоритъ: «Какъ скоро сказалъ человѣкъ: «сія пядень земли моя!» онъ пригвоздилъ себя къ землѣ и отверзъ путь звѣрообразному самовластію, когда человѣкъ повелѣваетъ человѣкомъ». Но, считаясь съ существующими общественными условіями, онъ высказываетъ убѣжденіе, что крестьяне, при своемъ освобожденіи отъ крѣпостного права, «удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать». Въ этомъ случаѣ онъ, быть можетъ, отчасти слѣдовалъ примѣру Мабли, который, будучи защитникомъ общности имуществъ, высказался, когда ему пришлось говорить о крестьянскомъ вопросѣ въ Польшѣ, хотя и недостаточно рѣзко и опредѣленно, за надѣленіе крестьянъ землею. Райналь, сочиненіе котораго [2]) хорошо зналъ Радищевъ, признаетъ собственность источникомъ и добра, и зла, но все же считаетъ необходимыми законы, охраняющіе земельную собственность.

Освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ Радищевъ ждетъ отъ ихъ собственнаго активнаго протеста.

Какъ извѣстно, въ книгѣ Радищева есть большое разсужденіе съ доказательствами вреда цензуры, которая, по его словамъ «сдѣлана

---

[1]) Оно вышло въ свѣтъ въ двухъ изданіяхъ подъ редакціею: 1) Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева и 2) П. А. Ефремова. Спб. 1905 г., а также въ I томѣ „Полн. собр. соч. А. Н. Радищева". Подъ ред. С. Н. Тройницкаго, Спб. 1907 г., т. I и „Полн. собр. соч. А. Н. Радищева" подъ редакц. В. В. Каллаша, изд. В. М. Саблина, т. I, М. 1907.

[2]) „Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes", Amsterdam, 1770.

нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго...; чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствіе ея пагубнѣе». Далѣе Радищевъ приводитъ мнѣніе Гердера изъ его сочиненія «О вліяніи правительства на науки и наукъ на правительство» (1779), но, подобно тому, какъ въ вопросѣ объ уничтоженіи рабства, Радищевъ предъявляетъ гораздо болѣе радикальныя требованія, чѣмъ отчасти вліявшій на него Райналь [1]), такъ и въ вопросѣ о цензурѣ авторъ «Путешествія» гораздо послѣдовательнѣе Гердера. Гердеръ полагаетъ, что на государствѣ лежитъ обязанность не дозволять нѣкоторыхъ наукъ (gewisse Wissenschaften), онъ требуетъ безусловнаго запрещенія богохульныхъ и безнравственныхъ сочиненій, онъ настаиваетъ на томъ, чтобы издатели, если отъ нихъ этого потребуютъ, были обязаны называть имена писателей, и даже желаетъ, чтобы было запрещено печатаніе критическихъ статей безъ подписи автора. Радищевъ думаетъ иначе: онъ говоритъ, что «одинъ несмысленный урядникъ благочинія можетъ величайшій въ просвѣщеніи сдѣлать вредъ». По его мнѣнію, «пускай печатаютъ все, кому что на умъ взойдетъ. Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ». Вопреки Гердеру, Радищевъ настаиваетъ на полной свободѣ печати въ дѣлѣ религіи. Считая невозможнымъ оскорбленіе Бога, онъ прибавляетъ: «но если думаешь, что хуленіемъ Всевышній оскорбится, урядникъ ли благочинія можетъ быть за него истецъ?.. Для чего не дозволять всякому заблужденію быть явному. Явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится». Защищая полную свободу обсужденія религіозныхъ вопросовъ въ печати, Радищевъ замѣчаетъ: «запрещая вольное книгопечатаніе, робкія правительства не богохуленія боятся, но боятся сами имѣть порицателей». Общій выводъ его состоитъ въ томъ, что «цензура» (т. е оцѣнка) «печатаемаго принадлежитъ обществу; оно дастъ сочинителю вѣнецъ, или употребитъ листы на обвертки». Признавая безполезность цензуры «или паче ея вредъ въ царствѣ науки», Радищевъ считаетъ ненужными доказательства необходимости «обширной и безпредѣльной вольности печатанія».

Для полнаго пониманія политическихъ воззрѣній Радищева необходимо внимательное изученіе въ полномъ видѣ его оды «Вольность», изъ которой онъ напечаталъ нѣкоторые отрывки въ своемъ «Путешествіи», кратко изложивъ другія мѣста.

Авторъ обращается къ вольности, которую онъ называетъ благословеннымъ, безцѣннымъ даромъ небесъ, источникомъ всѣхъ великихъ дѣлъ, и проситъ дать ему силу воспѣть ее такъ, чтобы проснулись Брутъ и Телль и чтобы отъ ея гласа пришли въ смятеніе цари. Чело-

[1]) Объ отношеніи Радищева къ крестьянскому вопросу см. въ моей книгѣ „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, т. I.

вѣкъ рождается совершенно свободнымъ, но его свобода ограничена общею властью народа, частью которой является власть отдѣльнаго лица, такъ что каждый, творя волю всѣхъ, творитъ свою волю. Далѣе, авторъ изображаетъ въ видѣ ужаснаго, стоголоваго чудовища «священное» (т. е. религіозное) суевѣріе, которое всѣмъ велитъ вѣрить слѣпо, велитъ бояться истины, говоритъ о божественномъ происхожденіи власти. По словамъ царя, это «Законъ Божій», а мудрецъ, изобрѣвшій народное угнетеніе, утверждаетъ, что это «святой обманъ». Такое суевѣріе было, есть и будетъ источникомъ оковъ рабства. Возможно ли всесильному Богу унизиться до того, чтобы вѣщать намъ при посредствѣ чужого голоса.

Вотъ среди обширныхъ областей стоитъ тронъ рабства. Градскія власти видятъ тамъ въ царѣ образъ Божества. Царская власть охраняетъ вѣру, вѣра утверждаетъ царскую власть. Такъ «священное и политическое суевѣріе», подкрѣпляя другъ друга, угнетаютъ общество: одно старается сковать разсудокъ, другое стремится стереть волю, увѣряя, что дѣлаетъ это ради общей пользы. Подъ сѣнью рабскаго покоя не возрастутъ золотые плоды; тамъ, гдѣ все противодѣйствуетъ стремленію ума, тамъ невозможно величіе, тамъ является лѣность, безпечность, голодъ, коварство, тамъ храмъ Минервы приходитъ въ ветхость. Тамъ царь, надменно поднявъ чело, схватилъ желѣзный скипетръ, властно сѣвъ на огромный тронъ, видитъ въ народѣ лишь подлую тварь и, располагая жизнью и смертью, говоритъ: по своей волѣ я шлю злодѣя, я могу надѣлять властью; пользуется жизнью лишь тотъ, кому я велю жить. И мы спокойно слушаемъ, какъ алчный змѣй, надругаясь надъ всѣми, отравляетъ дни веселья. Но хотя вокругъ твоего престола всѣ стоятъ, преклонивъ колѣни, трепещи, такъ какъ идетъ мститель: онъ объявитъ вольность, и вѣсть о томъ распространится отъ края до края, провозглашая свободу. Начнется возстаніе, надежда вооружитъ всѣхъ, всѣ спѣшатъ «омыть свой стыдъ» въ крови вѣнчаннаго мучителя. Вездѣ сверкаетъ острый мечъ, летаетъ смерть, паритъ надъ гордою головой. Ликуйте, скованные народы: это прирожденное право мести возвело царя на плаху; оно, мощно разодравъ завѣсу лживой почи, поправъ огромный истуканъ кичливой и строптивой власти, сковавъ сторукаго исполина, влечетъ его, какъ простого гражданина, къ престолу, на которомъ возсѣлъ народъ. Онъ сказалъ ему:

«Преступникъ власти мною данной!
Вѣщай, злодѣй, мной увѣнчанный»,

какъ смѣлъ возстать противъ меня? Я облекъ тебя въ порфиру, чтобы блюсти «равенство въ обществѣ», быть непримиримымъ мстителемъ пороку, лжи и клеветѣ, предупреждать зло, хранить въ чистотѣ нравы,

желалъ, чтобы земледѣлецъ не былъ плѣнникомъ на своей нивѣ и благословлялъ бы тебя. Не щадя своей крови, я воздвигнулъ грозную рать, чтобы карать внѣшнихъ враговъ, я велѣлъ повиноваться тебѣ и устремляться съ тобою къ славѣ,—«для пользы всѣхъ мнѣ можно все». Но ты, забывъ данную мнѣ клятву, забывъ, что я избралъ тебя, возмнилъ, что ты—господинъ, а не я, расторгъ мечемъ мои «уставы», лишилъ силы всѣ права, расчистилъ дорогу мерзостямъ, сталъ «взывать не ко мнѣ, а къ Богу», а мною сталъ глушаться. Доставая кровавымъ потомъ плоды, посаженные для пропитанія, я раздѣлялъ съ тобою крохи и не щадилъ своего труда. Но тебѣ мало всѣхъ сокровищъ. Скажи, для чего тебѣ не достало ихъ, что ты сорвалъ съ меня рубище? Чтобы одарить льстиваго любимца? Мечъ, изощренный противъ злодѣя, ты сталъ сулить невинности. Полки, собранные для защиты, ведешь ли ты на войну за человѣчество? Злодѣй, болѣе лютый, чѣмъ всѣ злодѣи, преступникъ первый изъ всѣхъ, я зову тебя на судъ,—пусть не минуетъ тебя ни одна изъ казней. Ты устремилъ противъ меня свое жало, «умри, умри же ты стократъ!» Обращаясь затѣмъ къ Кромвелю, авторъ называетъ его злодѣемъ за то, что, имѣя въ своихъ рукахъ власть, онъ сокрушилъ твердыню свободы, но въ то же время считаетъ его великимъ мужемъ, такъ какъ онъ показалъ народамъ, какъ они могутъ мстить за себя: «ты Карла на судѣ казнилъ». Гремятъ голоса свободы, народъ собирается на вѣче и разрушаетъ чугунный престолъ. «Великъ, великъ ты, духъ свободы, зиждителенъ», какъ самъ Богъ.

Далѣе, слѣдуетъ описаніе царства свободы и ея послѣдствій: тутъ поле, не поливаемое слезами, становится болѣе плодороднымъ, всякій сѣетъ и жнетъ для себя. Свободный человѣкъ, исполнивъ дневную работу, спѣшитъ домой и беззаботно спитъ въ объятіяхъ жены, выбранной имъ самимъ по любви, а не данной ему въ наказаніе надменною рукою господина для размноженія «невинныхъ жертвъ». Тутъ войско—не скотъ, согнанный поневолѣ, тутъ каждый имѣетъ видъ вождя, ищетъ славной смерти. О, Вашингтонъ, непобѣдимый воинъ, твой вождь—свобода! Не видно грознаго владыки, тутъ царство свободы: «награда ей едина слава, во храмъ безсмертья что ведетъ». Опять господствуетъ «естественный уставъ». Возвысить, «восхитить вѣнецъ» могутъ только личныя заслуги. Духъ, взлетая на крыльяхъ разума, «возможетъ» все

Но страсти возбуждаютъ междоусобія и вызываютъ всѣ послѣдствія безмѣрнаго желанія властвовать. Марій, Сулла возмущаютъ шаткое спокойствіе римлянъ. Наконецъ Августъ, усыпивъ, тревожную вольность, обвилъ цвѣтами чугунный скипетръ; народы думали, что они правятъ сами, но Августъ давилъ ихъ выю. Таковъ законъ природы: изъ мученьства рождается вольность, изъ вольности рабство.

О вы! счастливые народы,
Гдѣ случай вольность даровалъ!
Блюдите даръ благой природы,
Въ сердцахъ что Вѣчный начерталъ.

Затѣмъ авторъ обращается къ знаменитой странѣ (Франціи), гдѣ согбенная вольность лежала попранная гнетомъ.

«Ликуешь ты! а мы здѣсь страждемъ!
Того-жъ, того-жъ и мы всѣ жаждемъ».

Къ этой странѣ стремится душа поэта, у него мелькаетъ желаніе быть похороненнымъ на ея берегу, но онъ предпочитаетъ умереть на родинѣ, чтобы юноша, жаждущій славы, сказалъ у его гроба: онъ первый предсказалъ намъ вольность. Поэтъ предвидитъ распространеніе предѣловъ родины, ослабленіе связи ея частей и даже ея распаденіе, тѣмъ болѣе скорое, чѣмъ она будетъ обширнѣе, но это не пугаетъ его: онъ вѣритъ, что изъ нѣдръ этой огромной развалины, среди рѣкъ крови, возникнутъ малыя свѣтила; они украсятъ «свои кормила» вѣнцомъ «дружества» и направятъ ладью на пользу всѣхъ. Часъ еще не насталъ, судьбы не совершились, еще далеко окончаніе всѣхъ бѣдъ. Власть «при послѣднемъ издыханіи приставитъ стражу къ слову и соберетъ всѣ свои силы», чтобы раздавить возникающую вольность. Но человѣчество, руководимое надеждою на освобожденіе и «неистребимымъ правомъ природы», возстанетъ, и власть будетъ «приведена въ трепетъ» и развѣется въ одно мгновеніе. Уже трясутся своды вѣчнаго мрака и появляется «яркій свѣтъ» свободы.

Сочувствіе федеративному строю, выраженное Радищевымъ въ концѣ его оды, объясняется, вѣроятно, вліяніемъ Мабли, который, въ своемъ сочиненіи «О законодательствѣ, или основныя начала законовъ» называетъ федеративную республику «высшею степенью совершенства, до которой можетъ возвыситься политика» [1]).

Несмотря на истребленіе книги Радищева, нѣсколько десятковъ экземпляровъ ея уцѣлѣло, а на возвратномъ пути изъ ссылки въ Восточную Сибирь авторъ имѣлъ удовольствіе увидѣть и рукописную копію своей книги. Юный С. Н. Глинка, вступая въ жизнь въ 1795 г., по окончаніи воспитанія въ корпусѣ, единственнымъ своимъ сокровищемъ считалъ три книги, одною изъ которыхъ было «Путешествіе» Радищева.

Было уже указано выше (стр. 21), что среди молодежи послѣднихъ лѣтъ екатерининскаго царствованія замѣтно сказывались радикаль-

---

[1]) „Полное собраніе сочиненій А. Н. Радищева". Спб., 1907 г., подъ редакціей С. Н. Тройницкаго, изданіе книгоиздательства „Сиріусъ", т. I, и изданіе В. М. Саблина подъ ред. Каллаша, т. II.

ныя теченія; такимъ настроеніемъ заражались и люди довольно пожилые. Въ этомъ отношеніи любопытны взгляды поручика Ѳедора Кречетова, написавшаго нѣсколько сочиненій по юриспруденціи, кое что и печатавшаго, но встрѣтившаго цензурныя препятствія своей литературной дѣятельности. Основная его идея состояла въ томъ, что «все общежительство человѣческое» должно составить ненарушимые законы, которымъ должны повиноваться и государи, а ихъ изъ монарховъ слѣдуетъ переименовать въ стражей или блюстителей закона. Народу должны быть возвращены его права. Кречетовъ мечталъ объ устройствѣ «всенароднаго, вольнаго къ облагодѣтельствованію всѣхъ общества», цѣлью котораго было открытіе ряда юридическихъ школъ, куда должно было принимать и женщинъ. Посредствомъ этихъ школъ онъ надѣялся распространить юридическія знанія и довести народъ до того, чтобы онъ «страшился всякихъ беззаконій и насилія», и тогда государи боялись бы дѣлать неугодное народу, а исполняли бы рѣшенія, имъ принятыя, въ противномъ же случаѣ самодержавная власть была бы низвергнута и былъ бы смѣненъ государь. Княжескіе и дворянскіе титулы должны быть уничтожены. «Имѣнія, которыя даны государями по страсти, безъ явныхъ всему государству услугъ», писалъ Кречетовъ, намекая на пожалованіе населенныхъ имѣній фаворитамъ и фавориткамъ, другой государь можетъ и отнять, а данныя за дѣйствительныя услуги могутъ быть подтверждены народомъ при другомъ государѣ.

Встрѣчаясь съ солдатами, Кречетовъ убѣждалъ ихъ, что присяга не имѣетъ значенія, что она выдумана государями для собственной безопасности, крестьянамъ же совѣтовалъ добиваться «свободы и вольности», увѣряя ихъ что того же желаетъ и государыня, но ей мѣшаютъ богатые. Онъ возлагалъ надежду на вооруженное возстаніе и собирался приглашать къ себѣ солдатъ и уговаривать ихъ, чтобы они перевязали всѣхъ своихъ командировъ и сдѣлали крестьянъ вольными. Если дали вольность дворянамъ, говорилъ Кречетовъ, то нужно распространить ее и на крестьянъ, такъ какъ они такіе же люди. Рекрутскіе наборы онъ считалъ необходимымъ отмѣнить, а набирать въ солдаты «вольницу», т. е. вербовать добровольно желающихъ служить, и дать имъ хорошее жалованье, а гвардію распустить, чтобы государь, нарушающій законъ, не могъ находить въ ней поддержки. Кречетовъ бранилъ и Петра В., называя его «великимъ тираномъ», и Екатерину II, говоря, что она впала въ роскошь, ведетъ распутную жизнь, не умѣетъ управлять государствомъ и вмѣсто нея правятъ наемники, что ее, какъ убійцу, слѣдуетъ заключить въ монастырь. Между прочимъ онъ порицалъ ее и за неправильное и строгое осужденіе Радищева вопреки правиламъ Наказа; Павла Петровича онъ называлъ дуракомъ. Онъ утверждалъ, что только та власть «отъ Бога», которая дѣйствительно знаетъ

и почитаетъ законъ Божій и любитъ человѣчество, какъ самого себя, безъ различія національностей.

Къ нашему высшему духовенству Кречетовъ относился рѣзко отрицательно [1]).

II.

Въ то самое время, когда Радищевъ пострадалъ за свои убѣжденія, Лагарпъ, воспитатель вел. кн. Александра Павловича, внушалъ своему питомцу взгляды, во многомъ сходные съ тѣмъ, что высказывалъ авторъ «Путешествія».

«Читая исторію», говорилъ Лагарпъ своему ученику, «вы увидите, что вездѣ, гдѣ тронъ покоился на основныхъ законахъ, свято соблюдаемыхъ, онъ сохранилъ прочность, что вездѣ, гдѣ государь считалъ себя лишь первымъ должностнымъ лицомъ націи, первымъ слугою государства и отцомъ своего народа, онъ былъ охраняемъ законами и любовью своихъ подданныхъ гораздо лучше, чѣмъ крѣпостями и солдатами». Лагарпъ приводитъ изъ исторіи Англіи два примѣра того, къ чему ведетъ нарушеніе правъ народа: казнь Карла I, слѣдствіемъ которой было уничтоженіе монархіи, и низложеніе Іакова II.

Вѣроятно подъ вліяніемъ сильнаго протеста Лагарпа противъ самовластія и произвола, вел. кн. Александръ Павловичъ, 13-лѣтнимъ мальчикомъ, слѣдовательно въ 1790 г., какъ разъ въ годъ ссылки и осужденія Радищева, далъ обѣтъ «утвердить благо Россіи на основаніяхъ непоколебимыхъ», о чемъ Лагарпъ письменно напомнилъ ему за нѣсколько дней до коронованія. Этотъ обѣтъ былъ тогда извѣстенъ, вѣроятно, только Лагарпу. Но взгляды, привитые старшему внуку Екатерины II, не могли не высказываться имъ и въ присутствіи другихъ. Протасовъ, помощникъ гр. Салтыкова по воспитанію Александра Павловича, сообщаетъ, что однажды, въ 1791 г., его питомецъ, разговаривая о французскихъ дѣлахъ, по поводу чтенія газетъ, выражалъ сочувствіе «объявленію равенства людей» (декларація правъ). Французскій повѣренный въ дѣлахъ Жене, въ своемъ донесеніи отъ 3 Января 1792 г., сообщилъ, что великіе князья разсуждали о злоупотребленіяхъ

[1]) Арестованный въ концѣ апрѣля 1793 г., Кречетовъ былъ первоначально приговоренъ къ заключенію въ Петропавловской крѣпости, а 25 дек. 1794 г. перевезенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и содержался до вступленія на престолъ Александра I, когда былъ освобожденъ совершенно больной и уже неспособный къ труду. *М. Я. Корольковъ*. „Поручикъ Ѳедоръ Кречетовъ. Шлиссельбургскій узникъ XVIII столѣтія". „Былое" 1906 г. № 4. Выписки, сдѣланныя Кречетовымъ, часть которыхъ приведена въ статьѣ г. Королькова на стр. 56, какъ оказывается, заимствованы изъ книги: „О государственномъ правленіи и разныхъ родахъ онаго, изъ Енциклопедіи переводилъ Иванъ Туманскій, Правительствующаго Сената переводчикъ". Спб. 1770 г. (статьи кавалера де Жокурта).

при феодальномъ режимѣ или напѣвали во дворцѣ революціонныя пѣсни и, въ присутствіи испуганныхъ или озадаченныхъ придворныхъ, вытаскивали изъ кармановъ трехцвѣтныя кокарды. Въ другой депешѣ, отъ 8 іюня 1792 г., тотъ же Жене сообщаетъ, что «нѣсколько дней тому назадъ вел. кн. началъ споръ о правахъ человѣка и другихъ частяхъ нашего національнаго договора» и на вопросы удивленныхъ придворныхъ о томъ, кто могъ столь хорошо его освѣдомить о немъ, отвѣчалъ, «что бабушка заставила его прочесть французскую конституцію, что она объяснила ему всѣ ея статьи, объяснила причины французской революціи 1789 г. и дала по этому поводу совѣты съ тѣмъ, чтобы онъ запечатлѣлъ ихъ въ своей памяти, но никому не сообщалъ ихъ».

Въ послѣдній годъ жизни Екатерины II Александръ Павловичъ, подъ вліяніемъ презрѣнія, которое возбуждала въ немъ придворная грязь, и чувства отвѣтственности за управленіе огромною имперіею, которое выше силъ одного человѣка, выражалъ въ письмахъ къ Лагарпу и Кочубею намѣреніе со временемъ отказаться отъ престола и поселиться съ женою на берегахъ Рейна. Гораздо важнѣе этихъ мечтаній были тѣ задушевныя мысли, которыя высказалъ вел. князь Александръ весною 1796 г. въ откровенной бесѣдѣ съ кн. Адамомъ Чарторыскимъ. Онъ сказалъ, что «нисколько не раздѣляетъ воззрѣній и правилъ кабинета и двора, что онъ порицаетъ основныя начала политики своей бабки, что все его сочувствіе на сторонѣ Польши, столь славно боровшейся, что онъ оплакивалъ ея паденіе, что Костюшко въ его глазахъ человѣкъ великій по своимъ добродѣтелямъ и потому, что онъ защищалъ дѣло человѣчества и справедливости». Александръ Павловичъ сказалъ, что «ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ люди, что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французскою революціею, что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ республикѣ успѣховъ и радуется имъ». Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ со своимъ другомъ вел. князь заявилъ, что «желалъ бы всюду видѣть республики и признаетъ эту форму правленія единственно сообразною съ правами человѣчества... Между прочимъ онъ утверждалъ, что наслѣдственная монархія—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть должна даровать не случайность рожденія, а голосованіе народа, который сумѣетъ избрать наиболѣе способнаго къ управленію государствомъ».

Кн. Чарторыскій старался внушить Александру Павловичу мужество, необходимое для предстоящихъ ему обязанностей, и его доводы, повидимому, имѣли нѣкоторое вліяніе. По крайней мѣрѣ, сдѣлавшись, съ началомъ новаго царствованія, наслѣдникомъ престола, Александръ Павловичъ сталъ задумываться надъ вопросами о государ-

ственныхъ реформахъ, хотя еще не покидалъ мысли объ отреченіи отъ престола, откладывая только это отреченіе до окончанія преобразованій, которыя онъ полагалъ со временемъ произвести. Въ этомъ духѣ кн. Чарторыскій даже составилъ, по просьбѣ великаго князя, во время коронаціи имп. Павла въ Москвѣ 5 апрѣля 1797 г.), проектъ манифеста, въ которомъ указывалось на неудобства существовавшей до того времени въ Россіи формы правленія, на выгоды той, которую Александръ предполагалъ ей даровать, на благодѣянія будущей свободы и введенія правосудія, которыми она будетъ пользоваться, когда уничтожатся препятствія, мѣшающія ея благополучію, и заявлялось о его рѣшеніи, исполнивъ эту священную для него обязанность, отказаться отъ власти для того, чтобы признанный наиболѣе достойнымъ ее носить могъ упрочить и усовершенствовать дѣло, основаніе котораго онъ положилъ. Александръ Павловичъ былъ очень доволенъ этимъ произведеніемъ Чарторыскаго, горячо благодарилъ его и затѣмъ никогда не заговаривалъ съ нимъ объ этомъ документѣ.

Великій князь вполнѣ оцѣнилъ всю прелесть порядка, установившагося со вступленіемъ на престолъ его отца. Въ письмѣ къ Лагарпу отъ 27 сентября 1797 г. онъ, между прочимъ, писалъ: «Благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами: существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ на выворотъ. Невозможно перечислить всѣ безразсудства, которыя совершались здѣсь; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, немалую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; заслуги здѣсь не при чемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ измученъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены...[1]) Несчастное положеніе моего отечества заставляетъ меня придать своимъ мыслямъ иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда либо придетъ и мой чередъ царствовать, то, вмѣсто того, чтобы покинуть родину, я сдѣлаю несравненно лучше, поработавъ надъ дарованіемъ ей свободы... Мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ видомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы *закончена* и нація избрала бы своихъ *представителей*... Когда придетъ мой чередъ, нужно будетъ стараться создать, само собою разумѣется постепенно, народное представительство, которое, направляемое къ тому, составило бы свободную конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы».

---

[1]) Ср. русскій переводъ книги проф. Брикнера „Смерть Павла I“ и мою статью, къ нему приложенную. Спб. 1907 г., изд. М. В. Пирожкова.

Сознавая всю невозможность существующаго порядка и задумываясь надъ необходимостью иного, лучшаго государственнаго строя, молодой великій князь естественно дѣлился своими мыслями съ людьми, ему близкими. Такъ какъ онъ нерѣдко выражалъ Кочубею желаніе, чтобы «правительство было устроено согласно съ принципами здраваго разума», то Кочубей попробовалъ узнать относительно этого мнѣніе своего дяди, кн. Безбородко. Въ первый разъ князь уклонился отъ обсужденія этого вопроса, но черезъ нѣсколько дней сказалъ, что набросалъ нѣкоторыя мысли по этому предмету,

Не удивительно, что Безбородко, надѣленный въ теченіе двухъ царствованій самодержавныхъ государей громадными богатствами, высказался за необходимость самодержавія, но порядки, существовавшіе при Павлѣ, оказывались столь невыносимыми, что даже этотъ гибкій царедворецъ счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку: «безпредѣльная власть» дается самодержавному государю «не для того, чтобы управлять дѣлами по прихотямъ, но чтобы держать въ почтеніи и исполненіи законы» и самому прежде всѣхъ имъ повиноваться. Безбородко предлагаетъ установить, чтобы государь, при его коронованіи, присягалъ «царствовать во славу имперіи и во благо общественное». Придавая большое значеніе сенату, онъ дѣлилъ его на 4 департамента такъ же, какъ это предполагалось въ екатерининскихъ проектахъ 1788 и 1795 гг. Кромѣ того, онъ считалъ полезнымъ учредить два департамента сената въ Москвѣ и два въ Кіевѣ. «Для вершенія дѣлъ», выходящихъ изъ общаго порядка, и гдѣ «уваженіе по человѣчеству требуетъ смягченія законовъ», Безбородко предлагалъ учредить высшій совѣстный судъ, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ высшаго совѣстнаго судьи, должны были присутствовать два депутата отъ дворянъ, два—отъ «мѣщанъ» (т. е. отъ городовъ) и два—отъ поселянъ. Вмѣсто сенаторскихъ ревизій, онъ считалъ полезнымъ установить такой порядокъ, чтобы каждая губернія была разъ въ три года подробно осмотрѣна лицами, уполномоченными на то государемъ (чрезъ «довѣренныхъ его особъ»), а именно, однимъ сенаторомъ и депутатами—двумя отъ дворянъ, двумя отъ «мѣщанъ» и двумя отъ крестьянъ. Подъ вѣдѣніемъ сената учреждается генеральный уголовный судъ, но составъ его иной, чѣмъ въ екатерининскомъ проектѣ реформы сената 1795 г., а именно, кромѣ трехъ лицъ, состоящихъ на коронной службѣ, присутствуютъ по два депутата отъ дворянъ, мѣщанъ и поселянъ; въ немъ судятся тѣ дѣла и лица, которыя не подлежатъ судамъ губернскимъ. Далѣе сказано слѣдующее: «*все собраніе депутатовъ*, подъ предсѣдательствомъ канцлера юстиціи, составляетъ надзираніе правъ государственныхъ»; въ немъ кромѣ того присутствуютъ 4 лица, состоящія на государственной службѣ. «Когда издается новый законъ, то проектъ онаго посылается на разсмотрѣніе въ сіе собраніе, потомъ

на ревизію въ общее сената собраніе и, наконецъ, утверждается самодержавною властью». Мысль Безбородка «о собраніи депутатовъ» вѣроятно, навѣяна приведенными выше предположеніями Екатерины II о расправной палатѣ среди выписокъ изъ сочиненія Блэкстона. Что записка Безбородка связана съ предположеніями Екатерины, подтверждается и свидѣтельствомъ Кочубея: по его словамъ, вручая ему свой проектъ, кн. Безбородко сказалъ, что у имп. Екатерины II была постоянно эта идея до тѣхъ поръ, пока французская революція не заставила ее перемѣнить принципы. Упомянувъ о ея грамотахъ дворянству и городамъ, Безбородко прибавилъ, что она оставила связку собственноручныхъ бумагъ о сенатѣ. Подъ вліяніемъ екатерининскихъ проектовъ 1788 и 1795 гг., онъ предлагалъ дать сенату право представленія о «вредѣ» даннаго указа и также требовалъ исполненія его въ случаѣ подтвержденія указа государемъ. Но въ екатерининскомъ проектѣ не только нѣтъ требованія уничтожить «всѣ способы потаенные и гдѣ кровь человѣка и гражданина угнетается вопреки законовъ, изданныхъ на прочія дѣла уголовныя» [1]), но, какъ мы видѣли, императрица собственноручно написала на проектѣ, что нужно упомянуть въ немъ о существованіи при второмъ департаментѣ сената тайной экспедиціи. Въ запискѣ Безбородка были и другія предположенія, о которыхъ Екатерина II и не думала въ послѣдніе годы жизни, какъ напримѣръ рядъ мѣръ для ограниченія крѣпостного права, повидимому, навѣянныхъ книгою Радищева. Нѣкоторыя же другія идеи, вѣроятно, были внушены Безбородку изученіемъ классическаго произведенія Монтескьё, которое, по словамъ Кочубея, онъ зналъ наизусть. По восшествіи на престолъ Александра I, гр. П. А. Строгановъ не разъ напоминалъ ему о запискѣ кн. Безбородка, но государь не былъ, видимо, ею удовлетворенъ.

Императоръ Павелъ своимъ дикимъ произволомъ, болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, содѣйствовалъ распространенію мысли о необходимости политическихъ реформъ. Даже такой консерваторъ, какъ Карамзинъ, дѣлаетъ въ «Запискѣ о древней и новой Россіи» рѣзкую характеристику царствованія Павла, въ которой, между прочимъ, чувствуется вліяніе ученія о договорномъ происхожденіи государственной власти. Карамзинъ напоминаетъ, что «государь не менѣе подданныхъ долженъ исполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повиновеніемъ», и въ весьма суровыхъ выраженіяхъ осуждаетъ правленіе Павла. Если это царствованіе заставило говорить такимъ языкомъ Карамзина, то понятно, что во многихъ другихъ лицахъ и, какъ мы видѣли, въ наслѣдникѣ престола, оно возбудило стремленія къ введенію въ Россіи конституціоннаго строя.

[1]) Въ царствованіе Павла тайная экспедиція была завалена дѣлами и подвергала допрашиваемыхъ истязаніямъ.

Въ анонимномъ посланіи, найденномъ во дворцѣ черезъ десять дней по вступленіи на престолъ имп. Александра I и написанномъ В. Н. Каразинымъ, послѣдній выражалъ надежду, что государь дастъ странѣ «непреложные законы», ограничитъ ими самодержавіе и свое, и своихъ наслѣдниковъ [1]) и «составитъ коренное учрежденіе, *изберетъ ему блюстителей* и, оградивъ ихъ личною безопасностью, поставитъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ избытокъ своей власти на охраненіе святыхъ законовъ отечества» [2]).

Уже въ первой бесѣдѣ о предстоящихъ реформахъ съ гр. Строгановымъ (23 апрѣля 1801 г.) государь сказалъ, что необходимо «опредѣленіе столь знаменитыхъ правъ человѣка»: мысль объ этомъ очевидно была навѣяна французскою декларацією правъ и англійскими основными законами. Затѣмъ онъ выразилъ желаніе, чтобы внимательно ознакомились «со всѣми конституціями». Составленъ былъ Трощинскимъ, при участіи гр. А. В. Воронцова, проектъ «всемилостивѣйшей грамоты россійскому народу». Въ ней, между прочимъ, обвиняемому въ преступленіи или находящемуся подъ судомъ предлагалось избрать защитника. Затѣмъ, дозволялось каждому, посаженному въ заключеніе или насильственно задержанному, если ему не объявлено о причинѣ задержанія и въ теченіи трехъ дней онъ не былъ представленъ въ судъ къ допросу, требовать своего освобожденія, при чемъ онъ долженъ немедленно получить свободу съ правомъ начать искъ противъ задержавшаго его лица «въ оскорбленіи личной безопасности и убыткахъ». Взятый подъ стражу и представившій установленное закономъ поручительство въ

---

[1]) „Онъ скажетъ Россіи: се предѣлъ самодержавія моего и моихъ наслѣдниковъ, нерушимый во вѣки!"..

[2]) *Шильдеръ*, Имп. Александръ I, т. II, 327. Въ копіи своего посланія 1801 г. къ государю, сдѣланной Каразинымъ въ 1812 г. для адмирала Шишкова, но недошедшей до него, которая была напечатана въ „Русской Старинѣ" (1871 г., т. IV, 68—80) съ вырѣзкою болѣе страницы, это мѣсто изложено иначе: „Онъ составитъ въ тайнѣ, но торжественно, предъ лицомъ внимающей вселенной, изадастъ государственное постановленіе, основу законовъ, которые сами, нечувствительно, могутъ предварить ея обнародованіе". (Въ примѣчаніи 1812 г. Каразинъ поясняетъ, что считалъ болѣе благоразумнымъ издавать законы постепенно, „обнародованіе же государственнаго учрежденія (конституціи), которое между тѣмъ", т. е. пока „останется тайною для народа, должно увѣнчать все"). Онъ *повелитъ, напослѣдокъ, въ пространствѣ Россіи избрать старцевъ*, достойнѣйшихъ безпредѣльной довѣренности своихъ согражданъ, и, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ весь избытокъ своей власти,—да охраняютъ святая святыхъ отечества... Онъ первый употребитъ самовластіе на обузданіе самовластія; первый, кто по чистѣйшему движенію сердца пожертвуетъ человѣчеству собственными выгодами!" Копія 1812 г. снята, вѣроятно, съ черновика (хотя мѣстами, повидимому, сдѣланы и позднѣйшія прибавки). Такимъ образомъ, въ черновомъ посланіи Каразинъ мечталъ объ *избраніи* блюстителей конституціи во всей Россіи, въ отправляемомъ же государю предоставлялъ это избраніе, т. е. назначеніе, Александру I.

томъ, что явится на судъ, долженъ быть освобожденъ, кромѣ случаевъ наиболѣе тяжкихъ преступленій, притомъ вполнѣ доказанныхъ и совершенныхъ умышленно. Предполагалось также постановить, что согласно XX-ой главѣ Наказа (ст. 480, 484), можно считать оскорбленіемъ величества только извѣстныя дѣйствія [1]), а отнюдь не слова и сочиненія. «Каждый россійскій гражданинъ», сказано было также въ грамотѣ, «да пользуется невозбранно свободою мысли, вѣры, или исповѣданія, богослуженія, слова или рѣчи, письма и дѣянія, поколику они законамъ государственнымъ не противны и никому не оскорбительны». Предполагалось обнародовать эту грамоту во время коронаціи въ Москвѣ, но намѣреніе это исполнено не было [2]).

5 іюня 1801 г. данъ былъ сенату именной указъ, чтобы онъ составилъ докладъ о своихъ правахъ и обязанностяхъ, при чемъ государь выразилъ намѣреніе поставить права и преимущества сената на незыблемомъ основаніи, какъ государственный законъ. Александру I приходило въ голову, чтобы въ губерніяхъ (вѣроятно въ дворянскихъ собраніяхъ) избиралось по два кандидата, изъ числа которыхъ назначались бы сенаторы, но одинъ изъ членовъ неоффиціальнаго комитета, въ которомъ государь обсуждалъ проекты преобразованій, Новосильцовъ, возразилъ, что назначаемыя такимъ образомъ лица могутъ не имѣть познаній, необходимыхъ для занятія столь важнаго мѣста.

Не останавливаясь на различныхъ проектахъ преобразованія сената, отмѣтимъ только мнѣніе по этому предмету Н. С. Мордвинова, прочитанное имъ въ засѣданіи Совѣта 1 мая 1802 г. «Желательно», писалъ Мордвиновъ, «чтобы сенатъ содѣлался тѣломъ политическимъ... Права политическія должны быть основаны на знатномъ сословіи, весьма уважаемомъ». Мордвиновъ предлагаетъ, чтобы каждая губернія присылала въ сенатъ по два депутата, выбираемыхъ на томъ же осно-

---

[1]) А именно, заговоръ для ниспроверженія высшей власти, произведеніе явнаго и умышленнаго бунта въ народѣ, которымъ будетъ нарушено спокойствіе государства, и измѣну.

[2]) Была еще попытка опредѣлить общія политическія права въ неизданномъ проектѣ Новосильцова, но онъ не имѣлъ практическихъ послѣдствій. Любопытно сопоставить эти блужданія окружающихъ государя лицъ въ вопросахъ объ общихъ правахъ русскихъ гражданъ съ весьма опредѣленною программою А. Н. Радищева, служившаго въ то время въ коммиссіи составленія законовъ. По его мнѣнію, необходимо постановить, что 1) всѣ состоянія равны передъ закономъ и потому тѣлесное наказаніе должно отмѣнить; 2) табель о рангахъ уничтожить; 3) въ уголовныхъ дѣлахъ отмѣнить пристрастные допросы, ввести публичное судопроизводство и судъ присяжныхъ; 4) вѣротерпимость должна быть совершенная и устранено все то, что стѣсняетъ свободу совѣсти; 5) ввести свободу книгопечатанія съ ограниченіями и точными постановленіями о степени отвѣтственности; 6) освободить крѣпостныхъ крестьянъ и нѣкоторыхъ другихъ.

ваніи, какъ губернскіе предводители, т. е. однимъ дворянствомъ, и также на три года. Выбранные не получаютъ жалованья, но пользуются всѣми преимуществами наравнѣ съ назначенными государемъ и также называются сенаторами. «Существенная» ихъ обязанность должна была состоять въ попеченіи о благѣ той губерніи, отъ которой они избраны. Мнѣніе Мордвинова имѣетъ нѣкоторое сходство съ предположеніями кн. Щербатова въ его «Путешествіи въ землю Офирскую», но только Щербатовъ давалъ право представительства не одному дворянству, а также и купечеству, по крайней мѣрѣ, по дѣламъ, затрогивающимъ его интересы. Когда, въ концѣ того же мѣсяца, на совѣщаніи съ нашимъ посланникомъ въ Англіи, гр. С. Р. Воронцовымъ, гр. Строгановъ, сближая сенатъ съ верхнею палатою англійскаго парламента, возбудилъ вопросъ о наслѣдственности сенаторскаго званія и высказался за нее, то Воронцовъ возражалъ противъ этого, считая у насъ такое учрежденіе опаснымъ.

Указомъ 8 сентября 1802 г. о сенатѣ за нимъ не сохранялась уже прежняя власть, такъ какъ органами центральнаго управленія и непосредственными докладчиками верховной власти, на основаніи изданнаго въ тотъ же день указа, являлись министры. Но они обязаны были ежегодно представлять чрезъ сенатъ письменные отчеты государю; разсмотрѣвъ ихъ и выслушавъ объясненія министровъ, сенатъ докладывалъ императору свое мнѣніе. Однако это правило не создало дѣйствительной отвѣтственности министровъ. Сенату дозволялось также дѣлать представленія государю о неудобоисполнимыхъ указахъ по общимъ государственнымъ дѣламъ или несогласныхъ съ законами и неясныхъ по дѣламъ судпымъ; но когда сенатъ попробовалъ въ слѣдующемъ году воспользоваться этимъ правомъ по поводу одного указа, ограничивающаго права дворянства, то было разъяснено, что сенатъ можетъ дѣлать представленія лишь о тѣхъ законахъ и указахъ, которые были изданы до 8 сентября 1802 г. С. Р. Воронцовъ утверждалъ, что, по новымъ законамъ, сенатъ униженъ, а министры получили слишкомъ большую власть; сравнивая министровъ-фаворитовъ XVIII вѣка съ новыми министрами, онъ находилъ, что то было зло неузаконенное, а теперь оно основывается на законѣ

Англоманскія теченія, особенно замѣтныя въ высшихъ слояхъ русскаго общества въ первые годы царствованія Александра I, нашли выраженіе въ составленной не позже сентября 1802 г. запискѣ Сперанскаго, который думалъ тогда найти въ усиленіи аристократіи орудіе для ограниченія самодержавія.

Онъ предлагалъ даровать право первородства высшему дворянству и предназначить его для занятія первыхъ государственныхъ мѣстъ и для охраненія законовъ. Государь долженъ имѣть право вводить въ

него нѣкоторое количество лицъ изъ низшаго класса. Всѣ остальные составляютъ низшій классъ, или народъ.

Для устройства высшаго класса Сперанскій предлагаетъ «отдѣлить два, три или четыре первые классы отъ прочаго дворянства, а введеніе права первородства будетъ возстановленіемъ закона о томъ Петра В. [1]). Чтобы успокоить то недовольство младшихъ дѣтей высшаго дворянства, которое долженъ былъ вызвать такой законъ, Сперанскій допускалъ, чтобы благопріобрѣтенныя имѣнія подвергались равному раздѣлу между всѣми дѣтьми этихъ дворянъ.

Государственный сеймъ по проекту Сперанскаго 1802 г. долженъ былъ состоять изъ двухъ камеръ: дворянство первыхъ четырехъ классовъ составитъ особую камеру, а «дворянство прочихъ классовъ» будетъ помѣщено «въ одномъ засѣданіи съ народомъ». Дворянству высшихъ классовъ будетъ предложено возстановить для себя законъ Петра В., и Сперанскій полагалъ, что оно приметъ его съ восхищеніемъ; оспариваніе его въ «камерѣ народа» не можетъ встрѣтить тамъ общаго сочувствія, такъ какъ законъ этотъ народа не касается. Однако, Сперанскій не обратилъ вниманія на то, что нововведеніемъ Петра В. дворянство было въ свое время весьма недовольно, и, согласно его желанію, законъ этотъ былъ отмѣненъ Анною Іоанновною [2])

Въ 1803 г. имп. Александръ, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея, поручилъ Сперанскому составить планъ устройства судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи. Наиболѣе важный пунктъ этой записки состоитъ въ выясненіи истиннаго значенія отвѣтственности исполнительной власти предъ законодательною. Установленіе такой отвѣтственности, говоритъ Сперанскій, «есть первый шагъ рѣшительнаго приближенія, какой можно сдѣлать въ государствѣ деспотическомъ къ правильной монархіи, ибо, установляя ее, государь самодержавный отступается отъ безотчетнаго управленія и въ лицѣ министровъ покоряетъ собственную свою власть закону». Сперанскій считаетъ нужнымъ при этомъ пояснить, что «отвѣтственность сія не учреждается однимъ словомъ или велѣніемъ; она перемѣняетъ конституцію государства и слѣдовательно не можетъ быть нигдѣ безъ важныхъ превращеній» (революцій). «Она предполагаетъ законъ, утвержденный печатію общаго принятія, и извѣстную гарантію сего закона въ вещественныхъ установленіяхъ государства или въ твердомъ и общемъ мнѣніи народномъ. *Безъ*

[1]) Составитель проекта упускалъ изъ вида, что Петръ В. установилъ единонаслѣдіе не для одного высшаго дворянства, и не только для служилаго сословія вообще, но и для купцовъ, при чемъ отецъ, распоряжаясь своимъ недвижимымъ имуществомъ по завѣщанію, могъ назначить наслѣдникомъ не непремѣнно старшаго, а любого изъ сыновей.

[2]) См. мою статью „Первый политическій трактатъ Сперанскаго". „Русское Богатство". 1907 г. № 1.

сего все будетъ состоять только въ словахъ». Тутъ ясно критическое отношеніе Сперанскаго къ тѣмъ разговорамъ объ ограниченіи самовластія, которыми имп. Александръ и его приближенные усердно занимались въ первые годы его царствованія и которые ни на шагъ не подвигали дѣла впередъ.

Въ «правильномъ монархическомъ государствѣ» (въ отличіе отъ Россіи, правленіе которой Сперанскій считалъ деспотическимъ) «государственный законъ» рисовался Сперанскому въ слѣдующихъ чертахъ: 1) Всѣ «состоянія» государства свободны и участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ въ законодательной власти. 2) Власть исполнительная принадлежитъ одному лицу, участвующему въ законодательномъ дѣйствіи и утверждающему его. 3) Есть общественное мнѣніе, оберегающее законъ въ его исполненіи. 4) Есть «независимое сословіе народа» (т. е. законодательное собраніе, основанное на народномъ избраніи), предъ которымъ «исполнители» отвѣтственны. 5) Существуетъ система гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, принятая народомъ. 6) Судъ производится не отъ лица государя, но лицами, избранными народомъ и имъ утвержденными, которыя сами могутъ быть преданы суду. 7) Судопроизводство публично, исключая нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаевъ. 8) Существуетъ свобода печати въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ границахъ.

Къ сожалѣнію, записка Сперанскаго 1803 г. найдена до сихъ поръ лишь въ черновомъ оригиналѣ, и въ немъ только что изложенное мѣсто зачеркнуто. Правда, многія характерныя черты государственнаго закона указаны Сперанскимъ отдѣльно въ другихъ мѣстахъ, но, во первыхъ, далеко не всѣ, а, во вторыхъ, здѣсь онѣ были собраны воедино, и исключеніе вышеизложеннаго мѣста несомнѣнно уменьшало значеніе записки. Можно предполагать, что это исключеніе было сдѣлано по требованію тогдашняго начальника Сперанскаго, Кочубея, который, вѣроятно, нашелъ нужнымъ охладить либеральный пылъ своего подчиненнаго. Недаромъ Сперанскій сказалъ другу и популяризатору Бентама, Дюмону, посѣтившему въ это время Петербургъ, что «не вѣритъ въ возможность установленія политической свободы въ Россіи». Упомянемъ еще, что Сперанскій, какъ видно изъ другого зачеркнутаго мѣста записки, колебался еще тогда, слѣдуетъ ли основать законодательное учрежденіе на «системѣ представленія» [1]), т. е. представительства, или на системѣ первородства. Во всякомъ случаѣ, въ этой запискѣ онъ вынужденъ былъ составлять планъ устройства правительственныхъ и судебныхъ учрежденій съ сохраненіемъ самодержавія [2]). Этотъ трудъ Сперанскаго, повидимому, не былъ представленъ имп. Александру.

---

[1]) Въ проектѣ 1809 г. (см. ниже) Сперанскій употребляетъ выраженіе: „народное представленіе".

[2]) Записка 1803 г. была впервые напечатана П. А. Бычковымъ въ „Исто-

Въ іюнѣ 1804 г., министръ юстиціи кн. Лопухинъ, управлявшій и коммиссіею составленія законовъ, призвалъ къ себѣ секретаря и перваго докладчика этой коммиссіи, бар. Розенкампфа, не знавшаго тогда русскаго языка, и объявилъ ему повелѣніе государя заняться составленіемъ проекта конституціи для Россіи. Правда, ранѣе этого, по порученію русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ составилъ проектъ конституціи для Іоническихъ острововъ, которые состояли съ 1799 по 1807 г. подъ покровительствомъ Россіи, но даже самъ Розенкампфъ признавалъ эту работу неудачною. Поэтому онъ былъ крайне пораженъ, услышавъ повелѣніе государя. Розенкампфъ указалъ Лопухину на то, что «коммиссія не успѣла еще ознакомиться съ основными началами государственнаго строя Россіи, а отъ нея желаютъ имѣть окончательный выводъ изъ нихъ, конституцію»; онъ напомнилъ, что еще не собраны многіе законы о сословіяхъ, не разсмотрѣны національныя и мѣстныя особенности. Однако онъ долженъ былъ повиноваться и составилъ общій очеркъ конституціи, который, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ множество пробѣловъ, такъ какъ вовсе не касался крестьянскаго сословія. Трудъ этотъ пока не найденъ, и мы не знаемъ, были ли въ этомъ проектѣ постановленія, дѣйствительно ограничивающія самодержавную власть [1]). Онъ былъ переданъ Новосильцову и кн. Чарторыскому, которые выработали полный проектъ, но онъ остался безъ движенія, вслѣдствіе внѣшнихъ усложненій, вызвавшихъ кровопролитныя войны 1805—7 гг. и паденіе вліянія Строганова, кн. Чарторыскаго и Новосильцова. По возвращеніи изъ Эрфурта въ 1808 г., государь передалъ этотъ проектъ Сперанскому, который его не одобрилъ.

Въ 1808 г. Сперанскій находился въ свитѣ государя во время его свиданія съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ. Наполеонъ обратилъ особенное вниманіе на Сперанскаго и говорилъ о немъ, что это «единственная свѣтлая голова въ Россіи». По возвращеніи въ Петербургъ, государь проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, относившихся къ вопросу о государственныхъ преобразованіяхъ. Работою

рическомъ Обозрѣніи", изд. Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ, т. XI.

[1]) Магницкій, по его собственному позднѣйшему свидѣтельству, возвратился изъ Парижа въ 1804 г. „съ проектомъ конституціи и запискою о легкомъ способѣ ввести ее". То и другое, очевидно, были представлены государю, такъ какъ Александръ I, приказалъ черезъ ген.-ад. Уварова сказать Магницкому, что онъ его не забудетъ. „Русс. Стар." 1899 г. № 2, стр. 293. Судя по показанію Магницкаго о его службѣ, это должно было быть въ 1803 г. „Девятнадцатый Вѣкъ", изд. Бартенева, т. I, 235. Необходимо отмѣтить съ другой стороны, что Лагарпъ (во время пребыванія въ Россіи съ августа 1801 г. до начала мая 1802 г.) и дерптскій проф. Парротъ, къ которому Александръ I относился самымъ дружескимъ образомъ, въ письмѣ отъ 28 марта 1805 г. убѣждали государя сохранить самодержавіе.

надъ общимъ планомъ реформъ Сперанскій былъ занятъ большую часть 1809 г. [1]). Октябрь и ноябрь мѣсяцы прошли въ томъ, что почти ежедневно государь разсматривалъ проектъ Сперанскаго, дѣлалъ перемѣны, дополненія и поправки и, наконецъ, рѣшилъ приводить его въ дѣйствіе [2]).

Приступая къ ознакомленію съ проектомъ Сперанскаго 1809 г., носящимъ въ черновомъ оригиналѣ заглавіе «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ», отмѣтимъ изъ того, что онъ говоритъ о прошломъ Россіи, рѣшительное осужденіе имъ закона Петра В. о правѣ первородства: «сіе установленіе, совершенно феодальное, могло бы», по мнѣнію Сперанскаго, «уклонить Россію на нѣсколько вѣковъ отъ настоящаго ея пути». Такимъ образомъ въ эту, болѣе демократическую, эпоху своего міросозерцанія Сперанскій высказался противъ права первородства, которое въ запискѣ 1802 г. онъ желалъ установить. Современная ему Россія находится по его мнѣнію, «въ эпохѣ самодержавія», но «безъ сомнѣнія имѣетъ прямое (forte, mais regulière) [3]) направленіе къ свободѣ». Въ доказательство того, что «настоящая система (la forme) правленія не свойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа и что настало время перемѣнить ее и основать новый вещей порядокъ», Сперанскій указываетъ нѣсколько признаковъ. Онъ отмѣчаетъ, между

---

[1]) При этомъ онъ изучилъ „всѣ извѣстныя конституціи".

[2]) Напомнимъ, что Финляндія, присоединенная къ Россіи въ 1809 г., сохранила свое государственное устройство. 15-го марта было подписано государемъ „обнадеживаніе всѣмъ жителямъ Финляндіи", въ которомъ сказано. „Признали мы за благо... утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимости и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи". Сперанскій сопровождалъ государя на сеймъ въ Борго, и имъ были написаны рѣчи императора при открытіи и закрытіи сейма. Взглядъ имп. Александра на государственное устройство Финляндіи всего опредѣленнѣе выраженъ въ манифестѣ отъ 15 марта 1810 г.: „Съ той минуты, когда провидѣніе отдало въ наши руки судьбу Финляндіи, мы рѣшили управлять этою страною, какъ націею свободною и пользующеюся правами, которыя гарантировала ей ея конституція... Всѣ акты, изданные до сихъ поръ для внутренняго управленія этою страною, составляютъ слѣдствіе и приложеніе этого основного начала. Сохраненіе религіи и законовъ, созваніе сейма, образованіе правительственнаго совѣта среди націи, сохраненіе въ неприкосновенности судебнаго и административнаго порядка суть доказательства, которыя должны удостовѣрить финскій народъ (nation) въ правахъ его политическаго существованія". Въ отчетѣ за 1810 г. Сперанскій указалъ на то, что „Финляндія есть государство, а не губернія". Несмотря однако на либеральное настроеніе имп. Александра I относительно Финляндіи, финляндскій сеймъ при немъ, послѣ 1809 г., ни разу не былъ созванъ.

[3]) Для поясненія мысли Сперанскаго мы сопоставляемъ нѣкоторыя выраженія въ его проектѣ на русскомъ языкѣ съ соотвѣтственными мѣстами сокращеннаго и иногда нѣсколько смягченнаго французскаго перевода.

прочимъ, ослабленіе власти. «Если физическая власть», говоритъ онъ, «осталась въ прежнемъ положеніи, то моральная, безъ сомнѣнія, весьма ослабѣла. Какая мѣра правительства не подвержена нынѣ осужденію?.. Съ достовѣрностью можно сказать, что всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія... Одна есть истинная сему причина: образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія». Далѣе авторъ указываетъ на невозможность частныхъ исправленій и, наконецъ, на всеобщее неудовольствіе: «Духъ народный страждетъ въ безпокойствіи. Какъ можно объяснить сіе безпокойствіе иначе, какъ совершеннымъ измѣненіемъ мыслей, глухимъ, но самымъ сильнымъ желаніемъ другого вещей порядка».

Доказавъ необходимость коренныхъ реформъ, Сперанскій утверждаетъ, что преобразованіе должно состоять въ томъ, чтобы «правленіе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣнномъ законѣ». Но онъ желалъ не облегченія самодержавнаго правленія только «внѣшними формами закона» (formes constitutionelles apparentes), при чемъ оставались бы въ сущности «та же сила и то же пространство самодержавія», какъ это было въ тогдашней наполеоновской Франціи и какъ это ему самому приходилось проектировать въ запискѣ 1803 г., а дѣйствительнаго ограниченія самодержавія [1]), при которомъ: 1) законодательное «сословіе» [2]) было бы такъ устроено, чтобы его постановленія нуждались въ утвержденіи державной власти, «но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣніе народное» (voeux de la nation). 2) Сословіе судебное должно составляться по свободному выбору (choix libre de la nation), и только надзоръ за судебными формами принадлежалъ бы правительству. 3) Власть исполнительная должна быть ввѣрена правительству, но такъ какъ она могла бы своими распоряженіями, подъ видомъ исполненія законовъ, совсѣмъ уничтожить ихъ, то необходимо сдѣлать ее отвѣтственною предъ властью законодательною.

Предложеніе закона (законодательный починъ) должно быть предоставлено правительству. Но когда оно какою либо мѣрою явно нарушаетъ законъ или въ установленное время не представитъ требуемыхъ закономъ отчетовъ, законодательное «сословіе» можетъ возбудить слѣдствіе противъ министра, подписавшаго эту мѣру [3]), и вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) „Ограничить его“ (самодержавіе) „внутреннею и существенною силою установленій“ (par des institutions nationales, investies d'une force interieur et réelle) „и учредить державную власть на законѣ“ (loi fondamentale), „не словами, но самымъ дѣломъ“.

[2]) Такъ переводилъ Сперанскій слово „corps“, „законодательное сословіе“ — „corps législatif“.

[3]) Однако такое постановленіе законодательнаго „сословія“ должно быть утверждено державною властью. Въ Англіи, когда нижняя палата предавала

«просить ея отмѣны». «Уваженіе» закона [1]), т. е. обсужденіе и принятіе его, должно принадлежать законодательному сословію при участіи министровъ [2]). Утвержденіе закона составляетъ право державной власти.

Политическія права, по проекту Сперанскаго, основываются на обладаніи собственностью, имущественнымъ цензомъ, при чемъ теоретически обсуждая этотъ вопросъ, онъ допускаетъ для ценза не только недвижимую собственность, но и «капиталы промышленности въ извѣстномъ количествѣ». Однако далѣе сказано, что «волостная дума», производящая выборы въ первой степени, составляется «изъ всѣхъ представителей *недвижимой собственности*» съ присоединеніемъ къ нимъ представителей отъ казенныхъ крестьянъ. И дворяне могутъ участвовать въ выборахъ и быть избираемыми «не иначе, какъ на основаніи собственности». Лица «средняго состоянія» имѣютъ также права политическія по ихъ собственности. «Среднее состояніе составляется изъ купцовъ, мѣщанъ» (во французскомъ переводѣ прибавлено: ремесленниковъ), «однодворцевъ и всѣхъ» (некрѣпостныхъ) «поселянъ, имѣющихъ недвижимую собственность («certaine quantité de terrain») въ извѣстномъ количествѣ» (однако размѣръ ея не указанъ) [3]). Возрастъ, необходимый для обладанія политическими правами, не опредѣленъ. Наконецъ, третье «состояніе», «рабочій народъ», имѣетъ общія гражданскія права, но не имѣетъ правъ политическихъ. Переходъ изъ этого класса въ среднее состояніе былъ открытъ всѣмъ, кто пріобрѣлъ недвижимую собственность (propriété foncière) въ извѣстномъ количествѣ и исполнилъ повинности, которыми былъ обязанъ по прежнему состоянію. Къ этому классу причисляются всѣ помѣщичьи крестьяне, мастеровые, ихъ работники и домашніе слуги.

Сперанскій устанавливаетъ четыре степени порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго: 1) въ волостныхъ городахъ, а гдѣ нѣтъ города, къ которому съ удобствомъ могли бы быть приписаны волости, то въ селеніи; 2) въ окружномъ городѣ; 3) въ губернскомъ и 4) въ столицѣ.

министровъ суду верхней палаты, на это не требовалось согласія короля, и, въ случаѣ осужденія министровъ, онъ не могъ ихъ помиловать. Дозволяя возбужденіе слѣдствія противъ министра только съ утвержденія государя, Сперанскій подрывалъ значеніе министерской отвѣтственности, такъ какъ при такомъ порядкѣ министры могли ссылаться на повелѣніе государя, и слова проекта, что „подписаніе актовъ“ (министрами) „всегда предполагается совершенно свободнымъ“, могли утратить всякое значеніе.

[1]) Délibération de la loi, formation de la loi.

[2]) При этомъ Сперанскій различаетъ законъ и уставы или учрежденія: послѣдніе „относятся къ дѣйствію власти исполнительной“, при чемъ она можетъ сложить съ себя отвѣтственность, внося уставы и учрежденія на обсужденіе законодательнаго сословія“.

[3]) Духовенству, очевидно, не предоставлялось политическихъ правъ, такъ какъ о немъ вовсе не упоминается въ проектѣ Сперанскаго.

«Въ каждомъ волостномъ городѣ или въ главномъ волостномъ селеніи каждые три года изъ всѣхъ владѣльцевъ *недвижимой* собственности составляется собраніе подъ названіемъ *волостной думы*. Казенныя селенія отъ каждаго пятисотеннаго участка посылаютъ въ думу одного старшину». Волостная дума выбираетъ членовъ волостного правленія, депутатовъ въ окружную думу (число ихъ не можетъ превышать $^2/_3$ всего числа владѣльцевъ) и составляетъ списокъ 20 отличнѣйшихъ обывателей, населяющихъ волость, и представленіе окружной думѣ объ ея общественныхъ нуждахъ.

Въ собраніяхъ волостной думы участвовали имѣющіе собственность дворяне, купцы и мѣщане (по французскому переводу—и ремесленники), однодворцы и некрѣпостные крестьяне, имѣющіе недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ; кромѣ того, въ волостной думѣ участвовали старшины отъ казенныхъ крестьянъ по одному отъ 500 душъ. Нельзя сдѣлать даже приблизительный подсчетъ тѣхъ, кто могъ участвовать въ этихъ собраніяхъ, тѣмъ болѣе, что размѣръ имущественнаго ценза не установленъ, но такъ какъ допускались мѣщане и крестьяне, имѣющіе недвижимую собственность, то вѣроятно этотъ цензъ предполагалось установить въ небольшомъ размѣрѣ. Несомнѣнно, что политическія права были предоставлены Сперанскимъ весьма значительному числу лицъ; но это достоинство проекта значительно ослабляется многостепенностью выборовъ (которые для казенныхъ крестьянъ—четырехстепенные, а для членовъ средняго сословія и для дворянства—трехстепенные).

Изъ депутатовъ волостныхъ думъ каждые три года въ окружномъ городѣ составляется собраніе подъ именемъ *окружной думы*. Она выбираетъ членовъ окружного совѣта и окружнаго суда и депутатовъ въ губернскую думу, изъ представленныхъ отъ волостныхъ думъ списковъ составляетъ списокъ 20 «отличнѣйшихъ» обывателей округа, беретъ отчетъ съ окружнаго начальства въ суммахъ, собираемыхъ на общественные расходы, и составляетъ представленіе губернской думѣ объ общественныхъ нуждахъ на основаніи представленій волостныхъ думъ.

Изъ депутатовъ окружныхъ думъ каждые три года составляется въ губернскомъ городѣ собраніе подъ именемъ *губернской думы*. Она выбираетъ членовъ губернскаго совѣта, губернскаго суда и членовъ государственной думы (изъ обоихъ состояній, имѣющихъ политическія права), число которыхъ опредѣляется для каждой губерніи закономъ. При этомъ въ проектѣ не сказано, какъ великъ долженъ быть цензъ для того, чтобы быть выбраннымъ депутатомъ въ государственную думу. Хотя ранѣе Сперанскій утверждаетъ, что цензъ для того, чтобы быть выбраннымъ въ депутаты, «во всѣхъ государствахъ» выше, чѣмъ для того, чтобы участвовать въ выборахъ, но здѣсь объ этомъ не упомянуто. Далѣе, губернская дума, подобно волостной и окружной, выбираетъ 20

«отличнѣйшихъ» въ губерніи обывателей, разсматриваетъ отчетъ губернскаго правленія въ деньгахъ, собираемыхъ на общественныя надобности, составляетъ представленіе объ общественныхъ нуждахъ соотвѣтственно ходатайствамъ окружныхъ думъ и, подобно губернской думѣ, устраиваетъ изъ своихъ членовъ особыя коммиссіи для разсмотрѣнія отчетовъ и представленія о нуждахъ.

По окончаніи этихъ занятій, предсѣдатель препровождаетъ въ государственный совѣтъ, на имя канцлера юстиціи, списки всѣхъ членовъ, избранныхъ въ волостныя правленія и суды окружные и губернскій; на имя канцлера государственной думы списки: 1) членовъ, избранныхъ въ совѣты окружные и губернскій, 2) членовъ, избранныхъ въ законодательное «сословіе», 3) отличнѣйшихъ обывателей губерніи и 4) представленіе о нуждахъ губерніи. Такимъ образомъ Сперанскій не упоминаетъ о правѣ петиціи для отдѣльныхъ гражданъ, а устанавливаетъ лишь коллективныя ходатайства чрезъ волостныя, окружныя и губернскія думы.

Губерніи для производства выборовъ раздѣляются на 5 классовъ, и ежегодно выборы производятся въ 10 не «близко смежныхъ» одна съ другою губерніяхъ. Выборы должны производиться каждые три года.

Относительно государственной думы Сперанскій въ своемъ проектѣ предлагаетъ слѣдующія постановленія. «Изъ депутатовъ, представленныхъ отъ губернской думы, составляется законодательное сословіе подъ именемъ *государственной думы*». Очень важно то, что дума собирается не по повелѣнію императора, а «по коренному закону и безъ всякаго созыва ежегодно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ». Срокъ дѣйствія ея опредѣляется количествомъ предлагаемыхъ ей дѣлъ. Дѣйствіе государственной думы прекращается двоякимъ образомъ: 1) отсрочкою до будущаго года и 2) совершеннымъ увольненіемъ всѣхъ ея членовъ. Отсрочка производится актомъ державной власти въ государственномъ совѣтѣ. Увольненіе производится такимъ же актомъ, но съ обозначеніемъ въ немъ новыхъ членовъ, назначенныхъ послѣдними выборами губернскихъ думъ. «Кромѣ общаго увольненія», сказано далѣе въ проектѣ, «члены государственной думы не могутъ оставить свое мѣсто» иначе, какъ по постановленію верховнаго суда (а въ окончательной редакціи прибавлено: «или опредѣленіемъ въ совѣтъ, сенатъ и министерство»). «Въ сихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ мѣста членовъ занимаются непосредственно однимъ изъ кандидатовъ, въ спискѣ послѣдняго выбора означенныхъ». «Предсѣдатель государственной думы», сказано въ черновомъ собственноручномъ оригиналѣ проекта, «есть ея канцлеръ по самому своему званію» Въ окончательной же редакціи это измѣнено такъ: «Предсѣдатель государственной думы избирается изъ членовъ ея и утверждается державною

властію». Въ первыхъ засѣданіяхъ дума образуетъ 6 законодательныхъ коммиссій.

Дѣла предлагаются государственной думѣ отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта. Но государственная дума можетъ сама вносить представленія: 1) о государственныхъ нуждахъ, 2) объ уклоненіи отъ отвѣтственности и 3) о мѣрахъ, нарушающихъ государственные законы. Болѣе подробныя постановленія относительно государственной думы предполагалось внести въ коренные законы, а въ проектѣ Сперанскаго сказано, что ни одинъ законъ *не можетъ имѣть силы, если «не будетъ составленъ въ законодательномъ сословіи»*, и что въ нее должны быть вносимы судебный уставъ, общія правительственныя «учрежденія», постановленія о налогахъ и общенародныхъ повинностяхъ, о продажѣ и залогѣ государственныхъ имуществъ и исключительныхъ на нихъ привилегіяхъ и о вознагражденіи частныхъ людей за отчужденіе имуществъ, необходимыхъ для общей пользы.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ этомъ проектѣ Сперанскій высказался, по примѣру французскихъ конституцій 1791 и 1793 гг., въ пользу однопалатной системы, что весьма естественно, такъ какъ его взгляды стали болѣе демократичными.

Сравнительно съ законодательнымъ корпусомъ наполеоновской Франціи государственная дума, по проекту Сперанскаго, должна была имѣть гораздо большее значеніе. Но мы указывали уже на то, что отвѣтственность министровъ могла бы быть сведена къ нулю, если бы того пожелала верховная власть [2]). Такимъ образомъ многое зависѣло бы отъ настроенія государя, и если бы оно оказалось нелиберальнымъ, то значеніе государственной думы могло бы сильно уменьшиться. Нужно однако не забывать, что если государь могъ не утвердить проекта закона, одобреннаго государственною думою, то съ другой стороны ни одинъ законъ, и въ томъ числѣ объ установленіи налоговъ, не могъ быть изданъ безъ согласія думы, которая слѣдовательно, является законодательнымъ, а не совѣщательнымъ учрежденіемъ. Каковы бы ни были недостатки проекта Сперанскаго, нельзя не признать, что онъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, и если сравнить тѣ уступки, которыя ему, хотя въ видѣ не получившихъ полнаго осуществленія предположеній, удалось вырвать отъ имп. Александра, съ движеніемъ вопроса о государственныхъ преобразованіяхъ въ неоффиціальныхъ совѣщаніяхъ государя съ его друзьями, гр. Строгановымъ, Новосильцовымъ и кн. Чарторыскимъ,

---

[2]) По французской конституціи 1791 г. законодательное собраніе не можетъ быть распущено королемъ (гл. I, п. 5). Но эта конституція была результатомъ революціи, а Сперанскій опирался лишь на соизволеніе верховной власти. Жизнь показала ему, какъ шатка была эта опора.

то нельзя не удивляться тому, какъ велико было вліяніе Сперанскаго. Чтобы еще болѣе оцѣнить положительныя стороны его проекта, стоитъ только сравнить его съ либеральными планами Мордвинова, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Проектъ Сперанскаго имѣетъ большое значеніе уже потому, что онъ порвалъ, наконецъ, съ преданіемъ нѣсколькихъ десятилѣтій, связывавшимъ съ сенатомъ всѣ проекты государственныхъ преобразованій, основанные на выборахъ депутатовъ отъ одного дворянства, а иногда и купечества, и установилъ выборы отъ весьма значительной части населенія не по сословіямъ, а территоріально, впрочемъ, не прямые и основанные на имущественномъ цензѣ.

Что касается сената, то Сперанскій оставлялъ за нимъ лишь значеніе высшаго суда для всей имперіи. «По смерти или увольненіи его членовъ [1]) мѣста ихъ, съ утвержденія державной власти, замѣщаются лицами, избранными въ губернскихъ думахъ и внесенными въ государственный избирательный списокъ» [2]). Президенты департаментовъ сената утверждаются державною властью изъ числа 3 кандидатовъ, выбирамыхъ департаментами изъ среды своихъ членовъ. Сенатъ рѣшаетъ дѣла «при открытыхъ дверяхъ, публично», рѣшенія его печатаются съ изложеніемъ дѣла, выдаются обѣимъ сторонамъ и посылаются въ надлежащія мѣста для исполненія.

При разсмотрѣніи порядка исполнительнаго, Сперанскій подвергаетъ строгой критикѣ учрежденіе министерствъ 1802 г. и, прежде всего, отсутствіе отвѣтственности министровъ. Указавъ на то, что сенатъ не сумѣлъ добиться дѣйствительной отвѣтственности предъ нимъ министровъ, онъ говоритъ, что «жалѣть о семъ нельзя», такъ какъ въ случаѣ усиленія значенія сената, образовалось бы «сословіе аристократическое, истиннымъ пользамъ Россіи, самому духу правительства нашего совершенно противное»; между тѣмъ какъ въ 1802 г. Сперанскій желалъ усилить значеніе высшаго дворянства, составивъ изъ его членовъ высшую палату.

Проектъ завершается постановленіями о государственномъ совѣтѣ [3]).

Сперанскій свидѣтельствуетъ, что составленный имъ общій планъ преобразованій, «обсужденный и одобренный людьми съ умомъ самымъ здравымъ, самымъ холоднымъ [4]), былъ наконецъ принятъ, какъ руководящее начало дѣйствія и какъ неизмѣнная норма всѣхъ предстоящихъ и желательныхъ преобразованій». Составитель его надѣялся, что къ 1811 г. преобразованія будутъ закончены. 1 Января 1810 г. былъ от-

---

[1]) Во французской редакціи объ увольненіи не упоминается, и установлено что сенаторы занимаютъ свои мѣста пожизненно.

[2]) Въ одномъ краткомъ наброскѣ государственныхъ преобразованій Сперанскій предоставлялъ назначеніе сенаторовъ государственной думѣ.

[3]) Проектъ Сперанскаго былъ впервые напечатанъ въ „Историч. Обозрѣніи“, т. X.

[4]) Можно предполагать, что въ ихъ числѣ былъ Кочубей.

крытъ въ новомъ видѣ государственный совѣтъ, но, къ концу этого года, Сперанскій уже почувствовалъ, что исполненіе принятаго государемъ плана реформъ откладывается въ дальній ящикъ.

Въ виду этого Сперанскій измѣнилъ предположенія относительно преобразованія сената, включенныя имъ въ проектъ 1809 г., и въ обширномъ проектѣ, представленномъ въ 1811 г., предлагалъ образовать правительствующій сенатъ одинъ для всей имперіи (изъ министровъ, ихъ товарищей и главныхъ начальниковъ разныхъ частей управленія) и сенатъ судебный изъ сенаторовъ, частью назначаемыхъ государемъ по его усмотрѣнію, частью утверждаемыхъ имъ изъ кандидатовъ по выбору отъ дворянства. Судебный сенатъ долженъ былъ размѣститься по 4 судебнымъ округамъ (въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ). При разсмотрѣніи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ, кн. А. Н. Голицынъ высказалъ мнѣніе, что опредѣленіе сенаторовъ по выборамъ умалитъ преимущества самодержавной власти. Напротивъ, Мордвиновъ, Саблуковъ и Алексѣевъ допускали опредѣленіе по выборамъ. Проектъ былъ разсмотрѣнъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта въ засѣданіяхъ 17, 24, 31 іюля и 7 августа [1]), но осуществленъ не былъ. Въ 1812 г. Сперанскій, какъ извѣстно, былъ высланъ изъ Петербурга. Въ письмѣ къ императору, написанномъ Сперанскимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ тотъ же день, когда его привезли туда, онъ высказалъ увѣренность, что рано или поздно государь вернется къ основнымъ началамъ проекта 1809 г.

Сохранился набросокъ Мордвинова съ проектомъ учрежденія двухъ государственныхъ палатъ, по которому, для составленія верхней палаты, дворяне каждой губерніи выбираютъ одного или двухъ представителей. Избранные въ это званіе сохраняютъ его пожизненно и теряютъ его не иначе, какъ по судебному приговору. Избранные члены верхней палаты получаютъ ежегодно содержаніе по 50.000 руб. Освободившіяся вакансіи пополняются посредствомъ новыхъ выборовъ. Нижняя государственная палата составляется изъ народныхъ представителей, избираемыхъ дворянствомъ, купечествомъ, фабрикантами и заводчиками, получающими «*чистаго дохода*» болѣе 10.000 руб., и вольными владѣльцами, имѣющими не менѣе 1000 дес. земли [2]). Они

---

[1]) При окончательномъ голосованіи по этому вопросу 15 членовъ полагали допустить опредѣленіе сенаторовъ по выборамъ, согласно проекту, а 7 были противъ этого. Государь утвердилъ мнѣніе большинства.

[2]) Для того, чтобы яснѣе понять всю чрезмѣрность ценза, предложеннаго Мордвиновымъ, упомянемъ, что по польской конституціи 1815 г. участвовать въ выборахъ депутата въ сеймъ могъ всякій фабрикантъ и хозяинъ мастерской, всякій купецъ, имѣющій лавку или магазинъ, цѣнность котораго равнялась 10.000 злотыхъ (1500 р. сер.), и всякій собственникъ земли не изъ дворянъ, платящій съ нея какую нибудь подать.

избираются на 3 года или на 5 лѣтъ. Члены нижней палаты жалованья не получаютъ. Губернскіе города, главные торговые центры и университеты избираютъ отъ себя особо по одному представителю или по два, смотря по своей величинѣ, а Петербургъ и Москва по три представителя. Такъ какъ въ Россіи считалось тогда до 40 милліоновъ душъ обоего пола, то, полагая по одному представителю на 100.000 душъ, число членовъ нижней палаты будетъ 400. Обѣ палаты засѣдаютъ съ 1 октября по 1 марта, а на остальные семь мѣсяцевъ въ году распускаются, чтобы каждый членъ ихъ, возвратившись въ свою губернію, могъ узнавать о народныхъ нуждахъ, о томъ, какіе новые законы необходимы, какіе старые непригодны [1]).

Сравнивая этотъ проектъ Мордвинова съ проектомъ Сперанскаго 1809 г., мы видимъ, что они не имѣютъ никакихъ точекъ соприкосновенія. По проекту Сперанскаго, государственная дума состоитъ изъ одной палаты, Мордвиновъ предлагаетъ учредить ихъ двѣ. Что касается состава нижней палаты, соотвѣтствующей государственной думѣ Сперанскаго, то выгодное отличіе проекта Мордвинова состоитъ въ системѣ прямыхъ выборовъ, а не трехстепенныхъ, какъ у Сперанскаго. Но зато, хотя въ основу тѣхъ и другихъ выборовъ положенъ имущественный цензъ, по мысли Сперанскаго цензъ этотъ очевидно долженъ быть гораздо ниже, чѣмъ въ проектѣ Мордвинова. Мордвиновъ не назначаетъ депутатамъ нижней палаты никакого содержанія, между тѣмъ какъ членовъ верхней палаты надѣляетъ огромнымъ жалованьемъ. Онъ вѣроятно желалъ, чтобы, вмѣстѣ съ пожизненностью званія, это сдѣлало болѣе независимыми отъ вліянія правительства членовъ верхней палаты, въ которой онъ видѣлъ главный оплотъ противъ произвола самодержца. Члены нижней палаты избираются по проекту Мордвинова на опредѣленное время (3—5 лѣтъ), Сперанскій также колеблется между этими сроками выборовъ, но, какъ уже было указано, при желаніи государя, члены государственной думы могли, по проекту Сперанскаго, сдѣлаться въ дѣйствительности пожизненными, и тогда огромное большинство выбранныхъ губернскими думами депутатовъ вовсе не попадало бы въ государственную думу. Такимъ образомъ и вслѣдствіе принятой Мордвиновымъ двухпалатной системы, при чемъ выборы въ верхнюю палату производятся одними дворянами, и вслѣдствіе предположеннаго имъ крайне высокаго имущественнаго ценза для выбора въ нижнюю палату, его проектъ отличается своимъ аристократическимъ характеромъ отъ проекта Сперанскаго 1809 г.

Что касается болѣе ранняго проекта Сперанскаго 1802 г., то онъ имѣетъ сходство съ изложеннымъ проектомъ Мордвинова въ томъ отно-

[1]) „Архивъ гр. Мордвиновыхъ", т. IV, стр. III—IV.

шенія, что также рекомендуетъ двухпалатную систему, но верхняя палата по этому проекту Мордвинова составляется не изъ первыхъ четырехъ классовъ дворянства, какъ въ проектѣ Сперанскаго 1802 г., а такъ же, какъ и нижняя, основывается на выборахъ, производимыхъ однимъ дворянствомъ, съ тѣмъ отличіемъ, что Мордвиновъ, несмотря на всѣ свои англоманскія симпатіи, не предлагаетъ еще на этотъ разъ установить наслѣдственность званія членовъ верхней палаты по праву первородства. Мы видѣли, что въ 1802 г. даже такой англоманъ, какъ гр. С. Р. Воронцовъ, находилъ принципъ наслѣдственности званія сенаторовъ несоотвѣтствующимъ условіямъ русской жизни. Быть можетъ Мордвиновъ набросалъ изложенный проектъ до паденія Сперанскаго, а послѣ его ссылки составилъ второй проектъ устройства верхней палаты, которая, какъ и въ первомъ проектѣ Сперанскаго, основана уже на наслѣдственности званія по праву первородства. Этотъ второй проектъ Мордвинова состоитъ въ слѣдующемъ.

Государь жалуетъ въ званіе члена «государственной думы» (или «думы вельможъ», «верховной палаты», какъ первоначально хотѣлъ назвать ее Мордвиновъ), а потомъ это званіе дѣлается наслѣдственнымъ и переходитъ всегда къ старшему сыну. Каждый «вельможа», пожалованный въ это званіе, получаетъ изъ казенныхъ имуществъ не менѣе 10.000 душъ (м. п.); ихъ наслѣдуетъ старшій сынъ, который по смерти отца занимаетъ его мѣсто, если достигъ совершеннолѣтія; но получить голосъ въ думѣ можно только въ возрастѣ 24 лѣтъ. Имѣнія, составляющія принадлежность достоинства вельможи, не могутъ быть ни проданы, ни подарены, ни заложены, доходы съ нихъ также не могутъ быть «упрочены» ни за кѣмъ другимъ: они всегда переходятъ по наслѣдству къ старшему сыну, а если сына нѣтъ, то возвращаются въ казну.

Государственная дума, по этому плану Мордвинова, должна была состоять изъ 50 членовъ, слѣдовательно для ихъ надѣленія потребовалось бы не менѣе 500.000 д. крестьянъ. Проектъ этотъ составленъ не позднѣе 1813 г., такъ какъ въ немъ упоминается Кутузовъ, умершій въ этомъ году [1]). Повидимому онъ являлся замѣною постановленій о верхней палатѣ въ изложенномъ выше проектѣ Мордвинова о двухъ государственныхъ палатахъ, въ которомъ верхняя основывалась на другомъ началѣ,—избраніи дворянствомъ своихъ представителей. Быть можетъ послѣ паденія Сперанскаго, Мордвиновъ возвратился къ мысли, бѣгло высказанной имъ еще въ 1802 г. по поводу преобразованія сената, о необходимости созданія «знатнаго сословія», какъ единственнаго средства для ограниченія самодержавія. Мысль Мордвинова не симпатична уже потому, что онъ посягалъ на передачу во владѣніе «вельможъ» огром-

[1]) „Архивъ гр. Мордвиновыхъ", т. IV, стр. VIII—IX.

наго количества казенныхъ крестьянъ. Это напоминаетъ намъ, что при Екатеринѣ II кн. М. М. Щербатовъ, другой представитель аристократическихъ воззрѣній, также мечтавшій объ ограниченіи политическаго произвола, сначала находилъ полезнымъ отобранныя отъ духовенства деревни отдавать дворянамъ въ аренду, а позднѣе предлагалъ и эти деревни и селенія государственныхъ крестьянъ продавать по невысокой цѣнѣ, и даже не требовать отъ покупщиковъ всѣхъ денегъ, а взыскивать проценты, взявъ въ залогъ эти самыя деревни.

Но если въ соціально-политическихъ взглядахъ Мордвинова много несимпатичнаго, то все же за свой политическій либерализмъ онъ пользовался сочувствіемъ декабристовъ Сѣвернаго Общества, и И. И. Тургеневъ передаетъ его полный глубокаго убѣжденія вопросъ: «кто мететъ лѣстницу снизу?» Извѣстно, что декабристы намѣчали Мордвинова вмѣстѣ со Сперанскимъ и Ермоловымъ въ члены временнаго правительства. Любопытно и то, что И. И. Тургеневу были извѣстны оба проекта Сперанскаго, такъ какъ его брату, Александру Ивановичу, удалось добыть бумаги Сперанскаго, отобранныя у него при арестѣ въ 1812 г.

Даже въ сжатомъ очеркѣ исторіи политическихъ идей въ Россіи нельзя обойти польскую конституціонную хартію 1815 г., такъ какъ она послужила главнымъ источникомъ при составленіи Новосильцовымъ проекта предназначенной для Россіи конституціи. Говоря о роли императора Александра относительно Польши, не нужно забывать, что какъ бы ни былъ неудовлетворителенъ конституціонный статутъ герцогства Варшавскаго 1807 г., все же поляки, при присоединеніи къ Россіи земель, вошедшихъ въ составъ Царства Польскаго, уже имѣли свою конституцію, и потому, желая привлечь ихъ на свою сторону, нельзя было соблазнить ихъ прелестями русскаго самодержавія, а нужно было предложить что нибудь лучшее.

По польской конституціонной хартіи, «свобода печати гарантирована», но законъ долженъ былъ установить мѣры, чтобы «обуздывать злоупотребленія ею». Никто не могъ быть арестованъ иначе, какъ согласно формамъ и въ случаяхъ, установленныхъ закономъ. Арестованному должно немедленно письменно объявить о причинахъ ареста. Всякій арестованный, не позже 3 дней, долженъ быть представленъ въ соотвѣтственный трибуналъ для производства допроса или суда, согласно установленнымъ формамъ. Если послѣ первыхъ допросовъ онъ будетъ признанъ невиновнымъ, то тотчасъ освобождается. Никто не можетъ быть высланъ за предѣлы королевства, за исключеніемъ случаевъ изгнанія (это постановленіе было направлено противъ ссылки въ Сибирь и различныя губерніи европейской Россіи). Всѣ дѣла административныя, судебныя и военныя производятся на польскомъ языкѣ. Всѣ должности какъ гражданскія, такъ и военныя должны быть

замѣщаемы только поляками. Конфискація имущества уничтожается и не можетъ быть возстановлена. Важнымъ ограниченіемъ политическихъ правъ населенія является то, что мѣста пословъ, депутатовъ и сенаторовъ, а также и служащихъ въ нѣкоторыхъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ могли занимать *только поземельные собственники* (ст. 29).

Національнымъ представительствомъ Царства Польскаго служитъ сеймъ, составленный изъ короля и двухъ палатъ: сената и палаты пословъ и депутатовъ отъ городовъ.

Исполнительная власть исходитъ отъ короля, всѣ указы и декреты котораго скрѣпляются однимъ изъ отвѣтственныхъ министровъ.

Обыкновенный сеймъ собирается въ Варшавѣ разъ въ два года и созывается королемъ; онъ засѣдаетъ 30 дней. Только король можетъ продлить или отсрочить засѣданія сейма и распустить его. Въ продолженіе дѣятельности сейма члены его могутъ быть арестованы и судимы уголовнымъ судомъ только съ согласія той палаты, къ которой они принадлежатъ. Сеймъ не имѣетъ законодательной инициативы, но обсуждаетъ всѣ проекты законовъ по дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ и административнымъ, которые король передастъ ему черезъ государственный совѣтъ, а также всѣ внесенные по приказанію короля проекты измѣненія правъ и обязанностей конституціонныхъ властей, т. е. сейма, государственнаго совѣта, судебныхъ учрежденій и правительственныхъ коммиссій. Разсмотрѣнію сейма подлежатъ также, на основаніи сообщеній государя, увеличеніе или уменьшеніе налоговъ, податей и повинностей, составленіе бюджета, монетная система, наборъ рекрутъ. Наконецъ, сеймъ принимаетъ сообщенія, представленія и ходатайства, предъявленныя послами и депутатами общинъ въ пользу ихъ довѣрителей. Онъ передаетъ ихъ государственному совѣту для представленія государю, и если король прикажетъ отослать ихъ въ сеймъ, то послѣдній обсуждаетъ проекты законовъ, вызванные этими ходатайствами. Если сеймъ не утвердитъ новаго бюджета, прежній сохраняетъ силу до будущей сессіи. Однако если сеймъ не будетъ созванъ въ теченіе 4 лѣтъ, бюджетъ считается болѣе не дѣйствительнымъ. Засѣданія обѣихъ палатъ публичны. Проекты законовъ, составленные въ государственномъ совѣтѣ, вносятся въ сеймъ по приказанію короля членами этого совѣта, при чемъ отъ короля зависитъ внести проектъ въ сенатъ или въ палату пословъ и депутатовъ, кромѣ финансовыхъ проектовъ, которые должны быть представлены сначала непремѣнно въ палату пословъ и депутатовъ. Проектъ, принятый одною палатою, переходитъ въ другую, которая не можетъ его измѣнить, а только принять или отвергнуть. Проектъ, принятый обѣими палатами, представляется на утвержденіе короля.

Сенатъ состоитъ изъ принцевъ крови, епископовъ (извѣстнаго числа католическихъ и одного уніатскаго), воеводъ и кастелляновъ. Сенаторы назначаются королемъ пожизненно изъ двухъ кандидатовъ, представляемыхъ ему сенатомъ.

Палата пословъ составляется изъ: 1) 77 пословъ, избранныхъ въ уѣздныхъ собраніяхъ дворянъ, и 2) изъ 51 депутата отъ городскихъ обществъ [1]). Такимъ образомъ, представители дворянства составляли въ сеймѣ большинство, и слѣдовательно законодательство было отдано въ сущности въ руки дворянства. Члены палаты пословъ исполняютъ свои обязанности въ продолженіи 6 лѣтъ, при чемъ каждые два года палата обновляется по жребію на $^1/_3$. Чтобы быть выбраннымъ въ члены палаты пословъ, надо имѣть 30-лѣтній возрастъ и платить подать не менѣе 100 злотыхъ (15 р. с.). Если король распуститъ палату, то въ теченіе двухъ мѣсяцевъ производятся новые выборы пословъ и депутатовъ. Дворяне-землевладѣльцы каждаго уѣзда, собравшись на сеймикъ, избираютъ одного посла; собраніе каждаго городского округа избираетъ также одного депутата. На городскія избирательныя собранія допускаются: 1) всякій собственникъ не изъ дворянъ, платящій съ своей земельной собственности какой нибудь налогъ; 2) всякій фабрикантъ и хозяинъ мастерской, всякій купецъ, имѣющій лавку или магазинъ, цѣнность котораго равняется 10.000 злотыхъ; 3) всѣ священники и викаріи; 4) профессора, наставники и др. лица, занимающіяся народнымъ просвѣщеніемъ; 5) всякій художникъ, отличившійся своими талантами, познаніями или услугами въ области торговли и ремеслъ [2]). Такъ какъ бывшіе помѣщичьи крестьяне были освобождены въ Польшѣ безъ земли, то требованіе отъ лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, имущественнаго ценза въ видѣ поземельной *собственности* лишало избирательныхъ правъ почти всю массу крестьянства.

Если мы сравнимъ польскую хартію 1815 г. съ проектомъ Сперанскаго 1809 г., то найдемъ, что положительную ея сторону прежде всего составляетъ установленіе извѣстныхъ общихъ «гарантій»: свободы печати, охраненія личныхъ правъ въ случаѣ ареста и отдачи подъ судъ,—обо всемъ этомъ въ проектѣ Сперанскаго 1809 г. не упоми-

---

[1]) На сеймѣ 1818 г. было всего 126 пословъ и депутатовъ. *Siarczynski.* Diète du royaume de Pologne 1818. Varsovie, p. 273—279.

[2]) Французскій текстъ польской конституціи 1815 г. см. *Dufau, Duvergier* et *Guadet.* Collection des constitutions, P. 1823, t. IV или *Angeberg.* Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne. P. 1862. Польскій текстъ въ Dziennik Praw, 1815, t. I и отд. изд. въ Варшавѣ 1815 г., въ Петербургѣ 1816 г. Сдѣланный кн. П. А. Вяземскимъ переводъ польской конституціи напечатать ему не удалось по цензурнымъ причинамъ. (Собр. соч. кн. Вяземскаго II, 110—111). Въ 1820 г. избирателей въ Царствѣ Польскомъ было около 100.000 чел. *Askenazy.* Rosya-Polska. Lwów, 1907, 73—74.

нается, хотя въ запискѣ 1803 г. онъ говоритъ о необходимости свободы печати «въ извѣстныхъ, съ точностью опредѣленныхъ границахъ». Польская хартія устанавливаетъ присягу конституціи со стороны государя; Сперанскій объ этомъ не упоминаетъ. Отрицательную сторону польской хартіи составляетъ принятіе двухпалатной системы, при которой къ тому же верхняя палата (сенатъ) составляется изъ членовъ не по выбору, а по назначенію, и только изъ лицъ (если они свѣтскаго званія), владѣющихъ землею и уплачивающихъ значительное количество налоговъ. Напротивъ, Сперанскій въ проектѣ 1809 г. является сторонникомъ однопалатной системы. Государственная дума на основахъ, предложенныхъ Сперанскимъ, имѣла бы тѣ преимущества предъ польскимъ сеймомъ, что она должна была собираться ежегодно по коренному закону въ опредѣленное время и что продолжительность ея сессіи обусловливалась количествомъ предлагаемыхъ ей дѣлъ, а не извѣстнымъ числомъ дней. Въ проектѣ Сперанскаго не упоминается о публичности засѣданій государственной думы, между тѣмъ какъ на основаніи польской хартіи засѣданія обѣихъ палатъ сейма публичны; впрочемъ, Сперанскій считалъ необходимымъ изданіе относительно государственной думы болѣе подробнаго закона. Къ числу недостатковъ польской хартіи принадлежитъ то, что правительство въ теченіе 4 лѣтъ можетъ пользоваться старымъ бюджетомъ; Сперанскій возлагаетъ разсмотрѣніе бюджета на государственный совѣтъ, но для всѣхъ постановленій о налогахъ и повинностяхъ необходимо согласіе государственной думы. По польской хартіи, представленныя въ сеймъ ходатайства могутъ быть имъ разсматриваемы, если того пожелаетъ государь, между тѣмъ какъ по проекту Сперанскаго «представленія о государственныхъ нуждахъ» принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя разсматриваются думою не по иниціативѣ державной власти, а по собственному желанію думы. Что касается выборнаго права, то между тѣмъ, какъ въ русскомъ проектѣ 1809 г. лица «средняго состоянія» имѣютъ политическія права лишь на основаніи владѣнія недвижимою собственностью, въ польской хартіи основанія участвовать въ выборахъ для депутатовъ отъ городовъ были шире: и уплата «какого нибудь налога» съ земельной собственности, и обладаніе фабрикою и мастерскою, а также магазиномъ извѣстной цѣнности, и званіе священника или викарія, и занятіе просвѣщеніемъ народа, и отличіе въ области искусства; но зато Сперанскій привлекалъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ черезъ ихъ уполномоченныхъ къ участію въ выборахъ. По польской хартіи выборы были прямые, по проекту же Сперанскаго—трехстепенные, а для казенныхъ крестьянъ даже четырехстепенные. И польская хартія, и проектъ Сперанскаго устанавливаютъ отвѣтственность министровъ, но первая предоставляетъ намѣстнику право рѣшать дѣла въ административномъ отдѣленіи государ-

ственнаго совѣта лишь посовѣтовавшись съ министрами, а во второмъ ихъ отвѣтственность ослаблена условіями преданія ихъ суду.

Н. С. Мордвиновъ очень сочувственно отнесся къ дарованію Польшѣ конституціи. Въ замѣткѣ, написанной въ 1816 г. по-французски, онъ говоритъ: «Россія съ своимъ самодержцемъ долго останется бѣдною и слабою, и ея просвѣщеніе не будетъ дѣлать такихъ успѣховъ, какъ въ конституціонныхъ странахъ. Польша—маленькая страна, но, будучи представительной монархіей, можетъ стать даже болѣе могущественною, чѣмъ рабская Россія».

Быть можетъ, въ виду дарованія конституціи Польшѣ Мордвиновъ составилъ въ 1816 г. проектъ привлеченія областныхъ представителей къ участію въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта и сената, но съ сохраненіемъ однако самодержавія; они «могли быть» призываемы (какъ по дѣламъ своей области, такъ и по общимъ государственнымъ дѣламъ) въ засѣданія департаментовъ совѣта и сената и въ общія ихъ собранія. Проектъ этотъ, написанный въ 1816 г., былъ оставленъ Мордвиновымъ (при его отъѣздѣ въ 1818 г. на два года за границу) для представленія имп. Александру. Въ первоначальной редакціи и при возстановленіи по памяти для сообщенія въ Лондонѣ Бентаму, этотъ проектъ имѣлъ нѣсколько болѣе опредѣленный характеръ, но мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе разныхъ его редакцій, довольствуясь тою, которую авторъ предназначалъ для представленія имп. Александру I.

Въ 1818 г. государь поручилъ составить проектъ «Уставной Грамоты» для Россіи Новосильцову, который, будучи коммиссаромъ русскаго императора при государственномъ совѣтѣ Польскаго королевства, игралъ тамъ роль самую реакціонную [1]). Въ октябрѣ 1819 г. прусскій консулъ въ Варшавѣ, Шмидтъ, сообщилъ своему министру, что имп. Александръ только что передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, послѣ совѣщанія съ Новосильцевымъ, одобрилъ основныя начала конституціи Россіи. На этой основѣ должно было разработать весь проектъ и представить государю не позже, какъ къ началу слѣдующаго года. Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ въ февралѣ 1820 г. извѣстилъ свое правительство, что проектъ конституціонной хартіи существуетъ, но что государь скрываетъ его даже отъ своихъ министровъ [2]), посланникъ высказывалъ мнѣніе, что никакой конституціи не дадутъ. Дѣйствительно, хотя проектъ государственной грамоты былъ окончательно составленъ, но обнародованъ не былъ.

Изъ 191 статьи проекта «Уставной Грамоты» 122, какъ указано

[1]) Яркую характеристику вредной роли Новосильцова въ Польшѣ см. въ талантливой книгѣ *Szymon Askenazy* Lukasiński. Warszawa, 1908, t. I.

[2]) Между тѣмъ прусское правительство получило отъ продажнаго Новосильцова собственноручную копію его проекта. *Askenazy* Lukasiński I, 64.

въ рукописи, заимствованы изъ польской конституціонной хартіи, а относительно 47 отмѣчено, что это новыя статьи.

Въ «Уставной Грамотѣ» постановлено, что «законодательной власти государя содѣйствуетъ государственный сеймъ» [1]); между тѣмъ, въ польской хартіи сказано, что «законодательная власть заключается (réside) въ лицѣ короля и въ двухъ палатахъ сейма» (ст. 86). Мѣстные законы постановляются государемъ при содѣйствіи сеймовъ намѣстничествъ, учрежденіе которыхъ (т. е. этихъ сеймовъ) составляетъ особенность Уставной Грамоты. Какъ законы, такъ и уставы, учрежденія, указы, повелѣнія, рескрипты и постановленія скрѣпляются тѣмъ или другимъ министромъ, который и отвѣчаетъ за все, противное въ нихъ «правиламъ уставной грамоты» (principes constitutifs de l'Empire)» [2]) и законамъ (ст. 34).

«Уставною Грамотою», какъ и польскою хартіею, устанавливаются общія гарантіи: «ручательства державной власти» (dispositions générales, garanties par la souveraineté) [3]). Почти всѣ они соотвѣтствуютъ постановленіямъ польской хартіи съ нѣкоторыми отмѣнами. Такъ представленіе задержаннаго къ допросу или суду должно также производиться въ теченіе 3 сутокъ, но прибавлено: «въ рѣдкихъ же токмо случаяхъ, въ которыхъ розысканіе требовало бы отсрочки, не позже 6 сутокъ» (ст. 85, польск. харт. ст. 21). Прибавлена слѣдующая новая статья: «Всякое самопроизвольное задержаніе вмѣняется въ преступленіе подвергающее наказанію, означенному въ уголовномъ правѣ» (ст. 83). О свободѣ печати говорится въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ польской хартіи (ст. 89, польск. харт. ст. 16).

Государственный сеймъ, или государственная дума, созывается въ каждый 5-й годъ, а частные сеймы намѣстническихъ областей—въ каждый 3-й годъ [4]).

Сеймы намѣстническихъ областей составляются изъ государя и двухъ палатъ: высшая палата образуется изъ одного департамента сената, присутствующаго въ главномъ городѣ намѣстничества; земская посольская палата составляется изъ $^2/_3$ избраннаго въ намѣстничествѣ числа пословъ и депутатовъ, *утвержденныхъ государемъ* (ст. 102).

Въ отличіе отъ польской хартіи выборы по «Уставной Грамотѣ» двухстепенные. При закрытіи сейма палата земскихъ пословъ и депутатовъ каждаго намѣстничества приступаетъ къ выбору изъ своей среды

---

[1]) Во французской редакціи „Уставной Грамоты“: „le pouvoir législatif s'exerce par le souverain concurrement avec la Diète de l'Empire“ (ст. 13).

[2]) Въ польской хартіи: „à la constitution“.

[3]) Въ польской хартіи: „garanties générales“.

[4]) Въ Петербургѣ и Москвѣ, созываются чрезъ каждые 3 года столичные сеймы, дѣйствующіе на тѣхъ же основаніяхъ, какъ намѣстническіе сеймы.

земскихъ пословъ и депутатовъ, изъ которыхъ составляется вторая палата общаго государственнаго сейма. Число избранныхъ должно составлять четверть состоящихъ на лицо пословъ и депутатовъ намѣстническаго сейма.

Высшую палату общаго государственнаго сейма образуетъ сенатскій департаментъ, присутствующій въ одной изъ двухъ столицъ, съ прибавленіемъ къ нему, по назначенію государя, на время засѣданій сейма, извѣстнаго числа сенаторовъ изъ другихъ департаментовъ. Палата земскихъ пословъ составляется, *по назначенію государя*, изъ половиннаго числа пословъ и депутатовъ каждой намѣстнической области, *избранныхъ* посольскою палатою. Какъ и въ польской хартіи, никто изъ членовъ сейма, во время его засѣданій, не можетъ быть задержанъ и судимъ судомъ по уголовнымъ дѣламъ безъ вѣдома той палаты, къ которой онъ принадлежитъ; какъ и въ польской хартіи, проекты финансовыхъ законовъ сначала должны быть вносимы въ палату земскихъ пословъ. Проекты, вносимые на сеймъ, по волѣ государя, не считаются ни одобренными, ни утвержденными, почему сеймамъ предоставляется полная свобода высказывать относительно ихъ свое мнѣніе [1]). Какъ и въ польской хартіи, засѣданія обѣихъ палатъ публичны, но, по предложенію $^1/_{10}$ части наличныхъ членовъ, засѣданіе дѣлается закрытымъ. Какъ и въ польской хартіи, проектъ, принятый одною палатою, можетъ быть отвергнутъ другою. принятый же обѣими, утверждается или отвергается государемъ.

Въ сенатѣ, въ отличіе отъ польской конституціи, духовныя лица не присутствуютъ; сенаторы назначаются государемъ, но не изъ кандидатовъ, представляемыхъ сенатомъ (ст. 136, ср. польск. харт. ст. 110). Одно изъ условій, необходимыхъ для того, чтобы быть сенаторомъ, составляетъ полученіе ежегоднаго *дохода* съ недвижимаго имѣнія не менѣе 1000 руб. сер. [2]).

Половинное число членовъ палаты пословъ и депутатовъ возобновляется при каждомъ новомъ сеймѣ. Въ числѣ условій для того, чтобы быть избраннымъ въ эту палату, были 30-лѣтній возрастъ и уплата поземельной и всякой другой подати не менѣе той суммы, которая будетъ опредѣлена во всякой намѣстнической области, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Дворяне каждаго уѣзда, владѣющіе недвижимымъ имѣніемъ и достигшіе 25-лѣтняго возраста, избираютъ на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ 3 земскихъ пословъ, изъ которыхъ $^2/_3$ назначаются государемъ въ посольскую палату намѣстническаго сейма.

---

[1]) Новая статья.

[2]) По польской конституціи уплата ежегодно налога въ 300 р. с.

Городскія общества собираются каждый 3-ій годъ для производства выборовъ. «Къ выбору депутатовъ отъ окружного градского общества допускаются: 1) настоящіе обыватели города, имѣющіе въ немъ дома или иныя строенія, мѣста или земли, равно какъ и обыватели не изъ дворянъ, жительствующіе внѣ города, но въ томъ же уѣздѣ, къ которому городъ принадлежитъ, и имѣющіе въ семъ уѣздѣ домъ или другую недвижимую собственность. 2) Всѣ состоянія, извѣстныя подъ именемъ именитыхъ гражданъ, какъ-то: ученые, имѣющіе академическіе или университетскіе аттестаты, художники 3-хъ главныхъ художествъ — архитектуры, живописи и скульптуры, банкиры, капиталисты и кораблехозяева. 3) Купцы первыхъ двухъ гильдій, и 4) цеховые мастера» (ст. 166). «Всѣ евреи, не исключая и тѣхъ, кои записаны въ гильдіи или имѣютъ недвижимую собственность, участія въ собраніяхъ окружныхъ градскихъ обществъ не имѣютъ» (ст. 167). Этой статьи въ польской конституціи нѣтъ, но въ ней есть постановленіе, что «различіе *христіанскихъ* исповѣданій не обусловливаетъ никакого различія въ пользованіи гражданскими и политическими правами» (ст. 11), слѣдовательно евреямъ не было дано и въ Польшѣ политическаго равноправія съ христіанскимъ населеніемъ [1]). Въ городахъ съ населеніемъ болѣе 8.000 жителей, исключая столицъ, выборы въ намѣстническій сеймъ двухстепенные: избирательныя собранія устраиваются въ каждой части города; въ каждомъ изъ нихъ выбираютъ по 3 гласныхъ въ общее городское собраніе, а это послѣднее выбираетъ 3 депутатовъ въ намѣстническій сеймъ (ст. 168); но такъ какъ депутаты въ общій государственный сеймъ выбираются намѣстническими сеймами, то выборы въ такихъ городахъ будутъ, слѣдовательно, трехстепенные. Въ столицахъ же, Петербургѣ и Москвѣ, каждая городская часть избираетъ одного депутата (или, собственно говоря, кандидата въ депутаты) въ столичный сеймъ (ст. 170), который соотвѣтствуетъ намѣстническимъ сеймамъ (ст. 125). Чтобы участвовать въ собраніи городского общества, нужно было имѣть 25 лѣтъ (ст. 171) [2]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что проектъ, составленный Новосильцовымъ, является сколкомъ съ польской конституціонной хартіи, но только въ значительно ухудшенномъ видѣ: весьма серьезными ухудшеніями было введеніе двухстепенныхъ выборовъ вмѣсто прямыхъ и назначеніе государемъ пословъ и депутатовъ изъ числа выбранныхъ къ намѣстническіе сеймы, а также выбранныхъ намѣстническими и столичными сеймами въ общую государственную думу. Если бы проектъ Ново-

---

[1]) Напротивъ, на основаніи хартіи Людовика XVIII 1814 г. (4—10 іюня), многими статьями которой воспользовались составители польской конституціи, лица, принадлежащія къ нехристіанскимъ исповѣданіямъ, пользуются политическимъ и гражданскимъ равноправіемъ.

[2]) Статей 125, 168, 170 и 171 нѣтъ въ польской хартіи.

сильцова былъ осуществленъ, то такая конституція еще менѣе оградила бы Россію отъ правительственнаго произвола, чѣмъ была ограждена Польша конституціонною хартіею 1815 г. [1]).

Изложенные выше планы политическихъ преобразованій въ Россіи въ царствованіе Александра I по большей части исходили изъ высшихъ сферъ: отъ самого государя, неоффиціальнаго комитета, сената, совѣта (мнѣніе Мордвинова). Сперанскій въ 1802 г. набрасывая свой первый политическій трактатъ, не имѣлъ повидимому намѣренія представить его въ оффиціальныя сферы, записка же 1803 г. и знаменитое «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ», точно такъ же, какъ и «Уставная Грамота» Новосильцова были написаны по желанію государя. Повліять на Александра I немедленно послѣ восшествія его на престолъ, предполагалъ, какъ мы видѣли, и Карамзинъ. Нѣкоторое время онъ пользовался расположеніемъ государя, но въ авг. 1804 г. ему была дана отставка; просьба о денежной ссудѣ изъ казны была отвергнута, и вотъ, очевидно раздраженный этими неудачами, онъ составляетъ набросокъ о государственныхъ преобразованіяхъ болѣе радикальнаго характера, хотя и очень плохо придуманный. Тутъ онъ приписываетъ очень важную роль «охранительному сенату». Государь «предлагаетъ только проекты законовъ и министерскіе годичные отчеты охранительному сенату», но «впрочемъ дѣйствуетъ неограниченно». Однако «охранительный сенатъ, по опредѣленію $^2/_3$» (голосовъ) «можетъ посылать ему» (государю) «свои замѣчанія», а «по опредѣленію $^3/_4$—остановить его дѣйствія обнародованіемъ оныхъ. Государь на охранительный сенатъ не имѣетъ никакого вліянія». Въ текстѣ присяги первое мѣсто занимаетъ народъ, второе сенатъ и лишь третье государь. Присяга воиновъ не обязываетъ ихъ къ безусловному послушанію: въ нее включается обязательство, «полагающее предѣлы повиновенію». Министромъ «внутренняго благоустройства» почему то должно быть лицо духовное; другіе министры могутъ быть также духовными лицами, кромѣ министра военныхъ дѣлъ [2]).

Но нѣсколько позднѣе Карамзинъ значительно сократилъ свои мечтанія. Въ письмѣ къ Слободско-Украинскому губернатору Бахтину

---

[1]) Впервые Уставная Грамота Новосильцова была опубликована на рус. и фр. языкѣ въ Варшавѣ въ 1831 г., во время польской революціи. Лучшее изданіе „Уставной Грамоты" Новосильцова вышло въ Берлинѣ въ 1903 г. со введеніемъ проф. Шимана. Неизданное Шиманомъ введеніе къ грамотѣ см. въ книгѣ проф. *Askenazy* Rosya-Polska, стр. 175—178. Въ случаѣ обнародованія этой конституціи Новосильцовъ проектировалъ обращеніе Царства Польскаго въ одно изъ намѣстничествъ Россіи. Ibid. 51, 188—189.

[2]) Карамзинъ отмѣтилъ, что написалъ эту замѣтку въ 1804 г. когда онъ „занимался сербами", но что она относится не только къ сербамъ, видно изъ того, что идея эта приходила ему въ голову еще въ 1801 г.

(1810 г.) онъ является ревностнымъ сторонникомъ наслѣдственной монархіи, при чемъ указываетъ на то, что наслѣдственный государь обыкновенно лучше подготовленъ къ исполненію своихъ обязанностей. «Для узнанія же общественныхъ нуждъ... достаточно въ помощь единовластію дать *общественное* мнѣніе, т. е. свободу всякому выражать свое возрѣніе на вещи—не въ парламентахъ и на площадяхъ, представляющихъ обширное поле страстямъ, а въ вѣрноподданническихъ представленіяхъ и въ *скромныхъ* бесѣдахъ въ печати». Однако въ окончательной редакціи этого письма это разсужденіе о возможности свободы общественнаго мнѣнія въ самодержавной монархіи, въ которомъ авторъ является предшественникомъ славянофиловъ, было исключено: это доказываетъ, что увѣренность въ осуществимости этого желанія была въ немъ не очень то сильна.

Въ «Мнѣніи украинскаго помѣщика» по поводу указа 23 мая 1816 г. объ освобожденіи крестьянъ въ Эстляндіи [1]) Карамзинъ высказываетъ опять свои монархическіе взгляды и протестуетъ противъ введенія народнаго представительства конституціоннаго характера: «*Репрезентація* народа, слово столь же безсмысленное, какъ и самая вещь, было неизвѣстно нашимъ предкамъ... Власть, мыслили они, должна быть *наслѣдственная* необходимо, во всѣхъ ея подраздѣленіяхъ—начало монархіи разлито во всей Вселенной (?)... Помѣщикъ... точно представляетъ въ маломъ своемъ кругѣ лицо своего Монарха. Вотъ репрезентація... приличнѣе и естественнѣе репрезентаціи толпы бурной черни въ закупаемомъ короною парламентѣ.—Самодержавіе, наслѣдственное Самодержавіе отъ монарха и до отца, въ хижинѣ своей повелѣвающаго дѣтьми, да будетъ закономъ нашего блаженства, но да имѣетъ оно законы! Сіи понятія не противорѣчатъ другъ другу».

Однако въ одной изъ записокъ 1820 г., которыя Карамзинъ посылалъ чрезъ Кочубея имп. Александру, онъ выражаетъ сочувствіе мысли, выраженной въ нотѣ нашего правительства испанскому (при полученіи извѣстія о принятіи королемъ конституціи кортесовъ), что «правители народовъ должны добровольными ими данными постановленіями предварять постановленія насильственныя», указываетъ на то, что «великая перемѣна произошла и ежедневно происходитъ въ умахъ» и предлагаетъ созвать собраніе изъ дворянъ, имѣющихъ крупную недвижимую собственность, но въ то же время считаетъ преждевременнымъ предоставить «сборищамъ въ губерніяхъ право

[1]) Что мнѣніе это принадлежитъ Карамзину, видно прежде всего изъ его содержанія; а затѣмъ это подтверждается и свидѣтельствомъ декабриста С. П. Трубецкого: см. его записки, изд. 1907 г. стр. 17; срав. „Чт. Общ. Ист. Др. Росс." 1860 г. т. II, 223 или „Сборникъ ист. матер., извлеч. изъ Арх. Соб. Е. Вел. Канц." т. VII, 148. Анахронизмы относительно возраста автора, встрѣчающіеся въ запискѣ, допущены въ ней очевидно умышленно для сокрытія его имени. Однако публика легко разгадала этотъ секретъ.

производить выборы въ это собраніе и вновь не одобряетъ «нынѣшнія конституціи», а также и «ораторство съ престола, заимствованное у англичанъ» (намекъ на рѣчи имп. Александра I въ Варшавскомъ сеймѣ). «Цари наши всегда были внушаемы государственною думою»!.. По дума сія, представляя въ себѣ разумъ цѣлаго царства, не извѣстна была народу своимъ велерѣчіемъ», а была лишь зеркаломъ, «въ которомъ цари могли ясно видѣть общественное мнѣніе». Высказавъ убѣжденіе, что государственный совѣтъ по своему составу не можетъ быть такимъ зеркаломъ, Карамзинъ вновь возвращается къ мысли о необходимости обращенія къ содѣйствію дворянства, утверждая, что самодержавіе не можетъ пострадать «отъ довѣренности къ тому сословію, котораго участь тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ соединена. Аристократіи, въ прямомъ смыслѣ, у насъ никогда быть не можетъ и никогда не было со временъ малолѣтства царя Іоанна Васильевича».—«Изобрѣтеніе двухъ камеръ, или паче раздѣленіе государственной думы на двѣ камеры, не основано на естествѣ вещи... Репрезентація народа есть вообще *мнимая*... Всякое понятіе о репрезентаціи, восходящей отъ народа, совершенно противно Духу религіи, которая громко гласитъ: «нѣсть власть, аще не отъ Бога!» (авторъ ссылается при этомъ на Бональда и Ламменэ). Карамзинъ негодуетъ на людей, думающихъ, что есть истины, которыя надо скрыть отъ народа, возмущается тѣмъ, что въ Россіи «боятся дать поводъ разсуждать о взаимныхъ отношеніяхъ правительства и народа», упрекаетъ въ непослѣдовательности правительство, которое еще «вчера провозглашало вольность», задавало на казенный счетъ Бентама и т. п.

Въ послѣдней запискѣ 1820 г. Карамзинъ вновь старается рѣзко противопоставить симпатичныя ему «начала христіанско-монархическаго правленія» конституціоннымъ принципамъ («дѣло», по его мнѣнію, «не въ томъ, чтобы у насъ въ Россіи заводить сраженіе краснорѣчія мнимыхъ репрезентантовъ съ хитросплетеніями министровъ»), но все-таки недостаточно выясняетъ свой собственный планъ. «Напрасно думаютъ», говоритъ онъ, «что у насъ нѣтъ людей для составленія мнѣнія государственнаго. Ихъ очень достаточно. Довольно *нѣсколькихъ* въ каждой губерніи. Нѣтъ и нужды вызывать ихъ оттуда. Довольно учредить «въ столицѣ» средоточіе, которое бы дѣйствовало на губернскія подобныя же средоточія общественнаго мнѣнія и ими бы взаимно оживлялось. Нѣтъ никакой нужды въ огромныхъ залахъ, парадныхъ шествіяхъ и рѣчахъ, ниже въ извѣщеніи о всемъ этомъ газетами. Но безстрастная воля государева будетъ освѣщаема, на каждомъ его шагѣ, образомъ приличнымъ и мало извѣстнымъ народу! Совѣтъ не препятствіе... Но мало по малу, нечувствительно, общественное мнѣніе и намѣренія государя

сближатся совершенно. Правительство останется *правительством*, не исполнительною только властію по новымъ системамъ» [1]).

Такъ какъ Карамзинъ не совѣтовалъ предоставлять дворянству право выбора въ предлагаемое имъ собраніе, то слѣдовательно это собраніе въ столицѣ (какъ и его развѣтвленія въ губерніяхъ) должно было составиться по приглашенію правительствомъ, и въ такомъ случаѣ къ нему прилагалось бы то же замѣчаніе, которое авторъ дѣлаетъ относительно государственнаго совѣта, считая его непригоднымъ уже по его составу для выраженія общественнаго мнѣнія. О правѣ такого собранія останавливать дѣйствія государя, конечно, не было уже и помину. Приглашеніе, такъ сказать, «свѣдущихъ людей» изъ крупнаго дворянства — вотъ къ чему собственно сводились всѣ политическія мечтанія Карамзина. Уровень свободы печати, казавшійся Карамзину дозволительнымъ, былъ весьма не высокъ, какъ видно изъ того, что онъ считалъ возмутительными и опасными даже нѣкоторыя статьи, печатавшіяся подъ предварительною цензурою въ журналахъ того времени. Такимъ образомъ, въ запискѣ Карамзина 1820 г. обнаружилось стремленіе дворянства вліять на самодержавную власть хотя бы въ видѣ составленнаго по усмотрѣнію правительства совѣщательнаго собранія.

О собраніи въ столицѣ избранныхъ дворянами представителей мечталъ калужскій губернскій предводитель дворянства, кн. П. Г. Вяземскій. Въ запискѣ, написанной имъ 1818 г. по поводу рѣчи малороссійскаго губернатора кн. Н. Г. Репнина къ дворянамъ въ Полтавѣ (съ предложеніемъ улучшить положеніе ихъ крестьянъ, опредѣливъ ихъ повинности), кн. Вяземскій говоритъ, что воля государя будетъ немедленно исполнена, если онъ повелитъ «уполномоченнымъ отъ дворянства губернскимъ предводителямъ и избраннымъ отъ каждой губерніи депутатамъ явиться» въ одну изъ столицъ. Тамъ, «въ общемъ совѣтѣ всего царства», эти представители дворянства изложатъ не только свои нужды, но, если будетъ повелѣно, не умолчатъ и о всемъ, чего требуетъ «польза и внутреннее благоустройство» Россіи. Тогда правительству будетъ удобно, «внявъ мнѣнію и нуждамъ дворянства, постановить на грядущія времена твердыя узаконенія» для всего Россійскаго государства. Судя по варіанту этой записки, можно думать, что авторъ ея за уступки со стороны дворянства въ крестьянскомъ дѣлѣ желалъ не только какихъ либо льготъ для удовлетворенія «нуждъ» высшаго сословія, но быть можетъ и предоставленныхъ ему политическихъ правъ. Въ этомъ варіантѣ

[1]) Въ другихъ мѣстахъ этихъ записокъ онъ говоритъ: „Кому принадлежитъ составлять Государственную Думу, какъ не особамъ, *избраннымъ изъ сословія*“ (курсивъ мой), „которое исключительно упражняется въ дѣлахъ государства, которое обязано знать его, управляя имъ въ различныхъ его подраздѣленіяхъ?“... Россія можетъ „еще быть спасена *искреннимъ* семейнымъ союзомъ, союзомъ... государя съ его дворянствомъ“.

было сказано, что «время... неминуемо постепенно и въ свой срокъ сблизитъ» крестьянъ «съ тою свободою», которою «пользуются другія націи, *способныя дѣйствовать и существовать собственнымъ правленіемъ и волею*». Такъ какъ эта записка была написана очень скоро послѣ знаменитой рѣчи имп. Александра въ польскомъ сеймѣ, то быть можетъ и она повліяла на возбужденіе въ нѣкоторой части дворянства мечтаній о правахъ политическихъ, но для одного своего сословія.

Выразителемъ конституціонныхъ стремленій въ лифляндскомъ дворянствѣ явился Тимофей Эбергардъ Бокъ, пріятель Жуковскаго, ученикъ дерптскаго профессора Лерберга, участвовавшій въ нѣсколькихъ заграничныхъ походахъ и знакомый гр. Палена, организатора переворота, во время котораго былъ убитъ имп. Павелъ. Бокъ былъ лично извѣстенъ имп. Александру, и еще лѣтомъ 1817 г. въ письмѣ къ нему упомянулъ, что занятъ одною работою для представленія лифляндскому ландтагу. Въ февралѣ 1818 г. онъ окончилъ обширную записку на нѣмецкомъ языкѣ, которая была одобрена гр. Паленомъ. Но прежде публичнаго чтенія этой записки на ландтагѣ, Бокъ рѣшилъ отправить ее имп. Александру, съ этою цѣлью перевелъ ее на французскій языкъ, и 7 апрѣля, при очень смѣломъ письмѣ къ Александру, отправилъ ее къ управляющему министерствомъ полиціи Вязьмитинову для препровожденія къ государю.

Въ своей запискѣ Бокъ предлагалъ лифляндскому дворянству дѣйствовать сообща съ русскимъ. «Мы требуемъ», писалъ Бокъ, «созванія *общаго сейма* всего русскаго дворянства, какъ недѣлимаго цѣлаго, для принятія мѣръ, которыя положили бы предѣлъ безпорядочному управленію и которыя избавили бы 40.000.000 людей отъ опасности испытывать всевозможныя бѣдствія, какъ только у одного человѣка не хватаетъ добродѣтели или мудрости». Итакъ Бокъ требуетъ созванія дворянскаго сейма, однако дворяне составляютъ на немъ законы «съ согласія другихъ классовъ». Какъ должно было быть получено это согласіе, неизвѣстно [1]). Дворянскій характеръ либерализма Бока виденъ и изъ того, что, по его мнѣнію, дворянство не можетъ существовать безъ установленія майората.

«Нужно составить законы», продолжаетъ Бокъ, «чтобы положить предѣлъ теперешнимъ скандальнымъ порядкамъ, которые невозможно

[1]) „Дворянство требуетъ общаго сейма, чтобы составить на немъ, съ согласія другихъ классовъ, законы, потому что пока мы не имѣемъ ихъ. Указы, исходящіе то отъ тирана, то отъ дурака, то отъ любимца-истопника, то отъ актрисы, то отъ турка-брадобрѣя, то отъ курляндца-берейтора, то отъ Аракчеева, то отъ Розенкампфа, нельзя считать законами такъ же, какъ и тѣ, которые объявляются въ Японіи и въ Алжирѣ.—Подобная система не что иное, какъ право сильнаго и анархія, гдѣ не существуетъ никакого нравственнаго обязательства, и гдѣ лучше задушить, чѣмъ быть задушеннымъ".

долѣе выносить, и чтобы предупредить будущія неисчислимыя опасности.— Теперь мы увидимъ, похититель-ли престола имп. Александръ, или сынъ отечества, готовый на величайшую жертву».

Несмотря на все негодованіе, съ какимъ Бокъ относится къ современному ему политическому строю Россію, онъ является убѣжденнымъ сторонникомъ наслѣдственной монархіи, которая, по его мнѣнію, лучше анархіи. Но въ то же время онъ вовсе не поклонникъ русскаго самодержавія. «Государь царствуетъ» (т. е. долженъ царствовать) «на основаніи закона, который выше его». Не должно унижать имя Бога (т. е. Бокъ отрицаетъ власть «божіею милостію»). «Государь первый слуга государства, особа его священна» (хотя убійству Павла онъ совершенно сочувствуетъ), «но онъ отвѣтственъ за свое поведеніе, такъ что его можно арестовать, если онъ предается постыднымъ страстямъ, пренебрегаетъ своими обязанностями или совершаетъ извѣстные проступки...

«Уполномоченные націи являются представителями отечества». Повидимому и тутъ разумѣются представители лишь одного дворянства, такъ какъ почти непосредственно вслѣдъ за тѣмъ Бокъ говоритъ: «Дворянство всей имперіи составляетъ одно цѣлое. Его вліяніе должно быть велико; оно представляетъ связь, соединяющую разнородныя части имперіи, оно препятствуетъ государямъ становиться деспотами, оно является хранителемъ національной чести». Но въ то же время «каждый членъ народа равно пользуется покровительствомъ законовъ и одинаково гражданскою свободою. Не должно быть ни мучающихъ другихъ людей, ни цѣпей». Никто въ Россіи «не можетъ находиться въ положеніи, не совмѣстимомъ съ правилами религіи».

«Всякій законъ можетъ получить силу лишь съ согласія націи: оно необходимо и для установленія налоговъ». Законодательная инициатива принадлежитъ государю: онъ «предлагаетъ законы, нація можетъ ходатайствовать о нихъ». Хотя въ области законодательства власть государя ограничена, но, «какъ глава націи», онъ «имѣетъ полную власть въ имперіи и внѣ имперіи, пока не нарушаетъ государственнаго устройства, достоинства и правъ отечества относительно иностранныхъ державъ, пока онъ не нарушаетъ правъ какого либо класса или отдѣльнаго лица". Мы видѣли однако, что по проекту Бока государь отвѣтственъ за свои дѣянія и можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ арестованъ. По съ другой стороны «въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ нація предоставляетъ государю чрезвычайную власть».

Судьи должны быть выборные и судъ гласный. «Новое устройство отечества должно быть дѣломъ націи [1]), а не императора, такъ какъ,

[1]) Это плохо вяжется съ предоставленіемъ законодательной инициативы только государю.

при всемъ желаніи, онъ ничего не смыслитъ въ этихъ дѣлахъ и не можетъ даже выбрать людей, которые могли бы ему въ этомъ помочь.— Лагерь въ Дриссѣ [1]), Священный Союзъ и *настоящее положеніе* [2]) Россіи—очевидныя доказательства... Онъ (Александръ I) совершенно убѣжденъ, что Россія никогда не была такъ счастлива, какъ подъ его владычествомъ, убѣжденъ въ этомъ потому, что видитъ, какъ танцуетъ молодежь, и не слышитъ, какъ рыдаютъ старики».

При всей ненависти Бока къ русскому самодержавію, въ его проектѣ множество недостатковъ; главный изъ нихъ состоитъ въ томъ преобладающемъ значеніи, которое онъ придаетъ дворянству. Затѣмъ онъ не возвысился до сознанія необходимости полной свободы печатнаго слова. Онъ полагаетъ, что въ теченіе ста лѣтъ неограниченную свободу въ печати слѣдуетъ предоставить только «наукамъ положительнымъ». Необходимо, «чтобы всякое дурное дѣяніе или поступокъ могли быть оглашены; но пока чернь считаетъ истиною все, что напечатано,—цензура необходима». Не возвысился Бокъ и до сознанія необходимости національнаго равноправія: онъ думаетъ, что внѣ своихъ общинъ евреи не должны пользоваться равными съ остальнымъ населеніемъ правами, и въ то же время ставитъ имъ въ вину ихъ обособленность (вызванную тѣми условіями, въ которыхъ они находились) и то, что они составляютъ «государство въ государствѣ и благоденствуютъ лишь соотвѣтственно тому, насколько они устраняютъ отъ торговли и легкихъ ремеслъ всѣхъ другихъ».

Императоръ Александръ приказалъ заключить Бока въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда онъ былъ выпущенъ лишь черезъ 10 лѣтъ, уже въ царствованіе имп. Николая, въ полномъ помѣшательствѣ.

Конституціонныя теченія проявились въ обществѣ, литературѣ и наукѣ, при чемъ большую роль сыграла западно-европейская литература. Въ 1806 г. былъ напечатанъ, по повелѣнію государя, переводъ вышедшаго въ 1771 г. по-французски сочиненія Де-Лольма объ англійской конституціи и въ 1805—11 г. переводъ сочиненій Бентама (3 тома). Переводъ книги Монтескьё «О духѣ законовъ», напечатанный еще при Екатеринѣ II, былъ изданъ въ 1801 г. вновь, и кромѣ того въ 1808—14 гг. вышель въ свѣтъ другой переводъ этого произведенія. Книги эти проникали въ самые глухіе провинціальные города. Такъ, въ одномъ уѣздномъ городѣ Воронежской губ., въ половинѣ десятыхъ годовъ, у многихъ жителей, даже купцовъ и мѣщанъ, были коллекціи книгъ серьезнаго содержанія на русскомъ языкѣ, въ томъ числѣ сочиненія Де-Лольма, Монтескьё, Беккаріи и др. Въ обществѣ этого

[1]) Въ которомъ въ концѣ іюня и въ началѣ іюля 1812 г. находился государь, пока его не уговорили оставить армію.

[2]) Бокъ два раза подчеркиваетъ эти слова.

маленькаго городка живо обсуждались вопросы внѣшней и внутренней политики; иные восхищались представительною формою правленія. Послѣ этого нисколько не удивительно, что купцы гостинаго двора въ Петербургѣ открыто собирались (въ началѣ 1820-хъ гг.) группами и разсуждали о необходимости конституціи.

Новыя либеральныя теченія охватили и нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ. Таковы: профессоръ царскосельскаго лицея, а затѣмъ и петербургскаго университета, Куницынъ (авторъ изданнаго въ 1818—20 гг. сочиненія «Право естественное»), который былъ удаленъ изъ университета и лицея, и профессора Германъ и Арсеньевъ, обвинявшіеся въ 1821 г. въ непризнаніи законности верховной власти, вслѣдствіе того, что въ своихъ лекціяхъ они обнаружили нѣкоторое сочувствое конституціонному образу правленія; они лишились мѣста, и ихъ сочиненія было недозволено употреблять въ качествѣ руководствъ въ учебныхъ заведеніяхъ[1]).

Вольнолюбивыя идеи, бродившія въ обществѣ, и особенно среди молодежи, нашли выраженіе въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина, каковы напр. посланіе «Къ Чаадаеву» (1818 г.), «Сказки» (Noël, 1818 г.), гдѣ авторъ скептически относится къ предположенію, высказанному имп. Александромъ въ Варшавѣ относительно дарованія Россіи конституціи, «Вольность» (1819 г.), которая была одною изъ причинъ его ссылки, «Кинжалъ» (1821 г.), «Андрей Шенье» (1825 г.) и нѣкоторыя другія. Приведемъ здѣсь лишь немногія мѣста изъ «Вольности».

...„Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы гордая пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру:
Хочу воспѣть свободу міру,
На тронахъ поразить порокъ...
Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ Законъ, а не Природа;
Стоите выше вы Народа,
Но вѣчный Выше васъ Законъ.
И горе, горе племенамъ,
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно“...

Пѣвецъ въ полуночный часъ видитъ, какъ въ заброшенный дворецъ, «пустынный памятникъ тирана», Михайловскій замокъ, идутъ убійцы имп. Павла. Въ заключеніе поэтъ говоритъ:

---

[1]) Въ 1824 г. была составлена любопытная записка объ упадкѣ торговли и финансовъ въ Россіи, авторъ, который въ числѣ причинъ печальнаго состоянія нашего курса называетъ „недовѣріе публики къ распоряженіямъ правительства самодержавнаго“, старается доказать, что „самодержавное правленіе неспособно къ внушенію общаго довѣрія“ и утверждаетъ, что Россія могла бы принять „для блага своихъ народовъ форму умѣренной монархіи“.

...„Погибъ увѣнчанный злодѣй!
И днесь учитеся, цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кровь темницъ, ни алтари
Не вѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона,
И станутъ вѣчной стражей трона
Народовъ вольность и покой".

Гражданскіе мотивы были, какъ извѣстно, неотъемлемою принадлежностью поэзіи Рылѣева. Таковы напр. его стихотвореніе «Къ временщику», напечатанное въ 1820 г., «Гражданинъ» (1825 г.), написанное незадолго до 14 декабря, «Исповѣдь Наливайки» (напечатанное въ «Полярной Звѣздѣ» 1825 г.). Въ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ высказывается преобладающее настроеніе поэта за послѣднее время его жизни—готовность пасть въ борьбѣ за свободу родины. [1])

[1]) «Сочиненія Пушкина. Изд. имп. Академіи Наукъ», т. II, Спб. 1905 г., Примѣчанія, стр. 491—494; Библіотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ, т. I, 1907 г., стр. 510—516. „Вольность" Пушкина вѣроятно навѣяна произведеніемъ А. Н. Радищева подъ тѣмъ же заглавіемъ (см. выше, стр. 25—28).

ГЛАВА I.

Отношеніе декабристовъ къ нашему политическому и общественному строю.

Возникновеніе тайныхъ обществъ въ Россіи при Александрѣ I объясняется недовольствомъ русской интеллигенціи существовавшимъ тогда политическимъ и общественнымъ строемъ, мѣрами правительства внутри Россіи и его иностранною политикой. Пробужденіе сознательнаго отношенія ко всѣмъ отрицательнымъ сторонамъ современной жизни было результатомъ вліянія непосредственныхъ наблюденій во время заграничныхъ походовъ, воспитанія, чтенія литературныхъ и научныхъ произведеній, изученія современныхъ конституцій Царства Польскаго, западно-европейскихъ государствъ и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и вліянія тайныхъ обществъ и революціонныхъ движеній Западной Европы. Разсматривая всѣ эти разнообразныя причины усиленія конституціоннаго и появленія революціоннаго теченій въ русскомъ обществѣ, мы воспользуемся свидѣтельствами самихъ декабристовъ, но для провѣрки ихъ показаній будемъ обращаться и къ другимъ источникамъ. Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ возможности подробно разсмотрѣть всѣ стороны тогдашней русской жизни во всей полнотѣ, это требовало бы гораздо болѣе обширнаго изслѣдованія,—насъ интересуетъ прежде всего отраженіе русской дѣйствительности въ сознаніи декабристовъ и причины, сдѣлавшія членовъ тайныхъ обществъ людьми, способными критически относиться къ существовавшему тогда политическому и общественному строю.

Прежде всего не можетъ не интересовать отношеніе декабристовъ къ лицу, занимавшему тогда первое мѣсто въ нашемъ политическомъ строѣ, лицу, отъ воли котораго зависѣло преобразованіе этого строя. Но прежде, чѣмъ говорить объ отношеніи декабристовъ къ Александру I, мы считаемъ нужнымъ напомнить нѣкоторые факты, рисующіе его политическое міросозерцаніе.

Мы говорили уже выше о радикальномъ настроеніи великаго князя Александра Павловича и планахъ либеральныхъ реформъ въ первое

время послѣ его воцаренія [1]). Когда Бонапартъ былъ сдѣланъ въ 1802 г. пожизненнымъ консуломъ, имп. Александръ I писалъ Лагарпу: «Завѣса упала; онъ самъ лишилъ себя лучшей славы, какой можетъ достигнуть смертный и которую ему оставалось стяжать,—славы доказать, что онъ безъ всякихъ личныхъ видовъ работалъ единственно для блага и славы своего отечества и, пребывая вѣрнымъ конституціи, которой онъ самъ присягалъ, сложить черезъ 10 лѣтъ власть, которая была въ его рукахъ... Нынѣ это знаменитѣйшій изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи [2]). Впослѣдствіи Александръ I пытался убѣждать Наполеона, что наслѣдственность верховной власти составляетъ злоупотребленіе ею [3]). Въ письмѣ къ Джефферсону, президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, отъ 15 іюня 1804 г. Александръ I писалъ: «Я всегда питалъ высокое уваженіе къ вашей націи, которая сумѣла самымъ благороднымъ образомъ воспользоваться своею независимостью, создавъ для себя конституцію свободную и мудрую, которая обезпечиваетъ счастіе всѣхъ и каждаго [4]). Въ 1804 г. государь поручаетъ барону Розенкампфу составленіе проекта конституціи для Россіи,—и вслѣдъ затѣмъ принимаетъ мѣры весьма реакціонныя. 5-го сентября 1805 г., предъ отъѣздомъ въ армію, онъ повелѣлъ учредить на время своего отсутствія тайный комитетъ для совѣщанія по дѣламъ, относящимся «къ высшей полиціи». Комитету этому, составленному изъ трехъ министровъ—военнаго (и вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующаго въ Петербургѣ)—гр. Вязьмитинова, юстиціи—кн. Лопухина и внутреннихъ дѣлъ—гр. Кочубея, дано было утвержденное государемъ наставленіе, которое поручало комитету заботы, главнымъ образомъ, о «сохраненіи всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ». Въ Петербургѣ комитетъ чрезъ оберъ-полицеймейстера собираетъ свѣдѣнія о подозрительныхъ людяхъ, о тревожныхъ слухахъ и ихъ источникахъ, о подозрительныхъ «скопищахъ» и собраніяхъ, чрезъ дирекцію почтъ получаетъ свѣдѣнія, добываемыя, конечно, чрезъ вскрытіе писемъ, «о подозрительныхъ перепискахъ, чрезъ губернаторовъ о волнующихъ общество слухахъ» и принимаетъ соотвѣтственныя мѣры.

Въ январѣ 1807 г. былъ учрежденъ уже не временный, а постоянный (секретный) комитетъ, существовавшій до 1829 г. и носившій оффиціальное названіе «Комитета общей безопасности 13 января 1807 г.».

[1]) О либеральныхъ мѣрахъ этого времени см. въ талантливой книгѣ *А. Н. Пыпина* „Обществ. движ. въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 4.

[2]) *Шильдеръ*, „Имп. Александръ Первый“, II, 117—118.

[3]) „Рус. Стар.“ 1903 г. № 1, стр. 35.

[4]) Въ письмѣ отъ 10 авг. 1806 г. государь благодаритъ Джефферсона за присылку ему „интересныхъ сочиненій“ о сѣверо-американской конституціи (Петерб. Архивъ мин. иностр. дѣлъ). Ср. *I. C. Hildt.* Early diplomatic negotiations of the United States with Russia. J. Hopkins university studies in histor. and polit. science, series XXIV № 5—6, Baltimore, 1906, p. 36—37.

При его учрежденіи онъ состоялъ изъ министра юстиціи кн. Лопухина и сенаторовъ Макарова и Новосильцова; въ случаѣ надобности въ немъ должны были присутствовать Вязьмитиновъ и Кочубей. Характеръ занятій этого комитета видѣнъ уже изъ того, что самымъ дѣятельнымъ его членомъ былъ Макаровъ, замѣнившій въ тайной экспедиціи сената Шешковскаго, который, по выраженію Потемкина, «кнутобойничалъ» въ ней при Екатеринѣ II. Поводомъ къ учрежденію комитета было объявлено въ указѣ сенату то, что «коварное правительство Франціи, достигая пагубной цѣли своей разрушенія всеобщаго спокойствія, не переставало дѣйствовать во всѣхъ европейскихъ государствахъ чрезъ тайныхъ и явныхъ своихъ сообщниковъ»; но въ этотъ комитетъ велѣно было сообщать о всѣхъ дѣлахъ «по важнымъ преступленіямъ», въ которыхъ «подозрѣваются люди зловредные», и объ измѣнѣ «противу общаго спокойствія и безопасности», съ тѣмъ, чтобы онъ предписывалъ порядокъ слѣдствія и наблюдалъ за всѣмъ производствомъ его до окончательнаго рѣшенія [1]). Повелѣніемъ Александра I 31 января того же года было пояснено, что комитетъ долженъ былъ, не опредѣляя никакихъ наказаній, по предварительному докладу государю, отсылать преступника въ надлежащее судебное мѣсто для поступленія съ нимъ по всей строгости законовъ. Между прочимъ, въ комитетъ этотъ вносились слѣдующія политическія дѣла: «о зловредныхъ разглашеніяхъ», и въ томъ числѣ о слухахъ «относительно возстановленія Польши» и о вольности крестьянъ, о подозрѣніяхъ и извѣтахъ относительно заговоровъ противъ государя, объ оскорбленіяхъ особы государя и членовъ императорскаго дома дерзкими и неприличными словами, о составленіи и распространеніи возмутительныхъ воззваній, о тайныхъ обществахъ и запрещенныхъ сходбищахъ, о вредныхъ сочиненіяхъ и проч. [2]). Такимъ образомъ была до нѣкоторой степени возстановлена тайная экспедиція, уничтоженная по вступленіи на престолъ имп. Александра I указомъ сенату 2 апрѣля 1801 г.

Такова было оборотная сторона правленія государя (даже въ первую половину его царствованія), проникнутаго либеральными намѣреніями. А между тѣмъ, стремленіе къ осуществленію этихъ намѣреній ска-

---

[1]) П. С. З. т. XXIX, № 22,425.

[2]) *Шильдеръ*, II. 162, 164, 362 - 367. Дѣлопроизводство комитета 13 января 1807 г. хранится въ Архивѣ Государствен. Совѣта; нѣкоторыя свѣдѣнія о комитетѣ см. въ ст. проф. *Романовича-Славатинскаго* „Воспоминанія объ архивѣ госуд. совѣта“, „Кіевская Старина“ 1888 г., № 6, стр. 241—246. Три журнала этого комитета (о дерзкихъ словахъ противъ высочайшихъ особъ и о поклоненіи Наполеону) см. „Сборн. истор. матер., извлеч. изъ архива соб. е. вел. канц.“ т. XI, 264—268. Нужно замѣтить, впрочемъ, что гораздо болѣе усердія, чѣмъ этотъ комитетъ, обнаруживала, такъ называемая, особенная канцелярія министерства внутреннихъ дѣлъ, которая въ 1826 году была замѣнена III отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи.

зывалось и въ созваніи въ 1809 г. сейма въ Финляндіи [1]), и въ работахъ со Сперанскимъ надъ проектомъ преобразованія государственнаго строя Россіи въ 1809 году. Двойственность эта проходитъ чрезъ все царствованіе имп. Александра.

Въ 1811 г., въ бесѣдѣ съ Армфельтомъ, Александръ I сказалъ: конституціонные порядки Финляндіи «нравятся мнѣ гораздо болѣе, чѣмъ пользованіе самовластіемъ (libre arbitre), основаннымъ лишь на моей личной волѣ и предполагающемъ въ монархѣ такую степень совершенства, которая, увы, не свойственна человѣчеству. Тамъ (въ Финляндіи) я могу ошибаться только въ такомъ случаѣ, если бы я того пожелалъ, такъ какъ мнѣ открыты всѣ способы знать правду; здѣсь же я окруженъ одними сомнѣніями и почти всегда привычками, замѣняющими законы» [2]).

Въ 1812 году Александръ I высылаетъ Сперанскаго и въ этомъ же году, бесѣдуя съ посѣтившею Петербургъ г-жею Сталь, въ отвѣтъ на ея слова: «государь, вашъ характеръ есть уже конституція для вашей имперіи, и ваша совѣсть есть ея гарантія», произноситъ извѣстную фразу: «если-бъ это было и такъ, я все-таки былъ бы только счастливою случайностью» [3]). Послѣ того, какъ Наполеонъ перешелъ Нѣманъ, Александръ опредѣляетъ значеніе войны съ нимъ, какъ «послѣдней борьбы независимости противъ порабощенія, либеральныхъ идей—противъ системы тиранніи» [4]).

Извѣстно также либеральное настроеніе Александра I относительно Польши. Еще въ бесѣдѣ съ княземъ Чарторыскимъ 26 декабря 1809 года имп. Александръ высказалъ предположеніе о «дарованіи конституціи и независимости польскому королевству въ тѣсномъ соединеніи съ русскою короною», когда наступятъ благопріятныя для этого обстоятельства. Въ отвѣтъ на представленную Огинскимъ записку объ организаціи вел. княжества Литовскаго съ цѣлью его будущаго соединенія съ герцогствомъ Варшавскимъ и образованія, такимъ образомъ, Польскаго королевства съ присоединеніемъ къ нему Галиціи, имп. Александръ 15-го декабря 1811 г. сказалъ лично Огинскому: «Возстановленіе Польши въ той формѣ, какъ вы мнѣ его предлагаете, нисколько не противорѣчитъ интересамъ Россіи; это не отчужденіе завоеванныхъ

---

[1]) Во время шведскаго владычества депутаты четырехъ финляндскихъ сословій участвовали въ сеймѣ въ Стокгольмѣ.

[2]) *А. Т—въ.* „Возсоединеніе старой Финляндіи съ новою". „Вѣстн. Евр.", 1901 г. № 7, стр. 326—327.

[3]) *M-me de Staël.* Dix années d'exil, P. 1821, p. 313–314. Изложеніе главъ этой книги о Россіи см. въ ст. *Трачевскаго* „Госпожа Сталь". „Историч. Вѣстн." 1894 г. № 10. См. также ст. *Шильдера* „Имп. Александръ и г-жа де-Сталь". „Вѣстн. Евр." 1896 г. № 12, стр. 574.

[4]) *Шильдеръ*, II, 4.

провинцій; я нахожу въ немъ, напротивъ, сильный оплотъ имперіи, такъ какъ оно связываетъ съ интересами Россіи милліоны жителей, которые еще не могутъ забыть своей прежней независимости; поляки могли бы быть счастливы и довольны, если бы имѣли конституцію. Что же касается титула польскаго короля, то почему бы мнѣ не принять его, если это доставитъ удовольствіе всѣмъ полякамъ?» Въ заключеніе Александръ I выразилъ желаніе, чтобы былъ подготовленъ «планъ организаціи въ 8 губерніяхъ, которыя должны составить Литву и Польшу» [1]). Однако когда въ декабрѣ 1812 г. Адамъ Чарторыскій горячо убѣждалъ Александра I, чтобы онъ провозгласилъ себя или великаго князя Михаила Павловича польскимъ королемъ и соединилъ подъ однимъ автономнымъ режимомъ Герцогство Варшавское и литовскія провинціи, государь, 13 января 1813 г., отвѣчалъ ему, что намѣреніе его относительно Польши не измѣнилось, что онъ всегда «предпочиталъ либеральныя формы», но при этомъ, отвергая предложеніе относительно вел. кн. Михаила, просилъ Чарторыскаго «не забывать, что Литва, Подолія и Волынь до сихъ поръ считаютъ себя русскими провинціями, и что никакая логика въ мірѣ не можетъ убѣдить русскихъ видѣть ихъ подъ владычествомъ другого государя, кромѣ того, который управляетъ Россіею» [2]). Въ 1814 г. Александръ I сказалъ Лагарпу: «мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы вернуть полякамъ изъ ихъ отечества все, что только окажется для меня возможнымъ, даровать имъ конституцію, относительно которой я оставляю за собою право развивать ее по мѣрѣ того, насколько они внушатъ мнѣ довѣрія къ себѣ [3]). Александръ I стоялъ за конституціонное устройство Польши вопреки мнѣнію Поццо-ди-Борго и Штейна [4]). Сначала и вѣнскій конгрессъ былъ противъ конституціоннаго устройства Царства Польскаго, пока прусскій уполномоченный Гарденбергъ не убѣдилъ членовъ его въ томъ, что конституціонная Польша будетъ представлять для Европы большую гарантію, нежели просто присоединенная къ Россіи [5]).

По трактату, подписанному, 21-го апрѣля 1815 г., между Россіей, Австріею и Пруссіею, Варшавское герцогство (за исключеніемъ вел. княжества Познанскаго, части Галиціи и Кракова съ его округомъ) было навсегда присоединено къ Россіи. «Оно *въ силу своей конституціи* бу-

[1]) *D'Angeberg.* Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862. P. 1862. p. 540—541, ср. 533—540.

[2]) Mémoires du prince Adame Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre I. P. 1887, t. II, 303—304.

[3]) *Шильдеръ*, III, 237—238.

[4]) Записку Поццо-ди-Борго см. *Tourgeneff.* La Russie et les Russes I, 310—322; записку Штейна см. *Askenazy* Rosya — Polska 1815—1830. Lwów 1907, 178—180; ср. *Max Lehmann* Freiherr vom Stein III, 420—425.

[5]) *Askenazy* Rosya—Polska, 64, ср. 180—182.

детъ въ неразрывной съ Россіею связи и во владѣніи императора всероссійскаго, наслѣдниковъ его и преемниковъ на вѣчныя времена». Было упомянуто, что государь «предполагаетъ даровать по своему благоусмотрѣнію *внутреннее распространеніе сему государству* [1]), имѣющему состоять подъ особеннымъ управленіемъ» и что государь приметъ титулъ царя (короля) польскаго [2]). 13/25 мая 1815 г. были утверждены «основныя начала» польской конституціи. Въ манифестѣ, при которомъ основы конституціи были отправлены въ Варшаву [3]), было, между прочимъ, сказано: « конституція и неизмѣнный союзъ соединятъ васъ съ судьбами монархіи, которая слишкомъ обширна, чтобы желать увеличенія и правительство которой будетъ держаться только правилъ, основанныхъ на справедливости и свободѣ»; упоминалось и о томъ, что конституція примѣнена къ потребностямъ и характеру народа. Было указано на «сохраненіе языка» въ публичныхъ актахъ и «національнаго войска» и на то, что конституціонныя основы установлены при «собственномъ содѣйствіи» поляковъ (во французскомъ текстѣ: affermies par le consentement des habitants) [4]). Проектъ польской конституціи былъ составленъ при участіи кн. Чарторыскаго, Шанявскаго, Игнатія Соболевскаго и Станислава Потоцкаго. Но цесаревичъ Константинъ Павловичъ, начальствовавшій надъ польскимъ войскомъ [5]), сталъ возбуждать неудовольствіе общества своимъ поведеніемъ. Какъ видно изъ писемъ кн. Чарторыскаго къ имп. Александру въ 1815 г., цесаревичъ издѣвался надъ конституціей, приказалъ ввести въ арміи наказаніе палками, подвергалъ военному суду лицъ, вышедшихъ въ отставку. Чарторыскій утверждалъ, что «поведеніе великаго князя можетъ отнять всякую надежду относительно будущей судьбы страны» [6]).

---

[1]) Это былъ намекъ на возможность присоединенія, по волѣ царя, западныхъ губерній Россіи къ Царству Польскому, чему прецедентомъ являлось возсоединеніе съ вел. княж. Финляндскимъ въ 1811 г. той части Финляндіи, которая была завоевана при Петрѣ I и Елизаветѣ. Очень важно также названіе Царства Польскаго „государствомъ".

[2]) П. С. З. т. XXXIII, № 25.824, ст. V. Болѣе подробныя свѣдѣнія о возникновеніи Царства Польскаго см. въ статьѣ *В. Коловскаго* „Россія и Царство Польское въ періодъ его автономнаго быта". „Рус. Мысль" 1906 г. № 4 и въ книгахъ: *Askenazy* Rosya-Polska, стр. 63 и слѣд. и *W. M. Kozłowski* Autonomia Królewstwa Polskiego (1815—1832). Warszawa 1907.

[3]) Французскій текстъ основъ конституціи Царства Польскаго напечатанъ въ книгѣ „Monografie w zakresie dziejów nowożytnych, wydawca Szymon Askenazy, t. I. Rządy tymczasowe w królestwie Polskiem *J. Bojasińskiego*. War. 1902. I, 178—184. Было изданіе того времени на польскомъ яз. „Zasady konstitucyi Królestwa Polskiego".

[4]) „Рус. Стар." 1904 г. № 2, стр. 251—253, *d'Angeberg* 692—694.

[5]) О польскомъ войскѣ того времени см. въ соч. *Квадри*. „Императ. главная квартира. Исторія государевой свиты" („Столѣтіе военнаго министерства" II, 556 и слѣд.).

[6]) Mémoires, II, 337—338, 341—344. Константинъ Павловичъ, браня поль-

31 октября 1815 г. имп. Александръ пріѣхалъ въ Варшаву. Гр. Огинскій, прибывшій туда для представленія государю съ депутатами губерній Виленской, Гродненской и Минской, былъ сначала принятъ наединѣ. Имп. Александръ, сказалъ ему: «Я не могу допустить, чтобы вы просили о присоединеніи вашихъ областей къ Польшѣ, такъ какъ не слѣдуетъ подавать поводъ къ мысли, что вы меня о томъ просите. Необходимо, чтобы всѣ были убѣждены въ томъ, что я сдѣлаю это пособственному почину, что именно я желаю этого. Мнѣ извѣстно, что вы не можете признать удовлетворительными отношенія, существовавшія до сихъ поръ между вашими областями и Россіею. Каждый разсудительный человѣкъ убѣжденъ въ этомъ. Никто не можетъ допустить предположенія, чтобы я намѣренъ былъ отдѣлить эти области отъ Россіи. Напротивъ, я хочу упрочить ихъ связь съ моей имперіею, заботясь о томъ, чтобы мои польскіе подданные не имѣли причинъ жаловаться. Вы въ Литвѣ недовольны, и ваше недовольство будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока вы не соединитесь съ вашими соотечественниками и не воспользуетесь благами конституціи; когда это совершится, тогда только ваше соединеніе съ Россіей будетъ сопровождаться довѣріемъ и полнымъ согласіемъ между обѣими націями. Мои доводы въ пользу осуществленія этого плана еще болѣе утвердятся, если я въ будущемъ найду поводъ быть столь же довольнымъ арміею и гражданскою частью въ королевствѣ, какъ въ настоящее время... Когда я буду въ состояніи указать на правительство (королевства польскаго), какъ на образцовое, и увидятъ, что существованіе его не сопровождается никакимъ вредомъ для имперіи, тогда мнѣ будетъ легко осуществить и остальное». Депутаціи же, съ которою пріѣхалъ Огинскій, императоръ отвѣчалъ лишь общими фразами [1]).

Считая тогда несвоевременнымъ присоединеніе Литвы къ Польшѣ въ виду того, что даже сохраненіе самостоятельнаго существованія Королевства Польскаго вызывало недовольство многихъ русскихъ, государь въ томъ случаѣ, если опытъ конституціоннаго правленія въ Польшѣ окажется удачнымъ, подавалъ полякамъ надежду на сліяніе Литвы съ Польшею подъ однимъ конституціоннымъ режимомъ.

15/27 ноября 1815 г. Александръ I утвердилъ французскій оригиналъ польской хартіи, въ которой были, однако, не вполнѣ сохранены

скихъ офицеровъ, повторялъ, по свидѣтельству Дениса Давыдова: „Я вамъ задамъ конституцію!“ Онъ наносилъ офицерамъ оскорбленія, которыя приводили къ самоубійствамъ. Въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ командованія польскимъ войскомъ цес. Константина Павловича лишили себя жизни 49 офицеровъ. *Sz. Askenazy.* Lukasiński. War. 1908 г. p. 47—55, 71—73, 339—341, „Рус. Стар.“ т. XXXIV, 250—253, *Кандри*, стр. 593, *Карновичъ*. „Цесаревичъ Константинъ Павловичъ“. Спб. 1899, стр. 125—128, „Записки Д. В. Давыдова“, 1863, стр. 7.

[1]) „Mémoires de Michel Oginski“. P. 1827. t. IV, 235—236, 240—241.

основныя начала, утвержденныя 13 мая 1815 года: исключено было правило о томъ, что образованіе въ государственныхъ школахъ должно быть даровое (§ 33 основныхъ началъ); не сохранилось также выраженіе, что конституціонная хартія «должна быть навсегда признаваема *главною и священнѣйшею связью*, которою это королевство неразрывно навѣки соединяется съ имперіею всероссійскою» (§ 37 основныхъ началъ); но все же было установлено въ конституціи обязательство для преемниковъ Александра I присягать въ соблюденіи конституціонной хартіи (см. 45 ея §), и представительное правленіе было установлено «навѣки» (à perpetuité) (§ 31). Старинное правило Neminem captivabimus, nisi jure victum (никого мы не подвергнемъ заключенію, иначе, какъ на основаніи закона), было замѣнено выраженіемъ Neminem captivare permittemus, nisi jure victum (*мы не позволимъ* никого подвергнуть заключенію иначе, какъ на основаніи закона [1]).

Относительно Франціи имп. Александръ сыгралъ также либеральную роль. 5 17 марта 1814 г., во время свиданія съ горячимъ сторонникомъ Бурбоновъ, бар. Витролемъ, Александръ высказался несочувственно относительно Бурбоновъ: «если бы вы ихъ знали, вы были бы убѣждены, что бремя короны слишкомъ тяжело для нихъ... Быть можетъ, разумно организованная республика болѣе соотвѣтствовала бы французскому духу. Идеи свободы не могли развиваться безнаказанно въ теченіе столь долгаго времени въ странѣ, подобной вашему отечеству». Затѣмъ государь прибавилъ: «Въ тотъ день, когда я буду въ Парижѣ, я признаю своимъ союзникомъ только французскую націю» [2]). По занятіи Парижа имп. Александръ заявилъ отъ имени союзниковъ, что они не будутъ договариваться ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ либо изъ членовъ его семейства, но признаютъ и гарантируютъ конституцію принятую французскою націею. Французскій сенатъ учредилъ временное правительство и предположилъ объявить Наполеона и членовъ его семейства лишенными права на престолъ: государь сказалъ при представленіи ему сената по этому поводу: «Справедливо и разумно дать Франціи учрежденія сильныя и либеральныя, которыя соотвѣтствовали бы современному состоянію просвѣщенія. Мои союзники и я, мы намѣрены только обезпечить независимость вашихъ рѣшеній». Послѣ того, какъ Людовикъ, графъ Прованскій, братъ Людовика XVI, былъ призванъ на престолъ, Александръ I, по прибытіи его во Францію, послалъ ему навстрѣчу ген.-адъют. Поццо-ди-Борго съ письмомъ, въ которомъ совѣтовалъ принять выработанную сенатомъ конституцію, и при личномъ свиданіи съ Людовикомъ XVIII въ Компьенѣ старался вліять на него въ

---

[1]) Изложеніе польской конституціи 1815 г. См. выше стр. 51—55.

[2]) „Mémoires et relations politiques du baron de Vitrolles". P. 1884, t. I, p. 119, 125.

либеральномъ смыслѣ. Въ Парижѣ государь посѣтилъ салонъ г жи Сталь и высказалъ здѣсь Лафайету свое полное недовольство неисправимостью Бурбоновъ, а также выразилъ презрѣніе Фердинанду VII, тотчасъ по своемъ возвращеніи въ Испанію уничтожившему конституцію. Рѣшительныя настоянія Александра заставили Людовика XVIII поспѣшить съ выработкою конституціонной хартіи [1]).

Въ бесѣдѣ съ представителями партіи виговъ въ 1814 году во время своего посѣщенія Англіи о пользѣ честной и благонамѣренной оппозиціи, Александръ сказалъ, что онъ позаботится вызвать къ жизни въ Россіи «очагъ оппозиціи» [2]).

15/27 марта 1818 года имп. Александръ открылъ польскій сеймъ и въ своей рѣчи, между прочимъ, заявилъ, что надѣется распространить вліяніе «законно-свободныхъ учрежденій» на всѣ страны, вѣренныя Провидѣніемъ его попеченію. Мы увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, какое сильное впечатлѣніе произвела эта рѣчь въ Россіи. Не только этотъ примѣръ, но и прямые совѣты Александра I его двоюродному брату, вел. герц. Баденскому, побудили послѣдняго въ 1818 г. покончить возбужденный еще въ 1815 г. вопросъ о дарованіи великому герцогству конституціи [3]). 25 октября того же 1818 года Н. И. Тургеневъ занесъ въ свой дневникъ вычитанное имъ въ гамбургскихъ газетахъ извѣстіе, что Александръ I сказалъ ген. Мезону: «наконецъ всѣ народы должны освободиться отъ самовластія. Вы видите, что́ я дѣлаю въ Польшѣ и что хочу сдѣлать и въ другихъ моихъ владѣніяхъ». Дѣйствительно, въ 1818 г. онъ поручилъ Новосильцову составленіе «Уставной Грамоты» русскому народу [4]) и въ слѣдующемъ году, въ совѣщаніи съ Новосильцовымъ, принялъ ея основныя начала; въ февралѣ 1820 г. хартія была уже готова, но осуществлена она не была. Это объясняется

---

[1]) *Vaulabelle* Hist. des deux Restaurations. 2 ed. P. 1867, t. I, 304, II, 48. 52—54, 71—73, *Viel-Castel* Hist. de la Restauration, P. 1860, t. I, 218, 443—4. *Шильдеръ*, III, 231, 240, ср. 277—278.

[2]) *Шильдеръ*, „Имп. Николай I", т. I, 76; *Flathe.* Das Zeitalter der Restauration und Revolution. Berl. 1883, S. 9.

[3]) *Treitschke.* Deutsche Geschichte, II Theil, 5-te Aufl., 1897, S 362, 371—374.

[4]) Новосильцовъ прислалъ свой проектъ государю лѣтомъ 1819 г. съ кн. П. А. Вяземскимъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ имп. Александръ сказалъ, что доволенъ этимъ трудомъ, что привезетъ его съ собою въ Варшаву и сообщитъ свои замѣчанія Новосильцову, что надѣется непремѣнно довести это дѣло до конца и что только недостатокъ въ деньгахъ, нужныхъ „для подобнаго государственнаго оборота" замедляетъ осуществленіе мысли, для него священной, что онъ знаетъ, сколько это преобразованіе „встрѣтитъ затрудненій, препятствій, противорѣчія въ людяхъ, конхъ предубѣжденія, легкомысліе приписываютъ симъ политическимъ правиламъ многія бѣдственныя событія современныя, когда, при безпристрастнѣйшемъ изслѣдованіи, люди сіи легко могли бы убѣдиться, что сіи безпорядки проистекаютъ отъ причинъ совершенно постороннихъ". „Полн. Собр. Сочин. кн. П. А. Вяземскаго" II, 87—88.

значительною перемѣною въ политическихъ стремленіяхъ государя [1]).

Осенью 1820 г., на конгрессѣ въ Троппау, онъ самъ заявилъ Меттерниху, что совершенно измѣнился. Въ болѣе мягкой формѣ онъ характеризовалъ перемѣну своей политики французскому посланнику Ла-Ферроне; онъ даже увѣрялъ его, что всегда останется тѣмъ, чѣмъ былъ прежде: «Я люблю конституціонныя учрежденія и думаю, что всякій порядочный человѣкъ долженъ любить ихъ; но можно ли вводить ихъ безразлично у всѣхъ народовъ. Не всѣ народы готовы въ равной степени къ ихъ принятію». Объясняя свое согласіе на реакціонныя постановленія конгресса, Александръ ссылался на необходимость «сдержать революціонеровъ и не дать свободы духу анархіи и нечестія, представителями которыхъ служатъ тайныя общества» [2]). И послѣ 1820 г. имп. Александръ иногда выражалъ либеральные взгляды; но когда онъ, незадолго до смерти, въ концѣ августа 1825 г., въ разговорѣ съ Карамзинымъ, сказалъ, что дастъ коренные законы Россіи» [3]), то едва ли и самъ онъ этому вѣрилъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что, по крайней мѣрѣ до 1820 г., имп. Александръ нѣкоторыми своими поступками и словами содѣйствовалъ распространенію либеральныхъ идей и далъ возможность ссылаться на это декабристамъ во время слѣдствія о дѣлѣ тайныхъ обществъ. Но цѣлый рядъ правительственныхъ мѣръ, о которыхъ мы будемъ говорить, и дѣйствій самого Александра возбуждали въ образованномъ обществѣ негодованіе противъ него. Якушкинъ разсказываетъ, какъ въ 1814 г при вступленіи войскъ, возвратившихся изъ Франціи въ Петербургъ, одна сцена поразила ихъ въ самое сердце. Когда имп. Александръ, предводительствующій гвардейской дивизіей, верхомъ на конѣ, съ обнаженною саблею, приближался къ каретѣ, гдѣ сидѣла имп. Марія Ѳеодоровна съ одною изъ дочерей, и готовъ былъ отдать ей честь опущеніемъ сабли, передъ его лошадью черезъ улицу пробѣжалъ мужикъ. «Императоръ далъ шпоры своей лошади и бросился на бѣгущаго съ обнаженною шпагою. Полиція приняла мужика въ палки. Мы не вѣрили

---

[1]) Посылая весною 1820 г. къ Людовику XVIII своего адъютанта Шувалова (съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу убійства герцога Беррійскаго), имп. Александръ въ данной ему инструкціи предписывалъ, чтобы онъ указалъ на устройство, данное Польшѣ, Финляндіи и Бессарабіи, какъ на доказательство возможности соединить способъ управленія, требуемый духомъ времени, съ порядкомъ и дисциплиною. *Sz. Askenazy.* Lukasiński, 1908, I, 151, 364. По „Уставу образованія Бессарабской области" (29 апр. 1818 г.) въ Верховномъ Совѣтѣ Области, кромѣ 4 членовъ отъ правительства, должны были участвовать 6 депутатовъ, *но избираемыхъ только дворянствомъ*. Полн. собр. зак. т. XXXV, № 27.357.

[2]) *Шильдеръ*, IV, 182—183, 194, 469.

[3]) „Неизд. сочиненія и переписка Карамзина", стр. 12.

собственнымъ глазамъ,—говоритъ Якушкинъ,—и отвернулись, стыдясь за любимаго нами царя. Это было во мнѣ первое разочарованіе на его счетъ». 26 іюня 1819 г. Н. Тургеневъ писалъ брату Сергѣю: «Тотъ, которымъ восхищалась Европа и который былъ для Россіи нѣкогда надеждою,—какъ онъ перемѣнился!.. Теперь нельзя ничего превидѣть хорошаго для Россіи [1]). «Кончилась война съ Наполеономъ,—говоритъ Каховскій, въ письмѣ къ Николаю I изъ крѣпости,—мы всѣ надѣялись, что императоръ займется внутреннимъ управленіемъ въ государствѣ, съ нетерпѣніемъ ждали закона «постановительнаго» (т. е. конституціи) и преобразованія судопроизводства нашего; ждали,—и что же? Чрезъ 12 лѣтъ лишь перемѣнилась форма мундировъ гражданскихъ! Въ продолженіе 25-лѣтняго своего царствованія государь «ни разу не удостоилъ своимъ присутствіемъ сенатъ [2]). А между тѣмъ, по свидѣтельству М. Ѳ. Орлова, Александръ I сказалъ въ Парижѣ: «внѣшніе враги надолго ослаблены, будемъ бороться съ внутренними врагами». Якушкинъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «во всѣхъ членахъ Союза Благоденствія проявлялось какое-то ожесточеніе противъ царствующаго императора».

Очень вредили императору Александру въ общественномъ мнѣніи во вторую половину царствованія рѣзкія выраженія неблагопріятнаго мнѣнія о его подданныхъ. Еще въ 1812 году, во время высылки Сперанскаго, Александръ I сказалъ де-Сангрену: «Я рѣшительно никому не вѣрю. Люди — мерзавцы».—«До слуха всѣхъ» — говоритъ Якушкинъ,—«безпрестанно доходили изреченія императора, въ которыхъ выражалось явное презрѣніе къ русскимъ». Такъ, напримѣръ, во время смотра при Вертю во Франціи на похвалы Веллингтона устройству русскихъ войскъ, Александръ I во всеуслышаніе отвѣтилъ, что этимъ обязанъ иностранцамъ, которые у него служатъ. Генералъ-адъютантъ гр. Ожаровскій, родственникъ декабристовъ Муравьевыхъ-Апостоловъ, возвратившись однажды изъ дворца, сообщилъ имъ, что императоръ, говоря о русскихъ вообще, выразился, «что каждый изъ нихъ—или плутъ, или дуракъ» [3]). Въ 1820 г. Александръ сказалъ прусскому королю, что они оба «окружены неголяями», что онъ «многихъ хотѣлъ прогнать, но на ихъ мѣсто являлись такіе же» [4]). Когда однажды Александръ I любовался войскомъ, директоръ лицея Энгельгардтъ рѣшился ему замѣтить,

---

[1]) Но позднѣе Тургенева не разъ трогало доброе мнѣніе о немъ государя, несмотря на то, что послѣднему были хорошо извѣстны и его либеральныя мнѣнія, и даже его участіе въ „Союзѣ Благоденствія".

[2]) *Бороздинъ*, „Изъ писемъ и показаній декабристовъ", Спб. 1906 г., стр. 28. Полковникъ Булатовъ въ письмѣ къ вел. кн. Михаилу Павловичу въ 1826 году говоритъ, что Александръ I одинъ разъ былъ въ сенатѣ. *Довнаръ Запольскій.* „Мемуары декабристовъ", 251.

[3]) „Записки Якушкина", М. 1905 г., стр. 5.

[4]) *Пыпинъ*. „Общ. движ. при Александрѣ I", изд. 3, стр. 381.

что время приняться за устройство гражданской части, государь, крѣпко пожавъ ему руку, со слезами на глазахъ, сказалъ: «Ахъ! я это очень, очень чувствую, но ты видишь, кѣмъ я возьмусь!» [1]). На недостатокъ людей Александръ жаловался и Державину, и Киселеву [2]). Удаляя Сперанскаго и облекая полною довѣренностью Аракчеева, Александръ естественно чувствовалъ отсутствіе вокругъ себя способныхъ людей. Декабристъ Каховскій въ письмѣ къ императору Николаю 4 апрѣля 1826 г. говоритъ: «покойному императору какой-то злой геній оклеветалъ его добрый народъ; онъ разлюбилъ насъ и въ людяхъ благонамѣренныхъ видѣлъ карбонаріевъ; раздражился самъ и насъ вооружилъ противъ себя» [3])... Въ послѣдніе годы своего царствованія онъ, по словамъ Каховскаго, уже не пользовался такою любовью, какъ прежде. Крайне неблагопріятное впечатлѣніе производило усиленіе въ Александрѣ страсти къ военнымъ ученіямъ. «Царь былъ всякій день у развода»,—говоритъ Якушкинъ,—«во всѣхъ полкахъ начались ученія, и шагистка вошла въ полную силу... Разводы, парады и военные смотры были почти его единственныя занятія». — «Когда онъ въ Россіи, онъ только забавляется со своими солдатами», говорили купцы въ гостиномъ дворѣ. «Неужели, будучи верховнымъ правителемъ и судіею,— писалъ Каховскій,—полезнѣе было бывать каждый день у развода, чѣмъ когда нибудь посѣтить главное правительствующее мѣсто и судилище народное..Покойный императоръ, объѣзжая области государства, вникнулъ ли гдѣ въ состояніе народное? [4]). Нѣтъ, онъ смотрѣлъ лишь войска... И общее негодованіе громко говорило во всей Россіи: императоръ занимается лишь солдатами,—играетъ ими, какъ игрушкой, не печется о благосостояніи нашемъ, тратитъ сотни милліоновъ на арміи, безполезнымъ содержаніемъ въ мирное время милліона войскъ изсушаетъ источники богатства народнаго» [5]).

---

[1]) Письмо дек. Штейнгеля къ Николаю I. *Бороздинъ*, 62.

[2]) „Рус. Стар." 1904 г. № 1, стр. 7.

[3]) Купцы къ гостиномъ дворѣ разсуждали: „если ему не нравится въ Россіи, почему онъ не ищетъ короны въ другомъ мѣстѣ? На что годится государь, который совсѣмъ не любитъ своего народа? Г. А. I. В. № 12, л. 66.

[4]) На какія мелочи обращалъ вниманіе Александръ I во время своихъ поѣздокъ по Россіи, можно видѣть изъ соч. *Квадри* „Императорская главная квартира. Исторія государевой свиты". „Столѣтіе военнаго министерства", II, Спб. 1904 г., стр. 297—306.

[5]) По одному изслѣдованію, величина арміи при Александрѣ I возрасла почти въ три раза; въ 1803 г. численность ея равнялась 448.776 человѣкъ, а въ 1825 г.—1,216.435 чел. „Столѣтіе военнаго министерства, Т. VIII, ч. I. *Кручекъ-Голубовъ*. Главное военно-медицинское управленіе". Спб. 1902, стр. 73—74. По другому изслѣдованію, численность сухопутнаго войска увеличилась почти въ 2½ раза: въ 1800 г. въ немъ было 394.444 чел., а въ послѣдніе годы царствованія Александра I въ среднемъ 950.000 чел „Столѣтіе военнаго министерства. Главный штабъ, ч. I, кн. I, отд. II. *Щепетильниковъ*. Комплектованіе

Большое недовольство вызывали также постоянныя поѣздки Александра I за границу и долгое пребываніе тамъ. Какъ видно изъ одного представленнаго государю доноса, объ этомъ открыто разсуждали купцы въ петербургскомъ гостиномъ дворѣ. Они указывали на то, что въ конституціонныхъ государствахъ «государь не можетъ покидать своей страны безъ согласія народа... Постыдно, что онъ лично отправляется туда, куда другіе государи посылаютъ только своихъ посланниковъ... Онъ лишь разъѣзжаетъ и тратитъ большія деньги, разоряя этимъ страну. То же говоритъ и Каховскій въ письмѣ къ императору Николаю: «поѣздки на конгрессы какую принесли намъ прибыль? Развѣ только то, что деньги наши вывозятъ изъ отечества». А. В. Поджіо въ своемъ показаніи указываетъ на недовольство общества отлучками Александра I на западноевропейскіе конгрессы, отвлекавшіе его отъ внутреннихъ дѣлъ; Булатовъ же въ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу объясняетъ, что и отъ частыхъ поѣздокъ Александра I по Россіи народъ ничего не выигрывалъ, а только несъ лишніе труды и расходы. Понятно, что общественное мнѣніе сдѣлалось, наконецъ, вполнѣ враждебнымъ императору Александру. Декабристъ Д. Завалишинъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «Я отправился въ походъ вокругъ свѣта» (въ 1822 году) «подъ вліяніемъ еще впечатлѣній скорѣе благопріятныхъ, чѣмъ враждебныхъ императору Александру I. Мнѣніе о немъ далеко еще не высказалось рѣшительно и окончательно въ дурную сторону, какъ было то впослѣдствіи, когда его анти-національное и анти-либеральное направленіе принимали за несомнѣнный и неисправимый фактъ и только спорили о томъ, какъ объяснить либеральное направленіе начала его царствованія. Въ то время, какъ одни думали, что вначалѣ онъ былъ искренно либераленъ, а измѣнился потомъ подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтниковъ и мистицизма, который овладѣлъ имъ, другіе утверждали, что въ характерѣ его всегда было притворство, и что начальныя дѣйствія его царствованія легко объясняются необходимостью скрывать истинное свое мнѣніе и расположеніе, какъ вслѣдствіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе его на престолъ» (т. е. согласія его на низверженіе Павла, хотя и не на его убійство), «такъ и страхомъ, который наводилъ Наполеонъ и Франція, страхомъ, заставлявшимъ и всѣхъ государей искать опоры и противодѣйствія въ привязанности народа и возвышеніи ихъ духа». Впрочемъ, позднѣе Завалишину стало извѣстно, что «уже и въ 1822 г. раз-

---

войскъ въ царствованіе Александра I, стр. 132. Первая цифра для 1825 г. представляетъ число войска, опредѣленное по штатамъ, см. Ibid, *Шелеховъ* „Главное интендантское управленіе", ч. I, 489. Штатная численность въ 1801 г. была: регулярныхъ 397.373 ч., казачьихъ и иррегулярныхъ войскъ—80.949, итого 478.322 ч *Борисевичъ*. „Организація, расквартированіе и передвиженіе войскъ". „Столѣт. воен. мин." IV вѣдом. (стр. 104—105).

драженіе противъ Александра I было значительно». По словамъ Завалишина, «не было очевиднѣе факта, до какой степени государь потерялъ въ послѣднее время уваженіе и расположеніе народа» [1]).

Нелюбовь къ Александру I сопровождалась крайнимъ раздраженіемъ и противъ всѣхъ трехъ его братьевъ.

По словамъ Николая Павловича, онъ и его братъ получили «бѣдное образованіе». Главнымъ развлеченіемъ для нихъ въ дѣтствѣ были игры въ оловянные и фарфоровые солдатики и другія игрушки, напоминавшія о военной службѣ. Иногда, подражая часовымъ, они по цѣлымъ часамъ стояли на часахъ, и, по преданію, даже по ночамъ вскакивали съ постелей, чтобы хоть немножко постоять съ алебардой или ружьемъ на плечѣ.

Отзывы о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ были почти единогласно неблагопріятны, а не только со стороны членовъ тайнаго общества. Вигель, говоря о женитьбѣ Николая Павловича въ 1816 г. (на дочери прусскаго короля Фридриха Вильгельма III), такъ отзывается о немъ: «Русскіе тогда еще мало знали его»; едва выйдя изъ отрочества, «2 года провелъ онъ въ походахъ за границей, въ третьемъ проскакалъ ... всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. Онъ былъ несообщителенъ и холоденъ»; въ исполненіи своего долга «былъ слишкомъ строгъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго, блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость;... скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ любимъ» [2]). Это было прекрасно извѣстно и самому Николаю Павловичу. Графиня Нессельроде въ письмѣ отъ 10 декабря 1825 г. передаетъ слѣдующія его слова: «я знаю, что я былъ непріятнымъ начальникомъ бригады, невыносимымъ дивизіоннымъ командиромъ,—я долженъ былъ быть такимъ», но впредь онъ обѣщалъ измѣниться. Графиня находила преувеличеніе въ словахъ великаго князя: «Никто не приказывалъ ему быть вспыльчивымъ, мелочнымъ, но правда, что отъ него требовали поддержанія суровой дисциплины въ войскѣ, что его винили за всякую мелочь и что онъ передъ всѣми получалъ выговоры» [3]). О томъ, что гвардія не любитъ Николая, сообщилъ и гр. Милорадовичъ принцу Виртембергскому [4]). По словамъ Штейнгеля, Милорадовичъ не скрылъ этого и отъ самого Николая Павловича [5]).

Декабристы указываютъ на ненависть къ Николаю и въ своихъ

---

[1]) „Записки дек. Д. И. Завалишина", Мюнхенъ, 1904, т. I, 195—6, 222—3, 253 (есть и изданіе, вышедшее въ свѣтъ въ Россіи, 1907 г.).

[2]) „Записки Вигеля", ч. V, М. 1892 г., стр. 70—71.

[3]) *Шильдеръ*, Имп. Николай I, т. I, 509.

[4]) *Schiemann*, Ermordung Pauls u. Thronbesteigung Nikolaus I, 124.

[5]) „Обществ. движенія въ перв. пол. XIX в." I, 434.

воспоминаніяхъ, и на допросахъ, и даже въ письмахъ изъ крѣпости къ нему самому. М. А. Фонъ-Визинъ говоритъ, что гвардейскіе полки имѣли много причинъ не любить Николая «за жестокое обращеніе съ офицерами и солдатами, за безпрерывныя мелочныя придирки по службѣ». Кн. С. П. Трубецкой въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ, что Николай былъ извѣстенъ «только грубымъ обхожденіемъ съ офицерами и жестокостью съ солдатами ввѣренной ему гвардейской дивизіи». Завалишинъ выражается очень опредѣленно и рѣшительно: «Николай былъ ненавидимъ, особенно войскомъ» (I. 197—8). Батеньковъ заявилъ въ одномъ изъ показаній, что офицеры считали Николая «весьма пристрастнымъ къ фронту, строгимъ за всѣ мелочи и нрава мстительнаго». Полковникъ Булатовъ въ письмѣ къ Михаилу Павловичу сообщаетъ ему о его братѣ Николаѣ такіе отзывы,—«что онъ золъ, мстителенъ, скупъ, военные недовольны частыми ученіями, непріятностями по службѣ» [1]).

Декабристъ Каховскій писалъ изъ крѣпости самому имп. Николаю, что даже люди, ему преданные, не оправдывали его «страсти къ фрунту. Сіе занятіе государей нашихъ въ глазахъ всего народа уже сдѣлалось ненавистно. Самыя войска чрезмѣрно тяготятся имъ и ужасно ропщутъ.

[1]) О нелюбви къ Николаю вспоминаютъ въ своихъ запискахъ баронъ Розенъ (стр. 84) и А. М. Муравьевъ (Schiemann, 168), а также баронъ Штейнгель въ своемъ показаніи во время слѣдствія. О грубомъ обращеніи вел. кн. Ник. Пав. съ офицерами свидѣтельствуетъ Розенъ: въ 1825 г., онъ обозвалъ офицеровъ финляндск. полка свиньями, требовалъ, чтобы они занимались службою, а не философіей, такъ какъ онъ ея терпѣть не можетъ, и грозилъ всѣхъ „философовъ" вогнать въ чахотку. „Записки декабриста", Лейпц. 1870 г., стр. 56—57. Васильчиковъ, командиръ гвардейскаго корпуса заставилъ Николая Павловича извиниться, передъ любимцемъ солдатъ, командиромъ егерскаго полка генераломъ Бистромомъ, котораго великій князь оскорбилъ грубымъ выговоромъ. Въ 1822 году у Николая Павловича было столкновеніе съ офицеромъ л. г. егерскаго полка В. С. Норовымъ, котораго онъ оскорбилъ грубымъ выговоромъ, что вызвало протестъ со стороны товарищей оскорбленнаго, Когда Норовъ былъ привлеченъ къ дѣлу о тайномъ обществѣ декабристовъ, имп. Николай, послѣ двухлѣтняго заключенія въ казематахъ Петропавловской и Свеаборгской крѣпостей, выдержалъ его до 1835 г. на земляныхъ работахъ въ Бобруйской крѣпости, а затѣмъ отправилъ солдатомъ на Кавказъ. *Кн. Щербатовъ.* „Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ". Спб. 1888, т. I, 362—371. *И. Полиновъ* „В. С. Норовъ". „Рус. Арх." 1900 г. № 2.

Весьма незадолго до волненія въ Семеновскомъ полку, въ Измайловскомъ полку разразилась слѣдующая исторія. Николай Павловичъ, бывшій бригаднымъ командиромъ, производилъ (въ концѣ августа или началѣ сентября 1820 г.) ученіе въ Измайловскомъ полку. Оставшись недовольнымъ маршированіемъ офицеровъ, вел. кн приказалъ полковому командиру Мартынову заставить ихъ учиться, и тотъ велѣлъ имъ маршировать на плацу тихимъ шагомъ въ три пріема, въ присутствіи солдатъ; это оскорбило офицеровъ, и они рѣшили подать въ отставку. Тогда Мартыновъ просилъ офицеровъ остаться на службѣ, а чтобы выразить начальству скорбь полка за обидныя для него дѣйствія вел. кн., онъ самъ былъ готовъ выйти въ отставку. Офицеры отказались отъ своего намѣренія и просили его служить вмѣстѣ съ ними. „Рус. Арх." 1875 г. II, 46—47; „Рус. Стар." 1871 г., т. IV, 648.

При ученіи солдатъ иногда вырываются такія изреченія, которыя, распространяясь по государству, вооружаютъ сердца и умножаютъ ропотъ». Даже Ростовцевъ въ доносѣ Николаю Павл. на декабристовъ 12 декабря 1825 года рѣшился сказать ему: «излишне довѣряя льстецамъ и наушникамъ вашимъ, вы весьма многихъ противъ себя раздражили» [1]).

Очень хорошую характеристику вел. кн. Михаила Павловича даетъ въ своихъ запискахъ Вигель: «Ничего ни письменнаго, ни печатнаго онъ съ малолѣтства не любилъ. По при достаточномъ умѣ, съ живымъ воображеніемъ, любилъ онъ играть въ слова и въ солдатики: каламбуры его извѣстны всей Россіи. Отъ гражданской службы имѣлъ совершенное отвращеніе, пренебрегалъ ею и полагалъ, что военный порядокъ достаточенъ для государственнаго управленія. Самое высокое понятіе имѣлъ онъ о военной іерархіи, такъ что званіе начальника полка, бригады, а кольми паче корпуса или арміи гораздо болѣе льстило его самолюбію, чѣмъ великокняжескій санъ его... Онъ создалъ себѣ идеалъ совершенства строевой службы и не могъ понять, какъ всѣ подчиненные его не стремятся» къ его осуществленію. «Передъ фронтомъ былъ онъ безпощаденъ, а въ частной жизни былъ добросердеченъ, сострадателенъ, щедръ, особенно же къ жертвамъ своимъ—офицерамъ и солдатамъ. Сдѣлавшись начальникомъ гвардейской пѣхотной бригады, онъ съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на щеголеватыя формы офицеровъ сего полка» (ч. VI, 15). Историкъ Семеновскаго полка, Дириnъ, говоритъ о Михаилѣ Павловичѣ: «строгій, взыскательный по службѣ, онъ однимъ своимъ видомъ наводилъ страхъ на всѣхъ» [2]). Несмотря на привычку выражаться осторожно о братѣ государя, современные генералы не скрываютъ и своего неблагопріятнаго отношенія, и общей нелюбви къ нему. На собственноручныхъ письменныхъ запросахъ имп. Александра Васильчиковъ отмѣчаетъ карандашемъ: «по несчастью великаго князя не любятъ», а въ письмѣ къ государю онъ завертываетъ ту же мысль въ фразу царедворца: вел. кн. Михаилъ Павловичъ, одаренный прекраснымъ сердцемъ и имѣющій самыя благія намѣренія, по неопытности своей долженъ быть руководимъ въ в ь служебныхъ дѣлахъ» [3]). Въ письмѣ къ Волконскому отъ 26 ноября 1820 г. Закревскій писалъ: «Не могу скрыть отъ васъ, что оба великіе князья здѣсь вообще, какъ я слышу, нелюбимы. Причины этого не умѣю вамъ сказать, а полагаю... неопытность и неумѣніе обращаться съ ихъ подчиненными прилично ихъ званію, особенно же ихъ довѣріе къ людямъ, которые сего не заслуживаютъ и которые дѣлаютъ имъ болѣе вреда своими совѣтами, нежели пользы» [4]).

---

[1]) *Шильдеръ.* „Имп. Александръ I", IV, 457.
[2]) *Дириnъ.* „Исторія л. гв. Семеновскаго полка", I, 14.
[3]) „Русскій Архивъ" 1875 г. II, 129, 333.
[4]) „Сборн. Имп. Ист. Общ." т. 73, стр. 30.

Паденію популярности имп. Александра сильно содѣйствовали его неограниченная довѣренность къ Аракчееву и то громадное вліяніе, какое этотъ послѣдній имѣлъ на все управленіе государствомъ. По словамъ Завалишина, «всѣ, даже самые преданные государю люди [1]), возмущались и не таили своего негодованія, видя свое униженіе и раболѣпство передъ временщикомъ, доходившее до крайности, и слыша, какъ важныя даже лица не только пресмыкались передъ самимъ Аракчеевымъ, но и льстили грубой его наложницѣ. Сами духовные, въ лицѣ Фотія (архимандрита новгородскаго Юрьевскаго монастыря), унижали значеніе религіи своими отношеніями къ Аракчееву... Люди самые приверженные къ государю... раздражались и открыто толковали... о необходимости положить тому конецъ, такъ или иначе» [2]). Декабристъ Александръ Мих. Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «забывъ всѣ свои обязанности относительно Россіи, Александръ, къ концу своего царствованія, предоставилъ все дѣло управленія страною извѣстному Аракчееву», который «выбиралъ подчиненныхъ, его достойныхъ» [3]). Н. Бестужевъ въ воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ говоритъ: Аракчеевъ «вращалъ всею тягостью дѣлъ государственныхъ, и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ отрасли правленія. Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависѣло бы или оставалось неизвѣстно сему невидимому Протею министру, политику, царедворцу; не было мѣста, куда бы ни проникъ его хитрый подсмотръ; не было происшествія, которое не отозвалось бы въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ. Гдѣ деспотизмъ управляетъ, тамъ утѣсненія - законъ... Одни карались за угнетенія, другіе за жалобы. Все государство трепетало подъ желѣзною рукою любимца-правителя. Никто не смѣлъ жаловаться. Едва возникалъ малѣйшій ропотъ,—и на вѣчно исчезалъ въ пустыняхъ Сибири и въ смрадныхъ склепахъ крѣпостей» [4]). Аракчеевъ имѣлъ бланки за подписью Александра I, вслѣдствіе чего

---

[1]) Какъ, напримѣръ, кн. П. М. Волконскій, И. В. Васильчиковъ, Закревскій, Киселевъ.

[2]) Т. I, 194—195, ср. 83. Декабристъ Булатовъ утверждаетъ даже, что „многіе царедворцы... за счастіе считали лобзать руки любимицы графа". Фонъ-Брадке, служившій въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, говоритъ въ своихъ запискахъ: „важнѣйшіе сановники и свѣтлѣйшіе государственные вельможи" (предсѣдатель государств. совѣта Лопухинъ и дѣйств. тайн. сов. Куракинъ) „постоянно ухаживали за этою дамою и почитали за честь принимать участіе въ ея многочисленныхъ и пышныхъ собраніяхъ". „Русск. Арх.", 1875 г. № 1, стр. 42—48.

[3]) Н. И. Тургеневъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ 7 окт. 1818 г.: „Нельзя не вспомнить о поѣздкѣ Свиньина въ Грузино. Съѣздилъ, да еще написалъ. Вотъ храбрость подлости". См. „Сынъ Отечества" 1818 г. ч. 49, стр. 3—31, 49—74. Свиньинъ взялся быть историкомъ села Грузина. *Дубровинъ* „Письма главн. дѣятелей въ царствѣ Алекс. I", 1883 г., стр. 231.

[4]) „Полн. собр. соч. Рылѣева". Лейпц. 1861., стр. 8; „Библ. дек.", М. т. I.

онъ могъ даже безъ доклада государю заключать въ Шлиссельбургскую крѣпость вызвавшихъ его гнѣвъ и ссылать въ Сибирь [1]).

II.

Извѣстно, какія надежды возлагалъ Сперанскій на новое устройство государственнаго совѣта, хотя по его проекту это учрежденіе было только одною изъ частей обширнаго плана преобразованій, и онъ хорошо понималъ, что только осуществленіе всего плана можетъ имѣть серьезныя послѣдствія. Государственный совѣтъ, куда, по волѣ государя, сдавались для почета разные заслуженные сановники, не заключалъ въ себѣ, за единичными исключеніями, истинно-государственныхъ дѣятелей; это виднѣе всего было тѣмъ, кому, какъ Н. И. Тургеневу, по обязанностямъ службы, приходилось присутствовать на засѣданіяхъ этого высшаго учрежденія. 3-го марта 1817 г. Тургеневъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «вчера и сегодня были два вечернія засѣданія общаго собранія совѣта... Посмотрѣвши на это собраніе первыхъ людей въ государствѣ, посмотрѣвъ, какъ судятся въ немъ важнѣйшія части государственнаго устройства, пельзя не сказать: quelle pitié que tout cela!» (какъ все это жалко)... «И эти люди сидятъ въ лентахъ съ нахмуренными рожами и не стыдятся смотрѣть другъ на друга». Когда въ февралѣ 1820 г. въ государственный совѣтъ былъ внесенъ коммиссіею составленія законовъ проектъ о запрещеніи продажи людей безъ земли, И. Тургеневъ не ожидалъ (и оказался пророкомъ) успѣшнаго разрѣшенія этого вопроса. 13 февраля 1820 г. онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «чего ожидать отъ этихъ автоматовъ, составленныхъ изъ грязи, изъ пудры, изъ галуповъ и одушевленныхъ подлостью, глупостью, эгоизмомъ? Карамзинъ имъ вторитъ» (извѣстны крѣпостническія мнѣнія Карамзина въ крестьянскомъ вопросѣ). — «Россія! Россія! Долго ли ты будешь жертвою гнусныхъ рабовъ, безтолковыхъ измѣнниковъ?» И позднѣе крайне печальное впечатлѣніе производили на Тургенева засѣданія государственнаго совѣта. Каховскій въ письмѣ къ имп. Николаю говоритъ: «государственный совѣтъ—игрушка. Мы знаемъ мнѣнія, съ которыми соглашаются и которыя отвергаютъ. Государь не подчинилъ себя ему, а посредствомъ

[1]) Чаадаевъ называлъ Аракчеева злодѣемъ. „Записки Свербеева" II, 237. Негодованіе общества противъ Аракчеева сказалось всего сильнѣе въ извѣстномъ посланіи Рылѣева „Къ временщику" (1820 г.) и двухъ стихотвореніяхъ Пушкина того же года: 1) „Всей Россіи притѣснитель"... и 2) „Холопъ вѣчнаго солдата".. Еще стихотворенія, содержащія горячее выраженіе ненависти къ Аракчееву см. „Рус. Старина" 1872 г. т. VI, стр. 596; *Довнаръ-Запольскій*. „Идеалы декабристовъ". М. 1907, стр. 112. Курьезнѣе всего то, что самъ гр. Аракчеевъ, по свидѣтельству Батенькова, находился подъ надзоромъ полиціи. *Шильдеръ*. Николай I, I, 164.

учрежденія онаго сжалъ лишь власть сената». Въ словахъ Каховскаго есть нѣкоторый слѣдъ той идеализаціи сената, которая сказывалась въ проектахъ его преобразованія въ самомъ началѣ царствованія Александра I. Сенатъ былъ «сжатъ» государемъ немедленно послѣ дарованія ему правъ въ 1802 году, задолго до преобразованія государственнаго совѣта, и не получилъ того политическаго значенія, о которомъ мечтали нѣкоторые въ началѣ царствованія Александра I. Государь имѣлъ основаніе для пренебрежительнаго отношенія къ старому сенату, но онъ не принялъ серьезныхъ мѣръ для его преобразованія, и проектъ Сперанскаго по этому предмету остался неосуществленнымъ. Впрочемъ, и самъ Каховскій, въ неизданномъ письмѣ къ ген. Левашеву, говоритъ: «читая мнѣнія сената и совѣта, я нѣсколько познакомился съ сенаторами и совѣтниками государя; къ сожалѣнію, мало между ними людей, ясно видящихъ и способныхъ обнимать и здраво обсуживать предметы: большая часть изъ нихъ дурно знаетъ состояніе государства» [1]).

Булатовъ въ письмѣ къ Михаилу Павловичу даетъ весьма мрачную характеристику сената: «Чья мысль, чтобы генераловъ, неспособныхъ ни къ военной, ни къ статской службѣ (молва народа) сажать за сенаторскій столъ, которые занимаютъ мѣсто для одного счета... Сенаторы въ сенатѣ разсуждаютъ не всѣ: судятъ только тѣ, которые поумнѣе.., а спятъ многіе... Потомъ дѣло и состоитъ въ томъ, чтобы подписать имя, приставъ къ какой-нибудь сторонѣ. Господа умные сенаторы имѣютъ въ этомъ большія свои выгоды... и сенатъ нашъ не что иное, какъ торговое мѣсто. Сенаторы имѣютъ своихъ оберъ-секретарей, эти—секретарей и. т. д., которые имѣютъ дѣла съ довѣренными по дѣламъ просителей» [2]). Батеньковъ также высказываетъ о сенатѣ весьма неблагопріятное мнѣніе: послѣ учрежденія министерствъ и комитета министровъ «сенатъ, сіе хранилище законовъ и блюститель благоустройства, не зналъ ни о чемъ и обращенъ былъ въ простую типографію, подчиненную каждому лицу въ кредитѣ. Онъ считаетъ величайшимъ подвигомъ, что осмѣлился одинъ разъ возразить на статью указа о почтовой таксѣ» [3]).

Къ учрежденію министерствъ и особенно къ комитету министровъ декабристъ Батеньковъ отнесся также совершенно отрицательно. По поводу комитета министровъ онъ говоритъ: «ничего не можно было придумать лучше къ прикрытію всѣхъ безпорядковъ предъ государемъ и къ обнаженію одного лица его предъ народомъ. Все производство дѣлъ оставалось втайнѣ; формы подъ видомъ простоты и скорости прикрывали

[1]) Г. А. I, В. № 11, л. 54.

[2]) Подтвержденіе этихъ неблагопріятныхъ отзывовъ декабристовъ о сенатѣ см. въ запискахъ Пржецлавскаго, „Рус. Стар“. 1874 г. № 11, стр. 457—458; ср. письмо Рылѣева 1820 г. о взяткахъ въ сенатѣ въ его сочиненіяхъ, издан. Мазаева, стр. 1441—45.

[3]) Г. А. I, В. № 11, л. 23, 25.

всѣ упущенія и своевольства»... «Проходя мысленно исторію внутренней нашей администраціи,—говоритъ Батеньковъ,—я удостовѣрился, что она, не бывъ утверждена на политической свободѣ, не можетъ быть прочна и не можетъ достигать своего назначенія».

Недостатки высшей мѣстной администраціи также бросались въ глаза. Большія суммы денегъ, писалъ Каховскій Николаю Павловичу, «истрачиваются на жалованье генералъ-губернаторамъ и на содержаніе ихъ штатовъ. Признаюсь, сколько ни старался вникнуть, никакъ не могъ понять, къ чему служатъ генералъ-губернаторы во внутреннихъ губерніяхъ государства. Пользы отъ нихъ нигдѣ не замѣтилъ; равно вездѣ видѣлъ и слышалъ, что они тяготятъ лично собою, какъ лишней безполезной властью, и раздорами съ гражданскими губернаторами губерній. Дѣла отъ нихъ, какъ изъ губернскихъ правленій, поступаютъ въ сенатъ, да и можно ли одному лицу допустить рѣшать ихъ. Если генералъ-губернаторы учреждены для новаго образованія присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ, то выборъ сдѣланъ весьма неудачно, и отличный дивизіонный начальникъ можетъ быть весьма плохимъ генералъ-губернаторомъ». Батеньковъ, хорото знакомый съ русскимъ мѣстнымъ управленіемъ, въ запискѣ, составленной въ крѣпости въ 1826 г., говоритъ: «Губернаторы мало-по-малу присвоили себѣ всю мѣстную власть [1])... Опредѣленіе генералъ-губернаторовъ довершило испроверженіе губернскихъ мѣстъ, всѣ дѣла стеклись къ симъ сатрапамъ; само высшее правительство смотрѣло на вещи не иначе, какъ ихъ токмо глазами, и не смѣло ни въ чемъ имъ противорѣчить. Легче было отрѣшить генералъ-губернатора, нежели указать ему почтительно законный путь, отъ коего онъ уклонился. Страннѣе всего было видѣть, что одному изъ генералъ-губернаторовъ (Балашову) позволено было дѣлать опыты новой губернской администраціи, будто бы для подобнаго опыта довольно нѣсколькихъ мѣсяцевъ и будто нельзя было лучше видѣть удобности или неудобности à priori» [2]). Послужившій не мало въ гражданской службѣ бар. Штейнгель высказываетъ подобное же мнѣніе (въ письмѣ къ имп. Николаю): «По части управленія губерній во всѣ 25 лѣтъ не сдѣлано ничего особеннаго къ улучшенію... Дозволено генералъ-губернатору Балашову производить опытъ преобразованія. Начатый безъ свѣдѣнія сената [3]), опытъ сей принимается обывателями съ негодованіемъ на но-

[1]) О злоупотребленіяхъ губернаторовъ см. записку 1818 г. сенатора Ключарева, извѣстнаго масона, Ключаревъ предлагалъ установить избраніе губернаторовъ. „Сборн. истор. матер., извл. изъ арх. собств. Е. Вел. Канц.". т. VII, 257—261.

[2]) Замѣчаніе имп. Николая: „всѣ якобинцы à priori". Г. А. I В. № 11, л. 24.

[3]) Въ 1816 году Новосильцовъ, по порученію государя, составилъ проектъ раздѣленія Россіи на намѣстничества съ предоставленіемъ намѣстнику огромной власти, но послѣднее вызвало возраженіе министра финансовъ Гурьева. Рѣшено

выя тягости и на умноженіе инстанцій, а о пользѣ, какая изъ того произойти имѣетъ, никто еще не говоритъ... Въ послѣднее время всякому, продолжающему службу, особенно военную, дорога къ вышнимъ степенямъ сдѣлалась отверзтою. Въ одной губерніи былъ губернаторъ, выслужившійся изъ фельдфебелей, и въ губерніи поступалъ, какъ въ ротѣ» [1]).

Печальное состояніе нашего судопроизводства Каховскій такъ характеризуетъ въ письмѣ отъ 14 марта 1826 г. къ Левашову: «образованіе судопроизводства нашего ужасно невыгодно и обременительно для судящихся»: существуетъ множество инстанцій, «и, чтобы пройти длинную лѣстницу мытарствъ судебныхъ, нужно и долгое время, и большія средства. ...Часто жизни не достаетъ дождаться конца... Бѣдный человѣкъ можетъ ли изъ дальней губерніи ѣхать въ столицу выслушивать дѣло въ сенатѣ. Многіе не имѣютъ и способовъ подавать апелляціи, переносить дѣла, и нерѣдко правый, но бѣдный дѣлается виноватымъ предъ виновнымъ, но богатымъ и сильнымъ...

«Теперь, выбирая изъ среды дворянъ судей, мы много теряемъ отъ неопытности оныхъ. Но... при нынѣшнемъ состояніи судопроизводства легче избирать судей изъ дворянъ [2]), чѣмъ имѣть ихъ отъ короны. Дворянинъ, находясь всегда на жительствѣ въ той губерніи, гдѣ онъ баллотируется, связями знакомства и зависимостью отъ того сословія, которымъ онъ избирается на трехлѣтнее служеніе, уже нѣсколько удерживается отъ злоупотребленій. Почитаю большимъ зломъ, что воспрещенъ у насъ входъ зрителямъ въ присутственныя мѣста для слушанія дѣлъ.

было провѣрить эти предположенія на опытѣ. *Ларіановъ*. „Министерство внутреннихъ дѣлъ. 1802—1902". Спб. 1901 г., стр. 60. Въ 1819 г. ген.-ад. Балашову было ввѣрено управленіе на особыхъ началахъ пятью губерніями средней Россіи (Рязанскою, Тульскою, Орловскою, Воронежскою и Тамбовскою), но начала, на которыхъ они были ввѣрены Балашову, не обсуждались ни въ государственномъ совѣтѣ, ни въ комитетѣ министровъ. „Сб. мат. изв. изъ арх. Соб. Е. В. Канц." VI, 39; *Середонинъ* „Историч. обз. дѣятельн. комитета министровъ"; т. I, 462. П. С. З. т. XXXVII № 28.106, имен. указъ Балашову 19 января 1820 г.; т. XXXVIII № 29341, имен. указъ 2 марта 1823 г. № 29138. Дѣла Сперанскаго въ Арх. Госуд. Сов., дѣла II отд № 91. Балашовъ образовалъ въ каждой изъ ввѣренныхъ ему губерній губернскій совѣтъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, и совѣты уѣздные, учредилъ новую должность предсѣдателя губернскаго правленія. „Сборн. мат. извлеч. изъ Арх. Соб. Е. В. Канц." VI, 101—105. Но всѣ эти новшества просуществовали недолго. *С. Адріановъ*, стр. 60.

[1]) Ср. записку М. Н. Муравьева, поданную правительству въ первые годы царствованія имп. Николая. *Кропотовъ*. „Жизнь гр. М. Н. Муравьева". Спб. 1874 г. стр. 241.

[2]) Въ уѣздномъ судѣ занимали мѣста по выбору (по утвержденіи губернаторомъ) и судья, и два засѣдателя: въ верхнемъ земскомъ судѣ только засѣдатели, а предсѣдатель утверждался верховною властью изъ двухъ кандидатовъ, избранныхъ сенатомъ. Въ палатахъ гражданскаго и уголовнаго суда предсѣдатель, совѣтники и ассесоры назначались сенатомъ, но первый по утвержденіи верховною властью одного изъ двухъ кандидатовъ.

Не всякій судья осмѣлится сдѣлать то всенародно, что дѣлаетъ онъ тайно, и безстрашно несправедливо произносимый имъ приговоръ, въ кругу только присутствующихъ членовъ, раздѣляющихъ съ нимъ и мнѣнія, и доходы, онъ не легко бы произнесъ его при постороннихъ свидѣтеляхъ..: тогда для всѣхъ поступки ихъ были бы открыты».

Каховскій считалъ выборъ дворянами судей лучше, чѣмъ назначеніе ихъ отъ короны. М. Н. Муравьевъ, членъ Союза Благоденствія, разрушаетъ эту иллюзію. Въ запискѣ, поданной имъ въ 1827 г. гр. Кочубею, онъ говоритъ: «Выборы столь унизились», что «мѣста самыя почтенныя занимаемы людьми, часто не соотвѣтствующими намѣренію правительства.. На выборы съѣзжаются по большей части дворяне, ищущіе не пользы общей..., а лишь удовлетворенія своихъ личныхъ, корыстолюбивыхъ видовъ». Вступивъ по выбору на службу, они, «рѣшительно безъ стыда, какъ могутъ болѣе, наживаются, чтобы было чѣмъ оправдаться въ уголовной палатѣ на случай внезапнаго суда». Они «угождаютъ всѣмъ дворянамъ, имѣющимъ голосъ, связи и богатство, готовы на всѣ несправедливости, не исполняютъ должнаго и, зная всѣ слабыя стороны постановленій, пользуются оными для лицепріятія и наживаются отъ промышленниковъ, поселянъ, бѣглыхъ, воровъ» [1]).

Каховскій въ письмѣ къ Левашову обращаетъ также вниманіе на то, къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ приводитъ наказаніе денежными штрафами за упущенія въ судопроизводствѣ. Чиновникъ, посылаемый на слѣдствіе, прямо разсчитываетъ, сколько съ него вычтутъ, если онъ поступитъ вопреки закону, и сколько онъ можетъ получить за то отъ виновнаго. По словамъ Штейнгеля, устраненію злоупотребленій не помогали никакія мѣры: «Посылались сенаторы, производили изслѣдованіе, тысячами отдавали бѣдныхъ чиновниковъ подъ судъ и опредѣляли новыхъ, а тѣ принимались за то же, только смѣлѣе, ибо обыкновенно поступали на мѣста съ протекціей. Сколько и теперь есть губернаторовъ, состоящихъ подъ безконечнымъ судомъ» [2]).

М. Н. Муравьевъ, въ запискѣ, представленной Кочубею въ 1827 г.,

[1]) *Кропотовъ*. „Жизнь гр. М. Н. Муравьева. Спб. 1874 г., 442—443; ср. *Сергѣевичъ* I, 279—280. Впрочемъ и самъ Каховскій въ письмѣ къ Левашову (отъ 24 февр. 1826 г.) говоритъ, что никто изъ дворянъ не хочетъ баллотироваться. Очень немногіе и пріѣзжаютъ на выборы... Теперь на выборы не съѣзжаются дворяне, а ихъ привозятъ; одинъ... изъ помѣщиковъ, вздумавъ сдѣлать себя предводителемъ, набираетъ стаю подручниковъ, напередъ расположитъ имъ всѣ должности и привозитъ ихъ баллотировать себя; съѣдутся, пошумятъ въ залѣ собранія, если случится имъ нѣсколько человѣкъ противниковъ, и по условному порядку, разложа другъ другу шары, ѣдутъ въ уѣздъ собирать оброки". *Бороздинъ*, 6—7. Объ уклоненіи дворянстаа отъ службы по выборамъ см. *С. М. Середонинъ* I, 257—260; *С. А. Корфъ*. „Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855 годовъ". Спб. 1905 г., стр. 436—447.

[2]) *Бороздинъ*, 61.

находитъ земскій судъ, несшій обязанности слѣдственныя, исполнительныя и полицейскія, до такой степени неудовлетворительнымъ, что для характеристики его дѣятельности употребляетъ слѣдующія выраженія: «злоупотребленія», «уловки промышленности земскаго суда», его «торговые обороты»; онъ дѣлаетъ «подложный повальный обыскъ», онъ прибѣгаетъ къ «ложному свидѣтельству врача»; наблюдающій за дѣятельностью его уѣздный стряпчій является только участникомъ его лихоимства. Сотскіе и десятскіе также дѣлятся взятками съ членами уѣзднаго суда [1]).

По выраженію декабриста Якубовича въ письмѣ къ имп. Николаю, «не правосудіе, а лихоимство засѣдаетъ въ судилищахъ, гдѣ не защищается жизнь, честь и состояніе гражданина, но продаютъ за золото или другія выгоды пристрастныя рѣшенія». Каховскій, указывая на совершенную недостаточность жалованья гражданскихъ чиновниковъ, прибавляетъ: «но секретарь, получающій 200 р. въ годъ, проживаетъ тысячи. Всѣ это знаютъ, всѣ это видятъ, и правительство равнодушно терпитъ» [2]). Въ письмѣ къ Левашову Каховскій подробнѣе разсматриваетъ вопросъ о недостаточности денежнаго вознагражденія чиновникамъ и о несправедливомъ его распредѣленіи. Гражданскій губернаторъ получаетъ менѣе, чѣмъ вице-губернаторъ, «завѣдывающій казенными интересами» [3])... «Всѣ чиновники гражданскихъ судовъ, несмотря на большія ихъ занятія, имѣютъ жалованія менѣе, чѣмъ чиновники казенной палаты. Приказнымъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ человѣколюбіе требуетъ не воспрещать брать взятки, или безъ нихъ они умрутъ съ голоду. Можетъ ли человѣкъ содержать себя 30-ю или 10 рублями въ годъ жалованія? А есть оклады и того менѣе, и на эту сумму—имѣть квартиру, пищу и пристойную одежду... Надо видѣть несчастное положеніе сихъ людей въ губерніяхъ, чтобы принять въ нихъ участіе». Князь Трубецкой въ одномъ изъ показаній заявилъ, что его убѣжденія въ необходимости переворота въ Россіи были, между прочимъ, вызваны «всеобщими жалобами на лихоимство чиновниковъ въ губерніи» [4]). По словамъ А. А. Бестужева (Марлинскаго) въ письмѣ къ имп. Николаю, «одни судебныя мѣста блаженствовали, ибо только для нихъ Россія была обѣ-

[1]) *Кропотовъ*, 427—446. Срав. записку сенатора Ключарева, стр. 261—262 и свидѣтельство Булатова. *Довнаръ-Запольскій*, „Мемуары", 254.

[2]) *Бороздинъ*, 77, 20.

[3]) Вице-губернаторъ иногда подъ чужимъ именемъ и самъ участвовалъ въ винномъ откупѣ. Сочиненія Рылѣева, подъ ред. Мазаева, стр. 143

[4]) Баронъ Розенъ говоритъ, что члены тайнаго общества были побуждены ко вступленію въ него между прочими причинами „грабительствомъ и воровствомъ бюрократіи" и „злоупотребленіями начальниковъ". Записки декабриста", 171. См. о саратовскомъ вице-губернаторѣ Панчулидзевѣ и пензенскомъ губернаторѣ Крыжановскомъ въ „Запискахъ Вигеля", ч. III, М. 1892 г., стр. 28—29, 94—96, ч. IV, 7; ср. *Середокинъ* I, 437, 445, 451, 454—458.

тованною землею. Лихоимство ихъ зашло до неслыханнаго степени безстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни, и только возвышеніе цѣны взятокъ отличало высшія мѣста,—такъ что въ столицѣ, подъ глазами блюстителей, производился явный торгъ правосудіемъ... Прибыльныя мѣста продавались по таксѣ и были обложены оброкомъ. Въ казнѣ, въ судахъ, въ коммиссаріатахъ, у губернаторовъ, у генералъ-губернаторовъ, вездѣ, гдѣ замѣшался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ,—тотъ кралъ» [1]). По словамъ Булатова, въ бытность министромъ финансовъ гр. Гурьева ни одинъ вице-губернаторъ (они наблюдали за казенною продажею вина въ губерніяхъ), не получалъ мѣста даромъ, а всегда лишь внеся значительную сумму. Въ «Пунктахъ преподаваемаго во внутреннемъ орденѣ ученія», составленныхъ гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ по соглашенію съ М. О. Орловымъ (мы будемъ говорить о нихъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ), лихоимство считалось настолько страшнымъ зломъ, что предлагалось даже наказаніе за него смертью или «торговою казнью» (т. е. кнутомъ или плетьми) [2]).

Во всѣхъ вѣдомствахъ творились страшныя злоупотребленія. Подготовляя въ Кронштадтѣ корабль къ кругосвѣтному плаванію, Завалишинъ увидѣлъ, что «о людяхъ не имѣли ни малѣйшаго попеченія, все воровало, начиная отъ военнаго губернатора до ничтожнѣйшаго лица въ управленіи» [3]).

Каховскій, въ письмѣ къ Левашову, обращаетъ вниманіе на неудовлетворительное состояніе нашего законодательства: «у насъ указъ а указъ,—одно разрушаетъ другое—...и къ каждому случаю и предмету найдутся нѣсколько узаконеній, одни съ другими несогласныя. Сильные и сутяги торжествуютъ, бѣдность и невинность страдаетъ».

Въ томъ же письмѣ онъ хорошо характеризуетъ ужасное состояніе нашихъ тюремъ: «Въ нашихъ тюремныхъ острогахъ, гдѣ всѣ преступленія смѣшаны вмѣстѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ занятій, ни трудовъ, ни порядка, ни чистоты, гдѣ обитаетъ развратъ, гдѣ самый воздухъ душный зараженъ смрадомъ, гдѣ содержащіеся, истлѣвая душой и тѣломъ, пи-

---

[1]) *Бороздинъ*, 40. М. Н. Муравьевъ написалъ большое разсужденіе о причинахъ лихоимства въ Россіи, извлеченіе изъ котораго отослалъ имп. Николаю въ январѣ 1827 г. Здѣсь онъ не щадилъ „промышленность торга служебнаго“ и указывалъ на то, что нѣсколько тысячъ дворянскихъ дѣтей отдаются въ юные годы „на обученіе“ (службѣ), „т. е. на развратъ въ присутственныя мѣста“. *Кропотовъ*, 233, 418—426.

[2]) *Бороздинъ*, 147. Ср. о страданіяхъ народа отъ лихоимства чиновниковъ въ „Пѣснѣ“ Рылѣева Ibid., стр. 195—196; о всеобщемъ взяточничествѣ въ письмѣ Рылѣева 1821 г. Сочиненія“, подъ ред. Мазаева, стр. 146—147.

[3]) Онъ же разсказываетъ, что при раздачѣ пособій пострадавшимъ въ Петербургѣ отъ наводненія въ 1824 г., ген.-ад. Бенкендорфъ взялъ въ правители дѣлъ отъявленнаго плута, а протестъ противъ его дѣйствій назвалъ бунтомъ и смѣнилъ мошенника только подъ угрозою жалобы государю (I, 106, 146)

таются мірскимъ лишь подаяніемъ, гдѣ часто надзирающіе за преступниками—преступники еще большіе. Въ таковыхъ заведеніяхъ, конечно, не исправится заключенный, но лишь ожесточится или развратится совершенно [1]).

Зимою 1818—19 гг. Россію посѣтили квакеры Грелле-де-Мобилье и Алленъ. Они были въ петербургскихъ тюрьмахъ и нашли въ нихъ страшную грязь, обиліе насѣкомыхъ, особенно клоповъ, и нестерпимое зловоніе. Въ тюрьмѣ адмиралтейства нѣкоторые узники были скованы по два вмѣстѣ для отправленія въ Сибирь. Во время свиданія съ государемъ они сообщили ему о своихъ впечатлѣніяхъ и обратили вниманіе на то, что одинъ несчастный томится въ тюрьмѣ въ Або въ оковахъ въ теченіе 19 лѣтъ. Они разсказали и императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, что много «молодыхъ дѣвочекъ» содержится въ тюрьмахъ за легкіе проступки или даже за несоблюденіе нѣкоторыхъ формальностей съ паспортами и что тамъ онѣ развращаются. Посѣщая тюрьмы на пути изъ Петербурга въ Одессу, квакеры вездѣ находили ихъ въ жалкомъ состояніи [2]).

Когда подъ вліяніемъ квакеровъ и ряда записокъ по тюремному вопросу (Андрея Дашкова и другихъ) было учреждено попечительное общество о тюрьмахъ [3]), членъ его, М. Магницкій, въ особой запискѣ, описалъ ужасное обращеніе съ заключенными въ тюрьмахъ [4]). Другой

[1]) Бар. Кампенгаузенъ въ запискѣ „О тюрьмахъ и острогахъ", поданной имп. Александру I въ 1818 г., говоритъ: „Что бы сказалъ знаменитый Говардъ (если бы онъ еще жилъ), увидя большую часть нашихъ тюремъ и остроговъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ? Тамъ мужчины и женщины, люди всякаго состоянія, здоровые и больные, убійцы, разбойники и люди, по одному только подозрѣнію задерживаемые, всѣ содержатся вмѣстѣ въ тѣсной избѣ или даже подземельной ямѣ... Часто люди остаются въ тюрьмахъ по нѣскольку мѣсяцевъ, по полугоду и болѣе за потерянный или просроченный паспортъ, для очныхъ ставокъ или по какому-либо подозрѣнію, и сколько гибнетъ тамъ людей физически и морально... Тюрьмы, долженствующія служить къ обузданію преступленія, часто образуютъ преступниковъ". „Сборн. историч. матер., извлеченныхъ изъ архива собств. его велич. канц.", вып. II. 529—530. Срав. объ острогѣ въ Харьковѣ Ibid. VI, 174. О существованіи пытокъ въ Россіи при Александрѣ I см. *N. Tourgueneff.* La Russie, II, 228—9.

[2]) Записки квакера (Грелле-де-Мобилье) о пребываніи въ Россіи. „Русская Старина" 1874 г. № 1. Ср. *Пыпинъ.* „Имп. Александръ I и квакеры", „Вѣстн. Европы" 1869 г. № 10.

[3]) См. *Бодиковичъ* „Ист. царств. имп. Александра I", т. V, 429 - 432.

[4]) „Колоды, кандалы, оковы, стулья съ цѣпями и рогатки не только во всѣхъ городскихъ и земскихъ полиціяхъ, но въ каждомъ волостномъ и сельскомъ правленіи находятся Я самъ видѣлъ въ Симбирской губерніи колоды изъ цѣльнаго дерева въ аршинъ длиною надѣтыми на ноги несчастныхъ и запретилъ ихъ формальнымъ образомъ правленію. Стулья съ тяжелыми цѣпями также дѣлаются весьма большіе... Въ городскихъ полиціяхъ есть обыкновеніе всѣхъ содержащихся заключать на ночь въ бревно, вырубленное на подобіе колоды, для большей безопасности отъ побѣга. Я нашелъ сіе обыкновеніе въ Симбирскѣ.—Цѣпи бываютъ трехъ родовъ: 1) надѣваемыя на руки и на ноги отдѣльно: 2) на ноги, на руки и на шею вмѣстѣ и 3) на ноги и на шею съ при-

членъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, Джонъ Веннингъ, одинъ изъ учредителей у насъ ланкастерскихъ школъ, нашелъ въ смирительномъ домѣ въ Петербургѣ «злоупотребленіе въ тѣлесныхъ наказаніяхъ, видѣлъ колодниковъ, привязанныхъ за шею, и бѣдныхъ женщинъ въ желѣзныхъ рогаткахъ, на которыхъ по три острыхъ спица длиною 8 дюймовъ», вдѣланныхъ такимъ образомъ, «что онѣ не могутъ ложиться ни днемъ, ни ночью». Въ одномъ съѣзжемъ домѣ Веннингъ нашелъ пять тяжелыхъ стульевъ, къ которымъ цѣпями приковывались колодники. Квакеры Грелье и Алленъ также замѣтили, что «худое состояніе и слабость тюремъ заставляютъ на съѣзжихъ дворахъ употреблять рогатки и цѣпи, которыми многіе арестанты приковываются къ большимъ колодамъ». Когда комитетъ министровъ въ декабрѣ 1821 г. утвердилъ мнѣніе гр. Кочубея о введеніи болѣе легкихъ кандаловъ, государь нашелъ болѣе удобнымъ вводить ихъ лишь тамъ, «гдѣ уже устроены надежныя тюремныя зданія по новому предположенію»; по повидимому новые кандалы нашли широкое примѣненіе [1]). Свидѣтельство Каховскаго показываетъ, что, несмотря на учрежденіе попечительнаго общества, тюрьмы находились въ ужасномъ состояніи.

Декабристы обратили вниманіе и на всю систему нашего «казеннаго хозяйства» [2]).

крѣпленіемъ къ стѣнѣ. Онѣ всѣ вообще весьма тяжелы. Рогатки непомѣрной величины и тягости, по большей части, употребляются въ волостныхъ селеніяхъ, при полиціяхъ и смирительныхъ домахъ.. На пойманнаго полиціею, земскою или градскою, преступника, еще не судившагося и, можетъ быть, невиннаго, въ уѣздѣ, не только по приказанію исправника или земскаго засѣдателя изъ дворянъ, либо изъ крестьянъ, но по повелѣнію секретаря и каждаго дежурнаго писца сего суда, а въ полиціи градской по повелѣнію дежурнаго квартальнаго, можетъ быть, и по большей части для содержанія до отсылки въ тюрьму, тотчасъ надѣваются или цѣпи, или стулья съ цѣпями". Въ цѣпяхъ заключенные содержались и въ уѣздныхъ, и въ губернскихъ тюрьмахъ; въ послѣднихъ „преступники заковываются и приковываются къ стѣнѣ жесточайшимъ образомъ за малѣйшую грубость полиціймейстерамъ и командирамъ внутренняго баталіона по произволу.—Въ смирительныхъ домахъ вообще употребляются рогатки весьма тяжелыя и такъ сдѣланныя, чтобы никакъ не можно было лечь"

[1]) *Д. Тальбергъ.* „Къ исторіи тюремъ и ссылки въ Россіи". „Рус. Стар." 1879 г. №№ 2, 3 и 4.

[2]) Батеньковъ въ запискѣ, составленной въ крѣпости, подробно говоритъ о ней: „Всѣ почти капиталы и все обращеніе оныхъ привлечено было въ столицу, находящуюся въ самомъ углу имперіи. Здѣсь собраны всѣ почти казенныя заведенія, здѣсь токмо производились важныя работы; но могла ли вся имперія брать участіе въ обращеніи капиталовъ, такимъ образомъ употребляемыхъ? Конечно, нѣтъ. Отъ сего губерніи, лежащія вдали отъ границъ и внѣ водяныхъ путей къ столицѣ, скоро оскудѣли, впали въ неоплатныя недоимки и при изобиліи хлѣба терпѣли во всемъ недостатокъ. О пособіи имъ почти не помышляли.

„Казна посягнула на монополію... Казна обыкновенно изъ солдатъ набирала непремѣнныхъ работниковъ и почитала получаемыя такимъ образомъ издѣлія дешевыми, вовсе не пріемля въ разсужденіе, что солдатъ самъ по себѣ

Въ 1819 г. казенная продажа замѣнила винный откупъ въ 29-ти губерніяхъ Великороссіи до 1827 г., когда опять вернулись къ откупной системѣ [1]). По этому поводу Батеньковъ говоритъ: «система винной продажи, по обширности ея вліянія, есть одна изъ бѣдственнѣйшихъ мѣръ казенной монополіи. Она привела многія дворянскія фамиліи, и безъ того уже разстроенныя залогомъ имѣній въ 24-хъ-лѣтнемъ банкѣ, въ совершенный упадокъ. Сверхъ сего она умножила развратъ и корыстолюбіе въ чиновникахъ. Сіе тѣмъ болѣе подавало соблазна и заражало другихъ, что не только не влекло за собою презрѣніе, напротивъ, встрѣчало одобреніе и награды» [2]). Штейнгель, въ письмѣ къ имп. Николаю, такъ же рѣзко порицаетъ казенную продажу вина и поясняетъ, что прибыль была только временная. Булатовъ видитъ вредную для народа сторону винной монополіи въ томъ, что прежде «полиція удерживала народъ отъ пьянства, а теперь должна побуждать для пользы государственной, и народъ портитъ свою нравственность. Правда, хотя продавцы для сбереженія здоровья и берутъ... предосторожности тѣмъ, что разводятъ вино водою, но въ этомъ убытокъ народа: они пьютъ до пьяна и, слѣдовательно, платя и за воду то же, что за вино, теряютъ вдвойнѣ свои деньги».

Историческія изслѣдованія подтверждаютъ справедливость жалобъ современниковъ на казенную продажу вина при Александрѣ I [3]).

На вопросъ о казенной винной монополіи отозвался и Рылѣевъ въ своей «Пѣснѣ»: «А подъ царскимъ орломъ» (т. е. въ кабакахъ) «ядомъ подчуютъ съ виномъ, и народу, лишь за воду, велятъ вчетверо платить».

Штейнгель въ письмѣ къ имп. Николаю обратилъ вниманіе и на увеличеніе сбора за паспорта [4]), и на возвышеніе цѣны на такую первую потребность, какъ соль [5]). Каховскій указываетъ на то, что

также не безцѣнная вещь въ государствѣ, и что лишаемые выгодъ мѣстные жители не суть непріятели".

[1]) *Середонинъ*. I, 486, 488, 494—7.

[2]) *Довнаръ-Запольскій* „Мемуары декабристовъ", 142—144.

[3]) *Середонинъ* 1, 496—497; „Казенная продажа вина". Изд. Главн. Управл. Неокл. Сборовъ. Спб. 1900 г. прилож., стр. 14—15.

[4]) Въ 1810 г. съ крестьянъ и мѣщанъ за годовой паспортъ велѣно взимать 3 р.; въ 1812 г. пошлины за паспорта были удвоены. П. С. З. XXXI. № 24.116, ст. X, п. 12, т. XXXII, № 24.992. Въ 1822 г. дворовымъ людямъ велѣно было выдавать покормежные виды на годовой и менѣе срокъ на шестирублевой гербовой бумагѣ, которая требовалась и для крестьянскихъ видовъ. П. С. З. т. XXXVIII, № 29.246. По росписи на 1824 г. доходъ съ паспортовъ былъ исчисленъ въ 4.280.000 р., по росписи на 1825 г.—въ 4.745.850 р. *Нечеринъ*, „Истор. обзоръ росписей госуд. доходовъ и расходовъ съ 1803 по 1843 г." Спб. 1896 г., стр. 100, 108.

[5]) О цѣнахъ на соль въ 1817—26 гг. см. „Архивъ Государствен. Совѣта.

увеличеніе пошлинъ на гербовую бумагу весьма обременительно и затрудняетъ бѣднымъ людямъ доступъ къ правосудію. «Что прежде... можно было писать на простой бумагѣ, то нынче должно писать на рублевомъ листѣ», а между тѣмъ «сколько есть людей, для которыхъ рубль составляетъ большую сумму денегъ» [1]).

А. И. Якубовичъ, въ письмѣ къ императору Николаю, обращаетъ его вниманіе на то, что по окончаніи войны съ Наполеономъ «10 лѣтъ мирнаго спокойствія не облегчили Россію отъ налоговъ, не введены лучшіе способы взиманія податей, и тягость государственныхъ обязанностей не уравнена между всѣми сословіями». Каховскій также указывалъ Николаю I на то, что «въ мирное время налоги еще увеличились» [2]).

Ученіе Адама Смита о свободѣ торговли повліяло на взгляды нѣкоторыхъ декабристовъ и прежде всего на Н. Тургенева (см. его «Опытъ теоріи налоговъ»). А между тѣмъ сравнительно умѣренный таможенный тарифъ 1819 г. былъ въ 1822 г. замѣненъ тарифомъ, основаннымъ на запретительныхъ началахъ [3]). По словамъ Каховскаго, «много способствовала къ упадку торговли и ко всеобщему разворенію въ государствѣ запретительная система, которая нигдѣ не можетъ быть полезна, тѣмъ болѣе вредна въ отечествѣ нашемъ. Чрезъ нея капиталы наши остались безъ оборота; я разумѣю капиталами все то, что имѣетъ цѣнность. Кому неизвѣстно, сколько прежде сего отпускали мы изъ своихъ продуктовъ за границу и что отняла у насъ система запретительная». Это указаніе Каховскаго не совсѣмъ вѣрно: отпускъ товаровъ на европейской границѣ въ среднемъ выводѣ за 1824—26 гг. былъ все-таки выше, чѣмъ въ 1820—21 гг., хотя вывозъ сталъ увеличиваться въ гораздо меньшей степени [4]).

Журналы по департаменту Государственной Экономіи". Спб. 1881 г. т. IV, ч. I, стр. 981—1013, 1017—1050.

[1]) Именнымъ указомъ 24 ноября 1821 г. о гербовыхъ сборахъ было установлено четыре разбора простой гербовой бумаги: въ 50 к., въ 1 р., въ 2 р. и въ 3 р. за листъ. П. С. З. XXXVII, № 28.814. По росписи на 1825 г. доходъ за гербовую, вексельную и для заемныхъ писемъ бумагу былъ исчисленъ въ 7.054.950 р. *Печеринъ*, 108.

[2]) Подушная подать въ 1810 г. была повышена до 2 р., а въ 1812 г. до 3 рублей съ души; затѣмъ въ 1816 г. сдѣлана была еще прибавка въ 25 к. на устройство водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, увеличенная въ 1818 году до 30 коп. съ души. Въ 1810 и 1812 гг. былъ значительно повышенъ оброчный сборъ съ государственныхъ крестьянъ. Нѣсколько увеличенъ былъ и гильдейскій сборъ съ купцовъ. *Алексѣенко*. „Дѣйствующ. законод. о прямыхъ налогахъ", 1879 г. стр. 9—10, 84, 222.

[3]) *Людмирскій*. „Исторія русскаго таможеннаго тарифа". Спб. 1886 г., стр. 187—192, 210.

[4]) *Семеновъ*. „Изуч. истор. свѣд. о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности". Ч. III, Спб. 1859 г., табл. къ стр. 220. Пестель въ „Русской Правдѣ"

Каховскій очень ясно понимаетъ различіе между національнымъ и народнымъ богатствомъ, между выгодами правительства (по крайней мѣрѣ, на извѣстное время) и пользою народа: «Выгоды казны,—говоритъ онъ,—совершенно не согласны съ выгодами народа... Всѣ отпуски прибыльны казнѣ и очень, видимо, вредны народу. Всѣ налоги, возлагаемые казной, ей прибыльны и изсушаютъ источникъ богатства народнаго. Займы, казной сдѣланные въ иностранныхъ государствахъ, для нея выгодны,—она не несетъ тягости долга, но для народа, уплачивающаго оные, отяготительны. Наконецъ, всѣ тарифы, таможни, гильдіи, цехи полезны казнѣ и обременительны народу. Казна все отнимаетъ у гражданъ, не оставляя имъ ничего, кромѣ тягости и нищеты. Жадная, ненасытная, всѣ выгоды присваиваетъ себѣ и ничѣмъ не хочетъ подѣлиться... Правительство, удерживающее власть свою страхомъ, а не любовью подвластныхъ ему народовъ, не можетъ быть ни сильно, ни счастливо». Недаромъ народъ устами Рылѣева, въ его «Пѣснѣ», жалуется: «Насъ поборами царь изсушилъ, какъ сухарь», и прибавляетъ: «налоги раззорили насъ въ конецъ».

Неправильная финансовая политика правительства приводила къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. По словамъ Каховскаго, «недоимки казны съ каждымъ годомъ увеличиваются [1]); причина тому ясно видима: налоги умножаются, способы же народу для пріобрѣтенія умалились... Денегъ въ оборотѣ мало... Государство наше не мануфактурное, мы не довольствуемся одними своими издѣліями; будучи земледѣльческимъ государствомъ и не сбывая произведенія земли нашей, мы совершенно обнищали и не можемъ нести тяжелыхъ повинностей. Если до сихъ поръ уплачивали ихъ, то какими изнурительными средствами!»

III.

Положеніе различныхъ сословій также обратило на себя вниманіе декабристовъ.

говоритъ: „Тарифы могутъ быть учреждаемы съ тою единственно цѣлью, дабы защищать народную промышленность отъ внѣшнихъ подрывовъ, но отнюдь не для того, чтобы увеличивать казенные доходы, которые признаваемы быть должны вещью совсѣмъ побочною при изданіи и опредѣленіи таможенныхъ постановленій". Штейнгель, напротивъ, является защитникомъ покровительственной таможенной системы. Онъ очень недоволенъ умѣреннымъ тарифомъ 1819 г. О защитникахъ свободы торговли и покровительственной системы въ Россіи того времени ср. *Туганъ-Барановскій.* „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ", т. I, Спб. 1898 г., стр. 260—276.

[1]) Въ 1814 г. сложено было 30 милл. недоимокъ, но чрезъ четыре года они дошли уже до 96 милл. и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ превосходили годовой окладъ. „Истор. обозр. пятидес. дѣят. мин. государственныхъ имуществъ". Спб. 1888, I, 10.

А. А. Бестужевъ, въ письмѣ къ Николаю I, въ которомъ сказываются его литературныя способности, дѣлаетъ такую характеристику нашего дворянства: «Оно раздѣляется на 3 разряда: на просвѣщенныхъ, «изъ которыхъ большую часть» составляетъ знать; на грамотныхъ, которые или мучатъ другихъ, какъ судья, или сами таскаются по тяжбамъ и, наконецъ, на невѣждъ, которыя живутъ по деревнямъ, служатъ церковными старостами или же въ отставкѣ, послуживъ, Богъ знаетъ какъ, въ полевыхъ (полкахъ). Изъ нихъ-то мелкопомѣстные составляютъ язву Россіи; всегда виноватые и всегда ропщущіе и, желая жить не по достатку, а по претензіямъ своимъ, мучатъ бѣдныхъ крестьянъ своихъ нещадно. Прочіе раззоряются на охоту, на капели (т. е. капеллы), на столичную жизнь или отъ тяжебъ. Наибольшая часть лучшаго дворянства, служа въ военной службѣ или въ столицахъ, требующихъ роскоши, довѣряютъ хозяйство наемникамъ, которые обираютъ крестьянъ, обманываютъ господъ, и такимъ образомъ $^{9}/_{10}$ имѣній въ Россіи разстроено и въ закладѣ» [1]). Бестужевъ указываетъ на то, что у дворянства есть свои основанія для недовольства: дурной сбытъ произведеній ихъ имѣній, дороговизна предметовъ роскоши и продолжительность судопроизводства. Якубовичъ раздѣляетъ дворянство на вельможъ, среднихъ дворянъ и мелкопомѣстныхъ. Хотя это мало шло къ суровому заговорщику, кипѣвшему ненавистью къ императору Александру, мечтавшему его убить и проведшему значительную часть своей жизни на Кавказѣ въ отчаянныхъ бояхъ съ горцами, Якубовичъ пытается указать въ своемъ письмѣ къ императору Николаю на возможность положительнаго значенія аристократіи, какъ противовѣса бюрократіи, но, какъ человѣкъ лишенный литературныхъ способностей, плохо выражаетъ свою мысль [2]). Якубовичъ указываетъ на то, что «роскошь», т. е. жизнь не по средствамъ, обременила долгами «большую часть» дворянскихъ фамилій. На раззореніе дворянства указываетъ и Штейнгель. Каховскій знаетъ, что очень много дворянскихъ имѣній заложено въ казнѣ,—«вѣрно болѣе половины всѣхъ ихъ» [3]).

---

[1]) О бытѣ русскаго дворянства въ началѣ XIX в. см. статьи П. Ѳ. Дубровина въ „Рус. Стар." 1899 г. №№ 1, 2 и 3.

[2]) „Аристократія,—говоритъ Якубовичъ,—въ единовластномъ, монархическомъ управленіи необходима: она служитъ равновѣсіемъ государству, представительницей у трона за народъ и оппозиціей властямъ; какъ отрицательная и положительная сила производятъ электричество, такъ точно борьба высшаго дворянства съ учрежденными властями породила бы умное, умѣренное управленіе; но въ Россіи мало сихъ столбовъ отечества, которые главную силу заимствовали не въ происхожденіи или богатствѣ своемъ, но въ добродѣтеляхъ, мудрости и безупречномъ служеніи отечеству". *Бороздинъ*, 79—80.

[3]) Позднѣе, въ 1813 г., было заложено въ государственномъ заемномъ банкѣ 590.639 душъ и въ сохранныхъ казнахъ 4.984.876 д. м. п., итого 5,575.515 д. м. п., т. е. немного болѣе половины крѣпостного населенія Россіи

Каховскій указываетъ, какъ на одну изъ причинъ недовольства дворянъ, на то, что генералъ-губернаторы и гражданскіе губернаторы присвоиваютъ себѣ власть арестовывать дворянъ. Если предоставить губернаторамъ право арестовывать чиновниковъ, то за каждое мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ губернатора, чиновники «будутъ сидѣть на гауптвахтѣ, и тогда дѣла будутъ рѣшать одни губернаторы».

Каховскій, впрочемъ, не идеализируетъ русскаго дворянства и вовсе не желаетъ оправдывать его «лѣность, нерадѣніе и безпечность». По словамъ А. Бестужева, «дворянство... за крестами спѣшитъ ничего не дѣлать въ какой-нибудь министерской канцеляріи» [1]).

Положеніе бѣлаго духовенства,—по словамъ Пестеля въ «Русской Правдѣ»,—«горько и жалостно; оно едва имѣетъ нынѣ насущный хлѣбъ, а въ старости остается безъ... должнаго призрѣнія». А. Бестужевъ указываетъ въ письмѣ къ императору Николаю на то, что сельское духовенство въ жалкомъ состояніи. Не получая жалованія, оно находится въ полной зависимости отъ крестьянъ и вслѣдствіе этого, «принужденное угождать имъ», впадаетъ «само въ пороки». Якубовичъ на ряду съ бѣдностью духовенства, указываетъ и на то, что оно «невѣжественно и не всегда добродѣтельно», вслѣдствіе чего русскіе... мало уважаютъ духовныхъ своихъ пастырей, и они никакого вліянія не имѣютъ на народъ» [2]). Во всемъ этомъ очень много справедливаго, но когда Гангебловъ необразованность бѣлаго духовенства и «поступки, несообразные съ высокимъ его предназначеніемъ», считаетъ «одною изъ главнѣйшихъ причинъ безнравственности поселянъ и небрежности домашняго хозяйства», то тутъ уже духовенство дѣлается отвѣтственнымъ за то, въ чемъ были повинны помѣщики и правительство.

По словамъ Пестеля въ «Русской Правдѣ»,—«въ постановленіяхъ о купечествѣ... обрѣтаются большія несправедливости, противорѣчія и злоупотребленія, многоразличными препонами и затрудненіями гибель торговлѣ наносящія». А. Бестужевъ и дробно указываетъ причины недовольства купечества: оно, «стѣсненное гильдіями и затрудненное въ путяхъ доставки, потерпѣло важный урокъ съ 1812 года. Многія колоссальныя фортуны погибли, другія разстроились. Дѣла съ казною разорили множество купцовъ и подрядчиковъ, а съ ними ихъ кліентовъ и вѣрителей, затяжкою въ уплатѣ, учетами и неправыми прижимками въ пріемѣ... Шаткость тарифа привела въ нищету многихъ фабрикантовъ, испугала другихъ и вывела правительство наше изъ вѣры равно у сво-

(всѣхъ крѣпостныхъ по восьмой ревизіи 1835 г. было 10.872.229). *Л. В. Ходскій.* „Поземельный кредитъ въ Россіи". М. 1882 г., стр. 8; *Кеппенъ*, „Девятая ревизія". Спб., 1857 г., стр. 200.

[1]) Чаадаевъ называлъ дворянъ „подлыми холопами". „Записки Свербеева", II, 237.

[2]) Ср. слова Штейнгеля, *Бородинг*, 68 и П. С. З. т. XL, № 30.319.

ихъ, какъ и у чужеземныхъ негоціантовъ. Слѣдствіемъ сего былъ еще большій упадокъ нашего курса (т. е. внѣшняго кредита) [1]), отъ государственныхъ долговъ происшедшій [2]), и всеобщая жалоба, что нѣтъ наличныхъ». Батеньковъ, посѣщая въ 1825 г. въ Петербургѣ купеческіе дома, находилъ, что этотъ «классъ вообще недоволенъ стѣснительными для торговли постановленіями», такъ что «обращеніе съ нимъ подстрекало» этого декабриста къ «желанію перемѣны» [3]). Дѣйствительно, мы видѣли уже изъ одного присланнаго Александру I доноса, какъ распространены были либеральныя мнѣнія среди купцовъ петербургскаго гостинаго двора. Они открыто разговаривали о томъ, что «только конституція можетъ исправить все, и нужно надѣяться, что Богъ скоро даруетъ намъ ее». Другіе говорили, «что лишь бы только русскіе въ Петербургѣ и Москвѣ были согласны» (относительно необходимости конституціи),—«министры не осмѣлятся даже сопротивляться».

«Мѣщане, классъ почтенный и значительный во всѣхъ другихъ государствахъ», —по словамъ А. Бестужева, «у насъ ничтоженъ, бѣденъ, обремененъ повинностями, лишенъ средствъ къ пропитанію [4]). Въ другихъ націяхъ они населяютъ города, у насъ же города существуютъ только на картѣ [5]), и вольность ремеслъ стѣсняютъ въ нихъ цехи» и потому «мѣщане кочуютъ, какъ цыгане, занимаясь щепетильною» (мелочною) «перепродажею». Упадокъ торговли отразился на нихъ сильнѣе по ихъ бѣдности, ибо они зависятъ отъ купцовъ, какъ мелкіе торгаши, или какъ работники на фабрикахъ». Пестель въ «Русской Правдѣ» также останавливается на ненормальномъ положеніи мѣщанъ и требуетъ уничтоженія постановленія 1824 г, «извѣстнаго подъ названіемъ гильдейскаго и заключающаго въ себѣ все то, что зловластіе выдумать только могло для вреда народной промышленности, покровительствованія всѣмъ злоупотребленіямъ и совершеннаго угнетенія бѣднѣйшихъ классовъ

---

[1]) Въ 1825 г. курсъ ассигнацій былъ очень низокъ, а именно за 1 металлич. рубль давали 3,72 р. ассигнаціями, но въ предыдущіе годы, начиная съ 1811 г. (кромѣ 1819), онъ былъ еще ниже, а въ 1815 г. металлическій рубль равнялся даже 4,21 руб. ассигнаціями, слѣд. рубль ассигнаціи стоилъ менѣе 24 коп. на серебро. *Бржескій*. „Государственные долги Россіи". Спб., 1881 г. Табл. Ш.

[2]) Въ 1825 г. было долговъ, внесенныхъ въ государственную долговую книгу: срочныхъ—внѣшнихъ 46,600 000 гульденовъ, внутреннихъ 17.255,618, безсрочныхъ — обыкновенныхъ 135.667,007, неприкосновенныхъ 10.872,203, итого 190.356,829 руб. Въ это время было въ обращеніи ассигнацій 595.776,310 руб. *Бржескій*, таблицы III и XVII.

[3]) Гос. Арх., I, В. № 359, л. 109.

[4]) Бестужевъ объясняетъ это тѣмъ, что дворянство тянется на службу въ столицы, а ремесленникамъ не на кого работать, такъ какъ „дворянство держитъ доморощенныхъ" (крѣпостныхъ) „мастеровыхъ".

[5]) О городахъ того времени см. *Середонинъ* „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ" I, 296—322.

людей [1]). Очевидно, подъ давленіемъ общаго недовольства комитетъ министровъ въ 1825 г. отложилъ до слѣдующаго года вторичную повѣрку торговли и промысловъ, обѣщая пониженіе по нимъ повинностей [2]); но, по свидѣтельству А. Бестужева, эта мѣра «не удержала отъ ропота» мѣщанъ и мелкихъ торговцевъ [3]).

Положеніемъ крестьянъ декабристы сильно интересовались и потому много говорятъ о немъ, какъ въ своихъ письмахъ импер. Николаю и генералу Левашову, такъ и въ своихъ показаніяхъ, частной перепискѣ, дневникахъ и разныхъ замѣткахъ. Особенное негодованіе возбуждало въ нихъ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, но нѣкоторые изъ нихъ обращали вниманіе на жизнь и другихъ разрядовъ крестьянства.

Такъ Каховскій въ неизданномъ письмѣ къ Левашову отъ 5 марта 1826 г. указываетъ на печальное состояніе «экономическихъ», т. е. государственныхъ, крестьянъ, которыхъ совершенно раззоряли чиновники. Ему казалось, что положеніе крестьянъ казенныхъ даже хуже, чѣмъ помѣщичьихъ, такъ какъ послѣдніе «ограждаются и устраиваются своими помѣщиками, а экономическіе совершенно никѣмъ» [4]). Но сами декабристы не разъ выражаютъ негодованіе на то, какъ «устраиваютъ» помѣщики своихъ крестьянъ, и крестьянамъ казеннымъ обыкновенно жилось гораздо лучше, чѣмъ крѣпостнымъ той же мѣстности; извѣстно, что особенно печально было положеніе крѣпостныхъ, состоящихъ на барщинѣ. Чиновники, конечно, не упускали случая поживиться съ казенныхъ крестьянъ, но ни одинъ чиновникъ не могъ такъ эксплоатировать крестьянъ, какъ помѣщикъ, и потому, что ему приходилось обирать населеніе болѣе крупныхъ территорій, и потому, что они не жили постоянно среди крестьянъ, а лишь въ извѣстныхъ случаяхъ могли наживаться на ихъ счетъ [5]).

---

[1]) См. П. С. З. XXXIX, 14-го ноября 1824 года, № 30.115, главы VIII—X. Якубовичъ также протестуетъ противъ этого постановленія. Даже извѣстный доносчикъ Шервудъ въ бесѣдѣ съ императоромъ Александромъ сказалъ ему: „министръ финансовъ издалъ гильдейское постановленіе, которымъ запрещается мѣщанамъ... изъ уѣзда въ уѣздъ возить продавать хлѣбъ и всякаго рода произведенія свои, чѣмъ сковалъ внутреннюю въ государствѣ торговлю". (*Шильдеръ*, IV, 316). Мѣщане различныхъ разрядовъ городовъ должны были платить за право торговли пошлину отъ 40 до 120 рублей, сверхъ узаконенныхъ мѣщанскихъ податей и повинностей. Крестьяне, желающіе пользоваться правомъ торгующаго мѣщанина, должны были платить за торговое свидѣтельство 150 р.

[2]) П. С. З. т. 40, № 30.371.

[3]) Не мало отрицательныхъ сторонъ въ бытѣ купцовъ и мѣщанъ указалъ Штейнгель въ запискѣ, поданной имъ графу Аракчееву въ 1817 г. См. мою статью о Штейнгелѣ въ книгѣ „Общественное движеніе въ Россіи", т. I, 287—290.

[4]) Булатовъ въ письмѣ къ велик. кн. Михаилу Павловичу описываетъ притѣсненія, которыя крестьяне терпятъ отъ лѣсничихъ.

[5]) А. Бестужевъ въ 1821 г. писалъ Булгарину изъ Полоцкаго уѣзда: „Пишу къ тебѣ изъ курной избы латышей въ имѣніи" (бывшемъ) „іезуитовъ: мужики бѣдны, но говорятъ, что теперь имъ рай въ сравненіи съ жизнью подъ

Каховскій утверждаетъ также, что положеніе удѣльныхъ крестьянъ было гораздо лучше, чѣмъ казенныхъ, и что «съ перваго взгляда уже можно отличить имѣнія удѣльныя отъ экономическихъ» (т. е казенныхъ) [1]. Дѣйствительно, въ царствованіе Александра I оброки удѣльныхъ крестьянъ въ общемъ были ниже платежей, лежавшихъ на крестьянахъ казенныхъ [2]. «Крестьяне удѣльные,—продолжаетъ Каховскій,—имѣютъ свои права, имѣютъ конторы, которыми они управляются и *ограждаются отъ насилій земской полиціи и властей, въ губерніяхъ постановленныхъ*... Земская полиція не имѣетъ никакого вліянія на управленіе сихъ имѣній и не можетъ въѣзжать въ нихъ иначе, какъ только по уголовнымъ дѣламъ, и то съ чиновникомъ ихъ конторы» [3]. Однако, историческія наслѣдованія не подтверждаютъ этого прикрашеннаго описанія управленія удѣльными крестьянами: удѣльная администрація и сама оказывалась повинною въ злоупотребленіяхъ, и далеко не всегда защищала крестьянъ отъ притѣсненій земской полиціи [4]. Каховскій, хотя и имѣлъ маленькое имѣніе въ Смоленской губерніи, но, быть можетъ, не зналъ, что именно въ этой губерніи произошло въ 1816 г. обширное волненіе удѣльныхъ крестьянъ [5].

Нѣкоторые декабристы прямо указываютъ на то, что политическій либерализмъ былъ впервые вызванъ въ нихъ тяжелымъ положеніемъ крестьянъ. Такъ поручикъ Аврамовъ, членъ южнаго общества, въ своемъ показаніи говоритъ: «Когда я находился на съемкѣ въ Подольской губерніи, то имѣлъ случай... замѣтить бѣдность, въ которой находится большая часть крестьянъ. Это меня поразило и возбудило во мнѣ любопытство узнать», какимъ образомъ они могли быть доведены до такого состоянія? Это было первымъ поводомъ къ тому, что Аврамовъ «началъ читать политическія сочиненія», которыя породили въ немъ либеральныя мысли.

Штейнгель въ письмѣ къ имп. Николаю дѣлаетъ такой выводъ

властью іезуитскою. Они рады, что ихъ „(т. е. іезуитовъ) "выгнали". „Рус. Стар.", 1901 г., № 2, стр. 394—5.

[1]) Н. И. Тургеневъ также писалъ изъ Симбирска: „О казенныхъ мужикахъ здѣсь говорятъ, что они въ плохомъ, а удѣльные весьма въ хорошемъ положеніи".

[2]) „Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія", II, 87. Сравненіе количества пахотной земли у экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ въ Великороссіи во время генеральнаго межеванія см. въ моей книгѣ „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II", т. II, 260.

[3]) Гос. Арх., I, В. № 11, л. 49.

[4]) См. статью *В. А. Мякотина* „Изъ исторіи крестьянства первой половины XIX вѣка", „Русское Богатство" 1903 г. № 6, стр. 79—83; относительно „правъ" удѣльныхъ крестьянъ см. Ibid. № 7.

[5]) См. *Кн. Щербатовъ*. „Генералъ-фельдмаршалъ Паскевичъ". Спб. 1888 г. т. I, 263—303; „Сборн. Ист. Мат., извлеч. изъ Архива Соб. Е. В. Канц." IV, 228—9, V, 213.

изъ своихъ продолжительныхъ наблюденій надъ внутреннимъ положеніемъ Россіи: «Правительство отдѣляло себя отъ государства и, казалось, вѣрило, что оно можетъ быть богато и сильно, хотя всѣ сословія государственныя, и особенно народъ, въ изнеможеніи. Правительство имѣло, кажется, правиломъ, что развратнымъ и бѣднымъ народомъ легче и надежнѣе управлять, нежели имѣющимъ гражданскія добродѣтели и въ довольствѣ живущимъ, а потому не прислушивалось къ народному мнѣнію, не входило въ его нужды, повелѣвало и требовало безусловнаго повиновенія, хотя бы отъ того все раззорилось».

При тяжеломъ положеніи народа и обременительности податей естественно накоплялись недоимки, которыя взыскивались самымъ жестокимъ образомъ. По словамъ Якубовича, «экзекуціи за недоимки отымаютъ рабочій скотъ, одежду, раззоряютъ даже дома и истязуютъ пытками несостоятельныхъ, какъ во времена варварства». О распродажѣ скота, лошадей и даже домовъ у казенныхъ крестьянъ свидѣтельствуетъ и Штейнгель, указывая на то, что выраженія «выбить, выколотить недоимку» сдѣлались техническимъ словомъ [1]). Декабристъ Бѣляевъ слышалъ разсказы «о различныхъ жестокостяхъ исправниковъ, выбивавшихъ подушные сборы чуть не пытками» [2]). Едва ли, впрочемъ, взысканіе недоимокъ могло производиться тогда съ большею жестокостью, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время [3]).

Извѣстно, какъ много путешествовалъ по Россіи Александръ I; при этомъ онъ обращалъ большое вниманіе на состояніе дорогъ [4]), и потому дорожная повинность отзывалась на крестьянахъ самымъ раззорительнымъ образомъ.

По словамъ Якубовича, «за 50 и болѣе верстъ во время пахоты собираютъ на работы, сколько рукъ отымаютъ отъ сохи!» Это подтверждаетъ и Каховскій, который говоритъ, что дорожная повинность одна «превышаетъ всѣ прочія земскія повинности..., ни отъ одной столь много не терпитъ народъ» [5]). По словамъ Штейнгеля, «безпрестанные выгоны крестьянъ для дѣланія дорогъ, часто въ страдную пору, довер-

---

[1]) Каразинъ въ запискѣ отъ 20 ноября 1820 г., пересланной имп. Александру говоритъ, что въ южныхъ губерніяхъ подати крестьяне называли: „*драча*, т. е. то, что сдираютъ съ народа". „Русск. Стар." 1871 г. т. III, 34, Арх. Деп. Пол., дѣло III отд. 1 экеп. 1817 г. № 6.

[2]) „Русская Старина" 1881 г. т. XXX, 488.

[3]) См. напр. „Карательные походы и податныя экзекуціи" въ „Сборникѣ XI-мъ. Народно-Соціалистическое обозрѣніе. Издательство „Народный Трудъ", стр. 62—69.

[4]) „Сборн. ист. мат., извл. изъ Арх. Соб. Е. В. Канц.". V, 222—5, VI, 192.

[5]) Въ письмѣ къ Николаю I Каховскій говоритъ: „есть налоги, которые мы вдвойнѣ выполняемъ, напримѣръ, подорожные; мы платимъ по 25 к. съ души „на исправленіе и проведеніе дорогъ", и сами (т. е. трудомъ своихъ крестьянъ) „ихъ починяемъ и вновь дѣлаемъ".

шили ихъ разореніе, и при томъ отъ частыхъ перемѣнъ въ планѣ и отъ непрочной работы повинность сія сдѣлалась безконечною, между тѣмъ, какъ въ академическомъ календарѣ... печатается: «отъ изданія манифеста, коимъ народъ освобождается отъ дѣланія дорогъ столько-то лѣтъ!» [1]). А. Бестужевъ, описывая злоупотребленія исправниковъ, дополняетъ изображеніе страданія народа отъ дорожной повинности: «то сберутъ крестьянъ въ сѣнокосъ или жатву, и мѣсяцъ ничего не дѣлаютъ; то дадутъ сдѣлать и потомъ ломаютъ, говоря, что это не по формѣ. Назначаютъ на работу ближнихъ вдаль и наоборотъ, чтобы взять за увольненіе нѣсколько рублей съ брата» [2]). Якушкинъ въ своихъ мемуарахъ подробно говоритъ и объ обременительности для народа дорожной повинности, и о томъ, что дороги все-таки были въ скверномъ состояніи [3]).

Батеньковъ въ запискѣ, составленной 28 марта 1826 г., говоритъ о земскихъ повинностяхъ вообще, что онѣ представляли обширное поле злоупотребленій и народнаго бѣдствія [4]).—«Но, кромѣ повинностей земскихъ», продолжаетъ Батеньковъ, «крестьяне имѣютъ еще свои внутреннія повинности, извѣстныя подъ именемъ волостныхъ. Важную статью въ оныхъ составляютъ расходы *темные*, т. е. на подарки разнымъ чиновникамъ» [5]).

О тяжести для крестьянъ рекрутской повинности Н. И. Тургеневъ въ письмѣ отъ 15 марта 1821 г. писалъ брату изъ Петербурга: «Отъ сильныхъ рекрутскихъ наборовъ много горести и бѣдствій въ деревнѣ. Нѣтъ почти ни одного семейства, не имѣющаго родственниковъ самыхъ близкихъ въ солдатахъ. Отдавая сына въ рекруты, мужикъ отдаетъ ему все, что можетъ, и приходитъ въ разстройство. Послѣ того дѣти, которыя пишутъ къ отцамъ, безпрестанно просятъ у нихъ денегъ. Приходитъ сынъ на побывку, и отецъ опять разстраиваетъ себя, чтобы отпустить сына съ деньгами и съ лошадью».

Въ царствованіе Александра I съ населенія въ 16—16$^3/_4$ милл.

---

[1]) Въ 1816 г. былъ установленъ подушный сборъ на содержаніе дорогъ, но его не хватало. *Середонинъ* I, 507—514.

[2]) О тяжести дорожной повинности не забылъ упомянуть Рылѣевъ въ своей „Пѣснѣ". О разныхъ притѣсненіяхъ при исполненіи какъ дорожной, такъ и подводной повинностей говоритъ М. Н. Муравьевъ въ запискѣ 1827 г. *Кропотовъ*, 437. Постойная повинность также сопровождалась матеріальными жертвами со стороны мѣстныхъ жителей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ П. И. Пестель въ одной оффиціальной запискѣ. Госуд. Арх. I. В. № 473/13.

[3]) Стр. 21—23. О злоупотребленіяхъ, связанныхъ съ дорожною повинностью, срав. *Середонинъ* I, 446.

[4]) Ср. о земскихъ повинностяхъ *Варадиновъ* „Ист. Мин. Вн. Дѣлъ", ч. II, кн. 2, стр. 552—554.

[5]) Въ другой запискѣ (31 марта 1826 г.) Батеньковъ упоминаетъ, что разныя соображенія о земскихъ повинностяхъ были уже изложены имъ въ мемуарѣ подъ названіемъ „Уставъ", который былъ имъ прочитанъ гр. Кочубею.

душъ, несшаго рекрутскую повинность натурою, было произведено 18 рекрутскихъ наборовъ, и еще въ 1806 г. собрана была милиція; всего за это время въ сухопутныя войска поступило громадное количество рекрутъ, а именно 1.933,608 челов.; въ это число вошли и ратники милиціи: кромѣ того въ 1812 г. было временно выставлено на службу ополченіе въ количествѣ 280.951 человѣкъ [1]).

Объ отношеніи декабристовъ къ крѣпостному праву мнѣ придется говорить въ особой главѣ; здѣсь мы остановились лишь на нѣкоторыхъ указаніяхъ относительно того, что тяжелое положеніе помѣщичьихъ крестьянъ сыграло значительную роль въ числѣ другихъ причинъ возникновенія тайнаго общества.

Основатели «Союза Спасенія», или «Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», кн. Трубецкой, С. и Матв. Муравьевы-Апостолы, Александръ Н. Муравьевъ, Никита Муравьевъ и Якушкинъ, еще до учрежденія общества, бесѣдовали обыкновенно о положеніи Россіи и о главныхъ язвахъ отечества: крѣпостномъ состояніи, жестокомъ обращеніи съ солдатами и проч. «Пребываніе во время похода за границей», говоритъ Якушкинъ въ своихъ показаніяхъ на слѣдствіи, «вѣроятно въ первый разъ обратило вниманіе мое на составъ общественный въ Россіи и заставило видѣть въ немъ недостатки. По возвращеніи изъ-за границы крѣпостное состояніе людей представилось мнѣ, какъ единственная преграда сближенію всѣхъ сословій и вмѣстѣ съ симъ общественному образованію въ Россіи. Пребываніе (въ теченіе) нѣкотораго времени въ губерніяхъ и частныя наблюденія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ

[1]) Столѣтіе Военнаго Министерства. Главный Штабъ, ч. I, кн. I, отд. II. *Щепетильникова*. Комплектованіе войскъ въ царствованіе Александра I. Спб. 1902, стр. 132—133. На тяжесть наборовъ указывали и люди военные. Генералы—не декабристы Тутолминъ и Уваровъ такъ описывали въ 1806—7 гг. дѣйствіе рекрутскихъ наборовъ на населеніе: „Надобно вести", говоритъ Тутолминъ, „приватную жизнь, чтобы быть очевидцемъ отчаянія семействъ, стенанія народа, тягости издержекъ и конечнаго въ продолженіе набора прерванія хозяйства и всякой промышленности.—Время набора рекрутъ, по нынѣшнему установленію, есть періодическій кризисъ народной скорби".—„Должно быть всякому извѣстно", по мнѣнію Уварова, „что значитъ рекрутскій наборъ, какой вопль, плачь и унылость даже и въ оставшихся въ домахъ" онъ производитъ. Третій современникъ, въ началѣ 1820-хъ годовъ, писалъ: „Человѣкъ, опредѣленный поступить въ почтенное званіе солдата, не сдѣлавъ еще никакого преступленія, везется для отдачи на военную службу, какъ преступникъ подъ звукомъ кандаловъ... Потомъ и самый рекрутскій пріемъ есть поругательное зрѣлище для человѣчества: человѣку, способному къ военной службѣ, бреютъ лобъ, а неспособному затылокъ; мы не чувствуемъ истинной цѣны сего ужаснаго зрѣлища, родяся и возрастя въ ономъ обыкновеніи" Отставной солдатъ, возвратившійся на родину, „дѣлается, вмѣсто хозяина дома,—приспѣльцемъ, питающимся подаяніемъ своихъ наслѣдниковъ". Ibid. *Щепетильникова*, прилож. стр. 4, 6, 41, 42. Впрочемъ нужно замѣтить, что неизвѣстный авторъ послѣдней записки, осуждая современную ему систему рекрутскихъ наборовъ, являлся защитникомъ военныхъ поселеній.

болѣе и болѣе утвердили меня въ семъ мнѣніи». «То, что называлось тогда образованнымъ обществомъ», говоритъ Якушкинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «большею частію состояло изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться какого-нибудь изъ вопросовъ, насъ занимавшихъ, показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего». Цѣлью основаннаго въ 1816 г. общества, по показанію Якушкина, было намѣреніе склонить дворянство къ освобожденію крестьянъ и «приготовить всѣ сословія въ государствѣ къ представительному правленію».

Члены Союза Благоденствія также отрицательно относились къ крѣпостному праву, хотя учредители этого общества и не рѣшились включить въ свой уставъ требованіе его немедленнаго уничтоженія. А. Н. Муравьевъ составилъ весною 1818 г. возраженіе на записку В. Н. Каразина и калужскаго губернскаго предводителя дворянства П. Г. Вяземскаго и выразилъ въ ней горячій протестъ противъ крѣпостного права.

Юный членъ Союза Благоденствія, прапорщикъ Тучковъ 1-й, отправленный въ Тульскую губ. для собиранія топографическихъ и статистическихъ свѣдѣній, велъ дневникъ, гдѣ отмѣтилъ очень много фактовъ относительно тяжелаго положенія помѣщичьихъ крестьянъ: громадныхъ оброковъ, барщины въ противозаконномъ размѣрѣ, доходящей у нѣкоторыхъ до 6 дней въ недѣлю, и сборовъ съѣстныхъ припасовъ и указалъ на ухудшеніе положенія крѣпостныхъ, по свидѣтельству весьма многихъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Тучковъ горячо возмущается беззащитностью этихъ крестьянъ и приходитъ къ выводу, что «ни раба, ни господина быть не должно», при существованіи же рабства, рабовладѣльцы «не ищутъ собственной свободы, а довольствуются тѣмъ, что могутъ угнетать другихъ» [1]). Очевидно, этотъ 18-тилѣтній юноша уже понималъ, что крѣпостное право является однимъ изъ устоевъ самодержавія.

Н. И. Тургеневъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ былъ горячимъ ненавистникомъ крѣпостного права. Въ 1818 г. во время поѣздки въ свою родовую симбирскую вотчину онъ лично познакомился съ тяжелымъ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ [2]), и эти свѣдѣнія пригодились ему, когда въ самомъ концѣ 1819 г., уже по вступленіи въ Союзъ Благоденствія, онъ, по желанію гр. Милорадовича, составилъ записку «О состояніи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи», которая была представлена государю. Желаніе освобожденія крестьянъ было одною изъ главныхъ

[1]) „А. А. Тучковъ и его дневникъ 1818 года". „Вѣстн. Евр." 1900 г. № 8, стр. 685—696.

[2]) См. мою статью „Н. И. Тургеневъ о крестьянскомъ вопросѣ въ царствованіе Александра I", въ „Вѣстн. Евр." 1909 г. №№ 1—2.

причинъ вступленія Н. И. Тургенева въ Тайное Общество [1]). Басаргинъ, членъ Союза Благоденствія и Южнаго Общества, показалъ на слѣдствіи: «въ 1819 г., будучи на съемкѣ въ Московской губ.. мнѣ случилось стоять въ деревнѣ у одного помѣщика, коего обращеніе съ крестьянами дало мнѣ первую мысль или, лучше сказать, желаніе сдѣлать ихъ свободными». М. Ѳ. Орловъ, еще ранѣе вступленія въ Союзъ Благоденствія считавшій необходимымъ уничтоженіе крѣпостного права, въ двухъ письмахъ своихъ (1819 г.) къ военному историку Бутурлину, ходившихъ по рукамъ, также упоминаетъ о немъ. Въ первомъ письмѣ онъ говоритъ, что прикрѣпленіе крестьянъ сдѣлалось «причиною всѣхъ нашихъ внутреннихъ неустройствъ»... ...«Войди», писалъ онъ Бутурлину, порицая его «славословіе» Россіи, «въ хижину бѣднаго Россіянина, истощеннаго отъ рабства и несчастья, и извлеки оттуда, если можешь, предвозвѣщеніе будущаго нашего величія». Во второмъ письмѣ Орловъ говоритъ: «Что мы будемъ предлагать завоеваннымъ народамъ? Нашъ жестокій удѣлъ рабства? Но признайся, что сіе обѣщаніе не можетъ быть лестнымъ для народовъ, которые всѣ болѣе или менѣе стремятся къ свободѣ»... «Россіянинъ долженъ упрекать тотъ несчастный законъ, который осудилъ на рабство большую часть нашихъ согражданъ» [2]). Александръ Ник. Раевскій, другъ А. С. Пушкина, привлекавшійся къ слѣдствію о тайномъ обществѣ, въ своихъ показаніяхъ выражалъ опасеніе, «чтобы нѣсколько милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ нетерпѣливо ожидавшіе освобожденія, не были бы причиною большихъ безпорядковъ».

Кн. Трубецкой въ одномъ изъ показаній заявилъ что «свободный образъ мыслей укоренился въ немъ вслѣдствіе убѣжденія, что при данномъ состояніи Россіи «неминуемо долженъ послѣдовать» въ ней современемъ «переворотъ». Это мнѣніе основывалъ онъ «на частыхъ возмущеніяхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ и на продолжительности оныхъ, какъ и умноженіи таковыхъ возмущеній». Бар. В. И. Штейнгель, узнавъ, еще до вступленія въ Сѣверное Тайное Общество, что на Макарьевской ярмаркѣ покупаютъ людей (на имя тамошнихъ дворянъ изъ армянъ), продаютъ ихъ трухменцамъ и въ болѣе отдаленныя страны и при этомъ разлучаютъ дѣтей съ родителями, надѣялся убѣдить государя въ необходимости положить конецъ такому вопіющему злу, какъ торговля людьми. Въ февралѣ 1823 г. онъ написалъ имп. Александру письмо, въ которомъ указывалъ, что, между тѣмъ какъ европейскіе государи воз-

[1]) Записку Тургенева 1819 г. см. въ„ Сборн. историч. матер., извлеч. изъ Арх. Соб. Е. Вел. Канц“., вып. IV.

[2]) Отд. рук. Имп. Публ. Библ., сборникъ F. XVII, № 39, л. 69—73. Ср. слова Д. Бутурлина о прикрѣпленіи крестьянъ въ Россіи въ его книгѣ: „Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII столѣтіи“. Т. I, Спб. 1819 г., стр. LXII—LXIII.

стали противъ торга неграми [1]), Россія «несетъ еще праведную укоризну отъ всей просвѣщенной Европы за постыдную перепродажу людей, въ ней существующую», и для прекращенія ея предлагалъ рядъ мѣръ [2]). Петръ А. Бестужевъ, членъ Сѣвернаго Общества, показалъ, что «свободныя мысли укоренились» въ немъ вслѣдствіе сравненія состоянія нашихъ крестьянъ съ крестьянами другихъ государствъ, при чемъ онъ находилъ послѣднихъ «въ гораздо лучшей долѣ». Членъ того же общества Бѣляевъ 2-й заявилъ, что весь его «образъ мыслей» состоялъ «въ одномъ желаніи свободы крестьянъ и законовъ» (т. е. конституціоннаго правленія). Подобное же показаніе далъ и его братъ.

Поручикъ Измайловскаго полка Гангебловъ, членъ Сѣвернаго Тайнаго Общества, заявилъ, что первою причиною, побудившею его вступить въ него, была «неограниченная власть помѣщиковъ» и «одно изъ главнѣйшихъ слѣдствій» ея—«бѣдственное состояніе многочисленнѣйшаго класса, коего очевиднымъ свидѣтелемъ» былъ онъ въ 1821 году (во время похода гвардіи въ бѣлорусскихъ губерніяхъ), «гдѣ помѣщики, давъ полную волю поступкамъ евреевъ, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на нравственность крестьянъ, а между тѣмъ обращаются съ ними жестоко, когда дѣло доходитъ до собственныхъ выгодъ». В. Кюхельбекеръ въ своемъ показаніи говоритъ, что одною изъ главныхъ причинъ, побудившихъ его желать измѣненія существующаго порядка, было «угнетеніе истинно ужасное..., въ которомъ находится большая часть помѣщичьихъ крестьянъ, особенно же господъ мелкопомѣстныхъ и средняго разбора».

Рылѣевъ въ своей «Пѣснѣ» такъ изображаетъ тяжелое положеніе крѣпостныхъ:

Ахъ, тошно мнѣ,
И въ родной сторонѣ,
Все въ неволѣ,
Въ тяжкой долѣ
Видно вѣкъ вѣковать.
Долго-ль русскій народъ
Будетъ рухлядью господъ,
И людьми,
Какъ скотами,
Долго-ль будутъ торговать?
Кто же насъ кабалилъ,
Кто имъ барство присудилъ
И надъ нами,
Бѣдняками,
Будто съ плетью посадилъ.
По двѣ шкуры съ насъ дерутъ;

[1]) Ср. *Vaulabelle*. Histoire des deux Restaurations. 2 ed. P. 1867, t. II, 76.
[2]) „Сборн. Ист. Мат., извл. изъ Архива Соб. Е. В. Канц.“. VII, 193—196.

Мы посѣемъ, они жнутъ,
И свобода
У народа
Силой баръ задушена.
А что силой отнято,
Силой выручимъ мы то;
И въ привольѣ,
На раздольѣ
Стариною заживемъ.
А теперь господа
Грабятъ насъ безъ стыда,
И обманомъ
Ихъ карманомъ
Стала наша мошна.
Бара (sic) съ земскимъ судомъ
И съ приходскимъ попомъ
Насъ морочатъ
И волочатъ
По дорогамъ да судамъ...
Ужъ такъ худо на Руси,
Что и Боже упаси!..
А до Бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Вѣдь съ усами,
Такъ мотай себѣ на усъ?» [1]...

Пестель, давая въ показаніи во время слѣдствія очеркъ развитія своихъ взглядовъ, говоритъ: «рабство крестьянъ всегда сильно на меня дѣйствовало». Членъ южнаго общества Н. А. Крюковъ заявилъ: «на съемкѣ въ Подольской губ. увидѣлъ я, до какой степени простирается угнетеніе крестьянъ помѣщиками». Другой членъ того же общества Лореръ, разговаривая съ товарищемъ и услыша отъ него, что помѣщики жестоко угнетаютъ крестьянъ, упомянулъ о желательности ихъ освобожденія и выразилъ надежду, что «чрезъ два года все получитъ новый образъ», очевидно разсчитывая на успѣшность дѣйствій тайнаго общества. Членъ южнаго общества поручикъ Усовскій заявилъ, что его вступленіе въ общество было вызвано «соболѣзнованіями о бѣдствіяхъ и угнетеніи крестьянъ... Сіи люди, жертвы роскоши и удовольствій своихъ помѣщиковъ, презрѣны и унижены, какъ нельзя болѣе; доставляя государству и богатство, и защиту, они не имѣютъ никакого голоса, никакого участія въ политическомъ... существованіи. Воля и прихоть помѣщика есть имъ законъ; рабствовать и повиноваться—вотъ ихъ

[1] Приводимъ часть этой пѣсни, записанной Рылѣевымъ по требованію слѣдственной коммиссіи. *Восстанie*, 195—196. О Рылѣевѣ см. книгу Н. А. Котляревскаго. Спб. 1908.

права. Не знаю, какъ описать состояніе людей, которыхъ и свобода, дѣти и собственность, все есть для нихъ чужое, все есть собственность ихъ владѣльца».

У члена Союза Благоденствія и Южнаго Тайнаго Общества В. О. Раевскаго, который первый изъ всѣхъ декабристовъ (6 февраля 1822 г.) подвергся тюремному заключенію, была найдена при обыскѣ рукопись, авторъ которой, возражая противъ идеализаціи Растопчинымъ положенія помѣщичьихъ крестьянъ, говоритъ:

«между тѣмъ... эти счастливцы въ изорванныхъ рубищахъ, съ блѣдными, изнуренными лицами и тусклыми взорами просятъ не у людей (ибо владѣльцы ихъ суть тираны), но у судьбы пищи, отдыха и смерти... Кто далъ человѣку право называть человѣка *моимъ* и *собственнымъ*? По какому праву тѣло, имущество и даже душа одного можетъ принадлежать другому? Откуда взятъ законъ торговать, мѣнять, проигрывать, дарить и тиранить подобныхъ себѣ человѣковъ? Не изъ источника ли грубаго, неистоваго невѣжества, злодѣйскаго эгоизма, скотскихъ страстей и безчеловѣчія?—Взирая на помѣщика русскаго, я всегда воображаю, что онъ вспоенъ слезами и кровавымъ потомъ своихъ подданныхъ, что атмосфера, которою онъ дышитъ, составлена изъ вздоховъ сихъ несчастныхъ, что элементъ его есть корысть и безчувствіе.—Предки наши, свободные предки съ ужасомъ взглянули бы на презрительное состояніе своихъ потомковъ, они въ трепетномъ изумленіи не дерзали бы вѣрить, что русскіе сдѣлались *рабами*, и мы, чье имя и власть отъ неприступнаго сѣвернаго полюса до береговъ Дуная, отъ моря Балтійскаго до Каспійскаго даемъ безчисленнымъ племенамъ и народамъ законы и права, мы, внутри самаго нашего величія, не видимъ своего униженія въ равствѣ народномъ...

«Россія... требуетъ необходимаго и скораго преобразованія... Дворянство русское, погрязшее въ роскоши, въ развратѣ, въ бездѣйствіи и самовластіи, не требуетъ перемѣнъ, ибо съ ужасомъ смотритъ на необходимость потерять тираническое владычество. — Граждане! тутъ не слабыя мѣры нужны, но рѣшительность и внезапный ударъ. Сколько уголовныхъ преступленій безъ окончанія скрыто въ архивахъ, въ преступленіяхъ дворянъ противу крестьянъ?.. Александръ въ рѣчи своей полякамъ обѣщалъ дать конституцію народу русскому. Онъ медлитъ, и милліоны скрываютъ свое отчаяніе до первой пекры.—Не честолюбіе, но патріотизмъ управляетъ мною: могу ли видѣть порабощеніе народа, моихъ сограждан, печальныя ризы сыновъ отчизны, всеобщій ропотъ, боязнь и слезы сильныхъ, бурное негодованіе и ожесточеніе сильныхъ, и не сострадать имъ? О Брутъ! о Вашингтонъ! я не унижу себя, я не буду слабымъ, бездушнымъ рабомъ, или съ презрѣніемъ да произнесетъ имя мое мой близкій».

Во время слѣдствія Раевскій утверждаетъ, что разсужденіе о рабствѣ въ Россіи написано не имъ, а его покойнымъ товарищемъ, капитаномъ Охотниковымъ, но это едва ли справедливо. За то онъ призналъ себя авторомъ стихотворенія «Смѣюсь и плачу» (подражаніе Вольтеру):

Смотри,..
Какъ знатный вертопрахъ, бездушный пустословъ,

Ивана à rebour съ Семеномъ гнетъ на двойку
Иль бѣдныхъ поселянъ, отнявши у отцовъ,
Мѣняетъ на скворца, на пуделя или сойку [1]!
И правомъ знатности вездѣ уваженъ онъ!..
Какъ лицемѣръ-ханжа, презря святой законъ,
Въ развратѣ посѣдѣвъ, гаремъ по праву власти,
Творитъ изъ слабыхъ жертвъ его презрѣнной страсти,
Когда невинныхъ стонъ волнуетъ грудь мою,
Я слезы лью!»

На допросѣ В. Ѳ. Раевскій показалъ, что видѣлъ въ Подольской губ., какъ крестьяне во многихъ мѣстахъ работаютъ «кругомъ цѣлую недѣлю на помѣщика», видѣлъ даже въ одномъ имѣніи крестьянъ, исполняющихъ барщину въ оковахъ; люди продаются по одиночкѣ, помѣщики развратничаютъ съ крѣпостными дѣвушками и устраиваютъ гаремы; «фельдмаршалъ Каменскій завелъ остроги, тюрьмы, желѣза и проч. въ своемъ имѣніи, что довело да такого отчанія его крѣпостного крестьянина, что онъ убилъ» помѣщика [2].

Основатель Общества Соединенныхъ Славянъ Борисовъ 2-й, въ показаніи своемъ заявилъ, что «несправедливости, насиліе и угнетенія», причиняемыя помѣщиками ихъ крестьянамъ, всегда рождали въ немъ желаніе уничтожить эти притѣсненія и укрѣпляли въ его «умѣ либеральныя мысли». Онъ приводитъ также слова С. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, что они надѣятся произвести «военную революцію... безъ малѣйшаго кровопролитія», потому что крестьяне, «угнетенные... помѣщиками и налогами», солдаты, притѣсняемые командирами, «обиженные офицеры и раззоренное дворянство по первому знаку возьмутъ нашу сторону, и мы не будемъ встрѣчать нигдѣ сопротивленія». «Угнетеніе» и «жалкое состояніе» помѣщичьихъ крестьянъ возбудили либеральныя мысли и въ другихъ членахъ Общества Соединенныхъ Славянъ—Спиридовѣ, Кирѣевѣ и Драгомановѣ.

IV.

Такъ какъ большинство декабристовъ были офицеры, то первое, что имъ бросилось въ глаза и что указывало на ненормальность существующаго строя,—было тяжелое положеніе солдатъ. Еще въ бесѣдахъ предъ основаніемъ Союза Спасенія будущіе члены его, разбирая «главныя язвы отечества», говорили (на ряду съ крѣпостнымъ правомъ) о «жестокомъ обращеніи съ солдатами, которыхъ служба

[1] Птица.

[2] Арх. Главн. Военно-суднаго управл., дѣло 2 отд. Аудиторіата 1827 г. подъ лит. А, т. I, Ш и XI къ № 42.

въ теченіе 25 лѣтъ почти была каторгой» [1]). Якубовичъ въ письмѣ къ Николаю I такъ обрисовываетъ положеніе нижнихъ чиновъ: «Солдатъ арміи, блюститель внутренняго спокойствія государства и охрана внѣшней цѣлости, обреченъ на 25 лѣтъ службы; оставляя отчій домъ, а часто жену, дѣтей, уходитъ, безнадеженъ когда-либо насладиться мирной жизнью подъ роднымъ кровомъ, въ кругу близкихъ... Не уважая себя, не любя своего званія, дѣйствуетъ изъ одного побужденія страха, развращается, не боится штрафа, не полагая когда-либо воспользоваться отставкой, и если тысячный и достигаетъ назначеннаго срока, то онъ не дослуживаетъ, а доживаетъ узаконенное время». В. Ѳ. Раевскій [2]) въ найденной у него при арестѣ и не изданной запискѣ «О солдатѣ» говоритъ: «Офицеръ или дворянинъ имѣетъ право, если онъ недоволенъ, оставить службу, офицеръ имѣетъ въ виду награды чести или награды денежныя, для которыхъ въ нашемъ монархическомъ правленіи все дворянство служитъ, но солдатъ имѣетъ въ виду бѣдность, труды и смерть. Рѣдко, очень рѣдко безъ одного проступка прослужить можно 25 лѣтъ, а сдѣлавши одинъ проступокъ, онъ обрекается закономъ на вѣчную службу!» [3]). Но и тѣ нижніе чины, которымъ послѣ 25 лѣтъ службы удавалось получить отставку, находились въ самомъ печальномъ положеніи. По словамъ юнкера Полтавскаго полка Драгоманова, привлекавшагося къ слѣдствію о тайномъ обществѣ, отставные солдаты, «пожертвовавъ службѣ отечества здоровьемъ своимъ..., дряхлые, немощные и старые бѣдняки...., не могущіе питаться собственными трудами, скитаются почти безъ пропитанія, а нерѣдко и безъ пріюта» [4]).

Самою тяжелою стороною солдатской жизни были, конечно, та суровая муштровка, которой они подвергались [5]), жестокіе побои и тѣлесныя наказанія.

Нужно замѣтить, что имп. Александръ въ первые годы своего царствованія желалъ сдѣлать жестокія тѣлесныя наказанія въ войскахъ

---

[1]) Записки Якушкина, стр. 6. Въ Царствѣ Польскомъ закономъ 1816 г. установленъ былъ 10-лѣтній срокъ службы. *Askenazy*. Rosya—Polska, Lwów, 1907, 88.

[2]) См. о немъ брошюру г. *Щеголева* „Первый декабристъ Владиміръ Раевскій", 1905 г. Первымъ декабристомъ Раевскій можетъ быть названъ лишь въ томъ смыслѣ, что онъ первый изъ членовъ тайнаго общества былъ преданъ суду. Въ первомъ тайномъ обществѣ, Союзѣ Спасенія, основанномъ въ 1816 г., Раевскій не участвовалъ.

[3]) Арх. Главн. Военносуднаго Управленія, дѣло 2 отд. Аудиторіата 1827 г., лит. В., № 42, т. 7.

[4]) Декабристъ А. П. Бѣляевъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что „25-лѣтній срокъ солдатской службы считался и былъ въ дѣйствительности безчеловѣчнымъ". „Рус. Старина" 1881 г. т. XXX, 488.

[5]) По словамъ Булатова, войска „недовольны частыми ученіями"; даже и хорошій солдатъ „не имѣетъ никогда почти покоя".

по крайней мѣрѣ менѣе частыми. Въ 1804 г. въ секретномъ приказѣ инспектору кавалеріи Боуру государь обращалъ его вниманіе на то, что грабежъ, воровство, обманъ, «неповиновеніе командиру, оплошность... на караулѣ», небрежность относительно амуниціи, отлучка безъ позволенія, трусость относительно непріятеля требуютъ неизбѣжнаго наказанія, но ошибки въ ружейныхъ пріемахъ, въ маршированіи, въ рапортованіи, особенно недавно поступившихъ на службу солдатъ, должны вызывать скорѣе вниманіе со стороны офицера, чѣмъ строгость, которая въ этихъ случаяхъ вредна для службы, такъ какъ «частыя безразсудныя наказанія» вредятъ здоровью солдатъ, а «ежеминутное ожиданіе палочныхъ ударовъ» лишь вызываетъ замѣшательство и постоянныя ошибки [1]). Не говоря уже о томъ, что и это повелѣніе предоставляло широкій просторъ въ наказаніяхъ за неповиновеніе командиру и «небреженіе ружья и амуниціи», воля государя, какъ это сплошь и рядомъ бывало при бюрократически-самодержавномъ режимѣ, оказывалась безсильной, и суровое истязаніе солдатъ продолжалось. Недаромъ въ виршахъ подъ заглавіемъ «Жизнь солдатская», ходившихъ по рукамъ, солдатъ такъ описываетъ свое положеніе: «Я отечеству защита, а спина всегда избита. Я отечеству ограда, въ тычкахъ шпицахъ вся награда. Кто солдата больше бьетъ, и чины тотъ достаетъ» [2]). Многіе офицеры были настолько развращены своею властью надъ солдатами, что находили въ ихъ истязаніи особое удовольствіе и какъ бы родъ спорта [3]).

Проф. Парротъ въ письмѣ къ государю въ 1805 г. обращалъ его вниманіе на то, что «офицеръ тиранитъ солдатъ изъ за мелочей» и предостерегалъ Александра I противъ увлеченія «формой и экзерциціями» [4]).

Такіе порядки и до 1812 года вызывали иногда протестъ даже въ спеціально-военной литературѣ: «Еще и по нынѣ», читаемъ мы въ «Военномъ Журналѣ» 1810 г. (кн. V, стр. 61), «водится въ нѣкоторыхъ полкахъ не жестокость и не тиранство, но что-то на сіе похожее и едва-ли сносное, а болѣе за ученье... Остались въ полкахъ слѣды, такъ называемыхъ, *бравыхъ капитановъ*, которые однимъ тиранствомъ заслужили имя бдительнаго и попечительнаго ротнаго начальника... Поколачиваютъ безъ содроганія».

---

[1]) „Рус. Стар." т. VI, 283—284.

[2]) „Рус. Стар." 1901 г. № 12, стр. 475—476.

[3]) Въ 1802 г. въ Курскѣ двое офицеровъ держали пари на 500 рублей что одинъ солдатъ выдержитъ 1000 палокъ и не упадетъ. Солдатъ согласился на это за синенькую, т. е. пятирублевую ассигнацію, и штофъ водки. Одному свидѣтелю этой сцены, удивившемуся такой готовности, онъ пояснилъ, что все равно наказали бы „даромъ". Истязаніе на этотъ разъ было отмѣнено только по просьбѣ дамъ. „Записки Щепкина", М. 1864 г., стр. 149—151.

[4]) „Рус. Стар." 1895 г., № 4, стр. 197.

Въ томъ же 1810 г. военный министръ Барклай-де-Толли, обративъ вниманіе на увеличеніе въ войскѣ болѣзненности и смертности, особымъ циркуляромъ указалъ генераламъ на закоренѣлое обыкновеніе «всю науку, дисциплину и воинскій порядокъ основывать на тѣлесномъ и жестокомъ наказаніи; были даже примѣры, что офицеры обращались съ солдатами безчеловѣчно» [1]). Но эти предписанія не достигали цѣли и еще болѣе стали предаваться забвенію съ усиленіемъ въ Александрѣ I парадоманіи и любви къ муштровкѣ солдатъ во вторую половину его царствованія.

Любители тѣлесныхъ наказаній были до похода за границу въ 1813—1815 г.г. и въ гвардейскомъ Семеновскомъ полку, несмотря на то, что въ немъ, по свидѣтельству Якушкина, «кругъ офицеровъ почитался тогда лучшимъ во всей гвардіи». Когда собирались нѣкоторые изъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ, между ними нерѣдко происходили пренія о томъ, какъ полезнѣе наказывать солдатъ: понемногу, но часто, или рѣдко, но мѣтко. И одинъ батальонный командиръ, бар. Дамасъ (Damas), бывшій впослѣдствіи во Франціи при Карлѣ X министромъ иностранныхъ дѣлъ, держался того мнѣнія, что должно наказывать рѣдко, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не давать солдату менѣе 200 палокъ. Нужно замѣтить, что такое жестокое наказаніе вызывалось не только дурнымъ поведеніемъ вообще, но иногда самымъ ничтожнымъ проступкомъ по службѣ и даже какимъ нибудь промахомъ во время фронтового ученія [2]).

По возвращеніи войскъ изъ продолжительнаго заграничнаго похода 1813—15 г. такіе порядки начали измѣняться [3]). Командиръ 37 егерскаго полка М. А. Фонъ-Визинъ, извѣстный декабристъ, уже къ 1817 г. совершенно вывелъ изъ употребленія у себя палку. Сдѣлавшій вслѣдъ за тѣмъ командиромъ 38 егерскаго полка, онъ и тамъ рѣшительно запретилъ ее употреблять при ученіяхъ.

[1]) „Рус. Стар," 1901 г., № 12, стр. 480—481. И. И. Тургеневъ разсказываетъ, что Коленкуръ (французскій посланникъ въ Петербургѣ въ 1807—11 г.) увидѣлъ, что во время ученія на Марсовомъ полѣ какого-то гвардейскаго полка наказывали солдатъ палками. Онъ немедленно отправился во дворецъ, разсказалъ объ этомъ Александру I, и тотъ запретилъ палочную расправу во время ученій. *Tourgueneff*, La Russie II, 346.

[2]) Записки Якушкина, 25—26.

[3]) Гр. Витгенштейнъ въ предписаніи, данномъ въ Митавѣ, отъ 14 іюля 1817 г., г. л. Гельфрейху, запрещаетъ наказывать тѣлесно нижнихъ чиновъ за ученіе, „особливо же такимъ жестокимъ образомъ, какимъ оно часто дѣлается. Мнѣніе, будто у нихъ нѣтъ честолюбія и будто бы одни побои на нихъ дѣйствуютъ, есть самое несправедливое и съ истиною не согласное; я самъ командовалъ", говоритъ Витгенштейнъ, „девять лѣтъ полкомъ и знаю, что можно легко довести цѣлый полкъ до того, что онъ превосходнымъ образомъ учиться будетъ, не употребляя сихъ жестокихъ наказаній". Въ предписаніи названы

Во время пребыванія государя въ Москвѣ въ 1817—1818 г.г. первые батальоны гвардейской пѣхоты (въ томъ числѣ и Семеновскаго полка) и первые дивизіоны гвардейской кавалеріи были туда переведены. Въ числѣ другихъ офицеровъ Семеновскаго полка въ Москвѣ находились: князь Щербатовъ, Вадковскій, С. И. Муравьевъ-Апостолъ (всѣ трое ротные командиры), кн. Шаховской и М. И. Муравьевъ-Апостолъ (двое первыхъ не были членами тайнаго общества). Они возмущались злоупотребленіями въ войскахъ и тѣми жестокостями, которыя допускались относительно солдатъ, и рѣшили въ своемъ батальонѣ совершенно уничтожить тѣлесныя наказанія [1]). По возвращеніи изъ Москвы эти офицеры добились того, что примѣненіе палки во всемъ полку было почти совершенно уничтожено; этому содѣйствовалъ полковой командиръ Потемкинъ, тѣмъ охотнѣе, что солдаты вели себя очень хорошо [2]).

Иногда сами солдаты умѣли постоять за себя. Въ апрѣлѣ 1820 г. разыгралась такая исторія въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ. Офицеръ Павловскаго полка отнималъ всѣ деньги у солдатъ, а когда они потребовали ихъ у него, чтобы разговѣться, онъ хотѣлъ ихъ бить, но солдаты не дались и принесли жалобу. Шефу полка былъ сдѣланъ выговоръ, офицеръ переведенъ въ армію, и солдаты не подверглись никакому наказанію, что вызвало большое удивленіе Н. И. Тургенева, который, сообщая объ этомъ происшествіи своему брату Сергѣю, замѣтилъ, что «обыкновенно солдатъ и въ сихъ случаяхъ бьютъ» [3]).

В. Ѳ. Раевскій говоритъ:

„Первое зло, которое вкралось въ русскую армію, есть несоразмѣрно жестокія тѣлесныя наказанія, которыя употребляютъ офицеры, вопреки всѣмъ законамъ, для усовершенствованія солдатъ, и, къ несчастію и стыду, другихъ средствъ большая часть изъ нихъ не постигаетъ... Унтеръ-офицеры, подражая офицерамъ, ефрейторы унтеръ-офицерамъ, считаютъ нѣкотораго рода отличіемъ бить, и несчастный солдатъ, не находя нигдѣ защиты, не смѣя даже жаловаться на инспекторскихъ смотрахъ, впадаетъ въ безчувственное ожесточеніе... Изъ 20 наказанныхъ.. 2 солдата только сознаются, что они наказаны справедливо, другіе всѣ ропщутъ на несправедливость и жестокость...

„Уставомъ воинскимъ Александра именно воспрещается всякое тѣлесное наказаніе рекруту во время ученія Но наши офицеры, большею частью взросшіе въ невѣжествѣ и не получа хорошихъ началъ, презрили

---

3 штабъ-офицера, которые всегда слѣдовали этимъ привиламъ, остальнымъ же приказывалось соблюдать ихъ подъ угрозою неослабленнаго взысканія.

[1]) „Полярная Звѣзда“ кн. III, 302.

[2]) Записки Якушкина 10, 25. „Полярная Звѣзда“, III, 304.

[3]) Въ первой половинѣ 1820-хъ годовъ декабристъ Бѣляевъ слышалъ такую солдатскую сказку: солдатъ продалъ свою душу черту, чтобы онъ выслужилъ за него срокъ; но скоро черту отъ палокъ, розогъ и солдатской службы пришлось такъ жутко, что онъ бросилъ къ ногамъ солдата аммуницію и отказался отъ его души, чтобы только самому освободиться отъ службы.

всѣ уставы и порядокъ, на которомъ основана истинная дисциплина, приступили къ доведенію солдатъ не терпѣніемъ и трудами, но простымъ и легчайшимъ средствомъ—палками; отсюда начались всѣ неустройства, частные безпорядки и безправіе солдатъ...

„Вотъ сравнительная и достовѣрная таблица наказаній, которыя опредѣляетъ воля капитана и сила закона.—По суду.—„За первый побѣгъ рекруту 500 шпицрутеновъ, старому солдату 1000 [1]), за воровство, по волѣ капитана,—50 ударовъ, за ошибку на ученіи—300,... за то, что не привелъ дѣвку—100, за то, что ремень не вычищенъ кавалера,—100 палокъ, за то, что усы не нафабрены, избитъ часовой" [2]).

Жестокими наказаніями солдатъ Раевскій возмущался и въ найденныхъ при его арестѣ письмахъ: «Вахтенъ при смотрѣ разрѣшилъ не только унтеръ-офицерамъ, но и ефрейторамъ бить солдатъ палками до 20 ударовъ». Въ своихъ показаніяхъ во время слѣдствія по дѣлу тайнаго общества Раевскій сообщаетъ еще слѣдующія свѣдѣнія объ истязаніяхъ солдатъ: «дивизіонный начальникъ 17 дивизіи (Желтухинъ), подъѣхавши къ первому баталіону 34-го егерскаго полка, баталіонному командиру сказалъ: «сдери съ солдатъ шкуру отъ затылка до пятокъ, а офицеровъ переверни кверху ногами, не бойся ничего,—я тебя поддержу» [3]). Вотъ законы! И маіоръ Гимбутъ, который уже былъ подъ судомъ за жестокое обхожденіе съ нижними чинами [4]), въ точности исполнилъ приказаніе». Охотскаго пѣх. полка маіоръ Вержейскій одному унтеръ-офицеру «далъ 700 ударовъ палками и тесаками по обнаженному тѣлу, и когда тотъ не кричалъ, велѣлъ принести нѣсколько пригоршней соли и, втеревши ему въ спину, далъ еще 300 ударовъ — всего 1000» [5]). Другому унтеръ-офицеру, имѣющему орденъ, онъ далъ 300

[1]) Законъ 18 окт. 1806 г. по дѣламъ нижнихъ чиновъ не изъ дворянъ о первыхъ побѣгахъ и первыхъ маловажныхъ кражахъ на сумму не болѣе 20 р. (асс.) предписалъ военно-судныхъ коммиссій не наряжать, а установленъ былъ сокращенный порядокъ суда. Обвиняемый допрашивался аудиторомъ (а за неимѣніемъ послѣдняго старшимъ въ полку писаремъ) въ присутствіи штабъ-офицера и двухъ оберъ-офицеровъ. Протоколъ допроса черезъ шефа полка представлялся бригадному командиру, который опредѣляетъ ему наказаніе отъ 500 до 1500 ударовъ и приказываетъ провести его въ исполненіе. П. С. З. т. XXIX, № 22322.

[2]) По слѣдствію, произведенному по приказанію командира 6 корпуса генерала Сабанѣева, въ Екатеринбургскомъ полку 17 див., было найдено, что даже унтеръ-офицеры давали солдатамъ по нѣсколько сотень палокъ. *М. О. Гершензонъ*. „Исторія молодой Россіи". 1908 г., стр. 30.

[3]) По свидѣтельству Липранди, въ дивизіи Желтухина „госпитали были наполнены нижними чинами, надорвавшимися въ упражненіи" въ учебномъ, такъ называемомъ „гусиномъ" шагѣ вслѣдствіе жестокихъ наказаній при этомъ палками. „Рус. Арх." 1886 г. стр. 1431.

[4]) М. Ѳ. Орловъ. командиръ 16 дивизіи, лишилъ Гимбута командованія ротою.

[5]) Липранди подтверждаетъ смачиваніе, по приказанію Вержейскаго, тѣла наказанныхъ розгами или палками, соленою водою; онъ же говоритъ, что ихъ „привязывали на ночь къ поднятымъ оглоблямъ саней какъ бы распятыми".

ударовъ. «Оба унтеръ-офицера были закованы и отосланы въ 33 егерскій полкъ за то, что жаловались генералу Орлову» [1]).

Бывали случаи тѣлеснаго наказанія даже произведенныхъ въ офицеры. Раевскій сообщаетъ, что полковой командиръ Колыванскаго пѣх. полка произведенному изъ фельдфебелей подпоручику Левданскому велѣлъ дать 40 или 50 ударовъ тесакомъ, хотя наказанный имѣлъ Георгіевскій крестъ, и уже состоялся, но только не былъ объявленъ въ полку, приказъ по арміи о производствѣ его въ офицеры [2]).

М. Ѳ. Орловъ, членъ Союза Благоденствія, по принятіи начальства надъ 16 дивизіею, немедленно запретилъ наказаніе на ученіяхъ палками, шомполами и тесаками, и во время 2-хъ-лѣтняго командованія дивизіею строгими мѣрами искоренялъ жестокость въ обращеніи съ солдатами [3]).

Серьезное вниманіе на тяжелое положеніе солдатъ обратили также члены Общества Соединенныхъ Славянъ. Одинъ случай суроваго наказанія нѣсколькихъ солдатъ былъ даже толчкомъ къ развитію революціонныхъ стремленій у основателя этого общества, Борисова 2-го. Когда въ 1819 г. командиръ роты, въ которой онъ служилъ, наказывалъ палками фельдфебеля, фейерверкера и рядового передъ всею ротою, Борисовъ «былъ до того тронутъ, что вышелъ изъ фронта и давалъ самому себѣ клятву уничтожить» такого рода наказаніе, хотя бы это стоило ему жизни. Вообще, по его словамъ, «жестокое обращеніе нѣкоторыхъ командировъ съ имъ подчиненными» внушило ему стремленіе къ преобразованіямъ. Членъ того же общества, Андреевичъ 2-й, и нѣкоторымъ солдатамъ, которыхъ онъ желалъ распропагандировать, говорилъ, что служба чрезвычайно тяжела, что солдатъ тиранятъ, бьютъ палками, «занимаютъ безпрестанно ученіями и пригонкой амуниціи». Членъ того же общества Спиридовъ также возмущался неумѣренными взысканіями и тѣлесными наказаніями, назначаемыми военными начальниками, какой бы малый чинъ они ни имѣли, и указывалъ на то, что такія взысканія вызываютъ ропотъ не только солдатъ, но даже и офицеровъ. Кирѣевъ также упоминаетъ въ своемъ показаніи о негодованіи военныхъ на строгость дисциплины.

Когда В. Ѳ. Раевскаго во время слѣдствія спросили, на чемъ онъ основываетъ свое мнѣніе, что унтеръ-офицеры не должны наказывать

Наказывали неоднократно даже имѣющихъ георгіевскіе кресты. М. Ѳ. Орловъ лишилъ Вержейскаго командованія баталіономъ.

[1]) Жиркевичъ въ своихъ запискахъ говоритъ объ одномъ ротномъ командирѣ, который забилъ до смерти шпицрутенами нѣсколькихъ солдатъ. „Русская Старина“, 1875 г. т. XIII, 573.

[2]) Гос. Арх. I В. № 149, л. 23—24.

[3]) *Герштенкорнъ*, „Ист. молод. Рос.“, 30—33. Приказъ Орлова 29 марта 1821 г. въ бумагахъ И. Ѳ. Дубровина, возвращ. изъ Арх. Главн. Штаба № 71, л. 45.

солдатъ, Раевскій сослался на то, что «въ приказахъ ген. Сабанѣева было сказано: «Что девять убить, а десятаго довести—принадлежитъ другому вѣку» (т. е. это уже устарѣлое правило), «что жестокое обращеніе съ нижними чинами происходитъ отъ незнанія обязанностей и употребленія во зло власти». Отъ дивизіоннаго же командира (М. Ѳ. Орлова) было подтверждено удерживаться отъ жестокихъ побоевъ, а съ виновными поступать по закону. «Хотя въ сихъ приказахъ и не сказано именно о воспрещеніи унтеръ-офицерамъ бить палками и тесаками (кромѣ повелѣнія главнокомандующаго [1]), но если власть офицеровъ ограничивалась, то унтеръ-офицеровъ и подавно, ибо никакимъ закономъ и постановленіемъ и нигдѣ не опредѣлено право унтеръ-офицеровъ наказывать нижнихъ чиновъ палками...» Въ упомянутомъ приказѣ, отданномъ генераломъ Сабанѣевымъ по корпусу 21-го сентября 1821 г., между прочимъ сказано: жестокость съ нижними чинами есть мѣра власти, законами возбраняемая, и она есть или злоупотребленіе власти, или ослабленіе законовъ. Образованіе нижнихъ чиновъ не должно и не можетъ быть поводомъ къ разрушенію драгоцѣннаго для отечества ихъ здоровья. Сперва сберечь, а потомъ выучить—вотъ правило, не измѣняемое ни въ какомъ случаѣ, девять убить, десятаго выучить—принадлежитъ временамъ иного вѣка» [2]). Однако, тотъ же Раевскій указывалъ на то, что такіе начальники, какъ Ротъ, Желтухинъ «и десятки другихъ забивали солдатъ подъ палками» [3]); впослѣдствіи Сабанѣевъ отмѣнилъ гуманные приказы М. Ѳ. Орлова и, по словамъ Раевскаго, «возобновилъ жестокости и побои».

Что суровая муштровка [4]) и жестокія наказанія совершенно отравляли жизнь солдатъ, это признавали и нѣкоторые высшіе начальники. Даже вел. кн. Константинъ Павловичъ писалъ въ началѣ 1817 г. Сипягину: «я такихъ теперь мыслей о гвардіи, что ее столько у васъ учатъ и даже за 10 дней приготовляютъ приказами, какъ проходить колоннами, что если гвардіи стать на руки ногами вверхъ, а головою внизъ и маршировать, такъ промаршируютъ, и немудрено: какъ не научиться всему.—Есть у васъ въ числѣ главнокомандующихъ танцмейстеры,

---

[1]) Въ отношеніи главнокомандующаго кн. Витгенштейна къ корпуснымъ командирамъ, 27-го ноября 1820 г., между прочимъ, было сказано: „Офицерамъ, не имѣющимъ отдѣльныхъ командъ, и вообще унтеръ-офицерамъ произвольно и безъ вѣдома ротныхъ своихъ командировъ не дозволять тѣлесно наказывать солдатъ". Бумаги Дубровина, возвращ. изъ Арх. Главн. Штаба, № 71, 1821 г., л. 61. (Рукоп. Отд. Библ. Акад. Наукъ).

[2]) Арх. Глав. Военносудн. Управл., св. 183, № 42, 1827 г., т. III.

[3]) „Рус. Стар." 1902 № 3, стр. 601.

[4]) Франц. посланникъ въ 1817 г. доносилъ, что въ одномъ изъ полковъ солдатамъ приходилось лѣтомъ спать не болѣе 3-хъ часовъ въ сутки. „Сб. Имп. Ист. Общ." т. 119, стр. 291.

фехтмейстеры» [1]). Сабанѣевъ въ письмѣ Киселеву отъ 7-го декабря 1820 г. говоритъ: «Нигдѣ не слышно другого звука, кромѣ ружейныхъ пріемовъ и командныхъ словъ, нигдѣ другого разговора, кромѣ крагъ, ремней и вообще солдатскаго туалета и учебнаго шага. Бывало вездѣ пѣсни, вездѣ веселье, теперь нигдѣ его не услышишь, вездѣ цыцъ-гаузы, и цѣлая армія состоитъ изъ учебныхъ командъ. Чему же учатъ?—Учебному шагу, стойкѣ и проч. Не совѣстно ли старика, котораго ноги исходили десятки тысячъ верстъ, котораго тѣло покрыто ранами, учить наравнѣ съ рекрутомъ, который, конечно, въ короткое время сдѣлается его учителемъ». Въ письмѣ отъ 11 дек. 1820 г. изъ Тирасполя Сабанѣевъ говоритъ, что на смотрахъ государь «видитъ одну только наружность», а потому «и всѣ прочіе-ни о чемъ другомъ не думаютъ, какъ только о наружности. У всякаго въ головѣ смотръ и его принадлежности, какъ, напримѣръ, учебный шагъ, хорошая стойка, быстрые взоры.., параллелизмъ шереногъ, выгнутый носокъ, неподвижность плечъ, широкіе ремни, равенство солдатскаго туалета. Всѣ сіи ничтожные для истинной цѣли службы предметы столько всѣхъ заняли и озаботили, что нѣтъ минуты заняться полезнѣйшими. Одинъ учебный шагъ и переправка амуниціи задушили всѣхъ отъ начальника до послѣдняго нижняго чина... Какое мученіе несчастному солдату, и все для того только, чтобы изготовить его къ смотру... Вотъ къ чему устремлены всѣ способности, всѣ заботы начальниковъ. Гдѣ же тутъ польза? Гдѣ наши обязанности? Кто смѣетъ говорить о томъ государю» [2]). До какой виртуозности доходила муштровка видно изъ того, что опредѣлено было далѣе количество шаговъ солдатъ въ минуту. Въ 1803 г. Александръ I приказалъ, чтобы во всей арміи «дѣлали шаги въ аршинъ, тихимъ шагомъ по 75 шаговъ въ минуту, а скорымъ той же мѣры по 120, «и отнюдь отъ оной мѣры и кадансу ни въ какомъ случаѣ не отходить». По волнскому уставу 1811 г. количество шаговъ при скоромъ шагѣ понижено до 110 въ минуту, по уставу 1816 г. походная колонна на хорошей дорогѣ должна была дѣлать 85—90 шаговъ, а въ случаѣ нужды до 100 шаговъ [3]). Въ предписаніи главнокомандующаго первою арміею бар. Сакена отъ 2 января 1821 г. было приказано «во всѣхъ движеніяхъ и церемоніальномъ маршѣ

[1]) „Рус. Старина“, 1900 г., №4, стр. 112.

[2]) Бумаги гр. П. Д. Киселева въ рук. отд. Акад. Наукъ. Генералъ Сабанѣевъ имѣлъ университетское образованіе: онъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ 1791 г. „Русскій Біограф. Словарь“, изд. Имп. Истор. Общества. Даже Закревскій писалъ Киселеву 30 марта 1820 г.: „Полагаю, что гвардія съ сего времени будетъ во всѣхъ отношеніяхъ упадать, кромѣ ногъ, на кои особенное вниманіе обращаютъ“.

[3]) Столѣтіе воен. министерства. Главный Штабъ. *Типогр.* Образованіе (обученіе) войскъ“. Спб., 1803 стр. 185, 225, 235. По приказу 8 дек. 1816 г. при тихомъ маршѣ 72—75 шаговъ, при скоромъ 107—110. Статья *М. К. Соколовскаго* „Рус. Арх.“ 1906 г. № 12, стр. 551.

скорымъ шагомъ дѣлать непремѣнно не менѣе 105 и не болѣе 110 шаговъ въ минуту» [1]).

Декабристы обратили вниманіе и на плохое продовольствіе солдатъ [2]). С. И. Муравьевъ-Апостолъ, въ письмѣ къ Николаю I, называетъ однимъ изъ источниковъ недовольства арміи существующій способъ продовольствія, не только лишающій солдата «остатковъ, которые должны ему принадлежать», но подвергающій его «множеству ежедневныхъ мученій» и иногда даже заставляющій нуждаться въ хлѣбѣ [3]). В. Ѳ. Раевскій сообщаетъ въ своемъ «Оправданіи» слѣдующій случай злоупотребленія относительно продовольствія солдатъ: «33-го Егерскаго полка поручикъ Коломейцовъ арестованъ былъ именно за то, что не хотѣлъ принять гнилой муки изъ тираспольскаго магазейна для батальона. «Я тебя продержу подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока ты не поѣшь всѣ эти 25 четвертей»,—сказалъ ему, сажая подъ арестъ, генер. Желтухинъ... Солдаты при тягости карауловъ должны были ѣсть нѣсколько мѣсяцевъ хлѣбъ, котораго не смѣлъ бы дать приказчикъ домашнимъ животнымъ у богатаго помѣщика» [4]). М. И. Муравьевъ-Апостолъ говоритъ въ своемъ показаніи: «большая часть полковыхъ командировъ пѣхотныхъ полковъ, какъ, напримѣръ, Гебель, пользуются незаконнымъ образомъ солдатскимъ провіантомъ, что заставляетъ ихъ входить въ постыдные торги съ ротными командирами. Ротные командиры, желая имѣть также какую-нибудь выгоду, угождаютъ жителямъ, которые кормятъ солдатъ, и даютъ имъ квитанціи. Это заставляетъ ихъ быть несправедливыми, когда бываютъ жалобы».

---

[1]) Бумаги Дубровина, № 71, л. 37.

[2]) Г. А. I. В. № 395, л. 125; Рус. Ар. 1875 г. III, 437. Сабанѣевъ писалъ Киселеву въ 1821 г., что отпущенная солдатамъ мука „не чисто ржаная, не высѣянная, съ пескомъ". Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ, что такого хлѣба „собака ѣсть не будетъ". Бумаги П. Ѳ. Дубровина, возвр. изъ Арх. Глав. Штаба, № 71, л. 22—23.

[3]) Указная суточная дача муки соотвѣтствовала 3 фунтамъ печенаго хлѣба. Приварочное въ началѣ XIX в. выдавалось деньгами въ такомъ размѣрѣ: на мясо 72 к. и на соль 24 к. *въ годъ* на человѣка, но и эти деньги были включены въ окладъ жалованья солдатъ. Въ 1816 г. велѣно было въ гвардіи отпускать мясо по 1 ф. въ недѣлю на человѣка, кромѣ трехъ постовъ, а въ 1817 г. гвардейскому учебному батальону по 2 ф. Въ 1816—21 гг. мясное довольствіе было распространено на нѣкоторыя части войскъ, находившіяся въ исключительной служебной или мѣстной обстановкѣ; вся же масса арміи продолжала довольствоваться приваркомъ на счетъ своихъ артельныхъ средствъ или отъ обывателей. *Шилеховъ*. „Главное интендантское управленіе", стр. 87, 472—473, 497. Ср. „Сб. мат. изв. изъ Арх. Соб. Е. В. Канц." IV, 121—9, 133, 163, V, 134—5. На плохое питаніе солдатъ указываетъ въ своихъ донесеніяхъ и французскій посланникъ. „Сбор. Имп. Ист. Общ.", т. 119, стр. 65.

[4]) Гос. Арх. I. В. № 149, л. 21. Срав. свидѣтельство П. Д. Киселева въ статьѣ *Ф. А. Львова* „Дореформенная армія". „Вѣстн. Всем. Исторіи", 1901, № 11, стр. 107—109, ср. 124—125.

Одежда солдатъ, какъ указываетъ Н. И. Тургеневъ, была болѣе пригодна для парадовъ, чѣмъ для походовъ; она недостаточно защищала ихъ и отъ холода. Доктора при Александрѣ I нашли, что одною изъ причинъ болѣзней солдатъ было сильное стягиваніе ихъ таліи, чтобы они казались тоньше [1]). Въ Екатеринбургскомъ полку, 17-й дивизіи, во время ученія солдаты падали «отъ сильной затяжки на груди ранцевыхъ ремней» [2]).

Что жалованье солдатъ недостаточно, это признавало само высшее начальство, какъ, напримѣръ, Васильчиковъ въ письмѣ къ Волконскому въ 1821 г. [3]). Гвардейскимъ нижнимъ чинамъ въ 1802—1809 г.г. было назначено слѣдующее годовое жалованье: унтеръ-офицерамъ отъ 57 до 61 р. (въ Кавалергардскомъ полку—81 р.), рядовымъ отъ 13 до 22 р., кромѣ того именинныхъ денегъ по 3 р. на человѣка въ годъ; а кавалергарды на младшемъ окладѣ получали—25 р., на старшемъ окладѣ—60 р. [4]). Въ арміи жалованье было еще менѣе, чѣмъ въ гвардіи, и рядовые въ пѣхотныхъ полкахъ получали 9 р. 50 к. въ годъ [5]).

Положеніе солдатъ крайне ухудшалось тѣмъ, что хотя по закону они и могли заявлять жалобы на инспекторскихъ смотрахъ [6]), но они рѣдко рѣшались на это. По словамъ Раевскаго, «тѣхъ, кои дерзаютъ приносить жалобы, или обвиняютъ въ возмущеніи и наказываютъ, или, если капитанъ виноватъ, оставляютъ безъ всякаго вниманія, и горе тому солдату, который жаловался и остался въ томъ же полку. Производства слѣдственныхъ дѣлъ часто вѣряются тѣмъ людямъ, кои для собственной защиты обвиняютъ подчиненнаго; правое же рѣшеніе считаютъ за вражду или незаконное пристрастіе. Наши офицеры отъ чистаго сердца вѣрить не могутъ еще, чтобы солдатъ могъ быть когда-нибудь правъ... Претензіи уничтожаются, и солдатъ подъ мстительными ударами узнаетъ, какъ опасно искать справедливости» [7]).

Несмотря на суровость военныхъ законовъ, на основаніи которыхъ офицеры и солдаты подвергались по приговору суда жестокимъ наказа-

[1]) La Russie I, 25, II, 301.

[2]) *Герцензонъ*, „Ист. молод. Россіи", 29—30.

[3]) „Рус. Арх." 1875, II, 458.

[4]) Полн. Соб Зак. т. 43. ч. II, стр. 134—136, 158—9. Изъ этихъ ничтожныхъ окладовъ умудрялись еще дѣлать вычеты; такъ солдаты, размѣщенные въ 1820 г. въ финляндскихъ казармахъ, говорили, что при выдачѣ третного жалованья у нихъ удерживали по 10 к. на бумагу и *розги*! Военноучен. Архивъ, Отд. I, № 531б, л. 1.

[5]) Фельдфебели получали 38 р. въ годъ. II. С. З. т. XLIII. ч. II, книга штатовъ военныхъ, стр. 278—281.

[6]) По свидѣтельству Киселева, инспекторскіе смотры были лишь одною формальностью. *Заблоцкій-Десятовскій* „Гр. Киселевъ и его время", I, 210.

[7]) Арх. Глав. Военносудн. Упр. дѣло 2 Отд. Аудит. 1827 г., лит. В № 42, т. 7.

ніямъ, дѣла иной разъ велись съ большою небрежностью. Тургеневъ разсказываетъ, какъ онъ былъ возмущенъ, услышавъ отъ одного знакомаго офицера, члена коммиссіи военнаго суда, что обыкновенно они не ходятъ на засѣданія; аудиторъ разсматриваетъ дѣло, составляетъ приговоръ и разсылаетъ членамъ суда для подписи [1]). В. Раевскій сообщаетъ, какъ дѣло о побѣгѣ солдата производилъ не аудиторъ, а писарь, который и послалъ составленный имъ приговоръ для подписи членамъ коммиссіи на ихъ квартиры. Обстоятельство это открылось только потому, что бригадный командиръ обратилъ вниманіе на неодинаковость чернилъ, которыми были сдѣланы подписи. Оказалось, что ни одинъ членъ не былъ въ коммиссіи, что подсудимый не видѣлъ ни одного изъ нихъ. Раевскій утверждаетъ, «что таковымъ образомъ во всѣхъ полкахъ производятся судныя дѣла надъ нижними чинами». Когда однажды дѣло о побѣгѣ многихъ солдатъ поручено было разслѣдовать Раевскому, и онъ открылъ истинныя его причины, то «навлекъ на себя не только жалобы виновныхъ ротныхъ командировъ, но негодованіе самаго начальства. Дѣло велѣно было переслѣдовать, и новая коммиссія никого не нашла виновнымъ». По мнѣнію Раевскаго, такое состояніе военнаго судопроизводства было одною изъ главныхъ причинъ побѣговъ солдатъ [2]).

Образовательный цензъ аудиторовъ русской арміи былъ чрезвычайно низокъ. Въ 1817 г. было принято предложеніе гр. Аракчеева и кн. Волконскаго о подготовкѣ аудиторовъ изъ кантонистовъ при ордонансъ-гаузахъ и аудиторіатскомъ департаментѣ, чтобы замѣстить болѣе 200 аудиторскихъ вакансій, временно занятыхъ фельдфебелями, унтеръ-офицерами и писарями, которые исправляли должности аудиторовъ въ полкахъ, не имѣя никакой образовательной подготовки. Военное начальство обязано было, по положенію 1817 г., выбрать 100 кантонистовъ для практической выучки, въ теченіе 6 лѣтъ, въ аудиторскомъ департаментѣ и ордонансъ-гаузахъ, а въ ожиданіи, пока они будутъ обучены, главнокомандующіе арміями и командиры отдѣльныхъ корпусовъ, «по заведенному порядку», должны были представлять, на открывающіяся въ полкахъ вакансіи аудиторовъ «изъ вахмистровъ, фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и писарей», по выслугѣ въ унтеръ-офицерскомъ званіи 8, а въ писаряхъ 12 лѣтъ [3]).

Великимъ зломъ была и крайняя устарѣлость законовъ о наказаніяхъ воинскихъ чиновъ [4]).

[1]) La Russie II, 350—1.
[2]) Гос. Арх. I, В. № 149, л. 21—22.
[3]) П. С. З. т. XXXIV, № 26.167.
[4]) Воинскій артикулъ Петра В. (1716 г.) былъ, лишь съ нѣкоторыми смягченіями, дѣйствующимъ закономъ относительно мирнаго времени до

Небрежное отношеніе офицеровъ къ военно судными дѣламъ отчасти объясняется ихъ невѣжествомъ. По словамъ Раевскаго, «участь солдатъ всегда почти ввѣряется жалкимъ офицерамъ, изъ которыхъ большая часть едва читать умѣетъ, съ испорченною нравственностью, безъ правилъ и ума». Якубовичъ также говоритъ, что «офицеры большею частью безъ образованія», при ничтожномъ жалованьи «угнетены бѣдностью, которая составляетъ «лучшій проводникъ къ порокамъ»: они «развращаются, уничтожаютъ въ себѣ природныя способности и дѣлаются тиранами солдатъ». «Офицеры пустѣютъ и низятся день ото дня», писалъ А. Бестужевъ въ 1824 г. Я. И. Толстому [1]). Одичанію офицеровъ должно было содѣйствовать и грубое обращеніе съ ними полковыхъ командировъ.

Большимъ подспорьемъ для улучшенія быта нижнихъ чиновъ было разрѣшеніе ходить на вольныя работы. Еще въ царствованіе императора Павла иногда дозволялось солдатамъ пользоваться такъ называемыми «высочайше узаконенными выгодами»; но это бывало рѣдко. Съ 1805 г. право заниматься вольными работами было утверждено закономъ. Ежегодно для нихъ предоставлялись мѣсяца полтора или два послѣ смотра, который государь производилъ въ концѣ іюня. Наиболѣе бѣдныхъ солдатъ увольняли на работы и въ другое время; это называлось тогда «дать поправиться», на вопросъ начальника, гдѣ такой то, въ этомъ случаѣ отвѣчали: «поправляется». Во время каникулъ, каждый уходилъ туда, гдѣ пріискивалъ себѣ работу. Но въ 1806 г. было приказано увольнять не иначе, какъ артелями при унтеръ-офицерѣ. Передъ кампаніей 1812 г. предписано было увольнять на работу во всякое свободное время, и для этого разрѣшалось давать каждому батальону два-три свободныхъ дня въ недѣлю. По возвращеніи изъ-за границы артельныя суммы оказались весьма малыми, вслѣдствіе чего было признано необходимымъ при увольненіи на работы часть заработка удерживать въ пользу артели. Во время полныхъ отдыховъ солдатамъ разрѣшалось брать работы гуртовыя; кромѣ того каждый изъ нихъ въ свободные отъ службы дни съ разрѣшенія ротнаго командира могъ искать себѣ одиночной работы, но только въ чертѣ города [2]).

Но «вольныя» работы приходилось исполнять иногда и по принужденію, и тяжесть военной службы солдатъ чрезвычайно увеличива-

---

изданія военно-уголовнаго устава 1839 г., а для военнаго времени до полевого уложенія 1812 г. „Столѣтіе военнаго министерства. Главное военно-судное управленіе. Истор. очеркъ, составл. А. Шендзиковскимъ". Спб., 1902 г., стр. 45.

[1]) „Рус. Стар.". 1889 г. № 11, стр. 377.

[2]) *Дирин*, „Исторія л.-гв. Семеновскаго полка" II, 31, 90 Въ началѣ 1818 г. командиръ Семеновскаго полка Потемкинъ велѣлъ расчистить огородныя мѣста и предоставить ихъ въ пользу солдатъ, вслѣдствіе чего каждая рота выручала отъ 500 до 550 рублей.

лась тѣмъ, что ихъ совершенно незаконно, вопреки именнымъ указамъ государя [1]), заставляли исполнять постороннія работы,—косить сѣно, производить постройки и проч. По словамъ В. Раевскаго, «часть людей на капитанской работѣ, другая работаетъ полковому и батальонному командирамъ, а самая меньшая исполняетъ обязанности службы, которая для малаго числа становится отяготительною и изнуряетъ ихъ и служитъ второй пружиной безпорядковъ и тайнаго ропота солдатъ. Мастеровые въ полкахъ суть какъ бы подданные полкового командира: они не только употреблены для собственной, до службы не касающейся, работы полковника, но часто отдаются помѣщикамъ и жидамъ по договору... У слабыхъ командировъ адъютанты, квартермистры или казначеи присваиваютъ себѣ совершенное право распоряжаться мастеровыми, какъ своею собственностью» [2]).

Одною изъ самыхъ тяжелыхъ сторонъ солдатской службы была ея крайняя продолжительность — 25-ти-лѣтній срокъ безпорочной службы, кромѣ взятыхъ въ солдаты однодворцевъ, малороссійскихъ казаковъ, войсковыхъ обывателей Слободской Украйны и Новороссіи, военныхъ поселянъ и дѣтей пахотныхъ солдатъ, которые получали отставку чрезъ 15 лѣтъ; штрафные солдаты должны были служить безсрочно [3]). Въ 1811 г., согласно съ желаніемъ императора, комитетъ, состоящій изъ предсѣдателей государственнаго совѣта и его департаментовъ, одобрилъ предложеніе Мордвинова уменьшить срокъ службы для солдатъ до 12 лѣтъ, но это осталось неосуществленнымъ въ виду угрожающей войны. Въ 1818 г. срокъ службы былъ уменьшенъ для нижнихъ чиновъ гвардіи до 22 лѣтъ [4]).

При чрезмѣрной продолжительности службы, которая давала возможность солдату возвращаться на родину уже весьма немолодымъ и при томъ измученнымъ всею тяжестью военной муштровки, сплошь и рядомъ совершенно потерявъ здоровье, большимъ облегченіемъ для солдата было введеніе отпусковъ. По заключеніи перваго парижскаго мира и возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, разрѣшено было изъ каждаго баталіона увольнять въ отпускъ по сту человѣкъ [5]). Но и отпуски солдатъ иногда умѣли обращать имъ во вредъ. Декабристъ А. В. Поджіо, въ одномъ изъ показаній на слѣдствіи, говоритъ: «Сколько армія многочисленностью своею обременяла Россію, усматривали изъ мѣръ пра-

[1]) П. С. З. т. XXXIV, № 26.732.

[2]) Жиркевичъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что одинъ командиръ роты, стоявшей постоемъ близъ г. Орла, отправлялъ солдатъ для работъ въ свое имѣніе въ Малороссіи, верстъ за двѣсти. „Рус. Стар." 1875 г. т. XIII, стр. 573. Срав. „Сборн. Ист Мат., извл. изъ Арх. соб. Е. В. канц." VI, 79—81.

[3]) П. С. З. XXIII, № 17.149, п. 6, 17.402, XXVII, № 20.254.

[4]) П. С. З. XXXV, № 27513, ср. XXXVII, № 28514.

[5]) *Дирин*ъ „Ист. Семен. полка", II, 30.

вительства—распускать третью часть войска по отпускамъ... Я самъ былъ очевидцемъ того, что *насильно солдатъ отправляли въ отпускъ* для составленія числа отпускаемыхъ, ибо часто сей солдатъ, не имѣя пристанища», начиналъ просить подаянія. Можно было встрѣтить солдатъ въ мундирѣ и съ медалями на груди, просящихъ милостыню [1]).

Всѣ указанныя отрицательныя черты военнаго строя естественно вызывали сильное недовольство солдатъ, которые, по словамъ Раевскаго, видѣли въ начальникахъ тирановъ, боялись ихъ и ненавидѣли. Переводъ въ армію болѣе развитыхъ и болѣе сознательныхъ солдатъ Семеновскаго полка послѣ ихъ волненія въ 1820 г. могъ только содѣйствовать усиленію недовольства въ арміи, на что и указываетъ Бестужевъ-Рюминъ въ своихъ показаніяхъ. «Давно уже въ арміяхъ,—говоритъ Якубовичъ,—замѣчена нелюбовь солдата къ офицеру». По свидѣтельству Каховскаго, членамъ тайнаго общества было извѣстно недовольство солдатъ, которые говорили, что измученные «вытяжкою и ученіями, выходятъ изъ терпѣнія». По словамъ Каховскаго въ письмѣ къ Николаю I, занятіе нашихъ государей фронтовыми ученіями «въ глазахъ всего народа уже сдѣлалось ненавистно... Войска чрезмѣрно тяготятся имъ и ужасно ропщутъ. При ученіи солдатъ иногда вырываются такія изреченія, которыя, распространяясь по государству, вооружаютъ сердца и умножаютъ ропотъ». А. Бестужевъ въ письмѣ къ имп. Николаю говоритъ: «солдаты роптали на истому учеными, чисткою, караулами, офицеры на скудость жалованія и непомѣрную строгость, матросы на черную работу, удвоенную злоупотребленіями. Якубовичъ указалъ на то, что въ армейскихъ офицерахъ большое неудовольствіе вызывали тѣ преимущества по службѣ, которыми пользовались гвардейцы.

С. И. Муравьевъ-Апостолъ въ письмѣ къ имп. Николаю указывалъ на то, что, кромѣ плохого продовольствія солдатъ, другою главною причиною недовольства въ войскахъ и склонности къ волненіямъ являются «штрафованные, которые служатъ безъ всякой надежды» на измѣненіе своего положенія: «имъ нечего терять», и потому они «склонны къ перемѣнамъ». М. И. Муравьевъ-Апостолъ въ одномъ изъ своихъ показаній выразилъ мнѣніе, что армія готова волноваться, потому что «вообще настоящая дисциплина потеряна, дисциплина, основанная на душевномъ уваженіи къ начальникамъ», и, какъ и его братъ, указалъ

[1]) 2 апрѣля 1823 г. данъ былъ именной указъ „о увольненіи нижнихъ чиновъ въ отпуски въ теченіе года на 6 мѣсяцевъ, по предположенію главнокомандующаго I арміею, не относя сего увольненія на гвардію и корпуса кавказскій и литовскій и поселенныхъ войскъ" и „о распространеніи сихъ же отпусковъ въ корпусахъ оренбургскомъ и сибирскомъ на 6 мѣсяцевъ". П. С. З. т. XXXVIII, № 29.398, п. 7 и 8. Увольняемыхъ въ отпускъ велѣно было снабжать солдатскою одеждою. П. С. З. т. XXXIX, № 30.049.

на большое число разжалованныхъ офицеровъ и штрафованныхъ солдатъ, при чемъ послѣдніе уже не могутъ надѣяться когда-нибудь получить отставку.

В. Раевскій совершенно правильно заявилъ во время слѣдствія надъ нимъ, что «несчастный солдатъ, не находя нигдѣ защиты, не смѣя даже жаловаться на инспекторскихъ смотрахъ», рѣшается на побѣгъ. Какъ часты были эти побѣги, видно изъ слѣдующихъ фактовъ, приводимыхъ Раевскимъ въ его «Оправданіи». Въ Екатеринбургскомъ полку бѣжало въ одинъ мѣс. 140 чел., въ 31-мъ егерскомъ—33 въ одинъ день, «и причинъ не раскрыто. Ихъ разстрѣливали, но побѣги не уменьшались, только сдѣлались искуснѣе. Мѣсяца 3—4 назадъ въ 34-мъ Егерскомъ полку, кажется, изъ одной роты бѣжало въ одинъ мѣс. 45 чел.» Раевскій указываетъ на то, что на правомъ берегу Дуная есть нѣсколько селеній, ежедневно увеличивающихся вслѣдствіе побѣговъ нашихъ солдатъ; М. О. Орловъ также свидѣтельствуетъ, что начальство съ цѣлью прекратить побѣги ввело смертную казнь въ мирное время [1]).

Протестуя бѣгствомъ изъ полковъ противъ своего печальнаго положенія, солдаты рѣдко рѣшались на прямое сопротивленіе тѣмъ насиліямъ, которымъ они подвергались [2]). Вотъ что разсказываетъ Киселевъ въ письмѣ къ Закревскому (24 января 1822 г.): «При смѣнѣ полковниковъ начались разсчеты, и тутъ оказались злоупотребленія. Полковые, какъ и ротные командиры, повидимому, желали» покрыть растраченныя деньги изъ собственности солдата. «Всѣ, вѣроятно успѣли, но одинъ Камчатскаго полка капитанъ вздумалъ, вмѣсто изворотливости, употребить палки» и вооружилъ противъ себя роту. «Отказалъ деньги, отказалъ провіантъ, и, наконецъ, когда глупый и корыстолюбивый начальникъ вздумалъ за то наказывать каптенармуса, то рота просила помилованія, а трое солдатъ, не видя успѣха въ просьбахъ, отняли палки у унтеръ-офицеровъ, вѣроятно, на то согласныхъ, и доказали, что командиръ потерявшій нравственную силу противъ подчиненныхъ вовсе остается безсиленъ» [3]). Это событіе послужило поводомъ для обвиненія Орлова въ томъ, что онъ ослабилъ дисциплину, и въ апрѣлѣ 1823 г. онъ былъ лишенъ командованія дивизіею. В. Раевскій писалъ по этому по-

[1]) Приказы М. О. Орлова 3 авг. 1820 г. и янв. 1822 г. см. въ книгѣ *Германна*. „Исторія молодой Россіи", 30—33. Многіе солдаты въ пограничныхъ мѣстахъ бѣжали въ Австрію и поступали въ тамошнія войска. См. свидѣтельство Киселева въ статьѣ *Ф. А. Львова* въ „Вѣстн. Всем. Истор." 1901 г. № 11, стр. 98.

[2]) Французскій посланникъ сообщаетъ въ своемъ донесеніи о неудовольствіи солдатъ за то, что имъ не даютъ отдохнуть отъ ученій даже и на пасхальной недѣлѣ. „Сб. Имп. Ист. Общ." т. 119, стр. 207.

[3]) „Сбор. Ист. Общ.", т. 78, стр. 87—8, 92. Нѣсколько иначе разсказываетъ объ этомъ дѣлѣ Липранди. „Рус. Арх." 1866 г. стр. 1438—1441.

году: Сабанѣевъ «пріѣхалъ сюда, и вдругъ всѣ учрежденія Орлова насчетъ побоевъ солдатъ и Охотскаго полка перевернулъ вверхъ дномъ!.. Не знаю..., какимъ образомъ всѣ дѣла Орлова представлены ему были совершенно въ противномъ видѣ: онъ даже сначала началъ дѣйствовать какъ противу *возмутителей*, онъ подозрѣвалъ Орлова какъ будто въ революціонныхъ замыслахъ, велѣлъ въ нѣкоторыхъ полкахъ всѣ его приказы сжечь, уничтожить и возобновить жестокость и побои» [1]).

Во время лагеря при Лещинѣ (15 верстъ отъ Житомира) въ 1825 г. взбунтовалась одна рота Саратовскаго полка. По желанію С. И. Муравьева-Апостола, ее успокоили, но члены южнаго тайнаго общества разсчитывали на нее. Былъ еще бунтъ въ одномъ эскадронѣ кирасирскаго полка, стоявшемъ въ Орлѣ; Пестель поручилъ А. В. Поджіо разузнать о немъ. По словамъ В. Раевскаго, «ни одинъ безпорядокъ въ арміи не возникъ собственно отъ солдатъ»; поводомъ къ нимъ были жестокость, корыстолюбіе и неразуміе начальниковъ [2]).

Бывали случаи, что и офицеры рѣшались на открытый протестъ. Въ 1815 г. семь артиллерійскихъ офицеровъ за дерзость ненавидимому офицерами и солдатами полковнику Таубе были переведены изъ Петербурга въ армію [3]). Декабристъ Басаргинъ разсказываетъ о слѣдующемъ происшествіи въ 1823 г. въ Одесскомъ пѣх. полку. Командиромъ его былъ назначенъ подполковникъ Ярошевицкій, человѣкъ грубый, необразованный и злой. Его дерзкое, неприличное обращеніе съ офицерами было причиною, что его ненавидѣли въ полку всѣ, начиная отъ штабъ-офицеровъ и до послѣдняго солдата. Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія и будучи не въ состояніи сносить его дерзостей, рѣшились отъ него избавиться. Офицеры бросили жребій, который палъ на одного штабсъ-капитана. На другой день, на дивизіонномъ смотру, онъ избилъ Ярошевицкаго и за это былъ разжалованъ и сосланъ на каторжную работу въ Сибирь [4]).

Одною изъ очень тяжелыхъ сторонъ жизни солдата было то, что сыновья ихъ, родившіеся во время службы отцовъ, отбирались отъ родителей и помѣщались въ военно-сиротскія отдѣленія (школы такъ называемыхъ кантонистовъ) и затѣмъ должны были поступать въ военную службу [5]).

---

[1]) Ср. *Гершензонъ*, 35—37. Закревскій писалъ Киселеву 27 февраля 1822 г. по поводу происшествія въ Камчатскомъ полку: „Давать солдату чувствовать, что не можетъ его наказывать унтеръ-офицеръ и фельдфебель, это значитъ внушать солдату нашему имъ не слушать". „Сбор. Имп. Ист. Общ." т. 78, стр. 259.

[2]) О волненіи въ гвардейскомъ Семеновскомъ полку въ 1820 г. см. ниже.

[3]) Записки Якушкина, 5 Французскій посланникъ сообщилъ въ 1817 г. о самоубійствѣ полковника гвард. артиллеріи вслѣдствіе полученнаго имъ выговора. „Сбор. Ист. Общ", т. 119, стр. 207.

[4]) „Девятнадцатый Вѣкъ", изд. Бартенева, I, 76.

[5]) Тургеневъ указываетъ на то, что даже незаконные сыновья солдатокъ, отбирались для опредѣленія въ кантонисты. La Russie, II, 306. Это правило рас-

На этомъ варварскомъ законѣ подробно остановился Пестель въ своей «Русской Правдѣ». Упомянувъ о томъ, что дѣти солдатъ насильно отбирались отъ родителей по достиженіи 7-ми-лѣтняго возраста и помѣщались въ военно-сиротское отдѣленіе [1]), Пестель продолжаетъ: «Сіе право разлучать дѣтей отъ родителей, навѣки ихъ другъ отъ друга отдѣлять и всѣхъ дѣтей сихъ въ войско помѣщать на 25 лѣтнее служеніе, начиная сей счетъ съ 18-го года рожденія каждаго [2]), основывало... правительство на томъ, что оно выдаетъ родителямъ на каждаго кантониста половинный паекъ [3]), пока онъ при родителяхъ находится, полагая, что симъ количествомъ муки оно у отца и матери откупаетъ всякое право на сына и на сего послѣдняго неизбѣжную налагаетъ кабалу. Таковое распоряженіе доказываетъ ясно, что прежнее правительство смотрѣло на россіянъ, какъ на собственность свою, считало только ихъ количество и взирало только на пользу, которую отъ ихъ силъ и трудовъ для себя извлечь могло. Въ сихъ соображеніяхъ болѣе всего содѣйствовало дворянство, радующееся, что дѣти солдатъ поступаютъ въ войско, дабы тѣмъ въ наборахъ рѣже или менѣе было надобности, и черезъ то бы оно болѣе сохраняло крѣпостныхъ людей въ своей власти для своихъ работъ и своего употребленія. Все сіе доказываетъ, что россіяне были доныне несчастными жертвами злоначалія прежняго правительства и безжалостной, безразсудной, безсовѣстной корысти дворянскаго сословія» [4]).

пространялось по закону 1808 г. и на сыновей, прижитыхъ солдатскими вдовами и „дѣвками", и дочерьми этихъ „дѣвокъ" до вступленія ихъ въ законный бракъ. П. С. З. т. XXX, № 23.237), а по закону 1816 г. на незаконнорожденныхъ сыновей, прижитыхъ солдатскими женами и дочерьми (XXXIII, № 26 376).

[1]) По первоначальному положенію 1.98 г. о военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ, дѣти всѣхъ солдатъ, рожденныя въ службѣ, подлежали пріему съ 7-милѣтняго возраста, но родственникамъ разрѣшалось брать ихъ на собственное воспитаніе до 18-ти лѣтняго возраста, съ обязательствомъ обучать ихъ тому же, чему они учатся и въ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ. Въ 1803 г. разрѣшено было родителямъ или родственникамъ оставлять у себя дѣтей только до 12-ти лѣтъ. Въ 1816 г. велѣно было оставлять дѣтей дома только до 7 лѣтъ, а затѣмъ опредѣлять ихъ въ военно-сиротскія отдѣленія. Вскорѣ послѣ того, какъ эти заведенія были подчинены гр. Аракчееву въ 1824 г., онъ предписалъ требовать кантонистовъ въ отдѣленія „не прежде 10-тилѣтняго возраста". П. С. З. т. XXV, № 18.793, XXX, № 23.237, XXXIII, № 26.376, XXXIX, № 29.872.

[2]) Въ 1801 г. службу солдатскихъ дѣтей велѣно было считать съ 18-тилѣтняго возраста П. С. З. т. XXVI, № 20.003.

[3]) Солдатскія дѣти довольствовались половиннымъ пайкомъ до 6-тилѣтняго возраста (включительно), П. С. З. т. XXX, № 23,199, а затѣмъ съ 7 до 10 лѣтъ полнымъ пайкомъ. П. С. З XXXIX, № 29 872.

[4]) Въ сочиненіи декабриста Трубецкого, написанномъ въ 1855 г., подъ заглавіемъ „Мысли объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи", указано на то, что батальоны военныхъ кантонистовъ приносятъ большой вредъ государству. Они, во-первыхъ, содѣйствуютъ уменьшенію народонаселенія. „Оторванные отъ своихъ матерей, отъ мѣстъ жительства и отъ производительнаго труда, эти преждевременные сироты умираютъ въ огромномъ количествѣ по недостатку

Въ 1822 г. военныхъ кантонистовъ было въ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ—65.143 ч. и въ войскахъ—22.388, итого 87.521 чел. Послѣ передачи военныхъ кантонистовъ въ вѣдѣніе гр. Аракчеева, число ихъ быстро возрастаетъ, такъ какъ кантонистами стали считаться и дѣти мужского пола коренныхъ жителей округовъ военныхъ поселеній. Въ 1825 г. военныхъ кантонистовъ считалось уже всего 154.062 чел. [1]).

V. [2])

Въ исторіи освободительнаго движенія въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка огромную роль сыграло пребываніе русскихъ войскъ за границей послѣ изгнанія Наполеона изъ предѣловъ Россіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ декабристы въ своихъ воспоминаніяхъ и показаніяхъ во время слѣдствія, а также и другіе современники. Развитіе политическаго міросозерцанія очень многихъ членовъ тайнаго общества начинается, какъ мы увидимъ ниже, именно со времени этого пребыванія за границей.

Очень важно, что защита Россіи отъ полчищъ Наполеона, а затѣмъ еще болѣе пребываніе русскихъ войскъ за границей имѣло благо-

---

надлежащаго надзора. Сверхъ того кантонистъ, рабъ казны, работаетъ на нее безвозмездно или только съ малымъ возмездіемъ и тѣмъ ставится во вредное соперничество съ истинно производительнымъ и промышленнымъ классомъ народа, закрывая для него множество мелкихъ должностей, работъ и службъ: двоякій ущербъ народному хозяйству". „Записки кн. С. П. Трубецкого. Изданіе его дочерей". С.-Пет., 1907 г. стр. 168–169. Въ первый разъ это произведеніе было напечатано въ изданіи Герцена „Голоса изъ Россіи" 1856 г. кн. I (съ большими измѣненіями въ слогѣ). Объ ужасной жизни кантонистовъ см. въ воспоминаніяхъ Кретчмера въ „Истор. Вѣстн." 1888 г. №№ 3–5 и въ запискахъ генерала Маевскаго въ „Рус. Стар." 1873 г. № 10, стр 441. По словамъ неизвѣстнаго автора стихотворенія „Гласъ вопіющаго въ военныхъ поселеніяхъ", „мрутъ, какъ мухи, кантонисты, воздухъ, вишь, такой!" „Рус. Стар." 1872 г. т. VI, 592. Въ 1824 г. въ пермскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіи кантонисты особенно страдали отъ воспаленія глазъ и чесотки, въ симбирскомъ также отъ чесотки; въ кіевскомъ же, вслѣдствіе сырости помѣщенія, было въ госпиталѣ 435 воспитанниковъ. „Столѣтіе военнаго министерства. Главный штабъ. *Щепетильниковъ*. Комплектованіе войскъ въ царствованіе императора Александра I-го", Прилож. стр. 68–69.

[1]) Ib. стр. 205, 207.

[2]) Очеркъ о волненіи въ Семеновскомъ полку въ 1820 г. составленъ на основаніи какъ печатныхъ, такъ и неизданныхъ источниковъ: многіе документы заимствованы мною изъ бумагъ покойнаго академика П. Ѳ. Дубровина, хранящихся въ I отд. библіотеки Академіи Наукъ. Высоч. утвержденный докладъ 29 Августа 1821 г. объ этомъ волненіи съ обширными приложеніями см. въ Главномъ Военно-Судномъ Управленіи въ коллекціи всеподданнѣйшихъ докладовъ. Здѣсь я говорю только о самомъ волненіи Семеновскаго полка; о событіяхъ же, съ нимъ связанныхъ,—прокламаціяхъ, появившихся послѣ волненія, арестѣ В. П. Каразина и проч. см. мою статью въ „Быломъ" 1907 г. №№ 2 и 6. Надѣюсь со временемъ издать этотъ очеркъ отдѣльно со всѣми указаніями на источники.

творное вліяніе и на солдатъ. По словамъ Якушкина, «война 1812 г. пробудила народъ русскій къ жизни... Даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ». П. Тургеневъ обращаетъ вниманіе на то, что за границей побывали не только регулярныя войска, но и большія массы милиціи: «эти милиціонеры всѣхъ ранговъ, возвратившись домой къ своимъ очагамъ, разсказывали то, что они видѣли въ Европѣ... Это была настоящая пропаганда». По словамъ барона Розена, «и часть солдатъ заразилась французскимъ ядомъ и желала для себя такого же обхожденія, къ какому она привыкла во Франціи». Завалишинъ говоритъ: «войска наши прошли до Парижа, и не только образованное офицерство, но и простые солдаты не могли уже избѣгнуть вліянія тѣхъ новыхъ условій, въ которыхъ находились они въ теченіе войны 1813, 1814 и 1815 гг., равно какъ и во время долгаго» (до 1818 г.) «пребыванія нашего войска во Франціи». Гречъ въ своихъ запискахъ сравниваетъ вліяніе Франціи на нашихъ военныхъ съ вліяніемъ Сѣверной Америки на французскихъ генераловъ и офицеровъ въ послѣдней четверти XVIII вѣка. «Не только офицеры, но и нижніе чины гвардіи набрались заморскаго духа»; они видѣли, что иностранныя войска «пользуются большими льготами, большимъ уваженіемъ»; это не могло не возбудить ихъ соревнованія. Гречъ въ 1816 г. присутствовалъ на обѣдѣ, даномъ одною масонскою ложею гвардейскимъ фельдфебелямъ и унтеръ-офицерамъ. Они держали себя съ чувствомъ собственнаго достоинства, нѣкоторые вставляли въ свою рѣчь французскія фразы.

Что на солдатъ, побывавшихъ за границей, пребываніе тамъ имѣло сильное развивающее вліяніе, видно и изъ бесѣды министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея съ извѣстнымъ писателемъ В. Н. Каразинымъ 27 октября 1820 г., т. е. черезъ 10 дней послѣ исторіи въ Семеновскомъ полку, о которой мы будемъ говорить ниже. Каразинъ докладывалъ министру: «Солдаты, возвратившіеся изъ заграницы, а наипаче служившіе въ корпусѣ, во Франціи находившемся, возвратились съ мыслями совсѣмъ новыми и распространяли оныя при переходѣ своемъ или на мѣстахъ, гдѣ они квартируютъ... Люди начали больше разсуждать. Судятъ, что трудно служить, что большія взысканія, что они мало получаютъ жалованья, что наказываютъ ихъ строго и проч.» На вопросъ Кочубея, могутъ ли быть между солдатами такіе, которые рѣшились бы взять на себя обязанности начальниковъ при какомъ либо возмущеніи, Каразинъ отвѣчалъ: «Кто знаетъ! Между солдатами есть люди весьма умные, знающіе грамотѣ. Много есть солдатъ изъ бойкихъ семинаристовъ, за дурное поведеніе въ военную службу отданныхъ. Есть... и изъ дворовыхъ весьма острые и свѣдущіе люди: есть

управители, стряпчіе и прочіе изъ господскихъ людей, которые за дурное поведеніе или за злоупотребленіе отданы въ рекруты. Они такъ, какъ и всѣ, читаютъ журналы и газеты. Справьтесь, сколько нынѣ расходится экземпляровъ Инвалида и другихъ журналовъ въ сравненіи прошедшаго времени. Притомъ печатаютъ въ журналахъ иногда разныя вещи весьма неосмотрительно». [1])

Наиболѣе передовымъ изъ гвардейскихъ полковъ былъ Семеновскій, любимый полкъ государя. Онъ состоялъ изъ офицеровъ большею частью образованныхъ, исполненныхъ самыхъ благородныхъ стремленій. Заграничный походъ сблизилъ ихъ съ солдатами.

Въ 1815 г. въ Семеновскомъ полку устроилась артель: человѣкъ 15—20 офицеровъ завели обѣды въ складчину; впрочемъ обѣдали не одни члены артели, а и всѣ тѣ, которымъ по обязанностямъ службы приходилось цѣлые дни проводить въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе громко читали иностранныя газеты. Командиръ Семеновскаго полка, ген. Потемкинъ, человѣкъ весьма добрый, покровительствовалъ офицерской артели; однако, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ имп. Александръ приказалъ уничтожить ее, сказавъ, что «такого рода сборища офицеровъ ему очень не нравятся». Преслѣдованіе невинной, гласной артели могло быть однимъ изъ поводовъ къ устройству тайнаго общества, хотя, конечно, были болѣе серьезныя причины его учрежденія. Не далѣе, какъ въ слѣдующемъ 1816 г. былъ основанъ въ Петербургѣ «Союзъ Спасенія» или «истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», при чемъ изъ шести его основателей 4 (кн. С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкинъ, С. П. и М. И. Муравьевы-Апостолы) были офицерами Семеновскаго полка. Изъ числа вскорѣ присоединившихся членовъ кн. О. П. Шаховскій, сдѣланный секретаремъ Союза, былъ также семеновецъ.

По мѣрѣ того какъ государь все болѣе проникался реакціонными стремленіями, усиливалась его требовательность относительно фронтовой муштровки солдатъ [2]). Видя, что и въ военную среду начинаютъ проникать либеральныя идеи, онъ рѣшилъ, что называется, подтянуть войска. 30 марта 1820 года А. А. Закревскій писалъ Киселеву: «Признаться тебѣ долженъ, что не понимаю нынѣшняго назначенія полковыхъ командировъ... въ гвардіи. Я говорилъ о семъ Васильчикову, и

---

[1]) Гос. Арх. I В. № 12, л. 83. срав. Записки Завалишина I, 188.

[2]) Вотъ напр. что собственноручно написалъ имп. Александръ I въ приказѣ по поводу смотра гвардіи 16 мая 1819 г.: „Семеновскій полкъ прошелъ со взводными дистанціями не чисто, у многихъ взводовъ лѣвые фланги были назади, надлежащей тишины въ шеренгахъ не было много колѣнъ было согнутыхъ, ногу подымали не ровно, носки были не вытянуты, нѣкоторыя дистанціи между взводовъ были великія“... Статья *М. К. Соколовскаго* въ „Рус. Арх.“ 1906 г. № 12, стр. 551.

онъ мнѣ ничего не могъ отвѣчать, кромѣ—что государю угодно. Ни въ чье командованіе корпусомъ гвардейскимъ не назначали такихъ командировъ, какъ теперь. Я думаю, что никогда не должно было такъ заниматься, какъ теперь, гвардіей и имѣть хорошихъ начальниковъ, къ которымъ бы имѣли уваженіе. Война,—и гвардія наша будетъ пренесчастная». Это понималъ даже Закревскій, самъ вовсе не бывшій свѣтлой головой, знаменитый впослѣдствіи при Николаѣ своимъ реакціоннымъ направленіемъ московскій генералъ-губернаторъ.

Одинъ изъ полковыхъ командировъ, о которомъ неодобрительно отзывался Закревскій въ письмѣ къ Киселеву, былъ полковникъ Шварцъ, человѣкъ совершенно необразованный (собственноручныя письма Шварца поражаютъ своею безграмотностью); онъ замѣнилъ въ Семеновскомъ полку Потемкина и былъ окончательно назначенъ 11-го апрѣля 1820 г. Назначеніе его приписывали Аракчееву, который говаривалъ: «надо выбить дурь изъ головы этихъ молодчиковъ»[1]). Говорятъ, что когда былъ назначенъ командиромъ первой гвардейской бригады в. кн. Михаилъ Павловичъ, Аракчеевъ однажды воспользовался его неудовольствіемъ противъ семеновскихъ офицеровъ, чтобы убѣдить въ необходимости, въ видахъ исправленія полка, назначить его командиромъ полковника Шварца.

Черезъ двѣ недѣли по принятіи полка, въ приказѣ 1-го мая 1820 года, Шварцъ объявилъ, что въ немъ дурно все, а между тѣмъ въ тотъ же день командиръ бригады, в. кн. Михаилъ Павловичъ, далъ самый лестный отзывъ о полку по поводу майскаго парада. Случалось, впрочемъ, что и самъ Шварцъ, довольный ученіемъ, говорилъ: «я недостоинъ командовать Семеновскимъ полкомъ; полкъ отличный, мнѣ нечего исправлять въ немъ». Тѣмъ не менѣе, Шварцъ круто измѣнилъ прежніе порядки: ни одинъ солдатъ не слыхалъ отъ него привѣтливаго слова. Офицеры также имѣли полное основаніе быть имъ недовольными. Приказанія и распоряженія онъ дѣлалъ чрезъ фельдфебелей, которыхъ созывалъ къ себѣ по нѣскольку разъ въ день, а иногда даже черезъ нихъ передавалъ замѣчанія ротнымъ командирамъ. Это заставило послѣднихъ приказать своимъ фельдфебелямъ давать знать каждый разъ, когда ихъ потребуютъ къ полковнику, и ротные командиры стали являться къ нему вмѣстѣ съ фельдфебелями, но это не нравилось Шварцу. Отстранивъ ротныхъ командировъ, Шварцъ такимъ образомъ уменьшилъ ихъ вліяніе и, стремясь къ усиленію дисциплины, въ сущности ослабилъ ее, какъ это обнаружилось во время волненій.

Кромѣ общихъ и одиночныхъ фрунтовыхъ ученій, полковой коман-

---

[1]) Въ 1809—1815 гг. Шварцъ служилъ въ Гренадерскомъ, имени графа Аракчеева, полку.

диръ производилъ еще смотры по десяткамъ. Приказомъ 20-го мая Шварцъ предписалъ представлять ему ежедневно въ 12 ч. на смотръ по десяти человѣкъ въ полной амуниціи, а позднѣе осенью приводили къ нему и по два, и по четыре десятка. Кромѣ фрунтовой выправки усиленное вниманіе Шварца было обращено на чистоту одежды, и въ этомъ отношеніи его требовательность превосходила всякую мѣру. Людей, замѣченныхъ въ малѣйшей неисправности, въ тотъ же или слѣдующій день приводили на вторичный смотръ. Смотры эти требовали подготовленія еще наканунѣ; производились они утромъ и, вернувшись съ нихъ, солдаты отправлялись еще на ротныя ученія. Шварцъ утверждалъ впослѣдствіи, будто бы онъ не зналъ этого, и полагалъ, что бывшіе на смотру увольнялись отъ ученій. Но это оправданіе ложно, такъ какъ баталіонные командиры, для облегченія нижнихъ чиновъ, нѣсколько разъ просили его объ отмѣнѣ десяточнаго смотра, на что Шварцъ иногда соглашался.

Тяжесть фрунтовыхъ и другихъ ученій увеличивалась неудобной формой. «Сжатый и стянутый тѣснымъ мундиромъ, узкими панталонами и крагами изъ твердой, какъ дерево, кожи, по бокамъ которыхъ былъ цѣлый рядъ пуговицъ, застегивавшихся не иначе, какъ съ помощью желѣзнаго крючка, съ высокимъ киверомъ, державшимся на головѣ только посредствомъ чешуйчатыхъ ремней, туго затянутыхъ подъ подбородкомъ,—бѣдный солдатъ былъ стѣсненъ въ движеніяхъ и часто задыхался отъ крѣпко натянутыхъ на груди ранцевыхъ ремней, туго перехватывавшихъ скатанную и перекинутую черезъ плечо шинель. Легко себѣ представить», какъ при такихъ условіяхъ «были мучительны продолжительныя ученія, во время которыхъ Шварцъ не любилъ давать отдыха и часто заставлялъ три часа сряду маршировать тихимъ шагомъ весь батальонъ или какой-нибудь взводъ, не угодившій ему». Мундъ, разсказывающій это, назначенъ былъ ординарцемъ къ Михаилу Павловичу: «цѣлыхъ двѣ недѣли», говоритъ онъ, «я долженъ былъ каждый день подходить къ Шварцу, и онъ только тогда послалъ меня на ординарцы, когда я успѣлъ добиться того, что могъ подойти, не разливъ полнаго стакана воды, поставленнаго мнѣ на киверъ».

Вскорѣ послѣ вступленія въ командованіе полкомъ (въ приказѣ 18-го мая) Шварцъ предписалъ, чтобы нижніе чины не покупали ни на собственный счетъ, ни изъ артельныхъ суммъ амуниціи и одежды, но затѣмъ его требовательность относительно безукоризненной чистоты и исправности повела къ тому, что солдатамъ многія вещи пришлось покупать на собственныя деньги.

Позднѣе, во время допросовъ, солдаты показали, что всѣми своими начальниками довольны, но были отягощены полковымъ командиромъ, не имѣли покоя ни въ будни, ни въ праздники. Утромъ они были на

ученьи, а иногда и послѣ обѣда; остальное время бѣлили и чистили амуницію и одѣвали людей на смотръ къ полковому командиру, такъ какъ ежедневно съ каждой роты по четыре десятка ходили къ нему въ полной амуниціи, отбѣленной начисто, по парадному въ зимнихъ панталонахъ, да еще шеренгами водили къ Шварцу на смотръ.

Одѣваніемъ и чисткой амуниціи занята была не малая часть роты, и если что нибудь на нѣкоторыхъ изъ нихъ полковому командиру не нравилось, то онъ приказывалъ тѣмъ же десяткамъ являться въ другой разъ, вслѣдствіе чего нерѣдко они проводили все остальное время дня и ночи за чисткой и пригонкой амуниціи. Въ воскресные дни тѣмъ ротамъ, которыя были назначены къ церковному параду, полковой командиръ дѣлалъ ученье часа два и болѣе и распускалъ тогда, когда обѣдня приходила къ концу или даже была окончена. Отъ частаго бѣленія зимнія панталоны истерлись и изорвались, «не брали уже въ себя мѣлу», и нельзя было ихъ такъ выбѣлить, какъ требовалъ командиръ, а у кого не такъ были выбѣлены или было что не хорошо, то тѣхъ «страшно иногда наказывалъ». Поэтому многіе принуждены были покупать на свои деньги панталоны, нѣкоторые—краги (накладныя голенища съ пуговицами), передѣлывали на свои деньги кивера. Полковой командиръ далъ новый образецъ, какъ вытягивать кутасы (шнурки съ кистями на киверѣ) и перебирать на «подобіе гребня» [1]); много за этимъ вытягиваніемъ было работы при всякой чисткѣ, а старые кутасы при этомъ рвались и нельзя было ихъ такъ вытягивать и перебирать, поэтому многіе купили на свой счетъ новые. Полковому командиру не понравились купленныя ими рукавицы, и они купили новыя. Данъ былъ образецъ сапогъ двушовныхъ, а казенный товаръ отпускался съ отрѣзными головками, изъ котораго такихъ сапогъ нельзя было сшить,—многіе и сапоги завели на свой счетъ. Купили также новые затяжныя пряжки, по данному образцу, ремни для затягиванія талій и новыя подтяжки: «мы бы и всѣ рады искупить все то,—показывали солдаты,—что желалъ полковой командиръ, чтобы угодить ему, нежели понести такое несчастіе, да денегъ намъ было достать не въ возможности, ибо намъ невозможно было почти никогда ходить на вольную работу. Въ то время, когда въ прочихъ полкахъ ученіе не производилось, а отпускали всѣхъ нижнихъ чиновъ на работу, а въ нашемъ полку все производилось ученіе и смотры, и мы никогда почти не имѣли времени что-нибудь себѣ заработать: на клей, на мѣлъ, на баню, на мыло, ни въ артель на пищу, ни на другія необходимыя издержки».—«Для покупокъ» требуемыхъ по службѣ вещей «нѣкоторые собственныя свои, и

[1]) Ср. „Историч. описаніе одежды и вооруженія росс. войскъ", ч. XIV, Спб. 1901 г., стр. 20, 23, рис. №№ 1905, 1922.

даже рубашки продали». Солдаты, не имѣвшіе усовъ, должны были наклеивать искуственные какимъ-то составомъ, отъ котораго на лицѣ дѣлались болячки и чирьи.

Несмотря на всѣ эти старанія, все-же иной разъ не угождали не только Шварцу, но и бригадному командиру, в. кн. Михаилу Павловичу. Въ приказѣ отъ 7-го сентября 1820 года послѣдній далъ такой выговоръ: «Къ крайнему моему удивленію и неудовольствію я нашолъ сего числа разводъ 1-го баталіона л.-гв. Семеновскаго полка такъ нехорошъ, что я давно подобнаго не видалъ: 1) Во всемъ баталіонѣ примѣтна была большая вялость, шевеленіе подъ ружьемъ, и люди казались всѣ заспанными» (этому удивляться нечего, такъ какъ мы видѣли, что солдатамъ приходилось заниматься по ночамъ чисткой и пригонкой одежды и амуниціи). «2) При прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ необычайная качка въ тѣлѣ и неравенство въ плечахъ. 3) Вообще разводъ былъ дурно и неопрятно одѣтъ, а особливо вторая фузелерная рота, въ которой даже амуниція вовсе не вычищена и панталоны не вымыты, не подтянуты». Командиру этой роты объявленъ былъ строгій выговоръ, и по смѣнѣ съ карауловъ батальонъ велѣно было вывести на ученіе въ «примѣръ прочимъ» [1]).

Солдаты для удовлетворенія требовательности Шварца тратили свои деньги, а между тѣмъ они были стѣснены въ вольныхъ работахъ. 9-го іюля отданъ былъ приказъ по корпусу, чтобы до перваго сентября люди отпускались на вольныя работы въ свободное отъ службы время. Шварцъ позволилъ ротнымъ командирамъ увольнять на эти работы по одному взводу и послѣ перваго сентября, но только на одинъ гуртовыя, а не одиночныя, и при томъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицерами, оставшимся же взводамъ велѣлъ дѣлать одиночныя ученья, при чемъ предупреждалъ, что если при его смотрѣ какая-нибудь рота окажется слабой по фронту, то нижніе чины ея вовсе не будутъ увольняться на вольныя работы [2]).

---

[1]) По даннымъ, заявленнымъ ими во время слѣдствія, солдаты одного 1-го батальона Семеновскаго полка на покупку и поправку мундировъ, панталонъ, полусапожковъ, темляковъ, рукавицъ, кутасовъ, крагъ, чешуй, подтяжекъ, киверовъ, галуновъ, султановъ и пряжекъ истратили 9,977 руб., по признанію же коммиссіи—3,622 рубля. Въ Бессарабіи, въ 17 дивизіи, которою командовалъ Желтухинъ, солдатамъ также приходилось тратить свои деньги на поправку и чистку амуниціи.

[2]) Несмотря на разныя стѣсненія, по вѣдомости, доставленной въ январѣ 1821 г., солдаты Семеновскаго полка выработали въ теченіе лѣта 29,777 р.: изъ нихъ поступило въ артель 24,000 р. и осталось на рукахъ 5,780 руб., въ Измайловскомъ же полку въ это время было выработано 33,258 р. (а въ Егерскомъ—22,302 р.). Шварцъ ссылался потомъ въ свое оправданіе на значительный заработокъ семеновскихъ солдатъ, но въ Измайловскомъ полку было выработано въ то же время на три съ половиной тысячи руб. болѣе. Доходы отъ продажи вина въ полку шли на улучшеніе пищи, и потому они служили къ сбереже-

Кромѣ тяжелыхъ для солдатъ затратъ на улучшеніе обмундированія, которыхъ они вовсе не обязаны были дѣлать, они подвергались еще жестокимъ наказаніямъ. По выпискѣ изъ полковыхъ приказовъ, сдѣланной военнымъ судомъ, съ 1-го мая по 3 октября 1820 г. Шварцемъ было наказано 44 человѣка, которымъ было дано отъ 100 до 500 розогъ, въ томъ числѣ одинъ былъ наказанъ два раза (пятьюстами и тремястами) ударовъ; въ общей сложности дано было 14,250 ударовъ, что составляетъ въ среднемъ по 324 удара при каждомъ наказаніи. Но солдаты во время слѣдствія заявляли, что были наказанія и безъ письменнаго приказа. Нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ, имѣвшихъ знаки отличія военнаго ордена, Шварцъ, вопреки закону, наказывалъ тѣлесно тесаками (плашмя). Онъ на ученьи выходилъ изъ себя, кричалъ, бранился, бросалъ шляпу, топталъ ее ногами, ложился на землю, чтобы видѣть,

нію артельныхъ денегъ. Такъ какъ до назначенія Шварца семеновскіе солдаты отличались зажиточностью (даже во время ареста нѣкоторые изъ нихъ имѣли по 500 руб. и болѣе розданныхъ въ долгъ), то они могли болѣе другихъ тратить деньги на вино. По свидѣтельству декабриста Лорера, хорошо знавшаго Семеновскій полкъ въ 1820 г., во время командованія Потемкина „были заведены кровати у нижнихъ чиновъ, почти каждый изъ нихъ имѣлъ по самовару" — признакъ довольства у солдатъ. Все это очень не нравилось новому полковому командиру, и „нары снова были введены въ полку". „Видя малое приращеніе" (артельныхъ) „суммъ", говоритъ Карцевъ, историкъ Семеновскаго полка, Шварцъ „думалъ поправить это тѣмъ, что приказалъ всѣ рогныя экономическія деньги присоединить къ артельнымъ. Извѣстно, что экономическія деньги, какъ плодъ заботливости и прилежанія нижнихъ чиновъ, занимающихъ хозяйственныя должности, должны быть неотъемлемою собственностью цѣлой роты. Ясно, что нельзя было трогать и части этихъ денегъ, не нарушая упроченнаго временемъ обычая и не возбуждая толковъ". Быть можетъ, этимъ объясняется также значительность суммы (24,000 руб.), поступившей въ артель. Декабристъ Розенъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Семеновскіе солдаты жили гораздо лучше солдатъ другихъ полковъ, потому что большая часть изъ нихъ были отличные башмачники, султанщики, и обогащали казну артельную".

Въ 1818 г. государь приказалъ запретить нижнимъ чинамъ гвардейскаго корпуса ходить въ кабаки, такъ какъ они вслѣдствіе этого попадались на улицѣ въ непристойномъ видѣ, и ихъ забирали въ полицію. Предписано было избрать солдатъ, заслуживающихъ довѣрія товарищей, и выдать имъ билеты на покупку вина и „раздачу" его нижнимъ чинамъ своей роты, а остальнымъ, не имѣющимъ билетовъ, запретить ходить въ питейные дома. Сначала брали вино ведрами, по мѣрѣ надобности, потомъ ротные командиры во многихъ гвардейскихъ полкахъ, во избѣжаніе частыхъ посылокъ, приказали брать его куфами (ушатами, чанами) и выручать деньги продажей вина въ ротахъ. Полиція не смѣла въ это вмѣшиваться, а претензія откупщиковъ была отвергнута. Такимъ образомъ ежемѣсячно получалась значительная прибыль, которая шла на улучшеніе пищи (въ Семеновскомъ полку, какъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ офицеръ этого полка Рачинскій, солдаты имѣли всегда говядину или рыбу, кашу съ масломъ и винную порцію), артельныя же деньги такимъ образомъ значительно сберегались, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Гангебловъ, возможность сообща побесѣдовать за чаркой вина о тяжести службы усиливала сознательное отношеніе солдатъ къ отрицательнымъ сторонамъ ихъ жизни.

хорошо-ли при маршировкѣ вытягиваютъ носки, билъ солдатъ собственноручно, дергалъ ихъ за усы и, по словамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, даже иногда вырывалъ ихъ. По показанію ротнаго командира Левенберга, Шварцъ ударилъ одного рядового такъ, что «онъ изъ передней шеренги очутился въ задней» за то, что тотъ «не весело смотрѣлъ», другого за то, что онъ «дурно держался», ударилъ колѣномъ въ животъ; одинъ рядовой по приказанію Шварца былъ наказанъ въ дворцовомъ манежѣ фухтелями (тесаками плашмя) за то, что кашлялъ во фронтѣ. Князь Мещерскій въ письмѣ къ Киселеву говоритъ: солдаты жаловались, что Шварцъ приказывалъ одному плевать другому въ лицо; одной шеренгѣ другую бить по щекамъ, самъ щупалъ за губы подъ носомъ тѣхъ», у которыхъ «усы, за неимѣніемъ натуральныхъ, не регулярно нарисованы были, разувалъ ноги и голыми ступнями заставлялъ у себя маршировать для выправки носковъ, поправляя ноги шомполомъ, дабы имѣть себѣ новомодную похвалу маршированія,—какая игра въ носкахъ! увязывалъ солдатъ въ ремни для выправки таліи» [1]).

Относительно солдатъ, которыми онъ былъ особенно недоволенъ, Шварцъ дѣлалъ представленіе о переводѣ ихъ въ армію; такихъ во время его семимѣсячнаго командованія полкомъ было выписано 46 человѣкъ, такъ что на это обратилъ вниманіе даже в. к. Михаилъ Павловичъ, когда въ сентябрѣ въ теченіе 17-ти дней было выписано 10 человѣкъ.

Нѣкоторые солдаты пытались на притѣсненія Шварца жаловаться въ ордонансъ-гаузѣ, но трое были имъ за это жестоко наказаны, что подтвердили во время суда и ротные командиры.

Но почему молчали, глядя на эти жестокости, офицеры, среди которыхъ были такіе гуманные люди, какъ С. И. Муравьевъ-Апостолъ, почему они не протестовали такъ или иначе? Оказывается, что въ маѣ 1820 г. грубое обращеніе Шварца передъ фронтомъ съ офицерами привело къ тому, что они собрались на квартирѣ къ полковнику Ифимовичу и просили его объяснить полковому командиру всю неумѣстность его поведенія. При этомъ были всѣ батальонные командиры, которые и рѣшились въ тотъ же вечеръ объясниться съ Шварцемъ, но полковникъ Обресковъ почему-то нашелъ нужнымъ «частнымъ образомъ» сообщить объ этомъ начальнику штаба гвардейскаго корпуса Бенкендорфу, который пригласилъ къ себѣ въ тотъ же вечеръ батальонныхъ командировъ. Одинъ изъ нихъ, полковникъ И. Вадковскій, показалъ во время слѣдствія,

[1]) Лоренъ также свидѣтельствуетъ, что Шварцъ „издѣвался надъ старыми служивыми, рвалъ имъ усы и бакенбарды, плевалъ въ лицо, часто у себя на квартирѣ обучалъ . . . солдатъ, велѣвъ предварительно разуться, чтобы лучше оцѣнить вытягиваніе носка".

что по требованію Бенкендорфа онъ подробно разсказалъ объ обращеніи Шварца съ подчиненными. Бенкендорфъ просилъ Вадковскаго оставить ихъ намѣреніе, увѣряя, что своимъ поступкомъ они могутъ вызвать гнѣвъ государя, а пользы полку не принесутъ, при чемъ «именемъ корпуснаго командира далъ почувствовать» Вадковскому, что если «Семеновскій полкъ для избѣжанія всѣхъ непріятностей рѣшится еще нѣсколько потерпѣть, то въ малое время увидитъ счастливую перемѣну», ибо корпусный командиръ сочтетъ своимъ долгомъ представить государю о грубомъ обращеніи съ подчиненными полкового командира. При этомъ Бенкендорфъ приказалъ ему успокоить офицеровъ своего батальона и позволилъ передать имъ его слова. Такое же внушеніе сдѣлано было и другимъ батальоннымъ командирамъ. Бенкендорфъ въ отпискѣ по поводу этого показанія отрекся отъ того, что указывалъ на возможность гнѣва государя, и заявлялъ, что не могъ ничего обѣщать отъ имени корпуснаго командира, которому тогда не было извѣстно объ этомъ разговорѣ съ батальонными командирами.

Является еще вопросъ, почему солдаты не жаловались на Шварца во время инспекторскихъ смотровъ? Ихъ было за время командованія Шварца два: одинъ былъ произведенъ дивизіоннымъ командиромъ барономъ Розеномъ 5-го іюня, другой корпуснымъ командиромъ Васильчиковымъ 26-го августа. Солдаты второй фузелерной роты Семеновскаго полка на вопросъ, отчего они не жаловались на инспекторскихъ смотрахъ, отвѣчали: «не объявляли о тягостномъ нашемъ положеніи, опасаясь, что не заступятся за насъ, чтобы послѣ не пропасть тому, кто просить будетъ, и когда насъ спрашивали, довольны ли полковымъ командиромъ, мы молчали... Баронъ Розенъ на инспекторскомъ смотру три раза намъ этотъ вопросъ сдѣлалъ,—мы все молчали и смотрѣли другъ на друга и сказать не смѣли. Онъ *пожалъ плечами*» (очевидно ему было извѣстно обращеніе Шварца съ солдатами), «повернулся и прочь пошелъ». По словамъ солдатъ первой фузелерной роты, они «разсуждали, что неужели начальству о положеніи нашемъ неизвѣстно,—вѣдь не съ однимъ человѣкомъ и не одинъ день это дѣлается, мы и думали, что не заступятся за насъ командиры» и «рѣшились потерпѣть, не будетъ ли полегче». Рядовой этой роты, Кузнецовъ, показалъ: «Мы желали объявить начальству о тягостномъ положеніи нашемъ, но никто по одиночкѣ сего сдѣлать не осмѣливался отъ того, что у насъ наказывали по 500 ударовъ при собраніи прочихъ, и въ приказѣ было отдано—«за то, что являлись съ просьбами» (вѣроятно въ ордонансъ-гаузъ). «У насъ много людей изъ полка бѣжало, и мы думали, что начальство замѣтитъ, что у насъ житье худое, ибо у насъ такихъ побѣговъ прежде никогда не было... Мы слыхали..., что когда на инспекторскомъ смотру просьбы объявлялись, то хотя и было по нимъ удовлетвореніе», но тѣмъ, «кото-

рые просьбу объявляли,.. очень худо было..., и потому мы рѣшились потерпѣть до пріѣзда государя».

Бенкендорфъ въ своемъ письмѣ о семеновской исторіи (какъ полагаютъ, къ князю Волконскому) такъ разсказываетъ объ инспекторскомъ смотру, произведенномъ кн. Васильчиковымъ: «Ни одинъ голосъ не возвысился съ жалобой на полковника», лишь въ одной ротѣ 17 человѣкъ заявили, что не получили лѣтнихъ панталонъ (оказалось, что объ этихъ солдатахъ забыли, потому что они были тогда въ больницѣ). «Въ ротѣ Его Величества послѣ того, какъ генералъ опросилъ ее, не имѣетъ ли она какихъ либо жалобъ, онъ сказалъ ей, *что носятся слухи, будто нѣкоторые гренадеры осмѣлились дурно отзываться о своемъ полковникѣ во всеуслышаніе, что онъ этому не хочетъ вѣрить*, и что ихъ поведеніе докажетъ, долженъ ли онъ вѣрить слухамъ, столь противнымъ чести роты Его Величества». Разумѣется, послѣ подобныхъ словъ Васильчикова никто не рѣшился выступить съ жалобой, а между тѣмъ самъ Бенкендорфъ разсказываетъ далѣе, что «всякій, кто привыкъ обращаться съ солдатами, могъ бы замѣтить, что духъ полка не очень то хорошъ: солдаты сдва отвѣчали и не имѣли вида веселаго и полнаго усердія, который мы встрѣтили въ другихъ полкахъ. *Неудовольствіе было извѣстно съ перваго дня командованія Шварца*, но такъ какъ онъ подвергалъ ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ не болѣе другихъ и не удерживалъ ничего изъ слѣдующаго солдатамъ» (Шварцъ былъ дѣйствительно человѣкъ честный), «то не только *не было повода просить объ его удаленіи* (!), но даже нужно было предположить, что мало-по-малу полкъ освоится съ дисциплиной болѣе военной, чѣмъ та, къ которой онъ привыкъ, къ тому же подробности (?) инспекцій повѣрочныхъ и мелочныхъ касаются болѣе дивизіонныхъ командировъ, чѣмъ корпуснаго». Мы видѣли изъ показанія солдатъ, что дивизіонный командиръ, баронъ Розенъ, былъ очень удивленъ, не услышавъ никакой жалобы на Шварца, и держалъ себя такъ, что не зажималъ солдатамъ рта, какъ это сдѣлалъ Васильчиковъ въ гренадерской ротѣ.

Странное поведеніе Васильчикова тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ, и Восйковъ въ письмѣ къ Киселеву говоритъ: «Городъ... терпѣть не можетъ Васильчикова, обвиняя его (по словамъ солдатъ), что инспекторскій смотръ онъ сдѣлалъ въ Семеновскомъ полку... такъ, что съ перваго слова всѣмъ солдатамъ ротъ зажалъ, оказавъ явное потворство Шварцу». Васильчиковъ въ письмѣ къ Волконскому послѣ Семеновской исторіи пытался отрицать то, что утверждали о его неправильномъ поведеніи на смотру; упомянувъ о всеобщемъ раздраженіи противъ него за суровую расправу съ семеновскимъ полкомъ. [1])

[1]) Онъ говоритъ: „Сплетни и крики все увеличивались, дошло даже до

Васильчиковъ умалчиваетъ о словахъ, приведенныхъ Бенкендорфомъ. Можно бы подумать, что послѣдній, враждебно относившійся къ Васильчикову и вѣроятно подкапывавшійся подъ него, сказалъ неправду; но Воейковъ ссылается на разсказъ солдатъ; въ этомъ же духѣ писалъ и С. П. Муравьевъ-Апостолъ своему брату Матвѣю Ивановичу. Въ письмѣ къ государю послѣ семеновской исторіи Васильчиковъ говоритъ: «меня обвиняютъ въ томъ, что я не зналъ о неудовольствіи полка; я зналъ о немъ, но я зналъ также, что оно вызывалось болѣе или менѣе строгими требованіями службы. Не разъ я давалъ наставленія по этому поводу Шварцу, но я былъ убѣжденъ, что не было никакого тиранства и что ихъ не подвергаютъ тѣлесному наказанію. Я видѣлъ, что полкъ этотъ нужно взять въ руки и считалъ своею обязанностью поддержать полковника, такъ какъ всѣ были противъ него съ самой минуты его назначенія».

Даже послѣ семеновской исторіи, когда выяснилось, какъ опасно зажимать ротъ солдатамъ, кн. П. М. Волконскій, 12 января 1821 года, высказалъ такой взглядъ на инспекторскіе смотры въ письмѣ къ Васильчикову: «Я полагаю, что солдаты, которые заявятъ необдуманныя жалобы, должны быть наказаны строго, ежели жалобы ихъ не будутъ законны и справедливы, потому что не слѣдуетъ также позволять солдатамъ дѣлать ложныя донесенія и много разсуждать». Понятно, что если солдату, почему либо не имѣющему возможности доказать справедливости своего заявленія, грозило суровое наказаніе, инспекторскіе смотры превращались въ простую формальность, и нижніе чины, даже въ такой степени истязаемые; какъ семеновцы при Шварцѣ, боялись сказать хоть слово противъ своего начальства. А между тѣмъ тотъ же Волконскій въ письмѣ отъ 4-го ноября 1820 года писалъ: «Зачѣмъ Васильчиковъ, ни Бенкендорфъ во время его отсутствія, знавъ о неистовомъ обхожденіи Шварца, терпѣли оное и не доносили о томъ; неужели думали они, что государь, узнавъ о таковыхъ поступкахъ, оставилъ бы Шварца въ полку; я васъ увѣряю, что въ ту же бы минуту онъ былъ бы преданъ суду, и другой командиръ былъ назначенъ». Но мы увидимъ, какъ отнесся имп. Александръ къ поведенію Шварца относительно солдатъ при рѣшеніи участи полка послѣ суда надъ Шварцемъ

Однако, терпѣнію даже и русскаго солдата бываетъ предѣлъ. Во

того, что распространился слухъ, будто во время инспекторскаго смотра въ августѣ мѣсяцѣ я запретилъ солдатамъ подавать жалобы". Въ другомъ письмѣ къ Волконскому онъ такъ описываетъ свое поведеніе: „26-го августа", говоритъ онъ, „я дѣлалъ инспекторскій смотръ, спрашивалъ у всѣхъ ротъ, довольны ли онѣ и, видя, что первый батальонъ отвѣчаетъ вяло, я настаивалъ, чтобы они мнѣ говорили правду, объявивъ имъ, что я тутъ единственно для того, чтобы принимать ихъ жалобы, что они обязаны сказать мнѣ всю правду. Никто ничего не сказалъ".

время ученія 16-го октября 1820 г., когда вторая фузелерная рота была выведена на мѣсто ученія, но еще не примкнула къ другой и, окончивъ ружейные пріемы, отдыхала, составивъ ружья, ротный командиръ, увидѣвъ подходящаго полкового командира, приказалъ становиться въ ружье. При этомъ рядовой Бойченко, выходившій изъ фронта для исполненія естественной надобности, сталъ во фронтъ, не успѣвши застегнуть мундира. Тогда Шварцъ, подбѣжавъ къ нему, плюнулъ ему въ глаза, потомъ взялъ его за руку и, проводя по фронту, приказалъ рядовымъ передней шеренги плевать на него; сверхъ того наказалъ тесаками нѣкоторыхъ изъ нижнихъ чиновъ, имѣющихъ знаки отличія военнаго ордена, хотя это было запрещено именнымъ указомъ 1808 г. По словамъ Шварца, онъ поступилъ такъ съ Бойченкомъ потому, что «избѣгалъ тѣлесныхъ наказаній» (!): если же наказалъ кого-либо изъ имѣющихъ знакъ отличія военнаго ордена, то потому, что они изъ экономіи не надѣвали на свои старые мундиры орденовъ, а онъ не могъ знать всѣхъ въ лицо [1]). Этотъ случай былъ послѣднею каплей, переполнившею чашу солдатскаго страданія. Впрочемъ въ дѣлѣ есть указанія, что уже за недѣлю или и болѣе до 16-го октября всѣ роты, узнавъ, что государь не скоро пріѣдетъ, соглашались жаловаться на отягощеніе по службѣ и уговаривались, — если въ которой ротѣ станутъ просить объ облегченіи, поддержать ихъ просьбу. Идя съ ученія 16-го октября, рота его величества согласилась заявить жалобу; для этого они рѣшили воспользоваться вечернею перекличкой. Фельдфебель Брагинъ отмѣнилъ ее, но они вышли въ концѣ 9-го часа въ коридоръ и послали просить своего ротнаго командира Кошкарева придти къ нимъ. Найдя всю роту въ сборѣ, капитанъ спросилъ ихъ, почему они самовольно собрались. Солдаты стали просить объ отмѣнѣ десяточнаго смотра, особенно по праздничнымъ днямъ. Кошкаревъ началъ уговаривать ихъ и напоминать о грозящемъ имъ наказаніи за «безразсудный и противозаконный [2]) поступокъ», но такъ какъ рота повторяла свою просьбу, то онъ обѣщалъ довести о ней до свѣдѣнія начальства, послѣ чего его приказаніе разойтись было немедленно исполнено. Когда онъ уходилъ изъ роты, фельдфебель Брагинъ, провожая его, доложилъ, что наиболѣе шумѣли солдаты стрѣлковаго взвода. Кошкаревъ приказалъ по утру доставить ему списокъ зачинщиковъ безпорядка. На слѣдующій день фельдфебель подалъ ему при рапортѣ записку, въ которой были названы фамиліи 12-ти человѣкъ, но Кошкаревъ не представилъ ее батальонному командиру и впослѣдствіи заявилъ, что потерялъ ее. Весьма возможно, что

[1]) Однажды онъ наказалъ 20 фухтелями фельдфебеля, будто бы забывъ, что тотъ имѣетъ орденъ.

[2]) Генералъ-аудиторъ впослѣдствіи указалъ на то, что въ законѣ „нѣтъ запрещенія просить по командѣ".

онъ это сдѣлалъ умышленно, не желая подвергать особенно суровой отвѣтственности нѣсколькихъ человѣкъ за жалобу, которой всѣ сочувствовали и которую онъ самъ не могъ не находить совершенно основательной. За эту доброту онъ дорого поплатился.

Изъ своей роты Кошкаревъ вечеромъ 16-го октября отправился къ батальонному командиру Вадковскому и, не заставъ его дома, оставилъ записку обо всемъ случившемся, полковникъ же Шварцъ, выслушавъ словесное донесеніе Кошкарева, ограничился распоряженіемъ: «наблюдать за порядкомъ и ожидать утромъ дальнѣйшихъ приказаній». Вадковскій, возвратившись домой весьма поздно, не счелъ нужнымъ ѣхать въ казарму, чтобы «не встревожить людей своимъ внезапнымъ пріѣздомъ». Утромъ Шварцъ, принимая десятокъ отъ роты его величества, не далъ замѣтить, что зналъ о происшествіи, случившемся наканунѣ.

На другой день Вадковскій пріѣхалъ въ роту его величества въ седьмомъ часу утра. Въ отвѣтъ на укоризны за ихъ поступокъ, солдаты просили его довести до свѣдѣнія высшаго начальства, что «безпрестанная чистка и бѣленіе амуниціи не только лишаютъ ихъ собственныхъ достатковъ, но часто даже въ воскресные дни не позволяютъ имъ» ходить въ церковь. По приказанію Вадковскаго люди разошлись, а онъ донесъ о случившемся полковому командиру, который сказалъ, что извѣститъ высшее начальство. Вадковскій и другіе считали неправильнымъ, что Шварцъ не отправился самъ въ роту его величества.

Шварцъ приказалъ донести о происшествіи в. к. Михаилу Павловичу и Бенкендорфу. Корпусный командиръ Васильчиковъ былъ нездоровъ и поручилъ на другой день Бенкендорфу произвести разслѣдованіе; великій князь также отправился съ нимъ. По пріѣздѣ въ казармы они приказали построить стрѣлковый взводъ въ верхнемъ, а гренадерскій—въ среднемъ коридорахъ. Но солдаты стали выражать неудовольствіе на это раздѣленіе, и пришлось ихъ свести въ одно мѣсто. Солдаты повторяли то же, что они говорили Кошкареву и Вадковскому и заявили, что Шварцъ ихъ «тиранитъ», что онъ требуетъ много ненужной службы и бьетъ ихъ. Бенкендорфъ потребовалъ, чтобы они къ 7-ми часамъ выдали зачинщиковъ. Вадковскій доложилъ, что три остальныя роты перваго батальона очень неспокойны, и можно опасаться, что они послѣдуютъ примѣру роты его величества. Затѣмъ великій князь и Бенкендорфъ вернулись къ Васильчикову и высказали мнѣніе, что нужно проявить большую строгость, при чемъ Бенкендорфъ совѣтовалъ отправить роту е. в. въ крѣпость, а великій князь предлагалъ десятаго изъ солдатъ наказать розгами и распредѣлить между другими ротами. Въ 3 часа Вадковскій былъ вызванъ къ великому

князю, который спросилъ его, что дѣлается въ полку; тотъ отвѣчалъ, что все спокойно, и просилъ не доводить о происшествіи до свѣдѣнія высшаго начальства, ограничившись домашнимъ наказаніемъ. Великій князь согласился, но съ условіемъ, чтобы рота выразила раскаяніе. Однако, попытки Вадковскаго уговорить ее остались безуспѣшными. Возвратившись къ великому князю, Вадковскій засталъ тамъ Бенкендорфа, который приказалъ ему къ 8 часамъ вечера привести роту въ штабъ гвардейскаго корпуса, прибавивъ, что «корпусный командиръ желаетъ видѣть людей, но, будучи нездоровъ, не можетъ пріѣхать въ полкъ и требуетъ ихъ въ штабъ для допросовъ».

Къ назначенному времени Вадковскій привелъ роту къ штабу, въ сѣняхъ котораго уже сидѣли Васильчиковъ и генералъ Бистромъ. Манежъ былъ отпертъ и освѣщенъ, и Бенкендорфъ приказалъ ввести въ него солдатъ. Тамъ уже была выстроена въ амуниціи и съ ружьями часть Павловскаго полка. Васильчиковъ выразилъ ротѣ порицаніе за ея поведеніе и приказалъ отвести ее въ Петропавловскую крѣпость подъ конвоемъ солдатъ Павловскаго полка. Отпущены были только флейгщики, барабанщики и унтеръ-офицеры. Плацъ-майоръ крѣпости, отводя 167 семеновцевъ въ казематы, приказалъ отрядить къ нимъ конвой, но нѣкоторые семеновцы говорили ему, что они «готовы идти, куда онъ прикажетъ, безъ всякаго сопротивленія, и, что если къ нимъ приставятъ не только караульнаго унтеръ-офицера, но даже и инвалиднаго солдата», то они будутъ во всемъ ему повиноваться и исполнять его приказанія.

Въ тотъ же вечеръ Васильчиковъ вызвалъ къ себѣ Шварца и сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ не сумѣлъ предотвратить поступокъ роты. Шварцъ отвѣчалъ, что совѣсть его совершенно покойна, и что онъ готовъ отвѣчать за свои дѣйствія. Замѣчательно, что даже тогда, когда система управленія полкомъ, введенная Шварцемъ, доказала свою полную непригодность, Васильчиковъ приказалъ ему «не измѣнять ни въ чемъ правилъ прежняго порядка, чтобы не подать нижнимъ чинамъ повода думать, что они своими требованіями могли сдѣлать отмѣну по службѣ по своему желанію».

На другой день отъ Семеновскаго полка долженъ былъ быть караулъ. Вслѣдствіе ареста роты Его Величества пришлось сдѣлать новый нарядъ, а для этого будить фельдфебелей, капральныхъ унтеръ-офицеровъ, правящихъ ефрейторовъ и по пяти человѣкъ рядовыхъ.

Ранѣе полуночи съ 17-го на 18-е октября, рядовой второй роты Павловъ, возвратившись изъ отпуска со двора, сообщилъ своему товарищу Чистякову объ арестѣ роты его величества. Тотъ чрезъ нѣкоторое выбѣжалъ въ коридоръ и закричалъ: «Выходи на перекличку». По мѣрѣ того, какъ всѣ собирались, Павловъ кричалъ: «Нѣтъ государевой

роты! Она погибаетъ!» Извѣщенный объ этомъ ротный командиръ Левенбергъ явился въ роту, засталъ ее выстроившеюся, и на его вопросъ, почему они вышли безъ приказанія, солдаты отвѣчали, что государева рота погибаетъ, а они такъ же виноваты, какъ и она, о чемъ и просятъ доложить начальству. Тутъ Левенберга потребовали къ Шварцу.

Между тѣмъ волненіе началось и въ первой фузелерной ротѣ, которая также заявила своему ротному командиру Тулубьеву, что государева рота погибаетъ и что они хотятъ раздѣлить ея участь. Тулубьевъ приказалъ имъ разойтись, напоминая, что завтра нужно идти въ караулъ; они отвѣчали: «въ караулъ мы пдемъ и никогда отъ службы не прочь; мы желаемъ только знать, гдѣ государева рота». Тулубьевъ послалъ дать знать батальонному командиру Вадковскому. Наконецъ одинъ голосъ скомандовалъ: «направо», и они побѣжали во вторую роту, смѣшались съ нею и бросились въ третью роту, выломали въ ней ворота, оттолкнувъ часового и дневальнаго, и подняли всѣхъ.

Въ это время пріѣхалъ въ третью роту батальонный командиръ Вадковскій и отъ всѣхъ собравшихся тамъ услышалъ, что они не могутъ быть спокойны безъ государевой роты, что къ карауду они будутъ готовы, но не иначе, какъ съ головою, т. е. съ ротой его величества, такъ какъ безъ нея «не къ чему пристраиваться». Солдаты выражали удивленіе, что не показывается ихъ полковой командиръ, желали видѣть его и спрашивали, гдѣ онъ. Вадковскій, приказавъ ждать его въ коридорѣ 3-й роты, отправился къ Шварцу, но не засталъ его дома, а затѣмъ извѣстилъ Венкендорфа.

Послѣ его ухода изъ казармъ въ третью роту прибылъ ея ротный командиръ С. П Муравьевъ-Апостолъ, извѣстный декабристъ, казненный 13-го іюля 1826 года. Онъ сталъ уговаривать свою роту разойтись, напоминая о грозящихъ имъ пагубныхъ послѣдствіяхъ, указалъ и на то, что «если втеченіе четырехлѣтняго начальствованія надъ ротою онъ могъ заслужить ихъ довѣренность и любовь», то они должны подумать что губятъ и его. Рота молчала, но присутствующіе тутъ же солдаты другихъ ротъ кричали: «Не расходись, 3 я рота, да что за 3-я рота— здѣсь нѣтъ 3-ей роты, здѣсь весь батальонъ. Государева рота погибаетъ, а 3-я рота пойдетъ спать и отстанетъ отъ своихъ братьевъ! Мы не разбойничать хотимъ, а хотимъ всѣ вмѣстѣ просить по начальству!» Муравьевъ подошелъ къ лѣвому флангу, гдѣ собралось всего болѣе людей другихъ ротъ, и спросилъ, кто имъ далъ право придти въ его роту; они отвѣчали, что здѣсь ихъ нашелъ полковникъ Вадковскій и приказалъ имъ ждать въ третьей ротѣ своего возвращенія. Въ это время на правомъ флангѣ нѣсколько голосовъ закричало: «направо, пойдемъ во 2-ю гренадерскую роту». Значительная толпа бросилась туда, Муравьевъ

побѣжалъ за ними и успѣлъ вывести большинство не принадлежащихъ къ ротѣ солдатъ. Затѣмъ онъ напомнилъ 3-й ротѣ, что, по ихъ собственнымъ словамъ, они должны ждать полковника Вадковскаго, и приказалъ всѣмъ лечь спать въ коридорѣ; одни исполнили это, другіе стояли маленькими кучками и тихо разговаривали.

Въ четвертомъ часу ночи возвратился изъ маскарада караулъ, наряженный отъ третьей фузелерной роты. Солдаты другихъ ротъ, изъ которыхъ многіе оставались въ 3-й ротѣ, подумали, что идутъ ихъ арестовать. Раздались крики: «если хотятъ хватать, пусть всѣхъ вмѣстѣ схватятъ! одинъ конецъ!» Всѣ бросились на полковой дворъ.

Шварцъ не рѣшился самъ явиться въ полкъ, бродилъ нѣкоторое время вокругъ казармъ и затѣмъ отправился ночевать къ одному знакомому въ Измайловскій полкъ. На судѣ онъ объяснилъ свое поведеніе тѣмъ, что его считали «главною причиною неудовольствія». Если-бы вызвалъ волненіе кто-либо другой, онъ считалъ бы своимъ долгомъ явиться, хотя бы и рискуя жизнью; теперь же его присутствіе не только не могло никого успокоить, а могло бы возбудить сильное ожесточеніе и буйство. Онъ подкрѣпилъ свое мнѣніе заявленіемъ, что къ его квартирѣ подходило десятка два семеновскихъ солдатъ, и одинъ изъ нихъ выбилъ у него стекло. Впослѣдствіи онъ такъ объяснялъ своимъ знакомымъ, почему онъ не вышелъ къ полку: «Какъ полковой командиръ, я кругомъ виноватъ, но какъ человѣкъ, полагаю, что поступилъ правильно. Я зналъ, что меня растерзаютъ и, не желая подвергнуть полкъ неизбѣжной суровой карѣ за мою смерть, предпочелъ нести самъ наказаніе за неисполненіе обязанности полкового командира».

Вадковскому Бенкендорфъ велѣлъ явиться къ Васильчикову, который спросилъ его мнѣнія о томъ, что дѣлать. Вадковскій предложилъ освободить роту его величества (которая уже не одна виновна), такъ какъ это возстановитъ порядокъ, но Васильчиковъ, посовѣтовавшись съ Бенкендорфомъ, отвѣтилъ, что роты ни въ какомъ случаѣ не возвратитъ, и приказалъ Вадковскому объявить солдатамъ, что въ 8 часовъ утра онъ сдѣлаетъ инспекторскій смотръ.

Въ 4 часа ночи Васильчиковъ, не дозволивъ великому князю Михаилу Павловичу ѣхать въ семеновскія казармы, какъ тотъ предлагалъ, отправился къ генералъ-губернатору Милорадовичу, прося его поговорить съ солдатами. Милорадовичъ поѣхалъ, но отдѣльныя группы, къ которымъ онъ подходилъ въ темнотѣ, отвѣчали, снимая фуражки, что они готовы перенести всякія наказанія, но терпѣть притѣсненія Шварца не въ состояніи, построиться же не могутъ потому, что, вслѣдствіе ареста государевой роты, не къ кому пристроиться [1]). Пріѣзжалъ также Бен-

[1]) Милорадовичъ свидѣтельствуетъ, что солдаты говорили съ нимъ безъ шума и съ должнымъ почтеніемъ; среди нихъ были и кантонисты.

кендорфъ, но и его приказанія построиться исполнены не были. Узнавъ по его возвращеніи, что Шварцъ скрылся, Васильчиковъ отрѣшилъ его отъ должности и передалъ командованіе полкомъ генералу Бистрому. Пробовалъ уговорить солдатъ и любимый ими генералъ Потемкинъ, но также безуспѣшно. Тогда Васильчиковъ рѣшился ѣхать самъ, приказавъ Бистрому въ то время, когда онъ будетъ говорить съ солдатами, занять семеновскія казармы егерскимъ полкомъ, а генералу Орлову съ конно-гвардейскимъ полкомъ приблизиться къ площади.

Около шести часовъ утра Васильчиковъ прибылъ на площадь Семеновскаго полка и объявилъ, что велѣлъ арестованную роту предать суду и что безъ разрѣшенія государя не освободитъ ея ни отъ ареста, ни отъ суда, и такъ какъ они всѣ ослушались приказанія начальства, то приказываетъ имъ тотчасъ идти подъ арестъ въ крѣпость. «Гдѣ голова, тамъ и хвостъ», сказали солдаты, и безпрекословно, даже не зайдя въ казармы, отправились туда. Они шли спокойно безъ оружія, въ шинеляхъ. Когда они проходили по Фонтанкѣ мимо дома, гдѣ жилъ А. И. Тургеневъ, то на его вопросъ они отвѣчали, что идутъ подъ арестъ въ крѣпость «за Шварца». «Многіе генералы», говоритъ Н. И. Тургеневъ въ письмѣ къ брату Сергѣю, «смотря на нихъ и сожалѣя о происшествіи, до слезъ были тронуты поведеніемъ солдатъ».

Флигель-адъютантъ Бутурлинъ въ письмѣ къ Волконскому сообщаетъ, что настроеніе пѣхотныхъ полковъ было очень приподнятое, и что за нихъ не рѣшались ручаться сами ихъ командиры. «Преображенцы громко роптали, горько оплакивали судьбу ихъ братьевъ по оружію» и говорили, что гибель семеновцевъ поведетъ къ ихъ собственной гибели. Солдаты московскаго полка, встрѣчавшіе арестованныхъ на пути въ крѣпость, обнимали ихъ со слезами на глазахъ. Лейбъ-гренадеры, стоявшіе на караулѣ въ крѣпости, кричали: «сегодня очередь Шварца, не худо было бы, если бы завтра настала очередь Стюрлера» (ихъ полкового командира). «Даже егеря, наиболѣе надежные изъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ, колебались и выражали полное нежеланіе идти противъ товарищей, и нужна была энергія Бистрома, чтобы побудить ихъ къ тому». Внѣшній видъ города 18 октября былъ также необычный. Во многихъ кварталахъ собирались войска, многочисленные кавалерійскіе патрули разъѣзжали по улицамъ. Колонны безоружныхъ солдатъ съ лицами, у однихъ съ раздраженными, у другихъ смущенными, направлялись къ крѣпости. Группы любопытныхъ или встревоженныхъ людей толпились по близости семеновскихъ казармъ, лавки закрывались ранѣе обыкновеннаго. По словамъ Бутурлина, въ полночь съ 18 на 19, во время бала у англійскаго посланника, нашумѣли подъ окномъ два пьяныхъ кучера это чрезвычайно испугало собравшееся общество.

Въ своемъ дневникѣ Н. И. Тургеневъ такъ описываетъ (18 октября)

настроеніе общества: «въ (государственномъ) совѣтѣ говорили о происшествіи Семеновскаго полка. Всѣ съ негодованіемъ и ужасомъ отзываются о Шварцѣ. Въ (англійскомъ) клобѣ только объ этомъ и говорили. Весь полкъ въ крѣпости... Все это кончится бѣдствіемъ многихъ солдатъ. Солдаты показали необыкновенное благородство во время всего происшествія. Всѣ имъ удивляются, всѣ о нихъ сожалѣютъ. Члены клоба, часто столь пустые, въ семъ смыслѣ изъявляютъ свои мнѣнія. Я не могу безъ душевной горести думать о солдатахъ... Тысячи людей, исполненныхъ благородства, гибнутъ за человѣка, котораго человѣчество отвергаетъ» [1]).

Бенкендорфъ, хотя на немъ лежитъ значительная доля отвѣтственности за все происшедшее, такъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ онъ помѣшалъ семеновскимъ офицерамъ осадить Шварца, былъ недоволенъ немедленнымъ его удаленіемъ [2]). Неудивительно, что такъ разсуждалъ будущій шефъ жандармовъ, не удивительно, что подобные господа ничему не научились и по поводу столь печальнаго событія сводили лишь личные счеты. Напротивъ, императоръ считалъ въ очень многомъ виновнымъ самого Бенкендорфа [3]).

---

[1]) Н. И. Тургеневъ слѣдилъ за ходомъ дѣла и даже въ англійскомъ клубѣ рѣзко высказывалъ свое мнѣніе. 19-го октября онъ, между прочимъ, отмѣчаетъ въ дневникѣ: „Главная ошибка состояла въ томъ, что первую роту посадили въ крѣпость"; сами совѣщавшіеся съ Васильчиковымъ въ главномъ штабѣ генералы, „удивляются геройству солдатъ... Едва ли изъ мухи эти господа не сдѣлали слона! Кто же виноватъ, что они не знали, что дѣлать?.. Трудно увѣрить этихъ людей, что они виноваты".

[2]) Въ „размышленіяхъ" о происшествіи въ Семеновскомъ полку онъ высказываетъ такое соображеніе: „корпусное начальство" (т. е. Васильчиковъ), „который долженъ бы былъ немедленно (даже съ опасностью для своей жизни) возстановить порядокъ и внушить повиновеніе всѣми способами, какіе находятся въ его власти, медлитъ своимъ появленіемъ. Мало того, его первое распоряженіе обнаруживаетъ его безсиліе. Полковникъ Шварцъ, противъ котораго направлено мятежное движеніе, уволенъ отъ должности прежде, нежели было наказано самое важное преступленіе—нарушеніе субординаціи"... (Мы знаемъ, что Шварцъ былъ удаленъ уже послѣ ареста роты его величества, такъ какъ во время волненія полка онъ не оказался на своемъ посту). „Если бы полковникъ Шварцъ и былъ въ чемъ либо виновенъ (!) и если бы высшее начальство по оплошности узнало объ этомъ лишь въ ту минуту, когда вспыхнуло мятежное противъ него движеніе, то не въ эту минуту слѣдовало подвергать его наказанію: прежде всего нужно было наказать за непризнаніе въ его лицѣ авторитета власти... Эта уступчивость имѣла послѣдствія, какихъ слѣдовало ожидать".

[3]) Въ секретныхъ замѣчаніяхъ, сообщенныхъ имъ Васильчикову, онъ спрашивалъ, отчего начальникъ штаба гвардейскаго корпуса „не зналъ въ подробности, что дѣлалось въ Семеновскомъ полку, говоря часто, что, по свѣдѣніямъ его вездѣ тихо и хорошо идетъ? Ежели зналъ, что полковникъ Шварцъ, обходился съ нижними чинами незаконнымъ образомъ и дѣлалъ излишнія, противозаконныя отъ нихъ требованія, особенно на то, чтобы многія вещи покупали на свои деньги, почему тотчасъ не доносилъ о томъ, какъ корпусному

Утромъ 19-го октября заключенныхъ въ крѣпости навѣстилъ Милорадовичъ и обошелся съ ними, по выраженію Воейкова въ письмѣ къ Киселеву, «не какъ съ бунтовщиками» [1]). Такъ какъ они соблюдали полный порядокъ, то сняли часовыхъ у ихъ казематовъ, однако арестованные помѣщались на столько тѣсно, что среди нихъ стали усиливаться заболѣванія, и даже для больныхъ семеновцевъ былъ въ крѣпости устроенъ особый лазаретъ на 25 человѣкъ. А. И. Тургеневъ писалъ 1-го ноября 1820 г. брату Сергѣю: «Батальонъ въ крѣпости, и отъ сырости и дурной пищи безъ кваса, но съ водою, въ которую кладутъ уксусъ, нѣсколько солдатъ уже занемогли, особливо глазами».

Оставивъ въ Петропавловской крѣпости семеновскихъ солдатъ 1 батальона [2]), Васильчиковъ 19-го ноября приказалъ отправить два другихъ батальона въ Свеаборгъ и Кексгольмъ, но ихъ командиры сказались больными. Васильчиковъ пригласилъ Вадковскаго, командовавшаго первымъ батальономъ, и поручилъ ему начальство надъ вторымъ съ тѣмъ, чтобы онъ отвезъ его въ Свеаборгъ. Въ Петербургѣ были приняты чрезвычайныя мѣры предосторожности. Возвращавшійся въ крѣпость Вадковскій, которому дали только одинъ часъ, чтобы попрощаться съ родными, встрѣтилъ гвардейскіе казачій, кавалергардскій и гренадерскій полки, направлявшіеся къ Троицкому мосту. Начальство обнаружило необычайную трусливость предъ горстью безоружныхъ людей, опасаясь взрыва народнаго къ нимъ сочувствія. Боялись, что солдаты откажутся идти безъ роты его величества, и въ крайнемъ случаѣ рѣшились принудить ихъ повиноваться выстрѣлами изъ 6-ти пушекъ, заряженныхъ картечью. Но такой ужасной мѣры не понадобилось [3]).

командиру, такъ и начальнику главнаго штаба?.. Тѣмъ болѣе, что была доставлена записка военнаго генералъ-губернатора о явившемся въ ордонансъ-гаузъ рядовомъ, показывавшемъ, что принуждали его дѣлать разныя вещи на собственныя его деньги, о чемъ приказано было сдѣлать строгое изслѣдованіе. Но и по сіе время никакого еще отвѣта на то не получено. Тѣмъ сожалительнѣе, что если бъ на опое во время было обращено вниманіе, то, можетъ быть, сего приключенія съ полкомъ не случилось".

[1]) Однако, одного рядового, который послѣ словъ Милорадовича, что они будутъ отправлены въ походъ, сказалъ: „пойдемъ, когда отдадутъ намъ первую роту", велѣно было содержать особо, и по суду онъ былъ сурово наказанъ.

[2]) По вѣдомости, подписанной Васильчиковымъ, въ 3-хъ батальонахъ семеновскаго полка числилось: 1 генералъ, 9 штабъ-офицеровъ, 69 оберъ-офицеровъ, 232 унтеръ-офицера, 180 музыкантовъ, 2588 рядовыхъ и 118 нестроевыхъ; въ томъ числѣ въ 1-мъ бат. 1093 нижнихъ чина. Въ Петропавловской крѣпости было арестовано 755 нижнихъ чиновъ перваго батальона и 1 рядовой второго батальона; остальные содержались на охтенскомъ пороховомъ заводѣ.

[3]) Ѳ. Н. Глинка, служившій подъ начальствомъ Милорадовича, говоритъ, что въ теченіе двухъ недѣль послѣ происшествія въ Семеновскомъ полку были приняты „всѣ мѣры" для охраны города: ночью, чрезъ каждые полчаса являлись квартальные, „чрезъ каждый часъ частные пристава привозили доне-

Когда второй батальонъ былъ выстроенъ, Васильчиковъ, Милорадовичъ, Закревскій [1]) и другіе увѣщевали ихъ хорошо вести себя и обѣщали исходатайствовать прощеніе у государя. Тутъ же прочтенъ былъ приказъ объ отставкѣ Шварца, хотя они узнали объ ней еще на плацу семеновскихъ казармъ въ ночь волненія. Вадковскаго осыпали любезностями. Въ 11 часовъ утра 2-ой батальонъ былъ посаженъ на 3 штимбота (парохода); люди были въ ветхихъ шинеляхъ, и половина изъ нихъ, по свидѣтельству Вадковскаго, «почти безъ обуви», а между тѣмъ шелъ дождь и было очень вѣтрено. Въ Кронштадтъ они пріѣхали весьма поздно. Людей обмокшихъ и цѣлый день не ѣвшихъ не пустили въ городъ, а помѣстили на военный корабль «Память Евстафія», который стоялъ на рейдѣ въ самомъ жалкомъ видѣ, безъ окошекъ, безъ рамъ, безъ бортовъ и налитый водою. Здѣсь имъ пришлось прожить шесть дней въ ожиданіи 3-хъ вооруженныхъ фрегатовъ, изъ которыхъ одинъ былъ назначенъ въ этомъ году на сломъ. Въ Кронштадтѣ начальство смотрѣло на солдатъ ввѣреннаго Вадковскому батальона, «какъ на опаснѣйшихъ нарушителей общаго спокойствія», и оказывало его командиру столь мало содѣйствія, что ему съ трудомъ удалось кое-какъ прокормить ихъ.

Наконецъ, 25-го октября подняли якорь и поплыли къ Свеаборгу, несмотря на законъ Петра В., запрещавшій выпускать въ море военные корабли въ такое позднее время (морской министръ далъ знать, что можно еще безопасно доплыть до Свеаборга). Морозъ, вѣтеръ, снѣгъ и дождь преслѣдовали ихъ въ пути. На пятый только день Вадковскій прибылъ къ мѣсту назначенія, но лишь съ двумя ротами, а два другія судна съ двумя ротами (377 нижнихъ чиновъ и 5 оберъ-офицеровъ) отнесло къ Ревелю, такъ что ѣхавшіе на нихъ считали чудомъ свое спасеніе. Въ Ревелѣ они прожили 12 дней, прежде чѣмъ ихъ можно было перевезти въ Свеаборгъ, и они прибыли туда только 8 ноября. Третій батальонъ былъ отправленъ сухимъ путемъ въ Кексгольмъ. Оба батальона были посланы изъ Петербурга безъ ружей и тесаковъ и безъ конвоя. Однако, для наблюденія за третьимъ батальономъ и для учрежденія летучей почты было командировано 60 человѣкъ л.-гв. Казачьяго полка, которые должны были ѣхать въ разстояніи 5—6 верстъ позади семеновцевъ и арестовать отставшихъ. Надъ первымъ батальономъ былъ наряженъ, по распоряженію Васильчикова, военный судъ, подъ

сенія изустныя и письменныя, раза два въ ночь пріѣзжалъ (оберъ-полицеймейстеръ) Горголи, отправляли курьеровъ, безпрестанно разсылали жандармовъ и тревога была страшная".

[1]) Закревскій былъ въ то время дежурнымъ генераломъ, т. е. начальникомъ инспекторскаго департамента военнаго министерства; онъ же управлялъ и военно-судною частью: ему былъ подчиненъ аудиторіатскій департаментъ.

предсѣдательствомъ генерала Левашева, изъ 2-хъ генералъ-майоровъ и 4-хъ полковниковъ гвардейскихъ полковъ [1]).

19-го октября Васильчиковъ отправилъ съ фельдъегеремъ первое донесеніе имп. Александру, въ которомъ въ нѣсколько болѣе мрачномъ свѣтѣ, сравнительно съ дѣйствительностью, представилъ поведеніе солдатъ въ ночь съ 17-го на 18-е октября. Онъ говоритъ, что они «насильно» вламывались въ комнаты нѣкоторыхъ ротъ (это было лишь при входѣ въ третью роту), «отбивали двери и требовали, дабы непремѣнно всѣ безъ изъятія нижніе чины присоединились къ нимъ, и противящихся вытаскивали насильно, угрожая въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія бить». Васильчиковъ нашелъ также, что «офицеры Семеновскаго полка въ семъ случаѣ не оказали той твердости, которая необходима въ подобныхъ обстоятельствахъ. Зачинщики сего дѣла не открыты». Въ своемъ донесеніи командиръ гвардейскаго корпуса рѣшительно утверждалъ, что *«единственной причиной»* происшествія «былъ полковникъ Шварцъ, и что обстоятельство сіе не заключало въ самой сущности никаковой опасности, ниже какой другой причины, кромѣ того, что *нижніе чины выведены были изъ терпѣнія* отъ неблагоразумнаго и неосторожнаго поведенія его, полковника Шварца» [2]). Въ заключеніе онъ говоритъ, что дальнѣйшія подробности будутъ сообщены черезъ нарочно посланнаго его адъютанта, ротмистра гвардейскаго гусарскаго полка Чаадаева, который прежде служилъ въ Семеновскомъ полку.

Первое извѣстіе было получено государемъ 29-го октября. П. Я. Чаадаевъ былъ отправленъ только 21-го октября и пріѣхалъ въ Троппау (въ Силезіи) 30-го. Въ виду того, что государь уже былъ извѣщенъ донесеніемъ Васильчикова отъ 19-го октября, присланнымъ съ фельдъегеремъ, всѣ разсказы о томъ, что по винѣ Чаадаева, имп. Александръ позже Меттерниха узналъ объ этой исторіи, оказываются совершеннымъ вздоромъ (какъ это уже давно замѣтилъ Лонгиновъ въ статьѣ о Чаадаевѣ). Къ тому же въ запискахъ Меттерниха есть прямое извѣстіе, что ему это событіе сдѣлалось извѣстнымъ только 3-го ноября (по старому стилю). «Мы получили сегодня», пишетъ Меттернихъ, «извѣстіе о вспышкѣ

---

[1]) 27-го октября, Н. И. Тургеневъ опять возвращается въ своемъ дневникѣ къ волнующему его событію: „о семеновской исторіи и думать, не только что писать трудно. Вся бѣда произошла отъ глупости. Одни дураки виноваты, у которыхъ сердце на мѣстѣ. Что же тѣ, у которыхъ ни головы, ни души, ни сердца? Солдатъ въ крѣпости содержатъ дурно. Спасибо гр. Милорадовичу, что о нихъ думаетъ. Но есть ли графы Милорадовичи въ Кексгольмѣ и въ Свеаборгѣ, куда отправили другіе два баталіона?"

[2]) Васильчиковъ довольно наивно утверждалъ, что исторія эта будто бы имѣла даже свою полезную сторону: „примѣръ ослушанія Семеновскаго полка имѣлъ болѣе хорошее вліяніе на прочія войска", ибо они въ продолженіе непріятнаго происшествія „оказывали сугубое усердіе къ исполненію своихъ обязанностей по службѣ".

въ семеновскомъ полку... Сегодня ночью прибыло три курьера, одинъ за другимъ. Тотчасъ послѣ этого императоръ Александръ призвалъ меня и разсказалъ все это приключеніе» [1]).

Закревскій въ своей запискѣ о семеновской исторіи (отъ 21 октября) утверждаетъ, что солдаты выказали «неслыханное въ россійскихъ войскахъ неповиновеніе», а между тѣмъ даже и не обремененному большою ученостью генералу нельзя было не знать о стрѣлецкихъ бунтахъ, о цѣломъ рядѣ возстаній въ войскахъ, производившихъ дворцовые перевороты въ XVIII вѣкѣ, и наконецъ объ участіи гвардіи въ восшествіи на престолъ императора Александра. Замѣчательно, что именно семеновскій полкъ, шефомъ котораго уже тогда былъ цесаревичъ Александръ, игралъ выдающуюся роль при низложеніи Павла. Разсказавъ фактическую сторону волненія полка, Закревскій винитъ предмѣстника Шварца, Потемкина, за большую слабость, Шварца за то, что онъ слишкомъ круто перемѣнилъ систему, и наконецъ третью причину событія онъ видитъ въ ненависти къ полковому командиру офицеровъ, которые ругали его и насмѣхались надъ нимъ даже передъ фронтомъ. Но все это казалось Закревскому недостаточнымъ для того, чтобы вызвать волненіе; по его мнѣнію, «трудно повѣрить», чтобы солдаты рѣшились на такой поступокъ, «если бъ не были кѣмъ-нибудь особенно къ тому подучены и даже руководимы. Весьма полезно открыть сіе лицо, или, быть можетъ, и многія... Но къ сожалѣнію, нѣтъ надежды къ открытію ихъ по суду. Одно время можетъ обнаружить истину: зачинщики и руководители, вѣроятно, окажутся не изъ нижнихъ чиновъ сего полка... Таковое согласіе въ поведеніи трехъ тысячъ человѣкъ безъ особеннаго руководства— невозможно. Прискорбно подозрѣвать неблагонамѣреннаго между офицерами, но кто знаетъ русскаго солдата, тотъ вѣрно усомнится, чтобъ посторонній человѣкъ въ силахъ былъ владѣть имъ».

Такимъ образомъ, Закревскій первый заронилъ въ душу имп. Александра подозрѣніе, что солдаты не сами додумались до необходимости жаловаться. «Офицеры», продолжаетъ Закревскій, «доказали свою неспособность командовать и даже не заслуживаютъ званія, ими носимаго. По одной развѣ молодости и неопытности позволительно имѣть къ нимъ

---

[1]) То, что Меттернихъ такъ поздно получилъ извѣстіе отъ своего посольства, объясняется задержкой иностранныхъ курьеровъ посредствомъ невыдачи имъ, втеченіе однихъ сутокъ, паспортовъ по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея. Чаадаевъ вышелъ въ отставку лишь въ февралѣ 1821 г., отчасти вслѣдствіе сплетенъ и клеветъ, вызванныхъ его поѣздкой въ Троппау. Васильчиковъ первоначально уговаривалъ его остаться на службѣ и предлагалъ продолжительный отпускъ, но 21 фев. 1821 г. Волконскій сообщилъ, что государь получилъ о Чаадаевѣ неблагопріятныя свѣдѣнія и велѣлъ дать ему отставку безъ награжденія чиномъ (вѣроятно вслѣдствіе того, что было перехвачено его письмо, гдѣ онъ писалъ, что не находитъ возможнымъ жить въ Россіи).

нѣкоторое снисхожденіе. По тѣмъ же причинамъ могли они быть завлечены къ неуваженію начальства нынѣшними событіями въ Европѣ, событіями, произведенными вольнодумствомъ и такъ, называемыми, либеральными идеями. *Сія зараза гнѣздится между офицерами и другихъ гвардейскихъ полковъ...* Командиры прочихъ гвардейскихъ полковъ (исключая весьма немногихъ) равномѣрно въ семъ случаѣ оказали свою неспособность и ненадежность на самихъ себя: каждый почти не былъ увѣренъ въ своихъ подчиненныхъ и страшился, чтобы у него того же не произошло». Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ Васильчиковъ и Бенкендорфъ сообщали государю о наилучшемъ, съ правительственной точки зрѣнія, настроеніи войска въ Петербургѣ, Закревскій говорилъ другое, и въ этомъ отношеніи онъ былъ болѣе правъ [1]).

Вотъ, что разсказываетъ объ этомъ самомъ времени Вигель: «Послѣ взятія Парижа никто безъ восторга не произносилъ имени» государя. «Но то, чего не могли военныя поселенія и Аракчеевъ, удалось Михаилу Павловичу со Шварцемъ... въ Петербургѣ... между военными [2]). Явной хулы никто еще не позволялъ себѣ», продолжаетъ Вигель, «но при имени государя всѣ хранили угрюмое молчаніе». Нельзя, конечно, объяснить недовольство офицеровъ только жестокостью Михаила Павловича и Шварца,—для этого, какъ мы видѣли выше, было много причинъ, но все же весьма характерно свидѣтельство Вигеля о настроеніи военныхъ круговъ. «Я видѣлъ», продолжаетъ онъ, «какъ розоватый либерализмъ сталъ густѣть и къ осени (1820 г.) переходитъ въ кроваво-красный, какимъ онъ нынѣ на западѣ.—Разъ случилось мнѣ быть въ одномъ холостомъ, довольно веселомъ обществѣ, гдѣ было много и офицеровъ... Вдругъ запѣли они на голосъ извѣстной въ... дни революціи пѣсни: «Veillons au salut de l'Empire». Слова эти были переведены полковникомъ Катенинымъ.

„Отечество наше страдаетъ
„Подъ игомъ твоимъ, о злодѣй!
„Коль насъ деспотизмъ угнетаетъ,
„То свергнемъ мы тронъ и царей.
„Свобода! Свобода!
„Ты царствуй надъ нами.
„Ахъ лучше смерть, чѣмъ жить рабами,
„Вотъ клятва каждаго изъ насъ“ [3])

[1]) Семеновская исторія расшевелила нижнихъ чиновъ: по свидѣтельству декабриста Розена, „почти во всѣхъ полкахъ обнаружились различныя притязанія и домогательства солдатъ“.

[2]) Одинъ изъ иностранныхъ дипломатовъ доносилъ послѣ семеновской исторіи: „Негодованіе противъ Шварца всеобщее. Раздаются общія жалобы противъ гибельной маніи всей императорской фамиліи, особенно великаго князя Михаила, мучитъ солдатъ“.

[3]) „Записки Ф. Ф. Вигеля“, М. 1892 г. VI, 17. Ту же пѣсню декабристы распѣвали впослѣдствіи въ Читѣ, при чемъ офицеры и солдаты слушали ее и

Закревскій въ своей запискѣ предлагаетъ субалтернъ-офицеровъ семеновскаго полка перевести въ армію и нѣкоторое время не представлять къ производству, а батальонныхъ и ротныхъ начальниковъ выписать въ армію тѣми же чинами и не поручать имъ никакого командованія, безпрестанно употреблять на службу и нѣсколько лѣтъ не принимать отъ нихъ просьбъ ни объ отпускѣ, ни объ отставкѣ. Закревскій не одобрялъ распоряженія Васильчикова: онъ долженъ былъ бы самъ сразу ѣхать въ казармы, несмотря на болѣзнь, а не посылать туда Бенкендорфа и великаго князя (замѣчательно, что даже у столь консервативныхъ людей, какъ Закревскій, было нерасположеніе къ Михаилу Павловичу). Наказаніе, объявленное первой ротѣ, Закревскій находитъ слишкомъ строгимъ: по его мнѣнію, довольно было предать суду старшихъ, если не могли открыть зачинщиковъ. Но теперь Закревскій считалъ уже невозможнымъ простить Семеновскій полкъ. Если затруднительно цѣликомъ перевести его въ армію, то первый батальонъ долженъ быть наказанъ непремѣнно, по опредѣленію военнаго суда, передъ всѣми полками гвардіи. Мелѣе виновныхъ онъ предлагалъ разослать на службу въ Грузію, Оренбургъ и Сибирь. Сформированіе новаго полка онъ не совѣтовалъ поручать великому князю: очевидно и тогда многіе осуждали назначеніе великихъ князей на важныя и отвѣтственныя должности, ими ничѣмъ не заслуженныя. Наконецъ, онъ предлагалъ организовать особую тайную полицію, которая собираемыя ею свѣдѣнія объ офицерахъ и солдатахъ должна была сообщать корпусному командиру.

Закревскій не скрываетъ, что «публика, увлеченная мнѣніемъ родственниковъ семеновскихъ офицеровъ, во всемъ оправдываетъ полкъ и обвиняетъ однихъ начальниковъ». Какъ и подобаетъ человѣку, столь мало образованному, онъ утверждалъ, что на это «смотрѣть нечего»; подобнымъ людямъ всегда кажется, что отъ принятія строгихъ мѣръ зависитъ спокойствіе не только войска, но и всей Россіи [1]).

Мы приводили выше (стр. 138) выдержки изъ одного письма о семеновской исторіи Бенкендорфа, какъ полагаютъ, адресованнаго Волконскому. Очень странно, что совершенно въ другомъ тонѣ писалъ

маршировали подъ тактъ ея. Повидимому, за переводъ этой пѣсни Катенину въ сентябрѣ 1820 г. предложено было подать въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ. *В. Миллеръ.* „Катенинъ и Пушкинъ". „Пушкинскій Сборникъ", подъ редакціей проф. *Кирпичникова.* М. 1900 г., стр. 22. Карамзинъ въ своемъ дневникѣ, 24 ноября 1820 г., отмѣчаетъ слышанное имъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ: „человѣкъ съ 12 офицеровъ, собравшись въ ресторанѣ.., за обѣдомъ... пили... за россійскую конституцію" и затѣмъ прибавляетъ отъ себя: „Правительство или иначе государь дѣлаетъ себѣ въ народѣ оппозицію день ото дня болѣе".

[1]) А. И Тургеневъ писалъ князю Вяземскому 28-го октября: „семеновцы все еще въ крѣпости и крѣпки мужествомъ и своею правдою и страданіями... Всеобщее участіе въ ихъ пользу".

Бенкендорфъ къ Волконскому 20 октября: «Офицеры, оскорбленные именемъ, манерами, репутаціей человѣка, совершенно чуждаго полку, возстали противъ назначенія, казавшагося имъ оскорбленіемъ. Несдержанные разговоры, быть можетъ въ присутствіи солдатъ, возникавшіе вслѣдствіе предубѣжденія противъ Шварца, придавая новую силу этому чувству, съ перваго же времени поставили полкъ во враждебное отношеніе къ своему полковнику. Такое предубѣжденіе относительно Шварца, къ несчастію, слишкомъ скоро оправдалось. Не будучи въ состояніи пріобрѣсти уваженія, Шварцъ рѣшилъ заставить себя бояться, и въ этихъ видахъ онъ сталъ употреблять наказанія скорѣе позорныя, чѣмъ строгія; подробности ихъ отвратительны; генералъ Васильчиковъ неоднократно ему выговаривалъ. Пусть сопоставятъ то сознаніе своего достоинства, которое отличало полкъ болѣе сотни лѣтъ, съ обращеніемъ, коему онъ подвергся въ продолженіе послѣдняго года, и тогда будетъ нетрудно понять, что подобное положеніе должно было разрѣшиться кризисомъ». Весьма любопытное признаніе дѣлаетъ Бенкендорфъ относительно настроенія въ это время войска въ Петербургѣ: «болѣе чѣмъ вѣроятно», писалъ онъ, «что если бы настоящая катастрофа потребовала вмѣшательства вооруженной силы, то сія послѣдняя отказалась бы повиноваться, такъ какъ большая часть полковъ уже давно раздѣляла неблагопріятное мнѣніе семеновцевъ о полковникѣ Шварцѣ». Черновикъ письма Бенкендорфа о семеновской исторіи, цитированнаго нами выше, найденъ въ бумагахъ Васильчикова; приведенный же теперь отрывокъ взятъ изъ письма, сохранившагося въ бумагахъ Волконскаго. Быть можетъ первое было показано Васильчикову и затѣмъ вовсе не было отправлено.

Флигель-адъютантъ Д. П. Бутурлинъ въ своемъ письмѣ къ П. М. Волконскому употребляетъ по поводу происшествія въ Семеновскомъ полку довольно неподходящія слова: «возмущеніе», возстаніе« (rebellion, sédition, pleine insurrection). Правда, онъ не скрываетъ недостойнаго поведенія Шварца (плеваніе солдатамъ въ лицо, тасканіе ихъ за усы), но обвиняетъ и офицеровъ за неосторожные разговоры о Шварцѣ. Онъ думаетъ также, что вел. кн. Михаилъ Павловичъ былъ совершенно не на высотѣ положенія. Бутурлинъ сообщаетъ, что находились лица, совѣтовавшіе тотчасъ разстрѣлять десятаго изъ числа арестованныхъ, и порицаетъ Бенкендорфа, который во время отсутствія Васильчикова по обязанностямъ службы въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, не могъ не знать, что дѣлается въ Семеновскомъ полку. Смѣщеніе Шварца Бутурлинъ считаетъ необходимымъ даже на основаніи закона Петра В., предписывающаго отрѣшеніе отъ должности начальника, на котораго жалуется половина команды.

Бутурлина крайне пугала возможность военнаго возстанія, но съ

другой стороны онъ восторгался превосходнымъ настроеніемъ гвардейскихъ офицеровъ; онъ полагалъ, что стоило кому нибудь изъ нихъ стать во главѣ солдатъ и побудить ихъ взяться за оружіе, «и все пошло бы къ чорту!» Однако, такого офицера не нашлось. Бутурлинъ считалъ необходимымъ наказаніе виновныхъ, но въ то же время онъ умолялъ императора о прощеніи полка. Ему приходила въ голову мысль, что можно было бы составить особый батальонъ Семеновскаго полка изъ 700 человѣкъ, оставшихся въ казармахъ и не участвовавшихъ въ волненіи. Но въ припискѣ къ письму, сдѣланной въ день отъѣзда Чаадаева, онъ говоритъ, что это уже не осуществимо, такъ какъ неучаствовавшіе въ волненіи смотрятъ на остальныхъ солдатъ своего полка, какъ на братьевъ, и считаютъ своимъ долгомъ раздѣлить ихъ судьбу. Бутурлинъ замѣчаетъ: «Множество подобныхъ чертъ блеснуло во время этого событія и вызывало слезы у людей съ самыми грубыми сердцами».

Бутурлинъ радовался, что не нашлось офицера, который сталъ бы во главѣ солдатъ. Но мысль о вооруженномъ возстаніи уже бродила въ умахъ нѣкоторыхъ членовъ тайнаго общества. Декабристъ кн. С. Г. Волконскій сообщаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующій замѣчательный разсказъ И. И. Пущина, котораго онъ называетъ «рыцаремъ правды». «Во время бунта Семеновскаго полка я встрѣтился съ Николаемъ Ивановичемъ (Тургеневымъ), и онъ спросилъ меня: «Что же вы не въ рядахъ возстанія Семеновскаго полка? Вамъ бы тамъ надлежало быть». Эта идея нашла осуществленіе въ день 14-го декабря и въ возстаніи Черниговскаго полка, во главѣ котораго стоялъ бывшій семеновскій офицеръ, С. И. Муравьевъ-Апостолъ [1]).

22-го октября, т. е. на другой день послѣ отправки Чаадаева, министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубей написалъ государю письмо также о Семеновской исторіи. Указавъ на то, что она возбудила очень много толковъ, онъ положительно утверждалъ, что всѣ считаютъ виновникомъ ея исключительно Шварца. Кочубей замѣчаетъ, что, по мнѣнію всѣхъ, если бы солдаты дѣйствовали подъ чужимъ руководствомъ, то они держали бы себя болѣе вызывающимъ образомъ, взялись бы за оружіе, постарались бы привлечь на свою сторону другіе полки. Кочубей выразилъ радость, что, вопреки примѣрамъ западно-европейскихъ государствъ, неудовольствіе войска не имѣло у насъ никакой политической цѣли. Онъ передаетъ мнѣніе общества въ такомъ видѣ, что желаютъ строгаго наказанія дѣйствительно виновныхъ и будутъ очень опечалены, если всѣхъ семеновцевъ распредѣлятъ по другимъ полкамъ [2]).

---

[1]) Перетцъ показалъ, что Ѳ. Н. Глинка, встрѣтивъ его въ день волненія въ Семеновскомъ полку, сказалъ ему: „у насъ начинается революція".

[2]) Кочубей предложилъ государю составить въ министерствѣ иностран

Наконецъ онъ сообщалъ, что, насколько ему извѣстно по полицейскимъ свѣдѣніямъ и черезъ его знакомыхъ, все спокойно, и лишь кое-гдѣ раздаются жалобы на нѣкоторыя суровыя наказанія или большую требовательность по службѣ въ какомъ-нибудь батальонѣ или ротѣ, жалобы на то, что солдаты называютъ «липнею службою».

Когда Чаадаевъ явился къ государю, онъ сталъ разспрашивать его о подробностяхъ происшествія. «Надо признаться», сказалъ императоръ, «что семеновцы, даже совершая преступленіе, вели себя отлично хорошо». Потомъ онъ спросилъ, кого подозрѣваютъ въ возмущеніи полка. «Я можетъ быть грѣшу», прибавилъ онъ, «но очень подозрѣваю Греча» (который завѣдывалъ школами взаимнаго обученія для гвардейскихъ солдатъ). Чаадаевъ пытался убѣдить императора, что Гречъ тутъ рѣшительно не при чемъ, но императоръ долго продолжалъ свои разспросы на эту тему [1]).

2-го ноября императоръ Александръ подписалъ приказъ, которымъ была рѣшена судьба Семеновскаго полка. Въ немъ государь указывалъ на возможность принесенія жалобы на инспекторскихъ смотрахъ, четыре раза въ годъ производимыхъ бригадными, дивизіонными и корпусными начальниками, и на то, что во время ихъ «законъ повелѣваетъ даже откровенно каждому приносить свою жалобу». Но мы видѣли, что за жалобу, признанную неосновательною, солдатамъ грозило суровое наказаніе. Государь приказывалъ всѣхъ нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка распредѣлить по разнымъ полкамъ арміи. Штабъ- и оберъ-офицеры были найдены «непричастными неповиновенію», въ приказѣ было признано даже, что они «усердно старались возстановить потерянный порядокъ», но имъ это не удалось, и они доказали свое неумѣніе обходиться съ солдатами и заставлять себѣ повиноваться, а потому ихъ велѣно было перевести въ армейскіе полки съ повышеніемъ въ чинѣ. Шварцъ предавался военному суду за неумѣніе «удержать полкъ въ должномъ повиновеніи». Для немедленнаго пополненія Семеновскаго полка были назначены роты изъ гренадерскихъ полковъ.

Приказъ этотъ, собственноручно написанный императоромъ Александромъ, былъ прочтенъ имъ великому князю Николаю Павловичу, при чемъ оба они плакали. Государь думалъ, что принятія такихъ мѣръ требуютъ «святость законовъ и честь имени россійской арміи», несмотря на «душевное сокрушеніе» и «чувство личной привязанности

ныхъ дѣлъ сообщеніе о происшествіи для болѣе распространенныхъ въ Западной Европѣ газетъ, не придавая ему оффиціальнаго характера, что и было исполнено.

[1]) Александръ I сказалъ въ Варшавѣ Новосильцову, что Гречъ и его журналъ „Сынъ Отечества"—„очень неблагонадежны и неблагонамѣренны". Въ то время Гречъ дѣйствительно любилъ произносить радикальныя фразы, но дальше этого дѣло не шло.

къ сослуживцамъ» своего полка (онъ былъ его шефомъ). Но для пролитія слезъ могли быть и другія основанія: въ лицѣ двухъ его представителей, настоящаго и будущаго,—русское самодержавіе встрѣчало слезами полученное имъ грозное предостереженіе: русское войско начинало обнаруживать протесты противъ насилія, начинало отстаивать свое человѣческое достоинство. Но лишь черезъ 85 лѣтъ наши солдаты въ болѣе значительномъ количествѣ дѣлаются людьми, сознающими свои права и не желающими исполнять братоубійственныя обязанности [1]).

Какъ уже было упомянуто, 3-го ноября, тотчасъ послѣ того, какъ австрійское правительство получило извѣстіе о семеновской исторіи черезъ своего курьера, Александръ I пригласилъ къ себѣ Меттерниха и разсказалъ ему о событіи. «Мы судили о немъ одинаково», пишетъ Меттернихъ. «*Императоръ вообще такъ измѣнился, что намъ теперь довольно часто случается быть одинаковаго мнѣнія.* Царь думаетъ, что есть причина для того, чтобы 3000 русскихъ солдатъ отважились на дѣло, такъ мало свойственное народному характеру. Онъ воображаетъ даже, что это дѣло радикаловъ, желавшихъ устрашить его и заставить возвратиться въ Петербургъ. Я не согласенъ съ нимъ», продолжаетъ австрійскій министръ. «Это было бы уже слишкомъ, если бы въ Россіи радикалы могли располагать цѣлыми полками; но это доказываетъ, какъ измѣнился императоръ». Собственное мнѣніе Меттерниха состояло въ томъ, что дѣло само по себѣ не важно,—не даромъ онъ называетъ его вспышкою и вовсе не видитъ въ немъ «возстанія». Однако все же онъ считаетъ его непріятнымъ, потому что общество будетъ придавать ему значеніе.

Приказъ Александра I, покончившій со старымъ Семеновскимъ полкомъ, былъ подписанъ 2-го ноября, но отправленъ лишь 5-го [2]).

Въ тотъ же день государь писалъ Аракчееву: «Никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымышлено солдатами или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обра-

---

[1]) М. И. Богдановичъ, военный генералъ, въ своей исторіи царствованія Александра I, печатавшейся „по высочайшему повелѣнію", обвинилъ семеновскій полкъ „въ неблагодарности"!—за что?—вѣроятно за дарованіе имъ такого превосходнаго командира, какъ Шварцъ.

[2]) По полученіи его петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ написалъ государю, 19-го ноября, льстивое донесеніе, гдѣ упоминалъ о „слезахъ вѣрныхъ гренадеръ" при слушаніи приказа и о томъ, что городъ „восхищенъ и благодаренъ". М. Ѳ. Орловъ въ письмѣ къ Киселеву (17 ноября 1820 г.) говоритъ, что власти надѣлали множество глупостей. „на мѣстѣ государя я бы ихъ прогналъ сквозь строй *Семеновскаго полка.* Шварцъ данъ былъ полковымъ комардиромъ такъ точно, какъ небо даетъ дурныхъ царей для казненія народовъ, которые въ старинныя времена исправлялись, а нынче требуютъ правъ и конституціи".

щенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честію полкомъ. Отчего же вдругъ сдѣлаться ему варваромъ?» Имѣя въ виду, что государь читалъ всѣ сообщенія по этому дѣлу, полученныя кн. Волконскимъ, вельзя не подивиться, что поведеніе Шварца еще не казалось ему варварскимъ: такъ притуплены были высочайшіе нервы тѣми жестокостями, которыя творились съ вѣдома и одобренія государя въ военныхъ поселеніяхъ. «По моему убѣжденію», продолжаетъ Александръ I, «тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное; ибо военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ. Признаюсь, что я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя, по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою, и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работа въ Троппау» (въ австрійской Силезіи, гдѣ собрался конгрессъ, вызванный преимущественно революціею въ Неаполитанскомъ королевствѣ). «Цѣль возмущенія, кажется, была испугать» (тоже говорилъ Александръ и Меттерниху). Александру I казалось подозрительнымъ, что волненіе Семеновскаго полка произошло въ тотъ самый день, когда императрицы возвратились въ Петербургъ: ему казалось, что желали встревожить его и заставить, бросивъ занятія на конгрессѣ, возвратиться въ Россію. Припутывая къ дѣлу такіе замыслы, Александръ уже совершенно затемнялъ для себя вполнѣ ясное и несомнѣнное дѣло. Наблюдая Россію слишкомъ поверхностно при своихъ быстрыхъ поѣздкахъ и основываясь почти исключительно на оффиціальныхъ донесеніяхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, государь воображалъ, что, кромѣ происшествія въ Семеновскомъ полку, все остальное «хорошо идетъ»,—и это представлялось ему при существованіи крѣпостного права и военныхъ поселеній! Но онъ, по крайней мѣрѣ, понялъ, что событіе это вызоветъ большіе разговоры, что впрочемъ могъ объяснить ему и Меттернихъ.

И дѣйствительно, Васильчиковъ писалъ Волконскому: «ложные слухи, сплетни слѣдуютъ одна за другой; новости, болѣе или менѣе странныя, переходятъ изъ залъ въ переднія и, естественно, распространяются по городу..., одно только возвращеніе государя можетъ успокоить волненіе общества. Войска спокойны..., не всѣ солдаты и особливо офицеры негодуютъ: они жалѣютъ своихъ товарищей». Васильчиковъ считалъ необходимымъ отложить рѣшеніе дѣла до возвращенія государя. Еще не получивъ приказа Александра I, онъ сообщалъ, что «большая часть города клонится къ снисхожденію относительно Семеновскаго полка». Съ своей стороны онъ высказывалъ убѣжденіе, что «духъ полка слишкомъ дуренъ, чтобы оставить его въ Петербургѣ», но раскассированіе его произведетъ слишкомъ много шуму и представитъ дѣло болѣе

серьезнымъ, нежели оно есть». Васильчиковъ полагалъ, что походъ Семеновскаго полка въ Грузію «примирилъ бы дисциплину съ милосердіемъ». Но такое милосердіе привело бы къ гибели большую часть полка въ самое скорое время вслѣдствіе сраженій съ горцами: не даромъ М. Ѳ. Орловъ называлъ Грузію «политическою фистулою Россіи».

По полученіи приказа государя, которымъ рѣшена была судьба Семеновскаго полка, Васильчиковъ лично объявлялъ его въ гвардейскихъ полкахъ съ прибавленіемъ словесныхъ наставленій и увѣщаній и затѣмъ въ письмѣ къ Волконскому увѣрялъ его, будто приказъ произвелъ хорошее дѣйствіе и будто «большая часть войскъ нашли наказаніе справедливымъ и милосердымъ». «Въ первомъ батальонѣ Преображенскаго полка видно было самое лучшее настроеніе духа: два другихъ батальона послѣ моего отъѣзда позволили себѣ нѣсколько... замѣчаній, но касающихся только меня: они надѣются, что государь помилуетъ семеновцевъ и что три тысячи человѣкъ не будутъ наказаны изъ за одного тирана. Я имѣю полное основаніе думать, что спокойствіе не будетъ нарушено... Кавалергардскій полкъ спокоенъ, но офицеры много болтаютъ, и полкъ недоволенъ своимъ командиромъ».

Нѣсколько декабристовъ положительно утверждаютъ, что никто изъ членовъ Тайнаго Общества не былъ вдохновителемъ протеста семеновскихъ солдатъ противъ Шварца. Упомянувъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ убѣжденіи императора Александра въ томъ, что причиною неповиновенія полка было «дѣйствіе Тайнаго Общества», кн. Е. П. Оболенскій говоритъ: «въ этомъ онъ ошибался». Добавивъ, что членъ общества и одинъ изъ первыхъ его основателей (т. е. еще Союза Спасенія) С. И. Муравьевъ-Апостолъ былъ офицеромъ Семеновскаго полка, Оболенскій говоритъ: «кромѣ его, я не зналъ никого» (т. е. изъ членовъ общества въ Семеновскомъ полку) [1]). «Слѣдствіе не раскрыло ничего», продолжаетъ Оболенскій, «кромѣ всѣмъ извѣстнаго обращенія полковника Шварца». Найдены были двѣ прокламаціи [2]), но никакого участія семеновскихъ офицеровъ въ подготовкѣ волненія и въ составленіи

---

[1]) Однако изъ членовъ Тайнаго Общества были ранѣе офицерами Семеновскаго полка: И. Д. Якушкинъ, кн. Ѳ. П. Шаховской и кн. С. П. Трубецкой, но первые двое перевелись въ армію (первый въ 1816, второй въ 1818 г.), а Трубецкой въ 1819 г. былъ назначенъ адъютантомъ въ Главный Штабъ. Членомъ Союза Благоденствія былъ еще офицеръ Семеновскаго полка Римскій-Корсаковъ. Изъ офицеровъ, служившихъ въ Семеновскомъ полку въ 1820 г., къ Тайному Обществу принадлежали братья Муравьевы-Апостолы, Сергѣй и Матвѣй Ивановичи, и Тютчевъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до описываемыхъ событій изъ Кавалергардскаго полка въ Семеновскій перешелъ подпрапорщикъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ, впослѣдствіи одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Южнаго тайнаго общества.

[2]) Онѣ напечатаны мною въ журналѣ „Былое" 1907 г. № 2, стр. 83—86, 92—93.

прокламацій открыто не было. Декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ говоритъ еще рѣшительнѣе: «дѣйствительно въ этомъ полку лучшіе офицеры были члены Союза Благоденствія, но они . . . не имѣли никакого участія въ бунтѣ солдатъ». Декабристъ Лореръ, который во время происшествія въ Семеновскомъ полку «зналъ этотъ полкъ очень хорошо, имѣя тамъ много знакомыхъ и друзей», считаетъ ошибочною мысль имп. Александра, что «въ кругу семеновскихъ офицеровъ таился зародышъ либерализма, вольнодумства и идей противныхъ правительству»; однако несомнѣнно, что нѣкоторые офицеры, какъ напр. С. И. Муравьевъ-Апостолъ, уже въ это время держались весьма радикальнаго образа мыслей. Очень важно также и то, что не только во время слѣдствія надъ солдатами Семеновскаго полка въ 1820—21 г. и нѣкоторыми офицерами (см. ниже), но и во время слѣдствія по дѣлу 14-го декабря не было рѣшительно ничего открыто объ участіи офицеровъ въ устройствѣ протеста противъ Шварца, а между тѣмъ извѣстно, какія подробныя показанія давало большинство декабристовъ. Въ показаніяхъ Батенькова есть важное свидѣтельство относительно того, что члены Тайнаго Общества не участвовали въ подготовкѣ волненія Семеновскаго полка: К. Ѳ. Рылѣевъ (по словамъ Батенькова) однажды сказалъ ему, что «цѣлый полкъ можетъ быть на сторонѣ либераловъ» и затѣмъ прибавилъ: *«Одинъ подобный случай, а именно непозиненіе Семеновскаго полка, былъ уже пропущенъ . . Не должно повторять ошибокъ»*. Нужно замѣтить, что Рылѣевъ, какъ авторъ статьи: «Возмущеніе стараго л. гв. Семеновскаго полка 1820 г.», (не напечатанной въ свое время), конечно собиралъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ событіи. Извѣстенъ еще одинъ разговоръ Рылѣева на эту тему: когда Булатовъ 9-го декабря 1825 г. сказалъ ему, что «партія ихъ упустила . . . самый удобный случай во время возмущенія Семеновскаго полка», тотъ отвѣчалъ, что «они тогда не такъ были сильны, но теперь совсѣмъ готовы». Наконецъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ 4 ноября 1824 года писалъ брату Сергѣю Ивановичу, что онъ не надѣется на поддержку Тайнаго Общества со стороны арміи и въ доказательство этого говоритъ: «Нашелся ли офицеръ Семеновскаго полка, готовый подвергнуться разстрѣлянію?.. Вы мнѣ скажете, какая отъ этого была бы польза? Но дѣло не въ возможной отъ этого пользѣ, а въ томъ стремленіи къ другому порядку вещей, которое это означало бы».

Такимъ образомъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что семеновскіе офицеры не были виновниками, по крайней мѣрѣ сознательно (т. е. не одними разговорами при солдатахъ о жестокостяхъ Шварца, которыя и безъ того были имъ прекрасно извѣстны), волненія въ Семеновскомъ полку (См. *Добавленія*).

Семеновская исторія заставила импер. Александра обратить боль-

шее вниманіе на положеніе солдатъ. Въ январѣ 1821 г. Волконскій сообщилъ Васильчикову о желаніи государя, чтобы генералы, начиная съ самого Васильчикова, никого не предупреждая, посѣщали казармы въ различные часы дня и наблюдали, что дѣлаютъ солдаты, какъ они ѣдятъ, нѣтъ ли у нихъ въ чемъ недостатка, и, часто разговаривая съ ними внѣ службы, выслушивали бы ихъ жалобы и старались бы исполнять ихъ просьбы и заслужить возможно болѣе ихъ привязанность и уваженіе. Послѣ того, какъ Васильчиковъ приказалъ наказать солдатъ розгами за однодневную отлучку и признанную начальствомъ несправедливою жалобу на унтеръ-офицера, имп. Александръ пожелалъ узнать хорошо ли было изслѣдовано это дѣло и доказано ли, что жалобы были несправедливы. Получивъ извѣщеніе, что одинъ солдатъ л.-гр. Егерскаго полка застрѣлился, императоръ Александръ приказалъ написать Васильчикову, чтобы онъ обратилъ на это серьезное вниманіе, потому что государь замѣтилъ, что въ послѣдніе годы самоубійства въ этомъ полку случаются чрезвычайно часто, между тѣмъ какъ въ другихъ ихъ почти не бываетъ. По мнѣнію государя, тутъ должна быть какая-нибудь особая причина, которую нужно непремѣнно открыть. «Можетъ быть слишкомъ неумѣренная строгость батальонныхъ и ротныхъ командировъ или даже фельдфебелей доводятъ солдатъ до этого преступленія (!)». Государь приказалъ произвести самое строгое разслѣдованіе о причинѣ самоубійства [1]). Въ началѣ марта 1821 г. на инспекторскомъ смотру, произведенномъ начальникомъ бригады великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, саперная рота пожаловалась на фельдфебеля; дѣло было разобрано, и фельдфебель былъ смѣненъ за то, что позволялъ себѣ бить людей кулакомъ по лицу. Но когда дрался офицеръ, солдатамъ было иногда невозможно добиться его обузданія. Вотъ что случилось около этого же времени въ Преображенскомъ полку. Капитанъ Де-Виттъ, командовавшій ротою его величества, собралъ ее для полученія жалованья и сталъ предлагать солдатамъ вычесть по 2 руб. въ артель. Рота отвѣчала что они идутъ въ походъ, деньги имъ нужны, и артель довольно богата и безъ этой прибавки. Капитанъ ударилъ двухъ говорившихъ кулакомъ по лицу; вся рота стала роптать и подняла шумъ. Пріѣхалъ полковникъ Исленьевъ, водворилъ порядокъ и арестовалъ двухъ солдатъ, которые «говорили» (т. е. тѣхъ, которые были уже избиты). На другой день у полкового командира, полковника Ширха, рота просила прощенія арестованнымъ солдатамъ, и когда онъ не захотѣлъ немедленно удовлетворить ея просьбу, зашумѣла, но полковникъ велѣлъ предъ всею ротою

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1821 г. императоръ Александръ обратилъ вниманіе на то, что въ Преображенскій лазаретъ ежедневно поступаютъ солдаты, страдающіе сердцебіеніемъ, и выразилъ удивленіе, что Васильчиковъ не донесъ объ этомъ.

наказать одного изъ тѣхъ, которые говорили, а на другой день нашелъ возможнымъ простить двухъ арестованныхъ. Сообщая объ этомъ событіи, Васильчиковъ не одобрялъ битья солдатъ по лицу, но, повидимому, капитанъ Де-Виттъ не былъ подвергнутъ никакому взысканію.

Въ Измайловскомъ полку, который, по словамъ Васильчикова, «всегда славился строгостью дисциплины», въ это же время случилось слѣдующее. Генералъ Розенъ производилъ инспекторскій смотръ этого полка и, очевидно, имѣлъ основаніе разспрашивать его долѣе другихъ. Онъ нѣсколько разъ повторилъ солдатамъ, что они должны жаловаться, и, какъ выражается Васильчиковъ, не любившій Розена, въ своемъ донесеніи Волконскому, добился того, что 8-я рота дѣйствительно пожаловалась на строгость своего капитана и заявила, что онъ подвергалъ ихъ тѣлесному наказанію по 200, 300 розогъ. Баронъ Розенъ сказалъ, что разсмотритъ дѣло и ручается, что впредь наказанія не будутъ такъ строги, но что все же капитанъ будетъ ихъ наказывать, если они будутъ этого заслуживать; что впрочемъ онъ даетъ имъ право приходить къ нему,—его дверь будетъ всегда для нихъ открыта. Это вниманіе Розена къ положенію солдатъ не понравилось Васильчикову. По его донесенію, слова Розена вскружили имъ головы, и Мартыновъ полковой командиръ) пріѣхалъ сказать Васильчикову, что въ послѣдніе дни полкъ самъ не свой; солдаты говорятъ, что генералъ Розенъ позволилъ имъ приходить къ нему съ жалобой, если капитанъ ихъ накажетъ. По справкамъ, наведеннымъ Васильчиковымъ, капитанъ Литвиновъ въ теченіе года наказалъ 5 человѣкъ, причемъ 300 ударами былъ наказанъ одинъ; поэтому онъ приказалъ Розену объявить ротѣ, что ихъ жалобы не имѣютъ никакого основанія (!), что справедливая жалоба будетъ всегда принята начальствомъ, но принесшаго ложную—будутъ подвергать наказанію. Одинъ солдатъ этой роты подошелъ къ генералу и сказалъ: «Воля ваша, намъ съ этимъ капитаномъ трудно идти въ походъ» (къ которому въ это время готовилась гвардія). Васильчиковъ остался крайне недоволенъ тѣмъ, что Розенъ не только не наказалъ этого солдата, но очень милостиво разговаривалъ съ нимъ, увелъ его въ другую комнату, и приказалъ отдать солдата подъ судъ, объявивъ ротѣ, что онъ преданъ суду не за то, что жаловался, но за то, что посмѣлъ сказать, что не можетъ идти въ походъ съ ротнымъ командиромъ. Васильчиковъ находилъ, что такія человѣколюбивыя идеи, какія обнаружилъ Розенъ, не примѣнимы къ нашему солдату; онъ считалъ это «преступною слабостью». Изъ всей этой исторіи Васильчиковъ вывелъ одно нравоученіе: «какъ не много нужно, чтобы взволновать умы!» Мы видимъ слѣдовательно, что семеновская исторія ничему не научила его, что онъ не отказался отъ своего прежняго суроваго отношенія къ солдатамъ. Та же рота и другія Измайловскаго полка просили, чтобы

имъ выдали изъ артельныхъ суммъ деньги, которыя очевидно были имъ крайне необходимы предъ походомъ. Васильчиковъ согласился на это, но лишь съ условіемъ, чтобы эта милость была оказана Мартыновымъ только тѣмъ, кого онъ найдетъ ея достойною; солдаты же, не заслужившіе довѣрія своихъ капитановъ, не должны ничего получать впредь до исправленія. Въ заключеніе Васильчиковъ сообщилъ, что послѣ возвращенія государя онъ докажетъ, какъ настоятельно необходимо удалить изъ гвардейскаго корпуса лицъ, «которыя болѣе опасны, чѣмъ это думаютъ» [1]).

Не останавливаясь на суровомъ приговорѣ, постановленномъ военнымъ судомъ по дѣлу Семеновскаго полка, отмѣтимъ только, что по резолюціи на этотъ приговоръ государя (29 августа 1821 г.), написанной рукою Аракчеева [2]) 8 человѣкъ повелѣно было прогнать сквозь строй чрезъ батальонъ по 6 разъ каждаго и отослать въ рудники. Этою резолюціею количество приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію было сильно уменьшено, причемъ кнутъ и плети были замѣнены шпицрутенами, но въ такомъ количествѣ, что жизни наказываемыхъ грозила опасность. Фельдфебель Брагинъ за представленіе Кошкареву списка зачинщиковъ былъ произведенъ въ подпоручики; двухъ унтеръ офицеровъ велѣно было разжаловать въ рядовые, а всѣхъ остальныхъ обвиняемыхъ, приведя вновь къ присягѣ, разослать безъ наказанія въ Оренбургскій, Сибирскій и Кавказскій корпуса. Назначенные для распредѣленія по корпусамъ сибирскому и оренбургскому должны были быть зрителями при наказаніи шпицрутенами.

---

[1]) Вотъ еще примѣръ того, какъ несправедливо поступали съ нижними чинами для поддержанія дисциплины. Вторая рота л.-гв. Финляндскаго полка (въ 1821 году) хотѣла продать оставшуюся муку, но ея командиръ, капитанъ Корсаковъ, запретилъ это; тѣмъ не менѣе мука была продана. Капитанъ приказалъ наказать унтеръ-офицера за это ослушаніе, но рота взволновалась и начала одѣваться. Батальонный командиръ, полковникъ Митьковъ (членъ Тайнаго Общества) немедленно пріѣхалъ и возстановилъ порядокъ. Дивизіонный командиръ, генералъ Потемкинъ, велѣлъ произвести слѣдствіе. По словамъ солдатъ, Корсаковъ сказалъ имъ, что мука имъ не принадлежитъ, и что онъ оставляетъ ее за собою, почему они ее и продали; что, кромѣ того, онъ предлагалъ купить въ ихъ казармы зеркала и собралъ для этого съ нихъ 800 руб., и вотъ уже два года, какъ они не видятъ ни зеркалъ, ни денегъ; что они хотѣли жаловаться на прошломъ инспекторскомъ смотру, но капитанъ обѣщалъ возвратить деньги, однако же этого не сдѣлалъ. Корсаковъ сознался, что деньги имъ получены. Потемкинъ приказалъ его арестовать, но вмѣстѣ съ тѣмъ разжаловалъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ капитанъ хотѣлъ наказать тѣлесно за неисполненіе его приказанія о продажѣ муки. Кромѣ того, Васильчиковъ считалъ крайне необходимымъ дознаться, кто предложилъ ротѣ одѣться, и собирался не пощадить ихъ. Капитана Корсакова онъ совѣтовалъ перевести тѣмъ же чиномъ въ армію.—Было нѣсколько случаевъ неповиновенія въ Литовскомъ полку. Гос. Арх. I В № 327, л. 597.

[2]) Предано было суду 802 чел.: 4 фельдфебеля, 54 унтеръ-офицера, 740 рядовыхъ, 2 барабанщика и 2 флейтщика.

Коммиссія, судившая Шварца, нашла его виновнымъ: 1) въ томъ, что «онъ занимался во время церковныхъ парадовъ обученіемъ, отчего нижніе чины опаздывали въ церковь; 2) не искалъ любви подчиненныхъ» и потому «потерялъ довѣренность какъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ и ослабилъ уваженіе, присвоенное его чину; 3) въ нарушеніи закономъ опредѣленныхъ правъ самоуправствомъ и въ униженіи привилегій, установленныхъ въ память военныхъ дѣйствій», т. е. въ тѣлесномъ наказаніи нижнихъ чиновъ, имѣющихъ военный орденъ; 4) «въ производствѣ презрительныхъ наказаній, на которыя не давали ему права ни военныя, ни гражданскія узаконенія»; 5) въ предосудительной для военнаго робости и въ томъ, что, «несмотря на клятвенное обѣщаніе тѣломъ и кровью защищать государственныя права во всѣхъ случаяхъ, вмѣсто пожертвованія и самою жизнью, пришелъ въ уныніе и, пользуясь ночнымъ временемъ, былъ зрителемъ безпорядка». Коммиссія опредѣлила: Шварца лишить жизни. Васильчиковъ въ своемъ мнѣніи нѣсколько защищалъ Шварца и предлагалъ лишить его штабъ-офицерскаго чина и орденовъ и опредѣлить на службу въ армію. Государь нашелъ его виновнымъ только «въ несообразномъ выборѣ времени для ученій и въ нерѣшимости лично принять должныя мѣры для прекращенія неповиновенія во ввѣренномъ ему полку» (такъ что производимыя имъ жестокія наказанія какъ будто были признаны совершенно обычными) и, принимая во вниманіе его прежнюю «долговременную и усердную службу, храбрость и отличіе на полѣ сраженія», позелѣлъ отставить Шварца отъ службы и впредь никуда его не опредѣлять. Однако, по ходатайству гр. Аракчеева, Шварцъ былъ зачисленъ въ корпусъ поселенныхъ войскъ, но не получилъ въ команду никакой ихъ части, и, когда въ 1826 г. подалъ въ отставку, его не уволили, а по прежнему отставили отъ службы, такъ что онъ просилъ вел. кн. Михаила Павловича «исходатайствовать ему отставку, приличную благородному вѣрноподданному» [1]).

Тѣмъ же приказомъ 29 августа 1821 г., которымъ была рѣшена (уже по возвращеніи имп. Александра изъ за границы) судьба находившихся въ заключеніи семеновскихъ солдатъ и полковника Шварца, былъ отданъ подъ судъ командиръ роты его величества Кошкаревъ за то, что не представилъ ни начальству, ни военному суду поданнаго

[1]) Въ 1827 г. Михаилъ Павловичъ предложилъ Шварцу опредѣлиться на службу въ Грузію, но онъ тогда по болѣзни отказался. Однако онъ все же поступилъ на службу, въ 1828 г. былъ произведенъ въ генералъ-майоры и служилъ на Кавказѣ. Въ 1838 г. вторично отставленъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь въ нее не опредѣлять, однако въ слѣдующемъ году вновь принятъ на службу, но въ 1850 г., по приговору военнаго суда за жестокія наказанія и истязанія нижнихъ чиновъ, исключенъ изъ службы навсегда съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы.

ему фельдфебелемъ Брагинымъ списка зачинщиковъ, и командиръ 1-го батальона Вадковскій, которому поручили отвезти въ Свеаборгъ 2-й батальонъ и осыпали тогда похвалами. Теперь его обвиняли въ томъ, что онъ «слабымъ и несообразнымъ съ долгомъ службы поведеніемъ далъ усилиться безпорядкамъ».

Кошкаревъ и Вадковскій были приговорены коммиссіей военнаго суда къ лишенію чести, имѣнія и живота. Дѣло очень долго оставалось нерѣшеннымъ, и обвиненные томились въ заключеніи въ Витебскѣ [1]).

Вотъ какія распоряженія были сдѣланы, по волѣ государя, относительно офицеровъ и нижнихъ чиновъ бывшаго Семеновскаго полка.

20 декабря 1820 г. велѣно было впредь до повелѣнія просьбъ объ отставкѣ отъ офицеровъ не принимать [2]). 8-го марта 1821 г. велѣно было офицеровъ въ другіе полки, по желанію ихъ, не переводить. 25 марта 1821 г. главнокомандующему 1-й арміей было дано предписаніе не увольнять офицеровъ въ отпускъ впредь до разрѣшенія. Подпрапорщиковъ, произведенныхъ уже въ офицеры, предписано было содержать по службѣ въ строгости и за поведеніемъ ихъ и нравственностью имѣть неослабное наблюденіе.

Главнокомандующему 1-й арміи 20 декабря 1820 г. было предписано: нижнихъ чиновъ увольнять отъ службы только тѣхъ, которые не находились при полку во время случившагося происшествія, и именно тѣхъ, которые находились въ госпиталяхъ и полковомъ лазаретѣ, въ командировкахъ и въ отпуску, прочимъ же не давать отставки, а также не отставлять ни одного изъ тѣхъ, которые выслужатъ положенный къ отставкѣ срокъ, не испросивъ на то предварительнаго разрѣшенія государя. 11 іюня 1821 г. начальнику штаба 1-й арміи было предписано не представлять впредь до разрѣшенія о производствѣ на вакансіи рядовыхъ въ унтеръ-офицеры. 18-го августа 1821 г. главнокомандующій 1-й арміи относительно нижнихъ чиновъ 1-го батальона Семеновскаго полка, отправленныхъ по полкамъ 7-й пѣх. дивизіи и кавказскаго отдѣльнаго корпуса, сообщилъ Ермолову, чтобы унтеръ-офицеры не производились въ офицеры за выслугу лѣтъ. 12-го іюля 1821 г. онъ же сообщилъ командиру финляндскаго отдѣльнаго корпуса, чтобы женамъ нижнихъ чиновъ не было даваемо паспортовъ на жительство въ обѣихъ столицахъ имперіи. 8-го декабря 1820 г. было предписано дѣтей бывшихъ семеновцевъ, отданныхъ въ кантонисты, никуда на службу не назначать безъ особаго предписанія инспекторскаго департамента.

---

[1]) Въ 1826 г. имп. Николай повелѣлъ Вадковскаго посадить въ крѣпость на 2½ г., а Кошкарева на 2 г.

[2]) Кн. Волконскій въ письмѣ отъ 18 янв. 1821 г. сообщилъ Дибичу волю государя, чтобы бывшихъ семеновскихъ офицеровъ пока не назначали полковыми командирами, батальонными же командирами имъ разрѣшалось быть.

21 января 1821 г. велѣно было имѣть особый присмотръ за поведеніемъ этихъ кантонистовъ и, если кто-либо изъ нихъ будетъ подвергнутъ наказанію, каждый разъ доносить, въ чемъ состоялъ его проступокъ и какъ былъ наказанъ виновный.

По словамъ историка царствованія Александра I, Богдановича, «судьба нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка, переведенныхъ въ армію, была горестна.., малѣйшіе ихъ проступки были непростительны въ глазахъ начальниковъ, «усердныхъ не по разуму», либо думавшихъ преувеличенною взыскательностью угодить государю». Какъ мы видѣли, бывшимъ семеновскимъ офицерамъ не только запрещено было выходить въ отставку, но имъ не разрѣшались даже временные отпуски. По свидѣтельству Каховскаго въ письмѣ къ императору Николаю (4-го апрѣля 1826 г.), тѣ изъ офицеровъ, бывшихъ семеновцевъ, которые настаивали на отставкѣ, основываясь на дворянской грамотѣ, уволены отъ службы «по неспособности и слабости ума». Бестужевъ-Рюминъ во время слѣдствія по дѣлу Тайнаго Общества показалъ: «всѣмъ сослуживцамъ моимъ извѣстно, что съ тѣхъ поръ», какъ «изъ подпрапорщиковъ Семеновскаго полка я безвинно переведенъ въ армію, единственное желаніе мое было оставить службу». Получивъ извѣстіе о смерти матери, Бестужевъ-Рюминъ просилъ дать ему отпускъ на нѣсколько дней для свиданія съ дряхлымъ старикомъ-отцомъ, но получилъ отказъ [1]).

Само собою разумѣется, что разсылка семеновскихъ офицеровъ по армейскимъ полкамъ и преслѣдованіе ихъ привело къ совершенно обратнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ тѣ, какія при этомъ имѣло въ виду правительство. Еще Вигель въ своихъ запискахъ замѣтилъ, что «разсѣянные по арміи недовольные офицеры встрѣчали другихъ недовольныхъ и вмѣстѣ съ ними, распространяя мнѣнія свои, приготовили другія возстанія, которыя чрезъ пять лѣтъ унять было труднѣе». Это понималъ даже Константинъ Павловичъ, который однажды сказалъ имп. Александру, что «не кто иной, какъ онъ самъ, заразилъ всю армію, разославъ въ ея нѣдра семеновцевъ, и что это распространитъ заразу повсюду» [2]). Дѣйствительно, на ряду съ Пестелемъ выдающуюся роль въ южномъ Тайномъ Обществѣ играютъ С. И. Муравьевъ-Апостолъ и М. П. Бестужевъ-Рюминъ, служившіе прежде въ Семеновскомъ полку; прежнимъ семеновцемъ былъ и Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ, которому поручались немаловажныя сношенія между Южнымъ и Сѣвернымъ об-

[1]) Еще въ 1821 г. членъ Тайнаго Общества В. Ѳ. Раевскій въ Кишиневѣ съ похвалою отзывался о семеновцахъ, а подчиненнымъ ему солдатамъ говорилъ: „придетъ время, въ которое должно будетъ, ребята, и вамъ опомниться".

[2]) Тютчевъ, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, во время слѣдствія показалъ: „Я былъ выписанъ изъ Семеновскаго полка и полагалъ себя невиннымъ. Просился въ отпускъ, въ отставку и, получивъ на все отказъ, въ отчаяніи рѣшился, что бы ни стоило, выдти изъ сего положенія".

ществами. Тютчевъ, капитанъ Пензенскаго полка, сообщившій Бестужеву-Рюмину о существованія Общества Соединенныхъ Славянъ [1]) и такимъ образомъ содѣйствовавшій ихъ соединенію, былъ также офицеромъ Семеновскаго полка [2]).

Солдаты бывшаго Семеновскаго полка, по словамъ Горбачевскаго, «были ревностными агентами Тайнаго Общества, возбуждая въ своихъ товарищахъ ненависть и презрѣніе къ правительству».

Рылѣевъ самъ прошедшій военную школу, но оставившій службу въ 1818 году, а въ 1823 году, принятый Пущинымъ въ Сѣверное Общество, написалъ талантливый очеркъ подъ названіемъ «Возмущеніе стараго лейбъ гвардіи Семеновскаго полка 1820 года». Весьма возможно, что этимъ очеркомъ пользовались съ цѣлью пропаганды въ военныхъ сферахъ, хотя прямыхъ указаній на это нѣтъ. Очеркъ Рылѣева былъ написанъ, конечно, по разсказамъ, а не по безспорнымъ матеріаламъ, и потому содержитъ въ себѣ не мало фактическихъ ошибокъ и неточностей; однако, общая оцѣнка событія и его причинъ совершенно вѣрна: «начальникамъ пришла мысль превратить войско въ машину, пріятную глазамъ..., люди ограниченные и низкіе съ радостью приняли на себя исполненіе высшей воли: первые потому, что нашли дорогу по себѣ, вторые—потому, что всякая воля—имъ законъ. Сихъ людей, какъ удобнѣйшее оружіе деспотизма, искали, поддерживали, возвышали. Въ замѣну требуемыхъ услугъ прощали видимые недостатки, какъ-то грубость, непросвѣщеніе... Они не имѣли понятія о достоинствѣ человѣка, стали съ людьми поступать, какъ съ животными и сдѣлались жестокими. Возвышеннаго духа въ подчиненныхъ боялись и стремились истребить его. Большая власть, имъ данная, сдѣлала ихъ страшными, а неотвѣтственность, ненаказанность произвели несправедливость. Люди все терпятъ: труды, болѣзни, самое униженіе, но несправедливость производитъ негодованіе и при возможности—мщеніе!» Мы видѣли, что Шварцъ былъ только однимъ изъ наиболѣе яркихъ олицетвореній этой системы, истиннымъ виновникомъ которой былъ самъ императоръ Александръ [3]).

---

[1]) По словамъ Горбачевскаго, члены этого Общества „съ давняго времени замѣчали, что офицеры бывшаго Семеновскаго полка имѣютъ какія то тайныя предпріятія противъ правительства, и думали, что они состоятъ въ какомъ либо тайномъ обществѣ".

[2]) Во время слѣдствія Тютчевъ показалъ, что былъ принятъ въ Общество Соединенныхъ Славянъ въ 1825 г. „Во время службы моей въ Семеновскомъ полку", прибавилъ онъ, „я не зналъ Тайнаго Общества и оному не принадлежалъ".

[3]) Статья Рылѣева напечатана въ „Библіотекѣ Декабристовъ", М. 1907, вып. III, 42—69.

VI.

Извѣстно, съ какимъ единодушнымъ негодованіемъ отнеслось къ учрежденію военныхъ поселеній все русское интеллигентное общество за крайне рѣдкими исключеніями, къ числу которыхъ, къ сожалѣнію, принадлежитъ Сперанскій [1]). Существуютъ различныя мнѣнія о томъ, что навело имп. Александра I на мысль объ этой пагубной мѣрѣ. По словамъ Шильдера, она явилась у государя при чтеніи статьи ген. Сервана (французскаго военнаго министра въ 1792 г.) «Sur les forces frontières des états» (о пограничныхъ войскахъ государствъ), которую онъ приказалъ кн. П. М. Волконскому перевести на русскій языкъ и на бѣлыхъ страницахъ рукописи написалъ свои мысли о поселеніи нашей арміи [2]). Проф. Шиманъ высказываетъ предположеніе, что на мысль объ устройствѣ военныхъ поселеній навело имп. Александра то, что войска, поселенныя шведами въ Корелін и около Куопіо, сдѣлавшіяся извѣстными русскимъ во время похода въ 1808 г. въ Финляндію, показали, что военныя поселенія возможны и въ сѣверныхъ странахъ [3]). Проф. Довнаръ-Запольскій указываетъ на то [4]), что нѣкоторыя черты идеи военныхъ поселеній можно найти въ замѣткахъ цес. Павла Петровича [5]), у польскаго публициста Сташица, наконецъ, въ устройствѣ австрійской Военной Границы. Но есть свидѣтельство, что на бытъ австрійскихъ граничаръ Александръ I обратилъ серьезное вниманіе лишь во время войны 1813—14 г.г., уже послѣ того, какъ въ Россіи начался опытъ введенія военныхъ поселеній [6]), а переписка Павла Петровича съ Панинымъ и сочиненія Сташица врядъ ли были извѣстны Александру I [7]).

[1]) Брошюра Сперанскаго о военныхъ поселеніяхъ перепечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1890 г. № 4) въ приложеніи къ статьѣ, авторъ которой, г. Карцовъ, неудачно пытается защищать это печальной памяти твореніе Александра I и Аракчеева. Ср. письма Сперанскаго къ Аракчееву 1822—23 гг. въ „Письмахъ главнѣйшихъ дѣятелей въ царств. имп. Александра I“, изд. И. Дубровинымъ. Спб. 1883 г., стр. 353, 365.

[2]) „Импер. Александръ I“, т. IV, 23—24.

[3]) *Shiemann.* Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I, Bd. I, 450; ср. *Фабрицiусъ* „Главное инженерн. управленіе. Столѣтіе военнаго министерства“, т. VII, 1902 г., стр. 503, 597—598.

[4]) „Идеалы декабристовъ“, М. 1907 г., стр. 16.

[5]) Ср. его переписку съ гр. П. И. Панинымъ. „Руск. Стар.“ 1882 г., т. 33, стр. 406—407.

[6]) *Фабрицiусъ*, стр. 512.

[7]) А. Н. Петровъ полагалъ, что мысль о военныхъ поселеніяхъ была навѣяна введенною въ Пруссіи, по предложенію Шарнгорста, системою ландверовъ перваго и второго призывовъ, но нужно замѣтить, что хотя первые наброски плана Шарнгорста относятся къ 1807 г., но они были окончательно

Г. Кропотовъ приписываетъ мысль о военныхъ поселеніяхъ Н. С. Мордвинову [1]). Въ докладѣ государю 10 іюля 1810 г., вызванномъ разговоромъ о невозможности уменьшить «великое число содержимыхъ войскъ», Н. С. Мордвиновъ предлагалъ включить въ комплектъ полка на каждые тысячу человѣкъ—50 пахарей и утверждалъ, что засѣваемымъ ими хлѣбомъ, снимаемымъ тысячею солдатъ, можно будетъ содержать полкъ [2]).

Слѣдуетъ опредѣлить, сколько войскъ можно содержать въ каждой губерніи и, соотвѣтственно ихъ распредѣленію, назначить мѣста усадебъ. Этотъ проектъ могъ содѣйствовать укрѣпленію въ умѣ Александра I мысли о военныхъ поселеніяхъ [3]), но, какъ утверждаетъ г. Фабриціусъ, еще въ началѣ 1810 г. Аракчеевъ сдѣлалъ разсчетъ о количествѣ земли и зернового хлѣба, необходимыхъ для поселенія полка (стр. 506—507), слѣдовательно, Мордвиновъ, представившій свой докладъ лишь 10 іюля 1810 г., не могъ быть иниціаторомъ мысли о военныхъ поселеніяхъ.

Кропотовъ говоритъ, что при обсужденіи предложенія Мордвинова Аракчеевъ высказался противъ него (очевидно, потому, что онъ иначе предполагалъ осуществить мысль о поселеніи полковъ). Какъ бы то ни было, уже въ письмѣ къ Аракчееву въ Грузино отъ 28 іюня 1810 г. Александръ I говоритъ, что дѣло военныхъ поселеній онъ поручаетъ «исключительно» его «попеченію и начальству» и что представленные чертежи ему очень нравятся; государь просилъ Аракчеева показать все устройство крестьянскаго быта въ Грузинѣ ген. Лаврову [4]), который долженъ былъ быть непосредственнымъ исполнителемъ мысли государя [5]).

разработаны лишь въ законѣ 3 сент. 1814 г., а имп. Александръ I еще въ 1810 г. задумалъ введеніе военныхъ поселеній. „Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія 1809—1831 г.“, изд. „Русской Старины“, Спб. 1871 г. стр. 87—89; *Treitschke*, Deutsche Geschichte 7-te Aufl., I. 296—297, 440—442, 592—591.

[1]) „Жизнь гр. М. Н. Муравьева“, Спб. 1874 г., 141—142.

[2]) Мордвиновъ утверждалъ, что 50 „добрыхъ“ сохъ вспашутъ и засѣютъ въ два мѣсяца 1200 дес. и что 1000 чел. могутъ убрать въ день 100 дес. Для прокормленія 1000 человѣкъ съ лошадьми онъ считалъ достаточнымъ 2000 дес. и предлагалъ при такомъ участкѣ завести усадьбу съ 50-ю „непремѣнными“ пахарями, а для удобренія полей при каждой усадьбѣ содержать 4000 „скотинъ“. Раздѣливъ 2000 дес. на 4 поля, онъ предлагалъ для уборки полей и сѣва присылать въ усадьбу 1000 человѣкъ солдатъ на каждое изъ полей на 5 дней. Молотьбу онъ совѣтовалъ производить машинами. Въ мѣстахъ, гдѣ необходима расчистка лѣсовъ или сушка болотъ, и для устройства усадебъ слѣдуетъ употреблять піонерные полки. Въ случаѣ недостатка казенныхъ земель, Мордвиновъ совѣтовалъ покупать ихъ или нанимать на продолжительные сроки у помѣщиковъ и казенныхъ крестьянъ. При удаленіи полковъ отъ ихъ усадебъ, 50 пахарей остаются при каждой изъ нихъ, и урожай снимается наемнымъ трудомъ—за деньги или за часть урожая.

[3]) „Архивъ графовъ Мордвиновыхъ“, т. IV, 13—15.

[4]) Это былъ отецъ знаменитаго ученаго и революціонера П. Л. Лаврова.

[5]) Декабристъ кн. Трубецкой говоритъ, что Аракчеевъ, хотя и не укло-

Что бы ни навело имп. Александра I на мысль о военныхъ поселеніяхъ и каково бы ни было первоначальное отношеніе къ ней Аракчева [1]), послѣдній въ письмѣ отъ 29 іюня 1810 г. горячо благодарилъ государя за данное ему порученіе,—9 ноября 1810г. данъ былъ указъ на имя ген. Лаврова, еще лѣтомъ осмотрѣвшаго эту мѣстность, о поселеніи запаснаго баталіона Елецкаго пѣхотнаго полка въ Бобылецкомъ старостве (Климовичскаго повѣта, т. е. уѣзда, Могилевской губ.), жители котораго въ 1812 г. были переселены въ Новороссійскій край [2]). Въ число поселянъ назначались преимущественно женатые солдаты, а холостымъ

нился „отъ исполненія возложеннаго на него порученія, но, однако, началъ тѣмъ, что представилъ возраженія"; Трубецкой увѣряетъ, будто бы Аракчеевъ „предлагалъ вмѣсто военныхъ.... поселеній сократить срокъ службы нижнимъ чинамъ, опредѣливъ вмѣсто 25-тилѣтняго—8-милѣтній. Государь былъ убѣжденъ въ пользѣ своего предположенія, и исполненіе начато". „Записки кн. С. П. Трубецкаго". Спб., 1907 г., стр. 15.

[1]) По свидѣтельству декабриста М. А. Фонъ-Визина „Аракчеевъ говаривалъ, что военныя поселенія выдуманы не имъ, что онъ самъ, не одобряя этой мѣры, приводитъ ее въ исполненіе, какъ священную для него волю государя и благодѣтеля своего". „Обществ. Движенія" I, 185. Якушкинъ въ своихъ запискахъ также говоритъ: „гр. Аракчеевъ, когда у него спрашивали о цѣли военныхъ поселеній, всякій разъ отвѣчалъ, что это не его дѣло и что онъ только исполнитель высочайшей воли". Ср. слова Аракчеева А. Ѳ. Орлову („Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго", VIII, 74 — 75) и Мартосу („Историч. Вѣстн." 1894 г. № 10, стр. 303). Генералъ Маевскій, помощникъ Аракчеева по управленію военными поселеніями, свидѣтельствуетъ, что проектъ ихъ устройства въ главнѣйшихъ чертахъ былъ написанъ государемъ собственноручно и послѣ разработки его собственноручно имъ исправленъ. „Рус. Стар." 1873 г. № 10, стр. 433. Фонъ-Брадке, служившій въ новгородскихъ поселеніяхъ, говоритъ, что „Аракчеевъ сначала былъ рѣшительно противъ" ихъ учрежденія „и былъ вынужденъ изъявить свое невольное согласіе лишь изъ опасенія, что тотъ, кто приметъ на себя выполненіе этой любимой мечты (государя), можетъ сдѣлаться его опаснымъ соперникомъ". „Рус. Арх." 1875 г. № 1, стр. 39.

[2]) По словамъ фонъ-Брадке, „нѣсколько тысячъ человѣкъ было переселено въ Херсонскую губ., но изъ нихъ лишь весьма немногіе достигли мѣста своего назначенія, остальные погибли съ отчаянія, съ тоски по родному жилью, отъ пьянства, отъ голода... и отъ полнѣйшаго уныній, и сошли въ безвременную могилу во время самаго переселенія". „Рус. Арх." 1875 г. № 1, стр. 51. Вел. кн. Николай Павловичъ, при посѣщеніи имъ въ 1816 г. поселенія Елецкаго полка, отмѣтилъ, что „жившихъ тутъ 1800 крестьянъ при переводѣ ихъ „на югъ" такъ худо содержали, что половина ихъ пропала, не дойдя до (мѣста) назначенія". *Шильдеръ* „Имп. Николай I" т. I, 72, срав. донесеніе французскаго посла въ „Сборникѣ Ист. Общ." т. 119, стр. 23 — 24. Указанія относительно гибели многихъ крестьянъ во время пути не подтверждаются сравненіемъ числа людей, отправленныхъ въ Новороссію и принятыхъ въ Елисаветградѣ: послѣднихъ было 4411 д. об. п. (*Щепетильниковъ* „Комплектованіе войскъ въ царств. имп. Александра I". „Столѣтіе военнаго министерства" т. IV, 98 — 99, *Фабрицусъ* Ibid., VII, 507). Но цифра отправленныхъ на югъ видимо не точна, и къ тому же крестьяне эти имѣли полныя основанія для серьезнаго неудовольствія, такъ какъ на первоначальное водвореніе на новомъ мѣстѣ имъ пришлось потратить свои деньги, которыя велѣно было имъ возвратить лишь въ 1818 г. послѣ того, какъ въ двухъ деревняхъ произошли волненія. „Сборн. историч. матер. извлеч., изъ архива Собств. Его Вел. Канц.", т. V, 334—336.

разрѣшено было жениться на крестьянкахъ казенныхъ имѣній, при чемъ болѣе бѣднымъ выдавалось пособіе на свадьбу и обзаведеніе. Нижніе чины поселяемаго баталіона были помѣщены въ оставленныхъ крестьянами домахъ; имъ были выданы отъ казны земледѣльческія орудія, рабочій скотъ и сѣмена для посѣва.

Война 1812 г. пріостановила устройство военнаго поселенія въ Могилевской губ., такъ какъ поселенный баталіонъ Елецкаго полка вошелъ въ составъ дѣйствующей арміи. Всѣ постройки и оставшееся въ нихъ имущество было расхищено сосѣдями. По окончаніи войны строенія были возобновлены, а остатки баталіона возвратились къ мѣсту своего поселенія, а затѣмъ Елецкій и Полоцкій пѣхотные полки были поселены въ Могилевской губ. [1]).

По окончаніи войны въ 1812 — 14 гг., въ проектѣ манифеста, обнародованнаго 30 августа 1814 г., имп. Александръ самъ сдѣлалъ въ статьѣ о воинствѣ слѣдующую прибавку: «Надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но *даже дать имъ осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства* [2]). Учреждая военныя поселенія, имп. Александръ надѣялся кромѣ того устранить необходимость рекрутскихъ наборовъ и уменьшить государственные расходы посредствомъ добыванія войсками продовольствія собственными средствами.

5-го августа 1816 г. былъ данъ указъ на имя новгородскаго губернатора, которымъ повелѣно, подъ предлогомъ тѣсноты расквартированія войскъ въ Петербургѣ, размѣстить 2-й баталіонъ Гренадерскаго гр. Аракчеева полка въ Высоцкой волости Новгородскаго уѣзда на рѣкѣ Волховѣ. Одновременно съ этимъ Высоцкая волость была перечислена въ военное управленіе [3]). Здѣсь военныя поселенія устраивались уже на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ въ 1810—12 гг. въ Климовичскомъ у. Могилевской губ., а именно, безъ переселенія мѣстныхъ жителей въ другія губерніи. Село Высоцкое въ ночь съ 23 на 24 августа 1816 г. сгорѣло, вѣроятно не случайно. Это, однако, не остановило продолженія

---

[1]) Къ 1 янв. 1815 г. Аракчеевъ составилъ „Положеніе населяемому баталіону Елецкаго пѣхотнаго полка". Отмѣтимъ въ немъ нѣсколько пунктовъ: 1) баталіонный командиръ могъ представлять Аракчееву о дурномъ и нерадивомъ поселянинѣ „*для лишенія нажитой имъ собственности* и для выключки изъ военныхъ поселянъ въ дальніе гарнизоны". 2) Изъ снятаго осенью хлѣба, за выдѣленіемъ сѣмянъ для посѣва на будущій годъ, хозяинъ дома получаетъ только половину, а другая половина берется въ ротный магазинъ въ запасъ. 3) При женитьбѣ холостыхъ поселянъ на дѣвицахъ и вдовахъ казенныхъ крестьянъ выдается бѣднымъ на свадьбу отъ 10 до 15 р. *Богдановичъ*. „Истор. царств. Александра I". Т. V. Прилож. стр. 61—67.

[2]) П. С. З., XXXII, № 25,671, п. 3: *Шильдеръ* III. 258.

[3]) П. С. З., XXXIII, №№ 26,389, 26,390.

дѣла, окончательно рѣшеннаго имп. Александромъ. Поселенный баталіонъ вступилъ въ Высоцкую волость и былъ расположенъ по квартирамъ въ ея деревняхъ. Крестьяне, испуганные предстоящими новыми порядками, при которыхъ даже вступать въ бракъ они могли только съ разрѣшенія Аракчеева, посылали ходоковъ къ царю, жаловались императрицѣ, вел. кн. Николаю Павловичу, но все было безполезно. Тогда начались волненія, послѣ подавленія которыхъ слѣдовали жестокія кары. Жители одного селенія, оказавшіе рѣшительное сопротивленіе введенію у нихъ военнаго поселенія, подвергнуты были формальной блокадѣ, и лишь черезъ девять дней голодъ заставилъ ихъ сдаться [1]).

Къ концу царствованія Александра I было поселено: въ Новгородской губ.—12 гренадерскихъ полковъ и 2 артиллерійскія бригады, въ Могилевской губ. - 6 пѣхотныхъ полковъ, въ Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ — 16 кавалерійскихъ полковъ и въ Петербургской губ. — 2 роты служителей Охтенскаго порохового завода [2]). Населеніе округовъ военныхъ поселеній въ 1825 году равнялось 374.480 душамъ. Кромѣ того, въ округахъ находилось войскъ, состоявшихъ на продовольствіи отъ земли, 98,114 человѣкъ, число же всѣхъ нижнихъ чиновъ, считая и войска, назначенныя для работъ, составляло 142,697 чел Сверхъ того состояло инвалидовъ 7.628 чел. Кантонистовъ въ округахъ военныхъ поселеній было въ томъ же году 93.367 (да еще въ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ 60.695 [3]).

Въ апрѣлѣ 1817 году Ник. Ив. Тургеневъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «О поселеніяхъ говорятъ все непріятное. Объ этихъ перемѣнахъ нельзя говорить шутя. Я увѣренъ, что вся эта мѣра въ полнотѣ не удастся , т. е. въ такой полнотѣ, которая бы оправдывала принимаемыя мѣры (по какія мѣры и какая цѣль!) За что же тысячи невинныхъ жертвъ погибнутъ или отяготятся несчастіемъ? Или, смотря на звѣздное небо, можно забывать о волненіяхъ, о бѣдствіяхъ земныхъ? Можно, но только о собственныхъ своихъ; никогда о чужихъ, никогда, никогда о братственныхъ». Въ томъ же году, въ ноябрѣ, Тургеневъ записываетъ. «Слухи о военныхъ поселенцахъ все тѣ же. Ихъ селятъ и раззоряютъ. Права собственности, права человѣчества забыты [4])... Мнѣ горько и

[1]) О волненіяхъ военныхъ поселянъ въ Новгородской губ. см. Записки Мартоса, „Рус. Арх." 1893 г. № 8, стр. 529—532, 536—538, *Петровъ*, 240—242, *Богдановичъ*, V, 355—358.

[2]) См. статью *А. С. Лыкошина* о военныхъ поселеніяхъ въ „Энциклопедическомъ словарѣ" Брокгауза и Эфрона, т. 24.

[3]) Всего число людей, находившихся подъ начальствомъ Аракчеева, равнялось 748.519 душамъ, не считая несовершеннолѣтнихъ женскаго пола. *Фабрицій*. „Главное инженерное управленіе. Столѣтіе военнаго министерства". VII, 591, прилож. CII.

[4]) 20 октября 1818 г. Тургеневъ отмѣтилъ замѣчаніе одного поляка, гр. Соб., что „поселенія отвращаютъ вниманіе правительства отъ участи крестьянъ".

то,—продолжаетъ Тургеневъ,—что эти поселенія дѣлаются по волѣ государя» [1]). Въ это время Тургеневъ не былъ еще членомъ Тайнаго Общества, а нѣсколько основателей Союза Спасенія находились въ Москвѣ. До нихъ дошли весьма не точныя извѣстія о событіяхъ въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ. Якушкинъ разсказываетъ, что «гр. Аракчеевъ привелъ противъ» возставшихъ крестьянъ «кавалерію и артиллерію; по нимъ стрѣляли, ихъ рубили, многихъ прогнали сквозь строй, и бѣдные люди должны были покориться... Извѣстія о новгородскихъ происшествіяхъ привели всѣхъ въ ужасъ. Имп. Александръ, въ Европѣ покровитель и почти корифей либераловъ, въ Россіи былъ не только жестокимъ, но что хуже всего—безсмысленнымъ деспотомъ» [2]).

На этотъ разъ до членовъ тайнаго общества дошли преувеличенныя извѣстія, но и безъ всякихъ преувеличеній положеніе военныхъ поселянъ возбуждаетъ самое горячее негодованіе. Коренные жители военныхъ поселеній (до 45 лѣтъ включительно) были переодѣты въ военные мундиры, а люди старше этого возраста—въ кафтаны крестьянскаго покроя, но съ погонами, сѣрыя суконныя панталоны и фуражки съ козырькомъ; они должны были обстричь волосы и обрить бороды, которыя были оставлены лишь достигшимъ 50 лѣтъ. Въ Новгородской губ. было много раскольниковъ, и потому, по свидѣтельству одного лица, служившаго въ военныхъ поселеніяхъ, многіе крестьяне «самоубійствомъ избавляли себя отъ этой операціи, памятной народу подъ названіемъ забривки... Было не мало примѣровъ, что цѣлыя семейства «раскольниковъ» уходили во мхи, т. е. болотистые лѣса, и тамъ добровольно умирали голодною смертью [3]) Дома въ новгородскихъ поселеніяхъ по Волхову были построены по одному образцу, и въ каждомъ изъ нихъ должны были жить по 4 поселянина-хозяина, изъ одинокихъ же поселянъ составлялись сводныя хозяйства [4]). Ихъ дѣти съ 7 лѣтъ (позднѣе

---

[1]) Нерадивые военные поселяне (не въ одной Могилев. губ., а вездѣ) могли быть лишены домовъ, земли, всѣхъ выгодъ, предоставленныхъ имъ отъ казны, и выписаны въ дѣйствующіе баталіоны („Военн. Сборникъ“ 1861 г., т. XIX, стр. 354). Генер. Маевскій такъ описываетъ заключеніе браковъ въ военныхъ поселеніяхъ: „Полковникъ строитъ женщинъ въ одну, а солдатъ—въ другую, противоположную линію и, называя солдата по имени, даетъ ему невѣсту, вызывая ее по имени-жъ. Брачные эти союзы иногда не согласовались съ выборомъ и согласіемъ сердца, но учреждались полковникомъ, который раздавалъ невѣстъ, какъ овецъ, судя по достоинству жениха! «Рус. Стар.» 1873 г., № 10, стр. 435—436. Браки производились и по жребію. „Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія“. стр. 159; *Фабрицiусъ*, 579.

[2]) Эти извѣстія въ связи съ нѣкоторыми другими, сообщенными изъ Петербурга Трубецкимъ, и побудили Якушкина вызваться убить имп. Александра; товарищамъ по Союзу Спасенія съ трудомъ удалось отговорить его.

[3]) „Воспоминанія Г. И. Филипсона“, М. 1885, стр. 40.

[4]) Въ старорусскихъ округахъ коренные жители были оставлены въ своихъ деревняхъ, и постройка новыхъ, однообразныхъ жилищъ произведена тамъ

съ 10 л.) дѣлались кантонистами и также обмундировывались въ казенную форменную одежду, а по достиженіи 18 лѣтъ зачислялись на службу въ резервные баталіоны и эскадроны и затѣмъ переводились въ дѣйствующія части. «Мелочная регламентація всѣхъ подробностей обыденной жизни военныхъ поселянъ», говоритъ А. С. Пыпинъ, «оставляла ихъ подъ вѣчнымъ страхомъ отвѣтственности, при чемъ за малѣйшіе проступки виновные подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ; система фронтового обученія была основана на побояхъ и тѣлесныхъ наказаніяхъ [1]) и въ военныхъ поселеніяхъ истреблялись цѣлые воза розогъ и шпицрутеновъ. Всѣ военные поселяне работали безъ устали и цѣлые дни оставались подъ надзоромъ начальства, отъ котораго зависѣло увольненіе поселянъ на промыслы и разрѣшеніе имъ заниматься торговлей. Дѣти поселянъ зависѣли болѣе отъ начальства, чѣмъ отъ родителей, проводя большую часть времени въ школѣ и на учебномъ плацу. Дочери выдавались замужъ по назначенію начальства [2]). Всѣ земледѣльческія работы производились по приказамъ начальства [3]), и такъ какъ многіе изъ начальниковъ оказывались несвѣдующими въ сельскомъ хозяйствѣ и обращали вниманіе главнымъ образомъ на фронтовое обученіе [4]), то нерѣдко земледѣльческія работы начинались несвоевременно, хлѣбъ осыпался на корню, сѣно гнило отъ дождей. Къ этому присоединялось еще всеобщее взяточничество начальствующихъ лицъ, начиная съ офицеровъ». Всѣ эти отрицательныя стороны жизни военныхъ поселянъ, конечно не возмѣщались освобожденіемъ ихъ отъ податей и земскихъ повинностей, тѣмъ болѣе, что поселяне-хозяева обременены были постоемъ солдатъ (на каждаго поселянина два солдата), обязаны были доставлять сѣно для полковыхъ конныхъ заводовъ и исполнять общественныя рабо-

не была. *Карцовъ*. „О военныхъ поселеніяхъ при гр. Аракчеевѣ". „Рус. Вѣстн." 1890 г. № 3, стр. 83—84.

[1]) *О. П. Глинка* отмѣтилъ, какъ какой то К-нъ училъ назначенные къ поселенію батальоны: „людей выводили на ученье въ 3 ч. утра и продолжали учить до 12 ч. (т. е. 9 часовъ!). Потомъ одинъ часъ—на одѣваніе людей къ разводу и часъ же на разводъ. Для обѣда и роздыха 2 часа, т. е. до 4-хъ, и въ 4 ч. начиналось опять ученье, продолжавшееся до 9 ч. вечера Итого... люди учились въ сутки по 15 часовъ!!" (собственноручная замѣтка Глинки въ бумагахъ акад. Дубровина въ рук. отд. Академіи Наукъ).

[2]) Первоначально при этомъ выдавалось пособіе въ 25 р., затѣмъ оно было понижено до 15 и 10 р. а наконецъ, и совершенно прекращено (*Фабриціусъ* 80), въ могилевскомъ же поселеніи съ самаго начала выдавалось 10—15 р.

[3]) Аракчеевъ предписалъ, чтобы рабочій день въ маѣ и августѣ продолжался 13½, въ іюнѣ и іюлѣ 13 часовъ. *Крючекъ-Голубовъ*. „Главное военно-медицинское управленіе". „Столѣтіе военнаго министерства", т. VIII, ч. I, стр. 166.

[4]) Для строевыхъ ученій назначались 3 дня зимой и 2 лѣтомъ. *Фабриціусъ*, 529, прилож. стр. 252; *Карцовъ*, „Рус. Вѣстн.", 1890 г., № 3, стр. 103. *А. Петровъ*, 204.

ты за ничтожную плату (10 к. въ день). Послѣдняя обязанность возлагалась на тѣ семьи, гдѣ было два и болѣе работника [1]).

Каково было жить въ военныхъ поселеніяхъ, видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ округахъ число умершихъ превосходило число родившихся [2]).

Кн. Трубецкой сообщаетъ въ своихъ запискахъ, что начало устройства военныхъ поселеній встрѣтило «сопротивленіе въ крестьянахъ тѣхъ селеній, въ которыхъ положено ему начало. Жестокими мѣрами... преодолѣно было упорство крестьянъ». Онъ говоритъ также, что учрежденіе военныхъ поселеній возбудило большія опасенія въ членахъ Тайнаго Общества. По ихъ мнѣнію, эти поселенія составятъ «въ государствѣ особую касту, которая, не имѣя съ народомъ почти ничего общаго, можетъ сдѣлаться орудіемъ его угнетенія», и, «составляя особую силу, которой ничто въ государствѣ противостоять не можетъ, сама будетъ въ повиновеніи безусловномъ нѣсколькихъ лицъ или одного хитраго честолюбца [3]). Сверхъ того ненавистный начальникъ можетъ быть причиною возстанія ввѣренной ему части... Кто можетъ поручиться, что небольшое даже неудовольствіе не породитъ бунта, который, вспыхнувъ въ одномъ полку, быстро распространится въ цѣломъ округѣ поселенія? Эти опасенія подкрѣплены были возстаніемъ, начавшимся въ поселеніяхъ: новгородскомъ гренадерскомъ» (1816—18 г.г.), «бугскомъ [4]) и чугуевскомъ—уланскомъ» (1817—19 г.г.). «Жестокія мѣры, употребленныя противъ жителей мирныхъ селеній, изъ которыхъ хотѣли сдѣлать военныхъ поселенцевъ, возбудили всеобщее негодованіе. Исполнители, гр. Аракчеевъ и Виттъ [5]), сдѣлались предметомъ всеобщаго омерзенія, и имя самого императора не осталось безъ нареканія».

Сильное негодованіе, возбужденное чугуевскимъ усмиреніемъ, видно и изъ записокъ декабриста Александра Мих. Муравьева, брата Никиты Муравьева: «Ужасныя сцены произошли въ Чугуевѣ» (въ 1819 г.), «гдѣ священники благословляли своихъ духовныхъ дѣтей, рѣшившихся безстрашно выдержать мучительныя наказанія и проклинавшихъ тѣхъ, кто,

---

[1]) При обращеніи солдатъ въ военные поселяне хозяева выбирались преимущественно женатые, поступившіе на службу изъ той губерніи, гдѣ назначенъ округъ поселенія полка, и прослужившіе не менѣе 6 лѣтъ. „Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія", стр. 112, 200, 204—205, 217—218, 227; *Кирѣевъ*, „Рус. Вѣстн.", 1890 г. № 2, стр. 163, 169, № 3, стр. 101, 107—108. О мелочной регламентаціи всей жизни военныхъ поселянъ см. *Богдановичъ* V, 366.

[2]) *Богдановичъ*, V, 127.

[3]) Ср. Записки Якушкина, стр. 13.

[4]) О волненіи въ Бугскомъ военномъ поселеніи см. *Богдановичъ*, V, 358—364, *Петровъ*, 146—149, ср. *Bernhardi*, Geschichte Russlands, III. 182—184.

[5]) Генералъ гр Виттъ былъ устроителемъ и затѣмъ начальникомъ военныхъ поселеній въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ.

при видѣ ихъ, выказывалъ слабость [1])... Дивизіоны пѣхоты были приведены, чтобы исполнить обязанности палачей» [2]). Въ округѣ Чугуевскаго уланскаго полка волненіе вызвано было отобраніемъ отъ крестьянъ лучшихъ луговъ въ пользу поселенія. Военные поселяне отказались косить сѣно, котораго для полка требовалось 103.000 пудовъ. Волненіе перешло и въ округъ сосѣдняго Таганрогскаго полка. «Не хотимъ военнаго поселенія,—это служба Аракчееву, а не государю»,—заявили поселяне. Въ чугуевскомъ и таганрогскомъ округахъ были подвергнуты наказанію шпицрутенами (отъ 3.000 до 12.000 ударовъ) до 70 человѣкъ. Аракчеевъ не могъ скрыть отъ государя, что многіе изъ наказанныхъ умерли. Кромѣ того изъ состоящихъ подъ судомъ 235 человѣкъ были отосланы безъ тѣлеснаго наказанія на службу въ Оренбургъ, 29 женщинъ, участвовавшихъ въ волненіяхъ,—наказаны розгами [3]).

Одинъ изъ членовъ Южнаго Тайнаго Общества, Лихаревъ, попалъ временно на службу въ военныя поселенія; по его словамъ, тамъ онъ «былъ окруженъ отбросами общества и въ первый разъ почувствовалъ весь ужасъ существованія». Во время частыхъ служебныхъ путешествій онъ видѣлъ несчастное положеніе военныхъ поселянъ и былъ такъ тронутъ имъ, что «съ жаромъ и увлеченіемъ написалъ особую записку противъ этого учрежденія», которая чрезъ В. Л. Давыдова была передана Пестелю; въ ней онъ называлъ Аракчеева тайнымъ врагомъ государя и отечества и, по словамъ Давыдова, говорилъ «о большомъ роптаніи и неудовольствіи поселянъ». Лихаревъ набросалъ даже письмо къ имп. Александру, чтобы «раскрыть ему, насколько онъ обманутъ своими вѣроломными слугами и насколько страдаютъ интересы народа»; но его дядя (декабристъ Давыдовъ) уговорилъ его не посылать этого письма. Въ 1823 г. онъ замѣтилъ «рѣшительное неудовольствіе въ угнетенныхъ поселянахъ и большую готовность къ возмущенію». О томъ, что военные поселяне «легко могутъ покуситься на какія-нибудь крайности», Лихаревъ говорилъ и въ переданной Пестелю запискѣ, носившей названіе «Взглядъ на военныя поселенія» [4]). Якушкинъ въ своихъ [illegible] поселеній, свидѣтельствуетъ (стр. 26): «многія притѣснительствомъ перенести хутора на вительства, особенно военныя поселенія, [illegible] какъ-то: водяныя мельницы, ви [illegible] проч. могли поступать въ казенное [illegible] удѣльцами соглашенію за условленное воз- [illegible] 26.860. Домохозяевамъ въ Новомиргородѣ [illegible] свои дома на спосъ, или самимъ снести ихъ, а [illegible] зну съ уплатою вознагражденія по оцѣнкѣ. П. С. З. [illegible] йствительности собственники земель и домовъ очень [illegible] имущества на весьма невыгодныхъ для нихъ условіяхъ. [illegible] и сл.

[1]) По словамъ П. И. Турге[illegible] сительно своихъ сыновей. I[illegible]

[2]) *Schiemann.* Ermord[illegible]

[3]) *Богдановичъ*, V, 4[illegible]

[4]) Записка Лихар[illegible] что Пестель ее, «каже[illegible] поселеній въ Херсонс[illegible] написана рукою Шер[illegible] Ш. (Шервудомъ) в[illegible] тельно предположе[illegible]

разсказалъ дек. Арбузову, что одна малороссіянка въ воен- [illegible] ла убила своего ребенка со словами, что если его отъ нея [illegible] лучше вовсе не будетъ его на свѣтѣ. Фонъ-Брадке нашелъ [illegible] Елизаветградскаго уѣзда, прежде очень зажиточныхъ, «въ [illegible] бѣдствіи» послѣ приписки ихъ къ военнымъ поселеніямъ.

Благоденствія, чрезъ что во всѣхъ кругахъ петербургскаго общества стало проявляться общественное мнѣніе» [1]).

Въ совѣтѣ военныхъ поселеній служилъ также извѣстный членъ Сѣвернаго Общества Г. С. Батеньковъ. Въ одномъ изъ своихъ показаній онъ говоритъ: «Военныя поселенія представили мнѣ страшную картину несправедливостей, притѣсненій, наружнаго обмана, низостей, всѣ виды деспотизма». Въ запискѣ, написанной Батеньковымъ въ крѣпости 28 марта 1826 г., онъ высказываетъ такое мнѣніе: «Въ военныхъ поселеніяхъ считается экономически составленныхъ свыше 20 мил. рублей. Я самъ писалъ краткій отчетъ, въ которомъ доказывалъ, что поселенія сіи не только не стоятъ государству ни копѣйки, но, прикрывъ всѣ издержки, на нихъ употребленныя, имѣютъ собственный свой огромный капиталъ. Въ существѣ не такъ. Военныя поселенія стоятъ очень много: суммами, землями, лѣсами, работою и народомъ» [2]).

Въ разговорахъ съ членами Тайнаго Общества Батеньковъ указывалъ на возможность вызвать возмущеніе въ военныхъ поселеніяхъ, а когда Н. Бестужевъ однажды сказалъ Рылѣеву, что «Кронштадтъ есть нашъ островъ Леонъ» [3]), то Батеньковъ отвѣчалъ, что «напротивъ того, нашъ островъ Леонъ долженъ быть на Волховѣ, либо на Ильменѣ». И, дѣйствительно, какъ показали на слѣдствіи Рылѣевъ и Трубецкой, была мысль, въ случаѣ неудачи возстанія, отступить къ новгородскимъ военнымъ поселеніямъ и возмутить ихъ, а если бы и тамъ не удалось, то, прибавляетъ Рылѣевъ, стараться взволновать крестьянъ объявленіемъ „вольности“. Очевидно, ради осуществленія перваго предположенія Рылѣевъ совѣтовалъ Каховскому поступить на службу въ военныя поселенія [4]). Завалишинъ, Арбузовъ и Бѣляевъ I называли военныя посе-

---

стр. 116), что она составлена Лихаревымъ, Вадковскимъ или гр. Булгари, не основательно. Есть и прямое указаніе самого Шервуда о составленіи имъ этой записки: см. его донесеніе Дибичу 18 ноября 1825 г. *Шильдеръ*. «Имп. Николай Первый», I, 624.

страшно выдер- Арх. I, В, № 412, л. 3, 13, 19. По словамъ Якушкина (стр. 12—13), казалъ государю, что не понимаетъ пользы военныхъ посе-

Александръ I спросилъ мнѣнія Барклая де-Толли о селеній», то какъ онъ, такъ и Дибичъ выска-

[1]) При обращеніи солдатъ въ воеСм. ихъ мнѣнія въ «Военномъ Сборникѣ» мущественно женатые, поступившіе на службѣ къ С. Р. Воронцову (9 іюня 1818 г.) округъ поселенія полка, и прослужившіе не мѣ «казенные крестьяне будутъ военныя поселенія», стр. 112, 200, 204—205, 21[illegible], 338.
Вѣсти.", 1890 г. № 2, стр. 163, 169, № 3, стр. 101. Іоу за 1825 г., превосходилъ ментаціи всей жизни военныхъ поселянъ см. *Богдановичемъ* капиталомъ, запа-

[2]) *Богдановичъ*, V, 127. лся 30 милл. *Фабри-*

[3]) Ср. Записки Якушкина, стр. 13.

[4]) О волненіи въ Бугскомъ военномъ поселеніи см. еволюціонеръ Квирога 364, *Петровъ*, 146—149. ср. *Bernhardi*, Geschichte Russlands эпанія девятнадцаго

[5]) Генералъ гр. Виттъ былъ устроителемъ и затѣмъ ,
ныхъ поселеній въ Херсонской и Екатеринославской губерніемъ показаній, онъ

ленія «лучшею народною гвардіею» и считали удобнымъ утвердить тамъ временное правительство, опираясь на недовольство этихъ войскъ.

А. Бестужевъ, въ письмѣ къ имп. Николаю изъ крѣпости, говоритъ: «поселенія парализировали не только умы, но и всѣ промыслы тѣхъ мѣстъ», гдѣ были устроены» [1]). Аракчеевъ держался того мнѣнія, что «нѣтъ ничего опаснѣе богатаго поселянина. Онъ тотчасъ возмечтаетъ о свободѣ и не захочетъ быть поселяниномъ» [2]). Общее негодованіе, возбужденное военными поселеніями, видно и изъ сильной вылазки противъ нихъ въ письмѣ декабриста Штейнгеля къ имп. Николаю: «Насильственная система такъ называемаго водворенія поселеній принята была съ изумленіемъ и ропотомъ..., и не могло быть иначе. Послѣ тяжкой отечественной войны... внезапно войти въ селенія военною рукою, взять домы мирныхъ земледѣльцевъ, все дѣдами и самими ими нажитое, да и ихъ самихъ въ общій составъ новаго воинства—едва ли исторія представляетъ что-либо тому подобное. Къ сему присовокупить должно вынужденную уступку и покупку сосѣдственныхъ земель и помѣстій [3]): ибо одна несправедливость естественно рождаетъ другую. Возникли съ одной стороны—отчаянное сопротивленіе, особенно на югѣ, съ другой—строгія мѣры укрощенія. Всей Россіи сдѣлались извѣстны сцены, которыхъ никто не могъ полагать возможными въ царствованіе Александра I» [4]).

«полагалъ, что образованіе военныхъ поселеній будетъ» (вмѣстѣ съ «частыми возмущеніями» крѣпостныхъ крестьянъ и «всеобщими жалобами на лихоимства»)—причиною переворота».

[1]) По словамъ Мартоса, служившаго въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, съ обращеніемъ крестьянъ въ военныхъ поселянъ: «прощай, счастіе земледѣльца, прощай, промышленность, а съ нею и довольная, безбѣдная жизнь. Не стало торговли». «Рус. Арх.» 1893 г. № 8, стр. 533.

[2]) Записки ген. Маевскаго. «Рус. Стар.» 1873 г. № 10, стр. 458.

[3]) Хутора помѣщиковъ и казенныхъ крестьянъ въ Слободско-Украинской губерніи, находившіеся въ границахъ округовъ военныхъ поселеній, должны были подвергаться принудительному отчужденію для этихъ поселеній, съ вознагражденіемъ за землю – землею и съ обязанностью перенести хутора на отведенныя дачи, «капитальныя же заведенія, какъ-то: водяныя мельницы, винокуренные заводы, каменныя зданія» и проч могли поступать въ казенное вѣдомство лишь по взаимному съ владѣльцами соглашенію за условленное вознагражденіе. П. С. З. т. XXXIV, № 26.860. Домохозяевамъ въ Новомиргородѣ предложено было или продать свои дома на сносъ, или самимъ снести ихъ, а не то они поступали въ казну съ уплатою вознагражденія по оцѣнкѣ. П. С. З. т. XXXVII, № 28.740. Въ дѣйствительности собственники земель и домовъ очень часто лишались своего имущества на весьма невыгодныхъ для нихъ условіяхъ. См. *А. Петровъ*, стр. 141 и сл.

[4]) Завалишинъ разсказалъ дек. Арбузову, что одна малороссіянка въ военныхъ поселеніяхъ сама убила своего ребенка со словами, что если его отъ нея отнимаютъ, то пусть лучше вовсе не будетъ его на свѣтѣ. Фонъ-Брадке нашелъ 90.000 д. крестьянъ Елизаветградскаго уѣзда, прежде очень зажиточныхъ, «въ величайшей нуждѣ и бѣдствіи» послѣ приписки ихъ къ военнымъ поселеніямъ.

Одне изъ наиболѣе горячо написанныхъ страницъ «Русской Правды» Пестеля также посвящены военнымъ поселеніямъ. Между прочимъ, Пестель, подобно Штейнгелю, доказываетъ, что если бы вся армія была обращена въ военныя поселенія, то это было бы не безопасно для государства [1]).

Правильную оцѣнку военныхъ поселеній сдѣлалъ и Н. И. Тургеневъ въ своей книгѣ «La Russie et les Russes» [2]).

Цесаревичъ Константинъ самымъ рѣшительнымъ образомъ порицалъ военныя поселенія [3]), и вслѣдствіе этого поселяне желали, чтобы онъ сдѣлался императоромъ по смерти Александра I [4]).

VII.

Одною изъ значительныхъ причинъ недовольства интеллигенціи при Александрѣ I было цензурное преслѣдованіе русской молодой литературы, которое страшно стѣсняло ея развитіе и дѣлало почти совершенно невозможнымъ обсужденіе двухъ главныхъ вопросовъ русской жизни: уничтоженія крѣпостного права и преобразованія государственнаго строя Россіи на конституціонныхъ началахъ. Н. И. Тургеневъ, въ январѣ 1817 г., когда онъ еще не былъ членомъ Тайнаго Общества, съ возмущеніемъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, въ рѣчи, набросанной для Арза-

---

«Полки отнимали у крестьянина лучшія земли, дѣлали огромные посѣвы безъ всякаго соображенія съ трудовыми силами и предоставляли крестьянину лишь скудный остатокъ времени на его собственное хозяйство... Уборка крестьянскихъ полей отлагалась до окончанія этихъ работъ, и крестьяне часто привозили въ свои гумна одну лишь солому». По представленію фонъ-Брадке, гр. Виттъ, начальникъ южныхъ военныхъ поселеній, предписалъ, чтобы «каждый поселенецъ не употреблялъ болѣе трехъ дней въ недѣлю на казенную работу». «Рус. Арх.» 1875 г. № 3, стр. 259.

[2]) Даже сенаторъ Новосильцовъ говорилъ, что первое поколѣніе военныхъ поселянъ будетъ очень несчастно, а второе – сдѣлаетъ несчастною всю Россію. *Bernhardi*, Geschichte Russlands, III, 173.

[3]) Т. II, 310—319. Тургеневъ упрекаетъ Карамзина за то, что онъ не возвысилъ голоса противъ военныхъ поселеній. Когда Аракчеевъ прислалъ историку одно изъ многочисленныхъ постановленій относительно военныхъ поселеній, тотъ въ отвѣтномъ письмѣ назвалъ ихъ «однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій нынѣшняго славнаго для Россіи царствованія» («Письма главн. дѣят. въ царств. Имп. Александра», напеч. Дубровинымъ. Спб., 1883, стр. 380). Впрочемъ, въ бесѣдахъ съ государемъ Карамзинъ не скрывалъ своего отрицательнаго къ нимъ отношенія. По желанію Александра I, онъ посѣтилъ новгородскія военныя поселенія въ 1825 г. Аракчеевъ умѣлъ показать товаръ лицомъ, и это столь вредное учрежденіе не вызвало со стороны Карамзина горячаго протеста, хотя онъ и остался при прежнемъ мнѣніи. *Погодинъ*. Карамзинъ, II, 354—5; «Письма Карамзина къ Дмитріеву», ср. 171, 400. *Шильдеръ*, IV, 244—246, ср. 173, 468.

[4]) Schiemann. Die Thronbesteigung Nikolaus I. Berl. 1902. S. 112.

[4]) Записки Маевскаго. «Рус. Стар.» 1873 г. № 11, стр. 772.

маса, чтеніе Греча на годовомъ собраніи Публичной Библіотеки 2-го января этого года («Обозрѣніе литературы 1816 г.»), въ которомъ тотъ говорилъ о свободѣ книгопечатанія и вмѣстѣ съ тѣмъ превозносилъ цензуру, слѣдствіемъ которой будто бы является «существованіе благоразумной свободы». По этому поводу Тургеневъ замѣчаетъ: «Я невольно вспомнилъ о томъ, какъ не только у насъ, но и во всей Европѣ пріятными наименованіями стараются покрывать наготу деспотизма и порока. Давно уже прямодушные люди не вѣрятъ словамъ, сопровождаемымъ эпитетомъ благоразумія, и подъ благоразумнымъ поведеніемъ разумѣютъ тонкое, часто подлое поведеніе, либо подъ благоразуміемъ цензуры—благоразуміе полиціи». Въ томъ же году, 3-го сентября, Тургеневъ говоритъ въ дневникѣ о бывшихъ въ этотъ день разсужденіяхъ о цензурѣ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. Это былъ рѣшительный моментъ въ столкновеніи двухъ министерствъ—народнаго просвѣщенія и полиціи—изъ-за правъ на цензуру [1]).

Въ 1818 г. (7 октября) Тургеневъ заноситъ въ свой дневникъ слѣдующія мысли по поводу одного зловреднаго распоряженія по цензурѣ. «Какъ мало надежды для Россіи во всемъ, что теперь имѣетъ вліяніе на будущую судьбу ея. Недавно мнѣ сказывали, что министръ просвѣщенія предписалъ цензурѣ, чтобы она ничего не пропускала прежде, нежели представляемое къ напечатанію будетъ одобрено тѣмъ министромъ, до котораго части управленія касается написанное [2])... Законъ для этихъ людей—ничего, потому что они думаютъ имѣть довольно кредита, чтобы въ свою очередь дѣлать законы». Въ 1820 году, уже будучи членомъ Союза Благоденствія, Тургеневъ, отмѣтивъ въ дневникѣ извѣстіе, что Магницкій составляетъ цензурный уставъ [3]), и обозвавъ его «нравственнымъ Шварцемъ» [4]), продолжаетъ: «Лучшій цвѣтокъ въ гражданскомъ вѣнкѣ Александра [5]) будетъ сорванъ рукою Магницкаго! И добрые люди не могутъ закричать на хищника, на вора! Вотъ чему подвержены государи самодержавные! Если майнцскій журналистъ [6]) при введеніи въ Германіи цензуры сказалъ, что свобода книгопечатанія

[1]) См. *Добавленія* въ концѣ этой книги.

[2]) Дѣйствительно, 10 февраля 1817 г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія (кн. Голицынъ) предписалъ, чтобы и особыми книгами петербургскій цензурный комитетъ не позволялъ печатать ничего относящагося до правительства, не испросивъ прежде согласія на то министерства, о предметахъ вѣдомства котораго разсуждается въ книгѣ.

[3]) Мысли и проекты Магницкаго о цензурѣ изложены Сухомлиновымъ „Изслѣдованія" I, 463 и слѣд.

[4]) Извѣстный уже намъ командиръ Семеновскаго полка.

[5]) Цензурный уставъ въ 1804 г., сравнительно либеральный. *Сухомлиновъ*. „Изслѣдованія" I, 414—415, 419.

[6]) Вѣроятно Фр. Лэне, редакторъ Mainzer Zeitung. *Salomon* Geschichte des deutschen Zeitungswesens. Bd. III, 1906, S. 142.

умираетъ съ чистою совѣстью, то что скажемъ мы при уничтоженіи цензурнаго устава, которому, впрочемъ, указы министерскіе не позволяютъ дѣйствовать, что скажемъ мы о сей перемѣнѣ въ отношеніи къ нашей не свободѣ книгопечатанія, но просто къ нашему книгопечатанію? Это едва зачавшійся ребенокъ, истребленный врачемъ-самозванцемъ. Долженъ ли онъ быть безгрѣшнѣе взрослой и давно уже совершеннолѣтней германской свободы печатанія?» Тургеневъ хотѣлъ бы поставить эпиграфомъ къ своему цензурному уставу слова Ривароля [1]): «замѣтили, что, чѣмъ менѣе человѣкъ читалъ, тѣмъ болѣе опаснымъ онъ считаетъ книги, тѣмъ болѣе онъ старается привести всѣхъ въ свое положеніе».

Поэтъ В. К. Кюхельбекеръ, членъ Сѣвернаго Общества, въ своемъ показаніи говоритъ, что одною изъ причинъ его «неудовольствія настоящимъ положеніемъ дѣлъ было крайнее стѣсненіе, которое россійская словесность претерпѣвала въ послѣднее время не въ силу цензурнаго устава, но, какъ полагалъ я, отъ самоуправства цензоровъ». Онъ обращаетъ вниманіе на то, что такое «до невѣроятія тягостное стѣсненіе породило рукописную словесность», которая въ глазахъ читателей «получаетъ цѣну отъ самого запрещенія». Въ видѣ примѣра запретныхъ произведеній онъ называетъ трагедію Княжнина «Вадимъ» (авторъ ея, нужно замѣтить, вовсе не былъ повиненъ въ тѣхъ республиканскихъ идеяхъ, въ которыхъ онъ былъ заподозренъ, уже послѣ своей смерти, при Екатеринѣ II). А. Бестужевъ, на вопросъ слѣдственной коммиссіи о Грибоѣдовѣ, между прочимъ, показалъ, что съ нимъ, «какъ съ человѣкомъ свободномыслящимъ, нерѣдко мечталъ о желаніи преобразованія Россіи... Онъ, какъ поэтъ, желалъ этого для свободы книгопечатанія». Спрошенный по этому поводу, Грибоѣдовъ отвѣчалъ: «я говорилъ не о безусловной свободѣ книгопечатанія, желалъ только, чтобы она не стѣснялась своенравіемъ иныхъ цензоровъ». Слова эти, конечно, не были искреннимъ выраженіемъ мнѣнія Грибоѣдова о цензурѣ, которая препятствовала появленію въ свѣтъ «Горя отъ ума» [2]).

Не мало говоритъ о цензурѣ декабристъ бар. В. П. Штейнгель и въ своемъ показаніи во время слѣдствія, и въ письмѣ къ имп. Николаю. Въ показаніи 9 февраля 1826 г. Штейнгель указываетъ на то,

---

[1]) Французскій писатель (1753 - 1801), эмигрантъ, одинъ изъ дѣятелей контръ-революціи.

[2]) Нельзя еще сказать положительно, былъ-ли Грибоѣдовъ членомъ Тайнаго Общества, но онъ былъ друженъ со многими изъ его членовъ и во всякомъ случаѣ трудился, какъ писатель, въ духѣ общества. Если онъ не участвовалъ въ Обществѣ, то частью вслѣдствіе желанія декабристовъ сохранить въ его лицѣ для Россіи громадный литературный талантъ, частью вслѣдствіе скептическаго настроенія самого Грибоѣдова. См. ст. П. К. Пиксанова въ „Исторіи русской литературы", подъ ред. проф. Овсянико-Куликовскаго и Е. Аничкова. Ср. *Щеголевъ* „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы". Спб. 1905.

что правительство обнаружило нѣкоторую терпимость къ либеральнымъ идеямъ, «чтобы распространеніемъ просвѣщенія пріуготовить Россію къ принятію конституціонныхъ началъ. Отъ министерства внутреннихъ дѣлъ издаваемъ былъ журналъ [1]), въ которомъ помѣщались весьма свободныя статьи и которымъ публика пріучалась судить о дѣйствіяхъ правительства. Потомъ нѣсколько лѣтъ существовалъ «Духъ Журналовъ» [2]), въ качествѣ оппозиціоннаго періодическаго изданія, въ которомъ печатались весьма сильныя опроверженія противъ распоряженій правительства, защищаемыхъ министеріальною газетою «Сѣверною Почтою». Въ письмѣ къ Николаю I Штейнгель также отмѣчаетъ, что по учрежденіи министерствъ «была ослаблена цензура», «поощрены переводы печатаніемъ съ высочайшаго соизволенія книгъ, дающихъ понятіе о новыхъ идеяхъ относительно основанія государственнаго блага; такъ напечатаны: «Конституція Англіи» де-Лольма (въ 1806 г.), творенія Монтескьё, Бентама и другихъ».—Нѣсколько далѣе, въ томъ же письмѣ Штейнгель говоритъ: «хотя постепенно цензура дѣлалась строже, но въ то же время явился феноменъ, небывалый въ Россіи—девятый томъ «Исторіи Государства Россійскаго», смѣлыми, рѣзкими чертами изобразившій всѣ ужасы неограниченнаго самовластія и одного изъ... царей открыто именовавшій тираномъ, какому подобныхъ мало представляетъ исторія». Штейнгель дивится, что цензура, привязывавшаяся даже къ словамъ, въ родѣ «ангельская красота», пропускала такія произведенія, какъ «Волынскій», «Исповѣдь Наливайки» (Рылѣева), «Братья Разбойники» (Пушкина), статью объ избраніи на царство Годунова (въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1825 г. [3]); во время междуцарствія въ одномъ магазинѣ были выставлены портреты испанскихъ революціонеровъ Ріега и Квирогп. «Происшествіе съ переводомъ сочиненія пастора Госнера дало поводъ

---

[1]) „С.-Петербургскій Журналъ", выходившій въ свѣтъ въ 1804—1809 г. Въ немъ помѣщались отчеты министра внутреннихъ дѣлъ, представляемые государю и написанные Сперанскимъ; опубликованіе этихъ отчетовъ было нововведеніемъ Кочубея. Въ „С.-Петербургскомъ Журналѣ" печатались также переводы изъ сочиненій Бентама и нѣк. друг. авторовъ.

[2]) Началъ выходить въ свѣтъ въ 1815 г. и былъ запрещенъ въ 1820 г. См. о немъ *Пятковскій* „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія". Спб. 1876 г. т. I, 301—316. Кн. Голицынъ 6 окт. 1820 г. велѣлъ съ 1821 г. прекратить „Духъ Журналовъ" за напечатанныя въ 1820 г. статьи въ № 3 „Надежды англичанъ по случаю новаго тарифа русскаго" (стр. 139—140, переводъ изъ „Times") и въ №№ 17 и 18 (стр. 187—188) за порицаніе монархическаго правленія. „Духъ Журналовъ" отстаивалъ свободу торговли и выражалъ сочувствіе свободѣ политической, но вмѣстѣ съ тѣмъ защищалъ крѣпостное право. Ср. мою книгу „Крестьянскій вопросъ" I, 406—407; *Тугинъ-Барановскій* „Русская фабрика". Спб. 1895 г., стр. 269—276.

[3]) Штейнгель говоритъ, очевидно, о „Запискахъ о дѣлахъ московскихъ, веденныхъ съ 1598 г. Гримовскимъ и представленныхъ Сигизмунду III, королю польскому", которыя были напечатаны въ „Сѣверн. Архивѣ" 1825 г. № 21, стр. 3—51.

къ немалому волненію умовъ [1]). Удаленіе кн. Голицына отъ министерства просвѣщенія и уничтоженіе министерства духовныхъ дѣлъ сдѣлалось эпохою низложенія мистицизма и библизма [2]). Представилось соблазнительное торжество извѣстнаго Фотія, представляющаго святого ревнителя церкви и въ то же время обирающаго знаменитую свою поклонницу [3]). Обнародованъ оскорбительный для кн. Голицына рескриптъ къ новому министру просвѣщенія (именной указъ Шишкову, 17 ноября 1824 г.) по случаю дозволенія напечатать книгу Станевича, за пропущеніе коей прежде пострадалъ духовный цензоръ Иннокентій; между тѣмъ какъ читавшіе книгу сію въ публикѣ увѣряютъ, что она ни той, ни другой чести не заслуживаетъ [4]). Объявлено запрещеніе и самая конфискація тѣхъ книгъ, кои прежде напечатаны съ высочайшаго дозволенія. Пріостановленъ даже кахетизисъ архіепископа Филарета, на заглавномъ листѣ коего означено было, что онъ святѣйшимъ синодомъ разсмотрѣнъ и одобренъ и напечатанъ по высочайшему соизволенію. Надобно было видѣть дѣйствіе такого запрещенія: въ два—три дня въ Москвѣ выкуплены всѣ экземпляры за тройную цѣну» [5]). Якубовичъ въ письмѣ къ Николаю I указалъ на вредъ отъ подавленія общественнаго или, какъ тогда говорили, «общаго» мнѣнія [6]).

---

[1]) О дѣлѣ Госнера см. *Пыпинъ* „Россійское библейское общество", „Вѣстникъ Европы" 1868 г. № 11, стр. 260, 263, 264—283. „Записки" Греча, 314—323. „Записки, мнѣнія и переписка" Шишкова т. II. Именные указы 25 апр. 1824 г. о высылкѣ Госнера изъ Россіи см. „Сборн. ист. мат. извлеч. изъ архива соб. Е. В. Канц." VI, 119—120.

[2]) См. статьи *Пыпина* „Росс. библ. общество", „Вѣстн. Евр." 1868 г. №№ 8, 9, 11 и 12; „Г-жа Крюденеръ", „В. Е." 1868 г. № 8 и 9. „Имп. Александръ I и квакеры", „В. Е." 1869 г. № 10. *Дубровинъ* „Наши мистики-сектанты. Лабзинъ и его журналъ „Сіонскій Вѣстникъ". „Рус. Стар." 1894 г. № 9—12, 1895 г. № 1.

[3]) О Фотіи см. статьи *Карновича* („Рус. Стар." т. XIII) и *Миропольскаго* („Вѣстн. Евр." 1878 г. №№ 11 и 12). Автобіографія Фотія въ „Рус. Стар." 1894—96 гг.

[4]) П. собр. зак. т. XL, № 30, 119. Объ Архимандритѣ Иннокентіи и книгѣ Станевича, первое изданіе которой вышло въ 1818 г., см. *Пыпинъ*. „Росс. библ. общ.", „Вѣстн. Евр." 1868 г. № 11, стр. 244, 248—255, № 12, стр. 710—712. *В. Жмакинъ* „Иннокентій, епископъ пензенскій и саратовскій. 1885 г. Записки Шишкова II, 178—179, 209—214.

[5]) Ср. ст. *Пыпина* № 12, с. 712—716: Зап. Шишкова II, 205—208, 215—217; *Сушковъ* зап. о жизни Филарета, прил. 49—53. Якушкинъ въ мемуарахъ напоминаетъ еще о запрещеніи „Естественнаго Права" Куницына (ч. I, 1818 г., ч. II, 1820 г.). Главное правленіе училищъ признало это сочиненіе „противорѣчащимъ явно истинамъ христіанскимъ и клонящимся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ": оно было запрещено, изъято изъ продажи и отобрано какъ изъ библіотекъ, такъ и отъ частныхъ лицъ, успѣвшихъ ее пріобрѣсти, а самъ Куницынъ уволенъ отъ преподаванія въ университетѣ. *Феоктистовъ*, «Магницкій». Спб. 1865 г. стр. 9—17; *Григорьевъ* „Имп. С.-Петерб. университетъ". Спб. 1870 г., стр. 35; *Сухомлиновъ*, Изслѣд. I, 205.

[6]) Батеньковъ въ своемъ показаніи упоминаетъ о гоненіи на стихи Язы-

Декабристъ Александръ Мих. Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ на стѣсненіе ввоза иностранныхъ книгъ. Нужно однако, замѣтить, что книгопродавцы, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, имѣли возможность обходить эти стѣснительныя мѣры. Секретарь цензурнаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Гуммель показалъ, что онъ никогда не принималъ лично ящиковъ съ книгами; онъ получалъ только фактуру или списки книгъ, на которыхъ отмѣчалъ красными чернилами названія запрещенныхъ книгъ и требовалъ и оставлялъ у себя тѣ, которыя признавались подлежащими разсмотрѣнію цензуры. Но фактуры содержали въ себѣ только названія книгъ, безъ обозначенія, сколько экземпляровъ привезено, такъ что книгопродавцы могли объявлять такое число, какое имъ заблагоразсудилось, и они отсылали обратно, въ случаѣ признанія книгъ запрещенными, указанное ими количество. По показанію другого секретаря, Лерхе, Вязьмитиновъ, чтобы избавить книгопродавцевъ отъ убытка за выписанную книгу, иногда приказывалъ оставлять ее въ цензурѣ, а книгопродавцамъ выдавались за нее деньги. По словамъ Гуммеля, въ Ригѣ и другихъ портахъ на Балтійскомъ морѣ книгопродавцы зная, что та или другая книга запрещена, удерживались отъ обозначенія ея въ своихъ фактурахъ и каталогахъ [1]).

Крайне возмущало также членовъ Тайнаго Общества стѣсненіе университетской науки и преслѣдованіе профессоровъ. 14 сентября 1820 г. Н. Тургеневъ записалъ въ своемъ дневникѣ, что въ инструкціи директору казанскаго университета предписывалось «смотрѣть, чтобы жены сторожей не мыли бѣлья и не пекли хлѣбовъ на сторону, чтобы учители внушали покорность юношеству, чтобы внушали, что всѣ языческіе герои были пустые гордецы; чтобы директоръ входилъ въ сношеніе съ полиціею для узнанія, куда, къ кому ходятъ въ городъ учи-

---

кова о новгородцахъ. Вѣроятно, дѣло идетъ о написанной въ 1825 г. „Военной новгородской пѣснѣ 1170 года", гдѣ недозволительнымъ, даже и съ тогдашней цензурной точки зрѣнія, могли считаться развѣ два слѣдующихъ стиха:

„Не выдадимъ чести народной—
Свободы наслѣднаго права".

(„Стихотворенія Н. Языкова", Спб. 1833 г., стр. 201).

[1]) Нѣкоторыя лица (въ томъ числѣ Никита Муравьевъ и Чаадаевъ) получали запрещенныя книги по особому разрѣшенію, подписанному секретаремъ комитета при министерствѣ полиціи или внутреннихъ дѣлъ. Архивъ госуд. совѣта, дѣла комитета 1807 г. дѣло 1825 г. № 1, л. 509, 498 об. 409, 511; «Русск. Стар.» 1908 г. № 10, стр. 96. О цензурѣ въ царствованіе имп. Александра I, кромѣ книги Сухомлинова, см. еще *Скабичевскій*. „Очерки исторіи русской цензуры". Спб. 1892. Отмѣтимъ, что въ 1825 г. гр. Аракчеевъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія волю государя, чтобы въ журналахъ не было помѣщаемо ничего о военныхъ поселеніяхъ; кромѣ тѣхъ статей, которыя будутъ присланы отъ гр. Аракчеева. „Истор. свѣд. о цензурѣ въ Россіи", стр. 30.

тели и что они дѣлаютъ. На сей инструкціи написано: «быть по сему». Чувства мои къ Магницкому—продолжаетъ Тургеневъ—не перемѣнились» [1]). 24 сентября 1821 г. онъ же отмѣтилъ: «четыремъ профессорамъ здѣшняго университета» (Герману, Арсеньеву, Галичу и Раупаху) «запрещено читать лекціи, которыя кураторъ называетъ обдуманною системою невѣрія. Что дѣлаютъ сіи злые невѣжды изъ религіи христіанской? Veulent ils pousser ses principes dans leurs dernières conséquences (хотятъ ли они довести свои принципы до крайнихъ выводовъ изъ нихъ). Тогда они ужаснулись бы, какъ сія религія несогласна съ гражданскимъ порядкомъ». 10 ноября того же года Тургеневъ записалъ: «судъ надъ профессорами ужасенъ не по лицамъ, которыя его производятъ, но по духу, который онъ свидѣтельствуетъ. Что съ этимъ будетъ? Мнѣ даже думать объ этомъ несносно. Будетъ ли это описано когда-нибудь?» Каховскій въ письмѣ къ имп. Николаю говоритъ объ этомъ же событіи: «чтобы доказать, сколь старались погасить» просвѣщеніе, «достаточно напомнить», что въ петербургскомъ университетѣ «за недоказанное преступленіе разогнаны лучшіе профессоры» [2]). По словамъ А. Бестужева (въ письмѣ къ имп. Николаю), «ученые жаловались на то, что имъ не даютъ учить, молодежь на препятствія въ ученьи». А. М. Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что «профессора нашихъ университетовъ были преданы инквизиторской власти» [3]). Штейнгель въ одномъ изъ своихъ показаній упоминаетъ о «происшествіяхъ въ виленскомъ и казанскомъ университетахъ». Изъ виленскаго университета были удалены въ 1824 г. 4 профессора: талантливый профессоръ исторіи Лелевель (извѣстный историкъ Польши), извѣстный знатокъ литовскаго права Даниловичъ, профессоръ теологіи Боровскій и талантливый профессоръ философіи Голуховскій. Послѣднему была поставлена въ вину изданная имъ за границею два года

[1]) Инструкція директору казанскаго университета, утвержденная государемъ 17 января 1820 г., напечатана въ „Сборн. постановл. по минист. народ. просв.“. Спб. 1864 г. т. I; ср. о ней въ сочиненіи *И. И. Запоскина* „Исторія казанскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія“. Т. III. Каз. 1901 г., стр. 343—346; *Феоктистова*, 66—68, 147.

[2]) См. *Сухомлинова* „Изслѣдованія“ I, 254—266, 271—301, 337—397. „Чтен. Общ. Исторіи Древностей Россійскихъ“ 1862 г. кн. 3, стр. 179—205.

[3]) Въ казанскомъ университетѣ послѣ ревизіи Магницкаго 1819 г. были удалены 9 профессоровъ и одинъ преподаватель-студентъ и позднѣе въ 1823 г.— профессоръ естественнаго права Солнцевъ и одинъ лекторъ нѣмецкаго языка (1821 г.), *Запоскинъ* „Ист. каз. унив.“ т. III, Каз. 1901 г., стр. 313—315, 504—541. Въ Харьковѣ преслѣдованіе опаснаго духа въ преподаваніи вызвало увольненіе двухъ профессоровъ: философіи—Шада (см. объ этомъ книгу проф. Багалѣя, Харьковъ, 1899 г.) и математики Осиповскаго. Въ Дерптѣ попечитель Ливенъ удалилъ изъ богословскаго факультета трехъ профессоровъ, обвиненныхъ въ раціонализмѣ. *С. В. Рождественскій*, „Историч. обзоръ дѣятельности минист. народн. просвѣщ.“ 1802—1902. Спб. 1902 г., стр. 125.

ранѣе книга «Философія въ ея отношеніи къ бытію цѣлыхъ народовъ и людей порознь» [1]). Понятно, что съ удаленіемъ изъ университетовъ людей живыхъ и талантливыхъ, очень многіе профессора блистали болѣе благонамѣренностью, чѣмъ научными и педагогическими заслугами, такъ что въ первые годы царствованія Николая I, М. Н. Муравьевъ, бывшій членъ Союза Благоденствія, далъ такую мѣткую и прочувствованную характеристику тогдашнихъ университетскихъ профессоровъ въ запискѣ, представленной государю: «Обратите вниманіе на многіе наши университеты, и вы увидите профессоровъ, читающихъ, подъ предлогомъ высшихъ наукъ, самыя элементарныя части оныхъ, приличныя гимназіямъ; въ преподаваніи не найдете ни постепенности, ни методы; профессоръ преподаетъ ту азбуку, которую затвердилъ тому 30 лѣтъ; наука двинулась впередъ, а онъ остался при старомъ и сдѣлался совершенно ей чуждымъ. У насъ профессора не имѣютъ надобности заниматься науками и слѣдовать за ихъ успѣхами. Они ищутъ чиновъ; ничто другое не подстрекаетъ ихъ честолюбіе, и любви къ наукѣ они не имѣютъ. Между тѣмъ спокойная, лѣнивая и безполезная жизнь ихъ доставляетъ имъ чины, и они любимы начальниками за смиренномудріе, а на успѣхи ихъ преподаванія никто не обращаетъ вниманія. Устройте, чтобы профессора обязаны были издавать ежегодно въ свѣтъ свои лекціи, и вы увидите, что большая половина оныхъ столько уже чужды наукамъ, что не въ состояніи будутъ сего исполнить. У насъ наука среди великолѣпныхъ зданій, для нея сооруженныхъ, при множествѣ служителей, поставленныхъ для прославленія и распространенія благодѣтельнаго свѣта ея, есть настоящая сирота» [2]).

---

[1]) См. *Жуковичъ*, „Сенаторъ Новосильцевъ и проф. Голуховскій“ „Историч. Вѣстн.“ 1887 г. № 9; *А. Л. Погодинъ*. Виленскій учебный округъ 1803—1831 г. Спб. 1891 г. (Введеніе къ IV т. „Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива мин. нар. просв.“), стр. LXXXIII–XCI; *Lelevel*. Novosiltzov à Vilna Brux. 1844. О Даниловичѣ см. книгу бар. *А. Э. Нольде* „Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при гр. Сперанскомъ“. Вып. 1, гл. IV, Спб. 1906.

[2]) Попечитель харьковскаго университета Перовскій, бывшій при Александрѣ I масономъ и пріобрѣвшій при Николаѣ I извѣстность, какъ писатель подъ псевд. Погорѣльскій, въ запискѣ (поданной имп. Николаю) 20 апр. 1826 г. говоритъ, что мѣры, принятыя министерствомъ народнаго просвѣщенія въ „предпослѣдніе года“ царствованія Александра I, „несообразныя съ потребностями отечества нашего, вступившаго въ первый рядъ государствъ европейскихъ, причинили болѣе вреда, нежели пользы. Онѣ ограничивались большею частью... утѣсненіемъ наукъ, самихъ по себѣ не вредныхъ, и исключеніемъ изъ университетовъ людей, которые, при надлежащемъ за ними надзорѣ, могли бы быть полезны обществу. Такимъ образомъ, университеты наши (я говорю въ особенности о харьковскомъ, болѣе другихъ мнѣ извѣстномъ) пришли въ совершенный упадокъ“. „Русская Старина“ 1901 г. № 6, стр. 366. См. о Перовскомъ въ книгѣ *Кирпичникова* „Очерки по исторіи новой русской литературы“, 1896. Срав. *Гри-*

Правительство не ограничивалось гоненіемъ на профессоровъ: студентовъ и даже гимназистовъ ссылали въ Сибирь и сдавали въ солдаты. По словамъ А. М. Муравьева, «четырнадцатилѣтній» Платеръ «за школьническую проказу» въ виленскомъ университетѣ былъ отданъ въ солдаты, вмѣстѣ со многими своими товарищами [1]). Тутъ есть нѣкоторая неточность. Дѣло было не въ университетѣ, а въ виленской гимназіи, находившейся, какъ и другія учебныя заведенія виленскаго округа, подъ надзоромъ виленскаго университета. Въ день 3 мая 1823 г. ученикъ 5 класса Платеръ, вмѣстѣ съ тремя товарищами, написали на классной доскѣ: «Vivat konstitucya 3 maja, jak slodkie wspomnienie dla nas rodaków, lecz nie ma ktoby się o nią dopomniał» (да здравствуетъ конституція 3 мая, какое пріятное воспоминаніе для насъ соотечественниковъ, но некому о ней напомнить). Мѣстный военный губернаторъ Римскій-Корсаковъ страшно раздулъ эту исторію и донесъ о ней цес. Константину Павловичу; въ Вильну былъ присланъ изъ Варшавы Новосильцовъ, подстрекавшій имп. Александра къ реакціонной политикѣ относительно Польши, и дѣло кончилось тѣмъ, что 15-лѣтній Платеръ и его трое товарищей были отданы въ солдаты [2]).

Константинъ Павловичъ поручилъ еще Новосильцову произвести разслѣдованіе о студентѣ виленскаго университета Масальскомъ, «объявившемъ себя передъ полиціймейстеромъ въ Вильнѣ либералистомъ и противникомъ монархическаго владѣнія». Обыски, произведенные по этому поводу, повели къ открытію двухъ кружковъ: «учебнаго» и «моральнаго» въ свислочской гимназіи и обществъ филоматовъ, променистыхъ (лучезарныхъ) [3]) и филаретовъ, образовавшихся среди студентовъ виленскаго университета и мѣстной молодежи. По разслѣдованію Новосильцова къ обществу филаретовъ принадлежало 166 человѣкъ, изъ нихъ были разысканы 135. Члены его: Занъ, Чечотъ и Сузинъ, были приговорены къ заключенію въ крѣпости, первый на годъ, а двое другихъ на 6 мѣсяцевъ, 17 человѣкъ (въ томъ числѣ знаменитый поэтъ Адамъ Мицкевичъ) были переведены на службу въ русскія губерніи [4]) или высланы изъ западнаго края, трое были отданы подъ надзоръ полиціи и не могли поступить на службу безъ согласія вел. кн. Констан-

горьевъ „Имп. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія". Спб. 1870, стр. 67 и слѣд.

[1]) *Schiemann.* Die Thronbesteigung Nikolaus I. Berl. 1902, S. 163.

[2]) *А. Погодинъ*, CIII—CXII. А. М. Муравьевъ сообщаетъ, что мать Платера, умоляя государя о помилованіи сына, указала на его годы, на что Александръ I отвѣтилъ, что онъ „можетъ быть флейтщикомъ".

[3]) Университетское начальство, произведя разслѣдованіе о променистыхъ въ 1822, не нашло въ нихъ ничего опаснаго.

[4]) См. свидѣтельство Мицкевича о себѣ: „Былое" 1906 г. № 4, стр. 39.

тина Павловича, два профессора-ксендза полоцкой іезуитской академіи лишились мѣста [1]).

А. М. Муравьевъ говоритъ еще въ своихъ воспоминаніяхъ, что «двое ребятъ (enfants) Малесонъ и Киръ, яко бы за неповиновеніе въ виленскомъ университетѣ, томились цѣлые годы въ Сибири». Тутъ опять нѣкоторая неточность, какъ и относительно Платера. Малесонъ (19 л.), сынъ директора пятикласснаго училища въ Кейданахъ, вмѣстѣ съ товарищами написалъ политическія прокламаціи и расклеилъ ихъ на дверяхъ и воротахъ на площади и въ другихъ мѣстахъ. Новосильцовъ, которому объ этомъ было донесено, приказалъ молчать и ждать; въ третьей прокламаціи были угрозы противъ Константина Павловича,— было сказано: «онъ не уйдетъ изъ нашихъ рукъ». Тогда эти юноши послѣ разслѣдованія, произведеннаго самимъ Новосильцовымъ, во время котораго ихъ подвергали тѣлеснымъ истязаніямъ (польскія показанія объ этомъ подтверждаются свидѣтельствомъ русскаго генерала гр. Сухтелена [2]), были преданы военному суду въ Вильнѣ. Малесонъ и его товарищъ Тиръ (а не Киръ) были сосланы въ каторжную работу въ Нерчинскъ на всю жизнь, другіе подверглись инымъ наказаніямъ (между прочимъ, публичнымъ тѣлеснымъ). Кейданская школа вслѣдствіе повелѣнія государя (20 февр. 1824 г.) была закрыта, и Новосильцовъ запретилъ принимать ея бывшихъ учениковъ во всѣ другія учебныя заведенія [3]).

Другая исторія разыгралась въ шестиклассной гимназіи въ жмудскомъ мѣстечкѣ Крожахъ, когда было получено извѣстіе объ арестѣ променистыхъ. Одинъ ученикъ подговорилъ товарищей въ 1823 г. составить общество «черныхъ братьевъ»; желая распространить его [4]),

---

[1]) *Л. Л. Поповинъ*, XCII—CIII, CXIV—CXXIII, *Lelecel*, 3—13, 21—25, 37—41 Донесеніе Новосильцова Константину Павловичу напечатано Вержбовскимъ въ „Варшав. унив. изв." 1897 г., №№ 8—9. Filareci i Filomaci. List *Ignacego Domejki*. Rocznik Towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. Rok 1870—72. Poznań. 1872. str. 1—28. *П. Кутейниковъ*. Мицкевичъ и виленскіе филареты: „Ист. Вѣстн." 1884 г. № 12. Указаніе (1822 г.) на тайное общество въ виленскомъ университетѣ въ доносѣ изъ-за границы см. *Askenazy*, Łukasiński II, 372—373.

[2]) Онъ донесъ начальнику штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, Екельну, что „по увѣщеванію *и другимъ средствамъ, въ такомъ случаѣ полезнымъ*", одинъ воспитанникъ открылъ всю истину". Арх. Военноучен. отд. I. № 1046 а), ср. *Lelevel*, 20—21.

[3]) См. *А. Поповинъ*, CXXV—CXXVI, *Lelevel*, 14—17; „Сборн. истор. мат., извлеч. изъ арх. Соб. Е. В. Канц.", т. VI, 116—117; „Рус. Стар." 1907, № 6, стр. 576; *Schiemann*, Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I, I, 171. Въ анонимномъ польскомъ письмѣ 13 апрѣля 1824 г. къ Новосильцову, подброшенномъ въ полковомъ лазаретѣ въ Вилькомирѣ, упоминалось также о мученіи въ Кейданахъ, гдѣ въ первый можетъ быть разъ появился въ образованной Европѣ ужасный способъ допрашиванія подъ розгами". Арх. Соб. Е. В. Канц. № 1234.

[4]) Одно изъ воззваній напечатано въ ст. Шолковича въ „Памятникахъ въ нов. рус. исторіи" изд. Кашпирева 1872, т. II, 107—108. Эта статья была пере-

они обратились въ Вильну, и ихъ попытка сдѣлалась извѣстною администраціи. Ректоръ виленскаго университета Твардовскій утверждаетъ, что слѣдственная коммиссія, отправленная изъ Вильны въ Кржи, при допросахъ подвергала мальчиковъ тѣлесному наказанію. Константинъ Павловичъ предалъ ихъ военному суду въ Вильнѣ. Изъ 6-ти мальчиковъ двое были присуждены на 10 лѣтъ къ работамъ въ Бобруйской крѣпости, а потомъ сданы въ солдаты безъ выслуги въ Грузію; четверо другихъ были отправлены солдатами безъ выслуги въ оренбургскій гарнизонъ; одинъ учитель былъ приговоренъ на два года заключенія въ Бобруйской крѣпости [1]).

Въ Ковнѣ гимназисты подбрасывали русскіе стихи о цесар. Константинѣ, которые, по словамъ Лелевеля, всѣмъ уже были хорошо извѣстны. Онъ утверждаетъ, что двухъ изъ нихъ, привязавъ за шею веревкою къ стѣнѣ тюрьмы, кормили селедками для возбужденія жажды и тѣмъ вынудили признанія. Они были приговорены военнымъ судомъ «за составленіе возмутительныхъ и дерзостныхъ сочиненій» къ смертной казни, но государь (17 іюня 1824 г.) велѣлъ одного изъ нихъ сослать въ крѣпостную работу, другого (несовершеннолѣтняго) опредѣлить въ военную службу рядовымъ съ выслугою, не лишая дворянства, а съ тремя—поступить по приговору суда, т. е. подвергнуть ихъ тюремному заключенію и затѣмъ отдать подъ полицейскій надзоръ [2]).

Въ Поневѣжѣ были подкинуты разнымъ лицамъ записки слѣдующаго содержанія: «да здравствуетъ вольная конституція! Въ скоромъ времени вспыхнетъ въ Россіи заря свободы, и мы освободимся отъ гнуснаго деспотизма; мѣсто его заступитъ свободная конституція. Бѣда тому, кто будетъ помогать этому мерзкому деспотизму и лицамъ, управляющимъ съ его помощью; напротивъ, пусть надѣется на награду вѣчною славою тотъ, кто будетъ добиваться свободной конституціи Скоро погибнетъ деспотизмъ и лица правящія посредствомъ него отойдутъ въ вѣчность». Послѣ неудачныхъ усилій открыть виновныхъ, слѣдователь, по словамъ Лелевеля, уговорилъ двухъ братьевъ, учениковъ 4-класснаго пиарскаго училища (19 и 13 лѣтъ), принять отвѣтственность на себя. Затѣмъ они стали отрицать свою вину, но гражданскія власти, подвергнувъ тѣлесному наказанію старшаго, вырвали у него вторичное при-

---

печатана (съ нѣкоторыми дополненіями, но и съ большими сокращеніями относительно времени Александра I) два раза: 1) въ „Рус. Арх." 1874 г. т. I почему то подъ именемъ С. Бархатова и 2) въ „Сборникѣ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи", сост. Шолковичемъ, 1885 г. т I Направленіе статьи видно изъ того, что авторъ считаетъ дѣятельность Новосильцова еще недостаточно энергичною.

[1]) *А. Погодинъ*, CXXIII—CXXV, ст. *Шолковича*, стр. 148—152.

[2]) *А. Погодинъ*, CXXVI, *Lelevel*, 17 „Сборн. мат. извл. изъ Арх. Соб. Е. Вел. Канц." VI, 109—110; *Askenazy* Łukasiński, II, 195.

знаніе. Затѣмъ онъ былъ преданъ военному суду, показывалъ свое изсѣченное тѣло и отрицалъ все, но тѣмъ не менѣе былъ осужденъ [1]).

Что розыскъ, произведенный Новосильцовымъ, привелъ къ результатамъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, къ которымъ стремился этотъ гнусный слуга русскаго самодержца,—признано теперь даже въ оффиціальномъ изданіи министерства народнаго просвѣщенія. Во введеніи къ IV тому «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія» и напечатаннаго по распоряженію этого министерства, А. Л. Погодинъ говоритъ: «Теченіе, искавшее себѣ... исхода въ созданіи кружковъ, преслѣдовавшихъ общественныя задачи, приняло опредѣленный боевой характеръ только подъ давленіемъ крутыхъ мѣръ Новосильцова, который оказалъ такимъ образомъ весьма плохую услугу русскому дѣлу въ Литвѣ... Новосильцовъ сдѣлалъ національное самосознаніе этого края... прямо враждебнымъ Россіи» [2]), т. е. слѣдовало сказать не Россіи, а русскаго правительства: стоитъ только напомнить, что Мицкевичъ, пострадавшій вслѣдствіе розыска Новосильцова, былъ послѣ того въ дружескихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми русскими писателями, и, между прочимъ, съ Пушкинымъ и Рылѣевымъ [3]).

А. Бестужевъ въ письмѣ къ имп. Николаю указываетъ на «уничтоженіе нормальныхъ («ланкастерскихъ») школъ [4]) и гоненіе на просвѣщеніе», какъ на одну изъ причинъ общественнаго недовольства. Въ бесѣдахъ между основателями Союза Спасенія шла рѣчь о «закоснѣлости народа», какъ объ одной изъ «язвъ» нашего отечества [5]).

3-го августа 1822 г. Н. Тургеневъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «на сихъ дняхъ [6]) вышелъ рескриптъ о закрытіи и о запрещеніи всякихъ тайныхъ обществъ О гос. (sic) сожалѣютъ нѣкоторые ревностные масоны [7]). О тайныхъ обществахъ», продолжаетъ Тургеневъ, «никто не говоритъ, ибо никто ихъ не знаетъ и не думаетъ, чтобы они были и

---

[1]) Арх. Военн. учен. Отд. I, дѣло 1824 г. № 577; *Lelevel*, 17—20; ст. Шолковича, 148.

[2]) *А. Погодинъ*, XCII.

[3]) Въ Казани Магницкій сдалъ двухъ студентовъ въ солдаты безъ суда. *Е. Феоктистовъ*. „Магницкій". Спб. 1865 г. стр. 100.

[4]) Это не точно; см. ниж. гл. V.

[5]) Записки Якушкина, 6.

[6]) 1 августа. См. Пол. Собр. Зак. т. 38, № 29151.

[7]) Гр. Милорадовичъ донесъ имп. Александру 22 сент. 1822 г., что Лабзинъ, извѣстный масонъ и вице-президентъ академіи художествъ, сказалъ по поводу этого указа: „Что тутъ хорошаго? Сегодня запретили ложи, а завтра принудятъ въ нихъ ходить. Ложи вреда не дѣлали, а тайныя общества и безъ ложъ есть. Вотъ у Кошелева тайные съѣзды, и князь Голицынъ туда ѣздитъ. Чортъ ихъ знаетъ, что они тамъ дѣлаютъ". *Дубровинъ*. „Письма главн. дѣятелей въ царств. имп. Александра I". 1883 г. стр. 358.

могли быть въ Россіи [1]). И подлинно: послѣднее запрещеніе кажется лишнее». Штейнгель въ письмѣ къ Николаю также упоминаетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на общество только закрытіемъ масонскихъ ложъ, «внезапное уничтоженіе которыхъ... послужило къ тайному огорченію многихъ».

Декабристы отмѣчаютъ еще одно печальное явленіе того времени. А. Бестужевъ, въ письмѣ къ Николаю I указываетъ на размноженіе шпіоновъ, а А. М. Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «на основаніи только доноса низкаго шпіона, запирали въ крѣпость или ссылали въ отдаленный гарнизонъ и даже въ Сибирь» [2]). Въ Петербургѣ, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, была тройная полиція: генералъ-губернатора (гр. Милорадовича), министра внутреннихъ дѣлъ и гр. Аракчеева (но мы видѣли, что съ 1821 г. существовала еще военная полиція при гвардейскомъ корпусѣ). «Правительство», говоритъ Михайловскій-Данилевскій, «было подозрительно, и въ рѣдкомъ обществѣ не было шпіоновъ, изъ коихъ однако же большая часть были извѣстны. Иные принадлежали къ стариннымъ дворянскимъ фамиліямъ... и носили камергерскіе мундиры [3]).

22-го сентября 1822 г. Н. Тургеневъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Вчера я слышалъ о странныхъ, но смѣлыхъ вылазкахъ Лабзина на гр. Кочубея, котораго въ конференціи академіи художествъ предлагали въ почетные любители вмѣстѣ съ двумя другими. Онъ... предложилъ... къ такому же пріему Илью-кучера!» Дѣло въ томъ, что въ чрезвычайномъ, непубличномъ засѣданіи совѣта академіи художествъ 13 сентября, на которое, впрочемъ, были приглашены почетные любители и члены, было внесено предложеніе о выборѣ въ почетные любители трехъ лицъ: графовъ Гурьева, Аракчеева и Кочубея. Вице-президентъ академіи, извѣстный масонъ Лабзинъ, не соглашался на это и особенно возражалъ противъ гр. Кочубея [4]). Между прочимъ

---

[1]) Это подтверждается записками Михайловскаго-Данилевскаго. *Шильдеръ* IV, 251—254.

[2]) *Schiemann.* Die Ermordung Pauls, 163. Къ числу прелестей самодержавнаго режима принадлежитъ вскрытіе писемъ. Отъ него не были избавлены даже письма императрицы Маріи Ѳедоровны до самой ея смерти. *Schiemann.* Geschichte Russlands 1, 56. Если вѣрить свидѣтельству Растопчина, поэтъ И. И. Дмитріевъ занималъ мѣсто директора тайной полиціи въ Москвѣ. „Рус. Стар." 1889 г. № 12, стр. 654. Объ учрежденіи полиціи при гвардейскомъ корпусѣ въ Петербургѣ въ 1821 г. см. въ моей статьѣ „Волненіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 г.". „Былое", 1907 г. № 2, стр. 109—112. Въ томъ же году Киселевъ учредилъ секретную полицію во 2-й арміи. *Заблоцкій-Десятовскій.* „Гр. Киселевъ и его время", I, 157.

[3]) *Шильдеръ.* „Имп. Николай I", т. I, 163.

[4]) Объ Аракчеевѣ и гр. Гурьевѣ Лабзинъ сказалъ, что онъ ихъ не знаетъ и достоинства ихъ ему не извѣстны, а о Кочубеѣ,—что онъ „и двухъ копѣекъ не стоитъ": это „человѣкъ надутый и ничего не значущій". *Дубровинъ.* „Письма

онъ сказалъ, продолжаетъ Тургеневъ, что если считаютъ нужнымъ выбрать этихъ трехъ лицъ потому, что они близки къ государю, то онъ предлагаетъ въ почетные любители кучера государя—Илью. Президентъ академіи Олениинъ, желая обратить эти слова въ шутку, спросилъ Лабзина, согласенъ ли онъ, чтобы до свѣдѣнія названныхъ лицъ было доведено, что онъ ихъ равняетъ съ кучеромъ Ильею. Лабзинъ отвѣчалъ: «Я отъ васъ этого не ожидаю, а впрочемъ, если вамъ угодно, то дѣлайте свое дѣло, а я сихъ господъ не боюсь» [1]).

11 ноября 1822 г. Н. Тургеневъ записалъ въ дневникѣ: «На сихъ дняхъ съ послѣднимъ курьеромъ получено здѣсь высочайшее повелѣніе о высылкѣ изъ столицы Лабзина и Катенина», перваго за его сцены въ академіи художествъ, послѣдняго за то, что кричалъ въ театрѣ: «не надо!» За Лабзина и Оленину досталось; велѣно сдѣлать ему строжайшій выговоръ за то, что отвѣчалъ Лабзину шуточнымъ образомъ, и за то, что не умѣлъ удержать его [2]). Наша публика не очень чувствительна. Катенина жалѣютъ тѣ, которые его знаютъ; Лабзина, кажется, никто. Впрочемъ, я говорю о публикѣ англійскаго клоба... Лабзинъ, сказываютъ, ѣдетъ жить къ намъ въ Сенгилей... ему дали для выѣзда четыре дня. Катенинъ выѣхалъ въ то же утро». Лабзину, отставленному отъ службы, Кочубей назначилъ мѣстомъ жительства г. Сенгилей (Симб. губ.). Онъ находился тамъ подъ особеннымъ надзоромъ безъ права выѣзда до половины мая 1823 г., когда ему было дозволено поселиться въ Симбирскѣ, гдѣ онъ и умеръ 26 января 1825 года [3]).

Высылка Катенина имѣла еще менѣе основаній: онъ громко протестовалъ въ театрѣ, послѣ представленія трагедіи Озерова «Поликсена», противъ того, что извѣстная артистка Семенова вывела съ собою на сцену игравшую въ пьесѣ ея ученицу, которую никто не вызывалъ. По жалобѣ Семеновой, гр. Милорадовичъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, которому былъ извѣстенъ либерализмъ Катенина, «посовѣтовалъ» Катенину никогда не ѣздить въ русскій театръ и донесъ находившемуся тогда за границей императору Александру, который запре-

---

главн. дѣят.", 1883, стр. 358. О масонской ложѣ Лабзина и его вліяніи см. въ моей статьѣ „Декабристы-масоны". „Минувшіе Годы", 1908 г. № 3, стр. 129—133. Любопытно, что Лабзинъ былъ въ сношеніяхъ со скопцами и посѣщалъ скопческій корабль Ненастьевыхъ Сравни „Воспоминанія Лабзиной", съ предисл. и прим. В. Л. Модзалевскаго. Спб. 1903 г., стр. 126 и *Кутепова* „Хлысты и скопцы" изд. 2, 1900 г. стр. 181—183.

[1]) См. *Дубровина*. „Наши мистики-сектанты". Лабзинъ и его журналъ „Сіонскій Вѣстникъ", „Русская Старина" 1895 г. № 2. Олениинъ на запросъ Милорадовича передастъ ему отвѣтъ Лабзина такъ: „Извольте имъ это сказывать, я ихъ не боюсь". *Дубровина*. „Письма", 357.

[2]) Оленину было поставлено въ вину и то, что онъ самъ не донесъ объ этомъ событіи.

[3]) *Дубровина*. „Письма главн. дѣятелей", 359—362; „Рус. Стар.", 1881 г. т. XXXII, 881.

тилъ Катенину въѣзжать въ обѣ столицы безъ его разрѣшенія. Повелѣніе государя было немедленно сообщено ему, и 7 ноября (въ день полученія повелѣнія государя изъ Вероны) онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Красное Село, но 10 ноября его выслали и оттуда. Катенинъ поселился въ гостинницѣ, прозванной «Красный Кабачекъ» (на петергофской дорогѣ), и прожилъ тамъ почти мѣсяцъ, пока не устроилъ чрезъ друзей свои дѣла въ Петербургѣ. Онъ уѣхалъ въ свою деревню (Костромской губ., Кологривскаго уѣзда) 5 дек. 1822 г. Лишь чрезъ два съ половиною года онъ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ [1]).

Вопреки мнѣнію П. Тургенева, высылка Лабзина произвела сильное впечатлѣніе на нѣкоторую часть общества: Штейнгель причисляетъ въ своихъ воспоминаніяхъ это событіе къ числу тѣхъ, которыя «причинили особенную ажитацію въ умахъ».

Въ числѣ дѣлъ, вызвавшихъ недовольство въ обществѣ, А. М. Муравьевъ упоминаетъ о дѣлѣ полковника Бока: онъ «долго переписывался съ Александромъ и за то, что напомнилъ государю въ письмѣ, что онъ отрекся отъ своихъ прежнихъ намѣреній, былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость» [2]). А. М. Муравьевъ упоминаетъ и о преданіи военному суду (осужденныхъ при Николаѣ I) четырехъ офицеровъ Семеновскаго полка: Вадковскаго, Кошкарева, Ермолаева и кн. Щербатова, тогда какъ дѣйствительными виновными, по его мнѣнію, были вел. кн. Михаилъ Павловичъ и полк. Шварцъ [3]). Всѣ эти реакціонныя мѣры правительства дѣйствовали раздражающимъ образомъ на общественное мнѣніе. А. Бестужевъ въ письмѣ къ имп. Николаю приводитъ такія слова офицеровъ послѣ 1817 г.: «для того ли мы освободили Европу, чтобы наложить ея цѣпи на себя? Для того ли дали конституцію Франціи, чтобы не смѣть говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы насъ унижали дома?»

Большое неудовольствіе русскаго общества на Александра I возбуждало его намѣреніе присоединить къ Польшѣ западныя губерніи Россіи. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ Тургеневъ: «Въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, и между прочимъ дамъ, съ которыми онъ любилъ болтать, императоръ объявилъ о своемъ твердомъ рѣшеніи отдѣлить отъ имперіи прежнія польскія провинціи и соединить ихъ... съ Царствомъ Польскимъ.

---

[1]) *Кубасовъ.* „Театральныя интриги въ 1822 г. (В. А. Каратыгинъ и П. А. Катенинъ)". „Рус. Старина", 1901 г., № 11, стр. 296—304, „Пушкинскій Сборникъ", подъ ред. проф. *Кирпичникова*, стр. 22. Катенинъ (какъ видно изъ показаній Якушкина, П. Муравьева, Пестеля и Л. Перовскаго), былъ членомъ тайнаго военнаго «приготовительнаго» общества въ Москвѣ въ 1817 г., но членомъ Союза Благоден. не былъ. Къ слѣдствію о тайномъ обществѣ его не привлекли.

[2]) См. о немъ выше, стр. 63—65.

[3]) О двухъ послѣднихъ изъ преданныхъ военному суду см. въ моей статьѣ „Волненіе Семеновскаго полка въ 1820 г." „Былое", 1907 г., № 3, 106—107.

Одна изъ его собесѣдницъ протестовала слезами противъ такого раздробленія имперіи. «Да да,—съ удареніемъ подтвердилъ государь, сопровождая свои слова значительнымъ жестомъ,—я не оставлю ихъ Россіи; что за великое зло», прибавилъ онъ, «отдѣлить отъ Россіи нѣсколько провинцій. Развѣ она не будетъ еще достаточно велика?» [1]). Возможность осуществленія государемъ такого намѣренія подтверждалась возвращеніемъ въ 1811 г. Финляндіи той части Петербургской губерніи, которая была присоединена къ Россіи по Ништадтскому миру 1721 г. и по абоскому миру 1743 г. (до рѣки Кюмени) [2]).

Одинъ изъ подобныхъ разговоровъ Александра I (съ флигель-адъютантомъ кн. Лопухинымъ) вызвалъ письмо декабриста кн. С. П. Трубецкого къ членамъ Союза Спасенія, находившимся тогда въ Москвѣ, въ которомъ онъ сообщалъ, что царь, считая Польшу несравненно болѣе образованною, чѣмъ Россія, которую онъ ненавидитъ, намѣревается отторгнуть нѣкоторыя земли отъ Россіи и присоединить къ Польшѣ. Петербургскіе слухи (позднѣе опровергнутые) прибавляли къ этому, что государь намѣренъ перенести столицу въ Варшаву. Это извѣстіе, въ связи съ сообщеніемъ о томъ, что дѣлается въ военныхъ поселеніяхъ Новгородской губ., возбудило среди членовъ Союза Спасенія мысль о цареубійствѣ [3]). Завалишинъ также говоритъ, что извѣстіе о «намѣреніи правительства присоединить Литву къ Польшѣ особенно волновало и оскорбляло общественное мнѣніе». Раздражало и то, что, по словамъ Лунина, полякамъ были дарованы права, въ которыхъ было отказано русскимъ. Хотя Новосильцеву и было поручено выработать проектъ «Уставной Грамоты», т. е. конституціонной хартіи для Россіи [4]), но проектъ Новосильцова не былъ осуществленъ, и потому естественно, что, по свидѣтельству Завалишина, многіе стали сомнѣваться въ искренности обѣщанія, даннаго имп. Александромъ I въ Варшавѣ относительно вве-

---

[1]) La Russie I, 67—68, ср. *Sz. Askenazy*. Lukasinski, 1908, I, 76. Въ послѣдній свой пріѣздъ въ Варшаву въ 1825 г., онъ вновь повторилъ цес. Константину Павловичу, его женѣ и многимъ полякамъ обѣщаніе присоединить Литву къ Польшѣ. *Шильдеръ* Имп. Николай I и Польша". „Русск. Стар." 1900 г., № 2, стр. 282 (здѣсь переписка имп. Николая и Константина Павловича напечатана полнѣе, чѣмъ въ книгѣ того же автора „Имп. Николай I", т. I).

[2]) *Лунинъ*. „Разборъ донесенія слѣд. Коммиссіи" въ книгѣ „Тайн. Общ. и 14 Дек.", стр. 231, см. *А. Т—на*. „Возсоединеніе старой Финляндіи съ новою" (1811 г.). „Вѣстникъ Европы", 1901 г., № 7.

[3]) Записки Якушкина, 14—15; „Обществ. Движеніе" I, 23—24. Письмо Карамзина Александру I съ протестомъ противъ возвращенія Польшѣ областей, присоединенныхъ отъ нея по раздѣламъ, см. *Богдановичъ* т. V, прил. стр. 81—83. Подобная же записка была написана директоромъ лицея Энгельгардтомъ. *Пыпинъ*. „Очерки обществ. движ.", 402—403.

[4]) Новосильцовъ готовъ былъ привлечь къ участію въ этихъ трудахъ бар. В. И. Штейнгеля (будущаго декабриста), но Александръ I на это не согласился.

денія конституціи и въ Россіи, такъ какъ не видѣли никакихъ «подготовительныхъ мѣръ, которыя служили бы ручательствомъ» за исполненіе этого намѣренія правительства [1]). Напротивъ, люди истинно либеральные радовались тому, что поляки пользуются конституціей, и негодовали на то, по свидѣтельству бар. Розена, что Александръ «сталъ умалять льготы, данныя Польшѣ» [2]). Объ отношеніи Александра I къ Польшѣ послѣ дарованія ей конституціи мнѣ придется еще говорить.

VIII.

Выше были приведены отзывы декабристовъ о весьма многихъ явленіяхъ тогдашней русской жизни. Понятно, что общая сумма наблюденій приводила ихъ къ крайне печальнымъ выводамъ. Такіе мрачные итоги нерѣдко подводитъ Н. И. Тургеневъ въ своемъ дневникѣ. Отмѣтимъ нѣкоторыя его размышленія о тогдашнемъ положеніи Россіи. Въ маѣ 1818 г. онъ писалъ: «Что за прелесть жить въ семъ хаосѣ уничиженія и мрака безъ надежды свѣтлыхъ дней для отечества?» Въ томъ же году, познакомившись во время поѣздки въ свое имѣніе (въ Симбирской губерніи) съ жизнью крестьянъ, Тургеневъ говоритъ: «я вижу теперь, въ какомъ положеніи находится Россія. Гдѣ ея благоденствіе? Необразованность съ одной стороны, власть — съ другой. Сія послѣдняя гнетъ первую, но не направляетъ къ должной цѣли». Черезъ нѣсколько дней Тургеневъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «какъ посмотришь, въ какихъ рукахъ управленіе, въ какихъ рукахъ финансы, торговля и промышленность, полиція, правосудіе, законодательство! Что послѣ этого остается для честныхъ людей?» Черезъ двѣ недѣли онъ восклицаетъ: «у насъ всякій день оскорбляется человѣчество, справедливость самая простая, просвѣщеніе, и, однимъ словомъ, все, что не позволяетъ землѣ превратиться въ пространную пустыню или въ вертепъ разбойниковъ!» Прочтя въ иностранной газетѣ извѣстіе о либеральныхъ намѣреніяхъ Александра I относительно Россіи, Тургеневъ 25 октября 1818 г. заноситъ въ дневникъ слѣдующее размышленіе: «Спасибо государю, если справедливо, что онъ это говорилъ... Когда же будетъ на нашей улицѣ праздникъ? Если будетъ, то любопытно знать, на какихъ балконахъ... покажутся теперешніе наши паяцы самодержавія, министры и секретари, генералы и полковники..., дворяне и архіереи, мистики и камергеры. Даже, *ежели ради*, можно желать видѣть конституціоннымъ министромъ Гурьева, Лобанова, Траверсе. Какъ бы они стали защищаться: какія бы рѣчи (стали произносить) съ національной каѳедры!»

---

[1]) Записки Завалишина I, 192—193.

[2]) Записки декабриста, 172.

Однако, эти ожиданія не осуществлялись, и черезъ годъ Тургеневъ пишетъ въ дневникѣ: «видя и слыша все, что у насъ дѣлается здѣсь и въ поселеніяхъ» (незадолго передъ тѣмъ было съ большою жестокостію усмирено волненіе чугуевскихъ военныхъ поселянъ), «я болѣе и болѣе теряюсь въ соображеніяхъ о несчастномъ положеніи Россіи». 31 декабря 1819 г. Тургеневъ подводитъ такой итогъ за истекшій годъ. «Въ теченіе» его «я болѣе убѣдился, что не увижу на моемъ вѣку счастія Россіи». Однако «сила жизни» подаетъ ему «какую-то отдаленную надежду».

Въ 1819 г. Тургеневъ сдѣлался членомъ Союза Благоденствія, но изъ приведенныхъ словъ видно, что онъ не надѣялся на быстрое осуществленіе стремленій общества. 30 сентября 1820 г. у него вырывается изъ глубины души крикъ отчаянія: «жить тяжело.., всякій день слышишь что нибудь непріятное. Тутъ невѣжды со всѣхъ сторонъ ставятъ преграды просвѣщенію, тамъ усиливаютъ шпіонство... Бостонъ» (карточная игра) «есть лучшій опіумъ и дѣйствуетъ вѣрнѣе всѣхъ другихъ мѣръ. Душно, душно!» Въ концѣ мая 1821 г. тѣ же грустныя размышленія, но уже при нѣсколько большей бодрости: «Ничего не слышно, кромѣ общаго или высшаго недоброжелательства къ либеральнымъ идеямъ. Станемъ крѣпко — по крайней мѣрѣ безъ страха, если уже безъ надежды» (эти слова, вѣроятно, относятся къ Тайному Обществу). 20 іюля того же года Тургеневъ пишетъ: «здѣшній порядокъ вещей часъ отъ часу дѣлается для меня болѣе тягостнымъ. Все, что вижу, печалитъ, бѣситъ. Грабительство, подлость, эгоизмъ. Какъ и куда все это идетъ? Кто думаетъ о всемъ этомъ?» Въ послѣдній день 1821 г. опять колебаніе между отчаяніемъ и надеждой: «Я приблизился годомъ— къ чему? къ развязкѣ? Когда она будетъ? Будетъ ли она для насъ? Многое какъ будто показываетъ, que c'est le commencement de la fin» (что это начало конца). «Я какъ будто самъ это думаю, но..., видя, какъ по большей части дѣла дѣлаются на семъ свѣтѣ, едва ли не гаснетъ для меня послѣдній лучъ надежды».

Горячее негодованіе вызывали не только внутреннія неустройства Россіи, но и внѣшняя политика Александра I. На этой послѣдней остановился Каховскій въ письмѣ изъ крѣпости къ генералу Левашову.

Онъ указываетъ на то, что во время борьбы съ Наполеономъ въ 1813—14 гг. монархи воспламенили народы Европы «воззваніемъ къ свободѣ и гражданскому бытію [1]. Свободу проповѣдывали намъ и манифесты, и воззванія, и приказы. Насъ манили, и мы, добрые сердцемъ, повѣрили, не щадили ни крови своей, ни имуществъ». Но когда Наполеонъ былъ низ-

[1] Каховскій, вѣроятно, имѣетъ въ виду воззваніе, подписанное 13/25 марта 1813 г. Кутузовымъ отъ имени русскаго императора и прусскаго короля. *Pertz.* Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein, III Bd. 2 Aufl., Berl 1851, S. 320—322, ср. *Max Lehmann* Freiherr vom Stein, III, 267—268.

вергнуть, «монархи соединились въ Священный союзъ, составились конгрессы», и «скоро увидѣли народы, сколь много они обмануты. Монархи лишь думали объ удержаніи власти неограниченной, о поддержаніи расшатавшихся троновъ своихъ, о погубленіи и послѣдней искры свободы и просвѣщенія. Оскорбленные народы потребовали обѣщаннаго, имъ принадлежащаго,—и цѣпи и темницы стали ихъ достояніемъ!.. Тюрьмы Піемонта Сардиніи, Неаполя, вообще всей Италіи, Германіи [1]) наполнились окованными гражданами. И судьба народовъ стала столь тягостной, что они пожалѣли время прошлое и благословляютъ память завоевателя Наполеона! - Вотъ случаи, въ которыхъ образовались умы и познали, что съ царями народамъ дѣлать договоровъ невозможно. Противно разсудку винить націи передъ правительствомъ. Правительство, не согласное съ желаніемъ народа, всегда виновно, ибо въ здравомъ смыслѣ законъ - есть воля народная. Цари не признаютъ сей воли, считаютъ ее буйствомъ, народы—своей вотчиной, стараются разорвать самыя священныя связи природы... Мы, русскіе, кичимся, величая себя спасителями Европы! Иноземцы не такъ видятъ насъ; они видятъ, что силы наши есть резервъ деспотизму Священнаго Союза... Націю ненавидѣть невозможно, и народы Европы не русскихъ не любятъ, но ихъ правительство, которое вмѣшивается во всѣ ихъ дѣла и для пользы царей утѣсняетъ народы».

Въ письмѣ къ Николаю I Каховскій упрекаетъ имп. Александра въ томъ, что онъ помогъ испанскому королю Фердинанду «задавить законныя права народа Испаніи» [2]). А. В. Поджіо также негодовалъ на нашу иностранную политику, на «явное господство и вліяніе вѣнскаго кабинета надъ нашимъ!» Онъ упоминаетъ о передвиженіи гвардіи въ Западную Россію въ 1821 г. (вслѣдствіе неаполитанской революціи) и о «понужденіяхъ» нашимъ правительствомъ Франціи «къ усмиренію Испаніи» [3]). П. Тургеневъ слѣдитъ въ своемъ дневникѣ за наиболѣе выдающимися иностранными политическими событіями. Такъ, во время Лайбахскаго конгресса онъ отмѣчаетъ (въ мартѣ 1821 г.), что его менѣе занимали бы извѣстія изъ Западной Европы, «если бы не были обѣщаны и русскія войска въ помощь австрійскимъ» [4]). Тургеневъ «почти не предполагалъ никакой возможности успѣха для неаполитанцевъ», но согласился съ замѣчаніемъ одного члена англійскаго клуба, что «смѣшно посылать 50 тыс. человѣкъ противъ цѣлаго народа». Если неаполитанскій народъ «покажетъ какую нибудь силу, если онъ не однимъ только

---

[1]) См. *Гервинусъ*, „Исторія девятнадцатаго вѣка", т. II, 577—578, 608—610, IV, ч. I. Спб. 1875—76 г., стр. 168, 170, 175; *Соренъ*, „Исторія Италіи отъ 1815 г.", Спб. 1898 г., стр. 93.

[2]) О политикѣ Александра I относительно Испаніи на конгрессѣ, собравшемся въ Веронѣ въ октябрѣ 1822 г., см. *Трачевскій*. „Испанія девятнадцаго вѣка", т. I, М. 1872, стр. 365 и слѣд.

[3]) Не одни они члены Тайнаго Общества думали, что такая „политика поглощала государственную казну" и вообще считали вреднымъ для Россіи Священный Союзъ.

[4]) См. *Гервинусъ* т. IV, ч. I, стр. 137.

принятіемъ конституціи гиспанской» (1812 г.) «будетъ подражать гиспанцамъ, тогда австрійцамъ трудно будетъ совладать съ неаполитанцами, если бы помощь Россіи не была имъ обѣщана» [1]). Въ концѣ апрѣля онъ отмѣчаетъ выступленіе гвардіи и то, что неизвѣстность, куда идутъ войска, «усиливаетъ неудовольствіе, которое, какъ говорятъ, вездѣ замѣтно... Всѣ опасаются новыхъ рекрутскихъ наборовъ».

Многіе негодовали на то, что Россія не поддержала греческаго возстанія. «Единовѣрные намъ греки», говоритъ Каховскій, «нѣсколько-разъ нашимъ правительствомъ возбуждаемые противъ тиранства магометанскаго, тонутъ въ крови своей; цѣлая нація истребляется, и человѣколюбивый (Священный) Союзъ равнодушно смотритъ на гибель человѣчества». Штейнгель въ письмѣ къ Николаю I также указывалъ на то, что «греки оставлены своей судьбѣ». А. В. Поджіо недоволенъ отказомъ отъ нашей политики со времени Екатерины II до 1820 г. «покровительства» грекамъ [2]). Декабристъ Лореръ въ своихъ запискахъ [3]) разсказываетъ: «Болѣе всего воспламенило молодежь извѣстіе о возстаніи въ Греціи. Всѣ были увѣрены, что государь подастъ руку помощи единовѣрцамъ, и что двинутъ наши арміи въ Молдавію». Но политика Меттерниха помѣшала этому, «а общество между тѣмъ не переставало высказывать свое сочувствіе къ несчастнымъ, угнетеннымъ. Многіе офицеры гвардіи стали проситься въ полки арміи», ожидая похода на помощь грекамъ. «Но правительство, не сочувствуя идеямъ всякаго... возстанія, не дозволяло этой военной эмиграціи изъ гвардіи. Старикъ ген. Остерманъ, котораго прежде предполагали назначить начальникомъ войскъ въ этой экспедиціи, началъ учиться по-гречески, взялъ для этого адъютанта-грека, и домъ его былъ наполненъ греками—эмигрантами. «Во время возстанія Греціи многочисленное общество, собиравшееся у Остермана, военные, дипломаты и греческіе эмигранты, осуждали нашу внѣшнюю политику» [4]).

Но въ этомъ вопросѣ была и другая сторона, правильно отмѣченная Н. Тургеневымъ въ его дневникѣ (26 авг. 1821 г.):

О войнѣ ничего не слышно. Нессельроде, Гурьевъ противъ войны..

---

[1]) О неаполитанской революціи 1820 г. и объ австрійскомъ вмѣшательствѣ въ итальянскія дѣла см. *Герцогъ* т. III, изд. 2, 1887 г., стр. 398–423, т. IV, ч. I, стр. 115—192, *Сорель*, 46—90.

[2]) Ср. слова А. М. Муравьева въ его воспоминаніяхъ. *Schiemann.* Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nikolaus I, 163.

[3]) „Рус. Богатство", 1904 г. № 3, стр. 68.

[4]) Штейнгель въ письмѣ къ имп. Николаю также указываетъ на жалобы грековъ, жившихъ въ Россіи. О томъ, какъ слабо реагировало русское правительство на жестокости турокъ относительно грековъ, и вообще о нашей политикѣ по греческому вопросу см. *Герцогъ* т. V. Александръ I признавалъ, что въ этомъ отношеніи онъ шелъ противъ общаго мнѣнія своихъ подданныхъ. Ibid., 365.

Я, право, не имѣю мнѣнія. Надобно заступиться за грековъ. Но если для сего потребуются рекруты, то тогда я бы никогда не согласился на войну... Странно.., что всѣ—и дипломаты, и министры, и публика болѣе или менѣе принимаютъ участіе въ грекахъ: бранятъ, проклинаютъ турокъ, дѣлаютъ подписки для спасающихся грековъ въ Одессѣ. Все это хорошо, но кто изъ всѣхъ этихъ господъ принимаетъ должное или какое-нибудь участіе въ судьбѣ нашихъ крестьянъ. Положимъ, что о военныхъ поселеніяхъ они говорить и мыслить не смѣютъ, но о мужикахъ, о нгѣ, ихъ тяготящемъ можно говорить безъ опасенія. А тутъ долгъ болѣе святый, нежели въ отношеніи къ грекамъ. Лучше ли жить многимъ изъ нашихъ крестьянъ подъ своими помѣщиками, нежели грекамъ подъ турками? Нѣтъ ли между крестьянами жертвъ варварства, мучениковъ совершенныхъ, не говоря уже о жертвахъ корыстолюбія? Сколько изнемогающихъ страдальцевъ! Сколько отцовъ, оплакивающихъ честь женъ и дѣтей! Сколько разоренныхъ, томящихся въ голодѣ! А подписку запретили публично дѣлать для прокормленія жителей Рославльскаго уѣзда. Боже праведный!.. Когда правосудіе твое будетъ дѣйствительно и для сей несчастной земли?»

Сочувствіемъ къ славянамъ было менѣе одушевлено русское общество, но что и они не были забыты декабристами, видно изъ словъ Каховскаго: «Сербы—вѣрные наши союзники—стонаютъ подъ игомъ безчеловѣчія турецкаго [1]); черногорцы, не дающіе никому войскъ своихъ, столь усердно намъ служившіе, во время кампаніи флота нашего въ Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ ген. Сенявина, забыты, покинуты на произволъ судьбы» [2]). Славянскія симпатіи среди военной молодежи повели къ образованію Общества Соединенныхъ Славянъ, члены котораго мечтали о славянской федеративной республикѣ [3]).

[1]) Ср. *Герценъ*, т. V, 1868 г., стр. 49–54; *И. Потто* „Россія и Сербія", М. 1869 г. ч. I.

[2]) Ср. *Ровинскій*. „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ". Спб. 1888 г. т. I, 687—689.

[3]) См. *Добавленія*.

ГЛАВА II.

Причины „вольномыслія“ декабристовъ.

I.

Отъ вліяній отрицательныхъ, приведшихъ съ основанію Тайнаго Общества, мы переходимъ къ вліяніямъ положительнымъ, къ тому, что возбуждало въ членахъ Тайнаго Общества идеи, враждебныя тогдашнему политическому и соціальному строю и помогало ихъ усваивать, однимъ словомъ вызывало, говоря тогдашнимъ оффиціальнымъ терминомъ, ихъ «вольномысліе». Мы должны будемъ отмѣтить здѣсь вліяніе воспитанія и обученія, литературы русской и иностранной, профессорскихъ лекцій, наблюденій во время пребыванія за границею, вліяніе политическаго строя Западной Европы и Америки, западно-европейскихъ политическихъ событій, введенія конституціоннаго строя въ различныхъ государствахъ, а также въ Финляндіи и Польшѣ и, наконецъ, революціонныхъ движеній въ Западной Европѣ и Америкѣ.

Благодаря тому, что привлеченнымъ къ слѣдствію по дѣлу тайнаго общества предлагался вопросъ, какое образованіе они получили, мы имѣемъ свѣдѣнія объ образовательномъ цензѣ 120 декабристовъ, т. е., за исключеніемъ одного, всѣхъ преданныхъ верховному уголовному суду. Изъ нихъ наибольшее количество (а именно 44 чел., почти 37%) учились въ корпусахъ (1-мъ и 2-мъ кадетскомъ, горномъ, морскомъ, пажескомъ и въ дворянскомъ полку), т. е. окончили образованіе въ немъ, выдержали окончательный экзаменъ или по крайней мѣрѣ учились въ одномъ изъ нихъ, хотя бы и не окончивъ курса [1]); 22 человѣка получили домашнее воспитаніе (при чемъ у 11 изъ нихъ были и иностранные наставники); 12 человѣкъ окончили курсъ или слушали лекціи въ училищѣ колоновожатыхъ (учрежденномъ въ Москвѣ Н. Н. Муравьевымъ, отцомъ двухъ членовъ тайнаго общества, Александ. и Мих. Никол. Муравьевыхъ), не считая 2-хъ ч., которые учились

[1]) О корпусномъ воспитаніи того времени см. *П. В Петровъ* „Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній“, „Столѣтіе военнаго министерства“, т. X, 119—145.

также и въ московскомъ университетѣ; 11 человѣкъ закончили свое образованіе въ частныхъ пансіонахъ, содержимыхъ иностранцами или русскими; 5 чел. окончили курсъ или были студентами въ университетахъ московскомъ [1]) и харьковскомъ (не считая Н. И. Тургенова, довершившаго образованіе въ гёттингенскомъ университетѣ); 5—учились въ московскомъ и петербургскомъ университетскихъ пансіонахъ, 2—въ заграничныхъ заведеніяхъ частныхъ лицъ [2]), по 2 чел. въ царскосельскомъ лицеѣ, въ одесскомъ институтѣ или благородномъ пансіонѣ (Ришельевскомъ лицеѣ), въ гимназіяхъ и въ институтѣ путей сообщенія [3]); по одному человѣку закончило образованіе: въ гёттингенскомъ университетѣ, въ медико-хирургической академіи въ Петербургѣ, въ царскосельскомъ лѣсномъ институтѣ, въ петербургскомъ іезуитскомъ училищѣ, въ гимназіи ксендзовъ піаровъ въ Прагѣ, въ Петропавловскомъ училищѣ въ Петербургѣ, въ училищѣ ксендзовъ тринитаровъ въ Старо-Константиновѣ, въ уѣздномъ училищѣ въ Феодосіи и въ двухъ низшихъ училищахъ, наконецъ одинъ (кн. Барятинскій), воспитывавшійся въ іезуитскомъ пансіонѣ, затѣмъ сдалъ окончательный экзаменъ въ педагогическомъ институтѣ [4]).

Раздѣливъ 120 декабристовъ по образованію на 5 группъ, а именно, учившихся: 1) въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, 2) въ среднихъ казенныхъ заведеніяхъ, 3) въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и пансіонахъ, 4) получившихъ домашнее воспитаніе и 5) учившихся въ низшихъ училищахъ, мы найдемъ: 1) что въ *высшихъ учебныхъ заведеніяхъ* (университетахъ, царскосельскомъ лицеѣ, медико-хирургической академіи, педагогическомъ институтѣ [5]) и институтѣ путей сообщенія) учились или сдали окончательный экзаменъ 12 чел. (т. е. 10% всего числа).

[1]) Никита Мих. Муравьевъ, вопреки показанію Богдановича (VI, 62), не поступалъ въ московскій университетъ, а только слушалъ въ немъ лекціи физики, математики и логики профессоровъ: Страхова, Павловича и Рейнгарда. Г. А. I В. л. 336, № 3 об.

[2]) Кривцовъ въ институтѣ извѣстнаго педагога Фелленберга въ Гофвилѣ въ Швейцаріи (см. объ этомъ заведеніи въ *Добавленіяхъ*, въ концѣ книги). С. И. Муравьевъ-Апостолъ, какъ и его братъ Матвѣй, воспитывался въ Парижѣ въ пансіонѣ Ніх'а, но затѣмъ въ Петербургѣ окончилъ курсъ въ институтѣ путей сообщенія („Рус. Стар.", т. VII, 656—58); Матвѣй же Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, вопреки свидѣтельству г. Баласа, не поступалъ въ этотъ институтъ. Г. Арх. I В. № 397, л. 11).

[3]) Кромѣ учившагося въ немъ С. И. Муравьева-Апостола, въ немъ сдалъ окончательный экзаменъ передъ отъѣздомъ на службу въ Сибирь въ 1816 г. Батеньковъ.

[4]) Списокъ декабристовъ, отданныхъ подъ верховный уголовный судъ, съ обозначеніемъ, на основаніи дѣлъ слѣдствія, гдѣ они воспитывались, см. въ книгѣ *Богдановича* „Ист. царств. имп. Александра I", т. VI, прилож. стр. 67—72, ср. 465.

[5]) Ср. *Е. Шмидъ*, „Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи", Спб. 1878 г., стр. 57—61.

2) Въ *среднихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ* (корпусахъ, университетскихъ пансіонахъ, одесскомъ институтѣ или лицеѣ, гимназіяхъ, царскосельскомъ лѣсномъ институтѣ) и училищѣ колоновожатыхъ въ Москвѣ, хотя и учрежденномъ частнымъ лицомъ, но слушатели котораго, по выдержаніи экзамена, производились въ офицеры [1]), учились 66 чел. (т. е. 55% всего числа). 3) Въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и пансіонахъ—17 чел. [2]). 4) Домашнее воспитаніе получили—22 чел. и 5) Въ низшихъ казенныхъ училищахъ училось 3 человѣка. Слѣдовательно болѣе 65 проц. всѣхъ декабристовъ, отданныхъ подъ верховный уголовный судъ, имѣли образованіе среднее или выше средняго. Имѣя въ виду, что высшихъ учебныхъ заведеній въ ту пору, когда декабристы получали воспитаніе, было очень мало, что большинство изъ нихъ, какъ люди военные, воспитывались въ корпусахъ, считая въ томъ числѣ горный и морской, что казенныя гимназіи были даже не во всякомъ губернскомъ городѣ [3]) и что, наконецъ, нѣкоторыя частныя училища давали серьезныя знанія, мы отнюдь не можемъ признать низкимъ образовательный цензъ декабристовъ [4]).

Въ петербургскомъ университетѣ было нѣсколько профессоровъ, которые вліяли на молодежь въ либеральномъ направленіи (естественнаго права Куницынъ, статистики Германъ и Арсеньевъ и всеобщей исторіи Раупахъ), пока они не были удалены въ 1821 году [5]). Въ московскомъ университетѣ очень благотворное вліяніе оказывали студенческіе диспуты, на которыхъ въ 1814 г. блисталъ своимъ широкимъ образованіемъ и политическимъ либерализмомъ С. М. Семеновъ, впослѣдствіи членъ Тайнаго Общества. Свербеевъ въ своихъ запискахъ живо описываетъ одинъ изъ подобныхъ диспутовъ.

Одинъ кандидатъ выбралъ для диссертаціи тему: „Монархическое правленіе есть самое превосходное изъ всѣхъ другихъ правленій». «Въ первомъ тезисѣ этой диссертаціи было прибавлено къ монархическому *неограниченное*, къ превосходному—*въ Россіи необходимое и единственно*

[1]) См. *Кропотовъ* „Жизнь гр. М. Н. Муравьева". Спб. 1871 г., стр. 96.

[2]) Нѣкоторые изъ этихъ частныхъ учебныхъ заведеній давали образованіе не ниже гимназическаго, какъ, напр., іезуитское училище въ Петербургѣ. См. *Морошкинъ* „Іезуиты въ Россіи", Спб. 1870 г. II, 121—127.

[3]) *Е. Шмидъ*, стр. 69.

[4]) Въ ст. *Е. Боброва* „Образовательный цензъ декабристовъ" („Сборникъ Ученo-Литературнаго Общ. при Юрьевскомъ Университетѣ", т. XIII, 1908 г.) матеріалъ сгруппированъ иначе.

[5]) См. *Сухомлиновъ* „Изслѣдованія", т. I; *Пекарскій* „О жизни и ученыхъ трудахъ акад. К. И. Арсеньева" въ „Сборникѣ Отдѣл. рус. яз. и слов. Академіи Наукъ", т. IX, 1872. По поводу увольненія Куницына Н. Н. Тургеневъ писалъ брату Сергѣю 5 марта 1821 г.: „лучшаго профессора не стало въ петербургскомъ университетѣ". Когда князь Голицынъ докладывалъ Александру I объ университетскомъ дѣлѣ, онъ сказалъ: „Жаль, что я въ такомъ святомъ дѣлѣ погорячился" (*Пекарскій*, стр. 64).

возможное». Молодые студенты открыли диспутъ «восторженными рѣчами за греческія республики и за величіе свободнаго Рима до порабощенія его Юліемъ Кесаремъ и Августомъ». Затѣмъ «вступила въ бой фаланга нашихъ передовыхъ мужей, и тяжкіе удары изъ арсенала философовъ XVIII вѣка посыпались на защитника монархіи самодержавной». Предсѣдатель диспута, деканъ факультета Сандуновъ, напомнилъ оппонентамъ, что въ римской республикѣ учреждалась диктатура. На это «мѣрною, спокойною, холодною рѣчью отвѣчалъ ему Семеновъ: «медицина часто прибѣгаетъ къ кровопусканіямъ, и еще чаще къ лѣченіямъ рвотнымъ, изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы людей здоровыхъ,—а въ массѣ, безъ сомнѣнія, здоровыхъ болѣе чѣмъ больныхъ,—необходимо нужно было подвергать кровопусканію или употребленію рвотнаго». На этотъ щекотливый отвѣтъ деканъ Сандуновъ... съ негодованіемъ вскрикнулъ: «На такія возраженія всего бы лучше могъ отвѣчать московскій оберъ-полиціймейстеръ, но какъ университету приглашать его сюда было бы неприлично, то я, какъ деканъ, закрываю диспутъ» [1]).

Штейнгель, въ письмѣ къ Николаю I, указываетъ на развивающее вліяніе учебныхъ заведеній. Среди учениковъ царскосельскаго лицея «оказались таланты въ словесности, но свободомысліе, внушенное въ высочайшей степени, поставило ихъ въ совершенную противоположность съ тѣмъ, что они должны были встрѣтить въ отечествѣ своемъ» [2]).

[1]) „Записки Д. Н. Свербѣева", М. 1899, I, 106—108.

[2]) П. Д. Киселевъ, въ письмѣ къ М. Ѳ. Орлову, также говоритъ „о пылкихъ ученикахъ лицея". „Рус. Стар." 1887 г. т. 55, стр. 232. В. Н. Каразинъ въ своемъ дневникѣ отмѣчаетъ „обычай", существовавшій въ лицеѣ, злословить государя, называть его д. (sic) и т. д., и что между воспитанниками положено жесточайше наказывать того, кто выдастъ этотъ образъ мыслей". Въ запискѣ „Нѣчто о царскосельскомъ лицеѣ и духѣ онаго", хотя и написанной въ царствованіе Николая I, но трактующей о второй половинѣ десятыхъ годовъ, неизвѣстный авторъ говоритъ, что „въ свѣтѣ называется *лицейскимъ духомъ*, когда молодой человѣкъ не уважаетъ старшихъ, обходится фамильярно съ начальниками", показываетъ себя „любителемъ *равенства*; онъ долженъ „порицать насмѣшливо всѣ поступки особъ, занимающихъ значительныя мѣста, всѣ мѣры правительства, знать напзусть или самому быть сочинителемъ эпиграммъ, пасквилей и пѣсенъ предосудительныхъ на русскомъ языкѣ, а не на французскомъ,—знать всѣ дерзкіе и возмутительные стихи и мѣста самыя сильныя изъ революціонныхъ сочиненій... Онъ долженъ толковать о конституціяхъ, палатахъ, выборахъ, парламентахъ, казаться невѣрующимъ христіанскимъ догматамъ..., насмѣхаться надъ выправкою и обученіемъ войскъ... *Вѣрноподданный*—значитъ укоризну на ихъ языкѣ, *европеецъ* и *либералъ* -почетныя названія". Авторъ записки приписываетъ этотъ духъ вліянію не лицейскихъ профессоровъ, а постояннымъ сношеніямъ со свѣтскимъ обществомъ, въ которомъ „кружили идеи либеральныя..." „Въ лицеѣ начали читать всѣ запрещенныя книги, тамъ находился архивъ всѣхъ рукописей, ходившихъ тайно по рукамъ, и, наконецъ, пришло, къ тому, что, если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились въ лицей. „Русская Старина" 1877 г. № 4, стр. 657, 659. Еще въ лицейскомъ мундирѣ И. И. Пущинъ былъ частымъ гостемъ артели А. и М. И. Муравьевыхъ, Бурцева, Павла Колошина и Семенова. Бурцевъ принялъ въ Союзъ Благоденствія по выходѣ изъ лицея Пущина и Вольховскаго (послѣдній привлекался къ слѣдствію о тайномъ обществѣ, но не былъ преданъ верховному суду). *Л. Майковъ.* „Пушкинъ". 1899 г, стр. 69.

Тотъ же самый духъ,—продолжетъ Штейнгель,—«разлитъ на всѣхъ, кои образовались въ университетахъ, въ университетскихъ и частныхъ пансіонахъ, въ училищѣ іезуитовъ и во всѣхъ другихъ заведеніяхъ, кромѣ корпусовъ». Но мы видѣли, что изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ лицеѣ, только двое оказались въ числѣ членовъ Тайнаго Общества, преданныхъ верховному уголовному суду [1]), а окончившихъ курсъ въ корпусахъ—болѣе четырехъ десятковъ. Дѣло въ томъ, что, вопреки мнѣнію Штейнгеля, «вольномысліе» стало проникать и въ корпуса. Вотъ что сообщалъ Н. И. Тургеневъ въ письмѣ къ брату Сергѣю 16 апр. 1820 г.: «Здѣсь въ пажескомъ корпусѣ недавно, какъ разсказываютъ, произошло слѣдующее». Одинъ пажъ, Арсеньевъ, лѣтъ 18—19, спросилъ у одного изъ учителей, зачѣмъ онъ несправедливо называетъ его лѣнивымъ. Изъ этого вышла исторія, и опредѣлено: Арсеньева высѣчь публично. Собрали пажей во фронтъ. Тащатъ Арсеньева. Онъ противится. Пѣна у него у рта, какъ говорятъ пажи. Они этимъ встревожились. Бросились на палачей. Отбили Арсеньева и, какъ говорятъ, прибили полковника. Теперь разсматриваютъ это дѣло. Рѣшеніе будетъ, какъ говорятъ, то, что нѣсколько пажей будутъ въ солдатахъ и при томъ высѣчены. Очень умно!.. *Говорятъ, что между пажами règne un mauvais esprit* (господствуетъ дурное направленіе). И я увѣренъ, что Зандъ (убійца Коцебу) грезится судьямъ». Дѣйствительно, изъ записокъ Гангеблова видно, что въ это время въ пажескомъ корпусѣ былъ тайный кружокъ, основанный однимъ «вольнодумнымъ» пажемъ, находившимся въ дружескихъ отношеніяхъ съ А. А. Бестужевымъ. Гангебловъ говоритъ: «школьный бунтъ этотъ былъ дѣтищемъ тѣхъ же ученій, которыя привели къ декабрьской катастрофѣ» [2]). Это фактъ сравнительно болѣе поздній, но изъ показаній Батенькова видно, что у него и В. О. Раевскаго оппозиціонное отношеніе къ тогдашнему правительству стало складываться еще во время ученія во второмъ кадетскомъ корпусѣ, до 1812 года [3]).

Что оппозиціонное настроеніе существовало въ половинѣ 1820-хъ годовъ и въ другихъ военноучебныхъ заведеніяхъ, видно изъ слѣдую-

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ царскосельскомъ лицеѣ преподавателемъ французской литературы былъ родной братъ Марата, переименованный Екатериною II въ де-Будри, который своими „демократическими мыслями“ и разсказами о революціи могъ содѣйствовать проникновенію въ лицей либеральнаго духа. „Библ. Зап.“, 1859 г. II, 136. Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда. V, 277.

[2]) „Рус. Арх.“. 1886 г., т. II, 219.

[3]) Въ томъ же году Рылѣевъ, воспитывавшійся въ первомъ корпусѣ мечталъ о геройствѣ и мученическомъ вѣнцѣ. „Иди смѣло“, говорило ему сердце, „презирай всѣ несчастія, всѣ бѣдствія, и если оныя постигнутъ тебя, то переноси ихъ съ истинною твердостію, и ты будешь героемъ, получишь мученическій вѣнецъ и вознесешься превыше человѣковъ“. Письмо къ отцу, 17 дек. 1812 г. „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева“, изд. подъ ред. Мазаева. Спб. 1895 г., стр. 130.

шаго факта. 14-го декабря, когда участвовавшіе въ возстаніи военные отряды стояли на сенатской площади, къ нимъ явилась депутація отъ кадетъ морского и 1-го корпусовъ, чтобы спросить позволенія придти на площадь и сражаться въ ихъ рядахъ. М. А. Бестужевъ, къ которому они обратились, отвѣчалъ имъ: «благодарите своихъ товарищей за благородное намѣреніе и поберегите себя для будущихъ подвиговъ». Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ этомъ фактѣ, такъ какъ объ немъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ самъ Бестужевъ [1]).

Нѣкоторые члены тайныхъ обществъ дополняли свое образованіе посѣщеніемъ лекцій профессоровъ. Кромѣ тѣхъ, которые учились въ университетахъ, объ этомъ упоминаютъ декабристъ Ѳ. Шаховской (слушалъ въ Москвѣ курсъ политическихъ наукъ у проф. Шлёцера), Завалишинъ (въ петербургскомъ университетѣ), Мих. Парышкинъ [2]), а П. Пестель, два брата Муравьевы-Апостолы (Сергѣй и Матвѣй), кн. С. Трубецкой, кн. Илья Долгоруковъ, Ѳедоръ Глинка, Никита Муравьевъ и братья Шиповы слушали въ 1816 г. курсъ политической экономіи на квартирѣ у проф. Германа, для чего сдѣлали складчину [3]). Гр. О. П. Толстой, привлекавшійся къ слѣдствію о тайномъ обществѣ, слушалъ публичныя лекціи Германа по статистикѣ и политической экономіи [4]). Бурцевъ, членъ Союза Благоденствія, говоритъ въ своемъ показаніи, что, «подобно многимъ гвардейскимъ офицерамъ», въ часы, свободные отъ службы, онъ «посѣщалъ профессоровъ Германа, Галича, Куницына, преподававшихъ лекціи о политическихъ наукахъ». А. В. Поджіо заявилъ, что во время службы въ Преображенскомъ полку, въ 1820 г. у него «возродилась страсть къ ученію», и онъ не разъ ѣздилъ въ академію слушать публичныя лекціи профессора Куницына, читавшаго естественное право [5]). Лекціи Куницына по политической экономіи слушалъ кн. Евгеній Петр. Оболенскій, по словамъ котораго профессоръ руководствовался сочиненіями по этому предмету Шторха и Сэя. Александ. Мих. Муравьевъ, воспитывавшійся дома, былъ ученикомъ про-

[1]) „Восшествіе на престолъ имп. Николая", изд. проф. Шимана, Берлинъ, 1902 г., стр. 334—336. Въ разсказѣ Лѣскова „Кадетскій монастырь" есть извѣстіе, что кадеты 1-го корпуса приняли раненыхъ 14 декабря, перебѣжавшихъ черезъ Неву и укрывшихся въ корпусѣ и ухаживали за ними.

[2]) „Проходилъ частные курсы" — политич. экономіи у проф. Куницына статистики у проф. Германа.

[3]) Ѳ. Н. Глинка называетъ въ своемъ показаніи этотъ кружокъ „отдѣленіемъ политическихъ наукъ".

[4]) „Рус. Стар.", 1873 г. № 2, стр. 133.

[5]) Поджіо замѣчаетъ, что Куницынъ мало отступалъ при этомъ отъ своей печатной книги, лишь нѣсколько распространяя сказанное въ ней и стараясь сдѣлать свое изложеніе какъ можно болѣе яснымъ, а П. П. Пущинъ свидѣтельствуетъ о педагогическомъ талантѣ Куницына. *Л. Майковъ.* Пушкинъ. 1899 г., стр. 48, 50, 61.

фессоровъ Германа и Раупаха. Апненковъ, также получившій домашнее воспитаніе, слушалъ въ 1817—19 гг. въ московскомъ университетѣ лекціи словесности Мерзлякова, статистики Гейма, практической экономіи Шлёцера, естественнаго права Малова и бралъ частные уроки у этихъ профессоровъ. Лекціи въ московскомъ университетѣ слушали также кн. Трубецкой, Н. М. Муравьевъ, М. А. фонъ-Визинъ и Басаргинъ.

Н. И. Тургеневъ, довершившій въ гёттингенскомъ университетѣ образованіе, полученное имъ въ московскомъ университетѣ, всегда съ большою признательностью вспоминалъ о своихъ гёттингенскихъ профессорахъ Геереиѣ (исторіи, этнографіи и статистики), Гёде (уголовнаго права) и Сарторіусѣ (политической экономіи, финансоваго права и всеобщей политики). Посѣтивъ въ 1813 году Гёттингенъ, онъ былъ на лекціи Геерена и отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ воспоминаніе о томъ, какъ его «умъ постепенно образовался» лекціями гёттингенскихъ профессоровъ, «какъ свѣдѣнія» его «ежедневно распространялись и какъ сужденіе направлялось мало-по-малу къ одной точкѣ, съ которой, онъ «обнималъ все слышанное и видѣнное» [1]). Декабристы кн. Трубецкой и Митьковъ слушали лекціи въ Парижѣ [2]).

Но если лишь меньшинство декабристовъ имѣло возможность окончить образованіе въ университетѣ или прослушать лекціи нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ, за то лучшимъ университетомъ явилась для очень многихъ декабристовъ Западная Европа, съ которою имъ дали возможность непосредственно познакомиться заграничные походы нашего войска и трехлѣтнее пребываніе цѣлаго корпуса во Франціи во время ея оккупаціи иностранными войсками. Можно привести множество свидѣтельствъ декабристовъ о томъ неизгладимомъ вліяніи, которое произвело на нихъ пребываніе за границей.

Люди болѣе проницательные сознали эту громадную роль непосредственнаго знакомства съ западно-европейскими порядками даже въ самый моментъ нахожденія русскихъ войскъ за границей. Н. Тургеневъ, живя въ Парижѣ, записалъ 25 апрѣля 1814 г. въ своемъ дневникѣ: «Теперь возвратятся въ Россію много такихъ русскихъ, которые видѣли, что безъ рабства можетъ существовать гражданскій порядокъ и могутъ процвѣтать царства. Что можно сдѣлать умными распоряженіями и постановленіями! Послѣ того, что русскій народъ сдѣлалъ, что сдѣлалъ государь, что случилось въ Европѣ, освобожденіе крестьянъ мнѣ кажется весьма

[1]) Ср. La Russie et les Russes I, 389—391 и статью *М. Л. Вишницера* „Гёттингенскіе годы Н. И. Тургенева“ „Минувшіе Годы“, 1908 г. №№ 5—6.

[2]) Трубецкой посѣщалъ лекціи „почти всѣхъ извѣстныхъ профессоровъ по нѣскольку разъ“, а у профессоровъ естественныхъ наукъ прослушалъ полные курсы. Митьковъ (въ 1824 и 1825 гг.) посѣщалъ лекціи философіи и исторіи. Арт. Зах. Муравьевъ слушалъ въ заграничныхъ университетахъ лекціи медицины. *И. М. Головачевъ.* Декабристы. 86 портретовъ. М. 1906 г., стр. 155—156.

легкимъ, и я поручился бы за успѣхъ даже скораго переворота... Вотъ вѣнецъ, которымъ русскій императоръ можетъ увѣнчать всѣ дѣла свои». Но отъ этихъ надеждъ впослѣдствіи пришлось отказаться.

Политическое развитіе очень многихъ декабристовъ начинается именно со времени этого посѣщенія Западной Европы, на что они и указывали во время слѣдствія. М. А. Фонъ-Визинъ заявилъ, что двукратное пребываніе за границей открыло ему «много идей политическихъ, о которыхъ прежде не слыхивали». По словамъ Никиты Мих. Муравьева, впослѣдствіи составившаго извѣстный проектъ конституціи, «прокламаціи союзныхъ державъ въ 1813 году, предлагавшія народамъ Германіи представительное правленіе, вмѣсто награды за ихъ усиліе, обратили» впервые его «вниманіе на сей предметъ». М. А. Бестужевъ свидѣтельствуетъ о сильномъ вліяніи западно-европейскихъ наблюденій на моряковъ: «флотъ нашъ, будучи въ 1812 г. въ Англіи, и наши морскіе офицеры, каждогодно посѣщая на военныхъ судахъ Англію, Францію и другія заграничныя мѣста, получили понятія объ образѣ тамошняго правленія», и ихъ разсказы вліяли и на младшихъ товарищей. Въ 1817 г. М. Бестужевъ былъ во Франціи и тамъ, познакомившись со многими французскими офицерами и путешественниками-англичанами, «заимствовалъ начало свободныхъ мыслей». Старшій братъ М. Бестужева, Николай, въ своемъ показаніи говоритъ: «Бытность моя въ Голландіи въ 1815 г. въ продолженіе 5 мѣсяцевъ... дала мнѣ первое понятіе о пользѣ закона и правъ гражданскихъ; послѣ того двукратное посѣщеніе Франціи, вояжъ въ Англію и Испанію утвердили сей образъ мысли». Онъ отмѣчаетъ и то, что это было явленіемъ не исключительнымъ: «Происшествія во всей Европѣ и бытность нашихъ войскъ за границами», по его словамъ, «имѣли не малое вліяніе на распространеніе политическихъ идей особенныхъ» (т. е. отличающихся) «отъ существовавшихъ при нашемъ правленіи». Третій членъ талантливой семьи Бестужевыхъ, Александръ, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Марлинскаго, также связываетъ начало нашего освободительнаго движенія съ отечественною войной и пребываніемъ русскаго войска за границей. Въ письмѣ изъ крѣпости къ имп. Николаю онъ говоритъ: «Наполеонъ вторгся въ Россію, и тогда-то русскій народъ впервые ощутилъ свою силу; тогда-то пробудилось во всѣхъ сердцахъ чувство независимости, сперва политической, а впослѣдствіи и народной. Вотъ начало свободомыслія въ Россіи. Правительство само произнесло слова: «свобода, освобожденіе!» Само разсѣвало сочиненія о злоупотребленіи неограниченной власти Наполеона... Войска отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ. Сравненіе со своимъ естественно произвело вопросъ, почему же не такъ у насъ?»

По свидѣтельству кн. Е. П. Оболенскаго въ его показаніи, «науки политическія сдѣлались по возвращеніи гвардіи въ 1814 г. предметомъ общихъ разговоровъ». С. П. Муравьевъ-Апостолъ считаетъ «трехлѣтнюю войну, освободившую Европу отъ ига Наполеона», и ея «послѣдствіе—введеніе представительнаго правленія въ нѣкоторыхъ государствахъ» первыми «источниками революціонныхъ мнѣній» въ Россіи. По словамъ Якушкина въ его воспоминаніяхъ, «пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить воззрѣнія сколько-нибудь мыслящей русской молодежи... каждый изъ насъ хоть сколько-нибудь выросъ» [1]). «Первые члены тайнаго общества», говоритъ А. Бѣляевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «были большею частью военные, прошедшіе побѣдоносно всю Европу до Парижа. Ознакомившись ближе съ ея цивилизаціей, понятно, что» они желали «и для Россіи той образованности, той свободы, тѣхъ правъ, какими пользовались нѣкоторыя изъ европейскихъ націй и которыя были дарованы Польшѣ и обѣщаны Россіи» [2]).

Іунинъ во время пребыванія въ Парижѣ въ 1814 г. изучалъ соціальное положеніе Франціи и ея государственный строй; его вниманіе привлекали какъ лица, стоящія во главѣ управленія, такъ и низшіе классы [3]).

Кн. С. Г. Волконскій во время стоянки въ Дюссельдорфѣ имѣлъ по обязанностямъ службы частыя сношенія съ Грунеромъ, сподвижникомъ знаменитаго Штейна, позднѣе, въ 1819 г., подвергшемся преслѣдованію со стороны прусскаго правительства; въ бесѣдахъ съ нимъ Волконскій услышалъ много для себя новаго «объ обязанностяхъ гражданина къ отечеству». По его словамъ, «вообще все, что мы хоть мелькомъ видѣли въ 13 и 14 годахъ въ Европѣ, породило во всей молодежи чувство, что Россія въ общественномъ, внутреннемъ и политическомъ бытѣ весьма отстала, а во многихъ вселила мысль поближе познакомиться съ Европой». Въ Парижѣ Волконскій посѣщалъ салонъ г-жи Сталь и встрѣчалъ тамъ знаменитаго либеральнаго публициста Бенжамена Констана, сочиненія котораго имѣли потомъ значительное вліяніе на декабристовъ. Въ Лондонѣ Волконскій бывалъ у О. А. Жеребцовой, принимавшей участіе въ подготовкѣ низложенія имп. Павла, и у нея познакомился съ представителями англійской аристократіи. Онъ видѣлъ сильное волненіе народа въ Лондонѣ во время обсужденія въ

---

[1]) Срав. „Записки декабриста“ (бар. Розена). Лейпц. 1870 г., стр. 77 (они перезданы теперь г. Щеголевымъ). Польское тайное общество „истинныхъ поляковъ“ было основано въ 1814 г. по возвращеніи польскаго войска изъ Франціи. *Базилевскій*. „Госуд. прест. въ Россіи“ I, 70: *Askenazy* Rosya—Polska, 91.

[2]) „Рус. Стар.“ 1881 г. т. XXX, 487.

[3]) Записки Ип. Оже. „Рус. Арх.“ 1877 г. т. I, 521.

парламентѣ билля о таможенныхъ пошлинахъ съ ввозимаго зернового хлѣба, когда на казенныхъ зданіяхъ и даже на оградѣ дворца принца-регента дѣлали надписи: «хлѣба или крови», онъ видѣлъ шествіе народа послѣ рѣчи по этому вопросу къ народу вождя оппозиціи, который увлекъ толпу, хотя защищалъ взгляды ей несимпатичные. Волконскаго поразило также, что одинъ противникъ билля, стоявшій за запрещеніе ввоза зернового хлѣба, отказался отъ охраны войскомъ его дома, въ которомъ толпа собиралась бить окна, объявивъ громогласно, что «англичанинъ находится подъ охраною законовъ», и вызвалъ тѣмъ громкія рукоплесканія [1]). «Хвала тому краю», замѣчаетъ по этому поводу Волконскій, «гдѣ есть убѣжденіе въ такой силѣ законовъ». Волконскій не разъ бывалъ на засѣданіяхъ англійскаго парламента, и его поразило, что то же лицо, которое при представленіи принцу-регенту, согласно этикету, преклоняло колѣни и цѣловало его руку, нѣсколько часовъ позднѣе, въ качествѣ члена оппозиціи, громило существующее правительство. Волконскій мечталъ даже о поѣздкѣ въ Америку, такъ какъ, по его словамъ, Сѣверо-Американскіе Штаты «занимали тогда умы русской молодежи» своимъ «самостоятельнымъ бытомъ и демократическимъ политическимъ составомъ». Естественно, что пребываніе за границей сыграло огромную роль въ развитіи политическаго міросозерцанія кн. Волконскаго. Событія 1814 и 1815 гг. внушили ему «вмѣсто слѣпого повиновенія и отсутствія всякой самостоятельности, мысль, что гражданину свойственны обязанности» предъ отечествомъ, которыя стоятъ «по крайней мѣрѣ на ряду съ вѣрноподданническими».

Для нѣкоторыхъ декабристовъ были полезны и болѣе поздніе поѣздки за границу. Лунинъ, возбудивъ неудовольствіе императора Александра смѣлымъ публичнымъ осужденіемъ правительства Людовика XVIII за казнь маршала Нея и полковника Лабедоайера, перешедшихъ на сторону Наполеона во время ста дней [2]), вышелъ въ отставку. Въ это время онъ мечталъ отправиться въ Южную Америку къ «взбунтовавшимся молодцамъ» [3]), говорилъ, что бунтъ—священнѣйшая обязанность каждаго», что ему открыта «только одна карьера—карьера свободы», что ему нужна «свобода мысли, свобода воли, свобода дѣйствій». Осенью 1816 г. онъ пріѣхалъ въ Парижъ, и есть основаніе думать, что онъ вошелъ тамъ въ сношенія съ однимъ французскимъ тайнымъ обществомъ. Онъ познакомился также съ Сенъ-Симономъ, который оцѣнилъ большія способности

---

[1]) Записки С. Г. Волконскаго, 201, 327, 338—9, 348—353, 387. Однако нѣсколько домовъ лицъ, враждебныхъ интересамъ народа, были въ то время (въ 1815 г.) разрушены. См. *Pauli*, Geschichte Englands. Leipz. 1864. I, 143—146.

[2]) *Грегуаръ* „Исторія Франціи" I, 74—75, 96—98; *Guillon*, Les complots militaires sous la Restauration. 1895, p. 13—14.

[3]) О борьбѣ за независимость въ испанской Америкѣ см. *Герингъ* т. III.

Лунина, думалъ воспользоваться имъ для распространенія своихъ идей въ Россіи и предостерегалъ его отъ увлеченія политикой, утверждая, что будущность всего человѣчества зависитъ отъ совокупнаго развитія трехъ двигателей: чувства, науки и промышленности [1]). Однако, возвратившись въ 1817 г. въ Россію, Лунинъ въ томъ же году вступилъ въ Москвѣ въ тайное общество.

Каховскій говоритъ въ своемъ показаніи: «будучи въ 1823 и 1824 гг. за границею, я имѣлъ много способовъ читать и учиться. Уединеніе, наблюденіе и книги были мои учители». На нѣкоторыхъ моряковъ имѣло громадное вліяніе посѣщеніе Испаніи. «Послѣ нашего плаванія въ Испанію въ 1824 г.», — говоритъ Бѣляевъ, — «гдѣ мы видѣли подвижниковъ испанской свободы, гдѣ сошлись съ свободолюбивыми англичанами, гдѣ слушали маршъ Ріего и съ восторгомъ поднимали бокалы въ его память, мы, конечно, сдѣлались еще большими энтузіастами свободы [2])».

II.

Свидѣтельства декабристовъ, приведенныя выше, наглядно показываютъ, какое сильное вліяніе имѣли походы 1813—15 гг. по Западной Европѣ на нашу военную молодежь: непосредственное наблюденіе западной цивилизаціи побудило ее дѣятельно приняться за пополненіе своего образованія [3]). Каховскій отмѣчаетъ серьезное стремленіе къ самообразованію, проявившееся въ нашемъ обществѣ и желаніе работать на пользу своихъ крестьянъ: «у насъ молодые люди при всѣхъ скудныхъ средствахъ занимаются болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь: многіе изъ нихъ вышли въ отставку и въ укромныхъ своихъ сельскихъ домикахъ учатся и устраиваютъ благоденствіе и просвѣщеніе земледѣльцевъ, судьбою ихъ попеченію ввѣренныхъ... Сколько встрѣтишь теперь 17-ти-лѣтнихъ моло-

[1]) Записки Оже. „Рус. Арх." 1877 г. т. I, 527, 531, 533 — 534, II, 64 — 66; *Вейль* „Исторія республиканской партіи во Франціи съ 1814 по 1870 г." Переводъ Л. Шишко. М. 1906 г., стр. 17. Лунинъ началъ писать въ Парижѣ на французскомъ языкѣ романъ „Ижедмитрій", первыя главы котораго привели въ восторгъ одного изъ тамошнихъ писателей.

[2]) „Рус. Старина" 1881 г., т. XXX, 23.

[3]) У нѣкоторыхъ декабристовъ стали составляться цѣлыя библіотеки, назовемъ: Н. М. Муравьева (унаслѣдовавшаго впрочемъ большую библіотеку отъ отца), Пестеля, фонъ-деръ-Бриггена, Норова. (Біогр. очеркъ Норова, составл. Поливановымъ, „Рус. Арх." 1900 г. № 2, стр. 283). Библіотека П. Я. Чаадаева уже въ 1812 г. была извѣстна библіографамъ: на нее дважды указываетъ Сопиковъ въ первомъ томѣ своего „Опыта россійской библіографіи", изданномъ въ 1813 г. Чаадаеву было въ это время всего 19 лѣтъ (онъ родился въ 1794 г.) *В. Рудаковъ*. „Къ біографіи П. Я. Чаадаева". „Историч. Вѣстникъ" 1907 г., № 11, стр. 624. Во время ссылки хорошія библіотеки оказались у С. Г. Волконскаго и С. П. Трубецкого (записки Розена).

дыхъ людей, о которыхъ смѣло можно сказать, что они читали старыя книги... Пора танцевъ, баловъ, острыхъ словъ прошла; въ бесѣдахъ болтаніе замѣнилось разсужденіемъ». Привлекавшійся къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ Миклашевскій показалъ, что цѣль общества состояла въ томъ, чтобы «стараться о распространеніи просвѣщенія и въ особенности между низшимъ классомъ народа, дабы тѣмъ самымъ довести его современемъ до того состоянія, въ которомъ онъ могъ бы пользоваться свободою».

Въ показаніяхъ декабристовъ, въ ихъ запискахъ, письмахъ изъ крѣпости, есть много указаній на то вліяніе, какое имѣло чтеніе, особенно произведеній иностранныхъ авторовъ, на развитіе либеральныхъ идей. Русская печать была слишкомъ задавлена цензурой, и потому преимущественно въ ходившихъ по рукамъ запретныхъ произведеніяхъ оказывался матеріалъ, способный возбуждать и поддерживать революціонныя идеи.

Въ Сѣверномъ Обществѣ наиболѣе образованнымъ членомъ нельзя не признать Н. И. Тургенева, въ Южномъ такимъ безспорно былъ Пестель.

Неизданные дневники Н. И. Тургенева не только показываютъ, какъ разнообразно было его чтеніе, но, такъ какъ они обыкновенно содержатъ и отзывы о прочитанномъ, то даютъ матеріалъ и для общихъ соображеній о вліяніи западно-европейской литературы на русскаго читателя. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ Тургенева [1]).

Въ канунъ 1816 г., еще за границей, Н. Тургеневъ читаетъ «De l'Allemagne» г-жи Сталь и въ ея разборѣ «Донъ-Карлоса» Шиллера останавливается на томъ мѣстѣ, гдѣ маркизъ Поза проситъ Елизавету напомнить донъ-Карлосу, когда онъ достигнетъ зрѣлаго возраста, о планахъ, которые они вмѣстѣ составляли, о томъ, что нужно уважать мечты молодости [2]). «Я дорого бы заплатилъ», замѣчаетъ по этому поводу

---

[1]) Еще 17-лѣтнимъ юношею Тургеневъ прочелъ книгу Радищева, зачитывался Вольтеромъ, знакомъ былъ съ сочиненіями Мабли. Во время пребыванія (въ 1808—11 гг.) въ Гёттингенскомъ университетѣ, онъ читаетъ сочиненія историковъ Гиббона и Мюллера (Исторію Швейцаріи), французскаго экономиста XVIII в. аб. Галіани, трудъ по политической экономіи умѣреннаго меркантилиста Джемса Стюарта, изучаетъ классическій трудъ по тому же предмету Ад. Смита, восхищается имъ и высказываетъ предположеніе, что „эта наука будетъ главнѣйшимъ занятіемъ всей“ его, Тургенева, жизни; найдя въ сочиненіи харьковскаго профессора Якоба (Grundsätze der Nationalökonomie, 1 изд. 1805, 2 изд. Chark. 1809, 3 изд. Wien, 1814) кое что хорошее, онъ замѣчаетъ, что нѣтъ „ничего новаго какъ подъ солнцемъ, такъ и у всѣхъ послѣдователей Смита“, и прекращаетъ чтеніе французскаго экономиста Сэя, убѣдившись, что „мало пользы отъ этой книги“. Наконецъ въ 1811 г. Тургеневъ задумываетъ написать „Разсужденіе о налогахъ“ и знакомится съ обширною литературою по этому предмету.

[2]) „Oeuvres complètes de m-me la baronne de Staël, publiées par son fils“.

Тургеневъ, «если бы кто-нибудь съ добрымъ намѣреніемъ показалъ» это мѣсто имп. Александру. Въ это время Тургеневъ еще вѣрилъ въ возможность проведенія серьезныхъ реформъ нашимъ правительствомъ, но и тогда уже имъ овладѣвали тяжелыя сомнѣнія. Черезъ нѣсколько дней, читая вышедшую въ свѣтъ еще въ 1771 г. книгу Де-Лольма о конституціи въ Англіи, онъ заноситъ въ свой дневникъ слѣдующія размышленія:

„Политическіе писатели того времени... либеральнѣе нашихъ... По какимъ страннымъ и бѣдственнымъ обстоятельствамъ многіе находятъ теперь опасными, злыми, ложными правилами тѣ правила, кои за 50 лѣтъ почитались единственно справедливыми и ведущими къ счастію народовъ... Неужели 25 лѣтъ войны свободы противъ деспотизма, войны, отчасти даже счастливо оконченной,.. подвигнутъ духъ времени на нѣсколько лѣтъ назадъ и изъ преддверія храма свободы отторгнутъ Европу, водворятъ ее вновь въ тѣ лабиринты варварства и деспотизма, въ которыхъ она такъ долго скиталась". Читая въ іюлѣ 1816 г. ту же книгу, Тургеневъ высказываетъ слѣдующую мысль: «Замѣчательно, что въ Англіи отъ ограниченія верховной власти получали пользу высшіе и вмѣстѣ низшіе классы народа во время большой хартіи... Это, можетъ быть, единственный примѣръ въ исторіи, что отъ ограниченія власти верховной, выгоднаго для дворянства, пользовался вмѣстѣ и простой народъ. De Lolme справедливо замѣчаетъ, что всѣ революціи въ Англіи кончались въ пользу народа вообще оттого, что представители народные никогда не могли присвоить себѣ нѣкоторыя отрасли исполнительной власти и... чрезъ то отдѣлить себя отъ народа... Не будучи въ состояніи исключительно пользоваться плодами ихъ сопротивленія правительству, они раздѣляли оные съ народомъ».

Въ концѣ декабря 1816 г., уже въ Россіи, Тургеневъ, знакомясь съ исторіей террора, выражаетъ негодованіе по поводу ужасовъ этого періода французской революціи. Но вскорѣ послѣ того, читая новую нѣмецкую книгу (1817 г. [1]), онъ излагаетъ въ своемъ дневникѣ мысли о полезномъ вліяніи на Европу французской революціи. По поводу враждебныхъ выходокъ противъ Англіи въ сочиненіи «La coalition et la France» (P. 1817) онъ считаетъ нужнымъ отмѣтить хорошія стороны

P. 1820, t. X, 380. Характеристику этого сочиненія г-жи Сталь см. у *Брандеса*. „Главныя теченія въ литер. XIX вѣка. Французская литература". О запрещеніи его при Наполеонѣ I см. *Welschinger* La censure sous le premier empire. P. 1882. p. 175—190, 346—374, 376; объ отношеніяхъ г-жи Сталь къ Наполеону *P. Gautier* Madame de Staël et Napoléon 1903. Характеристику политическихъ и общественныхъ идей г-жи Сталь см. въ статьѣ г-жи В—штейнъ въ „Вѣстн. Евр." 1900 г. №№ 8—10. Воспитатель Александра I Лагарпъ совѣтовалъ Александру I, уже по восшествіи его на престолъ, прочесть „Донъ Карлоса" Шиллера, и особенно превосходную сцену между Филиппомъ II и герцогомъ Поза". *Сухомлиновъ*. Изслѣдованія II, 134.

[1]) „Betrachtungen über das heilige Bündniss besonders in Vergleich mit ähnlichen Ereignissen des XVI Jahrhunderts". Hamb.

Англіи, къ государственному строю которой относится слишкомъ оптимистично, и между прочимъ говоритъ:

„Англія, послѣ долговременныхъ опытовъ и постояннаго стремленія, дошла, наконецъ, до того, что всѣ учрежденія соотвѣтственны нуждамъ и благополучію частныхъ людей. Въ Англіи правительство ясно существуетъ для народа, а не народъ для правительства". (Тогдашнее англійское правительство вовсе не заслуживало этого комплимента). „Во Франціи" (при старомъ порядкѣ) «сего никогда не было. Тамъ всегда царствовалъ ужасный деспотизмъ, и цари считали народъ собственностью своею... Въ Англіи несчастные или изгнанные имѣли всегда прибѣжище или соучастниковъ ихъ горя, и сіе соучастіе извѣщалось всегда публично въ парламентѣ: каждое дѣйствіе деспотизма, своевольства находило въ парламентѣ строгихъ судей и неумолимыхъ хулителей... Многіе кричатъ противъ Англіи, не зная сами за что». Читая въ сентябрѣ 1817 г. книгу «о французской революціи Паганеля [1]), Тургеневъ находитъ въ этомъ сочиненіи подтвержденіе своей мысли, что „при сильной аристократической власти и вмѣстѣ при слабой державной власти состояніе простого народа должно быть невыгодное и несчастное" [2]). Встрѣтивъ у Паганеля упоминаніе о мнѣніи Руссо, что „представительное правленіе не что иное, какъ искаженіе демократіи, результатъ упадка людей" [3]), Тургеневъ замѣчаетъ, „конечно, такое" (представительное) „правленіе не есть совершенное, но ближайшее къ совершенству". У Паганеля Тургеневъ встрѣчаетъ также мысль, что правительства должны были бы вводить такія благія учрежденія, какъ „мирные судьи и присяжные", а между тѣмъ они являются всегда „слѣдствіемъ революціи" [4]). Тургеневъ находитъ въ этомъ подтвержденіе своего мнѣнія, что правительства (очевидно, вводя учрежденія, удовлетворяющія народнымъ потребностямъ) должны „отклонять революціи". Въ нѣкоторыхъ отзывахъ автора объ англійскомъ народѣ Тургеневъ видитъ подтвержденіе своего мнѣнія, что „постановленіями", т. е. учрежденіями

[1]) „Essai historique et critique sur la révolution française, ses causes, ses resultas, avec les portraits des hommes les plus célèbres" par M*** (Paganel). Все первое изданіе этой книги было конфисковано въ 1810 г. по приказанію Наполеона (несмотря на то, что послѣ разсмотрѣнія ея цензурою, печатаніе ея было дозволено министромъ полиціи) и цѣликомъ уничтожено въ 1813 г.; второе изданіе вышло въ свѣтъ въ 1814 г.

[2]) Онъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду то мѣсто этого сочиненія, гдѣ авторъ говоритъ о положеніи народа въ феодальную эпоху (I, 4, ср. 6—7).

[3]) Паганель говоритъ: „Ж. Ж. Руссо высказалъ о представительномъ правленіи мнѣніе, противоположное мнѣнію философовъ, публицистовъ и законодателей, писавшихъ послѣ него. Онъ смотритъ на этотъ образъ правленія, какъ на искаженіе демократіи, какъ на результатъ упадка людей, подобнаго тому состоянію инертности и слабости, которое слѣдуетъ за истощеніемъ силъ. Теорія, ограничивающая посредствомъ выбора представителей, верховенство народа, является, по его мнѣнію, лишь прикрытіемъ рабства, оскорбленіемъ народа, повторяемымъ при каждыхъ выборахъ" (I, 272—273). Паганель оспариваетъ это мнѣніе Г[illegible]ъ (I, 64—65). Ср. „Contrat social" кн. III, гл. 15. „Общественный договоръ" появился теперь въ трехъ переводахъ: 1) Дживилегова, 2) подъ редакціей Когана и 3) подъ редакціей Д. Жуковскаго (послѣднее со многими примѣчаніями).

[4]) См. *Paganel* I, 299.

(les institutions) „образуется или воспитывается народъ [1]). „Какъ важно сіе замѣчаніе", прибавляетъ онъ, относительно Россіи.

Нѣсколько позднѣе, прочитавъ сочиненіе извѣстнаго либеральнаго публициста Бенжамена Констана о выборахъ, Тургеневъ даетъ о немъ такой отзывъ: «много хорошаго и справедливаго». Въ этой талантливой брошюрѣ «Des élections prochaines» (1817 г.) Б. Констанъ энергически протестуетъ противъ исключительныхъ законовъ: отмѣны гарантій личной свободы, административнаго произвола въ дѣлахъ печати (въ 1815 г. была установлена предварительная цензура) и полувоенныхъ судовъ (для преступленій невоеннаго характера [2]). Очевидно, подъ вліяніемъ чтенія этой брошюры Тургеневъ начинаетъ размышлять о системахъ выборовъ въ конституціонныхъ государствахъ и рѣшительно высказывается противъ имущественнаго ценза, за необходимость котораго стоялъ Б. Констанъ: «Всѣми политиками принято, что для представительства народнаго нужны люди, имѣющіе значительную собственность. Въ газетахъ недавно замѣтили, что Регулы, Цинцинаты и т. п. не могли бы быть репрезентантами даже и въ малѣйшихъ новыхъ государствахъ. Все это такъ! Но что это доказываетъ? Мелкость, ничтожество новѣйшихъ въ сравненіи съ древними. Чистѣйшая страсть человѣка—патріотизмъ должна имѣть порукою деньги, имѣніе! Нельзя не признаться, что это совсѣмъ не дѣлаетъ чести образованности новѣйшихъ народовъ, если необходимость такого поручительства справедлива.. Не вѣрить любви къ отечеству, когда сія любовь не основывается на интересѣ. Какое заблужденіе ума и просвѣщенія! Was für eine Verkehrtheit aller gesunden Ideen!» (Что за извращеніе всѣхъ здравыхъ идей). «Стоятъ ли тѣ народы свободы, которые залоговъ оной ищутъ въ интересѣ, а не въ сердцахъ гражданъ? Но за то и свобода новѣйшихъ народовъ отзывается деньгами!» Тургеневъ забылъ объ отсутствіи имущественнаго ценза въ сѣверо-американской конституціи.—Въ 1817 г. или 1818 г., прочитавъ въ «Moniteur'ѣ» статью по поводу книги философа Азаиса, онъ пишетъ: «Этотъ мусье Азаисъ говоритъ, что Россія по причинѣ ея пространства и различія образованности населяющихъ ея народовъ, не созрѣла еще для конституціи, или, что все равно, для свободы. Всѣ эти люди, которые такимъ образомъ говорятъ о свободѣ, не знаютъ, не понимаютъ свободы: они не чувствуютъ, что свобода такъ натуральна, такъ свойственна человѣку.., что нельзя произнести слово «человѣкъ»,

[1]) См. напр. *Paganel* I, 260, 300.

[2]) *B. Constant.* „Cours de politique constitutionnelle" P. 1861 г. t. II, 309—346. О Бен. Констанѣ см. брошюру Э. Лабуле «Политич. идеи Б. Констана». М. 1905 и книгу *G. de Lauris* B. Constant et les idées libérales. P. 1901, а также статью по поводу нея Рудченко въ «Русской Мысли» 1905 г. № 12. Общую характеристику идей Б. Констана см. у *И. И. Кареева* «Истор. Зап. Евр. въ новое время» т. IV, изд. 2, стр. 294—301, 586—590.

чтобы не имѣть вмѣстѣ съ симъ понятія о свободѣ. Все равно, если бы кто сказалъ о людяхъ между снѣговъ, въ вѣчной ночи живущихъ: они еще не созрѣли для того, чтобы грѣться на солнышкѣ»...

Въ сентябрѣ 1818 г. Тургеневъ читаетъ книгу г-жи Сталь о революціи [1]) и замѣчаетъ: «что она говоритъ о деспотизмѣ?» [2]). А мы подъ нимъ живемъ и долго жить будемъ! Это... давитъ меня». Нѣсколько позднѣе, по поводу того же сочиненія, онъ замѣчаетъ: «много краснорѣчивыхъ, прекрасныхъ мѣстъ, главная же черта, отличающая эту книгу отъ многихъ сего рода, ... : постоянная и пылкая любовь къ свободѣ, любовь и уваженіе къ человѣчеству, представленіе необходимости нравственности, какъ въ жизни частной, такъ и въ политикѣ; эти свойства сочиненія m-me Staël должны имѣть благотворное вліяніе, но въ теперешнія времена все испортили, исказили тѣ, которые свою волю хотѣли ставить выше закона». Продолжая чтеніе того же сочиненія, Тургеневъ находитъ, что г-жа Сталь «живо представляетъ ненависть деспотизма и прелесть свободы и просвѣщенія. То, что она говоритъ о Россіи—вздоръ, и я объ этомъ жалѣю» [3]). Въ октябрѣ 1818 г. Н. Тургеневъ писалъ брату Сергѣю: «Второй томъ m-me Staël несравненно лучше двухъ другихъ, въ особенности третьяго. Она запуталась, говоря о возвращеніи Бонапарта» [4]). Повидимому, въ слѣдующемъ году

[1]) «Considérations sur les principaux événement de la révolution francaise», вышедшую въ свѣтъ въ этомъ году.

[2]) См. Oeuvres complètes de m-me la Baronne de Staël. P. 1820, t. XII, 11 17—20, 25, 37—39, 40—46, 122, 155—160.

[3]) Авторъ дневника имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто: «вслѣдствіе просвѣщенной мудрости теперешняго государя», говоритъ г-жа Сталь, «всѣ возможныя улучшенія постепенно совершатся въ Россіи. Нѣтъ ничего нелѣпѣе того, что обыкновенно повторяютъ люди, боящіеся просвѣщенной политики Александра. «Почему, говорятъ они, этотъ государь, которымъ друзья свободы такъ восхищаются, не введетъ у себя конституціоннаго правленія, которое онъ рекомендуетъ другимъ странамъ»?.. Въ Россіи еще нѣтъ третьяго сословія: какъ же можно было бы создать въ ней представительное правленіе? Почти совершенно нѣтъ промежуточнаго класса между боярами и народомъ. Можно было бы увеличить политическое значеніе вельможъ и въ этомъ отношеніи разрушить сдѣланное Петромъ I, но это значило бы идти назадъ, а не впередъ, ибо власть императора, при всей своей неограниченности, въ соціальномъ отношеніи представляетъ улучшеніе сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ нѣкогда была аристократія. Россія, въ дѣлѣ цивилизаціи, находится еще въ той исторической эпохѣ, гдѣ для блага народовъ нужно ограничивать власть привилегированныхъ властью короны». Указавъ на 36 народовъ, въ томъ числѣ и языческихъ, населяющихъ Россію, г-жа Сталь продолжаетъ: „При такомъ порядкѣ вещей еще нѣтъ необходимаго просвѣщенія, людей, которые могли бы пустить въ ходъ учрежденія». „Oeuvres", t. XIII, 396—397, ср. t. XII, 14.

[4]) Вѣроятно Н. Тургеневъ имѣетъ въ виду цитированное нами мѣсто въ послѣдней главѣ сочиненія Сталь, въ которой она говоритъ и о возвращеніи Наполеона изъ похода въ Россію. Задумывая зимою 1818—19 гг. изданіе журнала и увидѣвъ у П. П. Пущина эту книгу, Тургеневъ предлагалъ ему написать о ней статью.

Тургеневъ читаетъ «Замѣчанія» клерикальнаго публициста, извѣстнаго реакціонера, виконта де-Бональда (напечатанныя въ 1818 г.) на сочиненіе г-жи Сталь о революціи. По поводу мнѣнія Бональда, что власть государя «независима отъ подданныхъ, но если онъ ихъ угнетаетъ, то онъ виновенъ предъ Богомъ, верховнымъ судьею королей», Тургеневъ остроумно замѣчаетъ: «и наши мужики могутъ жаловаться Богу, но въ томъ-то и бѣда, что они, кромѣ Бога, никому жаловаться не могутъ». Правда, имп. Александръ требовалъ, чтобы крестьянамъ не запрещали подавать ему просьбы, но мѣстныя власти иногда подвергали приносящихъ имъ жалобы тѣлесному наказанію, даже не входя въ ихъ разсмотрѣніе. Въ 1820 г. Тургеневъ дѣлаетъ такое замѣчаніе относительно книги Бональда: «Давно я не читалъ ничего лучшаго, особливо ничего болѣе убѣдительнаго въ пользу либеральныхъ идей. Глупость глуповъ или умъ во тьмѣ находящихся часто лучше всего доказываютъ истину» [1]).

Изъ этихъ отзывовъ мы видимъ, что въ 1816—18 гг. Тургеневъ уже проникся либеральными взглядами. Но затѣмъ, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ событій (см. ниже) и мрачной русской дѣйствительности онъ становится гораздо радикальнѣе, въ 1819 г. вступаетъ въ Союзъ Благоденствія и въ 1820 г. на совѣщаніи его коренной управы, на которомъ присутствовалъ Пестель, вмѣстѣ съ другими подаетъ голосъ за республику.

Въ апрѣлѣ 1821 г. Тургеневъ читаетъ сочиненіе Дэтю де Траси, «Коментаріи на Духъ Законовъ Монтескье», которое оказало такое сильное вліяніе на Пестеля и многихъ другихъ членовъ тайнаго общества [2]). Онъ отмѣчаетъ отрицательное отношеніе французскаго ученаго къ монархіи, то, что онъ «предлагаетъ блюстительный сенатъ, исполнительную коллегію и законодательный корпусъ» и замѣчаетъ: «есть хорошія вещи, но раздѣленіе правленій неудачно». Тургеневу было извѣстно и сочиненіе Дэтю де Траси по политической экономіи, по поводу котораго онъ замѣчаетъ, что авторъ «принимаетъ *работу* единственнымъ элементомъ цѣнности и единственнымъ источникомъ богатства» [3]). Тургеневъ добавляетъ, что и Адамъ Смитъ «единымъ мѣриломъ цѣнности вещей признаетъ работу». Онъ соглашается съ мнѣ-

[1]) О Бональдѣ см. въ книгахъ *Шалгова* „Французская литература въ первые годы XIX вѣка". М. 1875 г. и *Чичерина* „Исторія политич. ученій", М. 1902, т. V. Вѣроятно, къ 1820 г. относятся выписки Тургенева при его дневникѣ изъ сочиненій г-жи Сталь, Бентама и книги Гизо „Du gouvernement de la France depuis la restauration et du ministère actuel" (1820 г.). О Гизо срав. *Чичерина*, V, 399—404.

[2]) Объ этомъ произведеніи Дэтю де Траси см. далѣе въ гл. VII.

[3]) Ср. замѣчаніе К. Маркса о мнѣніи Дэтю де Траси. „Капиталъ", перев. подъ редакц. П. Струве, изд. 2-е, Спб., 1906 г., стр. 35.

ніемъ Дэтю де Траси, что главный и единственный способъ «дать нравственность народу»—«постановленія государственныя».

Въ 1822 г. на Тургенева производитъ очень сильное впечатлѣніе чтеніе мемуаровъ г-жи Роланъ [1]).

Мы увидимъ далѣе, что многіе декабристы увлекались древними авторами. Тургеневъ читалъ въ 1822 г. Тацита и записалъ по этому поводу: «Съ Тацитомъ я разстался, какъ съ пріятелемъ, хотѣлъ кончить это чтеніе и сожалѣлъ, когда кончилъ».

Въ томъ же году онъ знакомится съ сочиненіемъ Бенжамена Констана «Commentaires sur Filangieri» и замѣчаетъ: «Мнѣ очень по вкусу. Опредѣляетъ и разъясняетъ идеи, которыя иногда мнѣ представлялись при разныхъ случаяхъ». Эту книгу, изданную въ 1822 г., Тургеневъ рекомендовалъ для чтенія членамъ тайнаго общества, такъ какъ, по его мнѣнію, она «могла дать свѣдѣнія здравыя и справедливыя о множествѣ вопросовъ изъ обширной области политики» [2]). Дѣйствительно, это сочиненіе Б. Констана было полезно тѣмъ, что довольно убѣдительно доказывало необходимость конституціоннаго строя; въ тогдашней Россіи съ ея самодержавнымъ царемъ и военными поселеніями были весьма нелишни и указанія на необходимость извѣстныхъ границъ законодательнаго вмѣшательства въ жизнь людей.

Затѣмъ Тургеневъ читаетъ «Тактику» Бентама и находитъ, что она составлена «очень умно, любопытно и поучительно» [3]).

Названныя сочиненія не исчерпываютъ всѣхъ именъ авторовъ, упоминаемыхъ въ дневникѣ Тургенева: мы отмѣчаемъ тѣ труды, которые производили на него болѣе сильное впечатлѣніе.

Послѣ Тургенева однимъ изъ наиболѣе образованныхъ членовъ Сѣвернаго Общества былъ Никита Мих. Муравьевъ, а также выдавался своими серьезными философскими знаніями С. М. Семеновъ, окончившій курсъ въ московскомъ университетѣ и получившій въ 1816 г. степень магистра этико-политическихъ наукъ. По свидѣтельству Свербеева

[1]) Они переведены на русскій языкъ г-жею Верпадскою въ „Историческомъ Обозрѣніи“ 1893 г. т. VI и 1894 г. т. VII (есть и отд. изд.).

[2]) La Russie I, 82. Вигель (V, 47) свидѣтельствуетъ о сильномъ вліяніи Тургенева на молодежь военную и штатскую.

[3]) Въ 1791 г. Бентамъ написалъ, спеціально для Франціи, „Опытъ политической тактики“; впослѣдствіи его переработалъ Дюмонъ и издалъ въ 1815 г. подъ заглавіемъ „Tactique des assemblées législatives“. Русскій переводъ этой книги: „Тактика законодательныхъ собраній“ изд. въ 1907 г. Въ своемъ сочиненіи о налогахъ, первое изданіе котораго вышло въ свѣтъ въ 1818 г., Тургеневъ цитируетъ Юма, Адама Смита, Бентама, Сэя. Изъ его дневника видно, что онъ читалъ Рикардо. Въ приложеніи къ дневнику Тургенева 1821—24 гг. есть выписки изъ сочиненій: Плутарха, Тита Ливія, Юма, Робертсона, Сисмонди, Гердера „Geschichte der Menschheit“, нѣкоторыхъ книгъ и статей по исторіи крестьянъ и крестьянскому вопросу во Франціи, Германіи и Остзейскомъ краѣ.

(I, 105), онъ глубоко изучилъ энциклопедистовъ XVIII вѣка, а также и нѣмецкихъ философовъ, начиная съ Канта, «всею душою преданъ былъ энциклопедистамъ», но въ то же время любимыми его писателями были Спиноза и Гоббсъ.

Слѣдственная коммиссія по дѣлу декабристовъ каждому изъ привлекаемыхъ къ слѣдствію задавала вопросъ о томъ, каковы были источники его «вольномыслія». Среди другихъ причинъ возникновенія оппозиціонныхъ взглядовъ, многіе указывали и на чтеніе различныхъ печатныхъ или непропущенныхъ цензурою произведеній. Такимъ образомъ сдѣланъ былъ любопытный опросъ объ авторахъ, особенно любимыхъ наиболѣе развитою молодежью, преимущественно военною. Конечно, изслѣдованіе, произведенное среди заключенныхъ въ крѣпости, не можетъ имѣть такой полноты, какъ свѣдѣнія, собранныя отъ людей, находящихся на свободѣ; послѣдніе сказали бы гораздо болѣе, но все же, благодаря слѣдственному дѣлу о декабристахъ, мы имѣемъ значительное количество свидѣтельствъ относительно научныхъ и литературныхъ вліяній на членовъ Тайнаго Общества. Я остановлюсь на многихъ изъ этихъ человѣческихъ документовъ, имѣющихъ громадную важность для исторіи умственнаго развитія поколѣнія десятыхъ и двадцатыхъ годовъ XIX вѣка, дополняя ихъ и нѣкоторыми другими свидѣтельствами, какъ самихъ декабристовъ, такъ и лицъ, ихъ хорошо знавшихъ.

М. А. Фонъ-Визинъ въ своемъ сочиненіи «Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи» дѣлаетъ такое указаніе о времени послѣ заграничнаго похода: тогда «многіе офицеры гвардіи и генеральнаго штаба съ страстью учились и читали преимущественно сочиненія и журналы политическіе, также иностранныя газеты, въ которыхъ такъ драматически представляется борьба оппозиціи съ правительствомъ въ конституціонныхъ государствахъ. Изучая смѣлыя политическія системы и теоріи, весьма естественно, что занимающіеся ими желали бы видѣть ихъ приложеніе въ своемъ отечествѣ». Александръ Ник. Муравьевъ въ своемъ показаніи говоритъ, что вольнодумство возникло въ немъ «со времени пребыванія въ чужихъ краяхъ отъ духа времени тогдашняго, т. е. во время и послѣ войны 1813 и 1814 годовъ; оттого началъ читать разныя политическія книги, какъ-то:» Макіавелли, Монтескье, Contrat Social J. J. Rousseau «и проч. тому подобныя». Рылѣевъ показалъ: «Вообще прилежалъ я ко всѣмъ словеснымъ наукамъ [1]); въ послѣдніе же годы особенно занимался изученіемъ правъ и исторіи разныхъ народовъ» [2]). «Свободомысліемъ первоначально заразился я», продолжаетъ Ры-

[1]) Въ одномъ изъ стихотвореній Рылѣева („Пустыня", 1821 г.) есть указаніе на чтеніе сочиненій Вольтера и Руссо.

[2]) Между прочимъ Рылѣевъ изучалъ „Духъ Законовъ" Монтескье (Записки Никитенка, I, 86) и конституціи не только европейскія, но и американскія.

лѣевъ, «въ походахъ во Франціи въ 1814 и въ 1815 годахъ; потомъ оное постепенно возрастало во мнѣ отъ чтенія разныхъ современныхъ публицистовъ, каковы Биньонъ [1]), Бенжаменъ Констанъ и др.» Очень внимательно Рылѣевъ изучалъ Бентама, такъ что принадлежавшій ему экземпляръ сочиненій этого англійскаго юриста-философа былъ покрытъ множествомъ помѣтокъ. Въ квартирѣ поэта устраивались бесѣды по политической экономіи съ профес. университета Плисовымъ, въ присутствіи десятка слушателей [2]). Рылѣевъ чуть ли не первый въ Россіи понялъ политическую основу поэзіи Байрона: по его словамъ, смерти Байрона рады «одни тираны и рабы» [3]). По свидѣтельству Н. А. Бестужева, «первая книга, развернувшая» въ немъ «желаніе конституціи» въ Россіи, было сочиненіе Де-Лольма о конституціи въ Англіи, русскій переводъ которой былъ посвященъ имп. Александру. «Впрочемъ—прибавляетъ онъ,—всѣ иностранные журналы, современныя исторіи и записки и даже русскіе журналы и газеты открывали внимательному читателю пользу постановленія законовъ». «Хотя въ послѣднее время царствованія имп. Александра,—прибавляетъ Н. Бестужевъ въ другомъ показаніи,—строгость, съ которою поступлено было съ профессорами, преподававшими въ университетахъ, и вмѣстѣ строгость цензуры клонились къ прекращенію нѣкоторыхъ политическихъ идей, принадлежащихъ XIX столѣтію, но «идеи эти» еще скорѣе распространялись отъ преслѣдованія, и тѣ изъ молодыхъ людей, которые не имѣли понятія о книгахъ Куницына («Естественное право») и Арсеньева («Статистика Россіи»), «старались имѣть ихъ и читать».

А. Бестужевъ-Марлинскій далъ такое показаніе о вліяніи на него чтенія: «Съ 19 лѣтъ сталъ я читать либеральныя книги». «Для забавы занимался литературою, но по наклонности вѣка паиболѣе прилежалъ къ исторіи и политикѣ... Случай, равно какъ и желаніе, дали мнѣ свѣдѣнія о статистическомъ состояніи Россіи... Свободный образъ мыслей заимствовалъ изъ книгъ наиболѣе и, восходя постепенно отъ мнѣнія къ другому, пристрастился къ чтенію публицистовъ французскихъ и англійскихъ до того, что рѣчи въ палатѣ депутатовъ и haus (sic) of commons (палатѣ общинъ) занимали меня, какъ француза или англичанина. Изъ

[1]) Французскій дипломатъ, публицистъ и историкъ, авторъ книгъ „Du congrès de Troppau" (1821), „Les cabinets et les peuples" и др. Избранный въ 1817 г. депутатомъ, онъ заявилъ себя противникомъ исключительныхъ законовъ.

[2]) *Кропотовъ.* Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ. „Русск. Вѣстн.", 1869 г. № 3, стр. 235, 237.

[3]) „На смерть Байрона" (1825). Въ письмѣ къ Пушкину (12 мая 1825 г.) Рылѣевъ говоритъ: „Какъ великъ Байронъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ Донъ-Жуана! Сколько поразительныхъ идей, какія чувства, какія краски!" О политической дѣятельности Байрона и о вступленіи его въ тайное общество карбонаріевъ въ Италіи см. книгу *Алексѣя Н. Веселовскаго* „Байронъ". М. 1902.

новыхъ историковъ болѣе всѣхъ дѣлали на меня вліяніе Ге(е)ренъ, изъ публицистовъ Бентамъ [1]). Что же касается до рукописныхъ русскихъ сочиненій,—они слишкомъ маловажны... Мнѣ же не случалось читать изъ нихъ ничего, кромѣ: о необходимости законовъ (покойнаго Фонъ-Визина) [2]), двухъ писемъ М. О. Орлова къ Бутурлину [3]) и нѣкоторыхъ блестокъ А. Пушкина стихами». Князь Е. П. Оболенскій показалъ, что послѣ 1814 г. занимался исторіею, политическою экономіею и правомъ; изъ книгъ, особенно повліявшихъ на него, онъ назвалъ Б. Констана и Биньона; онъ изучалъ также философію Шеллинга, послѣдователями которой были въ Петербургѣ профессора медико-хирургической академіи Веланскій и университета—Галичъ [4]).

Баронъ В. П. Штейнгель въ одномъ изъ показаній говоритъ: «Теперь трудно упомнить все то, что читалъ, и какое сочиненіе наиболѣе способствовало развитію либеральныхъ понятій; довольно сказать, что 27 лѣтъ я упражнялся и упражняюсь въ безпрестанномъ чтеніи. Я читалъ Княжнина Вадима, даже печатный экземпляръ, Радищева Поѣздку въ Москву, сочиненія Фонъ-Визина, Вольтера, Руссо, Гельвеція... Изъ рукописныхъ разныя сочиненія... Грибоѣдова и Пушкина... Я увлекался болѣе тѣми сочиненіями, въ которыхъ представлялись ясно и смѣло истины, невѣдѣніе коихъ было многихъ золъ для человѣчества причиною. По совѣсти сказать долженъ, что ничто такъ не озарило ума моего, какъ прилежное чтеніе исторіи съ размышленіемъ и соображеніемъ. Одни сто лѣтъ отъ Петра В. до Александра I сколько содержатъ въ себѣ поучительныхъ событій къ утвержденію въ томъ, что называется свободомысліемъ!» Въ письмѣ къ имп. Николаю Штейнгель замѣчаетъ, что само правительство поощряло печатаніе переводовъ съ дозволенія государя «книгъ, дающихъ понятіе о новыхъ идеяхъ относительно основанія государственнаго блага»: сочиненія де-Лольма, Монтескьё, Бентама и др. Изъ

[1]) Бестужевъ усердно читалъ также Адама Смита. (*И. Л. Котляревскій*, „Декабристы. Кн. А. Одоевскій и А. Бестужевъ", стр. 124). На развитіе его міросозерцанія вліяли и произведенія Байрона, съ которыми онъ знакомъ былъ въ подлинникѣ и отъ которыхъ приходилъ въ восторгъ. „Какъ зла и какъ свѣжа его сатира", говоритъ онъ въ письмѣ къ Пушкину (9 марта 1825 г.)... „Я съ жаждою глотаю англинскую литературу и душой благодаренъ англинскому языку: онъ научилъ меня мыслить". Сочиненія Пушкина. Изд. Академіи Наукъ. Переписка, подъ редакціей В. П. Саитова. 1906, т. I, 187—188.

[2]) Разсужденіе Д. П. Фонъ Визина о необходимости основныхъ законовъ напечатано въ „Историческомъ Сборникѣ", 1861 г. Л., в. II. 167—189. Сравн. мою статью о М. А. Фонъ-Визинѣ въ книгѣ „Обществен. движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", Спб., 1905, т. I, 6—13.

[3]) Въ нихъ Орловъ горячо высказывается противъ крѣпостного права.

[4]) Ом. *М. Филиппов*. „Судьбы русской философіи". Оболенскій, какъ видно изъ показанія Ѳ. Глинки, интересовался индѣйскою миѳологіею, персидскою Зендъ-Авестою и еврейскимъ законодательствомъ. Онъ перевелъ съ нѣмецкаго одну трагедію проф. Раупаха на сюжетъ изъ русской исторіи.

печатныхъ произведеній русской литературы Штейнгель называетъ сочиненія Рылѣева—думу «Волынскій и «Исповѣдь Наливайки» и Пушкина «Братья-разбойники». «Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ», продолжаетъ онъ, «не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышащими свободою». Онъ упоминаетъ также о баснѣ Дениса Давыдова: «Голова и Ноги» [1]). Штейнгель указываетъ Николаю I на то, что для совершеннаго истребленія «свободомыслія нѣтъ другого средства, какъ истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались въ послѣднее царствованіе». Батеньковъ въ одномъ изъ своихъ показаній заявилъ, что читалъ сочиненіе г-жи Сталь о французской революціи и былъ проникнутъ «величайшимъ уваженіемъ къ англійской конституціи и совершенной ненавистью къ (французской) конституціи 1791 г.» Подъ вліяніемъ идей г-жи Сталь и англійскаго государственнаго строя Батеньковъ и сдѣлался защитникомъ двухпалатной системы и родовой аристократіи, какъ основы верхней палаты.

Писатели древняго міра, вліявшіе на республиканцевъ временъ революціи, играли значительную роль и въ развитіи политическаго міросозерцанія многихъ декабристовъ. Якушкинъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что въ 1818 г. онъ и его товарищи «страшно любили древнихъ: Плутархъ, Титъ Ливій, Цицеронъ, Тацитъ и др. были у каждаго изъ насъ почти настольными книгами». Сильное вліяніе этихъ авторовъ видно изъ разсказа Якушкина о томъ, какъ онъ прочелъ своему знакомому офицеру Граббе нѣсколько писемъ Брута къ Цицерону. Граббе, который собирался передъ этимъ ѣхать къ Аракчееву, больше никогда не былъ у него и вскорѣ вступилъ въ Тайное Общество. Каховскій говоритъ въ своемъ показаніи, что былъ «воспламененъ героями древности» [2]).

Якушкинъ утверждаетъ, что всѣ появлявшіяся тогда въ печати сочиненія Пушкина — «Деревня», «Кинжалъ», четверостишіе къ Аракчееву, «Посланіе къ Чаадаеву» и мн. др., «были не только всѣмъ извѣстны, но въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который бы не зналъ ихъ наизусть». М. А. Фонъ-Визинъ заявилъ, что усвоилъ «свободный образъ мыслей», когда ему было 17 лѣтъ, «изъ прилежнаго чтенія Монтескьё, Рейналя [3]) и Руссо, также древней

[1]) Написанная въ 1803 г., она была впервые напечатана въ „Русской Старинѣ" 1872 г. т. V, 626—627 и перепечатана въ „Сочиненіяхъ Д. В. Давыдова", Спб. 1895 г., т. I, 13. За эту и еще другую басни Давыдовъ въ 1801 г. былъ переведенъ изъ гвардіи въ армію. Ibid. стр. III, статья А. О. Круглаго: „Архивъ кн. Воронцова, XXXV, 413. 421. Біографію Д. Давыдова см. въ „Сборникѣ біографій кавалергардовъ", сост. подъ редакціей С. А. Панчулидзева, 1801—1826 г., стр. 28—45.

[2]) Польскій революціонеръ Лукасинскій цитировалъ наизусть и Монтескье, и Плутарха. *Askenazy*, Lukasinski I, 4.

[3]) Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des

и новѣйшей исторіи, изученіемъ которой онъ «занимался съ особенною охотою». Впослѣдствіи, двукратное пребываніе за границею и любимое чтеніе новѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ публицистовъ, равно журналовъ и газетъ разныхъ партій, не мало способствовали къ утвержденію его «политическихъ мнѣній».

Штабсъ-капитанъ Рѣпинъ, воспитанный подъ руководствомъ своего дяди, директора морского кадетскаго корпуса, «отъявленнаго вольтерьянца», по отзыву Якушкина, еще въ молодости ознакомился съ французскими писателями XVIII в. и воспринялъ «ихъ общія воззрѣнія», но на слѣдствіи онъ показалъ, что «свободный образъ мыслей» усвоилъ «весьма недавно», вслѣдствіе «пристрастія къ чтенію», и при этомъ назвалъ имена слѣдующихъ авторовъ, изъ которыхъ почерпнулъ «первыя политическія идеи», хотя еще и весьма несовершенныя»: Монтескьё, Филанджіери [1]), Дэтю де Траси и экономистовъ — Адама Смита и Сэя. Сослуживецъ Рѣпина по финляндскому полку, бар. Розенъ, говоритъ въ своихъ запискахъ: «Съ 1822 г., по возвращеніи гвардіи изъ похода въ Литву, замѣтно было, что между офицерами стали выказываться личности, занимавшіяся не одними только ученіями, картами и уставомъ воинскимъ, но чтеніемъ научныхъ книгъ. Бесѣды шумныя, казарменныя о прелестяхъ женскихъ, о поединкахъ, попойкахъ и охотѣ становились рѣже, и вмѣсто нихъ все чаще слышны были сужденія о политической экономіи Сэя, объ исторіи, о народномъ образованіи. Мѣсто неугасимой трубки» заняли «на нѣсколько часовъ въ день книга и перо, — и вмѣсто билета въ театръ стали брать билеты на полученіе книгъ изъ библіотекъ». Фонъ деръ Бриггенъ, пріятель И. И. Тургенева, внимательно изучилъ сочиненія Монтескьё и Адама Смита [2]). Членъ Сѣвернаго Общества, камеръ-юнкеръ кн. Валеріанъ Голицынъ показалъ во время слѣдствія, что заимствовалъ свободный образъ мыслей изъ чтенія «жаркихъ преній въ парламентахъ тѣхъ народовъ, кои имѣютъ конституцію, и также французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ публицистовъ». Одинъ изъ братьевъ Бестужевыхъ, Петръ, заявилъ, что свободныя мысли зародились въ немъ по выходѣ изъ корпуса, около 1822 года, вслѣдствіе чтенія различныхъ рукописей, каковы «Ода на свободу» (т. е. «Ода Вольность»), «Деревня» (Пушкина), «Мой

Européens dans les deux Indes" (1770 г.), изданное въ русскомъ переводѣ по повелѣнію Александра I въ 1805—11 г. Авторъ обличаетъ жестокое обращеніе съ неграми, доказываетъ несправедливость монополій и пр.

[1]) Авторъ обширнаго сочиненія „Наука о законодательствѣ", изданнаго въ 1780—88 г., на итальянскомъ языкѣ, но переведеннаго и по-французски. Англійская конституція не удовлетворяетъ Филанджіери.

[2]) А также противника частной собственности Мабли (ум. въ 1785 г.). Въ имѣніи Бриггена (въ Черниговской губ.) была цѣнная библіотека изъ французскихъ, нѣмецкихъ и латинскихъ книгъ. *Брайловскій.* Изъ жизни одного декабриста. „Русск. Стар." 1903 г., № 3, стр. 543.

Аполлонъ» [1]), разныя посланія Пушкина, за которыя онъ пострадалъ, «Путешествіе (Радищева) изъ Петербурга въ Москву» и «О необходимости законовъ» (Д. И. Фонъ-Визина) также «дѣлали на него «нѣкоторое впечатлѣніе». Ненависть къ крѣпостному праву поддерживалась въ немъ сочиненіемъ аббата Рейналя [2]).

Лаппа заявилъ, что его учитель итальянскаго языка, Жилій (т. е. Джильи), первый обратилъ его вниманіе «на предметы, способствующіе свободному образу мыслей», и съ тѣхъ поръ главнымъ его занятіемъ сдѣлалось чтеніе историческихъ сочиненій. Учитель этотъ принесъ ему книгу Вольнея «Les Ruines» («Развалины») [3]) и посовѣтовалъ прочесть ее, «чтобы имѣть точку зрѣнія настоящую, а не ложную». Лаппа прочелъ это сочиненіе нѣсколько разъ, увлеченный, «какъ новостью предмета, такъ и краснорѣчивымъ разсказомъ, и началъ съ тѣхъ поръ гораздо лучше понимать своего итальянца», который «чрезъ нѣсколько времени успѣлъ» внушить ученику «свои правила и понятія, какія онъ имѣлъ о правленіяхъ». Замѣтивъ, что Лаппа восхищается представительнымъ правленіемъ, которое учитель описывалъ ему «живыми красками», Джильи сообщилъ ему, что въ Россіи есть общество, цѣль котораго состоитъ въ приготовленіи народа къ принятію конституціи, и взялъ съ него слово, что онъ вступитъ въ него [4]). Въ послѣднее время предъ арестомъ главнымъ занятіемъ Лаппы было чтеніе Монтескьё и комментаріевъ на него Дэтю де Траси. Кавалергардъ Аненковъ заявилъ, что первыя свободныя мысли внушилъ ему его наставникъ, швейцарецъ Дюбуа, «который всегда выставлялъ свое правительство, какъ единственное, не унижающее человѣчество, а про всѣ прочія говорилъ съ презрѣніемъ, наше же особенно было предметомъ его шутокъ. Онъ съ восхищеніемъ говорилъ о сочиненіяхъ Руссо, которыхъ чтеніе не мало по-

---

[1]) Стихотвореніе кн Вяземскаго „Негодованье", гдѣ есть стихъ: „Мой Аполлонъ—негодованье".

[2]) Пановъ показалъ, что „основаніе свободнымъ мыслямъ" положило въ немъ „чтеніе книгъ о революціяхъ".

[3]) Вольней (1757—1820) издалъ свою книгу („Les ruines ou méditation sur les révolutions des empires") въ 1791 г. послѣ того, какъ былъ членомъ учредительнаго собранія. Пріятель Пушкина А. И. Вульфъ, прочтя это сочиненіе Вольнея въ 1833 г., отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что авторъ доказываетъ, что ни одна вѣра, не исключая христіанской, не основана на такъ называемомъ „откровеніи" и что христіанство есть сабеизмъ, почитаніе солнца, составленный изъ миѳологіи египтянъ.... послѣдователей Зердуста (Зороастра) или маговъ, а жизнь Христа — аллегорическое описаніе годичнаго теченія солнца". *Л. Майковъ.* „Пушкинъ. Біографич. Матеріалы". Спб. 1899 г., стр. 199. Ср. *Volney.* Les Ruines. P. 1822, p. 165—167, 170, 183, 214—224. Переводъ этого сочиненія, напечатанный въ Россіи въ половинѣ 1860-хъ годовъ, былъ конфискованъ. О Вольнеѣ и его книгѣ „Les Ruines" см. *Sainte-Beuve,* Causeries du Lundi. t. VII. P. 1853, *Picavet* Les idéologues, P. 1891, p. 128—140.

[4]) О вступленіи Лаппы въ общество карбонаріевъ при посредствѣ Джильи см. далѣе въ гл. III.

дѣйствовало и на его ученика. Товарищъ его по полку Свистуновъ прочелъ съ нимъ первыя главы «Общественнаго Договора» Руссо и далъ ему читать книгу Виньона о конгресахъ, что окончательно привело Анненкова къ рѣшенію вступить въ Тайное Общество.

Лейтенантъ Арбузовъ «свободный образъ мыслей получилъ отъ чтенія историческихъ книгъ»; въ бесѣдахъ съ братьями Бѣляевыми они вспоминали о древнихъ республикахъ, «восхищаясь чистотою нравовъ, величіемъ характера и истинной добродѣтелью, желали иногда введенія и въ Россіи республиканскаго правленія». Мичманъ Бѣляевъ 2-й показалъ, что свободный образъ мыслей сложился въ немъ подъ вліяніемъ греческой и римской исторіи, сочиненія Монтескьё и англійской конституціи. Въ своихъ воспоминаніяхъ А. П. Бѣляевъ сообщаетъ, что чтеніе Вольтера, Руссо и сочиненій энциклопедистовъ пробудило въ немъ скептицизмъ, а затѣмъ и невѣріе. Въ философскомъ лексиконѣ Вольтера сильное вліяніе оказали на него статьи о фанатизмѣ и другія въ томъ же родѣ. Года черезъ два А. Бѣляевъ вновь сдѣлался человѣкомъ религіознымъ, но тогда онъ проникся убѣжденіемъ, что «христіанинъ долженъ всѣмъ жертвовать для свободы и счастія людей», хотя бы путемъ революціи и кровопролитія, помня слова І. Хр.: «нѣтъ больше той любви, когда человѣкъ положитъ душу свою за ближняго». Развитію у насъ революціоннаго теченія, по словамъ Бѣляева, содѣйствовали проникавшія изъ-за границы запрещенныя сочиненія, а изъ русскихъ распространенное въ рукописи «Горе отъ ума» и «Полярная Звѣзда», альманахъ, издаваемый Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ. Поэмы Рылѣева: «Войнаровскій и Наливайко», Пушкина «Ода вольность» были «знакомы каждому и сообщались и повторялись во всѣхъ дружескихъ и единомышленныхъ кружкахъ» [1]). Юный мичманъ Дивовъ заимствовалъ свободный образъ мыслей изъ сочиненія Рейналя, книги де-Лольма, которая возбудила въ немъ сильное сочувствіе къ англійской конституціи, и сочиненія Вейсса. Онъ читалъ также путешествіе въ Америку Лафайэта [2]) и историческій журналъ, издававшійся въ Парижѣ. Изъ непапечатанныхъ произведеній ему были извѣстны стихотворенія Пушкина, Рылѣева и кн. Вяземскаго «на вельможъ, гдѣ воспѣвается свобода» [3]), а также рукописное разсужденіе о

[1]) Воспоминанія А. П. Бѣляева. „Рус. Стар." 1880 г. т. XXIX, 834 — 836, 1881 г. т. XXX, 487, 488.

[2]) Братья Бѣляевы перевели эту книгу, но сожгли свою рукопись передъ арестомъ.

[3]) Дивовъ очевидно разумѣетъ стихотвореніе кн. Вяземскаго „Негодованіе", гдѣ есть стихъ: „безстыдство предсѣдитъ въ собраніи вельможъ". („Полное собр. соч. кн. Вяземскаго", т. III, Спб. 1880 г., стр. 164—169; ср. о немъ въ письмахъ Вяземскаго къ А. И. Тургеневу 1820—21 гг. въ „Остафьевск Арх." т. II). Кн. Вяземскій имѣлъ однажды и личное общеніе съ моряками-декабристами. А. Бѣляевъ разсказываетъ, что во время плаванія въ 1825 г. изъ Ревеля въ Кронштадтъ Вяземскій „говорилъ намъ много своихъ стиховъ

тарифѣ [1]). Гангебловъ, поручикъ Измайловскаго полка, привлекавшійся къ слѣдствію о Тайномъ Обществѣ, показалъ, что читалъ «ужасную книгу Les cabinets et les peuples» [2]) и имѣлъ въ рукахъ, но не читалъ, два экземпляра рукописи «Проектъ исправленія россійскаго судопроизводства» (вѣроятно, Н. Тургенева [3]).

Нельзя не упомянуть, что въ описи книгъ кн. Ѳ. П. Шаховскаго, взятыхъ имъ съ собою въ крѣпость, упоминается «О воспитаніи въ Нью-Ланаркѣ», очевидно сочиненіи извѣстнаго соціалиста Роберта Оуэна, которое въ (англ.) изданіи 1816 г. носило названіе «Новый взглядъ на общество или опыты объ образованіи характера; пріуготовленіе къ развитію плана для постепеннаго улучшенія быта человѣчества» [4]).

Всѣ названные декабристы принадлежали къ Сѣверному обществу. Самый выдающійся изъ членовъ Южнаго Общества, Пестель, былъ однимъ изъ наиболѣе образованныхъ людей своего времени. Въ его небольшой записной книжкѣ мы находимъ указаніе, конечно лишь на

между которыми были и очень либеральныя, согласно нашему вообще всеобщему тогдашнему настроенію". „Рус. Стар.". 1881 г. т. XXX, 25.

[1]) По показанію Лихарева, написанное Броневскимъ.

[2]) Бяньона „Les cabinets et les peuples depuis 1815 jusqu'à la fin de 1822". Гангебловъ назвалъ въ своемъ показаніи эту книгу „ужасною" вслѣдствіе рѣзко-отрицательнаго отношенія автора къ политикѣ русскаго правительства.

[3]) Возможность читать серьезныя книги увеличилась для петербургскихъ офицеровъ тѣмъ, что, по свидѣтельству Завалишина (I, 84, 112), въ Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ были библіотеки политическихъ книгъ. Существовала также библіотека и при учрежденномъ при Главномъ Штабѣ Обществѣ Военныхъ Наукъ; пользоваться ею могли всѣ гвардейскіе офицеры.

[4]) Имя Р. Оуэна и его учрежденія въ Нью-Ланаркѣ на благо рабочихъ безъ сомнѣнія были извѣстны въ петербургскомъ обществѣ хотя по наслышкѣ. Во время вѣнскаго конгресса Оуэнъ имѣлъ свиданіе съ имп. Александромъ; 27 декабря 1816 г. Пью-Ланаркъ посѣтилъ вел. кн. Николай Павловичъ и предлагалъ Оуэну переселиться въ Россію, взявъ съ собою такое количество рабочихъ, какое онъ пожелаетъ. (Въ маршрутѣ Ник. Павл. было сказано, что въ „знаменитой хлопчатобумажной мануфактурѣ въ Ланаркѣ" работало 2000 ч., изъ нихъ большая часть—дѣти. Гос. Арх. II, № 145). Затѣмъ Оуэнъ видѣлся съ имп. Александромъ въ Франкфуртѣ, но не воспользовался его приглашеніемъ принести къ нему записку, содержащую изложеніе его идей, такъ какъ ему не понравился тонъ, какимъ съ нимъ говорилъ Александръ I. Тогда Оуэнъ напечаталъ на трехъ языкахъ небольшой мемуаръ къ правительствамъ Европы и Америки, который черезъ лорда Кэстльри представилъ Ахенскому конгрессу (1818 г.) и получилъ любезное извѣщеніе, что его сочли самымъ важнымъ изъ всѣхъ документовъ, полученныхъ конгрессомъ. *Booth*, Robert Owen, the founder of socialism in England. L. 1869, p. 28—29, 39, 78—79). Но эта любезность не имѣла никакихъ послѣдствій, и еще во Франкфуртѣ Генцъ, орудіе Меттерниха, бывшій секретаремъ конгресса, насмѣшливо замѣтилъ Оуэну: „Мы вовсе не желаемъ, чтобы масса народа была зажиточна и независима, — какъ могли бы тогда ею управлять?" *Stern*, Geschichte Europas I, 475. Имя Р. Оуэна, какъ филантропа, упоминалось и въ книгѣ *Гамеля* „Описаніе способа взаимнаго обученія". Спб., 1820 г., стр. 90, 119.

незначительную часть того, что имъ было прочтено. Здѣсь есть выписки изъ сочиненій Вольтера, Дидро, Кондильяка, Гельвеція, Гольбаха, Руссо, Беккаріи, Бентама, г-жи Сталь, Лакретеля [1]), Лабрюэра, исторіи Америки Робертсона и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ. Пестель былъ знакомъ и съ сочиненіемъ экономиста Сисмонди. Наиболѣе сильное вліяніе на политическіе взгляды Пестеля оказало сочиненіе Дэтю де Траси «Комментаріи на Духъ Законовъ Монтескьё». Лореръ, познакомившійся съ Пестелемъ въ 1824 г., говоритъ въ своихъ запискахъ, что во всю длину его комнаты «тянулись полки съ книгами», преимущественно «политическими, экономическими, вообще ученаго содержанія, излагающими всевозможныя конституціи. Не знаю, чего этотъ человѣкъ не прочелъ на своемъ вѣку на многихъ иностранныхъ языкахъ» [2]). Пестель совѣтовалъ читать сочиненія Беккаріи, Филанджіери, Макіавелли, Вольтера, Гельвеція, Сэя, Адама Смита и т. п. труды по политической экономіи, философіи, политикѣ и юриспруденціи, такъ какъ безъ этихъ свѣдѣній нельзя «быть полезнымъ ни себѣ, ни обществу, ни отечеству» [3]). Подъ его вліяніемъ въ главной квартирѣ 2-й арміи начали устраиваться вечернія собранія офицеровъ для чтенія и обсужденія разныхъ вопросовъ [4]).

Другой энергичный членъ Южнаго Общества, М. П. Бестужевъ-Рюминъ заявилъ, что «первыя либеральныя мысли почерпнулъ» въ трагедіяхъ Вольтера, которыя «рано попались» ему въ руки. Онъ нашелъ большую часть «вольнодумныхъ» сочиненій Пушкина, кн. Вяземскаго и Дениса Давыдова у Пыхачева, члена Общества Соединенныхъ Славянъ, еще ранѣе принятія его въ Общество. Бестужевъ-Рюминъ декламировалъ «Кинжалъ» Пушкина на собраніи у Спиридова офицеровъ, при-

---

[1]) Вѣроятно авторъ сочиненій „Précis historique de la révolution française" (1801—6), „Histoire de l'assemblée constituante" (1821), „L'Assemblée législative" (1824), „Convention nationale" (1824—25) и др.

[2]) «Рус. Богат.» 1904 г. № 3, стр. 73.

[3]) *Довнаръ-Запольскій* «Мемуары декабристовъ», 28.

[4]) Въ бумагахъ члена Южнаго Общества Н. Крюкова сохранился списокъ, заключающій въ себѣ 58 названій книгъ, которыми въ 1825 г. пользовались какъ члены, такъ и не члены общества. Въ числѣ этихъ книгъ были сочиненія Монтескьё «О духѣ законовъ» и «Размышленія о причинахъ величія и упадка римлянъ», Руссо «Общественный договоръ», сочиненія Гельвеція, «Лекціи философіи» Ларомигьера, послѣдователя сенсуалиста Кондильяка, «Свадьба Фигаро» Бомарше, сочиненія Дэтю де Траси, большой трактатъ по политической экономіи Ж. Б. Сэя и два маленькихъ его сочиненія, сочиненіе (первой половины XVIII ст.) по естественному праву Бюрламаки, «Исторія Америки» Робертсона (изд. въ 1777—1780 г.), жизнь Вашингтона, «Философскія изслѣдованія о грекахъ», «Опытъ теоріи налоговъ» Н. Тургенева и нѣкоторыя другія. Госуд. Арх. I В № 474. Нѣкоторыя сочиненія Ж. Б. Сэя были изданы въ русскомъ переводѣ, въ числѣ ихъ «Сокращенное ученіе о государственномъ хозяйствѣ» 1816 г.

надлежащихъ къ Обществу Соединенныхъ Славянъ, нерѣдко читалъ наизусть и раздавалъ и другія сочиненія Пушкина.

По свидѣтельству члена южнаго общества Лорера, петербургская военная молодежь, по возвращеніи изъ походовъ 1813—1815 гг., «много читала, стали въ полкахъ заводить библіотеки, появились книги — La philosophie de Weiss [1]), сочиненія Франклина, Филанджіери, политическая экономія Сэя... Часто мы собирались, — продолжаетъ Лореръ,—въ Измайловскомъ полку въ квартирѣ Каннпста, гдѣ... разсуждали о современныхъ вопросахъ, читали стихи... Пушкина..., «Полярную Звѣзду» (альманахъ, издаваемый Рылѣевымъ и А. Бестужевымъ) «которая была видима на всѣхъ столахъ кабинетовъ столицы». Когда вышелъ девятый томъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, его «жадно читали», такъ что одинъ офицеръ сострилъ, что въ Петербургѣ такая пустота на улицахъ потому, что всѣ углублены въ чтеніе исторіи царствованія Іоанна Грознаго.

А. В. Поджіо такъ описываетъ развитіе въ немъ свободомыслія: «въ 1819 г. начался мой ропотъ, а съ 1820 г. — первоначальное мое вольнодумство». Этому способствовали сношенія со многими членами тайнаго общества. «Взялся я за ученіе всего, что только могъ, и тутъ книги возымѣли свое вліяніе надъ умомъ, получившимъ уже *направленіе*. Политическая экономія, права, однимъ словомъ, все, что касается до составленія и управленія общества вообще, все это я пожиралъ съ умомъ жаднымъ и любопытнымъ. Послѣ сего перешелъ я къ управленію государствъ, каждаго порознь..., и прибѣгнулъ къ де-Лольму, Констану, Филанджіери и прочимъ. Предубѣжденный уже, вникъ въ сравненія и тутъ сталъ убѣждаться въ необходимости видѣть и свое отечество» ставшимъ «на-ряду съ просвѣщеннѣйшими народами... Духъ преобразованія взволновалъ народы. Испанія, Неаполь, Пьемонтъ, Греція одно за другими приняли образъ свободнаго правленія [2]). Съ тѣхъ поръ журналы съ рукъ моихъ не сходили, и я съ величайшимъ вниманіемъ» слѣдилъ за преніями палаты депутатовъ во Франціи и сужденіями издателей газеты «Constitutionnel» [3]), а также за засѣданіями англійскаго парламента.

---

[1]) Ф. Р. Вейсъ (1751 † 1798), швейцарскій писатель. Одно изъ его сочиненій «Principes philosophiques, politiques et moraux» было переведено на русскій языкъ (Струговщиковымъ) подъ заглавіемъ «Основаніе или существенныя правила философіи, политики и нравственности» ч. I., 1807 г.

[2]) Въ Пьемонтѣ и Греціи произошли возстанія и провозглашены были конституціи, но въ первомъ конституціонный строй не утвердился, а Греціи нужно было еще завоевать независимость; въ Неаполѣ революція была подавлена, и конституція отмѣнена, благодаря вмѣшательству Австріи по постановленію лайбахскаго конгреса; въ Испаніи абсолютизмъ возстановленъ при помощи Франціи.

[3]) Вліятельный и либеральный органъ. М. И. Муравьевъ-Апостолъ также

По словамъ А. Поджіо, многіе члены южнаго общества читали Сэя и Бентама, а также сочиненіе Вордена объ Америкѣ, но не желали подражать Соединеннымъ Штатамъ во «введеніи федеративнаго правленія».

Крюковъ еще до вступленія въ южное общество прочелъ Руссо, Филанджіери, Монтескьё, Вейсса, Лакретеля и др. Чтеніе возбудило въ немъ сомнѣнія относительно религіи; онъ «отвергъ многіе богослужебные обряды, какъ нелѣпые обычаи, питающіе лишь суевѣріе; потомъ сталъ сомнѣваться въ ипостасной Троицѣ, какъ неудобопостижимой для ума человѣческаго». По вступленіи же въ тайное общество Крюковъ «совершенно посвятилъ себя ученію», сталъ заниматься правовѣдѣніемъ и политическою экономіею, прочелъ сочиненія Беккаріи, Вольтера, близкаго къ матеріализму Гельвеція, Кондильяка, Гольбаха, Макіавелли, Ваттеля [1]), Адама Смита, Сэя, Бентама и Дэтю де Траси, послѣ чего «получилъ яснѣйшее понятіе объ устройствѣ правленія представительнаго» и пришелъ ко взглядамъ атеистическимъ. Въ его рукописяхъ сохранились переводы изъ сочиненій Кондильяка и «Системы природы» (1770 г.) матеріалиста Гольбаха. Н. Крюковъ высказывалъ мысль, что главными занятіями истиннаго философа должны быть воспитаніе и науки общественныя [2]). Чтеніе жизнеописанія Гракховъ Плутарха навело его на мысль опредѣлить закономъ наибольшее количество земли, которымъ дозволялось бы владѣть.

Николай Бобрищевъ-Пушкинъ въ своемъ показаніи указывалъ на сильное распространеніе въ обществѣ сочиненій Гельвеція, Даламбера, одного изъ основателей большой французской энциклопедіи, Вольтера, Фридриха II, Буланже [3]) и «Системы природы» Гольбаха. В. О. Раевскому, пріятелю Пушкина, члену тайнаго общества, арестованному еще въ 1822 г. и проведшему въ крѣпостяхъ во время слѣдствія болѣе пяти лѣтъ, извѣстны были русскій переводъ Монтескьё, сочиненія экономистовъ Сисмонди и Шторха, «Естественное право» Куницына «и множество подобныхъ книгъ», а также польская конституція 1815 г.

Основатель Общества Соединенныхъ Славянъ, подпоручикъ Борисовъ 2-й, первыми свободными идеями обязанъ былъ занятіямъ класси-

---

показалъ, что чтеніе этой газеты укрѣпило въ немъ вольнодумныя и либеральныя мысли.

[1]) „Право народовъ или начала естественнаго права", 1758 г.

[2]) Изъ мемуаровъ Сюлли Н Крюковъ выписалъ слѣдующее мѣсто: „Революціи, случающіяся въ большихъ государствахъ, никоимъ образомъ не бываютъ дѣломъ случая или каприза народа". Ср. *П. П. Павловъ-Сильванскій.* „Матеріалисты двадцатыхъ годовъ". „Былое" 1907 г. № 7 стр. 113—118.

[3]) Сочиненіе Буланже „L'antiquité dévoilée par ses usages, ou examen critique des principales opinions, cérémonies et institutions réligieuses et politiques des differents peuples de la terre" было издано Гольбахомъ въ Амстердамѣ въ 1766 г. въ 3 томахъ по смерти автора. Членъ сѣвернаго общества Лаппа также читалъ это сочиненіе и провѣрялъ ссылки автора на Библію.

ческимъ міромъ. Изученіе греческой и римской исторіи и чтеніе жизнеописаній Плутарха и Корнелія Непота съ дѣтства возбудили въ немъ «любовь къ вольности и народодержавію». Затѣмъ, находясь съ своею ротою на постоѣ въ имѣніи богатаго польскаго помѣщика, у котораго была хорошая библіотека, Борисовъ прочелъ Вольтера, Гельвеція, Гольбаха и нѣкоторыхъ другихъ писателей XVIII в., проникся свободомысліемъ относительно религіи и, по словамъ Якушкина, проповѣдывалъ невѣріе своимъ товарищамъ [1]). Другой членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, Андреевичъ 2-й, также воодушевлялся примѣрами древнихъ римлянъ и аѳинянъ. Спиридовъ, принадлежавшій къ этому же обществу, перевелъ кое-что изъ Саллюстія, а также нѣкоторыя статьи изъ сочиненія Вейсса (извѣстнаго, какъ мы видѣли, и нѣкоторымъ другимъ декабристамъ), подъ названіемъ «Правила философіи, политики и нравственности» [2]). По словамъ члена того же общества, Кирѣева, «чтеніе исторій республикъ римской и греческихъ, также конституціи Англіи и другихъ книгъ, родили» въ немъ «мысли, противныя существующему порядку вещей». Наконецъ, членъ общества Соединенныхъ Славянъ, полякъ Люблинскій, не бывшій въ военной службѣ, съ юности старался выяснить себѣ посредствомъ чтенія «составъ правительствъ». Особенное вліяніе оказали на него сочиненія Беккаріи и Филанджіери (онъ самъ, безъ помощи учителей, научился языкамъ русскому, латинскому, французскому и отчасти итальянскому и нѣмецкому), а затѣмъ, интересуясь преимущественно «администраціею» и политическою экономіею, прочелъ сочиненія Монтескьё, Адама Смита, Мальтуса, Сэя, русскаго академика Шторха [3]), Гаилія [4]), харьковскаго профессора Якоба и др. [5]).

[1]) Горбачевскій въ одномъ изъ своихъ показаній заявилъ, что „Борисовъ самъ сочинялъ стихи и прозу и давалъ читать свои листочки о разныхъ матеріяхъ..., которые всегда были вольнодумческіе". Онъ также „давалъ намъ читать свои переводы изъ Вольтера и Гельвеція".

[2]) А именно слѣдующія 6 статей: „1) Владѣлецъ (?), 2) Сравненіе разныхъ правительствъ, 3) Предварительный взглядъ на общество, 4) Происхожденіе обществъ, 5) Природная религія, 6) Распространеніе правительствъ". Срав. Principes philosophiques, politiques et moraux par le colonel de Weiss. 14-me ed. Brux. 1838.

[3]) Cours d'économie politique ou exposé des doctrines qui déterminent la prospérité des nations" 1815, 6 vols. Авторъ читалъ лекціи политической экономіи вел. кн. Михаилу и Николаю Павловичамъ.

[4]) *Ganilh*, авторъ сочиненій: „Des systèmes d'économie politique" (1809), „Théorie d'économie politique (1815) и др.: пренебрежительные отзывы Маркса, объ этихъ сочиненіяхъ см. „Капиталъ" т. I, изд. 2, подъ ред. П. Струве, стр. 21, 111, 114.

[5]) Любопытно, что нѣкоторыхъ членовъ тайнаго общества и въ трудахъ экономистовъ особенно поражали мысли о вліяніи революціи. Такъ, Н. Крюковъ, начавшій было переводить сочиненіе Сэя, выписалъ изъ него слѣдующія слова: „Революціи новаго времени, разрушивъ извѣстные предразсудки, изощ-

Если оставить въ сторонѣ Н. И. Тургенева и П. И. Пестеля, какъ людей исключительнаго образованія и развитія, и пересмотрѣть вновь весь названный литературно-научный матеріалъ, вліявшій на декабристовъ, то мы увидимъ, что наибольшее вліяніе въ нихъ средѣ оказывали, во-первыхъ, произведенія древнихъ авторовъ [1]). Изъ писателей, у которыхъ наши декабристы могли почерпнуть свѣдѣнія по государственному праву, чаще другихъ они называютъ Монтескьё, Филанджіери, Руссо, сочиненіе де-Лольма объ англійской конституціи, сочиненія Бентама [2]), Бенжамена Констана и Дэтю де-Траси (вліяніе послѣдняго было господствующимъ въ южномъ обществѣ); вліяли также сочиненія Биньона, читались произведенія г-жи Сталь о французской революціи и другія. Изъ писателей XVIII в. сыграли значительную роль въ развитіи общественныхъ и религіозныхъ идей многихъ членовъ тайнаго общества Беккарія, Вольтеръ, Гельвецій, Гольбахъ, Рейналь [3]). Многимъ нравилась книга швейцарскаго писателя Вейсса, интересовались сочиненіями по исторіи и современному быту Америки; изъ экономистовъ всего болѣе читали Адама Смита (трудъ котораго о богатствѣ народовъ былъ переведенъ на русскій языкъ) и Сэя (нѣкоторыя сочиненія его также имѣлись въ русскомъ переводѣ). Изъ современныхъ иностранныхъ поэтовъ особенно сильное впечатлѣніе производилъ Байронъ на Рылѣева и А. Бестужева, имъ восторгался Кюхельбекеръ (хотя и находилъ его произведенія однообразными) [4]), съ ними былъ знакомъ Батеньковъ. Рылѣевъ, прочтя «Историческія пѣсни» польскаго поэта Нѣмцевича, которыя вышли въ свѣтъ въ Варшавѣ въ 1816 г., сталъ писать свои «Думы»; одна изъ нихъ («Глинскій») составляетъ вольный переводъ «Думы о князѣ М. Глинскомъ» Нѣмцевича съ нѣкоторыми дополненіями [5]).

ривъ умы и опрокинувъ неудобныя преграды, повидимому, были скорѣе благопріятны, чѣмъ вредны для успѣховъ развитія богатства".

[1]) Образъ Брута воспламенялъ Рылѣева, какъ видно и изъ воспоминаній о немъ П. Бестужева, и изъ стихотворенія Рылѣева „Гражданинъ" (1825 г.). Въ журналѣ „С.-Петербургскій Вѣстникъ" (1812 г. № 4) былъ напечатанъ отрывокъ изъ „Историческихъ уроковъ Кондильяка герцогу Пармскому", гдѣ авторъ совѣтовалъ почаще читать жизнеописанія великихъ людей Плутарха.

[2]) Кн. Е. П. Оболенскій любилъ повторять правило Бентама: „Самое большое благо самаго большого числа людей".

[3]) Упомянемъ, что въ 1816 и 1818 гг. на петербургской сценѣ шла съ большимъ успѣхомъ „Женитьба Фигаро" Бомарше. *Арапов*. Лѣтопись русскаго театра, 249, 272.

[4]) Ср. „Этюды о байронизмѣ" А. Н. Веселовскаго въ его „Этюдахъ и характеристикахъ". М. 1907 г., изд. 3-е, стр. 402, 419, 421, 437, ср. 517—518, 522—524.

[5]) Въ письмѣ къ Нѣмцевичу (1823 г.) Рылѣевъ говоритъ: „Славныя имена Костюшки, Коллонтая, Малаховскаго, Понятовскаго" (Іосифа), „Потоцкаго, Нѣмцевича и другихъ знаменитыхъ патріотовъ... никогда не перестанутъ повторяться съ благоговѣніемъ". „Сочиненія Рылѣева", изд. подъ ред. Мазаева, Спб. 1895 г., стр. 149. О вліяніи на Рылѣева Нѣмцевича см. ст. Спротнинна въ „Рус-

Русскія печатныя произведенія рѣдко назывались декабристами въ числѣ источниковъ ихъ «вольномыслія». Они читали «Естественное право» Куницына, учились ненавидѣть деспотизмъ, изучая царствованіе Іоанна Грознаго по IX тому исторіи Карамзина [1]), восторгались нѣкоторыми печатными произведеніями Пушкина и Рылѣева [2]), изучали финансовые вопросы по «Опыту теоріи налоговъ» Н. Тургенева, но главнымъ орудіемъ для пропаганды либеральныхъ и радикальныхъ идей служили или напечатанныя, но уничтоженныя правительствомъ произведенія, какъ, напр., «Путешествіе» Радищева, или въ рукописи стихотворенія Пушкина [3]), кн. Вяземскаго, Дениса Давыдова, «Горе отъ

скомъ Архивѣ" 1898 г. № 1. Мицкевичъ былъ знакомъ съ Рылѣевымъ и А. Бестужевымъ и посвятилъ имъ прочувствованныя строки въ 3-й части своихъ „Dziadow". Переводъ этихъ строкъ—В. Г. Тана см. въ „Собраніи стихотвореній декабристовъ" изд. Ѳомина, т. I, М. 1906 г. стр. 7 и П. И. Вейнберга въ „Современности", 1906 г. № 7.

[1]) Въ уставѣ Союза Благоденствія цитируется наказъ Екатерины II.

[2]) Русское общество было поражено смѣлостью всѣмъ понятнаго нападенія Рылѣева на Аракчеева въ стихотвореніи „Къ Временщику" („Невскій Зритель" 1820 г.). Н. А. Бестужевъ въ „Воспоминаніи о Рылѣевѣ" говоритъ: „Нельзя представить изумленія, ужаса, даже, можно сказать, оцѣпенѣнія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта..., но изображеніе было слишкомъ вѣрно..., чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно; туча пронеслась мимо..., и глухой шопотъ одобреній былъ наградой юнаго, правдиваго поэта. Это былъ первый ударъ, нанесенный Рылѣевымъ самовластію". Эта сатира „научила и показала, что можно говорить истину, не опасаясь, можно судить о дѣйствіяхъ власти и вызывать сильныхъ на судъ народный". Позднѣе молодежь восторгалась „Исповѣдью Наливайки" Рылѣева, напечатанною въ „Полярной Звѣздѣ" 1825 г. О Рылѣевѣ см. книгу П. А. Котляревскаго. Спб. 1908 г.

[3]) Въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ (декабристовъ) „находили стихи твои", писалъ Жуковскій Пушкину 12 апрѣля 1826 г. „Сочиненія Пушкина, изд. Академіи Наукъ. Переписка подъ ред. В. И. Сантова. Спб. 1906 г. т. I, 340. Въ январѣ того же года Пушкинъ писалъ Жуковскому: „Я былъ въ связи съ большею частью нынѣшнихъ заговорщиковъ" (стр. 318). Произведенія Пушкина сыграли не малую роль въ развитіи оппозиціоннаго настроенія декабристовъ, но, въ свою очередь, нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества имѣли серьезное вліяніе на его политическое и общественное міросозерцаніе: въ Царскомъ Селѣ и Петербургѣ П. Я. Чаадаевъ, И. И. Пущинъ и Н. И. Тургеневъ, въ Кишиневѣ В. Ѳ. Раевскій; переписка съ А. А. Бестужевымъ и Рылѣевымъ, которыхъ онъ зналъ лично, также имѣла значеніе въ жизни Пушкина. Пестель произвелъ на нашего поэта сильное впечатлѣніе. Кромѣ названныхъ лицъ, Пушкинъ былъ друженъ или лично знакомъ съ слѣдующими членами тайнаго общества: В. К. Кюхельбекеромъ, кн. С. П. Трубецкимъ, Н. М. Муравьевымъ, Ил. Долгоруковымъ, Луниннымъ, Якушкинымъ, М. Ѳ. Орловымъ, В. Л. Давыдовымъ, кн. Волконскимъ, Я. Н. Толстымъ, А. И. Якубовичемъ (см. письмо къ А. Бестужеву въ нояб. 1825 г. Соч. Пушкина, изд. Акад. Наукъ. Переписка I, 308), Ѳ. Н. Глинкою, Охотниковымъ, И. П. Липранди (Зап. С. Г. Волконскаго) и П. С. Пущинымъ, съ лицейскимъ товарищемъ Вольховскимъ, И. Х. Граббе

ума» Грибоѣдова, стихотворенія Рылѣева [1]) разсужденіе о необходимости основныхъ законовъ Д. И. Фонъ-Визина и нѣкоторыя другія.

Н. Тургеневъ, вернувшись въ Петербургъ въ концѣ 1816 г., замѣтилъ въ обществѣ значительное умственное оживленіе. По его словамъ, «имена знаменитыхъ французскихъ публицистовъ были такъ же популярны въ Россіи, какъ и на ихъ родинѣ, и русскіе военные... освоивались съ именами Бенжамена Констана и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ и писателей, которые, какъ будто, взялись за политическое воспитаніе европейскаго континента... Бенжаменъ Констанъ», по мнѣнію Тургенева, «болѣе всѣхъ сдѣлалъ для политическаго воспитанія не только Франціи, но и остальнаго европейскаго материка». Вступивъ въ члены «Союза Благоденствія» въ 1819 г., Тургеневъ замѣтилъ, что многіе изъ членовъ Общества нуждаются въ политическомъ образованіи, и сталъ указывать имъ сочиненія древнихъ и новыхъ авторовъ, которые, по его мнѣнію, «могли развить и упорядочить взгляды молодежи». Позднѣе, какъ мы упоминали, онъ рекомендовалъ имъ сочиненіе Бенжамена Констана «Комментаріи на Филанджіери», вышедшее въ свѣтъ въ 1822 г. Оно казалось Тургеневу какъ будто нарочно написаннымъ для нашей молодежи. Добыли нѣсколько экземпляровъ этой книги, и нѣкоторые члены Тайнаго Общества читали и изучали ее съ большимъ усердіемъ [2]). Тургеневъ упоминаетъ и о развитіи въ Россіи потайной литературы: «появилось», говоритъ онъ, «довольно много произведеній этого рода, замѣчательныхъ то силою эпиграммы, то возвышенностью

и вѣроятно Корниловичемъ. Н. И. Раевскій, вопреки утвержденію бар. Розена, не былъ членомъ тайнаго общества (Г. А. I В № 117). Объ отношеніи Пушкина ко многимъ изъ этихъ декабристовъ см. въ книгѣ *В. А. Мякотина* „Изъ исторіи русскаго общества". Спб. 1906 г., изд. 2, стр. 235—265. Очень внимательно разработанъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Пушкина и декабристовъ въ ст. *А. Л. Слонимскаго* „Пушкинъ и декабрьское движеніе". Сочиненія Пушкина, подъ ред. С. А Венгерова, т. II. Извѣстіе декабриста Горбачевскаго (въ письмѣ 1861 г.). будто бы участникамъ заговора „отъ верховной думы было *запрещено* знакомиться" съ Пушкинымъ, при чемъ „было указано на его характеръ" („Русск. Стар." 1880 г. т. 27, стр. 130), мнѣ кажется мало вѣроятнымъ; къ тому же письмо Горбачевскаго напечатано еще не вполнѣ. О нѣкоторомъ литературномъ вліяніи Рылѣева на Пушкина, см. ст. *В. В. Сиповскаго* „Пушкинъ и Рылѣевъ" въ изд. „Пушкинъ и его современники", в. III, Спб. 1905.

[1]) Нѣкоторыя произведенія Рылѣева, и особенно „Пѣсни", составленныя имъ на голосъ народныхъ подблюдныхъ припѣвовъ („Ужъ какъ шелъ кузнецъ да изъ кузницы", „А и скучно мнѣ" и др.), по свидѣтельству Н. Бестужева, сдѣлались популярными и среди солдатъ. Въ тотъ день, когда моряковъ-декабристовъ возили въ Кронштадтъ для выслушанія приговора верховнаго суда, унт. офицеръ морской артиллеріи говорилъ имъ наизусть „всѣ запрещенныя стихи и пѣсни Рылѣева" и сообщилъ, что у нихъ пѣтъ канонира, который, умѣя грамотѣ, не имѣлъ бы переписанныхъ этого рода сочиненій и особенно пѣсенъ Рылѣева".

[2]) La Russie, I, 65—66, 82—83.

поэтическаго вдохновенія» [1]). Извѣстны слова, сказанныя Александромъ I Энгельгардту: «Пушкинъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ» [2]). По свидѣтельству Завалишина, въ 1825 г. литераторы «захотѣли воспользоваться предстоящими отпусками офицеровъ для распространенія въ рукописи комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума», не надѣясь на дозволеніе напечатать ее. Нѣсколько дней сряду собирались у Одоевскаго, у котораго жилъ въ это время Грибоѣдовъ [3]), чтобы въ нѣсколько рукъ списывать комедію подъ диктовку». Завалишинъ утверждаетъ, что ему первому удалось привезти «Горе отъ ума» въ Казань (I, 173—4).

Нельзя не обратить вниманія на то, что, несмотря на сильную реакцію въ Западной Европѣ и Россіи, нѣкоторые члены тайнаго общества были проникнуты бодрымъ настроеніемъ и вѣрою въ предстоящую побѣду прогрессивныхъ идей. Каховскій говоритъ: «Народы не поколебались, твердо идутъ впередъ къ просвѣщенію, несмотря на всѣ заклепы, жажда свѣдѣній распространяется и находитъ источники къ утоленію. Строгая цензура, со всѣми способами полиціи и таможни, никакъ и нигдѣ не можетъ остановить ни ввоза книгъ, ни внутреннихъ сочиненій, и стоитъ только какое сочиненіе запретить, то оно сдѣлается для всѣхъ интереснымъ и даже писанное разойдется по рукамъ. Во Франціи запретится книга, и въ самомъ скоромъ времени въ Россіи она явится». И дѣйствительно, если даже при Павлѣ, несмотря на запрещеніе ввоза иностранныхъ книгъ, нѣкоторые букинисты, въ числѣ которыхъ были и эмигранты, занимались этимъ опаснымъ, но прибыльнымъ промысломъ съ неслыханной смѣлостью - «ихъ склады были извѣстны почти всѣмъ, и однако не нашлось ни одного доносчика» [4]),— то естественно, что и при Александрѣ I находили способы для полученія запретныхъ книгъ изъ-за границы [5]). Оказывается, между прочимъ,

[1]) Завалишинъ приводитъ въ своихъ запискахъ (I, 84) образцы стихотворныхъ вылазокъ противъ Александра I и Стурдзы (послѣдняго также, какъ извѣстно, задѣвалъ и Пушкинъ). Изъ этихъ записокъ (I, 181—3) видно, что въ „Трумфѣ", „шуто-трагедіи" Крылова, несмотря на то, что это произведеніе было написано въ 1800 г. (срав. „Полн. Собр. Сочин. И. А. Крылова" изд. подъ редакц. В. Каллаша. Спб. 1904 г., т. I, 399), находили намеки на Александра I, государственный совѣтъ, солдатчину и финансовое разстройство государства. Завалишинъ говоритъ, что рукописи „Трумфа" и „Русскаго Жильблаза" (Парежнаго) были чрезвычайно распространены.

[2]) *Л. Майковъ.* Пушкинъ, 75.

[3]) Грибоѣдовъ пробылъ въ Петербургѣ съ іюня 1824 г. по май 1825 г. *П. К. Никановъ.* «Грибоѣдовъ и А. А. Бестужевъ». Оттискъ изъ «Извѣстій отдѣленія рус. языка и словесн. Академіи Наукъ», т. XI, 1906 г. кн. 4, стр. 2.

[4]) *Storch.* Russland unter Alex. d. Ersten. I, 130.

[5]) Мы видѣли, что къ счастію полицейскій надзоръ въ этомъ отношеніи былъ неудовлетворителенъ.

что нѣкоторые морскіе офицеры привозили запрещенныя книги изъ Англіи и продавали ихъ [1]).

Декабристы рѣдко говорятъ въ своихъ показаніяхъ о вліяніи на нихъ нѣмецкой литературы [2]). Но, по свидѣтельству Греча, во время заграничнаго похода въ 1813 г. русскіе, сблизившись съ нѣмцами, «искавшими независимости, правъ и свободы», провозглашали съ Шиллеромъ «Rettung von Tyrannenketten» (освобожденіе отъ цѣпей, налагаемыхъ тиранами). Однако произведенія Шиллера вліяли на развитіе политическаго сознанія русской молодежи и въ предѣлахъ Россіи. Такъ Новосильцевъ въ донесеніи цесаревичу Константину Павловичу говоритъ: «Не безызвѣстно в-му имп. в-ву, какое сильное впечатлѣніе и вредное вліяніе имѣла на умы молодыхъ людей Шиллерова трагедія «Разбойники». Во многихъ мѣстахъ, а именно въ городахъ, гдѣ находятся университеты, правительства запретили представленіе этой трагедіи [3])

Таковъ былъ литературный репертуаръ, который всего болѣе вліялъ на декабристовъ и, вмѣстѣ съ другими причинами, обусловилъ ихъ «вольномысліе» въ политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ вопросахъ. Характеризуя далѣе ихъ общественныя и политическія идеи,

---

[1]) Членъ Сѣвернаго Тайнаго Общества Цебриковъ, показалъ, что капитанъ-лейтенантъ Лермонтовъ «привезъ премножество либеральныхъ книгъ изъ Портсмута, дабы здѣсь (въ Петербургѣ) продать ихъ охотникамъ».

[2]) М. Фонъ-Визинъ и Валер. Голицынъ указали на вліяніе на нихъ нѣмецкихъ публицистовъ. Изъ произведеній нѣмецкихъ философовъ Семеновъ изучалъ Канта и другихъ, а кн. Оболенскій Шеллинга. В. К. Кюхельбекеръ въ 1821—25 г. въ Москвѣ былъ близокъ къ кружку, который изучалъ произведенія нѣмецкихъ философовъ Канта, Фихте, натуръ-философа Окена, особенно увлекался Шеллингомъ, знакомъ былъ съ произведеніями нѣмецкаго публициста Гёрреса и др. Въ составъ кружка входили кн. В. Ѳ. Одоевскій, Д. В. Веневитиновъ, И. В Кирѣевскій, А. И. Кошелевъ, Дм. Веневитиновъ и Рожалинъ. «Записки А. И Кошелева». Берл. 1884 г., стр. 9, 12. Въ 1824 г. кн. В. Одоевскій и В. Кюхельбекеръ издали въ Москвѣ 4 тома литературно-философскаго сборника «Мнемозина», въ которомъ были помѣщены путевыя записки Кюхельбекера за границею (т. I—IV); тамъ же см. его разсужденіе о Шиллерѣ, Гете и Байронѣ (т. III). Въ своемъ показаніи Кюхельбекеръ заявилъ, что онъ «въ словесности... держался преимущественно нѣмцевъ, особенно же Шеллинга, Шлегеля и Лессинга. О вліяніи на него Шеллинга см. *И. А. Котляревскій*. Литерат. дѣятельность декабристовъ. I. В. К. Кюхельбекеръ. «Рус. Богатство». 1901 г. № 3, стр. 122—123. О преподаваніи въ духѣ Шеллинга проф. Павловымъ въ московскомъ университетѣ и Давыдовымъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ см. ст. *Щепкина* «Москов университетъ въ двадцатыхъ годахъ» («Вѣстн. Евр.», 1903 г. № 7, стр. 247) и книгу *М. Филиппова* «Судьбы русской философіи».

[3]) «Рус. Стар.» 1903 г. № 11. Въ Петербургѣ „Разбойники" Шиллера были представлены въ первый разъ въ 1814 г. *Арапов*. «Лѣтопись русскаго театра», 228. Рылѣевъ въ статьѣ «Нѣсколько мыслей о поэзіи», напечатанной въ «Сынѣ Отечества» 1825 г., говоритъ, между прочимъ, о трагедіяхъ Шиллера и Байрона.

мы найдемъ источники многихъ изъ нихъ въ западно-европейскихъ литературныхъ вліяніяхъ.

III.

Не менѣе и, вѣроятно, даже болѣе сильное вліяніе, чѣмъ научныя, публицистическія и литературныя произведенія, имѣли на русскую молодежь современныя событія въ Западной Европѣ и Америкѣ: введеніе конституцій и революціонныя движенія. О великой французской революціи декабристы узнавали изъ историческихъ книгъ и изъ разсказовъ своихъ гувернеровъ-иностранцевъ,—и она производила на нихъ весьма сильное впечатлѣніе [1]). Сѣвероамериканская конституція послужила главнымъ источникомъ при составленіи Н. М. Муравьевымъ его проекта конституціи, хотя онъ допустилъ весьма серьезное отступленіе отъ нея, установивъ высокій активный избирательный цензъ для прямого участія въ выборахъ народныхъ представителей въ низшую палату народнаго вѣча и чрезвычайно высокій пассивный цензъ для членовъ верховной думы. Англійскую конституцію изучали всего чаще по сочиненію де-Лольма, но нѣкоторые декабристы бывали въ Лондонѣ и могли присутствовать на засѣданіяхъ парламента (нѣкоторые морскіе офицеры, кн. Волконскій и, вѣроятно, М. Ѳ. Орловъ, пріѣзжавшій въ Лондонъ въ 1814 и 1815 годахъ).

На глазахъ очень многихъ изъ будущихъ декабристовъ имперія во Франціи превратилась въ конституціонное королевство. «Кампаніи 12-го года и послѣдующихъ 13-го и 14-го гг.», говоритъ кн. Волконскій въ своихъ запискахъ (стр. 401), «подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ установленіями ея, порядкомъ управленія и народными гарантіями; противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія — рѣзко высказались уму и сердцу многихъ».

18/30 марта 1814 г. совершилась капитуляція Парижа союзнымъ арміямъ. 1 апрѣля сенатъ установилъ временное правительство; 3 апрѣля сенатъ издалъ декретъ о низложеніи Наполеона и лишеніи его семейства наслѣдственныхъ правъ. 11 апрѣля Наполеонъ подписалъ свое второе отреченіе, за себя и своихъ дѣтей. 5 апрѣля временное правительство представило сенату текстъ конституціи, выработанной имъ при участіи нѣсколькихъ сенаторовъ (въ томъ числѣ Дэтю-де-Траси) и получившей названіе сенаторской, такъ какъ сенатъ, выслушавъ и обсу-

[1]) Любопытно, что, даже живя въ Читѣ на положеніи каторжанъ, декабристы, возвращаясь съ работы, обыкновенно пѣли марсельезу. „Воспоминанія Бѣляева". „Русская Старина", т. 30, стр. 805.

давъ докладъ коммиссіи изъ 7 членовъ, утвердилъ его на другой день, и 8 апрѣля, послѣ того какъ на нее изъявилъ согласіе и законодательный корпусъ, она была обнародована. 14 апрѣля гр. Артуа, братъ Людовика XVIII, высказалъ свое убѣжденіе, что король согласится принять основныя положенія конституціи: «уравновѣшеніе» монархической власти сенатомъ и палатою депутатовъ отъ департаментовъ, необходимость свободнаго согласія представителей націи для установленія налоговъ, обезпеченіе свободы личной и общественной, признаніе свободы печати съ нѣкоторыми ограниченіями, неприкосновенность собственности, гарантію религіозной свободы, отвѣтственность министровъ, которые могутъ быть подвергнуты суду по требованію представителей націи, несмѣняемость судей, независимость судебной власти, при чемъ каждый долженъ быть судимъ обыкновеннымъ судомъ, сохраненіе стараго и новаго дворянства, допущеніе всѣхъ французовъ къ занятію всякаго рода гражданскихъ и военныхъ должностей, неприкосновенность проданныхъ частнымъ лицамъ національныхъ имѣній, безопасность отъ преслѣдованія за мнѣнія или подачу голоса и нѣкоторыя другія [1]).

Сенаторская конституція немедленно сдѣлалась извѣстною и въ Россіи: ея переводъ, почти совершенно полный, хотя и не вполнѣ удовлетворительный, появился въ «Сынѣ Отечества» [2]). Кромѣ перечисленныхъ выше основныхъ началъ этой конституціи, русскіе читатели могли узнать изъ перевода и нѣкоторыя другія, а именно, что законодательный корпусъ («законодательное сословіе») по праву собирается ежегодно 1-го октября, что судъ присяжныхъ и публичность судопроизводства въ дѣлахъ уголовныхъ сохраняются и проч.

Людовикъ XVIII лишь 2 мая подписалъ въ Сентъ-Уанѣ декларацію, въ которой заявлялъ, что основы сенатской конституціи хороши, но многіе пункты ея носятъ слѣды поспѣшности ея составленія: затѣмъ онъ гарантировалъ исполненіе основныхъ положеній, объявленныхъ гр. Артуа, принималъ и обѣщалъ включить ихъ въ хартію, которую обязывался представить сенату и законодательному корпусу. Хартія была редактирована коммиссіею, состоящею преимущественно изъ назначенныхъ королемъ членовъ этихъ учрежденій [3]).

Хартія Людовика XVIII начиналась предисловіемъ, въ которомъ

---

[1]) *Vaulabelle.* Histoire des deux restaurations, t. I—II; *Viel-Castel* Histoire de la restauration, t. I.

[2]) 1814 г., ч. XIII, стр. 193—197, подлинникъ см. *Tripier* Les constitutions de la France P. 1848, 229—232.

[3]) *Vaulabelle* t. II, 2-me ed., 1867, p. 57—58, 66—67. Русскій переводъ деклараціи Людовика XVIII былъ напечатанъ въ прибавленіи къ „Русскому Инвалиду“ 1814 г. № 38.

исчислялись причины, обусловившія ея необходимость, и объявлялось, что король жалуетъ ее по своей доброй волѣ. Главные принципы сенатской конституціи были сохранены, но все же были и нѣкоторыя отступленія отъ нихъ и оговорки. Такъ, вмѣсто установляемыхъ сенатскою конституціею полной свободы совѣсти и равноправія вѣроисповѣданій, хартіею было опредѣлено, что католицизмъ является государственною религіею и что содержаніе изъ казны получаетъ только духовенство христіанскихъ исповѣданій. Сенатъ былъ замѣненъ палатою перовъ назначаемыхъ королемъ пожизненно или наслѣдственно, и засѣданія ея должны были быть всегда не публичны [1]). Воспрещеніе учреждать чрезвычайныя судилища и коммиссіи было ослаблено допущеніемъ превотальныхъ судовъ, которые состояли изъ президента—военнаго судьи и 5 гражданскихъ судей и которые числились въ военномъ министерствѣ [2]) Установленіе гласности уголовнаго судопроизводства ослаблено предоставленіемъ суду права разсматривать въ закрытыхъ засѣданіяхъ дѣла, гласное разбирательство которыхъ будто бы могло грозить опасностью для порядка и нравственности.

4-го іюня король явился въ соединенное засѣданіе палатъ и объявилъ хартію, по прочтеніи которой присутствующіе выразили ей свое одобреніе.

Хартія Людовика XVIII была цѣликомъ переведена въ «Сынѣ Отечества» и при томъ болѣе удовлетворительно, чѣмъ сенатская конституція [3]). Цензура, очевидно, не находила возможнымъ препятствовать печатанію конституцій, появленіе которыхъ въ значительной степени обусловливалось жертвами Россіи для войны съ Наполеономъ, подвигами русскаго войска и дѣятельностью Александра I. А между тѣмъ, знакомясь съ этими законодательными актами, та масса русской публики, для которой были мало доступны серьезныя сочиненія по государственному праву, могла усваивать основныя конституціонныя начала.

Дополнительный актъ Наполеона I (22 апрѣля 1815 г.) къ конституціямъ имперіи, въ составленіи котораго принималъ большое участіе Бенжаменъ Констанъ, не былъ цѣликомъ переведенъ въ русскихъ жур-

---

[1]) Для того, чтобы быть выбраннымъ въ палату депутатовъ, нужно было платить прямой налогъ не менѣе 1000 франковъ; отступленіе отъ этого правила допускалось лишь въ томъ случаѣ, если въ департаментѣ окажется менѣе 50 лицъ, удовлетворяющихъ этому условію. Для того, чтобы быть избирателемъ, требовалась уплата прямого налога въ 300 фр. Засѣданіе палаты депутатовъ могло быть обращено въ закрытое по требованію пяти ея членовъ

[2]) *Dulaure.* Histoire de 1814 à 1839. P. 1840, t. IV, 291; *Guillon*, Les complots militaires sous la restauration, P. 1895, p. 98.

[3]) „Сынъ Отечества" 1814 г. т. XIV, 259–270; подлинникъ въ книгѣ *Tripier*, 229—245.

палахъ, но подробно изложенъ въ одномъ изъ нихъ [1]). Упомянемъ о нѣкоторыхъ отличительныхъ чертахъ этого акта. На основаніи его палата пэровъ должна была состоять только изъ наслѣдственныхъ пэровъ, назначаемыхъ императоромъ. Нужно замѣтить, что Наполеонъ совершенно правильно считалъ искусственное созданіе наслѣдственныхъ пэровъ совершенно не соотвѣтствующимъ правамъ и интересамъ Франціи, но уступилъ въ этомъ отношеніи настояніямъ Бенжамена Констана, который впослѣдствіи самъ призналъ свое мнѣніе ошибочнымъ [2]). По акту Наполеона ни одинъ налогъ, прямой или косвенный, деньгами или натурой, не можетъ быть взимаемъ, никакой заемъ не можетъ быть совершенъ, ни одна долговая запись не можетъ быть внесена въ большую книгу государственныхъ долговъ, ни одно казенное имѣніе не можетъ быть отчуждено или обмѣнено, никакой наборъ людей для арміи не можетъ быть предписанъ, никакая часть территоріи обмѣнена иначе, какъ въ силу закона. Всякое предложеніе налога, займа или набора людей можетъ быть сдѣлано только палатѣ представителей. Публичность уголовнаго судопроизводства установлена безъ всякихъ ограниченій [3]). Всякій гражданинъ имѣетъ право печатать и обнародовать свои мысли подъ своимъ именемъ безъ всякой предварительной цензуры, съ законною отвѣтственностью, но не иначе, какъ по приговору суда присяжныхъ. Нельзя не отмѣтить, что въ Добавочномъ Актѣ Наполеона отсутствовалъ параграфъ, уничтожающій конфискацію имущества, между тѣмъ какъ такое постановленіе находилось въ хартіи Людовика XVIII. Несмотря на настоянія Б. Констана, Наполеонъ ни за что не хотѣлъ лишиться права конфисковать имущество своихъ подданныхъ [4]).

Въ «Духѣ Журналовъ» [5]) былъ перепечатанъ изъ чрезвычайнаго

[1]) „Духъ Журналовъ“ 1815 г. ч. III, 1063—1071. Подлинникъ см. у Tripier. Въ этой же книжкѣ „Духа Журналовъ“ была напечатана замѣтка, переведенная изъ „Гамбургской Корреспонденціи“: „Мнѣніе о конституціи Буонапартовой“, заключавшая въ себѣ враждебныя выходки противъ французскаго императора.

[2]) *B. Constant.* Mémoires sur les cent jours. P. t. II, 1822, p. 55—65; *Эд. Лабуле.* „Политическія идеи Бенжамена Констана“. М. 1905 г., стр. 45—48.

[3]) Въ русскомъ изложеніи не переданы два важныхъ параграфа дополнительнаго акта: „Только военныя преступленія вѣдаются военными судами. Всѣ другія преступленія, хотя бы совершенныя и военными, разбираются гражданскими судами“.

[4]) Въ 1815 г. въ „Духѣ Журналовъ“ (ч. IV) былъ напечатанъ переводъ доклада Шатобріана Людовику XVIII во время ста дней. Говоря о Дополнительномъ Актѣ, онъ отмѣтилъ, что конфискація имъ не уничтожалась и что въ выборѣ депутатовъ могли участвовать военные. Въ „Сынѣ Отечества“ 1814 г. (ч. XIII и XIV) былъ напечатанъ переводъ большей части сочиненія Шатобріана De Buonoparte et des Bourbons (изд. 30 марта 1814 г.). (Русскій переводъ всей этой книжки вышелъ въ свѣтъ отдѣльно въ 1814 г.). См „Oeuvres complètes de M. le vicomte de Chateaubriand, t. IV, 1829, p. 135—155.

[5]) 1815 г. ч. III, 525—526.

прибавленія къ «Варшавскимъ Вѣдомостямъ» рескриптъ императора Александра I изъ Вѣны отъ 18 (30) апрѣля 1815 года (во французскомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ) президенту варшавскаго сената гр. Островскому, въ которомъ государь возвѣщалъ о томъ, какъ судьба Польши была рѣшена на Вѣнскомъ конгрессѣ: «Принимая титулъ короля польскаго», писалъ государь, «хотѣлъ я удовлетворить желаніямъ націи. Королевство Польское соединено будетъ съ Россійскою имперіею узами собственной ея конституціи, на которой я желаю основать счастіе сей земли. Великое дѣло общаго спокойствія не позволило, чтобы всѣ поляки были соединены подъ однимъ скипетромъ; но я старался, по крайней мѣрѣ, облегчить, сколько возможно, суровость ихъ раздѣленія и доставить имъ повсюду мирное пользованіе ихъ національными правами (la jouissance paisible de leur nationalité)».

Любопытно, что когда въ томъ же году была утверждена государемъ польская хартія, переводъ ея не былъ опубликованъ на русскомъ языкѣ, и только уже послѣ знаменитой варшавской рѣчи имп. Александра на первомъ польскомъ сеймѣ (1818 г.) было напечатано въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, какъ увидимъ далѣе, извлеченіе изъ рѣчи польскаго министра, содержащее въ себѣ изложеніе основныхъ началъ конституціи Польши.

Такимъ образомъ, при посредствѣ русскихъ журналовъ наша читающая публика познакомилась съ современными французскими конституціями, а слѣдовательно и съ нѣкоторыми основными началами конституціонной монархіи въ томъ видѣ, какъ ее пытались осуществить или осуществляли въ то время. Въ слѣдующемъ году въ одномъ журналѣ была напечатана переведенная съ нѣмецкаго статья «О конституціи норвежскаго королевства» (1814 г.), когда Норвегія избрала шведскаго короля Карла XIII своимъ конституціоннымъ королемъ. Въ этой статьѣ, между прочимъ, было отмѣчено, что король шведскій относительно постановленій (стортинга) имѣлъ право не обсолютнаго, а лишь суспензивнаго вето [1]).

Въ 1817 году въ «Духѣ Журналовъ» [2]) напечатана статья о «Началѣ и происхожденіи англійской конституціи»; историческихъ свѣдѣній въ ней очень мало, и она посвящена изложенію современной конституціи: въ ней говорилось о власти и преимуществахъ короля, объ обѣихъ палатахъ парламента, его власти и преимуществахъ его чле-

[1]) „Сеймъ имѣетъ право три раза представлять одинъ и тотъ же законъ королю на утвержденіе, котораго если и за послѣднимъ разомъ" (т. е. въ третій разъ) не воспослѣдовало, то въ такомъ случаѣ оный законъ самъ собою уже пріобрѣтаетъ силу и становится дѣйствительнымъ" (ст. 79 конституціи). „Вѣстникъ Европы" 1816 г., ч. 88, стр. 284—295.

[2]) Т. XVII, 227—256.

новъ. Продолженія статьи не появилось, быть можетъ, по причинамъ цензурнымъ.

Отмѣтимъ еще, что въ «Вѣстникѣ Европы», издаваемомъ проф. Каченовскимъ, былъ помѣщенъ въ 1816 г. переводъ статьи, напечатанной во французскомъ журналѣ «Minerva» (въ которомъ участвовалъ Б. Констанъ),—«Объ истинныхъ причинахъ уничтоженія французской республики» [1]). Авторъ ея доказывалъ, что причины эти заключаются въ томъ, что французская республика, вынужденная географическимъ положеніемъ отстаивать свое существованіе отъ коалиціи европейскихъ монархій, сдѣлалась республикою военною, а это повело къ превращенію ея въ деспотическую имперію. Но авторъ энергично возражаетъ противъ «предразсудка», «будто республика, и особенно основанная на однихъ демократическихъ правилахъ, нигдѣ на землѣ не можетъ имѣть продолжительнаго существованія». Кромѣ того, онъ выражаетъ сочувствіе федеративному строю и, въ подтвержденіе возможности прочнаго существованія республики, указываетъ на Сѣв.-Американскіе Соединенные Штаты.

Н. А. Бестужевъ въ своемъ показаніи заявилъ, что онъ наблюдалъ въ 1815 году установленіе конституціоннаго правленія въ Голландіи, т. е. Нидерландскомъ королевствѣ, съ его двухпалатными генеральными штатами (конституція 1815 г.) [2]). Отраженіе дальнѣйшихъ западно-европейскихъ и американскихъ событій въ сознаніи тогдашней интеллигентной молодежи можно до нѣкоторой степени прослѣдить по неизданнымъ дневникамъ И. Тургенева и другимъ источникамъ [3]).

Возвратившись осенью 1818 г. въ Петербургъ послѣ поѣздки въ свою симбирскую деревню и очень мрачно настроенный подъ вліяніемъ наблюденія крѣпостническихъ порядковъ и невозможности для него ли-

[1]) Часть 88, стр. 204—218.

[2]) Записки Н. Бестужева о Голландіи были напечатаны въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“ 1821 года т. XV; въ нихъ авторъ сообщаетъ (стр. 287—288) нѣкоторыя свѣдѣнія о нидерландской конституціи; статья перепечатана въ „Разсказахъ и повѣстяхъ стараго моряка Н. Бестужева“. М. 1860 г., см. стр. 67—68. Ср. *Dufau, Duvergier et Gaudet*, Collection des constitutions, P. 1822, p. 166—198. Во время плаванія въ 1817 г. на Ник. Бестужева повліяли бесѣды съ женою генер. Жомини и ея гувернанткою (объ онѣ держались республиканскихъ убѣжденій) и англичаниномъ Огильви, поклонникомъ конституціонной монархіи). Въ Кронштадтѣ сильное вліяніе на Н. Бестужева имѣлъ командиръ зазимовавшаго норвежскаго корабля, истинный республиканецъ. *С. А. Венгеровъ*. Критико-біогр. словарь русскихъ писателей и ученыхъ“, III, 185.

[3]) О сильномъ распространеніи либеральныхъ идей среди русской молодежи доносилъ французскій посланникъ въ Россіи, гр. де-Ноайль, герцогу Ришелье въ 1817 году; онъ удивлялся тому, что „русскій молодой офицеръ, подчиненный самодержавному монарху, окруженный своими рабами, говоритъ о правахъ народовъ, о свободѣ, какъ гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ“. „Сборн. Истор. Общества“ т. 119, стр. 292.

квидировать ихъ, Тургеневъ первое время равнодушно относится къ политическимъ новостямъ. Онъ прочитываетъ баденскую конституцію (дарованную до нѣкоторой степени подъ вліяніемъ Александра I и польской конституціи) «безъ любопытства и безъ интереса», и самъ прибавляетъ: «То ли было прежде?»

2 апрѣля 1819 года Тургеневъ отмѣчаетъ извѣстіе, что въ Германіи «Коцебу заколотъ однимъ студентомъ». Извѣстный нѣмецкій писатель Коцебу, состоявшій на службѣ русскаго правительства ратовалъ противъ либеральнаго движенія въ Германіи въ своемъ «Литературномъ Еженедѣльникѣ» (Lit. Wochenblatt) [1]), къ которому особенно благосклонно относился Меттернихъ. Одинъ изъ отчетовъ Коцебу, посылаемыхъ имъ въ Россію, въ которомъ онъ чернилъ людей либеральнаго образа мыслей, попалъ въ печать и возбудилъ общее негодованіе. На Коцебу смотрѣли не какъ на писателя, свободно высказывавшаго свои, хотя бы и не симпатичные, взгляды, а какъ на шпіона русскаго правительства, старающагося своими донесеніями повліять на русскаго императора въ консервативномъ смыслѣ. Коцебу былъ убитъ Карломъ Зандомъ въ мартѣ 1819 г., и нѣмецкое общество, не одобряя его поступка, одобряло его побужденія, а студенчество преклонялось передъ нимъ. Когда Зандъ былъ казненъ 20 мая 1820 года, студенты, обмочивъ платки въ его крови, раздавали клочки, какъ драгоцѣнныя реликвіи; кольца и медальоны съ изображеніемъ Занда раскупались въ огромномъ количествѣ [2]). По поводу убійства Коцебу Тургеневъ выразилъ въ своемъ дневникѣ опасеніе, что это событіе повредитъ дѣлу нашего просвѣщенія; но въ радикально настроенныхъ кругахъ оно вызвало горячее сочувствіе, выразившееся нѣсколько позднѣе въ стихотвореніи Пушкина «Кинжалъ» (1821 г.) [3]).

О, юный праведникъ, избранникъ роковой,
О, Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ,
Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,—
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ подписи кинжалъ»

Рылѣевъ, по словамъ Е. П. Оболенскаго въ воспоминаніяхъ о немъ, смотрѣлъ на Каховскаго, изъявлявшаго готовность къ цареубій-

---

[1]) См. о немъ *L. Salomon*, Geschichte des deutschen Zeitungswesens, III Bd. 1906, S. 226—229.

[2]) *K. Biedermann.* Fünundzwanzig Jahre deutscher Geschichte (1815—1840). I, 185—208; Гервинусъ „Исторія девятнадцатаго вѣка", т. II, Спб., 1875 г., изд. 2. стр. 458, 569—574; A. Stern, Geschichte Europas, I, 454—455, 554—557.

[3]) Якушкинъ называетъ его въ числѣ тѣхъ, которыя, по его словамъ, всякій грамотный прапорщикъ въ арміи зналъ наизусть.

ству, какъ на второго Занда. Самъ Каховскій въ письмѣ изъ крѣпости съ сочувствіемъ упоминаетъ объ убійствѣ Коцебу, находя, что его постигло «достодолжное возмездіе».

28 іюля 1819 г. Тургеневъ отмѣчаетъ: «По газетамъ, въ Пруссіи, открыто тайное общество якобинцевъ (?). Янъ въ крѣпости. Объ Арндтѣ говорятъ то же» [1]). 9 октября Тургеневъ пишетъ о реакціонныхъ постановленіяхъ съѣзда министровъ нѣмецкихъ государей въ Карлсбадѣ, что онъ «разрѣшился глупою инквизиціею и Стурдзою», т. е. резолюціями въ духѣ Стурдзы. Стурдза, сынъ молдавскаго боярина, переселившагося въ Россію при Екатеринѣ II, служилъ въ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и составилъ въ 1818 г. для Ахенскаго конгресса, по порученію имп. Александра I, на французскомъ языкѣ записку о современномъ состояніи Германіи, которая была напечатана по приказанію государя и конфиденціально раздавалась имъ на конгрессѣ, но была оглашена въ печати и возбудила общее негодованіе людей прогрессивнаго образа мыслей. Стурдза указывалъ на возможность революціи въ Германіи, обвинялъ университеты въ соблазнѣ юношества, совѣтовалъ уничтожить университетскія привилегіи, замѣнить академическій надзоръ за студентами надзоромъ городской полиціи, уничтожить избраніе профессоровъ университетскимъ совѣтомъ и назначать ихъ по волѣ правительства, стѣснить свободу печати, особенно періодическихъ изданій, по постановленію союзнаго сейма. По приказанію императора Александра, записка эта была сообщена правительствамъ Австріи и Пруссіи [2]). Два вѣнскихъ студента вызвали Стурдзу на дуэль; онъ скрылся изъ Веймара въ Дрезденъ и, ссылаясь на то, что онъ обдумывалъ, написалъ и напечаталъ свою брошюру по приказанію своего государя, просилъ сенатъ вѣнскаго университета заставить взять назадъ вызовъ. Узнавъ объ этомъ, студенты заявили, что дѣйствительно не нужно требовать удовлетворенія отъ «думающей, пишущей и печатающей машины» [3]). Петербургское общество отнеслось къ произведенію Стурдзы также весьма несочувственно. Высшая полиція донесла, что «всѣ вообще, даже самые противники свободолюбивыхъ понятій, находили въ семъ сочиненіи... картину весьма одностороннюю, однѣ тѣни безъ свѣта.., сущность (предметъ сочиненія) не была постигнута авторомъ, писавшимъ о вещи, которую совершенно

[1]) Объ обыскѣ у бонискаго профессора Арндта, лишеніи его каѳедры и продолжительномъ заключеніи Яна, проповѣдника объединенія Германіи и борьбы съ французами, см. Stern, I, 565—566, 598—599; *Германусъ*, II, 349—353, 578, 609—610; Treitschke, Deutsche Geschichte, III, fünfte Auflage, s. 433—438.

[2]) *S...* Mémoire sur l'etat actuel de l'Allemagne. P., Novembre 1818. „Чт. Общ. Ист. и Древн. Рос." 1864, т. II. отд. 2, 85. Біографич. свѣдѣнія о Стурдзѣ. Ibid., 193—205. Ср. *Askenazy* Łukasiński, I, 150—151, 364.

[3]) *Германусъ*, II, 541, 570—571.

не понималъ. Далѣе казалось несоотвѣтственнымъ цѣли дѣйствовать орудіями злоязычія противъ заведеній, вѣками установленныхъ... Неблаговидный образъ поведенія Стурдзы при личномъ вызовѣ вѣнскихъ студентовъ казался всѣмъ только позорнымъ, что обратилъ на него общее презрѣніе» [1]). Извѣстна эпиграмма Пушкина на Стурдзу [2]).

„Нельзя безъ смѣха читать рѣчи австрійскаго посланника во Франкфуртѣ", продолжаетъ въ своемъ дневникѣ Тургеневъ. „Онъ предлагаетъ улучшить или устурдзить университеты, учредить инквизицію въ Майнцѣ [3]) и т. п. Не знаю, а мнѣ что-то сдается, что сеймъ, или, можетъ быть, и самыя правительства какъ будто ногою дергаютъ передъ смертію... Не понимаю, какъ можно дѣлать такія глупости, какъ не образумившся... Если все это сойдетъ съ рукъ нѣмецкимъ правительствамъ, что тогда думать о нѣмцахъ. А мы? мы?—Поселенія и рабство крестьянъ!" Черезъ нѣсколько дней Тургеневъ пишетъ: „Нельзя было придумать ничего глупѣе карлсбадскаго конгресса, породившаго политическую инквизицію и цензуру. Не знаю, чему болѣе дивиться: глупости ли нѣмецкихъ правительствъ, или терпѣнію нѣмецкаго народа. На дняхъ я читалъ Гёрресову книгу „Teutschland und die Revolution". Между кучею длинныхъ, скучныхъ и надутыхъ періодовъ есть мѣста прекрасныя и истинно краснорѣчивыя. Предположенія его о составѣ палаты представителей могутъ быть весьма свойственны Германіи [4]). Сегодня же въ газетахъ читалъ указъ прусскаго короля... о секвестрѣ бумагъ Герреса..." [5]). 23 ноября 1819 г. Тургеневъ отмѣчаетъ въ дневникѣ: „Шатобріанъ въ „Journ. des Débats" мнѣ огадился. Онъ всегда проповѣдовалъ свободу (?) и въ особенности свободу книго-

---

[1]) „Русская Старина" 1881 г. № 11, стр. 673.

[2]) О реакціонныхъ карлсбадскихъ постановленіяхъ и вызванныхъ ими рѣшеніяхъ союзнаго сейма, см. *Гервинусъ*, II, 578—585, 604—605.

[3]) Тургеневъ разумѣетъ тутъ коммиссію, учрежденную въ Майнцѣ по постановленію германскаго сейма 20 сент. 1819 г. для разслѣдованія политическихъ преступленій и существовавшую до 1828 г. Stern, I, 576, 581, II, 421.

[4]) Гёрресъ предлагалъ представительное собраніе изъ трехъ сословныхъ курій, каждая изъ которыхъ дѣлилась бы на двѣ скамьи, при чемъ голосованіе относительно разныхъ вопросовъ должно было происходить или поголовно, или по скамьямъ, или по куріямъ. Görres, Teutschland und die Revolution. 2 Aufl. 1819. S. 190—194.

[5]) І. Герресъ, нѣмецкій публицистъ и ученый (1776—1848 г.), въ 1813 г. принялъ горячее участіе въ національномъ движеніи и съ 1814 г. издавалъ вліятельную политическую газету „Rheinischer Merkur", гдѣ высказывался противъ сочувствія французамъ въ Германіи и требовалъ свободы печати и народнаго представительства. Въ началѣ 1816 г. газета была запрещена за нападки на прусское правительство. См. *Salomon* III, 33—54). Послѣ изданія книги „Teutschland und die Revolution (1819 г.), это правительство отдало приказъ объ арестѣ Гёррса, и ему пришлось спасаться бѣгствомъ въ Страсбургъ и въ Швейцарію. Н. Тургеневъ въ письмѣ къ брату Сергѣю 31 окт. 1819 г. проситъ достать ему „при проѣздѣ черезъ Рейнъ... новую книгу Гёррса", которая и въ Германіи запрещена. Я ее здѣсь теперь читаю, но желаю имѣть въ собственность. Она мнѣ очень нравится, хотя въ ней мало положительнаго". Со второй половины 1820-хъ годовъ Гёррсъ весь отдался защитѣ католицизма. См. о немъ *Stern*, I. 305, 457—8, 600; *Гервинусъ* II, 345—350, 572, 578; *Блунчли*, „Исторія общаго государственнаго права и политики". Спб., 1874 г.. стр. 451—458.

печатанія [1]). Теперь хвалитъ дѣйствія нѣмецкихъ правительствъ и даже соглашается, что и угнетеніе свободы книгопечатанія въ Германіи можетъ быть полезно и нужно [2]). Итакъ вотъ они, эти защитники правъ народныхъ и первые писатели вѣка! Каковъ вѣкъ, гдѣ такая подлость идетъ наряду съ правилами вѣрности и религіи!"

13 февраля 1820 г. Тургеневъ отмѣчаетъ возстаніе въ Испаніи, иниціаторами котораго были Квирога и Ріего. 24 марта онъ пишетъ: «Вчера получили здѣсь извѣстіе, что король гиспанскій объявилъ конституцію кортесовъ» (1812 г.). «Слава тебѣ, славная армія гиспанская! Слава гиспанскому народу! Во второй разъ Гишпанія доказываетъ, что значитъ духъ народный, что значитъ любовь къ отечеству!.. Инсургенты,... сколько можно судить по газетамъ, вели себя весьма благородно; объявили народу, что они хотятъ конституціи, безъ которой Гиспанія не можетъ быть благополучна; объявили, что можетъ быть, предпріятіе ихъ не удастся, они погибнутъ всѣ жертвами за свою любовь къ отечеству, но что память о семъ предпріятіи, память о конституціи, о свободѣ, будетъ жить, останется въ сердцѣ гиспанскаго народа. Король, судя по теперешнимъ обстоятельствамъ, не могъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ объявить конституцію... (Я прочту гиспанскую конституцію, которая лежала у меня, какъ древность)... Люди несвѣдущіе не понимаютъ, какъ правительство можетъ существовать, будучи обязано брать налоги съ согласія депутатовъ. Можетъ быть Испанія покажетъ возможность чего-нибудь такого, что по сію пору мы почитали невозможностью». Прочи-

[1]) Въ сочиненіи „Reflections politiques", изданномъ въ декабрѣ 1814 г., Шатобріанъ восхвалялъ хартію Людовика XIV и настолько горячо защищалъ ее отъ нападокъ роялистовъ (Oeuvres complètes, t. IV, 1829, p. 179—197), что вызвалъ оскорбленія и насмѣшки со стороны крайнихъ правыхъ (*Vaulabelle II*, 103—104). Въ другомъ сочиненіи (1816 г.) „De la monarchie selon la charte", Шатобріанъ оставался попрежнему сторонникомъ хартіи и защитникомъ свободы слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывалъ сочувствіе полувоеннымъ превотальнымъ судамъ (Oeuvres compl. IV, 69, ср. *Vaulabelle* IV, 24—26) и поземельной аристократіи, основанной на правѣ первородства (p. 12), а протестъ автора противъ распущенія реакціонной палаты, сдѣлалъ его весьма популярнымъ среди ультароялистовъ (*Viel-Castel* Histoire de la restauration, V, 253). Защищалъ Шатобріанъ свободу печати и въ своемъ мнѣніи въ палатѣ пэровъ 19 января 1818 г., въ которомъ требовалъ суда присяжныхъ для преступленій по дѣламъ прессы (Oeuvres IV, 600).

[2]) Тургеневъ вѣроятно имѣетъ въ виду статью Шатобріана отъ 15 окт. 1819 г., въ которой авторъ говоритъ: „Мѣры, только что принятыя въ Германіи, оживляютъ надежды тѣхъ, которые хотѣли бы опять ввести у насъ (предварительную) цензуру"; затѣмъ онъ категорически утверждаетъ: „Нѣтъ конституціоннаго правленія безъ свободы печати; мы говорили это и повторяли во всѣхъ нашихъ сочиненіяхъ; мы полагаемъ, что доказали это". Но вмѣстѣ съ тѣмъ Шатобріанъ утверждалъ, что при предварительной цензурѣ (существовавшей съ 9 ноября 1815 г. до закона 17 мая 1819 г.) министры будто бы давали полную свободу революціоннымъ листкамъ и преслѣдовали монархическія изданія (Oeuvres IV, 330—334).

тавъ испанскую конституцію, Тургеневъ 28 марта (въ день Пасхи), замѣчаетъ: «Кортесы—все, король—весьма немного. Думаютъ, что эта конституція устоять не можетъ. Кто знаетъ? [1]). ... Гишанская новость есть мнѣ истинная радость для свѣтлаго дня.

«Въ газетахъ пишутъ, что 7-го марта король гишанскій поутру издалъ прокламацію, что собираетъ кортесовъ, дабы выслушать ихъ! Поздно открылъ... По вечеру въ тотъ же день его величество объявилъ, что уже присягнулъ конституціи! [2]) Если въ немъ есть какая-нибудь душа, то какова была его гримаса при сей присягѣ? Не слышно, чтобы кто-нибудь хулилъ испанцевъ; но «les incorrigibles ultra» (неисправимые крайніе правые)—что они скажутъ?»

П. Я. Чаадаевъ писалъ въ тѣ же дни (25 марта 1820 г.) своему брату М. Я. изъ Петербурга: «Еще величайшая, всемірная новость... Испанская революція окончилась, король принужденъ былъ подписать конституціонный актъ 1812 г. Весь народъ возсталъ, революція совершилась въ три мѣсяца и не пролито ни капли крови. Не было никакой рѣзни, никакого потрясенія, никакихъ излишествъ. Это прекрасный аргументъ въ пользу революцій. Но во всемъ этомъ есть кое-что, очень близко насъ касающееся. Сказать ли что именно? Долженъ ли я довѣриться этому листку, который можетъ оказаться нескромнымъ. Нѣтъ, я предпочитаю помолчать; не говорятъ ли уже, что я демагогъ? Дураки, они не понимаютъ, что тотъ, кто презираетъ міръ, не думаетъ его исправлять» [3]). В. Л. Давыдовъ въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ, что члены нашего тайнаго общества «приводили въ примѣръ Гиш-

---

[1]) См. франц. переводъ испанской конституціи 1812 г. въ изданіи *Dufau, Duvergier et Guadet* „Collection des constitutions" 1823, t. V; нѣм. пер. у *Schubert*'a Die Verfassungsurkunden II. 44—82, ср. о ней Baumgarten Geschichte Spaniens 1865, I, 530—538. Она была отмѣнена Фердинандомъ VII, въ 1814 г. и возстановлена въ 1820 г. но въ 1823 г. при помощи Франціи вновь установленъ абсолютизмъ.

[2]) Въ дѣйствительности, 7 марта Фердинандъ лишь подписалъ указъ, возвѣщавшій о его рѣшеніи присягнуть конституціи, самая же присяга была принесена 9 марта.

[3]) Г. А. I. В. № 23, л. 25. Объ испанской революціи 1820 г. см. Трачевскій. «Испанія девятнадцатаго вѣка», 300 и слѣд.; Baumgarten, Geschichte Spaniens II, 244—285, A. Stern II, 26—32. Видя успѣхъ дѣла свободы въ Испаніи Тургеневъ (29-го августа 1820 г.) сопоставляетъ его съ равнодушнымъ отношеніемъ нашего общества къ крѣпостному праву: «въ городѣ говорятъ объ отвѣтѣ генерала Сеславина великимъ князьямъ въ разсужденіи Гишаніи. Онъ хвалилъ гишанское происшествіе. Но отчего состояніе нашихъ крестьянъ никого у насъ не интересуетъ по крайней мѣрѣ столько, сколько дѣла гишанскія. Мы привыкли видѣть свое. Люди и къ дурному привыкаютъ. Но многіе изъ тѣхъ, которые восхищаются гишанцами, можетъ быть, будутъ противъ освобожденія крестьянъ, если имъ оно предложено будетъ». Ген.-м. Сеславинъ попалъ подъ надзоръ полиціи, и агентъ въ 1822 г. донесъ, что онъ «выражается безконечно свободно, особенно когда говоритъ о военной службѣ». Военно ученый Архивъ. Отд. I, № 544.

панскую революцію, какъ и другіе подобные случаи, для подкрѣпленія и оправданія» своихъ плановъ. Свистуновъ также свидѣтельствуетъ, что декабристы подтверждали возможность возстанія войска примѣромъ Испаніи. А. Бѣляевъ въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ: «революція въ Испаніи съ Ріего во главѣ, исторгнувшая прежнюю конституцію у Фердинанда, приводила въ восторгъ такихъ горячихъ энтузіастовъ, какими были мы и другіе» [1]). По словамъ Рылѣева, Пестель во время разговора съ нимъ въ 1824 г. «много говорилъ въ похвалу испанскаго государственнаго устава» (т. е. конституціи 1812 г.). Рылѣевъ въ стихотвореніи «Гражданинъ» (1825 г.) ставитъ рядомъ имена Брута и Ріего. Даже старикъ Инзовъ, посадивъ Пушкина подъ арестъ, приходилъ побесѣдовать съ нимъ о «гишпанской революціи» [2])

Въ тотъ же день (28 марта) Тургеневъ отмѣчаетъ и другое, видимо, порадовавшее его извѣстіе: «я слышалъ, что пріѣхавшій (нѣкто) полковникъ Базенъ изъ Берлина говоритъ, что онъ самъ видѣлъ на улицахъ знаки неудовольствія противъ короля. Требуютъ конституціи» [3]).

16 сентября Тургеневъ записываетъ: «въ Инвалидѣ сегодня есть извѣстіе о народномъ движеніи въ Португаліи» [4]), а черезъ нѣсколько дней пишетъ: «въ теченіе 7-ми мѣсяцевъ третья революція, говоритъ Гамбургская газета!—Но всѣ говорятъ, что въ Португаліи должно было

[1]) «Рус. Стар.» 1881 г., № 3, стр. 488.

[2]) Переписка Пушкина I, 124.

[3]) Князь Илья Долгоруковъ 12 мая 1817 г. писалъ гр. Аракчееву изъ Берлина: «большинство народа дышитъ безпокойнымъ и непріязненнымъ духомъ» относительно правительства. «Негодованіе его при всякомъ дѣйствіи онаго не ограничивается однѣми жалобами, но изображается нѣкоторымъ сильнымъ и презрительнымъ сужденіемъ". *Дубровинъ*. «Письма главн. дѣятелей въ царствов. имп Александра I.» Спб. 1883 г., стр. 194. Авторъ этого письма въ началѣ 1817 г. сдѣлался членомъ Союза Спасенія, но въ апрѣлѣ того же года уѣхалъ за границу и возвратился лишь въ августѣ 1818 г Онъ привлекался къ слѣдствію о декабристахъ, но, по повелѣнію Николая I, былъ «оставленъ безъ вниманія». Госуд. Арх. I В. № 230. О конституціонныхъ теченіяхъ и проектахъ въ Пруссіи см. A. Stern, Geschichte Europas, Bd. I и II; *Гервинусъ*, т. II. О конституціонномъ проектѣ В. Гумбольдта (1819 г.) см. *Гаймъ* «В. фонъ-Гумбольдтъ». М. 1899, стр. 318 и слѣд. Цесар. Константинъ Павловичъ въ донесеніи имп. Александру отъ 23 марта 1821 года сообщаетъ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, жители областей Пруссіи, присоединенныхъ отъ Польши, «открыто и не стѣсняясь выражаются относительно своего государя. Они вообще желаютъ имѣть конституцію и одобряютъ поступки неаполитанцевъ». Госуд. Арх. XII, № 279.

[4]) Военные начальники въ Опорто, по соглашенію съ властями, духовенствомъ и народомъ, учредили временную верховную хунту: она должна была управлять именемъ короля, жившаго въ Бразиліи до открытія засѣданія кортесовъ, которые должны были дать государству конституцію. Вскорѣ послѣ того произошло успѣшное возстаніе и въ Лиссабонѣ, также отмѣченное Тургеневымъ въ его дневникѣ. *Гервинусъ* т. III, изд. 2, стр. 377, *Stern* II, 55.

ожидать того, что случилось. Незадолго передъ тѣмъ, когда царствовала въ правительствахъ охота къ конституціямъ, когда каждая почта извѣщала о конституціи баденской» (1818 г.) [1]), «дармштадтской» (1820 г.) и проч., видаясь въ клубѣ съ читателями газетъ, мы спрашивали другъ друга при встрѣчѣ: Giebt es noch eine Constitution? (нѣтъ ли еще конституціи)? Теперь можно спрашивать: Giebt es noch eine Revolution?» (нѣтъ ли еще революціи?). Чрезъ три дня, 25-го сентября, Тургеневъ отмѣчаетъ новыя извѣстія о революціонныхъ движеніяхъ: «пишутъ, что въ Багіи въ Бразиліи, произошла также революція à l'eau de rose. Что почта, то революція! Я не удивлюсь, если на будущей недѣлѣ буду читать, что китайцы ввели представительное правительство, или что нѣмцы возстали къ единству и къ независимости. Пишутъ, что Pieго ...сосланъ въ Овіедо, главный городъ Астуріи» [2]).

Испанская революція произвела сильное впечатлѣніе въ Неаполѣ и ускорила подготовлявшуюся въ немъ революцію; король Фердинандъ вынужденъ былъ возстановить испанскую конституцію 1812 г. и созвать парламентъ [3]). 27 октября 1820 г. Тургеневъ пишетъ: «въ сегодняшнихъ газетахъ я читалъ рѣчь неаполитанскаго короля при открытіи парламента. Хороша и рѣчь президента, который между прочимъ говоритъ: «Богъ Израилевъ заключилъ договоръ съ народомъ, имъ избраннымъ. Послѣ сего не можетъ быть унизительно для королей заключать договоры съ народами!» Но Священный Союзъ не дремалъ, и 22 декабря Тургеневъ отмѣчаетъ перенесеніе конгресса изъ Троппау въ Лайбахъ (въ томъ и другомъ участвовалъ имп. Александръ), и сообщаетъ, что туда пріѣдетъ и неаполитанскій король. Въ тотъ же день Тургеневъ записываетъ извѣстіе о революціи на С. Доминго: «королевство будетъ республикою», прибавляетъ онъ [4]).

---

[1]) Переводъ конституціи вел. герц. Баденскаго напечатанъ въ «Духѣ Журналовъ» 1818 г., декабрь, ч. XXXI, 229—260; въ этомъ же журналѣ, въ ноябрьской книжкѣ помѣщенъ переводъ баварск. конст. 1818, ч. XXXI, 181—228. Французскіе переводы этихъ конституцій и гессенъ-дармштадтской см. Dufau, Duvergier et Guadet, Collections des constitutions d'Europe, P. 1821, t. II.

[2]) Черезъ мѣсяцъ, 18 октября 1820 г., Тургеневъ въ очень сочувственныхъ выраженіяхъ говоритъ въ своемъ дневникѣ о поведеніи солдатъ Семеновскаго полка во время волненія въ немъ.

[3]) 27 авг. 1820 г. мин. вн. дѣлъ гр. Кочубей писалъ имп. Александру: «Неаполитанская революція продолжаетъ быть предметомъ всѣхъ разговоровъ и держитъ въ напряженіи всѣ умы», а въ слѣдующемъ письмѣ сообщаетъ, что Москва равнодушно относится къ этой революціи и къ карбонаріямъ. «Сборн. историч. матер., извлеч. изъ арх. соб. Е. Вел. канц.» XI, 363—365.

[4]) Часть о-ва Гаити была занята маленькою негритянскою монархіею, когда въ 1820 г. въ ней вспыхнула революція, король негровъ Кристофъ застрѣлился, и его государство соединилось съ мулатскою республикою, во главѣ которой ранѣе стоялъ мулатъ Петіонъ (+1818 г.) и составило вмѣстѣ съ нимъ одну республику. Любопытно, что Завалишинъ сообщилъ впослѣдствіи

Австрія, по постановленію Лайбахскаго конгресса и заручившись обѣщаніемъ поддержки въ случаѣ надобности со стороны имп. Александра, взялась за подавленіе неаполитанской революціи и быстро достигла цѣли.

19 марта 1821 г. Тургеневъ пишетъ въ дневникѣ: «неаполитанскія извѣстія сильно меня занимаютъ съ тѣхъ поръ, какъ я замѣтилъ много умѣренности, истиннаго ума и благоразумія въ членахъ неаполитанскаго парламента. Нѣтъ никакого хвостовства въ рѣчахъ ихъ, но вездѣ замѣтно глубокое чувство негодованія къ несправедливости и чувство патріотизма. Вчера въ Allg. Zeit. я читалъ прекрасныя извлеченія изъ рѣчей ихъ. Одинъ (Могісі) старый и извѣстный офицеръ просилъ позволенія у парламента перемѣнить мѣсто парламенское на мѣсто въ арміи. Онъ далъ клятвы положить свою сѣдую голову на полѣ битвы, но не возвращаться, если отечество спасено не будетъ... Парламентъ въ своихъ объявленіяхъ говоритъ, что Неаполю предстоитъ или вѣчная слава, или стыдъ вѣчный! Все это доказываетъ, что въ народѣ есть твердость». Однако черезъ недѣлю Тургеневъ отмѣчаетъ пораженіе корпуса Пепе. «Неаполитанцы не сражаются, бѣгутъ. Если это такъ», замѣчаетъ Тургеневъ, «то мы увидимъ разницу между энтузіазмомъ на трибунѣ и истиннымъ энтузіазмомъ. Нельзя однако же не сознаться, что прокламаціи неаполитанскаго парламента хороши; особенно же замѣчателенъ адресъ онаго принца регенту. По моему мнѣнію, лучше нельзя было написать его» [1]).

25 марта 1821 г. Кочубей сообщилъ государю, что въ нашемъ обществѣ высказывались «самая рѣшительная ненависть къ австрійцамъ и пожеланія успѣха неаполитанскимъ войскамъ». Сильное неудовольствіе возбуждали связанныя съ событіями въ Неаполѣ вооруженія Россіи. Кочубей считалъ достойнымъ вниманія чрезвычайное усиленіе разговоровъ на эту тему. Революціонное движеніе въ Пьемонтѣ также произвело впечатлѣніе на русское общество [2]). Пораженіе неаполитанцевъ не привело въ отчаяніе Пушкина, и хотя онъ думалъ, что свобода въ Неаполѣ «едва ли воскреснетъ», т. е. воскреснетъ скоро, онъ гналъ отъ себя опасеніе, не исчезъ ли лучъ надежды, и въ посланіи В. Л. Давыдову (1821 г.) восклицалъ:

«Но,—нѣтъ! мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся [3])—
И я скажу: Христосъ Воскресъ!»

Рылѣеву, по его просьбѣ, конституцію Ганти. Она напечатана въ изданіи *Dufau, Duvergier et Guadet*, 1823, V, 239—261.

[1]) О неаполитанской революціи см. *Гервинусъ*. III, 398—423, IV, 169—171, *Сорель*, «Исторія Италіи», 46—79. Миклашевскій, давая показаніе объ обществѣ офицеровъ (преимущественно Измайловскаго полка), въ составъ котораго входили егерскій офицеръ Семеновъ, братья Алексѣй и Семенъ Капнисты и др., говоритъ, что толковали «о законахъ, правленіяхъ, парламентскихъ спорахъ, испанской и неаполитанской революціяхъ». В. Ѳ. Раевскій въ перепискѣ съ Охотниковымъ, разсуждалъ о «неаполитанскихъ происшествіяхъ».

[2]) «Сборн. матеріал., извлечен. изъ архива собств. Его Велич. канцел.» XI, 374.

[3]) Карлъ Фолленъ, другъ Занда, одинъ изъ основателей въ 1815 г. въ

Членъ Союза Благоденствія И. П. Липранди (игравшій впослѣдствіи при Николаѣ I самую гнусную роль въ качествѣ чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ) во время возстанія въ Италіи просилъ начальство дозволить ему стать въ ряды волонтеровъ народной итальянской арміи. Ходатайство это было принято за дерзость, и онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку [1]).

Незадолго до того, какъ въ мартѣ 1821 г. австрійцы вступили въ Неаполь, въ Пьемонтѣ вспыхнула революція. Имп. Александръ изъявилъ готовность предоставить свои войска въ распоряженіе Австріи; имп. Францъ принялъ предложеніе, и болѣе 100.000 человѣкъ русскаго войска должны были явиться на помощь австрійцамъ въ Италію.

Между тѣмъ недовольство молодежи въ Петербургѣ и распространеніе среди нея либеральныхъ идей все усиливались.

«Извѣстіе о Пьемонтской революціи», писалъ Васильчиковъ Н. Волконскому, «произвело здѣсь сильное впечатлѣніе». Люди благоразумные въ отчаяніи, но большая часть молодежи въ восторгѣ отъ всего, что происходитъ, и не скрываетъ своего образа мыслей. Обстоятельства болѣе чѣмъ затруднительны. Замалчивать правду или обманывать себя было бы преступленіемъ... Недовольство всеобщее, и неизбѣжность жертвъ для веденія войны, необходимость которой не очевидна простымъ смертнымъ, должна несомнѣнно произвести дурное впечатлѣніе. Извѣстіе о выступленіи войскъ въ походъ не могло долго остаться тайною. Солдатъ доволенъ, но нельзя того же сказать объ офицерахъ, которые раздражены походомъ противъ неаполитанцевъ. — Вы можете по этому судить, какъ распространились у насъ либеральныя идеи. Не отвѣчайте мнѣ на это избитою фразою: «заставьте ихъ молчать». Число говоруновъ слишкомъ велико...; революція въ умахъ совершилась, единственное средство — не опрокинуть корабля, не натягивать паруса сильнѣе, чѣмъ позволяетъ вѣтеръ. Повторяю, присутствіе государя здѣсь необходимо, необходимо ему самому видѣть состояніе дѣлъ, настоятельно нужно, чтобы онъ принялъ мѣры для улучшенія и учредилъ средоточіе власти (un centre de pouvoir), которое двигало бы дѣла во время его отсутствія. Не смотрите на меня, какъ на мечтателя... и не

Гнесенѣ студенческаго общества «черныхъ братьевъ» и нѣсколько позднѣе основатель общества «безусловныхъ» въ Германіи, также мечталъ о Тайной Вечерѣ, во время которой готовые пожертвовать своею жизнью за свободу принимали бы посвященіе въ мученики. Въ 1818 г. при проѣздѣ Александра I черезъ Іену, въ собраніи «безусловныхъ» шелъ разговоръ о томъ, слѣдуетъ ли рѣшиться на покушеніе противъ деспота *Stern*, Geschichte Europas I, 448 *Treitschke* Deutsche Geschichte, II, 5-te Aufl., s. 440—441; *Askenazy* Lukasiński, I, 146—147, 364.

[1]) „Записки С. Г. Волконскаго", 1901 г., стр. 318. Въ Бессарабіи въ это время ходили слухи, будто бы войска, назначенныя для похода въ Италію, идутъ для усмиренія пруссаковъ, „которые требуютъ конституціи для блага народнаго", и что „наши войска, почувствовавъ справедливость требуемаго ими, не будутъ съ ними драться, „а скажутъ: и мы того желаемъ". Главное военно-судное управленіе, всеподд. докладъ 1827 г. по дѣлу В. Ѳ. Раевскаго.

воображайте, что я все вижу въ черномъ свѣтѣ; я вовсе не думаю, что нѣтъ средства для устраненія существующаго зла, но я убѣжденъ, что время настало употребить его въ дѣло. Въ противномъ случаѣ я не поручусь ни за что... Если провидѣнію угодно, чтобы война вспыхнула, мнѣ кажется нужно пустить въ дѣло гвардію, а не держать ее въ резервѣ. Нѣсколько хорошихъ битвъ успокоятъ молодыя головы и пріучатъ ихъ къ строгой дисциплинѣ, а когда кончится война, государь можетъ уменьшить численность гвардіи и сохранить ее лишь въ самомъ необходимомъ количествѣ, что было бы большимъ благомъ... Мы слишкомъ многочисленны—вотъ въ чемъ большое зло, и вотъ почему войска производятъ революціи» [1]).

Это письмо показываетъ, что Васильчиковъ, по крайней мѣрѣ, ясно понималъ широкое распространеніе въ обществѣ либеральныхъ идей, но онъ, конечно, совершенно ошибочно думалъ, что военныя дѣйствія и строгая дисциплина во время войны могли бы остановить распространеніе либерализма въ войскахъ; наоборотъ, ихъ передвиженіе только увеличило среди военныхъ либеральныя теченія.

14-го мая 1821 г. выступили изъ Петербурга назначенныя въ походъ войска [2]). Офицеры объясняли его себѣ тѣмъ, что правительство опасалось пребыванія гвардіи въ столицѣ [3]), но, по свидѣтельству Якушкина, походъ имѣлъ послѣдствія, совершенно обратныя тѣмъ, которыхъ ожидалъ отъ него Александръ I: «Офицеры всѣхъ полковъ, болѣе свободные отъ службы, чѣмъ въ Петербургѣ, и не подвергаясь такому строгому надзору, какъ въ столицѣ, часто сообщались между собою, и много новыхъ членовъ поступило въ Тайное Общество» [4]).

22-го мая 1821 года Тургеневъ отмѣчаетъ извѣстіе о введеніи конституціоннаго строя въ Бразиліи: «въ Ріо-Жанейро принята королемъ португальскимъ конституція» [5]). Усердно слѣдитъ онъ и за пар-

[1]) «Рус. Арх.», 1875, III, 401.

[2]) «Сбор. Имп. Ист. Общ.» т. 78, стр. 245.

[3]) Ихъ негодованіе возбуждали излишніе расходы, вызываемые выступленіемъ изъ Петербурга и особенно то, что «всѣмъ обязаны жертвовать прихоти одного человѣка, котораго они не уважали и давно любить перестали». (Статья Рылѣева о волненіи Семеновскаго полка, «Библіотека декабристовъ», вып. III, М. 1907 г.)

[4]) Записки Якушкина, 64, 66. Увеличеніе членовъ было тѣмъ болѣе желательно, что, по словамъ Пущина, передаваемымъ Рылѣевымъ въ его показаніи, послѣ семеновской исторіи многіе члены вышли изъ Общества. Объ этомъ Рылѣевъ говорилъ и Штейнгелю.

[5]) Ср. *Герваинусъ*, III, 395—398. Король португальскій Іоаннъ VI, послѣ того, какъ Наполеонъ провозгласилъ низложеніе Браганцской династіи, удалился въ Бразилію, которая изъ колоніи превратилась какъ бы въ метрополію. Въ 1820 г. вслѣдъ за испанскою вспыхнула революція и въ Португаліи. Организованное въ Лиссабонѣ временное правительство пригласило короля вернуться на родину. Созванные отъ его имени учредительные кортесы выработали для португальцевъ демократическую конституцію на подобіе испанской 1812 г. Іоаннъ VI, оставивъ вице-королемъ Бразиліи своего старшаго сына донъ-Педро, прибылъ

ламентскою жизнью Франціи. 22 іюля онъ пишетъ: «Съ какимъ бы удовольствіемъ я ходилъ бы теперь въ палату депутатовъ. Прежде, будучи во Франціи, я это не такъ ясно понималъ и въ особенности не такъ ясно чувствовалъ. Да и мудрено было въ землѣ завоеванной чувствовать свободу» [1]).

Въ концѣ августа 1821 г. Тургеневъ уже разсуждаетъ въ своемъ дневникѣ о греческомъ возстаніи и отношеніи къ нему нашего правительства и общества.

Русское общество не могло не интересоваться судьбою грековъ, когда они начали борьбу за независимость, тѣмъ болѣе, что подготовка къ возстанію происходила въ предѣлахъ Россіи. Въ концѣ 1814 г. въ Одессѣ, гдѣ близко соприкасались греческіе и русскіе интересы, купецъ Скуфасъ, Афанасій Цакаловъ (болгаринъ Чакаловъ) и масонъ Ксантосъ образовали «союзъ друзей» (гетерію филикеровъ). Это былъ тайный политическій союзъ, который съ самаго начала поставилъ себѣ цѣлью освобожденіе Греціи, но замаскировалъ ее формами, заимствованными у масоновъ. Члены его раздѣлялись на 7 степеней. Два низшихъ разряда назывались учениками и братьями; за ними слѣдовали жрецы, пастыри и верховные пастыри, которые должны были распространять идеи общества; два послѣдніе разряда—просто посвященные и посвященные высшей степени—носили военный характеръ и предназначались прямо для вооруженнаго возстанія. Церемоніалъ приготовленія и посвященія состоялъ во всѣхъ разрядахъ гетеріи въ объясненіи символовъ и выясненіи дѣятельности союза. Пріемъ совершался ночью. Кандидата вводили въ молельню и здѣсь, ставъ передъ образомъ Воскресенія мертвыхъ, онъ долженъ былъ принести передъ жрецомъ присягу въ вѣрности, упорствѣ, молчаніи и безусловномъ подчиненіи. Пріемъ зависѣлъ отъ жреца, который дѣйствовалъ въ силу полномочій, полученныхъ отъ великаго мастера элевзиній. Затѣмъ новичку объясняли, что его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы держать наготовѣ оружіе и по первому зову слѣдовать приказу начальника. Цѣль союза—борьба съ врагами вѣры и родины. Въ этомъ же родѣ былъ катехизисъ и высшей степени, такъ что при переходѣ въ высшіе разряды члены союза не

въ Европу и въ 1822 г. принесъ присягу на соблюденіе конституціи. *Шискорскій.* „Исторія Испаніи и Португаліи". Спб. 1902 г., стр. 190—191. Въ этомъ же году принцъ-регентъ провозгласилъ независимость Бразиліи и былъ избранъ конституціоннымъ императоромъ подъ именемъ Педро I. Лейтенантъ Романовъ, привлеченный къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ, показалъ, что Рылѣевъ и П. Бестужевъ „кажется, отдавали бразильской конституціи преимущество передъ англійскою". Гос. Арх. I. В. № 78, л. 9. Бразильскую конституцію 25 марта 1824 г. см. *Laferrière* Les constitutions d'Europe et d'Amérique. P. 1869, стр. 589—616. Въ 1823 г. въ Португаліи былъ возстановленъ абсолютизмъ.

[1]) При этомъ онъ выражаетъ въ дневникѣ сочувствіе депутату Манюэлю, одному изъ наиболѣе радикальныхъ членовъ французской палаты депутатовъ.

узнавали ничего, существенно отличавшагося отъ объясненій, полученныхъ ими при посвященіи. Особенно много членовъ насчитывалось во второй степени. Жрецъ имѣлъ право принимать братьевъ и присуждать степень жреца. Кандидаты при поступленіи вносили извѣстную сумму въ пользу общества. Въ 1816 г. Скуфасъ перенесъ союзъ въ Москву. Нѣкоторые греки, пріѣзжавшіе въ Россію, были посвящены въ гетерію, а въ 1818 г. Скуфасъ переселился въ Константинополь, откуда управленіемъ союза были основаны эеоріи по всѣмъ провинціямъ турецкой имперіи и за-границей, при чемъ два энергичныхъ члена союза находились и въ Москвѣ. Въ Одессѣ началъ образовываться второй центральный комитетъ послѣ того, какъ въ члены гетеріи были приняты въ Кіевѣ три брата Ипсиланти, отецъ которыхъ еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII в. участвовалъ въ замыслахъ относительно освобожденія Греціи, затѣмъ былъ господаремъ Молдавіи и позднѣе Валахіи и умеръ въ Кіевѣ въ 1816 г. [1]). Старшій сынъ его Александръ (род. въ 1792 г.) очень молодымъ поступилъ на русскую службу, былъ флигель-адъютантомъ и другомъ Каподистріи. Въ апрѣлѣ 1820 г. Александръ Ипсиланти былъ поставленъ во главѣ гетеріи, и въ февралѣ 1821 г. онъ провозгласилъ греческое возстаніе въ дунайскихъ княжествахъ [2]).

Послѣ того какъ А. Ипсиланти сталъ во главѣ союза, уставъ его былъ упрощенъ. Степени братьевъ, учениковъ и верховныхъ пастырей были упразднены; полученіе степеней жрецовъ и пастырей обусловливалось строгимъ испытаніемъ въ вѣрѣ. Военнослужащіе, замѣнявшіе верховныхъ пастырей, должны были въ присутствіи главнаго вождя приносить клятву въ вѣрности и послушаніи, получали рыцарскій ударъ и опоясывались мечемъ [3]).

Въ іюнѣ 1821 г. въ одномъ домѣ въ Петербургѣ читалось донесеніе П. И. Пестеля о началѣ греческаго возстанія въ дунайскихъ княжествахъ, составленное на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ во время служебной командировки въ Скуляны (на границѣ Молдавіи). Донесеніе это было переслано Кисслевымъ государю въ Лайбахъ и какимъ-то образомъ сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ и частнымъ лицамъ. Быть можетъ, оно было сообщено самимъ Пестелемъ товарищамъ

---

[1]) Въ началѣ 1820 г. въ Одессѣ уже существовало утвержденное государемъ греческое типографическое общество изъ купцовъ-грековъ, для котораго былъ назначенъ русскимъ правительствомъ даже особый цензоръ.

[2]) См. воззваніе къ грекамъ кн. Ипсиланти, обнародованное имъ въ Яссахъ, 24 февраля 1821 г., „Русск. Арх.“, 1868 г., стр. 293—297. *M. Pantschoff.* „Kaiser Alexander I und der Aufstand Ypsilantis 1821. Leipz. 1891. Біографич. очеркъ кн. А. К. Ипсиланти см. въ „Сборникѣ біографій кавалергардовъ. 1801—1826 г.“, сост. подъ ред. *С. А. Панчулидзева*, 194—201.

[3]) *Шустеръ.* Тайные общества, союзы и ордена. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. А. Погодина. Спб. 1907 г., т. II, 237—239; *Герваинусъ*, т. V.

по тайному обществу. Въ немъ онъ между прочимъ излагалъ относительно организаціи гетеріи свѣдѣнія, которыя могли представлять интересъ для нашихъ декабристовъ.

«Со времени послѣдняго возмущенія грековъ въ Морећ» (1770 г.), «столь неудачно для нихъ кончившагося», говоритъ Пестель въ своей запискѣ, «составили они тайное политическое общество, которое началось въ Вѣнѣ особеннымъ стараніемъ грека Ригн, потерявшаго потомъ свою голову по повелѣнію Порты (1798 г.). Сей ужасный примѣръ не устрашилъ его сообщниковъ. Ихъ было тогда 40 человѣкъ... Первыя ихъ усилія были устремлены на пріобрѣтеніе вліянія на умы, въ чемъ они успѣвали посредствомъ книгъ, печатаемыхъ въ европейскихъ городахъ и раздаваемыхъ потомъ между греками. Долгое время ограничивали они свои дѣйствія симъ кругомъ, и десять только лѣтъ тому назадъ, когда посторонніе даже люди стали уже замѣчать, что между ними нѣчто пріуготовляется, приступили они къ дѣйствію болѣе положительному и образовали свое общество на слѣдующемъ основаніи. Всѣмъ обществомъ управляетъ тайная верховная управа, коей члены никому изъ прочихъ собратій не извѣстны. Самое общество раздѣляется на двѣ степени. Члены низшей именуются гражданами, члены второй—правителями. Каждый правитель имѣетъ право принимать въ граждане. Сіи граждане никого изъ членовъ общества не знаютъ, кромѣ правителя, ихъ принявшаго. Сей же правитель никого не знаетъ, кромѣ гражданъ, которыхъ самъ принялъ, и того другого правителя, коимъ онъ былъ принятъ. Изъ гражданъ въ правители поступаютъ члены общества не иначе, какъ по предварительному разрѣшенію верховной управы, которое доходитъ къ гражданамъ посредствомъ частныхъ правителей, составляющихъ безпрерывную цѣпь отъ гражданъ до верховной управы [1]). Верховная управа посредствомъ своихъ членовъ, принимающихъ видъ частныхъ правителей, находится въ сношеніи съ нѣкоторыми другими правителями, передающими ея рѣшенія и повелѣнія еще другимъ правителямъ, которые тѣми были приняты. Изъ сихъ, такъ сказать, второстепенныхъ правителей завѣдываетъ каждый нѣкоторымъ числомъ подчиненныхъ правителей, ими принятыхъ, и такъ распространяется сія цѣпь до послѣднихъ гражданъ. Всѣ же правители составляютъ одну степень, потому что одною и тою же пользуются властію и точное преднамѣреніе общества знаютъ. Ипсилантій показывалъ Суццо» (молдавскій господарь) «списокъ сихъ правителей, коихъ число простирается до 200,000 человѣкъ. Каждый же изъ нихъ имѣетъ 4—5 и даже 6 гражданъ. Изъ сего явствуетъ, что политическое сіе общество чрезвычайно многочисленно. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ былъ Ипсилантій избранъ верховною управою въ ея полномочные и главные начальники всѣхъ греческихъ войскъ. О семъ избраніи было все общество извѣщено, а посредствомъ онаго и вся Греція. При немъ же, равно какъ и при прочихъ начальникахъ, находятся совѣтники, отъ Верховной Управы назначенные, съ коими они должны совѣщаться и коихъ мнѣнія обязаны они принимать въ уваженіе.

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ русскимъ правительствомъ, члены гетеріи раздѣлялись на пять классовъ. См. дѣло военно-ученаго архива Главнаго Штаба. Отд. I, № 1021, прилож. 22.

«Возмущеніе, нынѣ въ Греціи случившееся, есть произведеніе сего Тайнаго Общества, которое нашло, что теперешнее время соединяетъ всѣ обстоятельства, могущія содѣйствовать успѣху ихъ предпріятія» [1]).

Пестель оговаривается, что не можетъ вполнѣ ручаться за достовѣрность собранныхъ имъ свѣдѣній, и хотя въ описаніи устройства гетеріи есть неточности, но прибавляетъ, что его свѣдѣнія «имѣютъ видъ самый основательный и положительный» [2]). Въ письмѣ къ Киселеву Пестель высказываетъ мнѣніе, что греческія событія могутъ имѣть важныя послѣдствія. Если существуетъ 800.000 итальянскихъ карбонаріевъ [3]), то, можетъ быть, еще болѣе существуетъ грековъ, соединенныхъ политическою силою. Самъ Ипсиланти, я полагаю, только орудіе въ рукахъ *скрытой силы*, которая употребила его имя точкою соединенія» [4]).

Начало греческаго возстанія вызвало горячее сочувствіе среди грековъ, населяющихъ Россію; оно не прошло безслѣдно и для всего русскаго общества, и въ частности для декабристовъ. Пушкинъ въ мартѣ 1821 г. писалъ изъ Кишинева А. Н. Раевскому: «Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени; (грековъ) всѣ мысли устремлены къ одному предмету—на независимость древняго отечества. | Въ Одессахъ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собирались толпы грековъ, всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили объ Леонидѣ, объ Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти: жизнь,

---

[1]) Военно-ученый Архивъ Главнаго Штаба, Отд. I, № 539 (а), л. 63–64.

[2]) П. И. Павловъ-Сильванскій напечаталъ переводъ доклада Александру I на французскомъ языкѣ, содержащаго извлеченіе изъ этой записки, и отрывокъ изъ доклада Пестеля кн. Витгенштейну. Въ этомъ послѣднемъ есть слѣдующее любопытное мѣсто: „Желаніе грековъ, на случай совершеннаго успѣха, состоитъ въ образованіи федеральной республики на подобіе Американскихъ Соединенныхъ Областей. Сіе подобіе не въ верховномъ правленіи состоитъ, но въ томъ, что каждая особенная область будетъ имѣть частное свое особенное правленіе съ своими законами и только въ общихъ государственныхъ дѣлахъ совокупно съ прочими дѣйствовать. Сія мысль грековъ основана на соображеніи о чрезвычайно большомъ различіи между нравами, обычаями, понятіями и всѣмъ образомъ мыслей различныхъ народовъ, Грецію населяющихъ“. *П. Павловъ-Сильванскій.* „Декабристъ Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ“. 1907 г., стр. 174. Впослѣдствіи (въ 1824 г.) Россія предлагала образовать на материкѣ Греціи три княжества подъ верховнымъ господствомъ султана, но греки отнеслись отрицательно къ этому проекту. *Гервинусъ.* V, 398.

[3]) „Въ эпоху высшаго расцвѣта—въ двадцатыхъ годахъ“ союзъ карбонаріевъ во всей Италіи „насчитывалъ въ своихъ рядахъ около 700,000 членовъ“. *Шустеръ.* „Тайныя Общества, союзы и ордена“. II, 218. *Сэнтъ-Эдмъ.* („Constitution et organisation des Corbonari“. P. 1821, p. 22) приводитъ свидѣтельство генерала Коллеты, что въ мартѣ 1820 г. считалось 642,000 карбонаріевъ. Моденцо въ депешѣ изъ Турина 15 октября 1820 г. говоритъ даже о 846,000 неаполитанскихъ карбонаріевъ.

[4]) *Заблоцкій-Десятовскій.* „Гр. П. Д. Киселевъ и его время“, I, 138.

имѣнія грековъ въ его распоряженіи! Въ началѣ имѣлъ онъ два милліона; одинъ Паули далъ 600 т. піастр. съ тѣмъ, чтобъ ему ихъ возвратить по возстановленіи Греціи. 10,000 грековъ записалось въ войско. (Мой другъ, все это прекрасно!)» [1])

Кочубей, извѣстивъ имп. Александра о движеніи въ Одессѣ, писалъ нѣсколько позднѣе, 25 марта 1821 года, что таганрогскіе греки также собираются принять участіе въ возстаніи, стараются закупать оружіе, что въ Москвѣ переведена стихами военная пѣснь грековъ [2]),

Когда съ Кавказа былъ вызванъ Ермоловъ, чтобы стать во главѣ русскаго войска, которое предполагалось двинуть на помощь австрійцамъ для подавленія неаполитанской революціи, распространился слухъ, будто онъ назначается главнокомандующимъ въ войнѣ за освобожденіе Греціи. Рылѣевъ написалъ ему посланіе въ стихахъ (1821 г.), которое въ свое время не было напечатано, гдѣ онъ возбуждалъ его къ борьбѣ подъ знаменами свободы; въ другомъ стихотвореніи того же года онъ выражаетъ сожалѣніе, что не можетъ летѣть туда, въ Морею, куда стремится его душа [3]). Членъ тайнаго общества В. Ѳ. Раевскій, арестованный въ началѣ февраля 1822 г. и заключенный въ Тираспольскую крѣпость, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ написалъ тамъ стихотворное посланіе «Къ друзьямъ въ Кишиневъ» [4]), въ которомъ, намекая на греческое возстаніе, выражалъ увѣренность, что оно «пробудитъ... народный сонъ и гидру дремлющей свободы» [5]). Декабристъ Якушкинъ въ 1821 г. стремился отправиться въ Грецію, но оставилъ это намѣреніе, повидимому, отвлеченный дѣломъ помощи голодающимъ крестьянамъ Смоленской губ. Завалишинъ, предполагая возможность похода для освобожденія Греціи, сталъ заниматься греческимъ языкомъ. Позднѣе, Каховскій собирался принять участіе въ борьбѣ за освобожденіе Греціи.

---

[1]) Сочиненія Пушкина. Изд. Академ. Наукъ. Переписка, т. I, 24—27. Относительно одесскихъ грековъ есть, что они „дѣлали на площади ученья обучались вмѣсто ружья палками и пѣли патріотическія пѣсни", что скоро было запрещено полицмейстеромъ. Военно-учен. Архивъ, Отд. I, № 597, л. 33. О вліяніи начатаго кн. А. Ипсиланти возстанія на жителей Кишинева, см. въ воспоминаніяхъ Вельтмана, *Л. Майковъ*. „Пушкинъ". Спб. 1899, 115 — 120. Въ стихотвореніи „Къ Овидію", написанномъ въ декабрѣ 1821 г., Пушкинъ вспоминаетъ о возстаніи кн. А. К. Ипсиланти: „здѣсь лирой сѣверной пустыни оглашая, скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная великодушный грекъ свободу вызывалъ". Сочиненія Пушкина. Редакція С. А. Венгерова т. II, 77, 579.

[2]) Сборн. матер., извлеч. изъ арх. соб. Е. В. канцеляріи, т. XI, 374—375. Не распространился ли по Москвѣ, сдѣланный въ 1821 г. Гнѣдичемъ переводъ произведенія Риги „Военный гимнъ грековъ". См. „Сочиненія Гнѣдича", т. I, 1884 г., стр. 188.

[3]) Полное собраніе сочиненій Рылѣева. Библіотека декабристовъ. Вып. I, 1906 г., стр. 180, 186.

[4]) Въ этомъ городѣ былъ комитетъ греческихъ патріотовъ.

[5]) „Руская Старина" 1890 г., № 5, стр. 368.

Пушкинъ въ стихотвореніи (1823) «Возстань, о Греція, возстань!» взываетъ къ ней:

„Страна героевъ и боговъ.
Расторгни рабскія вериги
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!“ [1]).

Смерть Байрона въ 1824 г. вызвала стихотвореніе В. Кюхельбекера въ «Мнемозинѣ» (1824 г., ч. III), и Рылѣева [2]), которыя вновь напомнили о борьбѣ грековъ за освобожденіе [3]). Батеньковъ, въ началѣ 1825 г., по его словамъ, «началъ разсуждать» самъ съ собою о «дѣлахъ греческихъ и жалѣлъ, что у насъ географическое положеніе не представляетъ никакой удобности къ возстанію».

Къ выступленію А. Ипсиланти русское правительство отнеслось рѣзко отрицательно. Позднѣе, относительно гетеристовъ въ Россіи производилось даже разслѣдованіе. Въ дѣлѣ о масонскихъ ложахъ и другихъ тайныхъ обществахъ есть такое оффиціальное извѣстіе, записанное въ декабрѣ 1825 или январѣ 1826 г. «Въ Бессарабіи, въ городахъ Кишиневѣ и Аккерманѣ, учреждена была коммиссія подъ названіемъ и предлогомъ *Гетеристовъ* (покровителей и поборниковъ Греціи); нынѣ открывается у нихъ самое вредное направленіе, и большая часть офицеровъ 33 Егерьскаго полка въ ономъ членами» [4]). Въ 1825 г. по дѣлу о гетеріи былъ привлеченъ къ слѣдствію дѣйств. статск. сов. гр. Яковъ Булгари. Оказалось, что въ 1820 г. онъ отдалъ Д. Ипсиланти бриллианты своей жены, которые были заложены за 40,000 рублей для покупки 5000 ружей. Онъ призналъ, что посылалъ многихъ грековъ въ Грецію и составилъ одно воззваніе, но въ то же время старался убѣдить слѣдственную коммиссію, что отказался участвовать въ гетеріи и что, въ отличіе отъ А. Ипсиланти, стоялъ за болѣе медленный способъ дѣйствій и сообразованіе ихъ съ намѣреніями Россіи, сербовъ и болгаръ

---

[1]) Въ іюнѣ 1824 г., Пушкинъ писалъ, повидимому, А. Н. Раевскому: „Ничто еще не было столь *народно*, какъ дѣло грековъ, хотя многія въ ихъ политическомъ отношеніи были важнѣе для Европы“. Переписка Пушкина, I, 112.

[2]) Въ томъ же III т. „Мнемозины“ было помѣщено стихотвореніе С. П. („Застольная пѣснь грековъ“), вызванное греческимъ возстаніемъ. Стихотвореніе Рылѣева было напечатано уже по смерти автора, безъ его имени въ 1828 г. въ альманахѣ, изданномъ Ивановскимъ, съ большими искаженіями по цензурнымъ причинамъ. См. „Библіотека декабристовъ“ 1906 г., I, 158—159.

[3]) Пушкинъ стихотвореніемъ „Къ морю“ („Мнемозина“, т. IV) почтилъ память Байрона, какъ борца за свободу, но былъ уже не въ силахъ сказать что-нибудь о самихъ грекахъ, такъ какъ одесскіе представители этой націи „огадили“ ему Грецію. (Переписка Пушкина, I, 118—119). Поэтъ забылъ свое собственное свидѣтельство о горячемъ взрывѣ греческаго освободительнаго движенія въ Одессѣ въ 1821 г.

[4]) Военно-ученый Архивъ Главнаго Штаба, Отд. I, № 608 а), л. 240.

и привлеченіе на сторону грековъ Али-Паши. Я. Булгари, впрочемъ, призналъ, что, уже послѣ того, какъ Ипсиланти началъ возстаніе, составилъ воззваніе къ грекамъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ бороться за свободу, но не знаетъ, дошло ли оно до Греціи. Слѣдователи (г.-м. Шешинъ и с. с. Дашковъ) пришли къ заключенію, что въ бумагахъ гр. Булгари нѣтъ «ясныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ соучастія его въ гетеріи»; во всякомъ случаѣ они признавали, что онъ не участвовалъ въ ея «послѣднихъ и рѣшительныхъ замыслахъ». Уѣзжая изъ Харькова, слѣдователи обязали гр. Булгари не отлучаться оттуда безъ вѣдома мѣстнаго начальства [1]).

Только обративъ вниманіе на конституціонныя и революціонныя теченія въ Европѣ и Америкѣ, можно вполнѣ понять стремленіе декабристовъ къ государственному перевороту и ихъ надежды на возможность его осуществленія [2]). Западно-европейскія и американскія конституціи и революціи не только вызывали бесѣды о нихъ, не только окончательно убѣждали въ необходимости политической свободы, но и содѣйствовали выработкѣ конституціонныхъ проектовъ и подсказывали способы проведенія ихъ въ жизнь революціоннымъ путемъ. Такъ, напримѣръ, Лореръ, членъ Южнаго Общества, говоритъ въ своихъ показаніяхъ, что онъ бесѣдовалъ съ полковникомъ Канчіаловымъ объ ан-

---

[1]) Яковъ Булгари былъ привлеченъ къ слѣдствію и о декабристахъ вслѣдствіе того, что Шервудъ, жившій у него въ домѣ, слышалъ тамъ о существованіи Тайнаго Общества, и потому, что членомъ общества былъ сынъ Якова Булгари, Николай. Онъ былъ заключенъ въ крѣпость, но и Шервудъ, и Вадковскій рѣшительно заявили, что онъ не былъ членомъ Общества. По болѣзни онъ былъ помѣщенъ въ госпиталь, гдѣ, по его просьбѣ, приведенъ къ присягѣ и, наконецъ, освобожденъ 4 апрѣля 1826 г. съ обязательствомъ не выѣзжать изъ Петербурга до окончанія дѣла, хотя слѣдственный комитетъ призналъ, что нѣтъ основаній считать его прикосновеннымъ къ тайному Обществу. Военно-ученый Архивъ Главнаго Штаба № 597; Гос. Арх., I В №№ 170, 28, списокъ № 7, №№ 273 и 305, л. 11—45. Послѣдній документъ, письмо къ государю отъ 2 мая 1825 г., почти вполнѣ напечатанъ въ „Сборникѣ біографій кавалергардовъ. 1801—1826". Составъ подъ ред. *С. А. Панчулидзева*. Спб. 1906 г., стр. 185—192.

[2]) Штейнгель говоритъ: „Происшествія въ Испаніи и Пьемонтѣ" и „возстаніе грековъ воспламенили умы въ мечтателяхъ о свободѣ" въ Россіи. Гангебловъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, какъ онъ присоединился къ кружку Лаппы, Пазимова и Семенова, предполагавшему заняться всеобщею исторіею. На первомъ же собраніи по древней исторіи они „свернули на Ріего, недавно повѣшеннаго въ Испаніи, а затѣмъ и на другія подобныя матеріи, и такъ протолковали до поздна. Слѣдующее засѣданіе прошло почти въ такомъ же родѣ". „Русск. Арх.", 1886 г., т. II, 219. Ріего былъ казненъ 7 ноября 1823 г. Трачевскій „Испанія XIX вѣка", 394. Относительно декабриста кн. Ѳ. П. Шаховского въ 1823 г. было доведено до свѣдѣнія правительства, что онъ высказываетъ у своихъ сосѣдей-помѣщиковъ Нижегородской губерніи вольнодумныя сужденія и „приводитъ въ примѣръ управленія иностранныхъ государствъ". Военно-ученый Архивъ. Отд. I, № 558.

глійской и американской конституціяхъ, относительно ихъ «выгодъ и преимуществъ» и примѣнимости ихъ къ Россіи. Кн. Оболенскій заявилъ, что вольномысліе «укоренялось» въ немъ «наблюденіемъ происшествій, ознаменовавшихъ послѣдніе годы почти всѣ страны міра... революціями различнаго рода». Завалишинъ свидѣтельствуетъ, что «борьба общественнаго мнѣнія съ Бурбонами во Франціи, возстаніе въ Испаніи, Португаліи, Италіи, вредное вмѣшательство Россіи въ дѣла Германіи, смерть Коцебу и проч. затронули всѣ политическіе вопросы, толки о нихъ шли вездѣ» [1]). Ведя пропаганду среди товарищей-моряковъ (братья Бѣляевы, Арбузовъ и др.), Завалишинъ «всегда старался говорить о выгодахъ конституціоннаго представительнаго правленія, приводя въ примѣръ Англію и Сѣв.-Американскіе Штаты». Кн. С. П. Трубецкой указываетъ, что «свободный образъ мыслей» составился у него подъ вліяніемъ «преобразованія французской имперіи въ конституціонную монархію, обѣщанія другихъ европейскихъ государей дать своимъ народамъ конституціи и установленія оныхъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи». Каховскій въ своемъ показаніи заявляетъ, что «нарушеніе конституціи во Франціи» и «совершенное ея уничтоженіе» въ Испаніи были причинами, побудившими его согласиться на истребленіе императорской фамиліи. Рылѣевъ въ бесѣдѣ съ А. Бестужевымъ также ссылается на примѣръ Испаніи въ доказательство непрочности вынужденнаго согласія государя на конституцію и необходимости болѣе крайнихъ мѣръ относительно него Пестель въ знаменитомъ мѣстѣ своихъ показаній (см. далѣе, въ гл. VII) указалъ на французскую революцію и на сохраненіе многихъ «коренныхъ» ея «постановленій» при реставраціи, какъ на причину рѣшительнаго поворота въ его міросозерцаніи. Вѣроятно знакомство съ западными революціями привело и Н. Крюкова къ мысли о томъ, что «съ народомъ все можно, безъ народа ничего нельзя», а когда явилось сомнѣніе въ возможности успѣха у насъ революціи, то онъ же утѣшалъ себя мыслію: «хоть гирше, абы инше, хоть хуже, да иначе» [2]).

---

[1]) Записки I, 84, 213, Штейнгель ставилъ въ примѣръ шведскій государственный переворотъ 1809 г. Донесеніе Алопеуса объ этомъ переворотѣ см. у *Богдановича „Истор. царствов. имп. Александра I“*, т. II, Прилож. стр. 58—62. *Созванный въ 1809 г. риксдагъ объявилъ низложеннымъ короля Густава IV, выработалъ новую конституцію, болѣе ограничивающую королевскую власть (см. Schubert* Die Verfassungsurkunden und Grundgesätze der Staaten Europas, *1850, II, 368—387) и избралъ королемъ бывшаго регента Карла, подъ именемъ Карла XIII.*

[2]) *Павловъ-Сильванскій.* „Матеріалисты двадцатыхъ годовъ“. „Былое“, 1907 г. № 7, стр. 116.

IV.

На предыдущихъ страницахъ было приведено очень много свидѣтельствъ относительно западныхъ вліяній на членовъ нашихъ тайныхъ обществъ. Напротивъ, Завалишинъ въ своихъ запискахъ высказываетъ мысль, что «какъ побужденіе къ преобразованію, такъ и допущеніе тѣхъ или иныхъ средствъ для достиженія цѣли, истекали вполнѣ изъ даннаго положенія государства и общества, изъ даннаго самимъ государствомъ воспитанія и изъ собственныхъ историческихъ примѣровъ,—подраженіе же внѣшнимъ примѣрамъ и образцамъ было только уже послѣдующимъ и второстепеннымъ явленіемъ». Въ другомъ мѣстѣ Завалишинъ выражается гораздо рѣшительнѣе: «несправедливо, во первыхъ», что «военныя революціи въ Испаніи, въ Португаліи и Италіи опредѣляли характеръ тѣхъ средствъ, которыми тайныя общества въ Россіи намѣрены были совершить переворотъ; во-вторыхъ, что «крайнія средства были заимствованы изъ европейскихъ революціонныхъ идей, а не изъ своей собственной исторіи» [1]). Совершенно справедливо мнѣніе Завалишина, что «побужденіе къ преобразованію государства» истекало вполнѣ «изъ даннаго положенія государства и общества»,—это было доказано выше многочисленными фактами. Что же касается «средствъ для достиженія цѣли» Тайнаго Общества, то, конечно, примѣры цареубійства декабристы могли находить въ русской исторіи, но для обширнаго военнаго возстанія образцами должны были служить гораздо скорѣе западно-европейскія событія, чѣмъ возстаніе стрѣльцовъ, пугачевщина и нѣкоторые наши дворцовые перевороты.

Нельзя отрицать, конечно, въ извѣстной степени, вліянія на декабристовъ и русскихъ историческихъ примѣровъ. Такъ, напримѣръ, Завалишинъ говоритъ, что нѣкоторые «мечтали о возстановленіи вѣча, находя подобіе его.. отчасти въ мірскихъ сходкахъ...» Дѣйствительно, Рылѣевъ бесѣдовалъ съ Батеньковымъ о древнемъ государственномъ строѣ Россіи и увѣрялъ его, что народъ въ массѣ не измѣнился, готовъ возстановить свои «древніе обычаи», и что стоитъ повѣсить вѣчевой колоколъ, какъ народъ сброситъ «чужеземное». Батеньковъ возражалъ, что горсть солдатъ можетъ «все разрушить», и «возстановленный Новгородъ» признаетъ княземъ «перваго честолюбца, который къ нему явится». Рылѣевъ вспоминалъ о Новгородѣ въ неоконченныхъ думахъ «Вадимъ» и «Марѳа Посадница». Еще ранѣе В. Ѳ. Раевскій въ посланіи «Къ друзьямъ въ Кишиневъ» изъ Тираспольской крѣпости (1822 г.), восклицалъ:

---

[1]) Записки Завалишина I, 178, 213.

„Пора, друзья, пора воззвать
Изъ мрака въ вѣкъ прошедшей славы,
Народовъ древнихъ вспомнить нравы
И тѣ священны времена,
Когда гремѣло наше Вѣче
И сокрушало издалече
Царямъ кичливымъ рамена“ [1]).

Завалишинъ утверждаетъ также, что на Дону въ тайныхъ обществахъ, оставшихся однако же неизвѣстными правительству, мечтали о возобновленіи казачьяго самоуправленія и вольности посредствомъ возстановленія войсковыхъ кроговъ» (I, 185). Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ ссылается на «показаніе» Корниловича, вѣроятно, личное его сообщеніе, такъ какъ въ дѣлѣ этого послѣдняго нѣтъ ничего подобнаго. Корниловичъ былъ знакомъ съ историкомъ донскихъ казаковъ Сухоруковымъ, членомъ тайн. об., но Сухоруковъ сказалъ А. Бестужеву, что о народномъ правленіи на Дону «и думать нечего, ибо казаки привержены къ царю и никакъ не могутъ вообразить иного порядка» [2]).

Каховскій, въ письмѣ изъ крѣпости, утверждая, что мы не можемъ жить, подобно нашимъ предкамъ, ни варварами, ни рабами, прибавляетъ: «но и предки наши, менѣе насъ просвѣщенные, пользовались большей свободой гражданственности. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ еще существовали въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ великіе соборы, въ которыхъ участвовали различныя сословія. Петромъ I-мъ, убившимъ въ отечествѣ все національное, убита и слабая свобода наша». Такимъ образомъ о земскихъ соборахъ вспоминали нѣкоторые декабристы, но не для того, чтобы возстановлять ихъ въ прежнемъ видѣ [3]).

А. А. Бестужевъ упоминаетъ, хотя и не совсѣмъ точно, о томъ, какъ имп. Анна, «опершись на желаніе народа, изорвала свое обязательство». Извѣстно, что мнѣнія «народа» при этомъ не спрашивали, но слова Бестужева заставляютъ думать, что въ бесѣдахъ декабристовъ упоминалось о попыткѣ ограничить самодержавіе при вступленіи Анны

[1]) „Собраніе стихотвореній декабристовъ“, изд. П. Ѳомина, т. II, 1907, 123; ср. „Рус. Стар.“ 1890 г. т. 66, стр. 365 и сл. Въ заграничномъ изданіи „Полнаго собранія стихотвореній К. Ѳ. Рылѣева“ это произведеніе ошибочно приписано ему и напечатано тамъ въ передѣланномъ видѣ (Лейпц. 1861 г., стр. 288 -294). В. К. Кюхельбекеръ въ 1821 г. въ Парижѣ читалъ публичныя лекціи о славянскомъ языкѣ и литературѣ славянъ. Послѣ одной изъ нихъ, въ которой онъ говорилъ о вліяніи на древнюю русскую литературу вольнаго Новгорода и его вѣча, онъ получилъ чрезъ посольство приказаніе прекратить свои чтенія и возвратиться въ Россію. „Русск. Старина“, 1875 г. т. XIII, 342.

[2]) *В. Я. Богучарскій.* „Изъ прошлаго русскаго общества“. Спб. 1904 г. стр. 105—106, 115.

[3]) Ср. позднѣйшія указанія на земскіе соборы Лунина въ „Разборѣ донесенія слѣдственной коммиссіи“ и въ „Обозрѣніи“ М. А. Фонъ-Визина.

Іоанновны, въ видѣ аргумента относительно возможности государственнаго переворота. Вслѣдъ затѣмъ Бестужевъ напоминаетъ, что Екатерина II «повела гвардію и толпу», провозгласившихъ ее императрицею, противъ Петра III, и спрашиваетъ: «Неужели же право бываетъ только на сторонѣ удачи?» Напротивъ, Завалишинъ въ своихъ запискахъ гораздо правильнѣе отмѣчаетъ безучастіе народа въ нашихъ дворцовыхъ революціяхъ XVIII в. Онъ говоритъ, что когда Тайное Общество изслѣдовало «происхожденіе разныхъ правительствъ въ Россіи, оно видѣло цѣлый рядъ революцій, и притомъ при полномъ безучастіи народа, и совершаемыхъ большею частью военною силою, какъ было при возведеніи на престолъ Екатерины I, при сверженіи Бирона, регентши (Анны Леопольдовны) и Петра III. Всѣ эти примѣры показывали, что вся Россія повиновалась тому, что совершала военная сила въ Петербургѣ и признавала это законнымъ» [1]). Но Завалишинъ забываетъ, что въ планы тайныхъ обществъ входило возстаніе не однихъ только петербургскихъ войскъ, а и южной арміи; нѣтъ сходства съ только что упомянутыми дворцовыми переворотами XVIII в. и потому, что декабристы стремились не къ смѣнѣ лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія, а къ измѣненію всего государственнаго устройства. Завалишинъ утверждаетъ, что для членовъ Тайнаго Общества рѣшающимъ доказательствомъ дозволительности насильственнаго переворота служилъ примѣръ Екатерины II, «не отступавшей и отъ крайнихъ средствъ» (I, 214). Отраженіе ссылокъ на дворцовые перевороты XVIII в. съ этой точки зрѣнія мы дѣйствительно находимъ въ письмѣ А. А. Бестужева къ имп. Николаю [2]).

Завалишинъ утверждаетъ, что «около 1812 г... толковали... о законно признанномъ общемъ собраніи», хотя бы вродѣ екатерининской коммиссіи для составленія новаго уложенія. Онъ увѣряетъ также, что «въ 1825 г. многіе (?) изъ депутатовъ, участвовавшихъ въ этомъ собраніи, были еще живы», хотя это совершенно невѣроятно, такъ какъ, со времени распущенія большой законодательной коммиссіи прошло 66 лѣтъ и 60 лѣтъ со времени распущенія частныхъ коммиссій (можетъ

---

[1]) I, 213. Завалишинъ еще до ареста читалъ запрещенное въ Россіи сочиненіе Rulhière'a „Histoire ou anedotes sur la révolution de Russie en 1762". P. 1797. Г. А. I В № 26.

[2]) О переворотѣ, совершенномъ въ 1762 г. Екатериной II, и объ убіеніи Павла упоминается и въ пѣснѣ „Ахъ, гдѣ тѣ острова", сочиненной ради пропаганды, какъ утверждали издатели „Полн. собран. соч. Рылѣева". (Лейпц. 1861 г., стр. 329—333) Рылѣевымъ и А. Бестужевымъ. Но есть свидѣтельство въ показаніи кн. Е. Оболенскаго, что авторами подобныхъ пѣсенъ бывали не только эти два лица, а цѣлая компанія, при чемъ каждый куплетъ сочиняло отдѣльное лицо. Часть этой пѣсни принадлежитъ Пушкину. Переписка Пушкина, изд. Акад. Наукъ II, 74.

быть, онъ разумѣлъ канцеляріи частныхъ коммиссій, работавшія до 1796 г. [1]). Отраженіе толковъ о законодательной коммиссіи можно встрѣтить и въ историческомъ очеркѣ М. А. Фонъ-Визина, написанномъ уже въ Сибири, при чемъ онъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ней, основанныя лишь на преданіи, какъ напримѣръ, о возбужденіи вопроса относительно того, будетъ ли верховная власть послѣ изданія новаго уложенія измѣнять его именными указами.

Введеніе къ проекту государственнаго преобразованія Никиты Ив. Панина, составленное Д. П. Фонъ-Визинымъ, было не только вполнѣ извѣстно декабристамъ чрезъ племянниковъ знаменитаго драматурга Михаила и Ивана Александр. Фонъ-Визиныхъ, но даже служило (въ рукописномъ видѣ) однимъ изъ средствъ пропаганды либеральныхъ идей [2]).

По свидѣтельству Завалишина, «стали припоминать о слухахъ, носившихся при началѣ царствованія» (Александра I), «о положительныхъ обѣщаніяхъ, будто бы данныхъ при восшествіи на престолъ, но не исполненныхъ и повлекшихъ, будто бы, необнаруженный однако же заговоръ для понужденія къ исполненію». Завалишинъ говоритъ, что о существованіи этого заговора подробныя свѣдѣнія сообщилъ ему Вл. Льв. Толстой. М. А. Фонъ-Визинъ сообщаетъ преданіе, будто Панинъ, Паленъ и др. вожди заговора хотѣли заставить Александра I въ моментъ восшествія на престолъ принять актъ, ограничивающій самодержавіе, и что Талызинъ, командиръ Преображенскаго полка, которому было извѣстно это намѣреніе, убѣдилъ Александра не соглашаться на требованіе заговорщиковъ. Кн. П. В. Долгоруковъ въ своей книгѣ «La verité sur la Russie» сообщаетъ подобный же разсказъ, приписывая только требованіе сохраненія самодержавія не одному Талызину, а также ген.-ад. Уварову и адъют. Александра Павл., кн. П. М. Волконскому [3]).

Нѣкоторымъ, повидимому, былъ извѣстенъ, хотя въ общихъ чертахъ, и планъ государственнаго преобразованія Сперанскаго. По словамъ Завалишина, они ссылались на его «попытки... въ подкрѣпленіе своихъ замысловъ» [4]). Очень важно, что среди бумагъ Н. И. Турге-

---

[1]) *А. С. Лаппо-Данилевскій*, „Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленные въ цар. Екатерины II". „Жур. Мин. Нар. Просв." 1897 г. № 3, стр. 161—164.

[2]) См. составленный мною біографическій очеркъ М. А. Фонъ-Визина въ I т. „Обществен. движенія въ первой половинѣ XIX в.", изд. Пирожкова.

[3]) На это намекаетъ и Лунинъ въ разборѣ донесенія слѣдственной коммиссіи. Упомянувъ о конституціонныхъ планахъ гр. Н. П. Панина при восшествіи Александра I, онъ прибавляетъ: „изъ заговорщиковъ желавшіе только перемѣны государя были награждены, искавшіе прочнаго устройства отдалены навѣкъ".

[4]) „Записки" I, 184. Удаленіе Сперанскаго была одною изъ причинъ недовольства декабристовъ. См. позднѣйшее письмо В. Ѳ. Раевскаго, члена Тай-

нева сохранилась не только копія проекта Сперанскаго 1809 г., но и два экземпляра его перваго политическаго трактата 1802 г., проникнутаго еще англоманскими стремленіями, съ собственноручными поправками Сперанскаго [1]). Черезъ Н. И. Тургенева содержаніе этихъ проектовъ могло сдѣлаться извѣстнымъ и нѣкоторымъ другимъ декабристамъ.

Въ своемъ показаніи бар. Штейнгель высказываетъ мысль, что въ царствованіе Александра I правительство, со времени утвержденія министерствъ, «вообще дѣйствовало въ томъ духѣ, чтобы... пріуготовить Россію къ принятію конституціонныхъ началъ». Въ числѣ фактовъ, подтверждающихъ его мнѣніе, онъ указываетъ на «дарованіе» (т. е. сохраненіе) конституціоннаго строя въ Финляндіи и Польшѣ. О финляндской конституціи не вспомнили другіе декабристы [2]), но дарованіе конституціи Польшѣ имѣло гораздо большее вліяніе.

Польская конституціонная хартія и рѣчь государя на первомъ сеймѣ Царства Польскаго въ 1818 г. были крупными козырями въ рукахъ декабристовъ во время слѣдствія: въ своихъ показаніяхъ они ссыла-

наго Общества. „Рус. Старина" 1902 г., № 3, стр. 601. Напротивъ, къ политическому противнику Сперанскаго, Карамзину, т. е. къ его политическимъ мнѣніямъ, декабристы относились отрицательно: извѣстны въ этомъ отношеніи мнѣнія Н. И. Тургенева, Н. М. Муравьева (его разборъ введенія къ „Исторіи Государства Россійскаго" см. въ книгѣ М. П. Погодина о Карамзинѣ т. II) и Каховскаго (*Бороздина*, 18).

[1]) См. изложеніе проекта Сперанскаго 1802 г. въ моей статьѣ въ „Русскомъ Богатствѣ" 1907 г. № 1. Въ 1821 г. А. И. Тургеневъ, служившій въ коммиссіи составленія законовъ, по приказанію главно-управляющаго коммиссіею кн. Лопухина, принялъ бумаги Сперанскаго, отобранныя у него въ 1812 г. Часть ихъ, относящаяся до коммиссіи законовъ, была оставлена въ этой коммиссіи и возвращена Сперанскому въ ноябрѣ 1821 г., а другая была препровождена въ канцелярію комитета министровъ. (*П. Майковъ.* „Второе отдѣленіе Собственной Его Имп. Велич. Канцеляріи". Спб. 1906 г. стр. 63—64, 103). Быть можетъ тогда А. И. Тургеневъ оставилъ у себя указанные проекты Сперанскаго 1802 и 1809 гг. или добылъ ихъ позднѣе, и это дало потомъ возможность Н. И. Тургеневу изложить ихъ содержаніе въ его книгѣ „La Russie et les Russie" Теперь они хранятся въ Архивѣ братьевъ Тургеневыхъ въ рукоп. отдѣленіи Академіи Наукъ.

[2]) Только Бестужевъ-Рюминъ слышалъ о всеобщемъ негодованіи противъ русскаго правительства въ Финляндіи и желаніи вновь соединиться съ Швеціею. Серьезнымъ основаніемъ для такого недовольства могло быть то, что сеймъ ни разу не былъ созванъ съ 1809 года, что признанная шведскою конституціею свобода печати была нарушена запрещеніемъ одной газеты въ 1821 году, что назначались нѣкоторые военные и гражданскіе чиновники изъ русскихъ, что вопросъ о крестьянахъ, пожалованныхъ разнымъ лицамъ русскимъ правительствомъ въ старой Финляндіи, не получилъ удовлетворительнаго рѣшенія, что три профессора абоскаго университета были удалены. Противозаконныя притязанія генералъ-губернатора Финляндіи Закревскаго вызвали даже въ 1823 г. жалобу финляндскаго сената имп. Александру I. *Schybergson.* Geschichte Finlands. Gotha, 1896, s. 557, 563, 567—573.

лись на то и другое, во первыхъ, какъ на одинъ изъ источниковъ ихъ либеральнаго образа мыслей, а во вторыхъ, какъ на оправданіе стремленій къ государственнымъ преобразованіямъ. Многіе изъ декабристовъ воспользовались этимъ аргументомъ. Кн. С. П. Трубецкой, перечисляя въ своемъ показаніи «происшествія», вызвавшія въ немъ свободный образъ мыслей, упоминаетъ о дарованіи конституціи Царству Польскому и первой рѣчи государя на сеймѣ въ Варшавѣ, на основаніи которой «вообще полагали», что онъ «намѣренъ привести Россію въ такое же состояніе». По словамъ оберъ-прокурора сената Краснокутскаго, созваніе варшавскаго сейма возбудило въ немъ впервые мысль о представительномъ правленіи. В. Ѳ. Раевскій, оправдываясь въ военно-судной коммиссіи по обвиненію въ томъ, что онъ считалъ конституціонное правленіе «лучшимъ», заявилъ, что имп. Александръ «не далъ бы худшаго правленія народу, въ коемъ существовали уже гражданскія постановленія,.. не сказалъ бы, даруя конституцію Царству Польскому, что онъ приготовляетъ таковую же для своего народа» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненіе конституціоннаго строя Польши раздражало нѣкоторую часть русскаго общества, находившую, что такимъ образомъ этой странѣ оказывалось предпочтеніе передъ Россіею: по словамъ М. Фонъ-Визина, Александръ I «присоединенной Польшѣ даровалъ конституціонныя установленія, которыхъ Россію почиталъ недостойною» [2]), По словамъ А. Поджіо, къ дарованію конституціи Польшѣ отнеслись «не безъ ревности», а въ рѣчи государя на сеймѣ, по мнѣнію этого декабриста, есть выраженія «оскорбительныя для духа народнаго нашего» [3]). В. О. Раевскій выразилъ въ своихъ наброскахъ недовольство тѣмъ, что государь «медлитъ» исполнить свое обѣщаніе о дарованіи Россіи конституціи по примѣру Царства Польскаго. Завалишинъ такъ характеризуетъ отношенія Тайнаго Общества къ сохраненію конституціи въ Польшѣ: «стремленіе къ конституціи дѣлалось вдвойнѣ законнымъ и по признанію превосходства этой формы самимъ правительствомъ, и потому, что вѣдь нельзя же было отказывать Россіи въ томъ, что было даровано Польшѣ. Вотъ почему люди, стремившіеся къ конституціи, и считали за собою неотъемлемое право, котораго уже никакое послѣдующее... дѣйствіе правительства не могло нравственно-законно ни уничтожить, ни измѣнить по своимъ прихоти и произволу. Поэтому они имѣли полное право, особенно вначалѣ, думать, что они вовсе не

[1]) Арх. Главн. Военно-судн. управ., опись 1827 г., II отд., св. 18, д. № 42, т. 8, лит. А.

[2]) „Обществ. движен.", I, 183.

[3]) Мы увидимъ ниже, что это замѣчаніе, вѣроятно, основывалось отчасти на недоразумѣніи, вызванномъ неудачнымъ переводомъ одного мѣста рѣчи государя.

идутъ противъ правительства». Вмѣстѣ съ тѣмъ Завалишинъ, подобно Поджіо, отмѣчаетъ и чувства обиды, что «побѣжденной Польшѣ» дана конституція прежде, нежели ее получила ея побѣдительница Россія, но также высказываетъ вѣрную мысль, приходившую въ голову, какъ увидимъ, и русскимъ наблюдателямъ въ самой Варшавѣ, что, пока «абсолютизмъ существовалъ» въ Россіи, «всѣ права въ Польшѣ были только мнимыми», такъ какъ не имѣли «никакой существенной гарантіи» (I, 190—193). Правда, въ трактатѣ 21 апрѣля 1815 года между Россіею, Австріею и Пруссіею, по которому часть Варшавскаго герцогства присоединена къ Россіи, было сказано, что оно будетъ въ неразрывной связи съ Россіею «въ силу своей конституціи», но ни австрійское, ни прусское правительства, не сочувствовавшія польской конституціи 1815 г., не стали бы отстаивать ея сохраненія, какъ это и было послѣ польскаго возстанія 1830—1831 г.

Какъ бы то ни было, рѣчь имп. Александра на первомъ сеймѣ Царства Польскаго произвела огромное впечатлѣніе въ Россіи, а потому мы считаемъ необходимымъ остановиться на этомъ эпизодѣ нѣсколько подробнѣе.

Передъ отправленіемъ въ Варшаву для открытія перваго сейма государь объявилъ мин. иностр. дѣлъ гр. Каподистріи, котораго онъ бралъ съ собою, что поручаетъ ему составить тронную рѣчь, и при этомъ изложилъ свои мысли, позволивъ ихъ оспаривать. Каподистрія нашелъ неудобными два пункта: 1) сравненіе Польши съ Россіею и 2) обѣщаніе присоединить къ Польшѣ провинціи, уже вошедшія въ составъ русской имперіи. Государю не понравились эти замѣчанія [1]), но онъ отложилъ окончательный разговоръ до пріѣзда въ Варшаву. Лишь за два дня до открытія сейма Александръ I прочелъ написанную имъ рѣчь Каподистріи и предоставилъ ему сдѣлать только поправки въ слогѣ. Исполнивъ это, Каподистрія составилъ вмѣстѣ съ тѣмъ другой проектъ рѣчи, который, по его мнѣнію, не произвелъ бы неблагопріятнаго впечатлѣнія на русское общество. Когда, на другой день, онъ представилъ свою работу, государь остался очень недоволенъ его настойчивостью и сказалъ, что предпочитаетъ свою редакцію. Каподистрія убѣдилъ императора выслушать его еще разъ, и тотъ обѣщалъ подумать. Черезъ нѣкоторое время онъ вручилъ Каподистріи то, что назвалъ своимъ ультиматумомъ, гдѣ нѣкоторыя мѣста рѣчи были замѣнены другими, заимствованными изъ проекта Каподистріи, но сущность осталась та же.

---

[1]) Александръ I сказалъ въ 1817 г. М. Ѳ. Орлову, что „раздѣленіе (т. е. раздѣлы) Польши противно чести и выгодамъ Россіи". Показаніе Орлова. Госуд. Арх. В, № 83. л. 22.

Возраженія Константина Павловича противъ проекта рѣчи государя были также «съ нѣкоторымъ гнѣвомъ» отклонены [1]).

15/27 марта 1818 г., сеймъ былъ открытъ рѣчью государя на французскомъ языкѣ, а министръ-секретарь царства прочиталъ ея польскій переводъ [2]).

Приведемъ наиболѣе важныя мѣста этой рѣчи:

«Образованіе (organisation), существовавшее въ вашемъ краю, дозволяло мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ [3]), руководствуясь правилами законносвободныхъ учрежденій (institutions libérales), бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости. Поляки!.. Возстановленіе ваше опредѣлено торжественными договорами. Оно освящено Законоположительною Хартіею... Представители Царства Польскаго!.. Вы призваны дать великій примѣръ Европѣ, устремляющей на васъ свои взоры. Докажите своимъ современникамъ, что законносвободныя постановленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ, и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ... Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ собраніи покажутъ мнѣ, чего отечество должно впредь ожидать отъ вашей преданности къ нему и привязанности вашей ко мнѣ; покажутъ мнѣ, могу ли, не измѣняя своимъ намѣреніямъ (fidèle à mes resolutions) распространить (étendre) то, что уже мною для васъ совершено» [4]).

[1]) *Шильдеръ*. Александръ I, IV, 495—6 и Николай I, I, 381.

[2]) Русскій переводъ ея былъ сдѣланъ кн. П. А. Вяземскимъ, служившимъ тогда въ канцеляріи Новосильцова. Государь остался вполнѣ доволенъ переводомъ и лично благодарилъ за него Вяземскаго. („Полн. Собр. Соч. кн. П. А. Вяземскаго", т. I, автоб. введеніе). Цитируемъ по оффиціальному переводу Вяземскаго, дополняя его словами французскаго подлинника тамъ, гдѣ переводъ можетъ вызвать недоразумѣніе.

[3]) А. И. Тургеневъ писалъ 2 апр. 1818 г. брату Сергѣю, что „переводъ испорченъ нѣсколько поправками". Неудачный переводъ термина „organisation" словомъ „образованіе" было понято въ Россіи такъ, что недостатокъ образованности въ Россіи мѣшаетъ ей дать конституцію. (См. выше замѣчаніе А. Поджіо).

[4]) Французскій подлинникъ рѣчи см. *d'Angeberg* Recueil des traités... concernant la Pologne, P. 1862, p. 734—737, *Bernhardi* Geschichte Russlands III, 693—695. Русскій переводъ, сдѣланный кн. Вяземскимъ, былъ напечатанъ въ „Сѣверной Почтѣ" (1818 г. № 26), въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (1818 г. № 26), въ „Духѣ Журналовъ" 1818 г. ч. I, 95, 105, въ „Вѣстникѣ Европы" (1818 г. ч. 99, № 10, стр. 166). Русскіе могли видѣть въ этой рѣчи обѣщаніе распространить конституціонный строй на всю Россію, а поляки— присоединить Литву къ Королевству Польскому. *Askenazy*, Rosya—Polska. 1815—1830. Lwów, 1907, 86.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ издѣвался надъ церемоніею открытія сейма, какъ прежде издѣвался надъ польскою конституціею. Сообщая своему довѣренному лицу, Сипягину, объ открытіи сейма, онъ писалъ: «Посылаю вамъ экземпляръ программы, бывшей здѣсь 15/27 числа въ замкѣ пьесы «Гратисъ», на которой я фигурировалъ въ толпѣ народа, играя роль прагскаго депутата по избраніи меня въ оные обывателями варшавскаго предмѣстья Праги. Піеса сія похожа на нѣкоторую русскую комедію, когда чихнетъ кто спереди, то наши братья депутаты всею толпою отвѣшиваютъ поклоны» [1]). А. П. Ермоловъ благодарилъ Закревскаго за присланную имъ «прекрасную рѣчь» государя. «Счастливы поляки толикимъ о нихъ попеченіемъ», прибавляетъ онъ; что же касается предположенія государя относительно дарованія въ будущемъ конституціи Россіи, то къ этому Ермоловъ отнесся весьма скептически: «я думаю», писалъ онъ, «... все останется при однихъ обѣщаніяхъ всеобъемлющей перемѣны [2]).

Правительственные проекты были приняты сеймомъ, кромѣ проекта закона о бракѣ и разводѣ [3]). Правда, объ палаты сейма по поводу отчета государственнаго совѣта сдѣлали весьма серьезныя замѣчанія относительно нѣкоторыхъ нарушеній правительствомъ конституціи [4]), но

---

[1]) Нужно замѣтить, впрочемъ, что позднѣе въ засѣданіи сейма 25 апрѣля (н. ст.) 1818 г. цесар. Константинъ Павловичъ проявилъ свое участіе въ его трудахъ подачею петиціи о скорѣйшей выдачѣ вознагражденія жителямъ Праги, дома которыхъ были уничтожены при постройкѣ укрѣпленій въ этомъ предмѣстьѣ. *Siarczyński*, Diète du royaume de Pologne, p. 211—216.

[2]) *Шильдеръ*, IV, 88, 95—96. Закревскій писалъ Киселеву 31 марта 1818 г.: „Рѣчь государя... прекрасная, но послѣдствія (для) Россіи могутъ быть ужаснѣйшія... Я не ожидалъ, чтобы онъ такъ скоро свои мысли по сему предмету объявилъ". Киселевъ отвѣчалъ: „Рѣчь царя для поляковъ есть чудесная и здѣшніе возмечтали много о будущемъ своемъ блаженствѣ; но у насъ толки будутъ разные. Удивленіе же твое на счетъ откровенности я весьма раздѣляю, но къ удивленію намъ, кажется, уже не привыкать". „Сборн. Имп. Ист. Общ.", т. 78, стр. 2, 192. Реакціонныя правительства Франціи, Англіи и особенно Австріи были крайне недовольны либеральною рѣчью имп. Александра. *Bernhardi*, Geschichte Russlands III, 673. Напротивъ, на вел. герцога Баденскаго, зятя Александра I, она оказала самое благотворное вліяніе и ускорила составленіе и обнародованіе конституціи въ Баденѣ. *A. Stern*. Geschichte Europas I, 386.

[3]) Этотъ проектъ министерства юстиціи предлагалъ признаніе дѣйствительности брака только въ силу священническаго благословенія и запрещеніе вторичныхъ браковъ католиковъ безъ разрѣшенія духовной власти при сохраненіи въ то же время юрисдикціи гражданскихъ судовъ въ дѣлахъ при разводахъ. Такое измѣненіе постановленія кодекса Наполеона, который дѣйствовалъ въ Польшѣ и который ввелъ въ ней гражданскій бракъ наравнѣ съ церковнымъ, было принято сенатомъ (большинствомъ 24 голосовъ противъ 9), но отвергнуто палатою пословъ и депутатовъ (большинствомъ 82 голосовъ противъ 36). Dyariusz seymu Królestwa Polskiego 1818, 87—108, 140—170; *Siarczyński*, Diète du royaume de Pologne 1818, p. 80—99, 107—130.

[4]) Rapport général du conseil d'état sur l'administration intérieure du Royaume de Pologne (прилож. къ книгѣ Сярчинскаго), p. 159—244; Dyariusz III, 37—47, 61—65.

эти замѣчанія тогда еще не были извѣстны имп. Александру, и онъ остался очень доволенъ дѣятельностью сейма. Въ рѣчи при его закрытіи (15/27 апрѣля), онъ, между прочимъ, сказалъ:

«Вы удовлетворили моему ожиданію. Пренія сего перваго собранія, духъ, имъ управлявшій, и самыя послѣдствія свидѣтельствуютъ о единодушной правотѣ вашихъ намѣреній и склоняютъ меня къ изъявленію моего одобренія. ...Изъ проектовъ законовъ, предложенныхъ вамъ, одинъ только не получилъ одобренія большинствомъ обѣихъ палатъ» (т. е. былъ принятъ только одною изъ нихъ). «Внутреннее убѣжденіе и праводушіе руководствовали симъ рѣшеніемъ. Мнѣ оно пріятно было, ибо знаменовало независимость вашихъ мнѣній. Свободно избранные должны были и разсуждать свободно. На сей сугубой неприкосновенности завсегда будетъ основано истинное свойство Народнаго Представительства, здѣсь созваннаго мною, чтобы чрезъ его посредство услышать искреннее и полное выраженіе общественнаго мнѣнія. Токмо собраніе, такимъ образомъ составленное, можетъ служить правительству залогомъ, что издаваемые законы основаны на существенныхъ потребностяхъ народа... Поляки! Я дорожу исполненіемъ моихъ намѣреній. Они вамъ извѣстны» [1]).

Варшавскія рѣчи имп. Александра произвели въ Россіи глубокое, хотя и разнородное, впечатлѣніе. Карамзинъ писалъ И. П. Дмитріеву въ апрѣлѣ 1818 г.: «Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые...» «Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ: спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать въ «Сынѣ Отечества» въ рѣчи Уварова. ...И смѣшно, и жалко... Пусть молодежь ярится: мы улыбаемся» [2]). П. П. Тургеневъ отмѣтилъ въ своемъ

---

[1]) *D'Angeberg*, 737 — 739; *Шильдеръ* IV, 91; «Сѣверная почта» 1818 г. № 35. О первомъ сеймѣ Корол. Польскаго ср. *Rembowski*. Nasze poglądy polityczne w roku 1818. (Konstytucya, Monarchizm, Sejm, Oppozycya). «Biblioteka Warszawska». 1897, t. III.

[2]) «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву». 1866 г. стр. 236—7. Рѣчь Уварова, попечителя петербургскаго учебнаго округа и президента Академіи Наукъ, въ главномъ педагогическомъ институтѣ, 22 марта 1818 г., о пользѣ изученія восточной словесности и всеобщей исторіи содержитъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія мысли: «Мы по примѣру Европы начинаемъ помышлять о *свободныхъ понятіяхъ*», но «политическія общества не скоро созрѣваютъ... Сколько неудачныхъ опытовъ прежде англійской конституціи! Политическая свобода не есть состояніе мечтательнаго благополучія, до котораго бы можно было достигнуть безъ трудовъ». Однако, «желаніе продолжить одинъ изъ возрастовъ (государства) далѣе времени, назначеннаго природою, столь же суетно и безразсудно, какъ желаніе заключить возмужающаго юношу въ тѣсные предѣлы младенческой колыбели... То (правительство) премудро, которое... заранѣе открыло способности ума, предупредило опасности и заблужденія и, повинуясь закону необходимаго, возрастало и зрѣло вмѣстѣ съ народомъ». «Рѣчь през. имп. Академіи Наукъ», Спб. 1818 г., стр. 39, 41, 51. Рѣчь эта была изложена въ «Сынѣ Отечества» 1818 г., ч. 45, № XIII. Напротивъ, Карамзинъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (21 авг. 1818 г.) рѣшительно заявляетъ, что «дать Россіи конституцію въ модномъ смыслѣ есть нарядить какого-нибудь важнаго человѣка въ гаерское платье... Россія не Англія, даже и не Царство Польское... Самодержавіе есть

дневникѣ 28 марта 1818 г.: «Вчера получили здѣсь рѣчь, произнесенную государемъ въ Варшавѣ при открытіи засѣданія представителей народныхъ. Въ ней много прекраснаго и такого, чего мы не ожидали и что должно нравиться людямъ здравомыслящимъ». Что, если свобода придетъ въ Россію черезъ Польшу? Въ письмѣ къ брату Сергѣю (2 апр. 1818 г.) Тургеневъ пожелалъ «полякамъ всякаго благополучія въ ихъ теперешнихъ предѣлахъ, дабы государь могъ съ успѣхомъ исполнить свое обѣщаніе относительно Россіи». Но тутъ же прибавлялъ, что «чувствительно видѣть поляковъ, получающихъ то, чего нѣтъ у русскихъ».

Кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу изъ Варшавы во время сейма 3 апрѣля 1818 г.: «воля Николая Михайловича (Карамзина), а нельзя не пожелать, чтобы и на нашей улицѣ былъ праздникъ. Что за дѣло, что теперь еще мало людей... Общее мнѣніе... не можетъ долго остаться криво: при первомъ случаѣ оно распрямится, вопреки коварнымъ умысламъ... «Умъ хорошо, а два лучше», говоритъ пословица; пусть будетъ она девизомъ конституціи...» А. Тургеневъ въ письмѣ къ Вяземскому говоритъ: «Нельзя... русскому не пожалѣть, что между тѣмъ какъ поляки посылаютъ представителей, судятъ и отвергаютъ проекты законовъ, мы не имѣемъ права говорить о ненавистномъ рабствѣ крестьянъ, не смѣемъ показывать всю его мерзость и беззаконность». Несмотря на то, что рѣчь государя произвела на Вяземскаго очень сильное впечатлѣніе, все же у него не было вѣры въ искренность Александра I: «онъ говорилъ отъ души, или съ умысломъ дурачилъ свѣтъ», замѣчаетъ Вяземскій, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ: «можно будетъ и припомнить ему, если онъ забудетъ... Государева рѣчь обдала *законоположительнымъ*... паромъ православный народъ, и все заговорило языкомъ *законносвободнымъ*»[1]).

Гораздо болѣе скептически, чѣмъ Вяземскій, отнесся къ варшавской рѣчи Александра I Пушкинъ въ стихотвореніи «Сказки», или «Noël», написанномъ 1818 г. въ подражаніе французскимъ пѣсенкамъ на Рождество и лишь недавно появившемся въ русской незаграничной печати безъ всякихъ урѣзокъ.

«Ура! Въ Россію скачетъ
Кочующій деспотъ,
Спаситель горько плачетъ,
А съ нимъ и весь народъ.
Марія въ хлопотахъ Спасителя стращаетъ:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вотъ бука, бука—русскій царь!»
Царь входитъ и вѣщаетъ:
«Узнай, народъ россійскій,

душа, жизнь ея». И въ то же время Карамзинъ, подобно Екатеринѣ II, говоритъ что онъ «въ душѣ республиканецъ!» «Старина и Новизна», Спб. 1897 г., I, 60.

[1]) «Остафьевскій Архивъ», I, 97—98, 103, 105.

Что знаетъ цѣлый міръ:
И прусскій, и австрійскій
Я сшилъ себѣ мундиръ [1]).
О радуйся, народъ: я сытъ, здоровъ и тученъ;
Меня газетчикъ прославлялъ;
Я ѣлъ, и пилъ, и обѣщалъ—
И дѣломъ не измученъ.
Узнай еще въ прибавку,
Что сдѣлаю потомъ:
Лаврову дамъ отставку [2]),
А Соца [3]) въ желтый домъ.
Законъ постановлю на мѣсто вамъ Горголи [4])
И людямъ всѣ права людей
По царской милости своей
Отдамъ изъ доброй воли?!
Отъ радости въ постелѣ
Запрыгало дитя:
«Неужто въ самомъ дѣлѣ?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «бай! бай! Закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы, наконецъ,
Послушавши, какъ царь-отецъ
Разсказываетъ сказки!» [5]).

Изъ письма Пушкина (1823 г.) можно заключить, что онъ считалъ «Noël» однимъ изъ лучшихъ своихъ произведеній. Декабристъ Якушкинъ, встрѣтившись съ Пушкинымъ въ Каменкѣ, имѣніи Давыдовыхъ, прочелъ его наизусть и вызвалъ удивленіе поэта, что это стихотвореніе ему извѣстно [6]). Въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ Якушкина также говорится о популярности Пушкинскаго «Noël», «который во время оно всѣ знали наизустъ и распѣвали чуть не на улицѣ». И. И. Пущинъ также называетъ это произведеніе въ числѣ тѣхъ, которыя «тогда вездѣ ходили по рукамъ, переписывались и читались наизусть» [7]).

---

[1]) Намекъ на составленіе Священнаго Союза.

[2]) Д. с. с. Ив. Павл. Лавровъ—директоръ департамента исполнительнаго, въ министерствѣ полиціи.

[3]) Соцъ—одинъ изъ секретарей въ особомъ цензурномъ комитетѣ при министерствѣ полиціи.

[4]) С.-Петербургскій оберъ-полицмейстеръ.

[5]) Библіотека великихъ писателей подъ редакціею С. А. Венгерова. «Пушкинъ». Спб. 1907 г., т. I, стр. 461. Примѣч. П. О. Морозова, стр. 466, 468. За границею это стихотвореніе появилось въ печати еще въ 1859 г. въ «Полярной Звѣздѣ», ч. V, стр. 20. Въ академическомъ изданіи «Сочиненій Пушкина» напечатано съ весьма обстоятельными примѣчаніями В. Е. Якушкина (т. II, примѣч. стр. 4—10), но съ исключеніемъ нѣкоторыхъ словъ.

[6]) «Записки И. Д. Якушкина». М. 1905 г., стр. 50.

[7]) «Записки И. И. Пущина» въ книгѣ *Л. Майкова* «Пушкинъ». Спб., 1899 г., стр. 70.

Ѳ. В. Растопчинъ, одинъ изъ самыхъ крайнихъ консерваторовъ, писалъ въ январѣ 1819 г. изъ Парижа С. Р. Воронцову, приправляя свое посланіе желчными выходками и противъ либераловъ (а также и поляковъ), и противъ государя: «Пишутъ изъ Петербурга секретно, что рѣчи императора въ Варшавѣ разгорячили головы; молодые люди требуютъ у него конституціи. Все это кончится ссылкою дюжины болтуновъ». Затѣмъ, намекая на государя и на предстоящія мѣры относительно Россіи, Растопчинъ продолжаетъ: «Подъ конституціею разумѣютъ освобожденіе крестьянъ, которое противорѣчитъ желаніямъ дворянства [1]); но не захотятъ» (государь) «ограничитъ свою власть и подчинить себя господству правосудія и разума. Россія—быкъ, съ котораго сдираютъ кожу, котораго съѣдаютъ и изъ котораго дѣлаютъ плитки бульона» [2]). Сперанскій въ письмѣ къ Столыпину изъ Пензы отъ 2 мая 1818 г. также высказалъ опасенія, подсказанныя дворянскими сословными интересами:

«Вамъ безъ сомнѣнія извѣстны всѣ припадки страха и унынія, коими поражены умы московскихъ жителей варшавской рѣчью. Припадки сіи увеличенные разстояніемъ, проникли и сюда. И хотя теперь все еще здѣсь спокойно, но за спокойствіе сіе долго ручаться невозможно... Можно ли предполагать, чтобъ чувство, столь заботливое и безпокойное, сохранилось въ тайнѣ въ одномъ кругу помѣщиковъ? Какъ же скоро оно примѣчено будетъ въ селеніяхъ (событіе весьма близкое), тогда родится или, лучше сказать, утвердится (ибо оно уже существуетъ) общее въ черномъ народѣ мнѣніе, что правительство не только хочетъ даровать свободу, *но что оно ее уже и даровало, и что одни только помѣщики не допускаютъ или таятъ ея провозглашеніе* [3]). Что за симъ слѣдуетъ, вообразить ужасно, но всякому понятно... Вы довольно меня знаете и повѣрите, что говорю не изъ трусости, хотя, правду сказать, отваживаю не менѣе другихъ, отваживая Ханеневку, т. е. 30 тыс. руб. доходу, все, что имѣю и имѣть могу.

«Но какимъ образомъ, спросите вы, или, лучше сказать, спросятъ близорукіе наши либералисты, какимъ образомъ изъ двухъ или трехъ словъ варшавской рѣчи могутъ произойти столь огромныя и съ самымъ смысломъ сихъ словъ несообразныя послѣдствія? ...Если помѣщики, классъ людей безъ сомнѣнія просвѣщеннѣйшій, ничего болѣе въ сей рѣчи не видитъ, какъ свободу крестьянъ, то какъ можно требовать, чтобы народъ простой могъ что либо другое тутъ видѣть! Во всѣхъ государствахъ мало, а у насъ еще менѣе, людей, кои знаютъ различіе между свободою политическою и гражданскою. По всей вѣроятности смыслъ рѣчи относится прямо къ первой, вторая же *можетъ быть*, или по крайней мѣрѣ *должна быть* отдаленнымъ и постепеннымъ ея послѣдствіемъ. Но попытайтесь въ семъ увѣрить умы, давно уже опасеніями встревоженные или надеждами ослѣпленные».

---

[1]) И самого Растопчина, который, какъ извѣстно, держался самыхъ крѣпостническихъ взглядовъ въ крестьянскомъ вопросѣ.

[2]) «Арх. кн. Воронцова» VIII, 363.

[3]) Курсивъ подлинника.

Но все же Сперанскій совѣтовалъ приступить къ подготовкѣ политическихъ реформъ въ Россіи. Для успокоенія умовъ онъ считалъ лучшимъ средствомъ учрежденіе комитета, который былъ бы гласно уполномоченъ заняться этимъ дѣломъ, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ Гурьева изъ двухъ-трехъ губернаторовъ (Сперанскій, очевидно, желалъ быть въ ихъ числѣ) и двухъ-трехъ губернскихъ предводителей дворянства. Разрѣшая показать Гурьеву это письмо, Сперанскій въ особомъ прибавленіи къ нему говоритъ: «Много можно сдѣлать добра, начавъ вещи не съ того конца, съ коего нынѣ по общимъ слухамъ онѣ начинаются. Кто мететъ лѣстницу снизу?» и далѣе продолжаетъ по-французски: «Очистите часть административную. Потомъ установите конституціонные законы (les lois constitutionnelles), т. е. *свободу политическую*, и затѣмъ постепенно вы придете къ вопросу о *свободѣ гражданской*, т. е. къ свободѣ крестьянъ. Вотъ истинный ходъ дѣла. Въ семъ порядкѣ послѣдній вопросъ едва ли въ десять или въ двадцать лѣтъ приспѣетъ къ разрѣшенію... Впрочемъ, не должно заблуждаться: работы сіи можно затянуть, проволочить, но отложить вовсе невозможно» [1]).

Въ Петербургѣ также многіе дворяне поняли рѣчь государя такъ, что онъ желаетъ уничтожить крѣпостное право. Н. И. Тургеневъ писалъ 2 апрѣля 1818 г. брату Сергѣю въ Парижъ: «Англійскіе клубисты толкуютъ рѣчь по своему. «Добираются до насъ», говорятъ они, а я имъ отвѣчаю: «Къ несчастію, врядъ ли доберутся!» Можно, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что свободнѣе можно будетъ объ этомъ» (т. е. объ уничтоженіи крѣпостного права) «писать... къ тому же и хамство не будетъ такъ возставать на либеральныя идеи, по разсчетамъ не убѣжденія, а подлости...» Въ отличіе отъ Сперанскаго, Тургеневъ на первое мѣсто въ это время ставитъ уничтоженіе крѣпостного права. «У насъ есть рабство», продолжаетъ онъ, «которое не должно и слѣдовъ даже оставить, прежде нежели народъ россійскій получитъ свободу политическую; сперва всѣ должны быть равны въ правахъ человѣческихъ. Это равенство важнѣе и существеннѣе всякаго другого. То-то теперь распишутся Comte и Dunoyer [2]) и другіе ваши, такъ называемые, независимые! И нѣмцевъ эта вѣсть порадуетъ, въ особенности пруссаковъ».

Н. И. Тургеневъ въ это въ время не былъ еще членомъ Союза Благоденствія; посмотримъ, какъ повліяла варшавская рѣчь на тѣхъ, кто уже вступилъ въ него.

Н. М. Муравьевъ говоритъ, что былъ «утвержденъ» въ сочувствіи

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1869 г., стр. 1697—1704.

[2]) Редакторъ журналовъ: „Le Cénseur", выходившаго въ свѣтъ въ 1814—15 гг. и „Le Censeur Européen" (1817—19), энергично боровшихся съ реакціею при Бурбонахъ.

«представительному правленію» рѣчью государя къ сейму Царства Польскаго. Это былъ, конечно, лишь оправдательный пріемъ передъ слѣдственной коммиссіей, такъ какъ сочувствіе политическимъ реформамъ сказывалось еще въ Союзѣ Спасенія, однимъ изъ основателей котораго (ранѣе варшавскаго сейма) былъ Н. М. Муравьевъ. Другой членъ Союза Спасенія, кн. С. П. Трубецкой, прямо связываетъ стремленіе Союза Благоденствія, учрежденнаго въ 1818 г., къ конституціонному строю и пропаганду либеральныхъ идей съ польскою конституціею и рѣчью государя въ Варшавѣ на первомъ сеймѣ. Къ числу членовъ Союза Спасенія принадлежалъ и Лунинъ. Онъ былъ настолько образованъ, настолько проникнутъ любовью къ свободѣ, что рѣчь Александра I уже не могла содѣйствовать развитію его политическаго міросозерцанія. Но онъ имѣлъ полное право сказать въ своемъ позднѣйшемъ разборѣ донесенія слѣдственной коммиссіи: «Право (Тайнаго) Союза» (въ его стремленіяхъ къ введенію конституціоннаго правленія) «было связано» (кромѣ потребностей въ немъ общества) «съ желаніемъ власти, всякое оффиціальное выраженіе котораго имѣетъ силу закона при самодержавномъ правленіи» [1]).

Приведя слова Александра I въ рѣчи на варшавскомъ сеймѣ, Лунинъ продолжаетъ: «Это изреченіе главы націи, провозглашенное предъ лицомъ всей Европы, придаетъ законность трудамъ Тайнаго Общества и утверждаетъ его права на незыблемомъ основаніи. Оно предупредило только государя въ его великодушныхъ намѣреніяхъ, взявъ на себя иниціативу въ дѣлѣ соціальнаго прогресса; впослѣдствіи оно содѣйствовало ихъ осуществленію, вызывая полезныя измѣненія въ законахъ, понятіяхъ, обычаяхъ и нравахъ». Въ своей статьѣ «Взглядъ на Тайное Общество въ Россіи» Лунинъ высказываетъ даже слѣдующую мысль: «Нравственный толчекъ отъ распространенныхъ имъ идей былъ такъ силенъ, что имп. Александръ счелъ нужнымъ обѣщать, что даруетъ конституцію русскимъ, какъ скоро они будутъ въ состояніи оцѣнить ея пользу». Тутъ есть значительное преувеличеніе. До 1818 г. существовалъ Союзъ Спасенія, весьма немногочисленный и недостаточно вліятельный, чтобы быть причиною либеральнаго обѣта имп. Александра относительно Россіи въ его варшавской рѣчи. «Тайное Общество», говоритъ далѣе Лунинъ, «встрѣтило это обѣщаніе съ любовью и довѣріемъ, которыхъ заслуживалъ высокій санъ того, кто его далъ. Это былъ политическій залогъ; освѣщая цѣли общества, онъ придалъ ему новое рвеніе. Оно собрало и устремило всѣ силы, чтобы данное обѣщаніе сдѣлать независимымъ отъ временной воли лица, и научило націю понять, оцѣнить благо свободы

[1]) Въ англійскомъ подлинникѣ: „It relied equally upon the wish of the Power, whose every official expression has force of law under autocrasy. Арх. Деп. Полиціи, дѣло о Лунинѣ въ дѣлахъ III отдѣленія, № 61, ч. 61.

и быть ея достойною. Важность его подвига такова, что стремленія общества, даже по его прекращеніи, встрѣчаются въ каждой правительственной мѣрѣ, внутри каждаго замѣтнаго событія послѣднихъ лѣтъ». Дѣйствительно, мы видѣли, что послѣ своего ареста, члены Тайнаго Общества сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы въ своихъ показаніяхъ объяснить настоятельныя нужды Россіи имп. Николаю, котораго Александръ I такъ мало подготовилъ къ тому, чтобы достойно исполнять обязанности главы государства; нѣкоторые декабристы (Штейнгель, Н. Тургеневъ) ранѣе, въ запискахъ по отдѣльнымъ вопросамъ, пытались научить Александра I тому, что слѣдуетъ дѣлать. Не вина декабристовъ, если онъ не слѣдовалъ ихъ совѣтамъ.

Пестель воспользовался рѣчью Александра I въ цѣляхъ пропаганды: онъ увѣрялъ, что «воля монарха» стремится къ развитію конституціонныхъ идей въ русскомъ юношествѣ и въ войскахъ, и указывалъ на рѣчь въ Варшавѣ, «какъ на современную мысль его, которую надобно намъ самимъ стараться постигнуть и усовершать, до времени тайно, чтобы сдѣлаться достойными къ принятію и къ разумѣнію приготовляемаго новаго правительствованія». Въ этой неуклюжей передачѣ членомъ Союза Благоденствія Комаровымъ словъ Пестеля все же ясно его желаніе связать свою пропаганду съ рѣчью имп. Александра. Какое сильное вліяніе могла она оказывать на умы молодыхъ людей, видно изъ записокъ кн. С. Г. Волконскаго, нѣсколько позднѣе сдѣлавшагося членомъ Тайнаго Общества. Когда во время стоянки въ Сумахъ до него дошла варшавская рѣчь Александра I, слова государя «о намѣреніи распространить и въ Россіи вводимый имъ конституціонный порядокъ управленія», говоритъ Волконскій, «сильное произвели впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ... по желанію моему, чтобъ отечество выдвинулось изъ грязной колеи внутренняго своего быта. Съ этой поры моей жизни думы мои приняли другое направленіе». Нужно замѣтить, впрочемъ, что пребываніе кн. Волконскаго за границею, какъ мы видѣли, хорошо подготовило его къ воспріятію конституціонныхъ идей. Любопытно, что даже М. Ѳ. Орловъ, несочувственно отнесшійся къ сохраненію въ Польшѣ конституціоннаго строя, такъ какъ его не имѣла Россія, еще до вступленія своего въ Союзъ Благоденствія, горячо одобрялъ рѣчь Александра I. «Во время моего пребыванія въ Кіевѣ начальникомъ штаба 4-го корпуса», говоритъ онъ въ своемъ обширномъ показаніи, «я болѣе, нежели когда-нибудь, былъ приверженъ свободнымъ мыслямъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь покойнаго государя на первомъ сеймѣ польскомъ возбудила во мнѣ рвеніе и упованіе. Я тогда въ полномъ смыслѣ слѣдовалъ правилу его императорскаго величества: ненавидѣлъ преступленія и любилъ правила французской революціи [1]). Сей духъ свободомыслія, управляющій всею

[1]) Орловъ повторилъ слова Александра I и по-французски, какъ они были

моею перепискою и всѣми моими рѣчами, поддерживалъ довѣренность общества, къ которому я еще не принадлежалъ». Нужно замѣтить, что нѣкоторые русскіе офицеры могли лично присутствовать при произнесеніи Александромъ I рѣчи въ Варшавѣ въ 1818 г., а также и на засѣданіяхъ сейма. Въ числѣ ихъ былъ декабристъ Лореръ, имѣвшій знакомыхъ и среди членовъ сейма. Описавъ въ своихъ запискахъ торжественное открытіе сейма, Лореръ, у котораго рѣчь Александра I вызвала слезы на глазахъ, продолжаетъ: «Многіе изъ моихъ знакомыхъ и товарищей принимали участіе въ преніяхъ, и я помню въ особенности отличавшагося своимъ краснорѣчіемъ Бонавенту (Бонавентуру) Нѣмоевскаго. Всѣ пренія и рѣчи печатались ежедневно, трактиры наполнены были любопытными, мѣшавшимися съ депутатами всѣхъ уѣздовъ, и всякій хотѣлъ помѣстить и свое словцо въ пользу согражданъ».

Варшавская рѣчь имп. Александра при открытіи польскаго сейма отразилась и на нашей печати, такъ какъ дала возможность затрогивать вопросъ о конституціи. Въ «Вѣстникѣ Европы» (1818 г. ч. 99, стр. 166) были приведены восторженные отзывы объ этой рѣчи одной баварской газеты и брюссельской газеты «Le vrai Liberal»: въ этой послѣдней было сказано: «Превосходная рѣчь имп. Александра... возбуждаетъ движеніе гнѣва въ ненавистникахъ просвѣщенія и благородства душевнаго: они трепещутъ при одной мысли о томъ, что обладатель 50 милліоновъ съ высоты престола своего вѣщаетъ о *законосвободныхъ мысляхъ и уставахъ*, какъ объ основаніи главныхъ законовъ государства. Можно надѣяться, что примѣру сему будутъ слѣдовать и въ Германіи, гдѣ народъ уже довольно созрѣлъ для подобныхъ уставовъ». — «Сынъ Отечества», издаваемый Н. Гречемъ, напечаталъ статью проф. Куницына «О конституціи». Указавъ на попытку французовъ установить у себя во время революціи республиканскій строй, авторъ утверждаетъ, что «нынѣшнимъ народамъ потребенъ другой родъ свободы», нежели тотъ, какой существовалъ въ Греціи и Римѣ; «жители нынѣшнихъ государствъ, не желая быть сами законодателями, хотятъ только имѣть при лицѣ» государя «представителей», которые «извѣщали» бы его «о нуждахъ общественныхъ» и просили о принятіи мѣръ противъ существующихъ въ обществѣ золъ. Принижая такимъ образомъ значеніе парламента до роли земскаго собора, или даже какого-то коллективнаго челобитчика, Куницынъ задавался, главнымъ образомъ, цѣлью успокоить «опасенія», внушаемыя конституціоннымъ строемъ. Указавъ затѣмъ на конституціонную хартію Людовика XVIII, Куницынъ увѣряетъ, что прошли тѣ времена, когда цари хотѣли царствовать только для себя

сказаны: „Il faut distinguer les crimes des principes de la révolution française".

самихъ». Далѣе онъ приводитъ то мѣсто рѣчи Александра I въ Варшавѣ, гдѣ онъ указывалъ на безопасность и полезность конституціоннаго строя и, утверждая, будто бы «истина проповѣдуется устами владыкъ міра», пытается (хотя бы посредствомъ латинской цитаты) возбудить въ читателяхъ бодрость и надежду [1]).

Въ томъ же году Куницынъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» подробный разборъ рѣчи Уварова въ Педагогическомъ институтѣ. Приведя мысль оратора, что «республиканское правленіе занимаетъ въ исторіи то самое мѣсто, которыя занимаютъ въ жизни прекрасныя мечты юности» и вѣроятно не имѣя возможности опровергнуть ее простымъ указаніемъ на Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты, Куницынъ говоритъ:

При всемъ томъ новѣйшіе народы имѣютъ нужду въ свободномъ употребленіи силъ... Кто же лучше можетъ изъяснить законодателю общественныя нужды, какъ не тѣ лица, которыхъ государственныя чиносостоянія почтили своимъ довѣріемъ? На кого самъ Верховный Властитель можетъ положиться съ большею благонадежностью, какъ не на тѣхъ почтенныхъ старѣйшинъ, которые заслужили любовь и довѣренность народную? Кому лучше можетъ онъ ввѣрить частныя вѣтви управленія, какъ не симъ изъ бранникамъ божіимъ, ибо гласъ народа, ихъ отличившій отъ прочихъ сограждан, есть гласъ божій".

Такимъ образомъ и здѣсь авторъ нѣсколько скрадывалъ законодательную роль собраній народныхъ представителей. Однако, приведя далѣе слова Уварова: «мы, по примѣру Европы, начинаемъ помышлять о свободныхъ понятіяхъ», Куницынъ говоритъ:

„Но мы давно о нихъ помышляли: никогда не были они чужды россійскому народу: вѣче, боярскія думы, третейскій и совѣстный судъ, разбирательство дѣлъ при посредничествѣ присяжныхъ, равныхъ званіемъ подсудимому, были еще въ древности существенными принадлежностями образа правленія въ нашемъ отечествѣ. Въ важныхъ происшествіяхъ государства обыкновенно всѣ сословія принимали участіе и дѣйствовали единодушно. Отраженіе нашествія враговъ, постановленіе общихъ законовъ, избраніе достойнаго поколѣнія для занятія россійскаго престола обыкновенно составляли предметъ совѣщанія и согласнаго рѣшенія всѣхъ государственныхъ чиносостояній. Иностранные народы прежде насъ дали непремѣнныя формы государственному правленію, но не позже ихъ мы о томъ помышляли".

Не имѣя возможности по цензурнымъ причинамъ сказать все, что слѣдовало, по вопросу о введеніи конституціи, авторъ взывалъ къ «прозорливости читателей» [2]).

«Духъ Журналовъ», другое петербургское періодическое изданіе

[1]) „Сынъ Отечества" 1818 г., ч. 45, № 18, стр. 202—211.
[2]) „Сынъ Отечества" 1818 г., ч. 46, № 24, стр. 177—179, 182—184, 189—190.

того времени, напечаталъ въ 1818 г. переводную замѣтку объ отвѣтственности министровъ, статью о «турецкой конституціи», въ которой указывалось, что власть султана ограничивается властью высшаго магометанскаго духовенства, и которая оканчивалась словами: «что значитъ сія мнимая конституція въ сравненіи съ тою, при которой Великобританія благоденствуетъ»? [1]). Въ томъ же году въ «Духѣ Журналовъ» были напечатаны переводы баварскаго «уложенія» и баденскаго «государственнаго уложенія», т. е. конституціи этихъ государствъ (1818 г.). Въ первой книгѣ 1819 г. помѣщена статья подъ названіемъ «Чего требуетъ духъ времени? Чего желаютъ народы?», авторъ которой говоритъ:

„Народы желаютъ *владычества законовъ*! — коренныхъ, неизмѣнныхъ, опредѣляющихъ права и обязанности каждаго, равно обязательныхъ и для властей, и для подвластныхъ, при которыхъ самовластіе мѣста имѣть не можетъ и которыхъ столько же невозможно было бы непровергнуть, какъ и уклониться отъ нихъ... Сами государи восчувствовали необходимость поставить *владычество законовъ* на незыблемомъ основаніи; они сами одинъ передъ другимъ ревнуютъ даровать народамъ своимъ .. *Государственное Уложеніе*! Но *Уложеніе* на бумагѣ есть только мертвая буква: оно такъ же можетъ быть устранено, перетолковано, брошено, какъ тысячи другихъ узаконеній —Чтобъ оно было всегда въ силѣ, для сего необходимо нужно дать ему самостоятельное бытіе и учредить при немъ блюстителей... Природные блюстители онаго суть *народные представители*. Они суть вѣрные охранители его неприкосновенности, преслѣдователи нарушителей его, совѣтники государей и соучастники въ законодательствѣ; безъ нихъ никакой новый законъ не можетъ быть изданъ, никакой налогъ наложенъ, никакое важное предпріятіе предпринято; чрезъ нихъ народъ имѣетъ свой голосъ, который есть тогда поистинѣ *гласъ Божій*; при нихъ личность и собственность каждаго останется неприкосновенною, развѣ по силѣ закона; при нихъ никакое злоупотребленіе власти не укроется, никакое нарушеніе правъ не останется безнаказаннымъ; при нихъ правосудіе недреманно; все тогда дѣлается гласно и передъ очами всѣхъ, ибо правда и доброе дѣло не имѣютъ нужды скрываться въ тайнѣ Такое устройство сильно укрѣпляетъ духъ народный и ускоряетъ преуспѣяніе всего истинно-полезнаго. А что всего важнѣе,—вся машина государственнаго управленія, сообразно потребностямъ времени, легко поправляется и совершенствуется безъ внезапныхъ потрясеній... Вотъ *чего требуетъ духъ времени! чего желаютъ народы!*“ [2]).

Въ этой статьѣ гораздо лучше, чѣмъ въ статьяхъ Куницына, было объяснено значеніе дѣйствительнаго конституціоннаго строя, а не той лживой конституціи, которою иногда пытаются его подмѣнить.

---

[1]) „Духъ Журналовъ“ 1818 г. ч. XXX, 309—310, 387—394.

[2]) „Духъ Журналовъ“ 1819 г., ч. XXXII, январь, стр. 11—14. Въ этомъ же году въ „Духѣ Журналовъ“ были помѣщены статьи: „Польза представительнаго правленія“ (Письмо изъ Брюсселя) и двѣ переводныхъ: „Чего желаютъ, чего ожидаютъ англичане отъ своего парламента“ и „Могущество Англіи“ (ч. XXXIII, стр. 333—342).

Каченовскій, напечатавъ, какъ мы видѣли, въ издаваемомъ имъ въ Москвѣ «Вѣстникѣ Европы» восторженные отзывы двухъ иностранныхъ газетъ о рѣчи государя, помѣстилъ еще въ 1818 г. двѣ статьи, переведенныя съ польскаго. Въ первой изъ нихъ, представляющей извлеченіе изъ отчета Мостовскаго (министра внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго), прочтеннаго въ первомъ общемъ сеймовомъ засѣданіи сената и палаты пословъ и депутатовъ 27 марта (н. с.) 1818 г., описывалось переходное положеніе Польши съ 1813 по 1815 г. и затѣмъ «нынѣшнее состояніе Царства Польскаго», при чемъ отмѣчалось превосходство конституціи 1815 г. сравнительно съ конституціею «княжества», или герцогства Варшавскаго. Въ конституціи 1815 г. подчеркивалось ручательство за свободу книгопечатанія и обезпеченіе личной неприкосновенности, обязанность королей давать присягу въ сохраненіи конституціи, отвѣтственность министровъ, установленіе выбора сенатомъ членовъ регентства, неприкосновенность членовъ сейма во время отправленія ими своихъ обязанностей, право сейма «разсуждать о проектахъ законовъ внутренняго управленія» и «принимать представленія, донесенія, отзывы земскихъ пословъ и депутатовъ.., доводить ихъ до монарха чрезъ посредство государственнаго совѣта и потомъ разсуждать о проектахъ законовъ по поводу» этихъ представленій. «Члены сейма могутъ свободно говорить о нуждахъ народа. Постановленіе о доходахъ и расходахъ государства лишается своей силы по прошествіи четырехъ лѣтъ, если бы сеймъ не былъ созванъ» въ это время. «Конфискація навсегда уничтожена. Коренные статуты, также законы гражданскіе и уголовные могутъ быть измѣняемы или вовсе отмѣняемы не иначе, какъ самимъ государемъ вмѣстѣ съ обѣими палатами сейма» и проч. [1]).

Другая статья, переведенная въ «Вѣстникѣ Европы» съ польскаго (изъ «Дневника Варшавскаго»), трактовала «Объ исполнительной власти въ Англіи» [2]).

Въ «Духѣ Журналовъ» 1820 г. была помѣщена большая статья «Конституція Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ» въ формѣ писемъ изъ Филадельфіи съ подписью Т. С. и переведенное изъ одного нѣмецкаго журнала письмо изъ Парижа «О системѣ представительнаго

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1818 г. ч. 98, апрѣль № 7, стр. 210—222. Рѣчь Мостовскаго переведена была въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1818 г. №№ 79, 80, 82, 85, 89, 94, 98. Польскій текстъ см. Dyariusz seymu Królestwa Polskiego 1818. I. 12—19; франц. пер. *Siarczyński* Diète du royaume de Pologne 1818, p. 18—45. Въ апрѣлѣ 1816 г. министру народнаго просвѣщенія гр. Разумовскому было объявлено повелѣніе государя, чтобы „статьи, помѣщаемыя въ издаваемыхъ здѣсь вѣдомостяхъ и журналахъ относительно Царства Польскаго, были заимствованы единственно изъ варшавскихъ газетъ съ соблюденіемъ точнаго перевода чиновъ, должностей и званій“.

[2]) Ч. 99, май, №№ 9 и 10.

правленія» [1]). Но въ томъ же журналѣ появились «Замѣчанія на «Опытъ теоріи налоговъ» Н. Тургенева, авторъ которыхъ не съ радикальной, а съ консервативной точки зрѣнія указывалъ на недостатки англійскаго политическаго и экономическаго строя и утверждалъ, будто бы «русскіе безъ формы свободы—сыты и довольны» [2]). Но и эта статья не спасла журнала, подвергавшагося многимъ преслѣдованіямъ, и предписано было не продолжать его изданія въ слѣдующемъ 1821 году [3]).

Цензура перестала дозволять статьи, не только въ защиту конституціоннаго строя, но и противъ него. Еще въ предписаніи министра народнаго просвѣщенія 14 мая 1818 г. было сказано, что о всемъ, касающемся правительства, можно писать только по волѣ самого правительства, которому одному извѣстно, что и когда сообщить публикѣ; частнымъ же лицамъ не слѣдуетъ писать о такихъ предметахъ ни за, ни противъ: и то, и другое нерѣдко бываетъ одинаково вредно, давая поводъ къ различнымъ толкамъ и заключеніямъ. На этомъ основаніи въ 1824 г. была запрещена даже рукопись Магницкаго «Нѣчто о конституціяхъ», который, впрочемъ, не объявилъ при представленіи ея своего имени [4]).

По словамъ Бурцева, одного изъ членовъ союзовъ Спасенія и Благоденствія, варшавская рѣчь государя содѣйствовала возбужденію среди офицеровъ интереса къ вопросамъ политическимъ. Онъ указываетъ въ своемъ показаніи на то, что при гвардейскомъ генеральномъ штабѣ начальникомъ его, генераломъ Сипягинымъ, было устроено общество военныхъ наукъ, членомъ котораго Бурцевъ состоялъ съ 1815 по 1819 г. Общество, какъ показываетъ и самое его названіе, имѣло главною цѣлью усовершенствованіе офицеровъ въ спеціально военныхъ знаніяхъ, для чего при немъ была учреждена библіотека; но въ ней, кромѣ военныхъ, находились и другія сочиненія, къ чтенію которыхъ «были приглашаемы всѣ гвардейскіе офицеры». «Общее стремленіе къ снисканію свѣдѣній», говоритъ Бурцевъ, «весьма много было усилено» варшавскою рѣчью государя, въ которой выражено было его «намѣреніе распространить со временемъ и

---

[1]) Кн. 2, 3 и 4.

[2]) 1820 г. кн. 5 и 6.

[3]) *Сухомлиновъ*. Изслѣдованія I, 428—429, 519; „Рус. Стар." 1873 г. № 5, стр. 718—720; *Шильдеръ* IV, 305—306.

[4]) „Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности", М. 1871 г., в. III, 24. Въ 17 и 18 №№ „Духа Журналовъ" 1820 г. найдено было „явное порицаніе монархическаго правленія". Совершенно не понятно, гдѣ тутъ оказалось такое порицаніе; развѣ въ слѣдующихъ словахъ въ статьѣ: „Государственный календарь Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ": „Весьма замѣчательно, какимъ малымъ числомъ людей производятся тамъ всѣ дѣла, для которыхъ въ иныхъ государствахъ потребно цѣлое войско... чиновниковъ. Здѣсь нѣтъ ни двора, ни гвардіи—двѣ важныя статьи, необходимыя въ монархическихъ государствахъ и требующія большихъ расходовъ" (№ 18, стр. 187—188).

на Россію подобное образованіе гражданскаго управленія. Сіе важное явленіе возбудило въ членахъ военнаго общества рвеніе сдѣлаться полезнымъ правительству въ достиженіи цѣли онаго, и для сего надлежало обогатить себя всѣми свѣдѣніями, кои бы могли быть употребленными въ исполненіи общественныхъ обязанностей». Читая между строкъ этого оффиціальнаго показанія человѣка, въ то время уже давно покинувшаго Тайное Общество, мы видимъ, какое возбуждающее дѣйствіе произвела рѣчь Александра I на гвардейскихъ офицеровъ, какъ она усилила интересъ къ вопросамъ политическимъ, для удовлетворенія котораго такъ мало могла сдѣлать наша печать, сжатая въ тискахъ цензуры [1]).

Однако императоръ Александръ не только не исполнилъ своего намѣренія относительно дарованія Россіи конституціи, но и нарушилъ присягу соблюдать конституціонную хартію Польши.

Вопреки постановленію этой хартіи, провозглашающей свободу печати, вмѣсто изданія закона, устанавливающаго отвѣтственность печати въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ это было обѣщано п. 16 конституціи, распоряженіемъ административной власти и безъ разсмотрѣнія этого вопроса сеймомъ, была ограничена свобода печатнаго слова. 22 мая 1819 года было издано слѣдующее предписаніе намѣстника царства Польскаго Заіончка: «Въ виду того, что п. 16 хартіи не могъ быть до сихъ поръ въ достаточной степени выполненъ и что его величество въ отвѣтъ на замѣчанія палатъ [2]), 4 сентября 1818 г. всемилостивѣйше объявилъ свою волю, чтобы злоупотребленія печати были судимы по старымъ законамъ до тѣхъ поръ, пока новымъ закономъ будутъ введены иныя постановленія; желая предупредить всѣ возможныя злоупотребленія, мы постановили и приказываемъ: «1) коммиссія исповѣданій и народнаго просвѣщенія приметъ всѣ мѣры, какія она признаетъ необходимыми для подавленія злоупотребленій прессы, сообразуясь со старыми законами и предписаніями въ герцогствѣ Варшавскомъ; 2) всѣ безъ исключенія журналы и періодическія изданія будутъ впредь подчинены цензурѣ». Разъ вступивъ на эту дорогу, правительство не замедлило и съ другими репрессивными мѣрами относительно печати. Предписаніемъ 16 іюля того же 1819 г. Заіончекъ объявилъ, что второй пунктъ указа 22 мая долженъ примѣняться ко всѣмъ печатнымъ произведеніямъ и ко всѣмъ со-

[1]) „При таковомъ общемъ стремленіи", говоритъ Бурцевъ въ другомъ показаніи, „могло иногда случиться, что невольно вырывались сужденія о дѣлахъ государственныхъ".

[2]) Палата пословъ и депутатовъ замѣтила, что не было принято мѣръ для болѣе точнаго опредѣленія закономъ свободы печати. Императоръ Александръ въ рескриптѣ сонѣту отъ 23 августа (4 сентября) 1818 г. высказалъ желаніе, чтобы на первое время была сохранена цензура, пока опытъ другихъ странъ покажетъ, возможно ли отмѣнить ее, не подавъ повода къ злоупотребленіямъ, вреднымъ для общественнаго спокойствія.

чиненіямъ какого бы то ни было рода, которые будутъ изданы въ королевствѣ, если бы эти изданія и не были періодическими». Въ секретномъ письмѣ Заіончку отъ 1/13 декабря 1819 г. министръ статсъ-секретарь королевства Польскаго писалъ изъ Петербурга: «Если 16 пунктъ хартіи постановляетъ только, что законъ опредѣлитъ мѣры для *подавленія* злоупотребленій прессы, это нисколько не препятствуетъ тому, чтобы тотъ же самый законъ указывалъ мѣры *предупрежденія* этихъ злоупотребленій [1]). Статсъ-секретарь, министръ Царства Польскаго, выражалъ здѣсь, конечно, не свои собственные взгляды, а то, что было повелѣно ему императоромъ Александромъ сообщить въ Варшаву [2]).

Кн. П. А. Вяземскому, жившему въ то время въ Варшавѣ и проникнутому тогда либерализмомъ, былъ ясно видѣнъ поворотъ русскаго правительства въ Царствѣ Польскомъ въ сторону реакціи. 10 мая 1819 г. онъ упоминаетъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу о запечатаніи одной типографіи, 11 іюля того же года сообщаетъ, что преслѣдованіе газетъ не прекратилось. 1 августа Вяземскій подводитъ итогъ своимъ послѣднимъ наблюденіямъ въ Варшавѣ: «Крѣпость конституціи, по силѣ конституціи крѣпчайшей, отбрита порядкомъ, и того и смотри, что совсѣмъ ей лобъ забреютъ». Отсюда нетрудно было сдѣлать выводъ, что нельзя и для Россіи ожидать лучшаго будущаго. Въ ноябрѣ того же года Вяземскій писалъ: «Конституціонныя сѣни въ деспотическихъ казармахъ — уродство въ искусствѣ зодческомъ, и поляки это очень чувствуютъ. Намъ отъ ихъ сѣней не тепло, но имъ отъ нашихъ казармъ очень холодно» [3]).

Въ неизданномъ письмѣ къ М. Ѳ. Орлову (въ мартѣ 1820 г.) Вяземскій говоритъ о полякахъ Царства Польскаго: «Не быть имъ свободными, пока мы будемъ въ цѣпяхъ; не царствовать у нихъ законамъ, пока у насъ Божіею милостью будетъ царствовать самовластіе. Въ этомъ отношеніи еще болѣе, чѣмъ въ прочихъ, желаю имъ успѣховъ на поприщѣ свободы законной. Самъ самовластный императоръ задушитъ царя конституціоннаго... Какъ же намъ надѣяться на перерожденіе этого императора въ государя въ силу закона. Какъ ни морщись, а подай искреннюю руку братства народу, съ коимъ сродство наше уже непреложно; сродство благоденствія или бѣдствій,—одну чашу пить намъ; не станемъ мутить ее другъ другу и подкидывать ядъ».

[1]) Изъ донесеній намѣстника царства Польскаго государю отъ 20 и 27 февраля 1820 г. видно, что правительство считало цензуру недостаточно дѣятельною, и была учреждена особая коммиссія „для изслѣдованія причинъ небреженія", которое она „оказала въ исправленіи своей должности". О мѣрахъ правительства противъ печати въ царствѣ Польскомъ ср. *Askenazy* Łukasiński I, 84—85, 353—355.

[2]) *D'Angeberg*, 740—741.

[3]) „Остафьев. Арх." I, 230, 265, 278, 347. О конфискаціи въ типографіи листовъ дневника сеймовыхъ засѣданій сената 1820 г. см. *Askenazy* Łukasiński, I, 169, 372.

1/13 сентября 1820 г. императоръ Александръ I открылъ въ Варшавѣ второй сеймъ Царства Польскаго. Въ своей рѣчи, несмотря на то, что передъ этимъ свобода печатнаго слова усердно подавлялась правительствомъ, государь заявилъ: «истины одной требую отъ васъ, желаю слышать ее изъ устъ вашихъ. Изъявите ее искренно, но съ спокойствіемъ и добросердечіемъ». Но дѣло не обошлось на этотъ разъ безъ предостереженій и угрозъ.

«Духъ зла», говорилъ Александръ I, «покушается похитить снова бѣдственное владычество и уже парить надъ частью Европы, уже накопляетъ злодѣянія и пагубныя пронестествія.... Безъ сомнѣнія вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, требуетъ, чтобы порядокъ общественный имѣлъ основаніемъ и ручательствомъ законы, его охраняющіе. По сей вѣкъ налагаетъ также на правительство обязанность ограждать сіи самые законы отъ пагубнаго вліянія страстей, всегда безпокойныхъ, всегда слѣпыхъ». Лежащая на мнѣ отвѣтственность мнѣ «предписываетъ не иначе судить о мѣрахъ, подлежащихъ моему разрѣшенію, какъ по истиннымъ ихъ послѣдствіямъ, а не по наименованіямъ, коими духъ сообщничества (l'esprit de parti) ихъ величаетъ или безславитъ; она, наконецъ, обязываетъ меня для предупрежденія самаго возрожденія зла и необходимости прибѣгать къ средствамъ насильственнымъ, истреблять сѣмена разстройства, какъ скоро они окажутся» [1].

Вождь оппозиціи въ сеймѣ, посолъ Калишскаго воеводства Викентій Нѣмоевскій, за смѣлую рѣчь былъ лишенъ возможности участвовать въ засѣданіяхъ сейма: ему запрещено было пребываніе въ Варшавѣ во время присутствія тамъ государя.

Въ рѣчи, которою Александръ I закрылъ сеймъ 1/13 октября 1820 г. онъ выразилъ неудовольствіе его дѣятельностью. «Вопросите вашу совѣсть», сказалъ онъ, обращаясь къ представителямъ Царства Польскаго», «и вы познаете, оказали ли вы Польшѣ въ теченіе разсужденій вашихъ ту пользу, коей она отъ вашего благоразумія ожидала, или, напротивъ, увлеченные обольщеніями, слишкомъ въ наши дни обычайными, и принося на жертву упованія, кои совершила бы предусмотрительная довѣренность, не задержали ли вы въ его успѣхахъ дѣло возстановленія отечества вашего» [2].

[1] Рѣчь Александра I, въ цитированномъ переводѣ кн. Вяземскаго, была напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1820 г. № 80. Н. Тургеневъ, прочтя эту рѣчь, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что въ ней замѣтно „негодованіе на новѣйшія происшествія въ Европѣ. Я думаю“, прибавляетъ онъ, „польскимъ депутатамъ интереснѣе было бы слышать что нибудь о своемъ“.

[2] „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1820 г., № 85. Ср. „Рус. Стар.“ т. XXXIV, 256. Въ рѣчи имп. Александра есть такое мѣсто: „вы воспріяли добро за зло и Польша снова вступила на чреду государствъ“. Эта фраза вызвала слѣдующее замѣчаніе въ дневникѣ Н. Тургенева: „Рѣчь при закрытіи сейма должна понравиться такъ называемымъ русскимъ патріотамъ, но мнѣ кажется государю, даже принявъ конституцію за благодѣяніе, можно было бы не попрекать сдѣ-

Хотя заключительныя слова рѣчи Александра I звучали примирительно, но министрамъ государь еще яснѣе выразилъ свое недовольство сеймомъ. На его адресъ оффиціально онъ не отвѣчалъ, но приказалъ прочесть свой отвѣтъ лишь «мирнымъ и благомыслящимъ». Министры послали императорскій отвѣтъ сеймикамъ воеводства. Большая часть приняла ихъ безъ противорѣчія, только калишскій сеймикъ отказался отвѣчать на заявленіе, которое они признали несогласнымъ съ конституціею. Это не понравилось Александру I, его недовольство усиливалось еще дефицитами въ польскомъ бюджетѣ, и онъ далъ почувствовать, что возможно уничтоженіе конституціи Царства Польскаго. Министръ—государственный секретарь Соболевскій 25 мая 1821 г. писалъ своимъ товарищамъ министрамъ: «Обстоятельства таковы, что... вопросъ идетъ прежде всего о національномъ существованіи Польши и о самыхъ дорогихъ интересахъ поляковъ; дѣло идетъ о томъ, чтобы посредствомъ опыта опредѣлить, можетъ ли Королевство Польское въ нынѣшнемъ своемъ устройствѣ поддерживать собственными средствами тотъ политическій и гражданскій строй, который ему предоставлено создать, или, признавъ свое безсиліе, оно должно просить о введеніи режима, болѣе приноровленнаго къ недостаточности средствъ королевства» [1]).

Еще яснѣе видно отношеніе имп. Александра къ Царству Польскому изъ его разговора съ цес. Константиномъ Павловичемъ при отъѣздѣ послѣ сейма 1820 г. Прощаясь съ братомъ онъ сказалъ ему: «Carte blanche».—«Какъ государь carte blanche? а конституція?»—«Я беру ее на себя; дѣйствуй, не безпокойся о послѣдствіяхъ и carte blanche. Дѣйствуй и carte blanche»,—повторилъ онъ нѣсколько разъ [2]).

Такія нарушенія правительствомъ конституціи, какъ введеніе предварительной цензуры, удаленіе изъ Варшавы посла Нѣмоевскаго и другія, не могли не возбуждать общественнаго недовольства. При новыхъ выборахъ въ Калишѣ былъ вновь избранъ Викентій Нѣмоевскій, но сеймикъ королевскимъ указомъ былъ объявленъ распущеннымъ на неопредѣленное время.

Въ 1824 г. Александръ I носился съ мыслью объ измѣненіи польской конституціи, но тогда еще желалъ, чтобы это сдѣлано было по ходатайству самого сейма. Поэтому онъ собственноручно написалъ проектъ адреса представителей Царства Польскаго; предполагалось, что они

ланнымъ добромъ". Кн. Вяземскій желалъ печатать въ „Сынѣ Отечества" сообщенія о засѣданіяхъ польскаго сейма, но оказалось, что это возможно только съ разрѣшенія государя, и предположеніе это не осуществилось.

[1]) Арх. Госуд. Совѣта, Decyzye Królewskie, 1821. Позднѣе Друцкой-Любецкій, сдѣлавшійся министромъ финансовъ въ 1821 г., привелъ въ порядокъ финансы Царства Польскаго. *Askenazy* Rosya-Polska, 103.

[2]) *Sz. Askenazy* Dwie rozmowy w Belwederze. Biblioteka Warszawska, 1906, t. II, Kwiecień, 18—19.

«зрѣло обдумавъ различныя неудобства, обнаружившіяся въ продолженіи двухъ послѣднихъ сеймовъ», будутъ ходатайствовать о нѣкоторыхъ «благотворныхъ исправленіяхъ въ конституціонной хартіи». Другая собственноручная записка представляетъ проектъ правилъ засѣданій сейма, по которымъ всякій членъ его, остановленный предсѣдателемъ въ трехъ засѣданіяхъ, теряетъ свое званіе и не можетъ быть переизбранъ, если только службою на какомъ-либо административномъ мѣстѣ не докажетъ своего усердія и раскаянія и не получитъ отъ правительства разрѣшенія выставить свою кандидатуру во время выборовъ [1]).

4 іюня 1824 г. злой геній Польши, Новосильцовъ, представилъ государю два доклада объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей хартіи королевства: объ отмѣнѣ публичности засѣданій сейма и запрещеніи печатать рѣчи, произносимыя въ немъ. Новосильцовъ утверждалъ, будто бы неудобства открытыхъ засѣданій ясно обнаружились на предшествовавшемъ сеймѣ: ораторы предаются пустымъ разглагольствованіямъ, ища популярности, и уклоняются отъ дѣла, а печатаніе рѣчей производитъ часто вредное впечатлѣніе, и потому предлагалъ въ протоколахъ засѣданій сейма и его отчетахъ ограничиться изложеніемъ только результатовъ преній, не излагая содержанія рѣчей и даже не упоминая именъ ораторовъ. По мнѣнію Новосильцова оба эти измѣненія хартіи вовсе не касаются, будто бы, ея сущности: это только правила о порядкѣ засѣданія сейма, которыя могли бы быть и даже должны были быть опущены при составленіи хартіи и могутъ быть измѣнены по усмотрѣнію государя, не спрашивая на то согласія сейма [2]).

Очевидно подъ вліяніемъ доклада Новосильцова состоялся указъ Александра I отъ 3 февраля 1825 г., такъ какъ въ немъ указывался тотъ же мотивъ. «Имѣя въ виду, что публичность преній въ двухъ палатахъ, давая оратору возможность болѣе пріобрѣтать кратковременной популярности, чѣмъ постоянно заботиться объ общественномъ благѣ, превратило эти пренія въ суетныя декламаціи, способныя нарушить желательное единеніе (жителей всѣхъ классовъ) и изгнало спокойствіе и достоинство, которыя должны господствовать во всѣхъ серьезныхъ совѣщаніяхъ, государь рѣшилъ внести въ конституціонную хартію слѣдующій добавочный пунктъ: «Засѣданія при закрытіи и открытіи сейма, а также и тѣ, въ которыхъ обнародываются утвержденные королемъ проекты законовъ, остаются попрежнему публичными и сопровождаются обычными торжествами. Выборы же членовъ коммиссій, а также совѣ-

---

[1]) „Русская Старина", 1882 г. т. XXXIV, 256—258; *Askenazy* Lukasiński, I, 178.

[2]) *П. Майковъ.* „Царство Польское послѣ вѣнскаго конгресса". „Русская Старина" 1904 г. № 12, стр. 623.

щанія и пренія всякаго рода будутъ всегда происходить въ закрытыхъ засѣданіяхъ» [1]).

Въ то же время министръ статсъ-секретарь Грабовскій сообщилъ намѣстнику Царства Польскаго, что нѣтъ никакой необходимости, чтобы по закрытіи сейма въ протоколахъ его засѣданій упоминались имена сенаторовъ, пословъ и депутатовъ, произносившихъ рѣчи въ засѣданіяхъ и приводились самыя рѣчи, такъ какъ этотъ порядокъ лишь поддерживаетъ внутреннее разногласіе между обывателями. Поэтому государь повелѣлъ, чтобы на будущее время въ печатныхъ протоколахъ засѣданій сейма, излагались только результаты обсужденія и сообщалось число голосовъ, которымъ тотъ или другой законопроектъ былъ принятъ или отвергнутъ палатами [2]).

1/13 мая 1825 г. сеймъ былъ открытъ государемъ.

Рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ и обширный отчетъ за 4 года по управленію краемъ вызвали замѣчанія со стороны обѣихъ палатъ. Сенатъ между прочимъ коснулся цензуры и замѣтилъ, что никогда не печаталось такъ мало книгъ на польскомъ языкѣ. Палата пословъ указала на то, что бывали случаи смѣщенія судей, которые по закону пользуются правомъ несмѣняемости [3]), и что граждане подвергаются лишенію свободы по произволу администраціи, вопреки 18—22 статей хартіи. Палата пословъ рѣзко высказалась противъ ограниченія печати и существованія цензуры, установленной вопреки конституціи декретами намѣстника, который сперва возложилъ цензуру на коммиссію исповѣданій и народнаго просвѣщенія, а позднѣе на одного изъ ея членовъ и такимъ образомъ предоставилъ ее полному усмотрѣнію этого лица и его помощника. Палата просила государя ограничить дѣятельность цензуры положительнымъ закономъ, а до его изданія предоставить каждому недовольному ея мѣрами приносить жалобы въ особый комитетъ изъ ученыхъ и членовъ сената.

Но всѣ эти замѣчанія (и многія другія) были препровождены на усмотрѣніе государя въ Петербургъ уже послѣ закрытія сейма, а всѣ проекты законовъ, предложенные правительствомъ, были приняты сеймомъ. Поэтому государь былъ доволенъ тогда его дѣятельностью, что и выразилъ въ своей рѣчи при закрытіи сейма 1/13 іюня 1825 г. [4]). Подъ вліяніемъ этихъ благопріятныхъ впечатлѣній Александръ I вновь сталъ говорить цес. Константину Павловичу, его женѣ и многимъ ли-

[1]) *D'Angeberg.* Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne 1762—1862. P. 1862, p. 747—748.

[2]) „Рус. Стар." 1904 г. № 12, стр. 624.

[3]) Къ такому нарушенію конституціи Новосильцовъ подстрекалъ имп. Александра I еще въ 1821 году.

[4]) *D'Angeberg* 750—751, *Богдановичъ* VI, 191—192; „Рус. Стар." 1904 г. № 12, стр. 627—634, 635—636.

цамъ о своемъ неизмѣнномъ намѣреніи присоединить къ Царству Польскому западныя губерніи Россіи [1]).

Однако сравнительно спокойное настроеніе сейма было достигнуто искусственными мѣрами. Непріятный государю калишскій посолъ Викентій Нѣмоевскій, пытавшійся явиться на сеймъ, былъ задержанъ у воротъ Варшавы и съ жандармами отвезенъ въ свое имѣніе [2]).

Все это показываетъ, что имп. Александръ I не стѣснялся нарушать конституцію Царства Польскаго. Это было конечно извѣстно декабристамъ: не даромъ членъ Сѣвернаго Тайнаго Общества, бар. Розенъ, упоминаетъ о томъ, что государь «сталъ умалять льготы, данныя Польшѣ» [3]).

[1]) *Шильдеръ* IV, 334.

[2]) Выраженіе позднѣйшаго недовольства государя, быть можетъ, подъ вліяніемъ ознакомленія съ замѣчаніями сейма на представленный ему отчетъ, слѣдуетъ видѣть въ письмѣ министра статсъ-секретаря Грабовскаго къ намѣстнику. „Рус. Стар." 1904 г. № 12, стр. 634—635.

[3]) Талантливую картину дѣятельности администраціи въ Царствѣ Польскомъ, блестящія характеристики цес. Константина Павловича и Новосильцова, многіе факты нарушенія свободы личности, примѣры провокаціи и проч. можно найти въ книгѣ проф. *Sz. Askenazy.* Łukasiński 1908, t. I и II. Планъ моей книги не позволяетъ мнѣ излагать все это.

ГЛАВА III.

Декабристы-масоны.

I.

Всѣ указанныя мною, какъ отрицательныя, такъ и положительныя вліянія содѣйствовали возникновенію и развитію либеральныхъ идей въ Россіи, которыя были распространены, конечно, не среди однихъ членовъ общества. Послѣдніе, впрочемъ, иной разъ увлекались, представляя себѣ распространеніе этихъ идей гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Такъ, напр., Н. А. Бестужевъ въ своемъ показаніи говоритъ: «едва ли не треть русскаго дворянства мыслила подобно намъ, хотя была насъ осторожнѣе». Каховскому процентъ либераловъ и радикаловъ среди молодежи представлялся еще болѣе значительнымъ. Въ письмѣ изъ крѣпости онъ говоритъ: «Я съ немногими членами Тайнаго Общества былъ знакомъ и вообще думаю, число ихъ не велико. Но изъ большого числа моихъ знакомыхъ, не принадлежащихъ никакимъ Тайнымъ Обществамъ, очень немногіе были противнаго со мною мнѣнія. Смѣло говорю, что изъ тысячи молодыхъ людей не найдется ста человѣкъ, которые бы не пылали страстью къ свободѣ».

Послѣ рѣчи государя въ Варшавѣ въ 1818 г. весьма многіе ожидали введенія конституціоннаго строя и въ Россіи. Тургеневъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ 3 апрѣля 1820 г. любопытный фактъ: «На сихъ дняхъ собрали сенаторовъ для объявленія манифеста о разводѣ цесаревича Константина Павловича [1]). Сенаторы, не зная, зачѣмъ ихъ собираютъ, искали причинъ. Иные полагали,—*что манифестъ о конституціи*, иные—о вольности крестьянъ. Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!» прибавляетъ Тургеневъ, очевидно, по адресу послѣднихъ [2]). Завали-

---

[1]) Манифестъ этотъ появился 20 марта. П. С. З. XXXVII, № 28.208.

[2]) Въ декабрѣ того же года Тургеневъ отмѣчаетъ въ дневникѣ свой разговоръ съ гр. Потоцкимъ по поводу книги Гизо: „Сегодня при завтракѣ совѣтскомъ гр. Потоцкій говорилъ мнѣ о книгѣ Guizot; хвалилъ въ особенности одно мѣсто, гдѣ G. говоритъ: „Народы имѣютъ чувство, влекущее ихъ къ лучшему. Они увѣрены, что требованія ихъ справедливы; этого недовольно; они

шинъ утверждаетъ, что «либеральныя мнѣнія, въ общемъ, были очень распространены даже въ начальственныхъ сферахъ», гдѣ не боялись приближать къ себѣ нѣкоторыхъ людей, слывшихъ либералами. Что же касается общественныхъ теченій, то, по словамъ Завалишина, нѣкоторые «мечтали о слишкомъ утопическихъ средствахъ государственнаго устройства, даже вродѣ фенелоновыхъ порядковъ всеобщаго братства» [1]).

Зарожденіе политическаго либерализма въ массѣ молодежи военной, университетской и иной естественно вызывало желаніе попытаться выступить на борьбу съ безобразнымъ политическимъ и соціальнымъ строемъ. Но вести эту борьбу въ печати, при существованіи строжайшей предварительной цензуры, было дѣло совершенно невозможное, не говоря уже о томъ, что не всякій способенъ къ литературному труду. Наконецъ, однихъ литературныхъ вліяній было недостаточно для преобразованія государственнаго строя: опытъ Западной Европы показалъ, что для завоеванія политической свободы нужна активная борьба со старымъ порядкомъ. Невозможность открыто выяснять общественныя задачи и способы борьбы съ существующимъ зломъ естественно вызывала потребность въ негласныхъ собраніяхъ. Одну изъ такихъ готовыхъ формъ, унаслѣдованныхъ отъ XVIII вѣка, представляли масонскія ложи, и многіе изъ декабристовъ прошли эту школу, но скоро почувствовали себя слишкомъ стѣсненными условными формами и задачами нашего масонства почти исключительно нравственнаго и благотворительнаго характера [2]).

Вліяніе масонства сказалось особенно сильно при устройствѣ перваго тайнаго общества въ Россіи съ серьезными политическими задачами—Союза Спасенія.

Въ ложѣ Соединенныхъ Друзей (Amis Réunis), основанной въ

знаютъ, что они имѣютъ право дѣлать сіи требованія. Этого не довольно. Они видятъ, что они имѣютъ и силу произвести свои требованія въ исполненіе. И такъ чувство, справедливость, право и сила соединены вмѣстѣ". Это мѣсто представляетъ не совсѣмъ точную передачу на память изъ книги Гизо „Du gouvernement de la France depuis la restauration et du ministère actuel". P. 1820. p. 266. Затѣмъ Тургеневъ продолжаетъ: „Гр. Потоцкій говоритъ: „двѣ стороны спорятъ теперь между собой: старый свѣтъ и новый. Долженъ ли старый уступить что-нибудь новому? Правительства, кажется, хорошо сдѣлали (бы), если бы согласились на какія-нибудь уступки. Народы много бы выиграли. Правительства ничего бы не потеряли. Но если сіи послѣднія будутъ съ упорствомъ противиться, то не приближаетъ ли это рѣшительную схватку, рѣшительный толчокъ"...

[1]) Записки Завалишина I, 305, 184. Ср. о соціальныхъ взглядахъ Фенелона книгу *Lichtenberger* „Le socialisme au XVIII siècle". P. 1895, p. 41—43.

[2]) О масонствѣ въ Россіи при Екатеринѣ II и Александрѣ I и запрещеніи масонскихъ ложъ см. въ моей статьѣ „Декабристы—масоны", гл. I—VI, въ „Минувшихъ Годахъ" 1908 г. №№ 2 и 3 и указанную въ ней литературу о русскомъ масонствѣ. Въ настоящую книгу включена только вторая часть этой статьи (главы VII—XIII).

1802 г. по французской системѣ, вывезенной изъ Франціи Жеребцовымъ, участвовали въ 1816 г. гвардейскіе офицеры: П. И. Пестель, гусаръ П. Я. Чаадаевъ въ 1817—18 г. въ степени мастера, принадлежавшій впослѣдствіи къ Союзу Благоденствія, А. С. Грибоѣдовъ, также гусаръ, близкій со многими членами тайнаго общества (но, повидимому, не бывшій его членомъ), въ 1817—18 г. въ степени товарища, а вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ ложи былъ генералъ-майоръ Александръ Бенкендорфъ, представившій въ 1821 г. Александру I доносъ Грибовскаго на тайное общество. Въ этой ложѣ участвовали также декабристы кн. Шаховской и Мих. Митьковъ [1]).

Пестель въ своемъ первомъ показаніи въ Тульчинѣ говоритъ: «Въ началѣ 1812 г. вступилъ я въ масонство и принадлежалъ къ ложѣ въ Петербургѣ подъ названіемъ Amis Réunis. 6 Февраля 1817 г. перешелъ онъ въ ложу Трехъ Добродѣтелей [2]), «потому что въ оной употреблялся русскій языкъ, а въ первой—французскій». Однако въ томъ же 1817 г. Пестель «оставилъ совсѣмъ масонство и съ тѣхъ поръ никогда уже съ онымъ никакихъ сношеній не имѣлъ. Засѣданія происходили въ Петербургѣ въ особомъ домѣ. обществомъ масонскимъ занимавшемся» [3]).

Въ 1816 г. было положено основаніе Союзу Спасенія, который окончательно организовался въ началѣ слѣдующаго года. Шестью учредителями его были: Александръ Ник. и Никита Мих. Муравьевы, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы-Апостолы, кн. С. П. Трубецкой и П. Д. Якушкинъ. Затѣмъ къ нимъ присоединились П. И. Пестель, кн. П. П. Л-

---

[1]) Военно-ученый Архивъ Отд. I, № 608 а).

[2]) Въ первый разъ, въ качествѣ гостя, онъ появился въ ней 7 дек. 1816 г. *Т. О. Соколовская.* „Ложа Трехъ Добродѣтелей и ея члены декабристы". „Рус. Арх." 1908 г. № 10.

[3]) *И. И. Павловъ-Сильванскій.* „Декабристъ Пестель предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ", стр. 125. Пестель былъ присоединенъ къ 3-й степени членовъ ложи Трехъ Добродѣтелей. Въ Государственномъ Архивѣ хранятся три масонскихъ рукописи, найденныя въ бумагахъ Пестеля: Loix, Prérogatives et Privilèges des Maitres Ecossais, La Maitrise Ecossaise и Quatrième grade. Часть первой изъ нихъ напечатана въ переводѣ Т. О. Соколовскою въ журналѣ „Море" 1907 г. №№ 25 и 26. Въ архивѣ хранятся также дипломы Пестеля на французскомъ языкѣ изъ ложи Amis Réunis (1 марта 1812 г.) и другой на латинскомъ языкѣ, данный ложею Сфинкса (12 февраля 1817 г.), а также масонскіе знаки. По поводу сохраненія имъ этихъ послѣднихъ Пестель показалъ: „Въ запретительномъ повелѣніи верховной власти о существованіи масонства не читалъ я приказанія истребить знаки и патенты масонскіе. Впрочемъ, остались сіи вещи у меня безъ истребленія по забвенію о нихъ. Онѣ валялись въ числѣ прочихъ вещей; я на нихъ смотрѣлъ, какъ на игрушки прежнихъ лѣтъ, и никакой въ нихъ не видѣлъ ни цѣны, ни важности". И. Новосильцовъ въ донесеніи цес. Константину Павловичу въ 1828 г. совѣтовалъ повсемѣстно въ Россіи отобрать „масонскіе вещи, знаки и снаряды". Архивъ Главн. воен.-судн. Управ., дѣло 2 отд. ауд. департ. о майорѣ Королевскомъ, св. I, л. 25—26.

пухинъ, кн. Ѳ. П. Шаховской, Ник. Мих. Новиковъ, О. Н. Глинка [1]), кн. Илья А. Долгорукій, М. А. Фонъ-Визинъ, И. Шиповъ и нѣкоторые другіе [2]). По показанію Лунина, онъ присоединился къ Союзу Спасенія въ Москвѣ въ 1817 году, по возвращеніи изъ-за границы. Точное установленіе всего личнаго состава Союза Спасенія затруднительно, вслѣдствіе того, что многіе декабристы во время слѣдствія умышленно не отличали въ своихъ показаніяхъ Союза Спасенія отъ Союза Благоденствія [3]).

Кромѣ Пестеля, еще 9 членовъ Союза Спасенія были членами ложи Трехъ Добродѣтелей, основанной 26 ноября 1815 г., приступившей къ работѣ 11 января 1816 г. и состоявшей въ союзѣ Великой Провинціальной ложи.

Александръ Николаевичъ Муравьевъ былъ ревностнымъ масономъ еще до похода 1812 года, чѣмъ и вызывалъ насмѣшки и издѣвательства своего брата Николая [4]). Въ 1814 г. онъ былъ принятъ во Франціи въ Мелюнѣ въ шотландскій орденъ Гередона (съ высшими степенями) въ 7-ю степень [5]); въ Россіи уже въ 1816 г. былъ членомъ ложи Трехъ Добродѣтелей. 17 апрѣля 1817 г. былъ избранъ въ ней во вторые надзиратели; съ 14 іюня 1817 г. по августъ 1818 г. былъ намѣстнымъ мастеромъ; затѣмъ показанъ находящимся въ Москвѣ. На слѣдствіи онъ заявилъ: «въ Москвѣ я ложи не держалъ».

М. И. Муравьевъ-Апостолъ былъ принятъ въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, повышенъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей во вторую и третью степени 26 декабря 1816 г. и 11 января 1817 г., затѣмъ числился отсутствующимъ и 5 марта 1820 г. былъ оповѣщенъ объ его исключеніи изъ числа членовъ.

---

[1]) Глинка былъ введенъ въ Союзъ Спасенія Новиковымъ, который познакомился съ нимъ въ 1816 г. въ ложѣ Избраннаго Михаила.

[2]) Записки И. Д. Якушкина, Москва. 1905 г. стр. 6—7, 9; ср. „Записки кн. С. П. Трубецкого". Спб. 1907 г. стр. 12; Г. А. I В. № 82, л. 14. Трубецкой называетъ членомъ Союза Спасенія и Илью Бибикова, а если вѣрить показанію послѣдняго, онъ былъ лишь членомъ Союза Благоденствія. Гос. Арх. I В. № 332 а), л. 62.

[3]) И. Шиповъ говоритъ, что онъ былъ принятъ Пестелемъ въ Союзъ Благоденствія въ 1816 году, тогда какъ въ это время существовалъ лишь Союзъ Спасенія. Г. А. I. В. № 231, л. 7. Изъ записокъ его брата С. П. Шипова видно, что И. П. Шиповъ былъ членомъ Союза Спасенія. „Рус. Арх." 1878 г. т. II, 153. Ѳ. П. Глинка также умышленно смѣшиваетъ оба эти союза въ своихъ показаніяхъ.

[4]) См. разсказъ объ этомъ въ запискахъ Н. Н. Муравьева. „Русск. Арх." 1885 г., т. III, 27.

[5]) См. объ этой системѣ *Findel.* Geschichte der Freimaurerei. 2 Aufl. 1866 г. S. 475—479, 494 (есть русскій переводъ этой книги); *Clavel*, 65. На основаніи этого 17 марта 1817 г. капитулъ Феникса постановилъ утвердить его въ шестой степени; 22 марта того же года онъ былъ присоединенъ къ ложѣ Александра Златого Льва. Масонскіе матеріалы А. Н. Пыпина, хранящ. въ Слав. Отдѣл. Библ. Академіи Наукъ, за сообщеніе которыхъ приношу глубокую признательность дочери А. Н. Пыпина, В. А. Ляцкой и Е. А. Ляцкому. А. Н. Муравьевъ былъ также членомъ ложи Елизаветы къ Добродѣтели. Ibid.

С. П. Муравьевъ-Апостолъ принятъ 2 января 1817 г. въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей въ ученики, повышенъ во 2-ю (товарища) и 3-ю степень (мастера) 24 апрѣля и 10 іюня 1817 г. 14 іюня того же года былъ избранъ въ обрядоначальники этой ложи и 22 декабря 1818 г. «закрылъ работы», т. е. вышелъ изъ ложи.

Никита Михайловичъ Муравьевъ принятъ 30 января 1817 г. въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во 2-ю и 3-ю степени 27 февраля и 12 апрѣля 1817 г.; съ 14 іюня 1817 г. былъ риторомъ этой ложи и 22 ноября 1817 г. закрылъ работы.

Кн. С. П. Трубецкой принятъ 25 января 1816 г. въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, повышенъ во вторую степень товарища 4 января 1817 г. и въ третью мастера 8 февраля того же года: былъ въ этой ложѣ намѣстнымъ мастеромъ съ 19 августа 1818 г. до 28 апрѣля 1819 г. и состоялъ въ ней почетнымъ членомъ. Во время слѣдствія по дѣлу декабристовъ Трубецкой почему-то утверждалъ, что онъ никогда не былъ масономъ [1]).

Кн. Илья Андр. Долгорукій принятъ былъ въ 1814 г. въ ложѣ Соединенныхъ Друзей; съ 11 января 1816 г. до 17 апрѣля 1817 г. былъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей сначала секретаремъ, потомъ вторымъ стуартомъ и вторымъ надзирателемъ; «закрылъ работы» 22 ноября 1818 г.

Членомъ ложи Трехъ Добродѣтелей былъ въ 1817 г. и кн. Ѳ. П. Шаховской, затѣмъ долго былъ отсутствующимъ и 5 марта 1820 г. было оповѣщено объ его исключеніи изъ числа членовъ [2]).

Кн. Пав. Петр. Лопухинъ, сынъ члена государственнаго совѣта Петра Васильевича, былъ сначала надзирателемъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей, а затѣмъ управлялъ ею [3]).

Однимъ изъ учредителей ея былъ и кн. С. Г. Волконскій (см. ниже).

Такимъ образомъ въ 1817 г., годъ составленія устава Союза Спасенія, 9 членовъ его несомнѣнно были въ то же время членами масонской ложи Трехъ Добродѣтелей. Новиковъ и Ѳ. Глинка были также масонами, а именно членами ложи Избраннаго Михаила, названной такъ въ память избранія Михаила Романова [4]).

М. А. Фонъ-Визинъ въ 1820 г. числился отсутствующимъ членомъ московской ложи Александра къ Тройственному Благословенію.

Александръ Ник. Муравьевъ первоначально желалъ воспользоваться масонскою ложею для прикрытія политическихъ цѣлей Союза Спасенія. По показанію Трубецкого, А. Н. Муравьевъ доказывалъ, что тайное «общество только и можетъ существовать посредствомъ ложи». Во время слѣдствія Муравьевъ заявилъ: «Хотя я и не былъ начальни-

---

[1]) *Довнаръ-Запольскій.* „Мемуары декабристовъ", 74. О томъ, что кн. Трубецкой былъ членомъ ложи Трехъ Добродѣтелей, видно и изъ показанія М. Н. Муравьева-Апостола. Г. А. I, В, № 397, л. 117.

[2]) *Пыпинъ.* „Мат. для исторіи масон. ложъ". „Вѣстн. Евр." 1872 г. № 2, стр. 601—602, ст. *Соколовской* въ „Рус. Арх." 1908 г., № 10.

[3]) Дѣло Арх. Канц. Военн. Мин. св. 25, по описи № 16, списки масоновъ л. 6, № 94.

[4]) Госуд. Арх. I, В. № 82, л. 14. Въ 1817—18 гг. Новиковъ значился отсутствующимъ членомъ.

комъ ложи Трехъ Добродѣтелей» (какъ показывалъ Трубецкой), «а былъ онымъ кн. Лопухинъ, я же былъ вторымъ по немъ въ ложѣ сей, но сознаюсь, что имѣлъ... намѣреніе подъ покровомъ сей масонской ложи обезопасить членовъ общества, почему и старался привлечь въ нее членовъ... Сіе происходило въ Петербургѣ прежде выступленія гвардейскаго отряда въ Москву» [1]).

Кн. С. П. Трубецкой въ своемъ показаніи о Союзѣ Спасенія говоритъ: «Тогда масонство было въ большомъ ходу. Александръ Муравьевъ, бывшій тогда молодымъ человѣкомъ съ пламеннымъ воображеніемъ, пылкою душой, видѣлъ въ немъ какое-то совершенство ума человѣческаго» и «предлагалъ вступить всѣмъ въ масоны, но... его предложеніе не было принято». Однако значительная часть членовъ Союза Спасенія были масонами, и масонство оказало сильное вліяніе при составленіи устава этого союза. По показанію самого Трубецкого, уставъ требовалъ при принятіи членовъ и повышеніи ихъ въ каждую высшую степень нѣкоторыхъ обрядовъ, заимствованныхъ изъ масонскихъ ложъ. Никита Муравьевъ въ своемъ показаніи сообщаетъ: «обряды пріема должны были быть торжественные. Вступающій давалъ клятву сохранить въ тайнѣ все, что ему скажутъ», хотя бы это и не было «согласно съ его мнѣніемъ; по вступленіи онъ давалъ другую клятву. Каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою клятву». Трубецкой показалъ, что никакихъ обрядовъ во время собраній опредѣлено не было, въ запискахъ же своихъ говоритъ нѣсколько иначе: Пестель «имѣлъ пристрастіе къ формамъ масонскимъ» и хотѣлъ, чтобы нѣкоторыя, «имъ подобныя, были введены для торжественности». Масонскія формы, опредѣленныя статутомъ относительно засѣданій, а также и для принятія членовъ, «затрудняли дѣйствія общества и вводили какую-то таинственность», которая противорѣчила характеру большей части членовъ. Къ сожалѣнію, уставъ Союза Спасенія не сохранился, а онъ могъ бы много содѣйствовать выясненію связи масонскихъ ложъ съ тайными обществами. Извѣстно, однако, что этотъ уставъ заключалъ въ себѣ угрозы

[1]) Гвардейскій отрядъ былъ отправленъ въ Москву (по случаю поѣздки туда государя) въ августѣ 1817 г. Ср. свидѣтельство о томъ же въ показаніи М. И. Муравьева-Апостола. „Александръ Муравьевъ *въ 1817 году* хотѣлъ, чтобы общество, которое онъ составилъ, дѣйствовало черезъ масонскую ложу, почему и была основана ложа Трехъ Добродѣтелей (послѣднее не точно, такъ какъ ложа эта основана была въ ноябрѣ 1815 г., а 9 членовъ Союза Спасенія вступили въ нее въ 1816 или въ 1817 году). „Но онъ оставилъ скоро сію мысль, потому что все время засѣданія ложи занято масонскими работами и что всякій масонъ имѣетъ право пріѣхать въ ложу. Князь Лопухинъ, Александръ Муравьевъ, кн. Долгорукій, кн. Трубецкой, кн. Ѳ. Шаховской, Никита Муравьевъ, братъ мой и я принадлежали къ сей ложѣ. Это самое заставило меня вспомнить, что кн. Ѳ. Шаховской принадлежалъ обществу прежде, нежели гвардейскій отрядъ пришелъ въ Москву". Г. А. І. В № 397, л. 117 об.

за измѣну и разглашеніе тайны, заимствованныя изъ масонскихъ статутовъ. Нѣкоторые члены Союза, какъ, напримѣръ, Якушкинъ, отрицательно относившійся къ масонству, энергично возставали противъ клятвъ и слѣпого повиновенія, которыхъ уставъ требовалъ отъ членовъ первыхъ степеней Союза Спасенія относительно членовъ высшей степени—бояръ [1]). А. Н. Муравьевъ привлекъ къ обществу своего брата Михаила, Бурцева и Петра Колошина, но они согласились остаться въ немъ не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы «уставъ, проповѣдующій насиліе и основанный на клятвахъ, былъ отмѣненъ».

Членъ Военнаго Общества, основаннаго въ 1817 году и предшествовавшаго Союзу Благоденствія, а также и этого Союза, Влад. Ос. Гурко, впослѣдствіи полковникъ и начальникъ штаба 5-го пѣх. корпуса, былъ членомъ ложи Избраннаго Михаила [2]).

Въ Союзѣ Благоденствія также до извѣстной степени чувствовалось вліяніе масонства. Якушкинъ разсказываетъ объ одномъ совѣщаніи членовъ этого союза у Никиты Муравьева въ Петербургѣ въ 1818 г., на которомъ присутствовали кн. Лопухинъ, впослѣдствіи начальникъ уланской дивизіи при гренадерскомъ корпусѣ (мы уже встрѣтили его среди членовъ Союза Спасенія), Петръ Колошинъ, кн. Шаховской и мн. другіе. «Сама формальность этого совѣщанія», говоритъ Якушкинъ, «давала ему видъ плохой комедіи... Въ продолженіе всего совѣщанія разсуждали о составленіи самой заклинательной присяги для вступавшихъ въ Союзъ Благоденствія и о томъ, какъ приносить самую присягу—надъ Евангеліемъ или надъ шпагой... Все это было до крайности смѣшно. Но Лопухинъ, Шаховскій и почти всѣ присутствующіе были ревностные масоны [3]); они привыкли въ ложахъ разыгрывать безмыслицу, нисколько этимъ не смущаясь, и имъ желалось нѣкоторый порядокъ масонскихъ ложъ ввести въ союзъ Благоденствія» [4]).

---

[1]) Безусловное повиновеніе всѣхъ членовъ ложи старшимъ братьямъ и всѣхъ союзныхъ ложъ—управляющей ложѣ требовалось въ Союзѣ Великой Провинціальной Ложи, къ которому принадлежала ложа Трехъ Добродѣтелей, членами которой, какъ мы видѣли, были многіе члены Союза Спасенія.

[2]) Г. А. I В № 332а), л. 208, № 244, л. 88; Зап. Якушкина, 73.

[3]) Петръ Ив. Колошинъ, прапорщикъ генеральнаго штаба, былъ принятъ въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей 18 апрѣля 1817 г., повышенъ во вторую степень 3 іюня 1817 г.; въ спискѣ, составленномъ въ ноябрѣ 1819 г., членомъ болѣе не числится.

[4]) Бар. В. И. Штейнгель также отрицательно относился къ масонству. Насмѣшки товарищей удержали морского офицера, члена Сѣв. Об. А. Бѣляева, отъ вступленія въ масонскую ложу въ Петербургѣ, которую онъ однажды уже посѣтилъ по приглашенію С. С. Ланского. „Рус. Стар." 1880 г., т. 29, 833—835. Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, членъ Южнаго Общества, не одобрялъ масонства съ религіозной точки зрѣнія. Въ своемъ показаніи на слѣдствіи онъ утверждаетъ, будто бы масонскія ложи, начавъ христіанствомъ, кончали безбожіемъ. *Довнаръ-Запольскій.* „Мем. дек.", 294.

На печати союза Благоденствія былъ изображенъ улей съ пчелами; та же эмблема часто употреблялась и на масонскихъ виньеткахъ [1]).

Членъ Союза Спасенія, а затѣмъ и Союза Благоденствія, Ѳ. Н. Глинка, какъ уже было упомянуто, сдѣлался въ 1816 г. членомъ ложи Избраннаго Михаила, работавшей на русскомъ языкѣ. Мастеромъ стула въ ней въ 1817—21 гг. былъ гр. Ѳ. П. Толстой, отставной морской офицеръ, художникъ, прославившійся своими медалями въ память 1812 г. [2]), впослѣдствіи также привлекавшійся къ слѣдствію о декабристахъ [3]).

Въ этой ложѣ участвовало нѣсколько декабристовъ: Н. А. Бестужевъ (съ 1818 г.), братья Кюхельбекеры Мих. и Вильг. Карловичи; въ 1818—20 г. въ числѣ отсутствующихъ членовъ показанъ и Гавр. Ст. Батеньковъ, который находился тогда въ Томскѣ и былъ членомъ ложи Восточнаго Свѣтила, основанной тамъ 30 августа 1818 г. [4]).

М. А. Фонъ-Визинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что члены Тайнаго Общества «учредили двѣ масонскія ложи, въ которыхъ большинство братій состояло изъ членовъ Союза Благоденствія». Фонъ-Визинъ, вѣроятно, разумѣетъ ложи Трехъ Добродѣтелей и Избраннаго Михаила, хотя значительную часть членовъ декабристы составляли только въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей.

Видный членъ Союза Благоденствія, а затѣмъ и Сѣвернаго Общества, Н. И. Тургеневъ, былъ также масономъ. Пока неизвѣстно, когда онъ впервые имъ сдѣлался, но первое извѣстное мнѣ свѣдѣніе о принадлежности Н. Тургенева къ масонству находится въ его дневникѣ 2/14 марта 1814 г. Тургеневъ былъ въ этотъ день въ Шомонѣ во Франціи по обязанностямъ его службы въ качествѣ русскаго коммиссара въ центральномъ департаментѣ временнаго управленія, учрежденнаго послѣ битвы при Лейпцигѣ по соглашенію пяти союзныхъ державъ, во главѣ котораго стоялъ знаменитый прусскій государственный дѣятель, баронъ Штейнъ. Упомянувъ объ отъѣздѣ изъ Шомона императоровъ русскаго и австрійскаго и короля прусскаго, Тургеневъ говоритъ: «Я остался здѣсь одинъ, ибо уѣхалъ Дан.» (А. И. Михайловскій-Данилевскій). «Вчера держали мы ложу [5]). Старшій Щербининъ былъ принятъ». Похваливъ рѣчь члена ложи Гейне, Тургеневъ продолжаетъ: «Вотъ масонство! Черныя души только не могутъ любить или по крайней мѣрѣ уважать его!»

---

[1]) *Соколовская.* „Рус. масонство", 176.

[2]) См. *Т. Пассекъ.* „Изъ дальнихъ лѣтъ", Спб. 1879 г., II, 423—425.

[3]) Толстой былъ почетнымъ членомъ нѣкоторыхъ русскихъ и одной варшавской ложи—Полуночнаго Щита.

[4]) Г. А. І. В. № 232. В. К. Кюхельбекеръ былъ членомъ этой ложи съ 1820 г. до самаго закрытія ложъ въ Россіи. „Рус. Стар." т. VII стр. 470.

[5]) Вѣроятно это была „Ложа желѣзнаго креста", образованная въ прусской арміи въ 1813 г. Воспоминанія Михайловскаго-Данилевскаго. „Рус. Стар." 1900 г. № 9, стр. 638, 640—641.

Послѣ занятія русскими Парижа Н. Тургеневъ вмѣстѣ съ Михайловскимъ-Данилевскимъ и полковникомъ Брозинымъ (два послѣднихъ не принадлежали впослѣдствіи къ числу декабристовъ) посѣщали масонскія ложи. «29 апрѣля было назначено для пріема моего въ Rose-Croix (розенкрейцеры)» [1]), говоритъ Михайловскій-Данилевскій. «Мы были приняты въ эту степень... Насъ было въ то время трое русскихъ, большихъ охотниковъ до масонства. Мы посѣщали ложи всегда вмѣстѣ и получали вмѣстѣ высшія степени: полк. Брозинъ и гёттингенскій мой товарищъ Тургеневъ». Тургеневъ въ своемъ дневникѣ также съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаетъ посѣщеніе имъ французскихъ масонскихъ ложъ и веселое времяпрепровожденія въ нихъ [2]). Но въ ложахъ не только веселились, а вели и серьезныя бесѣды, и Михайловскій-Данилевскій въ своихъ воспоминаніяхъ отмѣчаетъ, что наряду съ приверженцами Бурбоновъ и Наполеона въ нихъ можно было встрѣтить и сторонниковъ республики.

Остается пока все же неизвѣстнымъ, въ какой русской масонской ложѣ участвовалъ Н. И. Тургеневъ. По словамъ Вигеля (V, 57) онъ былъ единственнымъ невоеннымъ членомъ въ ложѣ «Трехъ Вѣнчанныхъ Мечей». Но ложа Коронованныхъ Мечей находилась въ Митавѣ, и къ тому же Вигель членами той же ложи называетъ братьевъ Муравьевыхъ-Апостоловъ и Никиту Муравьева и говоритъ, что она состояла подъ управленіемъ кн. П. П. Лопухина. Можно было бы думать поэтому, что онъ подъ ошибочнымъ названіемъ указываетъ на ложу Трехъ Добродѣтелей, однако въ спискахъ ея членовъ 1816—19 г. Тургеневъ не значится [3]).

Н. Тургеневъ интересовался также и ученіемъ иллюминатовъ, какъ видно изъ того, что онъ былъ знакомъ по крайней мѣрѣ съ однимъ изъ сочиненій основателя этого ордена Вейсгаупта. 25 іюня 1817 г. онъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Колокола звонятъ, палятъ пушки, во дворцѣ происходитъ обрученіе великаго князя» (Николая Павловича) «съ его невѣстою. Я сижу... и читаю Вейсгаупта, а именно опроверженіе системы софистовъ... Вейсгауптъ пишетъ съ большою ясностью и съ глубокомысліемъ, и мнѣ весьма нравится... Бесѣда съ Вейсгауптомъ заставила меня съ равнодушіемъ, или лучше сказать съ нѣкоторымъ презрѣніемъ думать о шумящихъ колоколахъ и пушкахъ» [4]).

Въ это время Н. И. Тургеневъ еще не оставилъ масонства. Въ

---

[1]) 18 степень французскаго масонства шотландскаго обряда.

[2]) См. *Добавленія*.

[3]) Масон. бумаги А. Н. Пыпина, хран. въ слав. отд. библ. Акад. Наукъ; ст. *Т. О. Соколовской*. въ „Рус. Арх." 1908 № 10.

[4]) Профессоръ Адамъ Вейсгауптъ (1748—1830)—основатель ордена иллюминатовъ въ Баваріи. Капитанъ Левшинъ былъ въ царствованіе Александра I членомъ общества иллюминатовъ въ Франкфуртѣ.

дневникѣ въ тотъ же день онъ отмѣчаетъ: «Вчера былъ Ивановъ день. Я былъ въ ложѣ; тамъ и обѣдалъ. Провелъ время съ пріятностію, и вновь удостовѣрился, что соединенія людей для доброй цѣли суть обильные источники удовольствій, а иногда и пользы для людей. Въ Вейсгауптѣ также ясно доказывается польза и необходимость тайныхъ обществъ для дѣйствій важныхъ и полезныхъ: *нѣкоторые должны дѣйствовать, всѣ должны наслаждаться плодами дѣйствій* [1]): вотъ девизъ всѣхъ людей стремящихся къ добру, девизъ, слѣдующій необходимо изъ непремѣннаго порядка вещей, основаннаго на характерѣ человѣческомъ». Мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, что въ томъ же 1817 г. Тургеневъ имѣлъ сношенія съ М. Ѳ. Орловымъ, который предполагалъ вмѣстѣ съ гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ основать Орденъ Русскихъ Рыцарей. Знакомство Тургенева съ ученіемъ иллюминатовъ имѣло послѣдствіемъ то, что, по свидѣтельству Грибовскаго въ его доносѣ на членовъ Союза Благоденствія, Тургеневъ «настаивалъ» на томъ, чтобы преобразовать этотъ союзъ «совершенно по системѣ Вейсгаупта и, сходно съ тѣмъ, членамъ назваться между собою другими именами» [2]).

22 декабря 1817 г. Тургеневъ записываетъ въ своемъ дневникѣ, что онъ сказалъ бы, если бы говорилъ рѣчь въ масонской ложѣ [3]). Уже то, что онъ заноситъ свои гуманно-христіанскія размышленія въ дневникъ, а не дѣйствительно произноситъ ихъ въ масонской ложѣ указываетъ на его охлажденіе къ тогдашнему, терпимому правительствомъ, масонству. Но изъ письма Н. Тургенева (къ брату Сергѣю) 11 февраля 1818 г. ясно видно его разочарованіе въ этомъ масонствѣ: «Кн. Баратаевъ пишетъ мнѣ, что завелъ въ Симбирскѣ ложу Ключъ Добродѣтели и предлагаетъ мнѣ титло почетнаго члена и представителя ихъ ложи у здѣшней директоріальной. Я отъ всего отказался, видя, что масонство у насъ процвѣтать теперь не можетъ... Въ здѣшнихъ ложахъ я также не бываю, да онѣ того въ теперешнемъ ихъ церемоніальномъ ничтожествѣ и не стоятъ» [4]).

---

[1]) Курсивъ Н. И. Тургенева.

[2]) „Рус. Арх." 1875 г. III, 427.

[3]) См. *Добавленія*.

[4]) Изъ показанія Митькова, принятаго въ члены Тайн. Общ. Н. Тургеневымъ, видно также разочарованіе послѣдняго въ масонствѣ: „Прежде всего", говоритъ Митьковъ, „я неоднократно отъ него слышалъ, что есть, кромѣ масонскихъ, другія тайныя общества, куда не съ тѣмъ принимаютъ, чтобы только брать деньги, и не всякаго, и разсматриваютъ поведеніе человѣка, заслуживаетъ ли онъ быть принятъ". Г. А. І. В. № 357, л. 10. М. И. Муравьевъ-Апостолъ разсказывалъ впослѣдствіи, что декабристы пытались поступать въ масонскія ложи въ надеждѣ завербовать въ нихъ членовъ для тайнаго общества, но, убѣдившись, что нечего и надѣяться на сочувствіе масоновъ, вышли изъ ложъ. „Рус. Арх." 1897 г. № 4, стр. 583. Однако, многіе декабристы были масонами ранѣе вступленія въ Тайное Общество.

С. И. Тургеневъ, братъ Ник. Ивановича, не бывшій членомъ Тайнаго Общества (Н. И. вступилъ въ Союзъ Благоденствія въ 1819 г. [1]) сдѣлался членомъ ложи Георгія Побѣдоносца, учрежденной въ 1817 г. въ Мобёжѣ при главной квартирѣ русскаго корпуса во Франціи. Въ апрѣлѣ 1818 г. Н. И. писалъ ему изъ Петербурга: «мнѣ здѣсь вѣрно сказывали, что государь когда-то показывалъ неудовольствіе, какъ на масонство вообще, такъ и на духъ свободомыслія, показывающійся будто бы чрезъ масонство въ корпусѣ вашемъ... Если ваша ложа дѣлаетъ какое-нибудь истинное добро въ нашемъ смыслѣ, то надобно, хотя и съ великою осторожностью, лелѣять ее и ею заниматься, не взирая ни на что. Если нѣтъ, то не надобно ничего дѣлать. Здѣсь нѣтъ середины».

Рылѣевъ, самый энергичный членъ Сѣвернаго общества, въ 1820 г. вступилъ въ ложу Пламенѣющей Звѣзды, которая состояла въ то время въ союзѣ Астреи и работала на нѣмецкомъ языкѣ, и числился въ ней въ спискѣ 1820—21 г. мастеромъ [2]).

II.

Связь Союза Благоденствія съ масонствомъ проявилась, между прочимъ, въ основаніи союзомъ Астреи 30 апрѣля 1818 г. масонской ложи Любви къ Истинѣ въ Полтавѣ. 12 марта 1819 г. состоялось повелѣніе государя закрыть эту ложу. Репнинъ, исполнивъ это, донесъ начальнику главнаго штаба кн. П. М. Волконскому, что другихъ масонскихъ ложъ въ Малороссіи (т. е. въ той ея части, которая была ввѣрена его управленію) не существуетъ [3]). Онъ сообщилъ, что, по свѣдѣніямъ, имъ полученнымъ, при «безпрестанномъ надзорѣ» надъ полтавскою ложею, «въ ней ничего противозаконнаго не происходило», тѣмъ не менѣе, «зная на сей предметъ высочайшую волю», онъ увѣрялъ, что, пока онъ будетъ управлять Малороссіею, въ ней не откроется ни одной ложи [4]). По словамъ донесенія «высшей полиціи», закрытіе ложи въ Полтавѣ и неполученіе Мусинымъ-Пушкинымъ-Брюсомъ отвѣта отъ кн. Голицына произвело, «какъ изъявленіе воли государя», удручающее впечатлѣніе на нѣкоторыхъ масоновъ, и они стали покидать свой союзъ.

[1]) La Russie et les Russes. Brux. 1847, I, 181.

[2]) О другихъ членахъ тайныхъ обществъ, участвовавшихъ въ масонскихъ ложахъ, см. ниже и также въ *Добавленіяхъ*.

[3]) Репнинъ нашелъ нужнымъ сказать въ свое оправданіе слѣдующее: „чуждъ будучи по совѣсти и правиламъ моимъ всякаго тайнаго сообщества, я никогда не покровительствовалъ масонскимъ ложамъ, но не воспрещалъ здѣсь нѣсколькимъ членамъ открыть таковую, потому что она учреждалась съ дозволенія петербургской главной ложи (Астреи), подвѣдомственной министерству полиціи, слѣдовательно и съ вѣдома онаго".

[4]) „Рус. Арх." 1906 г., т. III, 416.

Управляющимъ мастеромъ полтавской ложи былъ правитель канцеляріи малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Н. Г. Репнина, племянникъ извѣстнаго масона Н. И. Новикова, М. Н. Новиковъ, членъ Союза Спасенія, а затѣмъ и Союза Благоденствія, который въ Петербургѣ въ 1816 г. былъ членомъ ложи Избраннаго Михаила, а въ 1817—18 г. числился въ ней отсутствующимъ членомъ. Намѣстнымъ мастеромъ полтавской ложи былъ богатый малороссійскій помѣщикъ, имѣвшій болѣе 6000 душъ крестьянъ, дѣлавшій ранѣе не мало пожертвованій на общественныя нужды, С. М. Кочубей [1]), первымъ надзирателемъ Влад. Вас. Тарновскій, служившій въ генеральномъ судѣ, витіею — майоръ И. П. Котляревскій, уже извѣстный въ то время украинскій писатель, прославившійся своею «Енеидою, на малороссійскій языкъ перелицiованною» [2]), членами: помѣщикъ Вас. Лукичъ Лукашевичъ, котораго 18 лѣтъ избирали переяславскимъ маршаломъ, т. е. предводителемъ дворянства, артиллерійскій подполковникъ Влад. Андр. Глинка, членъ Союза Благоденствія, губ. маршалъ екатериносл. губ. Д. Л. Алексѣевъ, хорольскій предводитель дворянства Ст. Лар. Алексѣевъ, и др. Всего въ ложѣ было 21 дѣйствительный членъ и два отсутствующихъ [3]). Трехъ изъ этихъ лицъ (Лукашевича, Кочубея и С. Л. Алексѣева) арестовали во время слѣдствія по дѣлу декабристовъ въ концѣ января 1826 г. и отвезли въ Петербургъ [4]).

---

[1]) Однако, этотъ же Кочубей продавалъ своихъ крестьянъ на свозъ и этимъ вызвалъ ихъ волненіе. См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ" I, 408—410; *Середонинъ* „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ", I, 339—343. „Рус. Стар." 1904 г., стр. 503—504. Записка по крестьянскому вопросу, составленная имъ въ 1818 г. по волѣ Александра I, секретно объявленной ему малороссійскимъ губернаторомъ Н. Г. Репнинымъ, вызвала по докладу Новосильцова замѣчаніе государя, что многія правила представленнаго Кочубеемъ проекта „не токмо не доставятъ крестьянамъ выгодъ, но, можетъ быть, послужатъ еще къ стѣсненію нынѣшняго ихъ состоянія". „Сборн. мат. арх. соб. Е. В. Канц.", VII, 165—175, XI, 269—273; Гос. Арх. I. В № 193, л. 17 об.

[2]) Кочубей выхлопоталъ Котляревскому мѣсто директора дома воспитанія бѣдныхъ въ Полтавѣ и напечаталъ на свой счетъ въ его пользу 3 изд. „Енеиды" въ 1809 г. Первое изданіе этого произведенія вышло въ свѣтъ въ 1798 г. въ 3-хъ частяхъ, и такъ же, какъ и второе, 1808 г., было издано помѣщикомъ М. Парпурою безъ согласія автора; изданіе 1809 г.—въ 4 ч., съ посвященіемъ С. М. К...ю (Кочубею), изд. 1842 г., уже по смерти автора, въ 6 частяхъ. Одно изъ новѣйшихъ изданій, съ текстомъ, провѣреннымъ подъ ред. И. Стешенко, вышло въ Кіевѣ въ 1899 г. (оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина"). У Котляревскаго было 6 душъ крестьянъ, которыхъ онъ отпустилъ на волю. *И. Стешенко.* „Ив. Петр. Котляревскій, авторъ украинской „Энеиды". Кіевъ 1902 г., стр. 35.

[3]) Военно-учен. Архивъ отд. I, 608, А, л. 172—173.

[4]) Лукашевичъ былъ заточенъ въ Петропавловскую крѣпость въ февралѣ 1826 г. Николай I приказалъ посадить его, „гдѣ лучше, и содержать хорошо". Ему разрѣшено было писать. Тарновскій, тяжко больной во время слѣдствія, состоялъ подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Новиковъ умеръ ранѣе, и сынъ сжегъ его бумаги. Нѣкоторыя бумаги Тарновскаго были также сожжены передъ обыскомъ, „Труды полт. учен. арх. коммиссіи", 1905 г. I, 71—72.

Относительно себя Лукашевичъ показалъ: «Получивъ нѣкоторое образованіе» (онъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ), вышедши 17 лѣтъ въ отставку и живя на свободѣ въ достаткѣ, предавался тому броженію ума, которое безъ путеводителя въ молодыхъ лѣтахъ свойственно. Я ревностно порывался озариться тѣмъ свѣтомъ, который, по мнѣнію моему, отдѣлялъ меня отъ общаго класса людей, и все мистическое и таинственное имѣло въ глазахъ моихъ несказанную прелесть. Я полагалъ, что общества, образуя сердце человѣка, рождаютъ братскую связь и поучаютъ взаимнымъ обязанностямъ» [1]).

М. Муравьевъ-Апостолъ говоритъ въ своемъ показаніи на слѣдствіи: «Новиковъ въ Полтавѣ составилъ ложу, которая служила разсадникомъ тайнаго общества». Онъ принималъ въ нее «дворянство малороссійское, изъ числа коихъ способнѣйшихъ помѣщалъ въ общество, называемое Союзъ Благоденствія [2]). Значущіе члены онаго были Лукашевичъ, помѣщикъ переяславскаго уѣзда, живущій въ Борищполѣ,.. [3]). Еще членами ложи были Тарнавскій (sic), бывшій губернскій судья Алексѣевъ, Сем. Мих. Кочубей и многіе другіе... Общество сіе имѣло сношенія съ сѣверною директоріею и, полагаю, съ Тургеневымъ». Вѣроятно, эта связь полтавской ложи съ Союзомъ Благоденствія сдѣлалась извѣстною правительству и послужила причиною ея закрытія. Кн. С. Трубецкой на слѣдствіи по дѣлу декабристовъ заявилъ, что Новикову было поручено завести управу, но исполнилъ ли онъ это—неизвѣстно. Послѣ закрытія полтавской ложи Новиковъ, по словамъ М. Муравьева-Апостола, «совершенно прекратилъ свои дѣйствія». Пестель пріѣзжалъ въ Полтаву въ 1821 г. съ гр. Витгенштейномъ и конечно не нашелъ тамъ ложи, такъ какъ она была уже закрыта [4]).

---

[1]) Относительно Новикова Лукашевичъ заявилъ, что онъ „ни довѣріемъ, ни уваженіемъ въ Малороссіи не пользовался“ и что „по несогласію съ Новиковымъ, съ коимъ особенной пріязни не имѣлъ“, онъ, Лукашевичъ, „перешелъ въ кіевскую ложу“. Неблагопріятно отозвался о Новиковѣ и С. П. Трубецкой: „мы узнали“, говоритъ онъ, „что онъ завелъ масонскую ложу, но какъ дѣйствовалъ для общества, мнѣ осталось неизвѣстнымъ; только слышали мы послѣ, что онъ по званію своему велъ себя дурно, стараясь нажиться, отчего по обществу мы не желали имѣть съ нимъ сношеній“. Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ, адъютантъ малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Репнина, также говоритъ: „Замѣтя, что Новиковъ позволялъ себѣ многія злоупотребленія, несовмѣстныя съ моими мыслями, я отъ него совершенно отсталъ. Въ 1822 г. кн. Репнинъ по симъ же причинамъ его отдалилъ отъ себя, и онъ тогда сталъ жить у Кочубея“.

[2]) Точно также, будучи членомъ ложи Избраннаго Михаила въ Петербургѣ, Новиковъ въ 1816 г завербовалъ въ Союзъ Спасенія другого члена этой ложи Ѳ. Н. Глинку, указавъ ему на то, что „въ масонствѣ только теоріи, а что есть другое общество избранныхъ молодыхъ людей, которые положили, образуя себя, дѣйствовать въ своихъ кругахъ по своимъ силамъ и возможностямъ“.. Гос. Арх. I. В. № 82.

[3]) Борисполь—мѣстечко Полтавской губ., Переяславльскаго уѣзда, въ 48 в. отъ г. Переяславля.

[4]) Пестель въ своемъ показаніи 13 января 1826 г. говоритъ: „Новиковъ

По показанію Бурцева, Лукашевичъ былъ членомъ Союза Благоденствія. На первомъ допросѣ онъ заявилъ, что его принялъ въ этотъ союзъ въ 1817 (?) или 1818 г. Новиковъ, но потомъ онъ измѣнилъ показаніе и заявилъ, что принятъ былъ артиллерійскимъ полковникомъ Владиміромъ Глинкою, который далъ ему взятый отъ Новикова и привезенный послѣднимъ изъ Москвы уставъ Союза Благоденствія и взялъ съ него росписку, что онъ, Лукашевичъ, избравъ для своей дѣятельности въ обществѣ «отрасль просвѣщенія», будетъ во всемъ сообразоваться съ постановленіями Союза Благоденствія. Если вѣрить Лукашевичу, этимъ и ограничилось участіе въ обществѣ его и В. Глинки, такъ какъ «по долгомъ ожиданіи» Новиковъ объявилъ ему, что оно не состоялось.

Относительно Лукашевича на слѣдствіи по дѣлу декабристовъ явились указанія не только на его масонскія, но и на національныя украинскія симпатіи. По словамъ кн. С. Г. Волконскаго, подполковникъ Хотяинцовъ, членъ Союза Благоденствія, а затѣмъ и Южнаго общества, сообщилъ ему, что Лукашевичъ предлагалъ ему вступить въ общество, учрежденное въ Малороссіи и бывшее въ связи съ польскими тайными обществами. Хотяинцовъ сказалъ Волконскому, что въ этомъ обществѣ «есть катехизисъ на подобіе употребляемаго въ масонскихъ ложахъ» при ихъ открытіи и закрытіи и что по этому катехизису на вопросъ: «гдѣ восходитъ солнце», отвѣчаютъ: «въ Чигринѣ» (т. е. въ Чигиринѣ,— уѣздный городъ Кіевской губерніи). Лукашевичъ на допросахъ категорически утверждалъ, что въ Малороссіи не существуетъ никакого общества: «вымыселъ полк. Хотяинцова... оставляю на совѣсти его! Что же относится до словъ «солнце взошло въ Чигринѣ», то оныя составляютъ древнюю казацкую пословицу, знаменующую то счастливое событіе, по которому они, собравшись къ Хмѣльницкому въ Чигринѣ, пошли войною на поляковъ и, свергнувъ иго ихъ, присоединились къ державѣ россійской; могъ я говорить о сей пословицѣ, могъ хвалить ее и могъ даже считать приличнымъ каждому малороссіянину имѣть имя Богдана Хмѣльницкаго въ своемъ катехизисѣ, яко мужа, оказавшаго знаменитую намъ услугу; но чтобы образовалось общество подъ симъ окликомъ, то это совершенная клевета, которое, ежели бы и существовало, то вѣрно состояло бы изъ однихъ только малороссіянъ, почему самому и не могъ бы предлагать или открыться о семъ Хотяинцову». Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ показаніи заявилъ, что слышалъ отъ Волконскаго и гр. Ходкевича о существованіи малороссійскаго общества, управляемаго Лука-

завелъ въ Малороссіи ложу масонскую, но тайнаго общества не успѣлъ устроить: по крайней мѣрѣ, не имѣлъ я о томъ ни разу ни малѣйшаго извѣстія". Но затѣмъ онъ сообщилъ, что слышалъ отъ поляковъ о малороссійскомъ обществѣ, во главѣ котораго стоитъ Лукашевичъ (см. ниже).

шевичемъ, о томъ, что управа его находится въ мѣстечкѣ Борисполѣ, что большая часть этого общества—въ Черниговской губерніи и въ самомъ Черниговѣ и что Лукашевичъ стремился соединить Малороссію съ Польшею [1]). Лукашевичъ и Ходкевичъ рѣшительно отрицали существованіе малороссійскаго общества.

Пестель относительно этого общества показалъ: «о существованіи и цѣли малороссійскаго общества говорили мнѣ д-ръ Плесель (sic), кн. Яблоновскій и Гродецкій, съ коими послѣдними двумя имѣлъ я сношенія отъ лица русскаго тайнаго общества. Сіи два послѣдніе говорили о томъ при кн. Волконскомъ, почему и было нами отъ нихъ требовано, чтобы они никакихъ сношеній съ другими русскими тайными обществами, а также малороссійскимъ не имѣли, а только съ однимъ нашимъ, дабы не произошло отъ того какихъ-либо замѣшательствъ въ сношеніяхъ и предметахъ оныхъ. Докторъ же Плесель мнѣ еще сказывалъ, что въ послѣднихъ мѣсяцахъ прошлаго года былъ отъ польской директоріи особый членъ посланъ, который удостовѣрился, что малороссійское общество значительно. Членовъ же сего отказался онъ мнѣ назвать, когда о томъ его я спрашивалъ. Я о семъ разговорѣ съ Плеслемъ нѣкоторымъ членамъ сообщилъ тогда же, между прочимъ, Лореру и Юшневскому.—Гродецкій и Плесель мнѣ сказывали, что начальникъ малороссійскаго общества есть Лукашевичъ; лицъ же, черезъ коихъ происходили помянутыя сношенія, никто изъ нихъ не назвалъ: ни Плесель, отказавшійся отъ того, ни кн. Яблоновскій и Гродецкій» [2]). Лореръ по поводу показанія Пестеля заявилъ: «дѣйствительно, полк. Пестель мнѣ разсказывалъ о Малороссіи слѣдующее: что Малороссія желаетъ присоединиться охотнѣе къ Польшѣ, чѣмъ къ Россіи, что польское тайное общество всѣми силами старается преклонить на свою сторону, и что Польша имѣетъ своихъ агентовъ или членовъ, кои имѣютъ сношенія съ тамошними помѣщиками..., и что южное общество желаетъ узнать навѣрное, есть ли въ Малороссіи

[1]) В. Л. Давыдовъ слышалъ отъ кн. Волконскаго, что есть малороссійское общество, цѣль котораго—независимость Малороссіи отъ Россіи, и что Лукашевичъ—членъ его.

[2]) Гос. Арх. I В, № 70, л. 31—32. Пестель также слышалъ отъ поляковъ о многочисленномъ малороссійскомъ обществѣ, съ которымъ они, будто бы, находятся въ союзѣ: что оно, по словамъ поляковъ, „помышляло о независимости Малороссіи и готово было отдаться подъ покровительство Польши, когда она достигнетъ независимости. Объ этомъ Пестель говорилъ Майбородѣ и назвалъ главою этого общества Лукашевича, замѣтивъ при этомъ, что онъ „очень умный человѣкъ“. С. И. Муравьевъ-Апостолъ показалъ: „О малороссійскомъ обществѣ знаю только то, что будто бы тамъ начальникъ маршалъ Лукашевичъ, и что цѣль онаго присоединить Малороссію къ Польшѣ. Кн. Волконскій въ самомъ первомъ показаніи заявилъ, что, по словамъ Яблоновскаго, поляки въ своемъ стремленіи къ самостоятельности Польши и возвращеніи присоединенныхъ отъ нея къ Россіи губерній имѣютъ „большую надежду на содѣйствіе малороссійскихъ дворянъ, предлагая имъ отдѣленіе“ Малороссіи отъ Россіи.

тайное общество и на какихъ правахъ, что нѣкоторые помѣщики въ Малороссіи имѣютъ сношенія съ польскимъ обществомъ,—вотъ все, что я слышалъ о Малороссіи».

Кн. Волконскій, Хотяинцовъ [1]) и Лукашевичъ на очныхъ ставкахъ остались при своихъ показаніяхъ [2]).

Слѣдственная коммиссія признала обвиненіе относительно устройства Лукашевичемъ малороссійскаго общества недоказаннымъ [3]). Впрочемъ, національныя стремленія не совсѣмъ замерли въ Малороссіи. Такъ въ сентябрѣ 1825 г. Н. А. Маркевичъ писалъ Рылѣеву: «Могу ли я хладнокровно читать «Войнаровскаго» и «Наливайку»? Примите мою и всѣхъ знакомыхъ мнѣ моихъ соотечественниковъ благодарность... Мы не потеряли еще изъ виду дѣяній великихъ мужей малороссіянъ, во многихъ сердцахъ не уменьшилась прежняя сила чувствъ и преданности къ отчизнѣ. Вы еще найдете живымъ у насъ духъ Полуботка... Вы возвышаете цѣлый народъ,—горе тому, кто идетъ на униженіе цѣлыхъ странъ, кто покушается покрыть презрѣніемъ цѣлые народы,—и они ему платятъ презрѣніемъ» [4]). Къ числу такихъ малороссійскихъ патріотовъ, очевидно, принадлежалъ и Лукашевичъ [5]). Дѣло о немъ кончилось тѣмъ, что 15 іюля 1826 года Николай I повелѣлъ ему жить въ деревнѣ, гдѣ онъ выберетъ, подъ наблюденіемъ малороссійскаго генералъ-губернатора. Его отдали подъ надзоръ полиціи и обязали жить безвыѣздно въ его имѣніи Борисполѣ съ тѣмъ, чтобы онъ занимался только хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей и ни съ кѣмъ не входилъ въ какія-либо «посторонніе отношенія». Переяславльскій комиссаръ долженъ былъ каждую недѣлю доносить о поведеніи Лукашевича кн. Репнину, а послѣдній ежемѣсячно

---

[1]) Нужно замѣтить, что Хотяинцовъ былъ масонъ, членъ ложи Іордань въ Ѳеодосіи. Онъ привлекался къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ и 10 января 1826 г. былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, при чемъ Николай I велѣлъ содержать его строго, и писать ему дозволено не было. Приказомъ 7 іюля того же года государь велѣлъ выдержать его еще три мѣсяца и затѣмъ перевести въ Ладожскій пѣх. полкъ. *Базилевскій* (*Бонучарскій*), „Государств. преступленія въ Россіи", 1,68.

[2]) Гос. Арх. I В, № 70.

[3]) Боровковъ, дѣлопроизводитель слѣдственной коммиссіи, пришелъ къ слѣдующему выводу относительно этого общества: его „намѣревались образовать изъ масонскихъ ложъ—въ Полтавѣ бывшій правитель канцеляріи военнаго губернатора Новиковъ и въ Полтавской губ. маршалъ Лукашевичъ *и предположили цѣлью независимость Малороссіи*, но остались при попыткахъ, и общество не осуществилось". „Рус. Стар." 1898 г. № 11, стр. 345.

[4]) „Рус. Стар." 1888 г. т. 60, стр. 599.

[5]) Въ это время усилилось стремленіе къ изученію малороссійской исторіи, распространялись списки „Исторіи Руссовъ" мнимаго Конисскаго, которою пользовался для своихъ произведеній и Рылѣевъ (*А. Грушевскій* „Къ характеристикѣ взглядовъ „Исторіи Руссовъ". „Изв. Отд. Рус. Яз. и слов. Акад. Наукъ" 1908, т. XIII, кн. 1), Д. Н. Бантышъ-Каменскій, служившій при Репнинѣ, печаталъ свою исторію Малороссіи, вышедшую въ свѣтъ въ 1822 г.

доводить до свѣдѣнія императора, что продолжалось до ноября 1828 г., а затѣмъ онъ все-таки былъ оставленъ подъ наблюденіемъ полиціи. Кочубей и Алексѣевъ были освобождены отъ всякаго подозрѣнія въ принадлежности къ тайному обществу, въ подтвержденіе чего имъ были выданы аттестаты. Въ іюнѣ было получено извѣщеніе объ освобожденіи отъ всякаго подозрѣнія и Тарновскаго [1]). На стремленіе Южнаго Тайнаго Общества измѣнить положеніе Малороссіи намекаетъ П. В. Капнистъ въ разговорѣ съ Пестелемъ: «Если бы вы имѣли дѣло съ Англіей или Франціей», сказалъ онъ Пестелю, «вы дѣйствовали бы успѣшно; но для Россіи ваша система не мыслима, она чужда ея народному строю (?). Вы можете совершить вашъ переворотъ, но вы не предусмотрѣли народный бунтъ, который ему послѣдуетъ. Вы создадите смутное время въ Россіи, а разъединя Малороссію и Россію, вы ослабите обѣ стороны и броситe ихъ въ добычу внѣшнимъ врагамъ» [2]). Однако, Пестель и не думалъ объ отдѣленіи всей Малороссіи отъ Россіи, а предполагалъ возвратить Польшѣ часть областей, присоединенныхъ отъ нея къ Россіи, если жители ихъ выскажутся въ пользу этого предположенія.

Имя Лукашевича напоминаетъ о другой масонской ложѣ, членомъ которой онъ былъ, а именно, о ложѣ Соединенныхъ Славянъ въ Кіевѣ, основанной 12 марта 1818 года въ союзѣ Астреи; она работала на русскомъ и французскомъ языкахъ [3]). Очевидно, о ней доносилъ позднѣе въ 1824 г. военный генералъ-полицмейстеръ Эртель, что въ 1819 г. во время контрактовъ (т. е. ярмарки) въ Кіевѣ открыта масонская ложа подъ названіемъ Бѣдные Славяне стараніемъ флигель-адъютанта кн. А. Я. Лобанова-Ростовскаго. Съ каждаго брата масона брали въ общую казну ежегодно по 20 р., а богатые давали по 100 и болѣе рублей; число вкладчиковъ во время контрактовъ простиралось будто бы до 1000 человѣкъ. Собранныя суммы, по донесенію Эртеля, назначались на усиленіе братіи и «подстреканія революціи» (?) [4]).

Число дѣйствительныхъ членовъ въ кіевской ложѣ Соединенныхъ Славянъ въ 1820—21 гг. было 53, кромѣ того 9 отсутствующихъ и 19 почетныхъ. Дѣйствительные члены раздѣлялись, какъ и въ другихъ масонскихъ ложахъ, на «чиновниковъ ложи», т. е. ея администрацію, и

---

[1]) *Павловскій.* „Къ исторіи Малороссіи во время генералъ-губернаторства кн. Н. Г. Репнина". „Труды полт. уч. арх. коммиссіи" 1905 г. В. I, 71—74. О Лукашевичѣ еще въ 1807 году производилось дѣло, по донесенію переяславскаго маршала о томъ, будто бы онъ предложилъ тостъ за здоровье Бонапарта. „Кіевская Старина" 1903 г. № 12, стр. 137.

[2]) „Сочиненія гр. П. И. Капниста", М. 1901 г., т. I, стр. XXXIII.

[3]) „Рус. Стар." XVIII, 664, XXXVI, 67. *Пыпинъ* „Хронол. указатель русскихъ ложъ", № 132. Ложа эта работала по системѣ Великаго Востока Варшавы.

[4]) „Рус. Арх." 1906 г., т. III, 412—413.

братьевъ трехъ степеней. По показанію одного изъ членовъ ложи, подполк. Шварценберга, дѣйствительнымъ основателемъ ложи и первымъ ея правителемъ былъ губернскій маршалъ Валентинъ Росцишевскій. Въ 1820—22 гг. управляющимъ мастеромъ былъ Францъ Харлинскій, предсѣдатель главнаго суда, а намѣстнымъ мастеромъ столь знаменитый впослѣдствіи при Николаѣ I въ званіи управляющаго III отдѣленіемъ Е. В. Канцеляріи, а тогда полковникъ Леонтій Дубельтъ [1]).

Извѣстный намъ уѣздный маршалъ Василій Л. Лукашевичъ въ 1820—21 г. значился въ числѣ братьевъ третьей степени. Членами ложи были также губернскій маршалъ Шимановскій, васильковскій уѣздный маршалъ Іосифъ Проскура, уѣздный маршалъ Феликсъ Росцишевскій и многіе помѣщики-поляки. Въ числѣ почетныхъ членовъ ложи въ 1820 г. были кн. С. Г. Волконскій, кн. П. Трубецкой и Густавъ Олизаръ. Знакомъ кіевской масонской ложи былъ крестъ съ польскою надписью «Jedność słowiańska» (славянское единство) [2]). Въ ложѣ были членами многіе поляки, русскіе и малороссы, и самое названіе ея показываетъ стремленіе къ установленію дружественныхъ отношеній между этими тремя частями мѣстнаго населенія.

Декабристъ Волконскій, членъ Союза Благоденствія, а затѣмъ и Южнаго общества, родной братъ малороссійскаго генералъ-губернатора Н. Г. Репнина, былъ принятъ въ масонство въ 1812 г. въ ложѣ Соединенныхъ Друзей въ Петербургѣ, а также былъ однимъ изъ учредителей ложи Трехъ Добродѣтелей, въ которой, какъ мы видѣли, участвовало такъ много членовъ Союза Спасенія. Къ этому союзу Волконскій не принадлежалъ, но въ ложѣ Трехъ Добродѣтелей онъ былъ дѣятельнымъ членомъ, судя по тому, что въ 1816—17 гг. онъ былъ въ ней сначала вторымъ, а затѣмъ первымъ надзирателемъ и временно исполнялъ даже должность мастера. Дѣйствительнымъ членомъ ложи онъ числился до самаго закрытія ложъ. Волконскій былъ принятъ еще 30 іюля 1814 г. въ шотландское братство въ ложѣ Сфинкса [3]) и 17 февраля 1817 г.

---

[1]) Нужно замѣтить, что Дубельтъ пристраивался къ масонскимъ ложамъ въ разныхъ мѣстахъ: кромѣ названной кіевской ложи, онъ былъ членомъ ложи Эммануила въ Гамбургѣ, Палестины въ союзѣ Астрея въ Петербургѣ и Золотого Кольца въ Бѣлостокѣ. Дѣло канц. Военн. Мин., по описи № 16, св. 23, списки масоновъ арміи 1823 (по списку № 182); Tableau général de la grande Astrée 5817, p. 25, Idem, 5820—21, p. 228.

[2]) „Рус. Стар." 1878 г. XXI, 187—189. (Приложенъ снимокъ знака этой масонской ложи). Tableau gén. de la grande Loge Astrée 1820—21, p. 236—237. Подъ такимъ же польскимъ названіемъ одновременно (въ 1818 г.) была учреждена ложа и въ Варшавѣ, преобразованная изъ ложи Соединенные Братья Поляки, основанной въ 1807 г. послѣ учрежденія герцогства Варшавскаго, въ зависимости отъ французскаго Востока. Однимъ изъ девизовъ на печати этой ложи были также двѣ соединенныя руки, Zaleski, O masonii w Polsce. Krakow. 1889, 149—150, 158.

[3]) См. статью Т. О. Соколовской въ „Рус. Арх." 1908 г. № 10, стр. 222—223.

присоединенъ въ пятой степени въ шотландской ложѣ Александра-Златого Льва [1]). Принявъ званіе почетнаго члена въ ложѣ Соединенныхъ Славянъ, кн. Волконскій въ «пріемномъ» по этому случаю засѣданіи произнесъ рѣчь, въ которой указывалъ, какъ велики будутъ послѣдствія добровольнаго соглашенія между поляками и русскими съ цѣлью «составить одно нераздѣльное цѣлое». «Рѣчь была принята съ общимъ одобреніемъ, выраженнымъ обычнымъ» у масоновъ «перстничнымъ рукоплесканіемъ, повореннымъ три раза въ знакъ высшаго всеобщаго одобренія» [2]). Почетнымъ членомъ ложи былъ также кн. Петръ Трубецкой, представитель ложи Соединенныхъ Славянъ въ Великой ложѣ Астрея, членъ Союза Благоденствія.

Третій почетный членъ ложи, а ранѣе ораторъ и затѣмъ «мастеръ стула» ложи Соединенныхъ Славянъ былъ богатый польскій помѣщикъ Густавъ Олизаръ, кіевскій губернскій маршалъ, человѣкъ прогрессивнаго образа мыслей, поэтъ, близкій знакомый семьи генерала Раевскаго. Онъ стремился къ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ и предлагалъ просить правительство объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостного права съ замѣною барщины оброкомъ за землю; какъ на поводъ къ такому ходатайству, онъ указывалъ на крестьянскую реформу въ Остзейскомъ краѣ, осуществленную, впрочемъ, на совершенно иныхъ основаніяхъ. Онъ желалъ, чтобы помѣщики выбрали изъ своей среды людей, знающихъ мѣстныя экономическія условія, которыя могли бы установить нормы оброка для различныхъ мѣстностей. Но изъ уѣздныхъ предводителей дворянства только двое выразили согласіе съ предложеніемъ Олизара [3]).

Членами ложи Соединенныхъ Славянъ были многіе представители мѣстной интеллигенціи: докторъ философіи дерптскаго университета Гаусманъ, главный докторъ госпиталя Кнотъ, штабъ-лекарь кіевскаго военнаго госпиталя Чичкинъ, профессоръ нѣжинской гимназіи Шапелинскій, врачъ Сааръ, учитель кіевской гимназіи Кульчицкій, учитель нѣжинской гимназіи французъ Ландраженъ, чиновникъ при московскомъ генералъ-губернаторѣ Александръ Бакунинъ [4]), врачъ Гиршфельдъ, учи-

и замѣтку ея же въ „Рус. Стар." 1907 г., іюнь, стр. 480–481. Мы видѣли, что членомъ ложи Сфинкса былъ и Пестель.

[1]) „Вѣстн. Евр." 1872 г. № 2, стр. 600—1, 603.

[2]) Записки С. Г. Волконскаго, Спб., 1901 г., стр. 403. Даже Шварценбергъ, рѣзко отозвавшійся о многихъ членахъ ложи, сказалъ о Волконскомъ только то, что онъ былъ „прилежнымъ масономъ и, кажется, почтенною особою".

[3]) Pamiętniki G. Olizara, Lwów 1892, 132—134.

[4]) Шварценбергъ назвалъ его легкомысленнымъ и вообще человѣкомъ „невыгодныхъ качествъ". Александръ Павл. Бакунинъ, воспитывавшійся въ Царскосельскомъ лицеѣ одновременно съ Пушкинымъ, служилъ до 1821 г. въ Семеновскомъ полку, а затѣмъ въ финляндскомъ, былъ до начала 1823 г. адъютантомъ ген. Н. Н. Раевскаго, послѣ того перешелъ въ гражданскую службу и принадлежалъ въ Москвѣ къ кружку декабриста Н. И. Пущина. „Записки В. П.

тель музыки Леманъ, учитель математики въ кіевской гимназіи Авраамовъ, докторъ медицины и хирургіи Михельсонъ, книгопродавецъ французъ Ленуаръ и др. По показанію Шварценберга, всего членовъ было около 70 человѣкъ [1]).

Лукашевичъ былъ недоволенъ кіевскою ложею и вообще нашимъ масонствомъ, такъ какъ, по его словамъ, «въ составѣ сего общества занимались болѣе количествомъ, нежели качествомъ», что, вѣроятно, означаетъ—стремленіе привлечь возможно большее число членовъ недостаточно строго разбирая ихъ достоинства. Когда черезъ Борисполь проѣзжалъ капитанъ польской службы Маевскій и остановился у Лукашевича, послѣдній высказалъ ему свое недовольство масонствомъ: Маевскій предложилъ ему вступить въ высшія масонскія степени и, когда Лукашевичъ на это согласился, далъ ему степень тампліера [2]). Затѣмъ они поѣхали вмѣстѣ въ Кіевъ, гдѣ Маевскій выдавалъ его за стараго тампліера. По одному показанію Лукашевича, это было въ 1822 г., по другому въ январѣ 1821 г. [3]). Послѣ того лѣтомъ они снова увидѣлись, и Маевскій, по словамъ Лукашевича, сказалъ ему, что они хотятъ составить общество храмовниковъ и намѣреваются выписать изъ Эдинбурга тампліерскій статутъ, но Лукашевичъ отказался принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ другомъ же показаніи Лукашевичъ заявилъ, что Маевскій предлагалъ ему вступить въ тайное политическое общество, но онъ на это не согласился [4]). Послѣ запрещенія масонскихъ ложъ въ Россіи Лукашевичъ уничтожилъ всѣ имѣвшіеся у него масонскіе ритуалы и патенты, а также и уставъ Союза Благоденствія, Маевскій же при свиданіи съ нимъ сообщилъ ему, что тампліерство рушилось.

Маевскій, на допросѣ 28 іюня 1826 г. въ Варшавѣ, показалъ, что Лукашевичъ дурно понялъ его: онъ «вовсе не говорилъ ему о сформированіи особаго общества», а о томъ, что учреждаемое ими общество тампліеровъ должно считать ложею, для устройства которой онъ «аккредитованъ въ Эдинбургѣ» (чего, по его показанію на слѣдствіи, вовсе не было) и обѣщалъ написать туда о высылкѣ «постановленія» ложи.

Зубкова", стр. 5, 84; „Архивъ Раевскихъ" изд. подъ ред. В. М. Модзалевскаго. Спб. 1908 т. I, 533—534; *Дирин*, „Ист. л.-гв. Семеновскаго полка", прилож. стр 85.

[1]) Арх. Гл. Штаба, бумаги по Выс. порученію ген. ад. Демидову 1826 г. Дѣло № 4, л. 87—88, 22, 35, 101—102; Арх. канц. воен. мин. св. 25, дѣло № 5.

[2]) О польскомъ обществѣ тампліеровъ см. въ „Донесеніи слѣдственнаго комитета" въ Варшавѣ 29 дек. (ст. ст.) 1826 г. *Балтлевскій* (Богучарскій) I, 78—81, 91—93.

[3]) Судя по донесенію варшавскаго слѣдственнаго комитета, это было именно въ январѣ 1821 г. (стр. 79).

[4]) Въ донесеніи варшавскаго слѣдственнаго комитета сказано, что, по мнѣнію многихъ, Лукашевичъ „былъ членомъ" (польскаго) „Патріотическаго общества; однако же достовѣрно извѣстно, что онъ никогда не вступалъ въ оное" (стр. 87).

Маевскій утверждалъ, что Лукашевичъ «смѣшиваетъ разныя, временемъ отдѣленныя, обстоятельства». Когда въ 1821 г. онъ предлагалъ ему войти въ общество тамплiеровъ, то самъ еще «весьма мало зналъ о существованіи Патріотическаго общества и не принадлежалъ» къ нему, а потому не могъ и предлагать ему вступить въ него [1]). Въ 1824 г., узнавъ отъ Карвицкаго, что въ Россіи существуетъ тайное общество и что патріотическое общество входитъ съ нимъ въ сношенія, онъ просилъ Лукашевича что нибудь узнать объ этомъ. Тотъ обѣщалъ и, пріѣхавъ однажды ночью, посовѣтовалъ ему не мѣшаться въ это дѣло [2]) Кн. Яблоновскій на допросѣ 29 іюня заявилъ, что говорилъ кн. Волкон-

---

[1]) О Патріотическомъ обществѣ см. въ донесеніи варшавскаго слѣдственнаго комитета и въ сочиненіи извѣстнаго польскаго историка проф. Аскеназы Lukasiński. Warsz, 1908 t. II. Краткій біографическій очеркъ Лукасинскаго, принадлежащій перу того же автора, см. въ „Галлереѣ Шлиссельбургскихъ узниковъ", Спб., 1907 г. т. I.

[2]) Въ другомъ показаніи Маевскій заявилъ о Лукашевичѣ: 1) что онъ познакомился съ нимъ въ Полтавской губ. и нашелъ его уже масономъ; 2) что однако онъ далъ ему масонскую степень chevalier d'Orient (15-я степень шотландскаго масонства во Франціи); 3) „что по заведеніи имъ, Маевскимъ, ордена тамплiеровъ въ южныхъ польскихъ губерніяхъ, однажды въ Кіевѣ, послѣ принятія Пулавскаго въ тамплiеры, они пригласили и Лукашевича къ своему обѣденному масонскому столу; 4) что онъ предлагалъ Лукашевичу войти въ орденъ тамплiеровъ, но тотъ не принялъ его предложенія, утверждая, что сіе несогласно съ благоразуміемъ и данною имъ россійскому правительству присягою; 5) что онъ отнюдь не знаетъ, распространялъ ли Лукашевичъ въ Малороссіи какой-либо орденъ; наконецъ, 6) что Карвицкій, узнавъ о сношеніи нѣкоторыхъ поляковъ съ тайнымъ россійскимъ обществомъ, просилъ его развѣдать о томъ обстоятельнѣе чрезъ Лукашевича (по причинѣ знакомства сего послѣдняго съ русскими генералами: Раевскимъ, кн. Волконскимъ и пр.), и что Лукашевичъ, исполнивъ просьбу сію, убѣждалъ только не входить ни въ какое сношеніе, удаляться русскихъ заговорщиковъ, дабы не попасть въ бѣду и вообще не заводить никакихъ обществъ". Карвицкій показалъ, что Маевскій изъ хвастливости увѣрялъ о существованіи въ Малороссіи обширной отрасли тамплiеровъ подъ начальствомъ Лукашевича, но послѣ оказалось, что, „кромѣ Лукашевича... не было тамъ никого болѣе". (Арх. гл. штаба, секретная опись 1826 г. № 63. Бумаги Дубровина, Поляки № 14). Извѣстный польскій историкъ Лимановскій говоритъ о польскихъ тамплiерахъ: „независимо отъ національнаго масонства" (главнымъ организаторомъ котораго былъ Валеріанъ Лукасинскій) „уланскій капитанъ Маевскій, который былъ принятъ въ союзъ Тамплiеровъ въ Шотландіи, когда находился тамъ въ качествѣ военноплѣннаго, при содѣйствіи полковника Лаговскаго и военнаго чиновника Заблоцкаго, основалъ въ 1820 г. на Волыни союзъ тамплiеровъ. Въ третьей степени этого союза объявлялась цѣль патріотическая. Отличительною чертою его было то, что въ союзъ принимались также и женщины. Главная ложа была организована въ Кіевѣ въ 1821 г. Маевскій былъ выбранъ управляющимъ ею". *Limanowski.* Historya demokracyi polskiej w epoce porozbiorowej. Zurych, 1901, 131. Какъ видно изъ показаній членовъ польскихъ тайныхъ обществъ, въ орденъ Тамплiеровъ „принимали женщинъ, которыя назывались сестрами" (изъ нихъ была названа только жена Пулавскаго), но онѣ „въ засѣданіяхъ не бывали", а только принимали участіе „въ примиреніи супруговъ". Гос. Арх. I. В. № 328, л. 33 об. О Маевскомъ и тамплiерахъ ср. *Askenazy* Łukasiński II, 79—81, 324.

скому и Пестелю объ обществѣ тамплiеровъ, которое, какъ онъ слышалъ отъ Карвицкаго, существовало въ Малороссiи, имѣло много членовъ, и во главѣ его стоялъ тамошнiй повѣтовый маршалъ, на что Волконскiй и Пестель сказали, что это долженъ быть Лукашевичъ.

Члены русскаго южнаго общества также хотѣли привлечь Лукашевича въ свою среду. Съ кн. С. Г. Волконскимъ Лукашевичъ познакомился у его брата, кн. Н. Г. Репина, а съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ—у Волконскаго. По словамъ Лукашевича, они считали его не только членомъ Союза Благоденствiя, но и членомъ польскаго общества. Лукашевичъ сказалъ имъ, что къ послѣднему онъ не принадлежитъ и считаетъ «не по сердцу русскаго вступать съ поляками въ связи»; на это С. Муравьевъ-Апостолъ возразилъ, что «ненависти народныя основаны» на «уѣздномъ патрiотизмѣ (patriotisme de province)» и «что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о счастiи народномъ, всѣ должны быть одного племени». По словамъ Муравьева, Лукашевичъ согласился съ нимъ. Муравьевъ убѣждалъ его также признать, что «одна только конституцiя можетъ упрочить счастье народное, и что мѣры, обезпечивающiя право собственности и личную свободу, въ нашемъ вѣкѣ извѣстны». Лукашевичъ возразилъ: «счастье народное есть слова пространнаго и сложнаго значенiя, о коемъ положительно излагаться есть нѣсколько самонадѣятельно». Бесѣда скоро оборвалась. Съ С. Муравьевымъ-Апостоломъ Лукашевичъ болѣе не видѣлся, а Волконскiй совершенно охладѣлъ къ нему [1]).

18 мая 1823 г. Александръ I поставилъ комитету министровъ на видъ, что, какъ дошло до свѣдѣнiя государя, масонскiя ложи въ Кiевѣ еще существуютъ, но тайно, и повелѣлъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, произведя изслѣдованiе, о результатахъ его доложить чрезъ комитетъ министровъ [2]).

Военный генералъ-полицiймейстеръ Эртель 30 марта 1824 г. донесъ главнокомандующему 1-ю армiею, что послѣ закрытiя тайныхъ обществъ въ 1822 г. кiевская ложа прекратила существованiе, но членъ ея ген.-майоръ Бѣгичевъ «прибѣгъ къ отрасли масонскаго заговора», т. е. съ гр. Ходкевичемъ открылъ магнетизмъ, которому послѣдовалъ и ген. Раевскiй со всѣмъ усердiемъ, даже многихъ особъ въ Кiевѣ самъ магнетизировалъ, равно и его адъютанты: членъ Союза Благоденствiя Капнистъ [3]) и членъ сѣвернаго общества Мухановъ. По увѣренiю Эртеля, это дѣлалось съ тою цѣлью, «чтобъ имѣть лучшiй способъ... обязывать паціентовъ всѣмъ тѣмъ, что только масонскiя правила тре-

[1]) Гос. Арх. I. В. № 70.

[2]) „Сборн. ист. мат. изъ Архива соб. Е. В. канц." VI, 184.

[3]) Алексѣй Вас., просидѣвшiй въ крѣпости три мѣсяца по дѣлу декабристовъ. „Воспоминанiя С. В. Скалонъ". „Ист. Вѣст." 1891 г. № 6, стр. 620—624. См. о немъ дѣло Госуд. Арх. I В. № 115.

буютъ». Увлеченіе кіевскаго общества магнетизмомъ продолжалось болѣе года [1]).

Главнокомандующій первою арміею гр. Сакенъ препроводилъ донесеніе Эртеля со спискомъ кіевскихъ масоновъ генералъ-адъютанту барону Дибичу. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ штаба первой арміи обратилъ вниманіе Дибича на то, что состоящій въ числѣ кіевскихъ масоновъ Олизаръ проѣхалъ въ Петербургъ на тотъ случай, если бы признано было полезнымъ «имѣть его въ наблюденіи или даже взять предосторожности по искательствамъ его». Заподозрили, что Олизаръ поѣхалъ въ Петербургъ съ тою цѣлью, чтобы стараться отвратить мѣры, которыя будутъ приняты противъ кіевскихъ масоновъ вслѣдствіе донесенія Эртеля [2]). Въ то же время отъ цесаревича Константина Павловича были получены свѣдѣнія, что Олизаръ во время дворянскихъ выборовъ въ 1824 г., когда онъ былъ вновь избранъ губернскимъ предводителемъ дворянства, обращался къ дворянамъ съ польскими патріотическими рѣчами, опасными для общественнаго спокойствія. По пріѣздѣ его въ Петербургъ, кн. П. М. Волконскій объявилъ ему, что государь желаетъ, чтобы онъ не представлялся ни ему, ни кому-либо изъ членовъ императорской фамиліи. Олизаръ написалъ письмо государю, прося приказать объявить ему, въ чемъ состоитъ его вина. Тогда онъ былъ вызванъ къ ген.-губерн. гр. Милорадовичу, который сообщилъ ему повелѣніе государя (данное 25 апрѣля 1824 г.) немедленно оставить Петербургъ. Милорадовичъ сказалъ Олизару, что если онъ не сдѣлаетъ этого, то будетъ вывезенъ въ 24 часа съ жандармами, и на вопросъ о причинѣ высылки упомянулъ о произнесенныхъ имъ въ Кіевѣ рѣчахъ [3]).

---

[1]) Эртель счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія начальства даже и то, что на масляной недѣлѣ 1824 г., съ четверга до субботы, въ Кіевѣ, были „масонскіе блины", а отъ субботы до среды первой недѣли поста въ мѣстечкѣ Борисполѣ у уѣзднаго маршала Вас. Лукашевича. Все лѣто 1823 г. „масонская братія" собиралась на окраинахъ Кіева въ хуторѣ Бѣгичева. Въ спискѣ членовъ „тайнаго общества", которое генералъ Эртель „открылъ" въ Кіевѣ, значатся и ген. отъ кавал. Раевскій, и ген. М. Ѳ. Орловъ, но, по печатнымъ спискамъ членовъ ложи Соединенныхъ Славянъ въ спискахъ союза Астрея, имѣющимся въ Имп. Публичн. Библіотекѣ, они не состояли даже въ числѣ почетныхъ членовъ.

[2]) „Рус. Арх." 1906 г., т. III, 412—415.

[3]) Во время пребыванія Олизара въ Петербургѣ его встрѣтилъ въ трактирѣ Мат. Ив. Муравьевъ-Апостолъ, которому Олизаръ сказалъ, что на него сдѣлали доносъ, будто бы въ собраніи дворянства онъ „говорилъ о свободѣ крестьянъ". На запросъ, по повелѣнію государя, кіевскому гражданскому губернатору, тотъ отъ 26 апрѣля, т. е. уже послѣ высылки Олизара изъ Петербурга, донесъ, что во всѣхъ его поступкахъ „никакихъ вредныхъ преднамѣреній и ничего предосудительнаго... не замѣчается", а также, что во время послѣднихъ дворянскихъ выборовъ въ Кіевѣ такихъ безпорядковъ, кои бы могли... влечь за собою какія-либо вредныя послѣдствія, не замѣчено". Изъ этого видно, что Олизаръ былъ высланъ изъ Петербурга на основаніи ложнаго доноса. Тѣмъ не ме-

На этотъ разъ донесеніе Эртеля о кіевскихъ масонахъ осталось безъ болѣе тяжкихъ послѣдствій, но послѣ событія 14 декабря, черезъ нѣсколько дней оно было препровождено преемнику П. Н. Раевскаго въ командованіи четвертымъ корпусомъ, кн. Щербатову, при чемъ гр. Сакенъ сообщилъ ему повелѣніе государя «принять самыя дѣятельныя, но осторожныя мѣры къ открытію дальнѣйшихъ отраслей союза», цѣль котораго «клонилась къ ниспроверженію законной императорской власти и части коего существуютъ точно въ 4-мъ пѣх. корпусѣ» [1]). Такимъ образомъ власти прямо связывали тутъ масоновъ съ декабристами. Въ концѣ января 1826 г. въ Кіевѣ производилъ допросы о масонахъ генералъ-адъютантъ Демидовъ. На основаніи донесенія Эртеля считалось доказаннымъ, что и послѣ запрещенія тайныхъ обществъ масонская ложа существовала въ Кіевѣ. 12 января 1826 г. былъ арестованъ въ Кіевѣ и отправленъ въ Петербургъ подп. Капнистъ, бывшій адъютантъ генерала Раевскаго. Въ Кіевѣ ходили слухи, что ген. Бѣгичевъ жегъ свои бумаги. Здѣсь же былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ Олизаръ.

Заподозривъ, на основаніи показанія кн. С. П. Трубецкого, что Олизаръ принадлежитъ къ польскому Патріотическому обществу, слѣдственный комитетъ по дѣлу декабристовъ 2 января 1826 г. исходатайствовалъ разрѣшеніе государя арестовать его [2]). Кромѣ того, въ самомъ концѣ декабря 1825 г. на Олизара былъ сдѣланъ доносъ находившимся въ Кіевѣ «для общаго наблюденія» адъютантомъ гл. штаба 1-й арміи капитаномъ Сотниковымъ, въ которомъ указывалось на «участіе гражданской части въ заговорѣ», выразившееся въ томъ, что «губернскій маршалъ» (Олизаръ) «съ нѣкоторыми повѣтами» (уѣздами) «медлитъ присягою» и что поляковъ будто бы замѣтна «большая преданность» цесаревичу. Во время допросовъ ему не трудно было опровергнуть этотъ доносъ. Подозрѣніе возбудило также его знакомство съ Бестужевымъ-Рюминымъ, С. Муравьевымъ-Апостоломъ, кн. Волконскимъ и Давыдовымъ. Олизаръ содержался въ Петропавловской крѣпости, куда былъ, посаженъ 21 января 1826 г., при чемъ императоръ Николай приказалъ содержать его «строго, но хорошо». Бестужевъ-Рюминъ полагалъ, что

пѣе Константину Павловичу было повѣлено государемъ продолжать за нимъ наблюденіе, и 9 января 1826 г., т. е. незадолго до ареста Олизара, цесаревичъ (очевидно, не зная о донесеніи кіевскаго губернатора) сообщилъ барону Дибичу, что „имѣлъ невыгодное на счетъ образа мыслей его донесеніе еще въ 1824 г." Pamiętniki Olizara, 144—149; „Рус. Вѣстн." 1893 г. № 8, стр. 37—40; „Сборн. Мат. изв. изъ Арх. соб. Е. В. канц." VI, 206—208. Арх. гл. штаба, секретная опись 1827 г. № 154 (бумаги Дубровина, Поляки № 14). Гос. Арх. I. В. № 316, л. 18, № 397, л. 100.

[1]) Госуд. Арх. I. В. № 17, л. 1—3.

[2]) Госуд. Арх. I. В. № 25, л. 29 об.

онъ членъ польскаго общества, но кн. Яблоновскій и гр. Мошинскій рѣшительно отрицали это. По предложенію слѣдственнаго комитета (12 февраля 1826 г.), императоръ Николай приказалъ выпустить Олизара. Но съ нимъ случилось несчастье. На пути на югъ, въ Тульской губ., онъ потерялъ мѣшокъ съ бумагами, между которыми оказались дипломы на французскомъ языкѣ «тайнаго общества подъ названіемъ Алкивіадъ». Въ одномъ изъ нихъ объявлялось, что Олизаръ принятъ подъ именемъ Вашингтона и съ достоинствомъ рыцаря-меченосца, а въ другомъ рыцарю-меченосцу Вашингтону давалось спеціальное порученіе: учрежденіе египетскихъ горъ на Волыни, Подоліи, Брацлавѣ и Украинѣ по даннымъ ему секретнымъ инструкціямъ съ правомъ назначать старѣйшинъ горъ и принимать членовъ. На дипломахъ не были помѣчены ни время, ни мѣсто ихъ выдачи. Въ засѣданіи петербургской слѣдственной коммисіи 17 іюня 1826 г., куда присланы были эти документы, было постановлено: «названіе рыцарей храмовыхъ и меченосцевъ, кои въ сихъ дипломахъ усматривается, даютъ поводъ думать, что они относятся къ обществу тамплiеровъ, о коихъ производится слѣдствіе въ Варшавѣ», и потому бумаги эти были отправлены къ цесаревичу для дальнѣйшаго изслѣдованія. Олизаръ былъ вновь арестованъ въ Кіевѣ и 20 іюля отправленъ въ Варшаву. Но онъ и Малаховскій показали, что документы эти были изготовлены ими въ 1817 г. въ Петербургѣ для мистификаціи. Олизаръ былъ очень скоро освобожденъ съ учрежденіемъ надъ нимъ тайнаго надзора, подъ которымъ онъ состоялъ 7 лѣтъ [1]).

Названіе ложи Соединенныхъ Славянъ напоминаетъ о тайномъ обществѣ Соединенныхъ Славянъ, которое, по предложенію Бестужева-Рюмина, присоединилось къ Южному Обществу, но прямой связи между этою ложею и обществомъ Соединенныхъ Славянъ прослѣдить нельзя. Основатель этого общества артиллерійскій подпоручикъ Ист. И. Борисовъ первоначально на допросѣ заявилъ, что въ маѣ 1818 г. онъ вступилъ въ Одессѣ въ масонскую ложу Друзей Природы, по предложенію французскаго купца Ольвіера [2]) и что былъ членомъ ложи до самаго запрещенія тайныхъ обществъ въ 1822 г.; Горбачевскому же онъ говорилъ, что состоитъ членомъ масонской ложи Друзей Природы въ Малороссіи.

[1]) Гос. Арх. I. В. № 71, № 326, т. III, л. 324—334; Pamiętniki G. Olizara. Lwów. 1892. Извлеченіе изъ нихъ см. въ „Рус. Вѣст." 1893 г. №№ 8 и 9; ср. *В. С. Иконниковъ*. „Крест. движеніе въ Кіевской губ. 1826 г.", стр. 37—39. По связи тамплiеровъ въ г. Брацлавѣ есть указаніе въ „Manuel des chevaliers de l'ordre du Temple". P. 1699 (1817), p. 201. Какъ разъ въ это время (1817 г.) М. Ѳ. Орловъ и Дмитріевъ-Мамоновъ носились съ мыслію объ основаніи общества Русскихъ Рыцарей. Въ 1818 Г. Олизаръ былъ членомъ ложи Палестины въ Петербургѣ.

[2]) Въ Одессѣ въ томъ же году начинала устраиваться шотландская ложа Трехъ Царствъ Природы. *Пыпинъ*. Указатель № 140; „Вѣстн. Евр." 1872. № 2, стр. 596—7.

Но затѣмъ П. Борисовъ показалъ, что оба эти заявленія ложны, а что въ 1818 г., находясь въ одномъ мѣстечкѣ Полтавской губ., онъ задумалъ основать тайное общество, цѣлью котораго были правила «пифагоровой секты [1]), усовершенствованіе себя въ наукахъ, художествахъ и добродѣтели, любовь и дружба». Затѣмъ къ прежней цѣли были присоединены «усовершенствованіе нравственности и очищеніе религіи отъ предразсудковъ», а также «основаніе извѣстной республики философа Платона». Такъ было устроено общество «Друзей Природы», которое просуществовало недолго. Затѣмъ онъ основалъ въ 1823 г. общество Соединенныхъ Славянъ, члены котораго должны были давать слѣдующую клятву:

«Вступая въ число Соединенныхъ Славянъ для избавленія себя отъ тиранства и для возвращенія свободы, столь драгоцѣнной роду человѣческому, я торжественно присягаю на семъ оружіи на взаимную любовь, что для меня есть Божествомъ и отъ чего я ожидаю исполненія всѣхъ моихъ желаній. Клянусь быть всегда добродѣтельнымъ, вѣчно быть вѣрнымъ нашей цѣли и соблюдать глубочайшее молчаніе. Самый адъ со всѣми своими ужасами не вынудятъ у меня указать тиранамъ моихъ друзей и ихъ намѣренія. Клянусь, что уста мои тогда только откроютъ названіе сего союза предъ человѣкомъ, когда онъ докажетъ несомнѣнное желаніе быть участникомъ онаго; клянусь до послѣдней капли крови, до послѣдняго вздоха вспомоществовать вамъ, друзья мои, отъ этой святой для меня минуты. Особенная дѣятельность будетъ первою моею добродѣтелью, а взаимная любовь и пособіе—святымъ моимъ долгомъ. Клянусь, что ничто въ мірѣ тронуть меня не будетъ въ состояніи. Съ мечемъ въ рукахъ достигну цѣли, нами назначенной. Пройду тысячи смертей, тысячи препятствій,—пройду и посвящу послѣдній вздохъ свободѣ и братскому союзу благородныхъ славянъ. Если же нарушу сію клятву, то пусть угрызенія совѣсти будутъ первою местью гнуснаго клятвопреступленія, пусть сіе оружіе обратится остріемъ въ сердце мое и наполнитъ оное адскими мученіями, пусть минута жизни моей, вредная для моихъ друзей, будетъ послѣдняя, пусть отъ сей гибельной минуты, когда я забуду свои обѣщанія, существованіе мое превратится въ цѣпь неслыханныхъ бѣдъ [2]). Пусть увижу все любезное моему сердцу издыхающимъ отъ сего оружія въ ужасныхъ мученіяхъ, и оружіе сіе, достигая меня, преступнаго, пусть покроетъ меня ранами и безславіемъ, собравъ на главу мою цѣлое бремя

[1]) О союзѣ пиѳагорейцевъ см. *Шустеръ* „Тайныя общества, союзы и ордена", т. I, 1905 г., стр. 100—106. Объ ученіи Пиѳагора часто упоминали французскіе масонскіе писатели. Allgemeines Handb. der Freimaurerei, 2 Aufl. 1865, III. 210.

[2]) Отсюда до конца клятвы въ текстѣ ея, находящемся въ дѣлѣ другого члена общества Соединенныхъ Славянъ, Выгодовскаго, иначе: „Пусть увижу все близкое къ моему сердцу отъ сего оружія посреди страшныхъ мученій издыхающимъ, а сей мечъ, достигая виновнаго, пускай покроетъ его ранами и безславіемъ и, собравши на главу того всѣ тягости физическихъ и нравственныхъ золъ, напечатлѣютъ на семъ челѣ печать отверженія отъ цѣлой природы".

физическаго и моральнаго зла, выдавить на челѣ печать юродливаго сына сей природы [1])».

Возможно, что клятва эта навѣяна правилами карбонаріевъ. Вотъ напр., какую клятву приносили карбонаріи 2-й товарищеской степени, въ ложѣ въ Неаполѣ, носившей названіе *Свободныхъ Пивагорейцевъ* [2]) Это названіе, быть можетъ, не случайно совпадаетъ съ желаніемъ Общества Друзей Природы, основаннаго Борисовымъ 2-мъ въ 1818 году, стремиться къ осуществленію правилъ «Питагоровой секты». У неаполитанскихъ Свободныхъ Пивагорейцевъ были брошюрки съ правилами ихъ ложи (на итальянскомъ языкѣ), и онѣ могли сдѣлаться Борисову 2-му извѣстными въ Одессѣ чрезъ французскаго купца Ольвіера. Впрочемъ, карбонарскія вліянія могли проникать въ Россію и черезъ Польшу [3]).

Въ донесеніи агента изъ Кіева отъ 15 февраля 1822 г. (на французскомъ языкѣ) было сказано: «Масонскія ложи со дня на день все болѣе укрѣпляются во всей странѣ; дѣло идетъ уже не о масонствѣ,— это секретное собраніе людей злоумышленныхъ. Наиболѣе знаменита ложа въ Житомірѣ. Есть тайная ложа въ Кременцѣ, а также въ Волынской губ. въ Рафаловкѣ, у Нарциса Олизара, который, какъ говорятъ, въ сношеніяхъ съ Краковомъ, главнымъ центромъ польскихъ злоумышленниковъ» [4]). Связь польскаго масонства съ политическимъ освободительнымъ движеніемъ совершенно несомнѣнна.

Въ Житомірѣ находилась принадлежавшая къ союзу Астреи ложа Разсѣяннаго Мрака, многіе члены которой были въ сношеніяхъ съ членами Южнаго общества, какъ это видно изъ того, что послѣ 14 де-

---

[1]) Госуд. Арх. I. В. № 431 (дѣло о П. И. Борисовѣ 2-мъ), л. 10.

[2]) „Я клянусь предъ великимъ архитекторомъ вселенной и даю мое честное слово на этомъ оружіи, которое мститъ клятвопреступникамъ, самымъ строжайшимъ образомъ, ненарушимо хранить тайну достопочтенной ложи и никогда не открывать ее посторонними, а также и ученику тайну степени товарища. Я клянусь питать дружбу и вѣчную привязанность ко всѣмъ моимъ братьямъ, помогать имъ въ нуждѣ и всегда оказывать имъ поддержку даже цѣною своей крови... Я клянусь въ вѣчной ненависти къ тиранамъ и всѣмъ ихъ приспѣшникамъ и въ томъ, что буду изыскивать всѣ случаи для ихъ искорененія. Клянусь, что не буду принадлежать ни къ какому обществу, враждебному этому. Наконецъ, клянусь, что если я когда-либо окажусь клятвопреступникомъ, то буду готовъ на то, чтобы мое тѣло было разорвано на куски, брошено въ огонь, обращено въ пепелъ и разсѣяно по вѣтру, наконецъ, чтобы мое имя вызывало омерзеніе у всѣхъ братьевъ, разсѣянныхъ по поверхности земли".

[3]) *Askenazy*, Ros. Pol., 96, 97, 99. Ср. клятву косиньеровъ. *Василевскій* I, 73.

[4]) Это донесеніе было найдено въ кабинетѣ Александра I послѣ его смерти. „Гос. Арх." I. В. № 12, л. 19. Ложа въ Рафаловкѣ находилась подъ управленіемъ варшавскаго Великаго Востока. Этотъ доносъ могъ сыграть извѣстную роль и въ дѣлѣ запрещенія масонскихъ ложъ въ Россіи вообще, а также отчасти объяснить и раздраженіе Александра I въ 1824 г. противъ брата Нарциса Олизара, Густава.

кабря 1825 г. было арестовано до 20 помѣщиковъ Волынской губ., принадлежавшихъ большею частью къ житомірской ложѣ: волынскій губернскій предводитель дворянства Петръ Мошинскій, Станиславъ Карвицкій и др, [1]). Въ Житомірѣ была и ложа тампліеровъ подъ управленіемъ Карвицкаго, а другая ложа этого ордена подъ начальствомъ Мошинскаго существовала въ Подоліи [2]). Въ Житомірѣ находились и многіе члены общества Соединенныхъ Славянъ [3]).

III.

7 іюля 1821 г. въ Кишиневѣ образовалась масонская ложа, принявшая названіе Овидія и рѣшившая работать на французскомъ языкѣ. Учредителями ея были 13 человѣкъ. Управляющимъ ложею былъ генералъ-майоръ Пав. Серг. Пущинъ. Онъ прежде служилъ въ Семеновскомъ полку [4]). Кн. С. П. Трубецкой во время слѣдствія показалъ, что Пущинъ былъ членомъ Общества (Союза Благоденствія), но уже давно ни съ кѣмъ изъ членовъ его сношенія не имѣетъ. Комаровъ по слухамъ также назвалъ его членомъ Общества. Въ Кишеневѣ онъ былъ бригаднымъ командиромъ и до пріѣзда М. Ѳ. Орлова временно командовалъ 16-ю дивизіею. Уже въ это время приступлено было къ учрежденію ланкастерской школы въ Кишиневѣ, въ которую нѣсколько позднѣе преподавателемъ былъ назначенъ Влад. Ѳеодос. Раевскій, извѣстный членъ Тайнаго Общества [5]) Киселевъ считалъ П. С. Пущина «офицеромъ дѣятельнымъ и полезнымъ службѣ», но когда на него поднялось гоненіе, нашелъ его человѣкомъ «слабымъ», т. е., очевидно, неспособнымъ къ поддержанію жестокими средствами тогдашней суровой дисциплины [6]). Генералъ Сабанѣевъ писалъ Закревскому въ 1817 году: «служившій въ гвардіи полковникъ Пущинъ малый рѣдкій, умный, честный, усердный, словомъ, прекраснѣйшій» [7]). Онъ былъ большимъ пріятелемъ М. Ѳ. Орлова [8]).

---

[1]) „Древняя и новая Россія" 1879 г., октябрь, стр. 153—154. Къ слѣдствію въ Петербургѣ привлекались члены этой ложи Станиславъ Проскура, который былъ освобожденъ („Госуд. Арх." I. В. № 182) и гр. Мошинскій („Гос. Арх." I. В. № 321). Любопытно, что, когда Станиславу Проскурѣ было предложено вступить въ польское тайное общество, онъ отвѣчалъ, что только тогда вступитъ въ него, когда члены его отпустятъ на волю своихъ крестьянъ.

[2]) *Базилевскій* (Богучарскій). „Госуд. преступн. въ Россіи". I. 79—80.

[3]) Записки декабриста Горбачевскаго. „Рус. Арх." 1882 г., т. I. стр. 476.

[4]) Записки Вигеля VII. 183; „Рус. Арх." 1866 г., 1126. Въ 1817—18 г. онъ былъ отсутствующимъ членомъ ложи Соединенныхъ Друзей въ Петербургѣ.

[5]) „Рус. Арх." 1866 г., стр. 1429.

[6]) „Сборн. Ист. Общ.", т. 78, стр. 59, 95.

[7]) „Сборн. Ист. Общ.", т. 73, стр. 572.

[8]) Неудивительно, что Вигелю онъ не нравился. Записки Вигеля VI. 115, VII. 183. Срав. о Пущинѣ воспоминанія Липранди. „Рус. Арх." 1866 г., стр. 1429—1441.

Въ числѣ остальныхъ 12 учредителей ложи были еще 4 офицера: ген.-майоръ Сергѣй Тучковъ, бывшій членомъ ложи Избраннаго Михаила въ Петербургѣ и почетнымъ членомъ ложи Сѣвернаго Свѣтильника въ Минскѣ [1]), майоръ Максимовичъ, членъ ложи Золотого Шара въ Гамбургѣ, подполковникъ Бароцци, членъ закрытой уже ложи Георгія Побѣдоносца, бывшій при нашемъ отдѣльномъ корпусѣ во Франціи, и подполковникъ Кюрто, витія (ораторъ) ложи Озириса къ Пламенѣющей Звѣздѣ въ Каменецъ-Подольскѣ [2]). Остальными учредителями были естествоиспытатель Тарданъ, писатель Бранковичъ, докторъ медицины и хирургіи Гирлянда, адвокатъ Флёри, бывшій французскій офицеръ баронъ Шамбонно, боярынъ Бернардо, купецъ Драгушевичъ и, наконецъ, баронъ Луи Треска, бывшій полковникъ французской службы, испанскій масонъ, мастеръ мадридскаго Востока. Послѣдній имѣлъ хорошее прошлое. 27 ноября 1816 года кн. Вяземскій писалъ о немъ изъ Москвы А. И. Тургеневу: «на-дняхъ пріѣдетъ къ тебѣ съ письмомъ отъ меня гишпанецъ, несчастный изгнанникъ, одинъ изъ тѣхъ, которые бились за свободу, независимость отечества и законнаго царя» (Фердинанда VII), «который изъ благодарности пустилъ ихъ по міру. Судьба его бросила въ Россію. Въ Одессѣ видѣлъ онъ великаго князя Николая Павловича, который пригласилъ его въ Петербургъ, куда онъ и ѣдетъ. Онъ—баронъ Треска и мнѣ рекомендованъ Плещеевымъ» [3]).

Великая ложа Астрея вполнѣ сочувственно отнеслась къ просьбѣ кишиневской ложи и въ собраніи 17 сентября 1821 г. включила ее въ число ложъ своего союза подъ № 25, уполномочивъ своего великаго мастера выслать ей патентъ, какъ только онъ найдетъ это нужнымъ. Сенаторъ Кушелевъ, намѣстный мастеръ Астреи, возражалъ противъ немедленнаго признанія кишиневской ложи, предлагая «подробно узнать о просителяхъ, имѣютъ ли они требуемыя масонствомъ отличныя качества и пользуются ли какъ отъ тамошняго правительства, такъ и отъ общества своего совершенной довѣренностью уваженія» [4]). Однако

---

[1]) Записки его (1766—1808 г.) изданы К. А. Военскимъ. Спб. 1908 г.

[2]) „Рус. Стар." 1907 г. № 6, стр. 661, № 8, стр. 405, № 7, стр. 213. Tableau général de la grande Loge Astrée, 5820—21, p. 270.

[3]) „Остафьевскій Архивъ" I, 64, ср. 65, 38. Онъ былъ въ крайней нуждѣ, такъ что кн. Вяземскому пришлось позаботиться о снабженіи его одеждою и деньгами. Крайне нуждался онъ и въ Кишиневѣ (Пущинъ собралъ для него до 150 рублей), но тѣмъ не менѣе нѣтъ никакихъ основаній называть его „личностью темною", „подозрительною", какъ это дѣлаетъ П. К. Кульманъ. Это видно изъ того, что изъ Кишинева онъ поѣхалъ въ Варшаву „для заведенія", какъ донесли правительству, „въ польскихъ войскахъ масонской ложи". Быть шпіономъ онъ не могъ уже потому, что говорилъ только по-испански, а по-французски объяснялся съ большимъ затрудненіемъ". *Кульманъ.* „Къ исторіи масонства въ Россіи. Кишиневская ложа". „Журн. мин. нар. просв." 1907 г. № 10, стр. 354—355, 372.

[4]) Гос. Арх. 1 В. № 12, л. 51—52.

7 октября «чиновники» ложи Астреи подписали грамоту ложи Овидія, но Кушелевъ отъ этого отказался.

Составъ ложи Овидія не ограничился одними учредителями. Извѣстно свидѣтельство А. С. Пушкина въ письмѣ къ Жуковскому (1826 г.), что онъ былъ членомъ этой ложи [1]). Пушкинъ не значился въ числѣ учредителей ложи, но есть показаніе ея члена д-ра Шуллера [2]) 20 декабря 1826 г. о томъ, что, кромѣ извѣстныхъ уже намъ генерала Пущина, д-ра Гирлянда, Максимовича и Брачини (вѣроятно Бранковича), членами этой ложи были «Александръ Пушкинъ», помѣщикъ Алексѣевъ, состоявшій по особеннымъ порученіямъ при ген.-лейт. Инзовѣ, [3]) и аптекарь Майглеръ. Другихъ членовъ ложи Шуллеръ не помнилъ. Онъ показалъ, что цѣль ложи Овидія была благотворительная, такъ какъ во время засѣданій собирались деньги въ пользу бѣдныхъ [4]). Изъ документа, напечатаннаго П. К. Кульманомъ видно, что членами ложи были также чл. Тайн. Общ. поэтъ майоръ В. Ѳ. Раевскій и швейцарецъ Миттергоферъ. Что касается Іосифа Розенберга, чрезъ котораго захотѣлъ втереться въ ложу полицейскій агентъ, то это былъ «братъ служитель», т. е. лакей [5]).

Уже одного имени В. Ѳ. Раевскаго достаточно, чтобы быть увѣреннымъ, что въ ложѣ Овидія разговаривали не объ одной благотворительности. Извѣстны слова Пушкина въ уже упомянутомъ выше письмѣ Жуковскому: «Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ майоромъ Раевскимъ, съ генераломъ Пущинымъ и Орловымъ. Я былъ масонъ кишиневской ложи, т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи». Причины закрытія масонскихъ ложъ были очень сложны и запрещеніе у насъ масонства подготовлялось постепенно [6]); поэтому слова Пушкина о томъ, что изъ-за кишиневской ложи были уничтожены всѣ ложи въ Россіи, не могутъ быть признаны вполнѣ соотвѣтствующими истинѣ, но тѣмъ не менѣе очень важно опредѣлить, почему кишиневская ложа была такъ скоро закрыта, почему Александръ I проявилъ такую строгость относительно П. С. Пущина и запретилъ всѣмъ военнымъ участвовать въ масонскихъ ложахъ Бессарабіи.

---

[1]) Сочиненія Пушкина, изд. Акад. Наукъ. Переписка, подъ редак. В. И. Саитова, т. I, 318.

[2]) Онъ былъ также членомъ ложи Parfait Réunion, находившейся подъ управленіемъ Великаго Востока въ Парижѣ.

[3]) О дружественныхъ отношеніяхъ Н. С. Алексѣева съ Пушкинымъ см. статью г. *Бартенева*. „Пушкинъ въ южной Россіи" и замѣчанія на нее Липранди въ „Рус. Арх." 1866 г. Тамъ же см. о д-рѣ Шуллерѣ.

[4]) Архивъ главнаго штаба, секретная опись 1826 г. дѣло № 438. Это показаніе, какъ и нѣкоторыя другія бумаги изъ архива главнаго штаба, извѣстно мнѣ по копіи Н. Ѳ. Дубровина.

[5]) Статья П. К. Кульмана, стр. 365, отд. оттискъ стр. 25.

[6]) См. мою статью „Декабристы масоны". „Минувшіе Годы" 1908 г. № 2.

Поводомъ къ этимъ репрессіямъ является, повидимому, донесеніе 1821 г. о «кишиневскихъ новостяхъ», составленное по свѣдѣніямъ секретныхъ агентовъ, которое начинается такимъ образомъ: «въ ланкастеровой школѣ, говорятъ, что, кромѣ грамоты, учатъ ихъ и толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи. Нижніе чины говорятъ: «дивизіонный командиръ» (М. О. Орловъ) «нашъ отецъ, онъ насъ просвѣщаетъ». 16-ю дивизію называютъ орловщиной... Пушкинъ ругаетъ публично, и даже въ кофейныхъ домахъ, не только военное начальство, но даже и правительство. Охотниковъ [1]) поѣхалъ въ Кіевъ просить дивизіоннаго командира, чтобы онъ пріѣхалъ скорѣе» [2]). Далѣе говорится о томъ, что Липранди обѣщаетъ солдатамъ свою защиту при помощи дивизіоннаго командира, и приведены слова рядового съ выраженіемъ сочувствія Орлову и нелюбви къ корпусному командиру Сабанѣеву. Нужно имѣть въ виду, что это донесеніе изъ Кишинева было получено въ 1821 г. и находится въ одномъ дѣлѣ съ документами, касающимися кишиневской ложи [3]). Послѣдствія этого донесенія сказались очень скоро послѣ того, какъ устроилась кишиневская ложа; это донесеніе окрасило особымъ свѣтомъ другія, дошедшія до свѣдѣнія Александра I, донесенія о томъ, что будто бы въ Измаилѣ учреждается масонская ложа подъ управленіемъ ген.-м. Тучкова, а въ Кишиневѣ подъ управленіемъ прибывшаго изъ Молдавіи кн. Суццо. Въ февралѣ этого года Ипсиланти провозгласилъ греческое возстаніе въ дунайскихъ княжествахъ, которое тамъ было окончательно подавлено лишь къ октябрю. Въ томъ же 1821 г. была представлена Александру I записка Грибовскаго о тайномъ обществѣ, закрыты масонскія ложи въ Царствѣ Польскомъ и проч. Рѣшено было дѣйствовать въ Бессарабіи весьма энергично. 19 ноября 1821 г. князь Волконскій сообщилъ генералу Инзову, который самъ былъ масономъ (онъ состоялъ членомъ ложи Золотой Шаръ въ Гамбургѣ) [4]), повелѣніе государя немедленно закрыть всѣ существующія въ Бессарабіи масонскія ложи «и впредь имѣть неослабное наблюденіе», чтобы ихъ не было въ этомъ краю подъ страхомъ строгой отвѣтственности. Сдѣлалось извѣстнымъ и участіе Пушкина въ масонской ложѣ, почему Инзову велѣно было донести го-

---

[1]) Членъ Союза Благоденствія и Южнаго общества. См. отзывы о немъ Липранди („Рус. Арх." 1866 г., стр. 1252) и М. О. Орлова (*Гершензонъ*. „Ист. мол. Россіи", 27). Онъ умеръ до слѣдствія о дѣлѣ декабристовъ.

[2]) „Рус. Стар." 1883 г., т. 40, стр. 657—8; Военно-ученый Архивъ, отд. I, № 1018. Вѣроятно, это донесеніе составляетъ одно изъ „приложеній", присланныхъ П. М. Волконскимъ къ Витгенштейну. Ср. ст. Кульмана, стр. 20.

[3]) Военно-ученый Архивъ, отд. I, № 1018.

[4]) Ложа эта, состоявшая въ союзѣ Великой Landesloge въ Берлинѣ, получила свое названіе (переименована изъ другой ложи) въ 1770 г.; въ ней были членами Лессингъ, Фаригагенъ фонъ-Энзе и др. Есть исторія этой ложи: *Graupenstein* Geschichte der St. Iohannis Loge zur goldenen Kugel. Hamb. 1870. Allg. Handb. der Freimaur. 3 Aufl, 1900, I, 415—417.

сударю, «въ чемъ состоятъ и состояли занятія» Пушкина «со времени опредѣленія его» къ нему, «какъ онъ велъ себя» и почему не было обращено вниманія на занятія его по «масонскимъ ложамъ?» При этомъ повторено было предписаніе «имѣть за поведеніемъ и дѣяніями его самый ближайшій и строгій надзоръ» [1]). Въ тотъ же день кн. П. М. Волконскій секретно передалъ главнокомандующему 2-й арміи гр. П. Х. Витгенштейну волю государя, «чтобы и онъ обратилъ вниманіе на учреждаемыя или уже открытыя масонскія ложи въ Бессарабіи, и чтобы никто изъ чиновъ 2-й арміи въ нихъ не вступалъ, зачѣмъ и имѣть строжайшій надзоръ». Волконскій добавилъ, что, по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до государя, «полагается быть причастнымъ» къ нимъ генералъ-майоръ Пущинъ, котораго и предписано было «взять въ особенное замѣчаніе» [2]).

Добрякъ Инзовъ старался по возможности защитить членовъ кишиневской ложи, какъ и подобало масону относительно братьевъ-масоновъ. Онъ отвѣчалъ 1 декабря, что г.-м. Пущинъ показывалъ ему бумагу, полученную имъ отъ Астреи, которою дозволяется ему «съ вѣдома министерства внутреннихъ дѣлъ» открыть символическую ложу (т. е. обыкновенную іоанновскую ложу, состоящую изъ братьевъ трехъ степеней) «на правилахъ, извѣстныхъ правительству», при чемъ сообщилъ и списокъ членовъ-основателей; на это онъ, Инзовъ, отвѣчалъ, что не можетъ разрѣшить устройства ложи, пока не получитъ соизволенія государя, чѣмъ «и выполненіе остановлено». Въ Измаилѣ, доносилъ Инзовъ, никакихъ ложъ не существуетъ, а ген.-м. Тучковъ подписался въ числѣ учредителей кишиневской ложи. Инзовъ заявлялъ, что хотя онъ «самъ былъ масонъ», но, несмотря на то, никогда не допустилъ бы подобныхъ учрежденій «безъ воли государя», увѣрялъ, будто бы, «масонскихъ ложъ въ Бессарабіи нѣтъ» и что не имѣетъ причины что-либо скрывать отъ государя. Что касается Пушкина, то онъ «ведетъ себя изрядно», масономъ же быть не можетъ, хотя бы и желалъ, такъ какъ ложа не открыта [3]).

Гр. Витгенштейнъ, получивъ письмо кн. Волконскаго поручилъ начальнику штаба 2-й арміи П. Д. Киселеву разузнать о масонскихъ ложахъ и объ участіи въ масонствѣ Пущина. По требованію Киселева, Пущинъ составилъ записку (до сихъ поръ неразысканную), представилъ списокъ учредителей масонской ложи и изъявилъ готовность отказаться отъ участія въ ней. Въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ Вит-

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1883 г. № 12, стр. 654—655.

[2]) Ст. Н. К. Кульмана, стр. 359.

[3]) „Рус. Стар.“ 1883 г. № 12, стр. 655—657. Вѣроятно не было торжественнаго открытія ложи (ея инсталаціи), но она уже имѣла засѣданія, при чемъ производились обычные сборы въ пользу бѣдныхъ, у ложи была своя квартира въ особомъ домѣ. (См. выше, стр. 315, показаніе Шуллера и донесеніе агента въ прил. къ очерку Кульмана).

генштейну Киселевъ далъ одобрительный отзывъ о Пущинѣ и майорѣ Максимовичѣ, какъ офицерахъ, относительно же подполковника Кюрто замѣтилъ, что у него 9 человѣкъ дѣтей, и что онъ «масонствомъ мало занимается». Въ письмѣ къ Сабанѣеву Киселевъ сообщалъ желаніе Витгенштейна, чтобы всякія масонскія учрежденія были извѣстны начальству, чтобы за ними было «неослабное смотрѣніе» и о нихъ немедленно доносилось бы главнокомандующему. Пущинъ извѣстилъ Киселева, что прекратитъ сношенія съ масонами, прежде же не думалъ, чтобы въ этомъ было что-либо «противное начальству» [1]). Витгенштейнъ ходатайствовалъ предъ государемъ о прощеніи Пущина, Кюрто и Максимовича.

16 декабря Киселевъ сообщилъ ген. Рудзевичу волю Александра I, чтобы офицерамъ не дозволялось вступать въ ложи, и что считается полезнымъ негласно составить списокъ всѣхъ офицеровъ, бывшихъ или и теперь числящихся масонами, чтобы надзоръ за ними могъ быть успѣшнѣе. Рудзевичъ изъ Одессы 8 января 1822 г. отвѣчалъ, что пока существованія ложъ не замѣчено, графъ же Ланжеронъ, бывшій членомъ одесской ложи Понта Евксинскаго и почетнымъ членомъ многихъ другихъ ложъ [2]), отвѣчалъ 16 января, что въ масонской ложѣ, существующей въ Одессѣ, нѣтъ ни одного изъ чиновъ 2-й арміи, и такъ какъ онъ самъ состоитъ членомъ этого общества, то, «присутствуя всегда» на его собраніяхъ, можетъ удостовѣрить, что «въ ложѣ не происходитъ ничего предосудительнаго и что о политическихъ дѣлахъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не разсуждаютъ» [3]).

Вслѣдствіе словъ Инзова въ отвѣтѣ Волконскому, что Астрея дозволила Пущину открыть ложу съ вѣдома министерства внутреннихъ дѣлъ, по повелѣнію государя, былъ сдѣланъ 22 декабря 1821 г. запросъ управляющему министерства внутреннихъ дѣлъ Кочубею, а тотъ снесся съ управленіемъ союза Астреи [4]). Затѣмъ послали новый запросъ по этому дѣлу Инзову, на который онъ 15 января 1822 года отвѣчалъ кн. Волконскому, что не могъ получить отъ Пущина подлиннаго разрѣшенія

[1]) Изъ донесенія агента видно, что 9 декабря ночью Пущинъ приказалъ перенести всѣ украшенія ложи въ свою квартиру и помѣщеніе ея сдать въ наемъ.

[2]) „Рус. Стар.“ 1907 г. № 6, стр. 660.

[3]) На запросъ Киселева, не состоитъ-ли кто-либо изъ чиновъ второй арміи членомъ масонской ложи въ Каменцѣ-Подольскомъ, былъ полученъ отвѣтъ, что такъ какъ войска давно не стоятъ въ этомъ городѣ, то и нельзя полагать, чтобы кто-либо „изъ военныхъ“ былъ членомъ ложи, а между тѣмъ изъ списковъ масоновъ союза Астреи за 1820—21 г. видно, что, кромѣ подп. Кюрто, членами ея были кн. Петръ Трубецкой (членъ Союза Благоденствія), полковникъ, комендантъ гор. Каменца, Василій Сипягинъ, подполк. Ѳед. Гедихенъ, въ числѣ отсутствующихъ членовъ—свитскій офицеръ Розаліонъ-Сошальскій, въ числѣ почетныхъ членовъ 5 военныхъ. Tableau de la grande Loge Astrée 58 $^{20}/_{21}$, p. 270, 272—4, 276, 279, 280.

[4]) „Рус. Стар.“ 1907 г. № 2, стр. 345.

Астреи на открытіе ложи въ Кишиневѣ, такъ какъ выдача его лицу, не принадлежащему къ этому союзу, «было бы со стороны его нарушеніемъ обязательства и сдѣланной ему довѣренности». При этомъ Инзовъ пояснилъ, что въ бумагѣ Астреи нѣтъ словъ, что ложа учреждается «съ вѣдома министерства внутреннихъ дѣлъ, да и не могло быть», такъ какъ «существованіе масонскихъ ложъ не входитъ въ твердыя постановленія правительства, но токмо терпимо» имъ, слѣдовательно, и формальнаго дозволенія не бываетъ. Что же касается употребленныхъ Инзовымъ въ его первомъ отвѣтѣ словъ «съ вѣдома министерства внутреннихъ дѣлъ», то они объясняются тѣмъ, что въ бумагѣ, полученной Пущинымъ отъ Астреи, было сказано, что она работаетъ съ согласія правительства, и въ § 60 ея Уложенія есть указаніе на то, что она можетъ «съ свѣдѣнія и дозволенія правительства» устраивать ложи по всей Россіи. Этотъ отвѣтъ Инзова, доложенный Волконскимъ государю, очень повредилъ Пущину. Александръ I приказалъ объявить ему, чтобы онъ «непремѣнно, безъ всякихъ отговорокъ», доставилъ оригинальную бумагу Астреи, такъ какъ «никто и никакая ложа въ Россіи не можетъ противиться высочайшему повелѣнію, которое должно всѣми и во всякомъ случаѣ исполняться безъ прекословія и малѣйшаго разсужденія», въ случаѣ же какого-либо сопротивленія, Инзову разрѣшалось употребить даже силу. Воля государя была исполнена, и въ письмѣ отъ 22 февраля Инзовъ оправдывался тѣмъ, что въ первомъ предписаніи Волконскаго ему велѣно было «постараться» достать бумаги, присланныя Астреею, почему онъ и не рѣшился тогда потребовать ихъ именемъ государя.

Гнѣвъ Александра I на Пущина сказался въ томъ, что когда онъ, будучи дѣйствительно больнымъ, попросился въ отпускъ, чтобы ѣхать на воды за границу, то Волконскій передалъ гр. Витгенштейну волю государя, что такъ какъ 2-я армія «находится въ готовности къ походу, то отпусковъ давать не время», и потому Пущина велѣно вовсе уволить отъ службы за болѣзнью. Мало того, когда, живя въ Одессѣ, Пущинъ, уже въ отставкѣ, пожелалъ уѣхать за границу, то на просьбу Ланжерона о выдачѣ ему паспорта былъ полученъ отказъ. Тогда Пущинъ написалъ Волконскому письмо, въ которомъ говоритъ: «правда, что я былъ масономъ уже давно и что участвовалъ въ намѣреніи основать масонскую ложу въ Кишиневѣ, но до той минуты, покуда генералъ Киселевъ не объявилъ мнѣ, что государю императору то неугодно, я никакъ не полагалъ, что тѣмъ дѣлаю что-либо противное волѣ Е. И. В-ва, и коль скоро я узналъ, что на сіе нѣтъ высочайшаго соизволенія, то тогда же и отрекся отъ всякаго участія. Слѣдственно вина моя состояла въ одномъ только невѣдѣніи; но, зная въ точности, что единственная цѣль масонскихъ ложъ была благотвореніе, и что оныя съ дозволенія

правительства терпимы во всей имперіи, могъ ли я думать, что обстоятельство столь маловажное будетъ имѣть такія вредныя для меня послѣдствія? Полагая, что могу дѣлать все то, что не запрещено никакимъ постановленіемъ и что не клонится ни къ какому злу, я не отказался участвовать въ основаніи масонской ложи въ Кишиневѣ по примѣру другихъ городовъ, но ложа сія никакъ не имѣла назначенія принадлежать къ арміи». Странно только утвержденіе Пущина, что никто изъ чиновниковъ арміи, т. е. офицеровъ, не былъ принятъ въ кишиневскую ложу и что «и предположенія на сіе никакого не было».

До свѣдѣнія правительства еще дошло, что баронъ Треска былъ Пущинымъ отправленъ въ Варшаву для заведенія ложи въ польскихъ войскахъ. Пущинъ отвѣчалъ, что у него не было этого и «въ помышленіи», что Треска былъ въ Кишиневѣ очень короткое время и находился въ такомъ крайнемъ положеніи, что онъ собралъ для него 100 или 150 руб. Къ тому же Треска показался Пущину «нѣсколько тронутымъ въ умѣ», съ трудомъ объяснялся по-французски, а такъ какъ онъ, Пущинъ, по-испански не говоритъ, то и не могъ находиться съ нимъ въ «очень пространныхъ сношеніяхъ». При отъѣздѣ Треска дѣйствительно сказалъ, что ѣдетъ въ Варшаву, но отъ него, Пущина, онъ никакихъ порученій не получалъ. Пущинъ просилъ изслѣдовать его поведеніе въ этомъ дѣлѣ, но Александръ I приказалъ оставить его письмо безъ отвѣта [1]).

Во время слѣдствія о декабристахъ показанія Трубецкого и Комарова обратили на Пущина вниманіе слѣдственной коммиссіи, но Николай I велѣлъ оставить его въ покоѣ, вѣроятно, потому, что онъ уже былъ въ это время въ отставкѣ [2]).

Такъ закончилась исторія кишиневской ложи. Незабвенный памятникъ ей воздвигъ Пушкинъ въ посланіи къ П. С. Пущину:

„И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа,—
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь: „свобода!“
Хвалю тебя, о, вѣрный братъ,
О, каменьщикъ почтенный!
О, Кишиневъ, о, темный градъ!
Ликуй, имъ просвѣщенный!“ [3])

Серьезнѣе, чѣмъ Пущинъ, пострадалъ другой членъ масонской ложи въ Кишиневѣ маіоръ Влад. Ѳеодос. Раевскій, хотя и не по дѣлу

---

[1]) Документы кишиневской ложи, хранящіеся въ Военно-ученомъ Архивѣ, кромѣ напечатанныхъ ранѣе, помѣщены въ приложеніяхъ къ ст. Н. К. Кульмана.

[2]) Гос. Арх. I. В. № 28, списокъ № 4, № 332 а), алфавитъ 1827 г.

[3]) Соч. Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. II. 78.

масонской ложи, а за пропаганду среди нижнихъ чиновъ. 5 февраля 1822 г. Пушкинъ предупредилъ его, что, какъ онъ слышалъ своими ушами, Сабанѣевъ говорилъ, что его нужно арестовать. Пушкинъ прибавилъ: «нашъ Пизушка—ты знаешь, какъ онъ тебя любитъ—отстаивалъ тебя горячо» [1]). На другой день Раевскій былъ взятъ и отвезенъ въ Тираспольскую крѣпость. Въ посланіи написанномъ тамъ 28 марта 1822 г. [2]) «Къ друзьямъ въ Кишиневъ», есть прямой совѣтъ Пушкину:

„Оставь другимъ пѣвцамъ любовь,—
Любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь,
Гдѣ катъ [3]) съ насмѣшкой и улыбкой
Терзаетъ насъ кровавой пыткой".

Въ другомъ стихотвореніи, «Пѣвецъ въ темницѣ», Раевскій упоминаетъ о Новгородѣ и Псковѣ, о Маѳѣ Посадницѣ и Вадимѣ. Стихотвореніе это произвело на Пушкина очень сильное впечатлѣніе, и онъ прочелъ изъ него Липранди (который принесъ его отъ Раевскаго) отрывокъ, его сильно поразившій.

„Какъ истуканъ, нѣмой народъ
Подъ игомъ дремлетъ въ тайномъ страхѣ:
Надъ нимъ бичей кровавый родъ
И мысль, и взоръ казнитъ на плахѣ [4])".

Раевскій пробылъ въ заключеніи въ разныхъ крѣпостяхъ 5 лѣтъ и $8^1/_2$ мѣсяцевъ и затѣмъ въ 1827 г., былъ сосланъ на поселеніе въ Сибирь [5]).

IV.

Изъ предыдущихъ главъ нашего очерка видно, какое значительное число членовъ русскихъ тайныхъ обществъ въ царствованіе Александра I были нѣкоторое время масонами. Изъ числа преданныхъ верховному уголовному суду участвовали въ масонскихъ ложахъ слѣдующія лица: П. И. Пестель (1812—17 г.), А. Н. Муравьевъ (1811—18 г.), братья Матвѣй Иван. (1816—20) и С. И. Муравьевы-Апостолы (1817—18), Никита М. Муравьевъ (1817—18), кн. С. П. Трубецкой (1816—19 и затѣмъ былъ почетнымъ членомъ), кн. Ѳ. П. Шаховской (1817—20), М. Ф. Митьковъ (1816—21), М. А. Фонъ-Визинъ (1820), С. Г. Волков-

[1]) „Вѣстн. Европы" 1874 г. іюнь, стр. 857. „Рус. Старина" 1887, т. 56, стр. 132—134.

[2]) „Русская Старина" 1890 г. № 5, стр. 365—368.

[3]) Палачъ.

[4]) „Рус. Арх." 1866 г., 1451; *П. Осипов* „Собр. стихотв. декабристовъ", т. II, М. 1907 г., стр. 117—8.

[5]) См. о немъ книжку *Н. Е. Щеголева* „Первый декабристъ Владиміръ Раевскій". Спб. 1905.

скій (1812—22), М. С. Лунинъ, Н. Бестужевъ (съ 1818 г.), братья Вильгельмъ (1819—22 г.) и Михаилъ (съ 1818 г.) Кюхельбекеры, Г. С. Батеньковъ (съ 1818 г.), фонъ-деръ-Бриггенъ (1817 г.), Янтальцевъ (съ 1816 г.) Краснокутскій (1816—18), Н. И. Тургеневъ (1814—17 г.), К. Ѳ. Рылѣевъ (1820—21), Епафродитъ Мусинъ-Пушкинъ (съ 1820 г.) и Пв. Юрьев. Поливановъ. Лореръ былъ членомъ одной масонской ложи за границей. Такимъ образомъ, изъ числа членовъ тайныхъ обществъ, преданныхъ верховному уголовному суду, 23 человѣка, т. е. пятая часть, были нѣкоторое время масонами.

Изъ числа другихъ членовъ русскихъ тайныхъ обществъ при Александрѣ I или привлекавшихся къ слѣдствію по дѣламъ этихъ обществъ были масонами слѣдующія лица: П. Я. Чаадаевъ (1816—21 г.), кн. Ил. А. Долгоруковъ (1814—18 г.), М. П. Новиковъ (1816—19), О. П. Глинка (съ 1816 г.), кн. Пав. Петр. Лопухинъ, Петръ Пв. Колошинъ (съ 1817 г.), гр. Ѳ. И. Толстой, ген. Пав. Серг. Пущинъ, Влад. Глинка, Илья Бибиковъ, Вас. Мих. Бакунинъ, бар. Корфъ, Мейеръ, Алдр. Скалонъ, В О. Гурко, Хотяинцовъ, В. Ѳ. Раевскій, кн. П. Трубецкой, Лукашевичъ (съ 1818 г.), Густавъ Олизаръ, кн. Баратаевъ, Зубковъ, гр. Як. Булгари [1]), Станиславъ Проскура, гр. Мошинскій. Членами иностранныхъ масонскихъ ложъ были: В. Перовскій, Петръ Павл. Каверинъ (членъ Союза Благоденствія и извѣстнаго общества Зеленой Лампы, въ которомъ участвовалъ А. С. Пушкинъ) и полковникъ Гвоздевъ, принятый въ тайное общество Титовымъ [2]) въ ноябрѣ 1825 года. Такимъ образомъ, еще 28 членовъ тайныхъ обществъ или привлекавшихся къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ были масонами. Вмѣстѣ съ 23-мя декабристами масонами, преданными верховному уголовному суду, это составитъ 51 человѣкъ. Дальнѣйшія изслѣдованія, нужно думать, еще болѣе увеличатъ численность лицъ, въ которыхъ проявилась непосредственная связь русскихъ политическихъ тайныхъ обществъ съ масонскими.

Принадлежность къ масонству значительнаго числа членовъ тайныхъ обществъ, преданныхъ верховному уголовному суду, въ томъ числѣ и людей наиболѣе энергичныхъ, показываетъ, что масонство имѣло свою долю вліянія на возникновеніе тайнаго общества, но, съ другой стороны, то обстоятельство, что большинство декабристовъ непродолжительное время оставались масонами, очевидно, свидѣтельствуетъ, что масонство ихъ не удовлетворило. Мы должны выяснить себѣ, чѣмъ объясняется эта неудовлетворенность, и съ этою цѣлью остановимся на основныхъ чертахъ политическаго и соціальнаго ученія масоновъ.

[1]) „Гос. Арх." I. В. № 170.
[2]) „Гос. Арх." I. В. № 135.

Въ журналахъ, издаваемыхъ извѣстнымъ масономъ Н. И. Новиковымъ при Екатеринѣ II съ 1777 г., появлялись иногда статьи, проникнутыя политическимъ либерализмомъ, но на ряду съ ними высказывались и взгляды консервативные; такимъ образомъ, въ журналахъ этихъ мы не находимъ единаго политическаго міросозерцанія. Строго монархическіе взгляды выразились въ «Уставѣ вольныхъ каменьщиковъ», принятомъ на масонскомъ конгрессѣ въ Вильгельмсбадѣ (1782 г.) и утвержденномъ въ Россіи въ 1787 г., уставѣ, который былъ распространенъ въ Россіи среди масоновъ и въ первой четверти XIX вѣка [1]).

Въ «Законахъ Великой масонской ложи Астреи на востокѣ С.-Петербурга или подъ конституціею Великой Ложи Астреи состоящаго масонскаго союза», напечатанныхъ въ 1815 г., установлены были слѣдующія обязанности членовъ союза относительно верховной власти: «Масонъ долженъ быть покорнымъ и вѣрнымъ подданнымъ своему государю и отечеству; долженъ повиноваться гражданскимъ законамъ [2]), и въ точности исполнять ихъ; онъ не долженъ принимать участія ни въ какихъ тайныхъ или явныхъ предпріятіяхъ [3]), которыя бы могли быть вредны отечеству или государю; равно не содѣйствовать къ тому охужденіями государя или его законовъ ни письменно, ни словесно [4]). Каждый масонъ, узнавшій о подобномъ предпріятіи, обязанъ тотчасъ извѣщать о томъ правительство, какъ законы повелѣваютъ. Если ложа узнаетъ, что членъ оной поступилъ противъ сего закона и противъ священныхъ обязанностей подданнаго, что онъ или самъ участвовалъ въ таковомъ предпріятіи, или зналъ о немъ и не предувѣдомилъ, кого слѣдуетъ, то, по точномъ обличеніи, таковой членъ исключается изъ ложи... Согласно уставу естественнаго и гражданскаго права всякое сословіе [5]), имѣющее предъ лицомъ государя какую-нибудь тайну, относящуюся до правительства, составляетъ общество въ обществѣ [6]) (status in statu), каждый масонъ обязанъ все то, что онъ касательно сего узнаетъ, яко масонъ, открывать тому, кто, имѣя право, будетъ его о томъ спрашивать» [7]).

[1]) См. мою статью „Декабристы-масоны" въ „Минувшихъ Годахъ" 1908 г. № 2, стр. 2—4, 7—8.

[2]) Въ лондонскомъ изданіи законовъ Астреи на французскомъ языкѣ (Code des Loix de la grande Loge Astrée. 1817 p. 49) прибавлено: „уважать министровъ, являющихся ихъ исполнителями".

[3]) Въ лондонскомъ изданіи: „ни въ какомъ заговорѣ"..

[4]) Въ лондонскомъ изданіи воспрещалось высказывать и „дерзкія сужденія о намѣреніяхъ начальниковъ".

[5]) Въ лондонскомъ изданіи: „Общество".

[6]) Въ лондонскомъ изданіи: „государство въ государствѣ".

[7]) „Законы Великой масонской ложи Астреи". II часть, стр. 99—101, 113. Вся книга носитъ заглавіе: „Уложеніе Великой Ложи Астреи на В.: С.-Петербурга, а I часть: „Уложеніе Великой масонской ложи Астреи на В.: С.-Петербурга. 5815, т. е. 1815 г.

Въ «масонскихъ законахъ, оставшихся отъ древнихъ каменьщиковъ, собранныхъ отъ преданій разныхъ ложъ, по землѣ разсѣянныхъ и достойныхъ уваженія, яко священные памятники древняго общества вольныхъ каменьщиковъ», напечатанныхъ въ приложеніи къ «Законамъ» Астреи, эта ложа допустила очень важныя искаженія, чтобы согласить ихъ съ своими консервативными политическими взглядами. Въ изданіи Астреи въ нихъ сказано: «вольный каменьщикъ, гдѣ бы онъ ни былъ, всегда долженъ отличаться миролюбіемъ и совершеннымъ повиновеніемъ гражданскимъ законамъ и первенствующей власти [1]). И для того ему никогда не надлежитъ быть участникомъ ссоръ, крамолъ и возмущеній, никогда не должно сопротивляться повелѣніямъ начальствъ высшихъ [2]). Расприи, кровопролитія и мятежи издревле были ненавидимы масонами. Посему-то всѣ властелины народовъ не только не страшились искони зрѣть вблизи себя масоновъ, но всегда являли имъ полную довѣренность. Масоны же взаимно оправдывая, по мѣрѣ возможностей, доброе мнѣніе государей объ ихъ орденѣ, отличнымъ поведеніемъ заграждали уста клеветниковъ непросвѣщенныхъ и мирными добродѣтелями братства склоняли на свою сторону людей разсудительныхъ.

«Если же, сверхъ всякаго чаянія, кто-либо изъ братьевъ уличится въ злоумышленіи противу правительства, въ семъ случаѣ не только никто изъ масоновъ не долженъ скрывать его предпріятій, но по законамъ Великой Ложи и всего братства подобный нарушитель обязанностей честнаго гражданина долженъ быть лишенъ всѣхъ преимуществъ, соединенныхъ съ званіемъ масоновъ и немедленно исключенъ изъ законныхъ ложъ всѣхъ Востоковъ» [3]).

Второй абзацъ этого постановленія, выдаваемаго Астреею за «масонскіе законы, оставшіеся отъ древнихъ каменьщиковъ», не только не составляетъ перевода этихъ законовъ, но является прямымъ ихъ искаженіемъ. Въ «Масонскихъ старыхъ обязанностяхъ или основныхъ законахъ (Old Charges», 1723 г.) сказано: «поэтому, если братъ оказался мятежникомъ противъ государства, то его не слѣдуетъ поддерживать въ мятежѣ, но *должно сожалѣть его, какъ несчастнаго человѣка*. Если онъ не уличенъ ни въ какомъ другомъ преступленіи, то, хотя лояльное

---

[1]) Въ лонд. изд. книги Андерсона 1784 г. (стр. 352) „Старыхъ обязанностей или основныхъ законовъ (Old Charges) или предписаній для вольныхъ каменьщиковъ, извлеченныхъ изъ старыхъ документовъ ложъ по ту сторону моря и Англіи, Шотландіи и Ирландіи для употребленія въ лондонскихъ ложахъ" (1723 г.: „мирный подданный гражданскихъ властей". Въ лондонскомъ изданіи (1817 г.) законовъ Астреи на французскомъ языкѣ также: „гражданскихъ властей" (стр. 138). Объ источникахъ масонскихъ конституцій см. *Findel*: Geschichte der Freimaurerei, 7 Auflage, 1900, S. 19—30.

[2]) Въ лонд. изд. 1784 г.: „низшихъ властей".

[3]) „Законы Великой масонской ложи Астреи", 1815 г., стр. 305—307.

братство должно не одобрять его возмущенія и не должно возбуждать подозрѣніе правительства или давать ему поводъ для политической ревности, все же оно не должно исключать такого брата изъ ложи, и его отношеніе къ ложѣ остается ненарушеннымъ» [1]).

Въ лондонскомъ изданіи Законовъ Астреи на французскомъ яз. (1817 г.) встрѣчаемъ не только, какъ и въ русскомъ, отступленія отъ основного правила англійскаго масонства, что политическія убѣжденія членовъ братства не лишаютъ его права быть его членомъ, но находимъ даже полемику съ этимъ старымъ, хорошимъ правиломъ. «Поэтому, если братъ возмутится противъ государства, Великая ложа и все братство, ужасаясь передъ всякаго рода возмущеніемъ, не только не поддерживаетъ его въ его преступленіи *и не относится къ нему съ сожалѣніемъ, какъ къ несчастному*, но объявляетъ его лишеннымъ всѣхъ преимуществъ, связанныхъ со званіемъ вольнаго каменщика, и изгоняетъ изъ всѣхъ признанныхъ (régulières) ложъ страны, не имѣя возможности считать братомъ того, кто грѣшитъ противъ основного правила нашего общества—послушанія и вѣрности законнымъ государямъ» (стр. 138).

Такимъ образомъ масоны Союза Астреи являлись вѣрными рабами русскаго правительства.

По правиламъ объ обязанностяхъ мастера ложи Елизаветы къ Добродѣтели (Союза Великой Провинціальной Ложи) онъ доженъ былъ наблюдать, «чтобы въ рѣчахъ не упоминаемо было о политическихъ происшествіяхъ, ибо рѣчи не должны уподобляться газетнымъ статьямъ, тѣмъ менѣе потому, что свободный каменьщикъ обязанъ всѣмъ распоряженіямъ своего правительства повиноваться, а въ чужія вмѣшиваться ему нѣтъ права, нужды и пользы» [2]). Въ рѣчи «О повиновеніи», произнесенной, повидимому, въ ложѣ Избраннаго Михаила, авторъ говоритъ: «восторженные умы, предавшись упоенію гибельнаго лжемудрствованія, дерзаютъ осуждать дѣянія мужей, облеченныхъ гражданскою властію, дерзаютъ разсѣвать предосудительные толки и сужденіями своими влекутъ цѣлые народы въ бездну погибели. Не буйство ли, неукротимое буйство со временъ французской республики многія лѣта напоило землю кровью человѣческою? Кто былъ тогда въ состояніи положить предѣлъ неистовству? Благодѣтельный молотокъ единодержавія исторгнутъ изъ рукъ великодушнаго Мастера, управлявшаго кормиломъ государства. Сильные звуки его не отдавались въ сердцахъ ожесточенныхъ противъ порядка» [3]).

---

[1]) *James Anderson.* Constitutions of the ancient fraternity of free and accepted Masons... A new edition revised, enlarged and brought down to the year 1784. L. 1784, 352.

[2]) Рук. Публ. Библ. F. III № 19, § 10.

[3]) Изъ бумагъ Боровкова въ собр. рукописей Н. Ѳ. Дубровина въ русск. рукоп. Отдѣленіи Библ. Акад. Наукъ.

Вліятельные масоны и въ бесѣдахъ своихъ съ братьями по союзу старались настойчиво выяснять, что масонство не задается борьбою съ деспотизмомъ. Такъ, въ «Бесѣдахъ бр. гр. М. Ю. Віельгорскаго», извѣстнаго масона, находимъ слѣдующее сужденіе: «Нѣкоторый братъ говорилъ, что, узнавъ масонство, онъ ясно видѣлъ въ немъ узду деспотическому правленію. Сіе заключеніе тѣмъ болѣе нелѣпо, что при вступленіи своемъ онъ добровольно подтвердилъ клятвою обязанности свои къ отечеству и Государю. Да и масонъ, видя вещи въ настоящемъ видѣ, долженъ подчиняться безъ ропоту властямъ, не нарушая порядка установленныхъ учрежденій. Руссо весьма счастливо сказалъ объ Вольтерѣ, Даламбертѣ и прочихъ ложныхъ философахъ XVIII вѣка, что они хлопочутъ о татарахъ и не думаютъ о французахъ. Это можно примѣнить и нынѣ къ выдающимъ себя господамъ всемірнымъ законодателямъ, кои заботятся объ управленіи и благосостояніи цѣлыхъ государствъ, а посмотришь собственно на нихъ, такъ не умѣютъ управлять ни собой, ни сдѣлать счастливыми то, что ихъ окружаетъ. Изъ сего и слѣдуетъ заключить, въ правѣ ли они говорить, и должно ли ихъ слушать, а тѣмъ болѣе вѣрить» [1]). Въ масонскихъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ постоянно проповѣдь почтенія и любви къ монарху: «возможно ли царя не чтить?», спрашивали въ пѣсняхъ масоны. «Гдѣ къ добру единодушны», утверждали они, «законамъ тамъ всегда послушны; монархъ есть намъ земная власть, онъ нашъ отецъ, нашъ покровитель, онъ блага нашего зиждитель, а чтить его есть наша честь!» По масонскому толкованію значенія слова «масонъ»: «прямой масонъ премудрость знаетъ: онъ любитъ Бога и Царя». Въ масонскомъ «Разсужденіи о нынѣшнемъ времени» авторъ является защитникомъ монархіи: «въ каждомъ изъ царствъ владычествуетъ одинъ или никто» [2]).

Слѣдуетъ отмѣтить, однако, что въ «Уставѣ вольныхъ каменьщиковъ» (1782 г.) въ постановленіи объ обязанностяхъ масоновъ относительно государя и отечества въ словахъ: «твоя первая клятва принадлежитъ Богу, вторая отечеству и *Государю*», послѣднее слово въ текстѣ этого устава 1812 г. замѣнено словомъ «*государству*» [3]).

Къ числу историческихъ лицъ, заслуживающихъ признательность потомства, масоны относили Вильгельма Телля [4]), не зная всей ска-

---

[1]) Рук. того же собранія.

[2]) *Т. Соколовская.* „Масонство, какъ положительное движеніе русской мысли въ началѣ XVIII в." „Всемірный Вѣстникъ" 1904 г., май, стр. 24. Но въ ложахъ Западной Россіи, принадлежавшихъ къ Союзу Варшавскаго Великаго Востока, попадаются нѣмецкія пѣсни, восхваляющія борьбу съ деспотизмомъ; такъ было, напр., въ ложѣ маіора Королевскаго. *Соколовская.* „Русское масонство", стр. 146, ср. 21—22.

[3]) „Море" 1907 г., №№ 25—26.

[4]) *Соколовская.* „Русское масонство", 46.

зочности преданій о немъ. Невзоровъ же, порицая Юлія Цезаря, сравнивалъ его со Стенькою Разинымъ [1]). Но въ томъ же журналѣ И. В. Лопухинъ, передъ которымъ такъ благоговѣлъ Невзоровъ, совѣтуетъ подданнымъ пассивное подчиненіе всякой власти, какъ бы жестока и тяжела она ни была.

«Не только зло», говоритъ онъ, «во всякомъ правленіи человѣческомъ неотвратимое, терпѣливо сносить должно, но лучше терпѣть величайшее притѣсненіе и тиранство, нежели возмущаться и частнымъ людямъ предпринимать перемѣну правленія. Можетъ ли не чрезъ законные пути и неимѣющими на то права производимая перемѣна въ правленіи происходить безъ возмутительнаго духа, разливающаго на всѣ души лютость, своеволіе, необузданность... И здравый разсудокъ, и свидѣтельство мудрѣйшихъ, и опыты многихъ вѣковъ доказываютъ, что единоначаліе, или монархическое правленіе есть лучшій образъ правленія въ области обширной. Республика истинно хороша быть можетъ тамъ, гдѣ бы большая часть составляющихъ общество были здравомыслящіе и любящіе добродѣтель... Гдѣ-жъ такое общество на землѣ?» [2]).

Масоны въ царствованіе Александра I прославляютъ его и въ стихахъ, и въ прозѣ [3]). Въ одной пѣснѣ они повторяютъ, «что онъ — царь и вмѣстѣ человѣкъ». Обращаясь къ нему, они допускаютъ и прямое искаженіе истины; такъ, въ одной пѣснѣ они говорятъ: «Не любишь лить ты кровь ручьями. Ты стелешь Россовъ путь цвѣтами, даришь имъ счастье и покой» [4]). Въ одѣ «На день рожденія Александра I 12-го декабря 1821 г.» его восхваляютъ преимущественно за прекраще-

[1]) „Другъ Юношества". 1807 г. Августъ, стр. 87.

[2]) „Отрывки сочиненія одного стариннаго судьи" (написаны въ 1794 г.) „Другъ Юношества". 1808 г., октябрь, стр. 15—17. Въ 1809 г. издано отдѣльно съ прибавленіемъ замѣчаній того же автора „на извѣстную книгу Руссову: du Contrat Social" М. 1809 г., какъ и въ журналѣ, безъ имени Лопухина. Срав. *Геннади*. „Справоч. слов. о рус. писат. и ученыхъ" Берл. 1876 г. II, 259. Въ масонскомъ разсужденіи. „Взглядъ на философовъ и революцію французскую" авторъ утверждаетъ, что „въ военныхъ корпусахъ начальники почти всѣ якобинцы, профессора и учители тоже, почему изъ воспитанниковъ не выйдетъ не только порядочнаго генерала, но даже порядочнаго офицера. Они втерлись во всѣ университеты и гимназіи, вползли въ судебныя мѣста, они преподаютъ уроки о политикѣ и правахъ, развращаютъ умы, удаляя ихъ отъ познаній истинныхъ, на законѣ Божіемъ основанныхъ, а представляя царскую власть отъ буйства и своеволія народа зависящею, чѣмъ разрушаютъ связь подданнаго съ государемъ и приготовляютъ революцію, подобную французской, коею надѣются воспользоваться. Они хотѣли было и въ духовныя училища внѣдриться, но, слава Богу, сего имъ не удалось. Все сіе доказываетъ бездну, надъ которою стоитъ Россія и какихъ враговъ она паипаче опасаться должна". Рук. Публ. Библ. Q. III, 120.

[3]) Въ правилахъ объ обязанностяхъ мастера ложи Елизаветы къ Добродѣтели за запрещеніемъ говорить о политическихъ происшествіяхъ есть такая оговорка: „впрочемъ, въ торжественныхъ ложахъ, въ честь монарха совершаемыхъ, услаждительно говорить о достоинствахъ и качествахъ, украшающихъ возлюбленнаго нашего государя". Рук. Публ. Библ. F. III. № 19.

[4]) „Русскій Арх." 1906 г., т. II, № 8, стр. 559.

ніе гоненія на масоновъ, при чемъ допускается даже осужденіе преслѣдованія ихъ при Екатеринѣ II:

«Судьбы всегда непостижимы:
Почто отъ первыхъ міра лѣтъ
Бывали мудрые гонимы?..
О, памятны еще тѣ годы,
Возлюбленные братья, вамъ,
Какъ не было и здѣсь свободы
Масонамъ посѣщать свой храмъ!..
И какъ въ обманѣ самовластье
Ввергало съ радостью въ несчастье
Сихъ доблестныхъ опоръ властей».

Такимъ образомъ, и при Екатеринѣ II, по мнѣнію вольныхъ каменщиковъ эпохи Александра I, самодержавная власть лишь потому преслѣдовала масоновъ, что была введена относительно нихъ въ заблужденіе. Теперь же

«Прошли годины испытанья,—
И радость, радость—нашъ удѣлъ» [1]).

А между тѣмъ терпимость къ масонству при Александрѣ I была весьма не велика, и ложи нерѣдко закрывались по приказанію государя или съ его одобренія и до окончательнаго запрещенія масонства во всей Россіи. Масонамъ это было прекрасно извѣстно, но, несмотря на свою любовь къ истинѣ, они всячески прославляли Александра I. Такъ, въ день, когда праздновалось восшествіе его на престолъ, 12 марта 1822 г., Боровковъ въ мало содержательномъ похвальномъ словѣ Александру I, произнесенномъ въ ложѣ Избраннаго Михаила, восклицаетъ: «не ему ли одолжены мы безпрепятственными нашими собраніями? Не его ли благостью мы поставлены въ возможность безбоязненно стремиться къ нашей высокой цѣли?» Несмотря на всѣ эти восхваленія, масонскія ложи были запрещены Александромъ I. Возможно, что нѣкоторыя рѣчи были вызваны не искреннимъ восторгомъ, а желаніемъ отвратить все болѣе надвигающуюся опасность.

Если принять во вниманіе политическій консерватизмъ масоновъ времени Александра I, то является вопросъ: какъ могли примкнуть къ нимъ, хотя бы и на непродолжительное время, декабристы съ ихъ стремленіями къ политической свободѣ? Тутъ нужно имѣть въ виду, что нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались масонами еще за границей, а среди тамошнихъ масоновъ появлялись и весьма радикальныя теченія. Еще ранѣе Отечественной войны эти заграничныя вліянія при посредствѣ

[1]) Ода Николая Остолопова. „Русскій Архивъ" 1908 г., № 1, стр. 103—104.

живущихъ у насъ иностранцевъ, а также и благодаря посѣщенію русскими Западной Европы, сказывались и среди русскихъ масоновъ [1]).

Что въ Россію проникали весьма радикальныя масонскія теченія, доказываетъ, между прочимъ, любопытный документъ на французскомъ языкѣ, помѣченный 27 числомъ октября 1811 года, подъ заглавіемъ: «Исповѣданіе вѣры франкъ-масоновъ», копія котораго сохранилась въ бумагахъ цес. Константина Павловича. Приведемъ нѣкоторыя, наиболѣе важныя мѣста, этого документа:

«Богъ, создавъ людей, одарилъ ихъ полною прирожденною свободою, равною и общею всѣмъ, вслѣдствіе чего никто не можетъ уменьшать ее и ограничивать, не нанося явнаго и недопустимаго оскорбленія, какъ Богу, такъ и намъ самимъ, кому даровано это великое преимущество... Богъ безконечно ревнивъ относительно своего неограниченнаго господства надъ землею..., и его гнѣвъ распространяется на всѣхъ тѣхъ, кто осмѣливается желать участія въ этомъ господствѣ и особенно на тѣхъ, которые, къ ущербу для него, подчиняются авторитету людей, стремящихся достигнуть власти, составляющей самое тяжкое оскорбленіе какъ величія Создателя, такъ и свободы его созданія. Теченіе событій и смѣна столѣтій нанесли тяжелые удары и почти разрушили эту верховную власть создателя и естественную свободу его созданія, въ чемъ особенно повинно злодѣяніе честолюбивыхъ ассирійцевъ, которые первые изобрѣли эти прелестныя имена — самодержавіе и жречество. Поэтому великимъ предпріятіемъ, пріятнымъ Богу и достойнымъ людей, одареннымъ храбростью и чувствомъ чести, является то, чтобы возстановить этотъ храмъ, столь давно разрушенный..., выйдя, наконецъ, изъ того глубокаго мрака невѣжества, среди котораго въ теченіе столькихъ вѣковъ жили наши предки, чтобы *вооружиться и возстать противъ недостойныхъ узурпаторовъ, а если понадобится, то и умертвить ихъ*. Необходимо поступать съ ними, какъ съ настоящими тиранами, которые захватили силу, принадлежащую одному Богу, и злоупотребляютъ властью, дарованною одинаково всѣмъ людямъ. Всѣ приглашаются содѣйствовать этому благородному предпріятію, въ которомъ заинтересованы всѣ люди, и въ которомъ могутъ одинаково принять участіе язычникъ, еврей, турокъ, протестантъ, католикъ и даже деистъ и атеистъ, такъ какъ всѣ эти различныя вѣрованія, появившіяся въ мірѣ, ничто иное, какъ суевѣрные вымыслы тѣхъ, которые захотѣли отнять у человѣка свободу, а у Бога — власть. Отсюда слѣдуетъ, что если различіе религій произвело столько смутъ, это объединеніе для насъ, франкъ-масоновъ, будетъ содѣйствовать укрѣпленію всѣхъ узъ, установитъ прочный миръ и совершенные законы. Опытъ показалъ, что тотъ, кто вступаетъ въ это общество, не вызываетъ и не испытываетъ непріятностей изъ-за своей религіи или различія вѣрованій, что онъ даже такъ привязывается и проникается сочувствіемъ къ нашимъ франкъ-масонскимъ мнѣніямъ, что становится равнодушнымъ къ своимъ прежнимъ взглядамъ и въ короткое время совершенно забываетъ и оставляетъ ихъ».

Составители излагаемаго «Исповѣданія вѣры» понимаютъ, что

---

[1]) См. въ слѣдующей главѣ о ложѣ La Felicité въ Москвѣ, которою по словамъ Поздѣева, управлялъ въ 1811 г. французъ Мезансъ.

«самое трудное предпріятіе изъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ»— «сражаться съ самодержцами и жречествомъ, спокойно обладающими полною властью, разрушить тиранію, тяготѣющую надъ свободою человѣка и похищающую могущество Божіе на землѣ. Для этого нужно избрать въ обществѣ людей, отличающихся твердостью духа, и ученыхъ, и кромѣ того слѣдуетъ искать покровительства могущественныхъ людей изъ наиболѣе уважаемыхъ классовъ». Но «франкъ-масоны должны усиливаться и умножаться въ тѣни тайны» и повторять страшныя клятвы о правѣ мстить даже оружіемъ за нарушеніе обѣщанія хранить ее, въ обществѣ же слѣдуетъ выставлять правило, что они не совершаютъ ничего противнаго закону религіи и нравамъ. «И эта тайна величайшей важности должна храниться лишь въ ложѣ 5-й степени (cinquième loge), составленной изъ однихъ архитекторовъ, предназначенныхъ для управленія и возстановленія постройки храма Соломона. Всѣмъ же остальнымъ скажутъ только, что въ нашемъ обществѣ особенно совѣтуютъ оказывать помощь и милосердіе другъ къ другу» [1]).

Что подобныя идеи проповѣдывались русскимъ офицерамъ за границею въ нѣкоторыхъ кругахъ масоновъ и примыкающихъ къ нимъ различныхъ тайныхъ союзахъ, видно изъ донесеній въ февралѣ 1816 г. изъ Мейссена полковника бар. Дибича фельдмаршалу кн. Барклаю-де-Толли и брату автора донесеній, начальнику Главнаго Штаба Дибичу. Бар. Дибичъ не одобрялъ «терпимость и покровительство», которыя «государства» оказываютъ тайнымъ обществамъ. Онъ указывалъ на вербовку офицеровъ въ тайные союзы во Франціи, Германіи, въ Варшавѣ и въ Петербургѣ; не мудрено, что при этомъ среди офицеровъ нашей арміи распространенъ такой же духъ, какъ среди офицеровъ прусской королевской гвардіи, которые, какъ утверждаютъ, открыто говорятъ, что короли не нужны, и что состояніе мірового просвѣщенія настоятельно требуетъ учрежденія республикъ. Дибичъ увѣрялъ, что подобныя же выраженія приходилось слышать отъ офицеровъ свиты фельдмаршала Барклая-де-Толли. Въ донесеніи брату Дибичъ говоритъ: «Случай и хитрость доставили мнѣ уже во Франціи многія свѣдѣнія все объ одномъ и томъ же, какъ я полагаю, союзѣ, окружающемъ себя тайною, но дѣйствующемъ совершенно открыто. Очень значительное число русскихъ офицеровъ и чиновниковъ, которыхъ завербовали, наблюденіе за рѣчами этихъ новыхъ членовъ, обрадовавшихся возможности высказаться, наблюденіе за всѣми махинаціями во Франціи, тенденція, такъ называемаго, Тугендъ-бунда, распространяемые слухи, равнодушіе прусскихъ офицеровъ къ своему государю, превосходно усвоенное нашими офице-

[1]) Военно-Ученый Архивъ. Отд. 1, № 1021– а. л. 1—2. Что это „Исповѣданіе вѣры франкъ-масоновъ" обратило на себя вниманіе властей, видно изъ слѣдующей подписи наемъ: „Съ подлиннымъ вѣрно. Дежурный генералъ Потаповъ".

рами во Франціи, связи этихъ обществъ съ Франкфуртомъ, Берлиномъ, Дрезденомъ, Лейпцигомъ, Бамбергомъ, Мюнхеномъ, Варшавою [1]) и С.-Петербургомъ, вѣчно возобновляющееся стремленіе вездѣ вербовать нашихъ офицеровъ, а также и содержаніе повременныхъ изданій, все это заставляло меня предугадывать нѣчто большее, чѣмъ просто нравственныя цѣли. Напримѣръ, особенно старались привлекать въ эти общества офицеровъ, состоящихъ при штабѣ императора и при генералахъ, командующихъ отдѣльными частями. Одинъ офицеръ изъ штаба фельдмаршала утверждалъ, что не нужно было бы болѣе ни императоровъ, ни королей, ни князей».

Въ особомъ приложеніи къ донесенію, отправленному его брату, баронъ Дибичъ пытается дать общую характеристику тайныхъ обществъ, преимущественно масонскихъ, указываетъ на то, что, кромѣ работы въ ложахъ, они ведутъ частную пропаганду, и приводитъ даже примѣрную бесѣду между мастеромъ и просвѣщаемымъ ученикомъ, въ которой мастеръ стремится подорвать въ ученикѣ чувство патріотизма, религіозность и уваженіе къ религіознымъ обрядамъ, уваженіе къ собственности, феодальному (т. е. крѣпостному) праву и праву наслѣдства. Мастеръ учитъ, что «настанетъ время, когда не будетъ никакой собственности, кромѣ вознагражденія за трудъ... Тогда народъ не будетъ нуждаться въ государѣ; тогда наиболѣе заслуженый, лучшій изъ людей, не называясь государемъ..., будетъ посвящать себя на служеніе человѣчеству исключительно изъ любви къ нему; великая же цѣль рода человѣческаго не будетъ уже расчленена на отдѣльныя звенья и раздѣлена границами, а, руководимые любовью, люди станутъ жить въ любви и согласіи» [2]). Французская революція, по мнѣнію этого мастера, была необходимымъ зломъ, и въ результатѣ ея является великое благо для слѣдующаго поколѣнія. Эта характеристика масонскихъ обществъ весьма тенденціозна, если ее распространять на все масонство, но республиканскія идеи раздѣлялись нѣкоторыми послѣдователями французскаго масонства шотландскаго обряда. Подобныя радикальныя идеи вліяли и на нашу военную молодежь и подталкивали ее ко вступленію въ различные тайные союзы. Начавъ съ масонства, она кончила тайными обществами съ чисто революціонными задачами. Донесеніе Дибича было написано въ то время, когда

[1]) Что русскіе офицеры посѣщали варшавскія ложи, видно, напримѣръ, изъ того, что въ засѣданіи одной изъ нихъ былъ въ октябрѣ 1815 г. Михайловскій-Данилевскій. „Русская Старина" 1900 г., № 9, стр. 643. Русскіе офицеры (П. Ермоловъ, А. Лобановъ и др.) числились членами заграничныхъ польскихъ ложъ. *Zaleski.* O masonii w Polsce od. r. 1742 -1822. Krakow. 1889. 57. 176 177. О русскихъ членахъ варшавскихъ ложъ см. прилож. къ книгѣ Заленскаго. стр. XX—XXIII, XXV, XXVIII.

[2]) Записки бар. Дибича напечатаны П. М. Затворницкимъ въ „Русской Старинѣ" 1907 г., №№ 4 и 5.

множество русскихъ офицеровъ вступило въ иностранныя масонскія ложи.

Если мы обратимъ вниманіе на то, что девять членовъ Союза Спасенія были въ 1817 г. членами масонской ложи Трехъ Добродѣтелей, принадлежавшей къ Союзу Великой Провинціальной ложи и недовольствовавшейся тремя іоанновскими степенями (ученика, товарища и мастера), а признававшей и высшія степени, если мы припомнимъ тѣ отрывочныя свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о политическихъ идеяхъ членовъ Союза Спасенія и желаніи Пестеля установить въ немъ страшныя клятвы, то будетъ очевидно, какого рода масонство было симпатично для наиболѣе выдающихся декабристовъ-масоновъ. Было упомянуто и о попыткахъ нѣкоторыхъ членовъ тайнаго общества сдѣлать масонскія ложи прикрытіемъ и мѣстомъ вербовки членовъ для союза съ политическими задачами. Этой высокой марки политическаго либерализма и радикализма не только не могла выдержать масса нашихъ вольныхъ каменьщиковъ, но подъ вліяніемъ и привычнаго нашему обществу корыстнаго и безкорыстнаго «хамства» (терминъ Н. И. Тургенева), и страха ради тѣхъ преслѣдованій, которыя грозили масонамъ иного типа [1]), стала относиться къ нимъ враждебно и довольствоваться въ большинствѣ случаевъ пережевываніемъ въ своихъ рѣчахъ элементарныхъ истинъ и продѣлываніемъ масонскаго ритуала, который декабристамъ, отрицательно относившимся къ масонству (напр. Якушкину), представлялся совершенною безсмыслицею.

Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ масонахъ, даже крайне консервативно настроенныхъ, тлѣла искра отрицательнаго отношенія, если не къ самодержавному режиму вообще, то, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторымъ проявленіямъ деспотизма самодержца. Такъ, старый масонъ И. В. Лопухинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ смертной казни: онъ находилъ, что она совершенно «безполезна», и одному только Богу «извѣстна та минута, въ которую можно пресѣчь» жизнь. На возраженіе, что «смертная казнь нужна для избавленія общества отъ такого государственнаго злодѣя», который опасенъ для общаго спокойствія, Лопухинъ отвѣчалъ, что даже и въ этомъ «рѣдкомъ случаѣ... строгое заключеніе можетъ отвратить опасность, а время ослабляетъ и наконецъ уничтожаетъ ее». По поводу манифеста 30 ноября 1806 г. о составленіи милиціи или ополченія, которымъ главнокомандующимъ областными зем-

---

[1]) Напомнимъ приведенное мною въ ст. „Декабристы-масоны" (Минув. Годы" 1908 г. № 2, стр. 21) авторитетное свидѣтельство де-Санглена о ссылкѣ масоновъ, „найденныхъ въ противномъ расположеніи духа", по повелѣнію Александра I, въ отдаленныя губерніи. Арх. Глав. Штаба, Секрет. Опись 1826 г. № 343 (бумаги Дубровина, масоны. № 5): *Дубровинъ* „Письма славян. дѣят. въ царств. Александра I", 108—110.

скими войсками дана была власть «арестовать и предать военному суду каждаго ослушника и нарушителя вѣрности присяги» и немедленно приводить въ исполненіе даже и приговоры къ смертной казни [1]), Лопухинъ 18 января 1807 г. писалъ имп. Александру: «Врученіе областнымъ начальникамъ вдругъ такой власти всѣхъ поразило. Признаюсь, государь, что и я содрогнулся, когда, не предвидя близкой причины, услышалъ такое торжественное разрѣшеніе смертной казни... въ Россіи, гдѣ мечъ ея прежде всѣхъ странъ земныхъ отринутъ былъ,—разрѣшеніе отъ руки, которой опредѣлено, кажется, подписывать одну милость и счастье народамъ». По мнѣнію Лопухина, тогда было такое время, что вѣрность присягѣ и безъ того не будетъ нарушена, «или смертная казнь не удержитъ... Когда устрашала она злодѣевъ? Они не думаютъ о казни, или бы бѣжали зла». Лопухинъ умолялъ Александра быть «великимъ благостью», которая «все преодолѣетъ».

Лопухинъ утверждалъ также, что «не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ христіанскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ, и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни» [2]).

Въ журналѣ «Другъ Юношества», который издавалъ масонъ Невзоровъ, Лопухинъ протестовалъ противъ пытки: «муками исторгать признаніе изъ человѣка, который можетъ быть невиненъ, есть одно тиранство» [3]). Это, правда, было не новостью послѣ запрещенія пытокъ самимъ правительствомъ, но запрещеніе это плохо исполняется и до сего дня.

Невзоровъ, въ письмѣ къ кн. Голицыну, отъ 27 января 1819 г., указывалъ на причины неудовольствія и ропота московскихъ жителей и большей части людей средняго и низшаго состояній въ Россіи. Главною изъ этихъ причинъ онъ считалъ тяжесть налоговъ и полагалъ, что недоимки нужно всѣ простить, а налоги и подати стараться, сколь возможно, уменьшить, взиманіе же нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, сборъ съ паспортовъ, совершенно прекратить. Упоминаетъ Невзоровъ и о недовольствѣ военными поселеніями [4]).

Масоны много говорятъ въ своихъ рѣчахъ о равенствѣ, но они понимаютъ его или въ смыслѣ сохраненія чувства собственнаго достоинства передъ высшими, или въ смыслѣ равенства масоновъ между собою.

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXIX, № 22374, п. 20.

[2]) Записки И. В. Лопухина. „Чтенія Общ. Ист. Древн. Рос." 1860 г., т. II. 8—9, III, 144, или „Рус. Арх." 1884 г. т. I, 9—10, 128.

[3]) Октябрь, 1808 г., „Отрывки сочиненія одного старинаго судьи", стр. 25.

[4]) *Соколовская*. „Русское масонство", 44—45.

Такъ масонъ Никитинъ въ рѣчи, произнесенной въ ложѣ Избраннаго Михаила, говоритъ: «покрытая голова есть символъ равенства, царствующаго въ нашей малой ложѣ и долженствующаго вѣчно царствовать. Масонъ не унижается и не ползаетъ у ногъ вельможи и временщика, но онъ и не возносится предъ тѣмъ, кто зависитъ отъ его воли и власти» [1]). Равенство масоновъ между собою подчеркнулъ въ своихъ запискахъ и Пржецлавскій, указавъ на то, что въ стѣнахъ масонскихъ ложъ «сглаживались такъ рѣзко выдающіяся и такъ строго соблюдаемыя во внѣшней жизни іерархическія, служебныя и сословныя различія: нерѣдко плебей возсѣдалъ въ ложѣ выше свѣтлѣйшаго князя, сенатскій оберъ-секретарь или только секретарь имѣлъ своимъ подчиненнымъ сенатора того же департамента» [2]).

Масоны восхваляли не только равенство, но и братство, однако они называли братьями лишь товарищей по своему ордену. Въ одной изъ пѣсенъ, которыя они пѣли въ собраніяхъ ложъ, они говорятъ:

«Оставьте гордость и богатство.
Оставьте пышность и чины,—
Въ священномъ, свѣтломъ храмѣ братства
Чтутъ добродѣтели однѣ» [3]).

---

[1]) Изъ бумагъ масона Боровкова. Ватерпасъ одно изъ орудій, употреблявшихся въ масонскомъ ритуалѣ, истолковывался какъ напоминаніе, что „мы всѣ одной природы, слѣдовательно, и равны между собою", но надлежащаго вывода изъ этого утвержденія не дѣлалось. О равенствѣ въ масонскомъ смыслѣ читаемъ въ рукописи на французскомъ языкѣ, написанной рукою Баратаева, основателя масонской ложи Ключа къ Добродѣтели въ Симбирскѣ (онъ любилъ дѣлать выписки изъ масонскихъ книгъ и рукописныхъ матеріаловъ), подъ заглавіемъ „Нѣсколько масонскихъ идей и отрывковъ. 1 марта 1807 г.": „Франкъ-масоны равны между собою. Находясь среди своихъ братьевъ, масонъ забываетъ о происхожденіи, санѣ, должности, учености, о всемъ, что можетъ прославить человѣка; одинъ Богъ создалъ ихъ. Онъ далъ имъ ту же форму, онъ предназначилъ имъ одинаковый конецъ, онъ даровалъ имъ тѣ же законы,—все это побуждаетъ масоновъ считать себя равными. Люди родятся одинаково, у нихъ тѣ же нужды, они всѣ смертны... Со смертью падаетъ завѣса тщеславія..., тѣла носильщика и генерала хоронятся одинъ подлѣ другого, и для того, и для другого отводятъ земли не болѣе нѣсколькихъ футовъ. Политическое неравенство длится лишь нѣсколько секундъ, а истинное равенство продолжается въ теченіе безчисленныхъ столѣтій. Франкъ-масонъ, проникнутый этой истиною, говоритъ вмѣстѣ съ Соломономъ: все —суета; мы всѣ равны, и въ масонскомъ храмѣ онъ заглушаетъ въ себѣ голосъ гордости". Бумаги кн. Баратаева, Гос. Арх. I, В. № 499.

[2]) „Рус. Стар." 1874 г., т. XI. 466—468. Лопухинъ въ цитированной уже статьѣ считаетъ необходимымъ, чтобы въ общемъ благѣ, доставляемомъ государствомъ, „послѣдній пастухъ, по мѣрѣ своего состоянія, такимъ же воспользовался участіемъ, какъ и первый вельможа по мѣрѣ своего.—Вотъ возможное равенство въ благосостояніи гражданскомъ..., а не то мечтательное равенство, котораго буйство столько бѣдствій въ Европѣ приключило, буйство, стремящееся уничтожить степени состояній, необходимо нужныя въ обществахъ". „Другъ Юношества", 1808 г., октябрь, стр. 28—29.

[3]) *Соколовская.* „О масонствѣ въ прежнемъ русскомъ флотѣ" 1907 г. № 8. Срав. *Пекарскій.* „Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII ст.", стр. 66.

Масоны проповѣдывали, впрочемъ, гуманность и любовь ко всѣмъ людямъ вообще, а также и гуманное отношеніе къ слугамъ. «Всѣмъ сердцемъ и самыхъ послѣднихъ, и рабовъ по приличію почитай», сказано въ масонскихъ «Правилахъ, которыя исполнять должно», «чѣмъ никого не презришь и не раздразнишь». «Облегчай существованіе твоему слугѣ», читаемъ въ другихъ правилахъ, «имѣй сострадание въ его несчастію, дѣлающему одного человѣка рабомъ другого человѣка [1]). Уставъ вольныхъ каменщиковъ, составленный въ 1782 г., принятый въ Россіи въ 1787 и подвергавшійся исправленіямъ еще въ 1812 г., предписывалъ масону быть «кротчайшимъ господиномъ» [2]). Невзоровъ въ журналѣ «Другъ Юношества» помѣстилъ свою статью, содержащую горячую проповѣдь помѣщикамъ человѣчности къ ихъ крѣпостнымъ и вниманія къ ихъ нуждамъ, а также обличеніе жестокихъ эксплоататоровъ своихъ крестьянъ [3]). Кн. Баратаевъ, управлявшій ложею Ключа къ Добродѣтели въ Симбирскѣ, привлеченный къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ, на допросѣ, между прочимъ, заявилъ, что устроенная имъ ложа имѣла значительное нравственное вліяніе на ея членовъ, и что самъ онъ содѣйствовалъ улучшенію отношенія нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ [4]). Гр. Вісльгорскій замѣчалъ, что дворовые съ любовью относятся къ масонамъ, и объяснялъ это такимъ образомъ: «въ глазахъ нашихъ бываетъ, что господинъ дому, обходясь весьма жестоко съ своими людьми и болѣе считая ихъ за скотовъ, нежели за людей, вступя въ нашъ союзъ, испытываетъ силу преподаваемой ему науки, перемѣняется въ всемъ, а въ обхожденіи съ людьми болѣе становится похожъ на ихъ отца, нежели властелина. Признательные подчиненные, правильно относя сію перемѣну къ тѣмъ связямъ, кои онъ имѣетъ съ посѣщающими его братьями, всячески стараются имъ угождать, въ ознаменованіе ихъ благодарности». Въ одной масонской рѣчи, произнесенной въ ложѣ Избраннаго Михаила, ораторъ говоритъ: «Истинный масонъ приходитъ» послѣ собранія масонской ложи «въ домъ свой..., и... слуги, возросшіе подъ гнѣвомъ и грозою, съ меньшимъ трепетомъ приближаются къ господину своему, видя лицо его сіяющимъ новымъ блескомъ привѣтливости. Онъ научился... уважать священное званіе человѣка даже подъ тяжкимъ *гнетомъ рабства* и въ самомъ рубищѣ нищеты!... Гдѣ же научился онъ сему? Тамъ, куда ввела его дружба и гдѣ озарила Истина: онъ научился сему въ ложѣ братій масоновъ, но для чего-жъ не сказать мнѣ, что именно въ ложѣ Избраннаго Михаила?...

[1]) Рук. Имп. Публ. Библ. О. Ш 169; *Соколовская*. „Русское масонство". 30.
[2]) „Море", 1907 г. № 26.
[3]) 1809 г., февраль, стр. 112—115.
[4]) Гос. Арх. 1 В, № 199.

Такъ я говорю сіе, а вамъ, любезные и почтенные братья, предоставляю оправдать слова мои [1]). Быть можетъ, это мѣсто рѣчи навѣяно бесѣдами Вѣльгорскаго.

Въ протоколъ ложи Умирающаго Сфинкса 28 апрѣля 1820 г. занесенъ слѣдующій фактъ: кандидатъ заявилъ, что онъ, Семенъ Жуковъ, 19 лѣтъ отъ роду, слуга, пришелъ искать свѣта у масоновъ, потому что видѣлъ на своемъ господинѣ поразительное вліяніе масонства,—сдѣлавшись масономъ, онъ совершенно измѣнился. Жуковъ былъ крѣпостной брата обрядоначальника ложи; нѣсколько членовъ ложи, и въ томъ числѣ его господинъ, засвидѣтельствовали его «отличныя качества». Онъ былъ принятъ, но только въ «служащіе братья», т. е. для услуженія во время засѣданій ложи [2]), такъ какъ по масонскимъ правиламъ крѣпостной не могъ быть членомъ ложи [3]).

9 апрѣля 1820 года масонъ Левъ Слѣпцовъ, членъ ложи Елизаветы къ Добродѣтели [4]), писалъ кн. М. П. Баратаеву: «здѣсь живетъ въ Питерѣ одинъ изъ крѣпостныхъ людей Александра Алексѣев. Карпова, который по чувствамъ и поведенію своему чрезъ различное знакомство съ нашими нѣкоторыми изъ братьевъ успѣлъ обратить на себя ихъ вниманіе, способствовало же ему въ ономъ и то, что онъ славный живописецъ, но это не есть еще главное его достоинство, но то, что рвеніе, или, лучше сказать, пламенное его желаніе познать истину, вступая въ орденъ нашъ, дѣлаетъ ему почтеніе нашего общества. Какъ бы желательно было удовлетворить его исканіе, напоить жаждущаго лучами свѣта, но вы знаете, что законы наши требуютъ свободности, не имѣя которой, можетъ быть, лишается случая быть и другимъ полезнымъ» Слѣпцовъ просилъ Баратаева ходатайствовать у помѣщика этого крѣпостного художника о дарованіи свободы, «если же онъ захочетъ... за него выкупу», прибавляетъ Слѣпцовъ, «то посудите, гдѣ онъ возьметъ» его, «употребляя большую часть времени не на художество, но на то, чтобы быть полезнымъ» воспитывающимся въ корпусѣ дѣтямъ Карпова [5])

Однако, проповѣдуя человѣколюбивое отношеніе къ крѣпостнымъ, масоны вовсе не возвышались до идеи о противоестественности рабства и необходимости его уничтоженія; напротивъ, согласно съ ихъ основными взглядами, крѣпостной могъ имѣть внутреннюю свободу, свободу отъ грѣха,

---

[1]) Бумаги Боровкова.

[2]) Рук. Публ. Библ. F. III, № 64.

[3]) „Уложеніе Великой ложи Астреи на Востокѣ С.-Петербурга. ч. I, 5815 г. стр. 88; *Anderson* Constitutions of the ancient fraternity of free and accepted Masons. L. 1784, p. 352.

[4]) Госуд. Арх. I В., № 482.

[5]) Гос. Арх. I В., № 495.

и это ихъ совершенно удовлетворяло. Между тѣмъ нѣкоторые крѣпостные думали, что масоны стремятся къ ихъ освобожденію. Чрезвычайно любопытное свидѣтельство объ этомъ мы находимъ въ уже цитированныхъ «Бесѣдахъ» Віельгорскаго: «простолюдимы [1]), въ особенности дворовые люди, не имѣя никакого понятія о существѣ нашего ордена, весьма его любятъ, предполагая по названію свободныхъ каменьщиковъ, что наше братство старается ихъ сдѣлать вольными, въ чемъ они весьма ошибаются, ибо мы стараемся свергнуть съ себя оковы не мнимыя, но истинно тяжкія; а именно оковы грѣха, смерти и ада. Сіе исходитъ одно изъ другого. Человѣкъ, освобожденный отъ ихъ оковъ, вездѣ великъ, вездѣ равнодушенъ, вездѣ одинаковъ, однимъ словомъ, вездѣ счастливъ, даже подъ самымъ деспотическимъ правленіемъ. Но сіе благо будетъ постепенно и на нихъ разливаться».

Баратаевъ, управляющій мастеръ симбирской ложи Ключа къ Добродѣтели, хвалился своимъ гуманизирующимъ вліяніемъ на тамошнихъ помѣщиковъ въ ихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ; но когда губернаторъ, столь прославившійся впослѣдствіи своею реакціонною дѣятельностью Магницкій, сталъ защищать крестьянъ отъ насилій и злоупотребленій помѣщиковъ, то тотъ же Баратаевъ, въ званіи предводителя дворянства, явился ходатаемъ за дворянскіе интересы и пустилъ при этомъ въ ходъ свои масонскія связи въ Петербургѣ. 9 іюля 1818 г. онъ писалъ (на французскомъ языкѣ) Авг. Лерхе, доктору правъ и секретарю цензурнаго комитета при министерствѣ полиціи, который былъ великимъ секретаремъ великой ложи Астреи:

«Вслѣдствіе отсутствія губернскаго предводителя дворянства я долженъ исполнять его обязанности вмѣстѣ съ моими. Съ нѣкотораго времени, а говоря откровенно, со времени пріѣзда Магницкаго, мы безпрестанно заняты разборомъ дѣлъ дворянъ по жалобамъ ихъ крестьянъ; они находятъ въ немъ усерднаго, но часто несправедливаго защитника людей злонамѣренныхъ, старающихся также несправедливо очернить репутацію своихъ господъ. Часто на основаніи только слуховъ и несмотря на разборъ дѣлъ дворянствомъ, онъ (а также и его теперешній замѣститель) безъ толку назначалъ опеку и принималъ жалобы крестьянъ, приходившихъ для этого сотнями, чтобы избѣгнуть работы, ожидая возможности ничего не дѣлать. Наконецъ, послѣ его отъѣзда вынуждены были ставить на постой въ помѣщичьихъ имѣніяхъ войска, но огонь тлѣетъ подъ пепломъ. Судя по послѣднему рѣшенному нами дѣлу, было совершенно обратное нашему рѣшенію, и невинный обвиненъ въ убійствѣ своего слуги, которому, какъ видно даже изъ дѣла, онъ велѣлъ дать только пять ударовъ палками, при чемъ самъ не присутствовалъ. Быть можетъ, по какимъ-либо политическимъ соображеніямъ, неизвѣстнымъ намъ, профанамъ, хотятъ унизить дворянина, но я посылаю все дѣло въ министерство полиціи и прошу приказать пересмотрѣть его. Съ этою почтою оно отправлено по

[1]) Такъ писали тогда это слово.

просьбѣ и по постановленію дворянства, и я прошу васъ, многоуважаемый братъ, извѣстить меня о томъ, какой ходъ оно будетъ имѣть. Магницкій тамъ, и онъ можетъ насъ очернить, хотя наше дѣло правое, но я даже прошу министра хорошенько провѣрить мое поведеніе и готовъ подвергнуться всему, если мы дѣйствовали неправильно. Таковъ мой долгъ, какъ предводителя дворянства, какъ управляющаго ложею. Я прилагаю секретный указъ, присланный намъ, который, вмѣсто того, чтобы остаться секретнымъ, напечатанъ и извѣстенъ всѣмъ крестьянамъ, что можетъ только увеличить бунтъ. - Все здѣшнее дворянство страдаетъ, и мой долгъ защищать его и рисковать всѣмъ для моихъ собратьевъ, которые ввѣрили мнѣ свою судьбу [1]).

На столько сильно заговорили въ извѣстномъ и уважаемомъ товарищами масонѣ сословные интересы, когда губернаторъ сталъ энергично преслѣдовать жестокихъ помѣщиковъ, въ теченіе 8 мѣсяцевъ обнаружилъ 8 тиранствъ и предалъ виновныхъ суду [2]). Магницкій приказалъ губернскому правленію предписать всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ, чтобы они наблюдали за обращеніемъ съ крестьянами помѣщиковъ и ихъ управляющихъ. Комитетъ министровъ былъ крайне недоволенъ такою энергіею губернатора и нашелъ, что «не слѣдовало дѣлать предписанія столь гласно, чтобы не подать повода къ.. затѣйнымъ донесеніямъ на помѣщиковъ самыхъ справедливыхъ и благонамѣренныхъ... Внушенія губернаторъ можетъ и долженъ дѣлать, но безъ всякой огласки», о чемъ комитетъ и положилъ поставить на видъ губернатору. Однако государь 28 мая 1818 г. рѣшилъ иначе: «Внушенія предводителямъ насчетъ наблюденія за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами можно и должно дѣлать во всякое время и не въ одномъ только случаѣ при дворянскихъ выборахъ, ибо самое званіе, предводителями носимое, возлагаетъ на нихъ сію священную обязанность, и напоминаніе имъ объ этомъ письменно всегда можетъ быть полезно, разумѣя само собой, что подобнаго рода переписка между сими лицами должна оставаться единственно къ взаимному ихъ свѣдѣнію и наблюденію [3]).

Н. И. Тургеневъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «La Russie et les Russes» указываетъ на то, что въ масонскихъ журналахъ и произведеніяхъ нѣкоторыхъ членовъ масонскихъ ложъ «встрѣчаются столь же справедливые, какъ и остроумные нападки на ужасный институтъ рабства... Зная нѣсколько вліятельныхъ членовъ этого общества», продолжаетъ Тургеневъ (разумѣя при этомъ старыхъ масоновъ), «я могъ изъ бесѣдъ съ ними убѣдиться, что если они не занялись освобожденіемъ крестьянъ во время ихъ ревностной филантропической дѣятельности, то

---

[1]) Гос. Арх. I. В., № 487.

[2]) „Сборн. ист. матер.. извлеченныхъ изъ Арх. Соб. Е. В. Канц.“. XI. 277.

[3]) *Середонинъ*. „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, т. I, Спб. 1902 г., стр. 331.

это потому, что тогда эта идея еще не волновала умы. Но они не высказывались противъ эмансипаціи, какъ большинство русскихъ помѣщиковъ. Съ ними можно было, по крайней мѣрѣ, разсуждать объ этомъ щекотливомъ предметѣ; чтобы убѣдить ихъ, приходилось выдвигать христіанство, и тогда они охотно сдавались, какъ честные люди и истинные христіане». Тутъ Тургеневъ, вѣроятно, разумѣетъ П. И. Новикова, быть можетъ, Невзорова и нѣкоторыхъ другихъ, но И. В. Лопухинъ не сочувствовалъ законодательному ограниченію крѣпосного права, а масонъ Поздѣевъ былъ совершеннымъ крѣпостникомъ [1]). Впрочемъ, Тургеневъ говоритъ: «я убѣжденъ, что, поработавъ надъ распространеніемъ народнаго образованія, масонскія общества непремѣнно обратили бы свое вниманіе и усилія на освобожденіе крѣпостныхъ» [2]). Желаніе побудить масоновъ содѣйствоватьуничтоженію крѣпостного права, по словамъ Н. Тургенева, будто бы, и заставило его сблизиться съ масонами, какъ онъ свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своемъ первомъ оправданіи, присланномъ изъ-за границы; «было время», прибавляетъ онъ, «когда я думалъ, что полезно учредить новую степень въ масонствѣ съ цѣлью уничтоженія рабства» [3]). Послѣднія слова, очевидно, представляютъ намекъ на сношенія Тургенева съ М. Ѳ. Орловымъ по поводу основанія рыцарскаго ордена, въ программу дѣятельности котораго входило уничтоженіе крѣпостного права. Но Н. И. Тургеневъ, какъ мы видѣли, былъ уже масономъ значительно ранѣе.

Трудно предвидѣть, какъ стали бы относиться масоны позднѣе къ рѣшенію вопроса объ уничтоженіи крѣпостного права, если бы масонскія ложи не были закрыты въ 1822 г., но, судя по только что изложенному инциденту съ Баратаевымъ и имѣя въ виду приведенныя выше слова Вѣльгорскаго, нужно полагать, что они во всякомъ случаѣ шли бы въ хвостѣ освободительнаго движенія въ крестьянскомъ дѣлѣ и позднѣе многихъ другихъ поддались бы требованіямъ не улучшенія быта крестьянъ, а совершеннаго уничтоженія крѣпостного права. Чрезвычайно характерно, что среди масоновъ можно было найти такихъ сердобольныхъ людей, какъ художникъ Олешкевичъ, который не желалъ раздавить даже блоху или клопа [4]), и въ то же время масоны не возвышались до требованія уничтоженія крѣпостного права, дававшаго возможность проливать такъ много невинной крови. Олешкевичъ, какъ полякъ, еще могъ бы указать на то, что въ Царствѣ Польскомъ съ 1807 г. крестьяне уже получили личную свободу, но этого не могли сказать русскіе масоны. Такой индиферентизмъ къ одному изъ глав-

[1]) См. мою книгу „Крестьянскій Вопросъ" I, 361 - 369.

[2]) La Russie II. 257—258.

[3]) „Рус. Стар." 1902 г., № 4.

[4]) См. воспоминанія о немъ Пржецлавскаго. „Рус. Стар." 1876 г., т. XVI, 559—566.

нѣйшихъ золъ русской жизни долженъ былъ столь же отталкивать отъ масонства декабристовъ, какъ и нежеланіе его послѣдователей бороться съ другимъ не менѣе вреднымъ зломъ—самодержавіемъ.

Требованіе гуманности нѣкоторые масоны примѣняли не только въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ, но распространяли и на область фабричнаго труда. Обращаясь къ фабриканту и заводчику, Невзоровъ убѣждалъ его не стремиться съ жадностью къ излишнему доходу, не «величаться отъ крови другихъ нажитымъ имѣніемъ»; онъ совѣтовалъ ему освидѣтельствовать тяжкія работы трудящихся для него на фабрикахъ и заводахъ, не обременять ихъ работою выше мѣры, приказывать и своимъ повѣреннымъ «не быть звѣрями, а знать человѣчество», удвоить и утроить, или, «смотря по нуждамъ, обстоятельствамъ и дороговизнѣ времени», еще болѣе увеличить ихъ жалованье. «Помогай имъ всячески», продолжаетъ Невзоровъ, «и не слѣдуй тиранамъ-хозяевамъ, которые покупаютъ для работниковъ своихъ хлѣбъ и продаютъ имъ изъ барышей, платя при томъ за работу деньги очень малыя, отчего *работники ни плошки, ни ложки, ни рубашки собственной не имѣютъ*, а у *хозяина* за одинъ хлѣбъ на десять лѣтъ остаются впередъ въ долгу. Когда будешь такъ поступать..., работы на фабрикахъ твоихъ и заводахъ будутъ успѣшнѣе еще тиранскихъ фабрикъ, но безъ клятвъ и злословій» [1]). Правда, тутъ нѣтъ требованія законодательнаго вмѣшательства въ отношенія фабриканта къ рабочимъ, но нужно замѣтить, что и декабристы, включавшіе въ свою программу реформъ уничтоженіе крѣпостного права, забывали о защитѣ путемъ закона фабричныхъ рабочихъ [2]). Отчасти, впрочемъ, послѣднее объясняется тѣмъ, что на множествѣ фабрикъ работа производилась трудомъ крѣпостныхъ или поссессіонныхъ крестьянъ, и слѣдовательно, требуя уничтоженія крѣпостного права, декабристы вмѣстѣ съ тѣмъ добивались и освобожденія значительной части фабричныхъ работниковъ, а Пестель, кромѣ того, требовалъ и замѣны всѣхъ казенныхъ работниковъ на заводахъ—вольнонаемными или преступниками. Приведенная статья Невзорова тѣмъ болѣе заслуживаетъ благодарнаго упоминанія, что у него слово не расходилось съ дѣломъ. Онъ занималъ мѣсто начальника университетской типографіи въ Москвѣ. Когда въ августѣ 1812 г. типографскимъ чиновникамъ и рабочимъ не выдано было жалованья, онъ истратилъ съ этой цѣлью 6000 рублей, которые причитались ему, какъ извѣстная доля чистаго дохода съ типографіи [3]).

---

[1]) „Другъ Юношества", 1809 г., февраль, стр. 116—117.

[2]) Если не считать одного наброска Пестеля на французскомъ языкѣ, гдѣ онъ указываетъ вообще на необходимость защиты интересовъ трудящихся (см. далѣе гл. XI).

[3]) *П. Бартеневъ*. „Макс. Ив. Невзоровъ". „Русская Бесѣда" 1856 г., т. III, 97, 98.

И. В. Лопухинъ называлъ даже собственность «грѣховною, мерзкою» [1]), однако, надѣлавъ долговъ, онъ совершенно неправильно отстаивалъ свое имущество, что и заставило М. М. Сперанскаго прочесть ему весьма суровое наставленіе [2]). Нѣкоторымъ смягченіемъ вины Лопухина, но не оправданіемъ, ея можетъ быть лишь то, что, занимая деньги, у кого только было возможно, онъ съ величайшей щедростью раздавалъ ихъ нуждающимся.

Русскіе масоны обыкновенно не допускали женщинъ въ свои ложи, хотя во Франціи и въ другихъ странахъ Западной Европы, кромѣ Англіи [3]), а также и въ Америкѣ существовали женскія ложи, а въ нѣкоторыхъ странахъ и состоящія изъ членовъ обоихъ половъ [4]). Но отъ масоновъ не требовалось аскетизма. По обряду ученической ложи, при пріемѣ новаго члена ему вручали длинныя бѣлыя женскія лайковыя перчатки [5]), и великій мастеръ говорилъ: «Прими сей знакъ напоминанія той, которую ты больше всѣхъ любишь и почитаешь и, вышедъ изъ ложи, посвяти ей въ залогъ сей непорочной твоея къ ней ревности и незабвенія». Во французской пѣснѣ, которую распѣвали въ «работавшей» на французскомъ языкѣ ложѣ Соединенныхъ Друзей, упоминалось даже о подругѣ масона (sa mie) [6]). Въ ложѣ Умирающаго Сфинкса, великимъ мастеромъ которой былъ Лабзинъ, и которая не вошла въ союзъ ни Астреи, ни Провинціальной Ложи, 14 декабря 1819 г. происходило засѣданіе, въ которомъ чествовалось 25-тилѣтіе бракосочетанія Лабзина и гдѣ постановлено было поднести на другой день его женѣ на голубой подушкѣ женскія перчатки. Когда это было приведено въ исполненіе, тронутая Лабзина просила мужа положить ихъ, когда она умретъ, въ ея гробъ [7]). Лабзину допускали даже присутствовать на собраніяхъ ложи Умирающаго Сфинкса [8]), но только это не отмѣчалось въ ея протоколахъ.

---

[1]) „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели, съ присовокупленіемъ краткаго изображенія качествъ и должностей истиннаго христіанства". Спб. 1816 г. Новое изданіе, стр. 73, ср. 17, 43. (Первое изданіе 1798 г.).

[2]) „Рус. Арх." 1870 г., стр. 623—625.

[3]) Въ старыхъ масонскихъ законахъ прямо запрещено женщинамъ быть членами ложъ. *Anderson* Constitutions. 352.

[4]) *Гекторнъ*. „Тайныя общества" I, 276—284; *R. Fischer*. Darstellung der freimaur. Systeme, 1906, S. 58—59, Allgem, Handbuch der Freim II, 595, *Zaleski*. O masonii w Polsce, 189. Впрочемъ, по свидѣтельству автора Acta Latomorum, ложи, въ которыхъ участвовали цес. Константинъ Павловичъ и гр. Потоцкій, допускали женщинъ на свои праздники. Въ Уложеніи Астреи всюду говорится о членахъ ложъ въ мужскомъ родѣ.

[5]) „Вѣстн. Евр." 1872 г. № 7, стр. 275.

[6]) „Рус. Арх." 1905 г. № 10, стр. 285.

[7]) „Рус. Арх." 1905 г., № 12, стр. 332—335.

[8]) „Воспоминанія Анны Евдок. Лабзиной съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго". Спб. 1903 г., стр. 119, 120, 122—123, 124, 132.

V.

По «Законамъ Великой Масонской ложи Астреи», «истинный масонъ почитаетъ Бога, какъ Творца и Правителя міра. Онъ избѣгаетъ всего, что можетъ быть противно сему почитанію; признаетъ святость религіи христіанской, точнымъ исполненіемъ правилъ ея доказываетъ, что сердце его исполнено высокаго ученія Св. Евангелія, и нравственный законъ избираетъ правиломъ поступковъ своихъ» (§ 173). Въ масонскую ложу принимались только люди, принадлежащіе къ «какому-нибудь изъ терпимыхъ въ государствѣ *христіанскихъ исповѣданій*» («Уложеніе Астреи», ч. I, § 162). Правда, въ прибавленіяхъ къ законамъ Астреи были напечатаны «Масонскіе законы, оставшіеся отъ древнихъ каменьщиковъ», по которымъ допускались въ ложу не одни христіане: «хотя въ древніе времена», сказано было въ этихъ законахъ, «вольные каменьщики обязаны были принадлежать къ вѣроисповѣданію той земли, въ которой кто жилъ, но нынѣ признано за полезное поставлять имъ въ непремѣнную обязанность единственно то, чтобы они принадлежали къ одному изъ тѣхъ вѣроисповѣданій, кои обязываютъ вѣроисповѣдающихъ къ честности, справедливости, снисходительности и благотворительности къ ближнему, *какого бы онъ состоянія и вѣроисповѣданія ни былъ*, предоставляя, впрочемъ, всякому держаться тѣхъ правилъ и мнѣній, которыя признаетъ онъ благоразумнѣйшими и благочестивѣйшими» [1]). Однако, правило это, заимствованное съ измѣненіями изъ старой «Книги Уставовъ», составленной англійскимъ масономъ Андерсономъ по порученію братьевъ [2]), не было, какъ мы видѣли во всей широтѣ воспринято «Законами» и «Уложеніемъ Астреи», которыя непремѣннымъ условіемъ участія въ масонскихъ ложахъ ставили принадлежность къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій. Это соотвѣтствовало правиламъ, установившимся у русскихъ масоновъ и до составленія Уложенія Астреи, т. е. до 1815 года. За нѣсколько лѣтъ до того, въ 1811 г., былъ такой случай: сынъ богатаго откупщика-еврея, Перетцъ, пожелалъ быть принятымъ въ масоны, и Жеребцовъ, одинъ изъ вліятельныхъ масоновъ того времени, управлявшій ложею Соединенныхъ

---

[1]) „Законы Великой масонской ложи Астреи", ч. II. 1815 г., стр. 304—305. Въ лондонскомъ французскомъ изданіи законовъ Астреи вмѣсто всего этого мы находимъ только правило, что вольный каменщикъ „долженъ быть „честнымъ человѣкомъ", добрымъ, искреннимъ и вѣрнымъ, какого бы званія (denomination) или исповѣданія онъ ни былъ" (стр. 137).

[2]) Въ ней въ подлинникѣ еще яснѣе было подчеркнуто въ приведенномъ мѣстѣ, что нынѣ признано болѣе полезнымъ обязывать масоновъ имѣть только ту религію, въ которой всѣ люди согласны. Книга Андерсона, изданіе 1784 г., стр. 351; *Neumann* Das Freimaurertum, 27—29.

Друзей, предлагалъ капитулу принять его, но ему, какъ сообщаетъ въ донесеніи государю отъ 20 октября 1813 года управлявшій министерствомъ полиціи Вязьмитиновъ, было въ этомъ отказано, «ибо хотя въ древнихъ масонскихъ статутахъ, особенно англійскихъ, и позволено принимать жидовъ, но въ 1717 г. сдѣланъ законъ, принятый и здѣшними ложами, чтобы, кромѣ христіанъ, никого къ братству не допускать» [1]). Вязьмитиновъ, очевидно, перевралъ ссылку на англійскіе масонскіе законы въ подкрѣпленіе непринятія въ масонскую ложу Перетца: мы видѣли, что старые масонскіе уставы, напечатанные въ 1723 г. Андерсономъ по порученію лондонскихъ ложъ, объединившихся въ 1717 г. въ великую англійскую ложу, именно допускали въ ложу людей всѣхъ вѣроисповѣданій, и уже въ 1730-хъ гг. 32 еврея состояло членами ложъ, а въ 1732 году еврей былъ даже мастеромъ одной англійской ложи [2]), но если даже Перетцъ былъ дѣйствительно не принятъ въ ложу Соединенныхъ Друзей (имени его нѣтъ въ ея спискахъ), то не потому, что онъ былъ еврей (по вѣроисповѣданію онъ былъ лютеранинъ), а быть можетъ, вслѣдствіе несимпатичныхъ качествъ этого лица, которыя ясны и изъ того, что съ восшествіемъ на престолъ имп. Николая, онъ явился съ доносомъ на членовъ тайнаго общества [3]). Тѣмъ не менѣе лица еврейскаго исповѣданія, повидимому, дѣйствительно и до 1815 года, т.-е. до изданія Уложенія Астреи, не принимались въ русскія масонскія ложи. Правда, Ю. И. Гессенъ приводитъ извѣстіе, что одна петербургская ложа приняла около 1797 года въ свою среду еврея [4]), но это кажется намъ сомнительнымъ потому, что и на Западѣ Европы, масонство которой вліяло на нашихъ вольныхъ каменщиковъ, далеко еще не былъ побѣжденъ въ масонскихъ ложахъ крайне несимпатичный антисемитизмъ, столь противорѣчащій основнымъ положеніямъ масонства Англіи, откуда масонство быстро распространилось на материкѣ Западной Европы и проникло даже въ Индію. Въ Англіи масоны-антисемиты были въ меньшинствѣ уже въ первой четверти XVIII вѣка, во Франціи же, масонство которой оказало сильное вліяніе на нашихъ масоновъ въ первой четверти XIX в., ея Великій Востокъ не допускалъ принятія евреевъ, однако въ этой странѣ были ложи, принимавшія ихъ; въ Германіи въ

---

[1]) Военно-учен. Арх. Отд. I № 693.

[2]) *Ю. Гессенъ*, „Евреи въ масонствѣ", Спб. 1903 г., 10; *Findel*. Gesch. der Freimaurerei, 7 Auflage. II, Theil, 1907, S. 159.

[3]) Ф. П. Глинка во время слѣдствія по дѣлу декабристовъ показалъ, что Перетцъ однажды просилъ о принятіи его въ масоны, говоря, что онъ знакомъ съ д-ромъ Эллисеномъ и другими извѣстными масонами, но Глинка затруднился рекомендовать такого „балагура" и на другой день рѣшительно отказалъ. Перетцъ отрицалъ это. „Гос. Арх." I В., № 82, л. 11, 66, № 66, л. 88.

[4]) Стр. 47 со ссылкою на книгу Anti-Sarsena, 18.7 г., стр. 93; во всякомъ случаѣ авторъ нѣмецкой книги считаетъ такое принятіе незаконнымъ.

это время ложи, допускавшія ихъ въ свою среду, были не общимъ правиломъ, а исключеніемъ, наконецъ, шведскіе масоны принадлежали также къ числу антисемитовъ. Въ нѣмецкомъ масонскомъ словарѣ Гёдике (1818 г.), встрѣчающемся въ тогдашнихъ русскихъ собраніяхъ масонскихъ книгъ, авторъ съ великою рѣшительностью заявляетъ: «истинныя и настоящія масонскія ложи не терпятъ евреевъ въ своей средѣ» [1]).

Уложеніе Астреи ставитъ условіемъ принятія въ ложу принадлежность къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій, древніе же масонскіе законы, даже и въ томъ видѣ, какъ они были напечатаны въ приложеніи къ законамъ Астреи, отличались неизмѣримо большею религіозною терпимостью, но и въ нихъ высказывалась увѣренность, что каждый вольный каменщикъ, если онъ вполнѣ понимаетъ свои обязанности, «никогда не будетъ, конечно, имѣть въ себѣ свойства ни нелѣпаго богоотступничества, ни богопротивнаго вольнодумства» (стр. 304) [2]); но, какъ бы то ни было, масонство все же поднимало обычное религіозное міросозерцаніе русскихъ членовъ масонскихъ ложъ на большую высоту и склоняло многихъ изъ нихъ къ деизму: не даромъ они такъ часто поминали въ ритуалѣ своихъ масонскихъ собраній имя «всевышняго архитектора» [3]), но деизмъ оказывался недостаточнымъ не только для оффиціально терпимаго масонства Астреи, но даже и для тайной ложи Умирающаго Сфинкса Лабзина. Въ засѣданіи ученической ложи Умирающаго Сфинкса 1 марта 1821 г. второй надзиратель заявилъ о желаніи отставного коллежскаго совѣтника Венеціанова вступить въ орденъ свободныхъ каменщиковъ. Венеціановъ давно уже выражалъ ему это желаніе, но онъ не предлагалъ принять его, потому что этотъ «профанъ» сомнѣ-

---

[1]) *Ю. Гессенъ*. стр. 17—47, 60: *Findel* Gesch. der Freimaurerei. изд. 1866 г., стр. 510, 561—563, 689—690, 7 Aufl, 1907. II Th., 151: *Шустеръ*. „Тайныя общества, союзы и ордена". т. II. 1907. стр. 15, 126: *Gödicke* Freimaurer-Lexicon. Berl. 1818. S. 287. Историкъ масонства въ Польшѣ Залѣскій утверждаетъ, что польскія масонскія ложи также не принимали евреевъ. *Zaleski*. O masonii w Polsce. Krakow. 1889. стр 7. Однако въ бесѣдѣ Поздѣева 1814 г. есть такое извѣстіе: „Въ Польшѣ евреи держали ложу. Что сіе значитъ? То, что премудрость, спасая ихъ, употребляя ложу средствомъ, дабы привести ихъ къ истинѣ, кою отвергали, но коей они вели сь, сами не подозрѣвая". Рук. Моск. Публ. музея: копія въ масонскихъ бумагахъ А. Н. Пыпина, хранящихся въ славянск. отд. библіотеки Акад. Наукъ. Быть можетъ, тутъ дѣло идетъ о масонской ложѣ, основанной евреями отдѣльно отъ христіанъ; но въ Польшѣ они участвовали въ масонскихъ ложахъ и вмѣстѣ съ христіанами. *Askenazy* Lukasiński, I, 214.

[2]) Въ текстѣ Андерсона было сказано: „ни глупаго атеиста, ни отрицающаго религію развратника". Лонд. изд. 1784 г., стр. 351, *Neumann*, 23. Въ одномъ масонскомъ стихотвореніи, посвященномъ „имѣющему хлѣбъ насущный", „атеистъ, промѣняющій во зло всякое благо", липается даже матеріальной помощи. „Всемірный Вѣстникъ" 1904 г., № 5, стр. 27.

[3]) См., напр., обрядъ принятія ученика. Арх. Деп. Полиціи, дѣла III отд. Собств. Е. В. Канц., опись 1830 г., 1 экон., дѣло № 311 (бумаги Дубровина, масоны № 5).

вался признать Христа Спасителя Сыномъ Божіимъ, «нынѣ же дѣйствіемъ Божіей Благодати внутренно убѣжденъ въ Божествѣ Іисуса Христа». Это подтверждалось письменнымъ объясненіемъ Венеціанова, въ которомъ онъ, признавая ученіе Христа въ Новомъ Завѣтѣ словомъ Божіимъ, все же заявлялъ, что «нѣкоторыя мѣста въ Ветхомъ Завѣтѣ доселѣ находитъ несогласными еще съ его понятіемъ о Богѣ». Затѣмъ великій мастеръ ложи Лабзинъ объяснилъ, «почему собственно невѣрующій въ Божественность Христа Спасителя не можетъ обрѣсти внутренно въ душѣ своей ни силы, ни отрады или радости истинной», и затѣмъ рѣшено было избрать Венеціанова въ одномъ изъ слѣдующихъ собраній ложи, что и было исполнено [1]).

Въ протоколѣ той же ложи 27 января 1820 г. записано, что нѣкто Агапьевъ, рекомендованный для пріема 2-мъ надзирателемъ Мартыновымъ, сомнѣвался въ истинѣ воплощенія Спасителя и Священнаго писанія, а вступить въ орденъ желалъ для того, чтобы узнать, что послѣдуетъ съ нимъ по смерти; при дальнѣйшихъ вопросахъ обнаружилось, что «ищущій» страдаетъ, не зная, что будетъ за гробомъ, «находится въ безпрестанныхъ внутреннихъ тревогахъ», и сердце его жаждетъ успокоенія; онъ находитъ для себя великую нужду увѣровать въ вочеловѣченіе Спасителя, «но разумъ понять не можетъ, какъ Божество могло сдѣлаться плотію». Великій мастеръ Лабзинъ, не находя возможнымъ нарушить общее правило русскаго масонства о принятіи въ ложу только вѣрующихъ во Христа и считая желаніе ищущаго узнать то, что будетъ за гробомъ, «больше любопытствомъ, нежели какимъ-либо достойнымъ уваженія стремленіемъ», поручилъ Агапьева руководству одного изъ братьевъ съ тѣмъ, что онъ будетъ принятъ, лишь когда этотъ братъ признаетъ его къ тому готовымъ. При этомъ великій мастеръ высказалъ, что даже благоразумные язычники предполагали воздаяніе за добро и зло по смерти, и что Агапьевъ могъ бы заключить уже по разсудку, что такъ и будетъ [2]).

Однако нѣкоторые изъ выдающихся масоновъ, повидимому, оказывались сами не чуждыми религіознымъ сомнѣніямъ. Въ «Бесѣдахъ» масоновъ Поздѣева и А. П. Римскаго-Корсакова (1814 г.) мы находимъ слѣдующее любопытное мѣсто: «Ежели бы случилось войти въ разговоръ съ Еллизеномъ [3]), когда онъ противу божества Христа говоритъ, то можно ему сказать, что напрасно онъ вооружается противу того, чего

[1]) Рук. Имп. Публ. Библ. F. III. № 66.

[2]) Рук. Имп. Публ. Библ. F. III. № 64.

[3]) Д-ръ Е. Е. Эллизенъ былъ главнымъ противникомъ высшихъ степеней въ масонствѣ и считалъ ихъ сумасбродствомъ, ведущимъ къ развращенію нравовъ и даже вреднымъ для государства. *Пыпинъ*, „Матеріалы". „Вѣстн. Евр." 1872 г., № 2, стр. 577—582.

не разумѣетъ, и что отрицаніе христіанства затворитъ ему двери къ истиннымъ познаніямъ какъ во времени, такъ и въ вѣчности» [1]).

Однако въ письмѣ къ извѣстному масону Бёберу Эллизенъ требуетъ уваженія къ «священному писанію и религіи», но, рѣзко порицая шведское тампліерство, говоритъ: «въ Швеціи даютъ кровь изъ раны Христовой въ маленькой скляночкѣ; далѣе показываютъ мощи, состоящія изъ перста св. Іоанна, въ вознагражденіе много истраченныхъ денегъ и времени» [2]). Магницкій въ доносѣ имп. Николаю (1831 г.) утверждаетъ, что въ ложѣ Полярной Звѣзды, учрежденной Феслеромъ въ саду Коммиссіи Законовъ, и въ которой участвовали Сперанскій, Злобинъ, Незаровіусъ, Розенкампфъ и др. (въ числѣ ихъ былъ самъ Магницкій), Феслеръ будто бы систематически и прямо опровергалъ христіанство и представлялъ Спасителя «Сыномъ Ессеянина, обманывавшимъ народъ для утвержденія своего ученія» [3]). Но трудно положиться на такой мутный источникъ, какъ доносъ Магницкаго.

Нѣкоторые масоны весьма отрицательно относились къ православному духовенству. Такъ, Невзоровъ писалъ кн. А. Н. Голицыну: «духовные сдѣлались совершенными торгашами, стараются только умножить свои доходы отдачею въ наймы домовъ, подваловъ, огородовъ и подобнаго. Свидѣтельствомъ тому служатъ всѣ подворья архіерейскія и монастырскія въ Москвѣ, составляющія гнѣзда трактировъ, харчевень, постоялыхъ дворовъ и лавокъ, къ единой роскоши служащихъ. Религію же Христову и богопочитаніе они заключаютъ только въ умноженіи золота и парчей и жемчуговъ церковныхъ, почему явные грабители, дѣлающіе въ монастыри и церкви вклады, становятся у нихъ лучшими христіанами; истинные же поклонники Іисуса Христа, старающіеся о распространеніи истиннаго духа евангельскаго, почитаются отъ нихъ безумными и фанатиками и подвергаются гоненію. Всего же чуднѣе, что начальствующіе монахи нынѣ начали явно говорить, что они не монахи, а начальники и правители церкви, а постригаются въ монахи только для поддержанія религіи». Вѣльгорскій занесъ въ свою запис-

[1]) „Бесѣды съ І. О. (Поздѣевымъ) А. П. Р.-К. (Римскаго-Корсакова) на Стекляномъ Заводѣ 1824 года", см. 23 января, Рук. Моск. Публ. Музея (Масонскія бумаги А. Н. Пыпина). Андрей Римскій-Корсаковъ въ своемъ разсужденіи о разности системъ въ масонствѣ говоритъ: „есть и столь гибельныя ложи или столь пагубный составъ системы и направленія, что коварные умыслы вольнодумства подъ нею скрываются". Гос. Арх. I В., № 499.

[2]) „Вѣстн. Евр." 1872 г., № 2, стр. 580.

[3]) „Рус. Стар." 1889 г., № 2, стр. 298. Въ числѣ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ имп. Александра I послѣ его смерти, есть донесеніе полк. Полева, въ которомъ называются слѣдующіе члены „царствующей ложи иллюминатовъ": Сперанскій, Феслеръ, Магницкій, Злобинъ, Розенкампфъ, Кампенгаузенъ. Госуд. Арх. I. В., № 12, л. 27. Терминъ „иллюминатъ" употреблялся въ Россіи въ первой четверти XIX в. въ очень широкомъ смыслѣ.

ную книжку такую мысль: «въ первые годы христіанства сосуды были деревянные», что и дало возможность «сказать, что когда сосуды были деревянные, то попы были золотые, а нынѣ сосуды золотые, зато попы деревянные» [1]).

Къ религіознымъ разногласіямъ масоны относились съ большою осторожностью. Въ масонской рукописи «Всеобщіе законы» сказано: «ни единый братъ да не дерзаетъ въ ложѣ говорить о распряхъ вѣры и государственныхъ несогласіяхъ подъ взысканіемъ зато пени пяти рублей на бѣдныхъ» [2]). Подобное же правило въ «Законахъ Астреи» выражено такимъ образомъ: «разговоры о дѣлахъ государственныхъ правительствъ и религіи и приватные споры ни въ открытой ложѣ, ни предъ открытіемъ, ни по закрытіи оной, даже въ бесѣдахъ въ домѣ ложи не должны быть производимы масонами» [3]).

Религіозное міросозерцаніе масоновъ не препятствовало многимъ декабристамъ примкнуть, по крайней мѣрѣ, на время, къ масонству, такъ какъ среди нихъ было не мало людей религіозныхъ, хотя и не всегда въ духѣ нашего казеннаго православія. Но декабристы, будучи почитателями Бенжамена Констана, требовали, какъ видно изъ программы реформъ, найденной въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого, предоставленія лицамъ всякаго вѣроисповѣданія «свободнаго отправленія богослуженія», а Н. Муравьевъ въ своей конституціи даже настаивалъ на установленіи полной свободы совѣсти и высказывался противъ запрещенія раскола, кромѣ «основаннаго на развратѣ или дѣйствіяхъ противоестественныхъ». Такимъ образомъ, декабристы и въ вопросахъ религіозной свободы пошли далѣе нашихъ масоновъ и, будучи послѣдовательными, не могли сочувствовать ихъ отношенію къ нехристіанамъ въ масонскихъ дѣлахъ.

Очень важную черту въ міросозерцаніи масоновъ составляетъ ихъ космополитизмъ. Еще въ «Уставѣ вольныхъ каменщиковъ» (1780-хъ гг.), распространенномъ и въ началѣ десятыхъ годовъ XIX вѣка, было сказано, что вселенная есть отечество каменьщика». С. С. Ланской когда ложа Палестины стала работать на русскомъ языкѣ, въ декабрѣ 1813 г. произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ радость масоновъ, «что есть два дни въ мѣсяцѣ, въ которые хорошій... братъ, не знающій иностраннаго

---

[1]) *Соколовская.* „Русское масонство", 178. Православное духовенство, съ своей стороны, ненавидѣло масоновъ и иногда обвиняло ихъ въ ересп. Поводомъ къ этому могло служить и то, что нѣкоторые масоны высшихъ степеней сами совершали обрядъ причащенія, тампліеры посвящали въ первосвященники (Ibid, стр. 67—70), въ Іоанновъ день масоны иногда публично въ своихъ ложахъ приносили покаяніе. *Соколовская.* „Іоанновъ день—масонскій праздникъ". „Море" 1906 г., № 23—24.

[2]) Рук. Имп. Публ. Библ. F. III, № 72, № 9, § 18.

[3]) Ч. II, § 200, стр. 113.

языка, можетъ придти въ храмъ нашъ, принести жертву свою на алтарѣ святого человѣчества» [1]). Кн. Баратаевъ, въ рѣчи, произнесенной въ основанной имъ ложѣ Ключа къ Добродѣтели (24-го іюня 1818 г. въ его имѣніи Баратаевкѣ, Симбирской губ.), съ гордостью вопрошалъ: «слово чужеземецъ не исключено ли изъ словаря вольныхъ каменщиковъ?» [2]). Въ числѣ семи добродѣтелей, обязательныхъ для масона, была любовь не только къ братству, но и къ человѣчеству [3]). Космополитическіе взгляды масоновъ въ ихъ логическомъ развитіи должны были бы привести ихъ къ совершенному отрицанію войны, но до этого они не возвысились, хотя и выражали порицаніе связанному съ нею кровопролитію и иногда называли героевъ войны разбойниками. Однако, все же случалось, что масонство смягчало ужасы войны, по крайней мѣрѣ, для самихъ масоновъ или тѣхъ, кому былъ извѣстенъ ихъ знакъ призыва на помощь—руки, сложенныя вмѣстѣ и поднятыя надъ головою. При видѣ этого знака масоны давали пощаду собрату по ордену изъ вражескаго войска, иногда оказывали даже денежную помощь: случайно сложенныя такимъ образомъ руки раненаго декабриста Батенькова спасли ему жизнь во время заграничнаго похода [4]).

VI.

Не останавливаясь на нравственныхъ требованіяхъ, которыя масоны предъявляли членамъ своего ордена въ перечняхъ ихъ обязанностей, а также о которыхъ почти исключительно они говорили въ своихъ рѣчахъ, чрезвычайно утомительныхъ своимъ безсодержательнымъ фразерствомъ, я отмѣчу, въ чемъ состояла ихъ дѣятельность, кромѣ самыхъ собраній ложъ, которыя своимъ ритуаломъ возбуждали насмѣшливое отношеніе постороннихъ.

Много говорятъ о благотворительной дѣятельности масоновъ. Во время Екатерины II, благодаря замѣчательной энергіи Новикова и щедрому пожертвованію Г. М. Походяшина, сына извѣстнаго уральскаго горнозаводчика, весьма большіе размѣры этой благотворительности внѣ всякаго сомнѣнія, но за время Александра I намъ неизвѣстно ничего подобнаго, однако нѣкоторая помощь бѣднымъ все же оказывалась масонами.

По «Уложенію Великой масонской ложи Астреи» всѣ ложи при-

---

[1]) *Соколовская.* „Изъ исторіи масонской ложи Палестина". „Русск. Стар". 1907 года, № 10, стр. 87.

[2]) Гос. Арх. I В., № 487.

[3]) Обрядъ ученической ложи въ дѣлахъ III Отд. Соб. Е. В. Канц.

[4]) *Соколовская.* „Русское масонство", стр. 79—80, 84. *Zaleski.* O masonii w Polsce, 177.

надлежащія къ ея союзу, обязаны были вносить ей «ежегодно въ іюлѣ мѣсяцѣ по Іоаннову червонцу за каждаго присутствующаго или дѣйствительнаго члена, т. е. по полтора рубля сер., доколѣ они будутъ по курсу по крайней мѣрѣ» въ 5 руб. асс.», и сумма эта назначалась для учрежденія «благотворительнаго заведенія». Пока денегъ для этого недостаточно, онѣ должны были вноситься въ сохранную казну для приращенія процентами и никогда не могли быть употребляемы ни на какую иную надобность. Къ этой суммѣ должны были присоединиться, по особымъ постановленіямъ Великой ложи, остатки отъ ея годовыхъ расходовъ, а также всѣ пожертвованія, дѣлаемыя Великою ложею (ч. I, 72—73, ч. II, 164). Сборы на бѣдныхъ производились въ каждомъ засѣданіи отдѣльныхъ ложъ, и по «Законамъ Астреи» членъ, даже не пришедшій въ засѣданіе ложи, обязанъ былъ прислать подаяніе въ пользу бѣдныхъ (II, 102). Денежные штрафы съ провинившихся противъ правилъ ложи братьевъ также взимались въ пользу бѣдныхъ. Подобные же благотворительные сборы производились и въ ложахъ союза Великой Провинціальной ложи. Такъ, напр., въ ложѣ Елизаветы къ Добродѣтели за второе полугодіе 1811 г. было пожертвовано для бѣдныхъ 582 руб; въ первые 5 мѣсяцевъ 1812 года—343 рубля, съ 1-го марта 1815 по 13-е мая 1816 г. на бѣдныхъ было израсходовано 2093 рубля (нужно помнить, что счетъ идетъ на ассигнаціи). Помощь оказывалась въ видѣ единовременныхъ выдачъ или ежемѣсячныхъ пенсій (въ 5—10 р.), помогали содержащимся въ тюрьмахъ, былъ случай выкупа изъ тюрьмы одного чиновника, давали иногда на погребеніе бѣднаго [1]). Въ нѣсколько большемъ размѣрѣ были поступленія въ кружку для бѣдныхъ московской ложи Ищущихъ Манны, а именно съ 7 декабря 1817 г. по 27 мая 1818 года, т. е. почти за полгода, было собрано 1348 руб., впрочемъ, кромѣ того въ одинъ вечеръ было собрано на погребеніе скончавшагося брата въ помощь его семейству 1008 руб [2]). Въ ложѣ Умирающаго Сфинкса (Лабзина) въ 1814—15 г. было пожертвовано въ пользу бѣдныхъ за годъ 532 р., въ 1816—17 г. 417 р., въ 1818—19 за годъ 338 р. [3]). Однажды въ симбирской ложѣ Ключа къ Добродѣтели было назначено 20 р. для выкупа сына бѣдной женщины, взятаго въ плѣнъ башкирами; въ той же ложѣ пожертвовано 25 рублей для помощи грузинскимъ князьямъ, проѣзжавшимъ на родину изъ Сибири [4]). Управляющій этою ложею кн. Бара-

---

[1]) *М. Соколовскій.* „Черты масонской благотворительности". „Трудовая Помощь", 1905 г., мартъ; *Соколовская* „Изъ исторіи масонской ложи Палестины". „Рус. Стар.", 1907 г. № 10, стр. 92.

[2]) „Рус. Арх.", 1906 г., № 11, стр. 408—411.

[3]) Рук. Публ. Библ. F Ш, №№ 68 и 64.

[4]) „Гос. Арх." I В., № 483, протоколы первой степени ложи 1819 г., л. 8. об., 35.

таевъ въ своей рѣчи, 24 іюня 1818 г., сказалъ: «Почтенныя ложи Петра къ истинѣ, Избраннаго Михаила, Соединенныхъ Друзей и многія .. помогли страждущему человѣчеству, приняли на благодѣтельныя попеченія свои цѣлыя семейства не могущихъ существовать безъ добродѣтельныхъ ихъ пособій, сколькихъ художниковъ, пришедшихъ въ разореніе, благотворительностью своею возвели они на прежнюю ступень. Почтенная ложа Александра Коронованнаго Пеликана управляема мастеромъ, заслужившимъ своими масоническими добродѣтелями всемірное уваженіе. Братъ Пезаровіусъ—ходатай, покровитель инвалидовъ,—и тысячи защитниковъ отечества въ спокойствіи проведутъ остатки славной ихъ жизни на лаврахъ, ими заслуженныхъ» [1]). Дѣйствительно, Пезаровіусъ, издатель «Русскаго Инвалида», собралъ къ концу 1815 г. 395,000 рублей въ пользу воиновъ, пострадавшихъ во время отечественной войны, которые и представилъ правительству. Но это было его единоличное дѣло, а не масонской ложи, во главѣ которой онъ стоялъ [2]).

Великая Провинціальная ложа, съ цѣлью помощи нуждающимся масонамъ, выработала «Положеніе о вспомогательной братской кассѣ» и въ засѣданіи 7 іюня 1817 г. предложила его всѣмъ ложамъ ея союза, какъ іоанновскимъ, такъ и высшихъ степеней. Въ составъ средствъ «вспомогательной братской кассы» должны были войти: іоанновскій червонецъ, или 5 рублей ассигн., весь сборъ кружки бѣдныхъ въ собраніяхъ Великой Провинціальной ложи, половина сборовъ кружки бѣдныхъ въ іоанновскихъ ложахъ, весь сборъ этой кружки въ ложахъ высшихъ степеней, сборъ по 25 коп. сер., или по одному рублю ассигн., по смерти членовъ ложъ, приступившихъ къ этому положенію и, наконецъ, добровольныя пожертвованія. Неимущій братъ или его семейство могли воспользоваться пособіемъ изъ этой кассы только одинъ разъ въ годъ. Положеніе это было принято слѣдующими ложами Великой Провинціальной Ложи: Елизаветы къ Добродѣтели, Трехъ Свѣтилъ, Сѣверныхъ Друзей и Дубовой Долины, и также шотландскими ложами Александра Златого Льва и Сфинкса, при чемъ ложа Елизаветы къ Добродѣтели кромѣ того постановила внести въ учрежденный на основаніи этого положенія вспомогательный комитетъ половину своей наличной суммы, а шотландская ложа Златого Льва—всю сумму [3]).

Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ видовъ помощи былъ расходъ на

---

[1]) „Гос. Арх." I В., № 487.

[2]) О Пезаровіусѣ см. статью „Забытый филантропъ" въ „Историческихъ очеркахъ и разсказахъ" *С. Шубинскаго*. Изд. 5, Спб. 1908 г.

[3]) Масонскія бумаги рук. отд. Библіотеки Академіи Наукъ (стараго пріобрѣтенія). Изъ собранныхъ такимъ образомъ суммъ выдавались не только безвозвратныя пособія, но и ссуды изъ 6% годовыхъ, при чемъ въ одномъ случаѣ размѣръ послѣдней равнялся даже 1400 рублямъ. Статья М. К. Соколовскаго въ „Трудовой Помощи" 1905 г., мартъ, стр. 15—16.

воспитаніе дѣтей. Въ 1826 году, когда правительство потребовало отъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ заявленія о томъ, что каждому извѣстно относительно масонства, отставной подпоручикъ Лофицкій, въ письмѣ кіевскому гражданскому губернатору, весьма враждебномъ масонамъ, сообщилъ: «я слышалъ, что предъ 1822 г. въ Москвѣ, въ домѣ Ланга на Кисловкѣ была масонская ложа, и что едва ли не въ томъ же домѣ или подъ ея покровительствомъ въ другомъ домѣ былъ и пансіонъ для нѣсколькихъ сиротъ, воспитывавшихся во всѣхъ масонскихъ правилахъ» [1]). Ложа Астрея обратилась даже съ циркуляромъ ко всѣмъ ложамъ ея союза съ предложеніемъ учредить масонскія стипендіи въ царскосельскомъ лицеѣ [2]); что предложеніе это было принято, видно изъ постановленія симбирской ложи 11 ноября 1819 года, когда братья «подтвердили» ежегодный взносъ въ 100 рублей на воспитаніе въ лицеѣ двухъ луфтоновъ (т. е. сыновей масоновъ), «отъ имени ложи Великой Астреи, туда назначаемыхъ».

Ложа Елизаветы къ Добродѣтели въ 1816 г. учредила домъ призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ на 25 сиротъ, гдѣ ихъ не только содержали, но и давали нѣкоторое образованіе и обучали ремесламъ. Изъ протоколовъ ложи видно, что избираемому ею для завѣдыванія этимъ учрежденіемъ комитету отчислялась половина сборовъ ложи (другая половина шла въ братскій вспомогательный капиталъ). Въ собраніи 4-го ноября 1818 г. ложа Трехъ Свѣтилъ постановила принять содержаніе двухъ питомцевъ этого дома на свой счетъ [3]).

Въ февралѣ 1819 г. члены Симбирской ложи Ключа къ Добродѣтели и нѣкоторые посѣтители ложи, по предложенію Баратаева обязались жертвовать ежегодно до 1400 руб. для воспитанія дѣтей самыхъ неимущихъ дворянъ Симбирской губ., «лишенныхъ средствъ на своемъ иждивеніи образовать разумъ въ общенародныхъ училищахъ», съ тѣмъ, чтобы избранныхъ для этого сиротъ отправлять въ казанскую гимназію и вносить ежегодно за каждаго пансіонера 400 рублей. Масонъ Кротковъ, сверхъ взносовъ на воспитаніе, обязался давать еще ежегодно по 500 р. «на боугодное дѣло». Изъ росписки (24 декабря 1819 г.) директора симбирскихъ училищъ видно, что въ симбирскомъ уѣздномъ училищѣ тогда воспитывалось трое дворянскихъ дѣтей, за обученіе которыхъ и присмотръ за ними уплачивалось по 400 р. въ годъ за каждаго [4]).

---

[1]) Арх. Деп. Полиціи. дѣла III Отд., 1 эксп., опись 1826 г., д. № 13 (бумаги Дубровина, Масоны № 5).

[2]) *Соколовскій.* „О масонствѣ въ прежнемъ русскомъ флотѣ". „Море" 1907 г. № 8.

[3]) Бумаги И. Ѳ. Дубровина о масонахъ: Гос. Арх. I. В., № 82, л. 46 № 487 (рѣчь Баратаева); ст. М. Соколовскаго въ „Трудовой Помощи".

[4]) „Гос. Арх. I В. № 484, переписка ложи Ключа къ Добродѣтели, ч. III, л. 4 5. 8. Намѣстный мастеръ ложи Умирающаго Сфинкса, Черновъ, умершій въ

Мы видимъ такимъ образомъ, что благотворительная дѣятельность масоновъ въ царствованіе Александра I не имѣла особенно широкихъ размѣровъ. Масонъ Никитинъ, членъ ложи Избраннаго Михаила, въ рѣчи, произнесенной въ ней въ 1820 г., говоритъ о «работѣ» масоновъ: «Мы садимся, встаемъ, зажигаемъ и гасимъ свѣчи, слышимъ вопросы и отвѣты, мы баллотируемъ и принимаемъ въ масоны непросвѣщенныхъ, т. е. не масоновъ, и, наконецъ, мы собираемъ нѣсколько рублей для бѣдныхъ, — вотъ для чего собираемся мы въ ложу» [1]). Это заявленіе Никитина не было слѣдствіемъ одной скромности оратора: сплошь и рядомъ сборы въ ложахъ были весьма незначительны. Но все же въ результатѣ дѣятельности масонскихъ ложъ являлась нѣкоторая организація благотворительности, помощь бѣднымъ оказывалась съ большимъ смысломъ и разборомъ, чѣмъ при случайныхъ подачкахъ.

Въ обществѣ, повидимому, ходили преувеличенные слухи о сборахъ, производимыхъ масонами, какъ ради благотворительности лицамъ постороннимъ, такъ и съ цѣлью взаимопомощи. Отчасти этимъ объясняется несочувствіе нѣкоторыхъ лицъ масонству и нежеланіе присоединиться къ этому обществу. Отрицательное отношеніе къ нему вылилось даже въ стереотипную фразу. Кн. Вяземскій сообщаетъ, что Ѳ. Киселевъ, когда ему предложили войти въ масонскую ложу, отвѣчалъ: «знаю, что общество дѣлится на двѣ ступени, на одной—датусы, на другой — биратусы; датусомъ быть не хочу, а биратусомъ—не способенъ». Говорятъ, что партизанъ Д. В. Давыдовъ также сказалъ, «что быть датусомъ не имѣетъ средствъ, а биратусомъ—не желаетъ» [2]). Многимъ не нравилась и таинственность, которою окружало себя масонство [3]). Впро-

1817 г., завѣщалъ этой ложѣ, по его словамъ, „воспитавшей его..., остальныя лепты, трудами его пріобрѣтенныя",—капиталъ въ 10.220 рублей (въ составъ котораго, впрочемъ, входило два заемныхъ письма члена ложи Мартынова на 4.500 рублей). Изъ этихъ суммъ въ 1818 г. Лабзинъ выдалъ 5.000 р. въ заемъ на годъ извѣстному мастеру ложи, генералу Е. Кушелеву. Въ слѣдующемъ году Кушелевъ внесъ 500 рублей процентовъ, но объ уплатѣ капитала свѣдѣній въ протоколахъ ложи не имѣется. (Рук. Публ. Библ., F III, №№ 68, 64, 65). Запрещеніе Лабзинымъ Кушелеву посѣщать ложу, когда онъ, переставая быть ея членомъ, желалъ сохранить право быть ея посѣтителемъ (въ іюнѣ 1821 г.) вѣроятно, объясняется тѣмъ, что въ этомъ же мѣсяцѣ Кушелевъ подалъ имп. Александру записку, которая могла усилить недовѣріе правительства къ масонамъ. См. мою статью „Декабристы-масоны". „Минувш. Годы" 1908 г. № 2, стр. 42, 44—46.

[1]) Бумаги Боровкова.

[2]) „Вѣстн. Всем. Ист." 1904 г., май, 30—31; „Рус. Арх." 1906 г., т. II, стр. 114.

[3]) А. П. Ермоловъ въ письмѣ къ Закревскому (1819 г.) говоритъ: „много разъ старались меня вовлечь въ общество масоновъ; я не опровергаю, чтобы не было оно весьма почтенно, но разсуждаю, какъ простой человѣкъ, что общество имѣющее цѣль полезную, но имѣетъ необходимости быть тайнымъ". „Сбор. Имп. Историч. О-ва", т. 73, стр. 325.

чемъ, и сами масоны видѣли многіе недостатки своихъ собратьевъ Андрей Римскій Корсаковъ въ «Размышленіи о разности системъ въ масонствѣ» говоритъ: «1) Есть ложи, въ коихъ все масонское знаніе ограничивается искусствомъ въ празднованіи торжественныхъ ложъ и банкетовъ, точности въ финансахъ и красивости письмоводства, а нравственность братьевъ заключается въ подачѣ нѣсколькихъ денегъ въ день собранія въ кружку бѣдныхъ. 2) Есть братья, коихъ прилежность доказывается тѣмъ только, что, будучи тунеядцы и празднолюбцы, они не пропускаютъ собираться въ назначенный день, дабы между собою увидѣться, поговорить предъ работами и послѣ оныхъ о профанскихъ матеріяхъ и вмѣстѣ посидѣть у экономa. 3) Есть братья, коихъ стремленіе содѣлаться лучшими и совершеннѣйшими состоитъ въ томъ, чтобы облечься многими безжизненными степенями и занимать значущія мѣста въ ложѣ, не понимая ни степени, ни важности мѣста. 4) Есть братья, коихъ усердіе къ распространенію масонскаго свѣта заключается въ торговлѣ онымъ, принимая, повышая и наставляя втайнѣ за хорошую плату. 5) Есть братья, коихъ связь и дружба имѣютъ единственною цѣлью получить въ профанскомъ быту чинъ или прибыточное мѣсто и тому подобную профанскую выгоду пріобрѣсть. — Таковы-то суть ложи, кои лишены истиннаго масонства» [1])

Декабристъ Штейнгель очень недолюбливалъ масоновъ. Въ 1816 г. ему предлагали принять участіе въ масонской ложѣ, но онъ отказался. Онъ полагалъ, какъ заявилъ въ одномъ изъ своихъ показаній, что масоны раздѣляются на два рода людей: обманывающихъ и обманываемыхъ; онъ не желалъ принадлежать ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. По его мнѣнію, «давать клятву на исполненіе правилъ неизвѣстныхъ и притомъ подвергать себя испытаніямъ, похожимъ на шуточныя, противно человѣку здравомыслящему». Очевидно, Штейнгель не вѣрилъ въ искренность главарей масонства; какъ человѣкъ весьма религіозный, онъ могъ не одобрять и ихъ стремленія замѣнить церковные обряды своимъ ритуаломъ, который казался ему шутовскимъ. Сами масоны понимали, какое странное впечатлѣніе долженъ былъ производить этотъ ритуалъ, символизирующій элементарныя истины [2]), на людей посторонннихъ: не даромъ, какъ видно изъ обряда ученической ложи, у вновь принимаемаго въ масоны великій мастеръ ложи спрашивалъ: «не кажется ли тебѣ игрушкой все съ тобою творимое сегодня?» Еще понятнѣе, что «безсмыслицею» считалъ то, что продѣлывалось въ ложахъ, вовсе не религіозный И. Д. Якушкинъ [3]). Но очень многіе изъ декабри-

[1]) Гос. Арх. I В., № 499.

[2]) Ср. *Findel.* Geist und Form der Freimaurerei, 1905.

[3]) „Записки Якушкина", изд. 1905 г., стр. 24—25. Упомянемъ еще объ отзывахъ двухъ недекабристовъ: Лубяновскій, не бывшій въ ложахъ, но слышавшій

стовъ, сдѣлавшись масонами, не только относились къ масонскому ритуалу съ полной серьезностью, но пытались внести масонскіе обряды и въ тайныя общества: даже такой выдающійся человѣкъ, какъ Пестель, находился подъ сильнымъ вліяніемъ масонства при составленіи устава Союза Спасенія. То же повторилось и въ Союзѣ Благоденствія (см. стр. 292). Обряды, знаніе которыхъ свидѣтельствовало о принадлежности къ ордену, пароли, извѣстные лишь посвященнымъ, страшныя клятвы не нарушать тайны, все это имѣло серьезное значеніе въ то время, когда принадлежность къ масонству и другимъ тайнымъ обществамъ могло довести до пытки, какъ въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ Зап. Европы, до знакомства съ Шешковскимъ и заточенія въ Шлиссельбургской крѣпости у насъ. Однако, являясь ненужнымъ пережиткомъ для тѣхъ масоновъ, которые не шли дальше пережевыванія элементарныхъ нравственныхъ истинъ и не особенно выдающейся благотворительности, нѣкоторые пріемы, усвоенные масонами, могли казаться весьма не лишними тѣмъ, которые, какъ Пестель и многіе декабристы, участвовали одновременно и въ тайномъ обществѣ съ политическими задачами, и въ той или въ другой масонской ложѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ А. Н. Муравьевъ, прямо признавали на слѣдствіи, что они желали скрыть тайное общество подъ масонскимъ покровомъ, другіе, какъ М. П. Новиковъ, племянникъ знаменитаго масона, считали масонскую ложу мѣстомъ вербовки для членовъ Союза Благоденствія. Но участіе въ масонскихъ ложахъ нѣсколькихъ десятковъ декабристовъ и лицъ близкихъ къ тайному обществу имѣло не только эти практическія цѣли: оно коренилось и въ сильномъ мистическомъ теченіи, охватившемъ часть русскаго общества, какъ и общества западно-европейскаго; это теченіе, что бы ни говорили о немъ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи [1]), было явленіемъ вполнѣ отрицательнымъ. Какое вредное вліяніе могъ оказывать этотъ мистицизмъ на людей, даже широко образованныхъ и съ выдающимися способностями, лучше всего доказываетъ тотъ милліонъ терзаній, который пережилъ Чаадаевъ послѣ того, какъ онъ окунулся въ мистическую литературу. Къ счастію, большинство декабристовъ, соприкасавшихся съ масонствомъ, не впали въ мистицизмъ, а, присмотрѣвшись ближе къ масонству, разочаровались въ немъ и постепенно покинули масонскія ложи [2]). Причинами этого разочарованія

отъ масоновъ о ихъ работахъ, называлъ ихъ „суесловіемъ, которое и разумные люди могутъ въ какомъ-то затменіи считать важнымъ и полезнымъ“ („Рус. Арх.“ 1872 г., I, 463), а Вигель говоритъ, что сначала масонство его „нѣкоторымъ образомъ заняло, но скоро наскучило, даже огадилось“ (V, 57).

[1]) См. книгу *М. О. Гершензона*. „П. Я. Чаадаевъ“. Спб. 1908 г., 26—27.

[2]) Очень важное значеніе приписывалъ въ своей жизни масонству извѣстный декабристъ Батеньковъ: „Пробывъ 20 лѣтъ въ секретномъ заключеніи“ (почти все время въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости), гово-

должны прежде всего быть политическій консерватизмъ нашихъ масоновъ, ничтожные размѣры ихъ просвѣтительной и благотворительной дѣятельности и, наконецъ, потеря времени на посѣщеніе ложъ и исполненіе требованій ихъ ритуала. Но все же масонство сыграло нѣкоторую роль на первыхъ ступеняхъ организаціи тайныхъ обществъ во второй половинѣ десятыхъ годовъ XIX вѣка, и потому историкъ не можетъ миновать ихъ изученія въ связи съ исторіей этихъ обществъ. Къ сожалѣнію, изслѣдователи не располагаютъ еще всѣмъ матеріаломъ относительно масонства эпохи Александра I, такъ какъ значительная часть его хранится въ учрежденіи, которое, раскрывъ ненадолго двери своего архива немногимъ изслѣдователямъ, теперь лишаетъ ихъ возможности продолжать свои научныя изысканія: я разумѣю департаментъ полиціи, гдѣ въ дѣлахъ III Отдѣленія собств. Е. В. Канцеляріи хранится много матеріаловъ для исторіи русскаго масонства въ царствованіе Александра I.

При Екатеринѣ II участіе въ масонствѣ сопровождалось, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, широкою общественною дѣятельностью. Въ Западной Европѣ, пережившъ эпоху гоненій, масоны мѣстами (какъ, напр., въ Италіи) задаются самыми современными задачами. Независимый орденъ — Odd Fellows, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходный съ масонствомъ, объединяетъ въ своихъ ложахъ въ Англіи и въ ея колоніяхъ въ Америкѣ и вообще на всемъ земномъ шарѣ, какъ говорятъ, почти до 3 милліоновъ человѣкъ [1]). Наши же масоны при Александрѣ I, сдавленные полицейскими тисками, были и численно слабы, и бѣдны матеріально, и крайне робки [2]), особенно, когда люди болѣе смѣлые и талантливые ушли въ тайныя общества. Насильственно уничтоженное указомъ 1 августа 1822 г. масонство затѣмъ, по крайней мѣрѣ открыто, у насъ не возрождалось.

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ остановиться на нѣкоторыхъ любопытныхъ фактахъ, указывающихъ русскія связи и сношенія съ французскимъ масонствомъ высшихъ степеней, а также съ карбонаризмомъ итальянскимъ и швейцарскимъ.

ритъ онъ, „не имѣя ни денегъ, ни живой бесѣды, чего никто въ наше время не могъ перенести, не лишась жизни или, по крайней мѣрѣ, разума, я не имѣлъ никакой помощи въ жестокихъ душевныхъ страданіяхъ, пока не отрекся отъ всего внѣшняго и не обратился внутрь самого себя. Тогда (я) воспользовался методомъ масоновъ къ обозрѣнію и устройству представшаго мнѣ новаго міра. Такимъ образомъ укрѣпилъ себя и пережилъ многократныя нападенія смерти и погибели". *Пыпинъ*. „Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ". „Вѣстн. Евр." 1872 г., № 7, стр. 376.

[1]) *Шустеръ*. „Тайныя общества, союзы и ордена". 1907 г., II, 106.

[2]) Рѣчи, произносившіяся въ масонской ложѣ, должны были подвергаться предварительному просмотру ея мастера. „Должности мастера ложи... Елизаветы къ Добродѣтели". Рукоп. Имп. Публ. Библ. F III № 19. § 10.

VII.

Михайловскій-Данилевскій подробно разсказалъ въ своихъ запискахъ о дарованіи ему въ Парижѣ въ 1814 году высшихъ степеней (до 32-й включительно) французскаго масонства шотландскаго обряда; онъ участвовалъ также въ октябрѣ 1815 г. въ засѣданіи одной варшавской масонской ложи, и вообще нѣкоторые русскіе были членами польскихъ масонскихъ ложъ. Очень важное указаніе на сношенія одного изъ русскихъ офицеровъ съ французскимъ и польскимъ масонствомъ высшихъ степеней находимъ въ производившемся въ 1828 г. дѣлѣ Вилькоржевскаго.

Въ своемъ докладѣ по этому дѣлу на французскомъ языкѣ цесаревичу Константину Павловичу Новосильцовъ связываетъ его съ обществомъ тамплiеровъ, основанномъ на Волыни капитаномъ Маевскимъ, которое въ 1825 г. присоединилось къ польскому патріотическому обществу. Маевскій разсказывалъ, что, находясь военно-плѣннымъ въ Шотландіи, онъ былъ принятъ въ ложу тамошнихъ тамплiеровъ, возведенъ былъ ею въ высшія степени и уполномоченъ учреждать ложи того же обряда вездѣ, гдѣ будетъ находиться; онъ показывалъ и дипломъ, будто бы выданный этою ложею. Однако, во время ареста Маевскаго диплома не нашли, и онъ предъявилъ слѣдственному комитету удостовѣреніе варшавской Департаментской ложи съ высокими степенями, въ которомъ онъ признавался членомъ верховнаго Эдинбургскаго капитула. Новосильцовъ заподозрилъ достовѣрность этого документа и посредствомъ розысковъ въ архивахъ польскихъ масонскихъ ложъ, захваченныхъ правительствомъ послѣ ихъ закрытія, убѣдился, что оно было написано рукою Валентина Вилькоржевскаго; служившаго въ чинѣ полковника кригсъ-комиссаромъ въ арміи герцогства Варшавскаго, удаленнаго со службы при организаціи арміи Царства Польскаго и бывшаго тогда секретаремъ Департаментской ложи. Удостовѣреніе это Новосильцовъ считалъ неправильнымъ, какъ потому, что на немъ была печать, не принадлежащая этой ложѣ, такъ и потому, что оно противорѣчило статутамъ и уставамъ масонства, терпимаго правительствомъ въ Царствѣ, такъ какъ узаконяло для Польши участіе Маевскаго въ преимуществахъ Верховнаго Шотландскаго капитула, что, по мнѣнію Новосильцова, ставило его нѣкоторымъ образомъ выше всѣхъ масонскихъ властей въ королевствѣ и давало ему право дѣлать въ польскомъ масонствѣ нововведенія. Кромѣ того, Вилькоржевскій ввелъ въ высокихъ степеняхъ нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ печати, «воспроизведя при этомъ возмутительные и подстрекающіе къ цареубійству знаки карбонаризма, Sublimes Élus, Адельфовъ, Sublimes maîtres parfaits» и другихъ

подобныхъ обществъ, раскрытыхъ изслѣдованіями, произведенными въ разныхъ частяхъ Европы и особенно Миланскою слѣдственною коммиссіею.

У Вилькоржевскаго была найдена печать, которую онъ употреблялъ для актовъ ложи высокихъ степеней Храма Оемиды въ Варшавѣ, на которой былъ означенъ 5817 (1817 г.); на ней были изображены вѣсы и на одной сторонѣ ихъ опрокинутая корона и луна, а на другой кинжалъ и солнце. Новосильцовъ въ докладѣ цес. Константину Павловичу объяснялъ это изображеніе, какъ упадокъ короны и побѣду надъ нею кинжала. На другой печати, которую Вилькоржевскій употреблялъ какъ секретарь 4-й польской степени Élu, была изображена на гербовомъ щитѣ корона, пронзенная кинжаломъ съ латинскою надписью по краямъ печати: si fodias invenies (если пронзишь, то найдешь). На лентѣ, окружающей гербовый щитъ, изображены другой мечъ и мертвая голова съ надписью vincere aut mori (побѣдить или умереть). Третья печать употреблялась Вилькоржевскимъ для актовъ 5-й степени, Écossais; на ней были изображены двѣ колонны въ видѣ Андреевскаго креста съ 4-мя коронами, изъ которыхъ двѣ верхнія наклонены, или сбиты, а двѣ нижнія падаютъ. Все это окружено латинскимъ девизомъ: in constanti labore spes (возлагай надежду на постоянный трудъ) т. е., какъ объяснилъ это Новосильцовъ, можно надѣяться на низверженіе коронъ упорнымъ трудомъ, или кознями. Шляпа надъ гербовымъ щитомъ должна, по его же объясненію, изображать архіепископа шведскаго города Упсалы; она составляетъ символъ возобновленія работъ въ системѣ тампліеровъ; знаки, изображенные на печати, принадлежатъ также системѣ тампліеровъ. Далѣе, въ докладѣ упоминалось о французскомъ масонствѣ шотландскаго обряда съ 33-мя степенями, какъ о крайнемъ развитіи тампліерскаго масонства, и о томъ, что въ 30-й степени этого обряда (Kadosch [1]) принимаемый вызывался отомстить за смерть гроссмейстера ордена Я. Молэ (погибшаго въ 1314 г. на кострѣ по приказанію Филиппа Краснваго и папы Климента V) или символически виновникамъ этой казни, или «кому должно по праву» [2]). «Возстановленіе ордена тампліеровъ и вознагражденіе за конфискованныя его владѣнія», говоритъ Новосильцовъ, «составляютъ мнимую, видимую цѣль этого масонства... Но онъ отановится опаснымъ символическими истолкованіями его цѣли, по которымъ должно стремиться низвергнуть иго и

---

[1]) „Grand Élu chevalier Kadosch". *Clavel.* Histoire pittoresque de la Franc-Maçonnerie. P. 1844, p. 64.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ Новосильцовъ говоритъ, что обязанность, принимаемая на себя вступающимъ въ этотъ обрядъ,—„смотрѣть на страданія человѣчества въ смерти своего господина взорамъ мести"—ни что иное, какъ обязательство отомстить деспотамъ.

отомстить тиранамъ, похитителямъ собственности человѣка (свободы), а также возстановить его въ первоначальныхъ потерянныхъ имъ правахъ. Такимъ образомъ, всякая нація, завоеванная или недовольная своимъ правительствомъ, находитъ здѣсь открытое поле для тайныхъ козней, ведущихъ къ возмущенію. Высшій варшавскій масонскій капитулъ, узнавъ о нововведеніи Вилькоржевскаго, приказалъ уничтожить эти печати, однако ложа Храма Ѳемиды съ высокими степенями продолжала употреблять печати Вилькоржевскаго. Нѣсколько масоновъ поляковъ, и въ томъ числѣ капитанъ Маевскій, по словамъ Новосильцова, признали на допросахъ революціонное значеніе этихъ печатей.

На основаніи записки Миланской слѣдственной коммиссіи, въ свое время сообщенной Меттернихомъ русскому правительству, Новосильцовъ пожелалъ связать дѣло Вилькоржевскаго съ западно-европейскими тайными обществами, но Варшавскій слѣдственный комитетъ, представившій свой докладъ цес. Конст. Павловичу 22-го декабря (ст. ст.) 1826 года, находя, что оно относится къ масонству, уже запрещенному въ Царствѣ Польскомъ, и считая себя мало свѣдущимъ въ этихъ вопросахъ, предоставилъ разсмотрѣніе его Новосильцову. Вилькоржевскій былъ арестованъ и привезенъ въ Варшаву, а затѣмъ захвачены и его масонскія бумаги. Онъ не призналъ себя виновнымъ, но Новосильцовъ (въ донесеніи Конст. Павловичу) настаивалъ на томъ, что онъ не оправдался въ составленіи удостовѣренія, выданнаго Маевскому, что, воспользовавшись въ 1816 г. проѣздомъ изъ Парижа русскаго полковника Николева съ Богурскимъ, отставнымъ полковникомъ арміи Герцогства Варшавскаго, «которые оба играли здѣсь роль настоящихъ комиссаровъ тайныхъ французскихъ обществъ, былъ возведенъ ими въ высокія степени и принялъ участіе, правда, не прямое, но очень дѣятельное, въ обществѣ чрезвычайно опасномъ и совершенно чуждомъ тому масонству, которое было терпимо въ Царствѣ Польскомъ», что онъ былъ назначенъ Николевымъ и Богурскимъ для исполненія обязанностей секретаря въ обществѣ, называемомъ Совѣтомъ 33-й и послѣдней степени въ обрядѣ древнемъ и принятомъ (rite ancien et accepté), и переписалъ документы, относящіеся къ основанію этого общества въ Варшавѣ, что онъ содѣйствовалъ, въ смыслѣ этихъ высокихъ степеней, несмотря на рѣшительное неодобреніе верховнаго польскаго капитула, зараженію масонства, терпимаго въ Польшѣ, что, по признанію самого Вилькоржевскаго, онъ заимствовалъ эмблемы для введенныхъ имъ печатей изъ ученій «этой секты» (масонства шотландскаго обряда). Изъ донесенія Новосильцова видно, что въ собраніи масонской коммиссіи 7-го ноября 1818 г. для пересмотра статутовъ Великаго Польскаго Востока Вилькоржевскій произнесъ рѣчь, въ которой старался убѣдить членовъ этого собранія въ важности федеративныхъ принциповъ Соединенныхъ Штатовъ по отношенію управленія ложами

польскими и литовскими (Новосильцовъ находитъ въ этомъ «странное совпаденіе» съ проектами «патріотическихъ обществъ», открытыхъ въ Россіи). Онъ подчеркиваетъ, что Общество 33-й и послѣдней степени древняго и принятаго обряда было совершенно чуждо терпимому въ Польшѣ масонству и что о немъ ничего не знали до ареста Вилькоржевскаго. Оно было основано для Польши 14-го іюля 1816 г. двумя названными эмиссарами, Николевымъ и Богурскимъ, при содѣйствіи генерала Викентія Аксамитовскаго; эмиссары эти оставили для Польши копію уставовъ этой системы, увезя съ собою оригиналъ, полученный ими отъ высшаго парижскаго совѣта. Богурскій установилъ непосредственное сношеніе Аксамитовскаго съ Гакке (Hacquet), великимъ командоромъ ордена, президентомъ Великаго Французскаго Востока въ его Верховномъ Совѣтѣ обрядовъ, слѣдствіе чего Аксамитовскій былъ признанъ великимъ инспекторомъ ордена въ Польшѣ. Новосильцовъ считалъ учрежденное такимъ образомъ въ Варшавѣ общество 33-ей степени тѣмъ болѣе опаснымъ, что оно положительно объявляло своимъ приверженцамъ объ ихъ обязанности *бороться для защиты Бога, справедливости и правъ человѣка и мстить измѣнникамъ* [1]).

Новосильцовъ выражалъ опасеніе, не продолжаетъ ли это общество существовать въ Польшѣ и Россіи, и утверждалъ, что «стремленіе и характеръ общества тампліеровъ тѣ же, что и Совѣта 33-ей степени, несмотря на нѣкоторыя различія обрядовъ, принятыхъ въ этихъ обществахъ, какъ это положительно заявилъ г. Карвицкій, игравшій столь важную роль среди тампліеровъ Волыни, и который получилъ въ Парижѣ ту же 33-ю степень, и что подтвердилъ также самъ капитанъ Маевскій» [2]). Цѣль всѣхъ этихъ обществъ, утверждалъ Новосильцовъ, «какъ во Франціи, такъ и въ Италіи, Германіи, Россіи и Польшѣ,—одна и та же: она состоитъ въ ниспроверженіи престоловъ и установленіи республикъ во всѣхъ государствахъ, когда вспыхнетъ общая война или революція въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ. Восторженныя идеи патріотизма и желаніе добиться конституціоннаго строя, который стремятся вездѣ распространить, только средства для достиженію этой цѣли». Новосильцовъ ссылался, кромѣ записки, сообщенной Меттернихомъ, на слѣдующее мнѣніе, выраженное имп. Александромъ въ 1822 г.: «Если мы несомнѣнно знаемъ, что таковы дѣйствительныя мѣры этого руководящаго центра, находящагося въ Парижѣ и простиравшаго свое вліяніе

---

[1]) Новосильцовъ ссылается на уставъ и ритуалъ этой степени, подписанный Николевымъ, Богурскимъ и Блазовскимъ, найденный въ бумагахъ генерала Аксамитовскаго.

[2]) Въ донесеніи Варшавскаго слѣдственнаго комитета было также приведено показаніе Станислава Карвицкаго, что 4-я степень тампліеровъ была ничто иное, какъ степень 33-я масонства французскаго. *Базилевскій* (Богучарскій). „Государственныя преступленія", I, 80, ср. 81.

на всѣ страны, почему мы можемъ надѣяться, что онъ пощадитъ Россію или Польшу?» Новосильцовъ высказываетъ предположеніе, что, можетъ быть, вслѣдствіе этого имп. Александръ, «скорѣе съ чувствомъ сожалѣнія, чѣмъ справедливаго гнѣва, смотрѣлъ на тѣ козни, которыя съ тѣхъ поръ стали проявляться въ Россіи». Новосильцовъ ссылается и на идеи, высказанныя покойнымъ Сташицемъ [1]) въ захваченныхъ по смерти его трудахъ, и на рѣчь доктора Мауэрсбергера въ обществѣ Panta Koina, и на рѣчи Келлера въ берлинскомъ обществѣ Polonia, на нѣкоторыя рѣчи въ масонскихъ ложахъ предъ ихъ закрытіемъ и на «цареубійственныя» стихотворенія Мошинскаго, Чапскаго и другихъ членовъ обществъ, учрежденныхъ въ университетахъ Краковскомъ, Варшавскомъ и Виленскомъ, на сочиненія Махницкаго, члена патріотическаго общества [2]).

Въ заключеніе Новосильцовъ выражаетъ увѣренность, что такое же общество 33-й степени существовало въ Россіи съ того же 1816 года, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, и что оно было основано тѣмъ же Николевымъ; однако, это подтверждалось только заявленіемъ Блазовскаго, что онъ былъ членомъ общества 33-й степени «въ Польшѣ и въ Россіи», а также захваченными патентами этой степени, данными въ Могилевѣ и подписанными Николевымъ, ген. гр. Моравскимъ и Гиндерсономъ. Новосильцовъ составилъ допросные пункты, которые должны были быть предложены этимъ тремъ лицамъ [3]). При этомъ онъ упоминаетъ, что полковникъ русской службы Николевъ былъ прежде адъютантомъ, прикомандированнымъ къ главному штабу фельдмаршала Барклая-де-Толли, что теперь онъ живетъ, какъ узналъ Новосильцовъ, въ Москвѣ, а отставной генералъ Моравскій—въ Минской губ. [4]). Указаніе на службу Николева въ штабѣ Барклая-де-Толли слѣдуетъ сопоставить съ заявле-

---

[1]) Объ извѣстномъ польскомъ писателѣ и государственномъ и общественномъ дѣятелѣ Сташицѣ см. *Limanowski.* Hystorya ruchu społecznego w drugiej połowie XVIII stul.", *Zawadzki* Stan. Staszic. Szkic biograficzny. Lwów. 1860 и въ книгѣ В. А. Мякотина. „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ". Спб. 1889 г., стр. 23—24, 110, 118, 146, 150.

[2]) О Мауэрсбергерѣ, Келлерѣ, студенческихъ обществахъ и Махницкомъ см. *Askenazy* Łukasiński, I—II. О Мошинскомъ см. далѣе въ этой же главѣ.

[3]) Изъ нихъ видно, что Николевъ былъ назначенъ верховнымъ великимъ генералъ-инспекторомъ 33-ей и послѣдней степени для Франціи, представителемъ Верховной Великой Консисторіи для острововъ Америки на всемъ сѣверѣ и великимъ почетнымъ офицеромъ шотландской консисторіи Фениксъ въ Парижѣ, снабженъ полномочіями для распространенія этой системы въ Пруссіи, Польшѣ и Россіи. Николевъ находился въ перепискѣ съ Грассъ-Тилли (которому Верховный Совѣтъ въ Чарльстонѣ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ 1802 г. далъ право даровать 33-ю степень и устраивать ложи, капитулы, совѣты и консисторіи этого обряда на обоихъ полушаріяхъ) и сообщалъ ему свѣдѣнія о новыхъ прозелитахъ этого обряда.

[4]) Бумаги о масонствѣ А. Н. Пыпина, хранящіяся въ Слав. Отд. Библіот. Акад. Наукъ. Упоминаніе о Вилькоржевскомъ въ доносѣ цесар. Константину Павловичу 1821 г. см. *Askenazy* Łukasiński II, 326.

ніемъ въ донесеніи бар. Дибича 1816 года (см. стр. 330), что офицеры свиты этого фельдмаршала, подобно прусскимъ гвардейцамъ, говорятъ, что состояніе мірового просвѣщенія настоятельно требуетъ установленія республики.

На этомъ обрываются извѣстные намъ документы по дѣлу Вильковржевскаго. Былъ ли подвергнутъ Николевъ допросу,—неизвѣстно. Нужно думать, что лицо, упоминаемое въ докладѣ Новосильцова,—Николай Ник. Николевъ, полковникъ, родившійся въ 1779 г. и умершій 12 мая 1835 года въ Москвѣ [1]). Во всякомъ случаѣ Николевъ представляетъ намъ примѣръ дѣятельнаго участія одного изъ русскихъ въ организаціи Общества шотландскаго обряда въ польскомъ масонствѣ съ радикальными политическими тенденціями.

Имп. Николай въ августѣ 1826 г. велѣлъ произвести разслѣдованіе объ иллюминатахъ. Поводомъ къ этой мѣрѣ послужилъ слухъ, сообщенный государю, будто бы Никита Мих. Муравьевъ бралъ уроки исторіи у извѣстнаго профессора всеобщей исторіи Раупаха, удаленнаго изъ петербургскаго университета вмѣстѣ съ Арсеньевымъ, Галичемъ и Германомъ, и былъ съ нимъ въ тѣсной связи [2]). Раупаха считали иллюминатомъ [3]). За откровенное показаніе Н. Муравьеву, уже осужденному на каторгу (почему на допросѣ къ нему уже обращались на «ты»), было обѣщано отъ имени государя уменьшеніе наказанія и даже прощеніе. Н. Муравьевъ рѣшительно заявилъ, что уроковъ у Раупаха никогда не бралъ и иллюминатомъ не былъ [4]).

Не разъ уже упоминалось выше о масонской ложѣ въ Симбирскѣ Ключа къ Добродѣтели. По дѣлу слѣдствія о декабристахъ ея управляющій мастеръ, симбирскій губернскій предводитель дворянства кн. Баратаевъ (который ранѣе основанія ложи въ Симбирскѣ, въ 1817 г., былъ дѣйствительнымъ членомъ ложи «Соединенныхъ Друзей» въ Петербургѣ, а въ слѣдующемъ году сдѣлался почетнымъ членомъ какъ этой ложи, такъ и нѣкоторыхъ другихъ) былъ арестованъ, поводомъ къ чему послужило показаніе бывшаго секретаря Великой ложи Астреи, чиновника

[1]) „Московскій Некрополь", сост. В. И. Саитовымъ и Б. Л. Модзалевскимъ. Спб. 1908 г. II, 340.

[2]) Что Раупахъ былъ человѣкомъ либеральнаго образа мыслей, видно хотя бы изъ слѣдующаго мѣста его лекціи: „Много было споровъ о происхожденіи гражданскаго общества, особливо же о происхожденіи верховной власти. Одни утверждаютъ, что верховная власть непосредственно утверждена самимъ Богомъ, хотя нельзя привести тому никакого историческаго доказательства". *Сухомлинова.* „Изслѣдованія" I, 298.

[3]) Уроки у Раупаха бралъ не Никита, а младшій братъ его Александръ Мих. Муравьевъ.

[4]) Гос. Арх. I. В., № 14. Капитанъ Левшинъ былъ членомъ общества иллюминатовъ во Франкфуртѣ. О знакомствѣ Н. Тургенева съ однимъ изъ сочиненій основателя иллюминатства Вейсгаупта см. стр. 294.

министерства иностранныхъ дѣлъ Рейнеке. Выставляя на видъ свою благонамѣренность, онъ, во-первыхъ, показалъ, что отвергнулъ предложеніе испанскаго полковника фонъ-Галена вступить въ сношеніе съ испанскими ложами, отъ которыхъ тотъ былъ присланъ съ этою цѣлью, а во-вторыхъ, что въ 1819 г. штабъ-ротмистръ кн. Баратаевъ, съ которымъ онъ познакомился, когда тотъ управлялъ ложею въ Симбирскѣ, сдѣлалъ ему предложеніе войти въ орденъ «карбонаровъ», сказавъ ему, что онъ назначенъ великимъ мастеромъ этого ордена въ Россіи. Когда Рейнеке изъявилъ согласіе, Баратаевъ раскрылъ свою шкатулку, которую онъ повсюду бралъ съ собою въ путешествіяхъ и въ которой у него, кромѣ актовъ вольныхъ каменьщиковъ и тампліеровъ, лежали акты и карбонаріевъ. «Вотъ, сказалъ онъ, «акты, но прежде, нежели могу васъ принять, вы должны отвѣчать письменно на нѣсколько вопросовъ». Вопросы эти, насколько могъ припомнить Рейнеке, были слѣдующіе: какого онъ мнѣнія о религіи, о Спасителѣ, о разныхъ родахъ правленія въ государствѣ и какое онъ считаетъ лучшимъ, о средствахъ, которыя могутъ вести людей къ благополучію, и если бы кто воспрепятствовалъ достиженію этой цѣли, то счелъ ли бы онъ, Рейнеке, полезнымъ пожертвовать имъ (этимъ лицомъ) ради общаго блага. Рейнеке отвѣчалъ, что никогда не рѣшится не только письменно, но даже и словесно отвѣчать на такіе темные и подозрительные вопросы и что, напротивъ, пока останется великимъ секретаремъ, будетъ стараться наблюдать за тѣмъ, чтобы ни одинъ изъ братьевъ не вступилъ въ этотъ орденъ, правила котораго, судя по сдѣланнымъ вопросамъ, кажутся ему несоотвѣтствующими закону и потому не могутъ быть терпимы правительствомъ. Рейнеке приложилъ къ своему показанію переписку съ Баратаевымъ по дѣламъ симбирской ложи и прибавилъ, что о всемъ сказанномъ имъ, а также и о вредности нѣкоторыхъ масонскихъ системъ онъ донесъ въ 1822 году, еще до закрытія ложъ.

Арестованный Баратаевъ показалъ, что въ 1816 или 1817 г. въ Петербургѣ, по порученію Бёбера, старшаго префекта масоновъ, онъ познакомился съ однимъ пріѣзжимъ итальянцемъ (Кандрісти, Кандіоти или Кастріоти [1]), который сообщилъ, что въ Константинополѣ заводятся масонскія ложи [2]), и что турки вступаютъ въ нихъ съ большимъ рвеніемъ и, вслѣдствіе невозможности быть масономъ нехристіанину, ради

---

[1]) Вѣроятно, это былъ Константинъ Кандіоти, чиновникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и членъ ложи Соединенныхъ Друзей, почетнымъ членомъ которой былъ и кн. Баратаевъ. Tableau général de la grande Loge Astrée $58^{18}/_{19}$, p. 102, 112. Idem $58^{20}/_{21}$, p. 134, 146.

[2]) О масонствѣ въ Турціи см. *Шустеръ*, II, 46—47; Allg. Handbuch der Freimaurerei, 3 Aufl. von Lennings Encyclopädie der Freimaur. II, 1901, S. 468—469. Объ одномъ персіянинѣ, членѣ персидскаго посольства въ Спб. (въ 1816 г.), который, повидимому, былъ масономъ см. „Рус. Арх." 1866 г., стр. 853—855.

поступленія въ ложу, даже принимаютъ христіанство. Бёберъ пожелалъ видѣть акты работъ, происходящихъ въ Царьградѣ. Такъ какъ они были написаны на итальянскомъ языкѣ, то Баратаевъ просилъ ихъ перевести на французскій и отдалъ переводъ Бёберу, по мнѣнію котораго они оказались карбонарскими первой степени, т. е. ученической ложи [1]). Баратаевъ заявилъ, что Рейнеке, можетъ быть, видѣлъ ихъ у него, но предложенія войти въ «секту карбонаровъ» онъ ему не дѣлалъ, такъ какъ самъ къ ней не принадлежалъ. Нужно замѣтить, что въ дѣйствіяхъ симбирской ложи Ключа къ Добродѣтели, которою управлялъ Баратаевъ, ни малѣйшаго вліянія карбонаризма не замѣтно.

На очной ставкѣ кн. Баратаевъ и Рейнеке остались при своихъ показаніяхъ. Слѣдственный Комитетъ, не имѣя никакихъ доказательствъ противъ кн. Баратаева, ни къ опроверженію доноса Рейнеке, такъ какъ при ихъ разговорѣ не было свидѣтелей, не нашелъ возможнымъ дать дальнѣйшій ходъ этому дѣлу, и Николай I приказалъ Баратаева освободить [2]).

Баратаевъ въ своихъ показаніяхъ, между прочимъ, заявилъ, что о «сектѣ карбонаровъ» «не было и не доходило до насъ никакихъ пагубныхъ слуховъ, и считалась оная confrerie у французовъ... незначущею confrerie des charbonniers, и объ Италіи» (т. е. объ итальянскихъ карбонаріяхъ) «мы, по крайней мѣрѣ я, никакого понятія не имѣли, она едва ли была въ составѣ переписокъ Великой ложи» (Астреи). «Поэтому то я и думаю, что г. Бёберъ не зналъ ничего дурного о сей сектѣ, ибо не только не испугался, увидавъ сіи акты, которые по слову bon cousin узналъ за первую степень или катехизиса charbonnier, но сличилъ даже сходство съ масонскою первою степенью и, смѣявшись надъ знакомъ сниманія шляпы, довольно похожимъ» на обыкновенное сниманіе «его собственной, сказалъ мнѣ и часто при встрѣчѣ повторялъ: vraiment nous sommes tout en charbonnerie» [3]).

---

[1]) Въ нихъ, между прочимъ, вмѣсто термина frère при обращеніи другъ къ другу предписывалось говорить bon cousin.

[2]) Гос. Арх. № 199.

[3]) Такъ какъ Рейнеке показалъ, что видѣлъ у Баратаева акты тампліеровъ, то послѣднему былъ заданъ еще такой вопросъ: „Комитету извѣстно, что орденъ Тампліеровъ распространился по губерніямъ южнымъ, особенно же въ Малороссіи, и существуетъ до сего времени", и потребовали сообщенія о немъ подробныхъ свѣдѣній. Баратаевъ отвѣчалъ, что не знаетъ никакого ордена тампліеровъ и что удалялся отъ высшихъ степеней масонства: „Едва ли въ жизнь мою... былъ болѣе одного раза въ 4-й степени, одного въ 5-й, въ 6-й и 7-й — никогда, даже и принятъ въ оныя прочтеніемъ только мнѣ тетрадей оныхъ г. Бёберомъ, тогдашнимъ префектомъ. Былъ разъ еще за столомъ въ шотландской ложѣ, но не дальше. Въ 8-ю и 9-ю степень былъ г. Бёберомъ въ заочности назначенъ, но не былъ въ нихъ принятъ, хотя помѣщенъ въ спискахъ и даже думаю, что сихъ степеней полныхъ не было". Однако изъ бумагъ Баратаева видно, что онъ былъ членомъ капитула Феникса. У Рейнеке, по показа-

Говоря въ своемъ показаніи о «незначущей confrerie des charbonniers» во Франціи, Баратаевъ разумѣлъ не позднѣйшій французскій карбонаризмъ, проявившій себя съ 1820 г. рядомъ заговоровъ, а не задававшееся политическими задачами Société des Bons-Cousins Charbonniers, которое существовало уже въ XVIII вѣкѣ, имѣло много общаго съ масонствомъ и проповѣдывало, между прочимъ, полную преданность государю [1]). Однако, имѣя въ виду, что акты были написаны на итальянскомъ языкѣ, вѣроятнѣе, что они относились къ итальянскому карбонаризму, преслѣдовавшему радикальныя политическія цѣли, что соотвѣтствуетъ и показанію Рейнеке.

Какъ бы то ни было, итальянскій карбонаризмъ не былъ до такой степени неизвѣстенъ въ Петербургѣ, какъ это представлялъ въ своихъ показаніяхъ Баратаевъ. Гангебловъ, членъ Сѣвернаго тайнаго общества, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что подпоручикъ Измайловскаго полка Лаппа, также членъ этого общества, былъ принятъ, какъ онъ самъ ему признался, въ 1817 г. въ братство «карбонаровъ» его наставникомъ итальянцемъ проф. Джильи [2]). Лаппа въ своемъ показаніи заявилъ, что, вступая на службу въ 1819 г., онъ познакомился съ итальянцемъ Жилін (такъ онъ называетъ Джильи), который училъ его итальянскому языку и первый обратилъ его вниманіе на «предметы, способствующіе свободному образу мысли», принесъ ему извѣстную книгу Les Ruines Вольнея, затѣмъ внушилъ свои правила и понятія и свое восхищеніе представительнымъ правленіемъ и, наконецъ, сообщилъ ему, что въ Россіи есть общество, цѣль котораго состоитъ въ приготовленіи къ принятію конституціи, взялъ съ него слово, что онъ сдѣлается его членомъ. Перетцъ показалъ, что «съ Искрицкимъ въ домѣ графа Гудовича жилъ вмѣстѣ въ одной почти комнатѣ итальянецъ Жили (Gili), выдававшій себя за профессора и преподававшій, кажется, Искрицкому нѣкоторыя науки; о семъ итальянцѣ Искрицкій говорилъ мнѣ, что онъ карбонари, бѣжавшій изъ своего отечества» [3]). Отношенія самого Перетца къ этому итальянцу ограничились, по его словамъ, тѣмъ, что онъ взялъ у него 4—5 уроковъ итальянскаго языка и купилъ двѣ составленныя имъ на французскомъ языкѣ книжки, «кажется, о теоріи языковъ и наукѣ о человѣкѣ» [4]). Перетцъ не помнилъ, въ какомъ году итальянецъ

нію Баратаева, были акты 33-ей степени, т. е. франсъ-масонства шотландскаго обряда.

[1]) См. о немъ *Bourgoin* Contribution à l'histoire de la Franc-Maçonerie sous le premier Empire. L'enquête de 1811. „La Revolution Francaise" 1905, t. 49, p. 60—63, 73. Ср. *Kloss* Bibliographie der Freimaurerei, 1844, S. 278.

[2]) „Рус. Арх." 1886 г., т. II, 206.

[3]) По показанію Перетца, Искрицкій, офицеръ генеральнаго штаба, былъ принятъ имъ въ 1820 г. въ тайное общество.

[4]) Перетцъ высказалъ предположеніе, что авторъ этихъ книгъ бывалъ у

уѣхалъ изъ Петербурга, «кажется, въ Костромскую губернію къ какому-то помѣщику, кажется учителемъ» [1]). Вслѣдствіе показаній Перетца и Лапны была наведена справка, и петербургскій генералъ-губернаторъ сообщилъ, что въ августѣ 1822 г. былъ привезенъ въ Петербургъ «помѣшавшійся въ умѣ» итальянскій подданный «проф. Жилье» (въ заглавіи бумаги онъ названъ Жильи), который тогда же былъ помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ и умеръ въ 1824 году [2]).

Слово «карбонаръ» было частенько на устахъ русской публики: не даромъ въ первой главѣ «Онѣгина» герой Пушкина могъ пускаться въ разсужденія «о Байронѣ и Бенжаменѣ, о карбонарахъ». Какой то читатель книги Н. И. Тургенева «Теорія налоговъ», очевидно, недовольный его либерализмомъ, написалъ на поляхъ: «и видно карбонара» [3]). Декабристъ Бѣляевъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «нашему либерализму содѣйствовали и внѣшнія событія, какъ-то движенія карбонаріевъ, заключеніе Сильвіо Пеллико Австріей»... [4]).

Какъ видно изъ письма маркиза Паулуччи, остзейскаго генералъ-губернатора, къ императору Александру I отъ 19 декабря 1820 г., кн. П. М. Волконскій въ письмѣ къ Паулуччи, на основаніи донесенія нашей миссіи въ Неаполѣ, выражалъ какія-то опасенія относительно распространенія карбонаризма въ Россіи, появленія у насъ миссіонеровъ этого тайнаго общества и учрежденія подобныхъ тайныхъ обществъ. По этому поводу Паулуччи увѣрялъ, что, если въ трехъ управляемыхъ имъ губерніяхъ и существуютъ масонскія ложи, то онѣ не могутъ превратиться въ карбонарскія, но полагалъ, что демагоги могутъ укрываться какъ въ тайныхъ, такъ и въ дозволенныхъ обществахъ [5]).

Быть можетъ, эти опасенія были вызваны сообщеніемъ Штакельберга изъ Неаполя отъ 10 (22) сентября 1820 г. о полученіи свѣдѣній, что «секта, управляющая Неаполемъ» (т. е. карбонаріи) «имѣетъ при-

---

гр. Литты, потому что одна изъ нихъ была ему посвящена. Оказывается, что и Перетцъ неправильно писалъ фамилію этого итальянца Джильи: въ публичной библіотекѣ есть книга *Mariano Gigli* Extrait raisonné d'un manuscrit, dont le titre: Eleménts de la philosophie du langage avec leur application à la langue française. Spb. 1820.

[1]) Гос. Арх. I. В., № 66, л. 27, 74 об.

[2]) Гос. Арх. I. В., № 244, л. 100.

[3]) *А. Н. Пыпинъ*. „Общественное движеніе при Александрѣ I". изданіе 3, стр. 421.

[4]) „Рус. Стар." 1881 г., т. XXX, 488. Сильвіо Пеллико 21 февраля 1822 г. выслушалъ на эшафотѣ приговоръ къ смертной казни и императорскій рескриптъ, замѣнившій ее 15-ти лѣтнимъ заключеніемъ carcere duro въ Шпильбергской цитадели. См. *Сильвіо Пеллико*. „Мои темницы", съ предисловіемъ Пьеро Марончелли, М. 1901 г. Впервые русскій переводъ книги Сильвіо Пеллико появился въ 1836 г. съ краткою біографіею автора, составленною де-Латуромъ.

[5]) Военно-Ученый Арх., Отд. I, № 531 (А); „Маркизъ Паулуччи въ погонѣ за тайными обществами въ остзейскихъ губерніяхъ". „Русская Старина" 1897 г. № 7, стр. 7-8.

верженцевъ въ австрійской администраціи и даже въ совѣтѣ самого императора» и «что въ австрійскихъ войскахъ, идущихъ противъ Неаполя, можетъ оказаться много карбонаріевъ и что это можетъ случиться, если на это не обратятъ вниманія». Штакельбергъ настаивалъ на существованіи «связи между якобинцами всѣхъ оттѣнковъ и всѣхъ странъ» и приводилъ въ доказательство полученныя свѣдѣнія о предстоящихъ смутахъ въ Пьемонтѣ и Португаліи. Въ слѣдующемъ донесеніи отъ 15-го октября 1820 г. онъ утверждалъ, что число неаполитанскихъ карбонаріевъ увеличилось съ 600.000, какъ это было предъ началомъ революціи, до 846.000, изъ которыхъ 60.000 въ состояніи носить оружіе, между тѣмъ какъ линейное войско не превосходитъ 40.000 человѣкъ [1]). Къ донесенію отъ 6 (18) окт. 1820 г. онъ приложилъ инструкціи 1 и 2-ой степеней «товарищей карбонаріевъ», составленныя Пасквалемъ Тавасси, великимъ мастеромъ ложи на Востокѣ Неаполя, извѣстной подъ именемъ Свободныхъ Пеагорейцевъ, а также катехизисы степеней ученика и мастера карбонаріевъ (ихъ, вѣроятно, и имѣлъ Баратаевъ). Въ инструкціи 2-й ст. указывалось, что принимающій клянется въ вѣчной ненависти къ тиранамъ и ихъ приверженцамъ и въ томъ, что будетъ пользоваться всѣми случаями для ихъ искорененія.

Отмѣтимъ еще, что на вопросъ, заданный Слѣдственнымъ Комитетомъ М. Ѳ. Орлову, не имѣли ли члены тайнаго общества «связи съ иностранными обществами», онъ отвѣчалъ: «не знаю и не полагаю, развѣ чрезъ посредничество поляковъ. Я помню, что давно уже мнѣ кто-то, только не членъ общества, сказывалъ, что будто бы король прусскій увѣдомлялъ покойнаго государя о перепискѣ русскихъ съ итальянскими карбонаріями, и что сія переписка была перехвачена въ Пруссіи. Но я думаю, что это касается болѣе до университета дорпатскаго (дерптскаго) и студентовъ нѣмецкихъ, чѣмъ до сего общества».

Посредничество поляковъ въ сношеніяхъ русскихъ съ итальянскими карбонаріями не представляетъ ничего невѣроятнаго, но примѣръ Джильи показываетъ, что итальянскіе карбонаріи проникали и въ Россію. Во всякомъ случаѣ, въ Польшѣ также чувствовалось вліяніе карбонаризма. Въ первыхъ числахъ декабря 1820 г. въ домѣ почтоваго управленія въ Варшавѣ, въ присутствіи генеральнаго директора полиціи и почтъ Суминскаго, былъ произведенъ допросъ кандидату на должность Глембоцкому, чиновнику мазовецкой воеводской коммиссіи Новацкому и кандидату медицины и хирургіи Вержбовскому по обвиненію ихъ въ принадлежности къ обществу карбонаріевъ. Вержбовскій доказывалъ Глембоцкому и Новацкому, что каждый человѣкъ долженъ стремиться къ возможно полному совершенству, а оно можетъ быть достигнуто лишь

[1]) Италинскій изъ Рима сообщилъ отъ 6 января 1821 г., что въ папскихъ владѣніяхъ численность карбонаріевъ равняется 200.000 ч.

со вступленіемъ въ общество угольщиковъ (карбонаріевъ), которые въ этомъ отношеніи имѣютъ всѣ преимущества передъ обществомъ вольныхъ каменьщиковъ. Онъ разсказывалъ также своимъ пріятелямъ о знакомствѣ съ какимъ то итальянцемъ, жившимъ нѣкоторое время въ Варшавѣ подъ чужимъ именемъ и затѣмъ исчезнувшимъ неизвѣстно куда. Вержбовскій употреблялъ всѣ усилія, чтобы убѣдить слѣдователей, что все это была одна шутка и дѣтская болтовня. Чѣмъ кончилось это дѣло,—неизвѣстно.

15 іюля 1821 г. въ польской пограничной таможнѣ Гербы при проѣздѣ изъ Бреславля былъ задержанъ студентъ краковскаго университета Мошинскій, у котораго были найдены какія то сочтенныя подозрительными письма и стихотвореніе, гдѣ восхвалялись мужество и энергія иноземныхъ карбонаріевъ, которые якобы повсемѣстно свергли тирановъ, и выражалась увѣренность, что польскіе карбонаріи вынесутъ на своихъ могучихъ плечахъ всю тяжесть предстоящей имъ работы и помогутъ родному краю разбить сковывавшія его цѣпи: «Довольно ужъ терпѣлъ народъ, пора воскреснуть свободѣ!—«Смерть и гибель тиранамъ!»—вотъ лозунгъ Союза Угольщиковъ!» Мошинскій былъ членомъ Краковскаго студенческаго союза, но въ доносѣ на него онъ обвинялся въ участіи въ союзѣ, будто бы охватывавшемъ студенчество не только Германіи, но чуть ли не всей Западной Европы [1]).

Въ Неаполѣ нѣкоторые революціонеры живо интересовались событіями въ Россіи, связанными съ 14 декабря 1825 года. Въ секретномъ донесеніи, приложенномъ къ депешѣ изъ Неаполя отъ 7 — 19 марта 1826 г. въ русское министерство иностранныхъ дѣлъ сообщалось, что члены одного неаполитанскаго революціоннаго общества, «говоря съ самымъ живымъ интересомъ о возстаніи въ Петербургѣ въ день восшествія на престолъ» Николая I, «выражали удивленіе, что великая революція, которая должна была послѣдовать черезъ два мѣсяца послѣ первой попытки возмущенія, еще не разразилась въ Россіи» [2]).

Есть данныя, указывающія на сношенія русскихъ съ швейцарскими карбонаріями.

Д'Орреръ, основавшій въ 1812 г. въ Москвѣ одно промышленное предпріятіе и принужденный покинуть ее вслѣдствіе нашествія французовъ, крайній консерваторъ, но освѣдомленный о событіяхъ Швейцаріи первой половины 1820-хъ годовъ, въ статьѣ о тайныхъ обществахъ этой страны, говоритъ:

[1]) *Попруженко.* „Изъ архива Н. Н. Новосильцова". „Рус. Арх." 1908 г., № 2, стр. 287—289; *Askenazy,* Lukasiński, I, 317, 322, 399—400.

[2]) Гос. Арх. I В., № 9, л. 18 об. Объ итальянскомъ карбонаризмѣ см. *Больтонъ Кингъ.* „Исторія объединенія Италіи", т. I, 1901: *Saint-Edme.* Constitution et organisation des Carbonari. P. 1821.

«Военная революція въ Испаніи, Неаполѣ и Пьемонтѣ и мѣры, принятыя конгрессами Лайбахскимъ и Веронскимъ, заставили бѣжать и покинуть отечество множество лицъ, скомпрометированныхъ въ итальянскихъ смутахъ. Швейцарія была первымъ и почти единственнымъ ихъ убѣжищемъ, и они перенесли туда уставы карбонаризма...; принятые съ самымъ живымъ сочувствіемъ ихъ братьями - масонами, они основали *венты* повсюду, гдѣ масонство подготовило имъ почву. Двѣ великихъ венты, которымъ поручено было управлять низшими вентами, были учреждены одна въ кантонѣ Ваадтъ.... другая—въ Граубюнденѣ. Такое дѣленіе считали необходимымъ вслѣдствіе различія языковъ, но позаботились о томъ, чтобы помѣстить эти два великихъ очага заговора на двухъ важныхъ пунктахъ итальянской границы. Въ Лозаннѣ управленіе этими вентами было ввѣрено Фридриху Цезарю Лагарпу, а въ Конрѣ—Годенцъ-Планта. Тотъ и другой получилъ титулъ и власть Человѣка - Короля, степень, заимствованная отъ нѣмецкихъ иллюминатовъ и которая показываетъ (по мнѣнію д'Оррера) «тѣсную связь, существовавшую между этимъ обществомъ и итальянскимъ карбонаризмомъ.

«Какъ только была рѣшена война противъ испанской революціи, глубокое волненіе стало замѣтно въ кантонѣ Ваадтъ. Мнимые приказчики стекались изъ Парижа и съ юга Франціи и на основаніи писемъ, которыя они предъявляли, допускались въ собраніе великой венты въ Лозаннѣ, откуда нѣкоторые изъ нихъ отправлялись въ Италію. Въ этихъ собраніяхъ вырабатывались самые отчаянные проекты для достиженія торжества революціонныхъ началъ, сначала въ Испаніи, затѣмъ во Франціи, Германіи и Италіи. Въ одномъ изъ этихъ собраній его глава, обращаясь съ рѣчью къ посвященнымъ, возвѣстилъ: «нужно, чтобы народное мщеніе постигло всѣхъ враговъ революціи, чтобы въ день ихъ пораженія гильотина была надолго поставлена на площади Св. Франциска (въ Лозаннѣ), и чтобы пирамида головъ аристократовъ была трофеемъ побѣды свободы надъ деспотизмомъ и аристократіею. Мы — пассажиры на кораблѣ революціи», воскликнулъ онъ въ заключеніе своей рѣчи, «намъ нужно или пристать къ берегу, или погибнуть» [1]...

«*Человѣкъ-король*, гремя, какъ обыкновенно, противъ Франціи, по случаю войны съ Испаніей, познакомилъ свою венту съ мѣрами, условленными между карбонаріями, иллюминатами и франкмасонами Иберійскаго полуострова, чтобы совершить нападеніе на ту мѣстность Франціи, откуда она выступала противъ нихъ. Мина [2] только что объявленъ гене-

---

[1]) Изъ документовъ, отправленныхъ д'Орреромъ въ Петербургъ въ 1823 году, (см. ниже), видно, что въ этомъ мѣстѣ статьи онъ соединилъ отрывки изъ рѣчей двухъ ораторовъ. Въ засѣданіи лозаннской венты, въ которомъ не было Лагарпа, замѣщавшій его, какъ предсѣдателя, Мюрэ, сказалъ: „Кантонъ Ваадтъ подастъ примѣръ, поставивъ гильотину на площади св. Франциска. Не нужно колебаться; благо отечества требуетъ, чтобы всѣ аристократы погибли: мужчины, женщины и дѣти; всякое различіе будетъ уничтожено, и свободные люди, пользуясь равенствомъ и правами человѣка, будутъ жить мирно и передадутъ это драгоцѣнное наслѣдство своимъ дѣтямъ". Пирамиду головъ д'Оррэръ присочинилъ для красоты слога, а „корабль революціи" заимствовалъ изъ рѣчи Лагарпа на собраніи венты 27 апрѣля.

[2]) Объ этомъ начальникѣ испанскихъ конституціонныхъ войскъ см. *Гервинусъ*. „Исторія XIX вѣка", IV, 230—233, 290, 307—309.

ралиссимусомъ свободныхъ людей [1]), и всѣ принадлежащіе къ ихъ числу должны съ этого времени слушаться его и помогать ему. Онъ объявилъ, что этому генералу, предводительствующему отборною испанскою арміей,... поручено, во что бы то ни стало, перейти Пиринеи, овладѣть Перпиньяномъ и водрузить тамъ знамя европейской революціи; поэтому обязанность всѣхъ „свободныхъ людей» вооружиться и посредствомъ множества мѣстныхъ диверсій, въ которыхъ вездѣ примутъ участіе тысячи братьевъ, помогать главной операціи противъ Франціи.

«Цезарь Лагарпъ..., хотя онъ былъ только членомъ великаго совѣта» (кантона Ваадтъ), «былъ однако тамъ всемогущъ, пользовался громаднымъ вліяніемъ, какъ освободитель своего отечества, а также и по своему высокому положенію въ франкмасонствѣ и въ карбонаризмѣ. Въ это время его авторитетъ былъ настолько великъ, что могъ увлечь правительство кантона Ваадтъ къ осуществленію обширнаго и опаснаго проекта нашествія его милиціи на Франшконтэ, какъ только узнаютъ о занятіи Перпиньяна Миною. Безъ вѣдома федеральной власти, находящійся на дѣйствительной службѣ контингентъ и резервъ всѣхъ армій были созваны на смотры, ихъ начальники обращались къ нимъ съ рѣчами, какъ во дни какой-либо великой опасности, угрожающей отечеству, и вся артиллерія кантона Ваадтъ была постепенно и секретно отведена во внутреннія долины Юры. Только когда узнали о непоправимомъ пораженіи Мины, артиллерія возвратилась въ Лозанну, и кантональная милиція разошлась по общинамъ... Изъ этого можно видѣть», прибавляетъ д'Орреръ, «какое грозное значеніе могли имѣть для Швейцаріи тайныя общества» [2]).

Въ цитированной статьѣ гр. д'Орреръ выражается о Лагарпѣ (уже послѣ его смерти въ 1838 г.) сравнительно спокойно. Въ совершенно другомъ тонѣ написаны его письма отъ 13—25 мая изъ Берна и 3 іюня 1823 г. въ Петербургъ къ герцогинѣ Антуанетѣ Виртембергской (урожденной принцессѣ Кобургъ-Заальфельдской), женѣ Александра герцога Виртембергскаго, служившаго въ Россіи [3]), съ приложеніемъ документовъ). Д'Орреръ [4]) просилъ герцогиню передать сообщаемыя имъ свѣдѣнія имп. Александру, и просьба его была исполнена: письма д'Оррера послѣ смерти государя были найдены въ его кабинетѣ. Мы должны остановиться на этихъ документахъ, такъ какъ въ нихъ есть, хотя и краткія, но драгоцѣнныя указанія на сношенія русскихъ съ швейцарскими карбонаріями, причемъ оставляемъ безъ вниманія негодующія восклицанія и комментаріи гр. д'Оррера, а изложимъ только фактическую сторону его сообщенія и приложенныхъ къ нему документовъ.

Въ первомъ письмѣ онъ пишетъ герцогинѣ Виртембергской, что

---

[1]) По объясненію д'Оррера, карбонарскій титулъ.

[2]) *Le comte d'Orrer.* Etudes sur la Suisse. Les sociétés secrètes. „Le Correspondant". P. 1845, t. IX, 885–886. Объ итальянскихъ, греческихъ и другихъ эмигрантахъ и революціонерахъ въ Швейцаріи ср. *O. Henne Am Rhyn.* Geschichte des Schweizervolkes u. seiner Kultur. III, 1871, S. 230—233.

[3]) *Max Lehmann.* Freiherr vom Stein, III, 185.

[4]) Онъ подписывался тогда: кавалеръ д'Орреръ.

давно уже замѣчаетъ вліяніе на кантонъ Ваадтъ и на всю Швейцарію партіи, которою управляетъ Лагарпъ. Съ каждымъ днемъ увеличивается сосредоточеніе въ Швейцаріи «цареубійцъ», изгнанниковъ Франціи и Пьемонта, карбонаріевъ всевозможныхъ національностей, странствующихъ по ней и собирающихся въ Лозаннѣ и Бернѣ. Намѣренія этой «смѣлой секты» ясны, по мнѣнію д'Оррера, изъ того, что онъ видѣлъ въ Біерскомъ лагерѣ, изъ того, что совершалось въ большомъ собраніи масонскихъ ложъ въ Бернѣ, на военномъ праздникѣ въ Лагенталѣ и на академическомъ банкетѣ въ Цоффингѣ. Д'Орреръ утверждаетъ, что въ двухъ послѣднихъ собраніяхъ провозглашали тосты за смерть Бурбоновъ и сѣверныхъ тирановъ, и что офицеры и студенты поклялись защищать отечество противъ посягательствъ на него государей. Яростные крики раздавались противъ Веронскаго конгресса и особенно противъ Франціи, такъ какъ она приняла угрожающее положеніе относительно испанскихъ революціонеровъ. Венты карбонаріевъ въ Бернѣ, Лозаннѣ и Женевѣ [1]), открытыя путешествія пропагандистовъ, ихъ ученія, зажигательныя рѣчи повсюду, не исключая и деревенскихъ кабаковъ, обнаруживаютъ, по словамъ д'Оррера, намѣренія этихъ людей, не сомнѣвающихся въ своемъ близкомъ торжествѣ. На юношество особенно вліяютъ нѣмецкіе профессора, изгнанные изъ германскихъ университетовъ и собравшіеся въ Швейцаріи [2]). Лагарпъ напечаталъ брошюру, которая должна служить юношеству французскихъ кантоновъ элементарною книгою для чтенія [3]), гдѣ громитъ аристократовъ и государей и, обращаясь къ юнымъ ваатландцамъ, предназначеннымъ стать свободными людьми, объясняетъ имъ, что успѣхъ всякаго договора обезпеченъ, если участники его научились хранить тайну. Комментарій къ этому основному принципу д'Орреръ видитъ въ рѣчи, которую Лагарпъ произнесъ въ собраніи ложи въ Лозаннѣ [4]).

Д'Орреръ сообщаетъ извлеченіе изъ письма съ западной границы

---

[1]) Въ нотѣ Меттерниха австрійскому посланнику въ Швейцаріи, на основаніи переписки лицъ, арестованныхъ въ Италіи, указывалось на то, что много ложъ карбонаріевъ находилось въ Женевѣ, въ кантонѣ Ваадтъ, въ Базелѣ, Аргау и особенно въ Граубюнденѣ. (Донесеніе русскаго посланника въ Швейцаріи, бар. Крюденера, отъ 19/31 мая 1823 г.)

[2]) Проф. Фолленъ, организовавшій въ Германіи, въ Гиссенѣ, общество „безусловныхъ" (Unbedingten), былъ высланъ изъ Швейцаріи въ 1824 г. по настоянію прусскаго правительства. *Шустеръ*, II, 178—179.

[3]) Souvenirs de l'histoire de la Suisse, présentés sous la forme de dialogues et dédiées aux jeunes Vaudois, qui frequentent les écoles cantonales par un citoyen de canton de Vaud. Lausanne. 1823. См. нѣкоторыя цитаты изъ этой книги у *Сухомлинова* „Изслѣдованія", II, 141.

[4]) Д'Орреръ сопоставляетъ ее съ тѣмъ, что 6 и 7 мая Мина, вмѣсто того, чтобы отступить внутрь Испаніи, вдругъ направился къ Пиринеямъ, и объясняетъ это намѣреніемъ проникнуть во Францію, чтобы вызвать тамъ возстаніе, которое должно было послужить сигналомъ взрыва въ Швейцаріи.

Швейцаріи (отъ 14-го апрѣля 1823 г.), въ которомъ извѣщали, что въ карбонарскихъ вентахъ этой страны идутъ толки о томъ, чтобы, по соглашенію съ главнымъ парижскимъ комитетомъ, устроить Сицилійскую вечерню для австрійскихъ войскъ въ Италіи [1]) и общее возстаніе не только въ Швейцаріи, но также во Франціи, Германіи, Италіи и Польшѣ; толчокъ долженъ быть данъ кантономъ Ваадтъ. Въ Конрѣ и его окрестностяхъ секретно устраиваются склады оружія, привозимаго изъ Ваадтскаго кантона [2]), и тамъ видно много итальянцевъ. Существуютъ тайныя фабрики кинжаловъ въ Конрѣ, Лозаннѣ, Базелѣ и Аргау. Д'Орреръ не принимаетъ во вниманіе, что эти приготовленія могли объясняться отчасти требованіемъ державъ, чтобы Швейцарія выслала итальянскихъ эмигрантовъ или даже выдала ихъ, что обыкновенно отклонялось Швейцаріею [3]), но еще болѣе ложнымъ, но тревожившимъ швейцарцевъ слухомъ о приближеніи русской арміи [4]).

Въ письмахъ отъ 26 и 29 апрѣля 1823 г. д'Орреру сообщали, что

[1]) Въ другомъ письмѣ (отъ 20 апрѣля 1823 г.), приложенномъ д'Орреромъ, было сообщено, что мысль о такой рѣзнѣ была впервые высказана въ вентѣ въ Конрѣ на празднованіи годовщины возвращенія въ Парижъ Бонапарта 20 марта 1815 г.

[2]) Въ нотѣ Меттерниха австрійскому посланнику въ Швейцаріи указывалось также на тайно устраиваемые склады оружія „во многихъ мѣстахъ, и особенно въ Граубюнденѣ и въ епископствѣ Базельскомъ". Швейцарское же правительство утверждало, что оружіе, собранное въ Конрѣ и сложенное въ кантональной школѣ, назначалось для упражненія милиціи. (Донесеніе бар. Крюденера, 19/31 мая 1823 г.)

[3]) Henne Am Rhyn III, 231.

[4]) Д'Орреръ упоминаетъ также, что извѣстный юристъ Ш. Контъ прочелъ въ Лозаннѣ лекцію, въ которой въ ужасномъ видѣ изобразилъ русское уголовное законодательство, послѣ чего молодежь собиралась устроить своему профессору серенаду съ факелами, но она была запрещена правительствомъ. Другой профессоръ, высказавъ свое сочувствіе идеямъ Конта, старался, однако, успокоить студентовъ, убѣждая ихъ, что неблагоразумно раздражать, даже и правдою, страну, государь которой своими казаками и солдатами можетъ внушать страхъ Европѣ. Шарль Контъ, издававшій въ Парижѣ либеральные журналы: въ 1814—5 г. Le Censeur и въ 1817—19 г. Le Censeur Européen, въ 1821 г. былъ приглашенъ на каѳедру государственнаго права въ Лозанну. Впослѣдствіи онъ долженъ былъ покинуть Швейцарію по требованію французскаго правительства.

Среди приложеній къ письму д'Оррера находятся латинскій и французскій тексты слѣдующей прокламаціи, изданной вентою карбонаріевъ въ Конрѣ: „Вездѣ немедленная смерть. Послѣдній доводъ свободныхъ людей. Примѣръ королямъ-тиранамъ. Свободные люди Гельвеціи всѣмъ обыкновенно называемымъ благородными, самымъ низкимъ рабамъ королей, епископамъ и другимъ лицамъ римско-католическаго духовенства, врагамъ отечества и свободы—привѣтъ. Постановлено нашимъ верховнымъ трибуналомъ, что вы всѣ умрете въ оковахъ, утратите ваши имущества; ваши дома, гнусные для свободныхъ людей, будутъ преданы пламени, ради спасительнаго примѣра потомкамъ. Скрѣплено и подписано кровью свободныхъ людей Брутъ, Зандъ, Лувель, Равальякъ, Катилина". Затѣмъ слѣдуетъ изображеніе кинжала съ клинкомъ, замараннымъ кровью. По краямъ этой прокламаціи, написанной печатными буквами, черная кайма.

всѣмъ швейцарскимъ вентамъ предложено произнести страшную клятву въ ненависти къ правительствамъ и что въ главной вентѣ въ Лозаннѣ, на собраніи которой 19 апрѣля присутствовали также итальянцы, французы, нѣмцы и греки, каждый изъ братьевъ, принося клятву, наносилъ ударъ кинжаломъ сдѣланной изъ кожи коронованной фигурѣ, сидящей на тронѣ, попиралъ корону ногами и затѣмъ кололъ руку такъ, чтобы кровь стекала въ кубокъ, изъ котораго пилъ каждый изъ членовъ собранія.

Лагарпъ въ своей рѣчи въ этомъ собраніи говорилъ о намѣреніи Мины проникнуть во Францію съ помощью французовъ, чтобы отмстить за то, что ихъ король «послалъ потушить священный огонь свободы ; .Лагарпъ утверждалъ, что, по первому приказанію высшаго парижскаго комитета, Швейцарія приметъ сторону Мины, «и 30.000 ваатландцевъ, авангардъ безчисленной арміи свободныхъ людей, пронесутъ побѣдоносныя знамена до конца міра. Великій ударъ будетъ нанесенъ. Сама Швейцарія возродится и внесетъ спасеніе, возрожденіе и цивилизацію во всѣ страны... Горе врагамъ нашей свободы, горе священникамъ и католикамъ, не сочувствующимъ нашимъ намѣреніямъ: они погибнутъ, ихъ дома будутъ сожжены; этотъ моментъ будетъ ужасенъ, но необходимъ. Только рѣшительный ударъ можетъ насъ спасти; теперь нужно выбирать между рабствомъ и смертью .. Лагарпъ грозилъ разрушеніемъ аристократическому правительству Швейцаріи [1]) и выражалъ увѣренность, что Безансонъ и Дижонъ будутъ сданы «рыцарями свободы» [2]).

---

[1]) О ненависти Лагарпа къ аристократическимъ кантонамъ говоритъ и авторъ (враждебной ему) книги Biographie de Mr. Fr. La Harpe .. suivi d'extraits de ses ouvrages politiques. 1818. Свербеевъ, посѣтившій (въ 1822 г.) Лагарпа въ Лозаннѣ, упоминаетъ о „ненависти" къ нему „всѣхъ знатныхъ швейцарцевъ", „высшаго городского общества". Онъ передаетъ также выраженія неудовольствія Лагарпа на то, что импер. Александръ измѣнилъ, подъ вліяніемъ Меттерниха, свою прежнюю политику, завелъ варварскія военныя поселенія и постоянно нарушалъ данную Польшѣ конституцію. Онъ предсказывалъ, что „кровавые мятежи противъ Россіи убитой Польши будутъ продолжаться долго, долго!" „Записки Д. Н. Свербеева". М. 1899 г. I, 406. О государственномъ устройствѣ Швейцаріи ср. *Куртъ*. „Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи". Спб. 1900 г., стр. 83.

[2]) Тайное общество во Франціи „Рыцарей Свободы", по преимуществу военное, центральнымъ пунктомъ котораго былъ г. Сомюръ, насчитывало отъ 30 до 40 тыс. приверженцевъ. *Кирѣевъ*. „Исторія западной Европы въ новое время", т. IV, изд. 2. Спб. 1901 г., стр. 416—417; *Guillon* Les complots militaires sous la Restauration. P. 1895. p. 141 143, 175 и слѣд. Одинъ изъ членовъ швейцарскаго правительства (L'Avoyé de Watteville) сказалъ русскому посланнику бар. Крюденеру о Лагарпѣ: „Его демагогическая ярость и безсмысленныя рѣчи, которыя онъ безпрестанно произноситъ, компрометируютъ Швейцарію... Лагарпъ въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ правительствомъ кантона Ваадтъ, спокойствіе котораго онъ нарушаетъ своими рѣчами, своимъ вліяніемъ на тамошнія безпокойныя головы, своими брошюрами и проч." (Донесеніе бар. Крюденера, 19/31 Мая 1823 г.).

Корреспондентъ д'Оррера утверждалъ, что карбонаріи намѣреваются сдѣлать вторженіе и въ Швабію, «гдѣ число ихъ партизановъ невѣроятно велико, чтобы зажечь пожаръ въ Германіи». На сочувствіе въ Швабіи вторженію карбонаріевъ выражалъ надежду и Лагарпъ въ своей рѣчи въ главной Лозанской вентѣ 21 апрѣля [1]). Въ другой рѣчи выражалась надежда на возстаніе въ Италіи. Лагарпъ сказалъ, что въ скоромъ времени погибнутъ «старикъ въ Римѣ» (папа) и вся его клика. Упоминалось и о томъ, что въ Базелѣ и Женевѣ есть ложи «Рыцарей Свободы», которыя будутъ условливаться съ карбонарскими вентами [2]).

Въ засѣданіи лозанской венты 5 мая 1823 года было сообщено, что въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ образовался комитетъ, подобный швейцарскому, что то же совершилось и въ другихъ государствахъ Германіи и что всѣ эти комитеты состоятъ подъ начальствомъ парижскаго комитета.

Въ засѣданіи венты въ Копрѣ 10 мая 1823 г. предсѣдательствовалъ Годенцъ-Планта [3]). Онъ, между прочимъ сказалъ: «наше общество образовалось, чтобы помочь славной борьбѣ за свободу. Я не скрываю отъ васъ, что, если государи одержатъ побѣду, наше отечество будетъ лишено своихъ правъ и скоро будутъ существовать въ мірѣ только деспотическія правительства... Представители деспотовъ угрожаютъ Швейцаріи. (Тутъ онъ прочелъ ноту кн. Меттерниха). «Люди свободные, что скажете вы объ этихъ жалкихъ угрозахъ? Короли земли, когда перестанете вы вмѣшиваться въ дѣла свободныхъ народовъ? Когда вы будете истреблены? Какой отвѣтъ дадимъ мы на эту бумаженку Меттерниха? Мы дадимъ отвѣтъ въ Вѣнѣ, Парижѣ, Петербургѣ. На эшафотѣ мы скажемъ королямъ земли: «получите возмездіе за вашъ деспотизмъ, наказаніе, котораго вы заслуживаете. Да, короли погибнутъ, всѣ ихъ министры будутъ искоренены. Свобода водарится вопреки всѣмъ нотамъ». (Онъ разорвалъ австрійскую ноту и растопталъ ее ногами). «Я предаю анаѳемѣ Меттерниха, да погибнетъ онъ и всѣ ихъ столицы (Vogorl). Ихъ царство кончилось. Мы желаемъ свободнаго правительства. Мы не

---

[1]) Въ приложеніяхъ къ письму д'Оррера есть извѣстіе о сильномъ распространеніи карбонаризма въ Виртембергѣ, о карбонарской пропагандѣ въ Аугсбургѣ, Аншпахѣ и Байрейтѣ.

[2]) Д'Орреръ переслалъ въ Петербургъ циркулярное воззваніе ко всѣмъ вентамъ и ложамъ Швейцаріи, подписанное главою лозанской венты Лагарпомъ, ландаманномъ кантона Ваадтъ Мюра, писателемъ, членомъ правительства кантона Ааргау Цшокке, и другими.

[3]) Онъ держалъ въ правой рукѣ abacus—палку съ кругомъ на верху, символъ его званія—человѣка-короля. Онъ былъ одѣтъ въ платьѣ изъ чернаго бархата. Передъ нимъ на столѣ, покрытомъ черною матеріею, помѣщались черепъ, змѣя, кубокъ и великолѣпный кинжалъ. На стѣнѣ, обтянутой черною матеріею, позади него, висѣлъ крестъ.

подчинимся болѣе ихъ замѣчаніямъ; мы хотимъ быть у себя господами» [1]).

Эти подробности интересны въ связи съ содержащимися въ приложеніи къ письму д'Оррера указаніями на сношенія швейцарскихъ карбонаріевъ съ Россіею. Въ письмѣ изъ Коира отъ 13 мая ему сообщили, что теперь занялись переводомъ всѣхъ революціонныхъ книгъ на русскій языкъ, чтобы распространять ихъ въ Россіи. За это взялся курляндецъ Дортгейссенъ, пріѣхавшій въ Лозанну уже 13 или 14 мѣсяцевъ тому назадъ; живя въ Уши, гавани Лозанны, онъ часто посѣщалъ Лагарпа. Странствующимъ агентомъ въ Петербургъ отправился артиллерійскій офицеръ кантона Ваадтъ Рюшоннэ, который просилъ у д'Оррера рекомендательныхъ писемъ. Онъ остановился въ Митавѣ, куда, по предположенію д'Оррера, былъ рекомендованъ Дортгейссеномъ, и взялъ тамъ мѣсто учителя у нѣкоего Роппа. Къ числу карбонаріевъ принадлежалъ и граубюнденецъ Ларета, содержавшій въ Петербургѣ кофейню [2]). Сообщали также, что въ кофейнѣ Кавецель въ Ригѣ собирается клубъ, гдѣ спорятъ о политическихъ вопросахъ и который долженъ имѣть нѣкоторыя сношенія съ лозаннскими клубами. Сообщали также, что въ Баденѣ (около Цюриха) должно собраться совѣщаніе, куда ожидаютъ многихъ русскихъ. «Лагарпъ недавно сказалъ, что въ Петербургѣ усиливаются интриги, чтобы побудить императора прибыть въ Германію. Лагарпъ часто имѣлъ совѣщанія съ гр. Каподистріею въ Женевѣ [3]). Тормасовъ [4]), кажется, одинъ изъ повѣренныхъ дю-Пюже [5]), употребляется только для передачи корреспонденціи».

Въ бюллетенѣ изъ Лозанны отъ 18 мая 1823 г. сообщалось, что тамошняя вента очень занята, и что въ ея собраніяхъ Лагарпъ произноситъ чрезвычайно сильныя рѣчи. «Онъ отправилъ въ Петербургъ одну замужнюю француженку не первой молодости, но очень красивую; она избрана управляющимъ комитетомъ вслѣдствіе своихъ способностей къ интригѣ. Цѣль ея путешествія состоитъ въ томъ, чтобы вновь привлечь

---

[1]) Относительно требованій державъ о высылкѣ изъ Швейцаріи и выдачѣ различныхъ лицъ и въ томъ числѣ нѣсколькихъ профессоровъ см. въ изданіи „Die Schweiz im neunzehnten Jahrhundert“ (I Bd. 1899) трудъ *Numa Droz'a* Politische Geschichte der Schweiz im 19 Jahrhundert. S. 153—155.

[2]) Д'Орреръ пояснилъ, что во время его отъѣзда изъ Россіи Ларета или Лареида имѣлъ кондитерскую на Невскомъ.

[3]) Каподистрія жилъ въ Женевѣ съ 1822 г., исходатайствовавъ себѣ безсрочный отпускъ. *В. Тепловъ.* „Графъ Іоаннъ Каподистрія, президентъ Греціи“. Спб. 1893 г., стр. 29.

[4]) Камергеръ, первый секретарь русскаго посольства въ Мюнхенѣ, жившій около года въ Вевэ, гдѣ д'Орреръ видѣлъ его въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ своего пріѣзда въ Швейцарію.

[5]) Вѣроятно, жившій въ Лозаннѣ de-Puget, бывшій въ царствованіе Павла наставникомъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. „Записки Д. Н. Свербеева“, М. 1899 г., II, 5—7.

имп: Александра къ либеральнымъ идеямъ [1]). Управляющій швейцарскій комитетъ долженъ скоро собраться въ Баденѣ, около Цюриха». Вѣроятно, на это собраніе и ожидалось много русскихъ, какъ было упомянуто выше.

Въ письмѣ отъ 3 іюня 1823 г. герцогинѣ Виртембергской въ Петербургъ д'Орреръ сообщалъ, что неудача движенія Мины противъ Франціи разстроила планы швейцарскихъ карбонаріевъ. Онъ утверждалъ, будто они стремятся убить Александра I, какъ главу Священнаго Союза, и сообщалъ, что эта «секта» несомнѣнно имѣетъ нѣсколько членовъ въ Россіи. «Въ послѣднюю зиму», продолжаетъ д'Орреръ, «по Швейцаріи разъѣзжалъ извѣстный Хвостовъ, который посѣтилъ главныя ложи [2]). И Ваше Высочество найдете въ моихъ замѣткахъ, что пятеро русскихъ ожидаются на собраніе въ Баденѣ». Онъ совѣтуетъ хорошенько наблюдать за подобными путешественниками и выражаетъ опасеніе, что русское посольство въ Швейцаріи не достаточно бдительно [3]).

Имп. Александръ въ это время уже не писалъ Лагарпу. Въ послѣдній разъ онъ письменно обратился къ нему 23 ноября 1818 г. изъ Веймара, отправляя своего брата Михаила Павловича въ поѣздку по Италіи, куда Лагарпъ проводилъ великаго князя до Турина. Донесенія д'Оррера, переданныя Александру I, должны были только увеличить охлажденіе императора къ его бывшему воспитателю [4]). Другой ученикъ Лагарпа, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, въ письмѣ къ нему изъ Варшавы, отъ 24 декабря 1826 г., очень прозрачно намекнулъ ему на его карбонарскую дѣятельность. «Что касается вашихъ литературныхъ

---

[1]) Ср. *Askenazy* Łukasiński, I, 373.

[2]) Вѣроятно, сынъ гр. Д. И. Хвостова—Александръ Дмитріевичъ (1796—1870), который въ началѣ 1820-хъ годовъ оставилъ службу, жилъ въ Петербургѣ и, читая въ кондитерскихъ газеты, громко осуждалъ дѣйствія всѣхъ правительствъ. По отзыву Пржецлавскаго, онъ былъ „человѣкъ не глупый, начитанный и... красный". „Рус. Стар." 1875 г., т. XIII, 396—397, XIV, 404. Повидимому, онъ же былъ членомъ ложи Соединенныхъ Друзей въ 1817—20 г.г.; въ числѣ членовъ значится камергеръ Александръ Хвостовъ. Любопытно, что членомъ этой ложи былъ Баратаевъ, а въ 1819–21 г.г. и Конст. Кандіотти (см. выше, стр. 362). Tableau général de la grande Loge Astrée, $58^{17}/_{18}$, Idem. $58^{18}/_{19}$, p. 103, „Остафьевскій Архивъ" I, 633.

[3]) Государственный Архивъ XV, № 291. Въ біографіяхъ Лагарпа (*Сухомлиновъ* „Фридрихъ Цезарь Лагарпъ, воспитатель императ. Александра I", „Изслѣдованія", т. II, и *Monnard*. Notice biographique sur le général Fr. C. de la Harpe, 1838) нѣтъ свѣдѣній о его дѣятельности въ швейцарскихъ вентахъ карбонаріевъ.

[4]) Бергассъ, ученикъ Сенъ-Мартена, ультра-роялистъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ имп. Александру въ 1814 г. въ Парижѣ, писалъ ему въ 1822 году: „Швейцарія, которую волнуютъ болѣе, чѣмъ когда-либо, искусные и неутомимые революціонеры, требуетъ теперь особеннаго вниманія государей". *Соловьевъ* „Императоръ Александръ I", Спб. 1877 г., 520; *Capefigue* La baronne de Krudner, P. 1866, p. 77.

и благотворительныхъ обществъ», писалъ цес. Константинъ, «то общественное мнѣніе судитъ о нихъ очень различно: одни считаютъ ихъ обществами чисто научными, другіе, и число ихъ... очень велико, изображаютъ ихъ болѣе или менѣе очагами революціи и сборищами карбонаріевъ, главное мѣстопребываніе которыхъ — Ааргау, Коиръ, Цюрихъ, Базель, Лозанна, Женева. Вамъ лучше знать, что они такое. Я только повторяю то, что здѣсь говорятъ». Въ другомъ письмѣ, отъ 5-го января 1828 г., Константинъ Павловичъ кратко упоминаетъ «о вредѣ карбонаріевъ и другихъ подобныхъ сектъ, не исключая скучныхъ и безполезныхъ франкмасоновъ» [1]).

Д'Орреръ лишь вскользь упоминаетъ о членахъ тайнаго общества въ Женевѣ. Въ первой половинѣ 1820-хъ годовъ тамъ жилъ извѣстный революціонеръ Буонаротти, участникъ вмѣстѣ съ Бабёфомъ коммунистскаго заговора Равныхъ (1796 г.). Живя въ Женевѣ, подъ надзоромъ, съ 1806 г., онъ основалъ тамъ ложу Искреннихъ Друзей. По полицейскимъ свѣдѣніямъ 1811—12 гг. въ ней стремились къ ниспроверженію деспотизма съ помощію кинжала; полиція причисляла членовъ ложи къ тайному обществу филадельфовъ. По собственному признанію Буонаротти, онъ участвовалъ въ подготовкѣ заговора Малэ (Malet) противъ Наполеона въ 1812 г. и готовъ былъ отправиться въ Парижъ, когда получено было извѣстіе, что заговоръ не удался. Буанаротти былъ изгнанъ изъ Женевы въ 1813 году и поселенъ подъ надзоромъ въ Гренобль [2]). Въ началѣ 1820-хъ гг. мы находимъ его опять въ Женевѣ, и въ 1822 году онъ отправляетъ эмиссаромъ въ Италію француза Андріане. Послѣдній въ своихъ замѣткахъ говоритъ: «искусные и многочисленные эмиссары были отправлены въ это время въ Германію, въ Польшу и *даже въ Россію*, чтобы придать новую силу тайнымъ обществамъ» [3]). Что у Буо-

---

[1]) „Сборн. Имп. Истор. Общ." V, 47, 69, 73.

[2]) *Bourgoin.* Contribution à l'histoire de la Franc-Maçonnerie. „La Revolution française", 1905, t. 49, p. 65—68, 77—78. *Andryane* Souvenirs de Genève. 1839, livre II (10 mai 1822). Буонарроти говорилъ Андріане, что участвовалъ въ обществѣ Филадельфовъ. *Weill.* Ph. Buonarroti. Revue Historique, 1901, t. 76, p. 268. Андріане былъ принятъ 10 декабря 1821 г. въ Женевѣ въ тайное общество и подробно описалъ церемоніалъ пріема въ своихъ Souvenirs de Genève. Буонарроти пояснилъ ему при этомъ, что изъ предосторожности они надѣваютъ на себя масонскіе знаки, чтобы въ случаѣ надобности выдать себя за масоновъ, но принимаемый давалъ не заученные отвѣты, какъ въ нашемъ масонствѣ, а совершенно свободно, согласно своимъ убѣжденіямъ. Истинныя цѣли общества была борьба съ деспотизмомъ и пропаганда республиканскихъ идей; принимали, конечно, лишь раздѣляющихъ эти стремленія.

[3]) *Andryane.* Mémoires d'un prisonnier d'état au Spielberg. P. 1839, t. I, p. 22—30. О депутаціи въ Бернъ (не позднѣе 1820 г.) отъ польскаго общества Національное Масонство, основаннаго Лукасинскимъ, есть указаніе въ письмѣ Новосильцова Александру I. *Schiemann* Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I, Bd. I, 561, ср. 166. С. Волконскій 25 Янв. 1826 г. показалъ: „Тому лѣтъ семь уже

нарроти были связи и съ русскими, можно заключить также изъ того, что, живя позднѣе въ Парижѣ у вельможи-демократа Вуайе д'Аржансона [1]), онъ былъ знакомъ съ Н. И. и А. И. Тургеневыми. Послѣдній въ своей статьѣ о Парижѣ даетъ яркій образъ этого революціонера, всю жизнь оставшагося неизмѣнно вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, несмотря на всѣ преслѣдовавшія его злоключенія [2]).

Что на русскихъ революціонеровъ Южнаго тайнаго Общества преимущественно вліяли карбонаріи французской Швейцаріи или Франціи, а не Италіи, показываетъ и употребительный въ этомъ обществѣ терминъ *вента*, заимствованный съ французскаго vente, а не съ итальянскаго vendita [3]).

Отношенія русскихъ революціонеровъ къ тайнымъ обществамъ Западной Европы требуютъ еще многихъ изслѣдованій.

—

мнѣ было сообщено, что въ польской арміи есть Общество *Филадельфовъ*, изъ французской арміи перешедшее, но принявъ въ польской совершенно другой родъ т. е. Патріотическое Польское". Указаніе кн. Волконскаго не точно уже потому, что Патріотическое общество было основано лишь 1 мая 1821 г., но въ 1818–20 г.г. существовало, основанное Лукасинскимъ Національное Масонство. Указанія на вліяніе карбонаризма на тайное общество косиньеровъ въ Познани см. у *Askenazy* Lukasiński, II, 9, 10, 15, 31. Другого сочиненія Andryane „Souvenirs de Génève" (1839), въ которомъ находятся болѣе свѣдѣній о жизни Буонарроти въ Швейцаріи, нѣтъ въ петербургскихъ библіотекахъ: но я имѣлъ возможность съ нимъ ознакомиться, благодаря любезности М. Л. Чебышевой, сдѣлавшей для меня большія выписки изъ него въ парижской національной библіотекѣ; приношу М. Л. Чебышевой глубочайшую признательность.

[1]) См. *Вейль*. „Исторія республ. партіи во Франціи съ 1814 по 1817 г.", перев. Л. Шишко. М. 1906, стр. 18.

[2]) „Парижъ (хроника русскаго)". „Современникъ", изд. А. С. Пушкина, 1836 г., I, 275–276. Ср. „Остафьевскій Архивъ", III, 323, 715—716. См. *G. Romano-Catania* Filippo Buonarroti. 2 ediz. Milano. 1902; *G. Weill* Philippe Buonarroti. Revue Historique, 1901, t. 76, p. 241—275.

[3]) О французскомъ карбонаризмѣ см. *L. Blanc.* Histoire de dix ans. P. 1849. t. I, 8 ed. 1849; *Dulaure* Histoire de 1814 à 1830, t. VII, P. 1849; *Vaulabelle* Histoire des deux Restaurations jusqu'a la chute de Charles X. t. V, P. 1850; *Guillon* Les complots militaires sous la Restauration. P. 1895.

ГЛАВА IV.

Проекты реформъ М. Ѳ. Орлова, гр. М. А. Дмитріева-Мамонова и Н. И. Тургенева въ 1814—17 годахъ.—Орденъ Русскихъ Рыцарей.

Изъ предыдущей главы видно, что нѣкоторые виды западно-европейскаго масонства могли возбуждать мысль объ устройствѣ тайныхъ обществъ съ политическими задачами и что были возможны и прямыя вліянія въ этомъ направленіи западно-европейскихъ тайныхъ обществъ. М. А. Фонъ-Визинъ, упомянувъ о стремленіи петербургской военной молодежи къ изученію политическихъ системъ, теорій и современныхъ западныхъ европейскихъ событій продолжаетъ: «а это и было главнымъ предметомъ занятій размножившихся въ Европѣ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ члены исключительно посвящали себя политикѣ. *Статуты нѣкоторыхъ изъ этихъ союзовъ*, существовавшихъ *во Франціи* и Германіи, завезены были въ Россію и навели нашихъ либераловъ на мысль учредить тайное политическое общество у насъ съ цѣлью ограничить самодержавіе». Подъ такими вліяніями и зародился въ 1816 году Союзъ Спасенія. Мы указывали выше на то, что во время пребыванія Лунина въ Парижѣ въ 1816—17 гг. у него были сношенія съ какимъ-то тайнымъ обществомъ.

8-го февраля 1816 г., въ томъ же году, когда въ Россіи былъ основанъ Союзъ Спасенія, полковникъ баронъ Дибичъ въ секретномъ донесеніи фельдмаршалу Барклаю-де-Толли писалъ: «Офицеры въ прусской королевской гвардіи открыто говорятъ, что никакихъ королей не нужно и что состояніе мірового просвѣщенія дѣлаетъ необходимыми республики.—Говорятъ, что въ нашей арміи распространился такой же духъ между офицерами вслѣдствіе соприкосновенія ихъ съ тайными обществами во Франціи, Германіи, Варшавѣ, Петербургѣ и т. д. и что подобныя же выраженія употребляютъ даже офицеры свиты вашего сіятельства. Подъ тайными обществами въ Петербургѣ Дибичъ, всего вѣроятнѣе, разумѣлъ масонскія ложи (ему, очевидно, не было извѣстно, что правительство очень хорошо знало все, что въ нихъ дѣлается), такъ какъ дальше онъ переходитъ къ масонству, называетъ живущаго въ Россіи извѣстнаго масона Фесслера іезуитомъ-якобинцемъ и счи-

таетъ опасною масонскую пропаганду. Но нѣсколько ранѣе существовали въ Россіи и другія тайныя общества, какъ это видно изъ разсказа Н. Н. Муравьева объ основанномъ имъ въ 1811 г. юношескомъ обществѣ. Н. Н. Муравьевъ былъ тогда колоновожатымъ и служилъ надзирателемъ въ петербургскомъ училищѣ колоновожатыхъ. Въ числѣ учениковъ этого училища былъ его дальній родственникъ, Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, впослѣдствіи членъ Южнаго Тайнаго Общества. Молодые люди часто бывали вмѣстѣ; къ нимъ присоединился юнкеръ Семеновскаго полка, Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, позднѣе членъ Союза Спасенія, Союза Благоденствія и Южнаго Тайнаго Общества. Н. Н. Муравьевъ, подъ вліяніемъ «Общественнаго договора» Руссо, мечталъ о необходимости преобразованія современнаго строя и наконецъ пришелъ къ мысли удалиться чрезъ пять лѣтъ на какой-нибудь островъ, населенный дикими, взять съ собою надежныхъ товарищей, распространить образованіе среди жителей острова и устроить тамъ республику. Онъ составилъ даже законы этой будущей республики и уговорилъ слѣдовать за нимъ Артамона Муравьева, Матвѣя Муравьева-Апостола и двухъ Перовскихъ, Льва и Василія, также вступившихъ въ училище колоновожатыхъ (въ 1817 г. были приняты членами въ тайное Военное Общество, или «Общество благомыслящихъ», какъ назвалъ его въ своемъ показаніи Левъ Перовскій, вступили затѣмъ и въ Союзъ Благоденствія). Были учреждены собранія и введены условные знаки для узнаванія членовъ при встрѣчѣ. Предполагалось установить даже особую форму (между прочимъ поясъ съ кинжаломъ, а на груди двѣ параллельныя линіи изъ мѣди — знакъ равенства), но для осуществленія этого предположенія у членовъ общества не оказалось денегъ. На собраніяхъ читались записки относительно усовершенствованія законовъ товарищества, которые по обсужденіи утверждались всѣми. Между прочимъ постановили, чтобы каждый изъ членовъ усвоилъ какое-нибудь профессіональное знаніе, а на Н. Н. Муравьева возложили обязанность устроить воинскую часть и защищать будущія владѣнія отъ нападенія сосѣдей. Артамонъ Муравьевъ назначенъ былъ лѣкаремъ [1]), Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ—столяромъ; вступившій въ общество юнкеръ конной гвардіи Сенявинъ долженъ былъ заняться устройствомъ флота. Черезъ пять лѣтъ предполагалось отправиться, по совѣту Сенявина [2]) и Перовскаго, на островъ Чока (Сахалинъ). Проектъ этотъ никому изъ членовъ не казался дикимъ, и всѣ обсуждали его вполнѣ серьезно; но

[1]) Впослѣдствіи, находясь въ отпуску за границей, онъ слушалъ въ университетахъ лекціи по медицинскимъ наукамъ и посѣщалъ клиники.

[2]) Пик. Дмитр. Сенявинъ, сынъ вице-адмирала Сенявина, привлекался къ слѣдствію о тайномъ обществѣ; при освобожденіи арестъ былъ вмѣненъ ему въ наказаніе. Гос. Арх. I В. № 198.

составленіе устава общества общими силами подвигалось медленно и не пошло далѣе трехъ писанныхъ листовъ. Предполагалось всѣмъ членамъ сдѣлать печати съ изображеніемъ званія и ремесла каждаго, но на это также не хватило денегъ. Н. Н. Муравьевъ надѣялся привлечь въ общество Михаила Колошина, своего брата Михаила и сына покойнаго Мих. Никитича Муравьева, Никиту (впослѣдствіи члены Союза Благоденствія, Никита и Мих. Муравьевы также Союза Спасенія, а Н. М. М. и Сѣвернаго Общества). Каждый представлялъ своихъ кандидатовъ, и Артамонъ Муравьевъ привелъ однажды колоновожатаго Рамбурга, но онъ принадлежалъ уже къ другому обществу и потому не рѣшился вступить въ общество Муравьева безъ предварительнаго совѣщанія съ своимъ «братствомъ». Членами общества, къ которому принадлежалъ Рамбургъ, были также офицеры: Дурново, Александръ Щербининъ, Вильдеманъ, Делингсгаузенъ и нѣкоторые другіе. Цѣль этого общества, собиравшагося у Дурново, была въ точности Н. Н. Муравьеву не извѣстна, такъ какъ они «таились отъ другихъ товарищей своихъ». Поэтому и Рамбургу была не вполнѣ открыта цѣль общества Муравьева Однажды Рамбургъ выразилъ желаніе соединить оба общества и полагалъ, что «можно будетъ согласовать» ихъ виды, о чемъ говорилъ и своимъ сочленамъ, но такъ какъ одинъ изъ нихъ уѣхалъ въ Ригу, то считали необходимымъ подождать отвѣта на посланное ему письмо. Однако, походъ 1812 г. разстроилъ всѣ проекты этой зеленой молодежи, а затѣмъ они забыли о нихъ.

Нужно замѣтить, что ни кружокъ Муравьевыхъ, ни братство Рамбурга не были масонскими ложами: въ первомъ смѣялись надъ увлеченіемъ масонствомъ брата Н. Н. Муравьева, Александра Николаевича[1]), а имена членовъ братства Рамбурга также не встрѣчаются въ спискахъ членовъ масонскихъ ложъ [2]).

Попытка Муравьевыхъ была вполнѣ дѣтскою; относительно братства Рамбурга и его друзей мы не знаемъ никакихъ подробностей. Главнымъ побужденіемъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ основать тайное общество, потребность въ которомъ вызывалась цѣлымъ рядомъ причинъ и вліяній, подробно разобранныхъ въ предыдущихъ очеркахъ, послужилъ прежде всего нѣмецкій Союзъ Добродѣтели (Tugend-Bund).

М. Ѳ. Орловъ въ запискѣ на французскомъ языкѣ для императора Николая отъ 29 декабря 1825 года говоритъ: «Я думаю, что я первый въ Россіи задумалъ планъ тайнаго общества. Это было въ 1814 году. Я былъ вполнѣ проникнутъ тогда сознаніемъ важнаго значенія, которое Tugend-Bund пріобрѣлъ въ политикѣ. Съ другой стороны, я запомнилъ

---

[1]) Русс. Арх. 1885 г., т. III, Записки Н. Н. Муравьева.
[2]) „Русская Старина“ 1907 г. №№ 6—9.

слова императора Александра, сказавшаго въ Парижѣ: «Внѣшніе враги разбиты надолго, будемъ сражаться съ врагами внутренними». Съ этими мыслями я пріѣхалъ въ Россію. Я хотѣлъ перемѣнить карьеру, оставить военную службу и перейти въ гражданскую, въ которой... гнѣздятся внутреннie Наполеоны-грабители. Въ этомъ смыслѣ я велъ переписку съ гр. Мамоновымъ. Я склонилъ его участвовать въ осуществленіи моихъ намѣреній. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что внутренній врагъ сильнѣе, чѣмъ всѣ внѣшніе враги, и что онъ отчаявается въ успѣхѣ. Тѣмъ не менѣе мы согласились тогда относительно нѣкоторыхъ предположеній». Въ своемъ подробномъ показаніи на русскомъ языкѣ Орловъ также говоритъ: «Увѣренный, что Тугендъ-Бундъ было одно изъ дѣятельнѣйшихъ средствъ, употребленныхъ для спасенія Пруссіи и Германіи, по возвращеніи въ Россію въ 1814 г., я вознамѣрился сдѣлать тайное общество, составленное изъ самыхъ честныхъ людей для сопротивленія лихоимству и другимъ безпорядкамъ, кои слишкомъ часто обличаются во внутреннемъ управленіи Россіи». Орловъ добавляетъ здѣсь, что, по соглашенію съ гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, они готовили общій планъ», который будто бы «хотѣли предложить на утвержденіе» государя, надѣясь, что онъ возьметъ ихъ «подъ свое покровительство, подобно тому, какъ это сдѣлалъ король прусскій относительно Тугендъ-Бунда» [1]).

Итакъ, Орловъ и во французской запискѣ для имп. Николая, и въ русскомъ обширномъ показаніи категорически говоритъ, что онъ возвратился въ Россію въ 1814 году. Пребываніе Орлова въ Петербургѣ въ концѣ 1814 г. подтверждается и письмомъ его къ посланнику въ Россіи сардинскаго короля, лишеннаго его владѣнія, извѣстному писателю графу де-Мэстру. Письмо это чрезвычайно любопытно потому, что показываетъ, насколько не установились еще въ это время политическіе взгляды М. О. Орлова, насколько далеки они были даже и отъ того недостаточно послѣдовательнаго либерализма, которымъ онъ отличался позднѣе. Можно было бы ожидать, что, присутствуя во Франціи при крушеніи власти Наполеона и установленіи конституціонной монархіи Бурбоновъ, а затѣмъ посѣтивъ Норвегію, готовую съ оружіемъ въ рукахъ

---

[1]) Болѣе сильное вліяніе нѣмецкій Союзъ Добродѣтели оказалъ при выработкѣ устава нашего Союза Благоденствія, а потому я и буду говорить о его уставѣ далѣе въ этой же главѣ. Есть извѣстіе, что еще А. Н. Радищевъ въ своемъ неразысканномъ до сихъ поръ „Проектѣ гражданскаго уложенія", представленномъ въ 1802 г. графу П. В. Завадовскому, считая необходимымъ строгій и неподкупный контроль надъ дѣйствіями судовъ и чиновниковъ, предлагалъ учредить тайное общество, котораго члены обязаны были бы слѣдить за отправленіемъ правосудія, стараться исправлять или предупреждать несправедливыя дѣйствія и, въ случаѣ надобности, доводить о нихъ до свѣдѣнія высшаго правительства. *Лонгиновъ*, „Три замѣтки". „Библіогр. Записки" 1859 г. т. II, 542.

защищать принятую сторгингомъ конституцію, гораздо болѣе демократическую, чѣмъ та, которая была одобрена французскимъ сенатомъ 6 апрѣля 1814 г. [1]), Орловъ проникнется вполнѣ либеральными воззрѣніями. Этого, однако. не случилось, какъ мы увидимъ ниже изъ разбора того проекта преобразованія, который онъ выработалъ вмѣстѣ съ гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ; это можно заключить и изъ упомянутаго письма де-Мэстра. Но для историка важны и интересны не только конечные выводы, къ которымъ пришли выдающіеся члены тайнаго общества, Пестель, Н. Муравьевъ и др., но и постепенная, медленная эволюція идей декабристовъ вообще.

Орлову, вращавшемуся въ Петербургѣ въ аристократическихъ салонахъ, воспитаннику пансіона аббата-іезуита Николя, не трудно было, конечно, познакомиться съ извѣстнымъ защитникомъ іезуитовъ и также ихъ ученикомъ графомъ Іосифомъ де-Мэстромъ. Умный, ловкій, чрезвычайно начитанный и любезный, графъ де-Мэстръ сумѣлъ сдѣлаться любимымъ гостемъ самыхъ знатныхъ петербургскихъ домовъ. Не довольствуясь славою остроумнаго собесѣдника, онъ сумѣлъ оказывать вліяніе въ самомъ реакціонномъ духѣ и на нѣкоторыя внутреннія дѣла Россіи, такъ какъ предъ нимъ благоговѣлъ министръ народнаго просвѣщенія гр. Алексѣй Кирилл. Разумовскій, отчасти вліялъ онъ и на его преемника, кн. А. Н. Голицына; де Мэстру случалось работать даже съ самимъ имп. Александромъ [2]).

Въ 1814 г. безъ согласія де-Мэстра было перепечатано въ Парижѣ его сочиненіе «Considérations sur la France», изданное впервые въ Лозаннѣ въ 1796 г. безъ имени автора, но перепечатано неисправно, со многими прибавками и сокращеніями. Въ то время, когда производилась эта перепечатка, де-Мэстръ послалъ Орлову свой трудъ въ первоначальномъ видѣ, очевидно не только для того, чтобы познакомить его съ сущностью своихъ идей, но и для того, чтобы похвастать своею проницательностью, такъ какъ въ этомъ сочиненіи, заявляя, что французская революція не что иное, какъ наказаніе, посланное Богомъ, онъ въ то же время утверждалъ, что провидѣніе работаетъ на пользу Бурбоновъ, и что они непремѣнно вновь займутъ французскій престолъ.

Орловъ въ письмѣ де-Мэстру, при возвращеніи его труда, утверждаетъ, что это сочиненіе—одна изъ тѣхъ аксіомъ, «которыхъ не доказываютъ, такъ какъ онѣ не нуждаются въ доказательствѣ, но которыя

---

[1]) См. объ этомъ въ *Добавленіяхъ*.

[2]) Пять писемъ графа де-Мэстра къ Алексѣю К. Разумовскому о народномъ образованіи и іезуитахъ см. въ книгѣ *А. А. Васильчикова* „Семейство Разумовскихъ“ II, 248—287, ср. 532 534. Другой трудъ, написанный де-Местромъ для Разумовскаго, изданъ въ 1859 г. въ Парижѣ подъ заглавіемъ: „Quatre Chapitres inedits sur la Russie“ (свобода, наука, религія, иллюминатство).

чувствуются сами собою», подобно тому, какъ «душа неопровержимо чувствуетъ» существованіе Бога; «таковы же и великія истины, которыми наполненъ трудъ» де-Мэстра. Человѣкъ можетъ только предполагать, но ходъ событій повинуется лишь рукѣ Творца. «Эпоха французской революціи—великая эпоха: это возрастъ зрѣлости и разума. Конецъ ея также весьма достопримѣчателенъ: въ немъ видна рука Божія,—это вѣкъ вѣры. Слѣдствіемъ этой громадной катастрофы является возвышенный урокъ народамъ и королямъ. Это примѣръ, данный для того, чтобы ему не подражать. Это одно изъ тѣхъ великихъ бѣдствій, которыми былъ пораженъ родъ человѣческій; оно является продолженіемъ краснорѣчивой главы» книги де-Мэстра, «трактующей о насильственномъ разрушеніи человѣческаго рода. Одна эта глава—цѣлый трудъ; она достойна пера Боссюэта» [1]). «Пророческая часть труда меня также поразила,—продолжаетъ Орловъ.—Вотъ что значитъ умозрительное изученіе въ духѣ Божіемъ: то, что для разума является неяснымъ слѣдствіемъ, становится откровеніемъ. Все понимается, все отгадывается, когда восходятъ къ великой причинѣ». Далѣе Орловъ называетъ трудъ де-Мэстра классическимъ по глубинѣ его идей, но въ то же время имѣющимъ интересъ современности, особенно та глава, въ которой говорится о «декларація короля Франціи» въ 1795 году. Въ этой главѣ авторъ настаиваетъ на великомъ значеніи наслѣдственной монархіи и восхваляетъ Людовика XVIII, но въ то же время нѣкоторыя мѣста декларація короля могли показаться Орлову имѣющими большое значеніе и въ виду назрѣвающихъ потребностей Россіи, какъ, напримѣръ, тотъ пунктъ ея, гдѣ король говоритъ: «Конституція предписываетъ условія установленія налоговъ, чтобы доставить народу увѣренность, что подати, которыя онъ платитъ, необходимы для блага государства». Но эта старая французская «конституція», по выраженію короля, ставила законы «подъ охрану короля и трехъ сословій, чтобы предупредить революцію—величайшее изъ бѣдствій, какимъ могутъ подвергнуться народы» [2]). Въ заключеніе

---

[1]) Въ этой (третьей) главѣ де-Мэстръ доказываетъ не только неизбѣжность, но даже полезность войнъ: по его словамъ, „кровь—удобреніе для того растенія, которое называютъ геніемъ".

[2]) Вотъ какъ характеризуетъ извѣстный французскій историкъ Сорель эту вероискую декларацію 1795 г.: „Отвергая всякую мысль о договорѣ съ народомъ, графъ Прованскій (Людовикъ XVIII) находилъ недѣйствительною даже гражданскую реформу, дарованную революціей. Онъ предлагалъ Франціи въ даръ, по случаю радостнаго восшествія на престолъ и послѣ того какъ оно состоится во всей полнотѣ верховной королевской власти, только устраненіе нѣкоторыхъ злоупотребленій и положеніе въ склепію короны пресловутыхъ основныхъ законовъ, отыскиваемыхъ издавна юрисконсультами, текста которыхъ никто никогда не видѣлъ, духъ которыхъ истолковывался каждымъ по своему. Эти-то неуловимые законы окрещены были громкимъ именемъ древней конституціи королевства. Въ этой конституціи имѣлась только одна статья, а именно о верховной власти

Орловъ выражалъ желаніе, чтобы де-Мэстръ описалъ событія, послѣдовавшія за изданіемъ его сочиненія въ 1796 году.

Въ собраніи сочиненій де-Мэстра, вышедшемъ въ свѣтъ послѣ его смерти, его вдова разрѣшила напечатать передъ «Les Considérations sur la France» письмо Орлова [1]).

Мы привели выше показаніе Орлова о предположеніяхъ относительно внутреннихъ преобразованій, выработанныхъ имъ вмѣстѣ съ графомъ Матв. Александр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, при чемъ обществу, ими задуманному, предполагалось придать масонскія или, лучше сказать, тамплiерскія формы [2]).

Кн. П. А. Вяземскій свидѣтельствуетъ о близости Мамонова съ старыми московскими масонами: по его словамъ, онъ «принадлежалъ въ Москвѣ обществу такъ называемыхъ мартинистовъ. Онъ былъ въ связи съ Кутузовымъ (Павломъ Ивановичемъ), Невзоровымъ и другими лицами этого кружка» [3]). Это видно и изъ того, что онъ сотрудничалъ въ «Другѣ Юношества» Невзорова: здѣсь въ 1811—12 гг. печатались его стихотворенія («Честь», «Генію», «Время», «Истина» и др.), съ подписью: «Г. Д. М». Вяземскій упоминаетъ и въ письмѣ 1823 г. о «прежнихъ масонскихъ связяхъ» Мамонова съ П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ, который прославился доносами вообще и на Карамзина въ частности [4]). Позднѣе, во время болѣзни, Дмитріевъ Мамоновъ писалъ своему родственнику и опекуну С. П. фонъ-Визину: «Или вы не тотъ Сергѣй Павловичъ, котораго я зналъ съ Алекс. Ив. Мамоновымъ и въ ложѣ масонской» [5]).

короля, и представлялась только одна гарантія: „политическая доблесть монарха и искусство его министровъ". „Европа и французская революція". Спб. 1892 г. IV, 311—312.

[1]) Oeuvres de M. le comte de Maistre, 1822, t. I, p. V—VIII: письмо подписано въ печати такъ: „M. O.., général au service de S. M. l'Empereur de toutes les Russies"; о томъ, что оно принадлежитъ Орлову, см. Bulletin du Bibliophile de Techener, 1854, p. 915; Bibliophile Belge, 1855, t. II, 156. О де-Мэстрѣ и его пребываніи въ Россіи см. *Cogordan* Joseph de Maistre. P. 1894.

[2]) См. о гр. Дмитріевѣ-Мамоновѣ въ *Добавленіяхъ*.

[3]) Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго, VIII, 135. Въ „Каталогѣ масонскихъ рукописей Московскаго публичнаго и Румянцов. музеевъ", стр. 5, № 1 (832) указаны Обрядники: обряды принятія въ ученическую, товарищескую и мастерскую степени, съ печатями и за подписями великаго мастера М. Дмитріева-Мамонова „около 1807 г." въ л.

[4]) *А. Васильчиковъ.* „Семейство Разумовскихъ", т. II, 64-65, 288, 325, 341, 343, 346, 348, 363, 374. Голенищевъ-Кутузовъ былъ сенаторомъ въ Москвѣ въ 1805—21 гг., слѣдовательно и въ то время, когда въ сенатѣ служилъ Дмитріевъ-Мамоновъ. „Остафьевскій Архивъ", II, 510—511.

[5]) „Рус. Арх.", 1896 г., № 1, стр. 55. Александръ Ив. Дмитріевъ-Мамоновъ былъ избранъ 7 декабря 1817 г. великимъ мастеромъ масонской ложи Ищущихъ Манны, только что передъ тѣмъ основанной, а С. П. фонъ-Визинъ—ея извѣстнымъ мастеромъ, но ни среди членовъ, ни среди посѣтителей ложи Ищущихъ Манны въ 1817 г. Матвѣй Алекс. Дмитріевъ-Мамоновъ не упоминается. (Гос.

Но гр. Дмитріевъ-Мамоновъ имѣлъ масонскія связи не только съ старыми масонами-мартинистами. Въ февралѣ 1811 г. Поздѣевъ, едва ли не болѣе всѣхъ нашихъ масоновъ реакціонно настроенный и въ политическомъ, и въ соціальномъ отношеніи, писалъ гр. А. К. Разумовскому, что въ Москвѣ нѣкто Мезансъ управляетъ французскою ложею La Fe licité, собиравшеюся въ домѣ Всеволожскаго, который самъ состоитъ въ ней надзирателемъ (въ ней было 15 членовъ). Въ слѣдующемъ письмѣ, написанномъ въ томъ же мѣсяцѣ, Поздѣевъ называетъ ложу Мезанса «шальною» и говоритъ, что они хотятъ напечатать свои акты (у Всеволожскаго была своя типографія). Поздѣеву сообщили обрядъ открытія этой ложи и ея катехизисъ (который онъ переслалъ Разумовскому). Не находя въ немъ вообще «ничего худого и не положеннаго въ истинныхъ ложахъ, кромѣ неправильнаго церемоніала», Поздѣевъ однако же замѣтилъ, что въ «истинномъ масонствѣ» нельзя допустить того, что «масонъ называется братомъ царей», какъ у квакеровъ, такъ какъ нужно «и въ словахъ быть крайне почтительными съ государями»; особенно же неприличнымъ онъ нашелъ выраженіе: «если они добродѣтельны» (lorsqu'ils sont vertueux), такъ какъ «масонамъ не велѣно никого судить, а особливо царей, а они обязаны повиноваться. А коли не vertueux, такъ что же? развѣ не повиноваться? и какъ объ этомъ судить? Одному кажется vertu, а другому нѣтъ; словомъ, этакое изъясненіе или преступно, или вранье. Этакого языка масоны не имѣютъ». Тѣмъ не менѣе, сообщивъ о слухѣ, что начальство въ Москвѣ хочетъ запретить всѣ ложи, Поздѣевъ говоритъ, что ему извѣстно ихъ только двѣ, и считаетъ такую мѣру неблагоразумною: «если глухо запретятъ, то тѣ, кои свято власти повинуются, тѣ и перестанутъ работать, а непорядочныя ложи, у коихъ цѣли сумасбродныя, тѣмъ не запретишь, тѣ тихонько станутъ работать и, размножая заблужденіе и наборъ рекрутовъ, пуще будутъ безпокоить публику и правительству наводить подозрѣніе дурачествами своими». Впервые Поздѣевъ упоминаетъ о Мезансѣ въ письмѣ 1810 года, говоря, что онъ привезъ «большія о себѣ рекомендаціи отъ Жеребцова (извѣстнаго масона, основателя ложи Соединенныхъ Друзей) къ молодому графу Кутайсову, что благодаря этому онъ познакомился и съ гр. Мамоновымъ и теперь весьма близокъ съ обоими; Кутайсовъ расхваливаетъ его, какъ человѣка, наполненнаго знаніями, а Мамоновъ рекомендовалъ его Алексѣю Алексѣевичу Перовскому, побочному сыну гр. Алексѣя Кирил. Разумовскаго. Перовскій одно время служилъ въ 6 департаментѣ сената подъ начальствомъ графа М. А. Дмитріева-Ма-

Арх. I В, № 265, л. 59—66, „Рус. Арх.“, 1906 г., т. III, 408). Поэтому упоминаніе въ письмѣ Дмитріева-Мамонова относится, вѣроятно, къ болѣе раннимъ масонскимъ собраніямъ.

монова [1]); онъ посѣщалъ и извѣстнаго масона Феслера въ 1811 г. при проѣздѣ его черезъ Москву [2]). Можно предполагать, что въ масонской ложѣ Мезанса было положено основаніе тому политическому радикализму, который сказался въ перепискѣ Дмитріева-Мамонова съ М. Ѳ. Орловымъ по поводу ихъ предположенія составить Общество Русскихъ Рыцарей.

Совершенно несомнѣнно, что предположенія, относительно которыхъ Орловъ и Дмитріевъ-Мамоновъ, по свидѣтельству перваго, пришли къ соглашенію въ 1814—15 гг., изложены въ документѣ, написанномъ рукою гр. Дмитріева-Мамонова [3]) и озаглавленномъ: «Пункты преподаваемаго во внутреннемъ орденѣ ученія». Самымъ первымъ изъ этихъ пунктовъ устанавливалось «ограниченіе самодержавной власти» посредствомъ сената: это было какъ бы возрожденіе тѣхъ идей о приданіи политическаго значенія сенату, съ которыми носились нѣкоторые наши либералы во второй половинѣ XVIII вѣка и въ самомъ началѣ царствованія имп. Александра I [4]), но только съ ярко выраженною аристократическою тенденціею. Орловъ и Мамоновъ предполагали, что самодержавная власть будетъ лишена права: 1) издавать новые законы и отмѣнять старые «безъ воли сената»; 2) «налагать налоги» безъ его «согласія»; 3) объявлять войну и «заключать трактаты безъ воли сената»; 4) ссылать и наказывать «безъ воли сената»; 5) оставлять государство и уѣзжать за границу; 6) жаловать въ княжеское и графское россійское достоинство, въ фельдмаршалы, канцлеры, министры, генералъ-губернаторы пограничныхъ губерній и Сибири, главнокомандующіе арміями, въ кавалеры орденовъ св. Андрея, Георгія первыхъ двухъ классовъ и Владиміра I-й степени, въ *сенаторы*, въ командиры корпусовъ и въ послы къ дворамъ англійскому, французскому, прусскому, турецкому и австрій-

---

[1]) А. А. Перовскій (1787—1837), учившійся въ московскомъ университетѣ, вышелъ изъ него въ 1807 г. со степенью доктора философіи и словесныхъ наукъ. Въ 1825—30 гг. онъ былъ попечителемъ харьковскаго учебнаго округа и получилъ извѣстность въ литературѣ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго. Его романъ „Монастырка“ имѣлъ большой успѣхъ.

[2]) *А. Васильчиковъ.* „Семейство Разумовскихъ“, II, 112, 487, 489, 490, 492, 512. Нѣкоторую связь со свѣдѣніями, сообщаемыми Поздѣевымъ имѣетъ слѣдующее указаніе въ письмѣ гр. Растопчина къ имп. Александру отъ 7 іюня 1812 г.: „Здѣсь есть два проповѣдника *иллюминатства*: одинъ типографщикъ Сёменъ, другой книгопродавецъ Аллартъ. Я поручилъ наблюдать за ними“. „Рус. Арх.“, 1875 г. II, 277. Сёменъ былъ въ это время директоромъ упомянутой выше типографіи Всеволожскаго. Оба названныхъ лица въ томъ же 1812 г. были вмѣстѣ съ многими французами высланы Растопчинымъ изъ Москвы на баркѣ въ Нижній-Новгородъ. *Tastevin.* Histoire de la colonie française de Moscou. Depuis les origines jusqu'à 1812. Moscou et Paris. 1908, p. 142, 151—2, 154—5.

[3]) Что это дѣйствительно рука гр. Дмитріева-Мамонова, можно убѣдиться сравнивъ этотъ документъ съ собственноручными строками его въ донесеніи въ дѣлѣ Военно-ученаго архива, I Отд. № 336, л. 31 об.

[4]) См. введеніе къ этой книгѣ.

скому безъ согласія сената. Этотъ пунктъ политической программы М. Ѳ. Орлова и гр. Дмитріева-Мамонова напоминаетъ кондиціи, предложенныя верховнымъ тайнымъ совѣтомъ Аннѣ Іоанновнѣ. Она обязывалась безъ согласія верховнаго тайнаго совѣта: «1) ни съ кѣмъ войны не всчинать; 2) миру не заключать; 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податми не отягощать; 4) въ знатные чины, какъ въ статцкіе, такъ и въ военные сухопутные и морскіе выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять...; 5) у шляхетства живота и имѣнія и чести безъ суда не отъимать; 6) вотчины и деревни не жаловать...; 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять»...[1]).

Попытка верховниковъ ограничить самодержавную власть лишь въ свою пользу встрѣтила протестъ со стороны дворянства, и въ выработанныхъ тогда проектахъ къ участію въ представительномъ учрежденіи предлагалось допустить выборныхъ отъ дворянства, а по предположенію кн. Д. Голицына—и отъ городовъ. По проекту Мамонова и Орлова членами сената, который долженъ былъ ограничить самодержавную власть въ дѣлѣ законодательства, внутренняго управленія и внѣшнихъ отношеній, должны были быть лица, не назначаемыя государемъ, а частью имѣющія на то право по своему происхожденію, частью выборные. Предполагалось, что сенатъ будетъ состоять изъ двухсотъ наслѣдственныхъ пэровъ (Pairs), магнатовъ или вельможъ государства, изъ 400 представителей дворянства и изъ 400 представителей народа». Но откуда взять «наслѣдственныхъ пэровъ», которыхъ въ Россіи не существовало? Ихъ предполагалось создать искусственно посредствомъ «дарованія» двумстамъ вельможамъ государства «удѣловъ городами и помѣстьями» въ наслѣдственную собственность, при чемъ городамъ, составляющимъ «наслѣдіе пэровъ государства», должны были быть предоставлены «права графствъ въ Англіи и пэрствъ во Франціи».

Въ настоящее время такой планъ можетъ показаться совершенно нелѣпымъ и невозможнымъ, но если мы примемъ во вниманіе, что Орловъ и Дмитріевъ-Мамоновъ составляли свое предположеніе въ 1814—15 г. и что Орловъ тогда только что пріѣхалъ изъ Франціи, гдѣ Александръ I предоставилъ ему значительную роль въ переговорахъ съ французами, то мы не удивимся, если источникъ только что указанныхъ предположеній объ искусственномъ созданіи наслѣдственныхъ пэровъ, входящихъ въ составъ сената, который долженъ былъ ограничить самодержавіе въ Россіи, мы найдемъ въ тогдашней Франціи. Въ такъ называемой сенатской конституціи, опубликованной во Франціи 6 апрѣля

[1]) Фотографическій снимокъ съ кондиціи см. въ книгѣ *П. Н. Милюкова*: „Изъ исторіи русской интеллигенціи“. Спб. 1902.

1814 года, было сказано: «сенаторы несмѣняемы, и ихъ званіе передается по наслѣдству въ мужскомъ потомствѣ по праву первородства. Они назначаются королемъ... Нынѣшнее пожалованіе (dotation) сенату и сенаторствамъ (sénatoreries) принадлежитъ имъ. Доходы дѣлятся между ними поровну [1]), и это право переходитъ къ наслѣдникамъ сенаторовъ. Если случится, что кто либо изъ сенаторовъ умретъ, не оставивъ мужского потомства по прямой линіи, то его доля возвращается въ казну». Число сенаторовъ должно было быть отъ 150 до 200 [2]).

Мы полагаемъ, что изъ этого источника Орловъ и гр. Дмитріевъ-Мамоновъ и заимствовали свое предположеніе о наслѣдственныхъ пэрахъ. Заимствованіе это было тѣмъ легче и возможнѣе, что переводъ конституціи 6 апрѣля 1814 г. былъ напечатанъ въ одномъ изъ наиболѣе извѣстныхъ тогдашнихъ журналовъ. Возможно, конечно, и вліяніе примѣра англійской палаты лордовъ. На мысль о желательности пожалованія населенныхъ имѣній вельможамъ могли навести Орлова и графа Дмитріева-Мамонова и «кондиціи», предложенныя верховнымъ совѣтомъ Аннѣ Іоанновнѣ, хотя въ нихъ самодержавная власть и лишалась права пожалованія этихъ имѣній безъ согласія верховнаго тайнаго совѣта. Нужно замѣтить, впрочемъ, что въ пунктахъ Мамонова и Орлова не указано точно того, кѣмъ производилось «даваніе удѣловъ» вельможамъ государства; но изъ писемъ Дмитріева-Мамонова, которыя будутъ приведены ниже, можно заключить, что установленіе сената, ограничивающаго самодержавную власть, должно было быть результатомъ государственнаго переворота, который будетъ совершенъ Орденомъ Рыцарей Русскаго Креста, или Русскихъ Рыцарей. Отмѣтимъ еще, что и конституціею (Добавочный актъ), данною Наполеономъ во время ста дней и составленною подъ вліяніемъ Бенжамена Констана, была установлена палата пэровъ. По сенатской конституціи 6 апрѣля 1814 г., кромѣ сената, долженъ былъ быть и законодательный корпусъ. Орловъ же

---

[1]) Въ нѣсколько сокращенномъ переводѣ сенатской конституціи, напечатанномъ въ „Сынѣ Отечества“ 1814 г. (ч. XIII, 193—197), было упомянуто, что „сенаторы пользуются четырьмя милліонами дохода, получаемаго съ національныхъ имѣній“.

[2]) *Tripier*. Les constitutions françaises. P. 1848, p. 230. Когда Бонапартъ, сдѣлавшись первымъ консуломъ, сталъ мечтать объ императорствѣ, онъ рѣшилъ пріобрѣсти расположеніе сенаторовъ, богато одаривъ ихъ. По конституціи VIII (1799) г. изъ доходовъ съ національныхъ имуществъ было опредѣлено содержаніе сената (п. 22). Въ XI году были образованы особые округа изъ національныхъ имуществъ—сенаторства: въ каждомъ изъ нихъ былъ домъ, и оно давало доходъ отъ 20. 00 до 25.000 франковъ. Съ слѣдующаго (1806 г.) всѣ сенаторства были розданы, но только въ пожизненную собственность. Сенатская конституція 1814 г. обратила сенаторскія имѣнія изъ пожизненныхъ въ наслѣдственныя. Но конституція эта не была осуществлена, и указъ 4 іюня 1814 г. присоединилъ эти имѣнія къ государственнымъ имуществамъ, при чемъ каждому сенатору была назначена пенсія въ 36,000 франковъ.

и Мамоновъ думали соединить въ одномъ сенатѣ 200 наслѣдственныхъ пэровъ, магнатовъ или вельможъ государства съ 400 представителями дворянства и 400 представителями народа.

Мысль объ учрежденіи «пэровъ», въ Россіи приходила въ голову не только Дмитріеву-Мамонову, Орлову и Мордвинову [1]), ею задавался одно время даже Н. И. Тургеневъ, хотя и на совершенно иныхъ основаніяхъ: у него эта мысль связывалась непосредственно съ предположеніемъ объ освобожденіи крестьянъ. Живя еще за границею, во Франкфуртѣ, Тургеневъ 19 октября 1815 г. заноситъ въ свой дневникъ мысль о томъ, чтобы послѣ преобразованія «внутренняго и въ особенности земскаго управленія» богатымъ дворянамъ была предоставлена возможность «пріобрѣтать права пэровъ освобожденіемъ своихъ крестьянъ. Какую прекрасную славу русскіе вельможи симъ заслужить могутъ», продолжаетъ онъ. «Черезъ то богатые люди соединятся съ правительствомъ для достиженія великой цѣли освобожденія». Пэры, предлагаемые Тургеневымъ, отличаются отъ пэровъ Орлова и гр. Дмитріева-Мамонова не только условіями происхожденія ихъ званія, но и тѣмъ, что они, по крайней мѣрѣ первоначально, не ограничиваютъ самодержавной власти: «не нужно терять *ни мало* [2]) самодержавной власти прежде уничтоженія рабства», говоритъ Тургеневъ. «Пэры не ограничатъ ея, но усилятъ!» Черезъ полгода Тургеневъ развиваетъ свою мысль о пэрахъ и задумываетъ учрежденіе изъ нихъ единой палаты. 25-го апрѣля 1816 г., еще живя за границей, онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Въ Россіи, кажется, можно теперь съ пользою ввести ипе Chambre des Pairs (палату пэровъ), «a ch. de Dep.» (палату депутатовъ) «не вводить. Отъ сей нельзя теперь ожидать ничего полезнаго. Первая же можетъ поддерживать либеральную систему, которую можетъ ввести правительство. *Сія первая*, если такая система вводится, предохранитъ ее отъ разрушенія въ послѣдующихъ царствованіяхъ». Само собою разумѣется, что *послѣдняя* надежда очень наивна при сохраненіи самодержавной власти, *которая*

---

[1]) Идеализацію англійской аристократіи можно встрѣтить и въ журналистикѣ времени Александра I. Въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» (1805 г. т. V, №№ 2 и 3) въ статьѣ «Опытъ о Великобританіи», принадлежащей перу Ник. Наз. Муравьева, авторъ говоритъ: „Великобританія есть аристократія, но не видимъ мы въ ней угнетательной гордости патриціевъ" (стр. 150). „Британецъ любитъ своихъ Пэровъ (?)..., потому что они раздѣляютъ съ ними трудъ въ народныхъ постановленіяхъ: потому, что существуетъ одинъ законъ для всѣхъ состояній (?), и потому, что пэръ, благороднымъ своимъ имуществомъ, отлично роскошествуетъ въ ободреніи ремеслъ"... (стр. 247). О томъ, что это статья—Ник. Наз. Муравьева, см. „Сѣверн. Вѣстникъ", ч. VI, стр. 156. Записка этого Муравьева (1824 г.) о раздачѣ экономическихъ крестьянъ въ потомственное владѣніе чиновникамъ безъ установленія крѣпостного права надъ этими крестьянами напеч. въ „Сборн. матер. извлеч. изъ Арх. Соб. Е. В. Канц." VII, 462—468. Она была отвергнута комитетомъ 6 дек. 1826 г.

[2]) Курсивъ подлинника.

будетъ имѣть полную возможность уничтожить какъ принятую либеральную систему, такъ и самую палату пэровъ. Учрежденіе этой палаты Тургеневъ по прежнему считаетъ особенно полезною потому, что члены ея «не будутъ имѣть крѣпостныхъ людей». Онъ находилъ осуществленіе его мысли настолько важнымъ, что думалъ предложить ее имп. Александру [1]).

Наконецъ, 2-го іюня 1816 года, еще за границей, Тургеневъ набрасываетъ въ своемъ дневникѣ общій планъ преобразованій, разсчитанный на 25 лѣтъ. Онъ предлагаетъ раздѣлить это 25-пилѣтіе на пять періодовъ. Въ теченіе перваго слѣдуетъ заняться: «1) составленіемъ кодекса всѣхъ законовъ, 2) образованіемъ внутренняго управленія, 3) исправленіемъ системы финансовъ». Тургеневъ предлагаетъ отправить за границу на четыре года отъ 100 до 200 человѣкъ для изученія преимущественно юриспруденціи, а въ это время заняться составленіемъ проектовъ законовъ, поручивъ это дѣло отдѣльнымъ лицамъ или комитетамъ. По возвращеніи отправленныхъ за границу на родину имъ прочитываются проекты законовъ, которые и получаютъ силу въ первый годъ второго періода, но только на время, такъ какъ въ это второе пятилѣтіе ихъ пригодность подвергается испытанію, и лишь черезъ 10 лѣтъ отъ начала преобразовательнаго періода они окончательно утверждаются. Въ продолженіе третьяго пятилѣтія Тургеневъ предлагаетъ заняться осуществленіемъ его мысли о пэрахъ, которые, какъ онъ вновь настаиваетъ, не только «не ослабятъ власть престола», а даже будутъ имѣть противоположное значеніе. Такъ какъ пэрами могли бы быть только «помѣщики», освободившіе своихъ крѣпостныхъ, то, думаетъ Тургеневъ, «они, по естественному ходу вещей и страстей, могутъ только... содѣйствовать правительству въ общемъ освобожденіи». Къ тому же онъ считаетъ возможнымъ, чтобы права пэровъ были «первоначальнымъ положеніемъ ограничены въ теченіе 10 или 15-ти лѣтъ такъ, чтобы вліяніе ихъ могло только всегда споспѣшествовать видамъ правительства, но никогда имъ противиться». Очевидно, Тургеневъ разсчитываетъ на то, что правительство, если оно приметъ его планъ, будетъ проникнуто прогрессивными стремленіями. Онъ настаиваетъ на своей мысли, что «все въ Россіи

[1]) Это видно изъ непосредственно слѣдующихъ за цитированнымъ мѣстомъ словъ: „Представить всѣ планы Одному и при томъ сказать, что оные не были никому сообщены. Ибо нѣтъ никакой пользы въ семъ сообщеніи, ибо я увѣренъ весьма, что полезныя перемѣны могутъ быть сдѣланы только правительствомъ. Слѣдовательно, если оно не захочетъ ихъ дѣлать, то всѣ планы предаются огню". 27 сент./8 окт. 1815 г. Н. Тургеневъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что имѣлъ въ Парижѣ разговоры „съ якобинцами или съ конституціонными". На мысль о необходимости представительныхъ учрежденій могли наводить Тургенева и бесѣды съ бар. Штейномъ; см. ст. *М. Л. Вишницера* въ „Минувш. Годахъ" 1908 г. № 7, стр. 263, № 10, стр. 257; *Р. Виппера* „Государственныя идеи Штейна", „Рус. Мысль", 1891 г., № 8.

должно быть сдѣлано правительствомъ, ничто самимъ народомъ. Если правительство ничего не будетъ дѣлать, то все должно быть предоставлено времени, ничто народу. Такимъ образомъ черезъ 15 лѣтъ,—продолжаетъ онъ,—мы имѣемъ законы, финансы, внутренній порядокъ и перевъ». Въ теченіе четвертаго пятилѣтія пэры вмѣстѣ съ правительствомъ должны произвести самое важное преобразованіе—«полное уничтоженіе рабства». Въ теченіе пятаго періода будетъ введено «народопредставленіе. Самодержавная власть ограничится, но не такъ какъ въ Англіи и во Франціи и пр.,—у насъ она всегда должна быть сильнѣе: могущество, сила и внѣшняя слава Россіи сего требуютъ». Тургеневъ въ такомъ восторгѣ отъ своего проекта, что, изложивъ его, восклицаетъ: «Боже! когда я это наяву увижу!»

Во время составленія этихъ проектовъ Н. Тургеневу было 26 лѣтъ, и отъ человѣка, окончившаго университетскій курсъ въ Россіи и прослушавшаго кромѣ того лекціи гёттингенскихъ профессоровъ-юристовъ, человѣка, горячо желавшаго уничтоженія крѣпостного права, можно было бы, повидимому, ожидать чего-нибудь болѣе зрѣлаго, болѣе демократическаго. Но очень возможно, что именно пребываніе въ Германіи, которая только что начинала въ это время вводить конституціонный строй [1]), заставило Тургенева думать, что установленіе народнаго представительства не такое легкое дѣло, какъ это казалось Орлову и графу Дмитріеву-Мамонову. «Пункты преподаваемаго во внутреннемъ Орденѣ ученія» прямо начинаются съ того, что самодержавная власть должна быть во многихъ отношеніяхъ ограничена властью сената. Какъ достигнуть этого ограниченія,—не было указано въ проектѣ, и средства осуществленія государственнаго переворота выяснялись только въ перепискѣ между Дмитріевымъ-Мамоновымъ и Орловымъ (см. ниже),—Тургеневъ же предполагалъ, что народное представительство нѣсколько ограничитъ самодержавіе лишь черезъ 20 лѣтъ, послѣ проведенія ряда реформъ—изданія новыхъ законовъ, преобразованія управленія и финансовъ и главнымъ образомъ уничтоженія крѣпостного права. Правда, ранѣе чѣмъ Тургеневъ набросалъ свои предположенія, а именно въ концѣ апрѣля 1815 года, были уже оглашены въ Варшавѣ основы польской конституціи, но, если они и были извѣстны Тургеневу, онъ могъ полагать въ то время, что императоръ Александръ не найдетъ возможнымъ немедленно сдѣлать тоже для Россіи, что считалъ необходимымъ для Польши, гдѣ въ герцогствѣ Варшавскомъ уже существовала конституція и было уничтожено въ 1807 г. крѣпостное право. Правда, то и другое было выполнено Наполеономъ весьма неудовлетворительно (кре-

[1]) Конституція въ герцогствѣ Нассаускомъ введена въ 1814 году. *Гервинусъ*, т. II, 543—544.

стьяне получили только личную свободу безъ земли), но хотя, какъ увидимъ ниже, у Тургенева въ это время мелькала мысль о необходимости дать землю крестьянамъ при освобожденіи, онъ вовсе не былъ убѣжденъ въ этомъ настолько, чтобы не допускать и безземельнаго ихъ освобожденія.

Сравнивая съ предположеніемъ Тургенева мысль Орлова и графа Дмитріева-Мамонова объ учрежденіи двухсотъ наслѣдственныхъ пэровъ, входящихъ въ составъ сената изъ тысячи членовъ, гдѣ остальные должны были быть выборными, мы видѣли, что между тѣмъ какъ Орловъ и Дмитріевъ-Мамоновъ требовали надѣленія своихъ пэровъ удѣлами, состоящими изъ городовъ и помѣстій, Тургеневъ ставилъ, наоборотъ, условіемъ для достиженія званія пэровъ отказъ отъ владѣнія крѣпостными людьми.

Возвращаясь къ содержанію «Пунктовъ преподаваемаго во внутреннемъ орденѣ ученія», мы видимъ въ нихъ двоякаго рода предложенія: одни—полезны для Россіи и русскаго народа, и хотя вовсе не разработаны подробно, но все же являются выраженіемъ прогрессивныхъ стремленій лучшей части русскаго общества, другіе, напротивъ, совершенно реакціонны. Эта двойственность сказывалась уже въ самомъ устройствѣ сената, который долженъ былъ ограничить самодержавную власть: 800 выборныхъ членовъ вводились въ него цѣною надѣленія двухсотъ наслѣдственныхъ пэровъ городами и помѣстьями [1]). Далѣе: ордену, членовъ котораго составители проекта предлагали назвать Рыцарями Русскаго Креста, должны были, по примѣру тевтонскихъ рыцарей, быть дарованы не только крѣпости («фортеціи»), но и «помѣстья и земли», т. е., очевидно, земли, населенныя и ненаселенныя. А между тѣмъ въ «пунктахъ» упоминалось объ «упраздненіи рабства въ Россіи». Нужно замѣтить, впрочемъ, что даже такой противникъ законодательнаго ограниченія крѣпостного права, какимъ былъ Н. С. Мордвиновъ, въ имѣніяхъ, которыя онъ предлагалъ пожаловать членамъ его «Государственной Думы», допускалъ весьма существенныя ограниченія правъ владѣльца, а именно крестьяне должны были платить ему оброкъ, а не отбывать барщину, во владѣніи крестьянъ состояла опредѣленная часть земель и луговъ и, наконецъ, они могли выкупаться на свободу за назначенную закономъ плату [2]). Составители пунктовъ не входятъ ни въ какія подробности относительно того, какимъ образомъ рабство должно было быть уничтожено въ Россіи [3]).

---

[1]) Предлагалась, прочемъ, и вообще раздача ненаселенныхъ земель частнымъ лицамъ „по государственнымъ уваженіямъ“.

[2]) „Архивъ гр. Мордвиновыхъ“ изд. гр. Е. А. Мордвиновой, съ предисл. и примѣч. В. А. Бильбасова, т. IV, 1902, стр. VIII—IX.

[3]) Въ запискахъ декабриста С. Г. Волконскаго (стр. 407—408) есть такое

Изъ числа прогрессивныхъ мѣръ, предложенныхъ въ «Пунктахъ», отмѣтимъ слѣдующія: введеніе «вольнаго книгопечатанія», т. е. свободы печатнаго слова, «печатаніе и обнародованіе актовъ сената», вольная продажа вина и соли и упраздненіе виннаго откупа, уменьшеніе числа монастырей, «улучшеніе состоянія солдата», надѣленіе землею солдатъ, выслужившихъ урочные годы, и дарованіе имъ льготъ и привилегій, съ обязанностью обрабатывать данныя земли [1]), учрежденіе инвалидныхъ домовъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Ригѣ, Одессѣ и Казани, открытіе «каждому путей жаловаться на притѣсненія губернскихъ начальствъ» и нѣкоторыя другія.

Мѣры относительно просвѣщенія, предлагаемыя составителями «Пунктовъ», были довольно нелѣпы: они совѣтуютъ упразднить «ненужные университеты» и учредить вмѣсто нихъ, и при томъ только въ Москвѣ и Петербургѣ, обсерваторіи, ботаническіе сады, публичныя библіотеки, лабораторіи, звѣринцы, какъ будто всѣ эти учрежденія могли замѣнить университеты. Предложеніе это можно не оправдать, а развѣ до нѣкоторой степени объяснить несовершенствомъ тогдашнихъ нашихъ высшихъ заведеній. Наиболѣе симпатичными для авторовъ учебными заведеніями, очевидно, являются кадетскіе корпуса, при чемъ сверхъ существующихъ заведеній этого рода для дворянъ предлагалось учредить такія же и для мѣщанъ, а кромѣ того кавалерійскія школы, какъ во Франціи. Въ «военныхъ» городахъ (быть можетъ, въ такихъ, гдѣ сосредоточивалось много войскъ или имѣющихъ значеніе крѣпостей) предлагалось учрежденіе политехническихъ школъ, изъ которыхъ учащіеся успѣшно могли поступать въ кадетскіе корпуса [2]).

извѣстіе: въ 1815 г. М. Орловъ „составилъ адресъ къ имп. Александру объ уничтоженіи крѣпостного права въ Россіи, подписанный тогда многими изъ первенствующихъ служебныхъ чиновниковъ; какъ я узналъ впослѣдствіи, были тамъ имена князя Илар. Вас. Васильчикова, гр. Воронцова и Блудова“. Извѣстіе это я считаю весьма сомнительнымъ: адресъ, составленный Орловымъ, не только до сихъ поръ не найденъ, но о немъ не упоминаетъ никто, кромѣ Волконскаго, не упоминаетъ о немъ и Орловъ въ своемъ показаніи; вѣроятно, показаніе Волконскаго основано на недоразумѣніи: быть можетъ, онъ вспомнилъ тутъ о позднѣйшей (1820 г.) попыткѣ гр. М. С. Воронцова, И. В. Васильчикова, гр. Потоцкаго, кн. Вяземскаго, братьевъ П. и А. Тургеневыхъ и др. основать общество для освобожденія крестьянъ или о подобной же попыткѣ дворянъ Петербургской губ. въ 1816 г. Возможно и то, что Волконскій смѣшалъ Орлова съ П. Д. Киселевымъ, который въ 1816 г. представилъ государю записку „О постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи“ (см. мою книгу „Крестьянскій Вопросъ“, т. I).

[1]) Это, конечно, было возможно лишь при сокращеніи срока службы и дѣйствительномъ улучшеніи быта солдатъ, такъ какъ, при 25-ти-лѣтней служебной лямкѣ и жестокой муштровкѣ, они обыкновенно получали отставку лишь послѣ совершенной утраты силъ и способности къ такому тяжелому труду, какъ земледѣліе.

[2]) Подобно тому, какъ Тургеневъ считалъ полезнымъ дать званіе пэра

Мы видѣли, что въ своемъ показаніи Орловъ говоритъ о борьбѣ съ лихоимствомъ, какъ объ одной изъ главныхъ цѣлей предположеннаго имъ общества, но указанное въ «Пунктахъ» средство было болѣе чѣмъ нелѣпо. Предлагалось *«скорое»* [1]) наказаніе лихоимства смертью или торговою казнью» (т. е. наказаніе кнутомъ или плетьми). Къ числу отрицательныхъ сторонъ «Пунктовъ» относится узкій національнымъ ихъ авторовъ. Ненависть ихъ составителей къ иноземцамъ, занимающимъ мѣста на государственной службѣ и имѣющимъ, такимъ образомъ, вліяніе на дѣла государственныя, такъ велика, что они предлагаютъ не только лишеніе ихъ такого вліянія, но и «конечное паденіе, а если возможно», даже «смерть». Такая крайняя ненависть къ иностранцамъ, состоящимъ на русской службѣ, которой, хотя и въ гораздо меньшей степени, были не чужды и нѣкоторые другіе декабристы, вызывалась столь же крайнею и неразумною приверженностью къ нимъ Александра I, которая сопровождалась пренебрежительнымъ отношеніемъ къ русскимъ.

Составители «Пунктовъ» проникнуты самымъ антипатичнымъ антисемитизмомъ: они предлагаютъ «переселеніе половины жидовъ изъ Польши въ ненаселенныя» (т. е. мало населенныя) «губерніи и *обращеніе ихъ въ вѣру*» [2]). Нужно думать, что тутъ имѣлось въ виду не свободное, а насильственное переселеніе, такъ какъ, во-первыхъ, опредѣлялось, какая часть евреевъ должна быть переселена, а, во-вторыхъ, назначались, какъ мѣсто новаго водворенія, малонаселенныя губерніи, которыми являлись, конечно, мѣстности на окраинахъ Европейской Россіи и въ Сибири, куда евреи далеко не всегда захотѣли бы переселиться добровольно, а при условіи обращенія въ православную вѣру и навѣрно не захотѣли бы.

Крайняя религіозная нетерпимость сказывается въ «Пунктахъ» и въ отношеніи къ раскольникамъ: составители проекта желаютъ «истребленія» не только «раскола скопцовъ», но и «всѣхъ расколовъ», отвергающихъ церковный бракъ. Подъ «истребленіемъ», конечно, приходится разумѣть самое суровое преслѣдованіе.

Составители «Пунктовъ» проповѣдывали внутреннюю и внѣшнюю политику въ духѣ крайняго національнымъ и шовинизма. Они желали не только окончательнаго «истребленія» имени Польши и королевства Польскаго [3]), но и присоединенія къ Россіи прусской и австрійской Польши,

---

дворянину, освободившему своихъ крестьянъ, такъ составители „Пунктовъ“ предлагали возведеніе въ дворянство тѣхъ купцовъ, которые учредятъ въ Сибири (почему-то только въ Сибири) „заведенія, могущія приносить обществу пользу ежегодную въ 400.000 до 500.000 руб.“ По ихъ мнѣнію, это должно быть единственнымъ средствомъ для купцовъ пріобрѣсти званіе дворянина.

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) Послѣднее упоминаніе показываетъ, что „Пункты“ окончательно составлены не ранѣе апрѣля 1815 года. Въ болѣе позднемъ проектѣ Дмитріева-Ма-

а также Венгріи, Сербіи и всѣхъ славянскихъ народовъ; предполагалось и другое, столь же нелегкое дѣло,—изгнаніе турокъ изъ Европы [1]), а возстановленныя послѣ того греческія республики должны были состоять подъ покровительствомъ Россіи. На всѣхъ границахъ Россіи наши отважные политики считали необходимымъ «всегда содержать въ полномъ комплектѣ армію, а въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ и въ Архипелагѣ флоты». Построеніе гавани при устьѣ Амура также могло вызвать серьезныя внѣшнія затрудненія, особенно послѣ непринятія въ 1806 г. китайскимъ правительствомъ нашего посольства. И этимъ не ограничивались политическія фантазіи составителей «Пунктовъ»: они желали присоединенія Норвегіи къ Россіи, переселенія «Гренландовъ» въ Сибирь (безъ сомнѣнія, добровольнаго, по примѣру другихъ иностранныхъ колонистовъ) и даже «сочиненія проекта *выгодной* войны противъ персіанъ и вторженія въ Индію» [2]).

Въ 1815 г. Орловъ участвовалъ въ походѣ, вызванномъ возвращеніемъ Наполеона съ острова Эльбы [3]). Въ это время съ нимъ познакомился въ Нанси Н. Тургеневъ [4]), которому онъ сразу очень понравился, и, можетъ быть, предположенія Тургенева объ установленіи пэровъ были результатомъ бесѣдъ съ Орловымъ, хотя конечно они могли быть навѣяны и конституціонною хартіею Людовика XVIII 1814 г. Въ показаніи сенатора Старынкевича объ Орловѣ есть указаніе, что послѣ похода во Францію въ 1815 г. онъ оставался въ Парижѣ до сентября 1816 г. [5]), но это невѣрно. Въ 1815 году Орловъ, какъ видно изъ его писемъ къ кн. Андр. К. Разумовскому [6]), жилъ нѣкоторое время въ Англіи, но затѣмъ опять пріѣхалъ въ Парижъ. Старынкевичъ говоритъ, что здѣсь Орловъ «занимался литературой и магнетизмомъ», и много читалъ объ Азіи и особенно объ Индіи, «которая тогда преимущественно его интересовала». У него бывалъ возвратившійся изъ Индіи и прожившій тамъ около 10 лѣтъ старикъ-французъ Моренасъ, который готовилъ въ это время къ печати сочиненіе: «Объ индійскихъ кастахъ, или письма объ индусахъ», вышедшее въ свѣтъ въ

монова въ числѣ членовъ палаты вельможъ мы находимъ, однако, „представителей Царства Польскаго" (см. ниже).

[1]) Соборъ греческихъ патріарховъ и греко-россійскихъ митрополитовъ долженъ былъ благословить Орденъ на брань противъ невѣрныхъ.

[2]) Гос. Арх. I, В. № 15, л. 48 об—51 об.; напечатано въ книгѣ, издан. подъ ред. А. К. Бороздина: „Изъ писемъ и показаній декабристовъ", изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1906 г., стр. 145—148.

[3]) До 3-го сентября этого года Орловъ занималъ должность начальника штаба 7-го пѣх. корпуса.

[4]) La Russie I, 159—160, ст. *М. Л. Вишницера* въ „Минув. Год.", 1908 г., № 10, стр. 263.

[5]) „Рус. Стар.", 1904 г. № 3, стр. 492.

[6]) Госуд. Арх. XI № 1347.

1822 г. Орловъ, имѣвшій очень хорошее состояніе [1]), занимался покупкою старыхъ картинъ и вращался въ аристократическомъ обществѣ русскомъ и французскомъ и среди представителей иностранной дипломатіи. Но что онъ велъ не исключительно свѣтскую жизнь, а интересовался и болѣе серьезными предметами, видно изъ того, что въ февралѣ 1816 г. онъ былъ избранъ членомъ общества начальнаго образованія въ Парижѣ [2]). Интересъ къ магнетизму и Индіи находится, очевидно, въ связи съ его планами объ учрежденіи Общества Русскихъ Рыцарей. Что знакомства Орлова въ Парижѣ не ограничивались аристократическимъ кругомъ, можно предполагать на основаніи словъ самого Орлова въ письмѣ къ имп. Николаю изъ Москвы отъ 22 декабря 1825 года, на другой день послѣ его ареста: «Еще въ 1816 году», говоритъ Орловъ, «когда пріѣхалъ я изъ чужихъ краевъ, полагали, что я во Франціи устроилъ связь съ тамошними возмутителями [3]).

Понятно, что при несочувствіи Мих. Оедор. Орлова созданію Царства Польскаго, онъ былъ очень огорченъ, во время пребыванія императора Александра I въ Вѣнѣ на конгрессѣ, слухами о возстановленіи Польши. Въ своемъ показаніи Орловъ говоритъ: эта «вѣсть горестно меня поразила, ибо я всегда почиталъ, что сіе возстановленіе будетъ истиннымъ несчастіемъ для Россіи. Я тогда же» (въ 1814—5 г.) «написалъ почтительное, но, по моему мнѣнію, довольно сильное письмо къ его императорскому величеству. Но сіе письмо, извѣстное ген.-ад. Васильчикову, у меня пропало еще не совсѣмъ доконченнымъ, и свѣдѣніе объ ономъ дошло до государя и возбудило его гнѣвъ» [4]).

---

[1]) Въ 1822 г. онъ самъ оцѣнивалъ свое состояніе въ 1.290.000 р. асс. *М. О. Гершензонъ* „Исторія Молодой Россіи".

[2]) Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1896 г., стр. 192.

[3]) Гос. Арх. I В № 83.

[4]) И. Тургеневъ такъ разсказываетъ объ этомъ: „Генералъ Орловъ составилъ нѣчто въ родѣ протеста противъ учрежденій, которыя Александръ только что даровалъ Польшѣ и желалъ представить его императору. Онъ старался добыть подписи нѣсколькихъ генераловъ и другихъ значительныхъ лицъ, и нѣкоторыхъ склонилъ къ этому. Но этотъ протестъ сдѣлался извѣстнымъ императору ранѣе, чѣмъ онъ былъ ему представленъ; старанія генерала Орлова были парализованы, и попытка его не имѣла никакихъ послѣдствій. Когда я узналъ объ этомъ, я не преминулъ упрекнуть его за узкій патріотизмъ, патріотизмъ раба, вызвавшій этотъ протестъ. Онъ имѣлъ благородство согласиться, что я не совсѣмъ неправъ". Однако, въ одномъ изъ примѣчаній, написанныхъ въ 1835 г. къ его разсказу о капитуляціи Парижа въ 1814 г. („Рус. Стар." 1877 г. т. XX, 661—662) М. Ѳ. Орловъ по прежнему называетъ возстановленіе Польши „сентиментальною политикою" и утверждаетъ, что со стороны Александра оно было „огромною ошибкою". Кн. Адамъ Чарторыскій писалъ имп. Александру изъ Варшавы въ 1815 г.: „Съ нѣкотораго времени я вполнѣ убѣдился, что въ Петербургѣ устроилось нѣчто въ родѣ общества, главная цѣль котораго состоитъ въ противодѣйствіи намѣреніямъ В. В-ва относительно Польши.—Это общество послало сюда нѣкоторыхъ лицъ и, кажется, что цесаревичъ" (Константинъ Павловичъ) „руководится его вліяніемъ въ своемъ поведеніи, ко-

Неудача его протеста навела Орлова на мысль о необходимости составленія тайнаго общества. «Обстоятельства 1815 года и пребываніе мое въ Парижѣ большую часть 1816 г.» — разсказываетъ онъ въ своемъ показаніи — «не позволили мнѣ заниматься сими предметами до самаго возвращенія въ Россію». Полагая, что польскія вліянія одерживаютъ верхъ въ умѣ государя (онъ заключалъ объ этомъ изъ образованія особой части войска подъ названіемъ литовскаго корпуса [1]) и, приписывая это дѣйствіямъ польскаго тайнаго общества, которое существуетъ (прибавляетъ Орловъ въ своемъ письмѣ къ имп. Николаю), онъ задумалъ ко всѣмъ прежнимъ своимъ предположеніямъ присоединить противодѣйствіе

тораго онъ держался и держится еще теперь, надѣясь такимъ образомъ пріобрѣсти популярность. Это общество приготовило представленіе (remontrance) относительно Польши, которое должно было быть послано къ В-му В-ву". Начавшаяся война (съ Франціей въ 1815 г.) „отвлекла этихъ крамольниковъ, и совѣты нѣкоторыхъ благоразумныхъ людей помѣшали исполненію этого проекта". (Mémoires du pr. Ad. Czartoryski, P. 1887, II, 349). Быть можетъ это извѣстіе относится къ попыткѣ М. Ѳ. Орлова. Тургеневъ стыдилъ Орлова за его вражду къ полякамъ, но мнѣнія самого Тургенева о Польшѣ въ это время были очень незрѣлы и весьма несимпатичны: такъ онъ еще въ 1817 г. выражалъ полное сочувствіе раздѣламъ Польши при Екатеринѣ II. Вотъ что пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ 21 августа 1817 г.: „Польша — въ независимомъ ея существованіи была бы всегда и стѣною, отдѣляющею насъ отъ Европы съ сей стороны, и грязнымъ источникомъ, изъ котораго бы текла въ Россію безнравственность и подлость дворянства польскаго, и ненависть или презрѣніе къ конституціоннымъ государствамъ. Народъ или публика судитъ по первымъ впечатлѣніямъ: первыя же впечатлѣнія, поражающія обыкновенныхъ людей при видѣ Польши, были бы конституція и безпорядки, своевольство и рабство. Итакъ, миръ и слава праху Великой Екатерины II, наградившей съ лица земли государство, которое было бы вѣчною препоной къ славѣ, могуществу и просвѣщенію Россіи".

[1]) Якушкинъ, ссылаясь на разсказъ самого Орлова, говоритъ: „Когда сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе имп. Александра образовать отдѣльный литовскій корпусъ и, одѣвши его въ польскій мундиръ, дать ему литовскія знамена, намѣреніе это возмутило многихъ нашихъ генераловъ и они согласились между собой подать письменное представленіе императору, въ которомъ они излагали весь вредъ, могущій произойти отъ образованія отдѣльнаго литовскаго корпуса, и умоляли императора не приводить въ исполненіе своего намѣренія, столь пагубнаго для Россіи. Въ числѣ генераловъ, согласившихся подписать это представленіе, былъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ" (съ 1817 г.) „начальникъ гвардейскаго корпуса. Онъ испугался собственной своей смѣлости и, пришедши къ императору съ раскаяніемъ, просилъ у него прощенія въ томъ, что задумалъ противъ него недоброе, назвалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ и разсказалъ все дѣло, въ которомъ главнымъ побудителемъ былъ Орловъ, написавшій самое представленіе. Государь потребовалъ къ себѣ Орлова, напомнилъ прежнее къ нему благоволеніе и спросилъ, какъ могъ онъ рѣшиться дѣйствовать противъ него. Орловъ сталъ увѣрять императора въ своей къ нему преданности. Тутъ императоръ разсказалъ подробно все дѣло, замышляемое генералами, и приказалъ Орлову принести къ нему представленіе, писанное къ нему отъ имени генераловъ. Орловъ отъ всего отрекся, послѣ чего императоръ разстался навсегда съ прежнимъ своимъ любимцемъ". Записки Якушкина, 45—46.

«польской системѣ» и противопоставить польскому—русское тайное общество, учрежденіе котораго, слѣдовательно, уже не могло быть представлено на утвержденіе государя, какъ это онъ предполагалъ сдѣлать съ обществомъ, задуманнымъ въ 1814 г. Этимъ занимался Орловъ, по его словамъ, въ 1816 и отчасти въ 1817 году, вмѣстѣ съ гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, но ихъ предположенія остались неосуществленными и были вскорѣ совершенно покинуты Дмитріевымъ-Мамоновымъ «вслѣдствіе его путешествія и (душевной) болѣзни», а Орловымъ, потому что онъ узналъ отъ Новикова или Александра Муравьева о существованіи другого тайнаго общества, составленнаго по большей части изъ гвардейскихъ офицеровъ (Союзъ Спасенія) [1]).

Такимъ образомъ незадолго до того времени, когда образовался Союзъ Спасенія, Орловъ и Дмитріевъ-Мамоновъ задумали составить Орденъ Русскихъ Рыцарей» [2]). На слѣдствіи Орловъ показалъ, что намѣреніе учредить такое общество не было осуществлено, на вопросъ же,—«кто члены общества?» отвѣчалъ: «Никто, ибо не возымѣло дѣйствія. Развѣ можно назвать членами Мамонова, и меня, и еще Николая Тургенева, которому я о семъ говорилъ въ 1817 г., но который тогда нашелъ» мысль эту неосуществимою. На вопросъ о правилахъ или законахъ общества Орловъ отвѣчалъ, что, насколько онъ можетъ вспомнить, «были составлены, или, лучше сказать, начаты три градуса принятія, совершенно масонические, выбранные частью изъ «Духовнаго Рыцаря» [3]), а частью изъ статутовъ храмовничества обыкновеннаго [4]). Сіи три гра-

---

[1]) Письмо Орлова на франц. яз. импер. Николаю. Г. А. I В № 83. *Довнаръ-Запольскій* „Мемуары", стр. 3—4.

[2]) Мы видѣли изъ „Пунктовъ преподаваемаго во внутреннемъ Орденѣ ученія", что тогда рыцарей ордена предполагалось назвать „Рыцарями Русскаго Креста", или „Русскими Рыцарями".

[3]) Орловъ пояснилъ, что „Духовный Рыцарь"—печатное сочиненіе, „кажется", Ив. Влад. Лопухина, находящееся въ продажѣ у всѣхъ книгопродавцевъ. Но степени, выработанныя Мамоновымъ, совершенно не напоминаютъ этого произведенія Лопухина. Первое изданіе книги „Духовный Рыцарь, или ищущій премудрости" 5791, т. е. 1791 г. (безъ имени автора и мѣста печатанія) хранится въ Публичной библіотекѣ, какъ большая рѣдкость, въ витринѣ. Было еще второе изданіе этой книги подъ нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: „Ὁ Ζητόσοφος, искатель премудрости, или Духовный Рыцарь".

[4]) Новые храмовники во Франціи (Chevaliers de l'ordre du temple), претендующіе на происхожденіе отъ Тампліеровъ, въ сущности ведутъ свое начало отъ парижской ложи Chevaliers de la croix, въ которой въ 1805 года явилась мысль, уже и ранѣе использованная, о возобновленіи стараго тампліерства. Въ 1811 году они провозгласили новые статуты и заявили парижскому Великому Востоку, которому прежняя ложа была подчинена, что орденъ Тампліеровъ не находится ни въ какой связи съ масонствомъ. См. Allgemeines Handbuch der Freimaurerei, Leipz. 1865, II, 411—417, *Findel.* Geschichte der Freimaurerei 2 Aufl.; 1866, S. 502—504; Manuel des chevaliers de l'ordre du temple. Paris. 699 (1816—7). Въ этой книгѣ между прочимъ названа въ числѣ великихъ пріорствъ ордена—Россія или Московія, и перечислены ея округа и командорства. Библіографи-

духа имѣли нѣкоторую постепенность и давали чувствовать, что трудами, повиновеніемъ и приверженностью неофитъ можетъ современемъ узнать цѣль сего ордена... Кромѣ сего былъ еще составленъ уставъ, совершенно подобный уставу Тампліеровъ». Орловъ прибавилъ, что все, что было у него по этому предмету, предано «забвенію и огню съ 1818 года». На основаніи бумагъ Дмитріева-Мамонова можно заключить, что Орловъ очень смягчилъ характеръ задуманнаго ими общества и не вполнѣ точно указалъ источники ихъ трудовъ.

Письма Дмитріева-Мамонова на французскомъ языкѣ, сохранившіяся въ его бумагахъ [1]), значительно выясняютъ его міросозерцаніе. Вотъ что онъ писалъ о книжкѣ составленной имъ, вѣроятно, по соглашенію съ Орловымъ:

«Я велѣлъ напечатать «Краткія Наставленія» съ *прибавленіями*. Это будетъ готово послѣ завтра, и я пришлю вамъ всѣ экземпляры. Я исправляю степени, предоставьте мнѣ это, прошу васъ. Я въ отчаяніи, что долженъ буду покинуть Россіи и тѣмъ буду лишенъ возможности сообщаться съ вами. Я очень радъ имѣть въ васъ адепта. Воздвигайте *пророковъ* [2]), болѣе могущественныхъ *въ словахъ и въ дѣлахъ*, чѣмъ вашъ слабый здоровьемъ другъ». Черезъ нѣсколько дней Мамоновъ писалъ: «Вотъ и «Краткія Наставленія» на веленевой бумагѣ. Я сдѣлалъ много добавленій. Что ни говори,—когда тѣло страдаетъ, страдаетъ и душа. Но я думаю, однако, что я придалъ этому маленькому труду весь тотъ размѣръ, всю ту силу, и, осмѣлюсь сказать, всю ту *изысканность*, какія были возможны.

«Это лишь введеніе. Я взялся за степени, я ихъ велѣлъ напечатать; вы укажете мнѣ вѣрный способъ для пересылки ихъ вамъ,—это будетъ прихожая. Вы же работаете въ глубинѣ кабинета надъ распредѣленіемъ и украшеніемъ внутреннихъ покоевъ. Помните, что изъ нихъ нужно устроить лабиринтъ и не вѣрять путеводной къ нему нити— я едва не сказалъ—никому. Мнѣ нечего прибавить къ тому, что я вамъ написалъ о вашемъ теперешнемъ трудѣ. Катехизисъ долженъ составлять только одну главу этого труда. Онъ долженъ быть послѣднею главою, краткимъ обозрѣніемъ, сжатымъ повтореніемъ всего труда въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, чтобы сдѣлать всю систему болѣе ясною и точною. Вы, можетъ быть, поставите мнѣ въ вину увеличеніе масштаба, но *нужно* нѣчто *великое*. Какое значеніе имѣютъ самыя прекрасныя *филограммы*, сдѣланныя такъ, чтобы ихъ можно

ческія указанія о новомъ тампліерствѣ см. въ книгахъ *Kloss*'а. Bibliographie der Freimaurerei, 1844 и *Taute* Maurerische Bücherkunde 1886.

[1]) Въ началѣ января 1826 г. московскій военный губернаторъ кн. Голицынъ отправилъ государю донесеніе, въ которомъ сообщаетъ, что такъ какъ опекуны, назначенные надъ сумасшедшимъ гр. Дмитріемъ-Мамоновымъ, приступили къ снятію печатей съ его дома и имущества, то онъ, Голицынъ, „имѣя причины подозрѣвать, что въ числѣ бумагъ гр. Дмитріева-Мамонова, по прежнему роду жизни его репутаціи, найтиться могутъ достойныя по нынѣшнимъ обстоятельствамъ вниманія правительства, почелъ обязанностью" вытребовать отъ нихъ эти бумаги. Государь приказалъ выслать ихъ въ слѣдственный комитетъ о тайныхъ обществахъ, „гдѣ онѣ удобнѣе могутъ быть разобраны по извѣстной общей связи дѣла".

[2]) Курсивъ вездѣ подлинника.

было разсматривать въ микроскопъ, если ихъ помѣстить на карнизѣ зданія, верхушка котораго теряется въ облакахъ. Если бы я имѣлъ безумное самолюбіе, въ которомъ меня обвиняютъ, я не желалъ бы ничего лучшаго, какъ если бы сказали, что *степени, которыя я избралъ, составляютъ срубъ, основной камень.* Но истина беретъ верхъ надъ всѣмъ въ моемъ сужденіи, и я долженъ сознаться, что степени не болѣе, какъ *бездѣлушки, дѣтскія игрушки* въ сравненіи съ вашимъ трудомъ, что степени должны сообразоваться съ вашимъ трудомъ, а не нашъ трудъ со степенями. Это значило бы осудить орла на то, чтобы онъ соразмѣрялъ свой полетъ съ полетомъ воробья. Ничего нѣтъ легче, какъ эти пустячки ритуала и *степеней*, — я вамъ приготовлю двадцать другихъ, если вы захотите; но я не скажу того же о трудѣ, надъ которымъ вы работаете: но, именно потому, что онъ неизмѣримо выше степеней по своему назначенію, я желалъ бы для него другой формы, и изложить его въ вопросахъ и отвѣтахъ значило бы его съузить, низвести его до уровня *объявленія, программы*, наконецъ, *катехизиса*. Нужно напротивъ наполнить *дилеммами, афоризмами*, сжимать, накоплять разсужденія, настаивать на необходимости конституціи, объявлять и доказывать, что она будетъ полезна и славна лишь тогда, если она изойдетъ изъ среды О. (ордена), что она произведетъ благопріятныя измѣненія лишь въ соотвѣтствіи съ тѣмъ вліяніемъ, какое будутъ имѣть рыцари, съ тѣмъ, какъ они будутъ гремѣть противъ тиранін, гремѣть противъ злоупотребленій, гремѣть противъ поляковъ, взывать къ потомству, къ тѣнямъ Шуйскихъ и Пожарскихъ объ установленіи закона *спасенія націи*, поставить его подъ охрану всѣхъ храбрыхъ людей Россіи, всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества, смѣло выставить орденъ, какъ знамя объединенія, какъ предметъ, достойный удивленія, достойный того, чтобы онъ сосредоточивалъ всѣ желанія гражданъ и почтеніе всѣхъ сословій государства, чтобы онъ сказалъ: «взойди, заря свободы».

«То, что я прибавилъ къ «Наставленію»—бездѣлица. Но этой бездѣлицы не доставало книгѣ для того, чтобы она составила одно цѣлое. Я очень доволенъ, что она напечатана. Все же это маленькая побѣда свободы. Правда, что *кандалы Катона* и т. д. дьявольски не нравились гг. цензорамъ. Но чего не добьется надоѣдливость и настойчивость. Я рѣшился солгать. Я сказалъ, что рукопись—переводъ, сдѣланный 30 лѣтъ тому назадъ, словомъ, Всеволожскій [1]) вмѣшивается и приказываетъ его напечатать, *чтобы сдѣлать мнѣ одолженіе.*

«И вотъ, такимъ образомъ общество, существующее только въ идеѣ, возвѣщается уже путемъ печати.

«Это *materia prima* нашего великаго труда,—благословите ее и обрабатывайте ее по *образцу ученыхъ*, распространяйте мало-по-малу подъ рукой экземпляры.

«Что касается меня,—я готовъ завтра же, если нужно, умереть, если

---

[1]) Это, вѣроятно, Н. С. Всеволожскій (1772 — 1857), бывшій въ то время вице-президентомъ московскаго отдѣленія медико-хирургической академіи, который на свои средства выписалъ изъ Парижа отъ Дидо образцовыя литеры и завелъ превосходную типографію. „Моск. Вѣд., 1857 г. № 23; „Московскій Некрополь", состав. В. И. Саитовымъ и Б. Л. Модзалевскимъ, изд. в. к. Николая Михаиловича. Спб., 1907 г. ч. I, 241. Выше было упомянуто объ управляющемъ этою типографіею французѣ Сéменѣ, котораго гр. Растопчинъ обвинялъ въ 1812 г. въ иллюминатствѣ.

буду имѣть право сказать то же, что Симеонъ, когда онъ увидѣлъ принесеннаго въ храмъ того, кого вы знаете».

Изъ другого письма Мамонова видно, что первоначально цензура отказала въ разрѣшеніи печатать книжку и что это была напечатана только благодаря вмѣшательству Веволожскаго. Далѣе Мамоновъ продолжаетъ:

«Посвященіе—только записка, которую я написалъ вамъ, но я чувствовалъ, что непримѣтно я гарцовалъ на погасѣ, и чтобы не посылать вамъ вздутыхъ фразъ на дурномъ французскомъ языкѣ въ формѣ любовнаго письма, я храбро рѣшился напечатать французское. Всего 25 экземпляровъ, и дурной французскій языкъ избавляетъ меня отъ искушенія напечатать на хорошемъ русскомъ. Вотъ какъ я налагаю узду на мое самолюбіе.

«Наконецъ, развѣ эта книжка не исходитъ изъ среды О. (ордена), общества, которое само существуетъ только въ идеѣ.

«Но кто можетъ исчислить число дѣтей, которыя послѣдуютъ за этимъ первымъ новорожденнымъ? Кто можетъ оцѣнить послѣдствія ихъ могущества и предсказать ихъ красоту?.. По смѣломъ Богъ—порука!

«Самыя великія дѣла имѣютъ слабое начало, — чрезъ сто лѣтъ, а можетъ быть и ранѣе О. (орденъ) будетъ имѣть въ числѣ своихъ членовъ великихъ геніевъ, ихъ произведенія будутъ свѣтомъ мудреца и ихъ дѣйствія громовыми ударами власти.

«Можетъ быть ничего не будетъ. Но согласимся, однако, что это маленькая побѣда (правда, очень маленькая) ясно выраженныхъ либеральныхъ идей надъ предразсудкомъ, одержанная московскимъ печатнымъ станкомъ.

«Денегъ нѣтъ! Съ меня тянутъ со всѣхъ сторонъ [1]), я могу похвалиться этимъ маленькимъ пожертвованіемъ и не могъ рѣшиться уѣхать, не увидѣвъ Наставленія напечатанными!

«Это *Materia prima* нашего великаго дѣла, благословите его, работайте надъ нимъ и особенно любите меня. Mf (Мамоновъ).

«P. S. «Однако, я прошу васъ не распространять тотчасъ экземпляровъ.

«Видите ли! Понемногу! Не то, чтобы я боялся,—я далекъ отъ всякаго страха, но *самая сущность дѣла* требуетъ осторожности, осмотрительности въ выборѣ читателей. Я надѣюсь, да, я надѣюсь, настанетъ время, когда молодые, старые или даже на смертномъ одрѣ, мы будемъ имѣть возможность, какъ Симеонъ, сказать, когда онъ увидѣлъ принесеннаго во храмъ *того, кого—вы знаете*: «Господи, нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ»...

Въ одномъ изъ приведенныхъ выше писемъ Дмитріевъ-Мамоновъ упоминаетъ о трудѣ, надъ которымъ работалъ его корреспондентъ,—очевидно, Орловъ. Въ письмѣ, написанномъ нѣсколько ранѣе, онъ говоритъ по этому поводу: «Я долженъ вамъ сказать, что я сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ. Я распредѣлилъ бы весь трудъ по главамъ — метода, чрезвычайно облегчающая ходъ идей и сообщающая слогу изящество,

[1]) Особенно эксплоатировала доброту Мамонова его сестра. Воспоминанія *И. А. Арсеньева*. „Истор. Вѣстн.“, 1887 г., № 2, стр. 358.

которымъ никогда не отличаются труды, не имѣющіе опредѣленныхъ подраздѣленій. Лучше всего свести все въ главы. Подраздѣленіе должно дѣлать въ крупныхъ чертахъ: сначала введеніе, которое должно исходить изъ какого-либо основного положенія: или о *патріархальномъ правленіи*, если вы хотите историческаго введенія, или о *крайней необходимости* законовъ основныхъ и либеральныхъ, основанныхъ на природѣ человѣка, или о *прирожденной свободѣ*, если вы хотите разсматривать предметъ какъ философъ.

«Это введеніе должно быть написано живо и полно идеями. Затѣмъ слѣдовали бы главы съ звучными и внушительными заглавіями, напр.: 1) о наслѣдственныхъ и избирательныхъ коронахъ; 2) о религіозной и политической терпимости, а по этому поводу и о свободѣ печати; 3) о генеральныхъ штатахъ, о большихъ съѣздахъ при дворѣ (des cours plénières [1]), о ихъ происхожденіи, были ли они въ Россіи; 4) крупные феоды (fiefs); 5) о вѣроятномъ будущемъ европейскихъ націй, о естественныхъ союзникахъ и прирожденныхъ врагахъ Россіи; 6) о конституціонныхъ законахъ, которые пригодны для великихъ націй и въ частности для Россіи; 7) о завоеваніяхъ; 8) о религіозныхъ расколахъ и т. д.

«Не нужно ограниченій и осторожности..., все это вызываетъ мысль о хитрости и слабости, и будьте увѣрены, что *смѣлый* трудъ вызываетъ большее уваженіе *пресмыкающейся* толпы, чѣмъ книга, довольствующаяся *намеками*. Такъ Общественный Договоръ (Contrat Social) переведенъ и напечатанъ въ Россіи (?), а несравненно болѣе умѣренный трудъ о *злоупотребленіяхъ деспотизма* будетъ задержанъ, и авторъ преданъ въ руки полиціи.

«Истины смѣлыя, полезныя, простыя—пусть онѣ однѣ всплываютъ на поверхность. *На правду словъ немного*...

«Верхомъ искусства было бы сдѣлать изъ труда, который вы предпринимаете, книгу для публики и основныя правила для О. (Ордена). Посвященные нашли бы въ ней тайну О., профаны — книгу хорошо продуманную, ученую, хорошо написанную».

Нѣсколько выше, въ томъ же письмѣ, начало котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось, Дмитріевъ-Мамоновъ рекомендовалъ для того же сочиненія «величайшую простоту, не исключающую изящества. Не нужно фразъ, отзывающихся остроуміемъ. Опредѣленія Давыдова, напр., «непривитое дерево» и т. д. превосходны, остроумны, очень хороши для *степеней катехизисовъ*, потому что они представляютъ аллегоріи. Но *книга жизни*, *ученіе* О. (ордена) должны быть выше этого [2])...

---

[1]) Во время этихъ торжественныхъ феодальныхъ съѣздовъ при королевскомъ дворѣ въ средніе вѣка происходили не только празднества, но и дѣлались постановленія относительно администраціи королевства.

[2]) Въ видѣ образца слога для обсуждаемаго труда Мамоновъ рекомен-

«Нуженъ масштабъ изъ боязни или слишкомъ растянуть изложеніе, или сдѣлать его непонятнымъ».

Въ это время политическій радикализмъ Дмитріева-Мамонова, хотя и на аристократической подкладкѣ, внѣ всякаго сомнѣнія. Онъ много читалъ и, какъ видно изъ только что приведеннаго мѣста одного его письма, сильное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ нѣкоторыми своими чертами, произвела на него одна изъ знаменитѣйшихъ газетъ первыхъ годовъ французской революціи «La Bouche de fer», которую издавалъ (въ 1790—92 гг.). Бонневиль (1760—1828) сначала съ аббатомъ Фоше, а потомъ одинъ. Это былъ выходившій въ свѣтъ три раза въ недѣлю оффиціальный органъ революціонеровъ-мистиковъ «Соціальнаго Кружка», насчитывавшаго нѣсколько тысячъ приверженцевъ. Онъ служилъ выраженіемъ ново-христіанскаго мистицизма, смѣшаннаго съ революціонными идеями и съ масонскою философіей. Среди мистическихъ твореній, масонскихъ мечтаній и тяжеловѣсныхъ разсужденій въ немъ встрѣчались и живыя мысли, напр. относительно того, что всякій человѣкъ, какъ писалъ въ газетѣ аббатъ Фоше въ ноябрѣ 1790 г., «имѣетъ право на землю и долженъ обладать клочкомъ земли, необходимымъ для его существованія; онъ пріобрѣтаетъ это право путемъ труда, и его часть должна ограничиваться правомъ ему равныхъ». Бонневиль рѣзко нападалъ на духовенство, обвиняя его въ незаконномъ присвоеніи имущества, принадлежащаго нуждающимся. Здѣсь же печатались письма и статьи Томаса Пэна, Кондорсэ, Анахарсиса Клотса. Послѣ бѣгства Людовика XVI газета рѣшительно высказалась за уничтоженіе королевской власти. Нужно замѣтить, впрочемъ, что соціальная сторона взглядовъ Фоше и Бонневиля не имѣла замѣтнаго вліянія на Дмитріева-Мамонова, хотя, быть можетъ, ихъ газета и заставила его отказаться отъ нѣкоторыхъ прежнихъ предположеній [1]).

дустъ слѣдующія сочиненія: 1) Тацита, 2) „La défense des emigrés, par Lally Tollendal, 3) Le tableau de la révolution française 3 vol. 4) рѣчи Цицерона противъ Катилины. „Для канвы плана,—говоритъ онъ,—„я не знаю болѣе подходящей для васъ книги, какъ „La Bouche de fer de Bonneville.—Маркизъ Lally Tollendal (1751—1830) публицистъ и политическій дѣятель, высказывавшійся въ національномъ собраніи за умѣренную монархію по англійскому образцу; рѣчь его за учрежденіе двухъ палатъ сдѣлала его непопулярнымъ. Покинувъ Францію, онъ издалъ въ 1795 г. книгу въ защиту памяти Людовика XVI и въ 1797 г. „Defense des emigrés français adressée au peuple“. При реставраціи въ 1816 г. сдѣланъ членомъ академіи и верхней палаты, гдѣ принадлежалъ къ партіи монархистовъ-конституціоналистовъ.

[1]) Срав. *Лихтенберже.* Соціализмъ и французская революція. Переводъ Ю. Стеклова. Спб. 1907 г., стр. 56—61; 133, 199. *Олларъ;* „Полит. исторія франц. рев.“, 1902 г., стр. 113. Нѣкоторое вліяніе на міросозерцаніе Дмитріева-Мамонова могло оказать сочиненіе Н. Бонневиля „De l'esprit des religions“ (P. nouv. edit., 1792), если оно было ему извѣстно. Еще болѣе можно было бы это предположить, судя по заглавію, о другомъ сочиненіи того же Бонневиля „*Les*

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, написанномъ какъ и другія, сохранившіяся въ его бумагахъ, на французскомъ языкѣ, Дмитріевъ-Мамоновъ говоритъ: «Всякій монархъ только первый слуга государства, всякій монархъ, который измѣннически дѣйствуетъ вопреки желанію своего народа, который думаетъ, что народъ сотворенъ для него, — безуменъ! Но тотъ, кто призываетъ иностранцевъ на помощь себѣ и пользуется ими, чтобы угнетать свой народъ, открыто объявляетъ себя его врагомъ».

Далѣе, по поводу нашей иностранной политики онъ пишетъ: «Мы вмѣшиваемся въ дѣла, которыя могутъ вредить намъ развѣ только противодѣйствіемъ, вызываемымъ этимъ вмѣшательствомъ (par réaction). Мы дѣйствуемъ, какъ Донъ-Кихотъ, исправляя вредъ, причиненный отъ океана до Вислы. Европа думаетъ, что мы желаемъ сдѣлать ее участницей избытка нашего счастья и нашей свободы, а мы, освободители другихъ, стонемъ подъ ненавистнымъ игомъ».

Въ другомъ письмѣ, начало котораго не сохранилось, Мамоновъ писалъ: «Вы будете умѣренны даже и тогда, если удовольствуетесь молчаніемъ, слыша озлобленныя нападенія молодыхъ адептовъ на правительство, но обуздывать ихъ, — думаете ли вы объ этомъ?.. Главное дѣло въ томъ, чтобы воспользоваться *пылкостью* своихъ послѣдователей. Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно, что человѣкъ является посредственностью, если у него есть настолько здраваго смысла, чтобы понять *превосходство извѣстнаго дѣла, и достаточно храбрости и благородства души, чтобы принять въ немъ участіе.* Я увѣренъ, что вы найдете людей, которые не заслужатъ отъ васъ названія *безразсудныхъ*, которымъ вы не сможете отказать въ достоинствахъ, и даже выдающихся достоинствахъ, но если эти люди *рабы*, то я предпочитаю вашихъ *безразсудныхъ*.

«Я очень далекъ отъ того, чтобы не одобрять *конституціоннаго катехизиса*, надъ которымъ вы работаете; напротивъ, я желаю чего-нибудь большаго, чѣмъ катехизисъ. Я хотѣлъ бы трактата, въ родѣ того, какой я вамъ намѣтилъ въ одномъ изъ моихъ писемъ,—катехизисъ всегда нѣчто такое, что пахнетъ ученикомъ, или церковью, или *масонствомъ*.

«Нужно оспаривать, доказывать, обращаться за примѣрами къ исторіи,—катехизисъ можетъ содержать въ себѣ лишь первыя начертанія этого великаго труда. Безъ лести я могу сказать вамъ, что ваша голова можетъ прекрасно преодолѣть эти затрудненія.

---

jesuites chassés de la Maçonnerie. La Maçonnerie Ecossaise, comparée avec les trois professions et le secret des templiers du 4-me *siecle*" L. 1788, 2-me partie, но я не нашелъ его въ петербургскихъ библіотекахъ Бонневиль былъ членомъ Иллюминатскаго Ордена. *Findel*. Gesch. der Freim. 2 Aufl., 1866, s. 311.

«Правда, это трудное дѣло, но все же это не то, что выпить море: самое существенное въ томъ, чтобы вложить въ наши сочиненія такую закваску, которая вызываетъ броженіе умовъ и которая побуждаетъ сказать: «вотъ мы, что вы намъ прикажете?»

Мамоновъ, очевидно былъ готовъ на весьма рѣшительныя дѣйствія: «На что вы жалуетесь? — пишетъ онъ въ одномъ письмѣ. — Вы жалуетесь на то, что видите распространеніе ненависти къ тиранiи. Непреложные (какъ вы ихъ называете) принципы мы носимъ въ честномъ сердцѣ. Средства, для выполненія плана, будутъ намъ открываться по мѣрѣ хода событій,—я скажу болѣе: въ политикѣ мѣры, вынужденныя обстоятельствами, почти всегда единственно хорошія и единственно вѣрныя, такъ какъ (люди) не руководятъ событіями, а руководимы ими. Прочтите исторію различныхъ заговоровъ, которые низвергли съ трона избираемыхъ цезарей древняго Рима,—вы почти всегда увидите, что нѣкоторые заговорщики колебались, были въ нерѣшительности и, наконецъ, рѣшились, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, по закону даннаго момента, который составляетъ все, принять дѣятельное участіе въ заговорѣ. Великое искусство руководителей революціи состоитъ въ томъ, чтобы поставить своихъ агентовъ въ невозможность отступить, и только волнуя умы, достигаютъ того пункта, который, такъ сказать, составляетъ Тарпейскую скалу тирановъ (потому что ко всему этому нужно примѣшивать что-нибудь римское).

«То же и относительно насъ,—что можемъ мы, что могли бы мы, если бы ни одно лицо, ни одно дѣло не вышло бы изъ своего обычнаго положенія? Если бы всѣ умы оставались спокойными? Деспотизмъ радовался бы этому покою, который равняется безчувственности смерти. Послѣ того, какъ деспотизмъ утвердился, какъ у насъ, всѣ его мѣры и выступленія дозволяютъ сбереженіе своихъ средствъ, спокойную увѣренность, равномѣрное движеніе, которое совершенно не годится для тѣхъ, кто хочетъ съ нимъ сражаться.

«Нужны тайна, секретъ, но это не секретъ машины, состоящей изъ рычаговъ, стержней, веревокъ,—это секретъ мины, наполненной порохомъ,—нужно ее взорвать и, пользуясь сравненіями, заимствованными изъ военной жизни, такъ какъ я говорю съ военнымъ,—развѣ вы не разрушите зданія,—которое закрываетъ общую перспективу въ день сраженія или преграждаетъ вамъ путь, — если вы можете сдѣлать это выстрѣлами»[1]).

---

[1]) Госуд. Арх. I В. № 15. Письма Мамонова не только не вполнѣ сохранились, но и перепутаны въ дѣлѣ. Быть можетъ, это было сдѣлано умышленно во время захвата администраціею его бумагъ. Орловъ былъ арестованъ въ Москвѣ 21 дек. 1825 г.; на другой день онъ пишетъ имп. Николаю: „Думали, что моя связь съ гр. Мамоновымъ была основана на политическихъ замыслахъ.

Мнѣ не удалось еще найти книжку на французскомъ языкѣ, напечатанную Дмитріевымъ-Мамоновымъ въ 25 экземплярахъ, которую онъ называетъ: «Краткія наставленія». Вѣроятно оригиналъ нѣкоторой части этой книжки сохранился среди рукописей Дмитріева-Мамонова въ Государственномъ Архивѣ: тутъ есть обрядъ пріема и *катехизисъ Крестовыхъ Рыцарей* и «Статуты черныхъ кростовыхъ рыцарей совершеннаго Союза Молчанія и Святого Гроба» — на русскомъ языкѣ и правила о рыцаряхъ, которыхъ нужно возстановить въ Россіи, на французскомъ языкѣ. Изъ этихъ рукописей видно, что Орденъ долженъ былъ имѣть три степени: первая степень или первый языкъ — израильскій, вторая степень—греческій, третья—римскій.

Такъ какъ насъ интересуютъ теперь лишь политическія и общественныя идеи Мамонова, то отмѣчу, что вступающіе въ третью степень должны были принимать обязательство относительно борьбы съ тиранами. Риторъ Ордена говоритъ кандидату: «По долгу сана моего обязанъ я предварить васъ, что отъ васъ требуется бодрственное пролитіе крови враговъ Ордена и отечества: вотъ условіе, на которомъ можете вы быть пріобщены высшимъ кругамъ сословія нашего». — Здѣсь берется съ кандидата реверсъ въ томъ, что онъ «обязывается преслѣдовать вездѣ враговъ Ордена и отечества и что онъ призываетъ проклятіе Божіе на себя, если присяга сія имъ не исполнится». Когда кандидатъ вводится въ ложу въ тампліерской одеждѣ, въ ней гасятъ освѣщеніе, братья обращаютъ на него мечи, блистаетъ молнія. Такъ продолжается съ полчаса, и затѣмъ кандидатъ приноситъ присягу, въ которой, между прочимъ клянется «поражать Тарквиніевъ, Нероновъ, Домиціановъ, Калигуловъ, Коммодовъ и Геліогобаловъ», «чтить и лобызать кинжалъ, коимъ поразится похититель правъ, чести и свободы отечества», «уме-

---

Гр. Мамоновъ сошелъ съ ума. *Бумаги, книги, записки его въ рукахъ правительства, и я остался чуждъ отъ всякихъ нареканій*" (Гос. Арх. I В, № 83). Изъ этихъ словъ видно, что хотя московскій воен. ген.-губ. кн. Голицынъ извѣстилъ имп. Николая объ отобраніи бумагъ Дмитріева-Мамонова у его опекуновъ лишь 4-го января 1826 г., но это было сдѣлано еще до 21 декабря, вѣроятно, немедленно по полученіи въ Москвѣ извѣстія о событіи 14 декабря. Орлову не только извѣстно объ опечатаніи этихъ бумагъ, но и о томъ, что въ нихъ нѣтъ ничего, прямо его компрометирующаго, т. е. что его имя въ нихъ не упоминается. О томъ, что именно взято, онъ могъ узнать отъ опекуновъ Мамонова, — сенатора Арсеньева и надворнаго сов. П. С. фонъ-Визина. Бумаги Мамонова, находившіяся въ его подмосковномъ имѣніи, селѣ Дубровицахъ, были взяты посланными туда чиновниками 3 янв. 1826 г. Воспоминанія П. А. Арсеньева „Истор. Вѣстн." 1887 № 2, стр. 360. Въ дѣлѣ Госуд. Арх. I В № 15 есть любопытное для характеристики гр. Дмитріева Мамонова стихотвореніе, вѣроятно принадлежащее его перу. См. *Добавленія*. Психическая болѣзнь Дмитріева-Мамонова началась въ 1817 г., но въ первое время иногда ему становилось лучше. „Остафьевскій Архивъ", II, 347, 355. См. воспоминанія П. Арсеньева и статью П. А. Дмитріева-Мамонова въ „Рус. Стар." 1890 г. № 4.

реть за свободу», «не страшиться оковъ, бичей, темницы, пытокъ, яда, пистолета и кинжала». Послѣ того присутствующіе члены Ордена обѣщаются пролить кровь всѣхъ враговъ свободы и не влагать меча въ ножны до истребленія и низложенія враговъ Ордена. Нужно замѣтить, что всѣ эти документы написаны рукою самого Мамонова [1]).

Н. И. Тургеневъ, какъ уже было упомянуто, познакомился съ М. Ѳ. Орловымъ въ Парижѣ въ 1815 г., и ему приходилось постоянно возражать противъ «воинственныхъ и завоевательныхъ теорій» Орлова. Тургеневъ вторично возвратился въ Россію въ концѣ 1816 г. и чрезъ нѣсколько времени, уже въ слѣдующемъ году, встрѣтился съ Орловымъ въ Петербургѣ. Въ это время всѣ мысли Орлова, по словамъ Тургенева, были поглощены масонствомъ: «Онъ составилъ проектъ возстановленія его въ такомъ видѣ, какъ оно существовало при Екатеринѣ II, и желалъ дать ему какую-нибудь политическую или скорѣе практическую цѣль. Товарищемъ ему въ этомъ предпріятіи былъ гр. Мамоновъ, который, кажется, имѣлъ особенную любовь къ древнему русскому масонству» (лично Тургеневъ не былъ знакомъ съ гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ). «Мамоновъ», продолжаетъ Тургеневъ, «былъ, кажется, посвященъ въ одну изъ высшихъ степеней стараго франкъ-масонства; Орловъ, зная эту степень и формулу посвященія, внесъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія согласно съ современными идеями, но сохранивъ мистическую форму, которая господствовала въ старомъ обрядѣ». Орловъ же, признавая въ своемъ показаніи, что градусы принятія въ Орденъ Русскихъ Рыцарей были совершенно масонскіе, говоритъ, что «въ составъ занятій» Ордена «масоническіе предметы не входятъ» и что «масоны суть не что иное, какъ раскольники тампліерства, или Ордена Храмовниковъ» [2]).

Орловъ, по свидѣтельству Тургенева, показалъ ему свой проектъ, прося сообщить его нѣкоторымъ его знакомымъ франкъ-масонамъ, чтобы они попробовали ввести его въ своихъ ложахъ. Тургеневъ передалъ этотъ регламентъ, или церемоніалъ пріема, предсѣдателю одной ложи, и тотъ былъ въ восторгѣ, что имѣетъ «нѣкоторый символъ стариннаго русскаго масонства, нѣкогда столь знаменитаго» [3]). Въ то же время

---

[1]) Въ правилахъ о рыцаряхъ на французскомъ языкѣ упоминается о томъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ предполагалось поручать разоблаченіе злоупотребленій представителей власти, вызовъ на дуэль, или изданіе смѣлаго памфлета противъ правительства, битва съ представителемъ власти, который вредитъ ордену въ обществѣ, преслѣдуя его обвиненіями или язвительными насмѣшками. Г. А. I В № 15.

[2]) Въ письмѣ къ имп. Николаю изъ Москвы отъ 22 декабря, на другой день послѣ ареста, Орловъ говоритъ: „Полагали, что посредствомъ масонскихъ обществъ я имѣю слишкомъ большое вліяніе надъ всѣми Вольными Каменьщиками,—но даже и имени моего въ спискахъ не нашли".

[3]) Слѣдственная коммиссія по дѣлу декабристовъ потребовала этого ма-

Орловъ заявилъ Тургеневу, что «только что составилъ ядро общества, основаннаго на этихъ остаткахъ» стараго масонства и «назвалъ своихъ приверженцевъ: это были кн. М. (Меншиковъ) и г. Б. (Бенкендорфъ)», флигель-адъютанты, послѣдній — товарищъ Орлова по училищу аббата Николя [1]). По словамъ Тургенева, онъ иногда встрѣчалъ этихъ господъ, но только однажды говорилъ со вторымъ изъ нихъ объ ихъ обществѣ [2]).

Орловъ во французскомъ своемъ письмѣ къ имп. Николаю отъ 29 дек. 1825 г. говоритъ, что покинулъ «работу» по составленію задуманнаго имъ общества вслѣдствіе сдѣланнаго имъ открытія, что «составилось общество молодыхъ людей, цѣликомъ, или почти всецѣло состоящее изъ гвардейскихъ офицеровъ, которое, также увлеченное успѣхомъ Союза Добродѣтели» (т. е. нѣмецкаго Tugendbund'a), «работаетъ въ томъ же смыслѣ. Я сблизился съ ними, не присоединяясь къ нимъ. Одинъ Новиковъ [3]) входитъ въ сношеніе со мною». Въ примѣчаніи Орловъ дѣлаетъ оговорку, что вмѣсто Новикова должно стоять имя Александра (Ник.) Муравьева [4]). Далѣе во французскомъ письмѣ Орловъ дѣлаетъ весьма пренебрежительную характеристику устава Союза Благоденствія [5]). Такимъ образомъ здѣсь онъ умалчиваетъ о Союзѣ Спасенія, отличавшемся болѣе радикальнымъ характеромъ, и признаетъ свои сношенія съ Союзомъ Благоденствія, котораго въ 1817 г. еще не существовало, такъ какъ Союзъ Спасенія былъ преобразованъ въ Союзъ Благоденствія лишь въ началѣ 1818 года.

Напротивъ, въ своемъ обширномъ показаніи, написанномъ на русскомъ языкѣ въ первыхъ числахъ января 1826 г. [6]), Орловъ говоритъ иначе: «Стараясь преклонить къ намѣреніямъ моимъ молодыхъ людей, я говорилъ о семъ бывшему правителю канцеляріи малороссійскаго ген.-губернатора Новикову [7]) или Александру Муравьеву. Одинъ изъ нихъ, не помню кто [8]), открылъ мнѣ, что тайное общество, составленное по

сона въ Петербургъ, но онъ не былъ найденъ виновнымъ. *N. Tourgueneff*, La Russie, I, 162. Это вѣроятно Баратаевъ, который имѣлъ сношенія съ Тургеневымъ.

[1]) Прикосновенность къ этому дѣлу Бенкендорфа могла быть одною изъ причинъ того, что эпизодъ этотъ не подвергся подробному изслѣдованію слѣдственной коммиссіи.

[2]) *N. Tourgueneff*. La Russie et les Russes I, 159—161.

[3]) Племянникъ извѣстнаго масона, членъ Союза Спасенія и Союза Благоденствія.

[4]) Членъ тѣхъ же обществъ, что и Новиковъ.

[5]) Г. А. I. В. № 83.

[6]) Ibid. л. 10.

[7]) Ко времени слѣдствія о Тайныхъ Обществахъ Новиковъ уже умеръ.

[8]) Н. М. Муравьевъ въ своемъ „Историческомъ обозрѣніи хода общества" говоритъ: „Пестель уѣхалъ въ Митаву, и Александръ Муравьевъ заступилъ мѣсто старѣйшины" (въ Союзѣ Спасенія). „Генералъ Михайло Орловъ нахо-

большей части изъ молодыхъ офицеровъ гвардіи уже составлено, и сіе открытіе заставило бросить всѣ мои прежнія сочиненія». Далѣе Орловъ говоритъ, что это лицо предложило ему войти въ общество, но на вопросъ, кто его члены, отказалось назвать ихъ имена, однако же, сообщило ихъ «общій планъ»—и далѣе Орловъ излагаетъ нѣсколько чертъ устройства Союза *Спасенія*, прибавляя, что, вскорѣ послѣ его отъѣзда изъ Петербурга, оно преобразовалось безъ его «вѣдома и содѣйствія» въ Союзъ Благоденствія. Это показаніе вполнѣ удостовѣряетъ, что у Орлова были сношенія съ членами Союза Спасенія. Членъ этого союза Пестель, уѣхавшій изъ Петербурга до преобразованія его въ Союзъ Благоденствія, въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ: «О тайномъ Обществѣ, подъ названіемъ Русскихъ Рыцарей, говорилъ мнѣ ген. Орловъ, сказывая, что къ оному принадлежалъ гр. Мамоновъ. У нихъ была печатная книжечка объ обществѣ, которую я, однако же, не читалъ» [1]).

Въ одномъ донесеніи (начальнику штаба, кн. П. Волконскому, отъ 4 марта 1822 г.). при собираніи негласно свѣдѣній о Союзѣ Благоденствія, было «открыто, что одинъ изъ членовъ существовавшаго еще до французской войны въ собранной на польской границѣ арміи общества подъ печатью» (нарисована книга, прислоненная къ елкѣ) «и полагавшагося давно исчезнувшимъ приглашалъ въ оное К. Г., назвалъ ему четырехъ членовъ, между прочимъ Алексѣя Пушкина [2]) и Дм.-Мамонова (не адъютанта вашего сіятельства) [3]), и далъ сочиненную послѣднимъ брошюрку: «Наставленіе Русскому Рыцарю». Въ оной выписками изъ Священнаго Писанія прикрыта цѣль общества; напечатана безъ цензуры» [4]). Подобная брошюра, какъ мы уже знаемъ, была дѣйствительно составлена Матвѣемъ Александровичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ. Общество, существовавшее предъ французской войною въ арміи, вѣроятно, какая либо масонская ложа Когда членомъ этого общества сдѣлался Дмитріевъ-Мамоновъ,– неизвѣстно. Быть можетъ, въ то время, когда со своимъ казачьимъ полкомъ онъ находился въ 1813 въ Западной Россіи;

дился тогда въ Петербургѣ. Они открылись другъ другу, потому что каждый изъ нихъ сталъ уговаривать другого вступать въ свое общество. Переговоры сіи кончились тѣмъ, что они обѣщались не препятствовать одинъ другому, идя къ одной цѣли, и оказывать себѣ взаимныя пособія. Нашему обществу сталъ извѣстенъ одинъ ген. Орловъ, его обществу — одинъ Александръ Муравьевъ". *Довнаръ-Запольскій.* Мемуары декабристовъ, 47—48.

[1]) Госуд. Арх. I. В. № 394, л. 137.

[2]) Какой-то Пушкинъ былъ секретаремъ въ масонской ложѣ Ищущихъ Манны. „Рус. Арх." 1906 г. т. III, 408. Капитанъ лейб.-гв. 2 артил. бриг. Пушкинъ былъ членомъ ложи Трехъ Добродѣтелей въ Петербургѣ („Рус. Стар.". 1907 г. № 8 стр. 418), основанной въ 1815 г.

[3]) У кн. П. М. Волконскаго былъ адъютантъ Дмитріевъ-Мамоновъ, не Матвѣй Александровичъ.

[4]) Военноученый Архивъ, Отд. I, № 509, л. 45.

въ такомъ случаѣ слова «до французской войны»—надо понимать: «до похода во Францію».

Кн. С. П. Трубецкой, одинъ изъ основателей Союза Спасенія, зналъ что къ числу членовъ общества Русскихъ Рыцарей принадлежалъ кн. Меншиковъ [1]). С. П. Муравьевъ-Апостолъ говоритъ что Союзъ Спасенія (хотя и не называя его по имени) былъ «основанъ, кажется въ 1816 г.», а онъ самъ былъ принятъ въ него въ началѣ 1817 г., и прибавляетъ, что «въ то же самое время (или прежде, или послѣ, не знаю) возникало общество другое, коего основателемъ былъ М. Ѳ. Орловъ, называющееся, если не ошибаюсь, «Рыцарями Правды», слившееся впослѣдствіи съ нашимъ» [2]). Послѣднія слова, вѣроятно, означаютъ позднѣйшее вступленіе самого Орлова въ Союзъ Благоденствія, куда онъ, по выраженію извѣстной записки Грибовскаго, «брался вовлечь Мамонова» [3]), но послѣдній, очевидно, вслѣдствіе своей душевной болѣзни, не сдѣлался членомъ Общества, а два другіе приверженцы Орлова, кн. Меншиковъ и Бенкендорфъ, вступить въ него не пожелали. Однажды Бенкендорфъ въ разговорѣ съ П. Тургеневымъ [4]), по поводу предложенія соединить общество, проектированное Орловымъ, съ Союзомъ Благоденствія, сказалъ, что онъ не считаетъ необходимымъ соединить эти два общества въ одно, что нужно посмотрѣть, какъ будетъ дѣйствовать Союзъ Благоденствія, и поступать сообразно тому, будетъ ли онъ имѣть успѣхъ, или нѣтъ». Тургеневъ не былъ членомъ Союза Спасенія, и о сношеніяхъ Орлова съ его членами онъ не упоминаетъ [5]). Но такъ какъ самъ Тургеневъ вступилъ въ Союзъ Благоденствія въ 1819 г. то слѣдовательно еще и въ это время Общество Русскихъ Рыцарей считалось (хотя и номинально) существующимъ. Это подтверждается и словами Орлова, что, когда его приглашали въ Союзъ Благоденствія, то онъ часто «изъ одной отговорки» утверждалъ, что принадлежитъ къ другому обществу—Русскихъ Рыцарей. Поэтому и въ одномъ доносѣ, поданномъ императору Александру во время существованія Союза Благоденствія, упоминается о Союзѣ Русскихъ Рыцарей и о принадлежности къ нему М. Орлова и гр. Мамонова [6]).

Политическіе планы Ордена Русскихъ Рыцарей выразились въ

---

[1]) „Записки кн. Трубецкого", изд. его дочерей, М. 1906, стр. 34.

[2]) Г. А. І. В. № 395, л. 153. Кн. Трубецкой упоминаетъ въ своемъ показаніи, что, „кажется Пестель и кн. Лопухинъ" (оба члена Союза Спасенія) „хотѣли стараться завести сношенія по обществу съ М. Ѳ. Орловымъ". Г. А. І. В. № 333, л. 46.

[3]) „Рус. Арх." 1875 г. III, 427. Впрочемъ Орловъ предполагалъ, что онъ былъ причисленъ и къ Союзу Спасенія въ степени „друга".

[4]) Н. Муравьевъ называетъ Тургенева представителемъ въ Петербургѣ общества, устраиваемаго Орловымъ. *Довнаръ-Запольскій*. „Мемуары", стр. 50.

[5]) La Russie, I, 161—162.

[6]) Гос. Арх. І. В. № 12, л. 86.

схемѣ преобразованій, составленной гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ и сохранившейся въ его бумагахъ.

Мамоновъ предлагаетъ учредить народное вѣче, которое дѣлится на двѣ палаты—палату вельможъ и палату мѣщанъ. «Палата вельможъ» состоитъ изъ 221 наслѣдственныхъ вельможъ государства, владѣющихъ удѣлами неприкосновенными inaliénables въ тѣхъ областяхъ», отъ которыхъ они являются «наслѣдственными представителями и депутатами [1]). Въ составъ «Палаты наслѣдственныхъ представителей входили еще 442 «простыхъ» дворянина, «не наслѣдственныхъ, но избранныхъ представителей», въ числѣ коихъ должны были быть «представители Польскаго Царства», подъ патронатомъ кіевскихъ и волынскихъ паровъ, «депутаты лифляндскаго, курляндскаго и финляндскаго шляхетства, подъ патронатомъ Новгородскаго Царства, грузинскіе депутаты подъ протекторатомъ Астраханскаго царства. Сверхъ этого въ палатѣ вельможъ должны были засѣдать 10 депутатовъ русскаго рыцарства [2]) и шесть депутатовъ отъ вольныхъ городовъ [3]), а общее число членовъ равнялось 679. Въ проектѣ не объяснено, какъ образуются «неприкосновенные удѣлы» вельможъ,—будутъ ли это ихъ собственныя наслѣдственныя имѣнія, сдѣланныя неотчуждаемыми, или эти имѣнія будутъ пожалованы, какъ предполагалось въ «Пунктахъ».

Нижняя Палата по этому проекту носитъ названіе «Палаты мѣщанъ». «Такъ называемые мѣщане», сказано въ проектѣ, «должны составиться изъ депутатовъ городовъ», которые «могутъ быть избираемы» изъ дворянъ, духовныхъ лицъ, мѣщанъ, купцовъ, мастеровыхъ и «поселянъ». Каждый городъ долженъ избрать по три депутата: по одному дворянину, по одному купцу или духовному лицу и по одному ремесленнику или поселянину; а эти трое избираютъ четвертаго не изъ своей среды, все равно изъ какого сословія, который и является «народнымъ

[1]) Авторъ перечисляетъ сначала „наслѣдственныхъ представителей“: 150 вельможъ отъ Московскаго царства, 20—отъ Новогородскаго, 20—отъ Кіевскаго, 1—отъ Владимірскаго, 5 — отъ Казанскаго, 5 — отъ Астраханскаго, 10—отъ Сибирскаго и 10—отъ Херсонскаго. Нѣкоторыя изъ этихъ цифръ первоначально были иныя. Далѣе зачеркнуто слѣдующее продолженіе списка: 5 вельможъ отъ Грузіи, 10 отъ вел. княжества Смоленскаго, 5 отъ государства Псковскаго, 5 — отъ Малой Россіи, 5 — отъ Бѣлой Россіи, 10 — отъ Чермной Россіи, или южной Польши, 20 — отъ вел. княжества Нижегородскаго, 5 — отъ вел. кн. Ярославскаго, 5—отъ вел. кн. Рязанскаго, 5—отъ вел. кн. Пермскаго.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ пояснено, что „русскіе рыцари“—„оберегатели конституціи“, „вѣчевая стража“, „находящаяся въ распоряженіи парламента и зависящая отъ него“.

[3]) Кіева, Астрахани, Казани, Одессы, Новгорода и Ярославля. Эти депутаты должны были засѣдать въ палатѣ вельможъ, хотя бы они были и не дворяне („плебеяне“). Участіе депутатовъ отъ 6 вольныхъ городовъ, которое предполагалось въ изложенномъ проектѣ, напоминаетъ о предположеніи П. С. Мордвинова относительно представительства отъ главныхъ портовыхъ городовъ.

представителемъ». Авторъ проекта полагаетъ, что такихъ представителей будетъ около 3000 человѣкъ. О цензѣ для участія въ выборѣ народныхъ представителей и для того, чтобы быть выбраннымъ въ палату мѣщанъ, не упоминается, но, какъ только что было указано, выборы предполагались не прямые, а двухстепенные, какъ и въ норвежской конституціи 1814 г., извѣстной М. Ѳ. Орлову. Есть еще слѣдующая оговорка на французскомъ языкѣ: «Духовенство не имѣетъ депутатовъ, такъ какъ это не государственное сословіе, а классъ служителей государства (serviteurs de l'Etat): они служатъ при алтаряхъ, какъ артиллеристъ при своей пушкѣ, какъ деревенскій мэръ наблюдаетъ за чистотою улицъ и безопасностью населенія». Такимъ образомъ депутаты отъ духовенства не составляютъ особой палаты, какъ это было во французскихъ генеральныхъ штатахъ. Взгляды автора проекта на духовенство, какъ на служителей государства, напоминаютъ о подобномъ отношеніи Пестеля къ этому сословію, который считалъ духовенство «частью правительства», чиновниками.

Вельможи должны быть православнаго исповѣданія, такъ же какъ и депутаты рыцарства; но прочіе 400 дворянъ въ «камерѣ» вельможъ и народные представители въ нижней «камерѣ» могутъ быть католическаго, реформатскаго и лютеранскаго исповѣданій съ тѣмъ только, чтобы иновѣрцы были депутатами не отъ великороссійскихъ городовъ, а отъ тѣхъ, гдѣ ихъ исповѣданіе преобладаетъ: такимъ образомъ, отъ польскихъ городовъ можетъ быть депутатомъ католикъ или уніатъ, а отъ остзейскихъ губерній—лютеранинъ.

Въ каждой палатѣ предсѣдательствуетъ избранный на одинъ годъ большинствомъ голосовъ посадникъ изъ числа вельможъ или «верховныхъ рыцарей» [1]). Одинъ изъ двухъ имперскихъ посадниковъ имѣетъ главное начальство надъ войсками, другой—судъ и расправу, подобно римскимъ консуламъ. Переизбраніе посадниковъ на слѣдующій годъ ни въ какомъ случаѣ не допускается.

Россія раздѣляется по проекту Дмитріева-Мамонова на 8 царствъ и кромѣ того Царство Польское, Курляндію, Лифляндію, Финляндію и Грузію, а первоначально раздѣлялась и на великія княжества. Авторъ проекта предлагаетъ введеніе суда присяжныхъ. Войско, по его мнѣнію, должно быть трехъ родовъ: 1) «большая дѣйствующая армія», 2) «народная стража», или національная гвардія и 3) «вѣчевая стража», находящаяся въ распоряженіи парламента и зависящая непосредственно отъ него [2]).

---

[1]) Въ каждой палатѣ должно было быть по одному „вѣщателю“, или оратору, и по одному „поручику“, или наблюдателю за исполненіемъ декретовъ.

[2]) Центральными административными учрежденіями, по проекту Мамонова, является „дума“; только министерство иностранныхъ дѣлъ названо

О монархической власти въ этомъ проектѣ конституціи вовсе не упоминается, и что авторъ имѣлъ въ виду республиканское устройство, можно заключить изъ того, что въ замѣткѣ, помѣщенной послѣ описанія устройства народнаго вѣча, и написанной частью по-русски, частью по-французски, Мамоновъ ссылаясь на разгонъ испанскихъ кортесовъ, говоритъ: «Конституція гишпанскихъ кортесовъ» (т. е. испанская конституція 1812 г.) «весьма мудро писана, но не вся годится для насъ!— и видите, любезный другъ, плачевный примѣръ того, что щадить Т. (тирановъ) значитъ приготовлять, ковать на себя оковы болѣе тяжелыя, чѣмъ тѣ, которыя хотятъ скинуть.—Что же кортесы! разосланы, распытаны, къ смерти приговариваемы, и кѣмъ же?—скотиною, которому они сохранили корону». Кортесы были разогнаны Фердинандомъ VII въ 1814 году.

Отыскавъ въ Военноученомъ архивѣ одинъ документъ съ нѣсколькими строками собственноручнаго письма гр. М. Дмитріева-Мамонова, за его подписью, я могъ вполнѣ несомнѣнно установить, что изложенная схема республиканской конституціи написана его рукою и, вѣроятно, составлена имъ по желанію М. Ѳ. Орлова [1]); что это работа самого Мамонова видно изъ многихъ поправокъ въ рукописи. Теперь становятся вполнѣ понятными нѣкоторыя черты сходства между этою схемою и извѣстными уже намъ «Пунктами преподаваемаго во внутреннемъ Орденѣ ученія», а именно — установленіе наслѣдственныхъ вельможъ (въ Пунктахъ—200, въ проектѣ республиканской конституціи—221), при чемъ, однако, въ «Пунктахъ» эти вельможи составляютъ вмѣстѣ въ депутатами отъ дворянъ и народа одинъ сенатъ, а въ схемѣ конституціи они входятъ въ составъ особой палаты вельможъ; въ «Пунктахъ» учреждается Орденъ Рыцарей Русскаго Креста, въ проектѣ конституціи упоминаются «Русскіе Рыцари» и депутаты отъ нихъ, при чемъ уже впрочемъ нѣтъ рѣчи о надѣленіи ихъ помѣстьями, землями и крѣпостями, а имъ придается лишь значеніе «оберегателей конституціи», «вѣчевой стражи», находящейся въ распоряженіи парламента и зависящей отъ него. Въ «Пунктахъ» предлагается семи городамъ (Москвѣ, Владиміру на Клязьмѣ, Кіеву, Казани, Великому Новгороду, Нижнему Новгороду и Ярославлю) дарованіе правъ и привилегій, которыми пользовались въ средневѣковой Римской Имперіи вольные имперскіе ганзейскіе города;

посольскимъ приказомъ; кромѣ него предполагалось учредить шесть „думъ": 1) ратныхъ дѣлъ, 2) морскихъ дѣлъ, 3) большой казны (министерство финансовъ), 4) внутренней управы (мин. внутреннихъ дѣлъ), 5) торговая дума и 6) ученая дума. Мамоновъ обращаетъ вниманіе на то, что онъ не считаетъ нужными министерства полиціи, юстиціи и исповѣданій.

[1]) Въ самомъ началѣ рукописи сказано: „губернское учрежденіе, надъ которымъ вы желаете заставить меня работать". Слова эти, вѣроятно, составляютъ обращеніе къ Орлову.

въ проектѣ конституціи упоминаются 6 вольныхъ городовъ. Замѣтка объ испанскихъ кортесахъ, написанная также рукою Мамонова, является какъ бы возраженіемъ республиканца монархисту-конституціоналисту и заставляетъ думать, что Дмитріевъ-Мамоновъ въ это время былъ проникнутъ болѣе радикальными воззрѣніями, чѣмъ Орловъ [1]).

Повторяю, теперь несомнѣнно, что схема республиканской конституціи составлена Мамоновымъ, но на основаніи показанія Пестеля можно думать, что онъ узналъ о ней (вѣроятно, безъ имени автора) отъ Новикова, и что республиканская конституція Новикова, о которой упоминаетъ Пестель, есть та самая, которая была взята, вмѣстѣ съ бумагами Дмитріева-Мамонова, т. е. составленная имъ схема конституціи; впрочемъ въ показаніи Пестеля есть и не совпадающія съ нею черты [2]).

Изложенныя въ настоящей главѣ предположенія о политическихъ преобразованіяхъ М. Ѳ. Орлова и М. А. Дмитріева-Мамонова, отличающіеся при всемъ политическомъ радикализмѣ Мамонова аристократическимъ характеромъ, примыкаютъ къ цѣлому ряду другихъ предположеній, въ которыхъ, въ той или иной формѣ, возлагаются надежды на аристократію, какъ на охранительницу политической свободы; таковы: записка Сперанскаго въ 1802 г., бесѣда гр. П. А. Строганова съ гр. С. Р. Воронцовымъ въ 1802 г., проекты графа Мордвинова. Даже Н. И. Тургеневъ предлагалъ учрежденіе паровъ, сначала въ смыслѣ исключительно совѣщательнаго учрежденія, изъ богатыхъ помѣщиковъ, освободившихъ своихъ крестьянъ. Принявъ во вниманіе все это теченіе, станетъ понятнѣе и высокій цензъ, установленный для участія въ прямыхъ выборахъ въ нижнюю палату вѣча, и еще болѣе высокій пассивный цензъ для избранія въ верхнюю его палату въ проектѣ конституціи Н. М. Муравьева [3]), и аристократическая тенденція въ конституціонномъ проектѣ декабриста Батенькова (см. далѣе гл. VI).

Въ общество проникли слухи, хотя и значительно позднѣе, о проектѣ конституціи Орлова и гр. Дмитріева-Мамонова. 16 апрѣля 1820 г.

---

[1]) Г. А. І. В. № 15, л. 1—2, 70—81. Проектъ этотъ напечатанъ А. К. Бороздинымъ въ книгѣ „Изъ писемъ и показаній декабристовъ“, Спб. 1906 г., стр. 148—157.

[2]) Пестель говоритъ, что первую мысль о республиканскомъ правленіи возбудилъ въ немъ проектъ конституціи Новикова. Дѣлая очеркъ развитія своихъ политическихъ взглядовъ, Пестель сообщаетъ: „Новиковъ говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда въ пользу монархической, а потомъ сталъ его сужденія припоминать и съ ними соглашаться“. „Отличительная черта конституціи Новикова“, по свидѣтельству Пестеля, „заключалась въ томъ, что она была республиканская, и верховная власть въ оной находилась въ особомъ сословіи, коего предсѣдатель имѣлъ два голоса, а прочіе члены только по одному... Много было сходства съ американскою“ конституціею.

[3]) Н. Муравьевъ былъ хорошо знакомъ съ Орловымъ: оба они были членами Арзамаса.

Н. Тургеневъ писалъ своему брату Сергѣю: «говорили, что Орловъ» (служившій въ то время въ Кіевѣ) «разсуждалъ вездѣ о конституціи... Наконецъ, сказали, что онъ ѣздилъ въ Москву, чтобы разсмотрѣть съ Мамоновымъ сдѣланную ими конституцію для Россіи. Этотъ послѣдній слухъ дошелъ и до государя. Послѣднее, что слухъ до государя дошелъ,— кажется, вѣрно». Н. Тургеневъ совѣтовалъ брату заѣхать въ Кіевъ и посѣтить Орлова: «съ такими людьми,—добавляетъ онъ, — рѣдко можно въ свѣтѣ встрѣтиться. Пусть выдумаютъ, что ты ѣздилъ для переговоровъ о конституціи».

Въ 1819 г. Денисъ Давыдовъ, называя М. Орлова «идеологомъ», писалъ о немъ Киселеву: «какъ онъ ни дюжъ, а ни ему, ни бѣшеному Мамонову не стряхнуть абсолютизма въ Россіи» [1]).

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1887 г. № 7, стр. 228 и въ „Собр. Соч. Д. Н. Давыдова“, изд. подъ ред. А. О. Круглаго, III, 233.

ГЛАВА V.

Союзъ Спасенія.—Союзъ Благоденствія.—Заимствованія при составленіи его устава изъ устава нѣмецкаго Союза Добродѣтели.—Учрежденіе школъ.—В. Ѳ. Раевскій, какъ пропагандистъ.—Литературныя общества.—Предположенія Н. И. Тургенева объ изданіи журнала.—Конституціонныя стремленія Союза Благоденствія.—Обсужденіе коренною управою 1820 г. вопроса о формахъ правленія.

Союзъ Добродѣтели, несмотря на то, что онъ существовалъ въ Пруссіи въ 1808—9 гг. съ вѣдома правительства, въ самомъ концѣ 1809 г. былъ закрытъ королемъ; отсюда Мих. Ѳед. Орловъ, какъ мы видѣли выше, заимствовалъ въ 1814 г. мысль объ устройствѣ тайнаго общества, которую онъ пытался осуществить при помощи гр. Дмитріева-Мамонова учрежденіемъ Общества Русскихъ Рыцарей; по этому поводу онъ находился въ сношеніяхъ и съ Н. И. Тургеневымъ. Мысль объ устройствѣ тайныхъ обществъ была настолько популярна въ первой четверти XIX вѣка, что даже извѣстный прусскій государственный дѣятель Гарденбергъ въ 1807 г., въ виду необходимости для Пруссіи бороться съ Наполеономъ, высказывалъ убѣжденіе, что тайныя общества могутъ быть полезны, если руководить ими въ интересахъ государства; такими обществами онъ считалъ и масонскія ложи [1]).

Н. И. Тургеневъ, хорошо знавшій въ Германіи нѣкоторыхъ членовъ Союза Добродѣтели (Tugendbund'a) [2]), также не мало размышлялъ о значеніи тайныхъ обществъ. Въ 1817 г., быть можетъ вслѣдствіе его участія въ замыслахъ М. Ѳ. Орлова, онъ занесъ въ свой дневникъ слѣдующія мысли: «Убѣдившись въ необходимости тайныхъ обществъ, надобно въ особенности замѣтить, что тѣ изъ нихъ, кои устроены на правилахъ нравственности и патріотизма, заслуживаютъ не преслѣдованія, а одобренія правительствъ, тѣмъ болѣе, что правительства часто не могутъ произвести въ дѣйство того, что могутъ общества... Общество можетъ... пріобрѣсти болѣе довѣрія отъ людей, нежели правительства, потому самому, что правительство, имѣя болѣе власти, нежели всякое общество, не можетъ внушать сего довѣрія: законъ сильнаго не то, что

[1]) Stettiner. Der Tugendbund, 1904, 9—10.
[2]) La Russie I, 362.

законъ условный. Общество состоитъ изъ частныхъ лицъ, слѣдовательно, заключается въ кругу частнаго дѣйствія; правительство не имѣетъ соперниковъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Сила уничтожаетъ довѣріе».

Вслѣдъ затѣмъ (29 іюня 1817 г.) Тургеневъ запоситъ въ свой дневникъ мысли о необходимости работать и жертвовать собою на «пользу гражданскаго счастія отечества», которыя, повидимому, находятся въ связи съ разсужденіемъ о необходимости тайныхъ обществъ. Мысли эти очень неопредѣленны, но характерны для тѣхъ молодыхъ людей, которые находились, такъ сказать, наканунѣ вступленія въ тайное общество [1]).

Въ 1816 г. былъ основанъ «Союзъ Спасенія или Истинныхъ и Вѣрныхъ Сыновъ Отечества», а въ началѣ 1817 г. составленъ его уставъ [2]). По показанію С. Муравьева-Апостола цѣлью общества, объявленною всѣмъ членамъ-учредителямъ, было введеніе въ Россіи представительнаго правленія. Позднѣе обсуждались средства для достиженія этой цѣли, но никакого опредѣленнаго плана дѣйствій принято не было. Въ уставѣ общества было также сказано, что если царствующій императоръ «не дастъ никакихъ правъ независимости своему народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ его самодержавія».

Пестель, согласно съ Муравьевымъ-Апостоломъ, далъ показаніе, что «вмѣстѣ съ учрежденіемъ общества Сыновъ Отечества появились мысли конституціонныя», но весьма неопредѣленныя, «однако-жъ болѣе склонныя къ монархическому правленію». Въ другомъ показаніи онъ говоритъ: «настоящая цѣль перваго общества была введеніе монархическаго конституціоннаго правленія»; она была опредѣлена одновременно съ принятіемъ устава, однако о ней сообщалось членамъ лишь второй степени, а при принятіи въ первую только глухо говорилось о введеніи новаго порядка. По показанію Якушкина, общество должно было стараться приготовить всѣ сословія къ представительному правленію, но эта главная цѣль должна была быть извѣстна только членамъ высшей, четвертой степени. По свидѣтельству М. А. Фонъ-Визина, цѣлью общества было проведеніе въ жизнь «нашихъ тогдашнихъ любимыхъ идей: конституціи, представительства народнаго, свободы книгопечатанія, словомъ, всего того, что составляетъ сущность правленія въ Англіи и другихъ земляхъ» [3]).

---

[1]) Даже и гораздо позднѣе, въ 1840-хъ годахъ, придя къ другому взгляду на тайныя общества, Тургеневъ высказываетъ убѣжденіе, что они „всегда будутъ существовать тамъ, гдѣ мысль подавлена, слово сковано". La Russie I, 366—367.

[2]) О времени основанія Союза Спасенія см. въ *Добавленіяхъ*.

[3]) Объ организаціи Союза Спасенія см. въ составленномъ мною біографическомъ очеркѣ Мих. Александр. Фонъ-Визина. „Обществ. Движеніе въ первой половинѣ XIX в.", изд. Пирожкова т. I, 16—22. Идея цареубійства высказывалась уже въ періодъ существованія Союза Спасенія.

Хорошимъ показателемъ бродившихъ въ то время политическихъ идей служитъ неизданный дневникъ Н. И. Тургенева. Въ ноябрѣ 1816 г. онъ разсуждаетъ о дурномъ вліяніи неограниченнаго монархическаго или деспотическаго правленія на нравственность и отмѣчаетъ «строгость нравовъ въ республикахъ [1]), развращенность» ихъ «въ деспотическихъ правленіяхъ». Этимъ онъ объясняетъ то, что у насъ «многіе умные люди погибаютъ отъ пьянства и безпутной жизни». Нѣсколько позднѣе, получивъ извѣстіе отъ брата Сергѣя изъ Парижа, что и тамъ его либеральныя идеи не нравятся «нашимъ хамамъ и хамкамъ», по поводу опасеній брата, что это можетъ ему повредить, Тургеневъ замѣчаетъ: «Онъ не долженъ забывать, что мы не для того исповѣдуемъ либеральныя идеи, чтобы нравиться людямъ, изъ коихъ большая часть хамы». Въ это же время Тургеневъ задумываетъ писать, хотя бы и отрывками, разсужденіе объ общей политикѣ: о составныхъ частяхъ государства, о раздѣленіи властей, о различныхъ сословіяхъ. 3-го марта 1817 г., подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на него засѣданіемъ государственнаго совѣта, онъ задается вопросомъ: «отчего есть противники конституціонныхъ правленій», и рѣшаетъ его такимъ образомъ, что такъ какъ дѣйствія ихъ открыты для всѣхъ, то поражаемые ихъ недостатками «кричатъ противъ республикъ, противъ конституціонныхъ правленій. Отчего неограниченныя правленія имѣютъ защитниковъ? Оттого, что въ нихъ все скрыто, и многіе, не видя явно ни хорошаго, ни дурного, составляютъ себѣ собственныя понятія о выгодахъ темнаго хода сихъ правленій и защищаютъ ихъ. Но что бы сказали самые горячіе чтители самодержавія, посмотрѣвъ на засѣданія высшихъ правительственныхъ и законодательныхъ мѣстъ въ самодержавныхъ государствахъ? Если въ нихъ есть совѣсть, безпристрастіе и любовь къ отечеству, то они бы, по крайней мѣрѣ, замолчали». Въ томъ же году Тургеневъ, подъ вліяніемъ мысли о необходимости для Россіи конституціоннаго строя, пишетъ слѣдующее: «Меня гнететъ, уничтожаетъ мысль, что я при жизни своей не увижу Россію свободною на правилахъ мудрой конституціи. При всякомъ добромъ намѣреніи, такъ сказать, *падаютъ руки*, когда вспомню, что я осужденъ прожить вторую половину своего вѣка въ томъ же порядкѣ вещей, который существовалъ доселѣ. Это печально, грустно, ужасно, унизительно». 3-го іюля 1818 г. онъ опять размышляетъ на ту же тему: «Пусть эгоисты и глупцы смѣются надъ тѣми, кто желаетъ и любитъ конституцію.

---

[1]) Еще въ 1814 г., находясь въ Вѣнѣ, Тургеневъ выражаетъ въ своемъ дневникѣ (20 сентября с. с.) сочувствіе республикѣ, но, видимо, считаетъ ее мало осуществимою. „Люди, похожіе болѣе на ангеловъ, нежели на людей", пишетъ Тургеневъ, „изобрѣли республиканское правленіе—идеалъ всего человѣчества".

Слово—не вещь. Говоря: мы хотимъ конституціи, мы не говоримъ: мы хотимъ того, что въ Англіи, въ Америкѣ; но мы хотимъ порядка, справедливости, устройства и не разумѣемъ того, чтобы сіе устройство было доставлено тѣми же средствами, какъ въ Англіи и Америкѣ, но средствами, удобными и лучшими для Россіи». Тургеневъ, вѣроятно, желалъ этимъ сказать, что конституція Россіи не должна быть слѣпымъ подражаніемъ англійскому государственному строю или конституціи сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и притомъ (очевидно подъ вліяніемъ варшавской рѣчи Александра I) выражалъ надежду, что она будетъ дарована государемъ, а не добыта революціоннымъ путемъ. Въ письмѣ къ кн. Козловскому [1]) (7 ноября 1818 года) онъ говоритъ: «Я согласенъ, что самодержавіе можетъ возвышать, усиливать государства, но можетъ ли оно вмѣстѣ съ симъ и счастливить народы? Историкъ, или, въ семъ случаѣ правильнѣе сказать, исторіографъ» (очевидно, намекъ на Карамзина) «думаетъ *da*, а я думаю и всегда буду думать: *нѣтъ*!»

Союзъ Спасенія просуществовалъ недолго и привлекъ къ себѣ сравнительно съ Союзомъ Благоденствія не много членовъ. Осенью 1817 г. рѣшено было приступить къ составленію новаго устава, руководствуясь уставомъ прусскаго Союза Добродѣтели.

Объ этомъ союзѣ у насъ ходили преувеличенные слухи [2]). Онъ существовалъ немногимъ болѣе полутора года: былъ основанъ въ Кенигсбергѣ 16 апрѣля 1808 г.; прусскій король призналъ его существованіе (на основаніи составленнаго проф. Леманомъ устава) 30 іюня 1808, а закрытъ онъ былъ 31 декабря 1809 г. Хотя союзъ имѣлъ 738 членовъ, но онъ не успѣлъ сыграть видной роли; впрочемъ, нѣкоторые отдѣльные его члены участвовали въ заявленіи правительству желаній о созывѣ народныхъ представителей [3]). Между тѣмъ кн. Трубецкой въ своемъ показаніи говоритъ, что Союзу Добродѣтели (Тугендбунду) приписывали «ополченіе Шиля и послѣ того, въ 1813 г., скорое возстаніе Пруссіи противъ Франціи»; «начальникомъ» его «почитали извѣстнаго министра Штейна» и полагали, что въ числѣ членовъ его находится Гнейзенау и многіе другіе извѣстные люди. Однако, эти слухи были

[1]) Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ „Остафьевскомъ Архивѣ", т. III, 1908 г., примѣчанія В. И. Сантова, стр. 551—554.

[2]) См. о немъ слѣдующія сочиненія: 1) *Joh. Voigt.* Geschichte des sogenannten Tugendbundes oder des sittlich-wissenschaftlichen Vereins. Berl. 1850. 2) Der Tugendbund. Aus den hinterlassenen Papieren des Mitschtifters Prof. Dr. H. F. G. Lehmann Herausg. Von *Prof. Aug. Lehmann.* Berl. 1867. 3) *Aug. Fournier.* Historische Studien u. Skizzen. 1885 (Zur Geschichte des Tugendbundes); 4) *Alfr. Stern.* Abhandlungen und Aktenstücke zur Geschichte der preussischen Reformzeit. 1807—1815. Leipz. 1885 (Der Sturz des Freiherrn vom. Stein im Jahre 1808 und der Tugendbund). 5) *Dr. P. Stettiner.* Der Tugendbund. Königsb. in Pr. 1904.

[3]) *Stettiner*, 25—26.

несправедливы. Майоръ Шилль, сдѣлавшій въ 1809 г. попытку возстанія для освобожденія Германіи отъ власти Наполеона и показавшій патріотической молодежи примѣръ своею геройскою смертью [1]), хотя и зналъ хорошо дѣла Союза Добродѣтели и хотя ему было предложено вступить въ число его членовъ, но онъ, уже задумавъ свое отважное предпріятіе, отказался, чтобы не повредить Союзу. Штейнъ не былъ его членомъ и довольно равнодушно относился къ нему; членомъ его не былъ и Гнейзенау. Кн. Волконскій также ошибочно полагалъ, что Шарнгорстъ былъ однимъ изъ первыхъ основателей Тугендбунда [2]). Лореръ передаетъ слова, сказанныя ему Пестелемъ, будто бы прусскій король въ 1813 и 1814 гг. былъ главою Союза Добродѣтели [3]), между тѣмъ какъ союзъ въ это время уже не существовалъ [4]). Нужно замѣтить также, что въ изданіи Freimüthige Blätter, которымъ пользовались составители устава Союза Благоденствія, былъ напечатанъ первоначальный текстъ устава Союза Добродѣтели [5]); при составленіи второй редакціи онъ подвергся значительной переработкѣ и въ этомъ видѣ былъ напечатанъ Союзомъ Добродѣтели [6]), но затѣмъ по требованію администраціи вновь пересмотрѣнъ [7]).

Въ Союзѣ Добродѣтели участвовало не мало офицеровъ. По свидѣтельству М. А. фонъ-Визина, многіе русскіе познакомились съ нѣмецкими офицерами, бывшими членами этого общества [8]). Н. М. Муравьевъ во время слѣдствія показалъ, что «еще въ Петербургѣ» (т. е до отправленія въ Москву гвардейскаго отряда осенью 1817 г.) кн. Лопухинъ, членъ Союза Спасенія «доставилъ книжку нѣмецкаго журнала «Freiwillige Blätter» [9]), въ

---

[1]) *K. Goette.* Das Zeitalter der deutschen Erhebung. 1807—1815. Gotha, 1891. I, 301—304.

[2]) *Lehmann*, 22—23, *Voigt*, 9—10, *A. Stern*, 26—29, *Stettiner*, 13—18, 25—27.

[3]) „Рус. Бог." 1904 г. № 3, стр. 78 (Записки Лорера).

[4]) Есть впрочемъ извѣстіе о тайныхъ дѣйствіяхъ Союза Добродѣтели послѣ его закрытія. Allgem. Handbuch der Freimaurerei, 1867, III. 393.

[5]) *Freimüthige Blatter*, 1815, Heft 4, 1816, Heft 5; *Fournier*, 310. Въ петербургскихъ библіотекахъ нѣтъ названныхъ книгъ Freimüthige Blätter, но въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки хранится копія съ напечатанной въ нихъ первой редакціи устава Tugendbund'a, сдѣланная для А. Н. Пыпина.

[6]) Вторая редакція перепечатана въ книгѣ *Lehmann*'а, 147—192.

[7]) Изложеніе 3-й редакціи см. въ книгѣ *Voigt*, 57—70; ср. *Fournier*, 319.

[8]) „Общ. движ. въ перв. пол. XIX в." I, 183.

[9]) Это ошибочное названіе (вмѣсто Freimüthige Blätter) повторено и въ „Донесеніи „Слѣдств. Коммиссіи". Указаніе, что доставлена была „книжка", наводитъ на мысль, что составители Устава Союза Благоденствія имѣли въ рукахъ не весь уставъ Tugendbund'a, а только первую половину (первой редакціи) которая была напечатана въ 4 тетради „Freimüthige Blätter" 1815 г., гдѣ помѣщены были введеніе и Gesetz I, II и III, до 73 § включительно. Заимствованія, сдѣланныя составителями устава Союза Благоденствія, относятся только къ этой первой части устава Tugendbund'a.

которой находился Уставъ Тугендбунда въ томъ самомъ видѣ, какъ оный по сказанію сего журнала, былъ представленъ въ 1808 г. на утвержденіе королю Прусскому [1]). Петръ Колошинъ перевелъ его на русскій языкъ. Уставъ сей весьма понравился Михаилу Муравьеву, фонъ-Визину и Якушкину, которые (въ Москвѣ) «настаивали, чтобы оный примѣнить къ состоянію Россіи и народному характеру, на что другіе члены не соглашались, такъ что Михайло Муравьевъ и Петръ Колошинъ оставили общество» (до тѣхъ поръ, пока ихъ мнѣніе не восторжествовало). Передѣлка устава, какъ показалъ Н. М. Муравьевъ, «продолжалась около 4 мѣсяцевъ. Она была поручена Михайлѣ Муравьеву, кн. Трубецкому и мнѣ. Но такъ какъ моя часть не отвѣтствовала прочимъ, то поручено было Петру Колошину ее передѣлать. Пока работа сія производилась, Александръ Муравьевъ завелъ Военное Общество, которое было довольно многочисленно и раздѣлялось на двѣ управы. Но по окончаніи новаго устава общество сіе было распущено, и члены общества поступили въ новый *Союзъ Благоденствія*... Многіе члены предлагали поднести его правительству и испросить отъ онаго утвержденія» [2]).

Между тѣмъ какъ Н. Муравьевъ приписываетъ доставленіе оригинала Устава Союза Добродѣтели кн. П. П. Лопухину, другіе декабристы (М. А. фонъ-Визинъ, С. Муравьевъ-Апостолъ и Якушкинъ) говорятъ, что это сдѣлалъ кн. Илья Долгоруковъ. Вступивъ въ Союзъ Спасенія въ началѣ 1817 г., онъ уѣхалъ за границу въ апрѣлѣ того же года, но вернулся лишь въ августѣ слѣдующаго [3]). По словамъ фонъ-Визина, въ Германіи онъ «вошелъ въ сношенія» съ (бывшими) членами Союза Добродѣтели, которые «сообщили ему свои статуты». Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ говоритъ, что печатный уставъ Союза Добродѣтели былъ присланъ изъ Германіи кн. Долгоруковымъ и что уставъ Союза Благоденствія былъ введенъ въ дѣйствіе за нѣсколько времени предъ выступленіемъ гвардейскаго отряда изъ Москвы въ Петербургъ.

А. Н. Пыпинъ доказалъ, что составители устава Союза Благоденствія значительно воспользовались первою редакціею устава Союза Добродѣтели [4]). Онъ отмѣтилъ также опущеніе въ уставѣ Союза Благоденствія

---

[1]) Въ предисловіи нѣмецкаго изданія сказано, что печатаемый уставъ Союза Добродѣтели былъ составленъ въ 1808 г., въ 1809 исправленъ и въ томъ же году союзъ былъ уничтоженъ королемъ. Издатели пожелали огласить его на томъ основаніи, что, по § 27 первой редакціи устава, Союзъ Добродѣтели — общество, „которое старается получить одобреніе каждаго правительства".

[2]) Н. И. Тургеневъ свидѣтельствуетъ, что „основатели общества спорили о томъ, не слѣдуетъ ли просить поддержки правительства. Только боязнь, что ихъ намѣренія будутъ неправильно истолкованы, побудила ихъ дѣйствовать безъ содѣйствія и вѣдома императора". La Russie I, 73.

[3]) Г. А. I, В. № 230.

[4]) „Очерки общественнаго движенія", изд. 3-е, стр. 379 — 380, 553 — 558, 562, 567.

двухъ очень важныхъ параграфовъ устава Союза Добродѣтели, въ которыхъ непремѣннымъ условіемъ пріема въ члены Союза для землевладѣльцевъ, имѣющихъ помѣстныхъ «подданныхъ» (Unterthanen), было постановлено, чтобы они обязались: въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ вступленія въ союзъ или, по крайней мѣрѣ, къ концу того же хозяйственнаго года, и во всякомъ случаѣ, еще до 1810 года, когда по закону 9 октября 1807 г. окончательно прекращалось существованіе наслѣдственной зависимости, «освободить ихъ отъ поддаппическихъ отношеній» (Unterthänigkeit) и, посредствомъ полюбовнаго соглашенія относительно работъ, обратить ихъ условное владѣніе землею въ свободную собственность, по возможности совершенно достаточную для пропитанія трудолюбиваго семейства [1]). Опущеніе этихъ параграфовъ показываетъ, что не только мысль объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ не созрѣла еще среди основателей Союза Благоденствія, но въ уставѣ его они не рѣшились прямо говорить о какомъ бы то ни было освобожденіи крѣпостныхъ [2]). Но если, такимъ образомъ, соціальное міросозерцаніе составителей устава Союза Благоденствія стояло на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ составителей устава Tugendbund'a (это объясняется тѣмъ, что для всей Пруссіи былъ уже изданъ 9 октября 1807 г. законъ объ уничтоженіи наслѣдственнаго подданства [3]), а у насъ во время составленія устава Союза Благоденствія крѣпостное право было уничтожено лишь въ Царствѣ Польскомъ и начинало уничтожаться въ Остзейскомъ краѣ), то за то въ смыслѣ политическаго либерализма первые были неизмѣримо выше вторыхъ, что, впрочемъ, зависитъ и отъ болѣе поздняго, на цѣлые десять лѣтъ, учрежденія Союза Благоденствія, а за это время и политическое міросозерцаніе нѣмцевъ сдѣлало весьма значительные успѣхи. Какъ бы то ни было, весьма важно для характеристики настроенія членовъ Союза Благоденствія, что они не воспользовались цѣлымъ рядомъ параграфовъ устава Союза Добродѣтели, въ которыхъ высказывалась преданность монарху, предписывалось за-

---

[1]) Gesetz I, § 21 — 22. Эти постановленія, съ ничтожными редакціонными варіантами, сохранены и во 2-й ред. устава Tugendbund'a, см. *Lehmann*, S. 156 §§ 20—21.

[2]) Впрочемъ, члены Союза должны были подвергать осужденію тѣхъ господъ, крестьяне которыхъ бродятъ по міру, и стараться „склонять помѣщиковъ къ хорошему съ крестьянами обхожденію, представляя, что подданные такіе же люди и что никакихъ въ мірѣ отличныхъ правъ не существуетъ, которыя дозволили бы властителямъ жестоко съ подвластными обходиться". *Пыпинъ*, 565, §§ 11—12.

[3]) См. *Knapp*. Die Bauern-Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. 1887, I, 135—136, стр. 22—28 (есть русскій переводъ С. Зака). Та часть сочиненія Кнаппа, гдѣ характеризуется бытъ крестьянъ, наиболѣе точно переведена въ изданіи М. И. Водовозовой „Освобожденіе крестьянъ на Западѣ и исторіи поземельныхъ отношеній въ Германіи". Пер. подъ редакц. П. В. Водовозова и С. Н. Булгакова. М. 1897, см. стр. 138—143.

щищать государя и домъ Гогенцоллерновъ «отъ напора безнравственнаго духа времени», а также выслѣживать измѣнническія сношенія и чрезъ высшихъ представителей союза предавать ихъ начальству. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ, вѣроятно, объ измѣнническихъ сношеніяхъ съ иностраннымъ государствомъ [1]), но все же Союзъ Добродѣтели не пожелалъ взять на себя обязанности ни защищать русское правительство «отъ напора духа времени», ни предупреждать государственную измѣну [2]). Требованіе устава Союза Добродѣтели защищать правительство и существующій политическій строй находилось въ самомъ рѣзкомъ разногласіи съ убѣжденіями составителей устава Союза Благоденствія, часть которыхъ (Трубецкой и Н Муравьевъ) были членами Союза Спасенія, ставившаго одною изъ своихъ задачъ достиженіе политической свободы. Составители устава Союза Благоденствія не возвысились до признанія равноправія всѣхъ религій, такъ какъ членами Союза могли быть только христіане (книга II, гл. I, § 2), о чемъ въ уставѣ Союза Добродѣтели не упоминается [3]). Что касается соціальнаго положенія лицъ, желающихъ сдѣлаться его членами, то по уставу Союза Благоденствія онъ «не взираетъ на различіе состояній и сословій», но, од-

[1]) Во введеніи первой редакціи устава Союза Добродѣтели (§ 11) сказано, что этотъ союзъ „составляетъ среди народа оплотъ трона нынѣшняго властелина Пруссіи и дома Гогенцоллерновъ противъ безнравственнаго духа времени". Въ § 21 того же введенія: „Союзъ Добродѣтели создаетъ общественное мнѣніе въ низшихъ классахъ народа, благопріятное для государя и правительства". Въ § 22: Союзъ ставитъ себѣ задачею бороться съ вреднымъ вліяніемъ „подкупленныхъ писателей", которые проповѣдуютъ уничтоженіе „существующихъ порядковъ". Въ § 9 отдѣла 1-го устава: „Ни одинъ чиновникъ изъ уступленныхъ... прусскихъ провинцій, который оказался виновнымъ въ участіи въ тамошнемъ возстаніи, въ помощи инсургентамъ или въ нарушеніи своего долга, не можетъ быть принятъ въ Союзъ". Въ постановленіяхъ о полиціи (Gesetz III, Abtheilung 6, §§ 154 и 155) сказано: „за сношеніями, имѣющими цѣлью измѣну государству, должно слѣдить съ величайшею настойчивостью и къ подозрительнымъ лицамъ приставлять тайныхъ наблюдателей. Если членъ союза заподозритъ кого-либо, то долженъ указать на него своему цензору и продолжать въ полной тайнѣ свои наблюденія до того, когда будетъ имѣть возможность предъявить несомнѣнныя доказательства". Въ уставѣ Союза Благоденствія есть правило, что „всякій членъ, подъ опасеніемъ взысканія, обязанъ *властямъ союза*" (а не правительству, какъ въ уставѣ Tugendbund'a) „доносить о всѣхъ противозаконныхъ и постыдныхъ дѣяніяхъ своихъ сочленовъ". *Пыпинъ*, 555, § 10. Впрочемъ, въ третьей редакціи устава Союза Добродѣтели система тайнаго надзора и доносовъ была устранена. *Fournier*, 319.

[2]) Нужно обратить также вниманіе на то, что въ подпискѣ вступающаго въ Союзъ Добродѣтели онъ давалъ обязательство „съ особенною вѣрностью быть преданнымъ теперешнему королю и его семейству", въ уставъ же Союза Благоденствія это мѣсто не было включено.

[3]) Однако, фактически, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, евреи не имѣли доступа въ Союзъ Добродѣтели. *Lehmann*, 31, *Voigt*, 38. У насъ въ числѣ членовъ Союза Благоденствія былъ одинъ еврей (Перетцъ), но евангелическаго исповѣданія.

нако, членами могли быть только «вольные люди» [1]). Женщины не могли быть членами ни Союза Добродѣтели, ни Союза Благоденствія. Но въ уставѣ послѣдняго прибавлено: «должно, однако жъ, стараться нечувствительнымъ образомъ склонять» женскій полъ «къ составленію человѣколюбивыхъ и вообще частныхъ обществъ, соотвѣтствующихъ цѣли Союза» [2]).

Любопытно постановленіе устава Союза Благоденствія, вызванное желаніемъ оградить Союзъ отъ преслѣдованія со стороны правительства, что «вступленіе въ такія общества, кои правительствомъ не одобрены, членамъ союза воспрещается, ибо онъ, дѣйствуя къ благу Россіи и, слѣдовательно къ цѣли правленія, не желаетъ подвергнуться его подозрѣнію» [3]). Въ первой редакціи устава Союза Добродѣтели этому соотвѣтствуетъ постановленіе, что онъ представляетъ «общество (öffentliche Gesellschaft), которое старается пользоваться одобреніемъ каждаго правительства» (введеніе, § 27). Впрочемъ, уставъ Союза Благоденствія повторяетъ правило устава Союза Добродѣтели, что «никто безъ особеннаго порученія» не можетъ съ посторонними говорить о занятіяхъ и дѣлахъ союза, а также безъ особеннаго позволенія письменно (въ уставѣ Тугендбунда—посредствомъ печати) излагать свои мысли ни за, ни противъ союза. Въ другомъ мѣстѣ устава Союза Благоденствія сказано, что «никакое сочиненіе не издается отъ Союза безъ согласія правленія онаго» [4] .

Въ первой части «законоположенія Союза Благоденствія» не выражается какой-либо опредѣленной политической программы. Во вступленіи» указывается на необходимость «соблюденія блага общаго», какъ на первый, естественный законъ общества, на то, что всякое правительство должно имѣть цѣлью «благо управляемыхъ», что безъ добрыхъ нравовъ народа правительство не можетъ удержать государство отъ паденія, что противодѣйствовать господствующему злу можно не иначе, какъ «отстраненіемъ личныхъ выгодъ и совокупленіемъ общихъ силъ добродѣтели противъ порока». Поэтому Союзъ Благоденствія считаетъ своею обязанностью «распространеніемъ между соотечественниковъ истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія». Такъ какъ одно время была даже рѣчь о томъ, чтобы, по примѣру нѣмецкаго Союза Добродѣтели, представить уставъ Союза Благоденствія

[1]) Въ уставѣ же Союза Добродѣтели было сказано, что въ немъ „исчезаетъ всякое различіе сословія и званія“ (Gesetz I, § 23). Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ устава Союза Благоденствія это послѣднее правило Союза Добродѣтели было повторено уже безъ оговорки: „различіе гражданскихъ состояній и званій въ союзѣ уничтожается“. *Пыпинъ*, 555, § 13.

[2]) *Пыпинъ*, 553, § 3.

[3]) *Пыпинъ* 555, § 16.

[4]) Ibid. § 17; стр. 564, § 3.

на утвержденіе правительства, то Союзъ выражаетъ надежду на «доброжелательство правительства», но все же рѣшаетъ дѣйствовать втайнѣ «во избѣжаніе нареканій злобы и зависти».

Цѣлью Союза были слѣдующія четыре отрасли дѣятельности: 1) человѣколюбіе, 2) образованіе, 3) правосудіе, 4) общественное хозяйство. Задачею первой отрасли являлось наблюденіе за больницами, сиротскими домами и проч., учрежденіе новыхъ заведеній этого рода, надзоръ за тюрьмами и острогами, проповѣдь гуманнаго обращенія съ крѣпостными и порицаніе иначе относящихся къ нимъ, предоставленіе работы праздношатающимся учрежденіемъ рабочихъ заведеній, устройство пристанищъ для дряхлыхъ и увѣчныхъ, учрежденіе въ большихъ и губернскихъ городахъ «приказовъ» для всѣхъ свободныхъ людей, желающихъ получить мѣсто или работу [1]). Вторая отрасль—образованіе—имѣла цѣлью: 1) распространеніе правилъ нравственности, 2) воспитаніе юношества и 3) распространеніе познаній. Пропагандируя правила нравственности, должно было показывать «неразрывность собственнаго блага съ общимъ и ничтожность такъ называемыхъ личныхъ выгодъ», бороться съ лихоимствомъ, съ «жестокостью съ подвластными» (очевидно, тутъ имѣлись въ виду не только крестьяне, но и солдаты) [2]), осмѣивать чрезмѣрное стремленіе къ удовольствіямъ, и «нелѣпую приверженность къ иноземному», предоставлять женщинамъ «новое поприще дѣйствій въ распространеніи возвышенныхъ чувствованій... любви къ отечеству и къ истинному просвѣщенію», объединять молодыхъ людей въ обществахъ для полезныхъ занятій, но съ тѣмъ, чтобы ихъ послѣдствіемъ, а также «всѣхъ дѣйствій, всѣхъ помышленій, было *общее благо*». Члены, желающіе оказать пользу воспитанію юношества, должны были собирать свѣдѣнія о существующихъ въ государствѣ учебныхъ заведеніяхъ, указывать средства для исправленія ихъ недостатковъ, стараться участвовать въ управленіи учебными заведеніями и самимъ заводить ихъ; члены, имѣющіе помѣстья, должны были по возможности заводить училища въ своихъ деревняхъ [3]). Наи-

[1]) Въ уставѣ Союза Добродѣтели, не ограничиваясь такими бюро для пріисканія работы, рекомендовалось устройство колоній для бѣдныхъ. Члены Союза должны были также защищать рекомендованныхъ ими рабочихъ отъ чрезмѣрной строгости и несправедливости господина (Gesetz III, 125, 126, 165).

[2]) Кн. Волконскій въ показаніи на слѣдствіи прямо говоритъ, что одною изъ цѣлей Союза Благоденствія было уничтоженіе жестокаго обращенія съ нижними чинами и охраненіе собственности ихъ отъ расхищенія. По словамъ Комарова, одною изъ задачъ Союза было распространеніе кроткаго обращенія въ войскахъ съ офицерами и солдатами. О дѣятельности членовъ тайнаго общества въ этомъ отношеніи мнѣ придется еще говорить.

[3]) Въ уставѣ Союза Добродѣтели рекомендовалось (Gesetz III, 2 Klasse, §§ 30 33) заводить въ университетахъ свободныя общества (подъ именемъ „Нѣмецкій Союзъ“); въ уставѣ Союза Благоденствія этого нѣтъ. Различныя свободныя общества (Freivereine) уставъ Союза Добродѣтели совѣтовалъ устраивать и внѣ университетовъ, при чемъ этимъ могли заниматься какъ духовныя, такъ

болѣе важными для воспитанія сердца и разсудка отраслями знанія Союзъ считалъ «точныя науки», «бытописаніе» и «государственныя науки»; онъ придавалъ большое значеніе и образованію женщинъ. Распространять познанія, какъ и все остальное, слѣдовало: личнымъ примѣромъ, словомъ и письмомъ. Члены союза должны были дѣлаться членами ученыхъ обществъ, сочинять и переводить книги. Дѣятельность по первой и второй его отрасли должна была выражаться, между прочимъ, и въ выпускѣ въ свѣтъ соотвѣтственныхъ періодическихъ изданій [1]).

Дѣятельность членовъ третьей отрасли (правосудіе) должна была состоять въ томъ, чтобы не отказываться отъ должностей, особенно по выборамъ дворянства, наблюдать за исполненіемъ чиновниками ихъ служебныхъ обязанностей, вникать въ дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ и военныхъ судовъ [2]) и стараться склонять все на сторону справедливости, соглашать «различныя племена, состоянія, сословія» и направлять ихъ всѣ «къ благоденствію Россіи», искоренять злоупотребленія, вкравшіяся въ военную службу, восхвалять помѣщиковъ, извѣстныхъ добрымъ обхожденіемъ съ подвластными, «истреблять» продажу крѣпостныхъ людей въ рекруты, отклонять отъ продажи людей по-одиночкѣ, объясняя, что они— не товаръ, и что такая торговля людьми неприлична христіанамъ, устраивать вольныя общества для подавленія порока и неправды, въ которыхъ должна была собираться «общественная казна» для вознагражденія потерпѣвшихъ за правду.

Четвертая отрасль союза должна была заниматься «общественнымъ хозяйствомъ, т. е. изысканіемъ непреложныхъ правилъ общественнаго богатства»: она обращаетъ особенное вниманіе на хлѣбопашество, «покровительствуетъ» (?) всякой полезной промышленности, имѣетъ надзоръ (?) надъ внѣшнею и внутреннею торговлею. Члены этой отрасли въ мѣстахъ своего жительства по возможности устраиваютъ «страховые приказы» для вознагражденія убытковъ отъ пожара и другихъ несчастныхъ случаевъ, заводятъ вольныя общества для усовершенствованія хлѣбопашества и проч. [3]). Составленіе устава Союза Благоденствія про-

---

и другія лица (Gesetz III, § 68); рекомендовалось и устройство стрѣлковыхъ обществъ. Gesetz III, § 82.

[1]) Уставъ Союза Добродѣтели рекомендовалъ въ журналѣ союза, посвященномъ литературѣ, защищать свободу мысли и слова (Gesetz III, § 108); въ уставѣ Союза Благоденствія это правило отсутствуетъ, быть можетъ потому что оно находится въ той части устава, которая могла остаться неизвѣстною членамъ Союза Благоденствія.

[2]) Это правило отчасти объясняетъ интересъ, который И. И. Тургеневъ обнаруживалъ и относительно военнаго судопроизводства.

[3]) Первая часть Устава Союза Благоденствія напечатана А. Н. Пыпинымъ въ приложеніи къ его извѣстной книгѣ „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 3-е, стр. 547—576.

должалось четыре мѣсяца, затѣмъ уставъ Союза Спасенія былъ сожженъ, и общество начало свое существованіе въ 1818 году.

Хотя значительное вліяніе на уставъ Союза Благоденствія устава нѣмецкаго Союза Добродѣтели совершенно несомнѣнно, но нѣкоторыя лица, приближенныя къ импер. Александру, искали образца для перваго устава въ другомъ мѣстѣ. Генералъ-адъютантъ А. И. Чернышевъ представилъ императору Александру въ 1822 г. уставъ Союза Благоденствія, при чемъ сопоставилъ его съ нѣкоторыми мѣстами, заимствованными изъ двухъ книгъ объ извѣстномъ орденѣ иллюминатовъ: «Оригинальныя» (или «подлинныя») «писанія ордена иллюминатовъ, книга I», найденныя у нихъ при обыскѣ и напечатанныя въ Мюнхенѣ въ 1787 году [1]) и «Полная исторія гоненія (sic) иллюминатовъ въ Баваріи» (сочиненіе основателя ордена, проф. Вейсгаупта). Однако, совпаденія постановленій иллюминатовъ съ правилами Союза Благоденствія весьма невелики. Такъ, правило устава этого Союза: «подъ его надзоромъ должны находиться всѣ безъ исключенія народныя учебныя заведенія» сопоставлено съ правиломъ ордена иллюминатовъ: «всѣ нѣмецкія школы состоятъ подъ орденомъ и управляются членами онаго». («Подлинныя писанія иллюминатовъ», стр. 10). По оно, вѣроятно, заимствовано изъ слѣдующаго постановленія устава Союза Добродѣтели: «всѣ общественныя воспитательныя заведенія состоятъ подъ тайнымъ надзоромъ соотвѣтственнаго отдѣла союза» (Gesetz III, I Klasse, § 13). Точно такъ же не убѣдительно сопоставленіе правила Союза Благоденствія о занятіи членовъ сочиненіями и переводомъ книгъ и о допущеніи «въ словесности» только истинно-изящнаго и отверженіи всего худого и посредственнаго» [2]) съ тѣмъ, что, по статуту ордена иллюминатовъ, члены его должны «распространять художества, науки и хорошій вкусъ, противясь всему, что сему мѣшаетъ» [3]); приведенное правило Союза Благоденствія, очевидно, заимствовано изъ устава Союза Добродѣтели, одинъ изъ параграфовъ котораго гласитъ: «въ отечественной литературѣ союзъ поддерживаетъ классическое, пробуждаетъ равнодушіе къ господствующей посредственности и презрѣніе къ дурному» (Einleitung, § 24). Правило Союза Благоденствія, что онъ «не взираетъ на различіе состояній и сословій», заимствовано не изъ постановленія иллюминатовъ: «исчезаетъ въ орденѣ всякое различіе чиновъ и званія», а, какъ было уже указано,

[1]) Einige Originalschriften des Illuminatenordens, welche bei dem gewesenen Regier.-Rath Zwack durch vorgenommene Hausvisitation zu Landshut, den 11 und 12 October 1786, vorgefunden worden, auf Befehl Sr. Churfürstl. Durchlaucht zum Druck befördert. 1787. Этой книги нѣтъ въ петербургскихъ библіотекахъ.

[2]) *Пыпинъ*, 552.

[3]) Vollständige Geschichte der Verfolgung der Illuminaten in Bayern, I Band. 1786, S. 121.

изъ устава Союза Добродѣтели [1]). Мы видѣли выше, что Н. И. Тургеневъ былъ знакомъ съ ученіемъ иллюминатовъ, но при составленіи устава Союза Благоденствія онъ не былъ еще его членомъ. Возможно, конечно, что уставы иллюминатовъ имѣли вліяніе на составителей устава Союза Добродѣтели [2]), но при сочиненіи правилъ Союза Благоденствія непосредственнаго вліянія, вопреки указаніямъ доклада Чернышева, они не оказали [3]).

Союзъ Благоденствія сдѣлалъ крайне мало для осуществленія поставленныхъ имъ себѣ задачъ, но все же его члены пропагандировали мысль объ уничтоженіи крѣпостного права (см. гл. XI), нѣкоторые изъ нихъ улучшали бытъ своихъ крестьянъ, заводили для нихъ училища [4]).

Въ дѣлѣ устройства школъ дѣятельность членовъ Союза Благоденствія совпадала съ дѣятельностью нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ. Такъ, въ январѣ 1819 г. былъ утвержденъ государемъ уставъ «С.-Петербургскаго общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія Бэля и Ланкастера» [5]). Двое изъ главныхъ дѣятелей этого общества, извѣстный художникъ гр. Ѳ. П. Толстой, предсѣдатель общества, и Ѳ. Н. Глинка, помощникъ предсѣдателя, были и членами масонской ложи Избраннаго Михаила, и членами Союза Благоденствія. Общество открыло въ 1819 г. въ Петербургѣ училище для бѣдныхъ мальчиковъ на 250 чел. (но училось и болѣе); оно просуществовало до 1827 г. и закрылось по недостатку средствъ [6]).

---

[1]) Gesetz I, § 23. Военно-Учен. Архивъ, Отд. I, № 509-а, л. 1–86: Гос. Арх. I В. № 10; на копіи, найденной въ бумагахъ гр. Дибича, рукою гр. Чернышева написано: „L'original a été remis à Sa Majesté le 23 de mars 1822". „Рус. Стар." 1904 г. № 5, стр. 242.

[2]) Иллюминатами интересовались нѣкоторые наши масоны. Гос. Арх. I В. № 499 „Fragment sur les Illuminés de Bavière" (рукописи кн. Баратаева).

[3]) Объ иллюминатахъ см. ст. *Kluckhohn'a* въ его книгѣ Vorträge und Aufsätze, 1904 и въ Allgemeines Handbuch der Freimaurerei. 2 Aufl. von Lenning's Encyklopädie, 1863, II Band (въ 3-мъ изд. 1900 г. статья эта сокращена).

[4]) Напр. И. Д. Якушкинъ въ своемъ имѣніи въ Вяземскомъ у. Смоленской губ. См. въ *Добавленіяхъ*.

[5]) Проектъ устава этого общества см. въ „Рус. Стар." 1881 г. т. XXX, стр. 181—183. Утвержденный государемъ 14 янв. 1819 г. уставъ общества см. „Рус. Вѣсти." 1819 г. № 5, стр. 29—37.

[6]) См. о немъ и петербургской школѣ „Сынъ Отечества" 1820 г. ч. 63, стр. 129—134 и воспоминанія гр. Ѳ. П. Толстого въ „Рус. Стар." 1878 г. т. 21, 214—222. Часть денегъ, оставшихся отъ Союза Благоденствія, какъ видно изъ показанія С. Трубецкого, была отдана училищу взаимнаго обученія. Объ училищахъ по этой методѣ въ Россіи см. „Сынъ Отечества" 1823 г. № 10, стр. 97—107; *Пыпинъ*, „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I", изд. 3-е, стр. 334–342; *С. В. Рождественскій*, „Историч. обзоръ дѣятельности мин. нар. просвѣщ." 1902 г. стр. 145—148; *Вороновъ*, „Истор. стат. обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа". Спб. 1849, стр. 155—157, 221—225. О ланкастерскихъ училищахъ въ гвардіи см. въ *Добавленіяхъ*. Кн. С. П. Трубецкой

Примѣненіемъ у насъ ланкастерской методы взаимнаго обученія [1]) много занимался М. Ѳ. Орловъ и до того, какъ онъ вступилъ въ Союзъ Благодѣнствія, и въ то время, какъ онъ былъ членомъ этого общества. Ланкастерская школа была учреждена въ Кіевѣ въ 1817 г. еще до пріѣзда туда Орлова [2]) генераломъ Н. Н. Раевскимъ, но въ ней было всего 40 кантонистовъ. Въ 1819 г. Орловъ довелъ число учениковъ въ ней до 800 человѣкъ, при чемъ на ряду съ дѣтьми учились и нѣкоторые пожилые солдаты. Въ школѣ этой преподавали, кромѣ чтенія и письма, ариѳметику, черченіе, исторію, географію и законъ Божій. Мартосъ, посѣтившій школу около 1820 г., нашелъ въ ней уже до 1800 учениковъ. Обучавшіеся здѣсь учителя преподавали въ подобныхъ же школахъ въ Москвѣ, Могилевѣ и Херсони [3]).

23 іюля 1819 г. Орловъ писалъ Киселеву: «Знаешь-ли, что сочиняю грамматику? Вотъ куда чортъ меня дернулъ! Ужъ много сдѣлано и примѣнено къ ланкастерской методѣ, которая, можетъ быть, въ отечествѣ нашемъ будетъ называться нѣкогда орловскою методою, ибо теперь я все нормальное ученіе преклоняю къ оной, что будетъ совершеннымъ изобрѣтеніемъ, ибо нигдѣ еще не сдѣлано въ самой образованной Европѣ». Орловъ усердно собиралъ пожертвованія и для «Общества взаимнаго обученія», учредившаго школу въ Петербургѣ, о чемъ онъ оффиціально писалъ Киселеву 6 ноября 1819 г. и 16 мая 1820 г. изъ Кіева. Съ такимъ же вниманіемъ къ учрежденію школъ относился Орловъ и послѣ назначенія его начальникомъ 16-й дивизіи. 17 ноября 1820 г. онъ писалъ Киселеву изъ Кишинева, «что на всѣ школы»у него собрано 13.200 руб. въ годъ [4]). По свидѣтельству Н. Тургенева, Орловъ жертвовалъ на ланкастерскія школы получаемое

говоритъ въ одномъ изъ показаній, что многіе члены Тайнаго общества вошли въ „общество для заведенія училищъ взаимнаго обученія, котораго однако-жъ отъ упадка не поддержали".

[1]) См. о ней книгу *Гамеля* „Описаніе способа взаимнаго обученія по системамъ Белла, Ланкастера и другихъ, въ коемъ изложены начало и успѣхъ сего способа въ Англіи, во Франціи и въ другихъ странахъ и подробно изъяснены правила и порядокъ употребленія онаго въ училищахъ". Переводъ Кнаппе По Высоч. повелѣнію изданo Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Спб. 1820.

[2]) Въ этомъ году онъ былъ назначенъ въ Кіевъ на мѣсто начальника штаба 4-го корпуса.

[3]) *М. О. Гершензонъ*. „Исторія Молодой Россіи", стр. 10—13; „Кіевская Старина" 1897 г. № 7—8, стр. 65—69; „Столѣтіе военнаго министерства. Главный Штабъ", ч. 1, кн. 1, отд. II, прилож. стр. 69. Въ черновомъ наброскѣ посланія въ стихахъ къ Орлову, во время пребыванія его въ Кіевѣ, Жуковскій говоритъ: „Ты по ланкастерской методѣ мальчишекъ учишь говорить о славѣ, пряпкахъ, природѣ, о кубаряхъ и о свободѣ". Бумаги Жуковскаго. „Отч. Имп. Публ. Библ. за 1884 г." стр. 61.

[4]) Рук. отд. библіот. Акад Наукъ. Бумаги гр. Н. Д Киселева. Письма М. Ѳ. Орлова къ Киселеву *„Заблоцкій-Десятовскій.* „Гр. П. Д. Киселевъ и его время". I, 224.

имъ жалованье и истратилъ на нихъ значительную часть своего состоянія [1]).

11 марта 1818 г. Орловъ писалъ въ комитетъ Парижскаго Общества начальнаго образованія, котораго онъ былъ членомъ: «Мы нуждаемся болѣе, чѣмъ всякая другая страна, въ либеральныхъ учрежденіяхъ, которыя распространяютъ просвѣщеніе, но ихъ послѣдствія у насъ будутъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, чувствительны. Другіе народы, быть можетъ, имѣютъ надъ нами преимущество въ бо́льшемъ распространеніи цивилизаціи; мы же находимся сравнительно съ ними въ болѣе выгодномъ положеніи въ томъ отношеніи, что стремимся къ просвѣщенію, не имѣя нужды свергать иго старинныхъ предразсудковъ, и начальныя школы учредятся у насъ, не возбуждая ни критики педантовъ, ни пристраснаго противодѣйствія привилегированной касты».

Однако, М. Ѳ. Орловъ былъ настроенъ въ это время слишкомъ оптимистически, и будущее показало, что и въ Россіи не всегда ланкастерскія школы встрѣчали благосклонное отношеніе со стороны правительства.

Въ концѣ письма отъ 11 марта 1818 г. въ комитетъ Парижскаго Общества начальнаго образованія Орловъ проситъ выслать ему лучшіе труды о новой методѣ (ланкастерской) начальнаго обученія, какъ элементарные, такъ и болѣе обширные [2]). Присланныя изъ Франціи пособія сыграли любопытную роль въ исторіи нашихъ военныхъ ланкастерскихъ школъ.

14 августа 1820 г. начальникъ главнаго штаба кн. Волконскій приказалъ спросить московскаго коменданта, г.-м. Волкова, откуда онъ взялъ печатныя таблицы для школы взаимнаго обученія, въ которой обучались воспитанники московскаго военно-сиротскаго отдѣленія, и если онѣ переведены съ иностраннаго языка, то кѣмъ именно. Оказалось, что Волковъ посылалъ учителя Милютина въ кіевское военно-сиротское отдѣленіе для изученія ланкастерской методы, и онъ привезъ оттуда таблицы для чтенія, скопированныя имъ съ тѣхъ, *какія были выписаны г.-м. Орловымъ для кіевскаго отдѣленія изъ Франціи* [3]).

Въ таблицахъ, полученныхъ въ Москвѣ изъ Кіева, очевидно, ока-

---

[1]) „La Russie et les Russes" I, 160 Ш, 168—169. Въ Кіевѣ существовала еще школа взаимнаго обученія при 3 понтонной ротѣ на 160 челов., заведенная полк. Шварценбергомъ, членомъ масонской ложи „Соединен. славяне".

[2]) „Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1896 г." Спб. 1900 г., стр. 192—195.

[3]) Въ Москвѣ ихъ вызвался награвировать граверъ Кудряковъ, а типографщикъ Селивановскій напечаталъ ихъ безплатно, за что они были награждены по приказанію государя. Съ марта мѣсяца 1819 г. началось ученіе по этимъ таблицамъ, а въ декабрѣ того же года онѣ были замѣнены таблицами для чтенія съ текстомъ изъ священнаго писанія, изданными министерствомъ народнаго просвѣщенія.

залось что-то нежелательное съ правительственной точки зрѣнія, потому что 5 ноября 1820 года князь Волконскій, начальникъ главнаго штаба, объявилъ повелѣніе государя, чтобы изъ московскаго военно-сиротскаго отдѣленія были отобраны всѣ таблицы для чтенія, напечатанныя съ тѣхъ, которыя привезены изъ Кіева, «не оставляя ни подъ какимъ видомъ ни одной въ училищѣ», а также откуплены какъ доски, съ которыхъ онѣ печатались, такъ и всѣ оттиски, если они остались у гравера или типографа. Московскому коменданту Волкову было предписано всячески стараться «безъ малѣйшей огласки» отобрать эти таблицы по всей Москвѣ, такъ чтобы ни подъ какимъ предлогомъ ни одного экземпляра ни у кого не осталось. Волковъ нашелъ въ военно-сиротскомъ отдѣленіи 490 экземпляровъ таблицъ; было выкуплено небольшое количество ихъ у типографа Селивановскаго, и еще найдено три экземпляра въ другихъ мѣстахъ. Волковъ утверждалъ, что больше ни у кого этихъ таблицъ въ Москвѣ нѣтъ. Всѣ отобранные и выкупленные экземпляры въ пяти тюкахъ были отправлены въ Петербургъ. Затѣмъ разосланы были предписанія о возвращеніи экземпляровъ, проданныхъ во 2-ю гренадерскую дивизію и отправленныхъ изъ Москвы въ военно-сиротскія отдѣленія: астраханское, казанское, нижегородское и архангельское (въ первыя три—въ весьма большомъ количествѣ). Государь велѣлъ вытребовать и тѣ экземпляры, которые были представлены изъ типографіи въ цензуру. Смотрителю кіевскаго военно-сиротскаго отдѣленія предписано было также выслать въ Петербургъ всѣ экземпляры таблицъ, употребляемыхъ для обученія чтенію [1]).

Ланкастерскою школою въ Кишиневѣ завѣдывалъ извѣстный пріятель Пушкина, членъ Союза Благоденствія, маіоръ В. Ѳ. Раевскій, вступившій вмѣстѣ съ нимъ въ кишиневскую масонскую ложу Овидія. Пропаганда въ школѣ и вообще среди нижнихъ чиновъ вызвала многолѣтнее слѣдствіе и тюремное заключеніе Раевскаго.

Изъ общаго заключенія корпуснаго командира Сабанѣева (1823 г.) и доклада императору Николаю (1827 г.) видно, въ чемъ обвиняли Раевскаго. Ему ставили въ вину между прочимъ: 1) «употребленіе письменныхъ прописей въ дивизіонныхъ юнкерской и ланкастерской школахъ» [2]); 2) «разговоры о правительствѣ съ воспитанниками съ невыгодной стороны»; 3) «позволеніе читать нижнимъ чинамъ журналы и другія книги безъ особеннаго на то отъ начальства разрѣшенія»; 4) «одобреніе поступковъ Семеновскаго полка» (волненія 1820 г.); 5) его

[1]) Секретный журналъ Главнаго Штаба и дѣло Арх. Главнаго Штаба по секретной описи № 5. (Бумаги Н. Ѳ. Дубровина въ рук. отд. библ. Ак. Наукъ).

[2]) Грибовскій въ своемъ доносѣ (1821 г.) указывалъ на опасность ланкастерскихъ школъ. Изъ позднѣйшаго доклада о Раевскомъ видно, что было найдено преступнаго въ этихъ прописяхъ (см. ниже).

слова солдатамъ, «что ихъ никто не смѣетъ тронуть»; 6) дружеское обхожденіе съ нижними чинами (онъ позволялъ имъ сидѣть предъ собою, цѣловалъ ихъ, подчивали другъ друга табакомъ); 7) «говорилъ нижнимъ чинамъ, что если кто-либо ихъ тронетъ, то чтобы вышли 10 человѣкъ впередъ и, уничтожа одного, спасли 200» [1]); 8) «разсказывалъ нижнимъ чинамъ, что въ какомъ-то полку солдаты подняли полковника своего на штыки» [2]); 9) «говорилъ унтеръ-офицерамъ на гауптвахтѣ: «Вы рады, что я оставляю роту, чтобы имѣть случай безъ меня тиранить солдатъ, однако, я черезъ мѣсяцъ или черезъ два явлюсь опять предъ ротою, и ежели узнаю, что кто-нибудь толкнетъ солдата, то велю того на штыки поднять». «Изъ всѣхъ разговоровъ Раевскаго съ нижними чинами, обхожденія его съ ними и внушеній, имъ дѣлаемыхъ», по словамъ Сабанѣева, «ясно видно, что Раевскій старался всѣми противозаконными средствами снискать любовь и довѣренность къ себѣ нижнихъ чиновъ, пользовался всѣми случаями, когда только могъ имъ напомнить о тягости службы, поселялъ въ нихъ недовѣрчивость и даже ненависть ко всѣмъ тѣмъ изъ начальниковъ, кои были противнаго ему образа мыслей; говоря съ похвалою о поступкѣ Семеновскаго полка и какомъ-то полковникѣ, коего солдаты будто бы подняли на штыки, какъ бы указывалъ имъ, что и они такимъ же образомъ поступать должны». Въ заключеніе Сабанѣевъ говоритъ, что Раевскій «употреблялъ средства, дабы посѣять въ юнкерахъ тѣ же правила, какими самъ онъ преисполненъ», и называетъ его «возмутителемъ».

Изъ доклада имп. Николаю 1827 г. видно, что Раевскаго обвиняли въ употребленіи, вмѣсто литографированныхъ прописей, собственныхъ рукописныхъ, въ которыхъ онъ помѣстилъ слова: «свобода, равенство, конституція, Квирога, Вашингтонъ, Мирабо» [3]), и въ томъ, что на урокахъ онъ между прочимъ говорилъ юнкерамъ: «Квирога, будучи полковникомъ, сдѣлалъ въ Мадридѣ революцію, и когда въѣзжалъ въ городъ, то самыя значительныя дамы и весь народъ вышли къ нему навстрѣчу и бросали цвѣты къ ногамъ его, а Мирабо былъ тоже участникомъ во французской революціи и писалъ много противъ государя, и что конституціонное правленіе лучше всѣхъ правленій, а особливо нашего, мо-

---

[1]) Въ другой части записки приведено показаніе офицера, портупей-юнкера и рядового относительно этого совѣта Раевскаго убить одного тирана, который осмѣлится „ихъ тронуть". Но ни офицеры, ни солдаты роты Раевскаго этого не подтвердили.

[2]) Раевскій заявилъ, что былъ слухъ о такомъ событіи, но не думаетъ, чтобы онъ разсказывалъ о немъ „фельдфебелю или кому другому".

[3]) Такъ какъ начальникомъ дивизіи, въ которой служилъ Раевскій, былъ М. Ѳ. Орловъ, то весьма возможно, что эти прописи были списаны съ таблицъ, для чтенія, употреблявшихся въ кіевской военно-сиротской школѣ и истребленныхъ правительствомъ въ 1820 г.

нархическаго, которое» (такъ переданы слова Раевскаго въ оффиціальномъ докладѣ), «хотя и называется монархическимъ, но управляется деспотизмомъ». Раевскій все это отрицалъ, а относительно употребленія рукописныхъ прописей заявилъ, что онъ пользовался ими «по недостатку печатныхъ»; однако, большинство бывшихъ въ юнкерской школѣ портупей-прапорщиковъ и юнкеровъ подтвердило подъ присягою обвиненіе Раевскаго въ приведенныхъ выше «внушеніяхъ». Прописи, которыя должны были бы послужить къ уличенію Раевскаго, не были найдены [1]); но обвиненіе поддерживалось, кромѣ словесныхъ показаній, и тѣмъ, «что въ отысканной у юнкеровъ книжкѣ о правописаніи между прочими именами помѣщены Квирога и Мирабо», что въ географическихъ тетрадкахъ юнкерской школы подъ заглавіемъ «о постановленіяхъ» названо правленіе «конституціонное самымъ лучшимъ, новѣйшимъ» и что въ одной черновой бумагѣ, найденной у Раевскаго, было сказано, что государь «медлитъ дать конституцію народу русскому, и милліоны скрываютъ свое отчаяніе до первой искры». Кромѣ того, Раевскаго обвиняли въ томъ, что, командуя ротою, онъ толковалъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ о конституціи и говорилъ, «что между солдатами и офицерами... должно быть равенство, и что природа создала всѣхъ одинаковыми». Раевскій же утверждалъ, что о равенствѣ солдатъ съ офицерами не говорилъ.

Когда онъ узналъ о волненіи Семеновскаго полка въ 1820 г., то при офицерахъ и нижнихъ чинахъ 32 егерскаго полка, а также и въ дивизіонной юнкерской школѣ хвалилъ семеновскихъ солдатъ, называлъ ихъ молодцами, а по показанію одного офицера, объявивъ при собраніи роты нижнимъ чинамъ объ этомъ происшествіи, сказалъ: «придетъ время, въ которое должно будетъ, ребята, и вамъ опомниться». Совѣтуя офицерамъ гуманно обходиться съ солдатами, порицая самымъ энергичнымъ образомъ «тиранство и варварство», Раевскій говорилъ офицерамъ, что «палки противны законамъ и природѣ», и называлъ злодѣемъ того, кто наказываетъ солдата.

Какъ уже было упомянуто, дѣло Раевскаго тянулось очень долго, и, наконецъ, по резолюціи имп. Николая 15 октября 1827 г., онъ былъ сосланъ на поселеніе [2]).

[1]) Вслѣдствіе того, что послѣ его ареста всѣ находившіяся въ школѣ таблицы, книги и разныя вещи были переданы служителю капитана Охотникова, также члена Тайнаго Общества, жившаго съ Раевскимъ на одной квартирѣ, а взяты были только печатныя таблицы Греча.

[2]) Военно-ученый Архивъ Главнаго Штаба, Отд. I, № 567; Арх. Главн. Военно-суднаго Управленія, Всеподд. доклады 1827 г. Ланкастерскія школы въ арміи были заподозрѣны, какъ это видно изъ слѣдующаго письма отъ 31 мая 1824 г. начальн. Глав. Штаба Дибича ген. Эссену въ отвѣтъ на увѣдомленіе, что „открыто и въ 4-мъ линейномъ Оренбургскомъ баталіонѣ ученіе по методѣ

Члены Союза Благоденствія, согласно уставу Общества, преслѣдовали злоупотребленія помѣщиковъ, уничтожали, насколько это отъ нихъ зависѣло, или, по крайней мѣрѣ, смягчали тѣлесныя наказанія солдатъ [1]), пропагандировали идеи о преобразованіи судопроизводства, объ уничтоженіи жестокихъ наказаній [2]) и проч., наконецъ, распространяли идеи о необходимости политической свободы. О послѣдней, правда, какъ мы видѣли, нигдѣ не говорилось въ уставѣ Союза Благоденствія, но это какъ бы подразумѣвалось въ немъ. Пестель въ одномъ своемъ показаніи заявилъ: «тайное наше общество было революціонное съ самаго начала своего существованія» (т. е. еще и въ періодъ Союза Спасенія) «и во все свое продолженіе не переставало никогда быть таковымъ. Перемѣны, въ немъ происходившія, касались собственнаго его устройства и положительнѣйшаго изъясненія его цѣли, которая всегда пребывала революціонная; и потому не было члена въ союзѣ, на котораго бы союзъ не надѣялся, именно для произведенія революціи, содѣйствія ея успѣхамъ или участія въ ней... Содержаніе Зеленой Книги (т. е. устава) «Союза Благоденствія было не что иное, какъ пустой отводъ отъ настоящей цѣли на случай открытія общества и для первоначальнаго показанія вступающимъ членамъ, коимъ всѣмъ послѣ вступленія дѣлалось сіе совершенно извѣстнымъ» [3]). Эти слова Пестеля являются преувеличеніемъ по крайней мѣрѣ относительно Союза Благоденствія, но все же съ ними слѣдуетъ считаться при оцѣнкѣ если не дѣятельности, то намѣреній многихъ членовъ этого союза, а что лучшіе члены его именно такъ по-

Ланкастера, всего на 80 человѣкъ". Дибичъ просилъ Эссена „обратить особенное вниманіе на заведенія сего рода" въ корпусѣ, которымъ онъ командовалъ и, „наблюдая строго, чтобъ въ образѣ преподаванія ученія не вкралось какихъ либо безпорядковъ и отступленій отъ принятыхъ правилъ, *не допускать вообще слишкомъ распространяться ученію по сей методѣ между нижними чинами*". Арх. Глав. Штаба, секрет. опись, 1824 г. д. № 17 (бумаги П. Ѳ. Дубровина). Тѣмъ не менѣе школы взаимнаго обученія продолжали существовать въ гвардіи, въ арміи и въ военныхъ поселеніяхъ. См. вѣдомости о нихъ въ „Запискахъ" изд. отъ Департ. Нар. Просв." 1827 г. кн. II, 435—447. Ср. *С. В. Рождественскій*, 147. Руничъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Ланкастерскія школы утратили значеніе". „Рус. Стар.", 1901 г. № 5, стр. 386.

[1]) Мих. Фонъ-Визинъ, М. Ѳ. Орловъ, В. Ѳ. Раевскій, С. П. Муравьевъ-Апостолъ, М. Бестужевъ.

[2]) См. далѣе въ гл. VIII. Н. Ѳ. Глинка собиралъ свѣдѣнія о жертвахъ тогдашнихъ нашихъ порядковъ. Такъ въ его бумагахъ есть данныя о мѣщанинѣ Юшковѣ, незаконно посаженномъ магистратомъ въ тюрьму, о прислугѣ Ромашевой, невинно наказанной плетьми за мнимую кражу, объ отставномъ солдатѣ Крюковѣ, невинно наказанномъ и сосланномъ въ Сибирь, о злоупотребленіяхъ помѣщика Есипова, о чрезмѣрной муштровкѣ солдатъ (бумаги Дубровина). Глинка считалъ своею обязанностью порицать рабство и содѣйствовать его уничтоженію.

[3]) Гос. Арх. I В. № 87, л. 14 об. „Я знаю по общимъ жалобамъ членовъ", говоритъ въ своемъ показаніи фонъ-деръ-Бриггенъ, „что начертанный въ Зеленой Книгѣ порядокъ никогда не соблюдался". Г. А. I В. № 372, л. 24.

нимали свою задачу, служить примѣромъ дѣятельность В. Ѳ. Раевскаго.

Какъ мы видѣли, уставъ Союза Благоденствія предписывалъ его членамъ устраивать различныя общества молодыхъ людей для полезныхъ занятій, вступать въ ученыя общества, выпускать въ свѣтъ повременныя изданія; слѣдовательно, уставу вполнѣ соотвѣтствовало участіе членовъ тайнаго общества въ литературныхъ обществахъ и кружкахъ.

Однимъ изъ негласныхъ кружковъ, гдѣ разсужденія о литературѣ и театрѣ и чтеніе литературныхъ произведеній сопровождались мечтаніями о вольности, было общество Зеленой Лампы, собиравшееся у учредителя его камеръ-юнкера Никиты Всеволод. Всеволожскаго, въ которомъ ближайшими участниками были: членъ Союза Благоденствія Як. Ник. Толстой [1]), лейбъ-гусаръ, членъ Союза Благоденствія Петръ Пав. Каверинъ, слушавшій въ 1810—12 г. лекціи въ гёттингенскомъ университетѣ [2]), офицеръ л.-гв. Егерскаго полка Д. Н. Барковъ, много переводившій для театра, лейбъ-уланъ Юрьевъ и нѣкоторые другіе; къ нему, хотя и недолго, принадлежалъ и извѣстный членъ Тайнаго Общества кн. С. П. Трубецкой. Однимъ изъ самыхъ близкихъ членовъ кружка былъ А. С. Пушкинъ [3]).

М. А. Фонъ-Визинъ прямо причисляетъ кружокъ Зеленой Лампы къ числу обществъ, учрежденныхъ членами Союза Благоденствія, «но отдѣльно отъ него подъ вліяніемъ его духа и направленія» [4]).

Трубецкой показалъ, что „1) общество Зеленой Лампы возымѣло начало въ 1818 г. и основано было камеръ-юнкеромъ Никитою В. Всеволожскимъ. 2) Цѣль сего общества была просто собираться читать сочиненія"

[1]) См. ст. *П. Е. Щеголева* „Изъ 20-хъ годовъ" въ изд. Академіи Наукъ „Пушкинъ и его современники", вып. II. Спб. 1905 г. Записки Е. Оболенскаго „XIX вѣкъ" изд. Бартенева, I, 320.

[2]) Г. А. I В. № 332а, л. 276. *M. Wischnitzer.* Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des XIX Jahrhunderts. Berl. 1907, S. 201. Вѣроятно, онъ, по показанію Якушкина, участвовалъ въ Москвѣ на съѣздѣ членовъ Союза Благод. См. біогр. свѣдѣнія о Каверинѣ въ „Остафьевскомъ Архивѣ" т. III, примѣч. В. И. Сантова, стр. 431, 432.

[3]) Объ обществѣ Зеленой Лампы см. въ статьѣ *Б. Л. Модзалевскаго.* „А. Н. Толстой" „Рус. Стар." 1899 г. № 9, стр. 589—596, статьи *Алексѣя Н. Всеволожскаго* „Періодъ Зеленой Лампы" и *П. О. Морозова* „Отъ лицея до ссылки" въ изданіи сочиненій Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова, 1907 г. т. I. Б. Л. Модзалевскій и П. О. Морозовъ называютъ въ числѣ участниковъ Зеленой Лампы извѣстнаго декабриста Якубовича: это могло быть только до 20 янв. 1818 г., когда онъ былъ переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. *Бобровскій.* „Исторія л.-гв. Уланскаго е. в. госуд. имп. Александры Ѳеодоровны полка", т. II, Спб. 1903 г. Прилож. стр. 306. П. О. Морозовъ упоминаетъ въ числѣ посѣтителей кружка и А. С. Грибоѣдова.

[4]) Нужно, однако, замѣтить, что Пушкинъ, какъ извѣстно изъ записокъ Пущина и Якушкина, только догадывался о существованіи Тайнаго Общества, слѣд. въ прямыхъ сношеніяхъ съ Союзомъ Благоденствія весь кружокъ Зеленой Лампы не состоялъ.

его членовъ [1]), „а политической цѣли никакой, сколько мнѣ извѣстно, не было. 3) Изъ бывшихъ членами сего общества,—продолжаетъ Трубецкой, кромѣ меня и Всеволожскаго, извѣстны мнѣ еще были Улыбышевъ, служащій нынѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ [2]), Дельвигъ (баронъ)... извѣстенъ... литературными своими произведеніями: Я. Н. Толстой, старшій адъютантъ главнаго штаба Его Величества"; съ оговоркою „кажется" называетъ Трубецкой членами общества Родзянко, служившаго въ гвардейскомъ егерскомъ полку [3]), и Баркова. „Еще кто былъ,—упомнить не могу. Я былъ недолго членомъ сего общества, не болѣе двухъ мѣсяцевъ, предъ отъѣздомъ моимъ въ чужіе края въ 1819 году, и... когда оно разстроилось, я достовѣрнаго свѣдѣнія дать не могу. 4) Сколько мнѣ извѣстно, оно ни съ какими другими обществами сношенія не имѣло. 5) Особыхъ правилъ и законовъ, сколько я знаю, оно никакихъ не имѣло; только въ члены принимались не иначе, какъ по общему согласію; каждый членъ былъ обязанъ сочиненія свои прежде читать въ семъ обществѣ до изданія ихъ. Собирались у Всеволожскаго, кажется, разъ въ двѣ недѣли" [4]) Щадя Пушкина, Трубецкой не назвалъ его въ числѣ членовъ кружка Зеленой Лампы [5]).

Я. Н. Толстой, въ запискѣ, приложенной къ его письму къ нимъ. Николаю изъ Парижа отъ 17 окт. 1826 г., относитъ основаніе общества Зеленой Лампы къ 1818 или 1819 годамъ и говоритъ, что былъ однимъ изъ первыхъ его учредителей, первымъ его предсѣдателемъ. Цѣлью общества было чтеніе литературныхъ произведеній. Названіе свое оно получило отъ того, что комната, гдѣ происходили его собранія, освѣ-

---

[1]) Изъ „протоколовъ" и бумагъ этого общества, которыя видѣлъ П. А. Ефремовъ, онъ убѣдился, что тамъ читались стихи и прозаическія сочиненія (напр. Пушкина и Дельвига), представлялся постоянный отчетъ по театру (Д. Н. Барковымъ), были даже читаны обширные очерки Всеволожскаго изъ русской исторіи, составленные по лѣтописямъ. „Сочиненія Пушкина", изд. Суворина, Спб. 1905 г., VIII, 135.

[2]) Александръ Дмитр. Улыбышевъ (1794—1858) завѣдывалъ съ 1812 по 1830 г. редакціею „Journal de St.-Petersbourg" и помѣщалъ въ этомъ изданіи критическія и музыкальныя замѣтки. Съ раннихъ лѣтъ онъ теоретически и практически занимался музыкою и въ 1843 г. издалъ въ Москвѣ на французскомъ языкѣ трехтомное, пользующееся большою извѣстностью, сочиненіе о Моцартѣ, а въ 1858 г. сочиненіе о Бетховенѣ. Онъ былъ горячимъ противникомъ крѣпостного права. *А. Гациский.* „А. Д. Улыбышевъ". „Рус. Арх." 1886 г. т. I. Здѣсь же напечатана его драма (1850 г.) „Раскольники". „Остафьевскій Арх." т. III, 126, 484—485, 522. На русскомъ языкѣ первое сочиненіе Улыбышева подъ названіемъ „Новая біографія Моцарта" въ переводѣ Чайковскаго съ приложеніемъ статьи Г. А. Лароша о жизни автора издано въ 1890—93 г.

[3]) Посредственный стихотворецъ, написавшій на Пушкина нѣчто вродѣ доноса въ стихахъ по поводу его ссылки. Михайловскому-Даниловскому Родзянко разсказывалъ, что онъ бывалъ въ обществѣ „лампистовъ" (Зеленой Лампы), гдѣ читались стихи противъ государя и правительства. „Соч. Пушкина", подъ ред. П. А. Ефремова. 1903 г. т. VII, 74, 141.

[4]) Гос. Арх. I. В. № 333, л. 55.

[5]) П. В. Анненковъ, неправильно придавшій этому обществу исключительно кутежный характеръ, упоминаетъ, между прочимъ, что въ немъ ради шутки придерживались „парламентскихъ и масонскихъ формъ". „Пушкинъ въ Александровскую эпоху". Спб. 1874 г., стр. 63—64.

малась лампою зеленаго цвѣта. Въ названіи заключался двоякій смыслъ: девизомъ общества были *просвѣщеніе и надежда*; члены обязаны были носить перстни, на которыхъ были награвированы изображенія лампъ. По свидѣтельству Толстого, общество Зеленой Лампы не имѣло никакой политической цѣли и лишь тѣмъ отличалось отъ всѣхъ другихъ литературныхъ обществъ, что уставъ приглашалъ его членовъ выражаться безъ стѣсненія, и всѣ они обязывались хранить полнѣйшее молчаніе объ его существованіи. Это Общество, по словамъ Толстого, было вѣрно своей цѣли въ продолженіе года и, за исключеніемъ чтенія нѣсколькихъ либеральныхъ стихотвореній и статей, не совершило ничего противнаго правительству. Засѣданія происходили въ квартирѣ Всеволожскаго, а въ его отсутствіи—въ квартирѣ его, Толстого. Однажды полк. Жадовскій, членъ общества, сообщилъ, что полиція узнала о его существованіи и что оно можетъ подвергнуться преслѣдованію, такъ какъ на учрежденіе его не было дано формальнаго разрѣшенія; тотчасъ рѣшили болѣе не собираться, и общество было распущено [1]). Изъ показанія Бурцова мы узнаемъ и время, когда на общество это обратила вниманіе администрація. «При изслѣдованіи происшествія Семеновскаго полка» (въ октябрѣ 1820 г.) «открыто было полиціею въ Петербургѣ *много тайныхъ обществъ*, и изъ нихъ одно именовалось обществомъ Зеленой Лампы... Это я слышалъ отъ полк. Глинки», члена Союза Благоденствія, служившаго подъ начальствомъ С.-Петербургскаго генералъ-губернатора гр. Милорадовича. Въ «Алфавитѣ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ обществъ и лицамъ прикосновеннымъ къ дѣлу, произведенному Выс. утв. 17 декабря 1825 г. Слѣдственною Коммиссіею», подъ именемъ Н. В Всеволожскаго сказано, что общество Зеленой Лампы уничтожено до 1821 года. Но уже въ октябрѣ 1819 г. Пушкинъ писалъ изъ Петербурга Мансурову, члену этого общества, жившему тогда въ Новгородѣ: «Зеленая Лампа нагорѣла, кажется, гаснетъ, а жаль: масло есть (т. е. шампанское нашего друга)... Поговори мнѣ о себѣ, о военныхъ поселеніяхъ,—это все мнѣ нужно, потому что я люблю тебя и ненавижу деспотизмъ». Въ Посланіи къ Я. П. Толстому, написанномъ въ сентябрѣ 1822 г. въ Кишиневѣ, Пушкинъ называетъ эти собранія «пріютомъ любви и вольныхъ музъ..., гдѣ въ колпакѣ» (фригійскомъ?) «за круглый столъ садилось милое равенство». Наиболѣе ясный намекъ на оппозиціонный элементъ въ собраніяхъ Зеленой Лампы (хотя и не упоминая о ней) дѣлаетъ Пушкинъ въ посланіи къ одному изъ его товарищей по

[1]) Тургеневскій Архивъ въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ. № 116. Подлинникъ записки Толстого находится, какъ видно изъ бумагъ П. Ѳ. Дубровина, въ Архивѣ Главнаго Штаба (въ Москвѣ) дѣло 1826 г. № 562.

этому кружку, В. В. Энгельгардту; въ концѣ посланія (1819 г.) Пушкинъ говоритъ:

„Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря
На счетъ глупца, вельможи злого,
На счетъ холопа записного,
На счетъ небеснаго царя,
А иногда на счетъ земного" [1].

М. А. Фонъ-Визинъ, въ числѣ обществъ, учрежденныхъ членами Союза Благоденствія, упоминаетъ объ одномъ литературномъ обществѣ въ Москвѣ [2]. Относительно послѣдняго, въ своемъ показаніи во время слѣдствія, онъ говоритъ: «вольныхъ обществъ ни одного мнѣ не было извѣстно, да, кажется, ни одного не существовало, кромѣ опыта, сдѣланнаго Ѳ. Шаховскимъ учредить общество литературное изъ нѣкоторыхъ молодыхъ московскихъ литераторовъ, который не удался, ибо послѣ двухъ собраній они разстались». Объ этомъ литературномъ обществѣ Зубковъ показалъ, что въ 1817 или 1818 г. кн. Ѳ. П. Шаховской предлагалъ ему вступить въ тайное литературное общество, названіе котораго ему неизвѣстно, но у котораго былъ писанный уставъ. «Цѣль его,—заявилъ онъ,—кажется, заключалась единственно въ распространеніи общеполезныхъ познаній между членами и въ денежныхъ пособіяхъ бѣднымъ членамъ, а средство состояло въ переводахъ на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и нѣкоторыхъ денежныхъ пожертвованій [3]. Вѣроятно, этотъ кружокъ Шаховского упоминается въ «Донесеніи Слѣдственной Коммиссіи» подъ названіемъ одной изъ двухъ московскихъ управъ Союза Благоденствія (другая подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева). По словамъ «Донесенія», обѣ эти управы существовали не долго» (стр. 16).

Грибовскій въ своемъ доносѣ (1821 г.) говоритъ: генералъ Орловъ (Алексѣй Ѳеодоровичъ, командиръ конно-гвардейскаго полка, братъ Михаила Ѳеодоровича), узнавъ что въ его полку есть литературныя об-

---

[1]) Любопытны также слѣдующія строки въ посланіи къ Всеволожскому (1819 г.):

„Итакъ отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь въ мирную Москву".

(Сочиненія Пушкина, ред. С. А. Венгерова т. I, 1907 г., стр. 509, 531, 538.

[2]) „Библіотека Декабристовъ", 1907 г. М., вып. IV, 91.

[3]) Въ черновикѣ отвѣта Зубкова было прибавлено, что „члены обязаны были вносить $^1/_{10}$ часть доходовъ" и „платить штрафы всякій разъ, когда не приносили какого-нибудь сочиненія или перевода... Главное упражненіе членовъ состояло въ переводѣ хорошихъ историческихъ книгъ и въ сочиненіяхъ въ стихахъ и въ прозѣ". „Записки В. П. Зубкова, съ предисл. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго", Спб. 1906 г., стр. 3, 46.

щества офицеровъ и «не предполагая ничего добраго», созвавъ ихъ, объявилъ, что не дозволитъ заводить никакихъ обществъ и «поступитъ по всей строгости», если узнаетъ о нихъ [1]). Вѣроятно, упоминаемое здѣсь литературное общество конно-гвардейскаго полка — не что иное, какъ конно-гвардейская управа Союза Благоденствія, которая, какъ показалъ фонъ деръ-Бриггенъ, была основана генералъ-маіоромъ Кошкулемъ и полковникомъ Мирковичемъ, и которая, по малочисленности своей, присоединилась къ Измайловской управѣ [2]).

Было уже упомянуто, что многіе тогдашніе и будущіе члены Тайнаго Общества участвовали въ петербургскомъ Вольномъ Обществѣ Любителей Россійской Словесности (или Соревнователей просвѣщенія и благотворенія) [3]), основанномъ въ 1816 г., а именно Ѳ. Н. Глинка (съ 1816 г.), А. А. Бестужевъ (съ 1820 г.), Н. А. Бестужевъ (съ 1821 г.), П. И. Колошинъ (съ 1823 г.), А. О. Корниловичъ (съ 1821 г.), М. Н. Новиковъ (съ 1818 г.), К. Ѳ. Рылѣевъ (съ 1821 г.), гр. Ѳ. П. Толстой (съ 1818 г.), К. П. Торсонъ (съ 1824 г.), Н. И. Тургеневъ (съ 1820 г., почетный членъ) [4]). Кромѣ литературной, общество имѣло и благотворительную цѣль: доходъ отъ издаваемаго имъ журнала, начавшаго выходить въ 1818 г. [5]), оно расходовало на пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Союзъ Благоденствія, на основаніи его устава, долженъ былъ предпринимать повременныя изданія. П. И. Тургеневу мысль о журналѣ приходила въ голову еще ранѣе, чѣмъ онъ сдѣлался членомъ Союза; его могло навести на нее предложеніе М. Ѳ. Орлова членамъ Арзамаса въ 1817 году издавать журналъ, въ которомъ, судя по черновой программѣ, написанной рукою Жуковскаго, предполагалось помѣщать между прочимъ, статьи, касавшіяся «распространенія идей свободы, приличныхъ Россіи въ ея теперешнемъ положеніи, согласныхъ со

[1]) Рус. Арх. 1875 г. III, 427.

[2]) О Конногвардейской управѣ упомнаетъ также въ своихъ показаніяхъ Н. Муравьевъ и кн. Трубецкой. Мирковичъ ничего не говоритъ о ней и прямо перечисляетъ составъ Измайловской управы. Обзоръ всѣхъ петербургскихъ управъ и кружковъ, примыкавшихъ къ Союзу Благоденствія, не входитъ въ нашу задачу. Отмѣтимъ, что обѣщалъ завести управу нижегородскій помѣщикъ Вас. Ив. Бѣлавинъ; онъ писалъ Трубецкому въ 1818 г., что 5—6 человѣкъ принялъ: то же предполагалъ сдѣлать тамбовскій помѣщикъ Левинъ, знакомый Новикова, но объ немъ потомъ Трубецкой ничего не слышалъ.

[3]) См. о немъ „Чт. Общ. Ист. и Древ. Росс." 1858 г. II, Смѣсь 180—182 (перепечатано въ „Запискахъ А. С. Шишкова", Берл. II. 156—159), *Середонинъ*, I, 584.

[4]) „Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Академіи Наукъ въ 1904 г.". Спб. 1907 г., стр. 270—277.

[5]) „Соревнователь просвѣщенія и благотворенія", или „Труды высоч. утв. вольнаго общества любителей россійской словесности". 1818—1825 г.г.

степенью ея образованія, не разрушающихъ настоящаго, но могущихъ приготовить лучшее будущее» [1]). Тургеневъ вступилъ въ Союзъ Благоденствія въ 1819 году, а уже 28 октября 1818 г. онъ записываетъ въ дневникѣ, что у него «бродитъ въ головѣ мысль» объ изданіи журнала, но его смущаетъ «наша теперешняя цензура!» Для осуществленія своего предположенія онъ задумывалъ въ концѣ декабря 1818 года составить общество, которое предполагалъ назвать обществомъ 19 года или XIX вѣка, а журналъ его «Россіяниномъ XIX вѣка». Набросавъ свои мысли по этому предмету, онъ созвалъ 21 января 1819 г. совѣщаніе; рѣшено было поручить редактированіе журнала двумъ лицамъ—Н. И. Тургеневу и проф. Куницыну и приготовлять статьи [2]). Въ письмѣ къ брату Сергѣю отъ 24 января 1819 г. Н. Тургеневъ сообщалъ ему о своемъ намѣреніи издавать журналъ, главная цѣль котораго—«распространить у насъ здравыя идеи политическія». Участвовать должны были молодые люди, бывшіе воспитанники лицея, и нѣсколько офицеровъ; обѣщалъ свое участіе и Жуковскій; Н. Тургеневъ надѣялся также на сотрудничество кн. Вяземскаго и просилъ брата Сергѣя поговорить съ жившимъ въ Парижѣ Старынкевичемъ, который могъ бы сообщать интересныя статьи. «Свѣдѣнія его въ юриспруденціи», замѣчаетъ Н. И., «могутъ пролить свѣтъ и на наше законодательство. По возможности, мы будемъ писать противъ рабства». Н. Тургеневъ просилъ и брата Сергѣя участвовать въ журналѣ статьями о Франціи, особенно объ ея государственномъ устройствѣ и управленіи. «Всѣ статьи должны имѣть цѣлью свободомысліе. Старынкевичъ могъ бы принести пользу, написавъ о судѣ присяжныхъ, и... сказать что нибудь о нашемъ судопроизводствѣ... Я буду писать о финансахъ и о политикѣ» [3]). Черезъ мѣсяцъ Ник. Ив. сообщилъ брату, что журналъ все еще существуетъ только въ намѣреніяхъ, жаловался на строгость цензуры и особенно на неопредѣленность ея правилъ, потому что руководствуются не столько цензурнымъ уставомъ, сколько предписаніемъ министра [4]). Дѣло, однако, туго подвигалось впередъ. 30 апрѣля 1819 г. А. И. Тургеневъ передавалъ Вяземскому въ Варшаву просьбу брата Николая присылать или,

[1]) „Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1884 г." бумаги Жуковскаго, стр. 159—161, Отчетъ той же библіотеки за 1887 г. Прилож. стр. 82—83. Въ журналѣ предполагалось участіе членовъ Арзамаса Н. И. Тургенева, М. Ѳ. Орлова, Никиты Мих. Муравьева и др.

[2]) Между прочимъ П. И. Пущину Тургеневъ предложилъ написать статью о книгѣ г-жи Сталь „Considérations sur la révolution française".

[3]) Нѣсколько позднѣе Н. Тургеневъ предполагалъ помѣщать въ журналѣ свои статьи объ уголовномъ судопроизводствѣ и о судѣ присяжныхъ. La Russie. I, 84—85.

[4]) Въ письмѣ отъ 23 марта Н. И. извѣщалъ, что изъ статей, прочитанныхъ въ двухъ собраніяхъ сотрудниковъ журнала, только одна хорошая, „другія слишкомъ ученическія.". Арх. Тургеневыхъ въ рук. отд. библ. Акад. Наукъ, № 384.

по крайней мѣрѣ, готовить статьи, а 6 мая сообщалъ И. И. Дмитріеву, что для журнала заготовлено много матеріала, «но сотрудники его весьма зелены, исключая молодого» (Никиты) «Муравьева, который подаетъ прекрасную надежду» [1]).

Вступленіе Н. И. Тургенева въ Союзъ Благоденствія произошло, вѣроятно, 24 апрѣля 1819 г. На другой день онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Вчера, какъ началъ писать, пришли Трубецкой и Корсаковъ» (вѣроятно, Римскій-Корсаковъ, офицеръ Семеновскаго полка, членъ Союза Благоденствія). Вслѣдъ затѣмъ Тургеневъ записываетъ: «Если, какъ я слышу теперь, Г. (государь) точно имѣетъ капризную и деспотическую волю и если такъ называемыя революціонныя мнѣнія вредятъ людямъ въ его глазахъ, то я не долго съ нимъ уживусь». Такимъ образомъ Тургеневъ тутъ уже прямо причисляетъ себя къ революціонерамъ [2]). Черезъ три недѣли онъ отмѣчаетъ въ дневникѣ: «Надобно написать правила поведенія для насъ» (т. е., очевидно, членовъ Союза Благоденствія), «въ которыхъ изложить, какъ во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ поступать» [3]). Въ своей книгѣ (La Russie, I, 181) Тургеневъ утверждаетъ, что вступилъ въ Союзъ Благоденствія лишь послѣ выхода изъ него А. Н. Муравьева, который окончательно вышелъ изъ Союза Благоденствія въ маѣ 1819 г., но уже съ начала этого года сталъ «отставать» отъ него.

Въ ноябрѣ 1819 года Н. И. отмѣчаетъ въ дневникѣ, что теряетъ уже надежду на изданіе журнала. Мысль эта, дѣйствительно, не осуществилась, и Тургеневъ въ послѣдній разъ вспоминаетъ о ней въ своемъ дневникѣ 3-го апрѣля 1820 года [4]). Онъ не рѣшился предаться журнальной дѣятельности вслѣдствіе опасенія цензурныхъ препятствій; но, кромѣ того, и лица, съ которыми онъ задумывалъ это дѣло, мало поддержали его [5]).

---

[1]) „Остафьевскій Архивъ“ I, 225, 577.

[2]) Въ своей книгѣ „La Russie et les Russes (I, 77—78) Тургеневъ относитъ свое вступленіе въ Тайное Общество къ концу 1819 г., но очевидно память измѣнила ему, такъ какъ тутъ же онъ прибавляетъ, что когда Трубецкой пришелъ къ нему, чтобы предложить вступить въ Общество, онъ „едва зналъ его“ по имени, что противорѣчитъ записи дневника 24 апр. 1819 г.

[3]) Митьковъ показалъ, что правила о членахъ Общества, прочитанныя Н. Тургеневымъ въ 1823 г., были тѣ же, которыя были сообщены ему имъ въ 1821 г., съ небольшою прибавкою.

[4]) „Какъ бы пріятно можно было заняться изданіемъ журнала, если бы позволено было писать все то, чего никто не долженъ запрещать писать... Пошелъ бы въ отставку, посвятилъ бы себя въ журналисты, жилъ бы отъ своего журнала, жилъ бы независимо и съ пользою“.

[5]) Въ своей оправдательной запискѣ 1826 г. Тургеневъ объясняетъ мысль объ изданіи журнала желаніемъ распространять идею о необходимости освобожденія крестьянъ. „Рус. Стар.“ 1902 г. № 4. Подлинникъ въ Г. А. I В. № 393, см. л. 20. Черновикъ въ Дневн. Н. И. Т. въ библ. Акад. Наукъ № 217. По

Въ доносѣ Грибовскаго, представленномъ имп. Александру I въ 1821 г. Бенкендорфомъ, сообщались объ этомъ дѣлѣ слѣдующія свѣдѣнія: «Тургеневъ, дававшій главное направленіе» (Тайному Обществу), «брался съ проф. Куницынымъ издавать журналъ по самой дешевой цѣнѣ для большого расхода, полагая издержки на счетъ общества, въ которомъ бы помѣщать статьи, къ цѣли общества относящіяся. Содѣйствовать сему были обязаны всѣ члены; также брались Чаадаевъ (испытывавшійся еще для общества), Кюхельбекеръ (молодой человѣкъ съ пылкою головою, воспитанный въ лицеѣ...) и др. [1]). Тургеневъ въ своей книгѣ возражаетъ, что мысль издавать журналъ принадлежала ему самому, что онъ не принималъ въ этомъ отношеніи никакихъ обязательствъ относительно общества, что онъ обращался за составленіемъ статей и къ лицамъ, которыя въ обществѣ не участвовали; онъ даже могъ разсчитывать на полученіе нѣкоторыхъ статей для журнала отъ самого составителя «Донесенія Слѣдственной Коммиссіи» Блудова, и что, наконецъ, издавать журналъ предполагалось съ разрѣшенія цензуры (I, 166). Такимъ образомъ, вопреки словамъ Грибовскаго, нельзя видѣть въ предположенномъ Тургеневымъ журналѣ прямо органъ Союза Благоденствія, но, конечно, онъ издавался бы въ духѣ этого общества.

Въ томъ же доносѣ мы находимъ далѣе слѣдующее извѣстіе: «Въ одной изъ отдаленныхъ деревень кого-либо изъ членовъ намѣревались завести типографію и какъ литеры, отливъ на старинный шрифтъ, такъ и все нужное, выписать изъ-за границы... Глинка и Тургеневъ полагали успѣшнѣйшимъ, чрезъ находящихся за границею членовъ, литографировать въ Парижѣ, особенно каррикатуры, и, ввозя черезъ нихъ же, распускать въ народѣ на толкучемъ рынкѣ, разсылать въ армію и по губерніямъ». Грибовскій, составитель доноса, былъ, и по показаніямъ кн. Трубецкого, Семенова и Бурцева, и по собственному свидѣтельству въ письмѣ къ Бенкендорфу, членомъ Союза Благоденствія; онъ былъ даже членомъ коренного совѣта этого Союза, и потому могъ знать все; весьма возможно, что въ обществѣ бывали такіе разговоры, но тайной

онъ предполагалъ помѣщать въ немъ статьи о политикѣ, политической экономіи, финансахъ, юриспруденціи, исторіи и философіи. (Письмо къ брату Сергѣю 24 янв. 1819 г.).

[1]) Объ этомъ упоминается и въ составленномъ Блудовымъ „Донесеніи Слѣдственной Коммиссіи“ (стр. 17—18) со ссылкою на записку (Грибовскаго), найденную въ бумагахъ имп. Александра I. Въ письмѣ къ Дибичу отъ 15 мая 1826 г. Бенкендорфъ говоритъ, что Грибовскому „поручено было разыскать существованіе предполагаемаго тогда только тайнаго общества“, причемъ дано было по волѣ имп. Александра I „обѣщаніе, что все открытое сохранится въ тайнѣ“, а въ письмѣ къ Бенкендорфу Грибовскій говоритъ, что принадлежалъ къ Союзу Благоденствія, „о чемъ... извѣстно правительству“. Военно-Ученый Архивъ № 608-а, л. 241—243. Этотъ самый Мих. Кир. Грибовскій издалъ въ Харьковѣ въ 1816 г. диссертацію „О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи“. См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ“ I., 387—388.

типографіи заведено не было, попытка же воспользоваться для пропаганды литографированіемъ была сдѣлана [1]).

Пропаганда мысли о необходимости политическихъ и соціальныхъ реформъ была главнымъ дѣломъ тайнаго общества. Мы видѣли, что къ достиженію политической свободы стремился еще Союзъ Спасенія. По словамъ Якушкина, въ его показаніи, «явныя цѣли общества измѣнялись съ преобразованіемъ самаго общества, но главная цѣль оставалась всегда одна: приготовить государство къ правленію представительному». Е. П. Оболенскій показалъ, что «дальняя цѣль общества была образованіе конституціоннаго образа правленія въ государствѣ». Я. Н. Толстой въ приложеніи къ письму изъ Парижа имп. Николаю отъ 17 окт. 1826 г. заявилъ, что одною изъ цѣлей общества «Добра и Правды» (т. е. Союза Благоденствія) было «сочиненіе полныхъ конституцій, приспособленныхъ къ нуждамъ и обычаямъ народа». По словамъ Лунина, «объявленная цѣль тайнаго общества... благотворительность, сокровенная же цѣль—водвореніе законно-свободнаго правленія въ Россіи... Уставы тайнаго общества писаны вообще въ законно-свободномъ духѣ» [2]). Въ засѣданіяхъ тайнаго общества «мы разсуждали о выгодахъ конституціоннаго правленія вообще и о средствахъ учрежденія онаго въ Россіи». С. М. Семеновъ, бывшій секретаремъ тайнаго общества въ Петербургѣ, говоритъ въ своемъ показаніи: «сначала знали только главные, а впослѣдствіи проникнули и другіе члены, что цѣлью союза было измѣненіе государственныхъ установленій; для оной и для той, которая была объявлена въ уставѣ, признавали равно нужнымъ усиливать общество, распространять политическія знанія и стараться овладѣть мнѣніемъ публики [3]).

[1]) Какъ видно изъ слѣдующаго показанія Лунина: „литографическій станокъ былъ купленъ мною съ тою цѣлью, чтобы литографировать разные уставы и сочиненія тайнаго общества и не имѣть труда или опасности оныя переписывать". Станокъ былъ пріобрѣтенъ въ Петербургѣ „на деньги, взятыя изъ кассы общества, которая находилось тогда у меня" и въ которой было не болѣе 1200 рублей. Станокъ послѣ двухъ или трехъ пробъ оказался неудобнымъ. С. Трубецкой показалъ, что за него было заплачено 600 руб. А. Поджіо упоминаетъ въ своемъ показаніи, что Н. Муравьевъ вручилъ ему въ 1823 г. *литографированный* листъ—общее изложеніе правилъ Союза Благоденствія. Не были ли это правила о „Составленіи управъ", представляющія повтореніе правилъ Союза Благоденствія съ сокращеніями и нѣкоторыми варіантами?

[2]) Въ другомъ показаніи Лунинъ говоритъ: „Общество имѣло двѣ цѣли: явную—распространеніе просвѣщенія и благотворительности; сокровенную—введеніе конституціи или законно-свободнаго правленія".

[3]) А. Н. Муравьевъ въ своемъ возраженіи на записку кн. П. Г. Вяземскаго по крестьянскому вопросу говоритъ: „Вы, возстающіе противъ вольности, сами же упоминаете о собраніи въ одной изъ столицъ представителей дворянства. По какому праву пользоваться вамъ симъ преимуществомъ, когда сами не хотите отказаться отъ собственнаго самовластія вашего" (надъ своими крѣпостными) „и почему не должны въ семъ Высочайшемъ, въ семъ Августѣйшемъ

Якушкинъ, живя въ своемъ имѣніи, въ Вяземскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, составилъ въ 1820 г., въ виду крайне печальнаго положенія народа, адресъ имп. Александру, который онъ думалъ предложить для подписи всѣмъ членамъ Союза Благоденствія. Онъ описывалъ въ немъ «всѣ бѣдствія Россіи» и для прекращенія ихъ предлагалъ государю «созвать земскую думу по примѣру своихъ предковъ». М. А. Фонъ-Визинъ, гостившій въ это время у Якушкина, согласился подписать петицію, и затѣмъ они оба отправились въ Дорогобужъ къ члену союза Граббе. Онъ не отказывался дать свою подпись вмѣстѣ съ другими, но доказывалъ товарищамъ, что такимъ образомъ они сразу уничтожатъ тайное общество и сами попадутъ въ крѣпость. Якушкинъ уничтожилъ проектъ адреса [1]).

Н. Тургеневъ 22 февраля 1821 г. записалъ въ своемъ дневникѣ такую мысль: «Посмотря на образъ жизни, промышленность и вообще на положеніе крестьянъ русскихъ, что можно придумать для пользы Россіи? Посмотря на управленіе, часть судную, на нашихъ дворянъ, гдѣ будемъ искать спасенія? Въ совѣтѣ народа! Мы знаемъ, что намъ очень худо, но никто не знаетъ и знать не можетъ въ отдѣльности, какъ дѣлать лучше. Надобно узнать зло во всемъ пространствѣ, чтобы быть въ состояніи помочь ему. А каждый изъ насъ, даже и самые знающіе, знаютъ часть, но не знаютъ цѣлаго».

По вопросу о томъ, къ установленію какой формы конституціоннаго правленія,—монархической или республиканской—должно стремиться общество, состоялось очень важное собраніе коренной управы Союза Благоденствія въ 1820 г. въ Петербургѣ, въ квартирѣ члена общества О. Н. Глинки, которое подробно описалъ въ своемъ показаніи Пестель:

«Въ началѣ 1820 г. было назначено здѣсь, въ Петербургѣ, собраніе Коренной Думы Союза Благоденствія... Сія коренная дума, по правиламъ Зеленой Книги, имѣла законодательную власть Союза. Коренными членами назывались тѣ члены, которые присутствовали при учрежденіи Союза Благоденствія и первоначально въ оный вступили [2]). Предсѣдателемъ

собраніи участвовать и всѣ прочія сословія. Непостижимо, какъ можно съ такимъ восхищеніемъ говорить о собраніи представителей и въ то же время оскорблять вольность и противиться сообщенію мыслей". Арх. Тургеневыхъ, № 1173, ср. „Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс." 1859 г., т. III, Смѣсь, стр. 47. О записках кн. Вяземскаго и А. Н. Муравьева срав. мою статью въ сборникѣ „Крестьянскій строй", стр. 179—181.

[1]) „Записки И. Д. Якушкина", изд. 1905 г., стр. 40. О Якушкинѣ см. мою статью въ Энцикл. Слов. Ефрона и Брокгауза.

[2]) По уставу Союза Благоденствія коренною управою (а не „думою") называлось соединенное собраніе коренныхъ членовъ Союза (членовъ-учредителей) вмѣстѣ съ выбраннымъ ими совѣтомъ коренного союза (въ послѣднемъ должно было быть 5 „засѣдателей" и одинъ блюститель, обязанный наблюдать за исполненіемъ постановленій союза). По уставу общества, коренная управа составляетъ законодательную власть Союза. Коренной союзъ назначаетъ собою

Союза былъ тогда гр. (С. П.) Толстой, а блюстителемъ кн. Долгоруковъ Присутствовали въ то время въ коренной думѣ сверхъ предсѣдателя и блюстителя еще Тургеневъ, Лунинъ, Глинка, Иванъ Шиповъ, Сергѣй, Матвѣй и Никита Муравьевы и я, да еще нѣкоторые другіе.. [1]). Кн. Долгоруковъ, по открытіи засѣданія, которое происходило на квартирѣ у полковника Глинки, предложилъ Думѣ просить меня изложить всѣ выгоды и всѣ невыгоды, какъ монархическаго, такъ и республиканскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы потомъ каждый членъ объявлялъ свои сужденія и свои мнѣнія. Сіе такъ и было сдѣлано. Наконецъ, послѣ долгихъ разговоровъ было преніе заключено и объявлено, что голоса собираться будутъ такимъ образомъ, чтобы каждый членъ говорилъ, чего онъ желаетъ: монарха или президента. А подробности будутъ современемъ опредѣлены. Каждый при семъ объявлялъ причины своего выбора, а когда дѣло дошло до Тургенева.... онъ сказалъ по-французски: Le président—sans phrases, т. е. президентъ безъ дальнихъ толковъ. Въ заключеніе приняли всѣ единогласно республиканское правленіе. Во время преній одинъ Глинка говорилъ въ пользу монархическаго правленія, предлагая императрицу Елизавету Алексѣевну. Сіе заключеніе коренной думы было сообщено всѣмъ частнымъ думамъ, а въ томъ числѣ и Тульчинской» [2]).

Фонъ-деръ-Бриггенъ, пріятель Н. И. Тургенева, присутствовавшій на этомъ собраніи и назвавшій въ числѣ участниковъ его Степ. М. Семенова, нѣсколько иначе передаетъ мнѣніе Тургенева. По его словамъ, Тургеневъ сказалъ: «Правленіе съ президентомъ отмѣнно хорошо, но главное, на чемъ все основано», это «хорошее народное представительство». Тогда Пестель замѣтилъ: «государи всегда питаютъ враждебныя чувства къ конституціямъ и думаютъ, что» ихъ, «какъ тарифъ, можно перемѣнять по произволу». На очной ставкѣ съ Пестелемъ Бриггенъ заявилъ, что не помнитъ словъ, приписываемыхъ Пестелемъ Тургеневу [3]),

---

временную законодательную палату для разсмотрѣнія, поясненія и исполненія законовъ союза: если коренная управа одобритъ труды этой палаты, то они должны были „имѣть силу“ временно до окончательнаго утвержденія „верховнымъ правленіемъ, имѣющимъ установиться, лишь только союзъ совершенно будетъ составленъ“.

[1]) Въ этомъ собраніи были еще фонъ-деръ-Бриггенъ, С. М. Семеновъ и Пав. Колошинъ, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ и С. Трубецкой.

[2]) Въ другомъ показаніи Пестель сказалъ, что онъ „долженъ думать“, что то же было сдѣлано и въ прочихъ думахъ.

[3]) Въ первой оправдательной запискѣ Тургеневъ допускалъ, что приписываемыя ему слова могли вырваться въ одномъ изъ разговоровъ. Въ другомъ мѣстѣ того же оправданія, упомянувъ о взглядахъ лицъ, отрицающихъ частную земельную собственность, очевидно, Пестеля (однако, послѣдній допускалъ ея существованіе наравнѣ съ общественными, волостными землями и казенными, хотя и требовалъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель при освобожденіи крестьянъ, относительно помѣстьевъ извѣстнаго размѣра даже безъ вознагражденія), Тургеневъ говоритъ: „Мудрено ли, что посреди такихъ теорій я говорилъ о президентѣ безъ фразъ“. Впослѣдствіи онъ утверждалъ, что это было лишь теоретическое обсужденіе вопроса (La Russie, 1, 173—176), но, очевидно, Тургеневъ выразился именно такъ, какъ показалъ Пестель. Въ перепискѣ между кн. Вяземскимъ и Тургеневымъ нерѣдко употреблялся подобный

и настаивалъ на томъ, что окончательнаго рѣшенія принято не было, и что онъ, гр. Толстой и Глинка рѣшительнаго мнѣнія не высказали [1]). С. Муравьевъ-Апостолъ заявилъ, что въ этомъ собраніи происходило только «политическое разсужденіе о преимуществѣ правленія республиканскаго надъ монархическимъ». На очной ставкѣ съ Никитою Муравьевымъ Пестель напомнилъ ему, что они даже до совѣщанія у Глинки «условились быть тамъ одного мнѣнія». Тогда Н. Муравьевъ, «послѣ нѣкоторыхъ отрицаній, сознался, что на совѣщаніи у Глинки, въ самомъ дѣлѣ, всѣ присутствующіе согласились признать республиканское правленіе», но утверждалъ, что объ этомъ прочимъ управамъ объявлено не было. Однако, Пестель по возвращеніи изъ Петербурга въ первой половинѣ 1820 г. объявилъ въ Тульчинѣ многимъ членамъ Общества о принятомъ постановленіи, и никто не возражалъ противъ него, кромѣ Бурцова, который сомнѣвался въ возможности ввести въ Россіи республиканское правленіе [2]).

оборотъ рѣчи. Вяземскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (1818 г.) совѣтуетъ Пушкину высѣчь „мстительнымъ стихомъ мерзавца Каченовскаго ...Не надобно личности, но сильный приговоръ къ смерти: la mort sans phrases". Въ 1825 г. А. И. Тургеневъ, извѣщая кн. Вяземскаго о томъ, что подаетъ въ отставку, говоритъ: „Je demande le congé sans phrases, т. е. безъ предварительнаго письма". „Остафьев. Арх.". I, 119, III, 98. Изъ лицъ, присутствовавшихъ на совѣщаніи, Н. Муравьевъ и С. Муравьевъ-Апостолъ подтвердили, что Тургеневъ выразился такъ, Семеновъ, Бриггенъ и Колошинъ не подтвердили, а Глинка не призналъ, что у него происходило засѣданіе, имѣвшее столь рѣшающее значеніе. Шильдеръ, Николай I, т. I, 752—753.

[1]) Пестель же въ другомъ показаніи настаивалъ, что хотя Глинка и говорилъ въ пользу монархическаго правленія, но голосъ наконецъ подалъ также въ пользу республиканскаго.

[2]) Пестель, въ томъ же показаніи, гдѣ онъ подробно описалъ собраніе у Глинки, говоритъ: „Съ сего времени республиканскія мысли начали брать верхъ надъ монархическими. Такимъ образомъ и послѣ объявленія въ началѣ 1821 г. въ Москвѣ объ уничтоженіи Союза Благоденствія, продолжало республиканское правленіе быть цѣлью тѣхъ частей Союза Благоденствія, которыя сказанное уничтоженіе не признали".

ГЛАВА VI.

Монархически-конституціонныя стремленія Сѣвернаго Тайнаго Общества.—Проектъ конституціи Никиты Мих. Муравьева. — Замѣчанія на него К. П. Торсона. — Проектъ конституціи Г. С. Батенькова.—Пріѣздъ Пестеля въ Петербургъ въ 1824 г.—Республиканскія теченія въ Сѣверномъ Обществѣ.—Кандидаты во временное правленіе.—Проекты манифеста о созывѣ великаго собора.

Когда члены Союза Благоденствія на съѣздѣ въ Москвѣ въ началѣ 1821 г. фиктивно объявили его закрытымъ, чтобы удалить изъ своей среды неблагонадежные элементы [1]), члены Общества въ Тульчинѣ, какъ извѣстно, не признали этого закрытія. Въ Петербургѣ и Москвѣ Общество также продолжало существовать, хотя первое время дѣятельность его мало проявлялась.

Между тѣмъ какъ въ южномъ обществѣ, подъ вліяніемъ Пестеля, было условлено стремиться къ достиженію республиканской формы правленія, въ сѣверномъ (несмотря на постановленіе 1820 г.) преобладало, судя по конституціи Н. Муравьева, направленіе монархически-конституціонное. Это видно и изъ показаній декабристовъ во время слѣдствія, хотя не слѣдуетъ все же забывать, что это—показанія подсудимыхъ, которымъ было гораздо удобнѣе говорить о своемъ сочувствіи конституціонно-монархическому, чѣмъ республиканскому правленію. При этомъ слѣдуетъ принимать во вниманіе и то, что личные взгляды дающаго показаніе иногда могли проявляться при оцѣнкѣ общаго настроенія. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ показаній. «Цѣль общества была» говоритъ М. А. Бестужевъ,—«введеніе конституціи». По словамъ А. А. Бестужева, «цѣль общества была распространять понятія о правахъ людей и со временемъ возстановить ихъ въ Россіи. Кончина императора Александра Павловича назначена была знакомъ къ началу дѣйствія, если позволятъ силы; но это говорено было только въ началѣ; потомъ, когда сочленъ привыкалъ уже къ этой мысли, ему открывали, что если общество будетъ довольно сильно, то надобно

[1]) Объ этомъ съѣздѣ см. въ моей статьѣ о М. А. Фонъ-Визинѣ въ книгѣ „Общественныя движенія перв. пол. XIX в.", т. I, стр. 29—35.

дѣйствовать и при жизни» государя, «поднять народъ, войска, и если это удастся, то принудить императора подписать конституцію» [1]). Никита Муравьевъ въ первомъ же показаніи сказалъ: «цѣль общества была введеніе представительнаго правленія монархическаго, средство достиженія сего было распространеніе представительныхъ понятій и склоненіе вооруженной силы для содѣйствія сему. Тогда, бывъ поддержаны войсками, надѣялись заставить принять хартію». Рылѣевъ въ самомъ первомъ показаніи 14 декабря также заявилъ, что цѣль общества, «по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, была—конституціонная монархія». Принимая Каховскаго, который высказывалъ республиканскіе взгляды, Рылѣевъ заявилъ ему, что «цѣль общества есть введеніе самой свободной монархической конституціи». Но нужно замѣтить, что еще въ концѣ января 1824 года, т. е. задолго до пріѣзда Пестеля въ Петербургъ, А. Поджіо, прибывъ оттуда, сообщилъ въ Кіевѣ главнѣйшимъ членамъ южнаго общества, что въ Петербургѣ «мнѣніе раздѣлено, что иные хотятъ республики съ покушеніемъ на жизнь всей царской фамиліи», а другіе, какъ говорилъ ему Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, «отвергнули республику».

Наиболѣе выдающимся проявленіемъ конституціонныхъ теченій въ Сѣверномъ Тайномъ Обществѣ былъ проектъ конституціи Никиты Муравьева.

Никита Мих. Муравьевъ, сынъ преподавателя Александра Павловича, когда онъ былъ великимъ княземъ, и писателя Мих. Ник. Муравьева, родился въ 1796 г. и воспитывался первоначально дома; воспитателемъ его былъ, по свидѣтельству Вигеля, якобинецъ Магіеръ. «Добродѣтельный отецъ Муравьева», говоритъ Вигель, «былъ кроткій философъ и другъ свободы, котораго утопіи остались наслѣдіемъ его семейства; мать его была недовольна государемъ и вѣчно роптала на самодержавную власть;.. Магіеръ съ младенчества старался якобинизировать его». Никита Муравьевъ слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ. Событія 1812 года возбудили въ немъ такой пламенный патріотизмъ, что 16-ти лѣтнимъ юношей онъ скрылся изъ дому и желалъ присоединиться къ нашей арміи, приближавшейся къ Москвѣ, но, заподозрѣнный крестьянами въ шпіонствѣ, былъ ими схваченъ и приведенъ къ Растопчину, который отослалъ его къ матери, поздравляя ее съ такимъ прекраснымъ сыномъ [2]). Въ слѣдующемъ году онъ посту

---

[1]) Пущинъ сказалъ Штейнгелю, что общество намѣрено „заставить государя дать конституцію"; то же подтвердилъ ему Рылѣевъ. По словамъ Свистунова, „намѣреніе общества было истребовать отъ царя конституцію посредствомъ возмущенія войскъ или народа".

[2]) Воспоминанія А. М. Муравьева въ изд. Шимана „Восшествіе на престолъ Николая I", 166.

пилъ на военную службу [1]) и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ за границею и во вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ [2]). Въ 1820 г. онъ вышелъ въ отставку и занимался научными трудами [3]), но въ 1821 г. возвратился въ военную службу и дослужился до чина штабсъ-капитана гвардейскаго генеральнаго штаба.

Въ своемъ показаніи онъ отмѣтилъ, что «прокламаціи союзныхъ державъ въ 1813 г., предлагавшія народамъ Германіи представительное правленіе вмѣсто награды за ихъ усилія», впервые обратили его вниманіе на этотъ предметъ, а утвердила его въ этомъ направленіи рѣчь государя къ варшавскому сейму (въ 1818 г.), въ которой онъ «объявлялъ свое намѣреніе ввести представительное правленіе» въ Россіи. Однако, еще ранѣе того, на 22 году жизни, Н. Муравьевъ сдѣлался членомъ Союза Спасенія, который окончательно организовался въ началѣ 1817 г. [4]). Онъ участвовалъ въ выработкѣ устава Союза Благоденствія, но составленная имъ часть оказалась несоотвѣтствующею другимъ частямъ, обработкою которыхъ занимались Мих. Ник. Муравьевъ и кн. Трубецкой, и трудъ Никиты Муравьева поручено было передѣлать Колошину. Въ 1820 г. Н. Муравьевъ на собраніяхъ членовъ общества въ присутствіи Пестеля выразилъ сочувствіе и республиканскому строю, и цареубійству.

Когда весною 1821 г. гвардія выступила въ походъ, Никита Мих Муравьевъ былъ въ отставкѣ, но осенью онъ вновь вступилъ на службу и отправился въ главную квартиру гвардейскаго корпуса, находившуюся въ Минскѣ. Тамъ онъ началъ проектъ конституціи, но (какъ показалъ на слѣдствіи), не успѣлъ довести его до конца и принужденъ былъ уничтожить рукопись. Однако, въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого сохранилась списанная имъ копія этого первоначальнаго наброска, со-

---

[1]) Въ формулярномъ спискѣ Н. Муравьева сказано, что онъ поступилъ на службу „московскаго университета изъ кандидатовъ 12 класса прапорщикомъ“ въ Іюлѣ 1813 г.; въ показаніи же своемъ Н. Муравьевъ, говоритъ, что онъ слушалъ въ московскомъ университетѣ у профессоровъ Страхова, Панкевича и Рейнгарда лекціи по физики, математикѣ и логикѣ, но походъ 1812 г. прекратилъ его ученіе. Г. А. I В. № 336, л. 3 об.

[2]) По словамъ Вигеля, Н. Муравьевъ, познакомился въ Парижѣ съ Сіэсомъ (составитель французской конституціи 1795 г.) и съ Грегуаромъ (бывшій епископъ и депутатъ въ конвентѣ, издавшій въ 1814 г. сочиненіе о такъ „называемой сенатской конституціи“ этого года: „De la constitution francaise de l'an 1814“). *Вигель* „Записки“, ч. V, М. 1892, стр. 50, а по словамъ Греча и съ Бенжаменомъ-Констаномъ (406). Въ 1817 г. Н. Муравьевъ сдѣлался членомъ Арзамаса.

[3]) Въ „Сынѣ Отечества“ 1816 г. ч. 27 № 6, ч. 29 № 16 и ч. 34 № 46 напечатана, за подписью М. П., его статья „Разсужденіе о жизнеописаніяхъ Суворова“.

[4]) Пушкинъ въ отрывкахъ своей автобіографіи называетъ Н. Муравьева молодымъ человѣкомъ „умнымъ и пылкимъ“.

стоящая изъ 93 статей и замѣтокъ о томъ, что должно слѣдовать далѣе [1]).

Вѣроятно послѣ того, какъ въ 1822 г. Никита Муравьевъ былъ избранъ правителемъ Сѣвернаго общества [2]), онъ вновь переработалъ своей проектъ, но также не успѣлъ довести его до конца. На слѣдствіи онъ показалъ, что сжегъ его въ 1825 г. Муравьевъ сообщилъ, что, будучи въ Москвѣ, отдалъ одинъ списокъ своей конституціи Пущину, а передъ отъѣздомъ изъ Петербурга далъ копію кн. Одоевскому: «конституція сія», поясняетъ Муравьевъ, «находилась нѣкоторое время у каждаго изъ главныхъ членовъ» общества (хотя и не была докончена). Пущинъ давалъ конституцію Муравьева Штейнгелю, а потомъ Капкину, который показалъ, что сжегъ рукопись послѣ 14 декабря [3]). Какъ бы то ни было, проектъ Никиты Муравьева во второй редакціи (которую слѣдственной коммиссіи найти не удалось) сохранился и заключаетъ въ себѣ 134 статьи. На допросѣ Никита Муравьевъ согласился изложить свой проектъ конституціи, при чемъ особенно подробно сообщилъ свои предположенія объ устройствѣ судебной части, которыя не вошли ни въ первую, ни во вторую редакціи проекта [4]).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность подробно изложить конституціонныя идеи Никиты Муравьева. Кромѣ того, на поляхъ первыхъ двухъ редакцій проекта сохранилось не мало замѣчаній, сдѣланныхъ безъ сомнѣнія членами тайнаго общества и есть еще особая неизданная записка съ замѣчаніями на этотъ проектъ [5]).

Первая редакція проекта Н. Муравьева носитъ такое заглавіе: «Предположеніе дѣла начертанія устава положительнаго образованія, когда Его Имп. В—ву благоугодно будетъ съ помощью Всевышняго учредить Славяно-Русскую имперію». Заглавіе это было написано, вѣ-

---

[1]) Г. А. I В. № 333, л. 157. Она напечатана, не вполнѣ исправно, въ изданіи *М. В. Довнара-Запольскаго* „Мемуары декабристовъ". Кіевъ. (1906 г.). стр. 96—118.

[2]) Показаніе Евг. Оболенскаго Г. А. I В № 335, л. II об.

[3]) Николай Бестужевъ получилъ проектъ конституціи отъ Рылѣева и сообщалъ его Торсону. По показанію Н. Бестужева, проектъ былъ „истребленъ потому, что (это) было только первое очертаніе главныхъ положеній, что дума, которая занимается симъ предметомъ, не перестаетъ дѣлать перемѣнъ и поправокъ".

[4]) Г. А. I В. № 10. Это изложеніе конституціи Н. Муравьева, сдѣланное имъ по памяти, напечатано *М. В. Довнаромъ-Запольскимъ* въ его изданіи „Мемуары декабристовъ", стр. 58—71.

[5]) Вторая редакція конституціи Никиты Муравьева напечатана В. Е. Якушкинымъ (но не совсѣмъ исправно, и безъ примѣчаній на нее членовъ Тайнаго Общества) въ его книгѣ: „Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи". Спб. 1906., стр. 131—160 и въ „Библ. Декабристовъ" 1907 г., в. IV, 127—163. За сообщеніе написанной рукою Рылѣева копіи этой редакціи проекта и особой записки съ замѣчаніями на него приношу глубочайшую признательность В. Е. Якушкину.

роятно, съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность, если бы проектъ попался въ руки правительства, сослаться на намѣреніе самого государя ввести въ Россіи представительное правленіе и указать на свое желаніе содѣйствовать ему въ осуществленіи этого предположенія. Въ первой редакціи проекта есть слѣдующее «вступленіе», которое во второй отсутствуетъ:

«Опытъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ доказалъ, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществъ, что она не согласна ни съ правилами святой вѣры нашей, ни съ началами здраваго разсудка; нельзя допустить основаніемъ правительства—произволъ одного человѣка; невозможно согласиться, чтобы всѣ права находились на одной сторонѣ, а всѣ обязанности—на другой. Слѣпое повиновеніе можетъ быть основано только на страхѣ и недостойно ни разумнаго повелителя, ни разумныхъ исполнителей. Ставя себя выше законовъ, государи забыли, что они въ такомъ случаѣ внѣ законовъ, внѣ человѣчества! что невозможно имъ ссылаться на законы, когда дѣло идетъ о другихъ, и не признавать ихъ бытіе, когда дѣло идетъ о нихъ самихъ. Одно изъ двухъ: или они справедливы,—тогда къ чему же не хотятъ и сами подчиняться онымъ, или они не справедливы,—тогда зачѣмъ хотятъ они подчинять имъ другихъ. Всѣ народы европейскіе достигаютъ законовъ и свободы. Болѣе всѣхъ ихъ народъ русскій заслуживаетъ и то, и другое.

«Но какой образъ правленія ему приличенъ? Народы малочисленные бываютъ обыкновенно добычею сосѣдей и не пользуются независимостью [1]). Народы многочисленные пользуются внѣшнею независимостью, но обыкновенно страждутъ отъ внутренняго утѣсненія и бываютъ въ рукахъ деспота орудіемъ притѣсненія и гибели сосѣднихъ народовъ.

«Обширность земель, многочисленное войско препятствуетъ однимъ быть свободнымъ; тѣ, которые не имѣютъ сихъ неудобствъ, страждутъ отъ своего безсилія. *Федеральное* или *союзное правленіе* одно разрѣшило сію задачу, удовлетворило всѣмъ условіямъ и согласило *величіе народовъ и свободу гражданъ*.

«Подъ надзоромъ государя [2]) одно законодательное собраніе нахо-

---

[1]) Такую же мысль мы встрѣчаемъ въ „Русской Правдѣ“ Пестеля.

[2]) Такимъ образомъ, выразивъ въ 1820 г. свое сочувствіе республиканскому строю, Н. Муравьевъ составилъ монархическую конституцію. Въ одномъ изъ своихъ показаній онъ говоритъ: „я въ продолженіе 1821 и 1822 годовъ удостовѣрился въ выгодахъ монархическаго представительнаго правленія и въ томъ, что введеніе онаго обѣщаетъ обществу наиболѣе надеждъ къ успѣху“. *Довнаръ-Запольскій*. Мем., 54. Мы увидимъ, что Н. Муравьевъ принялъ въ своемъ проектѣ монархическую форму правленія, лишь какъ наиболѣе осуществимую, въ случаѣ же несогласія государя на введеніе конституціонаго строя желалъ объявить республику.

дится въ столицѣ и дѣлаетъ всѣ распоряженія, общія для всего государства; частныя распоряженія, касающіяся до областей, предоставлены областнымъ законодательнымъ собраніямъ, образованнымъ на подобіе *столичнаго*, и такимъ образомъ доставляется благосостояніе цѣлаго и частей».

Вторая, наиболѣе обширная, редакція проекта Никиты Муравьева содержитъ въ себѣ 13 главъ: 1) о народѣ русскомъ и правленіи, 2) о гражданахъ, 3) о состояніи, личныхъ правахъ и обязанностяхъ русскихъ, 4) о Россіи, 5) о внутреннемъ устройствѣ — волостномъ и уѣздномъ, или повѣтовомъ, 6) о Народномъ Вѣчѣ, 7) о Палатѣ Представителей, о числѣ и выборѣ представителей, 8) о Думѣ верховной, 9) о власти и преимуществахъ Народнаго Вѣча и составленіи законовъ, 10) о верховной исполнительной власти, 11) о внутреннихъ властяхъ и правительствахъ державъ, 12) о правительствующей власти державъ, 13) объ исполнительной власти державъ [1]). Въ основу изложенія мы положимъ вторую редакцію проекта, которая была распространена между членами тайнаго общества, отмѣчая лишь важнѣйшія разногласія съ нею первой редакціи.

Первая статья конституціи гласитъ: «Русскій народъ свободный и независимый не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства». Въ первой редакціи на поляхъ есть отмѣтка: «изъ И. К.»; это означаетъ: изъ испанской конституціи. Дѣйствительно, во второмъ пунктѣ конституціи Испаніи 1812 г. сказано: «Испанскій народъ свободенъ и независимъ; онъ не составляетъ родового имѣнія никакого семейства или лица и не можетъ быть имъ» [2]). Первая статья конституціи Муравьева вызвала слѣдующее замѣчаніе на поляхъ первой редакціи: «не должно быть и предположенія принадлежности». «Источникъ верховной власти», сказано во второй статьѣ, «есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя». Статья эта также представляетъ переводъ третьяго пункта той же испанской конституціи, при чемъ содержаніе этого пункта навѣяно объявленіемъ правъ человѣка и гражданина во Франціи (п. 3) [3]).

---

[1]) Въ первой редакціи первыя 5 главъ идутъ въ томъ же порядкѣ, а затѣмъ порядокъ измѣненъ.

[2]) *Dufau, Duvergier* et *Guadet*. Collection des Constitutions, t V, P. 1823, p. 85. Во введеніи къ „Русской Правдѣ" Пестеля (§ 10) также сказано: «Народъ россійскій... составляетъ устроенное гражданское общество, а не есть и никогда быть не можетъ чьею либо собственностью или принадлежностью».

[3]) *Еллинекъ* „Декларація правъ человѣка и гражданина", М., 1905 г., стр.20; *Кокошкинъ* „Тексты конституцій", Сбор. I, стр. 27—28. Тексты французскихъ конституцій можно найти въ слѣдующихъ изданіяхъ: *L. Tripier*, „Les constitutions francaises depuis 1789". P. 1848, *Laferrière* Les constitutions d'Europe et d'Amérique. P. 1869. Третья статья первой редакціи: „Правленіе Россіи есть

Вторая глава конституціи Н. Муравьева говоритъ о «гражданахъ». «Гражданство есть право опредѣленнымъ въ семъ Уставѣ порядкомъ участвовать въ общественномъ управленіи: посредственно, т. е. выборомъ чиновниковъ или избирателей; непосредственно, т. е. быть самому избираемымъ въ какое либо общественное званіе по законодательной, исполнительной или судебной власти». Выборы въ палату народныхъ представителей прямые, кромѣ крестьянъ, изъ числа которыхъ правами гражданства пользуются имѣющіе землю въ «общественномъ владѣніи», т. е. крестьяне «экономическіе», или государственные, удѣльные, вольные хлѣбопашцы и бывшіе военные поселяне. Для нихъ установлены двухстепенные выборы.

Чтобы быть гражданиномъ, необходимы слѣдующія условія: 1) возрастъ не менѣе 21 года [1]), 2) «извѣстное и постоянное жительство», 3) «здравіе ума», 4) «личная [2]) независимость», 5) исправный платежъ общественныхъ повинностей, 6) «непорочность предъ лицомъ закона». Въ первой редакціи къ этому было прибавлено обладаніе имущественнымъ цензомъ: на 500 руб. недвижимой собственности и 1000 р. сер. движимой. Во второй редакціи это было исключено и крестьянамъ, хотя и при двухстепенной системѣ, предоставлено участіе въ выборѣ народныхъ представителей безъ такого ценза. Для натурализаціи иностранца требуется жительство въ Россіи въ теченіе семи лѣтъ (по примѣру конституціи Соединенныхъ Штатовъ). Иностранецъ, не пріобрѣвшій правъ гражданства, не могъ исполнять никакой «общественной» или военной должности, не могъ даже служить рядовымъ, не имѣлъ права пріобрѣтать землю. Н. Муравьевъ устанавливаетъ еще, хотя и черезъ извѣстное время, цензъ грамотности для пользованія правами гражданина: «Чрезъ 20 лѣтъ по приведеніи въ исполненіе сего устава Россійской имперіи никто, не обучившійся русской грамотѣ, не можетъ быть признанъ гражданиномъ» [3]). Въ числѣ причинъ, влекущихъ за собою временную утрату правъ гражданства, указано, по примѣру французской конституціи 1791 г., нахожденіе при комъ либо въ услуженіи. На основаніи этого далѣе постановлено, что придворные не могутъ ни избирать, ни быть избираемыми.

Глава третья проекта устанавливаетъ права и обязанности рус-

уставное" (т. е. конституціонное) „и союзное" (или федеральное)—во второй редакціи исключена.

[1]) Французскія конституціи требовали: 1791 г.—25-лѣтняго возраста (*Кокошкинъ*, 31), 1793 г.—21 года (п. 4), также и конституція 1795 г. (п. 10); конституція Соединенныхъ Штатовъ—25 лѣтъ (*Брайсъ*, I, 485).

[2]) Въ первой редакціи прибавлено: „и по имѣнію".

[3]) Требованіе грамотности вѣроятно заимствовано изъ французской конституціи 1795 г., по которой оно должно было войти въ силу черезъ 9 лѣтъ (п. 16).

скихъ людей. «Всѣ русскіе равны передъ закономъ» [1]), при чемъ русскими считаются всѣ коренные жители Россіи и дѣти иностранцевъ, въ ней родившіяся и достигшія совершеннолѣтія, если они не заявятъ о нежеланіи быть русскими [2]). Крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются [3]).

Конституція Муравьева провозглашаетъ свободу устнаго и печатнаго слова. «Всякій имѣетъ право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оныя посредствомъ печати своимъ соотечественникамъ. Книги, подобно всѣмъ прочимъ дѣйствіямъ, подвержены обвиненію гражданъ предъ судомъ и подлежатъ суду присяжныхъ» [4]).

По примѣру французскаго законодательства, въ конституціи Н. Муравьева постановлено, что гильдіи въ купечествѣ и цехи въ ремеслахъ уничтожаются, и всякій имѣетъ право заниматься тѣмъ промысломъ, который онъ считаетъ болѣе выгоднымъ.

Конституція Муравьева устанавливаетъ судъ присяжныхъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Въ первой редакціи это выражено менѣе опредѣленно: «въ судахъ безопасность, жизнь и собственность обезпечиваются присяжными», но во второй редакціи развито подробнѣе: «всякая тяжба, въ которой дѣло идетъ о цѣнности, превышающей фунтъ чистаго серебра (25 [5]) рублей), поступаетъ на судъ присяжныхъ; всякое уголовное дѣло производится съ присяжными». «Подозрѣваемый въ злоумышленіи можетъ быть взятъ подъ стражу постановленными Уставомъ властями и учрежденнымъ порядкомъ, но въ 24 часа (подъ отвѣтственностью тѣхъ, которые его задержали) должно ему объявить письменно о причинѣ его задержанія; въ противномъ случаѣ онъ немедленно освобождается». «Заключенный, если онъ не обвиненъ по уголовному дѣлу, немедленно освобождается, если найдется за него порука» [6]). Подземелья и крѣпостные казематы и вообще всѣ, такъ называемыя, государственныя темницы уничтожаются; никто не можетъ быть заключенъ иначе, какъ въ назначенныхъ для этого «общественныхъ темницахъ». Обвиняемые не должны подвергаться заключенію въ однихъ мѣстахъ съ осужденными, заключенные за долги или за легкіе проступки — съ

---

[1]) Вѣроятно навѣяна французскою декларацією правъ (ст. 1). Однако далѣе было сказано, что „кочующія племена не имѣютъ правъ гражданскихъ“: имъ предоставлялось только право участвовать въ выборѣ волостныхъ старшинъ

[2]) Вѣроятно взято изъ французской конституціи 1791 г. (тит. II, п. 2).

[3]) О постановленіяхъ въ конституціи Н. Муравьева относительно крестьянскаго вопроса см. далѣе въ главѣ XI.

[4]) Статья эта навѣяна французскою декларацією правъ (п. 11) и французскою конституціею 1791 г. (тит. III, гл. V, п. 17 и 18).

[5]) Далѣе (46 ст. 2-й ред.) цѣна фунта серебра опредѣлена въ 20 рублей.

[6]) Три послѣднія статьи заимствованы вполнѣ или отчасти изъ французской конституціи 1791 г. (тит. III, гл. V. п. 9, 11, 12).

«преступниками и злодѣями». Муравьевъ требуетъ, чтобы тюремное начальство избиралось гражданами изъ «людей добросовѣстныхъ», которые отвѣчали бы за всякій противозаконный и безчеловѣчный поступокъ съ заключенными. «Нынѣшніе полицейскіе чиновники отрѣшаются и замѣняются по выборамъ жителей» [1]).

Конституція Муравьева объявляла «право собственности, *заключающее въ себѣ одну вещи*», священнымъ и неприкосновеннымъ. Постановленіе это навѣяно французскою декларацією правъ (п. 17) съ прибавкою оговорки, имѣющей тотъ смыслъ, что, въ виду уничтоженія крѣпостного права и рабства, право собственности не можетъ распространяться на людей [2]).

Ненавистныя народу и обществу военныя поселенія по конституціи Муравьева немедленно уничтожаются, при чемъ «поселенные батальоны и эскадроны» съ родственниками рядовыхъ поступаютъ въ званіе «общихъ владѣльцевъ», т. е. уравниваются съ государственными и удѣльными крестьянами.

На основаніи постановленія, что всѣ русскіе равны передъ закономъ, всѣ чины и сословія уничтожаются: «Раздѣленіе людей на 14 классовъ отмѣняется. Гражданскіе чины, заимствованные у нѣмцевъ и ничѣмъ не отличающіеся между собою, уничтожаются сходственно съ древними постановленіями народа русскаго. Названія и сословія однодворцевъ, мѣщанъ, дворянъ, именитыхъ гражданъ замѣняются всѣ названіемъ гражданина или русскаго».

«Жалованье священно-служителямъ будетъ производиться и впредь» [3]); они освобождаются также отъ постойной и подводной повинностей [4]). При изложеніи своей конституціи по требованію слѣдственной коммиссіи, Муравьевъ упомянулъ, какъ объ общемъ правилѣ, что «въ мирное время безденежный постой войскъ и взиманіе подводъ возбраняются».

Съ уничтоженіемъ гильдій и цеховъ граждане получаютъ право составлять всякаго рода общества и товарищества, не испрашивая о томъ ни у кого позволенія или утвержденія, лишь бы только ихъ цѣйствія не были противозаконными.

---

[1]) Четырехъ послѣднихъ статей нѣтъ въ первой редакціи.

[2]) Въ первой редакціи было далѣе сказано, что, земли, принадлежащія церквамъ, „остаются навсегда за ними", но во второй это было исключено.

[3]) На этотъ пунктъ въ первой редакціи сдѣлано замѣчаніе: „жалованье получаютъ только городскіе, сельскіе же имѣютъ земли по 30 десятинъ на причтъ приходскій".

[4]) На поляхъ второй редакціи прибавлено: „ото всѣхъ податей". А. А. Бестужевъ въ письмѣ къ имп. Николаю изъ крѣпости указываетъ на необходимость „возвысить бѣлое духовенство, давъ" ему „способы къ жизни". *Бороздинъ*, 41. Лунинъ въ своемъ „Взглядѣ на тайное общество" говоритъ, что оно желало, чтобы „положеніе духовенства, вполнѣ обезпеченное, сдѣлали его независимымъ и способнымъ къ исполненію своихъ обязанностей".

Согласно принципамъ англійской конституціи постановлялось, что «никакое нарушеніе закона не можетъ быть оправдано повелѣніемъ начальства. Сперва наказывается нарушитель закона, потомъ подписавшій противозаконное повелѣніе».

Конституція Муравьева предоставляла гражданамъ и право петиціи: они «имѣютъ право обращаться со своими жалобами и желаніями къ народному вѣчу, къ императору и къ правительствующимъ сословіямъ державъ» (см. ниже) [1]).

Устанавливалась также вѣротерпимость: «никто не можетъ быть безпокоиваемъ въ отправленіи своего богослуженія по совѣсти и чувствамъ своимъ, лишь бы только не нарушалъ законовъ природы и нравственности» [2]).

Свобода и правильность выборовъ охранялись слѣдующею статьею конституціи: «Всякій гражданинъ, который бы насиліемъ или подкупомъ нарушилъ свободный выборъ народныхъ представителей, предается суду [3]).

Изъ введенія къ первой редакціи конституціи мы уже видѣли, что Муравьевъ желалъ обратить Россію въ федерацію. Въ четвертой главѣ онъ устанавливаетъ территоріальное раздѣленіе Россіи «въ законодательномъ и исполнительномъ отношеніяхъ». Въ первой редакціи такихъ державъ (въ число ихъ царство Польское не входило) предполагалось 14 и двѣ области—Донская и Славянская, въ которой находилась столица всего государства Нижній-Новгородъ [4]). Финляндія не составляла по первой редакціи отдѣльной державы. По второй редакціи Россія раздѣлялась на 13 державъ (при чемъ Финляндія составляла отдѣльную Ботническую державу) и двѣ области. Державы и области дѣлились на 569 уѣздовъ, или повѣтовъ, а тѣ раздѣлялись на волости отъ 500 до 1500 жителей м. п. Въ судебномъ отношеніи державы дѣлились на округи, равныя тогдашнимъ губерніямъ. Столицею, по второй редакціи, являлась, повидимому, Москва; по крайней мѣрѣ Муравьевъ назвалъ ее столицею при изложеніи своего проекта во время слѣдствія. Остзейскій край составлялъ Балтійскую державу со «столицею» Ригою, западный край—Западную державу со столицею Вильною, Кавказъ также образовалъ особую державу, Сибирь раздѣлялась на двѣ державы. На мысль о желательности введенія въ Россіи федеративнаго строя, безъ сомнѣнія, навела Муравьева конституція Соединенныхъ Штатовъ, которою онъ вообще во многомъ руководился при составленіи своего проекта.

Административная власть въ уѣздѣ по конституціи Н. Муравьева

---

[1]) Трехъ послѣднихъ статей нѣтъ въ первой редакціи конституціи.

[2]) Статья эта навѣяна французскою декларацією правъ.

[3]) Двухъ послѣднихъ статей нѣтъ въ первой редакціи.

[4]) Этотъ городъ и по „Русской Правдѣ" Пестеля дѣлался столицею Россіи.

принадлежитъ тысяцкому [1]), который *выбирается* на одинъ годъ гражданами, имѣющими недвижимой собственности на 500 р. или движимой на 1.000 руб. По словамъ Лунина въ его «Взглядѣ на тайное общество въ Россіи», оно требовало, чтобы «администрація была подчинена твердымъ правиламъ на мѣсто личнаго произвола,... и чтобъ выборъ должностныхъ лицъ опредѣлялся общественнымъ голосомъ, замѣщая имъ «невѣждъ и взяточниковъ». (Срав. ниже въ запискѣ, найденной въ бумагахъ С. Трубецкого). «Тѣ, которые пользуются землями въ общественномъ владѣніи», т. е. перечисленные выше разряды крестьянъ, въ отличіе отъ лицъ, имѣющихъ права гражданства по имущественному цензу [2]), пользуются правомъ не прямыхъ выборовъ, а лишь двухстепенныхъ: не участвуя «каждый лично въ выборѣ тысяцкаго, *народныхъ представителей* и другихъ чиновниковъ», они имѣютъ право всѣмъ обществомъ выбрать одного «избирателя» отъ 500 жителей мужского пола; избиратели, какъ уполномоченные отъ общества, подаютъ голоса наравнѣ съ прочими гражданами [3]). Впрочемъ, каждый изъ «общихъ владѣльцевъ», имѣющій указанный выше имущественный цензъ въ движимомъ или недвижимомъ имуществѣ, участвуетъ въ выборахъ непосредственно, но зато не избираетъ уполномоченнаго отъ общества.

Чтобы имѣть право быть выбраннымъ въ тысяцкіе, нужно было обладать очень крупнымъ имущественнымъ цензомъ, а именно 30.000 руб. въ недвижимомъ имѣніи, или 60.000 руб. въ движимомъ [4]). Въ число обязанностей тысяцкаго входитъ созывъ гражданъ для выбора народныхъ представителей, выборныхъ членовъ думъ державныхъ и проч. и предсѣдательство въ выборныхъ собраніяхъ.

Тысяцкій былъ также обязанъ составлять списки гражданъ, имѣющихъ движимое и недвижимое имущество извѣстной цѣнности. Относительно раздѣленія гражданъ на разряды, первая и вторая редакція проекта Н. Муравьева значительно различаются. Въ *первой редакціи* сказано, что тысяцкій «дѣлаетъ исчисленіе всѣхъ тѣхъ, которые въ уѣздѣ пользуются правами гражданства, и раздѣляетъ ихъ на четыре списка»: 1) Гражданъ, имѣющихъ на 500 руб. с. недвижимаго имуще-

[1]) Въ своемъ показаніи во время слѣдствія онъ пояснилъ, что тысяцкій — то же, что исправникъ.

[2]) Впрочемъ владѣніе землею, хотя бы и на общинномъ правѣ, представляло, конечно, нѣкоторый имущественный цензъ.

[3]) Въ первой редакціи не указанъ размѣръ ценза, необходимаго для участія въ выборахъ тысяцкаго, но пользующіеся землями „въ общественномъ владѣніи" также устранены отъ участія въ прямыхъ выборахъ тысяцкаго и народныхъ представителей. Это вызвало слѣдующее замѣчаніе: „неравенство правъ и слѣдовательно различіе состоянія".

[4]) Такъ какъ дѣлались указанія на слишкомъ высокій цензъ для тысяцкаго, то, при изложеніи своего проекта для слѣдственной коммиссіи, Н. Муравьевъ понизилъ его до 15.000 р. с. движимаго или недвижимаго имѣнія.

ства или на 1.000 руб. движимаго; они могутъ быть присяжными и избирателями. 2) Имѣющихъ на 2.000 руб. с. недвижимаго или на 4.000 движимаго имущества; они могутъ кромѣ того быть *народными представителями и членами палаты выборныхъ державныхъ законодательныхъ собраній*. 3) Имѣющихъ на 15.000 руб. с. недвижимаго или на 30.000 движимаго имущества; они могли кромѣ того быть выбраны въ члены державныхъ думъ и въ члены судовъ. 4) Наконецъ, имѣющихъ на 30.000 руб. с. недвижимаго или на 60.000 движимаго имущества; они имѣли право быть выбранными кромѣ того въ члены верховной думы [1]), въ правители державъ, въ намѣстники правителей державъ, въ совѣтники и тысяцкіе.

По второй редакціи проекта Н. Муравьева тысяцкій составляетъ два списка гражданъ уѣзда, которые владѣютъ имуществомъ слѣдующаго размѣра: 1) владѣющіе недвижимымъ имуществомъ не менѣе 250 фунтовъ серебра (5.000 р. с.) или движимымъ—500 фунтовъ (10.000 р. с., могутъ быть присяжными и избирателями [2]); 2) владѣющіе недвижимымъ имуществомъ не менѣе 1.500 фун. серебра (30.000 руб. с.) или движимымъ—3.000 фун. (60.000 руб.) могутъ быть кромѣ того избраны въ члены верховной думы, правители державъ и ихъ намѣстники, тысяцкіе, члены державныхъ думъ и судовъ и въ члены совѣтовъ въ державахъ [3]). Это постановленіе второй редакціи вызвало замѣчаніе одного изъ читателей проекта: «почему богатство только опредѣляетъ достоинство правителей? Это несогласно съ законами нравственными». Во второй редакціи конституціи Н. Муравьева не установлено имущественнаго ценза для того, чтобы быть народнымъ представителемъ въ палатѣ представителей народнаго вѣча и въ державныхъ палатахъ выборныхъ (т. е., въ нижнихъ

---

[1]) Самымъ первымъ предположеніемъ Н. Муравьева было даже назначеніе пассивнаго ценза для избранія въ члены верховной думы въ размѣрѣ вчетверо большемъ: 120.000 р. недвижимаго имѣнія и 240.000 р. с. движимаго.

[2]) Въ изложеніи своего проекта для слѣдственной коммиссіи Н. Муравьевъ, указалъ цензъ для избирателей и присяжныхъ въ 500 р. сер., все равно движимаго или недвижимаго имущества.

[3]) Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ было менѣе 20 лицъ, имѣющихъ недвижимаго имущества на 30.000 руб. и движимаго на 60.000, дозволялось выбирать на тѣ мѣста, для которыхъ требовался такой имущественный цензъ, и лицъ, приближающихся по своему имуществу къ требуемому состоянію. Всѣ списки должны были быть напечатаны и обнародованы.—Около 1810 г. цѣна десятины казенной земли въ Воронежской губ. равнялась 30 р., въ Орловской—100 р. ас. („Чтен. общ. ист. и древн. рос.“ 1860 г. т. II, 211). Въ 1820 г. цѣна земли должна была быть выше. Принявъ въ это время въ среднемъ стоимость десятины земли около 70 р. ас., т. е. 20 р. серебромъ, мы получимъ, что только 1500 дес. земли (безъ крестьянъ) составляли бы требуемый имущественный цензъ. Что касается населенныхъ имѣній, то министръ финансовъ въ половинѣ 1820-хъ годовъ опредѣлялъ ихъ цѣнность каждой души м. п. отъ 200 до 500 р. ас. (*Иконниковъ* „Графъ Мордвиновъ“, 323); если принять въ среднемъ 350 р. ас. или 100 р. с., то для ценза въ 30 тыс. р. с. нужно было имѣть 300 душъ м. п.

палатахъ правительствующихъ собраній державъ). Имущественный цензъ для того, чтобы лично быть избирателемъ народнаго представителя, повышенъ сравнительно съ первою редакціею въ 10 разъ. И по второй редакціи его конституціи, даже въ двухстепенныхъ выборахъ, участвуютъ только крестьяне «экономическіе» [1]), удѣльные, вольные хлѣбопашцы и бывшіе военные поселяне. Крѣпостное право, какъ мы знаемъ, уничтожается, однако бывшіе крѣпостные участія въ выборахъ, хотя бы и чрезъ своихъ уполномоченныхъ, не имѣютъ. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что по второй редакціи конституціи крѣпостные получали при освобожденіи только дома и огороды и слѣдовательно не имѣли земли «въ общественномъ владѣніи»: лишь въ изложеніи своей конституціи, сдѣланномъ по требованію слѣдственной коммиссіи, Н. Муравьевъ предлагаетъ надѣленіе крестьянъ землею по 2 десятины на дворъ. Какъ бы то ни было, лишь около половины крестьянскаго населенія имѣло право участвовать въ выборахъ избирателей народныхъ представителей. Напротивъ, изъ городского населенія могли участвовать въ выборахъ лишь располагающіе имущественнымъ цензомъ въ высокомъ размѣрѣ, но зато эти выборы были прямые. Такимъ образомъ большинство городского населенія не могло быть избирателями народныхъ представителей.

«Народное вѣче, состоящее изъ верховной думы и палаты народныхъ представителей», сказано въ конституціи Н. Муравьева, «облечено всею законодательною властью [2]), однако, какъ мы увидимъ ниже, оно не могло издавать «конституціонныхъ законовъ», т. е. измѣнять конституцію, и кромѣ того всякое предложеніе, принятое верховною думою и палатою представителей, нуждалось въ одобреніи императора.

Члены палаты представителей избираются на два года [3]) гражданами державъ изъ лицъ, живущихъ въ это время въ державѣ, по одному представителю на каждые 50.000 жителей мужского пола, не принимая въ разсчетъ кочующихъ племенъ [4]). На первые годы было опредѣлено избирать 450 представителей [5]). Если «въ представительствѣ какой-либо

---

[1]) Экономическими крестьянами въ узкомъ смыслѣ этого слова назывались бывшіе крестьяне синодальные, архіерейскіе, монастырскіе и церковные. Но въ XIX в. этотъ терминъ употреблялся и въ болѣе широкомъ значеніи—крестьянъ государственныхъ, въ составъ которыхъ вошли экономическіе.

[2]) Вѣроятно заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (*Брайсъ*, I, 485), „Народное вѣче“ конституціи Н. Муравьева вообще соотвѣтствуетъ конгрессу конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

[3]) Такой же срокъ установленъ въ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и во французской конституціи 1791 г. (тит. III, гл. I, п. 2).

[4]) Въ 1810 г. при выборахъ въ кортесы въ Испаніи также выбирался одинъ депутатъ на 50.000 жит. (*Трачевскій*. I, 170). по конституціи Сѣв.-Америк. Штатовъ 1 на 30.000, по франц. конституціи 1793 г. 1 на 40.000 жителей.

[5]) При сложеніи числа представителей въ отдѣльныхъ державахъ и обла-

державы откроются мѣста» (вакансіи), то исполнительная власть державы немедленно созываетъ избирателей для дополнительныхъ выборовъ. Палата представителей сама избираетъ своего предсѣдателя; она одна имѣетъ право предавать суду сановниковъ имперіи [1]).

Верховная дума, т. е. верхняя палата народнаго вѣча, состоитъ изъ 3 гражданъ отъ каждой державы, 2 отъ Московской области и одного гражданина отъ Донской области — всего 42 члена [2]), которые выбираются не прямыми выборами, а «правительственными сословіями державъ и областей», т. е. палатою выборныхъ и державною думою въ соединенномъ засѣданіи [3]). Немедленно по прибытіи въ столицу членовъ верховной думы они раздѣляются на 3 разряда, по возможности равные, и треть всей думы обновляется каждые два года новымъ избраніемъ. Если же въ продолженіе двухъ лѣтъ откроются «мѣста» смертью членовъ или ихъ увольненіемъ, то исполнительная власть державъ дѣлаетъ временное назначеніе (если бы это случилось въ такое время, когда «правительиное собраніе» державы распущено), пока это собраніе не сдѣлаетъ окончательнаго назначенія [4]).

Для того, чтобы быть членомъ верховной думы, нужно имѣть не менѣе 30 лѣтъ, 9 лѣтъ быть гражданиномъ Россіи и жить во время выборовъ въ соотвѣтственной державѣ. Эти условія, какъ и многое другое, заимствованы изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, при чемъ «держава» вездѣ соотвѣтствуетъ штату. Дальнѣйшее условіе— требованіе имущественнаго ценза—прибавлено самимъ Н. Муравьевымъ: для избранія въ члены верховной думы нужно было имѣть недвижимаго имущества на 1.500 фунтовъ чистаго серебра (30.000 руб.) или движимаго на 3.000 фунтовъ (60.000 руб.). «Дума избираетъ сама своего предсѣдателя, намѣстника предсѣдателя и прочихъ своихъ чиновниковъ. Предсѣдатель наблюдаетъ за порядкомъ разсужденій, но не имѣетъ голоса»... Какой-то читатель проекта выразилъ по этому поводу свое недоумѣніе: «за что лишить силы ума достойнаго человѣка, избраннаго думою?» Предложеніе лишить голоса предсѣдателя верховной думы объясняется тѣмъ, что по сѣверо-американской конституціи вице-прези-

стихъ получается 449 ч. При пересказѣ своей конституціи въ слѣдственной коммиссіи Н. Муравьевъ написалъ, что въ палатѣ представителей должно быть около 450 членовъ".

[1]) Заимствовано изъ конституціи Сѣв.-Американскихъ Штатовъ.

[2]) По конституціи Сѣв. - Американскихъ Штатовъ сенатъ состоитъ изъ двухъ сенаторовъ отъ каждаго штата, выбранныхъ законодательными собраніями этихъ штатовъ.

[3]) Въ показаніи во время слѣдствія Никита Муравьевъ говоритъ о 45 членахъ верховной думы, по 3 отъ каждой „области" (онъ вѣроятно не хотѣлъ употреблять здѣсь слово „держава").

[4]) Статья эта буквально заимствована изъ конституціи Сѣв.-Американскихъ Штатовъ.

дентъ Соединенныхъ Штатовъ, который долженъ быть предсѣдателемъ сената, не имѣетъ права голоса, за исключеніемъ того случая, когда голоса сенаторовъ раздѣлятся поровну.

Верховной думѣ принадлежитъ право суда надъ министрами, верховными судьями и всѣми прочими сановниками имперіи по обвиненію, возбужденному народными представителями, при чемъ виновность должна быть признана большинствомъ не менѣе $^2/_3$ голосовъ присутствующихъ членовъ. Дума не назначаетъ наказанія, а только объявляетъ подсудимаго виновнымъ и лишаетъ его занимаемаго имъ мѣста и званія. Судъ надъ виновнымъ совершается обыкновеннымъ порядкомъ съ присяжными по письменному обвиненію, предъявленному верховнымъ блюстителемъ (генералъ-прокуроромъ), который подвергается судебной отвѣтственности, если обвиненіе окажется несправедливымъ. «Изобличенный судомъ государственный сановникъ подвергается казни, опредѣленной законами».

«Дума участвуетъ вмѣстѣ съ императоромъ въ заключеніи мира, въ назначеніи судей верховныхъ судебныхъ мѣстъ, главнокомандующихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, корпусныхъ командировъ, начальниковъ эскадръ и верховнаго блюстителя». Дѣла эти рѣшаются большинствомъ $^2/_3$ голосовъ [1]).

При составленіи той главы своего проекта, въ которой разсматриваются права и преимущества народнаго вѣча, Н. Муравьевъ сильно пользовался конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Народное вѣче собирается, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, въ первый вторникъ декабря мѣсяца, пока законъ не установитъ другого срока [2]). Повѣрку правильности выборовъ производятъ сами палаты. Каждая изъ нихъ можетъ наказать своихъ членовъ за ихъ непристойное поведеніе и преступленія, но отнюдь не за ихъ мнѣнія; она можетъ исключить ихъ изъ своей среды лишь по постановленію не менѣе $^2/_3$ голосовъ. «Ни въ какомъ случаѣ, кромѣ измѣны, преступленія и нарушенія общественнаго порядка нельзя брать подъ стражу членовъ народнаго вѣча ни во время засѣданія, ни на пути ихъ въ столицу, ни во время возвращенія ихъ. Нигдѣ нельзя ихъ тревожить за то, что они говорили каждый въ своей палатѣ, и никто не вправѣ требовать отъ нихъ объясненія по поводу ихъ рѣчей [3]). Членъ палаты, уличенный въ преступленіи, до приговора судебнаго исключается своею палатою».

[1]) Вся эта статья до извѣстной степени навѣяна конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. *Брайсъ*, I, 487, 493.

[2]) Заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Америк. Штатовъ съ замѣною конгресса народнымъ вѣчемъ и понедѣльника вторникомъ, очевидно для избѣжанія тяжелаго дня.

[3]) Прибавлено карандашомъ: „тамъ произнесенныхъ". Все это заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Засѣданія обѣихъ палатъ публичны, но по предложенію императора и извѣстнаго числа членовъ (въ палатѣ представителей—50, а въ верховной думѣ—5) засѣданіе объявляется закрытымъ [1]). Женщины и несовершеннолѣтніе до 17-лѣтняго возраста на засѣданія обѣихъ палатъ не допускаются. Каждая палата ведетъ дневныя записки своихъ засѣданій и отъ времени до времени печатаетъ ихъ, исключивъ изъ нихъ то, что рѣшено оставить въ тайнѣ. Мнѣнія членовъ каждой палаты за или противъ какого либо предложенія должны быть записаны въ журналъ по требованію $^1/_5$ части присутствующихъ членовъ. Члены верховной думы и палаты представителей получаютъ за каждый день, въ который они присутствовали въ засѣданіи, вознагражденіе, равное 21 золотнику чистаго серебра (5 р. с.). За каждыя 100 верстъ, которыя они проѣзжали отъ своего мѣстожительства и обратно, они получаютъ вознагражденіе, равное 43 зол. сер. (10 руб. с.). Опредѣленіе размѣра имущественнаго ценза и денежнаго вознагражденія серебромъ извѣстнаго вѣса объясняется большими измѣненіями курса нашихъ денегъ въ царствованіе Александра I.

Лица, находящіяся на общественной службѣ, не могутъ быть членами ни той, ни другой палаты, пока занимаютъ свою должность, а также въ продолженіе того времени, на которое они избраны, не могутъ быть назначены ни на какую гражданскую должность, которая была учреждена въ то время [2]).

Всякое предложеніе налоговъ или наборъ ратниковъ обсуждается прежде въ палатѣ представителей, но дума можетъ дѣлать въ немъ измѣненія, какъ и во всякомъ предложеніи. Измѣненія эти въ «предложеніи» (т. е. биллѣ) о налогахъ тогда только становятся дѣйствительными, когда они будутъ допущены палатою представителей [3]). Всякій проектъ закона [4]) прочитывается три раза въ каждой палатѣ. Между двумя чтеніями должно пройти по крайней мѣрѣ 3 дня; послѣ каждаго чтенія происходятъ разсужденія. Послѣ перваго чтенія проектъ закона печатается и раздается всѣмъ присутствующимъ членамъ.

Всякое «предложеніе», принятое думою и палатою представителей, нуждается еще въ одобреніи императора, чтобы получить силу закона. Если императоръ не одобритъ его, то отсылаетъ со своими замѣчаніями

---

[1]) Въ изложеніи своей конституціи, сдѣланномъ во время слѣдствія, Н. Муравьевъ прибавилъ: „Когда дума разсуждаетъ о дипломатическихъ сношеніяхъ и трактатахъ, то ея засѣданія всегда должны быть тайныя".

[2]) Эти статьи заимствованы изъ Сѣверо-Американской конституціи.

[3]) Постановленіе относительно предложеній (т. е. биллей) о налогахъ заимствовано изъ конституціи Сѣверо-Американ. Штатовъ.

[4]) Въ изложеніи для слѣдственной коммиссіи сказано: „Власть предлагать законы имѣютъ министры и члены обѣихъ палатъ. Законъ принимается или отвергается большинствомъ голосовъ".

въ ту палату, въ которую оно сначала поступило. Если обѣ палаты большинствомъ $^2/_3$ голосовъ вновь примутъ предложеніе, то оно становится закономъ. Если императоръ, по прошествіи 10 дней, не возвратитъ представленнаго ему проекта, то послѣдній получаетъ силу закона, за исключеніемъ того случая, когда вѣче въ это время отсрочитъ свои засѣданія [1]). Проектъ, отвергнутый одною изъ палатъ, можетъ быть вновь внесенъ только въ слѣдующій «съѣздъ» народнаго вѣча.

Права народнаго вѣча очень широки; оно можетъ постановлять слѣдующіе законы: 1) Издавать уложеніе гражданское, уголовное, торговое и военное, учрежденія по благочинію и правила судопроизводства и внутренняго управленія присутственныхъ мѣстъ. 2) Въ случаѣ нашествія непріятеля или возмущенія объявлять ту или другую область на военномъ положеніи. 3) Обнародовать законъ о всепрощеніи. 4) Распускать правительственныя собранія державъ, еслибы они превысили предѣлы своей власти, и назначать новые выборы. 5) Объявлять войну [2]). 6) Издавать законы относительно сухопутныхъ и морскихъ войскъ, укрѣпленія границъ, набора войскъ и внутренней стражи (т. е. милиціи). 7) Устанавливать налоги, дѣлать займы, повѣрять расходы, однимъ словомъ, принимать всѣ финансовыя мѣры. Бюджетъ не можетъ быть утвержденъ болѣе, чѣмъ на два года. 8) Принимать мѣры относительно промышленности и народнаго богатства, почтъ, путей сообщенія и учрежденія банковъ. 9) Покровительствовать наукамъ и искусствамъ, установлять право литературной собственности и привилегіи для изобрѣтателей [3]). 10) Установлять порядокъ службы гражданскихъ чиновниковъ во всѣхъ отрасляхъ управленія. 11) Установлять регентство вслѣдствіе «тѣлесной или нравственной» болѣзни императора, его кончины или отреченія, или провозглашать совершеннолѣтняго наслѣдника престола императоромъ. 12) Избирать правителей державъ изъ списковъ кандидатовъ, составленныхъ правительствующими собраніями державъ.

Какъ и американскій конгрессъ, народное вѣче не имѣетъ права ни установлять «новые *конституціонные законы* [4]), ни отмѣнять существующіе». «Право измѣнить Уставъ (т. е. конституцію) «или избрать другое поколѣніе на царство принадлежитъ народному и державному соборамъ [5]), а не народному вѣчу».

---

[1]) Заимствовано изъ Сѣверо-Америк. конституціи съ замѣною президента императоромъ.

[2]) Въ изложеніи для слѣдственной коммиссіи прибавлено: „по предложенію министровъ".

[3]) Пункты 5—9 навѣяны Сѣверо-Американ. конституціею. Конституція Н. Муравьева предоставляетъ народному вѣчу титулъ его величества.

[4]) Курсивъ подлинника.

[5]) Въ изложеніи проекта Муравьева для слѣдственной коммиссіи добавлено: „на сей единственно предметъ собираемымъ".

Народное вѣче опредѣляетъ общіе налоги и расходы, предоставляя изданіе распоряженій, касающихся отдѣльныхъ мѣстностей, правительствующимъ собраніямъ державъ. До будущихъ установленій народнаго вѣча, подати остаются прежнія, за исключеніемъ того, что: 1) мѣщане платятъ подушную подать въ размѣрѣ не большемъ, чѣмъ экономическіе и другіе крестьяне [1]); 2) уплатѣ этой подати подлежатъ только имѣющіе отъ 17 до 60 лѣтъ; 3) подушная подать распространяется на всѣхъ гражданъ, такъ какъ всѣ равны передъ закономъ и обязаны нести однѣ и тѣ же повинности. Отъ времени до времени народное вѣче обнародываетъ подробный отчетъ о государственныхъ приходахъ и расходахъ.

Въ главѣ объ общихъ правахъ Н. Муравьевъ устанавливаетъ вѣротерпимость; въ отдѣлѣ о правахъ вѣча онъ говоритъ уже о полной свободѣ совѣсти: «Народное вѣче не имѣетъ власти ни постановлять, ни запрещать какое либо вѣроисповѣданіе или *расколъ*. Вѣра, совѣсть и мнѣнія гражданъ, пока оныя не обнаруживаются противозаконными дѣйствіями, не подлежатъ власти народнаго вѣча. По расколъ, основанный на развратѣ или на дѣйствіяхъ противоестественныхъ, преслѣдуется на основаніи общихъ постановленій» [2]). Свобода слова и печати также подтверждена правиломъ, что «народное вѣче не имѣетъ власти нарушать свободы рѣчей и книгопечатанія» [3]). «Народное вѣче не разсуждаетъ въ присутствіи императора, и въ то время не собираютъ голосовъ [4]). На рѣчь императора предсѣдатели обѣихъ палатъ должны отвѣчать, что народное вѣче займется предлагаемыми ему предметами».

Права императора, который «есть верховный чиновникъ Россійскаго правительства», опредѣлены (101 статьею 2 ред.) слѣдующимъ образомъ: 1) Власть его наслѣдственна по прямой линіи [5]) отъ отца къ

---

[1]) Авторъ замѣчанія на поляхъ считаетъ болѣе уравнительнымъ обложеніе мѣщанъ промысловымъ налогомъ.

[2]) О свободѣ совѣсти въ С.-Американскихъ Соед. Шт. см. въ „Письмѣ третьемъ. Изъ Филадельфіи". „Духъ Журналовъ" 1815 г. VII, 285.

[3]) О свободѣ печати въ С.-Америк. Соед. Шт. см. „Письма одного нѣмца изъ Филадельфіи". „Духъ Журн.", 1815 г., ч. V, 191, ч. VI, 272, 278.

[4]) Заимствовано изъ французской конституціи 1791 г. (тит. III, гл. III. отд. IV, п. 8).

[5]) Отъ тестя она не переходитъ къ зятю. Далѣе (111 ст. 2-ой редакц.) говорится, что „женщины не наслѣдуютъ императорской власти" (заимствовано изъ французской конституціи 1791 г.), „и не доставляютъ никому на оную права посредствомъ брака: общество людей свободныхъ не есть отчина и не можетъ служить вѣномъ. Императорское званіе учреждено наслѣдственнымъ для удобства, а не потому, чтобы оно было въ самомъ дѣлѣ семейственнымъ достояніемъ. Итакъ, по пресѣченіи мужескаго поколѣнія, народъ учредитъ видъ правленія или приступитъ къ избранію другого семейства. Право сіе было провозглашаемо и признано даже тѣми императорами россійскими, которые почитали себя источниками всякой власти и слѣдовательно не предполагали никакой власти въ народѣ".

сыну. 2) «Онъ верховный начальникъ сухопутной и морской силы» [1]), 3) «Онъ верховный начальникъ всякаго отдѣленія земскихъ войскъ, поступающаго въ дѣйствительную службу имперіи». 4) Онъ ведетъ переговоры съ иностранными державами и заключаетъ мирные трактаты съ совѣта и согласія верховной думы, но не можетъ безъ согласія народнаго вѣча включать въ нихъ условія о нападеніи на какую либо страну и не можетъ уступить никакой части земель, принадлежащихъ Россіи. 5) Назначаетъ посланниковъ и консуловъ, а также чиновниковъ, о которыхъ не упоминается въ этомъ Уставѣ. 6) Назначаетъ судей верховныхъ судебныхъ мѣстъ съ совѣта и согласія верховной думы. 7) Временно, «до окончанія» ближайшаго съѣзда думы, замѣщаетъ всѣ мѣста, сдѣлавшіяся свободными въ то время, когда народное вѣче было распущено. 8) Назначаетъ главъ приказовъ (т. е. министерствъ)—казначейскаго (министерства финансовъ), сухопутныхъ силъ (военнаго), морскихъ силъ (морского) и внѣшнихъ сношеній. 9) Доставляетъ народному вѣчу свѣдѣнія о состояніи Россіи и предлагаетъ на его обсужденіе принятіе мѣръ, которыя считаетъ необходимыми. 10) Имѣетъ право созывать обѣ палаты. 11) «Не можетъ употреблять войска» внутри «Россіи въ случаѣ возмущенія, не сдѣлавъ, о томъ предложенія народному вѣчу, которое немедленно обязано удостовѣриться посредствомъ слѣдствія въ необходимости военнаго положенія». 12) Если бы обѣ палаты не пришли къ соглашенію относительно времени отсрочки ихъ засѣданій, то можетъ отложить ихъ, но не болѣе какъ на 3 мѣсяца. 13) Имѣетъ титулъ его императорскаго величества, но выраженія: «именное повелѣніе, высочайшее соизволеніе, быть посему» и т. п. уничтожаются, какъ «неприличныя и неимѣющія никакого значенія въ землѣ благоустроенной». 13) При вступленіи въ правленіе приноситъ посреди народнаго вѣча присягу въ томъ, что будетъ сохранять и защищать конституцію [2]).

«Кабинетъ [3]) уничтожается; ясакъ сибирскихъ инородцевъ и всѣ, такъ называемыя, регаліи поступаютъ въ общественное казначейство, но императоръ получаетъ на содержаніе свое и своего семейства ежегодно изъ общественнаго казначейства сумму, равную» 2.000.000 р. с., въ которой онъ никому не обязанъ давать отчета. Члены императорскаго семейства не отличаются отъ частныхъ лицъ и не пользуются никакими правами и преимуществами. «Такъ называемый, дворъ не

[1]) Противъ этого пункта написано карандашомъ, но потомъ зачеркнуто: „худо ввѣрять такую силу такому человѣку, съ которымъ надобно быть въ безпрестанной борьбѣ".

[2]) Многіе пункты относительно правъ и обязанностей императора составляютъ сколокъ съ постановленій о президентѣ Соединенныхъ Штатовъ.

[3]) Учрежденіе, завѣдывающее собственностью государя и принадлежащее къ министерству двора.

можетъ имѣть существованія, признаннаго законами, въ землѣ, благоустроенной». Поэтому императоръ можетъ имѣть при себѣ лицъ, носящихъ придворное званіе, но они не считаются на общественной службѣ и не получаютъ никакого вознагражденія изъ общественнаго казначейства, а императоръ можетъ давать имъ жалованье изъ денегъ ему отпускаемыхъ [1]). Сверхъ того придворные лишаются «правъ гражданства, т. е. права избирать и преимущества быть избраннымъ въ общественную должность» на то время, пока они такимъ образомъ находятся въ «частномъ услуженіи».

Русское общество сильно негодовало на частыя поѣздки императора Александра I за границу. Гр. С. Р. Воронцовъ еще въ 1802 г., по поводу путешествія государя въ Пруссію, въ бесѣдѣ съ гр. П. А. Строгановымъ, сказалъ: «Послѣдній изъ нашихъ подданныхъ знаетъ, что всѣ государи пріѣзжали къ покойной императрицѣ, а теперь русскій императоръ ѣдетъ къ другимъ государямъ». Затѣмъ Воронцовъ прибавилъ: «лучше, чѣмъ скакать по большимъ дорогамъ, онъ употребилъ бы свое время на изученіе тѣхъ полезныхъ преобразованій, какія нужно произвести» [2]). Но «скачка» имп. Александра I по большимъ дорогамъ продолжалась во все его царствованіе, и мысль о вредѣ ея для государства проникла и въ среднія классы: на эту тему открыто разсуждали въ началѣ 1820-хъ годовъ купцы гостинаго двора. Поэтому Н. Муравьевъ, желая положить предѣлъ этимъ вѣчнымъ разъѣздамъ, подробно мотивировалъ запрещеніе императору покидать свое отечество. Одною изъ причинъ этого запрещенія было то, что «въ отдаленіи изъ отечества императоръ можетъ слѣдовать внушеніямъ иностранныхъ завистниковъ и сдѣлаться орудіемъ ихъ злоумышленій» (вѣроятно, намекъ на пагубное вліяніе Меттерниха на имп. Александра I) [3]). Выѣздъ императора изъ Россіи долженъ былъ считаться оставленіемъ ея навсегда и отреченіемъ отъ своего званія [4]).

---

[1]) Это постановленіе вѣроятно навѣяно правиломъ французской конституціи 1791 г., что король можетъ имѣть стражу (не болѣе 1800 чел.), но „оплачиваемую изъ средствъ гражданскаго листа". (Тит. III, гл. II, секц. I, п. 12).

[2]) *Вел. Князь Николай Михаиловичъ.* „Гр. П. А. Строгановъ", II, 276.

[3]) Запрещеніе императору выѣзжать за предѣлы государства могло быть заимствовано изъ испанской конституціи 1812 г., но на основаніи ея кортесы могли дозволить королю выѣхать за границу. *Dufau, Duvergier* et *Guadet.* Collection des constitutions, t. V, 110. Во французской конституціи 1791 г. сказано: „если бы король, выѣхавъ изъ королевства, не вернулся въ него послѣ приглашенія законодательнаго собранія въ опредѣленный въ прокламаціи срокъ, который не можетъ быть менѣе 2 мѣсяцевъ, онъ считается отрекшимся отъ престола" (тит. III, гл. II, отд. I, п. 7).

[4]) Читатель, видимо сочувствовавшій этому постановленію и безъ сомнѣнія имѣвшій въ виду то, что русскія арміи выходили при имп. Александрѣ I изъ предѣловъ Россіи, сдѣлалъ такой выводъ изъ приведеннаго постановленія: „слѣдственно императоръ не можетъ быть главнымъ начальникомъ" войска.

Безуміе имп. Павла заставило Н. Муравьева установить въ своей конституціи правила о регентствѣ. Если министры объявятъ о тѣлесной или «нравственной неспособности» императора, и она будетъ признана народнымъ вѣчемъ, его наслѣдникъ, достигшій совершеннолѣтія (18 лѣтъ), занимаетъ мѣсто временнаго правителя (регента), если это временный недугъ, и мѣсто императора, если нѣтъ надежды на выздоровленіе. Если же наслѣдникъ несовершеннолѣтенъ, то мѣсто «правителя Россіи» занимаетъ предсѣдатель верховной думы, уступая свое прежнее званіе намѣстнику. Затѣмъ, черезъ каждые 4 года, избирается новый правитель: первый разъ думою изъ членовъ палаты представителей, во второй — палатою представителей изъ среды верховной думы, и такъ до совершеннолѣтія наслѣдника. Если бы болѣзненный припадокъ или кончина императора случились въ такое время, когда народное вѣче распущено, то главы приказовъ обязаны, подъ своею отвѣтственностью, созвать немедленно обѣ палаты или, по крайней мѣрѣ, верховную думу.

Императоръ подписываетъ только мирные трактаты, отчеты о состояніи Россіи, представляемые народному вѣчу, предложенія законовъ, грамоты посланникамъ и чиновникамъ и законы, утвержденные народнымъ вѣчемъ. Всѣ остальныя бумаги подписываютъ главы приказовъ, каждый по своей части, а иногда всѣ вмѣстѣ, когда дѣло идетъ о постановленіи общемъ для всѣхъ, или когда они подаютъ свое мнѣніе вѣчу. Всѣ гражданскіе чиновники, главы приказовъ, временный правитель и проч. могутъ быть лишены своихъ должностей, если, вслѣдствіе обвиненія, предъявленнаго палатою представителей, они будутъ уличены думою въ измѣнѣ, расхищеніи общественной казны или какомъ нибудь преступленіи, или если окажутся неспособными къ исполненію своей должности [1]). При изложеніи правъ русскихъ людей Муравьевъ уже установилъ правило, что никто не можетъ оправдываться приказаніемъ начальства: «сперва наказывается нарушитель закона, потомъ подписавшій противозаконное повелѣніе». Это общее правило примѣняется ко всѣмъ «чиновникамъ исполнительной власти», такъ какъ «въ гражданскомъ быту слѣпое повиновеніе не можетъ быть допущено». «Императоръ не подлежитъ сужденію; если же онъ лично совершитъ какое либо преступленіе, за которое никто другой не подлежитъ отвѣтственности», то народное вѣче приписываетъ это нравственному недугу и учреждаетъ посредствомъ особаго закона регентство.

Переходя къ установленію «внутреннихъ властей» и «правительствъ» державъ, Н. Муравьевъ говоритъ, что «правительство каждой державы состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга властей,

[1]) Въ изложеніи для слѣдственной коммиссіи это выражено такимъ образомъ: „министры отвѣтствуютъ за всякое противозаконное велѣніе, ими подписанное“.

но содѣйствующихъ къ одной цѣли, а именно *правительствующей* [1]), исполнительной и судной».

Правительствующая власть каждой державы поручена правительствующему собранію, которое, какъ и народное вѣче, состоитъ изъ двухъ палатъ: «палаты выборныхъ» и «думы» [2]). Правительственное собраніе засѣдаетъ въ столичномъ городѣ державы.

Палата выборныхъ составляется изъ членовъ, избираемыхъ гражданами на одинъ годъ.

Въ первой редакціи конституціи, для того чтобы быть «выборнымъ», т. е. членомъ палаты выборныхъ въ какой либо державѣ, требовался имущественный цензъ: недвижимаго имущества на 2.000 р. или движимаго на 4.000 р. с. По второй редакціи, — чтобы быть «выборнымъ» (такъ же какъ и для того, чтобы быть членомъ палаты народныхъ представителей), имущественнаго ценза не требовалось. Одинъ «выборный» избирался на каждые 10 000 жителей, такъ что въ правительствующихъ собраніяхъ разныхъ державъ и областей (по второй редакціи конституціи) было отъ 15 до 350 выборныхъ.

Державная дума составляется изъ членовъ, избранныхъ на 4 года тѣми же избирателями, которые избираютъ и членовъ палаты выборныхъ этой державы, и на тѣхъ же избирательныхъ собраніяхъ. Ежегодно изъ состава думы выходитъ по жребію четвертая часть членовъ, которая замѣщается выбранными вновь. Чтобы быть членомъ думы, нужно имѣть не менѣе 30 лѣтъ и владѣть недвижимымъ имуществомъ цѣнностью въ 15.000 р. или движимымъ въ 30.000 р. с. Число членовъ державной думы приблизительно втрое меньше числа членовъ палаты выборныхъ.

Правительствующее собраніе [3]) собирается 2 раза въ годъ. За каждый день засѣданія члены палатъ получаютъ по 8 золотниковъ серебра (2 р. с.). Къ правительствующимъ собраніямъ примѣняются многія правила, установленныя для народнаго вѣча. Собранія эти имѣютъ право: 1) Дѣлать постановленія относительно внутренняго управленія державъ и вообще всякія «сообразныя съ симъ Уставомъ». 2) Установлять налоги «для собственнаго управленія каждой державы» и на ея потребности, какъ-то: дороги, каналы, строенія, издержки на правительствующее собраніе, плату чиновникамъ исполнительной власти, на судебную часть и проч. [4]). 3) Учреждать всякаго рода общественныя и

---

[1]) Въ первой редакціи вмѣсто слова „правительствующій" употребляется терминъ „законодательный".

[2]) Напомнимъ, что нижняя палата народнаго вѣча должна была называться „палатою народныхъ представителей", а верхняя палата—„верховною думою".

[3]) Иногда оно называется „правительнымъ".

[4]) „Общіе налоги для содержанія войска сухопутнаго и морского, крѣпо-

учебныя заведенія и проч. Наконецъ, правительствующее собраніе имѣетъ право просить народное вѣче о созывѣ народнаго собора для измѣненія конституціоннаго устава [1]).

Исполнительная власть каждой державы поручается державному правителю, его намѣстнику и совѣту. Чтобы быть намѣстникомъ, нужно имѣть не менѣе 30 лѣтъ и имущество недвижимое стоимостью въ 30.000 р., или движимое въ 60.000 р. с. Правители избираются народнымъ вѣчемъ на 3 года изъ списковъ кандидатовъ на это званіе, составленныхъ правительствующими собраніями державъ. Выборъ этотъ производится въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ народнаго вѣча и утверждается императоромъ. Въ число обязанностей правителя державъ входитъ: 1) Отсрочка засѣданія обѣихъ палатъ, если онѣ сами не придутъ относительно этого къ соглашенію, но не болѣе какъ на 90 дней. 2) Начальствованіе надъ «земскимъ войскомъ своей державы». (Однако же онъ не можетъ безъ согласія правительствующаго собранія посылать это войско за предѣлы державы и волѣть ему дѣйствовать противъ жителей въ случаѣ ихъ «возмущенія», пока правительствующее собраніе не издастъ закона объ объявленіи державы на военномъ положеніи). 3) Назначеніе, по представленію своего совѣта, державнаго блюстителя законовъ, державныхъ судей и другихъ чиновниковъ изъ числа лицъ, внесенныхъ въ

стей, почтъ, связей съ иностранными государствами, вознагражденія членовъ народнаго вѣча", платы высшимъ чиновникамъ, проведенія сообщеній, превышающихъ мѣстныя средства, „однимъ словомъ для всѣхъ нуждъ и потребностей всей общины Россійской, назначаются народнымъ вѣчемъ".

[1]) Далѣе, въ первой редакціи слѣдовала статья, во второй исключенная: „Никакая держава не имѣетъ права: 1) заключать какой либо союзъ, договоръ или трактатъ не только съ иностранными государствами, но даже и съ другою державою Россійскаго Союза; 2) заключать миръ или объявлять войну; 3) чеканить монеты; 4) раздавать титла дворянства и учреждать знаки отличія; 5) налагать пошлинъ на ввозъ товаровъ безъ согласія и позволенія народнаго вѣча; 6) содержать въ мирное время войска или вооруженныхъ кораблей безъ позволенія верховнаго народнаго вѣча; 7) начинать войну, непріязненныя дѣйствія, развѣ въ случаѣ непріятельскаго нашествія и когда опасность такъ близка, что никакое медленіе не можетъ быть допущено; 8) отправлять пословъ и депутацій къ иностраннымъ государствамъ подъ какимъ бы то предлогомъ ни было и входить въ какія бы то ни было сношенія съ иностранными правительствами". Почти вся эта статья была заимствована изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Исключена была также статья первой редакціи, въ которой было между прочимъ сказано: „Пользующійся званіемъ гражданина въ одной державѣ долженъ былъ признанъ гражданиномъ и во всѣхъ прочихъ. Евреи могутъ пользоваться правами гражданъ въ мѣстахъ, нынѣ ими заселенныхъ, но свобода имъ селиться въ другихъ мѣстахъ будетъ зависѣть отъ особыхъ постановленій верховнаго народнаго вѣча" Такимъ образомъ евреямъ, въ отличіе отъ польской конституціи 1815 г. и проекта Новосильцова, предполагалось предоставить политическія права въ чертѣ ихъ осѣдлости, но рѣшить, можно ли уничтожить эту черту и разрѣшить евреямъ право повсемѣстнаго жительства, могло только народное вѣче. Возможность такого ограниченія правъ евреевъ была исключена во второй редакціи.

списокъ. Державный намѣстникъ и члены державнаго совѣта избираются на три года въ соединенномъ засѣданіи обѣихъ палатъ державы большинствомъ $^2/_3$ голосовъ; условія выбора тѣ же, что и для правителя державы.

Я изложилъ все то изъ конституціи Н. Муравьева, что было имъ обработано. Впрочемъ нѣкоторыя черты второй редакціи его проекта (напримѣръ, его взгляды на крестьянскій вопросъ) подверглись дальнѣйшему развитію. Возможно, что онъ набросалъ вчернѣ свои предположенія относительно устройства судебной части, по крайней мѣрѣ онъ подробно изложилъ ихъ для слѣдственной комиссіи; но нужно замѣтить, что ни подлинника, ни копіи этихъ предположеній (кромѣ того, что было разсказано составителемъ на допросѣ) не сохранилось (вѣроятно, эта часть проекта въ обращеніе не поступала) и что, по словамъ самого Муравьева, его конституція не была закончена. Нарышкинъ въ своихъ показаніяхъ говоритъ: «Никита Муравьевъ писалъ тогда конституцію, но оная не была принята положительно обществомъ».

Нѣкоторымъ членамъ тайнаго общества, и всего болѣе Пестелю, конституція Муравьева не нравилась тѣмъ, что устанавливала слишкомъ высокій цензъ. Самъ Н. Муравьевъ въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ: «Конституцію мою я читалъ только старѣйшимъ членамъ Сѣвернаго общества, и мнѣ казалось, что она была согласна съ ихъ образомъ мыслей. Ее отвергало Южное общество и Пестель, находя, что она узаконяла аристократію» (т. е. аристократію богатства).

Пестель въ одномъ изъ первыхъ показаній въ Петербургѣ заявилъ: «Изъ всѣхъ конституцій, которыя были писаны, или предлагаемы, или о коихъ было говорено, ни одна не была докончена. Иная только до половины доведена, другая въ отрывкахъ состояла. Полнаго ничего не было, и общимъ согласіемъ ни одна еще принята не была, такъ что общество по справедливости не можетъ сказать, какую конституцію оно бы имѣло въ виду и въ желаніи рѣшительномъ. Конституція Никиты Муравьева большей части членовъ весьма не нравилась», потому что не одобряли «два главныя основанія» ея. Пестель, высказываясь за самостоятельное существованіе Польши съ присоединеніемъ къ ней части Западной Россіи, относительно остальной Россіи проявлялъ централистскія стремленія; поэтому, указавъ на то, что у Н. Муравьева «предполагался федеративный образъ правленія, какъ въ соединенныхъ областяхъ Америки», онъ замѣчаетъ, что «это походило на древнюю удѣльную систему [1]) и потому пагубнымъ казалось». А между тѣмъ раздѣле-

[1]) Въ другомъ, позднѣйшемъ, показаніи Пестель увѣряетъ, что „мѣстныя правительства" въ державахъ „такую большую власть имѣли, что даже законы могли дѣлать для своей державы. Верховной власти посему почти ничего не оставалось". Послѣднее утвержденіе несправедливо: центральному законодательному учрежденію было предоставлено широкое поле дѣятельности.

ніе Россіи по проекту Муравьева на 13 державъ и 2 области не имѣетъ рѣшительно никакого сходства съ удѣльною системою. Напротивъ, другое замѣчаніе Пестеля совершенно справедливо. «Второе основаніе» (конституціи Муравьева) «состояло въ томъ, что права на должности въ правленіи и на участіе въ дѣлахъ общихъ и государственныхъ основаны были на богатствѣ, такъ что для исполненія должностей даже въ уѣздныхъ правительствахъ нужно было богатство, а для вышнихъ должностей все болѣе и болѣе. Сія ужасная аристократія богатствъ заставляла многихъ, а въ томъ числѣ и меня, противу его конституціи сильно спорить». Въ показаніи 13 января 1826 г. Пестель говоритъ о Н. Муравьевѣ: «Онъ доставилъ ко мнѣ часть сей конституціи, извѣщая, что пишетъ оную въ монархическомъ смыслѣ не потому, чтобы онъ монархическаго правленія держался болѣе, чѣмъ, республиканскаго, ибо онъ былъ въ 1820 г. одинъ изъ тѣхъ членовъ, которые наиболѣе въ пользу сего послѣдняго говорили, но для того, чтобы сблизиться съ понятіями вновь вступающихъ въ общество членовъ». Значительно позднѣе (6 апрѣля 1826 г.) Пестель далъ еще болѣе опредѣленное показаніе по этому предмету: онъ заявилъ, что кн. Волконскій привезъ ему конституцію, начатую Муравьевымъ, «о которой говорилъ онъ мнѣ въ письмѣ своемъ, что пишетъ ее въ монархическомъ смыслѣ ради вновь вступающихъ членовъ: comme un rideau derrière lequel nous formerons nos colonnes, прибавляя, что онъ самъ лично остается тѣмъ же приверженцемъ республиканскаго правленія, каковымъ былъ и прежде. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1823 г.», продолжаетъ Пестель, «писалъ я съ Давыдовымъ къ Никитѣ Муравьеву предлинное письмо, въ которомъ оспаривалъ разные пункты его конституціи и предлагалъ главныя черты своей». При свиданіи Пестеля съ Муравьевымъ во время пріѣзда перваго въ Петербургъ въ 1824 г., Никита Муравьевъ, по словамъ Пестеля, опять говорилъ, что придалъ монархическія формы своей конституціи «ради вновь вступающихъ членовъ». Рылѣевъ выразилъ сомнѣніе въ справедливости этого заявленія Пестеля: «Не полагаю», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ показаній, «чтобы Никита Муравьевъ далъ своей конституціи формы монархическія единственно для вновь вступающихъ членовъ, ибо онъ всегда былъ того мнѣнія, что въ Россіи императоръ необходимъ». Однако Н. Муравьевъ, по его словамъ, дѣйствительно заявлялъ своимъ товарищамъ въ думѣ Сѣвернаго общества, что въ Южномъ обществѣ «у Пестеля принята всѣми республика», что «явное противорѣчіе Пестелю произведетъ отторженіе Южнаго общества» и что «должно успокоить Пестеля увѣреніемъ, что представительныя понятія служатъ намъ одною завѣсою».

По словамъ Рылѣева, кн. Трубецкой полагалъ, что главнымъ препятствіемъ къ соединенію Сѣвернаго и Южнаго обществъ была конституція Никиты Муравьева, которая не нравилась Пестелю, потому что

совершенно противорѣчила его образу мыслей. Рылѣевъ держался того мнѣнія, что тайныя общества въ правѣ только разрушить то правленіе, которое считаютъ «неудобнымъ для своего отечества, и потомъ тотъ государственный уставъ, который будетъ одобренъ большинствомъ членовъ обоихъ обществъ, представить на разсмотрѣніе Великаго Собора, какъ проектъ. Введеніе же его посредствомъ диктатуры Рылѣевъ почиталъ «нарушеніемъ правъ народа». Съ этимъ были согласны всѣ члены совѣщанія, собравшагося у Рылѣева во время пріѣзда Пестеля въ Петербургъ (въ 1824 г.), по вопросу о соединеніи обоимъ обществъ; изъ нихъ Рылѣевъ называетъ Н. Тургенева, Митькова, Трубецкого, Муравьева и Оболенскаго. Въ письмѣ къ имп. Николаю 16 декабря 1825 г. Рылѣевъ также говоритъ: «Приговору Великаго Собора положено было безпрекословно повиноваться, стараясь только, чтобы народнымъ Уставомъ былъ введенъ представительный образъ правленія, свобода книгопечатанія, открытое судопроизводство и личная безопасность. Проектъ конституціи, составленный Муравьевымъ, должно было представить народному Собору какъ проектъ». Нужно думать, что таково было мнѣніе наиболѣе видныхъ членовъ Сѣвернаго общества. Рылѣевъ совѣтовалъ Н. Муравьеву (вѣроятно не позднѣе 1824 г.) сдѣлать въ его проектѣ нѣкоторыя измѣненія, придерживаясь конституціи Соединенныхъ Штатовъ, сохранивъ однако монархическое устройство.

Конституція Н. Муравьева не была окончательно принята и одобрена даже Сѣвернымъ Тайнымъ Обществомъ, какъ это мы видѣли изъ свидѣтельства Нарышкина. Рылѣевъ говорилъ Н. Бестужеву, что дума продолжаетъ дѣлать въ проектѣ конституціи Муравьева «перемѣны и поправки». Къ тому же, самъ Муравьевъ не былъ противникомъ республиканскаго строя. А. Бестужевъ говоритъ въ своемъ показаніи о Н. Муравьевѣ: «мнѣніе съ нами о чистомъ народномъ правленіи раздѣлялъ одинаково». Въ другомъ показаніи онъ выражается такъ: «Никита Муравьевъ, когда читалъ намъ часть опыта своей конституціи, мнѣніе о преимущественности республики передъ монархіей съ нами раздѣлялъ; впрочемъ, тогда еще рѣшительнаго ничего положено не было».

Конституція Н. Муравьева встрѣчала среди членовъ сѣвернаго общества возраженія съ точки зрѣнія и болѣе правыхъ, и болѣе лѣвыхъ [1]). Митьковъ въ своемъ показаніи говоритъ, что считалъ конституцію Н. Муравьева «ютопіею» [2]). Назимовъ былъ принятъ въ Сѣверное общество въ 1823 г. Нарышкинымъ, который давалъ ему разныя книги

---

[1]) Декабристъ фонъ деръ-Бриггенъ показалъ, что „большая часть изъ членовъ“ (Сѣвернаго тайнаго общества) „выхваляли англійскую конституцію“.

[2]) И что Н. Тургеневъ былъ одного съ нимъ мнѣнія: „что эта конституція есть пустое“.

для изученія конституціи и затѣмъ повезъ его къ Н. Муравьеву. Если вѣрить показанію Назимова, по выслушаніи конституціи Н. Муравьева, которая еще не была окончена, онъ замѣтилъ ему, что въ его проектѣ власть императора «вовсе ослаблена», и что такое правленіе въ Россіи, въ виду ея обширности, невозможно, что никакой государь не согласится на столь сильное ограниченіе его власти, что, опираясь на «привычку народа», на «недовольныхъ новымъ правленіемъ» и на поддержку иностранныхъ державъ, онъ «можетъ все потрясти, что это влечетъ за собою междоусобія, что ослабленная Россія не будетъ въ состояніи отразить нападеній внѣшнихъ враговъ. Муравьевъ отвѣчалъ: что внутри «выгоды новаго правленія привяжутъ къ правительству всѣ сословія, что извнѣ нечего опасаться, ибо сосѣди будутъ ожидать, чтобы и у нихъ самихъ того же не случилось, что войско, защищающее свободу, можетъ все отразить, что честолюбцевъ даже и опасаться нечего, ибо— что они будутъ говорить народу? и что если Россія и потерпитъ при семъ переворотѣ, то предстоящее ей благосостояніе все вознаградитъ»; приводилъ въ примѣръ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и, наконецъ, сказалъ, что «конституція его не имѣетъ еще ничего положительнаго, но что, впрочемъ, онъ показывалъ ее знающимъ людямъ и пользовался ихъ мнѣніями» [1]). Когда затѣмъ Назимовъ говорилъ съ Парышкинымъ о конституціи Н. Муравьева и выражалъ несогласіе съ нѣкоторыми его параграфами, то Парышкинъ сказалъ ему, что, «по законамъ общества», онъ даже не имѣетъ права «разсуждать о перемѣнахъ конституціи, ибо это принадлежитъ верховному кругу [2]). Что касается введенія конституціи, то Парышкинъ сказалъ, что это можетъ произойти послѣ смерти имп. Александра I или посредствомъ возстанія еще при его жизни, при чемъ разсчитывали на войско и крестьянъ. Кн. Оболенскому Назимовъ заявилъ, что такъ какъ конституція Н. Муравьева «имѣетъ сходство съ конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, то мы должны узнать тамъ, на самомъ мѣстѣ, все ли такъ хорошо, какъ пишутъ», и для этого нужно, чтобы кто-нибудь изъ членовъ общества отправился туда, все изслѣдовалъ подробно, во всѣхъ отрасляхъ правленія и, возвратясь, далъ... вѣрный отчетъ обществу». Съ совершенно другой точки зрѣнія, чѣмъ Назимовъ, было сдѣлано возраженіе на одномъ собраніи въ 1824 г. у Парышкина, гдѣ читался проектъ Муравьева. Противъ него возсталъ какой-то офицеръ (принятый въ общество Евг. Оболенскимъ) на томъ основаніи, что конституція эта была монархическая. Онъ сказалъ М. Муравьеву Апостолу: «думаете-ли

[1]) Назимовъ бралъ конституцію Н. Муравьева къ себѣ на домъ и снялъ съ нея копію.

[2]) Объ организаціи Сѣвернаго Общества см. *М. В. Довнаръ-Запольскій* „Тайное Общество декабристовъ", М. 1896, стр. 216 и сл.

вы остановить дѣйствія государя у насъ мнимою конституціею?» и вышелъ изъ общества.

Н. Муравьевъ показалъ, что, когда во время пріѣзда Пестеля въ Петербургъ въ 1824 году у нихъ былъ споръ относительно конституціи, онъ Муравьевъ заявилъ ему, что окончивъ эту работу, намѣренъ распространять ее повсюду, какъ произведеніе непзвѣстнаго, и принимать въ общество всѣхъ тѣхъ, кто будетъ на нее соглашаться. Желательно, прибавилъ Муравьевъ, чтобы она обращалась и внѣ общества, такъ какъ «мы можемъ достигнуть нашей цѣли посредствомъ одного только общаго мнѣнія».

По собственному показанію Н. Муравьева, его дальнѣйшія предположенія состояли въ слѣдующемъ. Онъ желалъ: 1) распространить «между всѣми состояніями людей» множество экземпляровъ конституціи, лишь только она имъ будетъ окончена. 2) Произвести возмущеніе въ войскѣ и обнародовать ее. 3) «По мѣрѣ успѣховъ военныхъ» (т. е. распространенія возстанія) во всѣхъ занятыхъ губерніяхъ и областяхъ приступить къ созыву избирателей, выбору тысяцкихъ, судей, мѣстныхъ правленій, учрежденію областныхъ (т. е. державныхъ) палатъ, а въ случаѣ «великихъ успѣховъ»—и народнаго вѣча. 4) Если бы и тогда императорская фамилія не приняла конституціи, то, какъ крайнее средство, онъ предполагалъ изгнать ее и предложить введеніе республиканскаго правленія.

Извѣстно, что конституцію Муравьева читали кн. Трубецкой, Рылѣевъ, И. И. Пущинъ, баронъ Штейнгель, Н. А. Бестужевъ, Торсонъ, кн. Одоевскій, Нарышкинъ, Кашкинъ и конечно многіе другіе: мы приводили выше показаніе автора проекта, что его конституція «находилась нѣкоторое время у каждаго изъ главныхъ членовъ» общества [1]). Нѣкоторыя замѣчанія, сдѣланныя на поляхъ экземпляровъ двухъ сохранившихся ея редакцій мы уже привели.

Сохранилась особая записка съ замѣчаніями на проектъ конституціи Н. Муравьева, на которыхъ необходимо остановиться подробнѣе, такъ какъ они представляютъ интересный матеріалъ для изученія политическихъ идей того времени.

Авторъ записки человѣкъ образованный, знакомый съ англійскою

[1]) Н. Муравьевъ и самъ любилъ читать свою конституцію; такое чтеніе его слышали Митьковъ, Пазимовъ, М. И Муравьевъ-Апостолъ, кн. Барятинскій и В. Л. Давыдовъ: черезъ послѣдняго Н. Муравьевъ переслалъ свой проектъ С. И. Муравьеву-Апостолу. Кромѣ того М. И. Муравьевъ-Апостолъ послалъ копію съ конституціи Н. Муравьева чрезъ А. В. Поджіо Южному Обществу. На квартирѣ Рылѣева въ 1824 г. читали конституцію Н. Муравьева въ присутствіи кн. Е. Оболенскаго и четырехъ другихъ членовъ общества. А. Бестужевъ слышалъ чтеніе одной изъ частей конституціи Н. Муравьева у Е. Оболенскаго. Муравьевъ давалъ ему эту часть и на домъ „для замѣчаній", но Бестужевъ ихъ не сдѣлалъ.

конституціею и съ французскимъ государственнымъ строемъ. Я полагаю, что она составлена ученымъ моряком К. П. Торсономъ, другомъ братьевъ Бестужевыхъ, такъ какъ авторъ много говоритъ объ англійской милиціи, а Торсонъ въ своемъ показаніи заявилъ, что въ замѣчаніяхъ на одинъ проектъ конституціи онъ предлагалъ учрежденіе національной милиціи по образцу англійской [1]). Изъ показанія Рылѣева видно, что Торсонъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ англійской конституціи [2]).

Первое замѣчаніе въ упомянутой запискѣ направлено противъ устройства верховной думы. Мы видѣли, что по конституціи Н. Муравьева члены верховной думы избирались правительственными собраніями державъ, т. е. палатою выборныхъ и державною думою въ соединенномъ засѣданіи, и чтобы сдѣлаться членомъ верховной думы нужно было имѣть высокій цензъ, т. е. обладать недвижимымъ имуществомъ на 30.000 или движимымъ на 60.000 рублей. Авторъ записки начинаетъ съ указанія на то, что въ разсматриваемомъ имъ проектѣ нижней палатѣ предоставляется право обвинять министровъ, но разсматривать обвиненія должна верхняя палата, и, въ случаѣ осужденія, она одна имѣетъ право отрѣшить высшихъ государственныхъ чиновниковъ отъ должности и отдать ихъ подъ судъ. Предложеніе закона нижнею палатою поступаетъ на разсмотрѣніе верхней. По этому поводу авторъ замѣчаній говоритъ:

Предполагается, что члены верхной палаты должны имѣть болѣе свѣдѣній въ государственныхъ дѣлахъ, дабы могли судить поступки человѣка, исполняющаго столь важную государственную должность, какъ министръ, а сіе доказываетъ, что члены верхней палаты должны быть избраны изъ людей, извѣстныхъ по уму, опытности въ государственныхъ должностяхъ и любви къ отечеству... Предлежитъ вопросъ, какъ убѣдить гражданъ, чтобъ они, справедливо оцѣня достоинство человѣка, предназначили его по способностямъ засѣдать въ той или другой палатѣ,—какъ предупредить, чтобъ купецъ или мужикъ съ большимъ богатствомъ не вошелъ въ сонмъ верховныхъ судей, тогда какъ умнѣйшему, опытнѣйшему и посѣдѣвшему въ государственныхъ дѣлахъ человѣку дверь въ палату останется закрытою (потому только, что онъ не имѣетъ достаточнаго для сего капитала). Тогда и подрядчику [3]) возможно будетъ судить министра, не постигая истинъ правленія; какъ предупредить, чтобъ на выборахъ по при-

[1]) Г. А. I В. № 361, л. 19. Свои замѣчанія на проектъ конституціи Торсонъ отдалъ Н. Бестужеву; это вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что и Н. А. Бестужевъ, и Торсонъ, какъ мы видѣли, читали конституцію Н. Муравьева. О Торсонѣ см. записки Н. И. Греча, стр. 427; записки Бестужева въ изд. проф. Шимана „Убійство Павла и восшествіе на престолъ Николая I. Берл. 1902, стр. 340—344, 353. *Довнаръ-Запольскій*, „Мемуары декабристовъ“, 123, 132.

[2]) *Бороздинъ*, 185; Г.А. I Д. № 334, л. 71. По словамъ Торсона, онъ доказывалъ Рылѣеву „преимущества англійской“ конституціи (какъ монархической) предъ американскою.

[3]) Лица, принявшія на себя подряды и поставки на общественныя нужды, до исполненія ихъ не могли быть, по конституціи Муравьева, представителями, относительно же членовъ верхней думы этого ограниченія сдѣлано не было.

страстію не исключили изъ членовъ высшей палаты человѣка достойнаго и не вмѣстили бы невѣжду. Конечно никто не можетъ доказать, чтобъ мужикъ не былъ способенъ разсуждать, но многіе ли изъ нихъ могутъ занять мѣсто столь важное, и что послѣдуетъ изъ верхней палаты, если въ оной половина членовъ будетъ собрана изъ людей только богатыхъ, а не такихъ, которые своимъ умомъ, добродѣтелями, опытностью и любовью къ отечеству должны представить собою римскій сенатъ во времена Пирра. Если въ члены высшей палаты не выбирать по сказаннымъ достоинствамъ, тогда въ чемъ будетъ разность между двухъ палатъ, по существу столь различныхъ; въ такомъ случаѣ оной не будетъ, и не должно давать, преимущества членамъ одной судить другую. Для чего предоставлять разсматривать одной здравость сужденія другой, когда члены ихъ равны, и быть можетъ еще глупѣйшему достанется судить благоразумнаго. Въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности въ существованіи двухъ палатъ (ибо переносомъ дѣлъ въ верхнюю только увеличится продолжительность хода дѣлъ). Тогда всѣ сужденія могутъ производиться въ одной палатѣ".

Изъ дальнѣйшаго однако видно, что авторъ замѣчаній не противъ двухпалатной системы, а только противъ предложеннаго Н. Муравьевымъ способа образованія верхней палаты:

„Всякая сила для равновѣсія требуетъ противувѣсія; посему существованіе одной палаты было бы неудобно и потому предполагаютъ противуположить низшей палатѣ высшую, которая хладнокровно и основательно должна разсматривать иногда пылкія и не всегда справедливыя требованія низшей палаты".

Авторъ замѣчаній предлагаетъ, вмѣсто того, чтобы выбирать членовъ верхней палаты на 6 лѣтъ изъ числа лицъ, обладающихъ высокимъ имущественнымъ цензомъ, не требовать при выборахъ ценза. Онъ желаетъ чтобы, избравъ членовъ верхней палаты въ первый разъ «по общему выбору», предоставить затѣмъ предложеніе кандидатовъ обѣимъ палатамъ и императору и избраніе съ ихъ общаго согласія изъ лицъ хотя бы и бѣдныхъ, и притомъ не увеличивать числа членовъ верхней палаты безъ согласія обѣихъ палатъ [1]). Разъ избранные остаются членами палаты пожизненно, если не лишатся своего званія по приговору суда; отданы подъ судъ они могли быть по требованію нижней палаты.

„Палата сія составится изъ людей извѣстныхъ и будетъ лавровымъ вѣнкомъ для гражданъ отличныхъ добродѣтелей; она, не измѣняясь по волѣ богачей наемными голосами, не вмѣститъ и не потерпитъ въ сонмѣ своемъ невѣжды и тогда только будетъ твердымъ оплотомъ между деспотизма и своевольства".

Почти въ самомъ началѣ излагаемыхъ замѣчаній, послѣ указанія на право верхней палаты судить министровъ и высшихъ государствен-

[1]) Извѣстно, что въ Англіи король имѣетъ возможность вліять на направленіе дѣятельности верхней палаты назначеніемъ въ нее членовъ по своему усмотрѣнію.

ныхъ сановниковъ и обсуждать «предложенія законовъ» (т. е. билли), внесенныя на ея разсмотрѣніе нижнею палатою, далѣе сказано: «Во время отсутствія депутатовъ должно оставаться въ столицѣ для совѣщаній по 3 депутата верхней палаты изъ каждой державы». Дѣлая это предложеніе, авторъ замѣчаній очевидно имѣлъ въ виду болѣе многочисленный составъ верхней палаты, такъ какъ по проекту Н. Муравьева предполагалось всего 42 члена верховной думы. Если бы авторъ замѣчаній желалъ оставить въ верховной думѣ такое же число членовъ, какъ въ проектѣ Н. Муравьева, а не предполагалъ увеличить его, то проще было бы сказать, что при распущеніи нижней палаты вся верхняя продолжаетъ засѣдать. А между тѣмъ онъ далѣе говоритъ: «Присутствіе въ столицѣ нѣкоторыхъ членовъ высшей палаты полезно еще и потому, что они могутъ надзирать за исполненіемъ правосудія, и имъ должно вмѣнить въ обязанность ходатайствовать по жалобамъ, изъ державъ подаваемымъ». Авторъ замѣчаній предлагаетъ также, чтобы въ столицѣ оставалось на время распущенія палатъ и нѣкоторое число членовъ нижней палаты; они, «получивъ какую либо жалобу, должны настаивать у министровъ (при помощи членовъ высшей палаты) о удовлетвореніи притѣсненныхъ». Кромѣ того, онъ полагаетъ, что остающіеся въ столицѣ члены обѣихъ палатъ могутъ замѣнить сенатъ и «верховный совѣтъ» (тайный совѣтъ въ Англіи?)

Не развивая этой мысли, авторъ замѣчаній дѣлаетъ слѣдующее предложеніе:

„Имъ т. е. членамъ верхней и низшей палаты, временно пребывающимъ въ столицѣ, должно дать право разрѣшать министровъ сдѣлать новый наборъ войскъ или наложить какую либо подать, когда непредвидѣнныя обстоятельства, не терпящія отсрочиванія до съѣзда палатъ, потребуютъ сихъ вспомоществованій; имъ дать право разрѣшать министровъ и тогда, если бы сіи потребовали помощи депутатовъ, не объявляя причинъ, которыя до времени должны быть въ секретѣ; но въ такомъ случаѣ по прошествіи срока (опредѣленнаго законами) депутаты должны потребовать у министровъ объясненія, и, по отобраніи оныхъ, на общемъ съѣздѣ или по возвращеніи въ державы отдать отчетъ въ своихъ поступкахъ тамъ, въ случаѣ употребленія во зло общей довѣренности, должны быть судимы министры или депутаты, допустившіе сдѣлать вредъ. Но если, по отобраніи объясненій отъ министровъ, окажется, что они съ намѣреніемъ зла требовали безмолвнаго повиновенія, и зло сіе большой важности (какъ-то разрушеніе конституціи или вольности гражданъ), тогда, чтобъ не дать таковымъ министрамъ времени усилиться до съѣзда депутатовъ (что могло бы отложить судъ на годъ и болѣе) и причинить большаго вреда, временныя палаты должны немедленно извѣстить въ державы о опасности свободы гражданъ“ (чтобы „державныя головы“, т. е., очевидно, правители державъ, приняли мѣры и приготовили милицію) „и въ тоже время требовать отрѣшенія и суда министра, посягнувшаго на таковое злоупотребленіе власти“.

Авторъ записки предлагаетъ также опредѣлить постоянное мѣсто засѣданій палатъ и поставовить, чтобы, когда онѣ созваны, ни одинъ вооруженный человѣкъ, хотя бы и по приказу самого императора, не могъ приближаться къ зданію, гдѣ засѣдаютъ палаты, подъ угрозою смертной казни.

Авторъ желаетъ въ промежутки между сессіями палатъ предоставить правительству полную власть въ международныхъ сношеніяхъ, дѣлахъ военныхъ и нѣкоторыхъ другихъ подъ условіемъ установленія дѣйствительной отвѣтственности министровъ.

„Императоръ долженъ быть представителемъ народа къ чужимъ державамъ, и потому онъ долженъ быть главою политической власти; онъ долженъ имѣть право мира и войны [1]), есть главный повелитель войскъ сухопутныхъ и морскихъ. утверждаетъ производства въ чины, дѣлаетъ награжденія (но не денежныя... сіи должны утверждать палаты), и потому, чтобы императоръ (при помощи министровъ) могъ свободно дѣйствовать для выгодъ и славы своего народа, то ему должно дать совершенно полную власть... требовать безмолвнаго повиновенія всей имперіи. Онъ и министры (которые должны составлять его совѣтъ) избавляются совѣщаній съ временною палатою, изъ депутатовъ составленною, дабы секретныя дѣла не выходили въ большой кругъ. Но такъ какъ особа императора для народа священна, слѣдовательно полная власть въ его рукахъ можетъ быть опасна для народа, и какъ ему одному предлежитъ очень много занятій, то, чтобы предупредить всякое злоупотребленіе отъ большой власти или отъ недосмотрѣнія могущихъ пройти во множествѣ дѣлъ, которыя могутъ быть вредны для гражданъ, надлежитъ постановить, *что императоръ долженъ дѣйствовать только чрезъ своихъ министровъ, которые за вси дѣла народу должны отвѣчать своею головою* [2]). Но чтобъ министры не могли ссылаться, что злоупотребленіе произошло отъ императорскаго повелѣнія, котораго они не видали и, такъ сказать, для народа обезпечить министерскую отвѣтственность со стороны императора, надлежитъ постановить. *что ни одно повелѣніе императора безъ подписи министра* (по части котораго дѣло идетъ) *не должно быть выполняемо, министерское же безъ подписи императора принимать законнымъ*. Если бы кто выполнилъ императорскій указъ безъ подписи министра, того должно судить и наказать смертью. Симъ закономъ императору и министрамъ дается полная воля дѣйствовать къ пользамъ и славѣ народа; но сдѣлать что либо вредное или по деспотическимъ своимъ видамъ министры императору не позволятъ, ибо за сіе ихъ голова есть надежною порукою гражданамъ [3]).

---

[1]) Нѣсколько далѣе авторъ прибавляетъ къ этому, что императоръ долженъ имѣть право „взять на свое содержаніе чужія войска, дать помощь своимъ союзникамъ или по миру сдѣлать денежныя вознагражденія непріятелямъ или обязаться платить подать чужой державѣ“.

[2]) Курсивъ подлинника.

[3]) Нѣсколько далѣе, авторъ говоритъ: „Для... надержекъ по исполненію трактатовъ, заключенныхъ государемъ, понадобятся деньги, которыхъ министры не имѣя, должны требовать отъ палатъ, а сіи, потребовавъ объясненія, если найдутъ, что таковой трактатъ вреденъ для пользы и славы народа, тотчасъ отдадутъ министра подъ судъ и откажутъ въ помощи. Когда же утвердятъ на-

Очень цѣнны тѣ предложенія, которыя дѣлаетъ авторъ замѣчаній относительно постояннаго войска и милиціи [1]).

«Число войскъ должно опредѣляться палатами: увеличить или уменьшить оное безъ согласія обѣихъ палатъ позволять не должно... Опредѣляя число войскъ, надлежитъ постановить, что *ни одинъ солдатъ, ни отрядъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ силою входить въ домы гражданъ, или дѣйствовать противъ оныхъ* (хотя бы то самъ императоръ или министръ приказалъ). Въ семъ случаѣ за убійство гражданина должно наказать смертію воина, оное сдѣлавшаго, а потомъ изслѣдовать начальную причину сего убійства и наказать виновныхъ. Но въ случаѣ возмущенія, когда должно употребить войска, тогда временная палата депутатовъ въ столицѣ или отъ всего государства, или голова въ державѣ, или какое гражданское начальство потребуетъ сей помощи, тогда воины безмолвно должны повиноваться, что приказано будетъ, тогда только за убійства гражданина воинъ не отвѣчаетъ. Сіи мѣры необходимы, потому что, если министръ, войдя въ замыслы императора, вознамѣрится дѣйствовать ко вреду государства или нарушенію постановленій и вольности гражданъ, тогда каждый начальникъ войскъ долженъ не исполнять повелѣнія, воспротивясь же онымъ, дастъ время депутатамъ обѣихъ палатъ, въ столицѣ временно пребывающимъ, потребовать отчета у министра въ подобныхъ поступкахъ, и, въ случаѣ обвиненія, его могутъ предать суду. Въ случаѣ же предательства войскъ депутаты найдутъ твердую помощь въ милиціи.

«Императоръ, какъ глава исполнительной власти, долженъ быть главнымъ начальникомъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ, но ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не долженъ лично командовать войсками, которыя повинуются его повелѣніямъ, только чрезъ министра къ нимъ дошедшимъ. Прочіе члены императорской фамиліи, хотя могутъ засѣдать въ верхней палатѣ, имѣть названіе фельдмаршала, генералъ-адмирала, но не должны имѣть никакой существенной власти; оную имѣютъ министры, и, въ случаѣ злоупотребленія таковой довѣренности, отвѣчаютъ своею головою. Императоръ и его фамиліи члены могутъ смотрѣть парады войскъ, флота, но только, когда министръ при нихъ, безъ онаго членамъ императорской фамиліи быть при войскахъ должно запретить. Тогда войска, не видя такъ часто передъ своимъ фронтомъ ни императора, ни его фамиліи членовъ, привыкнутъ повиноваться своимъ начальникамъ, съ которыми имѣстѣ станутъ скорѣе выполнять законы, чѣмъ повиноваться прихотямъ деспота».

латы, тогда вся нація должна выполнить (хотя бы депутатовъ на державныхъ сборахъ осудили и казнили). Такимъ образомъ уполномочивая императора, дается ему полная власть дѣйствовать для пользы и славы своего народа, но употребить во зло такую неограниченную довѣренность министры его не допустятъ. Въ Англіи были примѣры, что король по своевольству хотѣлъ объявить войну или оную продолжать вопреки пользамъ народа; тогда министръ идетъ въ отставку и въ нижнемъ парламентѣ возстаетъ противъ злоупотребленій короля и тогда нижній парламентъ отказываетъ въ нужныхъ для издержекъ деньгахъ, безъ которыхъ король долженъ отказаться отъ своихъ плановъ". И выше авторъ замѣчаній для подкрѣпленія своихъ мнѣній указываетъ на многія черты англійскаго государственнаго устройства.

[1]) Предложеніе Торсона о милиціи см. далѣе въ гл. VIII.

Такимъ образомъ, авторъ приведенныхъ замѣчаній возражаетъ противъ имущественнаго ценза, установленнаго для того, чтобы быть выбраннымъ въ члены верхней палаты, т. е. верховной думы, но не распространяетъ этого замѣчанія на принципъ имущественнаго ценза для избирателей. Чтобы быть выбраннымъ въ нижнюю палату, т. е. въ палату народныхъ представителей, а также чтобы быть членомъ палаты выборныхъ въ державѣ, во второй редакціи проекта Н. Муравьева имущественнаго ценза не требовалось, но чтобы лично быть избирателемъ необходимо было, по этой редакціи, обладать недвижимымъ имуществомъ въ 5000 руб. или движимымъ въ 10000 руб. с. Впрочемъ, отъ свободныхъ крестьянъ (при двухстепенныхъ выборахъ) опредѣленнаго имущественнаго ценза не требовалось. По большинство лицъ свободныхъ профессій требованіемъ высокаго ценза лишались избирательныхъ правъ.

Какія вліянія побудили Н. Муравьева къ установленію высокаго ценза для права быть избирателемъ, а также быть выбраннымъ въ верхнюю думу и занимать указанныя въ его конституціи должности?

По англійской конституціи, для пользованія въ графствахъ избирательными правами при выборахъ въ нижнюю палату, нужно было получать 40 шиллинговъ чистаго годового дохода *съ свободной поземельной собственности* (freehold), но такъ какъ поземельныхъ собственниковъ было очень мало, то политическое господство въ Англіи находилось всецѣло въ рукахъ аристократіи. Низкій цензъ выборщиковъ въ графствахъ, говоритъ проф. Виноградовъ, «обезпечивалъ нѣкоторое участіе людей средняго и даже малаго достатка, хотя архаическое ограниченіе, лежавшее въ понятіи свободнаго держанія» (т. е. предоставленіе политическихъ правъ въ графствахъ лишь поземельнымъ собственникамъ) «исключало большинство населенія, сидѣвшее на копигольдерской, или наемной землѣ. Главною же опорою аристократическихъ интересовъ являлись... городскія поселенія, мѣстечки, такъ или иначе попавшія въ списокъ избирательныхъ бурговъ. Составъ избирателей въ этихъ мѣстностяхъ былъ очень ограниченъ тѣсными и произвольными рамками корпораціонной системы, а во множествѣ случаевъ дѣло сводилось на безцеремонную фикцію: ничтожныя кучки избирателей пользовались привилегіей продавать свои голоса за чистыя деньги или другія выгоды тому или другому вліятельному патрону. По разсчету, сдѣланному въ XVIII вѣкѣ» (въ 1793 г.), «154 такихъ патрона, большею частью изъ лордовъ, ставили 356 членовъ палаты общинъ. Въ 1768 г. общее число избирателей въ Англіи не превышало 160.000 человѣкъ... Преобладаніе олигархіи обезпечивалось и другими мѣрами. Появилась система ценвовъ» (для того, чтобы быть выбраннымъ): «чтобы быть депутатомъ отъ графства, надо было имѣть 600 фунтовъ стерлинговъ дохода,

депутатомъ отъ города или мѣстечка—300 ф. Для должности мирового судьи обыкновенный цензъ былъ 100 ф. дохода съ земли [1]). Вѣроятно англійская выборная система до извѣстной степени повліяла на Н. Муравьева. Правда, во второй редакціи своего проекта онъ отказался отъ установленія ценза, дающаго право быть выбраннымъ въ палату представителей и въ державныя палаты выборныхъ, но онъ сохранилъ имущественный цензъ, чтобы быть избирателями (непосредственно), присяжными, членами верховной думы, правителями державъ, намѣстниками державныхъ правителей, тысяцкими, членами державныхъ думъ, державныхъ судовъ и членами совѣтовъ въ державахъ.

Въ пользу подражанія англійскимъ образцамъ могло склонять декабристовъ Сѣвернаго общества и знакомство нѣсколькихъ вліятельныхъ его членовъ съ Мордвиновымъ. Нужно замѣтить однако, что въ Англіи, чтобы быть депутатомъ отъ графства, нужно было имѣть очень высокій цензъ—600 фунт. стерл. годового *дохода*, а для депутатовъ отъ города или мѣстечка—300 ф. стерл.; Муравьевъ же установилъ въ первой редакціи проекта пассивный цензъ для народныхъ представителей въ 2.000 р. недвижимаго *имущества* (или 4.000 р. движимаго), а во второй—онъ совершенно отказался отъ него. Если принять во вниманіе, что въ выборахъ по 2-й редакціи конституціи могло принять участіе свободное крестьянство Россіи (хотя и по двухстепенной выборной системѣ), то мы убѣдимся, что избирательная система Муравьева для выборовъ въ низшую палату народнаго вѣча была неизмѣримо демократичнѣе англійской. Цензъ для присяжнаго засѣдателя въ 1-й редакціи былъ ниже, а во 2-й выше, чѣмъ въ Англіи, гдѣ для этого нужно было имѣть свободный участокъ земли, приносящій годовой доходъ въ 10 ф. стерл., или капиталъ, дающій 20 ф. стерл. Что же касается пассивнаго ценза для членовъ верхней палаты по проекту Н. Муравьева. то, при всей его чрезмѣрной величинѣ, нужно не забывать, что при сравненіи съ Англіею въ предположеніяхъ Муравьева была та положительная сторона, что членами верхней палаты должны были быть не наслѣдственные лорды, какъ большинство членовъ верхней палаты въ Англіи, а выбираемые, хотя бы и по двухстепенной системѣ и съ огромнымъ цензомъ [2]).

---

[1]) „Политическій строй современныхъ государствъ". Сборникъ статей. Т. I. СПБ, 1905 г. стр. 218—219; *Вотье* „Мѣстное управленіе Англіи". Пер. В. В. Водовозова, Спб. 1896. стр. 40; *Карѣевъ* „Ист. Запад. Европы въ новое время" т. IV, изд. 2-е, стр. 434. Ср. *G. Meyer* Das parlamentarirche Wahlrecht, 33. 346—347 (есть русскій переводъ).

[2]) Н. Муравьевъ предоставилъ выборъ членовъ думы не прямо избирателямъ, а соединенному собранію обѣихъ державныхъ палатъ. Въ Англіи члены верхней палаты были или наслѣдственные, по праву первородства, или по назначенію короля, или лица, занимавшія извѣстныя архіеп. и еписк. каѳедры, а

Высокій активный цензъ для непосредственнаго участія въ выборахъ, лишившій правъ быть избирателями народныхъ представителей большую часть некрестьянскаго населенія, лишеніе политическихъ правъ болѣе половины сельскаго населенія и высокій пассивный цензъ для членовъ верховной думы и державныхъ думъ, судовъ, совѣтовъ въ державахъ, правителей державъ, ихъ намѣстниковъ и тысяцкихъ были столь серьезными недостатками конституціи Н. Муравьева, что они вызывали отрицательное отношеніе къ ней очень многихъ декабристовъ. Затѣмъ авторъ изложенныхъ нами замѣчаній на проектъ Муравьева основательно указалъ на то, что, принимая принципъ монархическаго правленія, онъ долженъ былъ подробно разработать постановленія объ отвѣтственности министровъ. Что же касается упрека Пестеля, что введеніе представительства не только центральнаго, но и по державамъ, возвращало Россію къ удѣльной системѣ, то это совершенно неосновательно. Мысль о федеративномъ устройствѣ Россіи была еще рѣшительнѣе высказана членами общества Соединенныхъ Славянъ, которые впрочемъ стояли, какъ и позднѣйшее Кирилло-Меѳодіевское братство, за республиканское устройство [1]).

5 января 1826 г., въ числѣ другихъ вопросовъ, слѣдственная коммиссія спросила Н. Муравьева о составленномъ имъ проектѣ конституціи; онъ отвѣчалъ: «Моя память недостаточна, чтобы представить «конституцію» въ такомъ точно видѣ, какъ она была написана, но что касается до духа» ея «и содержанія», то онъ обязался «сохранить ихъ» въ своемъ изложеніи и въ непродолжительномъ времени представить его коммиссіи. Дѣйствительно, 13 января, онъ письменно изложилъ содержаніе своего «конституціоннаго устава», при чемъ довольно сжато сообщилъ постановленія о раздѣленіи Россіи на 15 областей, обязанностяхъ и правахъ жителей, объ императорѣ, верховной думѣ, палатѣ представителей, составленіи законовъ, о мѣстномъ областномъ управленіи, объ «областныхъ палатахъ» («областныхъ думахъ» и «палатахъ выборныхъ»), но подробно изложилъ то, чего нѣтъ во второй редакціи его конституціи, т. е. устройство «судной власти» [2]).

Изложеніе Н. Муравьевымъ проекта его конституціи для слѣд-

---

16 шотландск. пэровъ—выборные, такъ какъ при присоединеніи Шотландіи къ Англіи шотландскимъ баронамъ было предоставлено право представительства въ верхней палатѣ чрезъ выбираемыхъ ими членовъ. Очень высокій пассивный цензъ для членовъ верховной думы Н. Муравьевъ быть можетъ заимствовалъ изъ баденской конституціи 1818 г. Сравненіе конституціи Н. Муравьева съ другими конституціями см. въ главѣ XII.

[1]) Въ проектѣ федеративнаго устройства Россіи М. П. Драгоманова (1884 г.) члены верхней палаты (союзной думы) выбирались областными думами, но, разумѣется, уже безъ всякаго имущественнаго ценза, а члены нижней палаты (государственной думы)—всеобщею подачею голосовъ.

[2]) См. въ гл. VIII.

ственной коммиссіи заканчивается предположеніями о томъ, какимъ образомъ должно было происходить измѣненіе конституціи или составленіе совершенно новой. Если бы въ этомъ оказалась необходимость, народное вѣче особымъ закономъ созываетъ съ этой цѣлью «народный соборъ», въ которомъ должно быть столько же членовъ, сколько въ народномъ вѣчѣ, выбранныхъ тѣми же избирателями. Соборъ въ открытыхъ засѣданіяхъ, о которыхъ даются отчеты въ печати, занимается исключительно этою работою и долженъ окончить ее не позже, какъ въ 6 мѣсяцевъ. Всѣ рѣшенія на немъ принимаются большинствомъ не менѣе $^2/_3$ голосовъ. По окончаніи работы народный Соборъ распускается, и предсѣдатель его представляетъ вѣчу составленный проектъ, который немедленно печатается. Затѣмъ, другимъ закономъ созываются областные соборы для обсужденія принятія или отверженія проекта устава, составленнаго народнымъ соборомъ. Каждая область избираетъ въ свой соборъ двойное число депутатовъ сравнительно съ тѣмъ, которое она имѣла въ народномъ соборѣ. Областные соборы созываются всѣ въ одинъ день, и имъ назначается срокъ, къ которому они должны принять или отвергнуть проектъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, не имѣя права дѣлать новыхъ предложеній. Такъ какъ численность народонаселенія областей весьма не одинакова, то для опредѣленія того, принятъ или отвергнутъ новый уставъ, подсчитывается не число соборовъ, а «$^2/_3$ голосовъ» (большинство не менѣе $^2/_3$ голосовъ?) «наличныхъ членовъ», въ нихъ засѣдавшихъ и принявшихъ то или иное рѣшеніе. Послѣ этого или вводится новый уставъ, или остается въ силѣ прежній. Правила объ измѣненіи Устава навѣяны конституціею Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Сдѣланное Никитою Муравьевымъ изложеніе его проекта было прочитано имп. Николаемъ. На поляхъ его онъ не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній, но позднѣе, читая предположенія о государственныхъ преобразованіяхъ, набросанныя въ крѣпости 29 марта 1826 г. другимъ декабристомъ—Батеньковымъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣло шло объ «обезпеченіи» (гарантіи) и между прочимъ упоминалось объ учрежденіи областныхъ палатъ, обращеніи нѣкоторыхъ портовыхъ городовъ въ вольные и особенныхъ правахъ Москвы, имп. Николай написалъ: «Все сіе виды и система Н. Муравьева о федеративномъ управленіи; съ симъ поздравляю тунгузцевъ» [1]). Послѣдняя острота совсѣмъ не вызывалась конституціею Н. Муравьева, такъ какъ кочующимъ народамъ не предоставлялось въ ней правъ гражданства, т. е. участія въ выборахъ членовъ палаты народныхъ представителей народнаго вѣча и обоихъ палатъ правительствующихъ собраній державъ.

[1]) Госуд. Арх. I В. № 11, л. 34.

Кромѣ проекта конституціи, Н. Муравьевымъ было начато еще одно произведеніе съ цѣлью пропаганды въ низшихъ классахъ народа. Оно называется «Любопытный разговоръ» [1]) и было написано не позже марта 1822 г., такъ какъ на сохранившемся экземплярѣ есть надпись: «l'original a été remis à S. M. le 23 de Mars 1822», что, какъ видно изъ показаній Н. Муравьева, означаетъ передачу оригинала Сергѣю Муравьеву-Апостолу. Авторъ очевидно задавался цѣлью сдѣлать свое произведеніе доступнымъ народу. Приведемъ изъ него нѣкоторыя мѣста.

«*Вопросъ*. Всѣ ли люди свободны? *Отвѣтъ*. Нѣтъ, малое число людей поработило большее... Однимъ пришла несправедливая мысль господствовать, а другимъ — подлая мысль отказаться отъ природныхъ правъ человѣческихъ, дарованныхъ самимъ Богомъ». Муравьевъ не замѣтилъ, что установленіемъ чрезвычайно высокаго ценза онъ готовъ былъ содѣйствовать сохраненію такихъ порядковъ. Далѣе авторъ указываетъ на то, что нужно добывать свободу и для этого «утвердить постоянныя правила или законы, какъ бывало встарину на Руси», когда «не было самодержавныхъ государей... Государь *самодержавный* или *самовластный*», по опредѣленію автора, «тотъ, который самъ по себѣ держитъ землю, не признаетъ власти разсудка, законовъ божіихъ и человѣческихъ; самъ отъ себя, т. е. безъ причины, по прихоти своей властвуетъ... Отцы наши говорили: *поищемъ себѣ князя, который бы рядилъ по правду*, а не самовластью, своевольству и прихотямъ. Но государи мало по малу всякимъ обманомъ присвоили себѣ власть безпредѣльную, подражая ханамъ татарскимъ и султану турецкому». На вопросъ: «Не самъ ли Богъ учредилъ самодержавіе?» авторъ отвѣчаетъ: «Богъ во благости своей никогда не учреждалъ зла... Злая власть не можетъ быть отъ Бога: всякое древо добры плоды творитъ, всякое же древо, не приносящее плодовъ добрыхъ, будетъ посѣчено и ввергнуто въ огнь». На вопросъ: «есть ли государи самодержавные въ другихъ земляхъ?» авторъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, вездѣ самодержавіе считаютъ безуміемъ, беззаконіемъ, вездѣ постановлены непремѣнныя правила или законы. В. Не могутъ ли быть постоянные законы при самодержавіи? О. Самодержавіе или самовластіе ихъ не терпитъ; для него нуженъ безпорядокъ и всегдашнія перемѣны. В. Почему же самовластіе не терпитъ законовъ? О. Потому, что государь властенъ дѣлать все, что захочетъ. Сегодня ему вздумается одно, завтра—другое, а до пользы нашей ему дѣла мало». На вопросъ о томъ, какое было на Руси управленіе безъ самодержавія, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о вѣчевомъ строѣ, который прекратился, благодаря нашествію татаръ, научившихъ нашихъ

[1]) Иначе его называли „Катихизисъ вольнаго человѣка“.

предковъ безусловно покориться ихъ тиранской власти. «Народъ, сносившій терпѣливо иго Батыя..., сносилъ такимъ же образомъ и власть князей московскихъ, подражавшихъ во всемъ симъ тиранамъ» [1]).

Прочтя этотъ набросокъ, имп. Николай I написалъ: «quelle infamie!» Рылѣевъ, ознакомившись съ «Разговоромъ любопытнымъ» (какъ онъ заявилъ на слѣдствіи), сказалъ автору: «Напрасно вы не кончите. Такими сочиненіями удобнѣе всего дѣйствовать на умы народа». Но Муравьевъ отозвался недосугомъ и предлагалъ Рылѣеву дописать начатое имъ; тотъ обѣщалъ, но не имѣлъ времени осуществить свое намѣреніе. Въ думѣ Сѣвернаго общества Н. Муравьевъ предлагалъ распространить въ народѣ это сочиненіе наряду съ другими произведеніями въ духѣ общества, но не окончилъ его, такъ какъ занялся своимъ проектомъ конституціи. Братъ Н. Муравьева, Александръ Михайловичъ, въ своей автобіографической запискѣ [2]) говоритъ, что начатый его братомъ «Катихизисъ вольнаго человѣка» былъ оконченъ С. Муравьевымъ-Апостоломъ [3]). Рукопись наброска Н. Муравьева, какъ мы видѣли, дѣйствительно была передана имъ С. Муравьеву-Апостолу и могла навести его на нѣкоторыя мысли при составленіи имъ его «Православнаго катихизиса», послужившаго орудіемъ пропаганды при возстаніи Черниговскаго полка [4]), но на С. Муравьева-Апостола преимущественно повліялъ катехизисъ, сочиненный испанскими монахами въ 1809 году для пропаганды во время борьбы съ Наполеономъ [5]) и извѣстный и Н. Муравьеву, какъ видно изъ показанія Трубецкого).

Пестель, какъ мы видѣли, свидѣтельствуетъ въ одномъ изъ своихъ показаній, что въ тайномъ обществѣ было начато составленіе нѣсколькихъ конституцій. Къ числу лицъ, высказывавшихъ свои предположенія о томъ, какова должна быть русская конституція, принадлежалъ долго служившій подъ начальствомъ Сперанскаго декабристъ Г. С. Батеньковъ [6]). Онъ работалъ надъ трудомъ подъ названіемъ «Опытъ теоріи правительственныхъ учрежденій» (при монархическомъ строѣ), который онъ хотѣлъ представить имп. Александру «для соображеній въ коммиссіи законовъ» и который не успѣлъ окончить (онъ читалъ его Н. А. Бестужеву). Сочиненіе это хотѣлъ прочесть имп. Николай Павл., но его не удалось

---

[1]) Госуд. Арх. I. В. № 336, л. 41—42.

[2]) *Шиманъ*. „Убіеніе Павла I". Берл. 1902 г., стр. 165—166.

[3]) Трубецкой въ одномъ изъ своихъ показаній передаетъ слова Н. Муравьева, что онъ составилъ свой катихизисъ „на подобіе испанскаго катихизиса". Г. А. I В. № 333, л. 60. Въ Ноябрѣ 1817 г. Н. Тургеневу приходило въ голову составить „Катехизисъ россіянина XIX вѣка".

[4]) *Шиманъ*. „Убіеніе Павла", 409—412, *Бороздинъ*, 85—87.

[5]) См. ст. *П. Е. Щеголева* „Катехизисъ Сергѣя Муравьева". „Минувшіе Годы", 1908 г. № 11.

[6]) Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ *Дополненіяхъ*.

разыскать. Къ сожалѣнію, мы почти ничего не знаемъ о томъ, въ какой степени Батеньковъ ознакомился съ трактатами по государственному праву. Онъ только упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ показаній, что читалъ труды г-жи Сталь объ Англіи и о французской революціи [1]) что исполненъ былъ «величайшимъ уваженіемъ къ англійской конституціи и совершенной ненавистью къ французской конституціи 1791 года». Узнавъ о смерти Александра I, онъ бранилъ государственный совѣтъ и сенатъ за то, что они «спятъ», и говорилъ, что если бы они думали объ отечествѣ, то могли бы въ ту самую минуту, когда в. кн. Николай Павловичъ присягнулъ брату Константину, провозгласить императоромъ Александра II и «сдѣлать потомъ, что признаютъ за благо»; онъ досадовалъ, что удобный случай упущенъ [2]). Мечтая о представительномъ правленіи въ Россіи, Батеньковъ считалъ «величайшимъ счастьемъ» дожить до «такого порядка вещей».

«Я никогда не писалъ конституціи для Россіи», заявилъ онъ на слѣдствіи, «и не разсматривалъ даже сего важнаго предмета въ полной связи и подробностяхъ, тѣмъ не менѣе въ головѣ моей рождались въ разное время мысли, относящіяся къ сему предмету».

Батеньковъ полагаетъ, что Россія должна быть наслѣдственною монархіею (о томъ, что онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ республиканскаго строя, свидѣтельствуетъ и Трубецкой), но въ монархіи необходимо «сильное вельможество». Средній классъ, состоящій изъ землевладѣльцевъ, горожанъ и духовенства, можетъ дать еще одинъ элементъ законодательной власти, которая, по его мнѣнію, должна состоять изъ: 1) императора, 2) палаты вельможъ (верхней) и 3) «палаты по выборамъ отъ одного средняго сословія (низшей)».

Верхнюю палату онъ предполагалъ составить изъ «членовъ большею частью наслѣдственныхъ» [3]), но прибавивъ къ нимъ: 1) опредѣленное число лицъ изъ чернаго и бѣлаго духовенства по мѣстамъ, на которыя они назначаются государемъ; 2) лицъ, назначаемыхъ императоромъ пожизненно.

---

[1]) Они могли повліять на него при составленіи плановъ политическихъ преобразованій: отецъ m-me Сталь, Неккеръ, желалъ учрежденія верхней палаты изъ 250 наслѣдственныхъ пэровъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ имѣть помѣстья, доставляющія не менѣе 30.000 ливровъ ренты, и изъ 50 гражданъ, избираемыхъ государемъ изъ всѣхъ слоевъ общества. *С. В—штейнъ.* „Госпожа де-Сталь". Вѣстн. Евр. 1900 г. № 8, стр. 677.

[2]) Штейнгель на слѣдствіи клятвенно утверждалъ, будто бы Батеньковъ сказалъ ему въ день присяги Николая Константину, что высказалъ свое негодованіе Сперанскому, и будто бы тотъ отвѣчалъ: „Я одинъ, что же мнѣ прикажете дѣлать, одному мнѣ нечего было говорить". Но Батеньковъ заявилъ, что „со Сперанскимъ ни малѣйшихъ сношеній по подобному предмету никогда не имѣлъ и не смѣлъ говорить съ нимъ о тѣхъ связяхъ, кои я имѣлъ".

[3]) Батеньковъ желалъ также дать государю право возводить въ званіе родовыхъ вельможъ на мѣста тѣхъ, родъ которыхъ прекратится.

Въ нижней палатѣ [1]) должны быть депутаты: 1) «отъ извѣстныхъ городовъ», 2) «отъ губерній изъ сословія владѣльцевъ земель», 3) отъ 3 университетовъ — московскаго, виленскаго и дерптскаго [2]) и 4) отъ 3 академій [3]).

Палаты собираются въ Москвѣ по приглашенію государя, если же въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ онѣ не будутъ созваны, то по приглашенію вице-президента верхней палаты.

Полагая, что, въ виду обширности государства и разнообразія его климата и нуждъ населенія, вся Россія не можетъ быть управляема единообразно, Батеньковъ считалъ необходимыми «частныя палаты въ областяхъ», собираемыя губернаторами.

Исполнительную власть онъ находилъ возможнымъ предоставить: 1) безотвѣтственному государю, 2) установленію, подъ названіемъ «верховнаго правительства», отвѣтственному предъ законодательною властью и особенно предъ государемъ и 3) министрамъ, отвѣтственнымъ предъ государемъ, верховнымъ правительствомъ и за указы, исполняемые ими, предъ законодательною властью. Существующій порядокъ въ управленіи духовныхъ дѣлъ Батеньковъ предлагалъ оставить неизмѣннымъ. Онъ считалъ необходимымъ введеніе суда присяжныхъ. Судебной власти онъ предлагалъ предоставить ревизію отчетовъ и разсмотрѣніе просьбъ «о признаніи состоянія» и требованія относительно наградъ.

Онъ указывалъ также на необходимость обезпеченій (гарантій) «неизмѣнности установленнаго порядка», которыя онъ раздѣлялъ на «вещественныя» и «моральныя». Къ числу первыхъ онъ относилъ: 1) обращеніе военныхъ поселеній въ народную гвардію или стражу. (Имп. Николай по этому поводу замѣтилъ: «ужасная мысль, соединенная съ всегдашнимъ опасеніемъ вѣрныхъ сыновъ престола»); 2) передачу въ вѣдѣніе городского управленія («мунисипалитета») Петропавловской крѣпости и помѣщеніе въ ней городового совѣта и городовой стражи; 3) ограниченіе государя «въ личномъ командованіи» арміею; 4) «учрежденіе родового вельможества»; 5) право вице-президента верхней палаты собирать обѣ палаты, если въ извѣстный срокъ онѣ не будутъ созваны государемъ; 6) независимость трехъ университетовъ и трехъ академій [4]);

[1]) „О палатѣ по выборамъ я не дѣлалъ никогда подробныхъ соображеній", говоритъ Батеньковъ, „ибо зналъ, что для сего нужно имѣть предварительно множество мѣстныхъ свѣдѣній". Противъ этихъ словъ имп. Николай написалъ: „А эти люди хотѣли быть законодателями!!"

[2]) Имп. Николаемъ написано: „Казанск.? Харьковск.?"

[3]) „Всѣ три элемента законодательной власти должны", по мнѣнію Батенькова, „быть независимыми другъ отъ друга и имѣть взаимно одинъ на другой воспретительную силу".

[4]) Замѣчаніе имп. Николая: „отъ кого? отъ Бестуж(ева) или даже отъ Рылѣева??"

7) учрежденіе областныхъ палатъ; 8) обращеніе нѣкоторыхъ портовъ въ вольные города; 9) нѣкоторыя особенныя права города Москвы. Къ числу моральныхъ обезпеченій онъ относилъ: 1) свободу «тисненія», т. е. печати; 2) независимость судебной власти; 3) отвѣтственность министровъ и верховнаго правительства; 4) законы о наслѣдственномъ вельможествѣ и нѣкоторыя другія [1]).

Итакъ, политическіе взгляды Батенькова отличались аристократическимъ характеромъ. Онъ не только былъ монархистомъ и рѣшительнымъ противникомъ республиканскаго строя, но защищалъ такую двухпалатную систему, при которой верхняя палата состояла бы изъ членовъ большею частью наслѣдственныхъ, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣкотораго числа свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, назначаемыхъ государемъ пожизненно. Впрочемъ, въ переговорахъ съ Трубецкимъ онъ соглашался на составленіе всей верхней палаты изъ пожизненныхъ членовъ, но считалъ это лишь временною уступкою въ виду того, что тотъ предлагалъ пожизненныхъ членовъ ея и даже «на срокъ». Батеньковъ увѣрялъ, будто бы на это выражалъ согласіе и Рылѣевъ. Батеньковъ считалъ необходимымъ стремиться къ установленію въ Россіи «родового вельможества» [2]) Что касается нижней, «палаты по выборамъ», то онъ предлагалъ составить ее изъ депутатовъ извѣстныхъ городовъ, отъ «владѣльцевъ земель», 3-хъ университетовъ и 3 хъ академій, но въ одномъ изъ своихъ показаній онъ упоминаетъ о соглашеніи съ Рылѣевымъ относительно избранія депутатовъ въ эту палату по сословіямъ: отъ дворянства, купечества, духовенства и поселянъ.

Пестель во время пріѣзда въ Петербургъ въ 1824 г. (въ мартѣ или въ началѣ апрѣля) [3]), видѣлся преимущественно съ тремя директорами Сѣвернаго Общества, — Трубецкимъ, Муравьевымъ и Оболенскимъ, а также съ Н. Тургеневымъ. Оболенскаго, при свиданіи съ нимъ отдѣльно, Пестелю довольно легко удалось убѣдить въ необходимости введенія республики, но И. Муравьевъ и Трубецкой выказали несочувствіе его предположеніямъ о соединеніи Сѣвернаго и Южнаго Обществъ и о введеніи республиканскаго строя посредствомъ диктатуры временнаго правленія. Симпатіи Трубецкого колебались между республикой и монархіею [4]). По свидѣтельству Матвѣя Муравьева-Апостола, раздражен-

---

[1]) „Мемуары декабристовъ". изд. Довнара-Запольскаго, стр. 137—149, ср. 169 (Замѣчанія имп. Николая здѣсь не напечатаны, впрочемъ, ихъ не всѣ можно разобрать); Госуд; Арх. I, В, №№ 11, 359.

[2]) У него являлось также предположеніе обратить въ верхнюю палату сенатъ и синодъ.

[3]) Н. Тургеневъ уѣхалъ за границу 9 Апрѣля 1824 г. „Остафьев. Арх. III, 19, 28, 33; La Russie et les Russes I, 128, 130.

[4]) Чтобы склонить на свою сторону Трубецкого, Пестель шелъ даже на нѣкоторыя уступки, какъ видно изъ слѣдующаго его показанія: „съ Трубецкимъ

ный сопротивленіемъ его предложеніямъ на собраніи директоровъ Сѣвернаго Общества, на которомъ присутствовали Н. Тургеневъ, Нарышкинъ и Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ (въ квартирѣ Оболенскаго), Пестель ударилъ кулакомъ по столу и воскликнулъ: «такъ будетъ же республика!» [1]). Онъ познакомился въ Петербургѣ и съ Рылѣевымъ. По мнѣнію кн. Оболенскаго, это знакомство «имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія политическія дѣйствія Рылѣева» [2]). Но слѣдуетъ замѣтить, что и ранѣе Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ находилъ у Рылѣева революціонный образъ мыслей [3]). Изъ разсказа Рылѣева о свиданіи съ Пестелемъ видно ихъ взаимное недовѣріе другъ къ другу и желаніе вывѣдать намѣренія собесѣдника. Рылѣевъ высказалъ при этомъ, что «образъ правленія Соединенныхъ Штатовъ» — «самый приличный и удобный для Россіи», но вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что Россія еще не готова къ республиканскому правленію. На прямой вопросъ Пестеля, какое государственное устройство онъ находитъ подходящимъ для современной имъ Россіи, Рылѣевъ отвѣчалъ, что наиболѣе удобнымъ онъ считаетъ «областное правленіе сѣвероамериканской республики при императорѣ, котораго власть не должна много превосходить власти президента Штатовъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что покорится постановленію, принятому большинствомъ членовъ общества, съ тѣмъ однако, чтобы «уставъ» (т. е. конституція), принятый обоими обществами, былъ представленъ, какъ проектъ, великому народному собору и осуществленъ лишь съ его согласія. А. Бестужевъ замѣтилъ, что въ концѣ 1824 г. Рылѣевъ, стремившійся прежде къ установленію конституціонной монархіи, сдѣлался защитникомъ республиканскаго строя, и приписывалъ это вліянію Пестеля, но тутъ же Бестужевъ, также склонявшійся къ республиканскимъ взглядамъ, говоритъ, что онъ и Рылѣевъ «непримѣтно, мнѣніе за мнѣніемъ, дошли до мысли о республикѣ» [4]) Н. Тургенева Пестель нашелъ «въ республиканскомъ образѣ мыслей», что подтверждаетъ и Трубецкой, но Тургеневъ былъ горячимъ противникомъ аграрныхъ плановъ Пестеля.

Не встрѣтивъ сочувствія въ Думѣ Сѣвернаго общества, Пестель рѣшилъ, помимо нея, пропагандировать въ Петербургѣ идеи южнаго общества и принимать въ него членовъ. По показанію М. Муравьева-

говорили между прочимъ, что ежели не республика будетъ принята, то избрать Александра Николаевича въ императоры при регентствѣ".

[1]) Ср. разсказъ И. Муравьева о пріѣздѣ Пестеля. Довнаръ-Запольскій, Мемуары, 51.

[2]) „Общ. движ. въ пер. пол. XIX в.", т. I, 238.

[3]) „Рылѣевъ въ полномъ революціонномъ духѣ".

[4]) Грибоѣдовъ писалъ А. Бестужеву 22 ноября 1825 г.: „Оржицкій (членъ Сѣвернаго Общества) передалъ ли тебѣ о нашей встрѣчѣ въ Крыму? Вспомнили о тебѣ и о Рылѣевѣ, котораго обними за меня искренне, по республикански". „Полное собраніе сочиненій Грибоѣдова, подъ редак. И. А. Шляпкина". Спб. 1889, I, 209.

Апостола, Пестель, принявъ Свистунова, сдѣлалъ его и Вадковскаго «боярами» и открылъ имъ всѣ планы южнаго общества, а затѣмъ на собраніи у Свистунова горячо доказывалъ необходимость введенія республиканскаго правленія и принялъ въ члены южнаго общества (въ число «братьевъ» его) Анненкова, Поливанова, Кривцова и Депрерадовича [1]). Правительство дѣйствовало такимъ образомъ, что подрывало вѣру въ возможность его согласія на установленіе ограниченной монархіи. Естественно являлся вопросъ: что дѣлать, если государь не согласится на провозглашеніе конституціи. Когда А. Бестужевъ задалъ этотъ вопросъ Рылѣеву въ 1825 г., указавъ на то, что, какъ доказалъ примѣръ Испаніи, вынужденное согласіе не прочно, Рылѣевъ отвѣчалъ ему, что члены Южнаго Общества отвергаютъ монархію, что мнѣніе ихъ принято здѣсь (т. е. въ Петербургѣ), и что они берутся извести «государя при случаѣ». По свидѣтельству Торсона, Н. Бестужевъ весною 1825 г. объявилъ ему о намѣреніяхъ тайнаго общества ввести республику. О томъ же осенью онъ слышалъ отъ Рылѣева.

Съ отъѣздомъ Трубецкого въ Кіевъ [2]) и замѣною его въ думѣ Сѣвернаго Общества Рылѣевымъ, республиканское теченіе въ этомъ обществѣ усилилось. По свидѣтельству Батенькова, Рылѣевъ говорилъ ему, что «въ монархіи не можетъ быть ни великихъ характеровъ, ни истинныхъ добродѣтелей, что одни американцы поняли всю важность сей истины, что въ Европѣ даже и Англія пребываетъ въ тяжкомъ рабствѣ отъ аристократіи, что она освободится послѣ всѣхъ, а прочіе должны ждать всего отъ Россіи, гдѣ опытъ 1812 г. служитъ лучшимъ доказательствомъ, что революція» наша, въ отличіе отъ Неаполя, Пьемонта и даже Испаніи, «не можетъ быть прекращена чужеземною силою». Кн. Трубецкой также свидѣтельствуетъ о республиканскихъ мнѣніяхъ Рылѣева и о томъ, что, напротивъ, Оболенскій не имѣлъ на этотъ

---

[1]) Однако Свистуновъ, Анненковъ и Кривцовъ были осуждены какъ члены Сѣвернаго Общества. Сторонниками въ 1824 г. въ Петербургѣ введенія республиканскаго строя М. Муравьевъ-Апостолъ называетъ: Н. Тургенева, кн. Е. Оболенскаго, А. Бестужева, кн. Валеріана Голицына, Митькова (?), Поливанова, Ѳ. Вадковскаго, Свистунова, Анненкова и Депрерадовича. Пестель же показалъ: „съ Краснокутскимъ видѣлся я раза два, и мы все время разсуждали о республикѣ и объ объявленіи новаго порядка вещей чрезъ сенатъ. Вадковскій, Поливановъ, Свистуновъ, Анненковъ“ (всѣ четверо кавалергарды) „и артиллерійскій Кривцовъ... находились въ полномъ революціонномъ и республиканскомъ духѣ“. Свистуновъ въ позднѣйшей статьѣ говоритъ, что Пестель въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ въ бесѣдахъ съ ними „передавалъ намъ изустно какъ главныя начала Русской Правды, такъ и предполагаемую имъ организацію политическихъ и административныхъ учрежденій“. „Рус. Арх.“, 1870 г., стр. 1641. О пріѣздѣ Пестеля въ Петербургъ въ 1824 году ср. *Н. П. Павловъ-Сильванскій* „Декабристъ Пестель“ и *М. В. Довнаръ-Запольскій* „Тайное общество декабристовъ“, стр. 228—253.

[2]) Трубецкой былъ назначенъ штабъ-офицеромъ въ 4-й пѣхотный корпусъ 22 декабря 1824 г.

счетъ «основательнаго мнѣнія», т. е. въ этомъ вопросѣ колебался— какъ и самъ Трубецкой. Послѣдній въ Кіевѣ сталъ, какъ будто склоняться, подъ вліяніемъ членовъ Южнаго общества, къ республикѣ [1]), но по пріѣздѣ въ Петербургъ Батеньковъ сталъ убѣждать его, что въ Россіи возможна только монархія. Трубецкого смущало опасеніе, что русскій народъ «не пойметъ республики», что нѣтъ человѣка, который могъ бы быть ея главою. Онъ высказывалъ эти сомнѣнія и на югѣ С. Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину, но въ концѣ пребыванія тамъ сталъ соглашаться съ ними. Однако, по пріѣздѣ въ Петербургъ, во время междуцарствія, по его словамъ, «въ мысляхъ» своихъ «рѣшительно положилъ», что должно быть правленіе монархическое, но думалъ, что окончательное рѣшеніе этого вопроса слѣдуетъ предоставить собранію депутатовъ. По показанію Н. Бестужева, Рылѣевъ, въ разговорѣ съ нимъ о проектѣ конституціи Н. Муравьева, заявилъ, что нѣкоторые члены Думы предполагаютъ ввести въ Россіи республиканскую форму правленія, но что это пока лишь предположеніе и неизвѣстно, будетъ ли оно принято. По словамъ Н. Бестужева, онъ и его пріятель, морякъ Торсонъ, были противъ этого. Ревностнымъ республиканцемъ, стремившимся къ учрежденію «правленія народнаго» былъ Каховскій [2]), а также и морской офицеръ Д. И. Завалишинъ. Подъ его вліяніемъ объ установленіи федеративной республики мечтали моряки Арбузовъ, братья Бѣляевы и Дивовъ [3]).

Приведенныя извѣстія показываютъ, что нѣкоторые, очень вліятельные, члены Сѣвернаго общества или вообще желали учрежденія республики, или допускали это лишь въ случаѣ несогласія государя на введеніе конституціонно-монархическаго строя. Но въ Петербургѣ рѣшительно протестовали противъ предположенія Пестеля о преобразованіи государственнаго строя во время диктатуры временнаго верховнаго правленія, и считали необходимымъ, чтобы эта реформа была принята народными представителями, которыхъ предполагали созвать манифестомъ отъ имени сената и, кромѣ того, до созванія народныхъ

---

[1]) Впрочемъ, въ одномъ изъ показаній Трубецкой говоритъ, что въ сношеніяхъ съ Пестелемъ считалъ иногда необходимымъ притворяться.

[2]) См. о немъ статью П. Е. Щеголева въ журналѣ „Былое“, 1906 года, №№ 1 и 2.

[3]) „Воспоминанія А. П. Бѣляева“, „Рус. Стар.“ 1881 г., т. XXX, 492, 511. Завалишинъ, какъ заявилъ на очной ставкѣ съ нимъ Арбузовъ, указывалъ, въ видѣ доказательства возможности введенія въ Россіи федеративной республики, на то, что въ Панамѣ будетъ конгрессъ для учрежденія такой республики въ Америкѣ. Г. А. I В № 26. Однако, Панамскій конгрессъ изъ представителей Мексики, Колумбіи, Перу и Центральной Америки, начавшій свои засѣданія 22 іюня 1826 г., не имѣлъ никакихъ послѣдствій. *Schumacher.* Geschichte der Verfassung der Vereinigten Staaten von Columbia. „Histor. Zeitschift“, 1875, Bd. 33, S. 313.

представителей, считали нужнымъ учредить временное правленіе изъ трехъ лицъ.

По словамъ Рылѣева, предполагалось «принудить сенатъ назначить временную правительственную думу», состоящую изъ Мордвинова, Сперанскаго и, въ качествѣ правителя дѣлъ, члена Сѣвернаго общества, подполк. Батенькова. Имена Мордвинова и Сперанскаго назвалъ первый Трубецкой, еще въ 1824 г. на собраніи у Митькова, въ отвѣтъ на предложеніе М. Муравьева Апостола назначить во «временное правленіе» Пестеля, еще кого-либо изъ директоровъ Южнаго Общества и Н. Тургенева или Трубецкого. Конечно, предложеніе М. Муравьева-Апостола, предоставлявшее во временномъ правленіи большинство голосовъ представителямъ Южнаго Общества, въ Петербургѣ принято быть не могло, и Трубецкой, очевидно, во избѣжаніе пререканій, назвалъ лицъ, не бывшихъ членами общества, но пользовавшихся извѣстностью и уваженіемъ. Съ тѣхъ поръ имена Сперанскаго и Мордвинова обыкновенно назывались въ качествѣ кандидатовъ во временное правленіе. Мы увидимъ, впрочемъ, что нѣкоторые, болѣе крайніе, члены общества не особенно сочувствовали этому предположенію. Рылѣевъ, по его словамъ, согласился съ предложеніемъ Трубецкого относительно Мордвинова и Сперанскаго, но, по мѣрѣ того, какъ взгляды поэта становились болѣе радикальными, видимо, кандидатура этихъ лицъ все менѣе ему улыбалась. По крайней мѣрѣ, Каховскій сообщаетъ о слѣдующихъ разговорахъ съ Рылѣевымъ. Когда Каховскій спрашивалъ его, есть ли между членами общества люди извѣстные, Рылѣевъ отвѣчалъ: «ты—азіатецъ, тебѣ только и нужны звѣзды, да сѣдые волосы!» Каховскій возразилъ: «Нѣтъ, Рылѣевъ, мнѣ это не нужно, но нужно для довѣрія; я очень понимаю, что и подъ сѣдыми волосами часто бываютъ пустыя головы и въ звѣздахъ невѣжи, но согласись со мной, что умный генералъ значущѣе» (имѣетъ болѣе значенія) «умнаго прапорщика и по мѣсту, и по извѣстности». Если вѣрить Каховскому, Рылѣевъ однажды сказалъ ему, что Ермоловъ и Сперанскій—члены общества, а въ другой разъ такъ выразился о Сперанскомъ: «онъ, вѣрно, будетъ нашъ; мы на него дѣйствуемъ чрезъ Батенькова». О Мордвиновѣ же онъ отозвался такъ: «Что ты хочешь отъ аристократа Мордвинова; его, что ли, сдѣлать правителемъ?» Правда, Рылѣевъ во время слѣдствія отрицалъ эти слова и утверждалъ, что «всегда предлагалъ его во временное правленіе», но все же Рылѣевъ, съ уваженіемъ относившійся къ Мордвинову и засвидѣтельствовавшій это своимъ извѣстнымъ стихотвореніемъ «Гражданское мужество», написаннымъ въ 1823 году, могъ питать относительно него такое же двойственное чувство, какъ и Н. И. Тургеневъ, т. е. уважать его за политическій либерализмъ, хотя и на аристократической подкладкѣ, но

въ то же время съ негодованіемъ относиться къ его крѣпостническимъ мнѣніямъ. Рылѣевъ не могъ не чувствовать, какъ неудобно поставить во главѣ временнаго правительства противника немедленнаго прекращенія крѣпостного права, когда въ проектѣ того же самаго сенатскаго манифеста, которымъ предполагалось учредить это временное правленіе, объявлялось «уничтоженіе права собственности, распространяющееся на людей» [1]). Вѣроятно, имя Мордвинова Рылѣевъ допускалъ въ числѣ возможныхъ кандидатовъ во временное правленіе, какъ популярное въ либеральныхъ кругахъ, но, въ случаѣ большого успѣха возстанія, не прочь былъ выдвинуть и другихъ, болѣе лѣвыхъ, кандидатовъ. Изъ дневника Н. Тургенева видно, что Сперанскій при личныхъ сношеніяхъ также не особенно ему нравился [2]).

Кн. Трубецкой полагалъ, что «для управленія государствомъ до рѣшенія, какое послѣдуетъ отъ депутатскаго собранія», нужно назначить временное правленіе изъ двухъ или трехъ членовъ государственнаго совѣта», а сенатъ до того времени закрыть, оставивъ, если нужно, «департаментъ для судныхъ только дѣлъ, но всякая законодательная власть должна прекратиться до сбора депутатовъ». Трубецкой считалъ необходимымъ дать участіе и полякамъ въ государственномъ управленіи уже и въ этотъ переходный періодъ. По его заявленію во время слѣдствія, онъ «касательно Царства Польскаго также думалъ, что нужно пригласить члена во временное правленіе или депутатовъ для опредѣленія мѣръ» съ цѣлью «сохраненія единства державы».

Колебанія относительно назначенія въ члены временнаго правленія Мордвинова и Сперанскаго видны и изъ показанія кн. Оболенскаго. По его словамъ, предполагали учредить «временное правленіе, составленное изъ двухъ или трехъ членовъ, которыхъ имя и правило служили поручительствомъ точнаго исполненія нашихъ намѣреній. Выборъ сихъ членовъ еще не былъ опредѣленъ, потому что мы не имѣли истинныхъ причинъ полагаться на мнѣніе общее о правилахъ, коими руководствовались бы въ управленіи Н. С. Мордвиновъ и М. М. Сперанскій. Никто изъ насъ о намѣреніи нашемъ имъ не говорилъ». Въ

---

[1]) Г. А. I В № 333, л. 156. Н. Муравьевъ на первомъ допросѣ показалъ: „Слышалъ отъ Рылѣева, что нѣкоторые члены государственнаго совѣта желаютъ представительнаго правленія, а именно Мордвиновъ и Сперанскій, изъ коихъ первый хотѣлъ соединить хартію (т. е. конституцію) съ рабствомъ крестьянъ".

[2]) Быть можетъ, вслѣдствіе этихъ сомнѣній у Рылѣева, по словамъ Каховскаго, мелькала мысль, чтобы дума сѣвернаго общества на нѣкоторое время удержала правленіе за собою. „Какъ опредѣлитъ дума, такъ и будетъ", говорилъ Рылѣевъ. Иногда онъ мотивировалъ эту мысль тѣмъ, что народъ „еще не совершенно приготовленъ къ полученію свободы". Тутъ уже могло обнаруживаться нѣкоторое вліяніе идей Пестеля о диктатурѣ верховнаго правленія, высказанныхъ во время бесѣды съ нимъ Рылѣева въ 1824 году.

другомъ показаніи кн. Оболенскій поясняетъ, что къ двумъ или тремъ членамъ временнаго правленія, взятымъ изъ государственнаго совѣта, предполагалось присоединить еще одного изъ членовъ тайнаго общества въ качествѣ его правителя дѣлъ. Сообщивъ и о предположеніи собрать, при посредствѣ сената, представителей «отъ губерній», кн. Оболенскій добавляетъ: «вотъ все, что положено было опредѣлительно» [1]).

Назывались, впрочемъ, и другія имена въ качествѣ кандидатовъ во временное правленіе. Такъ, по словамъ С Муравьева-Апостола, кн. Трубецкой одно время предполагалъ сдѣлать членами временнаго правленія вмѣстѣ съ Мордвиновымъ и Сенявина. О томъ же разсказывалъ Пестель [2]).

Батеньковъ совѣтовалъ Рылѣеву сдѣлать членомъ этого правленія, вмѣсто Сперанскаго, архіепископа Филарета. а услышавъ, по его словамъ, отъ Рылѣева 13 декабря, что членами правленія будутъ Сперанскій, Мордвиновъ и онъ, Батеньковъ (его предназначали только въ правители дѣлъ), утверждалъ, что Сперанскій не приметъ такого назначенія. По словамъ Завалишина [3]), необходимость ввести въ составъ временнаго правленія лицъ, «пользовавшихся общимъ довѣріемъ, привела задолго почти къ общему соглашенію, что въ число членовъ» его должны быть назначены Мордвиновъ и Сперанскій. «Одни полагали ограничиться пятью, и чтобы всѣ были русскіе, другіе хотѣли,

---

[1]) Завалишинъ также говоритъ: „Положено было, что одинъ или два изъ членовъ (временнаго правленія) непремѣнно должны быть изъ числа лицъ, принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ и принимавшихъ участіе въ переворотѣ".

[2]) Любопытно, что еще въ 1820 г. до вице-адмирала Сенявина, хорошаго знакомаго Н. С. Мордвинова, дошелъ слухъ, что его считаютъ главою общества, имѣющаго вредные замыслы противъ правительства. Сенявинъ былъ возмущенъ этимъ, пріѣхалъ заявить о лживости этого слуха управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубею, намѣренъ былъ объясниться съ петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, гр. Милорадовичемъ, который, какъ ему говорили, уже доносилъ государю о заговорѣ, наконецъ—предполагалъ писать и самому государю и просить произвести разслѣдованіе по поводу этого слуха. Это объясненіе Сенявина съ Кочубеемъ произошло въ ноябрѣ 1820 г., т. е. вскорѣ послѣ волненія въ Семеновскомъ полку („Рус. Арх." 1875 г. Ш, 431—433) Теперь имя Сенявина называли, повидимому, потому, что, „слышавъ объ его отставкѣ, считали его въ числѣ недовольныхъ правительствомъ". Въ Петербургѣ упоминали также въ качествѣ кандидатовъ во временное правленіе сенатора Н. М. Муравьева-Апостола, отца трехъ братьевъ-декабристовъ, сенатора Баранова, а прежде зятя Мордвинова, Столыпина (до его смерти). „Рус. Арх." 1875 г., т. Ш, 436; *Лунинъ*, „Взглядъ на Тайное Общество въ Россіи. Тайное Общество и 14 дек. 1825 г.", Лейпц. над. 2, стр. 13). В. Л. Давыдовъ сообщалъ І. Поджіо, что кто-то предложилъ генерала Н. Раевскаго, но не встрѣтилъ сочувствія. По словамъ Бестужева-Рюмина (Пестелю), кн. Трубецкой и Бриггенъ говорили ему о намѣреніи назначить дѣлопроизводителемъ временнаго правленія Н. И. Тургенева, а членами—Мордвинова и Сенявина.

[3]) „Записки декабриста Завалишина". Мюнх. 1904 г., I, 327—329,

чтобы было 7 членовъ», и въ такомъ случаѣ по одному должно было быть изъ нѣмцевъ и поляковъ, чтобы внушить довѣріе и въ тѣхъ окраинахъ Россіи, гдѣ эти національности преобладали «въ образованномъ сословіи» (ср. выше мнѣніе Трубецкого о необходимости ввести представителя Польши во временное правленіе). «Этотъ пунктъ», говоритъ Завалишинъ, «былъ самый спорный» [1]). Вопросъ о назначеніи въ число правителей митрополита былъ рѣшенъ отрицательно вслѣдствіе нежеланія «смѣшивать религію съ политикою», а также и потому, что опасались отказа митрополита, который неизбѣжно былъ бы истолкованъ, какъ порицаніе самого переворота. Трубецкой въ своихъ запискахъ (стр. 69, 86) говоритъ, положительно, что общество хотѣло предложить во временное правленіе Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова [2]), а въ показаніяхъ своихъ на слѣдствіи объясняетъ выборъ Сперанскаго тѣмъ, что считалъ его «не врагомъ новостей», такъ какъ онъ дѣлалъ многія нововведенія, будучи государственнымъ секретаремъ. Трубецкой старался разузнать о Сперанскомъ отъ близкаго къ нему Батенькова, но тотъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, батюшка, у нашего старика не вывѣдаешь, что онъ думаетъ» [3]). По словамъ Лунина, при временномъ

[1]) По его словамъ, было рѣшено, что, каковъ бы ни былъ численный составъ временнаго правленія, одинъ или два члена его непремѣнно должны быть изъ числа лицъ, принимавшихъ участіе въ переворотѣ.

[2]) М. А. Фонъ-Визинъ называетъ только Мордвинова и Сперанскаго. „Общ. Движ." I, 183.

[3]) Среди декабристовъ возлагалось на Мордвинова и Сперанскаго такъ много надеждъ, основанныхъ на слухахъ, что имп. Николай выразилъ подозрѣніе относительно участія Мордвинова въ заговорѣ уже въ письмахъ къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23 и 28 декабря 1825 г. Шильдеръ. „Имп. Николай I". I, 320, 520. Объ отношеніи къ тайному обществу Мордвинова, Сперанскаго, Киселева и сенатора Баранова было произведено самое секретное изслѣдованіе, и дѣлопроизводитель слѣдственной комиссіи Боровковъ, самъ писавшій всѣ бумаги объ этихъ лицахъ, говоритъ, что „надежда эта была выдуманною и болтовнею для увлеченія легковѣрныхъ". „Рус. Стар." 1898 г., № 11, стр. 348. Для спеціальнаго допроса Трубецкого по этому дѣлу въ камеру къ нему 28 марта являлся отъ имени государя Бенкендорфъ („Записки Трубецкого", 1907 г., стр. 55—60). Все это секретное дѣлопроизводство было уничтожено. Мордвиновъ въ автобіографической запискѣ, написанной въ 1841 г., говоритъ: „Извѣстно государю моему, сколь усердно старались приключить меня въ число измѣнниковъ государственныхъ въ началѣ царствованія Его Величества; для чего брали подъ стражу людей (монхъ), неприкосновенныхъ къ возмущенію, никѣмъ не осуждаемыхъ... Но когда не могли они навлечь ничего, могущаго послужить для присоединенія меня къ бунтовщикамъ, то, дабы навлечь въ мысляхъ омраченіе въ умѣ государя-царя, излагали подробно обо всемъ, что происходило между ними, но Его Величество, не видя ничего, могущаго навлечь подозрѣніе на меня, приказалъ истребить всѣ вопросы и отвѣты вопрашаемыхъ". Арх. гр. Мордвиновыхъ". Спб.,1903 г., т. VIII, 697—698, ср. т. VII, стр. VIII. Однако, Трубецкой въ своихъ запискахъ увѣряетъ, будто бы черезъ Батенькова было обѣщано декабристамъ содѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта, подъ условіемъ сохраненія въ тайнѣ ихъ именъ и съ тѣмъ, чтобы войска, по объявленіи манифеста, выступили изъ города и расположи-

правительствѣ долженъ былъ находиться избранный членъ Тайнаго Общества и «безослабно слѣдить за всѣми дѣйствіями правительства» [1]).

Относительно составленія манифеста отъ имени сената Рылѣевъ показалъ, что «положено было захватить императорскую фамилію и задержать оную до съѣзда великаго собора», который долженъ былъ рѣшить, кому царствовать и на какихъ условіяхъ. Вслѣдствіе этого Трубецкой поручилъ Рылѣеву написать манифестъ отъ имени сената о томъ, что цесаревичъ Константинъ и Николай Павловичи отказались отъ престола, послѣ чего сенатъ счелъ необходимымъ задержать императорскую фамилію и созвать «на великій соборъ народныхъ представителей изъ всѣхъ сословій народа, которые должны будутъ рѣшить судьбу государства». Къ этому должно было прибавить увѣщаніе, чтобы народъ сохранялъ спокойствіе, и заявить, что имущества, какъ государственныя, такъ и частныя, останутся неприкосновенными, что для сохраненія порядка «сенатъ передалъ исполнительную власть временному правленію, въ которое назначилъ адмирала Мордвинова и тайнаго совѣтника Сперанскаго и проч.». Манифестъ былъ написанъ, по порученію Рылѣева, бар. Штейнгелемъ, котораго онъ считалъ наиболѣе къ тому способнымъ. По словамъ Штейнгеля, порученіе это дано было ему 13 декабря 1825 года, и на другой день утромъ онъ набросалъ проектъ манифеста [2]). Напротивъ, Трубецкой показалъ, что не поручалъ составленія манифеста Рылѣеву, такъ какъ полагалъ, что сдѣлать это долженъ самъ, какъ диктаторъ (въ это званіе онъ былъ избранъ наиболѣе вліятельными членами Сѣвернаго Общества для руководительства возстаніемъ). Онъ набросалъ лишь по пунктамъ содержаніе манифеста, и записка эта сохранилась. Въ ней предположены слѣдующія мѣры [3]):

лись въ окрестностяхъ (стр. 34, 87). Напротивъ. Завалишинъ приводитъ такое показаніе Корниловича относительно Сперанскаго: „Утромъ, прежде еще, нежели началось движеніе, Корниловичъ былъ посланъ къ Сперанскому объявить ему о предстоящемъ переворотѣ и непросить его согласія на назначеніе его въ число членовъ регентства.—„Съ ума вы сошли", отвѣчалъ Сперанскій. „развѣ дѣлаютъ такія предложенія преждевременно? Одержите сначала верхъ, тогда всѣ будутъ на вашей сторонѣ" (I, 374). Но въ показаніяхъ Корниловича во время слѣдствія нѣтъ ничего подобнаго, и Батеньковъ заявилъ, что утромъ 13 декабря Корниловича у Сперанскаго не видалъ.

[1]) „Тайн. Общ. и 14 дек.", стр. 13.

[2]) По показанію Штейнгеля, манифестъ былъ написанъ отъ имени соединеннаго присутствія сената и синода; въ немъ предписывалось, въ виду того, что оба великіе князья отказываются отъ престола и потому народу приходится самому выбирать себѣ правителя, присягнуть временному правительству, назначенному сенатомъ, и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ каждой губерніи избрать изъ каждаго сословія по два депутата. Біограф. очеркъ бар. В. Н. Штейнгеля, составленный мною см. въ книгѣ „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", изд. М. В. Пирожкова, 1905 г., т. I.

[3]) О спорахъ относительно содержанія манифеста къ народу отъ сената см. въ „Запискахъ Завалишина", т. I, стр. 329—330. Н. Бестужевъ также загото-

1) Уничтоженіе бывшаго правленія. 2) Учрежденіе временнаго правленія до установленія постояннаго выборнаго. 3) Свобода «тиснепія» и уничтоженіе цензуры. 4) Предоставленіе лицамъ всѣхъ вѣроисповѣданій свободнаго отправленія богослуженія. 5) Уничтоженіе права собственности на людей. 6) Равенство всѣхъ сословій предъ закономъ и потому уничтоженіе военныхъ судовъ и всякаго рода особыхъ судныхъ коммиссій. 7) Предоставленіе всякому гражданину права заниматься, чѣмъ хочетъ; вступать въ военную и гражданскую службу и въ духовное званіе, торговать оптомъ и въ розницу съ уплатою извѣстныхъ пошлинъ, пріобрѣтать земли и дома въ деревняхъ и городахъ. 8) Сложеніе подушной подати [1]) и недоимокъ по ней. 9) Уничтоженіе монополій на соль, вино и проч., разрѣшеніе свободнаго винокуренія и добыванія соли съ уплатою пошлинъ съ получаемаго продукта. 10) Уничтоженіе рекрутскихъ наборовъ и военныхъ поселеній. 11) Сокращеніе срока военной службы для нижнихъ чиновъ, которое должно было послѣдовать по уравненіи воинской повинности между всѣми сословіями. 12) Увольненіе въ отставку всѣхъ безъ исключенія нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ. 13) Введеніе выборнаго начала при замѣщеніи должностей въ волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ правленіяхъ [2]). 14) Гласность суда. 15) Введеніе присяжныхъ въ суды уголовные и гражданскіе.

Должно было быть учреждено правленіе изъ 2 или 3 лицъ, съ

вилъ на случай успѣха возстанія манифестъ отъ имени сената о томъ, что „наступило время для Россіи получить законы", для постановленія которыхъ вскорѣ должно было быть сдѣлано распоряженіе отъ особаго совѣщательнаго учрежденія о „собраніи избранныхъ народомъ представителей". Батеньковъ изъявлялъ Рылѣеву готовность написать манифестъ „о признаніи временнаго правленія государемъ или сенатомъ". Рылѣевъ на очной ставкѣ съ Трубецкимъ показалъ, что послѣдній поручалъ ему и Пущину представить сенату манифестъ для подписи, а Батеньковъ говорилъ Рылѣеву, что хочетъ произнести въ сенатѣ рѣчь. Пущинъ же показалъ, что порученіе это было дано ему и Рылѣеву не Трубецкимъ, а признано необходимымъ въ совѣщаніи. Н. Бестужевъ и Рылѣевъ высказали мнѣніе, что послѣ смерти сенатора Столыпина (зятя Мордвинова) принять въ сенатѣ сторону вождей возстанія могутъ только Н. М. Муравьевъ-Апостолъ и Барановъ, но что ихъ нужно поддержать силою, такъ какъ безъ этого „никто не осмѣлится говорить въ пользу какихъ-либо перемѣнъ". Въ разговорѣ съ Батеньковымъ А. Бестужевъ высказалъ мысль, что если сенаторы не окажутъ имъ поддержки, „то, въ крайнемъ случаѣ, можно прибѣгнуть къ средству, употребленному Бонапартомъ въ пятисотномъ совѣтѣ", т. е. разогнать ихъ, какъ разогналъ Наполеонъ совѣтъ пятисотъ 19 брюмера (10 ноября 1799 г.). Въ одномъ изъ показаній Трубецкой говоритъ, что „согласиться по обстоятельствамъ на редакцію" манифеста „въ сенатѣ я предоставилъ только себѣ".

[1]) Въ конституціи Н. Муравьева предполагалось распространеніе подушной подати на всѣхъ.

[2]) А. Бестужевъ въ письмѣ къ имп. Николаю говоритъ о желаніи тайнаго общества уменьшить число „всѣхъ платныхъ, но ненужныхъ чиновниковъ", что содѣйствовало бы улучшенію финансоваго положенія Россіи.

подчиненіемъ ему всѣхъ министерствъ, государственнаго совѣта, комитета министровъ, арміи и флота [1]). Ему предполагалось поручить приведеніе въ исполненіе нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ выше мѣръ [2]) и кромѣ того: 1) образованіе внутренней народной стражи; 2) «уравненіе (sic) рекрутской повинности между всѣми сословіями»; 3) уничтоженіе постоянной арміи; 4) установленіе «порядка избранія выборныхъ въ палату представителей народныхъ», которые должны «утвердить на будущее время имѣющій существовать порядокъ правленія и государственное законоположеніе» [3]).

Изъ показанія Рылѣева видно, что общество намѣревалось созвать при посредствѣ сената великій соборъ и представить ему проектъ конституціи Н. Муравьева. По другому его показанію, общество предполагало представить на разсмотрѣніе собора, какъ проектъ, государственный уставъ, одобренный большинствомъ членовъ обоихъ обществъ. Но какъ на совѣщаніяхъ общества, такъ и въ бесѣдахъ съ отдѣльными его членами, Рылѣевъ настойчиво повторялъ, что «никакое общество не имѣетъ права вводить насильно въ своемъ отечествѣ новаго образа правленія, сколь бы оный ни казался превосходнымъ, что это должно предоставить выборнымъ отъ народа представителямъ», рѣшенію которыхъ всѣ обязаны безпрекословно повиноваться [4]). По словамъ Оболенскаго, ради обезпеченія до созванія собора, декабристы предполагали занять крѣпость и передать начальство надъ гвардіею лицамъ, ими назначеннымъ.

Въ проектѣ манифеста о созваніи великаго собора, составленномъ

[1]) „Словомъ всей верховной исполнительной власти, но отнюдь не законодательной и не судной".

[2]) А именно: 1) „уравненіе правъ всѣхъ сословій", 2) устройство мѣстныхъ правленій отъ волостныхъ до областныхъ включительно, 3) устройство „судной части съ присяжными".

[3]) Записка Трубецкого хранится въ Г. А. I В № 333, л. 156; она напечатана (не совсѣмъ исправно) въ книгѣ *М. В. Довнара-Запольскаго* „Мемуары декабр.", 94—95. Въ показаніи во время слѣдствія, Трубецкой сказалъ, что эта записка не считалась „опредѣлительно принятою; изъ оной возможнымъ полагалось многое уступить, исключая однако жъ собраніе депутатовъ изъ губерній по сословіямъ". Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ говоритъ: предполагалось полкамъ собраться на Петровской площади и заставить сенатъ издать манифестъ съ описаніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась Россія, и съ приглашеніемъ въ назначенный срокъ выбранныхъ людей отъ всѣхъ сословій „для утвержденія, за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ". Сенатъ долженъ былъ „утвердить временное правленіе" (изъ лицъ предложенныхъ Тайнымъ Обществомъ), „пока не будетъ утвержденъ новый императоръ общимъ соборомъ выбранныхъ людей". На это временное правленіе возлагалась обязанность „составить проектъ государственнаго уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія по образцу европейскихъ государствъ и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости" (стр. 86—87).

[4]) Таково было мнѣніе и И. И. Пущина.

бар. Штейнгелемъ, предписывалось въ теченіе трехъ мѣсяцевъ выбрать въ каждой губерніи по два депутата отъ каждаго сословія [1]). Кн. Трубецкой находилъ нужнымъ созвать по одному или по два депутата отъ сословій каждой губерніи. При этомъ ни о какомъ размѣрѣ имущественнаго ценза для участія въ выборахъ не упоминается, и, слѣдовательно, при производствѣ ихъ правила конституціи Н. Муравьева примѣнять не предполагалось. Правда, Рылѣеву приходило въ голову, чтобы временное правленіе сдѣлало «оцѣнку», кто можетъ выбирать и кто можетъ выбираться, но Каховскій возражалъ, что временному правленію не слѣдуетъ предоставлять этого права,—«это значитъ вводить конституцію», а «ее лишь должно предложить. Правленіе можетъ назначить число депутатовъ, но какихъ именно,—богатыхъ или бѣдныхъ», относительно этого оно «распоряжаться не можетъ. Депутаты сойдутся и общимъ соборомъ для будущихъ собраній депутатовъ установятъ оцѣнку» (т. е. цензъ для выборовъ). Н. Бестужевъ въ своемъ показаніи заявилъ, что законы, составленные депутатами, должны были быть «разсмотрѣны сенатомъ и государемъ и обоими утверждены», но мы видѣли, что, по предположеніямъ наиболѣе выдающихся членовъ Сѣвернаго общества, собраніе депутатовъ могло установить и республику. Не даромъ по манифесту, составленному Штейнгелемъ, присяга приносилась временному правительству, и предполагалось арестовать царскую фамилію. А. Бестужеву представлялось дѣло такъ, что 13 декабря 1825 г. было постановлено, въ случаѣ большого успѣха возстанія, сразу провозгласить республику [2]).

Рылѣевъ заявилъ, что онъ и А. Бестужевъ, въ концѣ концовъ, полагали предоставить рѣшеніе судьбы императорской фамиліи великому собору. Напротивъ, Трубецкой съ Батеньковымъ вели разговоры въ монархическомъ смыслѣ. По словамъ Батенькова, они пришли къ соглашенію, чтобы «пріостановить дѣйствіе самодержавія», назначить временное правительство, которое должно было собрать депутатовъ. Обоимъ имъ въ будущемъ рисовалась конституціонная монархія [3]).

---

[1]) Кн. Трубецкой представлялъ себѣ дѣло такъ, что когда депутаты соберутся „въ достаточномъ числѣ", то можно будетъ не ждать представителей „дальнихъ губерній", чтобы не затягивать переходнаго положенія или, какъ онъ выражался междуцарствія.

[2]) Впрочемъ, переспрошенный по этому поводу, онъ далъ такое объясненіе: „Я твердо только зналъ, что царствующую фамилію положено, въ случаѣ удачи, захватить и увезти и потомъ собрать соборъ или вѣче; но это уже самое полагалъ я... актомъ республиканскимъ. Великій же соборъ долженъ былъ рѣшить, какого рода избрать правленіе, или кому царствовать"... Торсону Рылѣевъ говорилъ о вывозѣ императорской фамиліи за границу на корабляхъ, если она несогласится на введеніе конституціи, и о введеніи республиканскаго правленія.

[3]) Я не говорю здѣсь ни о предположеніяхъ монархистовъ о томъ, кого

ГЛАВА VII.

Русская Правда Пестеля.—Общество Соединенныхъ Славянъ.

Самымъ выдающимся изъ всѣхъ декабристовъ былъ Пав. Ив. Пестель, стоявшій во главѣ Южнаго общества. Не считая нужнымъ останавливаться на внѣшнихъ фактахъ его біографіи [1]), мы приведемъ отзывы о немъ лицъ, близко его знавшихъ. Его товарищъ по Южному обществу, князь С. Г. Волконскій, говоритъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 408), что Пестель былъ «человѣкъ замѣчательнаго ума, образованія, и въ сердцѣ котораго гнѣздились высокія и пылкія чувства патріотизма». Другой товарищъ его по тому же обществу, Лореръ, считалъ его человѣкомъ геніальнымъ и такъ называлъ его даже въ глаза. Начитанность Пестеля была очень велика. Это видно изъ его записной книжки (хранящейся въ Государственномъ Архивѣ) съ выписками изъ сочиненій Руссо, Гельвеція, Кондильяка, Гольбаха, Дидро, Вольтера, г-жи Сталь, Беккаріи, Бентама и др. Лореръ, познакомившійся съ Пестелемъ въ 1824 г., говоритъ въ своихъ запискахъ, что во всю длину его комнаты «тянулись полки съ книгами», преимущественно «политическими, экономическими, вообще ученаго содержанія и излагающими всевозможныя конституціи. Не знаю, чего этотъ человѣкъ не прочелъ на своемъ вѣку на многихъ иностранныхъ языкахъ» [2]). Извѣстный декабристъ И. Д. Якушкинъ такъ характеризуетъ его: «Пестель всегда говорилъ умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкновенно вѣрятъ въ математическую истину; онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть въ этомъ то и заключалась причина, почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ, въ теченіе

возвести на престолъ (Батеньковъ и Штейнгель предлагали Елизавету Алексѣевну, Батенькову и Трубецкому приходила мысль о регентствѣ при малолѣтнемъ Александрѣ Николаевичѣ), ни о предположеніяхъ республиканцевъ относительно истребленія императорской фамиліи, - это не входитъ въ мою задачу.

[1]) См. статью П. П. Павлова-Сильванскаго въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ“, изд. Имп. Русск. Ист. Общества, и его же книгу „Декабристъ Пестель предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ“.

[2]) „Русское Богатство“, 1904 г. № 3, стр. 73.

почти 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, усердно трудился надъ дѣломъ тайнаго общества. Одинъ разъ доказавъ себѣ, что тайное общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ нимъ слилъ все свое существованіе» [1]). По словамъ кн. Е. П. Оболенскаго, Пестель «отличался умомъ необыкновеннымъ, яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствующимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевныя мысли» [2]). Пятый декабристъ, Басаргинъ, членъ Южнаго общества, оставившій также интересныя записки, говоритъ: «П. И. Пестель былъ человѣкъ высокаго, яснаго и положительнаго ума. Будучи хорошо образованъ, онъ говорилъ убѣдительно, излагалъ мысли свои съ такою логикою, такою послѣдовательностью и такимъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противъ его вліянія». Вполнѣ понятно поэтому, что Пестель «получилъ большой вѣсъ и вліяніе въ Южномъ обществѣ», что онъ импонировалъ своимъ товарищамъ [3]).

Лица, имѣвшія съ Пестелемъ дѣла по службѣ, были отъ него также въ восторгѣ. Его главный начальникъ, гр. Витгенштейнъ, далъ о немъ такой отзывъ: «Онъ на все годится: дай ему командовать арміею или сдѣлай его какимъ хочешь министромъ, онъ вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ». Начальникъ штаба второй арміи, П. Д. Киселевъ, впослѣдствіи извѣстный министръ имп. Николая, отзывался о Пестелѣ, что онъ «всякое мѣсто займетъ съ пользою», что у него «особенныя способности». Петербургскіе пріятели упрекали даже Киселева, что онъ большую часть свободнаго времени проводитъ съ Пестелемъ [4]). Басаргинъ также свидѣтельствуетъ, что Киселевъ «съ удовольствіемъ слушалъ здравыя, но нѣсколько рѣзкія сужденія Пестеля».

Въ показаніи во время слѣдствія Пестель сдѣлалъ замѣчательный очеркъ развитія своихъ политическихъ и общественныхъ идей. Онъ разсказываетъ, какъ, пристрастившись къ политическимъ наукамъ, увидѣлъ, что «благоденствіе и злополучіе царствъ и народовъ зависитъ по большей части отъ правительствъ». Продолжая занятія этими науками, онъ началъ «разсуждать о томъ, соблюдены ли въ устройствѣ россійскаго правленія правила политическихъ наукъ, не касаясь однако же еще верховной власти, но размышляя о министерствахъ, мѣстныхъ правительствахъ, частныхъ начальствахъ и тому подобныхъ предметахъ». Весьма замѣчательно, что, не поддаваясь аристократическимъ теченіямъ, довольно сильнымъ тогда въ русскомъ обществѣ, Пестель очень скоро

[1]) „Записки И. Д. Якушкина", М., 1905 г., стр. 23—24.
[2]) „Общественное движеніе въ Россіи въ первую половину XIX в.", т. I, 237.
[3]) „Девятнадцатый вѣкъ", изданіе Бартенева, т. I, стр. 68, 73.
[4]) *Заблоцкій - Десятовскій.* „Графъ П. Д. Киселевъ и его время", I. 89—91, 139—140, 148.

сталъ приверженцемъ демократическихъ идей. Продолжая разсказъ о ходѣ своего развитія, онъ говоритъ: «Обратилъ также мысли и вниманіе на положеніе народа, причемъ рабство крестьянъ всегда сильно на меня дѣйствовало, а равно и большія преимущества аристократіи, которую я считалъ, такъ сказать, стѣною, между монархомъ и народомъ стоящею и отъ монарха, ради собственныхъ выгодъ, скрывающею истинное положеніе народа. Къ сему стали въ мысляхъ моихъ... присоединяться разные другіе предметы и толки, какъ-то: преимущества разныхъ присоединенныхъ областей» (т. е. непредоставленіе Россіи политическихъ правъ, какія даны были Финляндіи и Польшѣ), «слышанное о военныхъ поселеніяхъ, упадокъ торговли, промышленности и общаго богатства, несправедливость и подкупливость судовъ и другихъ начальствъ, тягость военной службы для солдатъ и многія другія тому подобныя статьи, долженствовавшія, по моимъ понятіямъ, составлять предметъ частныхъ неудовольствій и чрезъ коихъ всѣхъ совокупленіе воедино представлялась моему уму и воображенію цѣлая картина народнаго неблагоденствія. Тогда началъ во мнѣ возникать внутренній ропотъ противу правительства. Возвращеніе Бурбонскаго дома на французскій престолъ и соображенія мои впослѣдствіи о семъ происшествіи могу я назвать эпохою въ моихъ политическихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ и образѣ мыслей, ибо началъ разсуждать, что большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при реставраціи монархіи сохранены и за благія вещи признаны, между тѣмъ какъ всѣ возставали противъ революціи, и я самъ всегда противъ нея возставалъ. Отъ сего сужденія породилась мысль, что революція видно не такъ дурна, какъ говорятъ, и что можетъ даже быть весьма полезна, въ каковой мысли я укрѣплялся тѣмъ другимъ еще сужденіемъ, что тѣ государства, въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учрежденій. Тогда начали сіи причины присовокупляться къ выше уже приведеннымъ, и начали во мнѣ рождаться, почти совокупно, какъ конституціонныя, такъ и революціонныя мысли. Конституціонныя были совершенно монархическія, а революціонныя были очень слабы и темны. Мало по малу стали первыя опредѣлительнѣе и яснѣе, а вторыя сильнѣе. Чтеніе политическихъ книгъ подкрѣпляло и развивало во мнѣ всѣ сіи мнѣнія, мысли и понятія. Ужасныя происшествія, бывшія во Франціи во время революціи, заставляли меня искать средства къ избѣжанію подобныхъ, и сіе то произвело во мнѣ впослѣдствіи мысль о временномъ правленіи и о его необходимости и всегдашніе мои толки о всевозможномъ предупрежденіи всякаго междоусобія».

Въ другомъ показаніи Пестель говоритъ, что «нѣкоторыя мысли» о верховной власти были написаны имъ на французскомъ языкѣ, причемъ соображенія въ пользу монархіи были развиты подробнѣе, чѣмъ

въ пользу республики. Онъ показывалъ Н. М. Муравьеву краткій проектъ конституціи, составленный имъ, по словамъ Муравьева, въ 1820 г. Главныя черты его, по свидѣтельству Муравьева, состояли въ слѣдующемъ. Исполнительная власть принадлежитъ императору, который участвуетъ и въ законодательной власти [1]). Законодательная власть «въ особенности» принадлежитъ народному вѣчу, состоящему изъ 1000 членовъ, избранныхъ на два года. Вѣче обновляется ежегодно на половину по жребію. «Умѣрительная» власть принадлежитъ сенату, члены котораго избирались императоромъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ ему вѣчемъ. Сенаторы назначались на всю жизнь и не могли принять никакой должности, не теряя своего званія. Они могли быть только генералъ-губернаторами въ областяхъ или генералъ-прокурорами министерствъ, но въ обоихъ случаяхъ только тогда подписывали протоколы судебныхъ мѣстъ или министерскихъ коллегій, когда находили, что они не нарушаютъ установленныхъ формъ. Такимъ образомъ, они пользовались только «надзирательною властью», сообщая сенату, почему они остановили то или другое дѣло. Въ мирное время не должно было существовать армій, а только корпуса, главнокомандующіе которыхъ дѣлались сенаторами безъ выборовъ [2]).

Всѣ совершеннолѣтніе жители мужского пола безъ исключенія должны были участвовать въ избраніи мѣстныхъ чиновниковъ и представителей въ народномъ вѣчѣ, выбирая ихъ «избирателей». Слѣдовательно въ это время, какъ и позднѣе, Пестель стоялъ за двухстепенные выборы. Но если для того, чтобы участвовать въ первой степени выборовъ, не нужно было, по этому первоначальному наброску Пестеля, владѣть имущественнымъ цензомъ, то, чтобы быть «избирателемъ представителей» въ народное вѣче, необходимо было «имѣть извѣстное состояніе» (отъ этого послѣдняго предположенія Пестель впослѣдствіи отказался). Жители каждой деревни выбираютъ избирателей; списки получившихъ наибольшее число голосовъ отправляются въ уѣздный городъ, гдѣ на основаніи ихъ составляются списки уѣздныхъ избирателей. Въ губернскомъ городѣ изъ этихъ списковъ составляютъ губернскій списокъ ста лицъ, получившихъ наибольшее число голосовъ. Эти избиратели

[1]) Сохранилась часть набросковъ Пестеля на французскомъ языкѣ; тамъ между прочимъ сказано: „Государь управляетъ всею имперіею... Каждое отдѣльное лицо въ своихъ отношеніяхъ къ государю будетъ называться подданнымъ, а въ отношеніяхъ съ соотечественниками—гражданиномъ... Нѣтъ нужды говорить, что государь и его августѣйшее семейство не могутъ принадлежать ни къ какой общинѣ (commune). Они находятся на вершинѣ соціальнаго зданія, и вся имперія составляетъ ихъ общину". Г. А. I В. № 10.

[2]) Нѣкоторыя изъ этихъ предположеній мы встрѣтимъ въ „Государственномъ Завѣтѣ" Пестеля (см. ниже), но императоръ замѣненъ такъ „державною думою" изъ 5 членовъ.

«назначаютъ уже представителей въ вѣче, не обращая вниманія ни на какое денежное условіе», т. е. для того, чтобы быть выбраннымъ депутатомъ въ вѣче, не требовалось никакого имущественнаго ценза. Представители получаютъ вознагражденіе. Кромѣ того губернскіе избиратели «назначали депутатовъ въ областныя вѣча» [1]). Слѣдовательно Пестель ранѣе Н. Муравьева, высказалъ мысль о необходимости, кромѣ центральнаго законодательнаго учрежденія, и областныхъ представительныхъ собраній; однако, позднѣе онъ отказался отъ нея. Возвращаемся къ показанію самого Пестеля.

«Отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей былъ я переведенъ въ республиканскій главнѣйше слѣдующими предметами и соображеніями. Сочиненіе Детю-де-Траси на французскомъ языкѣ [2]) очень сильно подѣйствовало на меня; онъ доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей санъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ. Всѣ газеты и политическія сочиненія такъ сильно прославляли возрастаніе благоденствія въ Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, приписывая сіе государственному ихъ устройству, что сіе мнѣ казалось яснымъ доказательствомъ въ превосходствѣ республиканскаго правленія. Повиковъ говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда въ пользу монархической, а потомъ сталъ его сужденія себѣ припоминать и съ ними соглашаться. Я воспоминалъ блаженныя времена Греціи, когда она состояла изъ республикъ, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима во дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и въ Англіи конституціи суть одни только покрывала, никакъ не воспрещающія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что они пожелаютъ, и въ семъ отношеніи я предпочиталъ самодержавіе таковой конституціи, ибо въ самодержавномъ правительствѣ, разсуждалъ я, неограниченность власти открыто всѣмъ видна, между тѣмъ, какъ въ конституціонныхъ монархическихъ тоже существуетъ неограниченность (?), хотя и медлительнѣе дѣйствуетъ, но и зато не можетъ такъ скоро худое исправить. Что же касается до обѣихъ палатъ, то онѣ существуютъ для одного только покрывала. Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ

[1]) Г. А. I В. № 336, л. 13 об.—14.

[2]) Дѣло идетъ о сочиненіи „Commentaire sur l'Esprit des Lois de Montesquieu, par M. le C-te Destutt de Tracy", Paris, Juillet, 1819. Мы будемъ говорить о немъ ниже.

наслѣдственныхъ основанными. Я судилъ, что сіи аристократіи сдѣлаются наконецъ сильнѣе самого монарха, какъ то въ Англіи, и что онѣ суть главная препона государственному благоденствію и притомъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства. Происшествія» (т. е. революціи) «въ Неаполѣ» (1820—21 г.), «Гишпаніи» (1820 г.) «и Португаліи» (1820 г.) «имѣли тогда большое на меня вліяніе. Я въ нихъ находилъ, по моимъ понятіямъ, неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя, достаточныя причины къ недовѣрчивости къ истинному согласію» (т. е. къ искренности согласія) «монарховъ на конституціи, ими принимаемыя. Сіи послѣднія соображенія укрѣпили меня весьма сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мысли, который раздѣляли весьма многіе члены тайнаго общества. Все сіе произвело, что я сдѣлался въ душѣ республиканецъ и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ республиканскомъ правленіи. Когда съ прочими членами, раздѣляющими мой образъ мыслей, разсуждалъ я о семъ предметѣ, то, представляя себѣ живую картину всего счастія, коимъ бы Россія, по нашимъ понятіямъ, тогда пользовалась, входили мы въ такое восхищеніе и, сказать можно, восторгъ, что я и прочіе готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содѣйствовать бы могло къ полному введенію и совершенному укрѣпленію и утвержденію сего порядка вещей».

На вопросъ слѣдственной комиссіи: «Какимъ образомъ революціонныя мысли и правила постоянно возрастали и укоренялись въ умахъ и кто гдѣ началъ и продолжалъ внушать и распространять оныя въ въ государствѣ», Пестель отвѣчалъ: «Политическія книги у всѣхъ въ рукахъ, политическія науки вездѣ преподаются, политическія извѣстія повсюду распространяются. Сіе научаетъ всѣхъ судить о дѣйствіяхъ и поступкахъ правительства: хвалить одно, хулить другое. Происшествія 1812, 13, 14 и 15 гг., равно какъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ, показали столько престоловъ низверженныхъ, столько другихъ постановленныхъ, столько царствъ уничтоженныхъ, столько новыхъ учрежденныхъ, столько царей изгнанныхъ, столько возвратившихся или призванныхъ, и столько опять изгнанныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произведенныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобностями оныя производить. Къ тому же имѣетъ каждый вѣкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного конца Европы до другого видно вездѣ одно и то же, отъ Португаліи до Россіи, не исключая ни единаго государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. Тоже самое зрѣлище представляетъ и вся Америка. Духъ преобразованія заставляетъ, такъ

сказать, вездѣ умы клокотать (fait bouillir les esprits). Вотъ причины, полагаю я, которыя породили революціонныя мысли и правила и укоренили оныя въ умахъ. Что же касается до распространенія духа переобразованія по государству, то нельзя приписать сіе нашему Обществу, ибо оно слишкомъ еще было малочисленно, дабы какое нибудь имѣть на сей счетъ общее вліяніе, но приписать должно, полагаю я, ежели мысли сіи точно распространились, общимъ причинамъ, выше изложеннымъ и дѣйствовавшимъ на прочіе умы, точно такъ же, какъ и на умы членовъ общества. Можетъ быть, что къ тому содѣйствовалъ также и духъ неудовольствія совершенно независимо отъ тайнаго общества».

Остановимся еще на томъ, какъ Пестель велъ устную пропаганду въ то время, когда его политическія идеи окончательно сложились. Живое изображеніе этого мы находимъ въ показаніи члена Южнаго общества А. В. Поджіо. Осенью 1824 г. Пестель, «по обыкновенію своему испытывать, оспаривать человѣка даже въ томъ, въ чемъ онъ былъ самъ убѣжденъ, дабы чрезъ то усмотрѣть способности всякаго и твердость въ мнѣніи, счелъ за нужное начать со мной съ азбуки и въ политикѣ..., и дѣйствіи... Началъ отъ Немрода, подробно, медленно переходилъ черезъ всѣ измѣненія правленій, понятій народовъ о нихъ; коснулся къ временамъ свободы Греціи, Рима, говоря, сколь мало она понятна была, не имѣя представительства своего; пронесся быстро мимо варварскихъ вѣковъ среднихъ временъ, поглотившихъ свободу и просвѣщеніе; пріостановился на революціи французской, не упуская изъ виду нерѣшимости одной цѣли, непрочности въ достиженіи ея и основаніи, и, наконецъ, палъ на Россію. Тутъ онъ направилъ на нее всѣ свои ядовитыя стрѣлы, сталъ говорить о монархическомъ правленіи, сколь оно несогласно съ представительнымъ, какъ сила одного разрушаетъ силу другого, сколь онѣ въ существѣ своемъ разнородны и несовмѣстны, сколь при такомъ родѣ правленія невозможно установленіе прочной системы равновѣсій властей, противуборство однихъ съ другими, сколь наслѣдствіе престола по первородству противно цѣли всякаго благоустроеннаго государства; какъ предполагать тѣхъ нужныхъ свойствъ въ первородцѣ для управленія государства; коснулся къ избирательному на царствіе правленію, не упустивъ всѣхъ пагубныхъ послѣдствій его въ возрожденіи междоусобій и внутреннихъ раздоровъ и, наконецъ, ввелъ меня въ свою республику, имъ предположенную и основанную на народномъ представительствѣ. На все спрашивалъ мое мнѣніе. Я ему отвѣчалъ убѣжденіемъ моимъ и примолвилъ, что сіе вы почерпнули» у Дэтю-де-Траси «и его разборъ о духѣ законовъ Монтескье весьма искусно превратили въ систему математически изложенную, добавивъ, что я во всемъ согласенъ, что нахожу, что предшественники наши въ преобразованіи государствъ

были ни что, какъ ученики еще, что наука сія была въ дѣтствѣ и наконецъ пріиметъ свои положительныя и неизмѣнныя правила. На семъ кончилось испытаніе мое въ свѣдѣніяхъ моихъ политическихъ и согласія моего на введеніе сего рода правленія въ Россіи» [1]).

Въ 1820 г. коренная управа Союза Благоденствія въ Петербургѣ, какъ мы уже знаемъ, высказалась за республику, и Пестель, по возвращеніи въ Тульчинъ, объявилъ объ этомъ постановленіи многимъ членамъ тайнаго общества во второй арміи. Когда на собраніи въ Москвѣ, въ началѣ 1821 года, постановили объявить о прекращеніи тайнаго общества, въ Тульчинѣ не признали этого постановленія и рѣшили стремиться къ достиженію республиканскаго государственнаго устройства революціоннымъ путемъ. «Южное общество,—по словамъ Пестеля,—держалось всегда республиканской цѣли». Въ этомъ обществѣ установлены были три степени членовъ: бояре (высшая степень), мужья и братья, а приготовляемые къ принятію, но еще не принятые, назывались друзьями. Это было заимствовано изъ устава Союза Спасенія. Братьямъ объявлялось только намѣреніе ввести «конституціонный порядокъ безъ дальнѣйшихъ объясненій». Мужамъ уже открывалась цѣль общества—достиженіе республиканскаго правленія. Вновь принимаемый членъ могъ поступить прямо въ мужи, минуя степень брата, если онъ «по образу своихъ мыслей былъ склоненъ принять цѣлью общества достиженіе республиканскаго правленія». Впрочемъ, Пестель утверждалъ, что почти всѣ члены южнаго общества всѣхъ трехъ управъ, Тульчинской, Каменской и Васильковской, знали о республиканской цѣли общества.

По мысли Пестеля, ввести республиканскій строй должно было при помощи диктатуры временнаго верховнаго правленія. По показаніямъ А. В. Поджіо, онъ говорилъ ему, что временное правленіе, состоящее изъ трехъ членовъ, «должно было сосредоточить всѣ отрасли властей для избѣжанія могущихъ послѣдовать внутреннихъ раздоровъ и недоразумѣній между сообщниками въ приведеніи цѣли ихъ къ исполненію». Временное правленіе должно было назначить по одному лицу въ каждую губернію съ тѣмъ, чтобы оно находилось тамъ во время выборовъ депутатовъ въ палату представителей, и разъяснить этой палатѣ и законному правительству цѣль и намѣреніе общества. Послѣ установленія новаго строя временное правительство должно было сложить свою власть. Самъ Пестель, по свидѣтельству Поджіо, не находилъ возможнымъ быть его членомъ, такъ какъ не желалъ, чтобы его заподозрили въ «личныхъ видахъ»; онъ считалъ это неудобнымъ и вслѣдствіе своей нерусской фамиліи [2]).

[1]) О пропагандѣ Пестеля см. также въ показаніи Комарова. *Довнар-Запольскій.* „Мем. Дек.“, 27—29.

[2]) Поджіо возразилъ ему: „Вамъ предстоитъ слава Вашингтона; вы можете,

Продолжительность существованія временнаго правленія, по мнѣнію Пестеля, должна была обусловливаться окончаніемъ полнаго преобразованія. Онъ думалъ, что если временное правленіе прекратитъ свое существованіе, не довершивъ преобразованія государственнаго строя, то не достигнетъ цѣли своего учрежденія, и можно будетъ опасаться такихъ же послѣдствій, какія имѣли французскія республиканскія конституціи. Пестель считалъ нужнымъ для исполненія задачи временнаго правленія восемь или десять лѣтъ [1]).

Сѣверное тайное общество также предполагало учрежденіе временнаго правленія, но не на такой продолжительный срокъ, а только до собранія избранныхъ представителей, которые должны были установить форму будущаго государственнаго устройства. Поэтому въ Петербургѣ мысль Пестеля о диктатурѣ временнаго правленія не встрѣтила сочувствія. Во время своего пріѣзда въ Петербургъ въ 1824 г. на совѣщаніяхъ съ членами сѣвернаго общества онъ доказывалъ, по свидѣтельству М. Муравьева-Апостола, что укрѣпленію новаго порядка вещей обыкновенно, препятствовало ошибочное мнѣніе совершившихъ переворотъ относительно возможности непосредственнаго перехода отъ стараго порядка къ новому. Въ видѣ доказательства онъ ссылался на примѣръ Сѣверной Америки. Онъ полагалъ, что если ея населеніе достигло осуществленія своихъ желаній, то только потому, что имѣло временное правленіе «сильное и ничѣмъ не остановленное въ своихъ дѣйствіяхъ» въ лицѣ Вашингтона, «который былъ военный и гражданскій начальникъ Америки» [2]). Пестель предлагалъ во время переворота собрать синодъ и сенатъ и заставить ихъ издать два манифеста: отъ синода—о присягѣ временному правительству, которое должны были составить директора тайнаго общества [3]), другой—отъ сената (чтобы уничтожить подозрѣніе, что директора хотятъ себѣ присвоить власть) о томъ, что временное правительство обязано вводить конституцію. Никита Муравьевъ, Рылѣевъ и Трубецкой особенно энергично возражали противъ предложенія Пестеля относительно диктатуры временнаго правленія, и оно Сѣвернымъ Обществомъ принято не было.

Главный трудъ Пестеля, Русская Правда, носитъ слѣдующее заглавіе: «Русская Правда [4]), или заповѣдная государственная грамота

какъ онъ, сейчасъ же удалиться къ числу частныхъ гражданъ послѣ водворенія законнаго правленія".

[1]) Въ „Русской Правдѣ", для осуществленія предположеннаго въ ней раздѣленія земель, онъ признавалъ необходимымъ 8—10 и даже 15 лѣтъ.

[2]) Во время войны съ Англіею Вашингтонъ пользовался почти диктаторскою властью.

[3]) По показанію Трубецкого, Пестель предлагалъ временное правленіе „изъ пяти директоровъ, облеченныхъ во всю верховную власть".

[4]) Названіе это было дано имъ въ 1824 г., но уже въ 1822 г. въ собраніи

великаго народа россійскаго, служащая завѣтомъ для усовершенствованія государственнаго устройства Россіи и содержащая вѣрный наказъ, какъ для народа, такъ и для временнаго верховнаго правленія» [1]). По мысли Пестеля, «Русская Правда» должна была быть обнародована, какъ прибавленіе къ манифесту сената.

Во введеніи къ «Русской Правдѣ» Пестель указываетъ на то, что народъ «имѣетъ *право* требовать отъ правительства, чтобы оно непремѣнно стремилося къ общественному и частному благоденствію и только бы то повелѣвало, что истинно къ сей цѣли ведетъ и безъ чего не могла бы оная быть достигнута». Далѣе, очевидно, руководствуясь ученіемъ Бентама, онъ утверждаетъ, что «истинная цѣль государственнаго устройства должна непремѣнно быть: возможно большее благоденствіе многочисленнѣйшаго числа людей въ государствѣ». По мнѣнію Пестеля, «правительство существуетъ для блага народа и не имѣетъ другого основанія своему бытію и образованію, какъ только благо народное». Повторяя приводимую и Н. Муравьевымъ въ его проектѣ мысль испанской конституціи 1812 г, Пестель говоритъ, что «народъ россійскій не есть принадлежность или собственность какого либо лица или семейства»; по его мнѣнію, «напротивъ того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народнаго, а не народъ существуетъ для блага правительства».

Всякое благоустроенное государство должно находиться «подъ властью и управленіемъ законовъ общественныхъ, а не прихотей личныхъ властителей» и доставлять «возможное благоденствіе всѣмъ и каждому», а не зловластвовать [2]) «надъ всѣми для выгоды единаго или

членовъ управы Южнаго общества Пестель излагалъ основныя начала этого произведенія; имъ данъ былъ годъ на размышленіе относительно того, принять или отвергнуть ихъ; черезъ годъ эти основныя начала съ нѣкоторыми возраженіями были приняты. (Показаніе С. И. Муравьева-Апостола, 31 янв. и 8 апр. 1826 г.).

[1]) Другое заглавіе: „Русская Правда, содержащая наставленіе верховному правленію и служащая залогомъ всероссійскому народу въ усовершенствованіи его положенія“. Тутъ же краткое заглавіе: „Проектъ Русской Правды“. Госуд. Арх. I В. № 10. „Русская Правда“ издана въ 1906 г. П. Е. Щеголевымъ, но въ высшей степени неисправно. См. мою рецензію на это изданіе въ журналѣ „Былое“ 1906 г. № 5. Существовало еще, по показанію Пестеля, „краткое начертаніе „Русской Правды“, написанное на французскомъ языкѣ рукою С. И. Муравьева-Апостола; Давыдовъ хотѣлъ показать его члену тайнаго общества гр. Полиньяку, уѣзжавшему во Францію, съ тѣмъ, чтобы онъ, если познакомится съ членами французскаго тайнаго общества, извѣстилъ бы членовъ Южнаго общества, имѣетъ ли сходство „Русская Правда“ съ французскими предначертаніями. Быть можетъ тутъ Пестель разумѣетъ французскій переводъ „Государственнаго Завѣта“ (см. ниже).

[2]) Пестель старался употреблять какъ можно менѣе иностранныхъ выраженій. Въ началѣ „Русской Правды“ приложенъ особый списокъ тѣхъ русскихъ словъ, которыми авторъ замѣняетъ соотвѣтствующія иностранныя; „зловластіе“ онъ употребляетъ вмѣсто слова „тираннія“.

пѣсколькихъ. Все, что отъ сихъ правилъ удаляется, а тѣмъ паче онымъ противурѣчитъ, есть зловластіе, испроверженіе правъ и уничиженіе, пареканіе напосящее и гибель совершающее. Примѣняя сіи неизмѣнныя и непреложныя, коренныя правила къ Россіи, ясно видѣть можно», что они «непремѣнно требуютъ измѣненія существующаго нынѣ государственнаго порядка въ Россіи и введенія на мѣсто его такого устройства, которое было бы основано на однихъ только точныхъ и справедливыхъ законахъ и постановленіяхъ, не предоставляло бы ничего личному самовластью и въ совершенной точности удостовѣряло бы народъ россійскій въ томъ, что онъ составляетъ устроенное гражданское общество, а не есть и никогда быть не можетъ чьею либо собственностью или принадлежностью. Изъ сего явствуютъ двѣ главныя для Россіи необходимости: первая состоитъ въ совершенномъ переобразованіи государственнаго порядка и устройства, а вторая—въ изданіи полнаго новаго Уложенія или Свода Законовъ, сохраняя при томъ все полезное и уничтожая вредное».

Съ этою цѣлью необходимо учредить Временное Верховное Правленіе и обнародовать «Русскую Правду» во всеобщее свѣдѣніе. Новый порядокъ не можетъ быть введенъ сразу: для этого нужно множество подготовительныхъ или переходныхъ мѣръ. Исполненіе этого важнаго дѣла всего лучше можетъ быть поручено Временному Верховному Правленію, такъ какъ «прежняя верховная власть довольно уже доказала враждебныя свои чувства противу народа русскаго, а представительный соборъ не можетъ быть созванъ» немедленно, потому что «начала представительнаго верховнаго порядка въ Россіи еще не существуютъ». Но «Россія должна имѣть залогъ въ томъ, что Временное Верховное Правленіе точно будетъ дѣйствовать» только для блага Россіи и потому необходимо «изданіе Русской Правды въ видѣ Наказа Верховному Правленію», тѣмъ болѣе, что составленіе Уложенія или Свода Законовъ требуетъ много времени. Русская Правда должна опредѣлить всѣ перемѣны, которыя слѣдуетъ произвести въ государствѣ, и намѣтить «коренныя правила и начальныя основы», которыя должны послужить руководствомъ «при сооруженіи новаго государственнаго порядка и составленіи новаго государственнаго уложенія». Она содержитъ въ себѣ также «поясненіе коренныхъ соображеній начальныхъ причинъ и основныхъ доводовъ, утверждающихъ предполагаемое для Россіи государственное устройство. Итакъ Русская Правда есть наказъ или наставленіе Временному Верховному Правленію для его дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объявленіе народу, отъ чего онъ освобожденъ будетъ и чего вновь ожидать можетъ. Она... служитъ для Россіи ручательствомъ, что Временное Верховное Правленіе единственно ко благу отечества дѣйствовать будетъ. Недостатокъ въ таковой грамотѣ», продолжаетъ Пе-

стель, «ввергнулъ многія государства въ ужаснѣйшія бѣдствія и междоусобія, потому что въ оныхъ правительство дѣйствовать всегда могло по своему произволу, по личнымъ страстямъ и частнымъ видамъ, не имѣя передъ собою яснаго и полнаго наставленія, коимъ бы обязано было руководствоваться, и что народъ между тѣмъ никогда не зналъ, что для него предпринимаютъ, никогда не видѣлъ яснымъ образомъ, къ какой цѣли стремятся дѣйствія правительства, и, волнуемый разными страхами, а потомъ и разными страстями, часто предпринималъ безпокойныя дѣйствія и наконецъ междоусобія производилъ. Русская Правда отвращаетъ своимъ существованіемъ все сіе зло и приводитъ государственное переобразованіе въ положительные ходъ и дѣйствіе тѣмъ, что все опредѣляетъ и на всѣ предметы коренныя правила издаетъ. Посему обязаны съ нею въ полной мѣрѣ сообразоваться, какъ Временное Верховное Правленіе со всѣми частями, отраслями и степенями правительства, такъ равно и весь народъ со всѣми онаго членами или гражданами. Временное Верховное Правленіе обязано новый государственный порядокъ, Русскою Правдою опредѣленный, постепенными мѣропріятіями ввести и устроить, а народъ обязанъ сему введенію не только не противиться, но, напротивъ того, Временному Верховному Правленію усердно всѣми силами содѣйствовать и неумѣстнымъ нетерпѣніемъ не вредить преуспѣванію народнаго возрожденія и государственнаго преобразованія».

Пестель не успѣлъ окончить «Русскую Правду» и изъ 10 предполагаемыхъ главъ написалъ только 5; три первыя онъ считалъ обработанными, а двѣ написанными вчернѣ; впрочемъ, и относительно третьей главы онъ говорилъ, что была отдѣлана «большая часть» ея.

Въ первой главѣ («О земельномъ пространствѣ государства») Пестель прежде всего утверждаетъ, что нужно думать не о расширеніи границъ Россіи, а только о «водвореніи благоденствія» въ ея обширныхъ владѣніяхъ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что безопасность и спокойствіе государства зависятъ отъ его хорошихъ границъ, опредѣленіе которыхъ затрудняется разноплеменностью населенія Россіи. При этомъ проявляются два противоположныхъ теченія: народы, подвластные большому государству и не принадлежащіе къ господствующему племени, всегда желаютъ независимости и отдѣльнаго политическаго существованія; Пестель называетъ это «правомъ народности». Съ другой стороны, всякое большое государство или, лучше сказать, всякій господствующій въ государствѣ народъ стремится къ тому, чтобы силы окружающихъ его маленькихъ народовъ увеличивали могущество его самого, а не какого либо сосѣдняго государства; Пестель называетъ это «правомъ благоудобства». Признавая вполнѣ естественными оба эти противоположныя стремленія, онъ полагаетъ, что рѣшать, какому изъ нихъ должно быть отдано въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предпочтеніе, слѣдуетъ на

основаніи третьяго правила, состоящаго въ томъ, что право народности дѣйствительно существуетъ только для тѣхъ народовъ, которые, пользуясь имъ, могутъ его сохранить, «и что право благоудобства принимается въ соображеніе для утвержденія безопасности, а не для какого либо тщеславнаго распространенія предѣловъ государства. Такимъ образомъ, племена, подвластныя большому государству, не могущія по слабости своей пользоваться самостоятельною политическою независимостью и долженствующія слѣдовательно непремѣнно состоять подъ властью или покровительствомъ котораго либо изъ большихъ сосѣдственныхъ государствъ, не могутъ ограждаться правомъ народности; ибо оно есть для нихъ мнимое и не существующее». По мнѣнію Пестеля, для нихъ самихъ выгоднѣе слиться съ господствующимъ населеніемъ и составить съ нимъ одинъ народъ. Съ другой стороны, сильное государство «не должно противиться враждебными чувствами и дѣйствіями правильному отдѣльному существованію народовъ, могущихъ пользоваться полною политическою независимостью».

Руководясь этою точкою зрѣнія, Пестель утверждаетъ, что Финляндія, Эстляндія, Лифляндія, Курляндія, Бѣлоруссія, Малороссія, Новороссія, Бессарабія, Крымъ, Грузія, весь Кавказъ, земли киргизовъ, всѣ народы сибирскіе и разныя другія племена, обитающія внутри государства, никогда не пользовались «самостоятельною независимостью» и принадлежали или Россіи, или «по временамъ» Швеціи, Даніи, Пруссіи, Польшѣ, Турціи, Персіи, вообще какому нибудь сильному государству, и дѣлаетъ изъ этого выводъ, что «и на будущія времена, по слабости своей» они «никогда не могутъ составлять особыхъ государствъ, а посему и подлежатъ всѣ они праву благоудобства, долженствуя притомъ навѣки отречься отъ права отдѣльной народности» и должны «на вѣчныя времена» оставаться въ составѣ русскаго государства. Пестель не принялъ во вниманіе того, что нѣкоторыя изъ названныхъ имъ областей и племенъ, даже и находясь подъ верховнымъ главенствомъ другого государства, пользовались значительною долею самостоятельности. Такъ Малороссія подъ русскимъ владычествомъ имѣла своихъ гетмановъ и свои войсковыя рады; Грузія знала времена и полной независимости, и значительной самостоятельности подъ покровительствомъ Россіи, Персіи или Турціи: Крымъ, подъ главенствомъ Турціи, имѣлъ своихъ хановъ и собственное управленіе; Курляндія, несмотря на ленную зависимость отъ Польши, имѣла герцоговъ; киргизы и подъ русскимъ верховнымъ владычествомъ управлялись своими ханами. Такимъ образомъ, примѣры, приведенные самимъ Пестелемъ, доказываютъ, что между полною самостоятельностью и совершеннымъ объединеніемъ съ господствующимъ народомъ можетъ быть нѣчто среднее, и что, даже входя въ составъ какого либо государства, извѣстный на-

родъ, извѣстная область, могутъ пользоваться автономіею, самостоятельно рѣшать мѣстныя дѣла. Изъ перечисленныхъ Пестелемъ областей Финляндія даже въ то время составляла великое княжество, которое Сперанскій называлъ «государствомъ» и населеніе котораго оффиціальные акты именовали націею. Если Пестель не захотѣлъ признать за Финляндіею никакой самостоятельности, то это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что ея сеймъ, съ 1809 года ни разу не созывавшійся, былъ основанъ на антипатичномъ для автора «Русской Правды» сословномъ началѣ. Исходя изъ указанной выше точки зрѣнія, онъ предоставлялъ Временному Верховному Правленію присоединить къ Россіи «на вѣчныя времена» Молдавію и незавоеванныя еще части кавказскихъ, киргизскихъ и монгольскихъ земель.

Совершенно иначе относился Пестель къ Польшѣ. Онъ находилъ, что, такъ какъ Польша въ теченіе многихъ вѣковъ была большимъ, самостоятельнымъ государствомъ, то русскій народъ долженъ даровать побѣжденному народу самостоятельность въ то время, когда сама Россія вступитъ въ «новую жизнь». Временному правительству слѣдуетъ разрѣшить дать Польшѣ «независимое, самостоятельное политическое существованіе въ видѣ отдѣльнаго государства». При этомъ слѣдуетъ отдѣлить къ Польшѣ часть западной Россіи [1]) и заключить съ нею тѣсный союзъ на время мира и войны, вслѣдствіе котораго Польша обязалась бы присоединять все свое войско, въ случаѣ войны, къ русской арміи. Но дарованіе Польшѣ независимости возможно лишь при соблюденіи слѣдующихъ трехъ условій: 1) верховная власть должна быть устроена въ Польшѣ такъ же, какъ и въ Россіи; 2) назначеніе и выборъ всѣхъ лицъ и чиновниковъ во всѣ правительственныя учрежденія и присутственныя мѣста должны происходить на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Россіи и 3) всякая аристократія, основанная какъ на богатствѣ, такъ и на «привилегіяхъ и правахъ родовыхъ», должна быть «совершенно, навсегда отвергнута», и весь польскій народъ долженъ составлять такъ же, какъ и русскій одно сословіе. Пестель, въ отличіе отъ Никиты Муравьева, рѣшительно высказывается противъ федеративнаго устройства Россіи [2]).

---

[1]) Пестель предлагалъ всю Гродненскую губернію и Бѣлостокскую область цѣликомъ включить въ составъ Польши, а Виленскую, Минскую и Волынскую губерніи раздѣлить между Польшею и Россіею. Граница между ними, по его мнѣнію, должна была идти отъ Поланген прямо на Динабургъ, затѣмъ Двиною до Полоцка, далѣе рѣкою Улачью (лѣвый притокъ Западной Двины) до Березины, отсюда Березинскою линіею до Припяти, затѣмъ къ г. Острогу Волынской губ и наконецъ къ Карпатскимъ горамъ. См. ниже въ главѣ XII.

[2]) „Федеративными“, по его опредѣленію, „называются тѣ государства, въ которыхъ области, ихъ составляющія, хотя и признаютъ общую надъ собою верховную власть и обязываются совокупно дѣйствовать во всѣхъ сношеніяхъ внѣшнихъ, но при всемъ томъ право свое сохраняютъ законы дѣлать и поста-

По мнѣнію Пестеля, федеративное устройство государства представляетъ слѣдующія неудобства:

1) Верховная власть въ такомъ государствѣ «по существу дѣла не законы даетъ, но только совѣты, ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ посредствомъ областныхъ властей, не имѣя особенныхъ другихъ принудительныхъ средствъ. Ежели же область не захочетъ повиноваться, то, дабы къ повиновенію ее принудить, надобно междоусобную войну завести, [1]) изъ чего явствуетъ, что въ самомъ коренномъ устройствѣ находится уже сѣмя къ разрушенію». Но онъ упускалъ изъ виду, что въ федераціи проводится точная граница между тѣмъ, что устанавливается союзнымъ законодательствомъ, и тѣмъ, что подлежитъ рѣшенію мѣстныхъ штатовъ. Граница эта проводится союзною конституціею, принятою съ согласія всѣхъ составныхъ частей федераціи. „2) Особые законы, особый образъ правленія и особыя отъ того происходящія понятія и образъ мыслей еще болѣе ослабятъ связь между разными областями. На верховную же власть будутъ области смотрѣть, какъ на вещь нудную и непріятную, и каждое областное правительство будетъ разсуждать, что оно бы гораздо лучше устроило государственныя дѣла, въ отношеніи къ своей области, безъ участія верховной власти. Вотъ новое сѣмя къ разрушенію. 3) Каждая область, составляя въ федеративномъ государствѣ, такъ сказать, маленькое отдѣльное государство, слабо къ цѣлому привязано будетъ и даже во время войны можетъ дѣйствовать безъ усердія къ общему составу государства, особенно, если лукавый непріятель будетъ умѣть прельстить ее обѣщаніями о какихъ нибудь особенныхъ для нея выгодахъ и преимуществахъ. Частное благо области, хотя и временное, однако же все-таки сильнѣе дѣйствовать будетъ на воображеніе ея правительства и народа, нежели общее благо всего государства, не приносящее, можетъ быть, въ то время очевидной пользы самой области. 4) Слово государство, при таковомъ образованіи, будетъ слово пустое, ибо никто нигдѣ не будетъ видѣть государства, но всякій вездѣ только свою частную область, и потому любовь къ отечеству будетъ ограничиваться любовью къ одной своей области...

„Что же въ особенности касается до Россіи, то, дабы въ полной мѣрѣ удостовѣриться, до какой степени федеративное образованіе государства

новленія издавать для собственнаго своего внутренняго гражданскаго и политическаго образованія и устроивать свое правленіе по частному своему усмотрѣнію“.

[1]) Пестель не вполнѣ ясно представлялъ себѣ государственное устройство Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и повидимому былъ не знакомъ съ ихъ конституціею 1787 г. М. М. Ковалевскій, „Русская Правда“ Пестеля. „Минувшіе годы“, 1908 г. № 1, стр. 10—14. Брайсъ. Американская республика, I, 17, 485. Это, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что въ шеститомномъ сборникѣ конституцій, изданномъ Дюфо, Дювержье и Гадэ въ Парижѣ въ 1821—23 гг., которымъ вѣроятно пользовался Пестель, были напечатаны декларація независимости Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ 4 іюля 1776 г., правила конфедераціи 9 іюля 1777 г., конституціи отдѣльныхъ штатовъ, регламенты сената и палаты представителей, но, какъ это ни странно, нѣтъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ 17 сентября 1787 г., выработанной на конвентѣ штатовъ Вашингтономъ и депутатами отдѣльныхъ штатовъ Гамильтономъ, Франклиномъ, и др. См. V-й и VI-й тома этого изданія.

было бы для нея пагубно, стоитъ только вспомнить, изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромное государство составлено. Области его не только различными учрежденіями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсѣмъ „различными языками“ говорятъ, совсѣмъ различныя вѣры исповѣдуютъ, жители оныхъ различныя происхожденія имѣютъ, къ различнымъ державамъ нѣкогда принадлежали; и потому, ежели сію разнородность еще болѣе усилить чрезъ федеративное образованіе государства, то легко предвидѣть можно, что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи тогда отложатся, и она скоро потеряетъ тогда не только свое могущество, величіе и силу, но даже можетъ быть и бытіе свое между большими или главными государствами... А посему, соединяя всѣ сіи обстоятельства въ общее соображеніе, постановляется кореннымъ закономъ Россійскаго государства, что всякая мысль о федеративномъ для него устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло. Избѣгать надлежитъ всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно къ таковому устройству государства вести бы могло“.

Пестель счелъ нужнымъ подробно обосновать въ «Русской Правдѣ» свое отрицательное отношеніе къ федеративному строю, въ виду того, что онъ былъ положенъ въ основу конституціи Н. Муравьева. Въ проектѣ, который по мнѣнію Н. Муравьева былъ составленъ въ 1820 г., самъ Пестель высказывался, какъ мы видѣли, за учрежденіе областныхъ представительныхъ собраній. Дѣло въ томъ, что у авторовъ, съ сочиненіями которыхъ онъ былъ знакомъ, онъ могъ встрѣтить сочувственное отношеніе къ федераціи (союзному государству) или къ конфедераціи (союзу государствъ [1]). Кромѣ того, главнымъ аргументомъ въ пользу федеративнаго строя могла быть для него конституція Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, пользовавшаяся большою популярностью среди членовъ тайнаго общества. Пестель измѣнилъ свой взглядъ на федерацію безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ сочиненія Дэтю-де-Траси «Commentaire sur lesprit des lois de Montesquieu», которое, по признанію самого Пестеля, сыграло такую огромную роль въ окончательномъ опредѣленіи его политическаго міросозерцанія. Дэтю-де-Траси говоритъ: «Задавшись мыслью, что республика, какъ демократическая, такъ и аристократическая, можетъ быть только маленькимъ государствомъ, Монтескьё видитъ для нея только одно средство защиты—соединиться съ другими государствами узами федераціи; и онъ очень хвалитъ выгоды федеративнаго строя, который кажется ему возможно лучшимъ изобрѣтеніемъ для сохраненія свободы внѣ и внутри». Безъ сомнѣнія, продолжаетъ Дэтю-де-Траси, «для очень слабаго государства лучше соединиться со многими другими посредствомъ союзовъ или федераціи, которая

[1]) Montesquieu, „L'esprit des lois“, книга IX, глава 1—3; M. Helvétius „De l'homme“ section IX, ch. 4; Holbach „La politique naturelle“, discours VII, § 10; Rousseau „Consideration sur le gouvernement de Pologne“, ch. 5.

является наиболѣе тѣснымъ изъ союзовъ, чѣмъ остаться одинокимъ; но если всѣ эти соединившіяся государства составятъ одно, они конечно станутъ сильнѣе. Это можетъ совершиться посредствомъ представительнаго правленія. Мы благоденствуемъ въ Америкѣ при федеративномъ строѣ [1]), потому что у насъ нѣтъ грозныхъ сосѣдей; но если бы французская республика приняла это государственное устройство, какъ ей предлагали, сомнительно, чтобы она имѣла возможность противостоять всей Европѣ, между тѣмъ она могла это сдѣлать, оставшись *единою* и *нераздѣльною*. Общее правило: государство выигрываетъ въ силѣ, примыкая ко многимъ другимъ; но оно стало бы еще сильнѣе, составивъ съ ними одно государство, и слабѣетъ, раздѣляясь на многія части, какъ бы тѣсно онѣ ни были соединены». Дэтю-де-Траси самъ указываетъ на ту выгодную сторону федеративнаго строя, что онъ благопріятствуетъ болѣе равномѣрному распространенію просвѣщенія и совершенствованію администраціи, такъ какъ, помимо общаго патріотизма, возбуждаетъ патріотизмъ мѣстный, и кромѣ того мѣстные законодатели лучше знаютъ особые интересы ихъ маленькаго штата. Но, «несмотря на эти счастливыя свойства», онъ думаетъ, «что на федераціи, особенно у народовъ древности, слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на опыты и попытки людей, не изобрѣвшихъ еще истиннаго представительнаго строю, и которые сразу пытались достигнуть свободы, спокойствія и могущества, возможныхъ лишь при указанномъ строѣ» [2]).

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній и согласно съ французскою конституціею 1793 г. (п. I), хотя онъ и не упоминаетъ о ней, Пестель призналъ, что Россія должна быть государствомъ въ указанныхъ имъ предѣлахъ «единымъ и нераздѣлимымъ, отвергающимъ притомъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства».

Онъ предлагаетъ раздѣлить Россію на 53 губерніи, изъ которыхъ 50 должны были называться округами, а три удѣлами; 50 округовъ должны были составить 10 областей, по 5 округовъ въ каждой, а удѣлы, не входившіе въ составъ областей, носятъ названія Столичнаго, Донского и Аральскаго. Округа и удѣлы раздѣляются на уѣзды, а уѣзды на волости. Столицею Пестель предлагалъ сдѣлать Нижній Новгородъ, переименовавъ его во Владиміръ. Вся Финляндія входила въ составъ

---

[1]) Сочиненіе Дэтю-де-Траси вышло первоначально въ свѣтъ въ Америкѣ на англійскомъ языкѣ безъ имени автора, который, впрочемъ, никогда не эмигрировалъ въ Америку и не былъ ея гражданиномъ, вопреки мнѣнію Чичерина („Ист. политат. ученій“, т. V, 1902, стр. 328). См. *Mignet* „La vie et les travaux de Destutt-de-Tracy“, „Revue des deux Mondes“, Juin, 1842 г.

[2]) „Commentaire sur l'esprit des lois de Montesquieu“, Paris, 1819, p. 120—122. Возраженія противъ федеративнаго строя Пестель могъ встрѣтить и у Бенжамена Констана. „Cours de politique constitutionnelle“, I, 288.

Чудской области вмѣстѣ съ частью Петербургской губерніи и Олонецкимъ округомъ; весь Остзейскій край былъ включенъ въ составъ Холмской области (областной городъ—Новгородъ); Сибирь образовала особую область; Кавказъ вмѣстѣ съ Астраханскимъ округомъ составлялъ Кавказскую область.

Во второй главѣ «Русской Правды» Пестель разсматриваетъ вопросъ «о племенахъ, Россію населяющихъ». Исходя изъ своей мысли о томъ, что Россія должна быть государствомъ единымъ и нераздѣльнымъ, онъ говоритъ, что «во всѣхъ частяхъ государства» должны существовать «одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же образъ управленія». Онъ, правда, соглашался съ тѣмъ, что иновѣрные «законы духовные», могутъ быть допущены, но «всѣ дѣйствія» ихъ, противорѣчащія духу законовъ христіанскихъ, считалъ необходимымъ запрещать. При единообразіи общихъ «политическихъ законовъ» Пестель допускалъ также разнообразіе «хозяйственныхъ» постановленій для отдѣльныхъ мѣстностей. По «гражданскіе законы», по его мнѣнію, должны быть одинаковы на всемъ пространствѣ государства, такъ какъ они «болѣе всего содѣйствовать будутъ къ дарованію всѣмъ частямъ онаго одинаковаго оттѣнка нравственности» и этимъ создадутъ «крѣпкую и истинно-тѣсную политическую связь въ государствѣ».

Признавая въ Россіи 5 «оттѣнковъ» славянскаго племени, Пестель утверждалъ, что у нихъ: одинъ языкъ, несмотря на различіе нарѣчій, и одна православная вѣра, такъ какъ полагалъ, что число уніатовъ все уменьшается, а католическая вѣра въ частяхъ западной Россіи, которыя не отойдутъ къ Польшѣ, будто бы исповѣдуется не народомъ, а лишь «потомками нѣкоторыхъ пришлецовъ прежнихъ временъ».

Исходя изъ своей идеи политическаго единообразія, Пестель требуетъ, чтобы временное верховное правленіе ввело во всѣ части Финляндіи тѣ законы и тотъ образъ правленія, которые приготовляются въ «Русской Правдѣ» для русскихъ губерній. По его мнѣнію, «сей новый порядокъ будетъ для Финляндіи благодѣтельнѣе и пріятнѣе не только нынѣшняго россійскаго, но и нынѣшняго финляндскаго. Что же касается до языка, то надлежитъ ввести въ Финляндію россійскій языкъ, устраивая нужныя для сего училища и принимая другія, къ той же цѣли ведущія мѣры по усмотрѣнію верховнаго правленія». Въ подтвержденіе своей мысли Пестель ссылался на то, что, когда въ части Финляндіи, присоединенной къ Россіи въ XVIII вѣкѣ, были введены русскіе законы, правленіе и языкъ, то народъ скоро будто бы почти совсѣмъ обрусѣлъ. Но если Пестель ошибался въ своихъ обрусительныхъ стремленіяхъ и слишкомъ мало цѣнилъ значеніе мѣстнаго

языка, то онъ былъ совершенно правъ, утверждая, что введеніе того республиканскаго строя, основаннаго на широкомъ выборномъ началѣ, которое онъ считалъ необходимымъ даровать Россіи, будетъ для большинства жителей Финляндіи «благодѣтельнѣе и пріятнѣе» финляндскаго государственнаго устройства, основаннаго на сословномъ представительствѣ.

Что касается финскаго населенія сѣвера и сѣверо-востока Россіи, то Пестель относился къ нему съ большою гуманностью. «Мало обращено было вниманія», говоритъ онъ, «на дѣйствительное положеніе сихъ маленькихъ народовъ, и отъ того они подъ тягостнымъ угнетеніемъ мѣстныхъ начальствъ находятся и продолжаютъ коснѣть въ нищетѣ и невѣжествѣ». Онъ вмѣнялъ въ «особенную обязанность» временному верховному правленію принять всѣ мѣры «для избавленія сихъ племенъ отъ частнаго ига ихъ правителей и для доставленія имъ средствъ къ улучшенію ихъ состоянія и къ водворенію между ими просвѣщенія, особенно же приложить стараніе насчетъ правильнаго дѣйствія духовнаго чина».

Такъ какъ Пестель служилъ одно время въ Митавѣ, то онъ имѣлъ хорошее понятіе о положеніи латышей. По его словамъ, «находятся они въ состояніи гораздо менѣе благоденственномъ, нежели... крестьяне русскіе, несмотря на мнимую вольность, имъ дарованную». Поэтому онъ ставилъ въ обязанность временному верховному правленію: «1) Большое обратить вниманіе, какъ на ихъ положеніе, такъ и на то обстоятельство, что феодальная система, свирѣпствовавшая столь долгое время на западѣ Европы, даже и сюда гнилые свои корни пустила и 2) всѣ мѣры принять для совершеннаго, окончательнаго искорененія остатковъ феодализма и для приведенія положенія латышей въ согласіе съ коренными правилами, долженствующими служить основаніемъ всякому благому устройству въ государствѣ. А посему нынѣшнее политическое образованіе сихъ губерній имѣетъ быть замѣнено тѣмъ новымъ порядкомъ, который введенъ будетъ въ цѣломъ государствѣ».

Относительно иностранныхъ колонистовъ, поселенныхъ въ Россіи (нѣмцевъ, болгаръ и волоховъ), Пестель предлагалъ сохранить за ними обѣщанныя имъ льготы, но въ то же время «дѣлежъ земель въ каждой волости совершить тѣмъ же образомъ, какъ и въ казенныхъ волостяхъ». Онъ очевидно не зналъ, что въ этихъ двухъ требованіяхъ есть противорѣчіе, такъ какъ надѣленіе землею иностранныхъ колонистовъ при Екатеринѣ II было произведено не на тѣхъ началахъ, какія предлагалъ Пестель (см. ниже), а на основѣ подворнаго землевладѣнія, по 30 десятинъ на семью (въ Новороссіи давалось и болѣе [1]). Но жизнь

[1]) *Клаусъ*. „Наши колоніи“. Спб. 1869 г. т. I. 12, 14—15.

разрѣшила это противорѣчіе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, и часть нѣмецкихъ колонистовъ усвоила русскіе общинные порядки и передѣлы земель, которые были извѣстны Пестелю и которымъ онъ сочувствовалъ.

Онъ считалъ необходимымъ заботиться и объ улучшеніи положенія кочующихъ народовъ и выражалъ желаніе, чтобы они сдѣлались «нашими братьями» и перестали «коснѣть въ жалостномъ своемъ положеніи». Онъ предлагалъ посылать къ нимъ миссіонеровъ съ тѣмъ, чтобы они просвѣщали ихъ «кротостью и убѣжденіемъ», что, какъ извѣстно, плохо осуществлялось на дѣлѣ. Важнѣе другое предложеніе Пестеля— устраивать склады всего необходимаго для удовлетворенія потребностей кочующихъ народовъ и тутъ же хлѣбные магазины съ дозволеніемъ пользоваться хранящимися въ нихъ запасами въ случаѣ нужды въ хлѣбѣ. Когда кочующіе народы перейдутъ къ земледѣлію, должно на общихъ основаніяхъ учредить среди нихъ волости, и тогда эти народы поступятъ «въ общій составъ государственнаго устройства», т. е. получатъ права политическія.

Татарамъ Пестель предлагаетъ запретить многоженство, какъ противное православной вѣрѣ; «содержаніе женъ взаперти», добавляетъ онъ, «есть большая несправедливость противу сей половины рода человѣческаго, а посему и надлежитъ употребить средства кроткія, дабы магометане обычай сей оставили». Онъ говоритъ о предоставленіи татарамъ «всѣхъ *частныхъ*[1]) гражданскихъ правъ наравнѣ съ русскими», но такъ какъ онъ предлагалъ облагать татаръ одинаковыми съ русскими повинностями и «распредѣлить ихъ по волостямъ на основаніи общихъ правилъ», то нужно полагать, что затѣмъ и права политическія имъ предоставлялись. Относительно немирныхъ, «буйныхъ» кавказскихъ племенъ Пестель требуетъ не только рѣшительнаго ихъ покоренія, но даже насильственнаго переселенія внутрь Россіи. Напротивъ, мирные кавказскіе народы слѣдуетъ оставить на ихъ мѣстахъ и «дать имъ россійское правленіе и устройство». Въ параграфѣ, посвященномъ сибирскимъ народамъ, Пестель дѣлаетъ такое замѣчаніе: «самые несчастные народы суть тѣ, которые управляются Американскою Компаніею. Она ихъ угнетаетъ, грабитъ и нимало о существованіи ихъ не заботится, почему и должны непремѣнно сіи народы отъ нея быть совершенно освобождены».

Предъ еврейскимъ вопросомъ Пестель остановился въ нѣкоторомъ раздумьѣ. Во время французской революціи, евреи добились полнаго равноправія во Франціи, которое дано имъ было декретомъ учредитель-

[1]) Курсивъ подлинника.

наго собранія 28 сентября 1791 г. [1]); въ 1796 г. признано было равноправіе евреевъ въ Батавской республикѣ. Въ благопріятномъ смыслѣ измѣнилось положеніе евреевъ и въ тѣхъ государствахъ, которыя образовались въ Германіи волею Наполеона: въ Вестфальскомъ королевствѣ въ 1808 г. евреи были объявлены полноправными гражданами; въ герцогствѣ Баденскомъ въ 1809 г. полноправіе получили евреи, занимающіеся искусствами, науками, болѣе крупною торговлею и имѣющіе фабрики; въ великомъ герцогствѣ Франкфуртскомъ въ 1811 г. они достигли на время равноправія съ остальными гражданами. Въ Пруссіи указомъ 11 марта 1812 г. евреямъ былъ открытъ доступъ ко всѣмъ промышленнымъ занятіямъ, къ учительскимъ и общественнымъ должностямъ, и они избавлены были отъ всѣхъ спеціальныхъ налоговъ, отъ ограниченій ихъ гражданскихъ правъ, но еще не были допущены къ государственной службѣ. Противъ полнаго уравненія ихъ въ правахъ, къ сожалѣнію, раздавались еще нѣкоторыя возраженія [2]). Безъ сомнѣнія, Пестелю было извѣстно, что по польской конституціонной хартіи евреи не получили политическихъ правъ. Жизнь въ юго-западной Россіи дала ему возможность лично наблюдать евреевъ, при чемъ онъ пришелъ къ неблагопріятнымъ заключеніямъ относительно ихъ вліянія на экономическое положеніе крестьянъ [3]). Особенно неодобрительно отнесся онъ къ ихъ полной обособленности и враждебности къ христіанамъ, къ тому, что они, такъ сказать, составляютъ государство въ государствѣ, и нѣкоторыя стороны ихъ жизни, какъ, напр., право не давать рекрутъ натурою [4]) побудило его утверждать, что они пользуются бо́льшими правами,

---

[1]) См. *Дубновъ* „Эмансипація евреевъ во время великой французъ. революціи 1789—91 г.“ 1906 г., стр. 71. О нѣкоторыхъ ограниченіяхъ при Наполеонѣ I см. ст. „Антисемитизмъ“ въ „Еврейской Энциклопедіи“, изд. Ефрона.

[2]) *Гриць*. Исторія евреевъ отъ начала мендельсоновской эпохи до новѣйшаго времени, 1750—1884. Спб. 1884 г., стр. 194, 255, 260, 262; *Goetle*. Das Zeitalter der deutschen Erhebung. 1891, S. 387; *Al. Stern*. Die Entstehung des Ediktes vom 11 März 1812, betreffend der bürg. Verhältn. der Juden in dem preus. Staate въ его Abhand. u. Aktenstücke zur Gesch. der preus. Reformzeit 1807—15. 1885.

[3]) Напротивъ, польскій революціонеръ Валер. Лукасинскій въ изданной имъ въ 1818 г. брошюрѣ по еврейскому вопросу обвинялъ въ разореніи крестьянъ польскую шляхту, эксплоатирующую ихъ при посредствѣ евреевъ. *М. Л. Винницеръ*. „Проекты реформы еврейскаго быта въ герцогствѣ Варшавскомъ и царствѣ Польскомъ“ Сборникъ „Пережитое“, 1908 г., стр. 206—208.

[4]) По за то евреи мѣщане и купцы должны были платить подати вдвое противъ христіанъ (П. С. З. т. XXIII, № 17224, XXIV, №№ 17694, 18015), а за рекрута они обязаны были платить по 500 р. (П. С. З. т. XXIII, № 17249, 17432). При Николаѣ I въ 1827 г. повелѣно было отбывать рекрутскую евреямъ повинность натурою. (2-е П. С. З. т. II, №№ 1329, 1330); *Оршанскій*. „Русск. законод. о евреяхъ“. Спб. 1877 г.: ср. „Рус. Арх.“ 1872 г. т. II, 1752—1754. Въ Царствѣ Польскомъ евреи отбывали рекрутчину. *Askenazy*. Lukasiński, I, 40—41. Евреи говорили, какъ видно изъ дѣла еврея Плонскаго (1821—2 г.), что военная служба противорѣчитъ ихъ религіи, такъ какъ мѣшаетъ военнымъ праздновать субботу. Военноученый Архивъ, Отд. I, № № 398а, л. 14.

нежели христіане, а между тѣмъ они не имѣли даже права повсемѣстнаго въ Россіи жительства.

Пестель былъ враждебно настроенъ относительно евреевъ и выражался о нихъ довольно рѣзко (такой же несимпатичный антисемитизмъ сказывался и у нѣкоторыхъ другихъ декабристовъ). Онъ, впрочемъ, справедливо отмѣчаетъ, какъ одну изъ причинъ низкаго умственнаго уровня евреевъ, ихъ полную зависимость отъ раввиновъ, которые «именемъ вѣры» запрещаютъ имъ чтеніе какихъ бы то ни было книгъ, кромѣ талмуда и нѣкоторыхъ другихъ [1]). Онъ указываетъ на громадную власть раввиновъ надъ ихъ духовною паствою и въ другихъ отношеніяхъ. Тѣмъ болѣе странно, что тѣмъ же раввинамъ онъ отводитъ столь видную роль въ дѣлѣ преобразованія быта евреевъ.

Онъ сдѣлалъ верховному правленію предложеніе: созвать ученѣйшихъ раввиновъ и умнѣйшихъ евреевъ, выслушать ихъ представленія и принять мѣры для устраненія еврейской обособленности. На эту мысль его, вѣроятно, навело собраніе, созванное въ 1806 г. Наполеономъ въ Парижѣ, въ которое префекты избирали наиболѣе выдающихся еврейскихъ раввиновъ и мірянъ, а также собранный въ 1807 г. великій синедріонъ, на $^2/_3$ состоявшій изъ раввиновъ [2]). Пестель не прочь былъ и совсѣмъ освободить Россію отъ еврейскаго населенія и потому дѣлаетъ предложеніе о содѣйствіи евреямъ въ основаніи ихъ собственнаго государства въ Малой Азіи. По его словамъ, «нужно назначить сборный пунктъ для еврейскаго народа и дать нѣсколько войска имъ въ подкрѣпленіе. Ежели всѣ русскіе и польскіе евреи соберутся на одно мѣсто, то ихъ будетъ свыше двухъ милліоновъ. Таковому числу людей, ищущихъ отечества, не трудно будетъ преодолѣть всѣ препоны, какія турки могутъ имъ противопоставить и, пройдя всю европейскую Турцію, перейти въ азіатскую и тамъ, занявъ достаточныя мѣста и земли, устроить особенное еврейское государство. Но такъ какъ сіе исполинское предпріятіе требуетъ особенныхъ обстоятельствъ и истинно геніальной предпріимчивости, то и не можетъ быть оно поставлено въ непремѣнную обязанность временному верховному правленію» [3]).

Извѣстно, что Наполеонъ обратился въ 1799 г. къ азіатскимъ и африканскимъ евреямъ съ воззваніемъ, въ которомъ приглашалъ ихъ стать подъ его знамена и обѣщалъ имъ святую землю и возобновленіе

[1]) Ср. *Гретцъ*, 98, 340.

[2]) *Гретцъ*, стр. 230, 247.

[3]) Правда, Общество для урегулированія еврейской эмиграціи заявляетъ, что за пятилѣтіе 1903—1907 гг. изъ Россіи выселилось болѣе полумилліона евреевъ („Рѣчь“ 1908 г. № 232), но вѣдь при Александрѣ I не было еврейскихъ погромовъ.

іерусалимскаго храма во всемъ его блескѣ [1]). За шесть лѣтъ передъ тѣмъ, нѣмецкій философъ Фихте, враждебно относившійся къ евреямъ, предлагалъ покорить для нихъ обѣтованную землю и отправить туда ихъ всѣхъ [2]).

Предложеніе Пестеля объ основаніи еврейскаго государства было, быть можетъ, навѣяно и стремленіями, сказавшимися тогда до нѣкоторой степени въ самомъ еврейскомъ обществѣ. Такъ, еврей-лютеранинъ Перетцъ, принятый по его показанію, Θ. Н. Глинкою въ Тайное Общество, много говорилъ ему о необходимости основать общество для освобожденія евреевъ, разсѣянныхъ по Россіи и Западной Европѣ и поселенія ихъ въ Крыму или на востокѣ въ видѣ отдѣльнаго народа. Подобною же мыслью задавался отецъ Перетца (винный откупщикъ), но для этого, по ихъ мнѣнію, было необходимо учредить общество капиталистовъ и заручиться содѣйствіемъ ученыхъ людей. Соотвѣтственно этому и Пестель считалъ желательнымъ устройство особаго еврейскаго государства въ Малой Азіи.

Ни польская конституція 1815 г., ни проектъ «Уставной Гра-Новосильцова не предоставляли евреямъ равенства въ политическихъ правахъ съ остальнымъ населеніемъ. Муравьевъ во второй редакціи своего проекта конституціи отказался отъ первоначальной мысли предоставить евреямъ политическія права только въ чертѣ осѣдлости и предложилъ уравнять ихъ въ этомъ отношеніи съ остальнымъ населеніемъ Россіи. Нужно замѣтить, впрочемъ, что, при высокомъ имущественномъ цензѣ, установленномъ его проектомъ конституціи для участія въ прямыхъ выборахъ, лишь ничтожная часть евреевъ могла бы быть выборщиками, хотя они и могли бы быть выбираемы въ депутаты. Пестель высказывается за то, чтобы временное верховное правленіе, выслушавъ мнѣнія «ученѣйшихъ рабиновъ и умнѣйшихъ евреевъ», приняло мѣры для замѣны существующей обособленности евреевъ «такимъ порядкомъ, который бы соотвѣтствовалъ *въ полной мѣрѣ* общимъ кореннымъ правиламъ, имѣющимъ служить основаніемъ политическому зданію россійскаго государства». Такимъ образомъ онъ, повидимому, желалъ распространенія на евреевъ политическихъ правъ, но подъ условіемъ преобразованія ихъ быта, которое онъ поручалъ временному верховному правленію. Нужно помнить, что совершеннымъ государственнымъ строемъ Пестель считалъ лишь тотъ, гдѣ на всемъ пространствѣ государства дѣйствуютъ одни и тѣ же «политическіе законы». Но это

---

[1]) Въ манифестѣ 6 дек. 1806 г. Наполеонъ обвинялся въ намѣреніи возстановить іудейское царство. П. С. З. XXIX, № 22394.

[2]) *Гретцъ*, 197, 208. Авторъ одной польской безымянной брошюры предлагалъ даже насильственно выселять евреевъ на границы Великой Татаріи. *Винницеръ*. „Проекты реформы евр. быта“. Сборн. „Пережитое“, 1908 г., стр. 205.

стремленіе къ уравненію правъ всего населенія Россіи соединялось у него съ стремленіемъ къ общему обрусенію. Онъ полагалъ, что при всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ временное верховное правленіе должно руководствоваться одною цѣлью: чтобы всѣ народы и племена, населяющіе Россію, составили одинъ народъ, чтобы на всемъ пространствѣ государства «господствовалъ одинъ только языкъ россійскій» и чтобы были уничтожены даже имена всѣхъ населяющихъ его племенъ и вездѣ были бы слиты «въ общее названіе русскихъ». Это были конечно мечты, совершенно неосуществимыя, но такая прямолинейность, не останавливающаяся ни передъ какимъ препятствіемъ, хорошо рисуетъ рѣшительный характеръ нашего якобинца [1]).

Третья глава «Русской Правды» посвящена «сословіямъ, въ Россіи обрѣтающимся», при чемъ, принимая нѣкоторые отдѣльные разряды крестьянъ за особыя сословія, онъ насчитывалъ всѣхъ ихъ 12, а именно: духовенство, дворянство, купечество, мѣщанство, казенные крестьяне, вольные землевладѣльцы, военные поселяне, солдатскія дѣти, дворянскіе крестьяне, дворовые люди, заводскіе крестьяне и монастырскіе крестьяне.

«Распредѣленіе народа на сословія, занимающіяся исключительно земледѣліемъ, издѣліемъ» (т. е. промыслами) «и торговлею», говоритъ Пестель, «совершенно отвергнуто политическою экономіею [2]), доказавшею неоспоримымъ образомъ, что каждый человѣкъ долженъ имѣть полную и совершенную свободу заниматься тою отраслью промышленности, отъ которой наиболѣе ожидаетъ для себя выгоды и прибыли».

---

[1]) Членъ общества Соединенныхъ Славянъ Спиридовъ въ своихъ письменныхъ замѣчаніяхъ на „Государственный Завѣтъ“ (см. ниже) „находилъ нелѣпымъ превращеніе“ евреевъ, татаръ и многихъ другихъ народовъ въ русскихъ: онъ полагалъ, что „никогда бы ихъ въ семъ нельзя увѣрить“, такъ какъ это „противно правиламъ ихъ“ вѣроисповѣданія. Спиридовъ предлагалъ составить русское государство изъ однихъ русскихъ губерній, а Сибирь и другія губерніи, жители которыхъ не русскаго происхожденія „оставить въ полной зависимости, лишивъ ихъ права представительства „среди гражданъ Россіи“, но даруя имъ его „внутри своихъ губерній или областей“ (т. е. предоставивъ имъ мѣстную автономію). Законы у нихъ должны быть одинаковые съ русскими. Впрочемъ, по его мнѣнію, всѣ жители нерусскихъ губерній могутъ пользоваться правами гражданъ Россіи, если будутъ имѣть въ ней собственность. Но евреевъ и другихъ нехристіанъ онъ предлагалъ оставить съ тѣми же правами, какія у нихъ были тогда, не дозволяя имъ вступать въ число гражданъ Россіи, хотя бы они и обладали собственностью. Г. А. I В. № 433, л. 23.

[2]) Въ одной французской рукописи Пестеля упоминается имя Сисмонди. Вѣроятно ему было знакомо его сочиненіе „Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population“ par Simonde de Sismondi. P. 1819, 2 vols. Характеристику соціально-экономическихъ воззрѣній этого ученаго, взгляды котораго могли имѣть нѣкоторое вліяніе на Пестеля, см. въ книгѣ *Офруси* „Очерки по политической экономіи“, изд. 2. Спб. 1906. Конечно Пестель былъ знакомъ и съ сочиненіемъ Адама Смита, которое было переведено на русск. яз. и издано въ 1802—6 гг., и совѣтовалъ читать его.

Далѣе онъ высказываетъ мысль, съ которою мы уже знакомы изъ его показанія о развитіи его политическаго міросозерцанія. «Отличительная черта нынѣшняго столѣтія ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристократіею, во время коей начинаетъ возникать аристократія богатствъ, гораздо вреднѣйшая аристократіи феодальной, ибо сія послѣдняя общимъ мнѣніемъ всегда потрясена быть можетъ и слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ отъ общаго мнѣнія зависитъ, между тѣмъ какъ аристократія богатствъ» находитъ въ нихъ орудіе «для своихъ видовъ, противу коихъ общее мнѣніе совершенно безсильно и посредствомъ коихъ она приводитъ весь народъ, какъ уже сказано, въ совершенную отъ себя зависимость».

Мы видѣли, что во введеніи къ «Русской Правдѣ» Пестель «истинною цѣлью государственнаго устройства» считаетъ (слѣдуя Бентаму) «возможно большее благоденствіе *многочисленнѣйшаго числа* людей въ государствѣ». Въ третьей главѣ онъ идетъ даже далѣе и говоритъ, что «гражданскія общества, а слѣдовательно и государства составлены для возможно большаго благоденствія *всѣхъ и каждаго*, а не блага нѣкоторыхъ, за устраненіемъ большинства людей». Онъ утверждаетъ, что «всѣ люди въ государствѣ должны непремѣнно быть передъ закономъ совершенно равны и что всякое постановленіе, нарушающее» это равенство, «есть нестерпимое зловластіе» (тираннія), «долженствующее непремѣнно быть уничтоженнымъ... Сословія тѣмъ еще пагубнѣе, что они только однимъ пристрастіемъ дышатъ, что нѣкоторымъ членамъ народа выгоды даютъ, въ коихъ другимъ отказываютъ безъ всякой причины и безъ всякой для государства пользы, что, для пресыщенія корысти нѣсколькихъ людей, жестокую оказываютъ несправедливость противъ наибольшей части народа, и что противны цѣли государственнаго существованія, состоящей не въ пристрастіи къ малому числу, но въ елико возможно большемъ благоденствіи многочисленнѣйшаго числа людей въ государствѣ. А изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что учрежденіе сословій непремѣнно должно быть уничтожено, что всѣ люди въ государствѣ должны составлять только одно сословіе, могущее называться гражданскимъ и что всѣ граждане въ государствѣ должны имѣть одни и тѣ же права и быть передъ закономъ всѣ равны» [1]).

Духовенство, по мнѣнію Пестеля, должно быть не особымъ сословіемъ, а «частью правительства», чиновниками; дѣти ихъ пользуются одинаковыми правами со всѣми гражданами. Черное духовенство, отказавшись отъ свѣта, не должно занимать должностей по церковному упра-

[1]) Спиридовъ считалъ невозможнымъ уничтоженіе сословій, такъ какъ они существуютъ въ самыхъ маленькихъ республикахъ, существовали въ нихъ и въ древности: онъ полагалъ, что уничтоженное различіе между жителями скоро вновь возстановится вслѣдствіе различія заслугъ, богатства и проч.

вленію, кромѣ монастырей. Въ монахи никто не долженъ поступать ранѣе 60 лѣтъ, а въ бѣлое духовенство ранѣе 40. Духовенство иноземнаго исповѣданія, которое признаетъ надъ собою начальство внѣ Россіи [1]), должно или оставить ее, или отказаться отъ повиновенія своему начальству и прекратить съ нимъ сношенія; монашескимъ же чинамъ иноземныхъ исповѣданій совсѣмъ не дозволяется пребываніе въ Россіи. При университетахъ должны быть особые богословскіе лицеи. Всякій, выдержавшій экзаменъ въ такомъ лицеѣ, можетъ поступить на духовную службу. Находя, что положеніе русскаго духовенства «горько и жалостно», что оно «едва имѣетъ нынѣ насущный хлѣбъ, а въ старости остается безъ всякаго должнаго призрѣнія», Пестель ставитъ въ обязанность временному верховному правленію «всѣ средства употребить для доставленія почтенному россійскому духовенству совершенно приличнаго содержанія». Особенно слѣдуетъ улучшить положеніе приходскихъ священниковъ, «чтобы они не были принуждены сами заниматься земледѣліемъ и безпокоиться о своемъ пропитаніи».

Пестель рѣшительно высказывается за необходимость уничтоженія всѣхъ дворянскихъ преимуществъ: 1) Слѣдуетъ уничтожить «рабство и крѣпостное состояніе» [2]), а также маіораты и право учреждать ихъ, такъ какъ наслѣдство послѣ родителей должно дѣлиться поровну между дѣтьми [3]). 2) Дворяне должны быть обложены податями наравнѣ со всѣми прочими гражданами. 3) Они должны подвергаться тѣмъ же, какъ и остальные преступники, наказаніямъ, не исключая тѣлесныхъ, если они будутъ признаны необходимыми [4]). 4) Дворяне не должны быть избавлены отъ набора ратниковъ, какъ и всѣ другія сословія, по очереди и по жребію, при чемъ наравнѣ со всѣми они могутъ вступать на службу не рядовыми, а офицерами, если выдержатъ извѣстный экзаменъ. На мысль о введеніи всеобщей воинской повинности должны были навести Пестеля подобныя же реформы во Франціи и Пруссіи. Точно также и гражданская служба становится по «Русской Правдѣ» доступною всѣмъ сословіямъ на основаніи общихъ правилъ. 5) Всѣ титулы уничтожаются. Отмѣна названныхъ преимуществъ, которыми пользовались дворяне, приводитъ къ уничтоженію и самаго званія дворянина. Дворяне, подобно всѣмъ прочимъ гражданамъ, расписываются по волостямъ. «Всякое су-

[1]) О вредѣ такой зависимости Пестель могъ найти упоминаніе въ книгѣ Дэтю-де-Траси (стр. 387).

[2]) О взглядахъ Пестеля на вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права см. далѣе въ главѣ XI.

[3]) Мысль объ уничтоженіи маіоратовъ и равномъ раздѣлѣ наслѣдствъ между дѣтьми (срав. ниже) Пестель могъ заимствовать у Дэтю-де-Траси (стр. 58).

[4]) Мысль Пестеля объ уничтоженіи дворянства и равенствѣ наказаній могла быть навѣяна частью французскою конституціею 1791 г., частью сочиненіемъ Дэтю-де-Траси (стр. 298).

ществованіе отдѣльнаго отъ массы народной сословія есть вещь пагубная» [1]). Пестель высказывалъ увѣренность, «что добрые дворяне, истинные сыны отечества, съ удовольствіемъ и радостью примутъ сіе постановленіе... Они будутъ чувствовать, что выгоды, доставляемыя дворянству наравнѣ съ прочими россіянами новымъ государственнымъ порядкомъ, сею Русскою Правдою опредѣляемымъ, несравненно обширнѣе и значительнѣе тѣхъ преимуществъ, коихъ дворянство симъ лишается, и что они слѣдовательно мѣняютъ малое на большое, не говоря уже о томъ, что теряютъ постыдное, а пріобрѣтаютъ похвальное и достойное. Что же касается дворянъ, закоснѣвшихъ въ своихъ враждебныхъ противу массы народной предразсудкахъ и мыслящихъ, что вся Россія для нихъ однихъ существуетъ, то крѣпкую питать можно надежду, что таковыхъ дворянъ окажется весьма мало Однако же ежели, паче чаянія, найдутся таковые недостойные сыны отечества, то противу нихъ надлежитъ принять мѣры рѣшительныя, дабы въ полной мѣрѣ укротить свирѣпый ихъ нравъ и поставить въ невозможность отечеству вредить, хотя бы къ тому и нужными были дѣйствія скорой и непреклонной строгости».

Купеческое и мѣщанское сословія также уничтожаются, и члены ихъ, подобно духовенству и дворянству, приписываются къ волостямъ; гильдіи и цехи уничтожаются.

---

[1]) Въ концѣ третьей главы говорится о дворянствѣ слѣдующее: оно „обязывается подъ руководствомъ Верховнаго Правленія пересмотрѣть свой составъ и проекты объ оном представить“, и лишь всѣ прочія сословія, кромѣ дворянства и духовенства „сливаются въ общее сословіе россійскихъ гражданъ“. Это противорѣчіе объясняется вѣроятно тѣмъ, что, приступивъ къ переработкѣ III главы, Пестель не закончилъ ея. Мы увидимъ ниже варіанты и въ постановленіяхъ о крестьянахъ. Въ самомъ концѣ третьей главы сказано еще слѣдующее: „При семъ надлежитъ замѣтить: 1) что съ уничтоженіемъ сословій и со введеніемъ гражданства всѣ уже граждане одинаковымъ законамъ подлежать будутъ, и что должны они право имѣть земли и вообще всякую движимую и недвижимую собственность пріобрѣтать, но только не крестьянъ, и 2) что люди, оказавшіе отечеству большія услуги, должны быть отличены отъ тѣхъ, которые только объ себѣ думали и только о частномъ своемъ благѣ помышляли. Таковыя лица должны особенными пользоваться правами и преимуществами. Вотъ главное правило, основаніемъ дворянству служащее“. Въ главѣ IV о дворянствѣ сказано, что оно „есть установленіе справедливое, когда основаніемъ своего существованія имѣетъ услуги, имъ отечеству оказываемыя, но когда оно не что иное есть, какъ феодализмъ, подобно какъ сіе во многихъ европейскихъ государствахъ установлено, тогда оно есть зло безразсудное, гибель государству приносящее“. Въ той же главѣ Пестель говоритъ, что „всѣ обязанности политическія на всѣхъ гражданъ вообще одинаковымъ образомъ“ должны „быть распространены. Надлежитъ, однако же замѣтить, что тѣ отличные граждане, которые большія отечеству оказываютъ услуги (дворяне) должны нѣкоторыми особыми преимуществами пользоваться въ видѣ награжденія за ихъ услуги и отъ нѣкоторыхъ тягостнѣйшихъ обязанностей быть освобождены“. Повторяемъ, что эти мѣста „Русской правды“ могли уцѣлѣть только вслѣдствіе неокончательной обработки III и IV главъ.

Однѣ изъ наиболѣе талантливо написанныхъ страницъ «Русской Правды» посвящены вопросу о военныхъ поселеніяхъ [1]).

«Главнѣйшее основаніе предполагаемаго для Россіи гражданскаго бытія», говоритъ Пестель, «состоитъ въ образованіи волостей и въ распредѣленіи всѣхъ россіянъ по волостямъ», не исключая и городского населенія. Казенные крестьяне раздѣляются на государственныхъ или экономическихъ удѣльныхъ и арендныхъ со старостинскими. Всѣмъ имъ слѣдуетъ дать «одинаковое существованіе, образованіе, управленіе и предназначеніе, считая ихъ всѣхъ на одинаковыхъ правилахъ государственнымъ имуществомъ». Всѣхъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ слѣдовало объявить вольными «и никакого рода крѣпости болѣе не подлежащими», и признать ихъ россійскими гражданами. Распредѣливъ ихъ по волостямъ, Пестель предлагалъ раздѣлить всѣ земли въ каждой волости на двѣ равныя части, изъ которыхъ «одну отдать, подъ названіемъ общественной земли, въ собственность волостному обществу, а другую, подъ названіемъ казенной, оставить собственностью казны, входящею въ составъ государственныхъ имуществъ. Общественную землю не должно волостное общество имѣть право ни продавать, ниже закладывать, ибо она есть собственность неприкосновенная. Казна же является въ отношеніи къ казенной землѣ въ видѣ частнаго человѣка и потому казенныя земли продавать можетъ» [2]).

Указавъ на то, что многіе католическіе монастыри въ Россіи еще имѣютъ крестьянъ, Пестель требовалъ присоединенія ихъ къ государственнымъ имуществамъ и принятія относительно нихъ тѣхъ же мѣръ, какъ и для крестьянъ казенныхъ.

Относительно «вольныхъ земледѣльцевъ», къ которымъ Пестель причисляетъ вольныхъ крестьянъ, малороссійскихъ казаковъ, панцырныхъ бояръ, однодворцевъ, колонистовъ и «разныхъ другихъ», онъ го-

[1]) См. далѣе въ главѣ IX.

[2]) Въ другомъ варіантѣ, вѣроятно написанномъ ранѣе, послѣ предписанія раздѣлить земли на двѣ равныя части—общественную и казенную, сказано, что „крестьяне казенныхъ помѣстій или селеній продолжаютъ обработывать, какъ общественныя, такъ и казенныя земли теперешнимъ порядкомъ и платить казнѣ тотъ же оброкъ за оныя, который и нынѣ платятъ. Сей порядокъ будетъ продолжаться 10 или 15 лѣтъ сряду, а послѣ сего срока не будутъ крестьяне никакого оброка платить за общественную землю, а за казенную, которую пожелаютъ для обработыванія на откупѣ взять, будутъ эти деньги платить по назначенію, какое тогда имѣетъ быть сдѣлано. Послѣ 10 или 15 лѣтъ, а если удобно будетъ, то и прежде, когда сей новый порядокъ возымѣетъ существованіе, ходъ и дѣйствіе, будутъ казенные крестьяне пользоваться совершенною свободою и будутъ объявлены совершенно вольными“. Далѣе слѣдовали тѣже правила о неотчуждаемости общественной земли и о правѣ казны продавать свои земли. Если крестьянинъ купитъ у казны какую нибудь землю, то этимъ участкомъ онъ будетъ имѣть право распоряжаться, какъ своею частною собственностью.

воритъ: «Земли, принадлежащія вольнымъ земледѣльцамъ, могутъ на два рода быть раздѣлены: однѣ составляютъ собственность цѣлаго общества или селенія, другія составляютъ собственность частныхъ лицъ». Пестель обязываетъ временное верховное правленіе раздѣлить ихъ земли въ каждой волости «на двѣ половины, изъ коихъ одной быть собственностью общественною, а другой—собственностью частною. Земля общественная имѣетъ принадлежать всему волостному обществу вообще, а земля частная имѣетъ составить отдѣльную собственность частныхъ лицъ»... «Во многихъ селеніяхъ и волостяхъ, населенныхъ вольными земледѣльцами, принадлежитъ нынѣ вся земля или большая часть оной всему обществу вообще, а поелику общественная земля имѣетъ по новому предположенію составлять только половинную часть всей земли волости, то въ таковыхъ волостяхъ, гдѣ общественная земля болѣе половины всей земли составлять будетъ, обязывается Временное Верховное Правленіе отдѣлить отъ общественной собственности ту часть земли, которая половину всей земли волости превышаетъ, и сію отдѣленную часть раздать по равнымъ участкамъ въ вѣчное потомственное владѣніе членамъ того общества вольныхъ земледѣльцевъ, коему вся земля принадлежитъ». Протестуя противъ насильственнаго обращенія крестьянъ въ военныхъ поселянъ, Пестель не понималъ, что обращеніе хотя бы и части общественной земли въ частную собственность будетъ такимъ же насиліемъ и можетъ вызвать кровавыя столкновенія. У однодворцевъ въ то время шелъ совершенно обратный процессъ распространенія общиннаго землевладѣнія на земли, находившіяся во владѣніи подворномъ. «Ежели необходимымъ окажется», продолжаетъ Пестель, «включить въ составъ общественной собственности частную землю какого нибудь вольнаго земледѣльца, то сей вольный земледѣлецъ имѣетъ быть въ полной мѣрѣ за сію землю вознагражденъ или денежною платою, или выдачею ему въ собственность изъ казенныхъ земель такового участка, который бы въ цѣнности своей равнялся участку земли, у него отнятому, всѣ же земли, принадлежащія нынѣ въ частную собственность вольныхъ земледѣльцевъ, коихъ ненужнымъ окажется включить въ общественную волостную собственность, имѣютъ оставаться въ вѣчномъ потомственномъ владѣніи нынѣшнихъ своихъ владѣльцевъ на основаніи общихъ правилъ» [1]).

Всѣхъ казенныхъ заводскихъ крестьянъ, работающихъ на заводахъ, Пестель считалъ необходимымъ «замѣнить людьми вольнонаемными или, что еще лучше, преступниками разнаго рода, распредѣляя ихъ по соображенію важности преступленія и тягости работы», кре-

[1]) Никита Муравьевъ и Н. И. Тургеневъ были совершенно несогласны съ планомъ Пестеля относительно раздѣленія земель.

стьянъ же «обратить въ первобытное земледѣльческое состояніе, устраивая для сего, въ случаѣ надобности, переселенія и составляя изъ нихъ волости на тѣхъ же основаніяхъ», какъ у казенныхъ крестьянъ. Допуская въ интересахъ государства на устроенныхъ уже заводахъ подневольный трудъ преступниковъ, Пестель все же считалъ нужнымъ напомнить, что, какъ извѣстно изъ политической экономіи, «тѣ только издѣлія» (т. е. промыслы) «полезны, которыя заводимы быть могутъ» безъ всякихъ насильственныхъ или принудительныхъ мѣропріятій и которыя слѣдовательно собственнымъ своимъ избыткомъ себя поддерживать могутъ» съ примѣненіемъ вольнонаемнаго труда.

Въ началѣ четвертой главы, разсматривающей народъ «въ политическомъ отношеніи», Пестель говоритъ о распредѣленіи населенія по волостямъ. Въ каждой волости ведутся два списка: одинъ гражданскій, другой «скарбовый» [1]): первый содержитъ въ себѣ имена всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волости, второй—всѣхъ, имѣющихъ въ ней какое либо имѣніе. Одно и то же лицо можетъ значиться въ скарбовыхъ спискахъ нѣсколькихъ волостей, въ гражданскомъ же спискѣ—лишь въ одной волости. Если какой-либо гражданинъ желаетъ перейти изъ членовъ одной волости въ члены другой, то долженъ получить согласіе той, въ которую собирается перейти. Гражданинъ, имѣющій недвижимую собственность, долженъ быть членомъ той волости, гдѣ эта собственность находится и, лишь продавъ ее, онъ можетъ перейти въ другую; имѣющій же недвижимую собственность въ нѣсколькихъ волостяхъ можетъ перечисляться изъ одной въ другую безъ предварительнаго волостного разрѣшенія.

По достиженіи 15 лѣтъ дѣти гражданъ приносятъ присягу отечеству, послѣ чего «волостной предводитель» даетъ обѣдъ, «и весь день посвящается празднеству и увеселеніямъ, такъ чтобы и для всей волости» онъ былъ днемъ «радости и веселія». Такимъ образомъ «недоросли» вступаютъ въ число россійскихъ гражданъ, правами же гражданства они начинаютъ пользоваться только «по достиженіи 20-го года отъ рожденія». Дѣвушки также въ 15 лѣтъ приносятъ присягу, но Пестель нигдѣ не говоритъ о предоставленіи женщинамъ политическаго равноправія [2]). Замѣтимъ, что Дэтю-де-Траси высказался противъ такого равноправія, хотя и указалъ на то, что люди уважаемые, авторитетные были противоположнаго мнѣнія (стр. 177). Вопросъ о политическомъ равноправіи женщинъ былъ поднятъ во Франціи во время ве-

[1]) Польское слово „skarb“ означаетъ—казна, сокровище, богатство; тутъ слово „скарбовый“ можно перевести словомъ „имущественный“.

[2]) Бестужевъ-Рюминъ, излагая въ своемъ показаніи содержаніе „Русской Правды“, прямо говоритъ: „Выборы народные происходили слѣдующимъ образомъ: тысяча душъ *мужскаго пола* уже составляла волость“.

ликой революціи и позднѣе во время революціи 1830 года. Бентамъ лишь въ сочиненіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1830 г., выразилъ мнѣніе о необходимости предоставленія женщинамъ политическихъ правъ [1]).

Пестель указываетъ на существованіе двухъ мнѣній относительно «раздѣленія земель». Одни полагаютъ, что «земля есть общая собственность всего рода человѣческаго, а не частныхъ лицъ, и посему не можетъ она быть раздѣлена между нѣсколькими только людьми, за исключеніемъ прочихъ. Коль скоро существуетъ хоть одинъ человѣкъ, который никакимъ обладаніемъ землею не пользуется, то воля Всевышняго и законъ природы совершенно нарушены и права естественныя и природныя человѣка устранены насиліемъ и зловластіемъ. На семъ соображеніи былъ основанъ извѣстный поземельный законъ римскій, который устанавливалъ частное раздѣленіе земель между всѣми гражданами» [2]). По мнѣнію другихъ, трудъ есть источникъ собственности, и удобрившій землю и сдѣлавшій ее способною «къ произведенію разныхъ произрастеній» долженъ имѣть на нее «исключительное право обладанія». Для процвѣтанія хлѣбопашества нужно много издержекъ, которыя согласится сдѣлать только тотъ, кто будетъ имѣть землю «въ полной своей собственности», и частые переходы земли изъ рукъ въ руки помѣшаютъ усовершенствованію земледѣлія. Поэтому «и должна вся земля быть собственностью нѣсколькихъ людей, хотя бы симъ правиломъ и было большинство людей отъ обладанія землею исключено». Пестель находитъ, что въ обоихъ мнѣніяхъ есть много справедливаго и думаетъ совершенно искусственнымъ способомъ согласить ихъ «обоюдныя выгоды и преимущества» и устранить «обоюдныя несправедливости».

Это средство состоитъ въ раздѣленіи земель каждой волости на двѣ равныя части (какъ это было объяснено въ III главѣ); одна половина получитъ названіе «земли общественной», другая «земли частной». Земля общественная будетъ принадлежать всему волостному обществу и составлять его неприкосновенную собственность; она не можетъ быть ни продана, ни заложена, назначается «для доставленія *необходимаго* [3]) всѣмъ гражданамъ безъ изъятія и будетъ подлежать обладанію всѣхъ

---

[1]) *Чичеринъ* „Ист. политич. ученій“. III,315. Русское гражданство по „Русской Правдѣ“ теряется; „1) приговоромъ суда, 2) вступленіемъ въ иноземное гражданство или подданство, 3) вступленіемъ въ иностранную службу безъ предварительнаго разрѣшенія верховной власти и 4) подаціемъ прошенія объ исключеніи изъ россійскаго гражданства. Временно же оно теряется при вступленіи въ личное услуженіе“.

[2]) О древнеримскомъ землевладѣніи ср. „Очерки изъ экономической и соціальной исторіи древняго міра и среднихъ вѣковъ“. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Изд. М. М. Водовозовой. М. 1899. Обзоръ литературы этого предмета см. въ книгѣ *И. М. Гревса*. „Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно въ періодъ имперіи)“. Т. I. Спб. 1899.

[3]) Курсивъ подлинника.

и каждаго». Частныя земли будутъ принадлежать казнѣ или частнымъ лицамъ, владѣющимъ ими на правѣ полной собственности. Земли, предназначенныя для образованія этой собственности, будутъ служить къ доставленію изобилія [1]). Постановленіе это можетъ быть введено не вдругъ, а постепенно въ продолженіе 15 лѣтъ, и сдѣлать это въ Россіи легче, чѣмъ во всякомъ другомъ государствѣ: у насъ «понятія народныя весьма къ оному склонны», такъ какъ «съ давнихъ временъ» уже привыкли «къ подобному раздѣленію земель на двѣ части».

Относительно общественныхъ земель могутъ быть приняты слѣдующія основныя начала. Общественная земля въ каждой волости должна быть раздѣлена на участки, имѣющіе такую величину, чтобы каждый изъ нихъ могъ доставлять средства къ жизни для одного тягла, т. е., по опредѣленію Пестеля, мужа съ женою и тремя дѣтьми. Участки эти должны раздаваться членамъ волостного общества не въ собственность, а лишь въ пользованіе для обработки на одинъ годъ, послѣ чего участокъ или переходитъ въ другія руки, или утверждается за тѣмъ же хозяиномъ. Каждый членъ волостного общества имѣетъ право требовать столько участковъ, сколько пожелаетъ, но никто не можетъ быть принужденъ къ этому. Это право одинаково распространяется, какъ на гражданъ, имѣющихъ собственныя частныя земли, такъ и на неимѣющихъ ихъ, ибо всѣ они члены волостного общества. Если требуется менѣе участковъ, чѣмъ имѣется, то каждый получаетъ желаемое количество ихъ, а остальные «могутъ отдаваться въ откупъ» (т. е. въ аренду) «постороннимъ лицамъ». Когда требуется участковъ болѣе наличнаго ихъ числа, то остаются неудовлетворенными требованія тѣхъ гражданъ, которые желаютъ получить наибольшое ихъ количество, «такъ что въ семъ случаѣ всегда большія требованія сравниваются съ меньшими. При невозможности удовлетворить равнымъ требованіямъ предпочитаются неимѣющіе частныхъ земель въ своей собственности тѣмъ, которые таковыми землями обладаютъ: пропитывающіеся отъ одного земледѣлія— тѣмъ, которые занимаются еще и другою какою нибудь промышленностью, однимъ словомъ, предпочитается тотъ, кто бѣднѣе». Участки переходятъ изъ рукъ въ руки только въ трехъ случаяхъ: 1) если кто самъ не хочетъ держать участка или пожелаетъ перемѣнить его на свободный; 2) если не можетъ пользоваться прежнимъ числомъ участковъ по при-

[1]) Членъ южнаго общ. Н. А. Крюковъ 2-й задумывался надъ установленіемъ maximum'а размѣра частновладѣльческихъ земель. Сдѣлавъ выписку изъ французскаго перевода біографіи Гракховъ Плутарха, Крюковъ говоритъ въ своихъ наброскахъ: „Всякій гражданинъ имѣетъ право объявить правительству, что такой-то гражданинъ нарушаетъ законъ, обладая свыше позволеннаго имѣніемъ подъ чужимъ именемъ или какимъ бы то ни было другимъ образомъ. Кто достигнетъ до количества положеннаго законами имѣнія и захочетъ имѣть больше того, отрѣшить отъ должностей". Г. А. I В. № 408, л. 19—20.

чинѣ увеличенія требованій и 3) когда лишенъ этого права приговоромъ суда за преступленія или приговоромъ волости за гласный и доказанный развратъ.

Въ каждой волости долженъ быть учрежденъ волостной банкъ, изъ котораго каждый гражданинъ могъ бы получать «вспомоществованіе»; къ нему «полезно присоединить страховое учрежденіе» [1]). Изъ этого банка граждане получаютъ средства, необходимыя на первоначальное обзаведеніе при поступленіи въ «земледѣльческое состояніе».

Когда описанный порядокъ будетъ введенъ въ полной мѣрѣ, продолжаетъ Пестель, каждый «будетъ совершенно въ необходимомъ обезпеченъ и увѣренъ, что въ своей волости всегда клочекъ земли найти можетъ, который ему пропитаніе доставитъ», и онъ будетъ получать его «не отъ милосердія ближнихъ и не отдаваясь въ нихъ зависимость», но отъ трудовъ по обработкѣ земли, принадлежащей ему, какъ члену волостного общества, «наравнѣ съ прочими согражданами. Гдѣ бы онъ ни странствовалъ, гдѣ бы счастья ни искалъ, но всегда въ виду имѣть будетъ, что ежели успѣхи стараніямъ измѣнятъ, то въ волости своей, въ семъ политическомъ своемъ семействѣ, всегда пристанище и хлѣбъ насущный найти можетъ». Каждый гражданинъ Россіи будетъ обладателемъ земли: или имѣя ее въ частной собственности, или имѣя право пользоваться общественною землею, не платя за нее «найма» (т. е. аренды). «Вся Россія будетъ, слѣдовательно, состоять изъ однихъ обладателей земли, и не будетъ у нея ни одного гражданина, который бы не былъ обладателемъ земли». Если кто будетъ заниматься какими либо промыслами или пойдетъ въ услуженіе, или наймется на какую либо работу, то все же будетъ неизмѣнно сохранять свое право на общественную землю. «Посредствомъ политическаго своего семейства» (т. е. своей волости) «будетъ каждый гражданинъ сильнѣе къ цѣлому составу государства приверженъ... каждый будетъ видѣть, что онъ въ государствѣ находится для своего блага, что государство о благоденствіи каждаго помышляетъ, каждый будетъ чувствовать, что онъ подати платить и повинности несетъ для цѣли ему близкой и для собственнаго своего блага». Каждый человѣкъ при своихъ сношеніяхъ съ правительствомъ будетъ находить въ другихъ членахъ волости защиту противъ «всякаго зловластія», вся волость будетъ вступаться за каждаго. Такимъ образомъ «установится правильное и законное противоборство частному деспотизму». Все это Пестель выразилъ въ заключеніе словомъ «solidarité» [2]). Имѣя въ виду всѣ благодѣтельныя послѣдствія установленія

---

[1]) Уставъ Союза Благоденствія также предлагаетъ устраивать „*страховые приказы* для несчастныхъ случаевъ“.

[2]) Въ сокращенномъ изложеніи „Русской Правды“, подъ названіемъ „Кон-

волостныхъ обществъ и общественныхъ земель, онъ обязывалъ верховное правленіе непремѣнно ввести ихъ и не останавливаться передъ связанными съ этимъ трудностями.

Въ приведенномъ выше показаніи Пестеля подробно обрисовано происхожденіе его политическихъ идей; интересно было бы опредѣлить источники и его соціальныхъ воззрѣній, и особенно наиболѣе важной части ихъ—программы поземельной реформы. Нужно думать, что въ основу ихъ легли личныя наблюденія надъ нашимъ общиннымъ землевладѣніемъ (родители Пестеля имѣли помѣстье въ Смоленской губ.) [1]), нѣкоторыя же свѣдѣнія о немъ онъ могъ почерпнуть и изъ литературныхъ источниковъ [2]). По столь же важнымъ, если не болѣе вліятельнымъ источникомъ его воззрѣній должны были быть произведенія западноевропейскихъ литературъ, изъ которыхъ Пестель, конечно, могъ почерпнуть лишь нѣкоторыя общія идеи, повліявшія на созданіе его плана аграрной реформы.

Пестель не могъ не изучить основательно сочиненія Монтескье «О духѣ законовъ» уже потому, что трудъ Дэтю-де-Траси, сыгравшій огромную роль въ развитіи политическаго міросозерцанія Пестеля, представлялъ комментарій на это сочиненіе. Въ трудѣ Монтескьё Пестель могъ найти нѣкоторыя идеи, которыя, несмотря на то, что въ XVIII вѣкѣ еще не было извѣстно самое слово «соціализмъ», нельзя не признать соціалистическими, частью даже коммунистическими, хотя въ то же время въ современномъ ему государствѣ онъ рекомендуетъ уваженіе къ собственности (кн. XXVI, гл. 15). Монтескьё относится совершенно сочувственно къ законодательству Ликурга и дивится «силѣ генія», которымъ должны были обладать Ликургъ, составитель законовъ Крита, послужившихъ образцомъ для Лакедемона, и философъ Платонъ, законодательные проекты котораго онъ называетъ «исправленнымъ изданіемъ» законовъ спартанскихъ. Монтескьё сочувственно относится и къ тому устройству, которое іезуиты ввели въ Парагваѣ, гдѣ продукты труда индѣйцевъ складывались въ магазины, изъ которыхъ они снабжались всѣмъ необходимымъ. «Желая создать подобныя учрежденія», говоритъ Монтескьё, «нужно установить

ституція Государственный Завѣтъ“, Пестель перевелъ слова „principe de la solidarté“: „правило совокупной стоятельности“.

[1]) Воспоминанія крестьянина Маіорова объ отношеніи къ крестьянамъ братьевъ Пестелей въ будто бы принадлежавшемъ имъ имѣніи въ Вязниковскомъ у. Владимірской губ., («Былое», 1906 г № 5) возбуждаютъ сомнѣніе. Изъ формуляра Пестеля видно, что онъ крестьянъ не имѣлъ (Гос. Арх. I В. № 394, л. 111); брата его звали не Б. П., а Владиміромъ, изъ формуляра же В. И. Пестеля видно, что у него было въ царствованіе имп. Николая 300 душъ въ Витебскомъ уѣздѣ. „Сборникъ біографій кавалергардовъ“. 1801—1826. Сост. подъ ред. *С. А. Панчулидзева*, стр. 259.

[2]) Напримѣръ изъ „Примѣчаній“ Болтина на книгу Леклерка (II, 341—342) и статьи Дурасова въ „Трудахъ Вольнаго Экономич. Общества“ 1821 г., стр. 72.

общность имущества республики Платона,... нужно поручить веденіе торговли государству, а не отдѣльнымъ гражданамъ;... учрежденія подобнаго рода могутъ быть умѣстны въ республикахъ» (кн. IV, гл. 6—7). «Нѣкоторые древніе законодатели, какъ Ликургъ и Ромулъ», говоритъ далѣе Монтескьё, «раздѣлили земли поровну. Это могло произойти лишь при основаніи новой республики, или когда старая была до того испорчена и состояніе умовъ въ ней было таково, что бѣдные были поставлены въ необходимость домогаться подобнаго средства, а богатые допустить его». Но Монтескьё замѣчаетъ, что «если законодатель, совершивши такой раздѣлъ, не установитъ особыхъ законовъ для его охраненія, то созданіе его будетъ недолговѣчно». По его словамъ, «въ благоустроенной демократіи земельные участки должны быть не только равными, но еще и очень небольшими, какъ у римлянъ. «Не дай Богъ, говорилъ Курій своимъ воинамъ, чтобы гражданинъ почиталъ слишкомъ малымъ кусокъ земли, достаточный для прокормленія человѣка!» Однако Монтескьё оговаривается, что «равный раздѣлъ земель возможенъ не для всѣхъ демократій. Есть обстоятельства, когда такая мѣра была бы неудобоисполнима, опасна и даже могла бы поколебать государственное устройство. Не всегда необходимо прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. И если этотъ раздѣлъ, цѣль котораго охраненіе нравовъ, окажется неподходящимъ для какой нибудь демократіи, то надо обратиться къ другимъ средствамъ» (кн. V, гл. 5—7). Въ другомъ мѣстѣ Монтескьё говоритъ: «Законы о новомъ раздѣлѣ земель, которыхъ такъ настойчиво домогались въ нѣкоторыхъ республикахъ, были по природѣ своей очень благодѣтельны. Они были опасны лишь какъ дѣйствіе внезапное (кн. VII, гл. 2).

Монтескьё полагалъ, что «республика, по своей природѣ, требуетъ небольшой территоріи, иначе она не удержится» (кн. VIII, гл. 16), но не слѣдуетъ думать, что нѣкоторыя соціалистическія идеи, по его мнѣнію, осуществимы лишь въ республикахъ. И въ большихъ государствахъ онъ признаетъ право на трудъ, право на обезпеченіе средствъ къ существованію. Въ главѣ «О богадѣльняхъ» онъ говоритъ: «Человѣкъ впадаетъ въ нищету не потому, что у него нѣтъ собственности, а потому, что онъ не работаетъ... Раздача милостыни отъ времени до времени нищему никакъ не исчерпываетъ обязанностей государства: на немъ лежитъ долгъ обезпечить всѣмъ гражданамъ надежныя средства къ существованію,—пищу, приличную одежду и родъ жизни, не вредящій здоровью» (кн. XXIII, гл. 29) [1]).

Пестель былъ знакомъ съ сочиненіями Ж. Ж. Руссо. Извѣстно

[1]) *Монтескьё.* „О духѣ законовъ“. Пер. съ франц. подъ ред. А. Г. Гоголь-фельда, со вступит. статьей М. М. Ковалевскаго. Изд. Л. Ѳ. Пантелѣева. Спб. 1900 г.

знаменитое мѣсто противъ поземельной собственности въ началѣ второй части его «Разсужденія о происхожденіи неравенства среди людей» [1]). Что касается современнаго государства, то, признавая въ немъ право собственности, Руссо однако замѣчаетъ въ «Общественномъ договорѣ», что первый, занимающій свободную землю долженъ захватывать лишь количество, необходимое для его жизни и которое онъ можетъ обработать [2]). Онъ утверждаетъ также въ «Эмилѣ», что верховная власть, принадлежащая народу, не должна нарушать права собственности ни отдѣльнаго лица, ни многихъ лицъ, но она можетъ завладѣть имуществомъ всѣхъ, какъ это совершилось въ Спартѣ во времена Ликурга [3]).

Съ другой стороны, въ сочиненіяхъ авторовъ ему извѣстныхъ (у Гельвеція, Гольбаха и Бентама). Пестель могъ найти мысли о невозможности равенства имуществъ [4]).

Мы видѣли, какимъ образомъ Пестель пытался примирить два противоположные взгляда на поземельную собственность. Начитанность его, конечно, не ограничивается тѣми сочиненіями, изъ которыхъ были сдѣланы выписки въ его небольшой записной книжкѣ или названія которыхъ сохранились въ другихъ его рукописяхъ и въ показаніяхъ на слѣдствіи (есть показаніе, что часть этихъ рукописей была уничтожена въ ожиданіи обыска). Было уже приведено свидѣтельство Лорера объ очень большой библіотекѣ Пестеля; его знакомству съ иностранною литературою должно было содѣйствовать и первоначальное воспитаніе въ Дрезденѣ (1805—1810 гг.), и участіе въ заграничномъ походѣ русской арміи въ 1813—1815 гг., и служба въ Митавѣ въ 1817—18 гг.

Къ числу сочиненій западно-европейской литературы, близкихъ по идеямъ къ аграрной программѣ «Русской Правды» Пестеля, относится брошюра, принадлежащая, по мнѣнію извѣстнаго историка французской революціи Олара, перу аббата де-Курнана, подъ заглави-

---

[1]) *J. J. Rousseau* „Contrat social". P., edit. Garnier p. 67, 79—80, 88.

[2]) Ibid., 252

[3]) *Lichtenberger*. „Le Socialisme au XVIII siècle", Paris. 1895 г., p. 160. Ср. *Поль Луи* „Исторія соціализма во Франціи", М. 1906 г., стр. 17—24. Вѣроятно Пестелю было извѣстно сочиненіе „Code de la nature", прежде приписываемое Дидро и печатавшееся въ собраніи его сочиненій, но принадлежащее Морелли, въ которомъ было сказано, что каждый городъ (cité) долженъ имѣть извѣстное пространство земли не въ собственность, но лишь для того, чтобы обезпечить существованіе его жителей и дать занятіе тѣмъ, которымъ будетъ поручена обработка земли. Земледѣліе было обязательно въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ. Морелли допускалъ однако частную собственность относительно вещей, нужныхъ для ежедневнаго употребленія. *Morelli*. „Code de la nature", P., 1841 г. p. 152, 155, 156.

[4]) *D'Holbach* Système social, I Partie, ch. XII; „La politique naturelle", Disc. I, § 10, 11, *Бентамъ* „Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи". Спб. 1806 г. т II, 66—67, *Helvétius*, De „l'homme", Sect. VI, ch. X, XI.

емъ: «О собственности, или дѣло бѣдныхъ, защищаемое передъ трибуналомъ разума, справедливости и истины» (1791 г.) [1]). Авторъ излагаетъ въ ней слѣдующій проектъ «аграрнаго закона» [2]). Онъ предполагаетъ, что во Франціи находится 25.000 кв. лье обработанныхъ земель и около 21 или 22 милліоновъ жителей, что составляетъ по 7 арпановъ на человѣка (арпанъ нѣсколько менѣе $^1/_2$ десятины). Авторъ стоитъ за равный раздѣлъ земли между всѣми гражданами. До такого раздѣла онъ предлагаетъ отдѣлить отъ каждаго кв. лье $^1/_3$ земель, которая вошла бы въ составъ государственнаго земельнаго фонда, «откуда нарѣзался бы каждому, при его рожденіи, участокъ, необходимый для его существованія, и куда этотъ участокъ возвращался бы немедленно послѣ его смерти». Эти земли сдавались бы въ аренду отъ государства и приносили бы около 500 милліоновъ арендной платы, которые и покрывали бы всѣ расходы государства. При равномъ раздѣлѣ остальныхъ $^2/_3$ земель, каждый получилъ бы въ свое распоряженіе участокъ болѣе $4^1/_2$ арпановъ, свободный отъ всѣхъ налоговъ. Каждый французъ, при достиженіи 20-лѣтняго возраста, вынималъ бы жребій на свой участокъ; мужъ вынималъ бы жребій за жену, отецъ—за своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей. Можно было бы сдавать въ наемъ и арендовать эти участки, но только не отчуждать ихъ и не передавать по наслѣдству. Напротивъ, движимую собственность можно было бы по прежнему отчуждать и наслѣдовать. Авторъ замѣчаетъ, что если бы Національное Собраніе побоялось слишкомъ рѣзкаго перехода къ новому поземельному строю, то оно могло бы осуществлять эту систему постепенно, по мѣрѣ вымиранія собственниковъ» [3]).

Англійскій писатель Чарльзъ Голль (Hall) въ своемъ сочиненіи «Дѣйствіе цивилизаціи на народъ въ европейскихъ государствахъ», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1805 г., предлагаетъ слѣдующую мѣру для измѣненія существующаго несправедливаго общественнаго порядка. Государство должно взять въ свою собственность всю землю и раздѣлить

---

[1]) Это слово во время французской революціи соотвѣтствовало теперешнему слову „соціализмъ“. *Олар* „Политич. истор. фр. револ.“, М. 1902 г., стр. 61, 543, 545—546.

[2]) Аббатъ Antoine de Cournand (1747—1814) былъ профессоромъ литературы въ Collège de France. Онъ вполнѣ сочувственно относился къ революціи, въ 1790 г. принялъ конституціонную присягу, а въ 1791 г. женился. Изъ воспоминаній Н. А. Раевскаго („Ист Вѣстн.“ 1905 г. № 8) видно, что въ 1825 г. въ Петербургѣ имѣли пансіонъ три брата de Cournand; одинъ изъ нихъ, человѣкъ „честный и дѣльный“, обучалъ древнимъ языкамъ. Быть можетъ, это были дѣти Антуана де Курнана (одинъ изъ нихъ даже носилъ имя Антуана). Если это такъ, то у нихъ могли быть сочиненія отца, и это могло облегчить знакомство съ ними Пестеля.

[3]) *Олар*, стр. 112, 113. Ср. *Лихтенберже* „Соціализмъ и французская революція“. Спб. 1907 г., стр. 70—72. О взглядахъ абб. Фоше на аграрный вопросъ см. у меня выше, стр. 403.

ее на участки между семействами, смотря по числу ихъ членовъ. Такъ какъ величина семействъ измѣняется не одинаково, то *отъ времени до времени должны происходить новые передѣлы земли.* Земельный участокъ долженъ быть неотчуждаемымъ, а въ случаѣ вымиранія семьи возвращаться въ собственность государства [1]).

Нельзя доказать, что сочиненія де-Курнана и Голля были извѣстны Пестелю, хотя въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: такъ, напр., одно изъ сочиненій Роберта Оуэна уже имѣлъ декабристъ кн. Ѳ. П. Шаховской (какъ видно изъ описи книгъ, взятыхъ имъ въ крѣпость). Во всякомъ случаѣ, характерно, что даже въ странахъ съ совершенно инымъ поземельнымъ строемъ проявлялись теченія, до нѣкоторой степени сходныя съ тѣмъ, что высказывалъ Пестель въ «Русской Правдѣ» относительно поземельной реформы.

Сочиненіе Голля, по всей вѣроятности, не было извѣстно Пестелю, но слѣдуетъ отмѣтить возможность вліянія въ этомъ отношеніи идей карбонаризма. Въ катихизисѣ карбонаріевъ, найденномъ во время обыска послѣ ареста Оробони сказано, что великая задача, рѣшенію которой долженъ содѣйствовать всѣми силами, даже цѣною жизни каждый карбонарій, изданіе аграрныхъ законовъ, безъ которыхъ не можетъ быть свободы, такъ какъ частная собственность есть посягательство на права рода человѣческаго. Полагаютъ, что эти мысли внушилъ Буонаротти [2]).

Далѣе, въ четвертой главѣ, Пестель доказываетъ необходимость представительнаго правленія, къ «которому всѣ народы съ такимъ пламеннымъ желаніемъ стремятся», и затѣмъ переходитъ къ вопросу о томъ, какъ организовать это представительство въ Россіи такимъ образомъ, чтобы была удалена «даже тѣнь аристократическаго порядка», какъ «феодальнаго», такъ и основаннаго на богатствѣ.

Народныя собранія должны быть двухъ родовъ: земскія и намѣстныя. Земскія народныя собранія (по одному въ каждой волости) состоятъ изъ всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волости по гражданскому списку и занимаются выборами «въ члены намѣстныхъ народныхъ собраній», руководствуясь только «довѣріемъ къ избираемымъ лицамъ» (слѣдовательно никакого особаго имущественнаго ценза, кромѣ предоставленнаго всѣмъ права пользованія общественною землею, ни для

---

[1]) *A. Menger.* Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. 1891, 47, 49. Не слѣдуетъ удивляться предложенію автора о производеніи земельныхъ передѣловъ. Въ то время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи сохранились остатки общиннаго землевладѣнія, причемъ или передѣлу ежегодно подвергались одни луга, или передѣлялась и пахотная земля, но только не каждый годъ, и получившій по жребію участокъ пашни удерживалъ его на время одного сѣвооборота. *Пассе,* „О средневѣковомъ общинномъ землевладѣніи и огораживаніи полей въ Англіи въ XVI в." Перев. подъ редакц. Азаревича. Ярославль. 1878 г., стр. 14—16.

[2]) „Archivio storico italiano", t. XXXV, 1905 г., 481.

участія въ выборахъ, ни для права быть выбраннымъ не требуется) [1]. Засѣданія земскихъ народныхъ собраній должны продолжаться не болѣе 6 дней. Намѣстныя народныя собранія «занимаются всѣми дѣлами, народному соучастію предоставленными» и бываютъ трехъ степеней: волостныя, уѣздныя и окружныя, или губернскія. Каждое земское (волостное) собраніе «назначаетъ» (т. е. избираетъ) всѣхъ членовъ (отъ 100 до 200 чел.) въ свое намѣстное волостное собраніе, и по нѣскольку членовъ въ уѣздное и окружное, или губернское, слѣдовательно члены всѣхъ этихъ намѣстныхъ собраній избираются прямыми выборами. Выборы въ намѣстныя собранія производятся ежегодно, но дозволяется переизбраніе тѣхъ же лицъ. Каждое волостное и уѣздное намѣстное собраніе выслушиваютъ отчетъ волостного и уѣзднаго правленія, принимаютъ и разсматриваютъ жалобы на нихъ, замѣщаютъ вакантныя мѣста въ волостныхъ и уѣздныхъ правленіяхъ «выборомъ новыхъ чиновниковъ и присяжныхъ или утвержденіемъ прежнихъ», занимаются дѣлами, касающимися волости или уѣзда, «разрѣшаютъ различныя предпріятія для общественной пользы, раздаютъ въ волостяхъ общественныя земли» и проч. Окружныя намѣстныя собранія, кромѣ того выбираютъ народныхъ представителей въ народное вѣче. Слѣдовательно выборы въ это «верховное законодательное» учрежденіе двустепенные [2].

Въ главѣ пятой «Русской Правды» Пестель говоритъ «о народѣ въ гражданскомъ отношеніи». Онъ разсматриваетъ здѣсь сначала правила родства, родительской власти, брака и его расторженія. Право собственности онъ признаетъ священнымъ и неприкосновеннымъ; лишать его для блага общаго онъ считаетъ въ этой главѣ возможнымъ

---

[1] Дэтю-де-Траси также высказывается за участіе въ выборахъ всѣхъ, кромѣ женщинъ, людей слишкомъ престарѣлыхъ, лишенныхъ избирательныхъ правъ по суду и, „быть можетъ“, тѣхъ, которые добровольно приняли на себя обязанности, дѣлающія ихъ зависимыми отъ другихъ (р. 176—178). Мы видѣли выше (стр. 530), что по „Русской Правдѣ“ поступившіе въ услуженіе временно лишаются правъ гражданства, т. е. политическихъ правъ.

[2] Бестужевъ-Рюминъ, давая показаніе о собраніи членовъ Южнаго Общества въ Кіевѣ во время „контрактовъ“ (ярмарки) 1823 г., отмѣчаетъ, что Пестель поставилъ вопросъ о томъ, „будутъ ли выборы прямые или косвенные (т. е. двухстепенные). С. Муравьевъ-Апостолъ отвѣчалъ, что предпочитаетъ прямые, „основанные на собственности“ (т. е. имущественномъ цензѣ); къ его мнѣнію присоединился и Бестужевъ-Рюминъ. Но Пестель, Юшневскій и Давыдовъ отстаивали „косвенные“ (т. е. двустепенные) выборы. Гос. Арх. I В. № 396, л. 130. Никита Муравьевъ былъ совершенно не согласенъ съ избирательной системой Пестеля и возражалъ противъ нея. Двустепенные выборы были установлены во Франціи декретомъ 22 декабря 1789 г. и сохранены конституціею 3 сентября 1791 г. Конституціею 24 іюня 1793 г. вводились было прямые выборы, но по конституціи 1795 г. возстановлены выборы двустепенные, которые установлялись и хартіею 1814 г. (ст. 35). Дэтю-де-Траси высказывается также за двустепенные выборы (р. 179—180).

только за полное вознагражденіе [1]). Конфискація имущества въ пользу казны никогда существовать не должна. Наслѣдованіе онъ допускаетъ, но не по завѣщанію, а только по закону, при чемъ оставшійся въ живыхъ супругъ наслѣдуетъ половину движимаго и недвижимаго имущества, а другая половина раздѣляется между остальными наслѣдниками, при чемъ сыновья и дочери получаютъ равныя части. Выморочное имѣніе продается съ публичнаго торга, и вырученныя деньги поступаютъ въ банкъ или въ казну той волости, гдѣ находится имѣніе. Далѣе, Пестель говоритъ о гражданскихъ договорахъ.

Признавая личную свободу «первымъ и важнѣйшимъ правомъ каждаго гражданина», онъ устанавливаетъ правило, что никто изъ гражданъ не долженъ быть лишенъ свободы «иначе, какъ законнымъ образомъ и законнымъ порядкомъ», подъ опасеніемъ «строжайшей отвѣтственности». Въ домъ гражданина никто не можетъ войти безъ его согласія, а взятъ подъ стражу онъ можетъ быть только на основаніи письменнаго предписанія отъ волостного правленія или высшаго мѣстнаго начальства съ указаніемъ причины. Впрочемъ, на улицѣ арестъ можетъ быть произведенъ безъ письменнаго предписанія, но о причинахъ задержанія должно быть письменно объявлено арестованному до истеченія 24 часовъ, въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть немедленно освобожденъ. Содержащійся подъ стражею можетъ имѣть свиданіе со всѣми, съ кѣмъ пожелаетъ, и лишается этого права только «въ самыхъ важнѣйшихъ случаяхъ... съ письменнымъ объявленіемъ о причинахъ».

«Никто не можетъ быть судимъ инымъ порядкомъ, какъ обыкновеннымъ законнымъ судебнымъ и въ томъ именно мѣстѣ, которое закономъ опредѣлено и назначено; посему никогда не должны никакія чрезвычайныя судебныя коммиссіи или чрезвычайные суды быть учреждаемы, ниже въ какомъ бы то ни было случаѣ законный судебный порядокъ быть для какихъ бы то ни было причинъ нарушаемъ». Военные подлежатъ военному суду только за воинскія преступленія.

Волостное правленіе и намѣстное собраніе имѣютъ право заступаться за членовъ своихъ волостей въ случаѣ нарушенія указанныхъ выше правилъ, и высшее начальство обязано произвести слѣдствіе и дать полное удовлетвореніе.

Повинности населенія въ пользу казны Пестель раздѣляетъ на два рода: 1) личныя и вещественныя и 2) денежныя. Пестель утверждаетъ, что «чѣмъ совершеннѣе благоденствіе государства», тѣмъ менѣе существуетъ въ немъ повинностей перваго рода, и потому ставитъ въ

[1]) Однако въ своихъ предположеніяхъ относительно освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ Пестель допускалъ отступленіе отъ этого правила.

обязанность верховному правленію изыскивать всѣ средства для превращенія личныхъ и вещественныхъ повинностей въ денежные сборы. Самыми тягостными личными повинностями, кромѣ рекрутчины, Пестель считаетъ исправленіе дорогъ, дѣйствительно крайне обременительное для крестьянъ при Александрѣ I, и сопровожденіе колодниковъ и арестантовъ. Самыя тягостныя вещественныя повинности, которыя нужно стараться уничтожить и допускать ихъ лишь въ крайности,—квартированіе войскъ, продовольствованіе ихъ обывателями, содержаніе почтъ, принудительныя поставки и тому подобное [1]). Другія повинности, какъ, напр., составленіе и обновленіе запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, общественные склады для оптовой продажи зерновыхъ хлѣбовъ «въ пользу общественной казны или общественныхъ заведеній» и т. п., «иногда весьма полезны». Третьи, какъ, напр., ясакъ кочующихъ народовъ, бываютъ неизбѣжны. Прямыя повинности должны быть взимаемы съ имущества гражданъ, а не съ лицъ, почему и слѣдуетъ замѣнить подушныя подати другими налогами [2]).

Налоги по мнѣнію Пестеля, должны быть взимаемы съ имущества гражданъ уравнительно [3]), такъ, чтобы изъ «прибытковъ» каждаго имущества уплачивалась $^1/_{10}$, $^1/_{20}$ или другая опредѣленная доля. Налоги должны падать не на капиталы, а только на чистую прибыль съ нихъ [4]). Косвенными налогами слѣдуетъ возможно менѣе обременять предметы первой необходимости [5]), и цѣна соли должна быть весьма сильно уменьшена. «Русская Правда» устанавливаетъ всеобщую воинскую повинность (см. ниже, гл. IX).

Каждый гражданинъ имѣетъ право на занятіе всѣхъ должностей на государственной службѣ.

Граждане обязаны не только не повиноваться тѣмъ «законода-

---

[1]) А. А. Бестужевъ въ письмѣ изъ крѣпости къ имп. Николаю также указывалъ на желательность освобожденія крестьянъ „почти отъ всѣхъ земскихъ повинностей“. *Бороздинъ*, 41. И Батеньковъ высказывалъ среди членовъ тайнаго общества мысль о желательности „уничтоженія тягостныхъ народу и исполненныхъ злоупотребленій земскихъ повинностей“. *Довнаръ-Запольскій*. „Мемуары декабристовъ“, 173.

[2]) Извѣстно, что уничтоженіе подушной подати совершилось у насъ лишь законами 1882 и 1885 гг.; но еще И. И. Тургеневъ въ своей книгѣ „Опытъ теоріи налоговъ“ (изд. 2, стр. 120—121) говорилъ, что подушные налоги составляютъ „слѣды необразованности“.

[3]) И. И. Тургеневъ также стоитъ за то, чтобы и дворянство не было освобождено отъ налоговъ (стр. 22—23, 26—27, 50—51).

[4]) Тургеневъ также утверждаетъ, что налогъ долженъ всегда быть взимаемъ... съ чистаго дохода“ (стр. 36—37, 126—127).

[5]) Тургеневъ въ своей книгѣ о налогахъ говоритъ: „Желательно, чтобы предметы, необходимые для жизни, были всегда свободны отъ налоговъ, но сего никогда не бываетъ“, потому что эти предметы потребляются всѣми и должны приносить правительству доходъ (изд. 2, стр. 134).

тельнымъ изреченіямъ или опредѣленіямъ», которыя «посмѣютъ» издавать правительственныя мѣста, не имѣющія права на составленіе законовъ, но даже противиться имъ «совокупными силами» и дѣйствіе ихъ всячески останавливать «до разрѣшенія верховной власти» [1]).

Пестель допускаетъ, чтобы отецъ воспитывалъ дѣтей дома, а если онъ этого не можетъ, то долженъ отдавать ихъ въ учебныя заведенія, учрежденныя правительствомъ [2]); частнымъ же лицамъ онъ не предоставлялъ права устраивать пансіоны и другія учебныя заведенія, полагая, что правительственный надзоръ за ними будетъ всегда «слабъ и недостаточенъ». Онъ утверждалъ также, что всякія частныя общества, какъ открытыя, такъ и тайныя, должны быть совершенно запрещены, потому что, по его мнѣнію, первыя безполезны, а послѣднія вредны. Первыя безполезны потому, что они могутъ касаться предметовъ, входящихъ въ кругъ дѣйствія правительства, безполезны «особенно при существованіи волостныхъ обществъ», вторыя—потому, что, касаясь предметовъ, которые не могутъ быть сдѣланы гласными, они должны быть признаны зловредными, такъ какъ государственный порядокъ, устанавливаемый «Русскою Правдою», «не только ничего добраго и полезнаго не принуждаетъ скрывать, но даже напротивъ того всѣ средства даетъ къ ихъ введенію и обнародованію законнымъ порядкомъ» [3]).

Въ «Русской Правдѣ» были установлены «коренныя правила» относительно свободы книгопечатанія (см. ниже, гл. X).

Православная вѣра, по взгляду Пестеля, считается господствующею въ Россіи; «всѣ прочія христіанскія исповѣданія, равно какъ и всѣ инородныя вѣры, дозволяются въ Россіи, если только не противны онѣ россійскимъ законамъ духовнымъ и политическимъ, правиламъ чистой нравственности и не нарушаютъ естественныхъ обязанностей человѣка» [4]). Это правило «Русской Правды» было принято на совѣщаніи въ Кіевѣ въ 1823 г., на которомъ присутствовали: Пестель, С. Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ, кн. Волконскій и Давыдовъ. По свидѣтельству Бестужева-Рюмина, Пестель поставилъ здѣсь вопросъ: «останется ли господствующая религія, или одинаковое покровительство

---

[1]) О правѣ сопротивленія Пестель могъ заимствовать у *Де-Лольма* („Конституція Англіи“, М. 1806 г. II, 57—65) или изъ якобинской декларации правъ 1793 г. (§ 35).

[2]) Абб. де Курналъ въ упомянутой выше брошюрѣ высказался за общее воспитаніе дѣтей до 18-лѣтняго возраста. *Оларъ*, 112.

[3]) Тутъ вѣроятно сказалось вліяніе французскаго закона 17 іюня 1791 г., воспрещавшаго возстановлять профессіональныя корпораціи и устраивать стачки. См. *Е. В. Тарле*. „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи“, ч. I, Спб. 1909 г., стр. 183—184.

[4]) Идею религіозной терпимости Пестель могъ почерпнуть у Бенжамена Констана. Cours de politique constitutionelle. I, 128.

будетъ всѣмъ оказываемо?» Единогласно было рѣшено, что останется господствующая религія [1]).

Изъ правилъ относительно промышленности отмѣтимъ мысль, что правительство должно отказаться отъ всякихъ монополій и не предоставлять ихъ частнымъ лицамъ. Временныя товарищества дозволяются, но постоянныя компаніи, вродѣ нашей Американской (управлявшей русскими колоніями въ Сѣверной Америкѣ) или англійской Остъ-Индской, рѣшительно запрещаются. Далѣе, въ пятой главѣ, Пестель говоритъ объ устройствѣ волостныхъ банковъ (изъ которыхъ ссуды выдаются членамъ волости на срокъ «безъ роста и безъ залога») и страховыхъ учрежденій и о «богоугодныхъ» заведеніяхъ въ волостяхъ (воспитательныхъ и родильныхъ домахъ [2]), богадѣльняхъ, больницахъ и о наймѣ врача). Частный человѣкъ, желающій учредить «богоугодное» заведеніе, долженъ, устроивъ его, подарить или продать волостному обществу, такъ какъ все, что имѣетъ общественное назначеніе, должно имѣть и общественное начальство. Подобно Монтескьё, Пестель полагаетъ, что государство обязано доставлять всѣмъ средства къ существованію, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ «Русской Правды»: «Пользующійся общественными вспоможеніями получаетъ оныя не въ видѣ милости, но въ видѣ права, ибо первая обязанность человѣка» состоитъ въ сохраненіи своего бытія» и потому «имѣетъ каждый на все то право, что для сего нужно и необходимо и безъ чего бы онъ сей цѣли не могъ достигнуть».

Послѣднія пять главъ «Русской Правды», которыя Пестель не успѣлъ написать, должны были содержать слѣдующее: главы 6 и 7— образованіе верховной власти и государственнаго управленія, глава 8— мѣропріятія для безопасности, глава 9—мѣропріятія для благосостоянія [3]), глава 10—«составъ Государственнаго Уложенія; временное установленіе». Пестель показалъ, что эти послѣднія пять главъ «состояли въ разныхъ отрывкахъ».

Изъ болѣе ранняго, чѣмъ «Русская Правда», произведенія Пестеля, подъ названіемъ «Записка о государственномъ правленіи», отмѣтимъ здѣсь его мысль объ устройствѣ мѣстной администраціи. Земскія уѣздныя и губернскія начальства, устраивающія благочиніе въ исполнительномъ порядкѣ, должны состоять изъ чиновниковъ, выбираемыхъ самими обывателями [4]).

---

[1]) Гос. Арх. I В. № 396, л. 130. Напротивъ, Никита Муравьевъ въ своей конституціи высказался за полную свободу совѣсти.

[2]) Пестель почему-то полагалъ, что незаконнорожденныхъ можно преимущественно брать въ рекруты.

[3]) Статьи о финансахъ и народномъ хозяйствѣ въ этой главѣ долженъ былъ написать Сергѣй Муравьевъ.

[4]) Срав. ниже показаніе Бестужева—Рюмина. Въ этомъ сочиненіи Пестель

Изъ труда Пестеля «Краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго правленія. Сочиненіе русскаго гусара. 1820 г.», которое вмѣстѣ съ названною выше «Запискою о государственномъ правленіи» составляютъ, вѣроятно, части одного сочиненія, отмѣтимъ только требованіе уничтоженія смертной казни [1]).

Пестель не дописалъ «Русской Правды», но къ счастію сообщенная обществу Соединенныхъ Славянъ «Конституціи Государственный Завѣтъ» представляетъ, хотя и въ самомъ сжатомъ видѣ, изложеніе того, что онъ частью уже высказалъ, частью хотѣлъ сказать въ «Русской Правдѣ» [2]). Вотъ что заключаетъ въ себѣ «Государственный Завѣтъ» новаго сравнительно съ «Русскою Правдою».

«Насчетъ устроенія верховной власти отвергается правило равновѣсія властей, но принимается правило опредѣлительности круга дѣйствій. Верховная власть раздѣляется на законодательную и верховно-исполнительную. Первая поручается *народному вѣчу*, вторая—*державной думѣ*. Сверхъ того нужна еще *власть блюстительная*, дабы тѣ не выходили изъ своихъ предѣловъ. Власть блюстительная поручается верховному собору».

«Народное вѣче [3]) состоитъ изъ народныхъ представителей, выбранныхъ народомъ [4]) на пять лѣтъ». Каждый годъ выходитъ изъ со-

допускаетъ необходимость существованія шпіоновъ, но въ небольшомъ количествѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они принесутъ „болѣе вреда, нежели пользы ..; большое ихъ число совершенно безполезно для правительства справедливаго и благодѣтельнаго и, можетъ быть, только нужно хищникамъ престоловъ и правительствамъ жестокимъ и кровожаднымъ“. Напротивъ, проф. Куницынъ въ своемъ „Естественномъ Правѣ“, утверждаетъ, что „каждый соглядатай есть врагъ общества, ибо онъ нарушаетъ свободу частныхъ людей, которую граждане государства защищать обязались совокупными силами“. (ч. II, 1820 г. стр. 88). —Внутренняя стража „кромѣ исполненія требованій другихъ начальствъ“, говоритъ Пестель, должна ловить преступниковъ, содержать караулы при тюрьмахъ, провожать колодниковъ и пр.: онъ полагаетъ, что для составленія такой стражи на всю Россію „будетъ достаточно“ 50.000 жандармовъ.

[1]) См. далѣе главу VIII относительно смертной казни. Пестель разошелся съ мнѣніемъ Дэтю-де-Траси, который стоялъ за ея сохраненіе (р. 73—74) такъ же, какъ и Бенжаменъ Констанъ (I, 328 -332); но Дэтю де Траси допускалъ смертную казнь лишь за преступленія, подрывающія существованіе общества. Бенж. Констанъ также признавалъ возможнымъ примѣнять ее лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

[2]) „Государственный Завѣтъ“, по показанію Пестеля, былъ продиктованъ имъ Бестужеву-Рюмину, вѣроятно съ цѣлью пропаганды; такъ извѣстно, что Бестужевъ-Рюминъ вручилъ „Государственный Завѣтъ“ члену Общества Соединенныхъ Славянъ Пестову (см. ниже).

[3]) Въ сохранившейся, довольно неисправной копіи „Государственнаго Завѣта“ (Г. А. I В, № 445, л. 8—9 об.) слово „вѣче“ употребляется то въ среднемъ родѣ, то въ женскомъ: „народная вѣча“.

[4]) Какъ мы видѣли, „Русская Правда“ устанавливаетъ двустепенные выборы; повидимому подъ избраніемъ народомъ и здѣсь разумѣются двустепенные выборы (ср. ниже избраніе членовъ державной думы).

става вѣча пятая часть членовъ и замѣняется посредствомъ новыхъ выборовъ, причемъ допускается избраніе того же лица. «Устройство внутренняго порядка вѣча принадлежитъ ему самому. Предсѣдатель выбирается ежегодно изъ членовъ», засѣдающихъ послѣдній годъ. Народное вѣче составляетъ одно цѣлое и на камеры не раздѣляется; въ немъ «обрѣтается» вся законодательная власть; кромѣ того оно объявляетъ войну и заключаетъ миръ. Законы «завѣтные» (т. е. конституціонные) составляются инымъ порядкомъ, чѣмъ всѣ остальные: первые обнародываются и предлагаются «на сужденіе всей Россіи» [1]), слѣдовательно въ этомъ случаѣ примѣняется референдумъ. Когда народное вѣче не засѣдаетъ, то «оставляется временная коммиссія». «Никто не можетъ распустить народное вѣче; оно представляетъ волю въ государствѣ, душу народа».

«Державная дума [2]) состоитъ изъ 5 членовъ, народомъ выбранныхъ на пять лѣтъ». Было упомянуто, что по «Государственному Завѣту» члены думы выбираются «народомъ», а въ «Русской Правдѣ» сказано, что это производится двустепенными выборами. Оказывается что и выборъ «народомъ» членовъ державной думы въ «Государственномъ Завѣтѣ» также означаетъ двустепенные выборы: «Каждая губернія» (т. е. каждое «окружное» собраніе) предлагаетъ ежегодно кандидата, и изъ числа этихъ кандидатовъ народное вѣче дѣлаетъ окончательный выборъ членовъ державной думы [3]). Ежегодно одинъ изъ членовъ думы выходитъ и замѣняется другимъ лицомъ, по выбору народнаго вѣча. Предсѣдателемъ державной думы бываетъ членъ ея, засѣдающій послѣдній, пятый годъ. «Державная дума имѣетъ всю верховно-исполнительную власть, ведетъ войну и производитъ переговоры, но не объявляетъ войны и не заключаетъ мира. Всѣ министерства и всѣ вообще правительствующія мѣста состоятъ подъ вѣдомствомъ и начальствомъ державной думы» [4])

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, излагая въ своемъ показаніи содержаніе „Русской Правды“, говоритъ: вѣроятно открылись бы „въ конституціи, а особенно въ кодексѣ недостатки, то коль скоро бы они были замѣчены, собраніе законодательное или сенатъ“ (т. е. верховный соборъ) „долженствовали созвать собраніе депутатовъ нарочно для исправленія недостатковъ. Совершивъ свое дѣло, оное собраніе разрушалось“. Г. А. I В № 396, л. 40.

[2]) Власть исполнительная.

[3]) По французской конституціи 1795 г. 5 членовъ директоріи назначаются совѣтомъ старѣйшинъ изъ списка десяти кандидатовъ, представленныхъ совѣтомъ пятисотъ; составъ директоріи обновляется ежегодно выходомъ по жребію одного изъ ея членовъ (§§ 132, 133, 137).

[4]) Когда Пестель читалъ отрывки изъ „Русской Правды“ Киселеву, послѣдній замѣтилъ ему, что онъ „своему царю“, т. е. „исполнительной власти“, (державной думѣ) „предоставляетъ уже слишкомъ много власти“. Въ проектѣ, показанномъ Пестелемъ Н. Муравьеву, онъ полагалъ предоставить сенату „умѣрительную власть“.—Бестужевъ-Рюминъ, излагая въ своемъ показаніи содер-

Верховный соборъ состоитъ изъ 120 членовъ, называемыхъ «боярами». «Бояре назначаются на всю жизнь и не могутъ участвовать ни въ законодательномъ, ни въ исполнительномъ порядкѣ. Губерніи назначаютъ кандидатовъ, а народное вѣче замѣщаетъ упразднившееся число бояръ. Предсѣдатель выбирается на годъ самимъ соборомъ. Соборъ имѣетъ верховно-блюстительную власть: народное вѣче препровождаетъ къ нему на утвержденіе свои законы. Соборъ не разсуждаетъ о сущности предметовъ, но смотритъ на однѣ формы», чтобы во всемъ были соблюдены законы. Послѣ этого утвержденія законъ получаетъ «свою дѣйствительную силу, самъ же соборъ не дѣйствуетъ». Онъ назначаетъ изъ своихъ членовъ по одному генералъ-прокурору въ каждое министерство (приказный [1]) блюститель) и по одному генералъ-губернатору въ каждую область (областной посадникъ [2]). «Генералъ-прокуроръ разсматриваетъ журналы палатъ министерства и утверждаетъ ихъ опредѣленія, взирая на одну законность и соблюденіе предлагаемаго порядка, но не входя въ сужденіе о сущности самаго содержанія; безъ ихъ утвержденія не можетъ исполненіе послѣдовать Они отвѣчаютъ (?) [3]) за свои дѣйствія. Державная дума рѣшаетъ, а верховный соборъ можетъ чиновника отдать подъ судъ. Отданный подъ судъ судится судебнымъ порядкомъ. Генералъ-губернаторъ имѣетъ таковыя же обязанности въ отношеніи волостныхъ правленій. Изъ сего явствуетъ, что соборъ удерживаетъ въ предѣлахъ законности народное вѣче и державную думу, самъ же не имѣетъ никакого дѣйствія положительнаго. Главнокомандующіе дѣйствующихъ арміи назначаются верховнымъ соборомъ. Онъ принимаетъ начальство надъ арміею, когда выступаетъ за предѣлы государства и слагаетъ (его), когда въ предѣлы вступаетъ». Внутри государства командованіе арміею, вѣроятно, зависитъ отъ державной думы.

жаніе „Русской Правды“, называетъ исполнительную власть не „державною думою“, а „директоріею“ изъ 5 членовъ и замѣчаетъ при этомъ: „На сіе общество не согласилось“. Онъ говоритъ, что директорія избиралась „собраніемъ законодательнымъ, яко представляющимъ народъ“, и не упоманаетъ о томъ, что выборы должны были производиться изъ числа кандидатовъ, предложенныхъ окружными собраніями. Въ другомъ показаніи Бестужевъ-Рюминъ сообщаетъ слѣдующее интересное свѣдѣніе: „Извѣстно, что Сѣверное Общество, въ особенности Тургеневъ, Никита Муравьевъ и кн. Сергій Трубецкой всегда Пестелеву конституцію отвергали, съ нѣкоторыми даже перемѣнами, Сергѣемъ Муравьевымъ и мною предложенными, ввести не соглашались,—и при отъѣздѣ Трубецкого изъ Кіева было положено между нами тремя, что онъ предложитъ Сѣверному Обществу, по введеніи временнаго правленія, составить комитетъ изъ 10 членовъ для сочиненія конституціи, основанія коей пошлются“ Бенжамену Констану, Дэтю-де-Траси, Бентаму и Гизо „на одобреніе“. Г. А. I В № 396, л. 40, 67.

[1]) Пестель называетъ министерства „приказами“.

[2]) Какъ мы знаемъ, Пестель предполагалъ раздѣлить Россію на 10 областей по 5 округовъ въ каждой и 3 области.

[3]) Тутъ въ копіи „Государственнаго Завѣта“ явная описка,—написано „утверждаютъ“.

Въ организаціи верховной власти, болѣе чѣмъ гдѣ либо, обнаружилось въ предположеніяхъ Пестеля вліяніе Дэтю-де-Траси, который также стоитъ за одну законодательную палату (стр. 185). Такъ какъ это вліяніе сыграло очень большую роль въ превращеніи прежнихъ монархическихъ взглядовъ Пестеля въ республиканскіе и такъ какъ онъ не успѣлъ развить, какъ это сдѣлалъ по многимъ другимъ вопросамъ, мотивовъ предлагаемаго имъ устройства верховной власти, то я считаю необходимымъ привести разсужденіе по этому предмету Дэтю-де-Траси, тѣмъ болѣе, что вліянію идей этого французскаго ученаго подвергся не только Пестель, но и многіе другіе члены Южнаго Общества [1]).

«Совершенно необходимо», говоритъ Дэтю-де-Траси, «чтобы исполнительная власть не сосредоточивалась въ однѣхъ рукахъ. Единственное основаніе, которое приводили въ пользу противоположнаго мнѣнія, состоитъ въ томъ, что одинъ человѣкъ болѣе способенъ дѣйствовать, чѣмъ собраніе многихъ людей. Это несправедливо. Необходимо единство въ волѣ, а не въ исполненіи... Нѣтъ монарха, у котораго не было бы нѣсколькихъ министровъ. Въ дѣйствительности имъ принадлежитъ исполнительная власть, а монархъ только изъявляетъ желаніе и часто ничего не дѣлаетъ... Законодательное собраніе и совѣтъ министровъ—вотъ истинное правительство. Король только паразитъ, лишнее колесо въ машинѣ, лишь увеличивающее треніе и издержки. Онъ ни на что не нуженъ, кромѣ того, чтобы занимать, съ возможно меньшими неудобствами, мѣсто, пагубное для общественнаго спокойствія, которымъ каждый честолюбецъ захотѣлъ бы завладѣть, если бы оно не было уже занято, такъ какъ привыкли къ существованію короля... Несправедливо, повторяю, будто по свойству исполнительной власти лучше, чтобы она находилась въ рукахъ одного, а не въ собраніи нѣсколькихъ лицъ... Единство дѣйствія можетъ быть также создано большинствомъ немногочисленнаго совѣта, какъ и однимъ лицомъ». Что касается скорости дѣйствія, то она не всегда желательна. «Необходимо, чтобы дѣла большого государства, въ общемъ руководимыя законодательнымъ корпусомъ, велись еди-

---

[1]) М. Ѳ. Орловъ въ своемъ показаніи о тайномъ обществѣ говоритъ: „книга Destutt de Tracy „Commentaire sur l'esprit des lois“ была для нихъ высшею степенью премудрости; конституція англинская казалась имъ чрезвычайно тяжкою для народа и согласованною съ пользою одной аристократіи; французская хартія была для нихъ не что иное, какъ лоскутокъ бумаги, безполезный для гражданъ; но зато американскій федерализмъ, гишпанскія происшествія, неаполитанская революція играли большую роль во всѣхъ ихъ разговорахъ. Они, казалось, отвергали силу обстоятельствъ и постепенность дарованныхъ правъ, а руководствовались одною только умозрительною теоріею, не признающею никакихъ оттѣнковъ въ различіи правовъ и обычаевъ народныхъ“. Пестель пишетъ въ своихъ показаніяхъ то Дэтю, то Дестю, самъ же авторъ „Комментарія на Духъ Законовъ Монтескье“ именовалъ первую часть своей фамиліи со словомъ tête (упрямый, упорный), что указываетъ на избранное мною произношеніе.

нообразно и согласно одинаковой системѣ. Этого нельзя ожидать отъ одного человѣка, ибо онъ скорѣе можетъ мѣнять свои взгляды и принципы, чѣмъ совѣтъ..., который, возобновляясь по частямъ, проникнутъ неизмѣннымъ направленіемъ»...

Если глава исполнительной власти избирается на небольшое число лѣтъ, подчиненъ опредѣленнымъ правиламъ и не можетъ дѣйствовать безъ согласія извѣстныхъ лицъ, то конечно онъ становится безвреднымъ. Но тогда онъ въ сущности и не будетъ единымъ правителемъ, соотвѣтствующимъ идеѣ о монархѣ, а только первымъ чиновникомъ свободнаго народа. Если же единый правитель избирается на ограниченное время, но безъ указанныхъ предосторожностей и можетъ свободно распоряжаться войсками и деньгами, хотя и подъ руководствомъ законодательнаго корпуса, то положеніе его становится слишкомъ значительнымъ и возбуждаетъ честолюбивыя стремленія; при этомъ выборы будутъ сопровождаться интригами и насиліями. Еще въ большей степени это происходитъ при пожизненномъ избраніи, которое вызоветъ безпорядки и даже приводитъ къ распаденію государства; или правитель, избранный пожизненно, становится наслѣдственнымъ, какъ это было въ Голландіи и во многихъ другихъ странахъ.

Переходя затѣмъ къ наслѣдственной монархіи, авторъ замѣчаетъ, что считали бы безумнымъ сдѣлать наслѣдственнымъ обязанности кучера или повара, адвоката или доктора, обязавшись пользоваться услугами только этихъ лицъ и ихъ наслѣдниковъ по праву переворотства, будутъ ли это дѣти или дряхлые старики, сумасшедшіе или слабоумные, маніаки или подлецы, а между тѣмъ считаютъ вполнѣ естественнымъ повиноваться государю, получившему власть такимъ порядкомъ. Трудно найти человѣка, способнаго управлять, который со временемъ не сдѣлался бы недостойнымъ этого. Весьма возможно, что дѣти облеченнаго великою властью будутъ дурно воспитаны; мало вѣроятно, чтобы, если одинъ изъ нихъ избѣгнетъ вредныхъ вліяній, это былъ бы непремѣнно старшій если бы это было и такъ, то его дѣтство, годы его неопытности, его увлеченія подъ вліяніемъ страсти, его болѣзни, его старость занимаютъ весьма значительную часть его жизни и дѣлаютъ опаснымъ повиновеніе ему въ это время. Наслѣдственная власть по природѣ своей неограниченна и не поддается ограниченію. Власть, находящаяся въ рукахъ одного лица, стремится къ все большему ея усиленію. Наслѣдственная монархія, чтобы укрѣпиться, подавитъ власть народа. Дѣло окончится или порабощеніемъ народа, или паденіемъ престола. Надѣяться сохранить свободу при монархическомъ устройствѣ значитъ желать двухъ вещей, взаимно одна другую исключающихъ.

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій Дэтю-де-Траси дѣлаетъ выводъ, что «*исполнительная власть* должна быть ввѣрена совѣту, составленному

изъ немногихъ лицъ, избранныхъ на время, и постепенно обновляемому; а *законодательная власть* должна быть предоставлена болѣе многочисленному собранію, состоящему также изъ избранныхъ на опредѣленное время, и обновляемому ежегодно по частямъ» (стр. 185—202).

На основаніи этихъ началъ и устроена законодательная и исполнительная власть въ «Государственномъ Завѣтѣ» Пестеля. Дэтю-де-Траси полагалъ, что законодательное собраніе не должно ни назначать, ни смѣщать, ни судить членовъ совѣта, которому ввѣрена власть исполнительная. Пестель предлагаетъ поручить выборъ ихъ народному вѣчу, но только изъ числа кандидатовъ, избранныхъ окружными собраніями.

Мысль о верховномъ соборѣ, имѣющемъ «блюстительную власть», Пестель также заимствовалъ у Дэтю-де-Траси, который называетъ это учрежденіе «corps conservateur» и возлагаетъ на него слѣдующія обязанности: 1) Производить повѣрку выборовъ членовъ законодательнаго собранія. 2) Принимать участіе въ выборѣ совѣта, имѣющаго власть исполнительную (corps exécutif), или получая отъ избирательныхъ собраній списокъ кандидатовъ, изъ числа которыхъ это охранительное собраніе производитъ выборъ, или, наоборотъ, посылая избирательнымъ собраніямъ списокъ тѣхъ лицъ, изъ числа которыхъ они могутъ сдѣлать выборъ. 3) Участвовать почти такимъ же образомъ въ назначеніи верховныхъ судей или подобныхъ существующимъ въ Америкѣ или, въ качествѣ кассаціоннаго судилища, какъ во Франціи. 4) Отрѣшать отъ должности членовъ исполнительнаго совѣта (corps exécutif) по требованію законодательнаго собранія. 5) Объявлять противорѣчащими конституціи и слѣдовательно недѣйствительными постановленія законодательнаго собранія или исполнительнаго совѣта по требованію одного изъ нихъ или по другимъ требованіямъ, допускаемымъ конституціею. 6) Объявлять (на основаніи тѣхъ же требованій или по желанію гражданъ, высказанному въ установленной формѣ), когда пропзойдетъ пересмотръ конституціи, и созывать соборъ (convention) спеціально съ этою цѣлью. «Два послѣднія дѣянія охранительнаго собранія могли бы и даже должны бы прежде, чѣмъ быть исполненными, подвергнуться одобренію народа, который постановилъ бы рѣшеніе словами *да* или *нѣтъ* въ собраніяхъ первой степени, или въ избирательныхъ собраніяхъ, или въ собраніяхъ, созванныхъ спеціально съ этою цѣлью».

Охранительное собраніе (corps conservateur), по мнѣнію Дэтю-де-Траси, должно состоять изъ пожизненныхъ членовъ, которые не могутъ занимать никакого другого мѣста. Званіе члена этого собранія должно быть вознагражденіемъ для тѣхъ, кто исполнялъ высокія должности. Члены охранительнаго собранія должны быть въ первый разъ назначены соборомъ, составившимъ конституцію, охраненіе которой будетъ ему ввѣрено, а затѣмъ замѣщеніе вакансій должно производиться изби-

рательными собраніями на основаніи кандидатскихъ списковъ, составленныхъ въ законодательномъ собраніи и въ исполнительномъ совѣтѣ. Дэтю-де-Траси считалъ чрезвычайно важнымъ это охранительное собраніе и полагалъ, что оно придастъ прочность всему государственному зданію (стр. 203—208) [1]).

Какъ ни велико было вліяніе Дэтю-де-Траси на Пестеля, сравненіе ихъ предположеній показываетъ, что Пестель не механически заимствовалъ мысли французскаго ученаго, а перерабатывалъ усвоенныя имъ идеи.

Въ сохранившихся отрывкахъ болѣе ранняго труда Пестеля, подъ заглавіемъ «Записки о государственномъ правленіи», устанавливаются правила лишь о нѣкоторыхъ изъ высшихъ административныхъ учрежденій—«государственныхъ приказовъ» (министерствъ), а именно о государственныхъ приказахъ: 1) правосудія, 2) благочинія, 3) внѣшнихъ сношеній, 4) военныхъ силъ и 5) морскихъ силъ. Были очевидно и другіе приказы, или министерства, какъ это ясно и изъ того, что въ каждой области должно было быть 6 управъ: кромѣ управъ правосудія и благочинія, еще управы духовныхъ дѣлъ, просвѣщенія, хозяйства и казначейства.

Изъ показанія М. П. Бестужева-Рюмина о содержаніи «Русской Правды» [2]) видно, что министерствъ предполагалось 10: 1) внѣшнихъ сношеній, 2) финансовъ, 3) промышленности, 4) правосудія, 5) полиціи, 6) просвѣщенія, 7) духовныхъ дѣлъ, 8) «переводныхъ дѣлъ» (т. е. переходныхъ мѣропріятій), 9) военныхъ сухопутныхъ силъ и 10) морскихъ силъ. «Министръ внѣшнихъ сношеній долженъ былъ всѣ способы давать народамъ европейскимъ для введенія у нихъ представительнаго правленія; въ Азіи же онъ долженъ былъ распространять просвѣщеніе и поощрять народы къ перемѣнѣ правленія. Онъ также долженъ былъ требовать отъ пословъ и прочихъ агентовъ, чтобъ они сообщали ему всѣ тѣ сочиненія и открытія, однимъ словомъ, все то, что можетъ быть полезно народу или содѣйствовать его просвѣщенію, а онъ передавалъ бы это министру просвѣщенія. «Также всѣ люди, чѣмъ либо полезнымъ себя ознаменовавшіе, должны быть приглашены въ Россію. Для сего предоставлялись имъ всевозможныя выгоды». Министръ просвѣщенія, кромѣ исполненія другихъ своихъ обязанностей, долженъ былъ учредить собраніе ученыхъ, которое изъ сообщеннаго министромъ внѣшнихъ

---

[1]) О Дэтю-де-Траси см. *Mignet*, „La vie et les travaux de Destutt de Tracy“. „Revue des deux Mondes“, 1842, 1 Iuin; *Chabot*. D. de Tracy, 1885 (этой книги я не могъ получить); *Picavet*, Les Idéologues. P. 1891 (Пикавэ говоритъ преимущественно о философскихъ взглядахъ Дэтю-де-Траси); *Коркуновъ*, „Исторія философіи права“; *Чичеринъ*, „Исторія политич. ученій“ т. V, М. 1902 г.

[2]) Гос. Арх. I В. № 396, л. 41—43.

сношеній извлекало бы все полезное для общества и наставляло бы народъ. Сочиненія всѣхъ знаменитыхъ писателей разныхъ народовъ должны быть переведены на русскій языкъ. Министръ правосудія долженъ былъ постоянно соображать, соотвѣтствуютъ ли законы нравамъ, «не опередило ли ихъ просвѣщеніе», не измѣнился ли образъ мыслей, и если ему покажется нужнымъ какое либо улучшеніе, то онъ представляетъ проектъ о немъ законодательной власти. Министръ духовныхъ дѣлъ долженъ быть изъ духовнаго званія. Главная обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы кроткими мѣрами склонять живущихъ въ Россіи идолопоклонниковъ къ принятію христіанства. Онъ долженъ былъ также посылать миссіонеровъ въ Азію, но только людей самыхъ просвѣщенныхъ и способныхъ, чтобы они могли сообщать министерству свѣдѣнія о степени образованія, мысляхъ и наклонностяхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ они будутъ находиться. Министръ «переводныхъ дѣлъ» долженъ былъ главнымъ образомъ заботиться о томъ, чтобы переворотъ произошелъ какъ можно нечувствительнѣе для всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ прежнемъ правленіи, и вообще для дворянъ [1]). Къ нему должны были обращаться съ просьбами и жалобами, а также желающіе получить мѣста. Такъ какъ всѣ чиновники, пользующіеся арендами и другими выгодами, не должны были терять награды за оказанныя ими заслуги, то, если что либо должно было отойти отъ нихъ по новому учрежденію, министръ долженъ былъ вытребовать соотвѣтственное вознагражденіе, чтобы никто не могъ укорять въ неблагодарности «правленіе, стремящееся основаться на нравственности». Относительно мѣстнаго управленія Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ показаніи сообщаетъ, что по проекту Пестеля «исполнительная власть въ областяхъ была поручена управамъ, назначеннымъ директоріею..., а въ губерніяхъ и уѣздахъ—управамъ, избраннымъ народомъ».

Таковы главнѣйшія черты политическихъ идей Пестеля, этого геніальнаго общественнаго дѣятеля, далеко опередившаго своихъ современниковъ въ Россіи въ области политическихъ и соціальныхъ воззрѣній. Казнь пяти декабристовъ лишила Россію нѣсколькихъ выдающихся людей, а ссылка по постановленію верховнаго уголовнаго и военныхъ судовъ и административно по волѣ Николая I удалила съ арены общественной дѣятельности множество способныхъ людей. Понятно, что послѣ того правительство было окружено такими ничтожествами, какъ Левашевъ, Чернышевъ, Бенкендорфъ и другіе, и единственному способному человѣку, П. Д. Киселеву, многому научившемуся у Пестеля, почти ничего не удалось сдѣлать даже для подготовки паденія крѣпостного права.

---

[1]) Мы видѣли, что Пестель при окончательной переработкѣ „Русской Правды“ измѣнилъ въ демократическомъ смыслѣ прежнія свои предположенія относительно дворянства и проектировалъ полное его уничтоженіе.

Гибель на висѣлицѣ пятерыхъ декабристовъ и позднѣйшихъ революціонеровъ служитъ лучшимъ доказательствомъ необходимости отмѣны смертной казни, чего, какъ мы видѣли, требовалъ и Пестель.—«Зачѣмъ вамъ революція?»—сказалъ имп. Николай Завалишину,—«я самъ вамъ революція»: я самъ сдѣлаю все, чего вы стремитесь достигнуть революціею» [1]). Но русское общество слышало отъ его предшественника много хорошихъ словъ, притомъ сказанныхъ не наединѣ съ узникомъ, а публично, и не дождалось исполненія этихъ обѣщаній. Естественно, что интеллигентная молодежь, возмущенная всѣмъ, что творилось въ Россіи, рѣшилась революціоннымъ путемъ добиться того, что самодержавіе отказывалось дать добровольно даже послѣ печальнаго конца правленія имп. Павла.

Пестель въ отличіе отъ Н. Муравьева, проникнутаго симпатіею къ федеративному строю, былъ защитникомъ, по примѣру французской конституціи 1793 г., учрежденія республики «единой и нераздѣльной», съ выдѣленіемъ только Польши въ самостоятельную, но соединенную съ Россіей союзомъ республику: это былъ бы союзъ двухъ братскихъ народовъ, возрожденныхъ къ новой жизни политическою свободою. Напротивъ Общество Соединенныхъ Славянъ желало охватить въ одномъ союзѣ всѣ славянскіе народы.

Основателемъ этого общества былъ подпоручикъ 8-ой артиллерійской бригады, Петръ Иван. Борисовъ 2-ой. Онъ воспитывался въ домѣ отца, въ 1816 г. вступилъ на службу юнкеромъ и много занимался математикою и военными науками, но послѣ производства въ офицеры «совершенно предался» изученію естественной исторіи, философіи и «морали». Одно время онъ стоялъ со своею ротою въ имѣніи богатаго польскаго помѣщика, у котораго была хорошая библіотека. Здѣсь Борисовъ прочелъ Вольтера, Гельвеція, Гольбаха и нѣкоторыхъ другихъ писателей XVIII вѣка и проникся свободомысліемъ въ религіозномъ отношеніи [2]). Большое значеніе въ его жизни имѣло знакомство съ классическою древностью. По его собственному свидѣтельству, изученіе греческой и римской исторіи и чтеніе жизнеописаній Плутарха и Корнелія Непота возбудили въ немъ съ дѣтства «любовь къ вольности и народодержавію»; а поддерживали ее жестокости командировъ относительно ихъ подчиненныхъ, а также насилія и угнетенія, которымъ помѣщики подвергали своихъ крестьянъ. Борисовъ говоритъ, что онъ былъ «ослѣпленъ любовью къ демократіи и свободѣ»... «Общее благо есть верховный законъ—вотъ максима, которая была основаніемъ и моей религіи, и моей нравственности».

Руководясь этими высокими стремленіями и находясь въ 1818 г.

---

[1]) „Записки декабриста Д. И. Завалишина". Мюнхенъ, 1904 г., т. I, стр. 255.
[2]) „Записки И. Д. Якушкина", М. 1905 г., стр. 153.

по службѣ въ одномъ мѣстечкѣ Полтавской губ., онъ задумалъ основать тайное общество, цѣлью котораго были правила «питагоровой секты, усовершенствованіе себя въ наукахъ, художествахъ и добродѣтели, любовь и дружба». Затѣмъ къ прежней цѣли были присоединены «усовершенствованіе нравственности и очищеніе религіи» отъ предразсудковъ, а также «основаніе извѣстной республики философа Платона». Такъ устроено было общество «Друзей Природы», которое просуществовало недолго. Въ 1823 г. Борисовъ, при участіи брата и поляка Люблинскаго, основываетъ общество съ цѣлію объединенія славянскихъ племенъ. Мысль П. И. Борисова состояла въ томъ, чтобы учредить «федеративный союзъ славянскихъ поколѣній, подобный греческому, но гораздо его совершеннѣе». Онъ предполагалъ также предложить членамъ, имѣющимъ крестьянъ, дозволить имъ выкупиться на волю, а неимѣющимъ крѣпостныхъ вносить нѣкоторую сумму на выкупъ людей у тѣхъ господъ, которые худо съ ними обращаются, и отпускать ихъ на волю. Нѣкоторые изъ членовъ общества уже согласились на это предложеніе.

П. И. Борисовъ составилъ «Катихизисъ соединенныхъ славянъ» и «Клятвенное обѣщаніе», которые были переведены Люблинскимъ на польскій языкъ. Отмѣтимъ нѣкоторыя правила катехизиса: «Не желай имѣть раба, когда самъ быть рабомъ не хочешь... Будешь терпѣть всѣ вѣроисповѣданія и обычаи другихъ народовъ... Будешь стараться разрушать всѣ предразсудки, а наиболѣе до разности состояній касающіеся... Употребишь даже свое оружіе, если того нужда будетъ требовать, на защиту невинности... Ты еси славянинъ и на землѣ твоей при берегахъ морей, ее окружающихъ, построишь 4 флота: Черный, Бѣлый, Далматскій и Ледовитый, а въ срединѣ оныхъ воздвигнешь городъ и въ немъ башню просвѣщенія, и своимъ могуществомъ на тронѣ посадишь. Оттуда будешь получать для себя правосудіе и ему повиноваться обязанъ... Въ портахъ твоихъ, славянинъ, будетъ цвѣсти торговля и морская сила, а въ городѣ, посреди земли твоей, справедливость для тебя обитать станетъ. Желаешь имѣть сіе? Соединись съ твоими братьями, отъ которыхъ невѣжество твоихъ предковъ отдалило тебя. Желаешь все это имѣть? Будешь жертвовать десятою частью твоихъ доходовъ годовыхъ и будешь обитать въ сердцахъ друзей твоихъ».

Члены Общества Соединенныхъ Славянъ присягали на мечѣ взаимно любить другъ друга. Въ «Клятвенномъ обѣщаніи», составленномъ Борисовымъ, между прочимъ сказано: «пройду тысячи смертей, тысячи препятствій, пройду и посвящу послѣдній вздохъ свободѣ и братскому союзу благородныхъ славянъ. Если же нарушу сію клятву, то... пусть сіе оружіе обратится остріемъ въ сердце мое и наполнитъ опое адскими

мученіями, пусть минута жизни моей, вредная для моихъ друзей, будетъ послѣднею»... [1]).

Другой членъ общества Соединенныхъ Славянъ, Горбачевскій, сообщаетъ въ своихъ запискахъ черты, дополняющія свѣдѣнія, приведенныя изъ дѣла о П. П. Борисовѣ. Это общество, по словамъ Горбачевскаго, «имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластія, уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній... [2]) Славянскій союзъ», продолжаетъ Горбачевскій, «носилъ въ себѣ отпечатокъ какой то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членовъ» общества «посвящать всѣ мысли, всѣ дѣйствія благу и свободѣ своихъ единоплеменниковъ и жертвовать всею жизнью для достиженія сей цѣли, произносилась на оружіи; отъ однихъ своихъ друзей, отъ одного оружія славяне ожидали исполненія своихъ желаній; мысль, что свобода покупается не слезами, но золотомъ, но кровью, была вкоренена въ ихъ сердцахъ, и слова знаменитаго республиканца, сказавшаго: «обнаживши мечъ противъ своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далѣе», долженствовали служить руководствомъ ихъ будущаго поведенія» [3]).

Извѣстно, что общество Соединенныхъ Славянъ, при посредствѣ Бестужева-Рюмина, присоединилось въ сентябрѣ 1825 г. къ Южному Обществу, во главѣ котораго стоялъ Пестель. Бестужевъ-Рюминъ убѣдилъ членовъ общества Соединенныхъ Славянъ, что ихъ цѣль — соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ въ федерацію республикъ — неудобоосуществима, и что русскіе должны стремиться только къ тому, чтобы «на твердыхъ постановленіяхъ основать свободу» въ своемъ отечествѣ, чего можно достигнуть вооруженною силою. Но дабы избѣжать кровопролитія, подобнаго французской революціи, нужно предварительно приготовить хорошую конституцію, чтобы, «разрушивъ существующій поря-

[1]) Гос. Арх. I В № 431. Среди членовъ Общества Соединенныхъ Славянъ П. П. Борисовъ пользовался, во время жизни декабристовъ въ Читѣ, „почти безграничною довѣренностью". „Записки И. Д. Якушкина", стр. 153.

[2]) По свидѣтельству декабриста барона Розена, на 8-угольной печати общества Соединенныхъ Славянъ были обозначены 8 колѣнъ славянскаго племени: русскіе, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки, всего до 90 милліоновъ. Сравн. „Донес. Слѣд. Комм.", 46.

[3]) „Русск. Арх.", 1882 г. т. I, 443—445.

докъ вещей, немедленно замѣнить его лучшимъ». Онъ сообщилъ членамъ общества Соединенныхъ Славянъ, что въ Южномъ обществѣ конституція уже составлена, вручилъ Пестову «Государственный Завѣтъ» Пестеля, какъ основныя правила этой конституціи, и предложилъ, если они хотятъ «промѣнять цѣль невозможную на истинно для Россіи полезную», присоединиться къ Южному обществу. Члены общества Соединенныхъ Славянъ приняли это предложеніе [1]).

---

[1]) „Госуд. Арх." I В № 396, л. 142.

ГЛАВА VIII.

Судебная реформа.

Члены Тайнаго Общества въ своихъ предположеніяхъ относительно преобразованія существующаго строя останавливались почти на всѣхъ явленіяхъ русской жизни: они задумывались надъ тѣмъ, какъ нужно реформировать высшую и мѣстную администрацію, судопроизводство, улучшить тюрьмы, ограничить тѣлесныя наказанія, устроить болѣе правильно государственное хозяйство. Они разсматривали, что нужно сдѣлать для совершеннаго уничтоженія сословнаго строя или для измѣненія положенія отдѣльныхъ сословій и, прежде всего, для уничтоженія крѣпостного права; они стремились къ установленію свободы совѣсти или, по крайней мѣрѣ, вѣротерпимости, къ введенію свободы печати. Они требовали уничтоженія военныхъ поселеній, полнаго преобразованія нашего военнаго строя и особенно сокращенія срока службы солдатъ. Ознакомившись съ проектами конституцій и набросками конституціоннаго характера и переходя къ требованіямъ частныхъ преобразованій, мы начнемъ съ предположеній относительно преобразованія судопроизводства.

Надъ вопросомъ о необходимости введенія гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ болѣе всѣхъ другихъ членовъ Тайнаго Общества размышлялъ Н. И. Тургеневъ, который еще въ московскомъ университетѣ слушалъ лекціи по «теоріи права» извѣстнаго профессора Цвѣтаева [1]), и Никита Мих. Муравьевъ. Тургеневъ сталъ задаваться этими вопросами, какъ видно изъ его дневника, еще до вступленія въ Общество [2]).

Въ 1816 г., задумываясь надъ изданіемъ сочиненія по уголовному праву, для котораго онъ воспользовался своими записями лекцій по

---

[1]) *М. Л. Вишницеръ.* „Гёттингенскіе годы Н. И. Тургенева". „Минувшіе годы" 1908 г. №№ 5—6, стр. 220—222.

[2]) Напомню, что, еще въ самомъ началѣ XIX в., А. Н. Радищевъ считалъ необходимыми введеніе гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ и совершенное уничтоженіе пристрастныхъ допросовъ; онъ утверждалъ также, что всѣ состоянія равны передъ закономъ, и потому тѣлесныя наказанія должно отмѣнить.

уголовному праву талантливаго гёттингенскаго профессора Гёде [1]), онъ высказываетъ предположеніе о томъ, чтобы въ предисловіи къ нему представить «пользу и необходимость» суда присяжныхъ [2]). Въ этомъ же или слѣдующемъ году онъ останавливается на мнѣніи Паганеля, автора книги о французской революціи [3]), о необходимости не только суда присяжныхъ, но и «мирныхъ судей». Въ февралѣ 1819 г. онъ возражаетъ въ своемъ дневникѣ на мнѣніе о судѣ присяжныхъ извѣстнаго защитника стараго режима Бональда въ его книгѣ о произведеніи г-жи Сталь [4]). Утверждая «что jury не есть условіе свободы, Бональдъ говоритъ, что какая въ томъ свобода: осуждать себѣ подобныхъ? Мы замѣтимъ», продолжаетъ Тургеневъ, «что это не право, а обязанность для судящихъ, но право для подсудимаго и признакъ, условіе его свободы». Въ 1819 г. (7 августа) онъ пишетъ въ дневникѣ: «Довольно въ пользу учрежденія присяжныхъ сдѣлать одно замѣчаніе, предъ которымъ всѣ кривотолки должны безмолвствовать; довольно сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ Англія наслаждается благодѣтельнымъ учрежденіемъ присяжныхъ, ни одинъ невинный не былъ приговоренъ судомъ ихъ къ наказанію (?). А въ тѣхъ государствахъ, гдѣ мертвыя слова закона, гдѣ окаменѣлыя сердца судей изрекаютъ приговоръ подсудимыхъ!..» (sic). Въ сентябрѣ слѣдующаго года Тургеневъ начинаетъ, какъ видно изъ дневника, писать сочиненіе о судѣ присяжныхъ, къ сожалѣнію не сохранившееся. Такъ, напримѣръ, 22 сентября онъ отмѣчаетъ, что окончилъ вторую главу «о слѣдствіи» и недоволенъ ею. Далѣе онъ пишетъ о томъ, какъ присяжные произносятъ свой приговоръ, въ 4-й главѣ, по его словамъ, «самой существенной», говоритъ «о маломъ судѣ присяжныхъ» [5]) и о судейскомъ сословіи вообще; шестая глава была посвящена вопросу о единогласномъ рѣшеніи присяжныхъ. Въ началѣ декабря онъ пишетъ 7-ю главу «объ отвѣтственности» [6]) и при этомъ

---

[1]) См. La Russie et les Russes I, 84, 389—391.

[2]) На Тургенева могли въ этомъ случаѣ повліять и бесѣды со Штейномъ, требовавшимъ суда присяжныхъ, публичности судопроизводства и смѣщенія судей только по суду. *Lehmann.* Freiherr vom Stein, III, 348.

[3]) „Essai historique et critique sur la révolution française, ses causes et ses resultats par M..." (Paganel).

[4]) *Bonald.* Observations sur l'ouvrage de m-me la baronne de Stael ayant pour titre: Considerations sur les principaux événemens de la révolution française. P. 1818.

[5]) Большой судъ присяжныхъ въ Англіи рѣшалъ вопросъ о преданіи суду (см. Миттермайеръ „Уголовное судопроизводство въ Англіи, Шотландіи и Америкѣ", М. 1864 г. стр. 216 и сл.); малый судъ присяжныхъ произносилъ единогласный приговоръ о виновности или невинности подсудимаго. Ср. *Фойницкій*, „Курсъ уголов. судопр.", т. I, изд. 2, Спб. 1896 г. стр. 29—30; „Объ устройствѣ судовъ и судопроизводствѣ въ Англіи". „Духъ Журналовъ" 1819 г. кн. 12. стр. 32—40, 49—54.

[6]) Должны были быть еще главы о наказаніяхъ, о гласности судопроиз-

замѣчаетъ: «мысль о цензурѣ отнимаетъ духъ писать» и «заставляетъ не торопиться» [1]). Въ маѣ 1821 г. Тургеневъ отмѣчаетъ: «продолжаю заниматься моимъ жюри» (т. е. трудомъ о судѣ присяжныхъ); въ концѣ августа онъ пишетъ: «въ предисловіи къ моему жюри надобно сказать объ учености нѣмцевъ, о успѣхахъ ихъ въ теоріи законодательства вообще. Въ философіи права уголовнаго они далѣе другихъ народовъ», которымъ «даже неизвѣстна философія нѣмцевъ».

Въ перепискѣ Н. Тургенева съ братомъ Сергѣемъ находимъ еще нѣкоторыя подробности объ этомъ трудѣ и указанія на то, что имъ было прочитано по этому предмету. Въ письмѣ отъ 1 ноября 1820 г. онъ говоритъ, что «охоту писать о жюри» вызвало въ немъ сочиненіе Филлипса, переведенное на французскій языкъ извѣстнымъ юристомъ Ш. Контомъ [2]): «законоискусники, въ особенности нѣмецкіе», продолжаетъ Тургеневъ, «возстаютъ противъ жюри. Нѣмцы говорятъ, что имъ не нужно ни взаимное обученіе, ни жюри, потому что у нихъ первоначальное ученіе и судопроизводство хорошо». Съ первымъ онъ соглашается, относительно послѣдняго выражаетъ сомнѣніе. «Впрочемъ, вообще новыя политическія идеи», прибавляетъ Н. И., «еще не вкоренились въ Германіи». Въ письмѣ отъ 30 ноября Тургеневъ сообщаетъ, что думаетъ посвятить свою книгу польскому сейму «въ изъявленіе желанія», чтобы судъ присяжныхъ былъ у нихъ принятъ.

Этотъ трудъ Н. И. Тургенева о судѣ присяжныхъ не сохранился, но основные принципы его изложены авторомъ въ его книгѣ La Russie et les Russes [3]). Онъ предлагаетъ примѣнять судъ присяжныхъ не только

водства и кое-что „о русскомъ жюри“, что найдется „въ Карамзинѣ, въ Судебникѣ и проч.“.

[1]) А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 6 октября 1820 г. также говоритъ по поводу работы брата о присяжныхъ: „при мысли о цензурѣ талантъ мерзнетъ, уму тѣсно и душно... Одинъ цензоръ гласно объявилъ: stat pro lege voluntas“ (пусть закономъ будетъ наша воля). „Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ“ II, 84, ср. 89.

[2]) *R. Phillips.* Des pouvoirs et des obligations des jurys, traduit de l'anglais par Ch. Comte (англійскій подлинникъ этой книги вышелъ въ свѣтъ въ 1811 г.). Нѣкоторыя подробности Тургеневъ заимствовалъ изъ двухъ сочиненій Cottu, изъ которыхъ послѣднее „плодъ его пребыванія въ Англіи“. Тутъ Тургеневъ разумѣетъ книгу Cottu „De l'administration de la justice criminelle en Angleterre et de l'esprit du gouvernement anglais“. P. 1820 г. Ранѣе же вышедшее сочиненіе того же автора—„Réflexions sur l'état actuel de Jury, de la liberté individuelle et des prisons“. Тургеневъ говоритъ въ письмѣ къ брату отъ 1 ноября, что авторъ, „кажется человѣкъ не дальній, но благонамѣренный и безпристрастный“. Однако, 30 ноября 1820 г. онъ пишетъ: „Cottu вздоръ такъ, какъ и прочіе французы“.

[3]) 1847 г. Bruxelles, II, 231—242. Это видно, какъ изъ собственнаго изложенія Тургенева, такъ и изъ слѣдующаго свидѣтельства декабриста Волконскаго: „Въ предварительныхъ уставахъ разныя части управленія были розданы для обработки разнымъ лицамъ..; судопроизводственная и финансовая части

въ уголовныхъ, но и въ гражданскихъ дѣлахъ; въ полезности послѣдней мѣры его убѣждаетъ примѣръ Шотландіи, гдѣ введеніе суда присяжныхъ въ гражданское судопроизводство «недавно» (съ 1815 г.) было принято какъ важная прогрессивная мѣра. Онъ считалъ необходимымъ, чтобы присяжными могло быть возможно большее число лицъ, особенно, чтобы эту обязанность несли лица, состоящія на гражданской службѣ, и чтобы отъ нея были изъяты только духовенство, военные и судьи. Въ уголовныхъ дѣлахъ Тургеневъ устанавливаетъ правило, что каждый имѣетъ право быть судимымъ равными себѣ, членами своего сословія, однако, готовъ допустить, чтобы лица высшихъ классовъ участвовали въ рѣшеніи дѣлъ, гдѣ подсудимыми являлись лица изъ низшихъ классовъ, и соглашается и на то, чтобы только было опредѣлено различіе между платящими подушную подать и избавленными отъ нея. Онъ предлагалъ ввести судъ присяжныхъ лишь въ гражданскіе и уголовные суды второй степени (въ губернскихъ городахъ). Предсѣдатели и члены палатъ уголовнаго и гражданскаго суда должны были только подготовлять дѣла для рѣшенія присяжныхъ, а въ уголовныхъ дѣлахъ Тургеневъ готовъ былъ предоставить имъ и составленіе обвинительнаго акта. Для сужденія по гражданскимъ дѣламъ онъ считалъ необходимыми особыхъ присяжныхъ, обладающихъ спеціальными знаніями. Трибуналы первой инстанціи въ уѣздныхъ городахъ должны были вѣдать только нарушенія полицейскихъ правилъ; кромѣ того, имъ предполагалось поручить слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ, которыя тогда были возложены на такъ называемый земскій судъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ исправника. Присяжные должны были засѣдать только въ послѣдній мѣсяцъ каждой четверти года. Тургеневъ считалъ необходимымъ, чтобы они выносили единогласное рѣшеніе, но, по крайней мѣрѣ на первое время, по примѣру французскаго судопроизводства, допускалъ, что, если бы въ теченіе сутокъ они не пришли къ соглашенію, то дѣло могло бы быть рѣшено большинствомъ голосовъ или при участіи судьи [1]).

Уголовное судопроизводство должно было быть исключительно устное, а въ гражданскомъ могло быть допущено чтеніе документовъ и записокъ. Адвокаты и прокуроры составляютъ, по его мнѣнію, необходимую принадлежность судопроизводства. Онъ допускалъ, чтобы высшая инстанція (сенатъ) только кассировала приговоры суда присяжныхъ,

были поручены Тургеневу... Труды Тургенева не попались въ руки правительству, но не скрою, что все, что печатно высказано имъ о финансахъ и судопроизводствѣ для Россіи во время его безмятежнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, есть сводъ того, что имъ приготовлено было для примѣненія при переворотѣ, имъ и нами замышляемомъ для Россіи, и это я завѣряю совѣстью". „Записки С. Г. Волконскаго". 1901, стр. 422, 423.

[1]) Тургеневъ предлагалъ, чтобы при рѣшеніи дѣлъ судомъ съ присяжными былъ одинъ судья, такъ какъ онъ будетъ болѣе чувствовать всю отвѣтственность своей должности.

но не произносила бы сама окончательныхъ приговоровъ. Такимъ образомъ, оставляя по его словамъ, «скелетъ» прежнихъ учрежденій, Тургеневъ старался вдохнуть въ него новую жизнь. Но большимъ нововведеніемъ онъ считалъ установленіе гласности судопроизводства во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ,

Въ своихъ воспоминаніяхъ Н. Тургеневъ говоритъ: «Я разсчитывалъ напечатать въ предположенномъ мною журналѣ [1]) много статей объ уголовномъ судопроизводствѣ и объ учрежденіи суда присяжныхъ». Упомянувъ о томъ, что этотъ послѣдній трудъ былъ «почти оконченъ», Тургеневъ продолжаетъ: «Я хотѣлъ также изложить великія и безчисленныя неудобства письменнаго судопроизводства и показать настоятельную необходимость принять въ русскихъ судахъ устное производство. Для статей, приготовленныхъ по этому предмету, я особенно воспользовался трудами знаменитаго профессора Миттермайера, который, по моему мнѣнію, такъ хорошо зналъ и оцѣнилъ два способа судопроизводства—французскій и нѣмецкій—и который съ истинною научностью соединяетъ совершенную ясность изложенія» [2]).

Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ (I, 122) Тургеневъ свидѣтельствуетъ, что, продолжая работу о судѣ присяжныхъ [3]), онъ задумалъ изложить теорію уголовнаго судопроизводства, «развивъ основныя начала и правила, которыхъ... необходимо всегда держаться при слѣдствіи. Я старался, говоря объ иностранномъ законодательствѣ по этому предмету, показать русскому читателю многіе и крайне важные недостатки нашего законодательства въ этомъ отношеніи. Я намѣревался, когда этотъ трудъ будетъ оконченъ, составить уставъ уголовнаго судопроизводства, какъ уже отчасти составилъ проектъ торговаго уложенія. Это была мечта, мысль объ осуществленіи которой постоянна занимало меня. Всѣ мои занятія были направлены съ тѣхъ поръ къ этой цѣли. Судьба не дозволила мнѣ довести до конца ни одинъ изъ этихъ трудовъ. Чтобы лучше ознакомиться съ вопросомъ, какъ о судѣ присяжныхъ, такъ и вообще объ уголовномъ судопроизводствѣ, я задался мыслію изучить ихъ въ Англіи. Простыя формы англійскаго судопроизводства казались мнѣ болѣе подходящими къ Россіи, чѣмъ французскія, болѣе правильныя (?), но болѣе сложныя и требующія болѣе образованныхъ судебныхъ слѣдователей». Съ этою цѣлью Тургеневъ сталъ даже хлопотать о мѣстѣ генеральнаго консула въ Лондонѣ, но получить его ему не удалось.

Другой свой трудъ о судопроизводствѣ Тургеневъ сообщилъ Сперанскому и Мордвинову [4]). Этотъ трудъ, носящій заглавіе «Мысли о

[1]) См. о немъ выше, гл. V, стр. 439—442.

[2]) La Russie et les Russes I, 84—85.

[3]) На собраніи членовъ Сѣвернаго Тайнаго Общества въ 1822 г., въ квартирѣ И. И. Пущина, Тургеневъ взялся написать проектъ о судѣ присяжныхъ.

[4]) Тургеневъ записалъ въ дневникѣ 20 октября 1821 года: „Сегодня, чи-

возможныхъ исправленіяхъ россійскаго судопроизводства» [1]), дошелъ до насъ [2]). Сохранилось и черновое письмо, съ которымъ авторъ обратился къ Сперанскому. Онъ говоритъ въ немъ, что въ занятіяхъ «по части судопроизводства» находитъ «болѣе пищи для души», чѣмъ въ занятіяхъ по службѣ въ министерствѣ финансовъ, такъ какъ финансы «во всей Европѣ на практикѣ не согласны съ теоріей», которую онъ считаетъ справедливою и изученію которой «посвятилъ лучшіе годы жизни». Тургеневъ заявляетъ, что имъ «всегда одна главная идея владѣетъ: приспособленіе, по возможности, всего хорошаго, всего полезнаго, всего благодѣтельнаго къ пользѣ Россіи». Сравненіе правосудія въ иностранныхъ государствахъ съ нашимъ вызываетъ въ немъ «глубокое сокрушеніе». Его утѣшаетъ только надежда на возможность улучшенія, такъ какъ преобразованіе судопроизводства нигдѣ не встрѣчало затрудненій. «Сколько справедливыхъ и несправедливыхъ упрековъ раздавалось въ Европѣ относительно послѣдствій революціи французской, но никогда и никому не приходило въ голову порицать введеніе гласности въ судопроизводствѣ, учрежденіе присяжныхъ», высшаго «ревизіоннаго» суда (cour de cassation [3]).

Въ своемъ разсужденіи [4]) Тургеневъ говоритъ о «словесномъ производствѣ дѣлъ, гласности судопроизводства, отдѣленіи и независимости части судной отъ правительственной, устройствѣ судовъ, адвокатовъ и стряпчихъ». Но, прежде чѣмъ перейти къ этимъ вопросамъ, онъ указываетъ на различіе двухъ системъ уголовнаго процесса—нѣмецкой, основанной на вынужденіи отъ подсудимаго признанія въ винѣ, и французской, стремящейся къ уличенію обвиняемаго свидѣтельскими показаніями и осно-

---

тая въ Миттермайерѣ объ устройствѣ судной части въ различныхъ государствахъ, я почувствовалъ какое-то сильное желаніе написать нѣкоторыя desideria для Россіи въ семъ отношеніи. Сперанскій мнѣ пришелъ на мысль, и мнѣ вздумалось сдѣлать это въ видѣ письма къ нему, такъ, однако-же, чтобы изъ письма всегда можно было сдѣлать разсужденіе". 10 ноября Тургеневъ замѣчаетъ: „Не знаю, можетъ-ли понравиться сіе разсужденіе кому-либо. Понятія мои о судопроизводствѣ вообще очень ограничены, ибо я мало знакомъ съ симъ предметомъ".

[1]) Заглавіе это нѣсколько измѣнено карандашомъ: „Мысли о нѣкоторыхъ исправленіяхъ россійскаго судопроизводства, возможныхъ даже и въ теперешнемъ состояніи онаго".

[2]) См. Тургеневскій Архивъ, въ отд. рукоп. библ. Академіи наукъ, № 1132.

[3]) Тургеневъ извиняется за длинное вступленіе къ письму: „Привыкнувъ излагать", — говоритъ онъ, — мысли мои въ разсужденіяхъ или диссертаціяхъ, назначаемыхъ для чтенія публики, остающихся, однако-же, всегда въ моемъ портфелѣ, я не имѣю довольно искусства, чтобы въ письмѣ къ человѣку просвѣщенному избѣгнуть того, что необходимо только для массы читателей... Если хотятъ избавиться отъ повторенія всѣхъ, такъ называемыхъ, *площадныхъ* истинъ, то надобно рѣшиться привести ихъ въ исполненіе".

[4]) Начало его сохранилось въ двухъ редакціяхъ—сокращенной и болѣе обширной.

ванной на внутреннемъ убѣжденіи произносящаго приговоръ, и замѣчаетъ, что наше судопроизводство гораздо ближе къ нѣмецкой системѣ, нежели къ французской. Тургеневъ возмущается увѣщаніемъ священника допрашиваемому, этимъ, по его выраженію, стараніемъ сдѣлать Бога «участникомъ въ человѣческой несправедливости». Далѣе онъ указываетъ на то, что система вынужденія признанія приводитъ у насъ «къ другому пагубному обыкновенію»,—пристрастному допросу, который не что иное, какъ пытка. Хотя такой допросъ воспрещенъ закономъ, но часто въ дѣйствительности примѣняется и признается необходимымъ на основаніи предразсудка, что безъ такого вынужденія нельзя узнать истины [1]). Это зло можетъ быть уничтожено только принятіемъ системы уличенія посредствомъ допроса свидѣтелей и требованія отъ обвиняемаго лишь объясненій и возраженій на свидѣтельскія показанія [2]).

Нѣтъ причины думать, продолжаетъ Тургеневъ, «чтобы учрежденіе суда присяжныхъ въ Россіи было сопряжено съ непреодолимыми препятствіями. Намъ оно не чуждо. Судебникъ представляетъ намъ остовъ сего плода свободы дикихъ германцевъ... Петръ I, сильною рукою отдѣливъ насъ отъ варварства въ обычаяхъ, отдѣлилъ, къ несчастію, и отъ благодѣяній лучшаго судопроизводства вмѣсто того, чтобы сблизить насъ съ ними. Нѣмецкое платье не вытѣснило совершенно русскаго; между тѣмъ какъ судъ нѣмецкій и сохранившаяся донынѣ татарская расправа заставили насъ устранить даже память о древнихъ русскихъ цѣловальникахъ... [3]). Но возможное въ лѣсахъ германскихъ почему невозможно теперь въ Россіи? Учрежденіе, существовавшее во времена Іоанна Грознаго, почему не можетъ быть воскрешено и усовершенствовано во времена Александра?» Однако, Тургеневъ не входитъ въ этомъ разсужденіи въ подробное разсмотрѣніе вопроса о судѣ присяжныхъ, такъ какъ здѣсь онъ «предположилъ говорить только о самыхъ незатруднительныхъ перемѣнахъ», о такихъ, «которыя могутъ быть приняты даже и при теперешнемъ порядкѣ нашего судопроизводства [4]).

При письменномъ судопроизводствѣ Тургеневъ считаетъ полезнымъ, послѣ разсмотрѣнія всѣхъ представленныхъ просьбъ и документовъ, но

---

[1]) Въ первой редакціи разсужденія Тургеневъ отмѣчаетъ разсказъ одного унтеръ-офицера о томъ, какъ онъ допрашивалъ солдатъ, накормивъ ихъ селедками.

[2]) Важное неудобство нашего уголовнаго процесса состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что „люди судятся и осуждаются по большей части заочно". Онъ предлагаетъ, принявъ систему допроса, какъ при слѣдствіи, такъ и на судѣ, обязать уголовныя палаты разсматривать дѣла въ присутствіи подсудимыхъ.

[3]) Объ участіи населенія въ судѣ въ XVI в. см. *М. Ф. Владимірскій-Буда-новъ*. „Обзоръ исторіи русскаго права", изд. 4-е, стр. 652.

[4]) Въ особомъ наброскѣ, безъ начала и конца, составляющемъ, отрывокъ изъ другого труда, быть можетъ статьи для предположеннаго имъ журнала,

до рѣшительнаго заключенія, допустить «говореніе суда» въ особомъ засѣданіи, въ которомъ тяжущіяся стороны могли бы словесно, сами или посредствомъ своихъ повѣренныхъ, представить свои иски или отвѣты, послѣ чего судьи должны постановить рѣшеніе. Впрочемъ, такое устное, или, по его терминологіи, «словесное» дѣлопроизводство онъ предлагалъ ввести только въ низшихъ и среднихъ инстанціяхъ, но не въ Сенатѣ.

Если введеніе устности судопроизводства вообще представляется Тургеневу удобнымъ, то въ дѣлахъ уголовныхъ онъ считаетъ ее даже необходимою, особенно если принято будетъ правило разсматривать дѣла не иначе, какъ въ присутствіи подсудимаго.

«У насъ, какъ и вездѣ», говоритъ онъ, «судамъ уголовнымъ подвергаются наиболѣе люди», которые «бѣдностью и невѣжествомъ скорѣе вовлекаются въ преступленіе и которые... по сей по самой причинѣ болѣе заслуживаютъ снисхожденія и милосердія законнаго, нежели того равнодушія, съ которымъ судьба сихъ несчастныхъ ввѣряется, такъ называемому, законному порядку, плохо устроенному... и недостатки коего, падая на людей *безгласныхъ*, не могутъ обратить на себя дѣятельнаго вниманія тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ исправленіе. Другія высшія сословія у насъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, кажется, совершенно освободили себя отъ благотворнаго ига законовъ уголовныхъ: чиновникъ ли играетъ вѣсами правосудія и обманываетъ довѣренность правительства, дворянинъ ли неистовствуетъ съ своими крестьянами, купцы-ли обманываютъ публику и другъ друга, рѣдко сила закона достигаетъ ихъ беззаконія; когда же къ симъ сословіямъ принадлежащіе *попадаются*, какъ у насъ говорятъ *подъ судъ* [1]), то часто возвращаются въ среду общества *по золотому мосту* оправданными, очищенными. Когда же,—что, впрочемъ, рѣдко случается, гораздо рѣже въ сравненіи съ другими государствами, — обстоятельства не позволяютъ отстранить наказаніе, то и тутъ часто приговоръ гласитъ: «такого-то чиновника, какъ неблагонадежнаго, отставить отъ службы и впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять и не выбирать».—«Имѣніе такого-то помѣщика взять въ управленіе опеки, а смерть такого-то крестьянина предать волѣ Божіей».

«Словесное дѣлопроизводство», по мнѣнію Тургенева, «можетъ су-

---

Тургеневъ говоритъ о судѣ присяжныхъ: „Законъ предоставилъ не судьямъ рѣшить виновность или невинность подсудимаго, но 12-ти человѣкамъ, къ которымъ подсудимый имѣетъ довѣренность: они рѣшатъ не по писанымъ инструкціямъ, но единственно по убѣжденію внутреннему, по совѣсти. Они видятъ преступника во все время производства дѣла, они слышатъ свидѣтелей и, наконецъ, произносятъ: *да* или *нѣтъ*, зная, что отъ словъ сихъ зависитъ участь подсудимаго. Такимъ образомъ присяжные опредѣляютъ виновность. Судъ прилагаетъ законъ". Тургеневскій Архивъ, № 739.

[1]) Въ примѣчаніи Тургеневъ поясняетъ: „это выраженіе: „*попалъ подъ судъ*" не показываетъ-ли, что свойство суда законнаго смѣшивается у насъ съ свойствомъ какой-то *западни*, около которой ходить можно, но не надобно только попадаться въ нее?!"

ществовать въ полной мѣрѣ тогда только, когда не будутъ судить заочно и когда будутъ у насъ адвокаты».

Переходя къ вопросу о гласности судопроизводства, Тургеневъ напоминаетъ слова M-me Staël: «tout est mistère en Russie, et cependant rien n'y est secret» [1]). Онъ опровергаетъ возраженіе противниковъ гласности судопроизводства, что при этомъ «слабые соблазняются, злонамѣренные научаются различнымъ способамъ преступленія, различнымъ уловкамъ оправданія» [2]). Онъ указываетъ на то что и публичность наказаній можетъ имѣть такое-же вредное вліяніе, и въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на показаніе одного русскаго крестьянина, что первая мысль о преступленіи родилась въ немъ, когда онъ, увидѣвъ публичное наказаніе преступника, спросилъ объ его винѣ,—что вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ ошибочность мнѣнія тѣхъ юристовъ, которые главною цѣлью наказанія считаютъ устрашеніе. Напротивъ, на человѣка, смотрящаго на уголовный судъ «съ злымъ намѣреніемъ», могутъ произвести сильнѣйшее впечатлѣніе «разные, часто непостижимые, чудесные, никакъ не предусмотрѣнные случаи обнаруженія преступленія... и изъ души его изгладить первый зародышъ порока». Если театральныя представленія (это, по выраженію Тургенева, «условное, натянутое подражаніе жизни») могутъ благотворно вліять на нравственность людей, то можетъ-ли не имѣть такого-же дѣйствія «торжественное, *подлинное* зрѣлище, представляющее взорамъ и душѣ присутствующихъ злодѣяніе, въ тайнѣ и съ надеждою тайны содѣланное, но открытое и караемое явно силою равныхъ для всѣхъ законовъ?» Гласность судопроизводства возможна и тамъ, гдѣ нѣтъ суда присяжныхъ; она совершенно неразлучна съ устнымъ дѣлопроизводствомъ: «главнымъ обузданіемъ для судьи, главнымъ обезпеченіемъ для подсудимаго» при этомъ «служитъ присутствіе публики при судопроизводствѣ».

Гласность, по словамъ Тургенева, возможна въ трехъ отношеніяхъ: 1) въ отношеніи къ тяжущимся и подсудимымъ, 2) въ обнародованіи посредствомъ печати производства и рѣшенія дѣла и 3) въ производствѣ дѣла при открытыхъ дверяхъ [3]).—«Гласность перваго рода состоитъ въ томъ, чтобы все предпринимаемое судомъ, по производящемуся въ оному дѣлу, не было скрываемо отъ тѣхъ, до кого сіе дѣло касается, чтобы тяжущіяся стороны, чтобы подсудимый знали все то, что дѣлается въ

---

[1]) Въ этомъ отдѣлѣ сочиненія Тургенева мы встрѣчаемъ ссылку на статью извѣстнаго нѣмецкаго юриста Фейербаха въ „Рейнскомъ Меркуріи", газетѣ, которую издавалъ въ 1814—16 гг. Гёрресъ.

[2]) О нашемъ дореформенномъ судѣ см. І. В. Гессенъ „Судебная реформа". Спб. 1905 г.; Калмыковъ „Старый судъ". („Русская Стар." 1886 г. т. 52, стр. 511—544).

[3]) Ср. *Фойницкій*. „Курсъ уголовнаго судопроизводства", т. І, изд. 2, Спб. 1896 г., стр. 102—103.

судѣ по ихъ дѣлу, чтобы все производство происходило въ ихъ присутствіи». Относительно печатанія производства и рѣшенія дѣлъ Тургеневъ замѣчаетъ, что, насколько ему извѣстно, это не запрещено нашими законами, «но такъ какъ мы приняли, кажется, правиломъ, что *все то запрещено, что именно не позволено*, то и для права печатанія процессовъ нужно у насъ особое дозволеніе [1]). Польза отъ оглашенія процессовъ въ печати очевидна: «Судьи съ большею внимательностью разсматривали бы и рѣшали дѣла, имъ ввѣряемыя, зная, что публика можетъ и надъ ними произнести приговоръ основательный и справедливый. Многіе люди при дурномъ дѣлѣ боятся не самого дѣла, но стыда, съ нимъ сопряженнаго. Тайна сей стыдъ скрываетъ. Гласность можетъ причинить его». Имена судей должны быть обнародованы [2]).—Все это — элементарныя истины въ настоящее время, но тогда въ нихъ было много новаго; впрочемъ, даже еще недавно скрывались имена членовъ военно-полевыхъ судовъ [3]).

Что касается гласности въ смыслѣ производства дѣлъ при открытыхъ дверяхъ, то Тургеневъ указываетъ на то, что она «именно предписывается» въ нашемъ военномъ судопроизводствѣ: «законъ повелѣ-

---

[1]) Въ нашихъ журналахъ, въ первыхъ годахъ второго десятилѣтія, помѣщались иногда извлеченія изъ тяжебныхъ и вообще судныхъ дѣлъ. Въ началѣ 1817 г. возникло сомнѣніе о дозволительности подобныхъ статей, и министръ народнаго просвѣщенія, гр. А. К. Разумовскій, положилъ такую резолюцію: „По уставу о цензурѣ, въ числѣ предоставленныхъ къ разсмотрѣнію цензурнаго комитета книгъ и сочиненій, не упоминается нигдѣ о подобныхъ запискахъ по частнымъ дѣламъ“, почему и нашелъ, что писать объ этихъ предметахъ не дозволяется. Запрещеніе это было неоднократно подтверждаемо кн. А. Н. Голицынымъ и сдѣлалось правиломъ для цензуры.—Исключеніе изъ него составляли западныя губерніи, гдѣ судопроизводство отправлялось на основаніи Литовскаго Статута, допускавшаго адвокатовъ и опубликованіе процессовъ. По поводу одного дѣла, изложеннаго въ повременныхъ изданіяхъ 1818 г., министры полиціи и просвѣщенія потребовали объясненій отъ типографій и цензурныхъ комитетовъ. Попечитель виленскаго округа кн. А. Чарторыскій представилъ кн. Голицыну, что не только запрещеніе печатать адвокатскіе „голоса“ было бы противно дѣйствующимъ въ краѣ законамъ, но и подчиненіе ихъ предварительной цензурѣ невозможно. Министръ юстиціи кн. Лобановъ отозвался, что, по его мнѣнію, нѣтъ основанія запрещать въ присоединенныхъ губерніяхъ печатаніе записокъ адвокатовъ. Право это, однако, удержалось не долго: въ 1825 г., по представленію цес. Константина Павловича, оно было уничтожено. „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“. Спб. 1862 г., стр. 29—30: П. С. З. т. XL, № 30.328.

[2]) Въ началѣ царствованія имп. Александра I Баккаревичъ, профессоръ словесности въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, подавалъ чрезъ И. Новосильцова проектъ „Правительственнаго Журнала“, въ которомъ между прочимъ должны были печататься наиболѣе интересныя тяжбы и уголовныя дѣла, но министръ народнаго просвѣщенія Завадовскій отнесся къ этой мысли несочувственно. „Ист. свѣд. о ценз.“, стр. 10.

[3]) Въ цитированномъ уже отрывкѣ Тургеневъ говоритъ: „гласность состоитъ въ томъ, чтобы всякій могъ печатать извѣстія о своемъ процессѣ, отвѣтствуя, впрочемъ, предъ закономъ за неправильность или непристойность своихъ показаній“. Тургеневскій Архивъ, № 739.

ваетъ производить судъ при растворенныхъ дверяхъ и допускать къ оному зрителей, когда нѣтъ особаго на то воспрещенія». Онъ утверждаетъ, что тамъ, гдѣ этотъ законъ исполнялся, какъ, напримѣръ, въ корпусѣ гр. Воронцова во время пребыванія во Франціи, «гласность была весьма полезна».—Приговоры должны всегда объявляться публично, но совѣщанія судей и присяжныхъ не должны быть гласными. Дѣла, «могущія произвести соблазнъ» [1]), не должны разсматриваться публично, о чемъ судьи объявляютъ предъ началомъ дѣла. «Отдѣльность судебной части отъ правительственной», по словамъ Тургенева, «состоитъ въ отстраненіи всякаго вліянія чиновниковъ исполнительныхъ не только на судопроизводство, но даже и на самое слѣдствіе, которое, хотя и можетъ иногда производимо быть чиновниками исполнительной или полицейской части, но не иначе, какъ по точнымъ предписаніямъ и подъ исключительнымъ надзоромъ суда.

«Независимость власти судной состоитъ въ безотвѣтственности оной и въ безпрекословномъ исполненіи приговоровъ, произносимыхъ ею по извѣстнымъ правиламъ и обрядамъ, безъ всякаго участія власти правительственной». Чтобы сдѣлать дѣйствительною эту независимость въ нѣкоторыхъ государствахъ установлена несмѣняемость судей [2]).

«По свидѣтельству исторіи, первые, постоянные успѣхи гражданственности оказывались между народами не прежде, какъ когда судная часть была совершенно отдѣлена отъ правительственной. Сіе отдѣленіе есть корень правосудія» [3]).

Наше законодательство отдѣляетъ часть судную отъ правительственной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно смѣшиваетъ ихъ, предоставляя слѣдствіе чиновникамъ власти исполнительной, обязывая губернатора пересматривать рѣшенія уголовной палаты и допуская разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ въ общемъ собраніи сената, гдѣ присутствуютъ и члены, опредѣляемые для отправленія исполнительной власти. Нѣкоторые иностранные писатели, по словамъ Тургенева, хвалили устройство нашего сената, по-

---

[1]) Или, какъ онъ выражается въ упомянутомъ отрывкѣ, „которыя касаются до постыднаго нарушенія правовъ и которыя, по самой непристойности своей, требуютъ нѣкоторой тайны".

[2]) Въ цитированномъ отрывкѣ Тургеневъ говоритъ: „дабы доставить судьямъ независимость, правительство не должно имѣть права по собственному своему произволу отрѣшать ихъ отъ занимаемой должности. Правительство должно только имѣть неусыпное наблюденіе за поведеніемъ и поступками судей, особенно посредствомъ учрежденія прокуроровъ, и въ случаѣ подозрѣнія предавать дѣйствія ихъ разсмотрѣнію присутственныхъ мѣстъ, закономъ для сего учрежденныхъ"... По мнѣнію Тургенева, „независимости судей весьма споспѣшествуетъ также безвозмездное... судопроизводство".

[3]) Въ вышеупомянутомъ отрывкѣ Тургеневъ рѣшительно высказывается противъ чрезвычайныхъ судовъ: „Правительство не должно имѣть права учреждать чрезвычайныхъ судебныхъ коммиссій. Каждый гражданинъ и во всякомъ случаѣ долженъ быть подсуденъ только обыкновеннымъ мѣстамъ судебнымъ".

лагая, что предоставленіе окончательнаго рѣшенія уголовныхъ дѣлъ [1]) «не исключительно чиновникамъ судной части способствуетъ милосердію въ приговорахъ. Привычка, какъ вообще замѣчено, дѣлаетъ обыкновенныхъ судей, долговременно занимающихся отправленіемъ уголовнаго правосудія, нѣсколько жестокими, по крайней мѣрѣ равнодушными къ участи подсудимыхъ. Напротивъ, люди, не имѣющіе непремѣннымъ занятіемъ разсмотрѣнія дѣлъ уголовныхъ и осужденія виновныхъ, будучи призваны для произнесенія приговоровъ, стараются смягчить оные сколько возможно». Однако, относительно нынѣшнихъ сословныхъ представителей въ присутствіяхъ судебныхъ палатъ по дѣламъ политическимъ о такихъ стараніяхъ смягчить участь подсудимыхъ что-то не слышно. Къ такому же выводу приходитъ самъ Тургеневъ относительно сената. «Признаюсь», говоритъ онъ, «что я не вижу на самомъ дѣлѣ особеннаго милосердія въ приговорахъ сенатскихъ», да едва ли можно и ожидать его, «ибо, судя дѣла не только въ формахъ, но и въ самомъ существѣ, онъ судитъ однако же заочно; а заочность суда и милосердіе приговора несовмѣстны одно съ другимъ».

«Особенно вредно», продолжаетъ Тургеневъ, «смѣшеніе властей судной и исполнительной при *слѣдствіи*», которое производилось у насъ по дѣламъ уголовнымъ членами земскаго суда и особенно капитанъ-исправникомъ; иногда даже «простой солдатъ или унтеръ-офицеръ внутренней стражи исполняетъ сію важную обязанность» [2]).

Тургеневъ предлагаетъ составленіе слѣдственнаго устава, основаннаго на системѣ уличенія, и допущеніе священническаго увѣщанія лишь относительно свидѣтелей предъ принесеніемъ ими присяги. Въ новомъ слѣдственномъ уставѣ важное мѣсто долженъ занять повальный обыскъ; тогда наше слѣдствіе «не чуждо будетъ благодѣяніямъ *большого* суда присяжныхъ». Такъ какъ и самое преданіе суду должно происходить по судебному приговору, то Тургеневъ считаетъ наиболѣе удобнымъ учредить «слѣдственные суды», которые должны постановлять рѣшеніе о преданіи обвиняемаго суду или о прекращеніи дѣла. «Всѣ арестанты вообще должны подлежать вѣдѣнію власти судной». Тургеневъ утверждаетъ, будто бы «нѣкоторая независимость власти судной совсѣмъ не противна свойству правленія самодержавнаго»; по его мнѣнію, она даже необходимѣе въ самодержавной монархіи. Для обезпеченія судейскаго сословія онъ считаетъ необходимымъ установленіе и точное соблюденіе

---

[1]) Судъ сената не былъ окончательнымъ; если дѣло не рѣшалось опредѣленнымъ большинствомъ въ общемъ собраніи сената, оно поступало въ Государственный Совѣтъ—сначала въ соединенные его департаменты, а затѣмъ даже и въ Общее Собраніе. *Гессенъ*, 8.

[2]) Срав. выше стр. 120—122.

правила, что «никакой судья не можетъ быть лишенъ мѣста и званія своего безъ особеннаго, на законномъ основаніи даннаго приговора».

Относительно службы по выборамъ въ судахъ гражданскихъ и уголовныхъ онъ предлагаетъ установить обязанность службы по выборамъ для всѣхъ дворянъ безъ исключенія, но зато сократить срокъ службы: вмѣсто трехъ лѣтъ назначить три или четыре недѣли, а сессіи судовъ сдѣлать не непрерывными, а временными, по срокамъ. Засѣдатели должны выбираться по сословіямъ; число ихъ въ нижней и средней инстанціяхъ или, по крайней мѣрѣ, въ одной средней, онъ предлагаетъ увеличить до 8—12 и назначать тройной комплектъ ихъ съ предоставленіемъ подсудимому въ дѣлахъ уголовныхъ права отвести треть ихъ. Можно предоставить засѣдателямъ рѣшать вопросъ о фактѣ (la question du fait) безъ участія въ этомъ судей или дать имъ одинаковыя права съ судьями. Въ первомъ случаѣ примѣненіе закона (la question du droit) должно быть предоставлено судьямъ. Засѣдателямъ можно дать участіе въ завѣдываніи тюрьмами въ теченіе сессіи подобно тому, какъ такое же право предоставляется «обвиняющимъ присяжнымъ» въ Англіи; точно также каждый судья долженъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи тѣхъ подсудимыхъ, которые содержатся въ тюрьмахъ по дѣламъ, разсматриваемымъ въ этомъ судѣ. Введеніе въ суды новыхъ засѣдателей по предложенной имъ системѣ познакомитъ, по его мнѣнію, всѣ сословія съ законами и со способами ихъ примѣненія.

Наконецъ, Тургеневъ обращаетъ вниманіе на то, что у насъ нѣтъ адвокатовъ, которые существуютъ только въ нѣмецкихъ и польскихъ провинціяхъ Россіи. Есть стряпчіе, но они употребляются только по дѣламъ гражданскимъ. «По дѣламъ уголовнымъ подсудимые не имѣютъ у насъ *оффиціальныхъ* защитниковъ... Хорошее законодательство требуетъ, чтобы всякій подсудимый непремѣнно имѣлъ адвоката», и, если его нѣтъ, то самъ судъ назначаетъ защитника [1]). Тургеневъ полагалъ, что сословіе адвокатовъ должно пользоваться самоуправленіемъ, и что пріему въ него должно предшествовать собраніе свѣдѣній о желающихъ

[1]) Н. Тургеневъ слышалъ, что въ коммиссіи законовъ уже былъ въ это время составленъ проектъ объ устройствѣ „сословія“ адвокатовъ. Быть можетъ онъ имѣетъ въ виду журналъ коммиссіи составленія законовъ 30 сент. 1820 г., подписанный вмѣстѣ съ другими его братомъ, о назначеніи отъ суда безплатныхъ адвокатовъ по тяжебнымъ дѣламъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ. Арх. Гос. Сов., Деп. Зак. 1820 г. № 9., Ср. П. С. З. т. XXXVIII, № 28936 (20 февр. 1822 г.). Вообще объ адвокатахъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, см. П. С. З. т. XXIV № 18266, XXV, 18427, XXXI, 24778, XXXVII, 28660; Арх. Гос. Сов. Деп. Гражд. и Дух. Дѣлъ 1811 г. № 88, Деп. Зак. 1818 г. № 9 и 1827 г. № 37. В. Лукасинскій и его товарищи, судимые въ Варшавѣ военнымъ судомъ, имѣли защитниковъ. *Askenazy.* Lukasiński II, 228—229. Объ адвокатахъ Курляндіи см. П. С. З. т. XXIV, № 17717. Въ Архивѣ Госуд. Совѣта, въ дѣлахъ Сперанскаго (№ 127) есть записка на франц. яз. Беллингсгаузена о пользѣ учрежденія адвокатовъ.

въ него вступить. «Сословіе адвокатовъ можетъ быть разсадникомъ для сословія судей [1])

Упомянувъ въ своей книгѣ «La Russie et les Russes», о томъ, что записка о судѣ присяжныхъ имѣла связь съ трудомъ объ уголовномъ судопроизводствѣ, Н. Тургеневъ говоритъ, что ни то, ни другое его произведеніе не пригодилось ни къ чему (II, 242). Его братъ, впрочемъ, предвидѣлъ это: еще когда Н. И. занимался составленіемъ проекта о судѣ присяжныхъ, А. И. Тургеневъ, писалъ кн. Вяземскому (15 октября 1820 г.): «но что ему будетъ дѣлать съ нимъ, если янинскій паша не потребуетъ отъ него проекта уголовнаго судопроизводства? [2])».

Изъ цитированнаго выше отрывка отмѣтимъ еще мысль Н. Тургенева о совершенномъ отдѣленіи военныхъ судовъ отъ гражданскихъ и о подсудности первымъ военныхъ только за преступленія и проступки по службѣ [3]); исключеніе изъ этого правила онъ допускалъ только во время войны или похода.

По словамъ Тургенева, Н. С. Мордвиновъ остался очень доволенъ его трудомъ; это видно и изъ того, что сохранилось собственноручно сдѣланное этимъ извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ извлеченіе изъ изложенной работы Тургенева [4]). Сперанскій также прочелъ его записку, но автору осталось неизвѣстнымъ его мнѣніе о ней. Тургеневъ объяснилъ это «полнымъ равнодушіемъ Сперанскаго въ это время ко всему, что имѣло цѣлью общественное благо» [5]).

Въ изложенномъ мною сочиненіи Тургенева, какъ показываетъ и самое его заглавіе («Мысли о нѣкоторыхъ исправленіяхъ россійскаго судопроизводства, возможныхъ даже и въ теперешнемъ состояніи онаго»), онъ не вводитъ въ существовавшій тогда строй судебныхъ учрежденій такихъ рѣшительныхъ измѣненій, какія предлагалъ Никита Муравьевъ, какъ видно изъ изложенія проекта его конституціи, сдѣланнаго имъ для Слѣдственной Коммиссіи, гдѣ въ основу своего плана судебныхъ учрежденій Муравьевъ положилъ учрежденіе въ каждомъ уѣздѣ совѣстнаго судьи, избираемаго «обыкновенными избирателями».

---

[1]) Тургеневскій Архивъ № 1132. Въ этомъ трудѣ Тургеневъ подкрѣпляетъ нѣкоторыя предложенія (объ устности и гласности судопроизводства, о правѣ подсудимаго имѣть защитника и проч.) ссылкою на нашъ военно-полевой законъ (Образованіе военно-судной части 1812 г.). Эта сравнительная либеральность военно-судебнаго производства объясняется тѣмъ, что этотъ законъ былъ передѣлкою съ французскаго О гласности военнаго судопроизводства и военно-судномъ законодательствѣ въ Польшѣ, см. *Askenazy* Łukasiński II, 220–223.

[2]) „Остафьевскій Архивъ" II, 89.

[3]) Это было прямо установлено во Франціи, подъ вліяніемъ Бенжамена Констана, въ изданномъ во время Ста дней Добавочномъ актѣ, 22 Апрѣля 1815 г. *Tripier*. Les constutions de la France, P. 1848, p. 256.

[4]) „Архивъ графовъ Мордвиновыхъ" VI, 299–312 (въ концѣ этого извлеченія есть хронолог. помѣта: Ноябрь 1822 г.).

[5]) La Russie et les Russes II, 225.

Прежде всего Н. Муравьевъ считалъ необходимымъ установить «предѣлы» судной власти. «Никакой судья», говоритъ онъ, «и никакое судилище не имѣетъ права толковать законъ, ни рѣшать случаи, имъ не предвидѣнные, однимъ словомъ не можетъ присвоить себѣ законодательной власти. Исполнительная власть, надзирательная или полицейская, хозяйственная или административная совершенно отдѣлены также отъ судной. Равнымъ образомъ, судилище или судья не долженъ никого обвинять, но дѣйствуетъ только вслѣдствіе жалобы или обвиненія. Всякое судилище или судья, преступившій сіи предѣлы, подвергается взысканію. Съ другой стороны», продолжаетъ Н. Муравьевъ, «уставъ сей» (т. е. его проектъ конституціи), не признавалъ, такъ называемаго, полицейскаго суда за малые проступки и предоставлялъ полиціи, уѣзднымъ, городовымъ и волостнымъ правленіямъ только право задерживать виновныхъ и предавать ихъ суду, отъ котораго уже зависѣли также и исправительныя наказанія. Каждая область» (т. е. держава) «составляла въ судебномъ отношеніи отдѣльное цѣлое, подраздѣленное на присуды, равные нынѣшнимъ губерніямъ».

Н. Муравьевъ предполагалъ учредить въ каждомъ уѣздѣ совѣстныхъ судей, въ областяхъ—областныхъ, а въ столичномъ округѣ—верховныхъ.

Въ каждомъ уѣздѣ полагался на 4000 душъ одинъ совѣстный судья, избирасмый «обыкновенными избирателями» [1]). Онъ остается въ своемъ званіи, если не будетъ опороченъ, до 70-ти лѣтняго возраста (то же правило примѣняется и къ судьямъ областнымъ и верховнымъ). Совѣстный судья можетъ быть избранъ «изъ всякаго званія», подъ условіемъ совершеннолѣтія, постояннаго жительства въ уѣздѣ и владѣнія движимымъ или недвижимымъ имѣніемъ не менѣе 2000 р. с., такъ какъ, объясняетъ Н. Муравьевъ, «умѣренная собственность, трудомъ, промышленностью и бережливостью пріобрѣтенная», является «вѣрнѣйшимъ залогомъ честности и безкорыстія судьи [2]).

Всѣ совѣстные судьи равны между собою и власть каждаго простирается на весь уѣздъ. «Всякій съ своею жалобою имѣетъ право идти къ тому изъ нихъ, къ которому имѣетъ болѣе довѣренности, но дѣло, поступившее къ одному изъ нихъ, не можетъ уже быть передано другому, и никто изъ нихъ не имѣетъ пересуда надъ рѣшеніемъ другого... Никто въ уѣздѣ не можетъ быть взятъ подъ стражу безъ пред-

---

[1]) Судьи были выборные и по французской конституціи 1791 г. *Tripier*, 49—50.

[2]) Сравнительно небольшой имущественный цензъ, установленный Н. Муравьевымъ для совѣстныхъ судей въ его показаніи на слѣдствіи, показываетъ, что на него произвели извѣстное впечатлѣніе замѣчанія относительно чрезмѣрной высоты имущественнаго ценза во второй редакціи его проекта.

писанія совѣстнаго судьи», кромѣ случаевъ буйства или насилія. «Чиновники благочинія [1]), захвативъ буйныхъ, испрашиваютъ у совѣстнаго судьи предписанія о содержаніи ихъ подъ стражею, что совѣстный судья обязанъ немедленно исполнить. Совѣстный судья судитъ гласно и явно при открытыхъ дверяхъ; посторонніе могутъ приходить во время его расправы. Судъ его словесный, сколько возможно; онъ имѣетъ право требовать явки свидѣтелей, которые обязаны повиноваться его позывамъ. Буде тяжущіяся стороны довольны его рѣшеніемъ, то оное становится окончательнымъ. Никакое третье лицо не въ правѣ опровергать оное. Никакая должность не совмѣстна съ званіемъ совѣстнаго судьи. Онъ можетъ однакожъ быть избранъ въ представители, и тогда, по возвращеніи своемъ, вступаетъ опять въ прежнюю должность». Такимъ образомъ, совѣстные судьи Н. Муравьева являются предшественниками мировыхъ судей.

Каждые три мѣсяца въ уѣздномъ городѣ и въ главнѣйшихъ мѣстечкахъ уѣзда происходятъ съѣзды совѣстныхъ судей, въ которые поступаютъ дѣла по апелляціи на рѣшенія отдѣльныхъ судей. На съѣздѣ присутствуютъ тысяцкій (исправникъ) или его помощникъ, уѣздный блюститель (прокуроръ), уѣздный докладчикъ (стряпчій казенныхъ дѣлъ), присяжные адвокаты или стряпчіе и свидѣтели. Жители, безъ различія пола, имѣютъ право посѣщать засѣданія съѣзда. Протоколы и «дѣйствія» его оглашаются, и всякій имѣетъ право «писать свои замѣчанія о правильности сужденій».

Составленіе списка присяжныхъ [2]) въ каждомъ уѣздѣ поручается тысяцкому. «Дѣла уголовныя и дѣла гражданскія (если оныя не основаны единственно на актахъ) происходятъ съ присяжными». Присяжные бываютъ двухъ родовъ: «предварительные» и «окончательные». «Первые разсматриваютъ въ уголовномъ дѣлѣ одно обвиненіе, а въ гражданскомъ—одну жалобу; они большинствомъ голосовъ отвергаютъ обвиненія нелѣпыя и тяжбы пустыя и не даютъ ходъ дѣлу»: это соотвѣтствуетъ англійскому большому суду присяжныхъ. «Вторые рѣшаютъ дѣло по прекращеніи всего пренія, и рѣшеніе ихъ должно быть единодушно» (малый судъ присяжныхъ).

«Въ каждомъ уѣздномъ городѣ, въ областныхъ и въ столицѣ полагается особое сословіе адвокатовъ» (или стряпчихъ), «въ которое

---

[1]) Во всемъ уѣздѣ и уѣздномъ городѣ такимъ чиновникомъ являются выборный тысяцкій; кромѣ того въ городахъ всѣ домовладѣльцы избирали изъ своей среды „чиновниковъ благочинія“ разныхъ степеней, а по деревнямъ всѣ жители муж. пола избирали въ каждомъ десяткѣ дворовъ десятскаго, въ каждой сотнѣ—сотскаго, въ волости - волостного старшину. Названныя городскія и деревенскія власти были подчинены тысяцкому.

[2]) Постановленія о судѣ присяжныхъ въ 1-й и 2-й редакціяхъ конституціи Муравьева, см. въ главѣ VI, стр. 454.

поступаютъ люди, получившіе въ университетахъ аттестаты въ томъ, что они имѣютъ надлежащія свѣдѣнія въ юридическихъ и словесныхъ наукахъ. Они обязаны находиться при съѣздахъ совѣстныхъ судей, въ собраніяхъ областныхъ и верховныхъ судей и за извѣстную плату излагаютъ дѣла, вмѣсто тяжущихся, обвиняющихъ или обвиненныхъ... Адвокаты находятся въ вѣдѣніи блюстителей уѣздныхъ, областныхъ и верховныхъ. (Блюститель соединяетъ въ себѣ должность прокурорскую и должность стряпчаго уголовныхъ дѣлъ). Блюститель есть истецъ по дѣламъ правительства. Онъ обвиняетъ въ уголовныхъ дѣлахъ отъ лица правительства и отъ частныхъ лицъ, но безъ возмездія. Кромѣ сего, полагались еще докладчики въ уѣздахъ, областяхъ и столицѣ (стряпчіе казенныхъ дѣлъ). Докладчикъ есть отвѣтчикъ правительства въ случаѣ частныхъ претензій; онъ же въ случаѣ, еслибъ кто обвиненный не имѣлъ адвоката, обязанъ взять его защиту, но безъ возмездія, яко чиновникъ правительства».

Въ каждой области полагается столько областныхъ судей, сколько въ ней находится «присудовъ (губерній)»; они избираются областными палатами изъ списка лицъ, имѣющихъ имущества не менѣе, какъ на 15.000 р. [1]). Каждые 6 мѣсяцевъ областные судьи объѣзжаютъ свой присудъ и въ каждомъ уѣздномъ городѣ открываютъ засѣданія, на которыя приглашаютъ присяжныхъ. На эти засѣданія собираются совѣстные судьи того уѣзда и подъ предсѣдательствомъ областного судьи рѣшаютъ уголовныя дѣла. Слѣдствіе не производится отдѣльно отъ суда, но всѣ причастные къ дѣлу должны лично явиться въ засѣданіе. «Право обвинять предоставлено всякому, въ особенности же блюстителямъ». Свидѣтелей допрашиваютъ не только судьи, блюститель, присяжные и адвокаты, но, съ дозволенія и подъ надзоромъ судей, и постороннія лица. Отчетъ о ходѣ уѣздныхъ засѣданій печатается «въ общенародное извѣстіе». Дѣло, разсмотрѣнное съ присяжными, рѣшается окончательно, и на него нѣтъ апелляціи или пересуда».

«Областное судилище» принимаетъ жалобы на рѣшенія уѣздныхъ засѣданій въ томъ только случаѣ, когда, на основаніи приговора «окончательныхъ присяжныхъ», примѣнили къ дѣлу не надлежащій законъ. Никакое судебное дѣло не выходитъ за предѣлы области; виновные наказываются въ ней и не высылаются изъ нея. Кромѣ того, областные судьи, на общихъ своихъ собраніяхъ въ областномъ городѣ, судятъ чиновниковъ. Областное судилище судитъ при открытыхъ дверяхъ, и журналы его печатаются.

Всякій, считающій, что онъ неправильно подвергнутъ заключенію

[1]) По 2-й редакціи проекта конституціи Н. Муравьева членами державныхъ судовъ могли быть лица, имѣющія на 30.000 р. недвижимаго и на 60.000 р. движимаго имущества.

совѣстными судьями или лицами, не имѣющими на то права, или подвергающійся безчеловѣчному обращенію въ тюрьмѣ, имѣетъ право жаловаться областнымъ судьямъ, которые обязаны вытребовать его къ себѣ, ежели жалоба покажется имъ основательною, и удостовѣриться въ этомъ. Право просить у областныхъ судей защиты предоставляется также роднымъ, знакомымъ заключеннаго и, наконецъ, свидѣтелямъ насильственнаго или беззаконнаго поступка.

Наконецъ учреждается еще «верховное судилище», которое состоитъ изъ 5 или 7 верховныхъ судей, избранныхъ народнымъ вѣчемъ изъ числа лицъ, владѣющихъ имуществомъ не менѣе 15.000 р. Верховные судьи исполняютъ въ столичномъ округѣ тѣ же обязанности, что областные судьи въ своихъ областяхъ. Кромѣ того, верховное судилище судитъ высшихъ чиновниковъ, лишенныхъ ихъ званія верховною думою. Судопроизводство въ немъ гласное (какъ и въ низшихъ инстанціяхъ) и съ присяжными; журналы его также печатаются. Оно получаетъ донесенія и отчеты всѣхъ областныхъ судилищъ и дѣлаетъ замѣчанія тѣмъ изъ нихъ, которыя неправильно толкуютъ законъ. Каждое четырехлѣтіе верховное судилище обязано представить императору и обѣимъ палатамъ систематическій отчетъ о всѣхъ законахъ и постановленіяхъ, вышедшихъ въ продолженіе этого времени, съ примѣчаніями о тѣхъ, которые кажутся ему излишними, темными или противорѣчащими Уставу (конституція).

Въ предположеніяхъ Н. Муравьева относительно судебной реформы много сходнаго съ планами Н. И. Тургенева, который отстаивалъ тѣ же основныя начала: словесное и гласное судопроизводство, оглашеніе въ печати производства дѣла и рѣшенія суда, отдѣленіе и независимость судебной части отъ административной, участіе въ судопроизводствѣ адвокатовъ (или стряпчихъ), наконецъ введеніе суда присяжныхъ, но важною и оригинальною особенностью проекта Н. Муравьева является установленіе выборныхъ совѣстныхъ судей.

Н. Муравьевъ, быть можетъ, потому особенно подробно изложилъ во время слѣдствія проектируемое имъ устройство судебной части, что, послѣ крушенія всѣхъ надеждъ декабристовъ, разсчитывалъ на возможность осуществленія, при сохраненіи самодержавія, только этой части его проекта. На вопросъ о причинахъ, побудившихъ его вступить въ тайное общество, онъ отвѣчалъ, что былъ проникнутъ «пламеннымъ желаніемъ видѣть Россію на высочайшей степени благосостоянія посредствомъ учрежденій, равно благотворительныхъ для всѣхъ состояній людей, въ оной находящихся, твердаго устройства судебной части въ нижнихъ инстанціяхъ и гласности во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства, на подобіе англинскаго».

Пестель въ своемъ произведеніи «Записка о государственномъ

правленіи», набросанной вчернѣ ранѣе «Русской Правды», считаетъ необходимымъ публичное (гласное) судопроизводство и разсмотрѣніе существа дѣла и рѣшеніе о виновности или невинности подсудимаго судомъ присяжнымъ; но въ то же время желаетъ сохранить письменное судопроизводство и не допускаетъ произнесенія въ судѣ рѣчей. Судьи должны быть несмѣняемыми и могутъ быть лишены мѣста только по судебному приговору. Присяжные должны назначаться какъ для гражданскихъ, такъ и для уголовныхъ дѣлъ изъ среды гражданъ, не по выбору ихъ или по назначенію отъ правительства, а по очереди, предоставивъ тяжущимся или подсудимымъ право отводить нѣкоторыхъ изъ нихъ по уважительнымъ причинамъ. Число присяжныхъ зависитъ отъ важности дѣла, но ихъ должно быть не менѣе 10. Для каждаго дѣла назначаютъ особыхъ присяжныхъ; они рѣшаютъ единогласно и не должны расходиться, пока не постановятъ приговора. Полезно было бы прибавить, по примѣру римлянъ, третій родъ рѣшенія, выражающій сомнѣніе (non liquet) [1]). Такое дѣло могло бы быть возобновлено, если бы явились новыя обстоятельства дѣла.

Въ 1823 г. Тургеневъ сталъ писать сочиненіе подъ названіемъ «Уголовное Уложеніе». Здѣсь онъ рѣшительно протестовалъ противъ пытки, о которой «въ нынѣшнія времена даже и говорить нельзя», и противъ пристрастнаго допроса [2]).

Еще въ 1816 г. Тургеневъ въ своемъ дневникѣ выразилъ мнѣніе о необходимости уничтоженія кнута; правда, онъ допускалъ тогда клейменіе преступниковъ, но, очевидно, лишь потому, что не считалъ возможнымъ добиться осуществленія болѣе гуманныхъ требованій, такъ какъ тутъ-же онъ высказываетъ мысль, что «вообще наказанія должны быть во всѣхъ случаяхъ сколь возможно менѣе строги». Онъ утверждаетъ, что полиція не должна имѣть права производить тѣлес-

---

[1]) Пестель заимствовалъ это послѣднее предложеніе, вѣроятно, изъ „Духа Законовъ“ Монтескьё (изд. Пантелѣева, стр. 81). О предположеніяхъ въ „Русской Правдѣ“ относительно лишенія свободы и судопроизводства см. выше.

[2]) „Отъ пытки, которая употреблялась не прежде, какъ когда виновность была вѣроятна“, говоритъ авторъ, нѣкоторые криминалисты (между прочимъ Ф., т. е. Фейербахъ) „отличаютъ причиненіе обвиняемому тѣлесной боли въ случаѣ, если онъ оказываетъ непокорность, противорѣчитъ самъ себѣ, лжетъ. Отвергая первую, они допускаютъ послѣднее. Сіе различіе неосновательно, несправедливо. Всякое причиненіе боли есть наказаніе. Обвиняемаго, еще неосужденнаго, наказывать нельзя. Наказаніе должно слѣдовать за полнымъ доказательствомъ. Если обвиняемый будетъ уличенъ во лжи или въ какомъ-либо другомъ преступленіи, то онъ долженъ быть за сіе наказанъ не иначе, какъ по силѣ и на основаніи законовъ“. „Уголовное уложеніе“, гл. I. „Теорія уголовнаго судопроизводства“. Введеніе. Тургеневскій Архивъ, № 1131. Тургеневъ указывалъ тутъ на 590 § соч. Ансельма Фейербаха Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts.

ныя наказанія. «Законами воспитываются народы» [1]). Въ неоконченномъ сочиненіи «Уголовное Уложеніе» Тургеневъ говоритъ, что тѣлесныя наказанія должны быть назначаемы не по усмотрѣнію «гражданскихъ или полицейскихъ» лицъ и учрежденій, а развѣ только за важныя преступленія по приговорамъ уголовныхъ судовъ; тѣлесныя-же наказанія «въ простомъ грамматическомъ, а не въ законномъ смыслѣ», т. е., очевидно, розги, могутъ быть, по его мнѣнію, назначаемы лицамъ, не достигшимъ совершеннолѣтія.

По вопросу о тюрьмахъ Тургеневъ въ сочиненіи «Уголовное Уложеніе» говоритъ, что «соединеніе съ задержаніемъ какой-либо строгости, не нужной для предупрежденія бѣгства, не позволительна [2]); не слѣдуетъ также содержать въ одной тюрьмѣ обвиняемыхъ съ осужденными [3]).

Н. Тургеневъ, Н. Муравьевъ и Пестель подробнѣе другихъ декабристовъ высказались по вопросу о реформѣ судопроизводства, но и нѣкоторые другіе члены тайныхъ обществъ считали ее совершенно необходимою [4]) и дѣлали относительно нея тѣ или другія предложенія. Въ «Краткомъ опытѣ», составленномъ гр. М. А. Дмитріевымъ-Мамоновымъ въ то время, когда, вмѣстѣ съ М. Ѳ. Орловымъ, онъ предпола-

---

[1]) Въ своемъ сочиненіи „Опытъ теоріи налоговъ“ (1819 г. изд. 2 стр. 207), которое онъ, еще въ рукописи, въ 1812 г. представлялъ министру финансовъ, Тургеневъ категорически высказалъ, что „тѣлесныя наказанія никогда не должны быть употребляемы“ при взысканіи налоговъ съ неисправныхъ плательщиковъ.

[2]) Онъ указываетъ на то, что такая строгость замѣняетъ иногда пытку. „Во Франціи вошло въ обыкновеніе сажать обвиняемыхъ въ особыя тайныя мѣста (au secret), въ которыхъ сіи несчастныя жертвы судейскаго произвола подвержены бываютъ всѣмъ возможнымъ безпокойствамъ, даже мученіямъ: они дышатъ зараженнымъ воздухомъ, цѣлые дни проводятъ безъ пищи, не видятъ дневного свѣта, но иногда яркій фонарь, направленный прямо въ глаза, принуждаетъ держать ихъ сомкнутыми. Все сіе для вынужденія признанія“. Тургеневскій Архивъ, № 1131.

[3]) Въ 1812 г. Тургеневъ занесъ въ свой дневникъ слѣдующее предложеніе для охраны заключенныхъ въ тюрьмахъ отъ злоупотребленій полиціи: „Читая Юма“, говоритъ онъ, „пришла мнѣ мысль о комитетѣ, который можетъ быть учрежденъ при министерствѣ полиціи“. Онъ „будетъ изыскивать невинно страждущихъ въ тюрьмахъ и т. п., будетъ разсматривать различныя полицейскія рѣшенія и приговоры. Служащіе тутъ не должны получать никакого жалованья, ни чиновъ, ни крестовъ, а всякій долженъ знать, что они служатъ безъ малѣйшихъ выгодъ“. Тургеневскій Архивъ, № 207, л. 118 об.

[4]) Ѳ. Н. Глинка вмѣнялъ себѣ въ обязанность „желать открытыхъ судовъ“. „Рус. Стар.“, 1904 г. № 3, стр. 512. В. П. Зубковъ, близкій съ нѣкоторыми изъ декабристовъ и привлекавшійся къ слѣдствію по ихъ дѣлу, вернулся въ 1821 г. изъ Парижа, гдѣ онъ ознакомился съ судомъ присяжныхъ, „прельщенный французскимъ судопроизводствомъ“. Послѣ этого онъ часто говорилъ съ членомъ Тайнаго Общества Кашкинымъ объ „улучшеніи въ судопроизводствѣ, объ адвокатахъ, о присяжныхъ“. „Записки В. П. Зубкова. Съ предисл. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго“. Спб. 1906, стр. 4, 47—49.

галъ основать Общество Русскихъ Рыцарей, сказано: «jury, или судъ присяжныхъ вмѣсто надворныхъ, уѣздныхъ и совѣстныхъ судовъ. Cours de cassation. Присяжный третейскій судъ, вмѣсто уголовныхъ и гражданскихъ палатъ. Вотъ судная система». Лунинъ въ своемъ «Взглядѣ на Тайное Общество» говоритъ, что оно старалось доказать «важность суда присяжныхъ въ гражданскихъ и уголовныхъ искахъ и его внутреннюю связь съ гражданской свободой». Общество желало, чтобы судопроизводство было «устное, открытое [1]) и даровое». Завалишинъ также говоритъ, что Общество желало «введенія новаго судопроизводства съ присяжными» (I, 323). Въ перечнѣ предполагаемыхъ реформъ, составленномъ С. Трубецкимъ, были упомянуты, какъ и въ конституціи Н. Муравьева: гласность суда и «введеніе присяжныхъ въ суды уголовные и гражданскіе», а Батеньковъ высказался, какъ Пестель и Н. Тургеневъ, за независимость судебной власти. Въ «Русской Правдѣ» Пестеля и въ перечнѣ реформъ, найденномъ у Трубецкого, было указано на необходимость уничтоженія всякихъ чрезвычайныхъ судовъ, чего, какъ мы видѣли, требовалъ и Н. Тургеневъ [2]). А. Бестужевъ, въ письмѣ къ императору Николаю, свидѣтельствуетъ, что члены Тайнаго Общества желали сокращенія продолжительности судопроизводства, «публичности» его и предоставленія тяжущимся права избирать любого судью изъ извѣстнаго ихъ числа [3]). Каховскій также высказывался за введеніе гласности судопроизводства.

Лунинъ въ разборѣ «Донесенія тайной слѣдственной комиссіи» упоминаетъ о томъ, что декабристы считали необходимымъ изданіе новаго уложенія. Онъ, вѣроятно, разумѣетъ тутъ трудъ Н. И. Тургенева «Уголовное уложеніе» и работу на эту тему Пестеля, который, въ своемъ сочиненіи «Краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго правленія» (1820 г.), посвящаетъ очень много мѣста вопросу о законахъ гражданскихъ и уголовныхъ, представляетъ планъ гражданскаго судебника и проч. [4]). Здѣсь Пестель устанавливаетъ слѣдующія основныя на-

---

[1]) О желаніи ввести гласное судопроизводство свидѣтельствуетъ и Александръ Мих. Муравьевъ въ его воспоминаніяхъ подъ заглавіемъ Mon Journal. *Th. Schiemann.* Die Ermordung Pauls I und die Thronbesteigung Nikolaus I. S. 165.

[2]) Необходимость установленія несмѣняемости судей и недопущенія никакихъ чрезвычайныхъ судовъ доказываетъ и Бенжаменъ Констанъ, произведенія котораго были знакомы многимъ декабристамъ. См. Politique Constitutienelle, I, 154, 256, II, 152.

[3]) *Бородинъ*, 41. Каховскій считалъ законы Наполеона I относительно судопроизводства „съ малыми перемѣнами“ удобными „для всѣхъ народовъ“, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности французскій уставъ уголовнаго судопроизводства 1808 г. представлялъ весьма серьезные недостатки: см. *Фойницкій* I, 32.

[4]) Госуд. Арх. I В. № 10; ср изд. Щеголева, Спб. 1906 г., стр. 163—192 (ученымъ изслѣдователямъ совѣтую довѣрять только подлинной рукописи). См.

чала относительно наказаній: 1) «Наказаніе не есть *мщеніе*, ибо мщеніе есть страсть», а законъ долженъ ставить преграды страстямъ и не можетъ быть самъ выраженіемъ страсти. Законъ, опредѣляя наказаніе, имѣетъ въ виду «общество, а не преступника, благо общественное, а не частную ненависть, примѣръ для будущаго, а не мщеніе за прошедшее, а потому и состоитъ вся цѣль законовъ при опредѣленіи наказаній единственно въ томъ, чтобы удержать другихъ людей отъ подобныхъ преступленій, исправить, если возможно, самого преступника и поставить его въ невозможность нарушать впредь спокойствіе и благоденствіе общества и частныхъ людей». Поэтому онъ считалъ необходимымъ выбирать такія наказанія, которыя, «будучи соразмѣрны преступленію, производятъ самое сильное впечатлѣніе на другихъ людей и заключаютъ, между тѣмъ, самое меньшее количество страданія для преступника [1]). 2) Пестель рѣшительно высказывается противъ смертной казни. По его словамъ, «имѣетъ каждый частный человѣкъ право убить того, который стремится лишить его жизни, если не имѣетъ другихъ средствъ для своего спасенія. Но гражданское общество и правительство, располагая всегда другими средствами для спасенія государства или гражданъ отъ покушеній частныхъ людей, не имѣетъ права какого бы то ни было преступника наказывать смертью, ибо въ семъ отношеніи все то есть *безсовѣстно* и *зловластно*, что преступаетъ границы необходимости. Къ тому же надобно еще и то сказать, что *всезнаніе* не принадлежитъ къ качествамъ смертныхъ и что слѣдовательно нѣтъ такового случая, въ которомъ человѣкъ, а посему и судья не могъ бы ошибиться, признавая человѣка преступникомъ и налагая на него наказаніе. Изъ сего явствуетъ, что всякое наказаніе должно быть налагаемо такимъ образомъ, чтобы возмездіе, вознагражденіе или удовлетвореніе были возможны. Смертная же казнь, содѣлывая всякое возмездіе совершенно невозможнымъ, по одной уже сей причинѣ никогда не должна быть употребляема. Хвала россійскому правительству, постигшему великую сію истину». 3) Какъ и въ «Русской Правдѣ», онъ считаетъ необходимымъ, чтобы наказанія были «одинаковы для всѣхъ состояній и

также V главу „Русской Правды", которая въ изданіи г. Щеголева напечатана особенно неудовлетворительно.

[1]) „Жестокость въ наказаніяхъ имѣетъ, по словамъ Пестеля, самыя вредныя послѣдствія ...Чѣмъ жесточѣе наказанія, тѣмъ жесточѣе дѣлается и самъ народъ, для котораго они употребляются, а слѣдовательно и не производятъ они не только никакой пользы, но даже напротивъ того унижаютъ народную нравственность". Какъ подтверждается эта мысль безсмысленными и варварскими смертными казнями въ настоящее время! Членъ Общества Соединенныхъ Славянъ Андрей Борисовъ также говоритъ въ своемъ показаніи: „чѣмъ жесточе наказанія, чѣмъ они чаще, тѣмъ мягче они достигаютъ своей цѣли,—они теряютъ свою цѣну".

всѣхъ сословій безъ изъятія», хотя и признаетъ, что одно и то же наказаніе причинитъ «большее страданіе» человѣку образованному, нежели лишенному воспитанія.

Каховскій въ письмѣ изъ крѣпости высказывается также противъ смертной казни [1]). Одобряя французскіе уголовные законы, онъ считаетъ, однако, весьма вреднымъ допущеніе ими смертной казни. Оговариваясь, что, какъ подсудимый, самъ онъ предпочитаетъ «смерть и позору, и заключенію», Каховскій говоритъ, что «законы должны наказывать виновныхъ, но не убивать, и въ самомъ наказаніи стараться не заграждать пути преступнику къ исправленію» [2]).

Баронъ В. И. Штейнгель, въ запискѣ 1817 г., представленной государю, считалъ необходимымъ отмѣну кнута и плетей и замѣну ихъ розгами, ссылкою и заточеніемъ [3]).

Н. Тургеневъ въ сочиненіи объ уголовномъ уложеніи ставитъ въ примѣръ Европѣ американскія тюрьмы, а изъ европейскихъ считаетъ лучшими англійскія и датскія. Каховскій въ цитированномъ письмѣ изъ крѣпости указываетъ на ужасное состояніе нашихъ тюремъ и также восхваляетъ тюремное устройство Соединенныхъ Штатовъ [4]).

---

[1]) Ср. выше (стр. 333) протестъ противъ нея масона Лопухина. Въ дивизіи, расположенной въ Бессарабіи, была введена смертная казнь для прекращенія побѣговъ за границу. *М. О. Гершензонъ.* „Исторія молодой Россіи", М. 1908, стр. 31.

[2]) Г. А. 1 В. № 11, л. 53. Протестъ противъ смертной казни могъ явиться у декабристовъ подъ вліяніемъ Бентама („Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи", Спб. т. II, 1806 г., стр. 614—616) и Беккаріи. Нѣкоторымъ изъ нихъ могло быть извѣстно и сочиненіе Гизо „De la peine de mort en matière politique". P. 1822 г. (Содержаніе этой книги изложила Т. А. Богдановичъ въ „Нашей Газетѣ" 1909 г. № 23). Въ 1825 г. въ „Сѣверномъ Архивѣ", (№ 22) была напечатана статья противъ смертной казни, переведенная изъ Revue Encyclopedique.

[3]) См. мою статью о Штейнгелѣ въ „Общ. Движ." I, 285—286. Завалишинъ въ своихъ воспоминаніяхъ упоминаетъ о пожеланіяхъ декабристовъ относительно отмѣны тѣлесныхъ наказаній (I, 254, 323).

[4]) Постановленія о тюремномъ заключеніи въ конституціи Н. Муравьева и „Русской Правдѣ" см. выше стр. 454 и 539.—См. статью „Городовая тюрьма въ Филадельфіи" (тутъ же о необходимости отмѣны смертной казни и тѣлесныхъ наказаній) изъ путешествія въ Канаду и Соединенные Штаты Fr. Hall'a „Духъ Журналовъ", 1819 г., ч. XXXIII, кн. 5.

ГЛАВА IX.

Преобразованіе военнаго строя.

Такъ какъ громадное большинство членовъ Тайнаго Общества были военные, то естественно, что они серьезно задумывались надъ тѣмъ какія преобразованія необходимо произвести въ устройствѣ арміи.

Одно изъ первыхъ мѣстъ среди ихъ предположеній по этому вопросу занимаетъ сокращеніе срока службы нижнихъ чиновъ [1]). На это указываютъ и Лунинъ въ своемъ «Взглядѣ на Тайное Общество», и Александръ Мих. Муравьевъ въ его перечнѣ реформъ, предложенныхъ декабристами [2]). Въ запискѣ, составленной Трубецкимъ, предполагалось сокращеніе срока военной службы для нижнихъ чиновъ, которое должно было послѣдовать по уравненіи воинской повинности между всѣми сословіями, и увольненіе въ отставку всѣхъ безъ исключенія нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ [3]). Пестель въ «Запискѣ о государствен-

---

[1]) Въ январѣ 1811 г. Н. С. Мордвиновъ поднесъ государю записку „О новомъ образѣ комплектованія войскъ", въ которой между прочимъ предлагалъ срокъ для службы солдатъ опредѣлить въ 12 лѣтъ, въ томъ числѣ 8 для дѣйствительной службы и 4 для зачисленія въ составъ резервной арміи. Александръ I противъ этого пункта написалъ: „Сіе предположеніе считаю основательнымъ, и прежде оное у меня въ виду уже было". Во флотѣ Мордвиновъ считалъ необходимымъ 16-лѣтній срокъ службы и предлагалъ, чтобы затѣмъ каждый возвращался „въ первобытное состояніе" (слѣдовательно крѣпостные, вопреки существовавшему тогда закону, должны были бы возвращаться подъ власть помѣщика). Государь сдѣлалъ на это такое замѣчаніе: „много неудобствъ сопряжено съ симъ". Комитетъ изъ предсѣдателей государственнаго совѣта и его департаментовъ одобрилъ мнѣніе Мордвинова, но оно осталось неосуществленнымъ. „Архивъ гр. Мордвиновыхъ" IV, 42—43, 51. Въ мнѣніи по поводу росписи на 1811 г. Мордвиновъ совѣтовалъ назначить срокъ службы солдатъ въ 7—8 лѣтъ, послѣ чего они должны были „обращаться въ прежнее свое состояніе". Ibid. IV, 447. Дибичъ въ 1817 г. предлагалъ сократить срокъ службы нижнихъ чиновъ до 15 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы потомъ они, по своему желанію, или продолжали служить, или возвращались къ помѣщику, становясь, однако, не крѣпостными, а лишь прикрѣпленными къ землѣ. „Военный Сборникъ" 1861 г. т. XIX, 371. Ср. выше, стр. 123.

[2]) *Schiemann*, 165.

[3]) Въ позднѣйшей запискѣ 1855 г. кн. С. П. Трубецкого предлагается сокращеніе срока службы до 10-ти и даже до 8 лѣтъ (см. его „Записки" изд. его дочерей, 1907 г., стр. 168). М. А. Фонъ-Визинъ въ „Запискѣ о крѣпостномъ

номъ правленіи», болѣе раннемъ его произведеніи, чѣмъ «Русская Правда», предлагалъ также установить 15-лѣтній срокъ службы. Такой же срокъ указанъ имъ и въ «Запискѣ о составѣ войска» [1]). Въ ней онъ говоритъ, что одною изъ главныхъ причинъ многочисленности преступленій въ войскѣ является продолжительность службы нижнихъ чиновъ:

«Срокъ для службы, опредѣленный въ 25 лѣтъ, до такой степени черезъ всякую мѣру продолжителенъ, что мало солдатъ оный проходятъ и выдерживаютъ, и потому съ самаго младенчества привыкаютъ они взирать на военную службу, какъ на жесточайшее несчастіе и почти какъ на рѣшительный приговоръ къ смерти. Съ таковыми чувствами и понятіями вступая въ войско, а въ продолженіе тягостной своей службы находя мало причинъ перемѣнить на ея счетъ свой образъ мыслей, теряютъ солдаты всякую надежду на счастіе въ сей жизни, а съ тѣмъ вмѣстѣ и содѣлываются готовыми къ послѣдованію дурныхъ примѣровъ и къ принятію еще худшихъ совѣтовъ». Нужно установить, «чтобы въ рекруты брались одни только молодые люди, имѣющіе 20 лѣтъ, а не болѣе. Вслѣдствіе сего имѣлъ бы каждый солдатъ, выходящій въ отставку, не болѣе 35 лѣтъ, былъ бы тогда еще въ полной силѣ и, заплативъ дань отечеству, могъ бы любое себѣ избрать состояніе и надѣяться еще на многолѣтнее счастіе, награждающее его за хорошую службу». Короткіе сроки службы казались Пестелю невозможными. «Мысль, что войско, лишаясь старыхъ солдатъ, теряетъ въ крѣпости и устройствѣ своемъ, была бы справедлива, если срокъ службы до 5 лѣтъ былъ бы уменьшенъ, но совершенно неосновательна, когда для онаго опредѣляются 15 лѣтъ, ибо каждый начальникъ подтвердитъ, что самые лучшіе солдаты суть тѣ, которые служатъ отъ 5 до 15 годовъ. Первые пять годовъ нужны солдату, дабы къ службѣ совершенно привыкнуть и надлежащимъ образомъ оную познать. Прослужа же 15 лѣтъ, начинаетъ онъ слабѣть и становится уже менѣе совершеннымъ, а потому лучшее время для солдата находится между 5 и 15 лѣтъ срока его службы. Пройдя сей срокъ, нельзя отъ него требовать ни живости, ни бодрости надлежащей и нельзя ожидать ни усердія, ни пользы. Люди не суть простыя машки, коими бы можно было двигать по произволу безъ всякаго соображенія и разсужденія» [2]).

состояніи земледѣльцевъ въ Россіи" (1842 г.) высказался за 10—12-лѣтній срокъ службы нижнихъ чиновъ. См. мою статью о немъ въ изданіи Пирожкова „Обществ. движ. въ Россіи въ первую половину XIX в.", т. I, Спб., 1905 г. стр. 80; „Библіотека Декабристовъ" М. 1907 г. в. IV, 118. Мордвиновъ въ 1826 году предлагалъ установить 10-лѣтній срокъ службы, въ 1830 г. 8—10-лѣтній, а позднѣе 8 лѣтній срокъ. „Арх. гр. Мордвиновыхъ" VII. 36, VIII, 257, IX, 31, 135, 141. При Николаѣ I установлено увольненіе нижнихъ чиновъ по выслугѣ 20 лѣтъ на 5 остальныхъ лѣтъ службы въ безсрочный отпускъ. *Рещеръ.* „Комплектованіе и устройство вооруженной силы". Спб. 1900 г., стр. 87.

[1]) Волконскій, упомянувъ о томъ, что Тайное Общество поручило нѣкоторымъ своимъ членамъ выработку предварительныхъ уставовъ разныхъ частей управленія, говоритъ: „административная часть и военная организація были поручены Пестелю" (стр. 422), и дѣйствительно, въ его бумагахъ сохранилось много записокъ по вопросамъ военнаго быта, а также предположенія и относительно административныхъ реформъ.

[2]) Черновыя записки Пестеля по дѣламъ военнаго управленія. „Госуд. Арх." I В. № 473.

Пестелю казался невозможнымъ 5-лѣтній срокъ службы въ войскѣ, между тѣмъ во Франціи, во время реставраціи, существовалъ для этого 6-лѣтній срокъ и лишь на время войны установлена была въ 1817 г. еще 6-лѣтняя территоріальная служба для отставныхъ солдатъ [1]).

Въ «Русской Правдѣ» также устанавливается 15-тилѣтній срокъ службы.

Декабристъ Якубовичъ въ письмѣ къ имп. Николаю изъ крѣпости (отъ 28 декабря 1825 г.) предлагалъ уменьшить продолжительность службы солдатъ [2]). Петръ А. Бестужевъ одною изъ важнѣйшихъ цѣлей Тайнаго Общества считалъ сокращеніе срока службы нижнихъ чиновъ [3]). Членъ Сѣвернаго Общества Пазимовъ на вопросъ слѣдственной коммиссіи, на чемъ Общество основывало свои надежды на успѣхъ, отвѣчалъ: «на уменьшеніи срока службы солдатъ и на объявленіи свободы помѣщичьимъ крестьянамъ» [4]).

---

[1]) Въ 1798 г. во Франціи была введена воинская повинность, обязательная для всѣхъ гражданъ, но въ 1800 г. допущено было замѣстительство для лицъ, которыя могутъ принести государству бо́льшую пользу, продолжая свои прежнія занятія и ученые труды. *Редигеръ.* „Комплектованіе и устройство вооруженной силы". Спб. 1900 г., стр. 28, 40, 67. Въ Пруссіи по закону 3 сентября 1814 г. вмѣсто прежняго, 20-лѣтняго срока службы была введена общая воинская повинность для всѣхъ способныхъ носить оружіе срокомъ въ 19 лѣтъ; но изъ нихъ лишь 5 лѣтъ служили въ дѣйствительной службѣ, въ томъ числѣ 3 года подъ знаменами и два—въ отпуску. Затѣмъ на 26 году жизни переходили на 7 лѣтъ въ первый призывъ ландвера, который во время войны, какъ и постоянная армія, обязанъ былъ служить и внутри, и внѣ страны, а въ мирное время, въ извѣстные дни, подвергался небольшимъ ученіямъ и разъ въ годъ соединялся съ отрядами постоянной арміи для маневровъ. Второй призывъ ландвера, также съ 7-лѣтнимъ срокомъ службы, въ мирное время собирался только въ своемъ краю и на нѣсколько дней, а во время войны служилъ для подкрѣпленія гарнизоновъ, но, въ случаѣ необходимости, могъ быть употребленъ и внѣ страны. Наконецъ, ландштурмъ (ополченіе) предназначался лишь для защиты въ крайнемъ случаѣ отъ непріятельскаго нападенія, и въ составъ его входили всѣ способные носить оружіе отъ 17-го до 50-года. Молодые люди изъ класса образованныхъ людей, вооружавшіеся на свой счетъ, служили подъ знаменами лишь одинъ годъ, уже по прошествіи трехъ лѣтъ переводились въ ландверъ и были тамъ первыми претендентами на офицерскія мѣста. *Treitschke.* Deut. Geschichte, 1 Theil, 7 Aufl. 1904, S. 592. Такъ какъ военная служба при Наполеонѣ была крайне тягостна для населенія Франціи, то Людовикъ XVIII хартіею 1814 г. уничтожилъ конскрипцію и установилъ добровольную вербовку; гвардія, кавалерія и спеціальные роды войска набирались этимъ способомъ; но такъ какъ онъ не удовлетворялъ потребности въ пополненіи войска, то законъ 1818 г. установилъ наборъ 40,000 человѣкъ по жребію изъ всѣхъ молодыхъ людей 20-ти-лѣтняго возраста. Не вынувшіе жребія навсегда освобождались отъ военной службы. Добровольная наемка уменьшала число призываемыхъ. *Guillon,* Les complots militaires, p. 23—24, 27.

[2]) *Бороздинъ,* 81.

[3]) Г. Арх. 1 В. № 366, л. 18. Никита Муравьевъ также показалъ, что „Общество полагало склонить войска на свою сторону уменьшеніемъ срока службы".

[4]) Г. А. I В. № 386, л. 27.

Рылѣевъ во время слѣдствія заявилъ: «При совѣщаніи о средствахъ къ возмущенію солдатъ я полагалъ полезнымъ распустить слухъ, будто въ сенатѣ хранится духовное завѣщаніе покойнаго государя, въ которомъ срокъ службы нижнимъ чинамъ уменьшенъ 10-ю годами». Мнѣніе это было принято какъ Трубецкимъ, такъ и всѣми другими, и рѣшено было, чтобы офицеры разныхъ полковъ, принадлежащіе къ обществу, привели его въ исполненіе [1]). По показанію Трубецкого, предполагалось, когда собраны будутъ всѣ полки на сенатской площади и когда вступятъ съ ними въ переговоры, требовать отъ сената завѣщанія, по которому убавленъ срокъ службы солдатамъ [2]).

Н. А. Бестужевъ въ воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ разсказываетъ, что онъ самъ, его братъ А. А. Бестужевъ и Рылѣевъ, послѣ того какъ войско присягнуло Константину Павловичу, «положили было писать прокламаціи къ войску и тайно разбросать ихъ по казармамъ; но послѣ, признавъ это неудобнымъ, изорвали нѣсколько исписанныхъ уже листовъ и рѣшились всѣ трое идти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часового и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана свобода крестьянамъ и убавлена до 15 лѣтъ солдатская служба... Нельзя представить жадности», говоритъ Н. Бестужевъ, «съ какою слушали насъ солдаты; нельзя изъяснить быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ» [3]). Въ перечнѣ предполагаемыхъ преобразованій, найденномъ въ бумагахъ Трубецкого и имъ составленномъ, назначенъ для нижнихъ чиновъ 15-лѣтній срокъ службы.

С. П. Муравьевъ-Апостолъ во время возстанія черниговскаго полка сказалъ въ Васильковѣ 31 декабря 1825 г. краткую рѣчь солдатамъ, въ которой, призывая ихъ къ защитѣ свободы для себя и отечества, обнадеживалъ ихъ, что имъ будетъ прибавлено жалованье, уменьшенъ срокъ службы и облегчено тяжелое положеніе крестьянъ [4]).

Лунинъ во «Взглядѣ на Тайное Общество» также свидѣтельствуетъ о желаніи Общества, чтобы жалованіе солдата было «увеличено въ соразмѣрности съ его нуждами». Пестель въ «Запискѣ о государственномъ управленіи» доказывалъ необходимость улучшить пищу солдатъ и сдѣлать ихъ одежду теплѣе и удобнѣе. По словамъ А. М. Муравьева, стремились и вообще къ «улучшенію судьбы защитниковъ отечества» [5]).

---

[1]) *Бороздинъ*, 188.

[2]) *Довнаръ-Запольскій*. „Мемуары декабристовъ", 90.

[3]) „Полн. собр. соч. К. Ѳ. Рылѣева", Лейпц. 1861 г., „Библ. рус. авторовъ", I, 32—33, „Истор. Вѣстн." 1904, № 4.

[4]) „Тайное Общество и 14 декабря 1825 г.". Лейпц. стр. 87; ср. „Рус. Арх." 1902 г. № 6, стр. 296.

[5]) *Schiemann*, 165.

По свидѣтельству Лунина и А. М. Муравьева, Тайное Общество желало уменьшенія количества войскъ въ мирное время. А. Бестужевъ въ письмѣ изъ крѣпости къ Николаю I совѣтовалъ ему уменьшить численность арміи «въ треть» [1]). Н. Тургеневъ въ неизданномъ сочиненіи «Теорія политики» (ч. II, 1820 г.) высказалъ мысль, что постоянная армія должна «состоять только изъ регулярной кавалеріи и артиллеріи», такъ какъ эти части ея «не могутъ быть вдругъ сформированы», пѣхотою же можетъ быть милиція; принадлежащіе къ ней люди должны были оставаться въ своихъ домахъ и «только по временамъ упражняться въ экзерциціи военной» [2]).

Пестель въ «Запискѣ о государственномъ правленіи» очень подробно говоритъ о различныхъ военныхъ преобразованіяхъ; я остановлюсь лишь на нѣсколькихъ его предложеніяхъ, имѣющихъ болѣе общее значеніе. Для пріученія солдатъ къ исполненію ихъ обязанностей онъ предлагалъ, чтобы четвертая часть войска была расположена на границѣ, при чемъ полгода они стояли бы въ лагерѣ, а остальное время въ крѣпостяхъ. Пробывъ такимъ образомъ годъ на военномъ положеніи, эта часть войска должна была смѣняться другою. Войска, находящіяся на мирномъ положеніи, онъ предлагалъ употреблять на проведеніе дорогъ, постройки и «вообще на всѣ большія государственныя работы» [3]). Поступающихъ на военную службу Пестель раздѣлялъ на вольно-опредѣляющихся и «наборныхъ ратниковъ». Вольно-опредѣляющимися могутъ быть не только ратники (солдаты), но и всѣ «чиновники» (офицеры). Вольно-опредѣляющійся, желающій поступить на службу офицеромъ, долженъ выдержать соотвѣтственное испытаніе, но во всякомъ случаѣ обязанъ предварительно прослужить одинъ мѣсяцъ рядовымъ, другой десятникомъ (ефрейторомъ), третій унтеръ-офицеромъ, чтобы узнать военную службу во всѣхъ ея степеняхъ. «Наборный ратникъ, опредѣляющійся въ полкъ, съ большою пользою можетъ поступить предварительно въ коренную дружину на одинъ годъ и тамъ быть всему нужному обученъ, для чего и долженъ каждый полкъ имѣть особенное училище при коренной дружинѣ». Отдавать людей въ военную службу въ видѣ наказанія должно быть запрещено, такъ какъ «воинское званіе столь почтенно», что не должно быть «удѣломъ недостойнаго человѣка». Во

---

[1]) *Бороздинъ*, 42. М. А. Фонъ-Визинъ въ позднѣйшемъ трудѣ „О крѣпостномъ состояніи земледѣльцевъ въ Россіи“ (1842 г.) находитъ возможнымъ сокращеніе арміи до половины.

[2]) Тургеневскій Арх. въ рук. отд. Библ. Акад. Наукъ № 1117, л. 22.

[3]) Завалишинъ сообщаетъ, что, по мнѣнію членовъ Тайнаго Общества, „войска въ мирное время могли быть употребляемы на государственныя работы“, а особенно на исполненіе дорожной повинности, что казалось болѣе естественнымъ, нежели давать солдатамъ отпускъ для земледѣльческихъ работъ, а въ то же время отрывать отъ нихъ крестьянина для отработки натуральныхъ повинностей. „Записки“ I, 171.

флотѣ, по мнѣнію Пестеля, всего полезнѣе было бы «имѣть однихъ только вольно-опредѣляющихся, поступающихъ на военные корабли съ купеческихъ кораблей, ибо», какъ полагаетъ онъ, «сильный» флотъ «ни на чемъ иномъ основанъ быть не можетъ, какъ единственно на купеческомъ мореходствѣ» для того, чтобы быть способнымъ къ трудной и продолжительной войнѣ.

Пестель не рѣшился высказаться въ томъ же сочиненіи за совершенное уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, а стоялъ только за ихъ ограниченіе. «Тѣлесному наказанію», говоритъ онъ, «должны подлежать одни рядовые младшаго оклада [1]), и то не иначе, какъ по суду, равно какъ и всякое наказаніе вообще, исключая малозначущихъ случаевъ, которые болѣе ошибками признаны быть могутъ, нежели преступленіями. Но и въ семъ случаѣ должно происходить гласно, передъ дружиною, по приговору дружинной расправы» (состоящей изъ дружиннаго начальника и всѣхъ дружинныхъ офицеровъ), «а не по волѣ одного дружиннаго начальника. Рядовой, сквозь строй прогнанный, долженъ изъ полку быть выписанъ и поступить въ тѣ мѣста гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, гдѣ производятся тягостныя работы, напримѣръ, въ литейные дворы, заводы и т. п.» [2]).

Будучи полковымъ командиромъ Вятскаго полка, Пестель не уничтожилъ у себя тѣлесныхъ наказаній. На допросѣ въ Тульчинѣ 22 декабря 1825 г. ему было указано на то, что сначала онъ относился весьма снисходительно къ нижнимъ чинамъ, но послѣ смотра, произведеннаго корпуснымъ командиромъ въ 1823 г. въ лагерѣ при городѣ Барѣ, онъ вывелъ полкъ для наказанія тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые замѣчены были офицерами или унтеръ-офицерами, какъ нерадивые или дѣлавшіе ошибки. Пестель отвѣтилъ: «Съ нижнихъ чиновъ я сначала многаго требовать не могъ, ибо не были они выучены и не были въ томъ вино-

---

[1]) Это предложеніе, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что въ Пруссіи въ это время уже было отмѣнено наказаніе палками для солдатъ перваго класса. *Goette*, Das Zeitalter der deutschen Erhebung. 1891, I, 144—145. Еще во время существованія Tugendbund'a появились статьи Гнейзенау о свободѣ спины въ кенигсбергскомъ органѣ этого Общества „Volksfreund“ (№ 6, 9 Iuli 1808, № 2, 1809, 14 Ian.). Около этого же времени (въ 1809 г.) англійскій публицистъ Коббетъ писалъ противъ употребленія въ арміи тѣлесныхъ наказаній. *Карѣевъ* „Исторія западной Европы“, т. IV, 1894 г., стр. 484.

[2]) Въ „Запискѣ о составѣ войска“, гдѣ повторяется это предложеніе, Пестель находилъ еще возможнымъ, чтобы баталіонный командиръ и высшіе начальники имѣли право наказывать тѣлесно рядовыхъ низшаго оклада по своему усмотрѣнію, но съ тѣмъ, чтобы они обязаны были вносить эти дѣла въ расправныя книги и въ нихъ расписываться. Въ этой запискѣ Пестель также предлагалъ запретить „отдавать людей въ наказаніе въ военную службу“; однако онъ допускалъ здѣсь, чтобы они поступали туда, куда отсылались бы солдаты, выключаемые изъ полковъ, то есть на литейные дворы, заводы и проч. Государств. Арх. I, В, № 473.

ваты. Надобно было дать имъ способъ сдѣлаться въ службѣ свѣдущими, а потомъ уже требовать и взыскивать. Послѣ лагеря 1822 г. занялся я особенно унтеръ-офицерами чрезъ всю зиму, собралъ ихъ въ учебныя команды и сдѣлалъ изъ нихъ учителей, а прежде были они сами неучи». Послѣ того солдаты оказали успѣхи, «но недостаточные, и закоренѣлая лѣность все еще оставалась въ дѣйствіи. Сіе понудило меня обратиться къ строгости, испытавъ всѣ средства терпѣнія и поученія и убѣдившись, что одна строгость можетъ искоренить давнишнюю лѣнь и сильное нерадѣніе. Успѣхъ оправдалъ мое соображеніе. Вотъ причины, понудившія меня перемѣнить прежнее мое снисходительное обращеніе на строгое». Пестель признался, что послѣ смотра, произведеннаго корпуснымъ командиромъ, велѣлъ наказать палками всѣхъ нерадивыхъ солдатъ. Но, если онъ, къ стыду его, не съумѣлъ обойтись при командованіи полкомъ безъ употребленія палокъ, что нашелъ возможнымъ другой декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ, бывшій полковымъ командиромъ двухъ егерскихъ полковъ, то все же не слѣдуетъ думать, что Пестель былъ заурядным начальникомъ. Изъ одного донесенія, уже по смерти его, видно, какую хорошую память оставилъ онъ послѣ себя въ Вятскомъ полку. «Всѣ нижніе чины и офицеры», сказано въ этомъ донесеніи, «жалѣютъ Пестеля, бывшаго ихъ командира, говоря, что имъ хорошо съ нимъ было, да и еще чего-то лучшаго ожидали, и стоитъ только вспомнить кому изъ военныхъ Пестеля, то вдругъ всякій со вздохомъ тяжкимъ и слезами отвѣчаетъ, что такового командира не было и не будетъ; я сіе отъ многихъ самъ слышалъ, и евреи, почти всякій, тоже отъ военныхъ слыша, мнѣ доносили» [1]).

Якушкинъ говоритъ, что члены союза Благоденствія «стали при всѣхъ случаяхъ гремѣть противъ дикихъ учрежденій, каковы: палка, крѣпостное право и проч... Въ этомъ дѣлѣ мы рѣшительно были за стрѣльщиками;... на каждомъ шагу встрѣчались Скалозубы не только въ арміи, но и въ гвардіи, для которыхъ было непонятно, чтобы изъ русскаго человѣка возможно выправить годнаго солдата, не изломавъ на его спинѣ нѣсколько возовъ палокъ» [2]). Въ Семеновскомъ полку, въ которомъ служило нѣсколько членовъ Союза Благоденствія, «палка почти совсѣмъ уже была выведена изъ употребленія» [3]). Н. Тургеневъ также

---

[1]) „Русск. Арх." 1905 г. № 6, стр. 309. С. Волконскій говоритъ, что Майборода, принятый Пестелемъ въ Тайное Общество и потомъ подавшій о немъ доносъ, „льстилъ Пестеля тѣмъ, что, желая ему угодить, избѣгалъ „жестокихъ мѣръ съ нижними чинами". (Записки Волконскаго, 429).

[2]) Ѳ. Н. Глинка считалъ себя обязаннымъ порицать употребленіе палокъ въ войскахъ. „Рус. Стар." 1904 г. № 3, стр. 512.

[3]) Записки Якушкина, стр. 17—18, 25. О гуманной дѣятельности М. Ѳ. Орлова въ находившейся подъ его командою въ Бессарабіи дивизіи, я уже упоминалъ (стр. 117—118). Орловъ былъ лишенъ дивизіи и назначенъ „состоять

говоритъ о членахъ Тайнаго Общества, что «если нѣкоторые изъ нихъ прежде воздерживались отъ наказаній солдатъ палками, то это было слѣдствіемъ природной доброты, теперь-же они отвергали это средство поддержанія дисциплины, какъ противорѣчащее основнымъ началамъ справедливости и человѣчности» [1]). Поручикъ Тираспольскаго полка Титовъ, принятый въ Общество Нарышкинымъ въ февралѣ 1824 г., показалъ, что въ числѣ «артикуловъ», сообщенныхъ ему Нарышкинымъ, было обязательство «обращаться съ подчиненными сколь можно человѣколюбивѣе» [2]).

М. А. Бестужевъ, ротный командиръ л. г. Московскаго полка, принялъ роту отъ предмѣстника, который былъ жестокъ съ солдатами и даже на ученіи билъ ихъ шомполами. «Желая поставить роту на иныхъ принципахъ», разсказываетъ Бестужевъ въ своихъ запискахъ, «я съ перваго-же дня уничтожилъ употребленіе не только шомполовъ, но даже палокъ и розогъ. Солдаты первоначально меня не поняли и приняли мое гуманное съ ними обращеніе за слабость. Но..., послѣ нѣсколькихъ случаевъ недоумѣнія, все обошлось какъ нельзя къ лучшему, я заслужилъ ихъ любовь и довѣренность. Судились и наказывались они своимъ судомъ, и въ штрафную книгу ни одного солдата не было записано, такъ что я даже заслужилъ строгій выговоръ за потворство подчиненнымъ» [3]). С. Г. Волконскій говоритъ въ своихъ запискахъ, что во время службы на Волыни, послѣ 1815 г., онъ «старался ввести въ отношенія начальника къ подчиненнымъ болѣе мягкости и теплоты: былъ учтивъ съ офицерами и дружески попечителенъ о нижнихъ чинахъ, старался заслужить общее ихъ довѣріе и любовь, чего можно достичь и безъ упадка въ дисциплинѣ, вопреки убѣжденію старой, грубой палочной си-

но арміи", но дѣло его получило широкую огласку даже и заграницею. Очевидно, подъ вліяніемъ приказа М. Ѳ. Орлова, 3 августа 1820 г., гдѣ запрещались „слишкомъ строгое обращеніе съ солдатами и дисциплина, основанная на побояхъ", командиръ 32-го егерьскаго полка, полковникъ Пепенинъ, членъ Союза Благоденствія, отдалъ 9 декабря 1820 г. приказъ о совершенномъ уничтоженіи наказанія нижнихъ чиновъ палками (Арх военно-судн. управленія, Всеподд. доклады 1827 г., окт.—ноябрь, докладъ о В. Ѳ. Раевскомъ). Въ одномъ вскрытомъ письмѣ неизвѣстнаго поляка на французскомъ языкѣ, которое было доведено до свѣдѣнія имп. Александра I (оно найдено послѣ его смерти въ его кабинетѣ), есть слѣдующее извѣстіе: „Правительству будетъ весьма трудно искоренить духъ, который" генералъ Орловъ „вселилъ въ свою дивизію. Замѣчаютъ, что это прививается въ значительной части арміи, и офицеры очень недовольны и рѣзко говорятъ противъ правительства". (Бумаги Н. Ѳ. Дубровина въ отд. рук. I отд. библ. Акад. Наукъ). Нужно замѣтить, что поляки, члены Тайнаго Общества, учрежденнаго Лукасинскимъ подъ названіемъ Національнаго Масонства, принимая въ общество офицеровъ, обязывали ихъ гуманно обходиться съ солдатами.

[1]) La Russie et les Russes II, 350.

[2]) Г. А. I В, № 60.

[3]) „Русск. Стар." 1870 г. т. I, изд. 3, стр. 266.

стемы» (стр. 387). С. Муравьевъ-Апостолъ, баталіонный командиръ черниговскаго полка, показалъ на слѣдствіи: «Кромѣ хорошаго обращенія и помощи въ нуждахъ, я... никакихъ средствъ не употреблялъ», чтобы привязать къ себѣ «людей Черниговскаго полка, отъ должнаго же наказанія за вины я солдатъ освобождать не могъ, ибо баталіонный командиръ не входилъ во внутреннее управленіе ротъ, а палочныя наказанія за ошибки во время ученія я, дѣйствительно, уничтожилъ» [1]). По слозамъ біографа С. Муравьева-Апостола, въ баталіонѣ, состоявшемъ подъ его командою, «хозяйство было передано въ руки солдатъ; доброта,... мягкое обращеніе С. И. съ подчиненными сдѣлали его любимцемъ всего полка... Корпусный командиръ два раза его представлялъ въ полковые командиры, но всякій разъ тщетно». Это было слѣдствіемъ того, что С. Муравьевъ-Апостолъ служилъ прежде въ раскассированномъ Семеновскомъ полку [2]). По свидѣтельству члена Общества Соединенныхъ Славянъ Борисова 2-го, С. Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ убѣждали ихъ стараться внушать солдатамъ любовь и довѣренность къ себѣ «и ободрять ихъ въ унынiи надеждой скорой перемѣны» [3]). Членъ того же общества маіоръ Спиридовъ въ письмѣ къ Николаю I изъ крѣпости, въ концѣ декабря 1825 г., говоритъ: «необходимо бы ограничить палочные побои, чтобы каждый не смѣлъ бить, какъ и сколько ему угодно». Во время допросовъ Спиридовъ показалъ, что «строгія и непомѣрныя взысканія», налагаемыя нѣкоторыми начальниками, какого-бы малаго чина они ни были, наводятъ на мысль, что «бытъ солдата требуетъ нѣкотораго улучшенія и тѣлесное наказаніе—ограниченія». Относительно солдатъ онъ никогда не прибѣгалъ къ «жестокой строгости»; право фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ наказывать солдатъ палками было ограничено, такъ какъ онъ не могъ «надѣяться на ихъ нравственность и разсудительность; за ошибки на ученіи не позволялъ наказывать свыше нѣсколькихъ ударовъ», а «заставлялъ обучать хладнокровно и терпѣливо». Спиридовъ упоминаетъ о томъ, что иногда за «терпѣливое обхожденіе» съ солдатами «на ученьи получалъ выговоры отъ ближайшихъ начальниковъ въ случаѣ неудачнаго ученья», однако, несмотря на это, часто подтверждалъ подчиненнымъ, чтобы они безъ толку не дрались, ссылаясь на слова, сказанныя имп. Александромъ I корпусному командиру на смотру Саратовскаго полка въ городѣ Острогѣ: «учить надо солдата, не торопясь,—мѣсяцъ, два и шесть, постепенно» [4]).

Возвращаясь къ предположеніямъ декабристовъ относительно военныхъ преобразованій, упомянемъ о томъ, что, по свидѣтельству кн. Вол-

---

[1]) Г. А. I В. № 395; л. 224.
[2]) „Русск. Стар." 1873 г., т. VII, 669.
[3]) Г. А. I В. № 431, л. 26.
[4]) Г. А. I В. № 433, л. 3, 8, 34.

конскаго, въ военномъ уставѣ, составленномъ Пестелемъ было предположено «уничтоженіе привилегированныхъ войскъ», т. е. гвардіи (стр. 423). Майборода показалъ, что въ «Русской Правдѣ» между прочимъ говорилось о «переименованіи гвардіи, съ отнятіемъ у нея нѣкоторой части преимуществъ, для того, чтобы ослабивъ духъ... сего корпуса войскъ, со временемъ, сдѣлать для него невозможнымъ возведеніе «на тронъ государей» [1]). Въ сохранившейся рукописи «Русской Правды, мы этого не находимъ, въ болѣе же раннемъ трудѣ Пестеля «Записка о государственномъ управленіи» еще упоминается о «трехъ отрядахъ царскихъ опричниковъ (гвардіи) и служащимъ въ нихъ офицерамъ дается преимущество одного чина сравнительно съ «полевыми полками».

Въ своемъ трудѣ «Записка о государственномъ правленіи», говоря о военной службѣ, Пестель предлагаетъ улучшить пищу солдатъ: кромѣ муки и крупы, давать имъ по полуфунту говядины въ скоромные дни, соль и попеременно капусту, горохъ и картофель. Одежда солдата должна быть просторная и темнаго цвѣта: пѣхотѣ онъ совѣтуетъ дать кафтаны русскаго покроя; зимою полезно давать полушубки, а также плащъ.

Дѣти солдатъ должны были въ то время подготовляться въ военной службѣ. Въ 7 лѣтъ ихъ насильно отбирали у родителей и помѣщали въ военно-сиротскія отдѣленія. Съ 18 лѣтъ они зачислялись въ военную службу, какъ и ихъ отцы, на 25 лѣтъ. Пестель потребовалъ въ «Русской Правдѣ» уничтоженія военно-сиротскихъ отдѣленій (кантонистовъ), оставленія солдатскихъ дѣтей въ распоряженіи родителей съ выдачею имъ отъ казны пропитанія все время, пока отцы будутъ служить, и поступленія солдатскихъ дѣтей въ военную службу на общемъ основаніи. Объ этомъ, какъ о желаніи декабристовъ вообще, упоминаетъ и Завалишинъ въ своихъ запискахъ (I, 323).

Въ «Запискѣ о государственномъ правленіи» Пестель для отставныхъ военныхъ предлагаетъ учрежденіе инвалидныхъ домовъ.

Н. И. Тургеневъ въ «Теоріи политики» (Ч. II, написанной въ 1820 г.) настаивалъ на введеніи всеобщей воинской повинности, или конскрипціи. «Съ умноженіемъ арміи», говоритъ онъ, «надобно было прибѣгнуть къ такъ называемой конскрипціи, которой отличительная черта есть: распространеніе обязанности служить на всѣ классы народа вообще, съ нѣкоторыми частными, закономъ опредѣленными, исключеніями. Для введенія конскрипціи, или общаго для всѣхъ гражданъ рекрутскаго закона, надлежитъ, чтобы состояніе солдата было соотвѣтственно благородному своему предназначенію, чтобы число лѣтъ служенія было весьма ограниченное, чтобы дисциплина военная не имѣла ничего унизительнаго и проч.—Таковая конскрипція, или общій для всѣхъ гражданъ

[1]) Г. А. I В № 394, л. 13.

законъ рекрутскій, существуетъ нынѣ во Франціи, въ Пруссіи, въ королевствѣ Виртембергскомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ» [1]). Членъ Южнаго Тайнаго Общества Крюковъ 2-й въ своихъ наброскахъ высказался въ пользу того, чтобы «войско набирать конскрипціями», т. е. посредствомъ всеобщей воинской повинности [2]).

Такую повинность совѣтуетъ ввести и Пестель въ «Русской Правдѣ». Всѣ молодые люди, имѣющіе 20 лѣтъ отъ роду, подлежатъ рекрутскому набору. Кто разъ не былъ взятъ въ наборъ въ 20 лѣтъ и потомъ женился, тотъ навсегда освобождается отъ рекрутчины и не берется на службу даже и въ случаѣ особыхъ государственныхъ обстоятельствъ; холостыхъ же можно брать съ тѣмъ, чтобы на 35-мъ году они получали отставку. Навсегда освобождаются отъ рекрутчины: 1) выдержавшіе опредѣленный экзаменъ въ университетѣ или гимназіи; 2) составляющіе единственную опору своихъ родителей или малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, и 3) нанявшіе за себя другого рекрута не старше 25 лѣтъ. Вольноопредѣляющіеся допускаются на службу не моложе 20 лѣтъ, но съ тѣмъ, чтобы они увольнялись отъ нея не ранѣе 35-го и не позже 40-го года отъ роду [3]).

Въ программѣ преобразованій, составленной Трубецкимъ, высказаны были слѣдующія требованія: 1) «уравненіе рекрутской повинности между всѣми сословіями», 2) «уничтоженіе постоянной арміи» и 3) «образованіе внутренней стражи».

Завалишинъ проводилъ среди офицеровъ мысль о «народномъ войскѣ» (I. 216). Морякъ Торсонъ въ замѣчаніяхъ на проектъ конституціи Н. Муравьева подробно разсмотрѣлъ вопросъ о милиціи. «Чтобы войски не были обременительны государству», говоритъ онъ, «число ихъ не должно быть очень велико, но дабы симъ не подвергнуть опасности цѣлость границъ, въ случаѣ непредвиденной войны и въ случаѣ обольщенія нѣкоторыхъ строевыхъ линейныхъ полковъ или

---

[1]) Тургеневскій Арх. № 1117, л. 21 об.—22.

[2]) Г. А. I В. № 408, л. 19.

[3]) Завалишинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ (I, 171) говоритъ, что декабристы желали „облегченія воинской повинности распространеніемъ ея на иностранныхъ колонистовъ, а впослѣдствіи и на всѣ привилегированныя сословія“; въ другомъ-же мѣстѣ (I, 170—171) онъ выражается болѣе категорично: „военной повинности должны были подлежать одинаково всѣ русскіе граждане. Родъ и степень повинности опредѣлялись не сословіемъ, а качественными условіями, измѣнявшимися отъ степени пользы, которую человѣкъ можетъ приносить въ томъ или другомъ званіи или занятіи... Отъ предварительнаго служенія въ нижнихъ чинахъ никто не освобождался; различіе состояло только въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени“ службы (быть можетъ соотвѣтственно образовательному цензу?). „Второе условіе состояло въ томъ, чтобы сблизить по возможности устройство постояннаго войска съ народнымъ, т. е. съ ополченіемъ. Поэтому всякая служба должна была начинаться и оканчиваться въ мѣстныхъ войскахъ“.

гвардіи императоромъ, чтобъ противупоставить имъ силу, то кажется необходимо учредить милицію въ каждой державѣ, которой голова есть главный начальникъ милиціи. Въ случаѣ внутреннихъ неустройствъ, когда голова долженъ оставаться въ державѣ, тогда на державномъ выборѣ назначается начальникомъ милиціи другой, который съ оною долженъ выступить, куда велѣно будетъ, но въ случаѣ обереженія границы отъ чужихъ непріятелей начальникъ милиціи долженъ быть утвержденъ императоромъ. Милиція сія должна обучаться извѣстное число дней въ году и получаетъ содержаніе отъ правительства только тогда, какъ соберется въ полки и выступитъ съ своего мѣста. Милиція числомъ должна равняться войскамъ; когда депутаты обѣихъ палатъ объявятъ злоупотребленіе министровъ большой важности» (см. выше стр. 479), «тогда державныя головы должны объявить, чтобы милиція безъ отлагательства была готова собраться и дѣйствовать.

«Офицеры милиціи должны быть изъ владѣльцевъ той же державы» (т. е. имѣющихъ имущественный цензъ). «Тогда милиція сія будетъ твердою опорою вольности гражданъ и, бывъ готова всегда поддерживать власть палатъ, даетъ имъ силу требовать отчетовъ отъ министровъ. Милиція сія тѣмъ нужнѣе, что линейныя войска часто бываютъ преклонены за ничтожныя награды на сторону короны и легко дѣйствуютъ противъ гражданъ, съ которыми они считаютъ себя раздѣленными; но милиціонные воины, по своей землѣ и хижинамъ, питаютъ чувства гражданскія, считаютъ воиновъ и правительство своими угнетателями и потому всегда вступаются за своихъ представителей, пекущихся о сохраненіи ихъ выгодъ (въ Англіи милиція есть мечъ парламента)... Въ случаѣ же предательства войскъ депутаты найдутъ твердую помощь въ милиціи» [1]).

Декабристы единодушно высказались за уничтоженіе военныхъ поселеній. Въ «Русской Правдѣ» Пестеля мы находимъ весьма краснорѣчивыя страницы по этому предмету. «Одна мысль», говоритъ онъ, о «военныхъ поселеніяхъ, прежнимъ правительствомъ заводимыхъ, наполняетъ каждую благомыслящую душу терзаніемъ и ужасомъ. Сколько пало невинныхъ жертвъ для пресыщенія того неслыханнаго зловластія, которое съ яростью мучило несчастныя селенія, для сего заведенія отданныя! Сколько денежныхъ суммъ, на сей предметъ расточенныхъ, всѣ силы государства нарочито соединяя для гибели государства! И все сіе для удовлетворенія неистовому упрямству одного человѣка». Какъ из-

[1]) „Библіотека Декабристовъ", в. IV, М. 1907 г. стр. 176—177. „Нѣмецкій писатель Арндтъ предлагалъ замѣну прусской арміи милиціею, въ родѣ шведской. *Treitschke.* Deutsche Geschichte, II, 5 Aufl., S. 442. Срав. объ американскомъ войскѣ въ письмѣ изъ Филадельфіи. „Духъ Журналовъ", 1815 г., ч. VI, 259—263, 277.

вѣстно, истиннымъ иниціаторомъ военныхъ поселеній былъ самъ Александръ I, а Аракчеевъ являлся только тупымъ и жестокимъ исполнителемъ его воли. Далѣе Пестель подвергаетъ серьезному разбору доказательства мнимой выгодности военныхъ поселеній и затѣмъ говоритъ: «Никакое правительство не можетъ никогда права имѣть отдѣлить отъ общей массы народа часть онаго съ тѣмъ, чтобы на сію часть возложить, за исключеніемъ остальныхъ, самую тягостнѣйшую и жесточайшую повинность, какова есть военная. Какъ можно до такой степени всѣ чувства совѣсти и справедливости отвергнуть, чтобы навѣки нѣкоторыя семейства назначить для войны со всѣми ихъ дѣтьми, внуками и вообще потомствомъ, на сіи семейства возложить исключительно повинность военной службы и пролитіе крови за народъ, коего они знаютъ только потому, что за него всегда готовыми быть должны терять всѣхъ своихъ дѣтей... Развѣ военные поселяне не такія же чувства имѣютъ, развѣ они не такіе же граждане нашего отечества, развѣ они не тѣже права имѣютъ на благоденствіе, какъ и прочіе россіяне, развѣ прочіе россіяне не тѣже имѣютъ обязанности къ отечеству, какъ и они, и развѣ защита отечества не есть священная обязанность для всѣхъ и каждаго. И потому яснымъ образомъ изъ сего можно вывесть заключеніе, что военныя поселенія суть самая жесточайшая несправедливость, какую только разъяренное зловластіе выдумать могло». Наконецъ Пестель доказываетъ, что если бы вся армія была обращена въ военное поселеніе, то это было бы не безопасно для государства [1]). Понятно, что онъ включаетъ въ число «первѣйшихъ обязанностей» временнаго верховнаго правленія уничтоженіе военныхъ поселеній.

Никита Муравьевъ, требуя въ своемъ проектѣ конституціи немедленнаго уничтоженія военныхъ поселеній, предлагалъ уравнять военныхъ поселянъ съ государственными и удѣльными крестьянами. Объ уничтоженіи военныхъ поселеній упоминается и въ спискѣ предположенныхъ реформъ, составленномъ Трубецкимъ, и въ перечнѣ намѣченныхъ преобразованій въ воспоминаніяхъ А. М. Муравьева. Батеньковъ предлагалъ обратить военныя поселенія въ народную стражу, или народную гвардію. Лунинъ упоминаетъ о требованіи декабристовъ, «чтобы военныя поселенія, не достигающія первоначальной цѣли, беззаконныя въ своемъ основаніи, были уничтожены въ отвращеніе новыхъ злодѣйствъ и пролитія крови».

---

[1]) Эту мысль высказалъ и декабристъ В. И. Штейнгель въ своемъ письмѣ изъ Петропавловской крѣпости имп. Николаю.

ГЛАВА X.

Свобода печати.

Декабристы были горячими защитниками свободы печати. По этому вопросу въ Россіи у нихъ было не много предшественниковъ. Наиболѣе талантливымъ изъ нихъ былъ А. Н. Радищевъ, высказавшійся въ своемъ знаменитомъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» за полную свободу печати, не исключая вопросовъ религіи и нравственности. Книга Радищева была уничтожена, но нѣсколько десятковъ экземпляровъ ея уцѣлѣло, ходили по рукамъ и рукописныя ея копіи, и она оказала вліяніе на наше общество; не даромъ Пушкинъ замѣтилъ, что «Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ». Къ числу выдающихся лицъ, знакомыхъ въ началѣ XIX вѣка съ сочиненіемъ Радищева, повидимому, принадлежалъ и Сперанскій [1]). Весьма возможно, что отчасти подъ вліяніемъ идей Радищева Сперанскій, характеризуя въ Запискѣ 1803 г. основныя черты «государственнаго закона» (т. е. конституціи) въ «правильномъ монархическомъ государствѣ», указывалъ на то, что одною изъ такихъ чертъ является существованіе «свободы тисненія въ извѣстныхъ, съ точностью опредѣленныхъ границахъ» [2]). 9 января 1804 г. въ коммиссію, составлявшую цензурный уставъ, была подана записка, неизвѣстный авторъ которой требовалъ уничтоженія цензуры, свободы печати [3]). Въ этомъ же году въ журналѣ Мартынова «Сѣверный Вѣстникъ» [4]) было помѣщено «Мнѣніе шведскаго короля Густава III о вольности книгопечатанія». Оно вполнѣ благопріятно свободѣ печати [5]), что весьма естественно, такъ какъ въ Швеціи ранѣе всѣхъ европейскихъ континентальныхъ государствъ была признана закономъ свобода печати. Параграфъ 86 шведской конституціи 1766 г. постановляетъ, что

---

[1]) См. мою статью „Первый политическій трактатъ Сперанскаго". „Русск. Богатство", 1907 г. № 1, стр. 47, 57.

[2]) Но эти мысли могли быть навѣяны Сперанскому и чтеніемъ произведеній Бентама во французскомъ изд. Дюмона.

[3]) Министръ приказалъ не докладывать ея въ главномъ правленіи училищъ; она напечатана Сухомлиновымъ въ его „Изслѣдованіяхъ", I, 415—416.

[4]) Ч. III, стр. 201—206.

[5]) „При свободномъ только книгопечатаніи,—говоритъ Густавъ III,—государь узнаетъ истину, которую скрываютъ отъ него съ такимъ тщаніемъ и, весьма часто, съ великимъ успѣхомъ".

«подъ свободой печати понимается право каждаго шведа издавать печатныя произведенія», чему государственная власть препятствовать не можетъ. Только послѣ изданія онъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности компетентнымъ судьей и лишь въ такомъ случаѣ можетъ подлежать наказанію, если его сочиненіе очевидно нарушаетъ законъ, изданный для обезпеченія общественнаго спокойствія, но безъ стѣсненія общаго просвѣщенія. Только протоколы государственнаго совѣта, а также у короля по дипломатическимъ дѣламъ и командованію арміей и, наконецъ, протоколы и акты банка и управленія государственными долгами составляютъ тайну; всѣ остальные документы и протоколы могутъ быть печатаемы [1]). Изъ статьи «Сѣвернаго Вѣстника» читатели могли узнать, что Густавъ III особенно указывалъ на необходимость для общества знать все производство дѣлъ въ судахъ и всѣ судебные приговоры, и переводчикъ дѣлаетъ отъ себя примѣчаніе о желательности обнародованія приговоровъ, особенно по дѣламъ уголовнымъ, въ полномъ видѣ. Онъ считаетъ необходимымъ періодическое изданіе для печатанія этихъ приговоровъ въ видѣ «Памятника Россійскаго Правосудія».

Въ оффиціальномъ «С.-Петербургскомъ Журналѣ» (1804 г., февраль) была помѣщена статья «О свободѣ книгопечатанія» изъ Бентама, а затѣмъ, въ 1805—11 годахъ напечатаны сочиненія Бентама подъ заглавіемъ «Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи», изданное въ трехъ томахъ, по повелѣнію государя, и въ переводѣ посвященное ему. Здѣсь въ «Началахъ уголовнаго уложенія» (III, 23—25) русскіе читатели могли ознакомиться съ слѣдующими мыслями: «Сравни правленія, гдѣ стѣсняли обнародованіе мыслей съ правленіями, кои давали имъ свободное теченіе. Съ одной стороны представится тебѣ Испанія, Португалія, Италія—съ другой Англія [2]), Голландія, Сѣверная Америка. Гдѣ болѣе процвѣтаетъ нравственность и благосостояніе? Гдѣ

---

[1]) По § 108 шведской конституціи очередной сеймъ созываемый въ каждый третій годъ, обязанъ назначать комитетъ, оберегающій свободу печати и состоящій изъ уполномоченнаго отъ министерства юстиціи и 6 членовъ, выбранныхъ сеймомъ. Авторъ или типографщикъ могутъ (но не обязаны) представлять комитету рукопись до напечатанія и, если онъ найдетъ возможнымъ ея опубликованіе и выдастъ о томъ свидѣтельство, то они освобождаются отъ всякой отвѣтственности. Законъ 16 іюля 1812 г. ограничилъ свободу печати, такъ какъ предоставилъ королю право прекращать безъ суда періодическія изданія, угрожающія общей безопасности или оскорбительныя „для невинныхъ личностей". *Aschehoug.* Das Staatsrecht der vereinigten Königreich Schweden und Norwegen въ изданіи *Marquardsen'a.* Handbuch des öffentlichen Rechts. IV Band. Das staatsrecht der ausserdeutschen Staaten. II Halbband, 2 Abtheilung, 1886 г., S. 101.

[2]) О развитіи свободы печати въ Англіи см. книгу *Thomas Erskine May.* Histoire Constitutionelle de l'Angleterre 1760—1860, trad. par C. de Witt. P. 1866. ch. IX—X и ст. *В. Ѳ. Дерюжинскаго* „Свобода печати и судъ присяжныхъ въ Англіи" въ его книгѣ „Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи". Спб., 1906 г.

чаще злодѣянія? Гдѣ общежительность пріятнѣе и надежнѣе?» Бентамъ возражаетъ противъ восхваленій правленія жрецовъ въ древнемъ Египтѣ, браминовъ въ Индостанѣ и іезуитовъ въ Парагваѣ. Онъ указываетъ на то, что «народы, кои непрестанно были удерживаемы въ состояніи уничиженія установленіями, противными успѣхамъ всякаго рода, содѣлывались добычею народовъ, имѣвшихъ предъ ними сравнительное превосходство. Состариваясь въ дѣтствѣ, подъ властію опекуновъ, старавшихся продлить ихъ несмысленность для удобнѣйшаго ими управленія, они представили всѣ удобности къ ихъ порабощенію». За этимъ въ подлинникѣ слѣдовало очень сильное мѣсто противъ цензуры, которое въ русскомъ изданіи (1805—11 г.) было исключено. Оно даже и въ настоящее время сохранило значеніе.

„Свобода печати имѣетъ свои неудобства. Но при всемъ томъ вредъ, могущій произойти отъ нея, нельзя сравнивать съ вредомъ отъ цензуры.

„Гдѣ вы найдете такого рѣдкаго генія, тотъ высшій умъ, того смертнаго, доступнаго для всѣхъ истинъ и недоступнаго для всѣхъ страстей, которому бы вы могли поручить эту высшую диктатуру надъ всѣми произведеніями человѣческаго ума? Неужели вы думаете, что Локкъ, Лейбницъ, Ньютонъ рѣшились бы взять на себя эту диктатуру? И въ чемъ состоитъ власть, которую вы принуждены дать людямъ обыкновеннымъ? Это—власть, въ исполненіи которой, по неизбѣжной странности, заключаются всѣ причины къ нарушенію своей обязанности и всѣ отличительныя черты несправедливости. Что такое цензоръ? Это судья заинтересованный, судья единственный, судья, дѣйствующій по произволу, производящій свою судебную процедуру тайно, осуждающій безъ выслушанія доводовъ и рѣшающій безъ апелляціи. Тайна, величайшее изъ злоупотребленій, есть самая сущность этой вещи. Заставить вести публично процессъ о книгѣ, это значило бы публиковать ее для того, чтобы узнать — надо ли ее публиковать.

„Что касается до вреда, который можетъ произойти изъ цензуры, этого вреда невозможно исчислить, потому что невозможно сказать, гдѣ онъ останавливается. Это — не что иное, какъ опасность остановить всѣ успѣхи человѣческаго ума во всѣхъ его областяхъ. Всякая любопытная и новая истина должна имѣть много враговъ по одному тому, что она любопытна и нова. Можно ли предположить, что цензоръ принадлежитъ къ тому безконечно-немногочисленному классу людей, который возвышается надъ господствующими предразсудками? И если бы у него даже была эта столь рѣдкая сила ума, будетъ ли у него мужество подвергать себя опасности изъ-за открытій, слава которыхъ будетъ принадлежать не ему? Для него остается одинъ безопасный исходъ: это—запрещать все то, что выдѣляется изъ ряда ходячихъ понятій, налагать свою рѣжущую косу на все, что становится выше ихъ. Запрещая, онъ не рискуетъ ничѣмъ; позволяя, онъ рискуетъ всѣмъ. Въ случаѣ сомнительномъ потерпитъ не онъ: подавлена будетъ истина...

„Истинная, настоящая цензура есть цензура просвѣщеннаго обще-

ства, которая предаетъ осужденію опасныя и ложныя мнѣнія и которая поощряетъ полезныя открытія [1]).

Читатели, знакомые съ произведеніями Бентама лишь по русскому переводу, были лишены удовольствія прочесть это сильное мѣсто, но въ Петербургѣ, немедленно по выходѣ въ свѣтъ французскаго изданія Дюмона [2]) было раскуплено очень много экземпляровъ, и, слѣдовательно, краснорѣчивая вылазка Бентама противъ цензуры должна была произвести свое вліяніе и въ Россіи. Нужно замѣтить, впрочемъ, что послѣдняя мысль Бентама («настоящая цензура—есть цензура просвѣщеннаго общества») была высказана у насъ еще Радищевымъ въ его знаменитой книгѣ (1790 г.): «Цензура печатываемаго принадлежитъ обществу: оно дастъ сочинителю вѣнецъ или употребитъ листы на обвертки».

Обсуждая далѣе въ томъ же сочиненіи вопросъ объ общихъ предосторожностяхъ противъ злоупотребленій власти, Бентамъ вновь говоритъ о свободѣ печати. Онъ указываетъ на то, что простой здравый смыслъ убѣждаетъ въ необходимости выслушивать всѣ совѣты, а это и значитъ допустить свободу печати. Мнѣніе публики полезно знать и тогда, когда извѣстная мѣра уже принята; это гораздо полезнѣе и для государя, чѣмъ «дозволенная свобода подачи просьбъ». Опасаются, что, осуждая какую-нибудь мѣру, будутъ нападать и на тѣхъ, кто ее принялъ. Эти «страхи самолюбія» являются причиною того, что такъ рѣдко допускаютъ свободу печати, несмотря на ея очевидную пользу. Однако же, Іосифъ II и Фридрихъ II «введеніемъ ея ознаменовали свои царствованія [3]). Она существуетъ въ Швеціи; она существуетъ въ Англіи; она можетъ существовать повсюду съ нѣкоторыми ограниченіями, которыя бы предупреждали важныя злоупотребленія оной». Однако, допуская возможность такихъ ограниченій, Бентамъ не сочувствуетъ имъ и указываетъ на то, что они приводили къ совершенно обратнымъ послѣдствіямъ сравнительно съ тѣмъ, ради чего они были установлены [4]).

Цензурный уставъ 9 іюля 1804 г., хотя онъ и былъ мягче послѣдующихъ цензурныхъ уставовъ [5]), все же былъ основанъ на правилахъ

[1]) „Избранныя сочиненія Іереміи Бентама, т. I. Переводъ (по англійскому изданію Боуринга и французскому Дюмона) А. И. Пыпина и А. И. Невѣдомскаго". Спб., 1867, стр. 583—585.

[2]) Traités de législation civile et pénale. P. 1802, 3 vols.

[3]) Это невѣрно: ни тотъ ни другой не уничтожали цензуры, а только смягчили ее. См. *Biedermann.* Deutschland im XVIII Jahrhundert. Bd. I, 1880, 2 Aufl., S. 124—143.

[4]) „Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи соч. Іереміи Бентама, изд. на французск. языкѣ Дюмономъ по рукописямъ, отъ автора ему доставленнымъ", переводъ М. Михайлова, т. III, 1811 г., стр. 222—223; ср. „С.-Петерб. Журн." 1804 г. № 2, стр. 90—93 и далѣе замѣчаніе на это мнѣніе Бентама, Ibid., стр. 94—96, ч. XIX.

[5]) П. С. З. XXVIII, № 21385, ср. *Сухомлиновъ.* „Изслѣдованія" I, 404—415.

предварительнаго разсмотрѣнія печатающихся въ Россіи сочиненій. Онъ вызвалъ сочувственный отзывъ Каченовскаго [1]), но Пнинъ, человѣкъ свободнаго образа мыслей, не былъ имъ удовлетворенъ. Въ статьѣ «Сочинитель и Цензоръ, переводъ съ манчжурскаго», онъ отмѣчаетъ возможность цензурнаго произвола и указываетъ на то, что вмѣсто отвѣтственности цензора [2]) можно было бы установить отвѣтственность автора (сдѣлавъ, такимъ образомъ, ненужною предварительную цензуру) [3]). Предсказаніе Пнина вполнѣ подтвердилось цензурною практикою послѣдующаго времени; всего вреднѣе было то, что въ 1818 г. запрещено было писать (какъ за, такъ и противъ) и о крѣпостномъ правѣ, и о преобразованіи государственнаго строя [4]),—двухъ вопросахъ, наиболѣе интересовавшихъ русское образованное общество того времени.

По цензурному уставу 1804 г. иностранныя книги, привозимыя изъ-за границы для частныхъ лицъ, цензурному досмотру не подвергались, а книгопродавцы должны были отвѣчать за продажу книгъ, противныхъ цензурному уставу (п. 27): это, конечно, дѣлало гораздо болѣе легкимъ распространеніе либеральныхъ книгъ, иностранные же журналы подлежали цензурѣ, учрежденной при почтамтахъ, черезъ которые они выписывались (п. 9). Въ 1814 г. комитетъ министровъ предписалъ, чтобы книгопродавцы, торгующіе иностранными книгами, представляли въ министерство полиціи списки книгъ политическаго и историческаго содержанія и беллетристики и продавали только разрѣшенныя [5]). Н. И. Тургеневъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ о случаяхъ задержанія иностранныхъ газетъ, что же касается выходящихъ за границею книгъ, не соотвѣтствующихъ нашимъ цензурнымъ правиламъ, то, кромѣ полученія ихъ чрезъ книгопродавцевъ, былъ и еще одинъ путь ихъ пріобрѣтенія: наши морскіе офицеры привозили съ собою, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ 1820-хъ годовъ, книги, которыя было трудно пріі-

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1805 г., февраль, стр. 199—204. Статья Каченовскаго перепечатана въ книгѣ *Пятковскаго* „Изъ истор. нашего литер. и обществ. развитія", Спб. 1876 г., II, 110—114.

[2]) Въ ст. 15 цензурнаго устава говорится объ отвѣтственности цензора, пропустившаго сочиненіе, противное „Закону Божію, правленію нравственности и личной чести какого-либо гражданина",

[3]) „Журналъ Рос. Словесности" 1805 г., XII. Статья эта перепечатана *Пятковскимъ* въ его книгѣ „Изъ исторіи нашего литер. и общ. разв.", т. II, 171—175 и М. К. Лемке въ „Мірѣ Божіемъ" 1904 г., № 11, стр. 60—62.

[4]) См. выше стр. 183 и *Добавленія* къ стр. 179.

[5]) 3 мая 1818 г. въ „Сынѣ Отечества" появилась статья Куницына „О конституціи", а 14 мая того же года было разъяснено, что „обо всемъ, касающемся правительства, можно писать только по волѣ самого правительства, которому лучше извѣстно, что и когда сообщить публикѣ; частнымъ же лицамъ не слѣдуетъ писать о политическихъ предметахъ ни за, ни противъ: и то, и другое нерѣдко бываетъ одинаково вредно, давая поводъ къ различнымъ толкамъ и заключеніямъ".

обрѣсти иначе, и распродавали ихъ. Такимъ образомъ, иностранныя литературы могли вліять на русское общество, и мы видѣли (въ гл. II), какіе авторы были наиболѣе популярны среди декабристовъ. Правда, французская литература, наиболѣе у насъ доступная, благодаря широкому распространенію французскаго языка, была, до перваго низложенія Наполеона, крайне стѣснена въ самой Франціи правительственнымъ произволомъ [1]). Но произведенія французскихъ авторовъ, запрещенныя во Франціи, печатались за границей: такъ, напримѣръ, запрещенное во Франціи сочиненіе г-жи Сталь о Германіи было издано въ Лондонѣ въ 1813 г.

Свобода печати во Франціи была возстановлена конституціонною хартіею 4 іюня 1814 г., которою было постановлено: «Французы имѣютъ право публиковать и печатать свои мнѣнія, сообразуясь съ законами, которые должны подавлять злоупотребленія этою свободою». Правительство Людовика XVIII уже успѣло закономъ 21 октября 1814 г. ввести предварительную цензуру для всѣхъ книгъ менѣе 20-ти печатныхъ листовъ [2]), но само было низвергнуто Наполеономъ. Послѣ ста дней, во время которыхъ печать пользовалась полнѣйшею свободою, Людовикъ XVIII ордонансомъ 20 іюля 1815 г. измѣнилъ прежній законъ о цензированіи книгъ объемомъ менѣе 20-ти листовъ, но закономъ 9 ноября 1815 г. была установлена самая строгая предварительная цензура [3]), которая, однако, законами 17 и 26 мая и 9 іюня 1819 г. была замѣнена наказаніемъ преступленій и проступковъ печати по постановленію суда присяжныхъ, а за диффамацію и оскорбленіе частныхъ лицъ—трибуналовъ исправительной полиціи [4]). Однако, послѣ убійства Лувелемъ герцога Беррійскаго (13 февраля 1820 г.), законами 31 марта 1820 г. и 26 іюля 1821 г. возвратились вновь для періодическихъ изданій къ предварительной цензурѣ. Законъ 17 марта 1822 г. требовалъ разрѣшенія короля для періодическихъ изданій, предоставлялъ ему право возстановлять цензуру указомъ, контрассигнированнымъ тремя министрами, и давалъ суду (cours royales) право прекращать періодическія изданія за вредное направленіе. По закону 25 марта 1822 г. дѣла о печати должны были разсматриваться судами безъ присяжныхъ. Ука-

---

[1]) См. *Welschinger*. „La censure sous le premier Empire". P. 1882 и статью объ этой книгѣ В. Ѳ. Дерюжинскаго въ сборникѣ его статей „Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи". Спб. 1906.

[2]) Административнымъ распоряженіемъ было установлено, что ни одно періодическое изданіе не можетъ выходить въ свѣтъ безъ спеціальнаго разрѣшенія.

[3]) По закону 25 февраля 1817 г., временно, до 1818 г., періодическія изданія могли быть разрѣшаемы лишь королемъ.

[4]) Для политической періодической печати установлены были залоги весьма значительнаго размѣра.

зомъ 15 августа 1824 г. предварительная цензура была возстановлена [1]).

Н. И. Тургеневъ слѣдилъ за судьбою печати во Франціи [2]). Онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ 20 іюля 1821 г.: «Въ камерѣ депутатовъ прошелъ законъ о продолженіи цензуры. Ультры de l'extreme droite» (крайней правой) [3]) произнесли прекрасныя рѣчи: Veaublanc..., Delalot, Castelaja, Bertin de Veaux. Министры Pasquiet и, въ особенности, Deserre говорили глупо и гадко. Они теперь хотятъ увѣрить, что хартія, даровавъ свободу книгопечатанія, не включила тутъ и журналы, qui sont hors de la chasse! И эти-то люди хотятъ управлять конституціоннымъ государствомъ!» 22 іюля Тургеневъ вновь отмѣчаетъ: «Manuel съ нѣкотораго времени мнѣ очень нравится. Цензура прошла большинствомъ двухъ голосовъ». 15 февраля 1822 г. Тургеневъ пишетъ въ дневникѣ: «Дочитывалъ французскія газеты. Новый законъ sur la repression des abus de la presse въ Пал. Деп. прошелъ. Ж. (жюри) уничтожено» [4]).

Декабристы вполнѣ понимали необходимость свободы печати. Изъ показаній М. А. фонъ-Визина и кн. Ѳ. П. Шаховскаго видно, что члены Союза Спасенія въ 1817 г. стремились къ достиженію свободы книгопечатанія [5]). Н. Тургеневъ еще въ 1816 г. записалъ въ своемъ дневникѣ: «Неоспоримо, что свобода печатанія книгъ чрезвычайно по-

---

[1]) *Avenel.* „Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours" P. 1900, p. 206—250. О цензурѣ въ Пруссіи, Австріи и Баваріи въ 1819—30 гг. См. *Salomon.* Geschichte des deutschen Zeitungswesens. III. 1906 г., p. 240—260, ср ст. *Фойницкаго* „Моменты исторіи законодательства о печати" въ „Сборникѣ Государственныхъ Знаній" подъ ред. Безобразова, II, 1875 г., 415—419.

[2]) Въ концѣ февраля 1815 г., читая въ Вѣнѣ журналъ Le Censeur, издаваемый въ Парижѣ, Тургеневъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ слѣдующую мысль „боятся свободы книгопечанія! Но сколько человѣкъ въ государствѣ читаютъ? Достаточно ли число ихъ для бунта?—Нѣтъ. А народъ можетъ взбунтоваться не отъ брошюръ, а отъ долговременнаго угнетенія, которое онъ чувствуетъ сильнѣе, нежели доводы писателей". Въ спискѣ книгъ, разсмотрѣнныхъ и запрещенныхъ цензурою нашего Министерства Полиціи, значится: «Le Censeur ou examen des actes et des ouvrages, qui tendent à detruire ou à consolider la constitution de l'Etat par M-rs *Comte* et *Dunoyer*, avocats. P. 1815, 7 volumes». Арх. Соб. Е. Вел. Канц. № 1534, л. 110 об.

[3]) Крайніе роялисты во время реставраціи стали иногда защищать свободу прессы въ виду своихъ партійныхъ цѣлей. Ср. *Avenel.* 240.

[4]) Ср. *Vaulabelle.* Histoire des deux Restaurations, t. V. P. 1850. 386—407. Польскою конституціонною хартіею 1815 г. (п. 16) „свобода печати" была „гарантирована", но законъ долженъ былъ опредѣлить средства для обузданія злоупотребленій ею. Однако, 22 мая 1819 г. были подчинены предварительной цензурѣ всѣ повременныя изданія, а 16 іюля того же года эта цензура распространена и на книги. Въ „Письмахъ изъ Филадельфіи" въ „Духѣ журналовъ" не разъ указывалось на полную свободу печати въ „Америкѣ" (1815, ч. V, 191, VI, 272, 278).

[5]) Въ одномъ изъ „Пунктовъ преподаваемаго во внутреннемъ Орденѣ ученія" (относительно которыхъ пришли къ соглашенію М. Ѳ. Орловъ и гр. Дмитріевъ-Мамоновъ) было также упомянуто: „вольное книгопечатаніе".

лезна. Вездѣ народъ чувствуетъ выгоды оной». 7 августа 1819 г. онъ высказался тамъ же за примѣненіе суда присяжныхъ къ дѣламъ о печати [1]). Декабристъ С. М. Семеновъ показалъ что одною изъ главнѣйшихъ цѣлей Тургенева была «свобода книгопечатанія» [2]).

Показанія Кюхельбекера и Грибоѣдова во время слѣдствія по вопросу о цензурѣ [3]) были, конечно, не вполнѣ искренни. Гораздо важнѣе для насъ тѣ мнѣнія декабристовъ, которыя высказаны ими въ ихъ проектахъ преобразованій. Никита Муравьевъ въ своей конституціи, очевидно подъ вліяніемъ декларація правъ (п. 11) и конституціи 1791 г. во Франціи (тит. III, гл. V, п. 17—18), устанавливаетъ свободу устнаго и печатнаго слова. Во второй, наиболѣе подробной, редакціи конституціи Н. Муравьева сказано: «Всякій имѣетъ право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оныя посредствомъ печати своимъ соотечественникамъ. Книги, подобно всѣмъ прочимъ дѣйствіямъ, подвержены обвиненію гражданъ предъ судомъ и подлежатъ присяжнымъ» (ст. 14) [4]). Въ главѣ конституціи Н. Муравьева о народномъ вѣчѣ было сказано, что оно «не имѣетъ власти нарушать свободы рѣчей и книгопечатанія» (ст. 98) [5]).

Батеньковъ относилъ свободу «тисненія» къ числу «моральныхъ обезпеченій неизмѣнности установленнаго порядка» [6]); ее должно установить временное правленіе еще до созванія депутатовъ [7]).

[1]) „Разнообразность проступковъ книгопечатанія" говоритъ Тургеневъ, „заставила также всѣхъ здравомыслящихъ людей убѣдиться, что для сихъ проступковъ одинъ удовлетворительный образъ судопроизводства есть посредствомъ присяжныхъ, и что свобода книгопечатанія ничѣмъ инымъ не можетъ быть достаточно обезпечена". Вѣроятно это было написано подъ вліяніемъ французскихъ законовъ этого года, передавшихъ разсмотрѣніе дѣлъ о печати суду съ присяжными.

[2]) Кн. П. А. Вяземскій, не принадлежавшій къ Тайному Обществу, мечталъ хотя бы о нѣкоторомъ улучшеніи положенія печати; онъ писалъ декабристу М. Ѳ. Орлову 10 ноября 1821 г.: „Дай намъ не полную, но умѣренную свободу печатанія, сними съ мысли алжирскія цѣпи и въ годъ словесность наша преобразуется... Ты не знаешь, до какой степени цензура наша давитъ все то, что не словарь, а подобіе мысли. Нѣкоторые примѣры ея строгости и нелѣпости уморили бы со смѣху Европу. Какъ посмотришь на то, что печаталось при Екатеринѣ,.. и то, что теперь вымарывается изъ сочиненій!" Далѣе Вяземскій упоминаетъ, что хотѣлъ бы напечатать переводъ польской конституціи („Пол. Соб. Соч." II, 110—111), но для осуществленія этого предположенія встрѣтились цензурныя препятствія.

[3]) См. выше стр. 180.

[4]) Въ первой редакціи вторая половина статьи была редактирована хуже: „*Вредныя* книги, подобно другимъ преступленіямъ, преслѣдуются судомъ и подлежатъ присяжнымъ" (ст. 17).

[5]) Въ первой редакціи: вѣче „не можетъ воспретить свободнаго книгопечатанія".

[6]) *Бороздинъ*, 51.

[7]) Г. А. I В № 359, л. 14об.

Въ запискѣ кн. Трубецкого о требованіяхъ, которыя должны были быть предъявлены возставшимъ войскомъ сенату, между прочимъ значилось: «свободное тисненіе и потому уничтоженіе цензуры».

Рылѣевъ въ письмѣ къ имп. Николаю 16 декабря 1825 г. говоритъ: «Приговору Великаго Собора положено было безпрекословно повиноваться, стараясь только, чтобы народнымъ Уставомъ» (т. е. конституціею) «былъ введенъ представительный образъ правленія, свобода книгопечатанія, открытое судопроизводство и личная безопасность». А. Бестужевъ, касаясь въ письмѣ къ имп. Николаю преобразованія судопроизводства, говоритъ: «свобода книгопечатанія обличала-бъ нерадивыхъ или криводушныхъ» судей [1]).

Членъ Южнаго Общества А. Н. Крюковъ показалъ, что одною изъ цѣлей, къ достиженію которыхъ стремилось Тайное Общество, было введеніе свободы книгопечатанія.

Пестель въ своемъ болѣе раннемъ трудѣ: «Краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго правленія. Сочиненіе русскаго гусара» (1820 г.) [2]) еще допускаетъ цензуру, несмотря на то, что уже Союзъ Спасенія, членомъ котораго онъ былъ, ставилъ одною изъ своихъ задачъ достиженіе свободы печати. «Исполнительное благочиніе», говоритъ онъ, имѣетъ «надзоръ за книгопродавцами, типографіями, театральными представленіями и обращеніемъ книгъ, журналовъ, мелкихъ сочиненій и листковъ. Свѣдѣнія о дозволеніяхъ, данныхъ для тисненія новыхъ сочиненій и для пропуска книгъ изъ-за границы» также относятся къ вѣдомству исполнительнаго благочинія. Но въ «Русской Правдѣ» установлены уже либеральныя основныя начала свободы книгопечатанія, хотя и здѣсь встрѣчались нѣкоторыя неудачныя предложенія: 1) «каждый гражданинъ имѣетъ право писать и печатать все то, что онъ хочетъ», за исключеніемъ только личныхъ ругательствъ, «которыя никогда допускаемы быть не должны». Однако, Пестель требуетъ, чтобы имя автора всегда выставлялось на его сочиненіи. 2) «За мнѣнія и правила, въ сочиненіи изложенныя, отвѣчаетъ каждый писатель на основаніи... правилъ объ ученіи и проповѣдываніи, противныхъ законамъ и чистой нравственности, и судится общимъ судебнымъ порядкомъ» (т. е. судомъ присяжныхъ) [3]). 3) «Ежели въ сочиненіи излагаются какія-нибудь происшествія или что-нибудь утверждается, то сочинитель обязанъ оныя

[1]) Каховскій въ письмѣ къ Николаю I доказывалъ, что строгость цензуры достигаетъ совершенно обратной цѣли. *Бороздинъ*, 16.

[2]) Пестель съ 6 Дек. 1819 г. до Марта 1821 г. служилъ въ Маріупольскомъ Гусарскомъ полку.

[3]) Мысль о необходимости суда присяжныхъ въ дѣлахъ печати Пестель могъ заимствовать изъ французскаго законодательства 1819 г., у Дэтю-де-Траси (Commentaire, 217) и у Бенжамена Констана (ср. Cours de politique constitutionelle, P. 1861, I, 125).

доказать, если къ суду обиженною стороною призванъ будетъ. Если же доказать не можетъ, то подвергается уголовному наказанію по суду присяжныхъ, судя съ обыкновеннымъ порядкомъ». 4) Такому же порядку «подлежатъ всѣ сочиненія большія и малыя, всѣ переводы, всѣ вѣдомости и срочныя изданія, всѣ живописи, гравировки и, однимъ словомъ, все то, что какого бы то ни были рода сочиненія составляетъ... Срочныя же сочиненія» (повременныя изданія) «должны быть издаваемы не иначе, какъ по предварительному извѣщенію правительства о семъ намѣреніи». 5) Каждый гражданинъ можетъ имѣть типографію съ обязанностью только предварительно извѣстить правительство о ея заведеніи (т. е. явочнымъ порядкомъ) и съ тѣмъ, чтобы на всемъ печатаемомъ въ ней было обозначено имя владѣльца.

ГЛАВА XI.

Крестьянскій вопросъ.

Наряду съ уничтоженіемъ самодержавія первостепенное значеніе среди задачъ, поставленныхъ себѣ тайнымъ обществомъ, имѣло уничтоженіе крѣпостного права. Если имѣть въ виду не неопредѣленныя пожеланія уничтоженія крѣпостного права, не упоминаніе о частныхъ подготовительныхъ мѣрахъ съ этою цѣлію или указанія на злоупотребленія помѣщиковъ, вызвавшія у того или другого декабриста мысль о необходимости освобожденія крестьянъ, а предположенія о томъ, какъ слѣдуетъ окончательно рѣшить крестьянскій вопросъ, то наибольшій интересъ имѣютъ взгляды Н. Н. Тургенева, особенно много размышлявшаго объ этомъ предметѣ, [1]) Н. М. Муравьева, автора проекта конституціи, обсуждавшагося членами Сѣвернаго Общества, Н. Д. Якушкина, пытавшагося покончить въ своемъ имѣніи съ крѣпостнымъ правомъ, а потомъ работавшаго надъ общими соображеніями относительно освобожденія крестьянъ, и, наконецъ, аграрные планы П. И. Пестеля, написавшаго значительную часть замѣчательнаго труда, который одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ, спеціалистъ по государственному праву, называетъ самымъ выдающимся политическимъ трактатомъ въ царствованіе Александра I [2]).

Я разсмотрю здѣсь лишь въ общихъ чертахъ развитіе взглядовъ наиболѣе выдающихся декабристовъ на вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права [3]), въ связи съ тѣми вліяніями, которыми они обусловливались. Въ послѣднее время идеологія декабристовъ иногда подвергается несправедливымъ во многихъ отношеніяхъ нападкамъ [4]). Само со-

[1]) См. мою статью „Н. Н. Тургеневъ о крестьянскомъ вопросѣ въ царств. Александра I", „Вѣстн. Евр.", 1909, №№ 1 и 2.

[2]) *М. М. Ковалевскій.* „Русская Правда" Пестеля. „Минувшіе годы", 1908 г. № 1, стр. 19.

[3]) Многія дополненія къ этой главѣ, кромѣ указанной статьи о Тургеневѣ, можно найти въ моей монографіи въ сборникѣ „Крестьянскій строй", изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. Спб. 1905 г., т. I, 209—241.

[4]) Какъ, напримѣръ, въ статьѣ о декабристахъ гг Левина и Покровскаго къ „Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ", изданіе Граната, 1907 г., вып. 1 и 2-й.

бою разумѣется, что благородный подвигъ декабристовъ, принесшихъ въ жертву на алтарь общественнаго служенія свое личное счастье, вынесшихъ долгіе годы тяжелыхъ страданій или пожертвовавшихъ даже своею жизнью ради стремленія къ осуществленію своихъ убѣжденій, не долженъ подкупать историка при изученіи ихъ идей; конечно, онъ долженъ безпристрастно указать правильное и ошибочное въ ихъ взглядахъ, прогрессивные и консервативные элементы міросозерцанія того или другого изъ нихъ, но въ то же время историкъ не можетъ вырывать декабристовъ изъ окружающей ихъ среды, разсматривать ихъ предположенія съ современной точки зрѣнія, произносить надъ ними судъ, забывая объ условіяхъ развитія общества того времени. Это необходимо, какъ вообще, такъ и въ частности относительно ихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ. Изъ декабристовъ далеко опередилъ свое время въ Россіи, въ области соціальныхъ идей, только Пестель; остальные, даже наиболѣе выдающіеся, связаны до извѣстной степени, съ тѣми условіями и литературными вліяніями, среди которыхъ имъ приходилось жить и работать; съ этими вліяніями мы и должны считаться при выясненіи взглядовъ декабристовъ на крестьянскій вопросъ.

Если имѣть въ виду полное упраздненіе крѣпостного права, то мы найдемъ въ эпоху Александра I слѣдующіе способы рѣшенія крестьянскаго вопроса, въ дѣйствительности или лишь въ идеѣ: 1) немедленное освобожденіе безъ земли, 2) немедленное освобожденіе съ одною усадебною землею, 3) обращеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ, съ опредѣленіемъ размѣра повинностей и съ предоставленіемъ имъ, по истеченіи извѣстнаго времени, права перехода и, наконецъ, 4) освобожденіе съ землею не только усадебною, но и иною, съ выкупомъ земли государствомъ или самими крестьянами, а въ извѣстныхъ случаяхъ и безъ выкупа. Разсмотримъ въ этомъ порядкѣ взгляды декабристовъ на крестьянскій вопросъ въ самыхъ общихъ чертахъ, въ связи съ тѣми условіями, которыя содѣйствовали ихъ развитію.

Декабристамъ было, конечно, извѣстно, что въ нѣкоторыхъ странахъ Зап. Европы (какъ, напр., Англіи, Франціи, Швеціи и Норвегіи) не существовало въ ихъ время несвободнаго населенія; въ общихъ чертахъ они могли знать и о томъ, что преобразованіе быта крестьянъ совершается въ Германіи, но болѣе детальныя свѣдѣнія относительно исторіи и современнаго положенія западно-европейскаго сельскаго населенія имѣли лишь очень немногіе изъ нихъ, и болѣе всѣхъ другихъ Н. И. Тургеневъ. Однако, большинству ихъ, конечно, было извѣстно, что въ Англіи крестьяне получили свободу безъ надѣленія ихъ землею, а нѣкоторыя свѣдѣнія о современной жизни крестьянъ на материкѣ Европы они могли почерпнуть и изъ личныхъ наблюденій во время заграничныхъ походовъ или поѣздокъ за-границу, какъ это было, напр., съ

Н. И. Тургеневымъ въ Вестфаліи. Декабристы, безъ сомнѣнія, знали, что въ Герцогствѣ Варшавскомъ «рабство», т. е. крѣпостное право, было упразднено конституціею 22 іюля 1807 года, данною полякамъ Наполеономъ. О поземельныхъ отношеніяхъ въ этой конституціи ничего не говорилось [1]), но особымъ декретомъ герцога варшавскаго (21 декабря 1807 г.) они были опредѣлены не въ пользу крестьянъ. Декретъ подтвердилъ личное освобожденіе крестьянъ и, сообразно съ этимъ, призналъ за ними право свободнаго перехода и переселенія въ предѣлахъ герцогства, для чего требовалось заблаговременное извѣщеніе помѣщика и мѣстнаго начальства, но за крестьянами не было признано никакихъ правъ на землю. Право помѣщика распоряжаться его землею было ограничено лишь запрещеніемъ въ теченіе одного года согнать съ нея крестьянъ и увеличивать размѣръ связанныхъ съ нею натуральныхъ повинностей или денежныхъ платежей. Крестьянинъ, оставляющій помѣщика, обязанъ былъ возвратить данную ему подмогу (zaloga) и сдать землю съ посѣвомъ. По истеченіи годичнаго срока всѣ дальнѣйшія поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами должны были опредѣляться добровольными договорами, представляемыми лицамъ судебнаго вѣдомства, которыя, подъ своею отвѣтственностью, обязаны были убѣдиться, какъ въ правоспособности заключающихъ договоръ, такъ и въ томъ, что при этомъ не было никакого принужденія или обмана. Мартинъ Бадени, впослѣдствіи министръ юстиціи, замѣтилъ объ этомъ декретѣ герцога, что, снимая цѣпи съ крестьянъ, онъ стащилъ съ нихъ и сапоги [2]).

Освобожденіе польскихъ крестьянъ безъ земли, конечно, было извѣстно декабристамъ и должно было являться однимъ изъ доказательствъ возможности такого освобожденія, тѣмъ болѣе, что его вредныя послѣдствія еще не вскрылись, и членамъ русскаго тайнаго общества, вѣроятно, не было извѣстно, что среди нѣкоторой части польской интеллигенціи немедленно проявилось опасеніе этихъ послѣдствій. Оно нашло выраженіе въ проектѣ Суровецкаго 1807 года, авторъ котораго предполагалъ назначить такой наименьшій размѣръ крестьянскихъ участковъ, чтобы съ нихъ могли прокармливаться 5—6 человѣкъ, и чтобы такіе участки не подлежали раздѣлу. Помѣщикамъ должно было дать шестилѣтній срокъ для заключенія договоровъ съ крестьянами о при-

[1]) Между тѣмъ, Костюшко въ письмѣ къ министру Наполеона Фуше отъ 22 янв. 1807 г. ставилъ однимъ изъ условій своего пріѣзда въ Польшу для содѣйствія Наполеону освобожденіе крестьянъ съ предоставленіемъ имъ въ собственность земли, находившейся тогда въ ихъ владѣніи. *K.* (Korzon). „Kościuszko. Życiorys z dokumentów wysnuty". Kraków, 1894, 523.

[2]) Dziennik Praw, Warsz., 1810, t. I, № 1, стр. 10—12. О крестьянскомъ вопросѣ въ Герцогствѣ и Царствѣ Польскомъ, см. *Maciejowski*, Historya włościan. 1874, *Wł. M. Kozłowski*, Autonomia Królestwa Polskiego 1815—32, 264—277.

нятіи послѣдними земли съ усадебными постройками въ вѣчное наслѣдственное владѣніе. Такой крестьянинъ долженъ былъ имѣть право требовать замѣны барщины оброкомъ, если міръ свидѣтельствовалъ, что въ теченіе десяти лѣтъ, живя на одномъ мѣстѣ, онъ велъ себя хорошо. Помѣщики могли-бы отдавать землю въ наемъ и на трехлѣтній срокъ, но съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи 6 лѣтъ со времени изданія закона, въ одномъ селеніи такихъ усадебъ было не болѣе третьей части числа усадебъ съ вѣчно-наслѣдственною землею. Деревенскій міръ (gromada) долженъ былъ имѣть общественный хлѣбный амбаръ для выдачи пособій и ссудъ и кассу страхованія отъ пожаровъ. Малый совѣтъ, состоящій изъ деревенскаго старосты, судьи и одного засѣдателя могъ бы запретить крестьянину продажу инвентаря и сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и объяснить причины этого запрещенія на первомъ послѣ того собраніи всѣхъ хозяевъ. Авторъ предоставлялъ помѣщику значительное вліяніе, но за то и возлагалъ на него участіе въ сборахъ на мѣстныя нужды. Проектъ Суровецкаго остался неосуществленнымъ, но онъ интересенъ, какъ проявленіе въ Польшѣ сознанія вреда безземельнаго освобожденія крестьянъ.

Декретъ 1807 г. вызвалъ многочисленные переходы крестьянъ на другія мѣста въ Герцогствѣ Варшавскомъ, мѣстами и помѣщики сгоняли своихъ бывшихъ крѣпостныхъ, сажая на ихъ мѣсто другихъ крестьянъ а то и иностранныхъ колонистовъ. Послѣ 1815 г., когда явилось стремленіе увеличивать помѣщичью запашку на счетъ крестьянской земли, стали сгонять крестьянъ еще чаще.

Лучшіе люди Польши вполнѣ понимали необходимость совершенно иного рѣшенія крестьянскаго вопроса на ихъ родинѣ. 9 апрѣля 1814 г. Костюшко обратился къ Александру I съ письмомъ, въ которомъ просилъ его, чтобы онъ объявилъ себя польскимъ королемъ, съ изданіемъ для Польши конституціи въ родѣ англійской, повелѣлъ, чтобы считались вольными всѣ крестьяне, разсѣянные по чужимъ землямъ, когда они послѣ всеобщей амнистіи (о которой Костюшко тутъ же ходатайствовалъ) возвратятся къ своимъ очагамъ, и чтобы въ теченіе десяти лѣтъ было уничтожено крѣпостное право съ тѣмъ, чтобы крестьяне владѣли своею землею на правѣ полной собственности. Александръ I, отвѣчая 3 мая 1814 г. на письмо великаго человѣка, обѣщалъ исполнить желанія поляковъ. Но Костюшко все же, какъ видно изъ записки, написанной имъ въ Вѣнѣ, по желанію императора Александра въ 1815 г., рѣшался мечтать лишь о томъ, что польскіе крестьяне лѣтъ черезъ 20 будутъ всѣ вольные съ надѣленіемъ землею на правѣ собственности [1]).

---

[1]) „Русская Старина“ 1882 г. № 4, стр. 247—250; *W. M. Kozlowski.* Autonomia królestwa Polskiego, 1907, 271—274. См. *Добавленія.*

Послѣ паденія Наполеона, предъ вѣнскимъ конгрессомъ, въ послѣдніе дни Герцогства Варшавскаго, кн. Любецкій, исправлявшій тогда обязанности министра внутреннихъ дѣлъ, разослалъ представителямъ администраціи вопросы относительно устройства отношеній между крестьянами и помѣщиками, улучшенія быта крестьянъ и пріобрѣтенія ими земельной собственности. Кромѣ письменныхъ отвѣтовъ, эти запросы вызвали и нѣсколько печатныхъ брошюръ. Авторы многихъ изъ нихъ указывали на необходимость уничтоженія барщины. Бернацкій совѣтовалъ введеніе оброковъ деньгами или хлѣбомъ по договорамъ временнымъ или вѣчнымъ [1]) Но всего этого, вѣроятно, не знали декабристы, не знали, быть можетъ, и того, что на основаніи постановленія намѣстника въ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго 30 мая 1818 г. помѣщикъ въ своемъ имѣніи по праву владѣнія считался войтомъ гмины, могъ отправлять его обязанности лично или чрезъ предложеннаго имъ войта или чрезъ выбраннаго имъ замѣстителя, при чемъ, однако, администрація могла не утвердить представленнаго владѣльцемъ войта. Такимъ образомъ, крестьяне были не только въ экономической зависимости отъ помѣщика, какъ отъ землевладѣльца, но и въ зависимости отъ него, какъ войта гмины, имѣющаго право подвергать ихъ наказаніямъ, не исключая и тѣлесныхъ, если только крестьяне не были собственниками земли и слѣдовательно не пользовались избирательными правами [2]).

Освобожденіе крестьянъ въ Герцогствѣ Варшавскомъ имѣло положительное вліяніе въ сосѣдней Пруссіи, ускоривъ дѣло крестьянской реформы, подъ вліяніемъ опасенія, что нѣмецкіе крестьяне начнутъ переселяться въ Герцогство Варшавское. Хотя эти опасенія и были преувеличены [3]), но они показываютъ, что даже высшіе представители администраціи Пруссіи, гдѣ реформа подготовлялась на совершенно другихъ началахъ, полагали въ это время, что уничтоженіе въ герцогствѣ крѣпостного права безъ надѣленія крестьянъ землею можетъ показаться соблазнительнымъ прусскимъ крестьянамъ и заставить ихъ покинуть занимаемыя ими земли. Тѣмъ болѣе понятно, что наша, преимущественно военная, молодежь, вошедшая въ составъ тайнаго общества, не умѣла разобраться во вредныхъ послѣдствіяхъ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Польшѣ.

Вліяніе польскихъ идей въ крестьянскомъ дѣлѣ на нашу интеллигентную молодежь могло происходить и литературнымъ путемъ. Въ

[1]) *Limanowski.* Historya demokracyi polskiej w epoce porozbiorowej Zurych, 1901, 88—89.

[2]) Dziennik Praw № 10, стр. 223—227, п. 14. (18 марта 1809 г.). t. V, 5, VI, 34 41.

[3]) *Knapp.* Bauern-Befreiung, I, 127.

1809 г. былъ напечатанъ въ Вильнѣ русскій переводъ книги гр. Стройновскаго «Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами», вышедшей въ предыдущемъ году на польскомъ языкѣ, авторъ которой рекомендовалъ помѣщикамъ освобожденіе крестьянъ, съ сохраненіемъ права собственности помѣщиковъ на землю, и заключеніе арендныхъ договоровъ по добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, при чемъ онъ считалъ наиболѣе удобною отдачу земли крестьянамъ въ вѣчное владѣніе [1]) на условіяхъ барщиннаго труда, съ правомъ крестьянина продать участокъ при сохраненіи тѣхъ же условій относительно землевладѣльца. Личное освобожденіе должно состоять въ правѣ переселенія съ одного мѣста на другое, но тамъ, гдѣ существуютъ подушная подать и рекрутскіе наборы, это право можетъ дать только правительство [2]). Вліяніе книги Стройновскаго могло еще усиливаться тѣмъ, что она была задержана московскою администраціею и сдѣлалась доступною публикѣ лишь въ 1811 году, а также тѣмъ, что вызывала яростные протесты консерваторовъ, какъ, напр., гр. Растопчина.

Пропагандѣ идеи безземельнаго освобожденія могъ содѣйствовать и появившійся въ печати въ 1814 году отвѣтъ профес. Якоба на задачу вольнаго экономическаго общества о сравнительной выгодности крѣпостного и вольнонаемнаго труда, авторъ котораго рекомендовалъ въ небольшихъ имѣніяхъ обезземеленіе крестьянъ съ превращеніемъ ихъ въ свободныхъ работниковъ, въ другихъ же помѣстьяхъ совѣтовалъ раздавать земли на условіи наслѣдственной аренды, предоставляя поденщикамъ и дѣтямъ крестьянъ наниматься, у кого они хотятъ. Академикъ Шторхъ, авторъ обширнаго труда по политической экономіи, изданнаго въ Петербургѣ въ 1815 г. на французскомъ языкѣ, допускалъ и безземельное освобожденіе крестьянъ наряду съ другими способами рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Примѣръ Польши отозвался вредно на остзейскихъ провинціяхъ Россіи, гдѣ при попустительствѣ, а иногда даже подстрекательствѣ русскаго правительства и высшихъ мѣстныхъ представителей администраціи проведено было въ законодательномъ порядкѣ въ 1816—19 гг. беззе-

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ употреблялся въ этомъ случаѣ терминъ „собственность" (напр., стр. 177).

[2]) Стройновскій въ своихъ имѣніяхъ Волынской губерніи въ апрѣлѣ 1812 г. далъ крестьянамъ (7213 душъ) личную свободу (но безъ права переселенія) съ исполненіемъ за землю барщины въ размѣрѣ опредѣленномъ, однако на 30-лѣтній срокъ, а не навсегда. Актъ этотъ былъ явленъ въ луцкомъ повѣтовомъ судѣ. Когда въ 1814 г. Стройновскій пожелалъ обратить этихъ крестьянъ въ свободныхъ хлѣбопашцевъ, и министерство внутреннихъ дѣлъ потребовало отъ него исполненія правилъ закона 1803 года, а слѣдовательно, и удостовѣренія, что крестьяне согласны принять эти условія, Стройновскій отказался отъ намѣренія обратить ихъ въ свободные хлѣбопашцы. Арх. минист. внутр. дѣлъ. Дѣла о свободныхъ хлѣбопашцахъ № 136.

мельное освобожденіе крестьянъ [1]), а эта реформа въ свою очередь явилась новымъ аргументомъ въ пользу возможности такого освобожденія. Если принять во вниманіе, что крестьянская реформа въ Остзейскомъ краѣ осуществлялась постепѣнно въ теченіе довольно продолжительнаго переходнаго періода, и что вредныя послѣдствія ея обнаружились значительно позднѣе, становится вполнѣ понятнымъ, что освобожденіе крестьянъ безъ земли не казалось декабристамъ столь вреднымъ, какъ это мы находимъ [2]).

Въ виду этого понятно, что Н. Тургеневъ, проникнутый идеями экономическаго либерализма, допускаетъ въ своемъ дневникѣ въ декабрѣ 1815 г. безземельное освобожденіе (хотя и называетъ его «самымъ строгимъ»), съ восторгомъ привѣтствуетъ въ 1816 г. безземельное освобожденіе крестьянъ въ Эстляндіи, и даже гораздо позднѣе, въ 1824 г., уже ознакомившись со статьею въ нѣмецкомъ журналѣ, осуждающею крестьянскую реформу въ Остзейскомъ краѣ, полагаетъ, что все же новый порядокъ лучше стараго, что примѣненіе его въ Россіи было бы «благодѣяніемъ» для крестьянъ, что «свобода, какъ она ни была укутана въ учрежденія и въ условія невыгодныя, все—свобода», и что ни одного помѣщика невозможно увѣрить въ томъ, что земля принадлежитъ крестьянину, «а безъ помѣщиковъ нельзя произвести дѣла освобожденія». Это пишетъ Тургеневъ въ дневникѣ для себя самого, и, слѣдовательно, сомнѣваться въ его искренности совершенно невозможно. Соотвѣтственно этому въ 1827 году, въ письмѣ къ брату Александру, онъ прямо говоритъ, что, если не предлагалъ никому освобожденія крестьянъ съ землею, то потому, что боялся испугать помѣщиковъ и «отдалить отъ освобожденія крѣпостныхъ» ихъ мысли [3]).

Если такъ смотрѣлъ Тургеневъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ членовъ Союза Благоденствія и Сѣвернаго тайнаго общества, еще въ юности поставившій себѣ задачею своей жизни улучшеніе положенія

---

[1]) См. *А. Тобинъ.* „Лифляндское аграрное законодательство въ 19 столѣтіи. Т. I, Положеніе о крестьянахъ 1804 и 1819 г.; *A. Gernet.* „Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estland. Reval, 1901.

[2]) Якушкинъ очень хорошо объясняетъ это въ своихъ запискахъ. Изд. 1905 года, стр. 73—74.

[3]) *Н. Тургеневъ.* „Чего желать для Россіи". Лейпцигъ, 1868 г. стр. 208. 18 февраля 1820 г., Н. Тургеневъ писалъ П. Вяземскому въ отвѣтъ на предложеніе послѣдняго учредить общество для освобожденія крестьянъ, при чемъ Вяземскій вызывался изложить свою мысль о средствахъ освобожденія: „Въ бывшемъ Герцогствѣ Варшавскомъ, рабство было уничтожено. Можетъ быть сіе уничтоженіе произведено было слишкомъ скоро, безъ надлежащаго предуготовленія, но сіи сильные недостатки покажутъ намъ истинныя средства въ болѣе ясномъ свѣтѣ. Къ тому же и настоящее положеніе крестьянъ въ Польскомъ королевствѣ, здѣсь совершенно неизвѣстное, взаимныя ихъ отношенія съ помѣщиками, могутъ объяснить предметъ сей и для насъ, русскихъ". „Остафьевскій Архивъ". II 22.

крестьянъ, трудившійся на пользу ихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, защищавшій ихъ интересы и въ печати, неустанно думавшій объ окончательномъ рѣшеніи ихъ участи, то можно ли удивляться незрѣлости плановъ другихъ декабристовъ относительно крестьянской реформы? Изъ признаній Тургенева видно, что рѣшающимъ моментомъ для него въ вопросѣ о томъ, какъ освобождать крестьянъ—съ землею или безъ земли, была возможность немедленнаго осуществленія того или другого способа. Признавая въ запискѣ 1819 г. (представленной въ янв. 1820 г. чрезъ гр. Милорадовича имп. Александру), что самодержавіе можетъ сыграть огромную положительную роль въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, Тургеневъ видѣлъ, что въ дѣйствительности представитель самодержавной власти обнаруживаетъ вообще слишкомъ мало энергіи въ этомъ отношеніи, а въ частности относительно крестьянской реформы въ Остзейскомъ краѣ—что воля правительства въ сильной степени обусловливается желаніемъ дворянства. Отсюда понятно убѣжденіе Тургенева, что «безъ помѣщиковъ нельзя произвести дѣла освобожденія», отсюда и предложеніе мѣръ, на которыя могло бы согласиться дворянство, а также и проповѣдь нѣкоторыхъ декабристовъ, что освобожденіе крестьянъ (безъ земли) было бы полезно самимъ помѣщикамъ. Въ этомъ сказывались не сословные интересы декабристовъ, какъ владѣльцевъ населенныхъ имѣній, а лишь неумѣніе придумать что либо лучшее не въ теоріи только, но и немедленно осуществимое. Неудовлетворительность практическаго предложенія Тургенева для окончательнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, т. е. допущеніе имъ безземельнаго освобожденія, объясняется въ значительной степени и тѣмъ, что, вступивъ въ Союзъ Благоденствія въ 1819 г., будучи также весьма вліятельнымъ членомъ Сѣвернаго Общества, онъ, какъ можно догадываться, читая его дневники, повидимому, недостаточно вѣрилъ въ возможность въ скоромъ времени государственнаго переворота, а потому и выставлялъ не идеальныя для своего времени требованія, какъ это дѣлалъ Пестель, а возможныя даже и при существовавшемъ тогда политическомъ строѣ, не даромъ и позднѣе, издавая въ 1847 г. за границей свою извѣстную книгу «La Russie et les Russes», онъ раздѣлилъ свои предложенія реформъ на осуществимыя при самодержавіи и возможныя лишь при конституціонномъ строѣ.

Принявъ все это во вниманіе, мы не станемъ удивляться, что первыя предположенія декабристовъ относительно уничтоженія крѣпостного права отличаются большою неопредѣленностью. Несмотря на то, что при основаніи Союза Спасенія, въ 1816—17 гг., первоначально, хотя и недолгое время, освобожденіе крестьянъ, какъ видно изъ показанія Пестеля, было единственною цѣлью общества,—чувствовалось отсутствіе пониманія, какъ осуществить эту реформу. Всего яснѣе видно это изъ записокъ Якушкина, который заявилъ въ томъ же 1816 г. своему

дядѣ, управлявшему его небольшимъ имѣніемъ въ Смоленской губерніи, что желаетъ освободить крестьянъ, но признается, что «въ это время не очень понималъ, ни какъ это можно устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ, однако, имѣя полное убѣжденіе, что крѣпостное состояніе—мерзость, былъ проникнутъ чувствомъ прямой обязанности освободить людей», отъ него «зависящихъ». Слова Якушкина, что дядя взглянулъ на него просто какъ на сумасшедшаго, показываютъ, какое первостепенное значеніе имѣла даже одна пропаганда идеи необходимости освобожденія крестьянъ, внѣдренія въ сознаніе общества, что крѣпостное право — мерзость [1]). Отсюда и указаніе декабристовъ на выгодность для помѣщиковъ добровольнаго освобожденія ими крестьянъ [2]), что было скорѣе тактическимъ пріемомъ распространенія идеи эмансипаціи, чѣмъ выраженіемъ сословныхъ стремленій декабристовъ, отсюда и кажущееся столь наивнымъ настаиваніе нѣкоторыхъ изъ нихъ на необходимости «разговоровъ» объ освобожденіи крестьянъ, т. е. пропаганды этой идеи, отсюда и мысль членовъ Союза Спасенія, въ неосуществимости которой они скоро убѣдились, «пригласить большую часть дворянства» подать просьбу о томъ государю. Было уже указано (стр. 422), что прямое требованіе освобожденія крестьянъ не рѣшились даже внести въ первую часть устава Союза Благоденствія, вѣроятно, изъ боязни оттолкнуть отъ общества значительную часть дворянъ и возбудить гоненіе со стороны правительства. Нужно помнить, что проповѣдь эмансипаціи крестьянъ считалась тогда вещью преступною, и В. Раевскому, первому члену общества, попавшему подъ военный судъ, ставились во время слѣдствія въ вину даже рукописныя вылазки въ стихахъ и прозѣ противъ крѣпостного права. Во время верховнаго уголовнаго суда надъ декабристами нѣкоторые судьи говорили, что желать уничтоженія рабства значитъ желать измѣненія государственнаго порядка; другіе, впрочемъ, съ этимъ не соглашались [3]). Но, ставя своею задачею достиженіе конституціоннаго строя, члены Союза Благоденствія точно также стремились и къ уничтоженію крѣпостного права. Кн. Волконскій, вступившій въ этотъ Союзъ въ 1819—20 г., говоритъ въ своемъ показаніи, что «главная цѣль общества—принятіе мѣръ къ прекращенію рабства крестьянъ въ Россіи, произведенное безъ всякаго потрясенія и съ соблюденіемъ обоюдныхъ выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ». Басаргинъ утверждаетъ, будто бы членъ Союза Благоденствія долженъ былъ

---

[1]) „Члены Общества" (Союза Спасенія), говоритъ кн. Трубецкой въ своихъ запискахъ (стр. 14), „были молодые люди, не имѣвшіе еще собственныхъ помѣстій; они не могли дать примѣра согражданамъ освобожденіемъ собственныхъ крестьянъ, и потому имъ предстоялъ одинъ только способъ дѣйствія—убѣжденіе словомъ". Однако, и въ это время, и позднѣе нѣкоторые декабристы были владѣльцами населенныхъ имѣній.

[2]) Ср. Записки Трубецкого, изд. 1907 г., стр. 14.

[3]) „Письма А. И. Тургенева къ И. И. Тургеневу", Лейпц. 1872 г. стр. 17.

«дать согласіе на уничтоженіе подданства крестьянъ». С. М. Семеновъ говоритъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія, какъ объ одной изъ задачъ Союза Благоденствія.

Однимъ изъ примѣровъ того, какіе взгляды на крестьянскій вопросъ высказывали члены тайнаго общества въ первое время его существованія, можетъ служить записка, составленная въ Москвѣ 4-го апрѣля [1]) 1818 г. членомъ Союза Спасенія, а до 1819 г. включительно и Союза Благоденствія, Александромъ Ник. Муравьевымъ, въ видѣ возраженія на записки Н. М. Карамзина по поводу освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи и калужскаго губернскаго предводителя дворянства кн. П. Г. Вяземскаго [2]) (въ отвѣтъ на рѣчь къ дворянамъ малороссійскаго губернатора кн. Н. Г. Репнина). Въ запискѣ А. Н. Муравьева мы находимъ только общій протестъ противъ крѣпостного права, безъ указанія какихъ-либо практическихъ мѣръ къ его уничтоженію. Въ отвѣтъ на выраженіе признательности «россійскаго дворянина-старца щедротамъ царей» дворянству, А. Н. Муравьевъ говоритъ: «Чѣмъ же жаловали дворянъ? «Помѣстьями, дающими имъ законное право»... Законное право (!!!) пользоваться — чѣмъ же? землями и трудами своихъ крестьянъ и располагать ихъ участью. Ежели это право законное, что же беззаконное?» [3]). Въ общемъ выводѣ авторъ не даетъ точныхъ практическихъ указаній: «Я желаю, говоритъ онъ, чтобы отношенія владѣющихъ и подвластныхъ совершенно были опредѣлены справедливымъ, непремѣннымъ постояннымъ законоположеніемъ, основаннымъ на законѣ Божіемъ, слѣдовательно, на сущей правдѣ законоположеніемъ, которымъ Россія возводилась бы на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена» [4]). Про-

[1]) Въ копіи, хранящейся въ Архивѣ бр. Тургеневыхъ (№ 1173, д. 4) она помѣчена 13 мая 1818 г.

[2]) См. „Сборникъ историч. матер., извлечен. изъ Арх. собств. Е. Вел. канц.", вып. VII, 1905 г.

[3]) Или вотъ характеристика, яко-бы, „патріархальной" власти помѣщика: „Хорошъ тотъ патріархъ, который продаетъ, покупаетъ, торгуетъ себѣ подобными, мѣняетъ людей на собакъ, на лошадей, закладываетъ и уплачиваетъ ими свои долги, вопреки волѣ ихъ употребляетъ на свои удовольствія, прихоти, расторгаетъ браки и часто, весьма часто, удовлетворяетъ ими гнуснѣйшія свои страсти. Довольно! Упаси Боже отъ таковыхъ патріарховъ. Въ Африкѣ и Америкѣ начинаютъ уже чувствовать сіе беззаконіе и стараются прекратить оное, а мы, россіяне, христіане, имѣемъ въ нѣдрахъ отечества нашего защитниковъ сей постыдной, сей богопротивной власти". А вотъ указаніе на полезность крестьянской реформы: „Вы называете химерическими постановленіями тѣ, кои въ пользу 35 милліоновъ дѣлаются: тѣ, кои обезпечатъ ихъ собственность, ихъ благосостояніе, ихъ бытіе, тѣ, кои умножатъ просвѣщеніе, образованіе правовъ, увеличатъ промышленность, усовершенствуютъ хлѣбопашество, образуютъ внутреннюю торговлю, умножатъ богатства, увеличатъ народонаселеніе, тѣ, наконецъ, кои (выше всего) согласны съ правилами вѣры христіанской".

[4]) Записка эта напечатана безъ имени автора въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древн. рос", 1859 г. т. III, 43—50.

читавъ записку А. П. Муравьева, Александръ I сказалъ: «Дуракъ! не въ свое дѣло вмѣшался!» [1]) Н. И. Тургеневъ въ запискѣ 1819—20 гг., написанной имъ по желанію Милорадовича и представленной послѣднимъ государю, не возражалъ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ.

Желаніе Лунина освободить своихъ крестьянъ безъ земли въ 1819 г. посредствомъ духовнаго завѣщанія не соотвѣтствовало существующимъ законамъ, не разрѣшавшимъ (къ счастію для крѣпостныхъ) освобожденія крестьянъ цѣлыми имѣніями безъ земли, и потому не могло быть осуществлено [2]).

Безземельное освобожденіе предлагалъ и Н. М. Муравьевъ въ первой редакціи своего проекта конституціи. Онъ началъ писать его въ 1821 г. въ Минскѣ. Возможно было вліяніе въ это время на Муравьева и мѣстнаго польскаго дворянства, такъ какъ въ сѣверо-западной Россіи, по примѣру Остзейскаго края, уже за два-три года передъ тѣмъ стали обнаруживаться стремленія къ безземельному освобожденію. Такъ дворянство Динабургскаго уѣзда изъявило намѣреніе даровать личную свободу крестьянамъ, и въ февралѣ 1819 г. послѣдовалъ рескриптъ объ учрежденіи, по выбору дворянъ, коммиссіи для составленія положенія, подобнаго изданному въ Прибалтійскомъ краѣ, и внесенія его затѣмъ, съ согласія уѣзднаго дворянскаго собранія, на утвержденіе государя. На собраніи дворянъ Виленской губ. въ 1818 г. также обсуждался вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Н. Муравьевъ въ первой редакціи своего проекта конституціи говоритъ: «Земли помѣщиковъ остаются за ними»; мало того: если крестьяне захотятъ оставить свое селеніе и переселиться въ другое мѣсто, то они должны вознаградить помѣщика за перерывъ въ полученіи доходовъ съ воздѣлываемой ими земли, что должно было быть опредѣлено особымъ закономъ. Но мы видѣли, что проектъ конституціи Н. Муравьева, даже и во второй, болѣе обработанный, редакціи не былъ одобренъ Тайнымъ Обществомъ и постоянно вызывалъ замѣчанія читавшихъ его. Такъ и это правило не осталось безъ протеста. Авторъ замѣчанія не только отмѣтилъ, что «при срочныхъ свободныхъ условіяхъ» такое постановленіе не нужно, но и высказалъ мнѣніе, что переходы крестьянъ раззорительны какъ для нихъ, такъ и для помѣщиковъ, и что *«на первый случай»* должно освобожденіе такъ устроить», чтобы такихъ переселеній не было. Тутъ уже, слѣдовательно, является мысль о необходимости переходнаго періода, какъ это было и въ остзейскихъ крестьянскихъ положеніяхъ. И въ проектѣ динабургскихъ дворянъ, по примѣру лифляндскаго положенія, былъ назначенъ

[1]) Записки Трубецкого, стр. 17—18.
[2]) См. мою статью въ сборникѣ „Крестьянскій Строй" т. I, 215—217.

13-ти-лѣтній срокъ его полнаго осуществленія [1]). Такимъ образомъ, предположенія Н. Муравьева по крестьянскому вопросу подвергались обсужденію и развивались въ прогрессивномъ направленіи. Въ виду того, что конституція Н. Муравьева не была еще одобрена Сѣвернымъ Тайнымъ Обществомъ, никакъ нельзя приписывать взгляды Н. Муравьева всему этому обществу.

Непосредственныя наблюденія въ Западной Россіи съ ея крестьянскимъ строемъ, основанномъ на подворномъ землевладѣніи, могли повліять и на отношеніе Н. Муравьева къ общинному землевладѣнію [2]), что можетъ, впрочемъ, объясняться и отрицательнымъ отношеніемъ къ нему нѣкоторыхъ русскихъ хозяевъ съ исключительно агрономической точки зрѣнія. Въ первой редакціи Муравьевъ предлагаетъ, чтобы земли, населенныя удѣльными и «экономическими» крестьянами были признаны ихъ «собственностью» и предоставлены имъ «въ общественное владѣніе», но послѣдующіе законы «*могутъ опредѣлить*», какимъ образомъ онѣ «поступятъ изъ общественнаго въ частное владѣніе каждаго изъ поселянъ, и на какихъ правилахъ будетъ основанъ сей раздѣлъ общественной земли между ними». Уже и тутъ сказывается желаніе обратить общинное владѣніе въ подворное, но все же одинъ изъ читателей первой редакціи конституціи Н. Муравьева былъ неудовлетворенъ этимъ предложеніемъ и сдѣлалъ замѣчаніе, что «общая собственность — вѣрный способъ для *стоячаго* положенія земледѣлія», которое при общинномъ землевладѣніи будто бы никогда не можетъ совершенствоваться. Замѣчаніе это было принято во вниманіе, и во второй редакціи конституціи вмѣсто выраженія: «*могутъ опредѣлить*», сказано—*опредѣлятъ*, слѣдовательно, здѣсь Муравьевъ рѣшительно отдаетъ предпочтеніе подворному землевладѣнію [3]).

---

[1]) По поводу аналогичнаго правила относительно арендныхъ крестьянъ въ первой редакціи конституціи Н. Муравьева было сдѣлано замѣчаніе, что крестьяне будутъ „не въ состояніи дать вознагражденіе“; замѣчаніе это не осталось безъ результата: требованіе вознагражденія (въ случаѣ перехода крестьянина) землевладѣльцу или арендатору было во второй редакціи конституціи исключено.

[2]) Любопытно, что когда русская гвардія находилась въ 1821 -22 гг. въ Западной Россіи, то нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ въ Витебскѣ участвовали въ польскомъ Патріотическомъ Обществѣ. *Богдановичъ*, т. VI, 175.

[3]) На поляхъ второй редакціи конституціи Муравьева тою же рукою, которою написанъ текстъ, т. е. рукою Рылѣева, чернилами прибавлено: „Земли, на коихъ поселены экономическіе, удѣльные и государственные крестьяне [остаются общественными (biens nationaux) и въ вѣдѣніи казначейскаго приказа (нынѣ министерство финансовъ)“ (карандашемъ прибавлено: и удѣловъ), „кромѣ дворовъ ихъ, огородовъ, скота и земледѣльческихъ орудій, которые признаются ихъ собственностью“]. Слѣдовательно авторъ замѣчанія, вѣроятно, Рылѣевъ, стоялъ за сохраненіе государственной собственности на земли казенныхъ крестьянъ и, такъ сказать, за національзацію удѣльныхъ земель, кромѣ усадебныхъ.

Второю ступенью въ развитіи взглядовъ декабристовъ на крестьянскій вопросъ было предположеніе Якушкина освободить ихъ съ предоставленіемъ имъ безвозмездно усадебъ съ усадебною землею и общимъ выгономъ. Очень важно и то, что въ своей запискѣ Якушкинъ высказался въ пользу общиннаго землевладѣнія [1]), такъ какъ при немъ «всѣ частныя дѣйствія направлены духомъ общественности» и «не можетъ быть нищихъ», и потому совѣтуетъ дозволить крестьянамъ покупать землю цѣлымъ обществомъ. Впрочемъ, въ заявленіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ Якушкинъ предполагалъ выразить готовность принять всякія постановленія, основанныя на взаимной пользѣ крестьянъ и помѣщика и не лишающія послѣдняго его собственности, состоящей въ землѣ [2]) Но нашъ законъ не допускалъ освобожденія крестьянъ безъ земли пѣлыми селеніями, и предположеніе Якушкина осуществлено не было, тѣмъ болѣе, что и крестьяне не пожелали принять его предложеніе.

Тургеневъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ плану Якушкина относительно освобожденія крестьянъ съ усадьбами и усадебною землею, и когда въ 1820 г. принялъ участіе въ попыткѣ князя П. А. Вяземскаго, М. С. Воронцова, кн. А. С. Меншикова, гр. С. С. Потоцкаго и нѣкоторыхъ другихъ помѣщиковъ основать общество съ цѣлью постепеннаго освобожденія ихъ крѣпостныхъ, то въ основу предположеннаго этими лицами плана была положена мысль Якушкина объ освобожденіи крестьянъ съ усадебною землею (о дарованіи общаго выгона не упоминалось) на условіяхъ на долгое «время, даже наслѣдственной аренды» (Erbpacht) съ «правомъ перехода» крестьянъ [3]).

Быть можетъ, при посредствѣ Н. Тургенева, мысль Якушкина повліяла и на Никиту Муравьева, и во второй редакціи его конституціи, вмѣсто предложенія совершенно безземельнаго освобожденія крестьянъ, мы находимъ слѣдующее постановленіе: «земли помѣщиковъ остаются за ними», а дома крестьянъ съ огородами, земледѣльческими орудіями и принадлежащимъ крестьянамъ скотомъ признаются ихъ собственностью. Но и такое постановленіе не удовлетворило нѣкоторыхъ членовъ Сѣвернаго Общества, и на копіи второй редакціи конституціи Н. Муравьева,

---

[1]) Знако, часть этого замѣчанія, заключенная нами въ прямыя скобки, зачеркнута карандашемъ; это, вѣроятно, означаетъ, что предложеніе принято не было.

[2]) Онъ называетъ его такъ же, какъ и Муравьевъ, „общественнымъ владѣніемъ".

[3]) „Русскій Архивъ" 1865 г, стр. 1373 -1379. Дѣло о предположеніяхъ Якушкина въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ попало въ 1907 г. въ число предназначенныхъ къ уничтоженію; къ счастью, еще есть нѣкоторая надежда его отыскать и спасти.

[3]) Подробнѣе объ этихъ предположеніяхъ я говорю на основаніи неизданнаго матеріала, въ моей статьѣ: „Н. И. Тургеневъ о крестьянскомъ вопросѣ въ царствованіе Александра I." „Вѣстн. Евр.", 1909 г. №2, стр. 556 558, 563.

написанной рукою Рылѣева, сдѣлано рукою П. П. Пущина замѣчаніе: «ежели огородъ, то земля».

Третій изъ числа предложенныхъ въ царствованіе имп. Александра I способовъ измѣненія быта крѣпостныхъ крестьянъ, а затѣмъ и совершеннаго ихъ освобожденія состоялъ въ обращеніи ихъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ съ опредѣленіемъ размѣра повинностей и съ предоставленіемъ имъ, по истеченіи извѣстнаго времени, права перехода. Предложеній этого рода было сдѣлано не мало въ первой четверти XIX вѣка, хотя нѣкоторыя изъ нихъ могли остаться и неизвѣстными декабристамъ. Къ этому типу относятся предложенія, сдѣланныя Сперанскимъ, какъ въ его первомъ политическомъ трактатѣ, такъ и въ знаменитомъ «Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ» 1809 г. Я упоминалъ уже о свидѣтельствѣ Завалишина, что нѣкоторые декабристы «ссылались, въ подкрѣпленіе своихъ замысловъ», на попытки Сперанскаго. Было указано также на то, что въ архивѣ братьевъ Тургеневыхъ сохранилась не только копія плана государственныхъ преобразованій Сперанскаго 1809 года, но и его трактатъ 1802 г. съ собственноручными поправками Сперанскаго [1]).

Такимъ образомъ, Н. Н. Тургеневу были извѣстны предложенія Сперанскаго относительно крѣпостныхъ крестьянъ, а отъ него могли узнать ихъ и нѣкоторые его товарищи-декабристы. Въ трактатѣ 1802 г. Сперанскій предложилъ раздѣлить уничтоженіе крѣпостного права на двѣ эпохи: въ первой опредѣленіемъ повинностей крестьянъ въ пользу помѣщика и учрежденіемъ «нѣкоторой расправы» для разбора дѣлъ между ними крестьяне «изъ личной крѣпости помѣщика перейдутъ въ крѣпость землѣ и будутъ только приписными»; во вторую же эпоху, *«которая не можетъ быть близка»* и должна быть подготовлена частными распоряженіями, «возвратится крестьянамъ древнее ихъ право свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому и тѣмъ самымъ совершится уже и конечное ихъ искупленіе» [2]). Во «Введеніи» 1809 г. Сперанскій также высказывается за постепенность уничтоженія «гражданскаго рабства» и за принятіе для этого «дѣйствительныхъ мѣръ», которыя онъ и указываетъ [3]). Здѣсь Сперанскій рѣшительно порицаетъ

---

[1]) Магницкій въ своемъ доносѣ 1831 г. говоритъ: „Всѣ... бумаги, опечатанныя при высылкѣ Сперанскаго изъ Петербурга въ 1812 г. подъ предлогомъ принадлежности ихъ къ предмету коммиссіи законовъ, какимъ-то образомъ добыты Александромъ Тургеневымъ, который мнѣ самъ сіе сказывалъ, и поступили уже не знаю куда". „Русская Старина", 1899 г., № 1, стр. 83; бумаги Сперанскаго въ дѣлахъ II Отд. Соб. Е. Вел. Канц. въ Арх. Гос. Сов. связка № 828. Срав. выше, стр. 262.

[2]) См. мою статью „Первый политическій трактатъ Сперанскаго". „Рус. Бог." 1907 г. № 1, стр. 80—81.

[3]) Лишеніе помѣщиковъ права наказывать крѣпостныхъ безъ суда и отдавать въ военную службу не по очереди; предоставленіе крѣпостнымъ права

освобожденіе крестьянъ безъ надѣленія землею. Указавъ на то, что въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки «земли обрабатываются большею частью наймомъ, и крестьяне не имѣютъ твердой осѣдлости», Сперанскій говоритъ: «Участь крестьянина, отправляющаго повинности по закону и имѣющаго въ возмездіе свой участокъ земли, несравненно выгоднѣе, нежели положеніе бобылей, каковы суть всѣ (?) рабочіе люди въ Англіи, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ». Это общее соображеніе Сперанскаго и указанныя имъ частныя мѣры отчасти навѣяны: 1) разрѣшеніемъ всѣмъ свободнымъ состояніямъ пріобрѣтать землю въ собственность, 2) закономъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и 3) лифляндскимъ Положеніемъ о крестьянахъ 1804 г., на которое онъ смотритъ, какъ на примѣръ и опытъ опредѣленія повинностей крестьянъ. Всѣмъ этимъ законамъ онъ придавалъ очень большое значеніе и называлъ ихъ «государственными» [1]). Если эти предположенія Сперанскаго относительно постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ могли быть извѣстны очень немногимъ декабристамъ, то лифляндское Положеніе 1804 г. было доступно всѣмъ, но оно не оказало вліянія на развитіе ихъ идей по крестьянскому вопросу, потому что въ то время, когда начала развиваться дѣятельность Тайнаго Общества, это положеніе уже было замѣнено въ 1819 г. безземельнымъ освобожденіемъ крестьянъ (съ нѣкоторымъ переходнымъ періодомъ). Въ духѣ обращенія крѣпостного права въ прикрѣпленіе къ землѣ съ сохраненіемъ за крестьянами владѣнія землею высказывался и Каразинъ, взгляды котораго были извѣстны Тургеневу, А. Н. Муравьеву и быть можетъ нѣкоторымъ другимъ членамъ Тайнаго Общества [2]). Каразинъ энергично протестовалъ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Эстляндіи и даже утверждалъ, что «земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками», что «помѣщики были всегда только распорядителями земли» [3]). Но личныя несимпатичныя качества Каразина,

---

располагать своею собственностью и исполнять работы и вносить платежи по закону или условію, а не по произволу другого.

[1]) „Историческое Обозрѣніе", т. X, 14—15, 29—32.

[2]) Многіе изъ нихъ могли встрѣчаться съ Каразинымъ въ Вольномъ обществѣ любителей россійской словесности. См. статью *И. К. Кульмана* „Изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I". „Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ" 1908 г. т. XIII, кн. I, стр. 140 (есть и отдѣльный оттискъ).

[3]) Что „Мнѣніе одного украинскаго помѣщика, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями о указѣ 23 мая 1816 г. и объ эстляндскихъ постановленіяхъ" принадлежитъ Каразину, прежде всего видно изъ его содержанія и слога, но есть и прямое свидѣтельство декабриста С. П. Трубецкого. См. его Записки, изд. 1907 г., стр. 17, ср. „Чтен. Общ. ист. и древн. рос.", 1860 г. т. II, 223 или „Сборн. истор. матер., извлеч. изъ Арх. Сов. Е. Вел. Канц." VII, 148. Анахронизмъ относительно возраста автора, встрѣчающійся въ запискѣ, допущенъ очевидно умышленно для прикрытія авторства Каразина, однако свидѣ-

доходившаго до прямыхъ доносовъ министру внутреннихъ дѣлъ Кочубею на нѣкоторыхъ декабристовъ и писателей, отталкивали отъ него, и потому не мудрено, что устроители предполагаемаго въ 1820 г. общества съ цѣлью освобожденія крестьянъ поспѣшили отдѣлаться отъ Карамзина, одновременно хлопотавшаго объ устройствѣ «Общества добрыхъ помѣщиковъ», или «Друзей отчизны», для «улучшенія участи поселянъ», первою задачею котораго должно было быть «составленіе опыта устава для помѣщичьихъ имѣній». Помимо невозможности для декабристовъ имѣть дѣло съ Карамзинымъ, отъ котораго они могли бы кое-чему научиться въ крестьянскомъ вопросѣ, они расходились съ нимъ и въ основномъ принципѣ, такъ какъ они не желали довольствоваться обращеніемъ крѣпостного права въ прикрѣпленіе къ землѣ, а стремились къ совершенному освобожденію крестьянъ. Поэтому указанный третій способъ измѣненія быта крестьянъ, т. е. путемъ ряда многихъ подготовительныхъ мѣръ съ передачею земли въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ (подъ условіемъ исполненія ими повинностей, размѣръ которыхъ долженъ былъ быть опредѣленъ закономъ) и не нашелъ выраженія въ предположеніяхъ декабристовъ по крестьянскому вопросу [1]).

Постепенно декабристы не могли не придти къ мысли о необходимости земельнаго надѣла для крестьянъ. Укажемъ на нѣкоторыя вліянія, которыя должны были содѣйствовать развитію ихъ міросозерцанія въ этомъ направленіи. Нѣкоторые изъ членовъ Тайнаго Общества, какъ, напримѣръ, Штейнгель и Петръ Бестужевъ показали во время слѣдствія, что они читали сочиненіе Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Изъ дневника Н. И. Тургенева 1807 г. видно, что онъ въ то время уже прочелъ эту книгу. Они нашли въ сочиненіи Радищева знаменитыя слова: «Крестьяне удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемый, должны имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать». Книга Радищева была рѣдка вслѣдствіе конфискаціи ея правительствомъ, но, кромѣ печатныхъ экземпляровъ, существовали и рукописные. Зато всѣмъ доступны были другія сочиненія Радищева, собраніе которыхъ вышло въ Москвѣ въ 1811 г. въ 6 частяхъ. Приведенная мысль «Путешествія» повторена здѣсь въ «Описаніи моего владѣнія», хотя и въ смягченномъ и неполномъ видѣ, очевидно, по цензурнымъ причинамъ: «Кажется, поелику селянинъ платитъ подать, то онъ для удовлетворенія тому долженъ имѣть собственность» (ч. IV, 147). Пріятель Радищева, Пнинъ, въ своемъ «Опытѣ о просвѣщеніи относи-

---

тельство Трубецкого показываетъ, что нѣкоторые поняли или знали, кѣмъ написана эта записка.

[1]) Впрочемъ, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ Спиридовъ въ своемъ показаніи совѣтовалъ: „не давая вольности крестьянамъ, сдѣлать ихъ вольными, т. е. чтобы они производили сельскія работы на условіяхъ съ помѣщиками".

тельно къ Россіи» утверждалъ, что важнѣйшій предметъ законодательства долженъ состоять въ томъ, чтобы «предписать законы, могущіе опредѣлить собственность земледѣльческаго состоянія» и сдѣлать ее «неприкосновенною» (эта книга была не дозволена ко второму изданію, и оставшіеся экземпляры перваго были отобраны изъ книжныхъ лавокъ). Академикъ Шторхъ, въ своемъ курсѣ политической экономіи 1815 г., въ ряду другихъ способовъ освобожденія крестьянъ, допускалъ и освобожденіе ихъ со всею землею или частью ея на различныхъ условіяхъ.

Наряду съ литературными вліяніями мысль о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею вызывалась и нѣкоторыми русскими и иностранными узаконеніями о крестьянахъ. Законъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ допускалъ освобожденіе крестьянъ цѣлыми селеніями по добровольнымъ соглашеніямъ *не иначе, какъ съ землею*, за денежный выкупъ или исполненіе въ теченіе извѣстнаго времени опредѣленныхъ повинностей. Требованіе этого закона относительно введенія при освобожденіи крестьянъ подворнаго владѣнія обыкновенно не исполнялось [1]).

Декабристамъ, совершавшимъ походы въ Пруссію и хорошо знавшимъ уставъ прусскаго Союза Добродѣтели, не могло остаться неизвѣстнымъ, что тамъ эдиктомъ 9 окт. 1807 г. было установлено постепенное (до 1810 г. включительно) уничтоженіе наслѣдственной зависимости крестьянъ, а по закону о регулированіи 14 сентября 1811 г. крестьяне могли получать въ собственность находившіяся въ ихъ наслѣдственномъ владѣніи земли уступкою помѣщику $^1/_3$ надѣла, а находившіяся въ ненаслѣдственномъ владѣніи—половины земли. Для добровольнаго соглашенія былъ установленъ двухлѣтній срокъ, а если обѣ стороны не воспользуются своимъ правомъ въ теченіе этого этого срока, то раздѣлъ между ними долженъ былъ совершиться при посредствѣ правительственныхъ учрежденій, по просьбѣ одной изъ сторонъ, если же ея не послѣдуетъ, то должно вмѣшаться правительство и произвести раздѣлъ земли своею властью [2]). Мы видѣли изъ замѣчанія И. И. Пущина на вторую редакцію проекта конституціи Н. Муравьева, что его не удовлетворило предположеніе освободить крестьянъ съ однѣми усадьбами; вѣ-

[1]) Нужно замѣтить, что 17 помѣщиковъ (изъ 161) отпустили своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы безъ всякой платы. Впрочемъ, если исключить освобожденіе 7000 душъ въ Виленской губ., не вполнѣ соотвѣтствовавшее условіямъ закона, то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ были освобождены безъ платы только 415 душъ м. п.

[2]) Декларація 29 мая 1816 г. внесла значительное ограниченіе въ законъ 1811 г., опредѣливъ, что подлежатъ регулированію только крестьяне, владѣющіе полною упряжкою и удовлетворяющіе еще нѣкоторымъ другимъ условіямъ. *Knapp*, Bauern-Befreiung, I. 136, 166, 169, 184—189.

роятно, таково же было мнѣніе и другихъ членовъ союза для освобожденія крѣпостныхъ, къ которому онъ принадлежалъ [1]). Примѣръ Пруссіи, гдѣ за крестьянами была сохранена значительная часть земли при ихъ освобожденіи, могъ также вліять на Н. Муравьева, и вотъ въ письменномъ пересказѣ имъ конституціи по памяти во время слѣдствія мы находимъ такое постановленіе: «Крѣпостное состояніе отмѣняется. Помѣщичьи крестьяне получаютъ въ свою собственность дворы, въ которыхъ они живутъ, скотъ и земледѣльческія орудія, въ оныхъ находящіяся, и по двѣ десятины земли на каждый дворъ для осѣдлости ихъ. Земли же они обрабатываютъ по договорамъ обоюднымъ, которые они заключаютъ съ владѣльцами оныхъ. Они получаютъ право пріобрѣтать землю въ потомственное владѣніе». Двѣ десятины на дворъ крестьяне, очевидно, должны были получить безплатно. Если они желали обрабатывать въ свою пользу большее количество земли, то должны были арендовать ее у помѣщиковъ по свободнымъ договорамъ или пріобрѣтать въ «потомственное владѣніе». Если сопоставить это выраженіе съ тѣмъ, что въ планахъ предполагаемаго общества помѣщиковъ 1820 г., въ которомъ участвовали братья Тургеневы, упоминалось о наслѣдственной арендѣ, то нужно думать, что тутъ дѣло шло объ арендѣ за опредѣленные разъ навсегда платежи и повинности въ пользу землевладѣльца. Безплатное надѣленіе крестьянъ двумя десятинами земли «для осѣдлости ихъ» было, конечно, крайне неудовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса. Даже Аракчеевъ въ своемъ проектѣ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, составленномъ въ 1818 г. по приказанію государя, предлагалъ ежегодно отпускать изъ казны 5 мил. руб. для покупки помѣщичьихъ имѣній со всею землею по добровольному соглашенію или на основаніи особыхъ правилъ, если бы съ крестьянами продавалась лишь часть земли. По проекту Аракчеева всякій помѣщикъ могъ потребовать покупки у него крестьянъ съ надѣломъ по двѣ десятины на *ревизскую душу* (т. е. значительно болѣе того, что Муравьевъ предлагалъ дарować имъ въ собственность) съ правомъ оставить за собою остальную землю. Конечно, между обоими проектами существенная разница въ томъ, что Н. Муравьевъ проектировалъ обязательное прекращеніе крѣпостного права во всей Россіи, а Аракчеевъ—ежегодное пріобрѣтеніе въ казну небольшого количества крестьянъ, но даже и минимальный размѣръ надѣла, даваемаго крестьянамъ въ собственность, по проекту Аракчеева, все же болѣе, чѣмъ по проекту Муравьева. Относительно пріобрѣтенія земли въ «потомственное владѣніе» Муравьевъ не предложилъ никакихъ правилъ, очевидно предоставивъ это добровольнымъ соглашеніямъ [2]).

[1]) См. мою статью въ сборникѣ „Крестьянскій Строй", стр. 224—226.

[2]) Есть извѣстіе, что планъ Аракчеева былъ уже одобренъ государемъ и

Вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею очень занималъ Н. П. Тургенева, какъ видно изъ его дневниковъ. Еще въ 1816 г. онъ спрашиваетъ въ своемъ дневникѣ: «почему земля болѣе принадлежитъ помѣщику, нежели крестьянамъ?» Въ томъ же году, вѣроятно, подъ вліяніемъ прусскаго законодательства, у него является мысль объ отдачѣ крестьянину половины помѣщичьей земли, при чемъ, считаясь съ интересами помѣщиковъ, имѣющихъ мало крестьянъ и много земли, онъ предполагалъ опредѣлить максимумъ участка крестьянина. Въ томъ же году онъ задумывается надъ предоставленіемъ крестьянамъ «въ вѣчное владѣніе» участковъ земли съ запрещеніемъ отчуждать ихъ или образовать изъ нихъ майораты, а затѣмъ дать имъ право и возможность покупать новыя земли. Въ мартѣ 1819 г. онъ мечтаетъ о томъ, чтобы «хоть черезъ годъ» освободить своихъ крестьянъ, «оставя за ними землю», и утверждаетъ, что владѣльцы имѣнія при этомъ ничего не потеряли бы (очевидно, крестьяне должны были бы платить за землю извѣстную арендную плату), но видитъ препятствіе къ осуществленію этихъ плановъ въ несочувствіи имъ его матери. Въ 1820 г. Тургеневъ колеблется между регламентированіемъ повинностей за пользованіе землею и опредѣленіемъ размѣра ихъ свободнымъ договоромъ. Наконецъ, въ томъ же году онъ выражаетъ желаніе, чтобы крестьянамъ дана была въ собственность часть земли «по соразмѣрности», опредѣливъ при томъ minimum и maximum ея количества. Въ письмѣ изъ Лондона въ 1827 г. Н. Тургеневъ писалъ брату А. П—чу, что «болѣе полезнымъ для государства средствомъ» было бы предоставленіе крестьянамъ не только свободы, но и «куска земли». Онъ совѣтуетъ искать «лучшихъ и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ... не въ Россіи, не въ томъ, что тамъ предполагаемо было, но въ другихъ земляхъ, и именно въ Пруссіи. Я самъ, даже и бывъ въ Россіи, всегда думалъ, что лучшее и полезнѣйшее для государства было бы раздѣлить землю, теперь помѣщиками владѣемую, впрочемъ, не поровну между господами и крестьянами» (намекъ на планы Пестеля), «сдѣлавъ ихъ независимыми одинъ отъ другого». Указавъ на то, что не предлагалъ этого, чтобы не испугать помѣщиковъ, Тургеневъ продолжаетъ: «Въ Пруссіи это сдѣлано, и сіе истинно государственное благодѣяніе увѣнчалось успѣхомъ... Для насъ это было бы слишкомъ хорошо. Не надобно искать совершенства, гдѣ и менѣе совершенное было бы такъ благодѣтельно» [1]).

Такимъ образомъ, Тургеневъ въ концѣ концовъ пасовалъ предъ

не былъ приведенъ въ исполненіе лишь вслѣдствіе революціи въ государствахъ Южной Европы и волненія Семеновскаго полка. „Девятнадцатый вѣкъ", изд. Бартенева. М. 1872 г. II, 146—149.

[1]) *Н. Тургеневъ.* „Чего желать для Россіи?" Лейпц. 1868 г., стр. 208—209.

практическими затрудненіями и даже черезъ четверть вѣка въ своей книгѣ «La Russie et les Russes» еще утверждалъ, что личное, безземельное освобожденіе наиболѣе возможно и осуществимо (хотя въ это время уже вполнѣ выяснился весь вредъ освобожденія по остзейскому образцу) и лишь въ послѣднемъ, третьемъ томѣ своего труда высказался за освобожденіе съ землею, при чемъ, однако, въ видѣ *наибольшаго* надѣла предлагалъ дать крестьянамъ одну десятину на душу или три десятины на тяглo. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что мнѣнія Н. Тургенева по вопросу объ освобожденіи крестьянъ въ его книгѣ, изданной въ 1847 г., вызвали негодованіе его бывшаго товарища по Сѣверному Обществу Н. А. Бестужева, и это еще болѣе заставляетъ думать, что и предположеніе Н. Муравьева по тому же предмету, даже въ окончательномъ видѣ, не пользовалось общимъ сочувствіемъ декабристовъ.

Опытъ Якушкина показалъ, что освобожденія съ однѣми усадебными землями крестьяне не принимали. Тѣ изъ декабристовъ, которые приходили въ соприкосновеніе съ крестьянами, должны были понимать, что ихъ не удовлетворятъ и 2 десятины на дворъ, а между тѣмъ провести безвозмездное принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель въ большемъ размѣрѣ, вѣроятно, казалось членамъ Сѣвернаго Общества невозможнымъ; оставался, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, одинъ исходъ — выкупъ земель, и это ранѣе всѣхъ другихъ членовъ Сѣвернаго Общества понялъ Якушкинъ, жившій въ своемъ имѣніи и задумывавшійся надъ способами освобожденія своихъ крестьянъ, а въ Южномъ Обществѣ — Пестель.

Мѣры, принятыя въ Западной Европѣ относительно выкупа помѣщичьихъ земель, вѣроятно, до нѣкоторой степени были извѣстны декабристамъ. Во время французской революціи первоначально феодальныя повинности были раздѣлены на подлежащія выкупу и отмѣняемыя безвозмездно, но въ концѣ концовъ декретомъ конвента 17 іюля 1793 г. были уничтожены безъ вознагражденія и тѣ повинности, которыя должны были выкупаться по закону 25 августа 1792 года, кромѣ чисто земельныхъ, а не феодальныхъ рентъ, хотя различить ихъ на практикѣ было невозможно [1]).

Въ Германіи, еще въ концѣ 1807 г., появилась брошюра, предлагающая выкупъ крестьянами земли, учрежденіе кредитной кассы и отпускъ крестьянамъ въ кредитъ $^2/_3$ выкупной суммы, которыя онъ можетъ погасить, внося въ теченіе 28 лѣтъ по 6%, считая въ томъ числѣ и% погашенія [2]). Въ Баваріи эдиктомъ 28 іюля 1808 г. всѣ земельныя

---

[1]) *И. И. Картевъ.* „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка". М. 1879 г., гл. 8.

[2]) *Knapp.* Die-Bauern-Befreiung I 158—161.

ренты деньгами и продуктами были объявлены подлежащими выкупу, но не иначе, какъ по добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, а конституціею 1 мая того же года уничтожено крѣпостное право тамъ, гдѣ оно еще существовало въ Баваріи [1]). Въ баварской конституціи 26 мая 1818 г., переведенной въ томъ же году на русскій языкъ, было сказано: «Во всемъ пространствѣ Баварскаго королевства не можетъ существовать крѣпостного подданства. Всѣ прежде бывшія крѣпостныхъ людей повинности или барщина должны быть точно и подробно опредѣлены; но и отъ сихъ можно откупиться». Въ Баденской конституціи 22 августа 1818 г., также переведенной на русскій языкъ, было объявлено, что особымъ закономъ будетъ установленъ размѣръ выкупа барщины и всѣхъ вообще повинностей «уничтоженнаго крѣпостного подданства» (aus der aufgehobenen Leibeigenschaft herrürenden Abgaben). Закономъ 5 октября 1820 г. въ велик. герц. Баденскомъ личные крѣпостные платежи были окончательно уничтожены съ выдачею полнаго вознагражденія изъ государственнаго казначейства и регулированъ былъ выкупъ поземельныхъ повинностей: платежей произведеніями земли, наслѣдственныхъ чиншей (деньгами и натурою) и лаудемій [2]); выкупа могла требовать какъ та, такъ и другая изъ заинтересованныхъ сторонъ, при чемъ выкупной капиталъ равнялся годичной цѣнности повинности, помноженной на 9—18; иногда допускалось и обращеніе выкупного капитала въ 5% денежную ренту [3]). Въ 1821 г. (7 іюня) былъ изданъ въ Пруссіи законъ о выкупѣ какъ принудительной службы, такъ и другихъ повинностей имѣющими полную упряжку крестьянами. Выкупъ принудительной службы обязателенъ по требованію каждой изъ сторонъ, при чемъ обязанная сторона, взамѣнъ службы, даетъ вознагражденіе, по своему усмотрѣнію, землею или рентою; рента можетъ быть замѣнена единовременнымъ взносомъ, превышающимъ ее въ 25 разъ. Удовлетвореніе рентою и выкупъ ея въ такой же пропорціи примѣняется и къ выкупу другихъ повинностей [4]).

---

[1]) *Seb. Hausmann.* Die Grund-Entlastung in Bayern. Strassb. 1892, S. 98, 114; „Освобожденіе крестьянъ на Западѣ и исторія поземельныхъ отношеній въ Германіи. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften". Пер. подъ ред. Н. В. Водовозова и С. Н. Булгакова. Изд. М. П. Водовозовой. М. 1897 г., стр. 216.

[2]) Лаудеміями назывались сборы, взимаемые при переходѣ имѣнія въ руки новаго землевладѣльца, при вступленіи каждаго новаго хозяина во владѣніе участкомъ, при переходѣ участка по наслѣдству въ боковую линію, при женитьбѣ хозяина, при сдачѣ или продажѣ его надѣла. Сочиненія Самарина II, 360. Лаудеміи въ Баваріи достигали иногда разорительныхъ для крестьянъ размѣровъ. *Hausmann*, 69.

[3]) „Освобожденіе крестьянъ на Западѣ", стр. 225; русскій переводъ баварской и баденской конституцій 1818 г., см. „Духъ Журналовъ" 1818 г., т. XXXI, 543, 633.

[4]) *Knapp*, I. 200—204. Въ Познани, возвращенной Пруссіи въ 1815 г., прусское правительство запретило помѣщикамъ въ 1819 г. изгнаніе крестьянъ по

Якушкину, вѣроятно, былъ извѣстенъ русскій переводъ баденской и баварской конституцій въ «Духѣ Журналовъ», гдѣ онъ могъ найти упоминаніе и о выкупѣ повинностей крестьянъ. Идею эту онъ могъ позаимствовать и у нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ Западной Россіи. Такъ, русскій сенаторъ, помѣщикъ Волынской губерніи, гр. Стройновскій, въ актѣ 1812 г., которымъ онъ давалъ своимъ крестьянамъ личную свободу съ предоставленіемъ имъ земли за барщинную повинность (однако, безъ права перехода) могли выкупить свои повинности по истеченіи перваго, второго и третьяго тридцатилѣтія, даже и безъ согласія помѣщика (въ остальное же время лишь съ его согласія), помножая годовую стоимость повинности на 24 [1]). Но, конечно, мысль о выкупѣ могла придти въ голову Якушкину и самостоятельно или подъ вліяніемъ Пестеля, который въ Тульчинѣ въ 1820 г. читалъ ему отрывокъ объ устройствѣ волостей изъ своего плана государственнаго преобразованія [2]). Какъ бы то ни было, живя въ своемъ имѣніи (Вязем. у. Смолен. губ.) въ 1824 г. и старательно занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, онъ обрабатывалъ уже часть своихъ полей наемными людьми и надѣялся, что при улучшеніи положенія его крестьянъ, они скоро окажутся въ состояніи платить ему оброкъ, «часть котораго ежегодно учитывалась бы на покупку» (т. е. на выкупъ) той земли, какою они пользовались, и что современемъ они, совершенно освободясь, будутъ имѣть въ собственность нужную имъ землю». Оставалось только примѣнить мысль о выкупѣ ко всѣмъ крѣпостнымъ крестьянамъ; Якушкинъ это и сдѣлалъ: 8 февраля 1825 г. онъ отправился въ Москву, а 10 января 1826 года былъ арестованъ. Ожидая ареста, онъ нарочно положилъ на столъ листокъ съ вычисленіями о выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ правительствомъ, надѣясь, что его возьмутъ во время обыска, и что листокъ этотъ можетъ обратить на себя вниманіе высшихъ сферъ. Онъ даже предложилъ арестовавшему его полицеймейстеру взять эти вычисленія, но тотъ сказалъ, что они «нисколько не нужны». На первомъ же допросѣ Якушкинъ заявилъ, что «всего болѣе занимался отысканіемъ способа уничтожить крѣпостное состояніе въ Россіи», что этотъ «узелъ... долженъ быть развязанъ правительствомъ, или, въ противномъ случаѣ, насильственно разорванный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія», и что правительство «можетъ выкупить крестьянъ у помѣщиковъ» [3]). Любопытно,

своему усмотрѣнію, т. е. была объявлена безусловная охрана крестьянства до регулированія. Законъ 8 апрѣля 1823 г. о регулированіи въ Познани былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе благопріятенъ для крестьянъ, сравнительно съ соотвѣтственными узаконеніями относительно старыхъ провинцій Пруссіи. Этимъ же закономъ въ Познани было введено и положеніе о выкупѣ 1821 г. *Knapp*, I. 206—208.

[1]) Арх. мин. внутр. дѣлъ. Дѣла о свободныхъ хлѣбопашцахъ № 136.

[2]) „Записки Якушкина", 43.

[3]) „Записки Якушкина", 1905 г., стр. 71, 79, 83. Что касается вычисленій

что Якушкинъ тогда еще ничего не зналъ о проектѣ конституціи Н. Муравьева (стр. 83). Разсказъ Якушкина объ его предположеніяхъ слѣдуетъ сопоставить со свидѣтельствомъ Завалишина, что въ совѣщаніяхъ членовъ Сѣвернаго Общества «большинство мнѣній склонялось къ выкупу государствомъ, что облегчалось тѣмъ, что большинство имѣній было заложено» [1]). Если это показаніе справедливо, то отсюда слѣдуетъ, что эти члены Сѣвернаго Общества сознали необходимость освобожденія крестьянъ съ землею. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ два предположенія въ Сѣверномъ Обществѣ относительно освобожденія крестьянъ съ землею: 1) общее обязательное освобожденіе крестьянъ съ двумя десятинами на дворъ безъ выкупа (Н. М. Муравьевъ) и 2) освобожденіе съ землею за выкупъ, уплаченный государствомъ. Имѣя въ виду, что Положеніе 19 февраля 1861 г. устанавливало и освобожденіе безъ выкупа въ размѣрѣ $^1/_4$ высшаго надѣла, и необязательный выкупъ съ надѣленіемъ землею въ большемъ размѣрѣ, но почти всегда въ количествѣ, меньшемъ сравнительно съ тѣмъ, сколько до того находилось въ пользованіи крестьянъ, историкъ, желающій судить о декабристахъ не со современной точки врѣнія, а считаясь съ условіями эпохи Александра I, едва ли имѣетъ право клеймить членовъ Сѣвернаго Общества укоромъ, что они руководствовались въ этомъ дѣлѣ эгоистическими сословными интересами, какъ это дѣлаютъ г.г. Покровскій и К. Левинъ, забывая о томъ, что декабристы писали не теоретическій трактатъ, а обсуждали вопросъ о томъ, что можно сдѣлать немедленно. Многое и очень важное въ этомъ дѣлѣ оставалось еще невыясненнымъ, но декабристы могли думать, что окончательное устраненіе всѣхъ затрудненій будетъ возможно съ завоеваніемъ политической свободы, въ чемъ ихъ долженъ былъ поддерживать и опытъ французской революціи, во время которой, слѣдуетъ замѣтить, отъ первоначальныхъ предположеній о выкупѣ феодальныхъ повинностей за землю постепенно пришли къ отказу отъ требованія выкупа.

Въ Южномъ Обществѣ господствовали мнѣнія по крестьянскому

Якушкина относительно выкупа крестьянъ во всей Россіи, то, имѣя въ виду его дружественныя отношенія съ М. А. Фонъ-Визинымъ, возможно предположеніе, не отразились ли его взгляды на запискѣ Фонъ-Визина 1842 г. (по поводу закона объ обязанныхъ крестьянахъ), въ которой онъ высказывалъ мысль, что можно совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ посредствомъ выкупа помѣщичьихъ имѣній въ казну съ согласія владѣльцевъ, затрачивая ежегодно, въ теченіе 14 лѣтъ, по 30 милліоновъ руб. серебромъ наличными деньгами и, кромѣ того, выпуская въ это время ежегодно на 30 милліоновъ облигацій и переводя на счетъ казны долги дворянскихъ имѣній въ сохранной казнѣ воспитательнаго дома, въ заемныхъ банкахъ и въ губернскихъ приказахъ общественнаго призрѣнія. „Библіотека декабристовъ". М. 1907 г. Вып. IV, 109—123; ср. мою книгу „Крестьянскій вопросъ" II, 365—369.

[1]) „Русскій Вѣстникъ", 1884 г. № 2, стр. 844—845.

вопросу Пестеля, и даже раздѣлявшіе взгляды на этотъ предметъ Н. Муравьева (какъ, напр., В. Л. Давыдовъ) считали себя обязанными подчиняться тому, что было принято ихъ обществомъ [1]). Но, подобно тому, какъ взгляды Н. Муравьева и Якушкина относительно способа освобожденія крестьянъ постепенно прогрессировали, такъ и мнѣнія Пестеля не остались безъ измѣненія. Въ первоначальномъ краткомъ наброскѣ его конституціи (на французскомъ языкѣ) онъ, по показанію Н. Муравьева, предполагалъ постановить, чтобы всѣ помѣщичьи крестьяне при освобожденіи получали въ общественное владѣніе половину земель помѣщиковъ, однако съ тѣмъ, чтобы они платили тотъ же оброкъ, какъ и прежде. Сопоставивъ это показаніе съ особымъ наброскомъ Пестеля о «дѣлежѣ земель», который, очевидно, долженъ былъ послужить матеріаломъ при окончательной обработкѣ «Русской Правды», мы можемъ думать, что и въ первоначальномъ наброскѣ дѣло шло не о половинѣ обрабатываемыхъ только земель, а о половинѣ всѣхъ земель помѣщиковъ, не исключая и лѣса. Замѣчательна мысль о передачѣ земли въ «общественное владѣніе» [2]), слѣдовательно, съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія тамъ, гдѣ оно существовало, и съ введеніемъ его въ районѣ подворнаго владѣнія. Во всякомъ случаѣ, дѣло шло о серьезномъ обезпеченіи крестьянъ земельнымъ надѣломъ, и, даже въ этомъ первоначальномъ наброскѣ, планы Пестеля едва ли не благопріятнѣе для крестьянъ окончательныхъ предположеній Н. Муравьева.

Въ «Государственномъ Завѣтѣ» Пестеля (содержащемъ краткую программу его плана преобразованій), сохранившемся въ весьма неудовлетворительной копіи, послѣ изложенія устройства волостей и раздѣленія въ нихъ земель, сказано: «Переходъ изъ нынѣшняго положенія въ порядокъ, здѣсь предлагаемый, есть постепенный. У нынѣшнихъ помѣщиковъ земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею. Напередъ заводится сіе въ казенныхъ имѣніяхъ и волостяхъ, а потомъ уже въ частныхъ. Оброчныя селенія и пахотныя селенія, дворовые люди, заводскіе крестьяне, продолжая нынѣшнія занятія въ положенное время, тѣ же сами откупаются, а дворовые—въ волости поступаютъ» [3]). Въ «Русской

---

[1]) Напротивъ, въ Петербургѣ къ предложенію Пестеля о раздѣленіи земель отнеслись очень не сочувственно. Ср. письмо М. Муравьева-Апостола къ брату Сергѣю. *Довнаръ-Запольскій* „Мемуары декабристовъ", 270. Извѣстно отрицательное отношеніе къ мнѣніямъ Пестеля по этому предмету Н. И. Тургенева. La Russie et et les Russes, I, 129—130. Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ показалъ, что во время пріѣзда Пестеля въ Петербургъ въ 1824 г. Тургеневъ не согласился на принятіе его „плана конституціи... Онъ никакъ не хотѣлъ допустить раздѣленіе земли, говоря, что, не мѣшая промышленности, земля непримѣтнымъ образомъ сама собою раздѣлится".

[2]) Такъ называетъ Пестель въ „Русской Правдѣ" общинное владѣніе; тотъ же терминъ, какъ мы видѣли, употребляли и Якушкинъ и Н. Муравьевъ.

[3]) „Гос. Арх." I, В. № 445, л. 8—9.

Правдѣ» ничего не говорится о вознагражденіи помѣщиковъ за землю барщиною или оброкомъ, но въ одномъ изъ варіантовъ ея относительно казенныхъ крестьянъ есть постановленіе, относительно уплаты оброка въ теченіе 10—15 лѣтъ (см. ниже).

Предположеній «Русской Правды» относительно освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ Пестель такъ и не успѣлъ, къ величайшему сожалѣнію, окончательно обработать. И съ этимъ нужно считаться при обсужденіи его мнѣній по крестьянскому вопросу. Онъ выставилъ было здѣсь руководящее правило, что, при освобожденіи крестьянъ, дворяне не должны лишаться доходовъ, получаемыхъ съ своихъ помѣстій; но, на основаніи правилъ, указанныхъ въ особомъ наброскѣ о «дѣлежѣ земель» между помѣщиками и крестьянами, доходы нѣкоторыхъ изъ нихъ должны были значительно уменьшиться. Другимъ основнымъ принципомъ «Русской Правды» было требованіе, чтобы освобожденіе доставило крестьянамъ «лучшее положеніе противу прежняго, а не мнимую свободу» даровало бы имъ, чтобы «положеніе крестьянъ, елико возможно, было улучшено и на твердыхъ началахъ и правилахъ положительнымъ образомъ основано». Для выработки такого постановленія верховное правленіе должно было возложить на дворянскія собранія обязанность представить свои проекты и затѣмъ изъ всѣхъ ихъ «выборъ сдѣлать, цѣлое составить и оное въ ходъ и дѣйствіе привести». Нельзя, слѣдовательно, толковать это мѣсто такимъ образомъ, что крестьянская реформа отдавалась въ руки дворянскихъ собраній: ихъ проекты должны были дать только матеріалъ для Верховнаго Правленія, а такъ какъ «Русская Правда», по мысли Пестеля, являлась «вѣрнымъ наказомъ, какъ для парода, такъ и для временнаго правленія», и должна была быть обнародована (какъ прибавленіе къ манифесту сената), то, слѣдовательно, авторъ ея сознавалъ, что онъ долженъ дать верховному правленію болѣе опредѣленныя директивы для устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. Въ Государственномъ Завѣтѣ предполагалось начать дѣло крестьянской реформы «въ казенныхъ *имѣніяхъ* и волостяхъ», при чемъ, «земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею», т. е. барщиною. Къ числу казенныхъ крестьянъ Пестель относилъ не только государственныхъ или экономическихъ, но и арендныхъ со старостинскими и удѣльныхъ [1]). У всѣхъ названныхъ крестьянъ «Русская Правда» устанавливаетъ раздѣлъ земель на двѣ равныя части

[1]) Съ бытомъ арендныхъ крестьянъ онъ могъ познакомиться во время своей службы въ Митавѣ въ 1817—18 гг., а жизнь удѣльныхъ крестьянъ могъ наблюдать въ Смоленской губ., гдѣ въ Краснинскомъ уѣздѣ находилось имѣніе его родителей. Такъ, напр., извѣстно, что Пестель гостилъ въ имѣніи отца въ 1824 г. *П. И. Павловъ-Сильванскій.* „Пестель передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ“, 18. Какъ видно изъ его формуляра, Пестель былъ въ этомъ году въ отпуску съ 1 февраля по 29 іюля.

между крестьянами каждой волости и казною, при чемъ одна половина должна была быть отдана «подъ названіемъ общественной земли волостному обществу», а другая оставалась бы собственностью казны. За общественную землю крестьяне должны были платить (по одному варіанту «Русской Правды») оброкъ въ теченіе 10—15 лѣтъ, а затѣмъ взиманіе его прекращалось [1]), казенную же землю они могли брать въ аренду. Сопоставивъ это правило съ показаніемъ Н. Муравьева о французскомъ наброскѣ и съ Государственнымъ Завѣтомъ, мы полагаемъ, что оброкъ, предложенный Пестелемъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ въ этомъ наброскѣ, они должны были платить не безконечно, а «положенное время», до выкупа земли: въ «Государственномъ Завѣтѣ» прямо сказано, что «у нынѣшнихъ помѣщиковъ земля откупается оброкомъ или работою лѣтнею». Какъ бы то ни было, при новой, незаконченной обработкѣ «Русской Правды», Пестель, какъ видно изъ наброска о дѣлежѣ земель [2]), предлагалъ уже иной способъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, основными принципами котораго являлись, смотря по большему или меньшему обилію земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, или безвозмездное принудительное отчужденіе половины помѣщичьихъ земель (если въ имѣніи болѣе 10 десятинъ на душу), или вознагражденіе дворянъ за отобранныя у нихъ земли, хотя и не всегда въ полной мѣрѣ [3]), казенною землею [4]) или деньгами изъ казны. Къ сожалѣнію, эта идея не была детально разработана; о ней свидѣтельствуетъ только отдѣльный набросокъ о «дѣлежѣ земель», въ которомъ указаны мѣры лишь относительно имѣній въ 1000 душъ и болѣе. Изъ этого наброска видно, что процессъ выработки Пестелемъ проекта освобожденія крестьянъ былъ далеко не законченъ [5]). Очевидно, мы не имѣемъ окончательной формулировки взглядовъ Пестеля относительно способовъ уничтоженія крѣпостного права, но, во всякомъ случаѣ, онъ ставилъ на первый планъ широкое

---

[1]) По другому, вѣроятно болѣе позднему варіанту половина земли сразу отдавалась волостному обществу безъ оброка, съ тѣмъ условіемъ, что оно не должно имѣть права ни продавать, ни закладывать эту землю, „ибо она есть собственность неприкосновенная".

[2]) См. мою статью въ сборн. „Крестьянскій строй", стр. 231.

[3]) Вознагражденіе производилось не въ полной мѣрѣ, если въ имѣніи было болѣе 5 и менѣе 10 десятинъ на душу.

[4]) Вознагражденіе помѣщиковъ казенною землею примѣнялось правительствомъ въ Слободско-Украинской губерніи при принудительномъ отчужденіи ихъ земель подъ военныя поселенія. Полн. Собр. Зак. т. XXXIV, № 26860.

[5]) Нужно замѣтить, что при отобраніи въ пользу общества земель „вольныхъ земледѣльцевъ" (вольныхъ крестьянъ, малороссійскихъ казаковъ, панцырныхъ бояръ, однодворцевъ, колонистовъ и др.), у которыхъ земли каждой волости предполагалось также раздѣлить пополамъ на общественныя и частныя, они должны были получать, по одному варіанту „Русской Правды" вознагражденіе деньгами или казенною землею.

обезпеченіе крестьянъ земельнымъ надѣломъ съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія [1]).

По словамъ Пестеля, существовало (въ Западной Европѣ) два мнѣнія относительно аграрнаго вопроса: одни считали землю общею собственностью всего человѣческаго рода и потому полагали, что если «существуетъ хоть одинъ человѣкъ, который никакимъ обладаніемъ землею не пользуется, то воля Всевышняго и законъ природы совершенно нарушены и права естественныя и природныя человѣка устранены насиліемъ и зловластіемъ»; другіе признавали частную собственность на землю, какъ слѣдствіе труда, вложеннаго въ ея обработку. Находя, что въ обоихъ мнѣніяхъ много справедливаго, онъ думалъ воспользоваться выгодами того и другого, раздѣливъ землю каждой волости на двѣ половины и сдѣлавъ одну изъ нихъ общественною собственностью, а другую оставивъ въ рукахъ частныхъ землевладѣльцевъ или казны. Уже было указано выше (стр. 535—536) на близость къ аграрнымъ идеямъ Пестеля предложеній, высказанныхъ въ брошюрѣ «О собственности», изданной въ Парижѣ въ 1791 г. и принадлежащей, по мнѣнію извѣстнаго историка французской революціи Олара, перу аббата де-Курнана. Нельзя доказать, чтобы эта брошюра была извѣстна Пестелю, но во всякомъ случаѣ соціальныя идеи, высказанныя во время французской революціи, а также и взгляды французскихъ писателей вообще оказали на него большое вліяніе.

Ему, вѣроятно, было извѣстно, что физіократы признавали право собственности подлежащимъ законодательной охранѣ слѣдствіемъ труда [2]).

---

[1]) Дворовымъ людямъ по „Русской Правдѣ“ прежде всего предоставлялось право или безплатно получить свободу по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ службы помѣщику, или выкупиться, внеся опредѣленную сумму. Но верховное правленіе должно было выработать и другіе способы ихъ освобожденія, также собравъ по этому предмету проекты дворянскихъ собраній. Но это предположеніе соотвѣтствовало болѣе первоначальному проекту Пестеля устройства быта крестьянъ, по которому они должны были откупаться уплатою оброка. Соотвѣтственно же наброску о „Дѣленіѣ земель“ были бы, вѣроятно, выработаны и новыя правила относительно дворовыхъ, но сдѣлать этого Пестель не успѣлъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что освобожденные дворовые приписывались бы къ волостямъ, а слѣдовательно имѣли бы право и на земельный надѣлъ, такъ какъ и всѣ мѣщане должны были быть членами волостей. — Н. П. Павловъ-Сильванскій отмѣтилъ, что глава III „Русской Правды“, гдѣ находятся предположенія объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, переписана на бумагѣ со знаками 1821 г. (Декабристъ Пестель передъ Верховнымъ Уголов. Судомъ“, стр. 18), въ ней упоминается о гильдейскомъ постановленіи 14 нояб. 1824 г.

[2]) *Lichtenberger*. Le socialisme au XVIII siècle, 279. За допущеніе частной собственности на землю Пестель могъ высказаться и подъ вліяніемъ Адама Смита и Бентама. Защитникомъ мелкой крестьянской собственности былъ и экономистъ Симонъ де-Сисмонди (сочиненіе котораго было извѣстно Пестелю), хотя онъ указывалъ и на то, что изъ исторіи извѣстны многочисленные народы, у которыхъ частной собственности на землю вовсе не существуетъ (I, 160).

Съ трибуны якобинскаго клуба передѣлъ земель объявлялся утопіею; въ теченіе господства якобинцевъ право частной собственности неоднократно провозглашалось священнымъ, и вообще всѣ правительства въ теченіе революціи громко заявляли о своемъ уваженіи къ частной собственности.

Но въ то же время Робеспьеръ и большинство другихъ дѣятелей французской революціи видѣли въ собственности лишь «созданіе общества», соціальный институтъ, и потому утверждали, что она подлежитъ всѣмъ необходимымъ ограниченіямъ, а основанный въ 1790 г. Соціальный Кружокъ въ своемъ органѣ «Bouche de fer», извѣстномъ нѣкоторымъ и въ Россіи (напр., гр. Дмитріеву-Мамонову), проводилъ въ рѣчи аббата Фоше мысль, что право государства относительно собственности выше правъ всѣхъ другихъ собственниковъ. Гораздо рѣже высказывалась мысль объ общности имуществъ: кружкомъ Бабёфа и немногими его предшественниками; мысль же объ общественномъ владѣніи землею высказана была ранѣе въ книгѣ Морелли: «Code de la nature», которая первоначально приписывалась Дидро.

Пестель признавалъ за всѣми право на существованіе и возлагалъ на государство обязанность дать каждому возможность осуществить это право. Въ этомъ отношеніи онъ былъ послѣдователемъ идей, высказанныхъ во время французской революціи (впрочемъ, эту мысль, какъ было указано выше, можно найти и у Монтескьё). Такъ, Робеспьеръ утверждалъ, что одна изъ самыхъ настоятельныхъ обязанностей общества заключается въ обезпеченіи существованія всѣхъ его членовъ, въ видѣ ли доставленія имъ работы или снабженія средствами существованія лицъ, неспособныхъ къ труду. По мнѣнію аббата Фоше, сотрудника «Bouche de fer», каждый человѣкъ, «естественно, имѣетъ право на все то, что для него необходимо». Конституція 1793 г. предоставляетъ народу право на трудъ; издается цѣлый рядъ декретовъ, имѣющихъ цѣлью обезпечить ему пользованіе этимъ правомъ. Отсюда не трудно было сдѣлать выводъ о правѣ каждаго человѣка на участокъ земли. И, дѣйствительно, Фоше говоритъ, что «человѣкъ долженъ чувствовать себя верховнымъ хозяиномъ земли», долженъ имѣть неотъемлемое право на извѣстную ея долю», обезпечивающую ему существованіе. Сенъ-Жюстъ утверждалъ, что «нельзя уничтожить нищеты, если не предоставить каждому гражданину земельный надѣлъ»; необходимо «уничтожить нищенство посредствомъ раздачи національныхъ имуществъ бѣднякамъ». Слѣдствіемъ этого было требованіе раздѣлить всю землю или извѣстную часть ея на равные участки, а чтобы неравенство не возобновилось, они должны быть неотчуждаемыми, недѣлимыми и находиться въ пожизненномъ владѣніи. За всеобщій раздѣлъ земель высказался Шабо. Наша земельная община дала Пестелю возможность предложить еже-

годный передѣлъ общественныхъ земель въ каждой волости [1]) (около 1000 душъ). Какъ мы видѣли, по одному, вѣроятно болѣе позднему, варіанту «Русской Правды», земля, отданная волости, должна была сразу сдѣлаться ея неотчуждаемою собственностью [2]). Съ уничтоженіемъ сословій каждый приписывался къ какой-либо волости, хотя бы посвящалъ себя и другимъ занятіямъ, и имѣлъ право на земельный участокъ. При передѣлѣ земли можно было просить не болѣе одного семейнаго участка (для мужа, жены и троихъ дѣтей), но требованія болѣе бѣдныхъ предпочитались требованіямъ болѣе богатыхъ [3]). Опасеніе возможности возникновенія современемъ слишкомъ большого земельнаго неравенства между волостями Пестель, повидимому, надѣялся устранить посредствомъ переселеній. Онъ полагалъ, что переселяться будутъ лишь тѣ, которымъ нельзя будетъ получить столько общественныхъ участковъ въ своей волости, сколько бы они пожелали, т. е. люди болѣе зажиточные. Планы Пестеля относительно аграрныхъ преобразованій, несмотря на признаніе имъ и частной собственности, нельзя не считать первыми зачатками соціализма въ Россіи.

Менѣе рѣшительные преобразователи во время французской революціи требовали не всеобщаго раздѣла земель, а только ограниченія размѣра земельныхъ владѣній каждаго, при чемъ, однако, допускали существованіе значительныхъ помѣстій. Надъ мыслью объ установленіи maximum'a размѣра частновладѣльческихъ земель задумывался, какъ было указано выше (стр. 531) членъ Южнаго Общества, Крюковъ 2-й. У Пестеля мы встрѣчаемъ упоминаніе о мнѣніяхъ философа Платона относительно законодательства. Борисовъ 2-й, основатель Общества Соединенныхъ Славянъ, ранѣе увлекался республикою Платона и желалъ осуществленія ея на дѣлѣ. Во время французской революціи, какъ извѣстно, также оказывали сильное вліяніе античные образцы [4]).

Вопросъ о томъ, былъ ли Пестель знакомъ съ нѣкоторыми произведеніями Фурье, Сенъ-Симона и Оуэна, остается открытымъ. Но если принять во вниманіе, что Лунинъ имѣлъ въ Парижѣ личныя сношенія

---

[1]) Впрочемъ, во французской брошюрѣ Делакруа, изданной во время революціи, брошена мысль и объ ежегодномъ общемъ передѣлѣ земель.

[2]) По „Запискѣ о государственномъ правленіи" Пестеля земля въ Донскомъ и Аральскомъ удѣлахъ должна принадлежать казачьимъ станицамъ. По „Русской Правдѣ" въ Донскомъ удѣлѣ „вся земля есть общая принадлежность, и всѣ казаки составляютъ только одно сословіе", а аральскіе казаки устраиваются по образцу донскихъ.

[3]) Если вѣрить „Приложенію къ докладу слѣдственной коммиссіи", по разсчету Пестеля приходилось, какъ показалъ Рылѣевъ, не болѣе 5 десятинъ на душу. „Рус. Арх." 1875 г., т. III, 436.

[4]) *Лихтенберже.* „Соціализмъ и французская революція", перев. съ франц. Стеклова. Спб. 1907 г.

съ Сенъ-Симономъ въ 1816 г., а кн. Ѳ. П. Шаховской [1]), отправляясь въ крѣпость, захватываетъ съ собою сочиненіе Оуэна, то въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Въ идеяхъ С. Симона и Фурье о правѣ на трудъ [2]) онъ могъ найти подкрѣпленіе своей мысли о правѣ на землю, которую онъ высказалъ въ «Русской Правдѣ».

Но было бы неправильно думать, что Пестель, удѣляя главное вниманіе (какъ онъ самъ говорилъ А. Поджіо) устройству волостей и вопросу освобожденія крестьянъ, забывалъ объ интересахъ рабочихъ: онъ, напротивъ, стремился сдѣлать ихъ болѣе независимыми, предоставивъ имъ право на землю. Въ неизданномъ французскомъ отрывкѣ труда, предшествующаго «Русской Правдѣ», онъ говоритъ: «Бѣдный живетъ только своимъ трудомъ: богатый—своими помѣстьями, своими капиталами. Бѣдный не можетъ отсрочить полученіе своего заработка, такъ какъ, не имѣя другого капитала, кромѣ своего труда, онъ умираетъ съ голоду, если у него нѣтъ работы. Богатый можетъ получить свои доходы и позднѣе, жить нѣкоторое время капиталомъ и, такимъ образомъ, понудить бѣднаго принять всѣ условія, какія ему будутъ предложены, чтобы только имѣть работу. То, что одинъ можетъ ждать, а другой этой возможности не имѣетъ, составляетъ причину многихъ золъ. Изъ этого видно, что чѣмъ менѣе будетъ людей, живущихъ только своимъ трудомъ, т. е. чѣмъ менѣе будетъ поденщиковъ, тѣмъ менѣе будетъ несчастныхъ. Но такъ какъ, несмотря на самые лучшіе законы и учрежденія», по мнѣнію Пестеля, въ этомъ болѣе раннемъ трудѣ его, «всегда будутъ поденщики, то правительство должно оградить ихъ отъ произвола богатыхъ и не забывать, что несчастные бѣдняки также бываютъ больными, немощными, старѣютъ и, наконецъ, не могутъ зарабатывать свое скудное пропитаніе. Я указалъ на источникъ зла. Уничтоженіе его составляетъ обязанность высшихъ государственныхъ сановниковъ. Я очень хорошо знаю, что всѣ аристократы, какъ титулованные, такъ и денежные, возстанутъ противъ этихъ принциповъ, но геній зла дозволялъ-ли когда либо предлагать добро и не объявлялъ ли онъ всегда войну не на животъ, а на смерть, тѣмъ болѣе ожесточенную и упорную, чѣмъ о болѣе значительныхъ интересахъ шло дѣло. Пусть правительство, пожелавшее вступить на столь благородный путь, не обращаетъ вниманія на ихъ крикливыя обвиненія. Любовь и благословенія всего народа вполнѣ защитятъ его отъ безсильной ненависти нѣсколькихъ порицающихъ его эгоистовъ [3]).

---

[1]) Объ отношеніи его къ крестьянамъ см. въ моей статьѣ въ „Вѣсти. Европы". 1909 г. № 2, стр. 576—577.

[2]) *R. Singer.* Das Recht auf Arbeit in geschichtlicher Darstellung. Iena. 1895. s. 10—11, 16—17.

[3]) Гос. Арх. I В., № 10, отрывокъ на фран. языкѣ, л. 20. Эти мысли могли быть навѣяны сочиненіемъ экономиста Симона де-Сисмонди.

ГЛАВА XII.

Въ области политическихъ реформъ предположенія декабристовъ такъ же не оставались неизмѣнными, какъ и въ области соціальныхъ преобразованій; съ этимъ развитіемъ ихъ идей необходимо считаться, чтобы не принимать за окончательное рѣшеніе того, что было лишь временнымъ мнѣніемъ одного изъ нихъ. Даже Пестель не сразу проникся республиканскими идеями (несмотря на то, что Новиковъ, членъ Союза Спасенія, отстаивалъ предъ нимъ республиканское устройство), и сохранился набросокъ Пестеля на франц. языкѣ, гдѣ «на вершинѣ соціальнаго зданія» еще поставленъ «государь и его августѣйшее семейство». Имъ было написано также разсужденіе о верховной власти, гдѣ соображенія въ пользу монархіи были развиты подробнѣе, чѣмъ въ пользу республики. Пестель показывалъ Н. Муравьеву краткій проектъ конституціи, составленный, если вѣрить Муравьеву, въ 1820 г., гдѣ исполнительная власть и участіе въ законодательной предоставлялись императору, законодательная власть принадлежала народному вѣчу, состоящему изъ 1000 членовъ, избираемыхъ на два года, при чемъ половина выходила по жребію и замѣнялась новыми, а «умѣрительная» власть находилась въ рукахъ сената, члены котораго назначались императоромъ изъ числа кандидатовъ, представляемыхъ ему вѣчемъ. Члены вѣча избирались двустепенными выборами, при чемъ для участія въ выборахъ первой степени не требовалось имущественнаго ценза; въ нихъ могли участвовать всѣ совершеннолѣтніе м. п. Но чтобы быть «избирателемъ представителей» въ народное вѣче, нужно было «имѣть извѣстное состояніе».

Однако, отъ этихъ первоначальныхъ предположеній Пестель быстро эволюціонировалъ влѣво, при чемъ очень важную роль сыграла книга Дэтю де-Траси, «Комментаріи на Духъ Законовъ Монтескьё», извѣстная ему въ изданіи, вышедшемъ въ Парижѣ въ 1819 г. Уже въ началѣ 1820 г., на собраніи у Глинки, Пестель, какъ мы видѣли въ главѣ VI, изложилъ выгоды и невыгоды монархіи и республики такимъ образомъ, что всѣ присутствовавшіе въ совѣщаніи голосовали за республику. Въ отрицаніи конституціонной монархіи его поддерживала горячая ненависть, какъ къ феодальной аристократіи, такъ и къ богатой, могущественной бур-

жуазіи, любовь къ бѣднякамъ, живущимъ своимъ трудомъ, убѣжденіе, что аристократы, стоящіе стѣною между монархомъ и народомъ, скрываютъ, ради собственныхъ выгодъ, истинное положеніе послѣдняго. Развитію республиканскихъ идей Пестеля содѣйствовали и революціи въ Испаніи, Неаполѣ и Португаліи (1820 г.).

Между тѣмъ, какъ проекты Пестеля становились все радикальнѣе, Н. Муравьевъ, подавъ голосъ на совѣщаніи у Глинки въ 1820 г. за республику, склонился при составленіи своего проекта конституціи къ болѣе умѣреннымъ взглядамъ. Въ одномъ изъ своихъ показаній онъ говоритъ, что въ 1821—22 г.г. убѣдился въ необходимости конституціонной монархіи, которую Тайному Обществу было бы легче осуществить, Пестелю же онъ писалъ, что составляетъ конституцію «въ монархическомъ смыслѣ» не потому, чтобы сочувствовалъ монархіи болѣе, чѣмъ республикѣ, что, напротивъ, самъ лично онъ остается такимъ же приверженцемъ республиканскаго правленія, какъ и прежде, но чтобы, по выраженію Пестеля, «сблизиться съ понятіями вновь вступающихъ въ общество членовъ». Н. Муравьевъ надѣялся даже убѣдить въ необходимости введенія конституціоннаго строя и императорскую фамилію, но если бы она на это не согласилась, то, по его собственному показанію, онъ считалъ необходимымъ изгнать ее и ввести республику.

Муравьевъ, положивъ въ основу своего проекта конституціонную монархію, стремился какъ можно болѣе ограничить власть государя, предоставивъ широкія права народному вѣчу, состоящему изъ двухъ палатъ: палаты представителей и верховной думы, не только въ области законодательства, но и въ такихъ дѣлахъ, какъ объявленіе войны, дарованіе амнистіи, заключеніе мира, назначеніе главнокомандующихъ арміей и флота и другихъ высшихъ военныхъ начальниковъ. Но огромнымъ недостаткомъ проекта Н. Муравьева было то значеніе, которое онъ придалъ имущественному цензу [1]).

При оцѣнкѣ конституціонныхъ плановъ Н. Муравьева нужно исходить не изъ нашихъ современныхъ понятій, а принимать во вниманіе тогдашнее состояніе Россіи и тѣ западные образцы, которыми онъ могъ руководствоваться. Правда, въ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, которою онъ широко воспользовался при составленіи проекта, нѣтъ никакого имущественнаго ценза, но, очевидно, Муравьеву казалось, что въ Россіи это неосуществимо при данномъ соотношеніи реальныхъ силъ.

Н. Муравьеву была извѣстна и испанская конституція 1812 г. (учредившая кортесы изъ одной палаты), по которой въ первой сте-

[1]) См. выше стр. 457—459, 468, 569, 571.

пени выборовъ депутатовъ участвовали всѣ имѣвшіе въ немъ осѣдлость жители прихода со включеніемъ свѣтскаго духовенства, но самые выборы были четырехстепенные. Имущественнаго ценза не требовалось [1]).

Въ Англіи для пользованія въ графствахъ избирательными правами при выборахъ въ нижнюю палату нужно было получать 40 шиллинговъ чистаго годового дохода *съ свободной поземельной собственности* (*freehold*), но такъ какъ земельныхъ собственниковъ было очень мало, а большинство населенія жило на наемной землѣ, то политическое господство въ этой странѣ находилось всецѣло въ рукахъ аристократіи. Чтобы быть депутатомъ отъ графства, нужно было имѣть очень высокій цензъ—600 фунт. стерл. годового *дохода*, а для депутатовъ отъ города или мѣстечка—300 фунт. стерл.; Муравьевъ же во второй редакціи своего проекта совершенно отказался отъ пассивнаго ценза для народныхъ представителей. Если принять во вниманіе, что въ выборахъ по 2-й редакціи проекта конституціи могло принять участіе свободное крестьянство Россіи (хотя и по двустепенной выборной системѣ), то мы убѣдимся, что избирательная система Муравьева для выборовъ въ низшую палату народнаго вѣча была гораздо демократичнѣе англійской. Что же касается пассивнаго ценза для членовъ верховной думы по проекту Н. Муравьева, то, при всей его чрезмѣрной величинѣ, нужно не забывать, какъ уже было указано, что при сравненіи съ Англіею въ предположеніяхъ Муравьева была та положительная сторона, что членами верховной думы должны были быть не наслѣдственные лорды, какъ большинство членовъ верхней палаты въ Англіи, а выбираемые, хотя бы и по двустепенной системѣ и съ огромнымъ имущественнымъ цензомъ.

По французской конституціи 1791 г., нѣкоторыми параграфами которой Муравьевъ воспользовался въ своемъ проектѣ и которая устанавливала двустепенные выборы, для участія въ выборахъ первой степени нужно было, кромѣ другихъ условій, уплатить налогъ не менѣе стоимости трехдневной заработной платы, а чтобы быть избирателемъ депутата, нужно было быть собственникомъ, рантье, нанимателемъ квартиры или арендаторомъ какого либо владѣнія, *доходъ* съ котораго равнялся, смотря по мѣстности, отъ 100 до 400 рабочихъ дней. Но, чтобы быть выборными въ законодательный корпусъ, достаточно было званія активнаго гражданина, для чего необходима была уплата въ

---

[1]) *Dufau, Duvergier, Guadet,* Collection des constitutions P. t. V, 1823, p. 90—99. *Г. Мейеръ*, „Избирательное право. М. I. 65. Любопытно, что испанская конституція была признана русскимъ правительствомъ по трактату, заключенному между Россіею и Испаніею въ Великихъ Лукахъ 20 іюля 1812 г.

видѣ налога стоимости трехдневнаго заработка [1]). Важнымъ преимуществомъ этой конституціи была однопалатная система.

По французской хартіи 1814 г. [2]) требовался для избирателя въ палату депутатовъ высокій цензъ—уплата *налога* въ 300 франковъ, а пассивный цензъ равнялся даже 1000 франковъ налога, тогда какъ Муравьевъ совершенно отвергнулъ пассивный цензъ для депутатовъ нижней палаты, а активный—для прямыхъ выборщиковъ установилъ во второй редакціи въ 5—10 тыс. руб. сер. *имущества*. Выборы по закону 5 февраля 1817 г. во Франціи были прямые, но законъ 1820 г. установилъ двойное голосованіе (le double vote), особенно выгодное для наиболѣе богатыхъ: окружныя коллегіи выбирали 258 депутатовъ, а затѣмъ коллегіи департаментскія, состоявшія изъ избирателей, платящихъ наиболѣе налоговъ, въ числѣ, равномъ четвертой части всѣхъ избирателей, платившихъ подати, выбирали еще 172 депутата. Такъ какъ по тому же закону 1820 г. депутаты исполняли свои обязанности безвозмездно, то участіе въ законодательствѣ сдѣлалось монополіей людей богатыхъ [3]). Палата пэровъ по французской хартіи состояла изъ членовъ по назначенію короля пожизненныхъ или наслѣдственныхъ.

Въ одномъ изъ русскихъ журналовъ были сообщены свѣдѣнія о норвежской конституціи 1814 г. [4]). Для того, чтобы быть на основаніи ея избирателемъ, требовалось владѣть въ деревнѣ землею, подвергнутою кадастру, собственною или арендованною на срокъ не менѣе 5 лѣтъ, а для горожанъ—быть членомъ городского сословія или владѣть въ городѣ или приморскомъ порту домомъ, или вообще недвижимою собственностью, *стоимостью не менѣе трехсотъ рейхсталеровъ*. Выбранные члены стортинга избираютъ изъ своей среды четвертую часть, которая образуетъ верхнюю палату (лагтингъ), а остальные три четверти составляютъ нижнюю палату (одельстингъ) [5]). Такимъ образомъ верхняя палата образуется здѣсь по гораздо болѣе демократической системѣ, чѣмъ въ проектѣ Муравьева, но для всѣхъ избирателей существуетъ двустепенная система выборовъ, а для верхней палаты даже трехстепенная.

---

[1]) *Tripier*. Les constitutions de la France P. 1848; *Эсменъ*. „Общія основанія конституціоннаго права“, пер. под. ред. В. Ѳ. Дерюжинскаго. Спб. 1898 г., стр. 166—169. Полагаютъ, что по конституціи 1791 г. было активныхъ гражданъ во Франціи до 4 млн. на 2 млн. гражданъ пассивныхъ, т. е. не пользовавшихся политическими правами. *И. И. Карѣевъ*. „Происхожденіе современнаго народно-правового государства“ Спб. 1908 г., стр. 187.

[2]) Она была переведена въ „Сынѣ Отечества“ 1814 г. т. XIV, 259 270.

[3]) *Эсменъ*, 175; *Карѣевъ*, Ibid., 234. Въ 1817 г. во Франціи было только 90878 избирателей и 16052 избираемыхъ. *Г. Мейеръ*. Избирательное право. М. 1906. I, 77.

[4]) „Вѣстн. Евр.“ 1816 г. ч. 88, стр. 284—295.

[5]) *Dufau, Duvergier, Guadet*. Collection des constitutions, P. 1822, t. III. 331—2, 335. *Г. Мейеръ*, I. 66.

Въ одномъ изъ русскихъ журналовъ были полностью переведены баварская и баденская конституціи 1818 года. По баварской конституціи въ верхней палатѣ генеральныхъ штатовъ — палатѣ государственныхъ совѣтниковъ или сенаторовъ засѣдаютъ члены, имѣющіе на то право по своему званію, и лица, назначенныя королемъ пожизненно или наслѣдственно. Нижняя состояла изъ представителей поземельныхъ собственниковъ, имѣющихъ право суда въ своихъ помѣстьяхъ и не засѣдающихъ въ первой палатѣ (1/8 часть депутатовъ), владѣльцевъ земельной собственности, не имѣющихъ права суда (половина депутатовъ), депутатовъ отъ духовенства католическаго и протестанскаго (1/8 часть), отъ городовъ и мѣстечекъ (1/4) и, наконецъ, отъ каждаго изъ трехъ университетовъ по одному депутату [1]).

По баденской конституціи 1818 г. верхняя палата состояла изъ членовъ, имѣющихъ на то право по своему званію, изъ 8 депутатовъ отъ дворянства, владѣющаго поземельною собственностью, изъ 2 депутатовъ отъ университетовъ и лицъ, назначаемыхъ великими герцогами [2]). Въ выборѣ дворянскихъ депутатовъ могли участвовать всѣ дворяне, владѣющіе дворянскими помѣстьями. Но великій герцогъ могъ даровать владѣльцу дворянскаго имущества право подавать голосъ и быть выбираемымъ на дворянскихъ выборахъ лишь въ томъ случаѣ, если тотъ владѣлъ родовымъ или леннымъ имѣніемъ, стоимостью не менѣе 60.000 гульденовъ. Возможно, что отсюда Муравьевъ и заимствовалъ свой чрезмѣрно высокій цензъ для члена верховной думы (30000 р. с. недвижимаго и 60000 р. движимаго имущества). Но онъ забывалъ, что баденская конституція была дарована великимъ герцогомъ, а декабристы надѣялись добиться конституціоннаго строя путемъ вооруженнаго возстанія и созыва учредительнаго собранія. Члены нижней палаты въ баденскомъ великомъ герцогствѣ выбирались отъ городовъ и округовъ гражданами по двустепенной системѣ выборовъ, но, чтобы быть выбраннымъ въ депутаты, требовался имущественный цензъ не менѣе 10000 гульденовъ или ежегодный пожизненный доходъ не менѣе 1500 гульденовъ [3]).

Членъ Сѣвернаго Общества Н. А. Бестужевъ познакомился въ

---

[1]) *Dufau Duvergier, Guadet*, II, 240—241; „Духъ Журналовъ“ 1818 г. ч. XXXI, ноябрь, стр. 204—207. По приложенному къ конституціи, эдикту о собраніи земскихъ чиновъ первичные выборы въ Баваріи производились органами мѣстнаго управленія. Чтобы быть выбраннымъ въ городахъ, нужно было платить налогъ, смотря по роду занятій, въ 10—40 гульденовъ, въ селахъ—10 гульденовъ. *Мейеръ*, I, 99, ср. 87.

[2]) Главы дворянскихъ фамилій, которымъ великій герцогъ даруетъ достоинство высокаго дворянства, вступаютъ наравнѣ съ главами этихъ послѣднихъ фамилій въ первую палату, какъ наслѣдственные члены, но они должны имѣть, по праву первородства или наслѣдованія въ побочной линіи, родовое имущество или ленное имѣніе, стоимостью не менѣе 300000 гульденовъ.

[3]) *Dufau, Duvergier, Guadet*, II, 315—317; „Духъ Журналовъ“ 1818 г.

1815 г. на мѣстѣ съ конституціей Нидерландскаго королевства (1815 г.) и сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ней въ одномъ изъ русскихъ журналовъ [1]). Здѣсь производились выборы по сословіямъ (отъ дворянъ, городовъ и деревень) въ провинціальные штаты, а послѣдніе избирали отъ себя депутатовъ въ нижнюю палату генеральныхъ штатовъ, члены же первой (верхней) назначались королемъ пожизненно [2]).

Безъ сомнѣнія, Муравьеву была извѣстна польская конституція 1815 г., на основаніи которой сенатъ (верхняя палата) состоялъ изъ лицъ, пожизненно назначаемыхъ королемъ изъ кандидатовъ, представленныхъ сенатомъ подъ условіемъ уплаты ими ежегодно *налога* въ 300 р. с.; палата же пословъ—изъ представителей дворянства и городовъ, при чемъ первыхъ было болѣе, чѣмъ вторыхъ,—слѣдовательно, законодательство было отдано въ сущности въ руки дворянъ. Участвовать въ выборныхъ городскихъ собраніяхъ могли всѣ недворяне, платящіе съ своей земельной собственности какой нибудь налогъ, фабриканты и хозяева мастерскихъ, а также купцы съ имущественнымъ цензомъ въ 10.000 злотыхъ (1.500 р. с.), всѣ священники, лица, занимающіяся народнымъ просвѣщеніемъ, и выдающіеся художники. Такъ какъ бывшіе помѣщичьи крестьяне были освобождены въ Польшѣ безъ земли, то требованіе отъ лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, имущественнаго ценза въ видѣ поземельной собственности лишало огромное большинство крестьянъ политическихъ правъ; ихъ лишены были и евреи.

Было уже указано (въ гл. III) на предшествующіе проекты и предположенія времени Александра I, составители которыхъ возлагали надежды на аристократію въ дѣлѣ ограниченія самодержавія: записка Сперанскаго 1802 г., мнѣніе гр. П. А. Строганова, выраженное въ бесѣдѣ съ гр. С. Р. Воронцовымъ въ томъ же году, проекты гр. Мордвинова, предположеніе Н. Тургенева въ его дневникѣ объ учрежденіи палаты пэровъ первоначально въ видѣ совѣщательнаго собранія изъ богатыхъ помѣщиковъ, освободившихъ своихъ крестьянъ, проекты гр. Дмитріева-Мамонова и М. Ѳ. Орлова. По проекту конституціи Новосильцова, сенатъ

ч. XXXI, декабрь, стр. 237—242; *Мейеръ* I, 101. Нѣмецкій подлинникъ баденской и баварской конституцій см. въ изд. „Constitutionen der europ. Staaten seit den letzten 25 Jahren" III Th. Leipz. 1820. Въ Пруссіи Фридрихъ Вильгельмъ III эдиктомъ 27 октября 1810 г. обѣщалъ дать странѣ національное общегосударственное представительство съ значеніемъ лишь совѣщательнаго учрежденія, но закономъ 5 іюня 1823 г. были введены только провинціальные чины—сословная организація съ преобладаніемъ дворянства надъ горожанами и крестьянами. Во всѣхъ восьми провинціяхъ тогдашней Пруссіи насчитывалось около 625 такихъ „земцевъ", среди которыхъ дворянъ было около 300, горожанъ—200, крестьянъ 125. *Карѣевъ*, 249; *Max Lehmann*, Freiherr vom Stein, III, 1905, стр. 85—86, 478—479.

[1]) „Соревнователь Просвѣщенія" 1821, т. XV, 287.

[2]) *Dufau, Duvergier, Guadet*, III, 177, 184, 186.

(верхняя палата) долженъ былъ состоять изъ лицъ, назначаемыхъ государемъ и получающихъ съ недвижимаго имущества *дохода* не менѣе 1000 р. с. въ годъ. Среди декабристовъ-членовъ Сѣвернаго Общества представителемъ аристократическихъ взглядовъ является Батеньковъ. Нужно думать, что на нѣкоторыхъ членовъ Сѣвернаго Тайнаго Общества вліялъ въ аристократическомъ смыслѣ Мордвиновъ, хотя такимъ выдающимся декабристамъ, какъ Н. Тургеневъ и Рылѣевъ, были противны его аристократическія притязанія [1]). Основывая свою верховную думу на выборномъ началѣ, Муравьевъ шелъ въ сущности въ разрѣзъ съ этимъ аристократическимъ теченіемъ и въ этомъ пунктѣ своей избирательной системы, основанной въ значительной степени на имущественномъ цензѣ, поддавался вліянію буржуазныхъ взглядовъ. Но можно ли эту часть взглядовъ Муравьева приписывать всѣмъ членамъ Сѣвернаго общества? Въ предыдущей главѣ уже было указано на то, какъ подъ вліяніемъ мнѣній другихъ членовъ общества онъ перешелъ отъ мысли о безземельномъ освобожденіи крестьянъ къ предположенію о надѣленіи ихъ хотя бы и небольшимъ земельнымъ надѣломъ. Точно также сильныя возраженія возбуждали и его предположенія относительно имущественнаго ценза. Мы уже видѣли, что во второй редакціи конституціи онъ отказался отъ требованія имущественнаго ценза для членовъ нижней палаты народнаго вѣча. Пестель и Южное Общество вообще были горячими противниками предположеній Муравьева относительно имущественнаго ценза; но и въ средѣ Сѣвернаго Общества его взгляды встрѣчали серьезныя возраженія. По поводу постановленія о высокомъ пассивномъ цензѣ для членовъ верховной думы, правителей державъ и ихъ намѣстниковъ, тысяцкихъ, членовъ державныхъ думъ и судовъ и членовъ совѣтовъ въ державахъ было сдѣлано замѣчаніе: «Почему богатство только опредѣляетъ достоинство правителей? Это не согласно съ законами нравственными». Митьковъ сообщаетъ въ своемъ показаніи, что Тургеневъ въ разговорѣ съ нимъ не одобрялъ проекта Муравьева и соглашался, что «эта конституція есть пустое». Показаніе Митькова подтверждается тѣмъ, что въ своихъ позднѣйшихъ предположеніяхъ объ установленіи конституціоннаго строя въ Россіи Тургеневъ исходилъ изъ

---

[1]) Упомянемъ, наконецъ, о томъ, что Бенжаменъ Констанъ, сочиненія котораго были извѣстны многимъ декабристамъ, стоялъ за наслѣдственность званія членовъ верхней палаты и успѣлъ провести этотъ принципъ въ „Добавочномъ Актѣ“, изданномъ во время Ста Дней. Что касается имущественнаго ценза для избирателей, то, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ (въ видѣ поземельной или промышленной собственности, съ которой уплачивается налогъ, или фермы на условіи продолжительной аренды), быть такого размѣра, чтобы давать возможность существовать, не получая заработной платы, которая, по мнѣнію Б. Констана, дѣлаетъ зависимымъ отъ другого. Cours de politique constitutionelle, I, 249.

совершенно другихъ началъ [1]). Морякъ Торсонъ въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ Муравьева рѣшительно высказывается противъ какого бы то ни было имущественнаго ценза для выбора въ члены верхней палаты (см. выше стр. 475—476) [2]).

Такимъ образомъ, избирательная система въ проектѣ Муравьева, вызвала значительное недовольство, а между тѣмъ только одобренный большинствомъ членовъ обоихъ Обществъ проектъ «государственнаго устава» считали возможнымъ представить великому собору члены совѣщанія, собравшагося у Рылѣева въ 1824 г. во время пріѣзда Пестеля въ Петербургъ.

Въ главѣ VI-ой (стр. 490—491) я привелъ много доказательствъ того, что въ Сѣверномъ Обществѣ существовало довольно замѣтное республиканское теченіе, что конституція Н. М. Муравьева одобрена Обществомъ еще не была и что при выборахъ въ учредительное собраніе предполагалось исходить изъ другихъ началъ, а именно, думали произвести выборы въ этомъ случаѣ по сословіямъ, при чемъ размѣра имущественнаго ценза указывать не предполагалось. Что лучшіе члены СѣвернагоОбщества не были однако проникнуты сословными и классовыми взглядами, видно изъ требованія введенія всеобщей воинской повинности и равноправія относительно обложенія налогами, занятій торговлею и промыслами, подсудности одинаковымъ для всѣхъ судамъ и назначенія для преступниковъ уголовныхъ каръ.

Въ нашей литературѣ была предложена такая группировка декабристовъ по ихъ преобразовательнымъ стремленіямъ: 1) тѣ, которые ставили на первое мѣсто реформы политическія—Н. Муравьевъ и нѣкоторые другіе члены Сѣвернаго. Общества, 2) отдававшіе первенство реформамъ соціальнымъ—Н. Тургеневъ [3]) и 3) одинаково враждебное отношеніе и къ аристократіи, и къ абсолютизму (Пестель, а за нимъ и Южное Общество вообще, принявшее его планы). Но такое раздѣленіе въ сущности не выдерживаетъ критики. Выдѣленіе Н. Тургенева въ особую группу изъ Сѣвернаго Общества основывается болѣе всего на его собственныхъ тенденціозныхъ показаніяхъ въ оправданіяхъ, посланныхъ изъ-заграницы имп. Николаю I, и въ его книгѣ «La Russie et les Russes», и на его запискѣ по крестьянскому вопросу, поданной имп. Александру въ январѣ 1820 г. Если повѣрить Тургеневу, то можно было бы думать, что только онъ одинъ въ Тайномъ Обществѣ горячо стре-

[1]) La Russie et les Russes, t. III, 222—228.

[2]) Пестель въ одномъ изъ своихъ показаній утверждалъ даже, будто бы конституція Н. Муравьева „*большей части членовъ* весьма не нравилась".

[3]) „Примать политическаго надъ соціальнымъ и аристократія, какъ узда абсолютизма" (Н. Муравьевъ); примать соціальнаго надъ политическимъ и самодержавіе, какъ узда аристократіи (Н. Тургеневъ). *Ивановъ-Разумникъ.* „Исторія русской общественной мысли" т. I, изд. 2-е, 1908 г., стр. 115—116.

мился къ освобожденію крестьянъ (желая ради этого до поры до времени сохраненія самодержавія), но мы видѣли, что это несправедливо, и хотя, дѣйствительно, онъ занимаетъ первое мѣсто въ Сѣверномъ Обществѣ по тому вниманію, которое онъ отдавалъ вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права, но его практическія предложенія были умѣреннѣе даже предположеній Муравьева, если имѣть въ виду предложеніе послѣднимъ надѣлить крестьянъ землею по 2 десятины на дворъ. А затѣмъ—развѣ Тургеневъ занимался, какъ членъ Тайнаго Общества, только главнѣйшимъ соціальнымъ вопросомъ—предположеніями относительно освобожденія крѣпостныхъ; не менѣе онъ работалъ надъ проектомъ судебной реформы, и это ему было даже прямо поручено Обществомъ; наконецъ, онъ высказался въ 1820 г. на совѣщаніи у Глинки за республику, и позднѣе его находили въ республиканскомъ настроеніи. Изъ свидѣтельства кн. Волконскаго въ его запискахъ видно, что Тургеневъ вполнѣ сочувствовалъ и подготовкѣ вооруженнаго возстанія и принималъ отъ Волконскаго во время его ежегодныхъ пріѣздовъ въ Петербургъ отчеты о дѣйствіяхъ Южнаго Общества. Имѣя все это въ виду, нѣтъ основанія выдѣлять его изъ числа членовъ Сѣвернаго Общества, стремившихся къ уничтоженію самодержавія.

Нѣтъ основанія также утверждать, что для Н. Муравьева и для лицъ, близкихъ ему по взглядамъ, реформы политическія стояли на первомъ мѣстѣ сравнительно съ реформами соціальными. Въ обоихъ Обществахъ двѣ реформы были неотдѣлимы одна отъ другой: политическая—уничтоженіе самодержавія и соціальная—уничтоженіе крѣпостного права. Аграрный вопросъ въ Южномъ Обществѣ рѣшался неизмѣримо радикальнѣе, чѣмъ въ Сѣверномъ, но вѣдь и требованіе политическихъ преобразованій проявлялось въ Южномъ Обществѣ въ гораздо болѣе рѣшительной формѣ, и республиканскій строй былъ поставленъ тамъ во главу угла будущихъ преобразованій. Слѣдовательно, нельзя группировать членовъ Тайнаго Общества, смотря по тому, *что* они ставили на первое мѣсто, *чему* они отдавали преобладающее значеніе, а лишь смотря по тому, *какъ* они рѣшали эти вопросы. Но мы видѣли, что нельзя говорить и объ исключительно монархическихъ тенденціяхъ Сѣвернаго Общества: въ немъ были члены, весьма сочувствовавшіе республикѣ, и если бы учредительное собраніе высказалось за республику (чего, впрочемъ, въ то время нельзя было ожидать), то члены Сѣвернаго Общества, какъ можно предполагать на основаніи заявленія фактически стоявшаго во главѣ его Рылѣева, этому подчинились бы, а нѣкоторые и весьма сочувствовали бы такому рѣшенію.

Что касается предположеній Пестеля о преобразованіи государственнаго строя, то прежде всего напомнимъ, что на собраніи наиболѣе вліятельныхъ членовъ Южнаго Общества въ Кіевѣ, во время контрак-

товъ (ярмарки) 1823 года, послѣ единогласнаго рѣшенія о республиканской формѣ правленія, Пестель, между прочимъ, поставилъ вопросъ о томъ, будутъ ли выборы прямые или косвенные, т. е. двустепенные. С. Муравьевъ-Апостолъ заявилъ, что предпочитаетъ прямые, но «основанные на собственности» (т. е. имущественномъ цензѣ); къ его мнѣнію присоединился и Бестужевъ-Рюминъ, но Пестель, Юшневскій и Давыдовъ отстаивали «косвенные» выборы, а Волконскій молчалъ. Въ «Русской Правдѣ» Пестель высказался за двустепенные выборы.

По «Государственному Завѣту» власть законодательная была поручена народному вѣчу изъ одной палаты, состоящему изъ народныхъ представителей, выбранныхъ на 5 лѣтъ, при чемъ ежегодно $^1/_5$ часть замѣняется новыми выборами; правительство не можетъ распустить его. «Законы завѣтныя», т. е. конституціонные, составляются инымъ порядкомъ, чѣмъ всѣ остальные: первые обнародываются и предлагаются «на сужденіе всей Россіи»; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ примѣняется референдумъ. Власть «верховно-исполнительная» принадлежитъ державной думѣ, состоящей изъ пяти членовъ: каждая губернія предлагаетъ ежегодно кандидата, и изъ нихъ народное вѣче выбираетъ членовъ державной думы; ежегодно одинъ членъ этой думы выходитъ изъ ея состава и замѣняется другимъ лицомъ. Державная дума ведетъ войну и переговоры о мирѣ, но право объявлять войну и заключать миръ принадлежитъ вѣчу. Наконецъ, власть блюстительная поручена верховному собору, состоящему изъ 120 пожизненныхъ бояръ. Губерніи назначаютъ кандидатовъ, а народное вѣче замѣщаетъ изъ нихъ вакантныя мѣста въ верховномъ соборѣ. Соборъ утверждаетъ законы, одобренные вѣчемъ, не разсматривая ихъ по существу, а только наблюдая, чтобы соблюдены были всѣ «формы».

Имущественнаго ценза, ни активнаго, ни пассивнаго при выборахъ депутатовъ, присяжныхъ и чиновниковъ Пестель не устанавливалъ для всѣхъ гражданъ, приписанныхъ къ волостямъ.

Никита Муравьевъ во введеніи къ первой редакціи своей конституціи высказался за «федеральное или союзное правленіе», которое, по его мнѣнію, «одно согласило величіе народовъ и свободу гражданъ», и потому, предложивъ раздѣлить Россію (во 2-ой редакціи) на 13 державъ и 2 области, предполагалъ, кромѣ двухпалатнаго народнаго вѣча для всей Россіи, устроить двухпалатныя правительственныя собранія и въ державахъ съ законодательными функціями въ вопросахъ, касающихся каждой державы. Напротивъ, Пестель рѣшительно вооружился противъ федеративнаго строя, считалъ допущеніе его однимъ изъ главныхъ недостатковъ конституціи Муравьева и нашелъ необходимымъ подробно обосновать свой взглядъ въ «Русской Правдѣ». Между тѣмъ, какъ образцомъ для федерализма Муравьева послужила конституція Соеди-

ненныхъ Штатовъ, Пестель, повидимому, не вполнѣ ясно представлялъ себѣ ихъ государственное устройство (см. стр. 514).

Пестель въ «Русской Правдѣ» желалъ не только ограничиться сохраненіемъ существованія самостоятельности Польши, но думалъ увеличить размѣры Царства Польскаго, присоединивъ къ нему часть западнаго края. Предполагаемыя имъ границы между Польшею и Россіею указаны въ «Русской Правдѣ», но Пестель желалъ обставить осуществленіе этой мѣры весьма серьезными условіями.

Александръ I имѣлъ намѣреніе расширить предѣлы Царства Польскаго на счетъ западной Россіи [1]). Поэтому намѣренія Пестеля и Южнаго Общества въ этомъ отношеніи соотвѣтствовали предположеніямъ Александра I, хотя способы осуществленія взглядовъ русскаго императора и русскихъ революціонеровъ были совершенно различны.

На кіевскихъ контрактахъ въ январѣ 1824 г. были ведены переговоры между Бестужевымъ-Рюминымъ и С. Муравьевымъ-Апостоломъ отъ имени русскаго тайнаго общества и Крыжановскимъ со стороны поляковъ, и на словахъ былъ заключенъ договоръ, требовавшій еще, впрочемъ, утвержденія его и русскимъ, и польскимъ обществами. Бестужевъ-Рюминъ записалъ послѣ этого совѣщанія содержаніе условій соединенныхъ дѣйствій обоихъ обществъ, въ числѣ которыхъ со стороны русскихъ было обѣщано, что поляки «могутъ надѣяться получить» области, не довольно обрусѣвшія, а именно губернію Гродненскую [2]), часть Виленской, Минской и Волынской», а поляки — возстать одновременно съ русскими, не допустить какими бы то ни было средствами цесаревича Константина Павловича возвратиться въ Россію и учредить республиканское правленіе [3]).

Во время переговоровъ Пестеля съ кн. Яблоновскимъ въ 1825 г., послѣдній, какъ видно изъ донесенія Варшавской слѣдственной коммиссіи, заявилъ, что единственная цѣль польскаго тайнаго общества — возвращеніе независимости Польши — по русскимъ показаніямъ въ границахъ, бывшихъ до второго раздѣла, а по показаніямъ польскимъ — во всемъ прежнемъ ея пространствѣ. Пестель отвѣчалъ согласіемъ на возвращеніе Польши части присоединенныхъ къ Россіи земель и прибавилъ, что если бы возникли какія либо сомнѣнія на этотъ счетъ, «то *жителямъ дадутъ на выборъ присоединиться къ тому или другому государству по своей волѣ*». По вопросу о формѣ правленія произошло разногласіе. Пестель восхвалялъ республиканскій строй, Яблоновскій же

---

[1]) См. выше, стр. 193; ср. *Sz. Askenazy* Łukasiński. Warsz. 1908, I. 76, 81.

[2]) Въ „Русской Правдѣ" прибавлено: и Бѣлостокскую область.

[3]) „ Гос. Арх." I В. № 396, л. 47 об., 167—177; *Базилевскій* (*В. Я. Богучарскій*) „Государственныя преступленія въ Россіи" I. 80, 84—86; *Кропотовъ* „Жизнь гр. Н. Н. Муравьева", Спб. 1874 г., стр. 414—417.

отвѣчалъ, что Патріотическое Общество, считая время рѣшительныхъ дѣйствій и перемѣнъ отдаленнымъ, не разсуждало о предполагаемой формѣ правленія. Пестель утверждалъ въ своихъ показаніяхъ, что было положено ввести одинаковый образъ правленія въ Польшѣ и Россіи, Яблоновскій же это отрицалъ. По показаніямъ кн. Волконскаго, присутствовавшаго на совѣщаніи, Яблоновскій сказалъ, что польское Патріотическое Общество не желаетъ республики, но что, однако-жъ, онъ согласился на учрежденіе временнаго правительства, пока не будетъ извѣстна воля всей націи. Яблоновскій и это отрицалъ [1]). По донесенію варшавской слѣдственной коммиссіи, Пестель допускалъ, что къ принятію рѣшительныхъ мѣръ нельзя приступить ранѣе трехъ лѣтъ [2]) Пестель же въ своихъ показаніяхъ утверждалъ, что во время переговоровъ съ Яблоновскимъ только вообще говорилось о независимости Польши и не упоминалось объ уступкѣ тѣхъ или иныхъ губерній, «но въ собственныхъ нашихъ предположеніяхъ», оговаривался онъ, «уступались имъ тѣ части, которыя на моей картѣ назначены». Съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ поляки обязывались поступить такъ, какъ будетъ поступлено съ другими великими князьями въ Россіи. Во всякомъ случаѣ готовность Южнаго Общества уступить Польшѣ часть западной Россіи подтверждается «Русскою Правдою», но при этомъ въ высокой степени замѣчательна мысль Пестеля о плебисцитѣ населенія мѣстностей, предположенныхъ къ возвращенію Польшѣ, о томъ, остаться ли имъ въ Россіи, или перейти къ Польшѣ. Мысль эта была, очевидно, навѣяна событіями времени французской революціи, когда въ 1791 г. былъ присоединенъ къ Франціи Авиньонъ, въ 1792 г. Савойя и въ 1793 г. Бельгія, съ *согласія жителей присоединенныхъ территорій* [3]). Кондорсе предложилъ законодательному собранію издать декларацію съ заявленіемъ, что французская нація не будетъ нарушать природныя права другихъ людей и не нанесетъ ущерба независимости другихъ народовъ, и декретъ, объявляющій войну, повторилъ

---

[1]) По показанію Гродецкаго, Пестель требовалъ, чтобы на первый годъ поляки приняли такой же образъ правленія, какой будетъ введенъ въ Россіи, а потомъ могутъ измѣнить его по своей волѣ. Г. А. I В. № 327, л. 318.

[2]) *Базилевскій* (*Богучарскій*) I, 89—90; „Гос. Арх. I, В. № 399, л. 41, 43. № 394, л. 208.

[3]) Жителямъ Авиньона было предоставлено высказаться въ пользу или противъ присоединенія къ Франціи. Подача голосовъ производилась открыто подъ надзоромъ трехъ французскихъ коммиссаровъ, изъ которыхъ одинъ на вопросъ: „будетъ ли гарантирована безопасность вотирующихъ", отвѣтилъ: „Нѣтъ никакой опасности для сторонниковъ присоединенія, но я не отвѣчаю за головы тѣхъ, кто будетъ голосовать въ пользу папскаго владычества!" При гораздо большихъ гарантіяхъ производился плебисцитъ 1792 г. по вопросу о присоединеніи Савойи. *А. Ладыженскій.* „О плебисцитѣ въ международномъ правѣ" М. 1883 г.

эту мысль. Карно признаетъ «за каждою націею ненарушимое право жить отдѣльно или соединиться съ другими, если онѣ этого желаютъ ради общаго блага; французы считаютъ суверенами только самыя націи, и система ихъ господства есть система братства» [1]). Допущеніемъ народнаго плебисцита планы Пестеля относительно западной Россіи прежде всего и отличаются отъ предположеній по тому же предмету императора Александра. Южное Общество желало провести границу между Польшею и Россіею согласно желанію жителей областей, предположенныхъ къ возвращенію Польшѣ, а Александръ I считалъ возможнымъ рѣшить этотъ вопросъ однимъ почеркомъ своего пера. Неизвѣстно, предполагалъ ли Пестель развить эту идею въ «Русской Правдѣ», но она была высказана имъ въ переговорахъ съ Яблоновскимъ въ 1825 г., а въ это время, по свидѣтельству Пестеля, «Русская Правда», плохо писалась. Не даромъ Пестель объяснялъ это измѣненіемъ его взглядовъ, и вопросъ о народномъ плебисцитѣ при рѣшеніи польскаго вопроса, вѣроятно, былъ бы внесенъ современемъ въ его замѣчательный трудъ. Идея обращенія къ народу во внутреннемъ законодательствѣ была усвоена имъ ранѣе, какъ видно изъ установленія въ «Государственномъ Завѣтѣ» референдума относительно законовъ «завѣтныхъ», т. е. конституціонныхъ. Весьма естественно было приложить ее и къ рѣшенію спорнаго территоріальнаго вопроса при устройствѣ судьбы двухъ свободныхъ, братскихъ народовъ. Этотъ фактъ имѣетъ величайшую важность и еще въ одномъ отношеніи: Сѣверное Общество выражало несочувствіе установленію диктатуры временнаго верховнаго правленія. Особенно настоятельно Рылѣевъ повторялъ, что рѣшеніе вопроса о будущемъ государственномъ строѣ Россіи должно быть предоставлено великому собору, т. е. учредительному собранію, что ничего нельзя силою навязывать народу. На примѣрѣ рѣшенія русско-польскихъ отношеній мы видимъ, что Пестель не думалъ игнорировать желанія народа.

Переговоры съ поляками, начатые по рѣшенію руководителей Южнаго Общества, не во всѣхъ его членахъ, однако, встрѣчали сочувствіе. Кн. Волконскій показалъ, что Бестужевъ-Рюминъ первый посовѣтовалъ вступить въ сношенія съ поляками, и что «его предложеніе было даже поводомъ нѣкотораго негодованія сочленовъ» [2]).

---

[1]) *Laurent.* Histoire du droit des gens, t. XVIII. La Philosophie de l'histoire. P. 1870, p. 532—534.

[2]) 3-го ноября 1824 г. Матв. Ив. Муравьевъ-Апостолъ писалъ брату Сергѣю, участвовавшему вмѣстѣ съ Бестужевымъ-Рюминымъ въ переговорахъ съ Крыжановскимъ въ январѣ этого года въ Кіевѣ: „Признаюсь, я еще болѣе недоволенъ вашимъ сближеніемъ съ поляками: вы поставили себя относительно нихъ въ такія отношенія, какихъ никогда не слѣдовало допускать, судя по тому, что вы мнѣ говорили. Вы неосмотрительно прибѣгли къ посреднику“ (т. е. къ Бестужеву-Рюмину; Матв. Муравьевъ-Апостолъ относится къ нему въ этомъ письмѣ весьма отрицательно), „который неминуемо долженъ былъ привести къ такому

Но все же въ Южномъ Обществѣ считалось принятымъ мнѣніе Пестеля относительно рѣшенія польскаго вопроса; въ Сѣверномъ же Обществѣ къ его мнѣніямъ по этому предмету отнеслись весьма несочувственно [1]). Члены Сѣверной Думы доказывали Давыдову, а потомъ Пестелю, что это было бы «противно духу и самолюбію» русскаго народа, но оба они отвѣчали: «это воля южныхъ бояръ,—обѣщано, и перемѣнить нельзя».

Для характеристики отношенія членовъ Сѣвернаго Общества къ польскому вопросу напомню, что кн. Трубецкой считалъ необходимымъ ввести представителя Царства Польскаго во временное верховное правленіе «или депутатовъ для опредѣленія мѣръ» [2]). Завалишинъ утверждаетъ, что нѣкоторые желали организовать верховное управленіе изъ пяти или семи членовъ и въ такомъ случаѣ ввести въ составъ его одного поляка, чтобы внушить довѣріе и въ тѣхъ окраинахъ Россіи, гдѣ эта національность преобладала въ образованныхъ сословіяхъ.

Общество Соединенныхъ Славянъ до того, какъ оно стараніями Бестужева-Рюмина было присоединено къ Южному Обществу, стремилось къ федераціи славянскихъ народовъ. По словамъ члена его, Горбачевскаго, оно имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ

панибратству. Я первый буду противиться тому, чтобы Польша разыграла въ кости судьбу моей родины" (*Довнаръ-Запольскій.* „Мемуары декабристовъ", 270). В. Л. Давыдовъ далъ такое показаніе: „Я никогда не отпирался, что зналъ о сношеніяхъ съ поляками и предположеніяхъ на сей счетъ Пестеля, Муравьева и Бестужева и видѣлъ даже начертаніе на картѣ, сдѣланное Пестелемъ на счетъ новыхъ границъ. Но совершенно былъ на все сіе противнаго мнѣнія и при нихъ самихъ могу подтвердить и въ свидѣтели призываю кн. Волконскаго, который раздѣлялъ мое мнѣніе, хотя послѣ, по слабости своей, согласился быть дѣйствующимъ лицомъ въ сихъ сношеніяхъ".

[1]) Кн. Трубецкой заявилъ, что въ разговорахъ съ Бестужевымъ-Рюминымъ и С. Муравьевымъ-Апостоломъ онъ соглашался на отдѣленіе отъ Россіи польскихъ провинцій, но не желалъ его, такъ какъ полагалъ, что это отдалитъ Россію отъ Европы и вредно будетъ для успѣховъ народнаго просвѣщенія. Рылѣевъ показалъ, что, узнавъ отъ Трубецкого о рѣшеніи Пестеля признать независимость Польши и возвратить ей захваченныя провинціи—Литву, Подолію (?) и Волынь, сильно возсталъ противъ этого, утверждая, что никакое общество не въ правѣ заключить такой договоръ и что подобныя дѣла должны быть рѣшены на великомъ соборѣ. По показанію кн. Оболенскаго: „извѣстно мнѣ было, что Южное Общество сдѣлало условіе касательно независимости Польши и отдѣленія отъ Россіи Литвы, Подоліи (?) и Волыни. Но такъ какъ сіе положено было только при началѣ дѣйствій, которое отъ насъ отдалено было, то я никакого рѣшительнаго мнѣнія... не подавалъ, личное же мое о семъ мнѣніе было, что мы не имѣемъ права располагать какою либо областью Россіи, но что сіе слѣдуетъ предоставить палатѣ представителей". По показанію Н. Муравьева, сношенія Южнаго Общества съ поляками „весьма огорчили членовъ Сѣвернаго Общества, полагавшихъ, что не должно уступать пріобрѣтеній и собственности Россіи".

[2]) По конституціи Н. Муравьева Царство Польское не было включено въ число державъ и областей. Ср. 4 главу 2-й редакціи конституціи и *Schnitzler.* L'Empire des Tsars, p. 1862, t. II, 79—81.

племенъ отъ самовластія, уничтоженіе національной ненависти, существующей между нѣкоторыми изъ нихъ, и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ демократическое представительное правленіе, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній. Основатель общества Соединенныхъ Славянъ, П. И. Борисовъ 2-й, показалъ: «Федеративный Союзъ славянскихъ поколѣній, подобный греческому, но гораздо его совершеннѣе, былъ моимъ проэктомъ» [1]). На восьмиугольной печати Общества Соединенныхъ Славянъ были обозначены 8 славянскихъ народовъ: русскіе, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки, всего до 90 мил. Объ украинскомъ народѣ упомянуто не было, а между тѣмъ въ Малороссіи въ это время проявлялись нѣкоторыя стремленія къ національному возрожденію [2]).

И устройство двухъ независимыхъ славянскихъ государствъ, Россіи и Польши, какъ это предполагалъ Пестель, и устройство федераціи славянскихъ народностей, какъ этого желало Общество Соединенныхъ Славянъ, рѣшало, конечно, національный вопросъ на государственно-территоріальномъ основаніи. При рѣшеніи русско-польскаго вопроса по плану Пестеля литовцы во всякомъ случаѣ должны были войти въ составъ или Россіи, или Польши. Въ границахъ каждаго члена славянскаго союза по плану Общества Соединенныхъ Славянъ, конечно, также была бы примѣсь славянскихъ или иныхъ народностей, при чемъ народность, находящаяся въ меньшинствѣ, очевидно, должна была бы подчиниться господствующей народности. На этомъ вопросѣ члены общества Соединенныхъ Славянъ, повидимому, не останавливались. Напротивъ, Пестель въ «Русской Правдѣ» внимательно отнесся къ этому вопросу, но рѣшилъ его въ анти-національномъ духѣ: для него имѣли первостепенное значеніе вопросы политическіе и соціальные, національный же вопросъ игралъ вполнѣ подчиненную роль. «Права народности», т. е. сохраненія своей національности, Пестель признавалъ лишь за тѣми народами-которые имѣютъ силу сохранить свою независимость въ видѣ особаго государства. Всѣ же остальные должны слиться съ господствующимъ народомъ: по его мнѣнію, это будто бы даже выгоднѣе для нихъ са-

[1]) Борисовъ 2-й, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ изученія классической древности, очевидно, имѣлъ тутъ въ виду Ахейскій союзъ. См. объ его устройствѣ сочиненіе *В. Г. Васильевскаго*. „Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ упадка". Спб. 1869 г., гл. V.

[2]) См. выше стр. 296—302; ср. *В. С. Иконниковъ* „Опытъ русской исторіографіи", т. II, кн. 2, Кіевъ, 1908 г., стр. 1626—1627, 1637—1638.

михъ. Кромѣ поляковъ, Пестель ни за однимъ народомъ, населяющимъ Россію, не признавалъ права на сохраненіе своей національности. Изъ Финляндіи онъ не думалъ образовать даже особую область, а включалъ ее въ составъ Чудской области вмѣстѣ съ частью Петербургской губ. и Олонецкимъ округомъ, и желалъ не только ввести въ ней тотъ же порядокъ, что и въ Россіи, но даже обрусить населеніе, устраивая училища и принимая для этого другія мѣры. Онъ руководствовался при этомъ и тѣмъ, что введеніе въ Финляндіи республиканскаго строя на широкомъ выборномъ началѣ будетъ для ея населенія «благодѣтельнѣе» и пріятнѣе ея тогдашняго государственнаго устройства, основаннаго на представительствѣ отъ отдѣльныхъ сословій.

Изъ Остзейскаго края Пестель также не предполагалъ образовать особую область, а включилъ его въ составъ Холмской съ областнымъ городомъ Новгородомъ. Завалишинъ свидѣтельствуетъ о желаніи нѣкоторыхъ членовъ Тайнаго Общества ввести одного нѣмца въ составъ временнаго верховнаго правленія, если въ немъ будетъ 5 или 7 членовъ. Пестель, очевидно, во время своей службы въ Митавѣ, обратилъ самое серьезное вниманіе на тяжелое положеніе латышей и съ величайшею проницательностью отмѣтилъ, что оно даже хуже положенія русскихъ крестьянъ, несмотря на *«мнимую вольность»*, имъ (т. е. латышамъ) дарованную (разумѣется, онъ говорилъ о наиболѣе обычномъ положеніи русскихъ крестьянъ, а не о печальной жизни крѣпостныхъ у исключительно жестокихъ помѣщиковъ). Онъ требовалъ отъ временнаго правленія, чтобы оно приняло всѣ мѣры для совершеннаго, окончательнаго искорененія остатковъ феодализма, столь долго свирѣпствовавшаго на западѣ Европы и пустившаго и сюда свои «гнилые корни» и ввело въ Остзейскомъ краѣ такой же новый порядокъ, какъ и во всемъ государствѣ. Слѣдовательно, и латыши должны были войти въ составъ волостей и получить право на землю, а также и права политическія наравнѣ съ населеніемъ Россіи вообще. То же самое предложилъ Пестель и относительно одноплеменныхъ съ латышами литовцевъ въ тѣхъ частяхъ Виленской и Минской губерній, которыя останутся за Россіею [1]).

Въ вопросѣ національномъ Пестель ставилъ временному верховному правленію одну цѣль: чтобы всѣ племена, населяющія Россію, слились въ одинъ русскій народъ съ однимъ языкомъ, одними законами и однимъ образомъ управленія, и онъ имѣлъ даже наивность вѣрить въ возможность достиженія этой цѣли!

Изъ всего изложеннаго видно, что, несмотря на нѣкоторые недостатки плановъ декабристовъ относительно политическихъ и обществен-

[1]) О взглядахъ Н. Муравьева и Пестеля на еврейскій вопросъ см. выше стр. 469, 519—522.

ныхъ преобразованій, пропаганда ихъ идей должна была имѣть самое благотворное вліяніе на русское общество.

Требованіе полнаго преобразованія неограниченной монархіи въ монархію конституціонную или республику, требованія введенія гласности судопроизводства и суда присяжныхъ, уничтоженія смертной казни, введенія свободы печати, уничтоженія военныхъ поселеній, крѣпостного права и сословныхъ привилегій—установленія равноправія относительно налоговъ, воинской повинности, подсудности одинаковымъ для всѣхъ судамъ, равноправія въ области уголовныхъ каръ, въ сферѣ занятій торговлею и промыслами и проч., пропаганда всѣхъ этихъ идей была въ высшей степени плодотворна. Вопросъ о способахъ и размѣрахъ надѣленія крестьянъ землею при уничтоженіи крѣпостного права былъ еще недостаточно обсужденъ въ Сѣверномъ Обществѣ, но предположенія о безземельномъ освобожденіи были устранены, Южное же Общество въ лицѣ Пестеля высказалось за крупныя аграрныя реформы. Слабую сторону въ планахъ декабристовъ представлялъ вопросъ національный; въ Сѣверномъ Обществѣ надъ нимъ мало останавливались, Пестель же, давая важныя преимущества полякамъ, къ остальнымъ народностямъ относился съ антинаціональной точки зрѣнія.

Вліяніе пропаганды декабристами ихъ идей было усилено тѣмъ беззавѣтнымъ самопожертвованіемъ, съ которымъ они провозгласили требованіе политической свободы и на Сенатской площади въ Петербургѣ, и во время возстанія Черниговскаго полка въ юго-западной Россіи. Лучшіе русскіе люди, послѣ комедіи суда надъ ними, были или казнены, или заточены въ Восточной Сибири и въ крѣпостяхъ европейской Россіи, отправлены на поселеніе или на службу въ разные медвѣжьи углы. Однако, несмотря на всѣ старанія правительства прервать идейную преемственность двухъ поколѣній, уже въ ближайшіе годы послѣ расправы съ декабристами, въ Москвѣ возникаютъ кружки, ставящіе себѣ цѣлью продолженіе ихъ дѣла; такимъ стремленіемъ, въ числѣ другихъ, были проникнуты юные друзья — Герценъ и Огаревъ. Достаточно припомнить благоговѣніе къ декабристамъ, которое всю жизнь питали они (Герценъ придавалъ огромное значеніе аграрнымъ планамъ Пестеля), чтобы понять, какую значительную роль сыграли наши первыя тайныя общества въ русскомъ освободительномъ движеніи. Смѣлость, съ которою декабристы поставили на карту и свою жизнь, и свое личное счастіе ради осуществленія дорогихъ для нихъ идей, будетъ долго еще служить примѣромъ для всѣхъ тѣхъ, кто способенъ бороться для завоеванія свободы русскому народу.

Добавленія.

Къ стр. 159. Очень важны еще слова С. А. Муравьева-Апостола, приведенныя въ показаніяхъ члена польскаго Патріотическаго Общества подполковника Крыжановскаго. Въ показаніи 9—21 Апрѣля 1826 г. онъ говоритъ, что во время свиданія съ Муравьевымъ-Апостоломъ и Бестужевымъ-Рюминымъ на контрактахъ въ Кіевѣ въ 1824 г. «я спросилъ ихъ, какъ произошло замѣшательство въ Семеновскомъ полку. На вопросъ мой, было ли оно съ вѣдома офицеровъ, Муравьевъ отвѣчалъ, что можетъ быть они знали о немъ, но въ немъ не участвовали». Въ показаніи 14—26 Апр. 1826 г. Крыжановскій такъ передалъ слова Муравьева-Апостола: «можетъ быть нѣкоторые офицера знали о томъ, но ни одинъ не участвовалъ.»

Къ стр. 168. Упоминаемый на этой страницѣ ген. Лавровъ не отецъ П. Л. Лаврова. Лавръ Степановичъ Лавровъ, хотя и былъ друженъ съ Аракчеевымъ, но вышелъ въ отставку въ 1807 г. *И. С. Русановъ.* «Соціалисты запада и Россіи», Спб. 1908, стр. 204, 205. Упоминаемый на стр. 168 моей книги ген. Лавровъ былъ вѣроятно Николай Лавровъ. Ср. дѣло Арх. Собств. Е. В. Канц. № 770.

Къ стр. 179. Съ учрежденіемъ въ 1811 г. министерства полиціи на него были возложены нѣкоторыя цензурныя обязанности [1]). Въ § 87 учрежденія министерства полиціи сказано: «для исправленія дѣлъ по цензурнымъ установленіямъ министръ полиціи, по усмотрѣнію своему, имѣетъ учредить особенный комитетъ изъ чиновниковъ, къ вѣдомству его принадлежащихъ, или и изъ посторонныхъ. Содержаніе сего комитета и правила его дѣйствія опредѣлены будутъ особеннымъ положеніемъ». Первый министръ полиціи, А. Балашевъ, пожелалъ широко использовать свои цен-

---

[1]) На особенную Канцелярію Министра Полиціи были возложены: «Надзоръ за книгопродавцами и типографіями. Наблюденіе, чтобы не обращались книги, журналы, мелкія сочиненія и листки безъ установленнаго отъ правительства дозволенія. Свѣдѣнія о дозволеніяхъ, данныхъ для тисненія новыхъ сочиненій и переводовъ. О вновь пропущенныхъ изъ-за границы книгахъ. Дозволеніе представленій новыхъ театральныхъ сочиненій. Надзоръ надъ изданіемъ и обращеніемъ разныхъ публичныхъ извѣстій (афишей) и проч. предметы сего рода». «Если министръ полиціи усмотритъ, что въ книгахъ и сочиненіяхъ, и съ одобреніемъ цензуры изданныхъ, допущены мѣста и выраженія, подающія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ, таковыя министръ полиціи обязанъ немедленно, съ замѣчаніями своими, вносить на Высочайшее усмотрѣніе и ожидать повелѣнія». Пол. Соб. Зак. т. XXXI, № 24.687, §§ 54 и 84.

зурныя права и просилъ министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго приказать цензурнымъ комитетамъ доставлять въ министерство полиціи свѣдѣнія о всѣхъ разрѣшаемыхъ ими къ печати книгахъ и не допускать никакихъ частныхъ объявленій безъ дозволенія полиціи.

Правила и штатъ комитета при мин. полиціи были одобрены комитетомъ министровъ 27 дек. 1811 г., и на другой день штатъ комитета былъ утвержденъ государемъ, но министръ народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскій, представилъ въ комитетъ министровъ замѣчанія на правила, составленныя Балашовымъ. Онъ указалъ, вопервыхъ, на то, что ими на комитетъ при министерствѣ полиціи возлагается обязанность просматривать вновь всѣ выходящія на русскомъ языкѣ книги и сочиненія, хотя бы онѣ были уже одобрены цензурою, и такимъ постановленіемъ всѣ цензурные комитеты, состоящіе въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, становятся излишними. Онъ возражалъ также противъ предоставленія министерству полиціи разсмотрѣнія всѣхъ книгъ, привезенныхъ изъ-за границы: до изданія устава о цензурѣ (1804 г.) такое правило существовало, но вслѣдствіе неудобства его оно было цензурнымъ уставомъ отмѣнено и положено было торгующихъ иностранными книгами обязывать подписками, чтобы они не продавали запрещенныхъ книгъ и, въ случаѣ сомнѣнія, испрашивали бы разрѣшенія цензурныхъ комитетовъ [1]). Если комитетъ при министерствѣ полиціи будетъ рѣшать, дозволять ли выпускъ въ свѣтъ книгъ, напечатанныхъ въ Россіи, какъ это предполагалось въ проектѣ правилъ, то ни одинъ книгопродавецъ не будетъ имѣть возможности продавать книги, одобренныя цензурою министерства народнаго просвѣщенія, и никто не рѣшится печатать ихъ по одобренію одной этой цензуры. Наконецъ, Разумовскій указывалъ на то, что имъ представленъ въ государственный совѣтъ проектъ учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, въ которомъ онъ «старался съ точностью опредѣлить отношенія и связь цензурныхъ установленій» двухъ министерствъ, и если бы правила о цензурномъ комитетѣ министерства полиціи были внесены въ государственный совѣтъ, а не въ комитетъ министровъ, то, по его словамъ, не должно было бы опасаться, что будутъ утверждены два постановленія, другъ другу противорѣчащія [2]).

Комитетъ министровъ, выслушавъ мнѣніе Разумовскаго въ засѣданіи 24 янв. 1812 г., остался при прежнемъ своемъ положеніи, но два члена, Гурьевъ и Козодавлевъ, присоединились къ мнѣнію Разумовскаго, а Спе-

---

[1]) „Если привозимыя изъ чужихъ краевъ книги", писалъ Разумовскій, „будутъ отсылаемы въ столицу для разсмотрѣнія въ цензурномъ комитетѣ министерства полиціи, то одна пересылка, особливо тѣхъ книгъ, которыя назначены въ другіе города, а еще болѣе чтеніе весьма великаго количества привозимыхъ книгъ причинитъ книгопродавцамъ потерю времени, черезъ которую большая часть книгъ потеряетъ свою цѣну, и продажа иностранныхъ книгъ... должна придти въ совершенный упадокъ, какъ то доказали прежніе примѣры". Если же иностранныя книги будутъ разсматриваться при таможняхъ или мѣстнымъ начальствомъ (какъ это предписано министромъ полиціи), то это еще болѣе задержитъ впускъ и продажу привозимыхъ изъ-за границы книгъ не говоря уже о томъ, что не вездѣ находятся люди, которые могутъ о нихъ судить.

[2]) Арх. госуд. сов., дѣло соед. департ. законовъ и экономіи 1815 г. № 37—677. Журн. г. сов. деп. госуд. эк. 1815 г. ч. I. Срав. „Историч. свѣд. о цензурѣ въ Россіи", Спб. 1862 г., стр. 20—23.

ранскій полагалъ, что дѣло это должно быть разсмотрѣно въ государственномъ совѣтѣ, и государь утвердилъ это послѣднее мнѣніе. Тогда Балашовъ представилъ на разрѣшеніе государя вопросъ, препровождать ли къ исполненію утвержденный имъ штатъ комитета, и въ засѣданіи комитета министровъ 24 апрѣля того же года, уже послѣ удаленія Сперанскаго изъ Петербурга, заявилъ, что государь далъ 2 апрѣля такой отзывъ на его докладъ: «возраженія на существованіе цензурнаго комитета при министерствѣ полиціи быть не можетъ», ибо онъ установленъ § 87 учрежденія министерства, а потому утвержденный штатъ долженъ быть осуществленъ, замѣчанія же министра народнаго просвѣщенія или даже и государственнаго совѣта могутъ относиться лишь къ правиламъ для этого комитета, которыя могутъ быть нѣсколько измѣнены или даже и вовсе передѣланы. Затѣмъ дѣло это надолго пріостановилось, такъ какъ во время войны 1812—1815 г.г. было не до него.

Въ засѣданіи комитета министровъ 17 окт. 1814 г. управляющій министерствомъ полиціи Вязмитиновъ указалъ на то, что все еще нѣтъ обѣщанныхъ правилъ, и въ то время, какъ петербургская полиція останавливаетъ много политическихъ и историческихъ сочиненій, въ другихъ городахъ такія книги свободно продаются. По просьбѣ Вязмитинова, комитетъ разрѣшилъ ему предписать гражданскимъ губернаторамъ: 1) чтобы книгопродавцы, торгующіе иностранными книгами, представили каталоги продаваемыхъ ими книгъ политическаго и историческаго содержанія и беллетристики чрезъ губернаторовъ въ министерство полиціи, и продавали бы только тѣ, на которыя будетъ дано разрѣшеніе, и 2) чтобы такъ же поступали съ книгами, вновь присылаемыми изъ-за границы, т. е. чтобы не выпускали ихъ въ продажу, пока не получатъ на то разрѣшенія [1]).

17 апрѣля 1815 г. Вязмитиновъ внесъ въ государственный совѣтъ проектъ правилъ для цензурнаго комитета при министерствѣ полиціи, при чемъ, сославшись на резолюцію государя 2 апрѣля 1812 г., мотивировалъ необходимость этихъ правилъ, во-первыхъ, тѣмъ, что теперь въ большомъ количествѣ привозятъ изъ за границы книги политическія и историческія, и, во-вторыхъ, что послѣднія событія во Франціи требуютъ бдительнаго наблюденія за изданіями, выходящими въ Россіи.

Въ соединенномъ засѣданіи департаментовъ законовъ и экономіи государственнаго совѣта 23 іюля 1815 г. Шишковъ, членъ департамента законовъ, представилъ мнѣніе «о разсматриваніи книгъ или цензурѣ», въ которомъ доказывалъ недостаточность существующей цензуры для отвращенія «вреда, приносимаго худыми книгами воспитанію, правамъ и просвѣщенію», и предлагалъ создать особое цензурное учрежденіе, не подчиненное никакому министерству и состоящее изъ верхняго и нижняго «сословій или комитетовъ»: нижній комитетъ «изъ людей избранныхъ,.. добронравныхъ, ученыхъ, знающихъ языкъ и словесность» (какъ напр., изъ профессоровъ, членовъ Россійской Академіи и др.), и верхній — изъ министровъ просвѣщенія и полиціи, оберъ-прокурора синода и президента Россійской Академіи [2]).

Въ этомъ же засѣданіи представилъ свои объясненія и министръ

---

[1]) *Середонинъ*. „Историч. обзоръ дѣят. комит. министровъ", I, 392—393.

[2]) „Записки, мнѣнія и переписки адмирала А. С. Шишкова", Берл. 1870, т. II, 43—52; „Рус. Арх." 1865 г., стр. 1339—1352.

народнаго просвѣщенія Разумовскій. Онъ заявилъ, что никогда не думалъ оспаривать учрежденіе цензурнаго комитета при министерствѣ полиціи, но указываетъ на то, что если цензура при министерствѣ полиціи установится согласно предложеніямъ управляющаго этимъ министерствомъ, то будетъ уничтожена или по крайней мѣрѣ сильно стѣснена цензура министерства просвѣщенія, между тѣмъ какъ цензурный уставъ 1804 г. одно изъ лучшихъ установленій этого министерства. Проектъ правилъ полицейской цензуры, по словамъ Разумовскаго, далеко не достаточенъ въ сравненіи съ правилами устава 1804 г., самое распредѣленіе книгъ въ этихъ правилахъ между тѣмъ и другимъ цензурнымъ вѣдомствомъ онъ находилъ непонятнымъ и утверждалъ, что учредить двѣ такихъ цензуры значитъ установить двѣ власти, изъ которыхъ одна будетъ дѣйствовать вопреки другой, что министерство просвѣщенія имѣетъ въ своихъ рукахъ всѣ способы распространенія и сохраненія чистой нравственности, что подвергать иностранныя книги предлагаемой министерствомъ полиціи цензурѣ чрезвычайно стѣснительно [1]).

Соединенные департаменты законовъ и государственной экономіи полагали: 1) Цензуру издаваемыхъ книгъ оставить по прежнему въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія. 2) Министерству полиціи поручить составить «образованіе цензурнаго комитета» на основаніяхъ, предначертанныхъ въ его учрежденіи. 3) «Хотя Государственный Совѣтъ считалъ бы полезнымъ иностранныя книги освободить вовсе отъ всякой цензуры, а торгующихъ оными отъ всякой отвѣтственности, поелику цензура сія почти невозможна и для торговли книжной весьма стѣснительна, а отвѣтственность, на торгующихъ иностранными книгами налагаемая, большею частію несправедлива по невозможности прочитать и оцѣнить всѣ выписываемыя ими во множествѣ книги», но такъ какъ отвѣтственность эта налагается на нихъ цензурнымъ уставомъ 1804 г., то оставить ее на прежнемъ основаніи». 4) Осуществленіе предложенія Шишкова департаменты нашли неудобнымъ.

Затѣмъ дѣло это разсматривалось въ общемъ собраніи государственнаго совѣта 2 и 16 августа 1815 г. Вязьмитиновъ подалъ 15 августа мнѣніе, въ которомъ говоритъ, что уставъ 1804 г. былъ составленъ тогда, когда еще не существовало министерства полиціи, теперь же этому министерству предоставлено вліяніе на цензуру и кромѣ того присвоена, какъ признаетъ и государственный совѣтъ, «цензура *наблюдательная* или, такъ сказать, *взыскательная*». Если цензура всѣхъ издаваемыхъ книгъ останется въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія, «то какимъ образомъ министерству полиціи можно будетъ судить о книгахъ, обращающихся въ публикѣ, и представлять о нихъ государю императору? Ежели наблюдательная обязанность останется на министерствѣ полиціи», то

---

[1]) „Соединеніе цензуры съ полиціею",—говоритъ Разумовскій, „(мысль совершенно чуждая всѣмъ существующимъ у насъ узаконеніямъ),—есть изобрѣтеніе послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія и, такъ сказать, чадо французской революціи. Оно было сильною пружиною въ правленіи Наполеона. По первому возвращенію законнаго и мудраго короля Франціи, онъ немедленно обратилъ вниманіе на сіе новое и странное сочетаніе цензуры съ полиціею. Первое его попеченіе было расторгнуть сей союзъ и возвратить цензурѣ свое независимое бытіе и собственныя права". О положеніи французской печати при Людовикѣ XVIII см. въ гл. X этой книги, стр. 596—597.

состоящій при немъ комитетъ долженъ просматривать выходящія въ свѣтъ книги, и, слѣдовательно, онѣ должны быть ему доставляемы. Если встрѣтится книга, подающая поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, какъ это не разъ случалось въ послѣднее время, то задержаніе ея, когда она будетъ находиться уже въ рукахъ каждаго, будетъ противно цѣли этой мѣры и повлечетъ за собою тысячу непріятныхъ послѣдствій для сочинителя, типографщика, книгопродавца и самой цензуры. Вязмитиновъ требовалъ участія министерства полиціи и въ цензированіи книгъ, привозимыхъ изъ-за-границы, и утверждалъ, что мѣры, установленныя въ этомъ отношеніи, по его предложенію, комитетомъ министровъ, не вызываютъ никакихъ затрудненій.

При голосованіи вопроса о цензурѣ министерства полиціи 2 и 16 августа 1815 г., въ общемъ собраніи государственнаго совѣта 11 членовъ [1]) считали нужнымъ оставить цензуру въ томъ положеніи, въ какомъ она находится по уставу 1804 г., за исключеніемъ того, что установлено комитетомъ министровъ объ иностранныхъ книгахъ, въ виду же неудовлетворительности нынѣшняго учрежденія цензуры доложить о преобразованіи ея государю вмѣстѣ со всѣми мнѣніями, поступившими къ этому дѣлу. Три члена [2]), соглашаясь съ мнѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, полагали привести цензуру въ то положеніе, въ какое она поставлена уставомъ 1804 г. безъ всякихъ прибавленій, и не представлять о преобразованіи ея государю. Наконецъ, Вязмитиновъ остался одинъ при своемъ мнѣніи [3]).

25 января 1816 г. управляющій министерствомъ полиціи представилъ государю записку, въ которой указывалъ, что министерству полиціи приходилось исполнять свои цензурныя обязанности «безъ опредѣленныхъ правилъ, руководствуясь собственными... соображеніями». Его занятія состояли въ слѣдующемъ: 1) оно наблюдало за всѣми выходящими въ Россіи газетами и прочими повременными изданіями, печатаемыми съ дозволенія «ученой цензуры», и находилось въ частыхъ сношеніяхъ по этому предмету съ министерствомъ просвѣщенія, которое «всегда соглашалось съ министерствомъ полиціи» на счетъ неосмотрительности ученой цензуры въ пропускѣ разсужденій, несогласныхъ съ духомъ общимъ и народнымъ; 2) наблюдало за всѣми выходящими въ Россіи съ дозволенія ученыхъ цензуръ книгами и не разъ доводило до свѣдѣнія министерства просвѣщенія о тѣхъ изъ нихъ, которыя подавали поводъ къ превратнымъ толкованіямъ [4]); 3) разсматривало всѣ представляемыя въ театрахъ

---

[1]) Кн. Лопухинъ, кн. Куракинъ 2-й, Мордвиновъ, Фонъ-Дезинъ, кн. Лобановъ-Ростовскій 1-й, Трощинскій, Гурьевъ, Саблуковъ, Неплюевъ, Колодавлевъ и Вейдемейеръ.

[2]) Гр. Литта, кн. А. Салтыковъ и Карнѣевъ.

[3]) Арх. госуд. сов., дѣло соедин. департ. законовъ и экон. 1815 г. № 37/677, журн. г. с. деп. гос. эк. 1815 г. ч. I.

[4]) Въ дѣлѣ о цензурѣ министерства полиціи (1816 г.) есть списокъ книгъ, изданныхъ „съ одобреніемъ цензуры министерства просвѣщенія“ и запрещенныхъ министромъ полиціи. Въ немъ 6 названій: 1) „Ложный Петръ, или жизнь Пугачева“. М. 1810. 2) „Исторія Наполеона“. М. 1812. 3) Pensées sur ce qu'une grande Puissance peut effectuer“. Spb. 1813. 4) „Краткое обозрѣніе знаменитаго похода въ 1812 г.“. Спб. 1813. 5) „Жизнь принцессы Анны, правительницы Россіи“. М. 1814. 6) „Россійскій Жиль Бласъ" (sic) (въ заглавіи рус. пер. „Жилблазъ“). Спб. 1814 (Нарѣжнаго). Арх. собств. Е. В. канц. № 1534.

сочиненія, изъ которыхъ было дозволено 532 и запрещено 53, и 4) разсматривало всѣ книги, вывезенныя изъ-за-границы. Но такъ какъ, вслѣдствіе неутвержденія правилъ для занятій цензурнаго комитета при министерствѣ полиціи, не могъ быть осуществленъ и утвержденъ государемъ штатъ ея, то цензурныя обязанности исполняли чиновники особенной канцеляріи министерства полиціи, которые докладывали то письменно, то словесно «о каждомъ предосудительномъ мѣстѣ и выраженіи главнокомандующему въ Петербургѣ» (управляющему министерствомъ полиціи), и онъ приказывалъ выпустить или задержать то или другое произведеніе [1]).

Вслѣдствіе записки Вязмитинова, государь вновь приказалъ разсмотрѣть это дѣло въ государственномъ совѣтѣ. Кн. А. Н. Голицынъ, вступившій въ исправленіе должности министра народнаго просвѣщенія, представилъ 1 мая 1817 г. свое мнѣніе по этому предмету. Соглашаясь съ мнѣніемъ своего предшественника, гр. Разумовскаго, онъ утверждалъ, что цензурный уставъ 1804 г. составленъ «въ духѣ кроткой и благонамѣренной терпимости»: съ одной стороны, онъ опредѣляетъ всѣ нужныя мѣры для охраненія общества отъ вредныхъ книгъ, а съ другой—не стѣсняетъ свободы печати и даже въ случаѣ неодобренія книгъ указываетъ удобные способы къ ихъ исправленію. Что же касается министерства полиціи, то ему предоставлено закономъ только наблюденіе за точнымъ исполненіемъ закона установленными для цензуры учрежденіями, а относительно иностранныхъ книгъ—наблюденіе, чтобы книжныя лавки не торговали недозволенными книгами. Власть рѣшительная (или, по терминологіи кн. Голицына, «судебная») принадлежитъ министерству полиціи только относительно новыхъ театральныхъ сочиненій и отдѣльныхъ листочковъ (афишъ). Предположеніе, что цензура иностранныхъ книгъ поступила въ вѣдѣніе министерства полиціи по положенію комитета министровъ 17 октября 1814, не справедливо, ибо комитетъ постановилъ только, чтобы реестры и каталоги иностранныхъ книгъ политическаго, романическаго и историческаго содержанія были посылаемы въ это министерство, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы и самая цензура иностранныхъ книгъ была предоставлена министерству полиціи и чтобы вмѣсто реестровъ туда присылали для разсмотрѣнія книги. Напротивъ, правила относительно иностранныхъ книгъ ясно указаны въ уставѣ о цензурѣ 1804 г. Въ заключеніе Голицынъ говоритъ, что было бы неприлично, если бы «цензура одного министерства цензировала послѣ цензуры другого». Если предполагать цензурные недосмотры и злоупотребленія, то понадобится еще третья цензура, и цензированію не будетъ конца.

3 сентября 1817 г. дѣло это вновь разсматривалось въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. При голосованіи, 8 членовъ [2]) высказались за то, что полагали при голосованіи 16 авг. 1815 г. только три члена, т. е. чтобы оставить цензуру на основаніи устава 1804 г.; одинъ членъ (Неплюевъ) согласился съ прежнимъ мнѣніемъ 11 членовъ, т. е. чтобы

---

[1]) Ср. выше стр. 183. Въ 1812 г. было привезено въ Россію и разсмотрѣно 25 мѣстъ съ книгами, а въ 1815 г.—122, не считая мелкихъ посылокъ. „Сборн. историч. матеріаловъ, извлеч. изъ архива соб. е. в. канцеляріи", т. VIII., 188—194.

[2]) Кн. Лопухинъ, Саблуковъ, гр. Литта, Вейдемейеръ, Пестель (отецъ П. И. Пестеля), кн. Голицынъ, кн. Лобановъ-Ростовскій 1-й и Козодавлевъ.

сдѣлавъ изъятіе въ уставѣ относительно иностранныхъ книгъ, дополнить его; наконецъ, управляющій министерствомъ полиціи Вязмитиновъ по прежнему остался при своемъ мнѣніи, что необходимо учредить цензуру при министерствѣ полиціи на основаніи представленныхъ имъ правилъ [1]).

Вотъ на этомъ-то засѣданіи общаго собранія государственнаго совѣта, 3 сент. 1817 г., присутствовалъ Н. И. Тургеневъ и такъ описалъ его въ своемъ дневникѣ: «Начали чтеніемъ мнѣнія министра полиціи. Сколь мы ни глупы, но умѣемъ писать вредный и хамскій вздоръ не хуже другихъ народовъ. Только цитаты намъ не удаются. Никто бы не могъ вообразить, что въ мнѣніи о полицейской цензурѣ говорится о Невтонѣ и о Декартѣ [2]). Но, несмотря на полицейское краснорѣчіе Козьмича» (Сер. Козьмича Вязмитинова), „онъ упалъ: либеральныя идеи, если, впрочемъ, онѣ совмѣстны съ цензурою, восторжествовали; Козьмичъ хлопалъ глазами и напомнилъ мнѣ инквизитора въ Донъ-Карлосѣ... Надобно еще замѣтить, что еще въ 1815 г. предлагалъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія“ (гр. Алексѣй Кир. Разумовскій) «возвратить силу цензурному уставу 1805 (т. е. 1804) года. Тогда три члена, гр. Литта, Салтыковъ и Карнѣевъ, только согласились съ нимъ совершенно. Теперь дѣлалъ представленіе кн. Голицынъ, и всѣ съ Разумовскимъ согласились. Еще новый источникъ либеральности! Остается только знать: можетъ ли быть прочною либеральность, изъ такихъ нелиберальныхъ источниковъ проистекающая!.. Боже мой! что это за варварство! Что за хамство! Когда десница Твоя оживотворитъ Россію? или, когда громъ Твой грянетъ на дураковъ, на хамовъ, на...» (sic) [3]).

Къ стр. 198. Перетцъ, служившій въ канцеляріи петербургскаго генер.-губ. Милорадовича и принятый въ Тайное Общество Глинкою въ 1819 или 1820 г. (послѣдній, впрочемъ, это отрицалъ) предполагалъ, по показанію С. М. Семенова, основать при участіи Глинки, Семенова и Кутузова, общество, независимое отъ Союза Благоденствія [4]). По словамъ Перетца, цѣлью общества было введеніе конституціи, а средствомъ—«распространеніе всеобщаго неудовольствія, дѣлая гласнымъ несправедливость и ошибки правительства. Они толковали о слѣдующихъ вопросахъ:

«О тягости налоговъ, объ излишествѣ войскъ, о военномъ поселеніи, объ упадкѣ флота, о невыгодномъ займѣ 1811 или 1812 года, при коемъ за рубль ассигнаціями были даны облигаціи на 50 коп. серебромъ [5]), о разо-

---

[1]) На этомъ дѣлѣ рукою Аракчеева отмѣчено: „Государь имп. изволилъ читать въ Москвѣ 12 ноября 1817 г.“. Арх. Гос. Сов., дѣло по Департ. Эком. № 37—677.

[2]) Въ мнѣніи своемъ 15 авг. 1815 г. Вязмитиновъ между прочимъ говоритъ: „не буду тревожить праха ни Галлилеевъ, ни Невтоновъ, ни Декартовъ, ни Кондильяковъ неумѣстными примѣненіями“,

[3]) Въ 1819 г. произошло опять столкновеніе по дѣламъ цензурнымъ между министерствами просвѣщенія и полиціи. См. *Серсдонина* I. 394—396; „Сборн. матер., извлеч. изъ Арх. Соб. Е. В. Канц.“, VI, 30.

[4]) Онъ принялъ офицеровъ Искрицкаго, Сенявина, Данченко и служившаго въ морскомъ министерствѣ Устимовича. Перетцъ первое мѣсто въ обществѣ отводитъ Глинкѣ.

[5]) По условіямъ займа для погашенія ассигнацій, объявленнаго 27 мая 1810 года, въ первую часть займа принимались 2 р. асс. за 1 р. сер. Полн. Собр. Зак. т. XXXI, № 24244, стр. 199, § 8.

рительныхъ для Россіи иностранныхъ займахъ, съ 1817 г. безъ существенной нужды сдѣланныхъ [1]), о систематической медленности правительства въ удовлетвореніи претензій частныхъ людей, о многихъ несправедливостяхъ, особливо въ дѣлахъ, съ казеннымъ интересомъ сопряженныхъ, объ отягощеніи войска ученіемъ, о вояжахъ и строеніяхъ покойнаго государя императора, о малой его внимательности къ гражданской части, о множествѣ чиновниковъ и скудномъ жалованіи, яко главныхъ источникахъ запутанностей и злоупотребленій, объ учрежденіи министерствъ, объ отягощеніи войска ученіемъ, о государственномъ совѣтѣ, яко новой для замѣщенія дѣлъ инстанціи, о взыскательности тогдашнихъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича, наиболѣе о нынѣ царствующемъ государѣ императорѣ» (Николаѣ I), «коего описывали скупымъ и злопамятнымъ, о самовластіи вельможъ, о весьма недостаточномъ и несвоевременномъ пособіи губерніямъ, въ коихъ былъ неурожай и голодъ, о возстановленіи Польши, о преимуществѣ завоеванныхъ поляковъ и финляндцевъ предъ завоевателя—россіянами, о расходахъ Россіи для Царства Польскаго, объ опредѣленіи въ бывшія польскія губерніи губернаторовъ изъ поляковъ..., о причисленіи Выборгской губерніи къ Великому Княжеству Финляндскому, о строгости, подавшей поводъ къ Семеновскому бунту..., о строгомъ съ симъ полкомъ поступленіи..., о безполезномъ походѣ гвардіи и неудовольствіи тѣмъ войскъ, о недостаткѣ законодательства, о священномъ союзѣ и о дѣлахъ Гишпаніи и Италіи. Всѣ единогласно порицали мѣры правительства».

Къ стр. 200. Объ институтѣ извѣстнаго педагога Фелленберга, въ Гофвилѣ (въ Швейцаріи, близъ Берна), куда въ 1816 г. былъ отправленъ, по повелѣнію имп. Александра, будущій декабристъ Серг. Ив. Кривцовъ и гдѣ онъ пробылъ до 1820 г., Каподистрія представилъ государю въ 1814 г., по его приказанію, подробный докладъ, который былъ напечатанъ и получилъ широкое распространеніе (перев. съ франц. Спб. 1817 г.). Въ Гофвилѣ было училище съ девятилѣтнимъ курсомъ, ремесленное, земледѣльческое и нормальное училища. Въ первомъ училищѣ, въ которомъ бывало до 100 учениковъ и до 30 учителей, воспитывались вмѣстѣ съ Кривцовымъ сынъ извѣстнаго соціалиста Роберта Оуэна и герцогъ Александръ, племянникъ короля Виртембергскаго, бывшій позднѣе военнымъ губернаторомъ въ Россіи. Въ немъ бывало до 15—18 русскихъ юношей, и здѣсь воспитывался также внукъ Суворова. Въ «Трудахъ вольнаго общества любителей россійской словесности» (1823 г. ч. XXIII, 174—215, 316—336), членами котораго были нѣкоторые декабристы (см. выше стр. 439) была помѣщена переводная статья «О учебномъ заведеніи г. Фелленберга въ Гофвилѣ». См. о немъ также *Robert Dale Owen.* Threading my way. Twentyseven years of autobiography. L. 1874, 121—149. Ср. *Booth*, Robert Owen, 54—55. Консерваторы вродѣ гр. д'Оррера (см. о немъ стр. 367—376) относились къ институту Фелленберга несочувственно.

Къ стр. 233. Изъ дѣла о цензурѣ министерства полиціи видно что въ 1811 г. была запрещена трагедія «Don Carlos» (Шиллера), а въ

---

[1]) Условія займа въ Амстердамѣ 40 мил. рубл. сер., по указу 16 августа 1820 года, были таковы, что получено было всего 68,39% номинальн. суммы, а по условіямъ займа у Ротшильда въ Лондонѣ, по указу 23 іюня 1823 г., было получено 72,61% номинал. суммы. *И. Бржескій* „Государственные долги Россіи", 1884 г., стр. 187—190.

1813 г. трагедіи «Egmonde» (sic), т. е. Эгмонтъ Гёте и «Wallenstein» Шиллера. Арх. Соб. Е. Вел. Канц. № 1534, л. 128.

Къ стр. 294. 1814 г. «29 апрѣля (н. с.). Пришедши вчера домой, нашелъ я приглашеніе въ ложу de Point parfait. Это предложеніе обрадовало меня болѣе обыкновеннаго...

5 мая (н. с.). Вчера намъ дали въ ложѣ Jerusalem Ecoss. (?) высшія степени. Ложа была красиво убрана.

14 мая (н. с.). Масонству обязанъ я единственно пріятными минутами, которыя я здѣсь имѣлъ. Въ ложѣ de Jerusal. Ecoss. есть весьма порядочные люди, въ особенности le Vener. Rouyer. Тамъ оставляетъ меня снѣдающая скука, тамъ предаюсь я, въ средѣ вв. кк. (вольныхъ каменщиковъ, т. е. масоновъ), отрадѣ и веселію. Тамъ увлекаетъ меня безпечіе: настоящее занимаетъ, оставляя горе прошедшаго назади и не впуская вкрадываться въ воображеніе размышленіямъ о будущности. Тамъ я ѣмъ, пью, пою съ наслажденіемъ, говорю съ откровенностью и чистосердечіемъ... Вчера были мы въ ложѣ Zum fisternen (sic) (Eisernen?) Kreuz. Но только мало было пріятнаго, въ скукѣ или въ грусти нѣмецкая серіозность не утѣшительна. Французская веселость въ такомъ случаѣ производитъ лучшее дѣйствіе.

16 или 17 (н. с.), среда. Полночь. Третьяго дня были мы въ ложѣ des admirateurs de l'Univers. Въ 6 часовъ начался банкетъ и продолжался къ нашему большому удовольствію до 11-го часа. Многіе изъ братьевъ пѣли своего сочиненія куплеты, забавные и остроумные, но не всегда масонические. Было весело. Подлинно нигдѣ нельзя наслаждаться болѣе истиннымъ удовольствіемъ, какъ посреди масоновъ. Изъ ложи пошли мы въ кофейную и пили пуншъ. Тутъ тоже пѣли и говорили безпрестанно каламбуры. При прощаніи тоже слышны были куплеты...

22 (н. с.). Четвертаго дня были мы въ Дамской ложѣ. Работы состояли въ пѣніи и играніи на фортепіано и скрипкѣ, а по заключеніи ложѣ танцовали. Мало замѣчательнаго».

Къ стр. 295. «22 (декабря, 1817 г.). Если бы я говорилъ рѣчь въ ложи, то могъ бы сказать слѣдующее:

«Вѣра, Христомъ заповѣданная, сообразно бытію и предназначенію человѣка, sie ist auch menschlich. Послѣ многихъ заблужденій, въ которыя она приводила фанатиковъ или злоумышленниковъ въ теченіе столѣтій, послѣ искаженій, которыя она потерпѣла въ рукахъ человѣческихъ, можетъ быть, духу времени, распространяющемуся теперь въ Европѣ, въ особенности же въ нашемъотечествѣ, можетъ быть, существующему духу времени предназначено вѣчною мудростію возстановить истинную силу и дѣйствіе закона христіанскаго. Послѣ толикихъ заблужденій, въ кои впадалъ родъ человѣческій, позволено надѣяться, что милосердіе небесное приведетъ насъ, наконецъ, на ту стезю, которая одна только можетъ удержать людей въ достоинствѣ ихъ, на ту стезю, которая дѣлаетъ для насъ понятнымъ странствіе земное и вмѣстѣ ведетъ насъ къ настоящей цѣли бытія нашего—въ обитель мира, въ отечество небесное, иде же несть ни плачъ, ни скрежетъ зубомъ. Цѣль братства нашего была всегда благородна. Во дни общаго безвѣрія, общей безнравственности пламенникъ святой религіи пылалъ въ храмахъ ордена нашего, озаряя сердца вв. кк. (вольныхъ каменщиковъ) свѣтомъ немерцаемымъ и воспламенялъ ихъ къ подвигамъ добра и чести».

Къ стр. 296. Членъ Союза Благоденствія Александръ фонъ-деръ-Бригенъ, пріятель Н. И. Тургенева, былъ членомъ ложи Петра къ Истинѣ въ 1817 г.

Членъ Союза Благоденствія Илья Бибиковъ означенъ въ 1820 году отсутствующимъ въ спискѣ членовъ московской ложи Александра къ Тройственному Благословенію.

П. Я. Чаадаевъ, членъ того же тайнаго общества, былъ въ 1816—1818 гг., какъ мы видѣли, членомъ ложи Соединенныхъ Друзей. Онъ прекратилъ съ нею сношенія, когда, выйдя въ отставку въ 1821 г., выѣхалъ изъ Петербурга [1]). Во время ареста его въ Варшавѣ, при возвращеніи изъ-за границы въ іюлѣ 1826 г., у него найденъ былъ патентъ восьмой степени общества тайныхъ Бѣлыхъ Братьевъ. Чаадаевъ на допросѣ заявилъ, будто бы «закрытая ложа Тайныхъ Бѣлыхъ Братьевъ принадлежала къ обыкновенному масонству, въ Россіи принятому. Названіе же Тайныхъ Бѣлыхъ Братьевъ присвоено одной восьмой степени [2]).

Членъ Союза Благоденствія и Южнаго общества Янтальцевъ былъ членомъ масонскихъ ложъ Елизаветы къ Добродѣтели (въ 1816 г.) и Трехъ Добродѣтелей [3]).

Зубковъ, привлекавшійся къ слѣдствію о декабристахъ, показалъ, что въ 1820—21 г. онъ вступилъ въ Петербургѣ въ ложу Соединенныхъ Славянъ (вѣроятно, Соединенныхъ Друзей [4]).

Членъ Союза Благоденствія и Сѣвернаго Общества Семенъ Краснокутскій, когда онъ еще служилъ въ военной службѣ, былъ въ 1816—18 гг. членомъ ложи Елизаветы къ Добродѣтели [5]).

Кромѣ всѣхъ названныхъ лицъ, были масонами слѣдующіе, менѣе видные члены Союза Благоденствія, не привлекавшіеся къ слѣдствію. 1) Алекс. Павл. Бакунинъ, гвардейскій поручикъ [6]). Въ 1820 г. онъ числился среди отсутствующихъ членовъ петербургской ложи Орла Россійскаго, а въ Кіевѣ былъ членомъ ложи Соединенныхъ Славянъ (см. выше, стр. 304); 2) бар. Корфъ [7]), служившій до января 1823 г. въ лейбъ-гв. Егерскомъ полку, а затѣмъ вышедшій въ отставку, былъ членомъ ложи Пламенѣющей Звѣзды въ Петербургѣ. 3) Мейеръ, служившій въ томъ же полку, адъютантъ гр. Ланжерона [8]), былъ членомъ ложи Евксинскаго Понта въ

---

[1]) Въ 1818—9 г. онъ былъ надзирателемъ въ ложѣ Сѣверныхъ Друзей.

[2]) „Рус. Стар." 1900 г. № 12, стр. 584, 587—588. Быть можетъ, тутъ дѣло идетъ о шведскомъ масонствѣ, въ которомъ 8-я степень носила названіе: Frère favori de St. Jean, ou du Cordon blanc (*Clavel*, 66), или о существовавшемъ въ Италіи тайномъ обществѣ „бѣлыхъ странниковъ" (pelerins blancs, pellegrini bianchi).

[3]) Списокъ чиновъ второй арміи, принадлежавшихъ къ масонскимъ ложамъ. Дѣло второй арміи 1828 г. Арх. Гл. Штаба № 11 (бумаги Дубровина, возвр. изъ Гл. Штаба, № 115); „Рус. Стар." 1907 г. № 7, стр. 214.

[4]) «Записки В. П. Зубкова о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1826 г. съ предисловіемъ и примѣчаніемъ Б. Л. Модзалевскаго". Спб. 1906 г., стр. 4.

[5]) Списокъ членовъ этой ложи 1818 г., Военно-уч. Арх., Отд. I, № 608-а, л. 166—169.

[6]) Гос. Арх. I В. № 28, спис. № 4; „Архивъ Раевскихъ". Ред. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго. 1908 г., т. I, стр. 533.

[7]) Гос. Арх. I В, № 332-а и 321; „Рус. Стар." 1907, № 8, 432.

[8]) Записки С. Г. Волконскаго, стр. 409, „Рус. Стар." 1907 г. № 8, стр. 426.

Одессѣ. 4) Александръ Ант. Скалонъ, служившій въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, былъ членомъ ложи Соединенныхъ Друзей въ Петербургѣ [1]).

Было уже упомянуто объ адъютантѣ вел. кн. Михаила Павловича, служившемъ въ л.-гв. артиллерійской бригадѣ, Ильѣ Гавриловичѣ Бибиковѣ. Онъ былъ членомъ ложи Александра Тройственнаго Благословенія въ Москвѣ [2]). Къ слѣдствію его не требовали, но онъ самъ заявилъ имп. Николаю, что былъ членомъ Союза Благоденствія [3]).

Полковникъ Митьковъ былъ принятъ въ Тайное Общество Н. И. Тургеневымъ въ 1821 г. Въ 1817—21 гг. онъ былъ членомъ ложи Соединенныхъ Друзей.

Рылѣевъ, самый энергичный членъ Сѣвернаго общества, въ 1820 г. вступилъ въ ложу Пламенѣющей Звѣзды, которая состояла въ то время въ союзѣ Астреи и работала на нѣмецкомъ языкѣ, и числился въ ней въ 1820 и 1821 годахъ мастеромъ.

Членъ того же общества Батеньковъ былъ членомъ петербургской ложи Избраннаго Михаила въ союзѣ Астреи, а потомъ въ числѣ основателей ложи Восточнаго Свѣтила въ Томскѣ [4]).

Членомъ ложи Орла Россійскаго въ Петербургѣ былъ декабристъ, членъ Сѣвернаго Общества, Епафр. Степ. Мусинъ-Пушкинъ, лейтенантъ 1-го гв. экипажа. По приговору верховнаго уголовнаго суда онъ былъ разжалованъ въ солдаты съ выслугою [5]).

Членомъ ложи Елизаветы къ Добродѣтели въ Петербургѣ и Ищущихъ Манны въ Москвѣ былъ Ив. Юрьев. Поливановъ, присужденный верховнымъ судомъ въ каторжныя работы, но умершій въ госпиталѣ до ссылки, 5 сентября 1826 г. [6]).

Къ стр. 301. Объ «Исторіи Руссовъ» см. *В. С. Иконниковъ*. «Опытъ русской исторіографіи». Томъ II, кн. 2, Кіевъ 1908 г., стр. 1618—1650.

---

[1]) „Рус. Стар." 1907 г. № 9, стр. 644, № 429; Гос. Арх. I В. № 332-а), л. 665.

[2]) „Рус. Стар." 1907 г. № 7, стр. 207; Гос. Арх. I В, № 332-а, л. 62.

[3]) Вас. Алексѣев. Перовскій (незаконный сынъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, адъютантъ вел. кн. Николая Павловича), привлекавшійся къ слѣдствію о Тайномъ Обществѣ, былъ масономъ, но принадлежалъ къ ложѣ Кенонгетъ Кильвиннингъ въ Эдинбургѣ въ Шотландіи. Никол. Иванов. Лореръ, членъ Южнаго Общества, былъ принятъ въ иностранную масонскую ложу въ г. Оффенбахѣ („Рус. Ст." 1907 г. № 8, стр. 425). Привлекавшійся къ слѣдствію о декабристахъ подполковникъ квартирмейстерской части Гвоздевъ заявилъ въ своей подпискѣ, что за границей въ походѣ былъ принятъ въ сообщество масоновъ, „но ни къ какой ложѣ собственно не принадлежалъ". Ibid., стр. 406.

[4]) „Вѣстн. Евр." 1872 г. № 7, стр. 270.

[5]) *Шильдеръ*. Николай I, I, 702.

[6]) „Рус. Стар." 1907 г. № 8, стр. 412; Гос. Арх. I В, № 266, л. 6, № 427. См. дѣла о названныхъ декабристахъ въ Гос. Архивѣ. „Списокъ офицеровъ русской арміи, признавшихъ свою принадлежность къ масонству", изданный Т. О. Соколовскою въ „Рус. Стар." 1907 №№ 6—9, печатные списки (Tableau de la grande Loge Astrée) членовъ Вел. ложи Астреи 1817—18, 1818—19 и 1820—21 гг., и списокъ членовъ Великой Провинціальной ложи 1816 г. въ Военно-уч. Арх. Отд. 1 № 608-а, л. 149—165. Розенъ увѣряетъ въ своихъ запискахъ, будто бы по возвращеніи гвардейскаго корпуса изъ Франціи „образовались въ большей части лучшихъ полковъ масонскія ложи съ чисто политическимъ оттѣнкомъ" (стр. 78).

Къ стр. 305. О польскихъ тампліерахъ см. въ статьѣ *П. И. Коробки* «Польскія общества 20-хъ годовъ и декабристы». «О минувшемъ. Историч. сборникъ», 1909 г., стр. 215—218, 231.

Къ стр. 314. См. рецензію Н. Д. Чечулина на изд. записокъ С. А. Тучкова въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1909 г., № 1.

Къ стр. 382. Для того, чтобы выяснить происхожденіе тѣхъ политическихъ и общественныхъ идей, которыя выразились въ проектѣ, выработанномъ М. Ѳ. Орловымъ и М. А. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, я считаю необходимымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о предшествующей ихъ жизни, отмѣтивъ въ ней особенно тѣ событія, которыя могли наиболѣе сильно повліять на развитіе ихъ міросозерцанія.

М. Ѳ. Орловъ, сынъ генералъ-поручика Ѳед. Григ. Орлова, родился въ 1788 г. и окончилъ образованіе въ пансіонѣ іезуита аббата Николя (гдѣ былъ первымъ ученикомъ); товарищами его были будущій декабристъ С. Г. Волконскій и дѣти изъ многихъ семей русской знати: Голицыны, Нарышкины, Гагарины, Меншиковы, Бенкендорфы и др. [1]). Въ 1801 г., слѣдовательно 13-ти лѣтнимъ мальчикомъ, онъ былъ записанъ «юнкеромъ» въ коллегію иностранныхъ дѣлъ: вѣроятно, его предполагали готовить къ дипломатической карьерѣ, однако, уже въ 1805 г. онъ поступаетъ эстандартъ-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ и, благодаря участію въ походахъ противъ французовъ въ 1805—7 г.г.[2]), быстро дѣлаетъ военную карьеру.

Въ 1810 г. Орловъ былъ назначенъ адъютантомъ къ князю П. М. Волконскому, завѣдующему квартирмейстерскою частью, и, уже въ это время, по словамъ декабриста Волконскаго, онъ «выказалъ отличныя дарованія», «прилежаніе къ усовершенствованію въ военной наукѣ», а «вмѣстѣ съ тѣмъ въ кругу петербургскаго общества пріобрѣлъ уваженіе и... сталъ во главѣ и мыслящей, и свѣтской молодежи» [3]).

18 марта 1814 г., по порученію имп. Александра, Орловъ заключилъ договоръ о сдачѣ Парижа союзнымъ войскамъ. Въ подробномъ разсказѣ его объ этомъ событіи [4]) отмѣтимъ слѣдующія слова: «Мы любили языкъ, литературу, цивилизацію и мужество французовъ, съ убѣжденіемъ и энтузіазмомъ отдавали имъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ справедливую дань удивленія», но тутъ же Орловъ упрекаетъ французовъ въ «склонности къ утопіямъ» [5]).

Во время пребыванія Орлова въ Парижѣ была одобрена француз-

---

[1]) Записки С. Г. Волконскаго, 400, 405; *Морошкинъ* „Іезуиты". II, 114; „Записки Арк. Вас. Кочубея". Спб. 1890, стр. 19—23.

[2]) Былъ въ сраженіяхъ при Аустерлицѣ, гдѣ проявилъ замѣчательную храбрость, за что и произведенъ въ корнеты, и при Фридландѣ.

[3]) Въ началѣ іюля 1812 г. онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ государю и съ августа тогоже года участвовалъ во многихъ сраженіяхъ съ французами (между прочимъ 11 октября при Маломъ Ярославцѣ, въ которомъ сражался и гр. Дмитріевъ-Мамоновъ). Въ 1813 г., перейдя Эльбу въ виду непріятеля, онъ заставилъ его оставить Дрезденъ и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ и въ знаменитой четырехдневной битвѣ при Лейпцигѣ.

[4]) 31 марта ст. стиля того же года Орловъ былъ посланъ въ Фонтенебло для размѣна ратификацій трактата объ отреченіи Наполеона, причемъ разсматривались вопросы объ эскортѣ, который долженъ его сопровождать, объ объявленіи прекращенія всѣхъ военныхъ дѣйствій, объ освобожденіи военно-плѣнныхъ. (Донесеніе Орлова гр. Нессельроде).

[5]) „Рус. Стар." 1877 г. т. XX, 633 и слѣд.

скимъ сенатомъ новая конституція, одинъ изъ пунктовъ которой, повидимому, имѣлъ вліяніе на Орлова и графа Дмитріева-Мамонова при составленіи ихъ перваго политическаго проекта.

Вслѣдъ затѣмъ Орлову было дано важное дипломатическое порученіе.

5-го апрѣля 1812 г. въ Петербургѣ былъ подписанъ трактатъ, по которому Швеція обязывалась оказать помощь Александру I въ его борьбѣ съ Наполеономъ, а русскій императоръ долженъ былъ побудить Данію (съ которою у Россіи были тогда вполнѣ мирныя отношенія), уступить Швеціи Норвегію добровольно (если возможно, за вознагражденіе въ Германіи), въ противномъ же случаѣ принудить къ этому Данію силой. Этотъ союзъ былъ скрѣпленъ личнымъ свиданіемъ шведскаго наслѣднаго принца Карла-Іоанна (Бернадота) съ императоромъ Александромъ въ Або, въ августѣ 1812 г.

По договору Даніи съ Швеціею въ Килѣ (14 января 1814 г.) Норвегія была уступлена Швеціи; норвежцы не пожелали добровольно согласиться на безцеремонное распоряженіе ихъ родиною, тѣмъ болѣе, что въ норвежскомъ народѣ была очень сильна ненависть къ шведамъ, и во главѣ стремящихся къ національной независимости норвежцевъ сталъ сынъ наслѣдника датскаго престола, Христіанъ-Фридрихъ, ранѣе назначенный въ Норвегію королевскимъ намѣстникомъ и пріобрѣвшій общую любовь. Была провозглашена независимость Норвегіи, и 10 апрѣля 1814 г. было созвано собраніе выборныхъ въ Эйдсвольдѣ для рѣшенія судьбы Норвегіи и выработки ея конституціи. 17 мая весьма демократическая для того времени норвежская конституція была принята національнымъ собраніемъ, и Христіанъ-Фридрихъ избранъ былъ королемъ Норвегіи. Карлъ-Іоаннъ, наслѣдный принцъ шведскій, приблизился къ границамъ Норвегіи съ арміей въ 30.000 человѣкъ, чтобы силою добиться исполненія Кильскаго договора, а Англія и Россія обѣщали ему свою помощь [1]).

Но союзныя державы рѣшили сдѣлать попытку добиться исполненія Кильскаго трактата дипломатическимъ путемъ. 16 апрѣля ст. стиля М. Ѳ. Орловъ получилъ въ Парижѣ инструкцію отъ гр. Нессельроде, слѣдуя которой онъ долженъ былъ отправиться въ Данію и потребовать отъ короля принятія самыхъ суровыхъ мѣръ противъ принца Христіана въ случаѣ его дальнѣйшаго неповиновенія. Съ такими приказаніями датскаго короля Орловъ долженъ былъ поѣхать въ Норвегію къ принцу Христіану, причемъ ему предписывалось имѣть свиданіе со всѣми лицами, стоящими во главѣ ея управленія. Твердо заявляя о неизмѣнности рѣшенія, принятаго его государемъ, Орловъ долженъ былъ въ то же время дѣйствовать на норвежцевъ примирительными средствами, тѣмъ болѣе, что Швеція была склонна предоставить Норвегіи значительныя выгоды. Если-бы датскій кабинетъ не пожелалъ уступить требованіямъ Александра I, то Орловъ долженъ былъ заявить, что армія графа Беннигсена, подкрѣпленная корпусомъ пруссаковъ, окажетъ помощь шведской арміи. По этому же дѣлу послали къ датскому двору своихъ уполномоченныхъ Англія, Пруссія и Австрія.

Въ Даніи Орлова убѣдили, что правительство этой страны не при-

---

[1]) *Allen.* Histoire de Danemark, traduit d'après la 7-me édition danoise. Copenhague, 1879, t. II, 235—242.

чемъ въ сопротивленіи норвежцевъ, что оно вполнѣ примирилось съ мыслью о соединеніи Норвегіи съ Швеціей и находитъ даже это соединеніе естественнымъ, такъ какъ конституціонная Швеція можетъ даровать конституцію и Норвегіи (Данія же была тогда неограниченною монархіею), но что датскій король не въ состояніи заставить своего племянника Христіана-Фридриха подчиниться своимъ требованіямъ. Христіанъ не впустилъ въ Норвегію комиссаровъ короля, ссылаясь на то, что онъ не можетъ вѣрить, чтобы союзныя державы, даровавъ свободу всѣмъ народамъ, не желали бы дать ее норвежцамъ. Орловъ сообщилъ Нессельроде, что Швеція обѣщаетъ Норвегіи либеральную конституцію и требуетъ, чтобы датскій король оффиціально и публично восхвалялъ ея выгодность для Норвегіи.

22 іюня 1814 г. Орловъ отправился въ шведскій городъ Готеборгъ вмѣстѣ съ представителемъ Пруссіи, и тамъ они соединились съ представителями двухъ другихъ союзныхъ державъ. Не зная ни языка, ни мѣстныхъ обычаевъ, Орловъ пригласилъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ бывшаго русскаго генеральнаго консула въ Норвегіи, Брюне, и 30 іюня они были уже въ Христіаніи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Брюне составилъ для Орлова записку о послѣднихъ событіяхъ въ Норвегіи и настроеніи въ ней общественнаго мнѣнія, которую Орловъ переслалъ Нессельроде. Между прочимъ Брюне говоритъ въ ней, что на сеймѣ въ Эйдсвольдѣ собралось 113 депутатовъ, изъ которыхъ 33 были представителями различныхъ корпусовъ арміи, сформированныхъ по большей части изъ милиціи; такъ какъ въ составъ ея входили преимущественно земельные собственники, то и не было основаній лишать ихъ права голоса. Принцъ Христіанъ, произнеся въ сеймѣ энергичную рѣчь и указавъ на необходимость составить комитетъ изъ депутатовъ четырехъ главныхъ провинцій страны для выработки проекта конституціи, который долженъ былъ быть представленъ на одобреніе сейма, самъ уѣхалъ въ Христіанію, предоставивъ ему полную свободу дѣйствія и сообщивъ ему всѣ оффиціальные акты, появившіеся въ Даніи и Швеціи относительно присоединенія Норвегіи къ Швеціи по Кильскому договору. Конституція была одобрена сеймомъ 17 мая. Она установила въ Норвегіи ограниченную наслѣдственную монархію и въ тотъ же день Христіанъ былъ провозглашенъ норвежскимъ королемъ, а черезъ два дня онъ принесъ въ сеймѣ присягу въ томъ, что будетъ управлять Норвегіею согласно законамъ и конституціи страны. Это событіе вызвало большой энтузіазмъ: города посылали поздравительныя депутаціи и приношенія деньгами и натурою на нужды страны; дамы жертвовали свои драгоцѣнности.

Орловъ нашелъ, что Христіанъ держитъ себя съ большимъ достоинствомъ и благородствомъ, не внося въ дѣло ни малѣйшаго личнаго самолюбія. Онъ заявилъ, что можетъ сложить корону только въ руки народа, для чего нужно созвать сеймъ, и что онъ не покинетъ своего народа. «Онъ показался намъ честнымъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова», писалъ Орловъ въ своемъ донесеніи Нессельроде: «счастіе Норвегіи составляетъ главный предметъ его заботливости. Онъ справедливо думаетъ, что помѣшалъ анархіи въ странѣ», и далѣе Орловъ указываетъ на страшную ненависть норвежцевъ къ шведамъ. При дальнѣйшихъ свиданіяхъ онъ сказалъ Христіану о желаніи представителей державъ дать Норвегіи самую независимую конституцію и заявилъ, что составилъ основ-

ныя положенія уніи ея съ Швеціею въ либеральномъ духѣ, причемъ вице-король долженъ быть природнымъ норвежцемъ. Въ результатѣ четырехчасовой бесѣды Орловъ убѣдился въ искренности и прямотѣ Христіана и проникся къ нему полнымъ уваженіемъ. Однако, требуя перемирія для созванія сейма, Христіанъ рѣшительно отвергъ предлагаемое для этого условіе—сдачу наиболѣе сильныхъ крѣпостей шведамъ, соглашаясь лишь на передачу ихъ войскамъ союзныхъ державъ. Общій выводъ Орлова въ депешѣ отъ 17 іюля тотъ, что «Европа была введена въ заблужденіе относительно этого принца, какъ и относительно многихъ другихъ предметовъ».

Орловъ ѣздилъ и въ Швецію и видѣлся съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, который нашелъ условія Христіана непріемлемыми. Онъ произвелъ на представителя Россіи неблагопріятное впечатлѣніе. Новое свиданіе съ Христіаномъ не привело къ соглашенію и Орловъ, заѣхавъ въ Копенгагенъ, чрезъ Стокгольмъ возвратился въ Россію [1].

Въ Стокгольмѣ 16 августа Орловъ составилъ обстоятельную записку о своемъ посольствѣ въ духѣ, благопріятномъ для Норвегіи. «Что касается конституціи,—говоритъ Орловъ,—то принцъ Христіанъ могъ предложить Швеціи только ту, которой онъ самъ присягнулъ...; но все было предоставлено обсужденію національнаго собранія и, слѣдовательно, все могло быть измѣнено». Напротивъ, такъ какъ наслѣдный принцъ шведскій «возставалъ» противъ гарантій, то, слѣдовательно, онъ желаетъ дать норвежцамъ лишь призрачныя права, безъ всякаго ручательства, чтобы имѣть возможность отобрать ихъ по своему произволу». Признавая, въ виду категорическаго заявленія имп. Александра относительно присоединенія Норвегіи къ Швеціи, необходимость твердой политики, Орловъ предостерегалъ противъ честолюбивыхъ замысловъ Швеціи, доходящихъ до мечтаній о раздѣлѣ Даніи и напоминалъ, что Норвегія нѣкогда была очень полезна Россіи, нападая на Швецію, когда возгоралась или даже предстояла война между Швеціею и Россіею [2].

26 іюля 1814 г. началась война между Швеціею и Норвегіею, но продолжалась недолго съ перемѣннымъ счастіемъ. 14 августа въ Моссѣ были заключены перемиріе и въ тотъ же день договоръ, по которому наслѣдный принцъ шведскій Карлъ Іоаннъ отъ имени шведскаго короля призналъ норвежскую конституцію съ тѣмъ, что въ ней могли быть произведены, съ согласія норвежскаго стортинга, только тѣ измѣненія, какія вызывались уніею съ Швеціею. Христіанъ-Фридрихъ обязался отречься отъ короны въ засѣданіи стортинга, собраннаго съ этою цѣлью. 10 октя-

---

[1]) Какъ видно, онъ ѣздилъ и въ Лондонъ, такъ какъ въ коллекціи писемъ Орлова изъ Англіи къ *князю* Разумовскому 1815 г. есть помѣченное: Лондонъ 1-го сентября 1814 г. съ обращеніемъ къ *графу* (Г. А. XI, № 1347). Андр. Кир. Разумовскій былъ пожалованъ въ князья въ маѣ 1815 г. *Васильчиковъ*. „Семейство Разумовскихъ" IV, 567.

[2]) Приношу искреннюю признательность дѣлопроизводителю Главнаго Петербургскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Г. В. Бюшу, сообщившему мнѣ, что донесенія Орлова изъ Даніи, Норвегіи и Швеціи на французскомъ языкѣ, хранящіяся въ петербургскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, были извлечены норвежскимъ ученымъ Нильсеномъ (Nielsen), что дало мнѣ возможность отыскать ихъ въ печати. См. Aktsstykker vedkommende Stormagternes Mission til Kjobenhavn og Christiania i Aaret 1814, стр. 59, 169 — 246 въ изданіи Skrifter udgivne af Videnskabsselskabet i Christiania 1897, II, Historisk-filosofisk Klasse. Kristiania, 1897, № 3.

бря онъ исполнилъ это, вручивъ власть стортингу, и въ тотъ же день покинулъ Норвѣгію [1]). Вслѣдствіе дальнѣйшихъ переговоровъ стортинга съ шведскими уполномоченными, Норвегія была объявлена соединенною съ Швеціею, какъ независимое королевство, сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія въ конституціи, и 4-го ноября 1814 года Карлъ XIII, король шведскій, былъ избранъ норвежскимъ королемъ [2]).

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1816 г. [3]), какъ я уже упоминалъ (стр. 238), была помѣщена переводная статья о норвежской конституціи, въ которой было сказано, что «этотъ актъ можетъ удивленнымъ политикамъ служить за доказательство, до какой высокой степени въ наукѣ законодательства дошли европейскіе народы. Посредствомъ сего акта Норвегія, прежде столь мало значущая, занимаетъ между государствами мѣсто, съ котораго лично можетъ устремиться къ знаменитой цѣли». Система выбора членовъ стортинга была двустепенная, а затѣмъ они избирали изъ своей среды четвертую часть членовъ для образованія первой палаты (лагтингъ), а остальные три четверти составляли вторую, низшую палату (одельстингъ) [4]).

Н. Тургеневъ сообщаетъ, со словъ Орлова, что, прибывъ въ Норвегію, онъ увидѣлъ, что «дѣло норвежцевъ, возставшихъ противъ присоединенія ихъ отечества къ Швеціи, справедливо и достойно уваженія, и сообразовалъ съ этимъ свое поведеніе. Вмѣсто поддержки Бернадотъ встрѣтилъ въ лицѣ представителя Россіи противника, предубѣжденнаго противъ его притязаній, и защитника Даніи. Впрочемъ, продолжаетъ Тургеневъ, «не одинъ Орловъ находилъ дѣло норвежцевъ справедливымъ. Даже тѣ, которые принимали участіе въ отдачѣ Норвегіи Швеціи, не могли не осудить Бернадота. Я помню, какъ при мнѣ прусскій канцлеръ кн. Гарденбергъ» (въ іюнѣ 1814 г. во Франкфуртѣ) «одобрялъ возстаніе норвежцевъ, и благородныя слова его по этому поводу... Въ концѣ концовъ норвежцы сумѣли извлечь для себя пользу изъ происшедшей перемѣны» [5]).

Къ стр. 384. Познакомившись съ предшествовавшею карьерою Орлова, я считаю необходимымъ сообщить свѣдѣнія и о предшествующей жизни Дмитріева Мамонова.

Гр. Матвѣй Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, сынъ фаворита имп. Екатерины II, А. М. Дмитріева-Мамонова, родился въ 1790 г. и полу-

---

[1]) Отмѣтимъ, что, сдѣлавшись въ 1839 г. датскимъ королемъ подъ именемъ Христіана VIII, онъ только передъ самою смертью (въ 1848 г.) согласился на введеніе конституціи въ Даніи, но умеръ до объявленія ея.

[2]) *Allen.* Histoire de Dannemark II, 242—243; Hjalmar Boyesen. The history of Norway. L. 1886, p. 514—522.

[3]) Ч. 88, стр. 284—295.

[4]) Французскій переводъ норвежской конституціи см. *Dufau, Duvergier* et *Guadet.* Collection des constitutions, P. 1822, III, 322—342.

[5]) La Russie et les Russes, I, 44—45; ст. Вишницера въ „Минув. Годахъ" 1908, № 7, стр. 261. Якушкинъ въ своихъ запискахъ (изд. 1905 г. стр. 45) такъ описываетъ участіе Орлова въ рѣшеніи судьбы Норвегіи: „Орловъ былъ посланъ съ тѣмъ, чтобы убѣдить норвежцевъ совершенно присоединиться къ Швеціи и имѣть съ нею вмѣстѣ одинъ сеймъ. Но Орловъ сблизился съ тамошними либералами и дѣйствовалъ несогласно съ данными ему предписаніями. Норвегія, присоединенная къ Швеціи, но имѣя свое собственное представительство, осталась во многихъ отношеніяхъ землею отъ нея отдѣльною".

чилъ хорошее домашнее воспитаніе [1]), но унаслѣдовалъ отъ отца его чрезвычайно гордый характеръ. Ему было всего 18 лѣтъ, когда, произведенный въ камеръ-юнкеры, онъ былъ назначенъ совѣтникомъ московскаго губернскаго правленія, а вскорѣ затѣмъ былъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ шестого уголовнаго департамента сената въ Москвѣ, гдѣ проявилъ большія способности, а также смѣлость и независимость при столкновеніи съ главнокомандующимъ Москвы, графомъ Гудовичемъ, изъза своего подчиненнаго, заподозрѣннаго въ выставленіи «пасквильныхъ стиховъ» на бульварѣ и за это арестованнаго [2]).

Дмитріевъ-Мамоновъ интересовался русскою исторіей и между прочимъ собиралъ свѣдѣнія о пугачевщинѣ. Въ 1809 г. онъ купилъ, по его словамъ «на вѣсъ золота», запрещенную и потому очень рѣдкую въ Россіи книгу Кастеры «Vie de Catherine II» (1797) и написалъ на нее замѣчанія, гдѣ указываетъ на ханжество имп. Елизаветы, грабительство Шуваловыхъ, сообщаетъ, что кн. Никита Трубецкой, генералъ-прокуроръ, завѣдывавшій тайною канцеляріей, получилъ при отставкѣ фельдмаршальскій жезлъ, «тогда какъ онъ всю свою жизнь обращался съ жезломъ палача», что онъ умеръ «ненавидимый и проклинаемый» и что «ему постоянно слышались вопли и крики и мерещились тѣни невинныхъ людей», разсказываетъ, какъ «довольно беззастѣнчиво» Орловъ выпрашивалъ себѣ у Екатерины II населенныя имѣнія [3]). Отмѣтимъ, что Мамоновъ называетъ здѣсь Наполеона «великимъ человѣкомъ» [4]).

Мамоновъ принялъ участіе въ Отечественной войнѣ [5]). Когда устраивалось московское ополченіе, онъ вызвался сформировать на свой счетъ конный полкъ [6]); въ мартѣ 1813 г. Мамоновъ съ своимъ, еще не оконча-

---

[1]) Есть извѣстіе о воспитаніи его въ іезуитскомъ училищѣ во Франціи („Рус. Стар." 1890 г. № 4, стр. 182), но оно несправедливо; это обстоятельство должно было бы быть извѣстно его учителю Кичееву (ср. „Рус. Арх." 1868 г., стр. 91 и слѣд.). Извѣстіе, что Дмитріевъ-Мамоновъ воспитывался у іезуитовъ, объясняется вѣроятно тѣмъ, что его наставникомъ былъ аббатъ Дюронъ (Durons). *Tastevin.* Histoire de la colonie française de Moscou depuis les origines jusqu'à 1812. Moscou et Paris. 1908, p. 93.

[2]) Ср. *А. А. Голомбіевскій.* „Московскій бульварный стихотворецъ-сатирикъ". „Рус. Арх." 1908 г. № 2.

[3]) Ср. мою статью „Пожалованіе населенныхъ имѣній въ царствованіе Екатерины II въ „Журналѣ для всѣхъ", за 1906 г. №№ 1—2.

[4]) „Рус. Арх." 1877, III, 389—397.

[5]) За отличіе въ сраженіяхъ при Тарутинѣ 6 октября и Малоярославцѣ 12 октября 1812 г. онъ былъ награжденъ золотою саблею съ надписью „за храбрость". „Рус. Стар." 1890 г. № 4, стр. 178.

[6]) Кн. П. А. Вяземскій разсказываетъ, что по пріѣздѣ въ Москву императора Александра въ 1812 г. Мамоновъ „предоставлялъ свой ежегодный доходъ (и доходъ весьма значительный) на потребности государства во все продолженіе войны; себѣ выговаривалъ онъ только 10.000 р. (асс.) на свое годовое содержаніе. Вмѣсто того было предложено ему чрезъ гр. Растопчина сформировать на свой счетъ конный полкъ". („Полн. Собр. Соч. кн. Вяземскаго" VIII, 135). Н. Тургеневъ утверждаетъ, будто бы Дмитріевъ-Мамоновъ предлагалъ даже государю нѣсколько милліоновъ рублей, брилліантовъ на неменьшую сумму и все свое недвижимое имущество. La Russie I, 161—162. По другимъ слухамъ тетка совѣтовала Мамонову пожертвовать милліонъ и даже болѣе, но не формировывать полка, такъ какъ его воспитывали, чтобы быть не военачальникомъ, а министромъ. Р. А. 1868 г., стр. 96. Срав. слова гр. Растопчина «Рус. Арх».

тельно сформированнымъ полкомъ находился въ Ярославской губерніи [1]).

9 апрѣля онъ донесъ, что не выступилъ еще вслѣдствіе разлитія рѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жаловался на то, что даниловскій земскій судъ на просьбы его отрядить чиновника для помощи въ закупкѣ фуража отказался отъ этого и «тѣмъ явилъ новый опытъ тѣхъ безчисленныхъ безпорядковъ, о которыхъ» Мамоновъ «неоднократно доносилъ» управляющему военнымъ министерствомъ и даже самому государю [2]).

1875 г. т. II, 310. „Полкъ Мамонова былъ замѣчательно щегольски обмундированъ, имѣлъ двѣ смѣны одежды для солдатъ и неимовѣрное количество бѣлья, часть котораго была оставлена на мѣстѣ, такъ какъ невозможно было... взять его съ собою". Воспоминанія *И. А. Арсеньева*. „Историческій Вѣстникъ" 1887 г. № 2, стр. 359.

[1]) 12 марта 1813 года Александръ I указомъ, даннымъ управляющему военнымъ министерствомъ, въ награду за „усердіе и пожертвованіе немаловажной суммы на покупку лошадей, вещей и содержаніе полка" произвелъ Дмитріева-Мамонова въ генералъ-маіоры и назначилъ шефомъ формируемаго полка, при чемъ ему было предоставлено укомплектовать его своими крѣпостными и навербованными людьми, для чего полкъ долженъ былъ прослѣдовать черезъ Москву, чтобы скорѣе обмундировать его изъ заготовленныхъ Мамоновымъ вещей (оружіемъ же долженъ былъ снабдить его коммиссаріатъ). Продовольствіе полка и жалованіе со времени указа государя должно было принять на счетъ казны. Дмитріеву-Мамонову было предписано слѣдовать въ Москву и заняться какъ можно скорѣе приведеніемъ полка въ окончательный видъ; онъ могъ вербовать только людей „свободнаго состоянія" и не имѣющихъ никакихъ законныхъ препятствій ко вступленію на службу, а также не старыхъ и не увѣчныхъ и заключать съ ними „капитуляціи" на 5—10 лѣтъ съ обѣщаніемъ выгодъ, предоставленныхъ именнымъ указомъ 5 марта 1810 года (черезъ пять лѣтъ службы прибавка трети окладного жалованья, черезъ 10 лѣтъ—половины, черезъ 20 лѣтъ желающимъ продолжать службу—двойное жалованіе) и съ тѣмъ, чтобы на основаніи именного указа 10 февраля 1811 г. всѣ поступившіе на службу по капитуляціи имѣли право получить отставку немедленно (П. С. З. XXXI, №№ 24.147, 24.519). На запросъ управляющаго военнымъ министерствомъ, можно ли расквартировать формируемый Мамоновымъ полкъ въ Москвѣ, гр. Растопчинъ отвѣчалъ, что для этого нѣтъ свободныхъ казармъ, главное же неудобство состоитъ въ томъ что съ водвореніемъ полка „возникнутъ снова безпорядки, жалобы, вербованіе и воровство, чему уже много было примѣровъ". Вслѣдствіе этого Мамонову было предписано прослѣдовать съ его полкомъ чрезъ Москву, въ Серпуховъ, гдѣ легко можно получить изъ Москвы разныя вещи, необходимыя для обмундированія, а затѣмъ выступить въ резервную армію прямо въ Слонимъ. Военно-ученый Архивъ, I отд. № 336.

[2]) Такъ какъ мѣстные жители не продавали фуража или продавали „по неимовѣрнымъ цѣнамъ", то Мамоновъ съ курьеромъ донесъ, что полкъ не имѣетъ болѣе возможности квартировать въ селѣ Вятскомъ. Ярославскій же губернаторъ, кн. Мих. Голицынъ, на сдѣланный ему запросъ, 1 мая отвѣчалъ, что гр. Мамоновъ сначала самъ отказался отъ содѣйствія члена земскаго суда, а когда онъ оказался нужнымъ, то былъ откомандированъ въ Вятское, гдѣ и исполняетъ немедленно всѣ требованія полка. Кн. П. А. Вяземскій, поступившій въ мамоновскій полкъ, говоритъ, что когда онъ стоялъ въ Ярославской губ., гр. Мамоновъ „воевалъ оффиціальными бумагами съ ярославскимъ губернаторомъ княземъ Голицынымъ. Мы всѣ однополчане стояли за начальника своего". „Русс. Арх." 1866 г., стр. 232. Ср. „Полн. Соб. соч. кн. Вяземскаго"; VIII, 184; Арх. Соб. Е. Вел. Канц., дѣло № 731.

Въ сентябрѣ 1813 году, по повелѣнію государя, казачій полкъ Дмитріева-Мамонова былъ направленъ въ Могилевскую губернію. Въ 1814 году онъ былъ уже заграницею [1]). Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ мѣстечкѣ Биллингенѣ великаго герцогства Баденскаго произошло столкновеніе полка Мамонова съ мѣстными жителями и квартировавшимъ тамъ австрійскимъ отрядомъ [2]).

Незадолго до этого событія Мамоновъ писалъ импер. Александру I: «Въ краю, гдѣ расположенъ нынѣ ввѣренный мнѣ полкъ, непріязненныя, или, лучше сказать, вражія расположенія жителей и правительства до того возрасли, что всякая маленькая русская команда, отдѣльно идущая, подвергается обидамъ и оскорбленіямъ, которыя хладнокровно могутъ сноситься одними нѣмцами, прикрывающими личиною русскаго мундира ненависть свою къ русскому и любовь къ природнымъ врагамъ нашимъ. Въ здѣшнемъ краю большая часть офицеровъ, командующихъ русскими солдатами,—нѣмцы же, изъ коихъ иные не знаютъ ни слова по-русски, служа въ русской службѣ. Всѣ отношенія русскихъ войскъ къ здѣшнимъ жителямъ, правильность, долженствующая господствовать между ими... сими чиновниками искажается... Всякому нѣмцу предоставлено оскорблять русскаго солдата.., а русскому преграждаются самые пути отыскивать на нѣмцѣ... Русскій солдатъ, удаленный отъ родины своей и ими притѣсненный.., огорченъ симъ несказанно... Положеніе сіе толико несносно зрѣть русскому, что я умоляю в. и. в... позволить мнѣ не быть въ здѣшнемъ краю, дабы не быть свидѣтелемъ всего того, что претерпѣваютъ завоеватели Европы, русскіе, народъ вашъ, отъ народа, пріобыкшаго рабствовать и возвышающагося надъ подданными вашими потому только, что в. и. в-ву... неизвѣстно то, что иноземцы, русскими называющіеся, позволяютъ тѣмъ иноземцамъ, кои ненавидятъ Россію и алчатъ ея гибели, что доказано тѣми мятежами, коихъ я былъ очевидный свидѣтель, и подобные сему вѣроятно искусно скрываемы отъ в. и. в-ва» [3]).

Какъ столкновеніе одного изъ эскадроновъ Мамоновскаго полка съ жителями нѣмецкаго мѣстечка, такъ вѣроятно и тонъ донесенія Мамонова Александру I, необычный въ подобныхъ оффиціальныхъ бумагахъ, повели къ тому, что военная карьера Дмитріева-Мамонова не была продолжительна. По свидѣтельству кн. П. Вяземскаго, вслѣдствіе описанныхъ

---

[1]) Въ немъ числилось тогда 40 штабъ и оберъ-офицеровъ и 679 нижнихъ чиновъ. Военно-ученый Архивъ, I отд. № 336.

[2]) Въ русскихъ офицеровъ и солдатъ стали бросать каменья, бревна, желѣзные молотки и проч., вслѣдствіе чего нѣкоторые офицеры были тяжело ушиблены, а многіе рядовые ранены, иные—тяжело. Жителями предводительствовали нѣкоторые квартировавшіе тамъ австрійскіе саперы; двое изъ нихъ смертельно ранили русскаго казака, а одинъ, назвавшійся офицеромъ, бросился съ кортикомъ на самого Мамонова, но былъ схваченъ русскими офицерами. Дмитріевъ-Мамоновъ велѣлъ взять одного изъ наиболѣе виновныхъ въ безпорядкахъ и наказалъ его, „какъ наказываютъ виноватыхъ солдатъ“ въ нашей арміи. Въ донесеніи имп. Александру онъ оправдывался тѣмъ, что командовавшаго австрійцами офицера, котораго онъ не разъ требовалъ къ себѣ на помощь, съ самаго утра не было въ мѣстечкѣ. Одинъ спящій казакъ былъ задушенъ. Подобное же происшествіе случилось и въ селеніяхъ, гдѣ квартировалъ другой эскадронъ.

[3]) „Русс. Арх.“ 1871 г., стр. 0121 — 0123; Арх. Соб. Е. Вел. Канц. № 731. Въ Германіи у Мамонова возникли какія-то непріятности съ ген. Эртелемъ.

уличныхъ безпорядковъ и драки полкъ Мамонова былъ расформированъ и его казаки были зачислены въ какой-то гусарскій полкъ. Это должно было очень раздражить Мамонова, но нѣкоторое время онъ еще продолжалъ службу. По окончаніи войны онъ присоединился въ Москвѣ къ «обширному кружку недовольныхъ: порицалъ, фрондировалъ, бранилъ». Въ февралѣ 1816 г. онъ былъ уволенъ за границу до излѣченія болѣзни и, повидимому, въ томъ же году вышелъ въ отставку. По возвращеніи изъза границы онъ сталъ вести совершенно затворническую жизнь въ своемъ подмосковномъ имѣніи Дубровицы [1]). Съ 1817 г. у него началась психическая болѣзнь; Вяземскій полагалъ, что причинами ея были «неограниченное самолюбіе и *бѣдственность положенія нашего*» [2]). Сопоставивъ эти слова съ письмомъ Мамонова къ Александру, мы можемъ понять ихъ лишь въ томъ смыслѣ, что его сильно раздражали политическія и общественныя неурядицы Россіи. Это еще яснѣе изъ его переписки съ М. Ѳ. Орловымъ и тѣхъ плановъ преобразованій, которые они вырабатывали. (См. стр. 386—389, 392—395, 398—415).

Отмѣчу одну черту міросозерцанія Матв. Ал. Дм.-Мам.: онъ держался свободныхъ взглядовъ относительно религіи. Говорятъ, что еще при генералъ-губернаторѣ кн. Голицынѣ моск. митропол. Филаретъ посѣтилъ Мамонова съ цѣлью уговорить его говѣть, но посѣщеніе это не увѣнчалось успѣхомъ и впослѣдствіи объ этомъ не было уже и рѣчи [3]) Въ запискахъ, которыя онъ велъ и которыя были похищены у него во время болѣзни, онъ говоритъ: «Мнѣ, наконецъ, надоѣло читать всѣ эти трактаты, писанные въ разныя времена, чтобы доказать бытіе Бога. Къ несчастію, эти писанія въ пользу Бога сдѣлали болѣе невѣрующихъ, чѣмъ нечестивыя творенія безбожниковъ. Не разумнѣе ли было бы меньше говорить и писать, а больше чувствовать, мыслить и, главное, дѣйствовать такъ, какъ бы мы готовились предстать предъ Бога...! Но дѣло въ томъ, что вѣдь такъ легко пачкать бумагу... и такъ трудно быть добродѣтельнымъ... ради одной добродѣтели! Есть даже что-то неловкое, смѣшное въ тѣхъ пріемахъ, къ которымъ прибѣгаютъ эти непрошенные защитники Божества, когда они берутся объяснять предвѣчныя тайны и оправдывать существованіе нравственнаго и физическаго зла. Почти всегда они придаютъ Божеству мелочность своихъ собственныхъ воззрѣній» [4]).

Уже изъ приведенныхъ выше слуховъ о предложенныхъ Мамоновымъ пожертвованіяхъ видно, что онъ былъ очень богатъ. По вѣдомостямъ, составленнымъ его опекунами въ 1853 г., у него было по 9-й ревизіи 12.981 душа крестьянъ м. п. и ежегодный доходъ съ этихъ имѣній превосходилъ 76.000 р., да кромѣ того въ московской дворянской опекѣ хранился капиталъ въ 197.000 р. [5]). Въ 1860 году, по 10-й ревизіи, Мамонову принадлежало уже около 15.000 душъ крестьянъ м. п. при 90.000 десятинъ земли, расположенныхъ въ десяти губерніяхъ и 29 уѣздахъ [6]),

---

[1]) „Рус. Арх.“, 1868 г. стр. 104, 97, 103, 88. „Пол. Собр. Соч. кн. Вяземскаго“, VIII, 136.

[2]) „Остафьевскій Архивъ“, II, 347.

[3]) „Рус. Стар.“ 1890 г. № 4 стр. 180.

[4]) „Рус. Арх.“ 1868 г., стр. 89., 1896 г. № 1, стр. 53, 60.

[5]) Рук. Публ. Библ. (Отч. Пуб. Биб. за 1896 г., стр. 23).

[6]) Въ 1789 г. отцу Мамонова было пожаловано Екатериною II 2.250 душъ муж. п., нарочно для него купленныхъ,

затѣмъ у него была дача въ Москвѣ на Воробьевыхъ горахъ, домъ въ Петербургѣ и капиталъ болѣе 200.000 рублей въ билетахъ государственнаго банка. Все имѣніе было не заложено, и капиталъ черезъ четыре года возросъ до 500.000 рублей. Наконецъ, въ кладовыхъ московской дворянской опеки хранилось принадлежащихъ Мамонову золотыхъ, серебряныхъ и брилліантовыхъ вещей примѣрно на 200.000 рублей [1]),

Къ стр. 406.

Въ той день проліется злато—струею, и сребро—потокомъ.
Возстанутъ ли безсмысленные на мудрыхъ и слабые на крѣпкихъ!
Москва просіяетъ, яко утро, и Кіевъ, яко день.
Возстанутъ ли безсмысленные на мудрыхъ и слабые на крѣпкихъ!
Богатства Индіи и перлы Голконда проліются на пристанихъ Оби и Волги,
И станетъ знамя россовъ у Понта Средиземнаго.
Возстанутъ ли безсмысленные на мудрыхъ и слабые на крѣпкихъ!
Исчезнетъ, какъ дымъ утренній, невѣжество народа,
Народъ престанетъ чтить кумировъ и поклонится проповѣдникамъ правды.
Возстанутъ ли безсмысленные на мудрыхъ и слабые на крѣпкихъ!
Въ той день водрузится знамя свободы въ Кремлѣ,—
Съ сего Капитолія новыхъ времянъ поліутся (sic) лучи въ дальнѣйшія земли.
Возстанутъ ли безсмысленные на мудрыхъ и слабые на крѣпкихъ!
Въ той день и на камняхъ по стогнамъ будетъ написано слово,—
Слово нашихъ времянъ свобода!
Возстанутъ ли безсмысленные на мудрыхъ и слабые на крѣпкихъ!
Богу единому да воздастся хвала! [2]).

Къ стр. 409. Быть можетъ, къ этому обществу имѣетъ отношеніе показаніе Перетца о томъ, что Ѳ. Н. Глинка сказалъ ему: «Можно бы удесятерить успѣхъ» (т. е. усилить тайное общество, къ которому, по словамъ Перетца, онъ принадлежалъ вмѣстѣ съ Глинкою), «если бы присоединиться къ обществу Елисаветы, желавшему будто возвести на престолъ... государыню императрицу Елисавету Алексѣевну, котораго знаки будто состояли въ *ёлкѣ* и *книгѣ завѣта*, на печати вырѣзанныхъ; говорилъ онъ такимъ тономъ, будто ему сдѣлалось о томъ извѣстно по службѣ». Г. А. I В. № 66, л. 72об.—73.

Но Глинка совершенно отрицалъ извѣстіе о знакахъ елки и книги завѣта, а обществомъ Елисаветы называлъ масонскую ложу Елизаветы къ Добродѣтели. Г. А. I В. № 82 и 48. Напомнимъ, что въ совѣщаніи 1820 г. на его квартирѣ (см. стр. 444—446) Глинка предлагалъ возвести на престолъ имп. Елизавету Алексѣевну.

Къ стр. 416—417. Сопоставивъ слова Тургенева о тайныхъ обществахъ въ его дневникѣ съ отрывкомъ оттуда же о чтеніи въ это время соч. Адама Вейсгаупта, является предположеніе, не были ли навѣяны размышленія о необходимости тайныхъ обществъ сочиненіемъ Вейсгаупта «Pythagoras oder Betrachtungen über die geheime Welt-und Reigierungs-Kunst.» I Band. 1790.

---

[1]) „Рус. Стар." 1890 г. № 4, стр. 179.
[2]) Гос. Арх. I В. № 15, л. 63—64.

Къ стр. 417. Очень точную дату основанія Союза Спасенія, или Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества, указываетъ въ своихъ показаніяхъ и запискахъ кн. С. П. Трубецкой. Въ самомъ первомъ показаніи онъ заявилъ: «Первое начатіе общество приняло здѣсь въ Петербургѣ въ 1816 г. 9 февраля». Что общество основано въ 1816 г., Трубецкой повторяетъ и въ показаніяхъ 23 и 25 декабря 1825 г. Наконецъ, ту же дату, 9 февраля 1816 г., онъ указываетъ и въ своихъ запискахъ (стр. 12). Н. П. Павловъ-Сильванскій полагаетъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ Трубецкой ошибся на цѣлый годъ и что общество основано не 9 февраля 1816 г., а въ тотъ же день 1817 г. [1]). Но дѣло въ томъ, что нужно отличать основаніе общества отъ составленія его устава. Якушкинъ, одинъ изъ учредителей Союза Спасенія, разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ было положено основаніе обществу, какъ при этомъ было пока только рѣшено составить его уставъ и какъ, затѣмъ, вслѣдствіе перехода въ 37-й егерскій полкъ, ему пришлось уѣхать изъ Петербурга. Чрезъ нѣкоторое время, *въ началѣ 1817 г.*, Якушкинъ пріѣхалъ въ Москву (стр. 6—9). Очевидно, общество было основано въ 1816 г. Это видно и изъ того, что въ этомъ году Якушкинъ перешелъ изъ Семеновскаго въ 37-й Егерскій полкъ, стоявшій въ Черниговской губ. [2]). Якушкинъ говоритъ, что уже послѣ его отъѣзда изъ Петербурга былъ принятъ въ общество Пестель. Было ли это въ 1816 или 1817 г.? На это самъ Пестель въ показаніи 13 января 1826 г. отвѣчаетъ, что первую бесѣду объ учрежденіи тайнаго общества онъ велъ осенью 1816, а общество составилось въ январѣ 1817 г. Но изъ его же показанія 6 апрѣля 1826 г. видно, что уставъ общества «Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества» былъ принятъ въ началѣ 1817 г., слѣдов. онъ отожествлялъ составленіе общества съ принятіемъ его устава, а что въ дѣйствительности Пестель уже въ 1816 г. былъ членомъ этого тайнаго общества, видно изъ воспоминаній Сергѣя Павловича Шипова. Лѣтомъ 1816 г. онъ получилъ отпускъ на 4 мѣсяца. Возвратясь въ Петербургъ 4 ноября 1816 г., онъ узналъ (отъ брата своего Ивана Павловича), что въ отсутствіе его, С. П. Шипова, составилось тайное общество, котораго душою былъ Пестель и что братъ его, И. П. Шиповъ, вступилъ въ него [3]). Пестель скоро самъ пріѣхалъ къ С. П. Шипову и убѣждалъ его вступить въ общество, полезность учрежденія котораго онъ подтверждалъ ссылкою на примѣръ прусскаго Тугендбунда, но тотъ, по его словамъ, отказался [4]). Слѣд. осенью 1816 г. Пестель былъ уже членомъ тайнаго общества, а онъ не принадлежалъ къ числу первыхъ его учредителей и вступилъ въ него уже послѣ отъѣзда изъ Петербурга Якушкина. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Союзъ Спасенія былъ основанъ 9 февраля 1816 г., какъ утверждаетъ Трубецкой. Якушкинъ во время

---

[1]) Рецензія на записки кн. С. Н. Трубецкого въ журналѣ „Былое“ 1907 г. № 5, стр. 312.

[2]) *Дириг.* „Ист. л.-гв. Семеновскаго полка“, 1883, т. II. Прилож. стр. 196. Въ 37 Егерскомъ полку Якушкинъ принялъ въ Общество его командира М. А. фонъ-Визина, который поэтому и относитъ основаніе Общества къ концу 1816 г. „Библіотека Декабристовъ“, М. 1907, вып. IV, 89.

[3]) Ив. П. Шиповъ, признаетъ, что вступилъ въ тайное общество въ 1816 г., хотя и называетъ его Союзомъ Благоденствія.

[4]) „Русскій Архивъ“ 1878, т. II, 153. Однако есть нѣсколько показаній (въ томъ числѣ С. Трубецкого) о принадлежности къ этому Обществу и С. Шипова).

слѣдствія показалъ, что совѣщаніе основателей общества, на которомъ онъ присутствовалъ, происходило въ 1816 году, а въ началѣ 1817 года, уже въ Москвѣ, онъ узналъ, что общество занимается составленіемъ устава. Никита Михайловичъ Муравьевъ, въ показаніяхъ во время слѣдствія, изображаетъ дѣло такимъ образомъ, что въ продолженіе 1816 г. шли лишь переговоры объ основаніи общества, но „послѣ многихъ совѣщаній дѣло разошлось безъ всякихъ послѣдствій", что затѣмъ, уже послѣ отъѣзда Якушкина съ Ал. Н. Муравьевымъ, основателемъ общества, вступили въ союзъ кн. Трубецкой и Пестель; послѣдній взялся написать уставъ и оно „возъимѣло свое начало въ февралѣ 1817 г. подъ именемъ Союза Спасенія" [1]. Но относительно Трубецкого мы имѣемъ прямое показаніе Якушкина, что онъ участвовалъ въ самыхъ первыхъ совѣщаніяхъ объ устройствѣ общества еще до отъѣзда Якушкина [2]. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ показалъ на слѣдствіи, что „общество воспріяло свое существованіе въ С.-Петербургѣ, кажется, въ 1816 г.; принятъ я въ оное въ 1817 г., въ началѣ". Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ также относилъ свое вступленіе въ тайное общество къ 1817 г.

Очевидно они считали тутъ существованіе Общества лишь съ составленія устава, но оба они участвовали въ самыхъ раннихъ совѣщаніяхъ о немъ въ 1816 году. Братъ Никиты Муравьева, Александръ Михайловичъ, относитъ въ своихъ воспоминаніяхъ основаніе Тайнаго Общества къ 1816 г. [3]. Кн. Ѳ. П. Толстой, хотя и называетъ Тайное Общество „благотворительнымъ" и, вѣроятно, умышленно не отличаетъ его отъ Союза Благоденствія, такъ какъ называетъ членами его и нѣкоторыхъ членовъ этого послѣдняго союза, говоритъ, будто бы онъ былъ принятъ въ него въ 1815 г. Комаровъ, не бывшій членомъ Союза Спасенія, но слышавшій о немъ отъ Пестеля, полагаетъ также, что онъ былъ основанъ въ концѣ 1815 или въ началѣ 1816 г.

Имѣя въ виду всѣ эти показанія, составитель „Донесенія слѣдственной коммиссіи" сдѣлалъ выводъ, что совѣщанія объ основаніи перваго тайнаго общества относятся къ 1816 г., а формальное открытіе (очевидно, на основаніи показанія Никиты Муравьева) относитъ къ февралю 1817 г.

Въ первый, доуставный, періодъ существованія общества, т. е. въ 1816 г., членами его были Александ. Ник. Муравьевъ, Никита Мих. Муравьевъ, Якушкинъ, кн. С. П. Трубецкой, С. И. и Матв. Иван. Муравьевы-Апостолы, нѣсколько позднѣе П. И. Пестель, Ив. Пав. Шиповъ, М. А. Фонъ-Визинъ, вѣроятно, уже въ этомъ году Новиковъ и Ѳ. Н. Глинка [4]. Какъ офицеръ Семеновскаго полка, довольно рано присоединился къ Союзу и кн. Ѳ. П. Шаховской [5].

---

[1]) *Довнаръ-Запольскій.* Мемуары декабристовъ, 1906 г., стр. 46.

[2]) Записки Якушкина, стр. 6—7.

[3]) *Shiemann.* Die Thronbesteigung Nikolaus I, 164.

[4]) Въ числѣ членовъ Общества въ 1816 г. Трубецкой называетъ и Вл. Ив. Пестеля, ничтожнаго брата великаго человѣка, *но спѣшитъ прибавить:* „давно отсталъ".

[5]) Въ своемъ показаніи во время слѣдствія онъ говоритъ: *„По возвращеніи гвардіи изъ похода въ 1815 г. я узналъ отъ Матвѣя Муравьева о намѣреніи нѣкоторыхъ лицъ составить Общество на подобіе такового же Тугенбунда* (sic). Уставъ Общества сего былъ мнѣ сообщенъ Никитою Муравьевымъ и въ продолженіе времени былъ я присоединенъ участвующимъ".

По показанію на слѣдствіи С. Трубецкого, въ 1816 г. въ обществѣ было мало членовъ, „кажется не болѣе 10—12“. Якушкинъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что во время его отсутствія (въ 1816—17 гг.) въ Петербургѣ „было принято много членовъ“ (стр. 10), но все же въ суммѣ количество членовъ Союза Спасенія было, повидимому, сравнительно весьма не велико. Кн. Илья Долгоруковъ, по его показанію, былъ принятъ въ Общество въ началѣ 1817 г., но 10 апрѣля уѣхалъ изъ Петербурга за границу. Вѣроятно, въ 1817 г. былъ принятъ въ члены Бурцовъ, который лѣтомъ 1817 г. принялъ въ общество двухъ молодыхъ людей, только что окончившихъ курсъ въ лицеѣ,—Ив. Ив. Пущина и Вольховскаго [1]). Въ 1817 г. въ Москвѣ вошелъ въ Общество Лунинъ. Членами общества были также Илья Бибиковъ [2]), Мих. Ник. Муравьевъ и Петръ Колошинъ. Двое послѣднихъ, вмѣстѣ съ Бурцовымъ, а также и Якушкинъ и Фонъ-Визинъ несочувственно отнеслись къ уставу Союза [3]), составленному Пестелемъ, что и повело къ составленію новаго устава, на основаніи котораго дѣйствовалъ съ 1818 г. не Союзъ Спасенія, а Союзъ Благоденствія.

Среди показаній членовъ польскаго тайнаго Патріотическаго Общества есть слѣдующее показаніе Ворцеля въ переводѣ и въ польск. копіи: „О россійскихъ“ (тайныхъ) „обществахъ догадывался еще въ 1815 г, по возвращеніи изъ Франціи корпуса войскъ, тамъ остававшихся (po powrocie korpusu okuppacyinego z Francyi), ибо я видѣлъ, что офицеры сего корпуса, квартируя въ имѣніяхъ моихъ и сосѣдей моихъ, тайно сходились между собою (miewali między sobą schadzki sekretne), не говоря никому о причинѣ того. Посему легко было можно заключить, что между ними существуетъ какой-то тайный союзъ. Я утвердился въ мнѣніи семъ, услышавъ отъ полковника Ностица, что сіи офицеры имѣютъ между собою какія-то тайныя связи (tayne towarzystwa), но онъ не сказалъ мнѣ никакихъ въ семъ отношеніи подробностей; только присовокупилъ, что его хотѣли вовлечь, однако-жъ, онъ отказался [4])“. Тутъ явная хронологическая ошибка: корпусъ русскихъ войскъ, оставленный во Франціи въ 1815 году, возвратился въ Россію не въ 1815 г., а только въ 1818 г. [5]), слѣдовательно, тутъ дѣло идетъ о Союзѣ Благоденствія.

Къ стр. 420. Въ дѣлѣ о цензурѣ Министерства Полиціи въ „списокъ книгъ, не представленныхъ въ эту цензуру и не разсмотрѣнныхъ ею, но такихъ, которыя, судя по критическимъ отзывамъ, напечатаннымъ въ иностранныхъ журналахъ и другимъ свѣдѣніямъ, вѣроятно, должны быть запрещены“ (Дѣло Арх. Соб. Е. Вел. Канц. № 1534, л. 120 и слѣд.) подъ № 84 значится: „Freimütige Blätter für Deutsche in Beziehung auf Krieg, Politik und Staatswissenschaft in zwangslosen Heften. Berl. 1815 bis November, 5 Hefte“. Изъ этого видно, что чрезъ цензуру членамъ Тай-

---

[1]) *Л. Майковъ.* Пушкинъ, стр. 69.

[2]) Записки С. Трубецкого, 12.

[3]) О сообщеніи М. Н. Муравьевымъ устава Союза Спасенія на разсмотрѣніе Александру Мих. Бакунину см. разсказъ *Кропотова*: „Жизнь гр. М. Н. Муравьева“, Спб. 1874 г., стр. 207—208.

[4]) Госуд. Арх. I В. № 327, л. 857 (перев.); польск. копія № 325, л. 296.

[5]) См. „Чтен. Общ. Ист. и Древ. Росс.“ 1858 г., т. IV. Смѣсь, стр. 67—76 (отчетъ гр. Воронцова по возвращеніи войска изъ Франціи) и Б. Б—въ „Очеркъ пребыванія войскъ во Франціи съ 1815 по 1818 г.“, въ „Военномъ Сборникѣ“, 1901 г., №№ 5 и 6.

наго Общества не удалось бы получить этого изданія, гдѣ былъ напечатанъ уставъ Tugendbund'a.

Къ стр. 428. Я. Н. Толстой въ приложеніи къ письму къ имп. Николаю изъ Парижа отъ 17 октября 1826 г. говоритъ, что въ 1819—20 г. былъ членомъ „политическаго общества Добра и Правды", членамъ котораго ставилось въ обязанность „стараться искоренять зло въ государствѣ, заниматься изобрѣтеніемъ новыхъ постановленій, сочиненіемъ проектовъ для удобнѣйшаго средства къ освобожденію крестьянъ и присвоенія новыхъ правъ разнымъ сословіямъ государства" (Арх братьевъ Тургеневыхъ въ библіотекѣ Академіи Наукъ). Кн. Е. П. Оболенскій въ своемъ показаніи о томъ же обществѣ, которое онъ относилъ къ 1817 (?) или 1818 г., говоритъ, что „ближняя" его цѣль была „распространеніе просвѣщенія, улучшеніе нравственности молодыхъ людей, занятіе должностей гражданскихъ съ цѣлію не только исполненія вполнѣ обязанностей, но уничтоженія лихоимства и проч...; наконецъ, общество надѣялось достичь тихаго и непримѣтнаго переворота въ правленіи государства". Въ другомъ своемъ показаніи, о членѣ этого общества Токаревѣ (умершемъ въ 1821 г.), Оболенскій признался въ „отмѣну" прежняго своего заявленія, что былъ членомъ Союза Благоденствія, а не Добра и Правды (Гос Арх. I В. № 244, л. 14). Слѣдовательно оба приведенныя выше показанія о цѣляхъ Союза Добра и Правды относятся къ Союзу Благоденствія.

Къ стр. 428. Въ русскомъ корпусѣ, оставленномъ послѣ 1815 г. на время во Франціи и которымъ командовалъ кн. М. С. Воронцовъ, кромѣ обыкновенныхъ школъ были устроены четыре ланкастерскихъ училища, или школы взаимнаго обученія, для чего въ Мобёжѣ было напечатано въ 1817 г. и особое руководство, составляющее сокращенный переводъ съ французскаго языка. Въ іюнѣ 1818 г. вел. князь Михаилъ Павловичъ осматривалъ школу въ Мобёжѣ, въ которой учились 300 русскихъ солдатъ, и остался ею очень доволенъ, узнавъ, что многіе солдаты въ три мѣсяца выучивались очень хорошо читать и писать. Первое время имп. Александръ интересовался ланкастерскими школами и сочувствовалъ ихъ учрежденію. Въ сентябрѣ 1818 г. Н. И. Тургеневъ посѣтилъ ланкастерскую школу въ военно-сиротскомъ отдѣленіи въ Петербургѣ и вынесъ изъ нея благопріятное впечатлѣніе. Ученіе велось тамъ по таблицамъ, присланнымъ изъ Парижа С. И. Тургеневымъ или привезеннымъ Гречемъ. Но у насъ съумѣли внести и свои „усовершенствованія" въ систему Бэля и Ланкастера: „заставили учениковъ вертѣться кругомъ, топать, ходить въ нитку и въ ногу" и т. п. Въ концѣ 1818 г. Н. И. Гречу было поручено устройство центральной школы для обученія солдатъ гвардейскаго корпуса. Школа помѣщалась въ просторныхъ залахъ казармъ л.-гв. Павловскаго полка, и въ нее набраны были ученики (до 250 человѣкъ) изъ всѣхъ полковъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько грамотныхъ унтеръ-офицеровъ, которые и сдѣланы были учителями. Начальникомъ школы былъ назначенъ штабсъ-капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Бурцовъ, который именно около этого времени былъ принятъ въ члены Союза Благоденствія. Въ концѣ второго мѣсяца солдаты выучивались читать, многіе порядочно писали. Однажды неожиданно пріѣхалъ начальникъ главнаго штаба кн. П. М. Волконскій, осмотрѣлъ школу съ явнымъ неудовольствіемъ и сдѣлалъ нѣсколько замѣча-

ній Бурцову за несоблюденіе солдатами формы. Бурцовъ вскорѣ послѣ этого перешелъ на службу во вторую армію къ П. Д. Киселеву. Въ іюлѣ 1819 г. школу посѣтилъ Александръ I и остался очень доволенъ ею. По утвержденному государемъ положенію, изданному въ мартѣ 1820 г., предполагалось устроить училище на 100 человѣкъ въ каждомъ пѣхотномъ полку, на 50 въ каждомъ кавалерійскомъ полку, отдѣльномъ батальонѣ и артиллерійской бригадѣ. Предполагалось, что всѣ эти училища вмѣстятъ 2150 человѣкъ. Въ нихъ должно было происходить взаимное обученіе чтенію, письму и первымъ правиламъ ариѳметики. Для образованія и управленія училищами должны были употребляться преимущественно офицеры и солдаты, обученные въ школѣ гвардейскаго корпуса; при каждой школѣ назначался инспекторъ изъ офицеровъ полка и кромѣ того, по усмотрѣнію командира гвардейскаго корпуса,—директоръ всѣхъ гвардейскихъ училищъ взаимнаго обученія. Такимъ директоромъ былъ назначенъ Гречъ. Прежде всего школы взаимнаго обученія были учреждены въ Преображенскомъ, Московскомъ, Егерскомъ и Кавалергардскомъ полкахъ. Затѣмъ заведены были 2 училища солдатскихъ дочерей полковъ гвардіи. Школа для солдатъ въ Семеновскомъ полку была только подготовлена, но открытой она должна была быть въ началѣ 1821 г.

Однимъ изъ слѣдствій семеновской исторіи было удаленіе Греча отъ наблюденія за ланкастерскими школами въ полкахъ въ Петербургѣ. Государь послѣ волненія Семеновскаго полка высказалъ подозрѣніе относительно дурного вліянія на солдатъ Греча въ письмѣ къ Васильчикову отъ 10 ноября 1820 г. Вслѣдъ затѣмъ въ присланныхъ Васильчикову замѣчаніяхъ, вызванныхъ семеновскою исторіею, имп. Александръ между прочимъ написалъ: «По многимъ замѣчаніямъ на школы взаимнаго обученія, желательно-бы было, чтобы обращено было особенное вниманіе на счетъ тѣхъ людей, кои обучались въ общей школѣ, бывшей въ казармахъ Павловскаго полка, какъ со стороны нравственности и поведенія ихъ, такъ и дисциплины и военнаго повиновенія, и не сохранили ли какихъ сношеній съ г. Гречемъ?» Васильчиковъ не сталъ защищать Греча, но написалъ, что на эти школы обращено вниманіе «съ самаго начала сей исторіи. По свѣдѣніямъ», полученнымъ Васильчиковымъ, солдаты, обучавшіеся въ школѣ, которая была подъ наблюденіемъ Греча, «ведутъ себя хорошо». Тѣмъ не менѣе начальникъ Гвардейскаго корпуса находилъ нужнымъ удалить Греча и предполагалъ представить къ пріѣзду государя «новое образованіе» этихъ школъ. Въ письмѣ къ Волконскому отъ 9 декабря Васильчиковъ писалъ: «я посылаю вамъ бумагу относительно устраненія Греча отъ мѣста; мнѣ кажется, что мы очень хорошо можемъ обойтись безъ этой личности, *которая пока еще не сдѣлала никакого зла, но которая могла бы его сдѣлать* (!); школы будутъ продолжаться подъ непосредственнымъ надзоромъ начальниковъ полка и подъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія».

Гречъ былъ призванъ къ управляющему министерствомъ внут. дѣлъ Кочубею, и тотъ въ присутствіи Фока, директора особенной канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ (соотвѣтствовавшей позднѣйшему III отдѣленію собственной его величества канцеляріи) сталъ разспрашивать его о солдатскихъ школахъ. Гречъ отвѣчалъ, что онѣ идутъ плохо и что полковые командиры мало радѣютъ какъ о существующихъ, такъ и о заведеніи новыхъ. Кочубей спросилъ, хорошо ли учились семеновскіе солдаты,

и былъ крайне удивленъ, что они еще вовсе не учились, потому что въ ихъ полку школы не было; это подтвердилъ и Фокъ. Въ Семеновскомъ полку уже были устроены классы для школы, назначены учащіеся, но Гречъ въ пей не бывалъ. Уже предположено было открытіе школы на 18 октября, но пришлось отложить его до 19, такъ какъ на 18 было назначено открытіе школы въ л. гв. Гренадерскомъ полку. Однако тутъ случилось извѣстное волненіе, и школа въ Семеновскомъ полку не открывалась. Мы видимъ, что государь заподозрилъ Греча во вліяніи на солдатъ не въ школѣ Семеновскаго полка, а въ той школѣ, устроенной въ Павловскихъ казармахъ, гдѣ были солдаты всѣхъ полковъ гвардіи. Какъ бы то ни было, мѣсто директора полковыхъ школъ, которое занималъ Гречъ, было уничтожено. Исторія эта, какъ писалъ Волконскому самъ Васильчиковъ, обратила на себя вниманіе общества и вызвала много разговоровъ. Утверждали, что ланкастерскія школы запрещены и что невинный человѣкъ оклеветанъ властями [1]).

Къ стр. 485. Гавріилъ Степановичъ Батеньковъ родился въ 1793 г. въ Томскѣ. По окончаніи курса въ тобольскомъ военносиротскомъ отдѣленіи онъ былъ опредѣленъ во 2-й кадетскій корпусъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ подружился съ В. Ѳ. Раевскимъ, извѣстнымъ впослѣдствіи членомъ Союза Благоденствія и южнаго общества. «Съ нимъ проводили мы», говоритъ Батеньковъ въ своемъ показаніи, «цѣлые вечера». Отъ «патріотическихъ мечтаній», вызываемыхъ событіями, предшествовавшими 1812 г., они перешли къ «свободнымъ идеямъ», поддерживаемымъ «ненавистью къ фронтовой службѣ». Съ Раевскимъ, разсказываетъ Батеньковъ, «въ первый разъ осмѣлился я говорить о царѣ, яко о человѣкѣ, и осуждать поступки съ нами цесаревича». Весною 1812 г. Батеньковъ и Раевскій были выпущены прапорщиками въ артиллерію. Идя на войну, они разстались съ Раевскимъ друзьями «и обѣщались сойтись» со временемъ, чтобы осуществить одушевлявшія ихъ идеи. Покрытый ранами, Батеньковъ упалъ безъ чувствъ въ сраженіи подъ Монмиралемъ во Франціи въ 1814 г. и былъ взятъ въ плѣнъ французами, но затѣмъ, освобожденный русскими войсками, вновь продолжалъ службу во время заграничнаго похода.

Въ 1815 г. онъ находился нѣкоторое время по обязанностямъ службы въ Варшавѣ, гдѣ и вышелъ въ отставку вслѣдствіе столкновенія съ своимъ начальникомъ. Пребываніе за границей должно было оказать развивающее вліяніе на Батенькова, какъ и на множество его товарищей военныхъ, и это вліяніе могло быть только усилено пребываніемъ въ центрѣ жизни поляковъ, знавшихъ уже выгоды конституціоннаго строя и готовившихся получить новую конституцію отъ имп. Александра. Во время пребыванія за границей, по словамъ Батенькова, «мысли о разныхъ родахъ правленія... утвердились» въ немъ «практическими примѣрами», и онъ «началъ имѣть желаніе видѣть въ своемъ отечествѣ болѣе свободы».

Выдержавъ, благодаря своимъ замѣчательнымъ способностямъ къ математикѣ, экзаменъ въ институтѣ путей сообщенія, Батеньковъ отпра-

---

[1]) Когда Гречъ явился къ Васильчикову съ просьбой выяснить причину его удаленія, тотъ отвѣчалъ, что его личность тутъ не причемъ, что мѣра эта принята по просьбѣ полковыхъ командировъ, которые не желаютъ болѣе раздѣлять съ кѣмъ бы то ни было надзоръ за ихъ школами, и что если бы государь былъ имъ недоволенъ, то его замѣнили бы другимъ.

вился въ 1816 г. на службу въ Сибирь по этому вѣдомству. Въ 1819 г. онъ получилъ нѣсколько писемъ отъ В. Ѳ. Раевскаго. Изъ нихъ Батеньковъ увидѣлъ, что Раевскій является «дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлѣ освобожденія Россіи»; онъ приглашалъ и его на это «поприще», т. е. очевидно предлагалъ ему сдѣлаться членомъ Союза Благоденствія. Но Батеньковъ въ это время собирался жениться и отвѣчалъ Раевскому совѣтомъ «оставить всѣ опасныя предпріятія». Однако Раевскій не послѣдовалъ этому увѣщанію (см. о немъ выше, стр. 431—3). Съ назначеніемъ Сперанскаго генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, Батеньковъ дѣлается его дѣятельнымъ сотрудникомъ въ выработкѣ нѣкоторыхъ проектовъ относительно Сибири. Сперанскій, по словамъ Батенькова, обратилъ его не только «въ юриста-практика»; ему казалось даже, что онъ «сдѣлался знатокомъ въ теоріи законодательства», и онъ «сталъ надѣяться достигнуть первыхъ гражданскихъ должностей». По возвращеніи въ 1821 г. въ европейскую Россію, Батеньковъ вновь получилъ письмо отъ Раевскаго, но отвѣчалъ ему въ прежнемъ духѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ назначенъ былъ правителемъ дѣлъ Сибирскаго комитета, познакомился съ литераторами Жуковскимъ, Воейковымъ и Гречемъ; на вечерахъ у Греча, который въ то время сильно либеральничалъ, Батеньковъ встрѣчался съ братьями Бестужевыми и Рылѣевымъ. «Въ сіе время Петербургъ», разсказываетъ Батеньковъ, «былъ уже не тотъ, какимъ оставилъ я его прежде за 5 лѣтъ. Разговоры про правительство, негодованія на оное, остроты, сарказмы встрѣчались безпрестанно, коль скоро нѣсколько молодыхъ людей были вмѣстѣ». Батеньковъ «пустился въ литературу [1]), въ политическіе толки».

Съ этимъ плохо вяжется то, что въ 1823 г. онъ поступилъ на службу и къ Аракчееву членомъ совѣта военныхъ поселеній. Не смотря на то, что «военныя поселенія представили» Батенькову «страшную картину несправедливостей, притѣсненій, наружнаго обмана, низостей—всѣ виды деспотизма», онъ почти три года провелъ на этой службѣ, пользуясь расположеніемъ гр. Аракчеева. Тѣмъ не менѣе жизненныя впечатлѣнія усиливали въ немъ развитіе либерализма [2]).

На пути изъ Москвы въ Петербургъ размышленія о греческихъ дѣлахъ привели его къ мысли о Россіи, и Батеньковъ жалѣлъ, что наше «географическое положеніе не представляетъ никакой удобности къ возстанію».

Въ Петербургѣ у директора Американской компаніи Прокофьева Ба-

---

[1]) Онъ напечаталъ нѣсколько статей о Сибири въ „Сынѣ Отечества“. 1820-хъ годовъ, которыя были переведены на нѣмецкій языкъ. *С. А. Венгеровъ*. „Критико-біогр. словарь рус. писат. и ученыхъ“, II, 226. Вѣроятно, это статьи, напечатанныя въ „Сынѣ Отечества“ 1822—23 гг., т. 81, 83—85.

[2]) „Зрѣлище военныхъ поселеній и Западной Сибири, угнетаемой самовольнымъ и губительнымъ управленіемъ, общее внутреннее неустройство, общія жалобы, бѣдность, упадокъ и стѣсненіе торговли, ученія и самыхъ чувствъ возвышенныхъ, неосновательность и бездѣйствіе законовъ..., все съ одной стороны располагало не любить существующій порядокъ, съ другой же думать, что революція близка и неизбѣжна... Въ Москвѣ, въ генварѣ 1825 г., пришла мнѣ въ первый разъ мысль, что поелику революція въ самомъ дѣлѣ можетъ быть полезна и весьма вѣроятна, то непремѣнно мнѣ должно въ ней участвовать и быть лицомъ историческимъ“.

теньковъ встрѣчался съ Рылѣевымъ. Однажды у нихъ начался споръ по поводу правительственнаго гоненія на стихи Языкова о новгородцахъ. Батеньковъ сталъ упрекать Рылѣева, что они, не принося пользы, только раздражаютъ правительство. Рылѣевъ началъ убѣждать своего собесѣдника, что это нужно, что если мы и дольше будемъ спать, то никогда не добьемся свободы, и сталъ вспоминать о древнемъ свободномъ государственномъ строѣ Россіи (см. выше, стр. 258).

Большую часть лѣта 1825 г. Батеньковъ прожилъ въ Грузинѣ, имѣніи Аракчеева, занимался дѣлами по устройству училищъ кантонистовъ, постройками по военнымъ поселеніямъ и т. д. Любопытно, что въ этой аракчеевской обстановкѣ онъ занимался чтеніемъ сочиненій Байрона, а во время вечернихъ прогулокъ обдумывалъ планъ государственныхъ преобразованій въ духѣ конституціи, основанной на двухпалатной системѣ и существованіи родовой аристократіи. Батенькову пришлось въ началѣ августа обѣдать въ имѣніи Аракчеева съ Шервудомъ, который возвращался изъ Петербурга послѣ подачи государю доноса на декабристовъ. 10 сентября въ Грузинѣ была убита дворовыми за ея жестокость любовница Аракчеева Минкина; это такъ поразило всесильнаго временщика, что онъ самовольно бросилъ всякія занятія, какъ по военнымъ поселеніямъ, такъ и по другимъ государственнымъ дѣламъ, и приказалъ не присылать къ нему даже пакетовъ, получаемыхъ отъ государя [1]). Черезъ мѣсяцъ за обѣдомъ у Прокофьева много говорили объ этомъ «отреченіи» гр. Аракчеева, и А. А. Бестужевъ обратилъ вниманіе на то, что рѣшительный поступокъ одной молодой дѣвушки «производитъ такую важную перемѣну въ судьбѣ 50 милліоновъ. Послѣ обѣда стали говорить о томъ, что у насъ совершенно исчезли великіе характеры и люди предпріимчивые». Батеньковъ съ Бестужевымъ стали мечтать о томъ, какъ хорошо было бы Россіи «подъ свободнымъ правленіемъ»; Батеньковъ выразилъ сожалѣніе, «что нѣтъ средствъ приняться за столь полезное дѣло и что по всей вѣроятности нѣтъ людей», которые «могли бы поддержать конституціонное правленіе». Бестужевъ отвѣчалъ, что уже есть люди, «которые на все рѣшились». Батеньковъ заявилъ, что «не былъ бы русскимъ, если-бъ отсталъ отъ нихъ... Перевороты снизу, отъ народа опасны», добавилъ онъ, «и лучшее средство — придумать такъ, чтобъ овладѣть самымъ слабымъ пунктомъ въ деспотическомъ правленіи, то есть верховною властью, употребивъ интригу или силу».

Въ ноябрѣ 1825 г. Батеньковъ подалъ въ отставку отъ службы въ военныхъ поселеніяхъ вслѣдствіе дурныхъ отношеній съ Клейнмихелемъ и былъ немедленно уволенъ [2]).

Въ нѣкоторыхъ показаніяхъ Батеньковъ совершенно отрицалъ свое участіе въ Тайномъ Обществѣ, но показаніе 18 марта 1826 г. отличается совершенно другимъ характеромъ. «Странный и ничѣмъ для меня неизъяснимый припадокъ» (говоритъ въ немъ Батеньковъ), «продолжавшійся во время производства дѣла, унизилъ моральный мой характеръ... Постыднымъ образомъ отрицался я отъ лучшаго дѣла въ моей жизни. Я

---

[1]) *Шильдеръ* IV, 347, 358—359.

[2]) Гос. Арх. I В. № 359, л. 97—106; *Довнаръ-Запольскій* „Мемуары декабристовъ" 159—169; ст. о Батеньковѣ въ «Русск. Стар.» 1889 г., № 8 и *П. М. Головачева* въ изд. М. М. Зензинова „Декабристы 86 портретовъ". М. 1906 г.

не только былъ членъ Тайнаго Общества, но членъ самый дѣятельный... Тайное Общество наше отнюдь не было крамольнымъ, но политическимъ. Оно, выключая развѣ немногихъ, состояло изъ людей, коими Россія всегда будетъ гордиться. Ежели только возможно, я имѣю полное право и готовность раздѣлять съ членами его все,—не выключая ничего. Болѣзнь во время слѣдствія по всей справедливости не должна бы лишать меня сего права. Цѣль покушенія не была ничтожна, ибо она клонилась къ тому, чтобъ ежели не оспаривать, то по крайней мѣрѣ привести въ бореніе права народа и права самодержавія, ежели не имѣть успѣха, то по крайней мѣрѣ оставить историческое воспоминаніе. Никто изъ членовъ не имѣлъ своекорыстныхъ видовъ. Покушеніе 14 декабря не мятежъ, какъ къ стыду моему именовалъ я его нѣсколько разъ» (въ показаніяхъ), «но первый въ Россіи опытъ революціи политической, опытъ почтенный въ бытописаніяхъ и въ глазахъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ. Чѣмъ менѣе была горсть людей, его предпріявшая, тѣмъ славнѣе для нихъ, ибо хотя по несоразмѣрности силъ и по недостатку лицъ, готовыхъ для подобныхъ дѣлъ, гласъ свободы раздавался не долѣе нѣсколькихъ часовъ, но и то пріятно, что онъ раздавался» [1]).

Во время слѣдствія Батеньковъ былъ несомнѣнно нѣсколько психически разстроенъ. Насколько въ болѣе раннихъ его показаніяхъ сказывается упадокъ духа, настолько въ показаніи 18 марта, значительную часть котораго мы только что привели, Батеньковъ преувеличиваетъ свою роль, когда говоритъ: «предпріятіе, планъ его, цѣль покушенія,—все мнѣ принадлежитъ или во всемъ я принималъ великое участіе». Но приведенныя слова о великомъ значеніи дѣла декабристовъ одни изъ лучшихъ во всемъ слѣдственномъ дѣлѣ, и вѣроятно за эти слова, а также за мечты не только о роли члена временнаго правленія, но даже члена регентства (въ случаѣ объявленія государемъ малолѣтняго в. к. Александра Николаевича) и роли «утвердителя въ Россіи представительнаго правленія» [2]), отомстилъ Батенькову имп. Николай, не отправивъ его на 20-лѣтнюю каторгу, къ которой онъ былъ приговоренъ, а выдержавъ его всѣ эти годы въ одиночномъ заключеніи, и при томъ почти все время при томъ ужасномъ режимѣ, который былъ установленъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ [3]). По продолжительности тюремнаго заключенія, вынесеннаго нашими борцами за освободительное движеніе, Батенькова превзошли только мученики-шлиссельбуржцы 1884—1905 гг., и еще болѣе поляк Валеріанъ Лукасинскій, проведшій въ тюремномъ заточеніи 46 лѣтъ, большею частью, а именно 37 лѣтъ въ Шлиссельбургѣ.

Къ стр. 604. Отмѣтимъ еще одинъ любопытный фактъ изъ жизни Костюшки. 2-го апрѣля 1817 года онъ явился въ Золотурнѣ (въ Швейцаріи) къ мѣстному присяжному нотаріусу и просилъ записать слѣдующую его волю. Убѣдившись, что крѣпостное состояніе противно естественному закону и благосостоянію края, онъ, Костюшко, освобождаетъ, какъ теперешнихъ своихъ крестьянъ, такъ и всѣхъ ихъ потомковъ въ его имѣніи Сѣхнови-

---

[1]) Гос. Арх. I В. № 359, л. 90—91.

[2]) Показаніе 20 марта 1826. Г. А. I В. № 359, л. 93.

[3]) Изъ хранящагося въ Архивѣ Деп. Полиціи дѣла о декабристѣ Корниловичѣ видно, что Корниловичъ, привезенный изъ Сибири въ 1827 г. и вновь посаженный въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ содержался 5 лѣтъ, добился разрѣшенія повидаться съ Батеньковымъ.

чахъ въ Польшѣ, въ Брестскомъ воеводствѣ (въ Кобринскомъ уѣздѣ), объявляетъ всѣмъ жителямъ имѣнія, что съ этихъ поръ они люди свободные и дѣйствительные вотчинники собственности, которую до тѣхъ поръ имѣли, и освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ безъ исключенія платежей, поборовъ и личной службы помѣщику. Имѣніе же и дворъ Сѣхновичи онъ отдавалъ навсегда своей племянницѣ Эстковой. Документъ этотъ былъ напечатанъ въ «Сельской газетѣ» (Gazeta Wiejska» 1817 г. № 27), которая издавалась въ Варшавѣ. Въ его имѣніи было 53 души. Газетное извѣстіе было доведено гродненскимъ губернаторомъ до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ Петербургѣ, при чемъ онъ пояснилъ, что въ 1775 г. Костюшко заложилъ это имѣніе родной сестрѣ и шурину. Министерство внутреннихъ дѣлъ не нашло возможнымъ входить въ разсмотрѣніе этого дѣла, такъ какъ завѣщаніе Костюшки будто бы «распространяется лишь на личную свободу» крестьянъ, на что нѣтъ ихъ согласія, и не предъявлено въ русскомъ присутственномъ мѣстѣ, имѣніе находится въ залогѣ, есть и другія денежныя претензіи, требующія судебнаго разбирательства, а между тѣмъ неизвѣстно, осталось ли послѣ Костюшки какое-либо другое имущество, достаточное для уплаты его долговъ. Арх. Мин. Внутр. Дѣлъ, Дѣла о свободныхъ хлѣбопашцахъ, № 181; ср. (Korzon) «Kościuszko», 539—540.

Къ стр. 209 (прим.). Уже послѣ того, какъ предшествующія страницы были набраны и сверстаны, кн. Д. И. Шаховской, сообщилъ мнѣ каталогъ библіотеки его дѣда, декабриста кн. Ѳ. П. Шаховского въ имѣніи его жены Орѣховцѣ (Ардатовскаго уѣзда Нижегородской губ.), написанный его рукою въ 1824 г. Ѳ. П. Шаховской былъ женатъ на внучкѣ извѣстнаго историка кн. М. М. Щербатова, княгинѣ Нат. Дм. Щербатовой отецъ которой учился въ Кёнигсбергскомъ университетѣ, когда тамъ былъ профессоромъ знаменитый философъ Кантъ [1]). Орѣховецкая библіотека была богата превосходными сочиненіями по всѣмъ областямъ знанія и литературы: богословію, юриспруденціи, философіи, педагогикѣ, политикѣ, политической экономіи, статистикѣ, естествознанію, математикѣ, военнымъ наукамъ, изящнымъ искусствамъ, литературѣ, исторіи и географіи. Всего въ каталогѣ 1824 г.—1026 названій на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и латинскомъ языкахъ, при чемъ нѣкоторыя книги быть можетъ принадлежали къ библіотекѣ М. М. Щербатова, но огромное большинство сочиненій было пріобрѣтено Шаховскимъ, который, живя въ Орѣховцѣ, [2]) самымъ гуманнымъ образомъ относился къ крестьянамъ. [3]). Въ библіотекѣ кн. Шаховского были почти всѣ тѣ сочиненія, которыя чаще другихъ отмѣчались декабристами въ ихъ показаніяхъ, какъ наиболѣе повліявшія на развитіе ихъ міросозерцанія: Монтескье, Филанджіери, Ж. Ж. Руссо, де-Лольма, Бентама, Бенжамена Констана [4]), Биньона, г-жи Сталь, Беккаріи, Вольтера, Гельвеція, Гольбаха, Рейналя, Вейсса, Адама Смита, Сэя, Байрона, исторія Карамзина, „Теорія налоговъ“ Н. Тургенева и друг. Въ его библіотекѣ были и „Les Ruines“ Вольнея,

---

[1]) „Записки Д. Н. Свербеева“, I, 123—128.

[2]) Кн. Ѳ. П. Шаховской поселился здѣсь съ женою послѣ своей отставки, полученной имъ 3 февраля 1822 г.

[3]) См. мою статью „Н. И. Тургеневъ о крестьянскомъ вопросѣ въ царствованіе имп. Александра I“. „Вѣстн. Евр.“ 1909 г. № 2, стр. 576—577.

[4]) Не было, однако, сочиненія Дэтю-де-Траси.

сочиненія обоихъ Лакретелей, сочиненія Шиллера и Гете, „Le Censeur Européen“ Ш. Конта и Дюнойе, книга гр. Стройновскаго „О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“, книги и брошюры о Западной Европѣ и Америкѣ первой четверти XIX вѣка [1]), много произведеній греческихъ и римскихъ классиковъ. Приношу искреннюю признательность Д. П. Шаховскому за сообщеніе интереснаго каталога и не могу не выразить пожеланія, чтобы онъ, на основаніи имѣющихся у него неизданныхъ матеріаловъ, написалъ біографію его дѣда, окончившаго жизнь узникомъ въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ.

Къ стр. 314 и 320. Въ донесеніи Новосильцова имп. Александру $\frac{29\ \text{Окт.}}{10\ \text{Нояб.}}$ 1821 г. есть любопытное указаніе, подтверждающее мое мнѣніе, что Л. Треска вовсе не былъ шпіономъ: упомянувъ объ отправленіи въ этотъ самый день государю донесенія цесаревича Константина Павловича объ арестѣ испанскаго полковника „Треско“ (sic), показавшагося подозрительнымъ, Новосильцовъ прибавляетъ, что въ разговорѣ съ генераломъ Курутого „Треско“ ссылался на покровительство гр. Каподистріи, съ которымъ, по его словамъ, онъ путешествовалъ въ 1818 г., былъ въ Корфу у родственниковъ графа, а оттуда отправился въ Константинополь, гдѣ и начались его несчастія. Военно-ученый Архивъ, отд. I, № 1028 А.

Къ стр. 386 (прим.). Вязмитиновъ, вѣроятно по приказанію имп. Александра, сдѣлалъ Растопчину запросъ о Семёнѣ, на что тотъ отвѣчалъ 20 января 1813 г. „Французъ Семенъ, употребленный въ типографіи г. Всеволожскаго, человѣкъ хитрый и умный, принадлежитъ такъ, какъ и книгопродавецъ Алларъ, къ сектѣ иллюминатовъ. Онъ покушался много разъ завести ложу и по найденнымъ у него бумагамъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ оказался человѣкомъ весьма злонамѣреннымъ противъ правительства, но дѣло сіе, способомъ покровительства осталось безъ дальняго слѣдствія“. *П. Дубровинъ.* „Отечественная война въ письмахъ современниковъ“. Спб. 1882 г., стр. 458. Ср. *Б. Л. Модзалевскій.* „Авг. Ив. Семёнъ, изъ „Печатнаго Искусства“). Спб. 1903.

---

[1]) Упомянутое А. В. Поджіо сочиненіе объ Америкѣ „Вордена“ (см. стр. 227) какъ видно изъ каталога библіотеки Ѳ. П. Шаховского, имѣетъ во французскомъ переводѣ слѣдующее заглавіе: „Description statistique, historique et politique des Etats Unis de l'Amerique Septentrionale depuis l'epoque des premiers Etablissements jusqu'à nos jours par D. B. Warden. Edition traduite sur celle d'Angleterre. P. 1820. 5 v. in 8°.

Указатель.

Августъ, Октавіанъ. 27, 202.
Августъ III, кор. польск., 22.
Авенель, 597.
Аврамовъ, учитель математики, 305.
Аврамовъ, порутч., дек., 101.
Авойе-де-Ваттевиль, (L'Avoyé de Watteville), 372.
Агапьевъ, 345.
Адріановъ, 88.
Азаисъ, 213.
Азаревичъ, 537.
Аксамитовскій Викент., 359.
Александръ, герцогъ Виртембергскій, 369, 655.
Александръ I, вел. кн., цес. и импер., 5, 20, **30—33**, 34, 35, 36, 38, **41**, 46, 48, 55, 60, 61, 63, 64, 65, **68—81**, 83, 92, 94, 97, 100, 102, 106, 109, 111, 114, 130, 146, 149, 150, 155, 156, 157, 159, 160, 163, 166, 167, 168, 169, 170, 172, 176, 178, 182, 186, 189, 191, 192, **193—194**, 195, 197, 201, 211, 214, 218, 219, 221, 224, 232, 236, 238, 241, 246, 249, 254, 261, 263, **264—275, 278—279, 281—283, 284—285**, 287, 297, 307, 315, 316, 319, 320, 327, 328, 332, 333, 338, 346, 348, 352, 359, 360, 372, 374, 375, 376, 381, 382, 387, 390, 394, 396, 410, 431, 442, 444, 447, 448, 466, 485, 486, 521, 540, 578, 585, 586, 590, 601, 602, 608, 611, 614, 636, 641, 643, 654, 655, 660, 665, 666, 667, 673, 679.
Александръ Никол., вел. кн., 486, 489, 500, 677.
Алексѣевъ, 298, 302.
Алексѣевъ, чл. гос. сов., 48.
Алексѣевъ Д. Л., 297.
Алексѣевъ Н. С., 315.
Алексѣевъ Ст. Лар., 297.
Алексѣенко, 95.
Алексѣй Михайловичъ, 259.
Алленъ, 92, 93, 660, 663.
Алопеусъ, 257.
Ангальтъ гр., 21.
Андерсонъ, 324, 325, 336, 341, 342, 343, 344.
Андреевичъ 2-й Як. Мих., дек., 116, 228.
Андріане, 376, 377.
Анжеберъ-де, 53, 72, 73, 265, 267, 280, 284.
Аничковъ Е. В., 180.
Анна, кор. англ., 2.
Анна Іоанновна имп., 3, 38, 259—260, 387, 388.
Анна Леопольдовна, 260, 652.
Анненковъ Ив. Алкдр., дек., 205, **222—223**, 490.
Анненковъ П. В., 436.
Антуанета, герц. Виртембергская, 369, 375.
Аракчеевъ гр., 63, 79, **84—85**, 121, 127, 131, 151, 156, 162, 163, 167, 168, 170, 171, 173, 174, 175, 177, 183, 190, 220, 230, 245, 590, 618, 654, 675, 676.
Араповъ, 233.
Арбузовъ А. А., дек., 176, 177, 223, 257, 491.
Армфельтъ, 71.
Арндтъ Э. М., 241, 589.
Арсеньевъ, пажъ, 203.
Арсеньевъ, И. А. 401, 406, 665.
Арсеньевъ К. И., 66, 184, 201, **218**, 361,
Аскеназы Сем. Владислав., 53, 59, 72, 73, 74, 77, 111, 187, 188, 193, 207, 241, 248, 265, 280, 283, **285**, 306, 312, 344, 360, 367, 375, 520, 567, 568, 641.
Артуа гр., 235.
Б—въ Б., 671.
Бабёфъ, 376, 628.
Багалѣй, 184.
Баденi Мартинъ, 603.
Базенъ, 245.
Базилевскій см. Богучарскій.
Байронъ, 218—9, 229, 233, 255, 365, 676, 678.
Бакунинъ Алкдр. Мих., 671.
Бакунинъ Александ. Павл., 304, 322 (ошибочно напечатано Вас. Мих.), 657.

Балясъ, 200.
Балашовъ, 87, 88, 648, 649, 650.
Вантышъ-Каменскій Д. Н., 301.
Барановъ, 494, 495, 497.
Баратаевъ кн. М. П., 295, 322, 334, 335, 336, 337, 339, 348, 349—350, 351, 361—364, 366, 408, 428.
Барклай-де-Толли, 113, 330, 360, 378.
Барковъ Д. Н., 435, 436.
Барокци, 314.
Бартеневъ П. И., 40, 126, 315, 340, 501.
Бархатовъ, 188.
Барятинскій, кн. Алкдр. Ив. дек., 200, 474.
Басаргинъ Н. Вас. дек., 106, 126, 205, 501, 609.
Батеньковъ Гавр. Степ. дек., 82, 85, 86, 87, 93, 94, 99, 103, 159, 176, 182, 200, 203, 220, 229, 255, 258, 293, 322, 348, 354, 414, 447, 483, 485—488, 490, 491, 492, 494, 495, 496, 497, 499—500, 540, 575, 590, 598, 637, 658, 674—677.
Баумгартенъ, 244.
Бахтинъ, 59.
Бёберъ, 346, 362, 363.
Безбородко кн. А. А., 33—34.
Безобразовъ, 597.
Беккарія, 65, 225, 227—229, 500, 577, 678.
Беллингсгаузенъ, 567.
Бенкендорфъ А. Х., 91, 136, 137, 138, 141, 142, 143, 144, 146, 151, 152—153, 288, 408, 410, 442, 495, 550.
Беннигсенъ гр., 660.
Бентамъ Іерем., 39, 55, 61, 65, 181, 215, 216, 218, 219, 225, 227, 229, 500, 509, 524, 530, 535, 545, 577, 594, 627, 678.
Бергасъ, 375.
Бернадотъ(Карлъ-Іоаннъ, насл. принцъ шведскій), 660, 662, 663.
Бернгарди, 178, 265, 266.
Бернардо, 314.
Бернацкій, 605.
Бертенъ де Во, 597.
Бестужевъ А. А. (Марлинскій), дек., 90, 97, 98, 99, 100, 103, 122, 124, 177, 184, 189, 190, 192, 203, 206, 218—219, 223, 226, 229, 230, 232, 257, 259—260, 439, 447, 455, 472, 474, 489, 490, 497, 499, 540, 575, 581, 582, 599, 675, 676.
Бестужевъ Мих. А., дек., 204, 206, 434, 446, 475, 585.
Бестужевъ Ник. Алкдр., дек. 84, 176, 206, 218, 229, 230, 231, 239, 250, 286, 293, 322, 439, 450, 472, 474, 475, 485, 490, 491, 496, 497, 499, 581, 620, 635, 675.
Бестужевъ Петръ А., дек. 107, 221—222, 580, 616.
Бестужевъ-Рюминъ М. П., дек., 110, 124, 158, 165, 166, 225—226, 262, 299, 309, 491, 494, 538, 541, 542, 543, 544, 545, 549, 550, 553, 640, 641, 643, 644.
Бетховенъ, 436.
Бибиковъ, А. И., 6.
Бибиковъ, Илья Гавр., 289, 322, 657, 658, 671.
Бидерманъ К., 240, 594.
Вильбасовъ Вас. Алексѣев., 392.
Виньонъ, 218, 219, 223, 224, 229, 678.
Вирономъ, 260.
Бистромъ, 82, 142, 145.
Блазовскій, 359, 360.
Бланъ Луи, 377.
Блудовъ Д. Н., 393, 442.
Блунчли, 242.
Блэкстонъ, 12, 17—18, 34.
Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й Ник. С. дек., 227, 292.
Бобровскій, 435.
Бобровъ Е., 201.
Богдановичъ Мод. И., 92, 156, 165, 170, 171, 174, 175, 193, 200, 284, 612.
Богдановичъ Т. А., 577.
Богурскій, 358, 359.
Богучарскій В. Я. (Базилевскій) 207, 259, 301, 305, 312, 313, 359, 641, 642.
Бойезенъ, 663.
Бойченко, 140.
Бокъ Тим. Эберг., 63—65, 192.
Болотовъ А. Т., 21, 22.
Болтинъ, 533.
Болтонъ Кингъ, 367.
Бомарше, 21, 225, 229.
Бональдъ, 61, 215, 556.
Бонневиль Н., 403—404.
Борисевичъ, 80.
Борисовъ 1-й Андр. Ив., дек., 552.
Борисовъ 2-й Петр. Ив., дек., 110, 116, 227—228, 310—312, 551—553, 586, 629, 645.
Боровковъ, 301, 325, 328, 334, 336, 352, 495.
Боровскій, 184.
Бороздинъ А. К., 78, 79, 89, 90, 91, 97, 98, 108, 262, 395, 414, 455, 475, 485, 540, 575, 580, 581, 582, 598, 599.
Боссюэ, 383.
Боуръ, 112.
Боясинскій, 73.
Брагинъ, 140, 162, 164.
Брадке фонъ, 84, 169, 177, 178.
Брайловскій, 221.
Брайсъ, 453, 459, 461, 514.
Брандесъ, 211.
Бранковичъ, 314, 315.
Бржескій, 99, 655
Бригенъ *) фонъ деръ Алкдр. Өед., 209, 221, 322, 434, 439, 445, 446, 494, 657.
Брикнеръ проф. 32.

*) Хотя такіе близкіе друзья А. Ѳ. фонъ деръ Бригена, какъ Н. И. Тургеневъ и В. А. Жуковскій пишутъ его фамилію: Бригтенъ, но самъ онъ подписывался: Бригенъ.

Брозинъ, 294.
Брокгаузъ, 171, 444.
Броневскій, 224.
Брутъ, 25, 109, 220, 245, 371.
Брюкнеръ, 20.
Брюне, 661.
Будри де (Маратъ), 203.
Букингамъ, 17.
Буланже, 227.
Булатовъ Алкдр. декабр., 78, 80, 82, 84, 86, 91, 94, 100, 111, 159.
Булгаковъ С. Н., 422, 621.
Булгари гр. Ник. Яковлев., дек., 176.
Булгари гр. Яковъ, **255—256**, 322.
Булгаринъ Ѳ., 100.
Буонарроти Филиппъ, **376—377**, 537.
Бурбоны, 75, 237, 257, 294, 370, 382.
Бургенъ, 364.
Бурцовъ Ив. Григ., 202, 204, 278, 279, 292, 299, 437, 442, 446, 671, 672, 673.
Бутзъ, 224, 655.
Бутурлинъ Д. П., 106, 145, **153—154**, 219.
Бычковъ И. Ае., 39.
Вѣгичевъ, 307, 309.
Бѣлавинъ Вас. Ив., 439.
Бѣляевъ 1-й Алкдр. Петр. дек., **102**, 111, 114, 176, 207, 209, 223, 234, 245, 257, 292, 365, 491.
Бѣляевъ 2-й Петръ Пет., дек. 107, **223**, 257, 491.
Бэль, 428, 429, 672.
Бюрламаки, 225.
Бюшъ Г. В., 662.

В-штейнъ С., 211, 486.
Вадимъ, 321.
Вадковскій И., полк. Семен. полка, 114, 136, 137, 141, 142, 143, 144, 147, 148, 164, 192.
Вадковскій Ѳ. Ѳ., дек., 175, 176, 256, 490.
Варадиновъ, 103.
Васильевскій В. Г., 645.
Васильчиковъ А. А., 382, 386, 662.
Васильчиковъ Илар. Вас., 82, 83, 84, 120, 130, 137, 138, 139, 141, 142, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 157, 158, 160, 161, 162, 163, 248, 249, 393, 396, 397, 673, 674.
Ваттель, 227.
Вахтенъ, 115.
Вашингтонъ, 27, 109, 225, 432, 507, 508, 514.
Вейдемейеръ, 652, 653.
Вейль, 209, 377.
Вейсгауптъ Адамъ, 294, 295, 361, 427, 668.
Вейссъ, 223, 226, **227**, 228, 229, 678.
Веланскій, 219.
Веллингтонъ герц., 78.
Вельтманъ, 254.
Вельшингеръ, 211, 596.
Вейнбергъ, П. И., 230.
Венгеровъ С. А., 67, 231, 239, 254, 269, 320, 435, 438, 675.
Веневитиновъ Д. В., 233.
Венеціановъ, 344, 345.
Веннингъ Джонъ, 93.
Вержбовскій проф., 187.
Вержбовскій, канд. медицины, 366—367.
Вержейскій, 115, 116.
Вернадская, 216.
Веселовскій Алексѣй Н., 218, 229, 435.
Вигель, 81, 83, 90, 151, 165, 216, 294, 315, 354, 448, 449.
Вильдеманъ, 380.
Вилькоржевскій Валент., **356—361**.
Виноградовъ П. Г., 480.
Випперъ Р., 390.
Витгенштейнъ гр. Петръ Христ., 113, 117, 253, 298, 316, 317, 318, 319, 501.
Витроль бар., 75.
Виттъ гр., 174, 178.
Виттъ-де, 160, 161.
Вишницеръ М. Л., 205, 390, 595, 435, 520, 522, 555, 663.
Віельгорскій гр. М. Ю., 326, 335, 336, 337, 339, 346.
Владимірскій-Будановъ, 561.
Вобланъ, 597.
Водовозова М. И. 422, 530, 621.
Водовозовъ В. В., 481.
Водовозовъ Н. В., 422, 621.
Воейковъ, 138, 139, 147.
Военскій К. А., 314.
Войнаровскій, 223.
Волабелль, 76, 107, 235, 243, 377, 597.
Волковъ Г. М., 430, 431.
Волконскій кн. Мих. Никит., 11, 579.
Волконскій кн. Петръ М., 83, 84, 120, 121, 139, 145, 150, 153, 157, 160, 161, 164, 167, 248, 261, 296, 308, 316, 317, 318, 319, 321—322, 376—377, 430, 431, 672, 673, 674.
Волконскій кн. С. Г., дек., 154, **207—208**, 209, 230, 234, 248, 273, 290, 299, 300, 301, **303—304**, 306, 307, 309, 377, 392, 420, 425, 471, 500, 541, 557, 558, 584, 585, 586—587, 609, 639, 642, 643, 657, 659.
Волынскій Арт. Петр., 181, 220.
Вольней, 222, 364, 678.
Вольтеръ, 20, 109, 210, 217, 219, 223, 225, 227, 228, 229, 326, 500, 551, 678.
Вольховскій Вл. Дм., 202, 230, 671.
Ворденъ (Warden), 227, 679.
Вороновъ Андр. Петр., 428.
Воронцовъ гр. А. Р., 22, 35.
Воронцовъ гр. М. С., 393, 613, 671, 672.
Воронцовъ гр. С. Р., 37, 50, 176, 414, 466, 636.
Ворцель, 671.
Вотье, 481.
Всеволожскій Ник. Серг., 385, 400.
Всеволожскій Никита Всевол., 435, 437.
Вуайе д'Аржансонъ, 377.

Вульфъ А. Н. 222.
Вьель-Кастель, 76,235, 243.
Выгодовскій П. Ѳ., дек., 311.
Вяземскій кн. А. А. 6, 12.
Вяземскій кн. Н. Г., 62, 105, 230, 443, 444, 610.
Вяземскій кн. П. А., 53, 76, 169, 222, 223—224, 225, 265, 267, 268, 280, 281, 314, 352, 384, 393, 440, 445—446, 557, 598, 607, 613, 664, 665, 666, 667.
Вязмитиновъ (sic) Серг. Козьм., 63, 69, 70, 183, 343, **650**, **651**—**652**, 653, 654, 679.

Гаде, 53, 239, 244, 246, 247, 466, 514, 633, 634, 635, 636, 663.
Гаймъ, 245.
Гакке (Hacquet), 359.
Галенъ фонъ, 362.
Галичъ проф., 184, 204, 219, 361.
Галіани, 210.
Гамель, 224, 429.
Гамильтонъ, 514.
Гангебловъ, 98, 107, 135, 203, 224, 256, 364.
Ганиль, 228.
Гарденбергъ, 416, 663.
Гаусманъ, 304.
Гаусманъ Себ., 621.
Гацисскій А., 436.
Гвоздевъ, 322, 658.
Гебель, 119.
Гёде, 205, 556.
Гедике, 344.
Гедихенъ Ѳед., 318.
Геерепъ, 205, 219.
Гейке, 293.
Геймъ, 205.
Гекерторнъ, 341.
Гельвецій, 219, 225, 227, 228, 229, 500, 515, 535, 551, 678.
Гельфрейхъ, 113.
Геннади, 327.
Генне Амъ Ринъ, 369, 371.
Генцъ, 224.
Гервинусъ, 196, 197, 198, 208, 240, 241, 242, 245, 247, 249, 251, 253, 368, 391.
Гердеръ, 25, 216.
Германъ К. Ѳ. проф., 66, 184, 201, 204, 205, 361.
Гернетъ, 607.
Гёрресъ, 233, **242**, 563.
Герценъ А. И., 128, 647.
Гершензонъ, М. Осип., 115, 116, 120, 125, 126, 316, 354, 396, 429, 577.
Гессенъ І. В., 563, 566.
Гессенъ Ю. И., 343, 344.
Гёте, 233, 656, 679.
Гётте, 420, 520, 583.
Гиббонъ, 210.
Гизо, 215, 286, 287, 545.
Гильдтъ (Hildt), 69.
Гильонъ, 208, 236, 372, 377, 580.
Гимбутъ, 115.
Гиндерсонъ, 360.
Гиппіусъ, 118.
Гирлянда, 314, 315.
Глембоцкій, 366.
Глинка Влад. Андр., 297, 299, 322.
Глинка, Серг. Ник., 21, 28.
Глинка Ѳ. Н., 147, 154, 173, 204, 219, 230, 289, 290, 293, 298, 322, 343, 428, 434, 437, 439, 442, 444—446, 522, 574, 584, 631, 632, 654, 668, 670.
Гнейзенау, 419, 420, 583.
Гнѣдичъ, 254.
Гоббсъ, 1, 14, 217.
Говардъ, 92.
Годенцъ-Планта, 368, 373.
Годуновъ Б. Ѳ., 181.
Голенищевъ-Кутузовъ М. Ил., 50, 195.
Голенищевъ-Кутузовъ Пав. Ив., 384.
Голицыны, князья, 21.
Голицынъ кн. А. Н., 48, 179, 181, 182, 189, 201, 296, 338, 346, 382, 564, 653, 654.
Голицынъ Валер., дек., **221**, 233, 490.
Голицынъ кн. Дм. Алексѣев., 10.
Голицынъ кн. Дм. Влад., 399, 406, 667.
Голицынъ, кн. Дм. Мих., 2, 3, 387.
Голицынъ кн. Мих., 665.
Голль (Hall) Ч., 536, 537.
Головачевъ П. М., 205, 676.
Голомбіевскій А. А., 664.
Голуховскій, 184, 185.
Гольбахъ, 225, 227, 228, 229, 500, 515, 535, 551, 678.
Горбачевскій Ив. Ив. дек., 166, 228, 231, 310, 313, 553, 644.
Горголи, 148, 269.
Госнеръ, 181, 182.
Готье П., 211.
Граббе П. Х., 220, 230, 444.
Грабовскій, 284, 285.
Гракхи братья, 227, 531.
Гранатъ, 601.
Грассъ-Тилли, 360.
Граупенштейнъ, 316.
Гревсъ И. М., 530.
Грегуаръ, депутатъ Конвента, 449.
Грегуаръ Л., 208.
Грелле-де-Мобилье, 92, 93.
Гретцъ, 520, 521, 522.
Гречъ Н. И., 129, 155, 179, 182, 233, 274, 449, 475, 672, **673**—**674**, 675.
Грибовскій М. Кир., 288, 295, 316, 410, 431, 438, **442**.
Грибоѣдовъ А. С., 180, 219, 231, 232, 288, 435, 489, 598.
Григорьевъ, 182, 185—186.
Гриммъ Ф. М., 11.
Гримовскій, 181.
Гродецкій, 300, 642.
Гроцій Гуго, 1, 2, 3.
Грунеръ, 207.

Грушевскій А., 301.
Гудовичъ гр., 664.
Гумбольдтъ В., 245.
Гуммель, 183.
Гурко Влад. Ос., 292, 322.
Гурьевъ гр., 87, 91, 190, 194, 197, 271, 649, 652.
Густавъ IV, 257.

Давыдовъ И. И., проф., 233.
Давыдовъ Вас. Львов., дек., 175, 230, 244, 247, 269, 300, 309, 471, 474, 494, 509, 538, 541, 640, 644.
Давыдовъ Ден. Вас., 74, 220, 225, 230, 352, 402, 415.
Даламберъ, 227, 326.
Дамасъ (Damas) бар., 113.
Даниловичъ проф., 184, 185.
Данченко, 654.
Дашкова кн. Ек. Ром., 12, 13.
Дашковъ, 256.
Дашковъ Андрей, 92.
Дезинъ фонъ, 652.
Делало, 597.
Делингсгаузенъ, 380.
Дельвигъ, 436.
Демидовъ ген.-ад., 305, 309.
Депрерадовичъ, 490.
Державинъ Гавр. Ром., 79.
Дерюжинскій В. Ѳ. 596.
Десеръ, 597.
Десницкій, Сем. Еф., 7—9, 17. 18.
Джефферсонъ, 69.
Дживилеговъ, 212.
Джильи, 222, 364—365, 366.
Дибичъ бар. полков., 330—331, 361, 378.
Дибичъ бар. Ив. Ив. ген.-ад., нач. гл. шт., 164, 175, 176, 308, 309, 330—331, 442, 578.
Дивовъ мичм. гвард. эк., дек., 223, 491.
Дидо, 400.
Дидро Ден., 9—12, 225, 500, 535, 628.
Диринъ, 83, 123, 305.
Дмитріевъ И. И., 190, 267, 441.
Дмитріевъ-Мамоновъ, 409.
Дмитріевъ-Мамоновъ Алкдр. Ив., 384.
Дмитріевъ-Мамоновъ А. М., 663.
Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Матв. Алкдр., 91, 295, 310, 378, 381, 382, 384—389, 391, 392—395, 398, 399—407, 409, 410—415, 416, 574, 597, 628, 636, 659, 660, 663—668.
Дмитріевъ-Мамоновъ Н. А., 406.
Довнаръ-Запольскій проф., 78, 85, 90, 94, 167, 225, 290, 292, 398, 410, 450, 451, 473, 488, 489, 490, 498, 507, 540, 581, 624, 644, 670, 676.
Долгоруковъ кн. Вас. Лук, 3.
Долгоруковъ кн. Илья *), 204, 230, 245, 289, 290, 291, 322, 421, 445, 671.
Долгоруковъ кн. П. В., 261.
Долгоруковъ кн. П. Д., 601.
Домейко Игн., 187.
Дортгейссенъ, 374.
Драгомановъ, юнк. полт. п., 110, 111.
Драгомановъ М. П., 482.
Драгушевичъ, 314.
Дрозъ Нума, 374.
Друцкій-Любецкій (sic), 282, 605.
Дубновъ, 520.
Дубельтъ Леонтій, 303.
Дубровинъ Н. Ѳ., 84, 97, 116, 117, 119, 128, 173, 178, 182, 189, 190, 191, 245, 309, 315, 325, 332, 344, 351, 431, 434, 437, 585, 657, 679.
Дурасовъ, 533.
Дурново, 380.
Дэль Оуэнъ Робертъ, 655.
Дэтю-де-Траси, 215—216, 221, 222, 225, 227, 229, 234, 504, 506, 515, 516, 525, 529, 533, 538, 543, 545—549, 599, 631.
Дюбуа, 222.
Дювержье, 53, 239, 244, 246, 247, 452, 466, 514, 633, 634, 635, 636, 663.
Дюлоръ, 236, 377.
Дюмонъ, 39, 216, 594.
Дюнойе (Dunoyer), 271, 597.
Дюронъ абб., 664.
Дюфо, 53, 239, 244, 246, 247, 452, 466, 514, 633, 634, 635, 636, 663.

Евгеній, герцогъ Виртембергскій, 81.
Екатерина I, 2, 260.
Екатерина II, 4, 9, 10, 11, 12, 13, 17—20, 23, 29, 30, 34, 65, 70, 180, 187, 203, 230, 241, 260, 261, 268, 287, 328, 348, 355, 397, 407, 518, 598, 663, 664, 667.
Екельнъ, 187.
Елизавета Алексѣевна имп., 445, 668.
Елизавета Петровна имп., 73, 664.
Еллинекъ, 452.
Ермолаевъ, 192.
Ермоловъ, Алексѣй Пет., 51, 164, 254, 266, 352, 492, 495.
Ермоловъ П., 331.
Есиповъ, 434.
Ефремовъ П. А., 24, 436.
Ефронъ, 171, 444.

Жадовскій, 437.
Жене, 30, 31.
Желтухинъ, 115, 117, 119, 134.
Жеребцова О. А., 207.
Жеребцовъ, 288, 342, 385.
Жиркевичъ, 116, 123.
Жмакинъ В., 182.
Жокуртъ де, 30.
Жомини г-жа, 239.
Жуковичъ, 185.

*) Самъ онъ подписывался: Долгорукой, по кн. П. В. Долгоруковъ въ своей «Росс. родословной книгѣ» (I, 86) доказываетъ, что слѣдуетъ писать: Долгоруковъ.

Жуковскій В. Анд., 63, 230, 315, 429, 439, 440.
Жуковскій Д. Е., 10, 212.

Заблоцкій, 306.
Заблоцкій-Десятовскій, 120, 190, 253, 429, 501.
Завадовскій гр. П. В., 381, 564.
Завадскій, 360.
Завалишинъ Дм. Ирин. дек., 80—82, 91, 129, 130, 176, 177, 193, 194, 204, 224, 232, 246, 254, 257, 258, 259, 260, 261, 263, 286—287, 491, 494, 496, 551, 575, 577, 582, 587, 588, 623, 644, 646.
Загоскинъ Н. П., 184.
Заіончекъ, 279.
Закревскій Алексѣй Андр., 83, 84, 118, 126, 130, 131, 148, **150**, 151, **152**, 262, 313, 352.
Закъ С., 422.
Заленскій, 303, 331, 341, 344, 348.
Зандъ Карлъ, 203, **240**, 241, 247, 371.
Занъ, 186.
Зензиновъ М. М., 676.
Зингеръ Р., 630.
Злобинъ, 346.
Зороастръ, 222.
Зубковъ В. П., 305, 322, 438, 574, 657.

Ивановскій, 255.
Ивановъ-Разумникъ, 638.
Иконниковъ В. С., 310, 458, 645, 658.
Илья, кучеръ имп. Александра I, 190, 191.
Инзовъ, 245, 315, 317, 318, 319.
Иннокентій архим., 182.
Инсиланти, кн. Алкдр. К., **251—256**, 316.
Инсиланти кн. Д. К., 255.
Инсиланти кн. Конст., 251.
Искрицкій, 364, 654.
Исленьевъ, 160.
Италинскій, 366.

Іаковъ II, 30.
Іисусъ Христосъ, 346.
Іоаннъ Грозный, 230, 561.
Іоаннъ VI, кор. португ., 249.
Іосифъ II, 594.

Каверинъ Петръ Павл., 322, 435.
Каллашъ В. В., 24, 28, 232.
Калмыковъ, 563.
Каменскій, фельдм., 110.
Кампенгаузенъ бар., 92, 346.
Кампредонъ, 3.
Кандіотти Конст., 362, 375.
Канчіяловъ, 256
Кантъ, 217, 233, 678.
Капфигъ, 375.
Каппистъ, Алексѣй Вас., 226, 247, 307, 309.
Каппистъ И. В., 302.
Каппистъ Семенъ, 247.
Каппистъ гр. П. И., 302.
Каподистрія гр. Іоан., 251, 374, 655, 679.
Каразинъ Вас. Наз., 22, **35**, **59—62**, 102, 105, 128, 129, 152, 202, 610, **615—616**.
Карамзинъ М. Н., 34, 77, 85, 178, 181, 193, 226, 230, 262, 267, 268, 419, 557, 678.
Каратыгинъ В. А., 192.
Карвицкій Станисл., 306, 307, 313, 359.
Карлъ I, 27, 30.
Карлъ XIII, 238, 257, 667.
Карлъ вел. герц. Баденскій, 76, 266.
Карлъ герцогъ Беррійскій, 77, 596.
Карно, 643.
Карновичъ, 182.
Карнѣевъ, 652, 654.
Карповъ Алкдр. Алексѣев., 336.
Карцовъ П. П., 135, 167, 173, 174.
Карѣевъ Н. И., 17, 213, 372, 481, 583, 620, 634, 636.
Кастелажа, 597.
Кастера, 664.
Катенинъ П. А., 151, 191, 192.
Катилина, 371, 403.
Катонъ, 400.
Каховскій Пет. Григ., дек., 78, 79, 82, 85—86, 87, 88, 89, 90, 91, 93, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 124, 165, 176, 184, 195, 196, 197, 198, 209, 220, 232, 240, 241, 254, 257, 259, 262, 286, 448, 491, 492, 493, 499, 575, 577, 599.
Качеповскій, 239, 277, 446, 595.
Кашкинъ, 22, 450, 474, 574.
Кашпиревъ, 187.
Квадри, 73, 79.
Квирога, 181, 243, 432, 433.
Келлеръ, 360.
Кеппенъ, 98.
Кизеветтеръ А. А., 16.
Кирпичниковъ А. И., 152, 185, 192.
Кирѣевъ И. В., дек., 110, 116, **228**.
Киселевъ Пав. Дм., 79, 84, 118, 119, 120, 125, 126, 130, 131, 136, 138, 147, 156, 176, 190, 202, 251, 266, 313, 317, 318, 319, 393, 415, 429, 495, 501, 544, 550, 673.
Киселевъ, Ѳ. 352.
Кичеевъ, 664.
Клавель, 289, 357, 657.
Клаусъ, 518.
Клейнмихель, 676.
Климентъ V папа, 357.
Клоссъ, 364, 399.
Клотсъ Анахарсисъ, 403.
Клукгонъ, 428.
Ключаревъ, 87.
Кнаппе, 429.
Кнаппъ, 422, 605, 617, 620, 621, 622.
Кнотъ, 304.
Княжнинъ Я. Б., 180, 219.
Коббетъ, 583.
Ковалевскій М. М., 514, 534, 601.
Коганъ, 212.
Когорданъ, 384.

Козловскій В. М., 73, 603, 604.
Козловскій, кн. П. Б., 419.
Козодавлевъ, 649, 652, 653.
Кокошкинъ, 452, 453.
Коленкуръ, 113.
Коллета, 253.
Коллонтай, 229.
Кологривовъ С., 19.
Коломейцовъ, 119.
Колошинъ Мих. (?), 380.
Колошинъ Пав. Ив., 202, 445, 446.
Колошинъ Петръ Ив., 292, 322, 421, 439, 671.
Комаровъ, 273, 313, 320, 425, 507, 670.
Кондильякъ, 225, 227, 229, 500.
Кондорсе, 403, 642.
Конисскій (мнимый), 301.
Константинъ Павловичъ цесар., 73—74, 117, 165, 178, 186—187, 188, 193, 233, 245, 265, 266, 282, 284, **285**, 286, 288, 308, 309, 310, 329, 341, 356, 358, 360, 375—376, 378, 396, 486, 495, 496, 564, 581, 641, 642.
Констанъ Бенжаменъ, 207, 213, 216, 218, 219, 226, 229, 231, 236, 237, 239, 347, 365, 449, 516, 541, 543, 545, 568, 575, 599, 637, 678.
Контъ (Ch. Comte), 271, 371, 557, 597, 679.
Корзонъ, 603, 678.
Коркуновъ, 549.
Корниловичъ А. О., дек., 231, 259, 439, 677.
Коробка Н. И., 659.
Королевскій, 288, 326.
Корольковъ М. Я., 30.
Корсаковъ, капит., 162.
Корсаковъ, 441.
Корсаковъ Д. А., 4.
Корфъ бар., 322, 657.
Корфъ С. А., 89.
Костюшко Т., 31, 229, 603, **604**, **677—678**.
Котляревскій Ив. Петр., 297.
Котляревскій Нест. Алкдр., 108, 219, 230, 233.
Коттю, 557.
Коцебу, 203, **240**, 241, 257.
Кочубей Арк. Вас., 659.
Кочубей гр. Викт. Пав., 21, 31, 34, 38, 39, 47, 60, 69, 70, 93, 103, 129, 150, 154, 181, 190, 191, 246, 247, 254, 318, 494, 616, 673.
Кочубей С. М., 297, 298, 302.
Кошелевъ А. И., 233.
Кошелевъ Род. Андр., 189.
Кошкаревъ, 140, 141, 162, 163, 192.
Кошкуль, 439.
Краснокутскій Сем. Григ., дек., 263, 322, 657.
Кретчмеръ, 128.
Кречетовъ Ѳед., 12, **29—30**.
Кривцовъ Серг. Ив., дек., 200, 490, 655.
Кристофъ, 246.
Кропотовъ, 88, 90, 91, 103, 168, 201, 218, 641, 671.
Кротковъ, 351.
Круглый А. О., 220, 415.
Кручекъ-Голубовъ, 79, 173.
Крыжановскій, 641, 643, 648.
Крюденеръ баронесса, 182, 375.
Крюденеръ баронъ, 370, 371, 372.
Крюковъ, солдатъ, 434.
Крюковъ 2-й Н. А., дек., 108, 225, 227, 228—229, 257, 531, 588, 599, 629.
Крыжановскій пенз. губ., 90.
Крыловъ, Ив. Анд., 232.
Ксантосъ, 250.
Кубасовъ, 192.
Кудряковъ грав., 430.
Кузнецовъ, 137.
Кульманъ Н. Кар., 314, 315, 317, 320, 615.
Кульчицкій, 304.
Куницынъ, 66, 182, 201, 204, 218, 227, 230, **274—275**, 440, 442, 595.
Куракинъ кн., 84.
Куракинъ кн. Б. И., 2.
Куракинъ кн. Алексѣй Бор., 20, 652.
Курпанъ де Ант. абб., 536, 537, 541, 627.
Курти, 372.
Кутайсовъ гр., 385.
Кутейниковъ Н., 187.
Кутеповъ, 191.
Кутузовъ, 654.
Кушелевъ Е., сенат., 314, 315, 352.
Кэстльри лордъ, 224.
Кюрто, 314, 318.
Кюхельбекеръ Вильг. Карл., дек., 107, 180, 229, 230, 233, 255, 259, 293, 322, 442, 598.
Кюхельбекеръ Мих. Карл., дек., 293, 322.

Лабедойеръ, 208.
Лабзина Ан. Евд., 191, 341.
Лабзинъ Алкдр. Ѳ., 182, 189, 190, 191, 192, 341, 344, 345, 349, 352.
Лабрюйеръ, 225.
Лабулэ Э., 213, 237.
Лавровъ ген., 168, 169, 648.
Лавровъ И. П., 269.
Лавровъ Лавръ Степ., 648.
Лавровъ П. Л., 159, 648.
Лагарпъ Фридр. Цез., 30, 31, 32, 40, 69, 72, 211, **368—369**, **370**, **372—374**.
Лаговскій, 306.
Ладыженскій, 95.
Ладыженскій А., 642.
Лакретель, 225, 227, 679.
Ландраженъ, 304.
Ланжеронъ гр., 318, 319.
Лалли Толандаль, 403.
Ламенэ, 61.
Ланжеронъ гр., 657.
Ланкастеръ, 428, 429, 672.

Ланской С. С., 292, 347.
Лаппа, дек., 222, 227, 256, 364, 365.
Лаппо-Данилевскій А. С., 261.
Лареда, 374.
Латкинъ, В. Н., 5.
Ларомигьеръ, 225.
Ларошъ Г. А., 436.
Латуръ де, 365.
Лафайетъ, 76, 223.
Ла-Ферроне, 77.
Лаферьеръ, 250, 452.
Левашовъ Вас. Вас. г.-ад., 86, 88, 89, 90, 91, 100, 149, 195, 550.
Левенбергъ, 136, 143.
Левинъ, 439.
Левинъ Кирикъ, 601, 623.
Левшинъ кап., 294, 361.
Леклеркъ, 533.
Лелевель Іоах., 184, 185, 187, 188, 189.
Леманъ, учит. музыки, 305.
Леманъ проф. Авг., 419.
Леманъ проф. Г. Ф. Г., 419.
Леманъ Максъ, 72, 195, 369, 420 422, 423, 636.
Лемке М. К., 595.
Ленуаръ, 305.
Леонидъ, 253.
Лербергъ, 63.
Лерхе Авг., 183, 337.
Лессингъ, 233, 316.
Ливенъ, 184.
Ликургъ, 533, 534, 535.
Лимановскій, 306, 360, 605.
Липранди И. П., 115, 125, 230, 248, 313, 315, 316, 321.
Литта гр., 365. 652, 653, 654.
Литвиновъ, 161.
Лихаревъ Вл. Ник. дек., 175, 176, 224.
Лихтенберже, 287, 403, 535, 536, 627, 629.
Лобановъ А., 331.
Лобановъ-Ростовскій кн. Д. И., 194, 564, 652, 653.
Лобановъ-Ростовскій кн. А. Я., 302.
Локкъ, 3.
Лольмъ де, 65, 181, 211, 218, 219, 223, 226, 229, 234, 541, 678.
Лонгиновъ М. Н., 149, 381.
Лопухинъ Ив. Вл., 327, 332—333, 339, 341, 398, 577.
Лопухинъ кн. Пав. Петр., 193, 288—289, 290, 292, 294, 322, 410, 420, 421.
Лопухинъ кн. Петр. Вас., 40, 70, 84, 290, 652, 653.
Лоранъ, 643.
Лореръ Н. И., дек., 108, 135, 136, 197, 225, 226, 256, 300, 322, 420, 500, 658.
Лори де, 213.
Лубяновскій, 353.
Лувель, 371, 596.
Луи II., 535.
Лукасинскій Валер., 220, 306, 376, 377, 520, 567, 585, 677.
Лукашевичъ Вас. Л., 297—303, 305—308, 322.
Лунинъ Мих. Серг. дек., 193, 207, 208—209, 230, 259, 261, 272—273, 289, 322, 378, 443, 445, 455, 457, 459, 494, 495, 575, 578, 581, 582, 590, 611, 629, 671.
Лыкошинъ А. С., 171, 173.
Лѣевъ Ф. А., 119, 125.
Лѣсковъ Н. С., 204.
Лэне Фр., 179.
Люблинскій Ю. К., дек., 228, 552.
Людовикъ XVI, 21, 23, 75, 403.
Людовикъ XVIII, 75, 235, 236, 237, 243, 274, 383, 580, 596, 651.
Ляцкая В. А., 289.
Ляцкій Е. А., 289.

Мабли, 20. 22, 24, 28, 210, 221.
Магіеръ, 448.
Магницкій М. Л., 40, 92, 179, 184, 189, 278, 337, 338, 346, 614.
Маевскій ген., 128, 169, 172, 177, 178.
Маевскій кап. польск. службы, 305—306, 356, 358, 359.
Мазаевъ, 86, 90, 91, 229.
Майборода, 300, 584, 587.
Майглеръ, 315.
Майковъ Леон. Н., 202, 204, 222, 232, 254, 269, 671.
Майковъ П., 262, 283.
Маіоровъ, 533.
Макаровъ, каб.-секр., 3.
Макаровъ сенат., 70.
Макіавелли, 3, 217, 225, 227.
Максимовичъ, 314, 315, 318.
Малаховскій, 229, 310.
Мале (Malet), 376.
Маловъ, 205.
Мальтусъ, 228.
Мансуровъ, 437.
Маньянъ, 3.
Манюэль, 250, 597.
Маратъ (см. Будри де.), 203.
Марій, 27.
Марія Ѳедоровна имп., 77, 92, 190.
Маркевичъ Н. А., 301.
Марксъ К., 215, 228.
Марончелли Пьеро, 365.
Мартосъ, 169, 171, 177, 429.
Мартыновъ масонъ, 345, 352.
Мартыновъ, ком. Изм. полка, 82, 161, 162.
Марѳа посадница, 321.
Масальскій, 186.
Мауэрсбергеръ, 360.
Махницкій, 360.
Мацѣевскій, 603.
Мезансъ, 329, 385.
Мезонъ ген., 76.
Мейеръ, 322, 657.
Мейеръ Г., 481, 633, 634, 636.
Менгеръ А., 537.
Меншиковъ кн. Алкдр. Данил., 3.

Меншиковъ кн. Алкдр. Серг., 408, 410, 613.
Мерзляковъ Алексѣй Ѳ., 205.
Меттернихъ кн., 77, 149, 150, **156**, 157, 197, 224, 240, 358, 359, 370, 371, 372, 373, 466.
Мещерскій кн., 136.
Миклашевскій Алкдр., 210, 247.
Миллеръ В., 152.
Милорадовичъ гр. М. Анд., 81, 105, 144, 147, 148, 149, 156, 189, 190, 191, 308, 437, 494, 608, 611, 655.
Милюковъ П. Н., 4, 11, 387.
Милютинъ учит., 430.
Мина, 368, 369, 370, 372, 375.
Минкина, 676.
Минье, 516, 549.
Мирабо, 432, 433.
Мирковичъ, 439.
Миропольскій, 182.
Миттергоферъ, 315.
Миттермайеръ, 556, 559, 560.
Митьковъ Мих. Фот., дек., 162, 205, 288, 295, 321, 441, 472, 474, 490, 492, 537, 658.
Михаилъ Павловичъ вел. кн., 72, 78, 80, 82, **83**, 86, 100, 131, 134, 136, 141, 142, 144, 151, 152, 153, 163, 192, 228, 374, 375, 655, 658, 672.
Михайловскій-Данилевскій А. И., 190, 293, 294, 331, 356, 456.
Михайловъ М., 594.
Михельсонъ, 305.
Мицкевичъ Адамъ, 186, 187, 189, 230.
Модзалевскій Б. Л., 191, 305, 341, 361, 400, 435, 438, 574, 657, 679.
Молесонъ, 187.
Молэ Як., 357.
Монпаръ, 375.
Монтескьё, 4, 20, 34, 65, 181, 217, 219, 220, 221, 222, 223, 225, 227, 228, 229, 506, 515, 516, 533, 534, 573, 628, 678.
Моравскій, 360.
Мордвинова гр. Е. А., 392.
Мордвиновъ Н. С., **36—37**, 47, **48—49**, **50—51**, 55, 59, 123, 168, 389, 392, 411, 414, 481, **492—496**, 559, 568, 578, 579, 636, 652.
Морелли, 535, 628.
Моренасъ, 395.
Моричи, 247.
Морозовъ П. О., 269, 435.
Моропкинъ, 201, 659.
Мостовскій, 277.
Моцартъ, 436.
Моцениго, 253.
Мошинскій, 360, 367.
Мошинскій гр. Петръ, 310, 313, 322.
Мундъ, 132.
Муравьевъ Алкд. Мих. дек., 82, 84, 174, 183, 184, 186, 190, 192, 197, 204, 361, 421, 448, 485, 575, 578, 581, 582, 590, 670.
Муравьевъ Алкд. Н. дек., 104, 105, 199, 202, **217**, 288, **289**, **290—291**, 292, 321, 354, 380, 398, 408, 438, 441, 443, 444, **610—611**, 615, 670.
Муравьевъ Арт. Зах. дек., 205, 379, 380.
Муравьевъ Мих. Никитичъ, 380, 448.
Муравьевъ Мих. Никол., 88, 89, 91, 185, 199, 201, 202, 292, 380, 421, 449, 671.
Муравьевъ Никита Мих., дек., 104, 174, 183, 192, 200, 204, 205, 206, 209, 216, 230, 234, 262, 271, 272, 288, 290, 291, 292, 294, 321, 361, 380, 382, 408, 410, 414, 420, 421, 423, 439, 440, 443, 445, 446, **447—485**, 489, 491, 493, 497, 498, 499, 503, 504, 508, 509, 515, 522, 528, 538, 542, 544, 545, 551, 555, **569—572**, 574, 575, 577, 580, 588, 590, **598**, 601, **611—612**, **613**, 617, 618, 620, 623, 624, 626, **632—639**, **640**, 646, 670.
Муравьевъ Н. Н. старш., 199.
Муравьевъ Н. Н. младшій, 289, **379—380**.
Муравьевъ Ник. Наз., 389.
Муравьевъ-Апостолъ И. М., 494, 497.
Муравьевъ-Апостолъ Матв. И., дек., 104, 114, 119, 124, 130, 139, 158, 159, 165, 200, 204, 226—227, 288, 289, 290, 291, 294, 295, 298, 308, 321, 379, 445, 448, 474, 488, 489, 490, 492, 508, 624, 643, 670.
Муравьевъ-Апостолъ С. И., дек., 104, 110, 114, 119, 124, 126, 130, 136, 139, 143, 154, 158, 159, 165, 200, 204, 207, 288, 290, 291, 294, 300, 307, 309, 321, 410, 417, 421, 434, 445, 446, 474, 484, 491, 494, 509, 538, 541, 542, 581, 586, 640, 641, 643, 644, 648, 670.
Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ гр., вел. маст. мас. вел. ложи Астреи, 296.
Мусинъ-Пушкинъ Епафродитъ Степ., дек., 322, **658**.
Мухановъ Петръ Алкдр., дек. 307.
Мэстръ де гр. Іос., **381—384**.
Мюллеръ-фонъ Іоганнесъ, 210.
Мюре, 368, 373.
Мякотинъ В. А., 17, 22, 101, 231, 360.
Назимовъ Мих. Алкдр., дек., 256, **472—473**, 474, 580.
Наливайко, 67, 181, 220, 223, 230.
Наполеонъ I (Бонапартъ), 40, 69, 70, 71, 78, 80, 95, 128, 195, 206, 208, 214, 234, 236, 237, 249, 294, 302, 371, 388, 391, 395, 416, 420, 485, 497, 521, 575, 580, 596, 603, 605, 652, 659, 664.
Нарѣжный, 232, 652.
Нарышкинъ Мих. Мих., дек., 204, 470, 472, 473, 474, 489, 585.
Нассе, 537.
Невзоровъ Макс. Ив. 327, 333, 335, 339, 340, 346, 384.
Невѣдомскій, 594.
Ней, 208.
Нейманъ, 342, 344.

Неккеръ, 486.
Немановъ, Л., 10.
Ненастьевы, 191.
Непенинъ, 585.
Неплюевъ, 652, 653.
Непотъ Корнелій, 228, 551.
Нессельроде гр. К. В., 197, 659, 661.
Нессельроде графиня, 81.
Никитенко А. В., 217.
Никитинъ, 334, 352.
Николай I вел. кн. и имп. 79, **81—83**, 85, 87, 91, 94, 95, 97, 98, 100, 101, 102, 124, 131, 155, 160, 165, 169, 171, **177**, 180, 181, 182, 184, 185, 189, 190, 192, 196, 197, 202, 206, 219, 220, 224, 228, 245, 248, 273, 294, 301, 303, 309, 314, 320, 343, 346, 361, 363, 374, 380, 381, 396, 397, 398, 405, 407, 408, 431, 432, 433, 436, 443, 455, 472, 483, 485, 486, 487, 488, 495, 496, 520, 540, 550, 551, 579, 590, 599, 638, 655, 658, 672, 677.
Николай Михайловичъ, великій князь, 400, 466.
Николевъ полк., 358, 359, 360, 361.
Николь аббатъ-іезуитъ, 382, 408, 659.
Нильсенъ, 662.
Ноайль-де гр., 239.
Новацкій, 366.
Новиковъ Н. И., 20, 297, 323, 339, 348.
Новиковъ Н. М., 289, 290, 297, 298, 299, 301, 322, 354, 398, 408, 439, 631, 670.
Новосильцовъ Н. Н., 36, 40, 46, 51, 55, **56—59**, 70, 76, 87, 155, 178, 185, 186, 187, 188, 189, 193, 233, 265, 283, 284, **285**, 288, 356, 357, 358, 359, 360, 376, 522, 564, 679.
Нольде бар. А. Э., 185.
Норовъ В. С., дек., 82, 209.
Нѣмоевскій Бонав., 274.
Нѣмоевскій Викент., 281, 282, 285.
Нѣмцевичъ, 229.

Оболенскій кн. Е. П., дек., 158, 204, 207, **219**, 229, 233, 240, 257, 435, 443, 450, 472, 473, 474, 489, 490, 493, 494, 501, 672.
Обресковъ, 136.
Овсяннико-Куликовскій, 180.
Огаревъ Н. Пл., 647.
Огильви, 239.
Огинскій гр. М., 71, 74.
Одоевскій кн. А. И., дек., 219, 232, 450, 474.
Одоевскій кн. В. Ѳ., 233.
Ожаровскій гр., 78.
Оже Ипп., 207.
Окенъ, 233.
Оларъ, 403, 536, 541, 627.
Оленинъ Алексѣй Н., 191.
Олешкевичъ, 339.
Олизаръ Густавъ, 303, **304**, **308—310**, 312, 322.
Олизаръ Нарцисъ, 312.
Ольвіеръ, 310, 312.
Орловъ Алексѣй Ѳ., 145, 169, 438.
Орловъ Гр. Гр., 664.
Орловъ М. Ѳ., 78, 91, 106, 115, 116, 117, 125, 126, 156, 158, 202, 219, 230, 234, 273, 280, 295, 308, 310, 313, 315, 316, 339, 366, 378, **380—384**, 386, **387**, 389, 391, 392, 393, **395—399**, 401, 405—406, **407—410**, 412, 413, 414, 415, 416, **429—430**, 432, 434, 438, 439, 440, 546, 574, 584, 585, 597, 598, 636, **659—663**, 667.
Орловъ Ѳ. Гр., 659.
Оробони, 537.
д'Орреръ, **367—376**, 655.
Оршанскій, 520.
Осиповскій, 184.
Остенъ-Сакенъ бар. Фаб. Вильг., 118, графъ 308.
Остерманъ, 197.
Остолоповъ Ник., 328.
Островскій гр., 238.
Оуэнъ Робертъ, 224, 629, 630, 655.
Охотниковъ, 109, 230, 316, 433.

Павелъ I, 12, 29, 32, 33, 34, 63, 64, 66, 80, 122, 150, 167, 232, 260, 467, 551.
Павловъ М. Гр. проф., 235.
Павловъ ряд. Семен. п., 142.
Павловъ-Сильванскій, Н. П., 24, 227, 253, 257, 288, 490, 500, 625, 627, 669.
Павловскій, 302.
Паганель, 212, 213, 556.
Пакье, 597.
Паленъ гр. Петр. Людв., 63, 261.
Панинъ гр. Никита И., **12—14**, 17, 261.
Панинъ гр. Никита Пет., 261.
Панинъ гр. Петръ П., 167.
Панкевичъ, 200, 449.
Пановъ Н. А., дек., 222.
Пантелѣевъ Л. Ѳ., 534.
Панчовъ М., 251.
Панчулидзевъ сарат. вице-губ., 90.
Панчулидзевъ С. А., 220, 251, 256, 533.
Парпура М., 297.
Парротъ проф. Г. Ф., 40, 112.
Пассекъ Татьяна Петр., 293.
Паули, 254.
Паули, историкъ Англіи, 208.
Паулуччи марк., 365.
Педро I, 249—250.
Пезаровіусъ, 346, 350.
Пекарскій П. П., 201, 334.
Пеллико Сильвіо, 365.
Пепе, 247.
Перетцъ Григ., 154, 342, 343, 364, 365, 423, 522, 654, 668.
Перовскій Алексѣй Алексѣев. (Погорѣльскій), 185, **385—386**.
Перовскій Вас. А., 322, 379, **658**.
Перовскій Левъ А., 192, 379.
Пертцъ, 195.
Пестель Влад. Ив., 533.

Пестель И. Б., 653.
Пестель Пав. Ив., дек., 95, 98, 99, 103, 108, 126, 127, 175, 178, 192, 204, 209, 210, 215, **224—225**, 229, 230, 245, **251—253**, 257, 273, 288, 289, 291, 298, 300, 302, 307, 321, 332, 340, 354, 382, 408, 409, 410, 417, 420, 434, **444—445**, 446, 447, 448, 449, 451, 456, **470—471**, 474, 482, 485, **488—490**, 491, 492, 493, 494, **500—551**, 553, **572—573**, 574, **575—577**, **578—580**, 581, **582—584**, **587**, **588**, **589—590**, **599—600**, 601, 619, 622, **624—627**, **628—629**, **630**, 631, 632, 637, 638, 639—640, **641—643**, 644, 645, 646, 647, 669, 670, 671.
Пестовъ дек., 543.
Петіонъ, 246.
Петровъ А. Н., 167, 171, 173, 174, 175, 177.
Петровъ П. В., 199.
Петръ В., 1, 23, 29, 38, 73, 121, 148, 153 214, 219, 259, 561.
Петръ II, 2.
Петръ III, 12, 260.
Печеринъ, 94, 95.
Пикаве, 222, 549.
Пиксановъ Н. Кир., 180, 232.
Пирожковъ, 13, 32, 261, 496, 579.
Пирхъ, 160.
Пискорскій, 250.
Пиѳагоръ, 311.
Платеръ, 186.
Платонъ фил., 311, 533, 534, 552, 629
Плесль, 300.
Плещеевъ, 314.
Плисовъ, 218.
Плонскій, 520.
Плутархъ, 216, 220, 227, 228, 229, 531, 551.
Пнинъ, 595, 616.
Погодинъ А. Л. проф., 185, 187, 188, 189, 251.
Погодинъ М. П., 178, 262.
Поджіо Алкд. Викт., дек., 80, 123, 126, 196, **197**, 204, **226—227**, 263, 265, 448, 474, 506—507, 630, 679.
Поджіо Іос., дек., 494.
Поздѣевъ Ос. Алексѣев., 329, 344, 345, 346, 385, 386.
Покровскій М. Н., 601, 623.
Полевъ, 346.
Поливановъ Ив. Юрьев., дек., 322, 658.
Поливановъ Н., 82, 209, 490.
Полиньякъ гр., 509.
Понятовскій Іосифъ, 229.
Полуботокъ, 301.
Поповъ, Нилъ А., 198.
Попруженко, 367.
Посошковъ И. Тих., 1.
Потаповъ, ген., 330.
Потемкинъ, ком. Сем. полка, 114, 122, 130, 131, 135, 145, 150, 162.
Потемкинъ кн. Григ. Алкд., 70.
Потоцкій гр. Игн., 229.
Потоцкій гр. Сев. Осип., 286, 287, 341, 393.
Потоцкій Стан., 73.
Походяшинъ, Г. М., 348.
Поццо-ди-Борго, 72, 75.
Пржецлавскій, 86, 334, 339, 375.
Прокоповичъ Ѳеоф., **1—2**, 14.
Прокофьевъ, 675, 676.
Проскура Іосифъ, 303.
Проскура Станисл., 313, 322.
Протасовъ Алкдр. Як., 30.
Пугачевъ Ем., 652.
Пулавская, 306.
Пулавскій, 306.
Пуфендорфъ, 1, 2, 3.
Пушкинъ А. С., 67, 85, 106, 181, 189, 203, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 225, 227, **230—231**, 232, 240, 242, 245, 253, 254, 255, 260, **268—269**, 315, 316, 317, 320, 321, 322, 365, 377, 431, 435, 436, 437, 449.
Пушкинъ Алексѣй, 409.
Пущинъ И. И., дек., 154, 166, 202, 204, 214, 230, 249, 269, 304, 435, 440, 448, 450, 474, 497, 498, 559, 614, 617, 671.
Пущинъ Пав. Серг., 280, 313, 314, 315, 317, 318, 319, 320, 322.
Пыпинъ А. Н., 69, 78, 92, 182, 193, 289, 290, 302, 310, 344, 345, 346, 355, 360, 365, 420, 422, 423, 424, 426, 427, 428, 594.
Пыхачевъ кап., 225.
Пюже дю, 374.
Пэнъ Томасъ, 403.
Пятковскій, 181, 595.

Равальякъ, 371.
Радищевъ А. Н., 20, **22—28**, 29, 34, **36**, 67, 210, 219, 222, 230, 381, 555, 594, 616.
Раевскій Алкдр. Ник., 106, 253.
Раевскій Влад. Ѳеодос. **109—110**, 111, **114—115**, 116, 117, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 165, 203, **227**, 230, 247, 248, 254, 258, 261, 263, 313, 315, **320—321**, 322, **431—433**, 434, 435, 585, 609, 674, 675.
Раевскій И. А., 536.
Раевскій Ник. Ник. старш., 304, 306, 307, 308, 309, 429, 494.
Раевскій Ник. Ник. младшій, 231.
Разинъ Ст., 327.
Разумовскій гр. Алексѣй Кир., 277, 382, 385, 564, 649, **651**, **653**, 654.
Разумовскій гр., позднѣе кн. Андр. Кир., 395, 662.
Рамбургъ, 380.
Растопчинъ гр. Ѳ. В., 109, 176, 190, **270**, 400, 448, 606, 664, 665, 679.
Раушахъ проф., 184, 201, 205, 219, 361.
Рачинскій, 135.
Редигеръ, 579, 580.

Рейналь, 20, 24, 220, 223, 229, 678.
Рейнгардъ. 200, 449.
Рейнеке, 362, 363.
Рембовскій, 267.
Репнинъ кн. Н. Г., 62, 296, 297, 298, 301, 302, 303, 307.
Рига, 252, 254.
Римскій-Корсаковъ, офиц. Сем. полка, 158.
Римскій-Корсаковъ Андр. II., масонъ, 345, 346, 353.
Римскій-Корсаковъ, вил. воен. губ., 186.
Ришелье, герц., 239.
Ріего, 181, 209, 243, 245, 246, 256.
Робертсонъ, 216, 225.
Робеспьеръ, 628.
Ровинскій П. А., 198.
Родзянко, 436.
Рожалинъ Н. М., 233.
Рождественскій С. В., 184, 428, 434.
Розаліонъ-Сошальскій, 318.
Розенбергъ Іос., 315.
Розенкампфъ бар., 40, 63, 69, 346.
Розенъ бар., дивиз. команд., 137, 138, 161, 553.
Розенъ бар. Андр. Евг., дек., 82, 90, 129, 135, 151, 194, 207, 209, 221, 231, 285, 658.
Роланъ г-жа, 216
Романо-Катанія, 377.
Романовичъ-Славатинскій проф., 70.
Романовъ лейт., 250.
Романовы, 1.
Романовъ Мих. Ѳед., 290.
Ромашева, 434.
Роммъ Ж., 20, 21.
Ромулъ, 534.
Роппъ, 374.
Ростовцевъ Як. Ив., 83.
Росцишевскій Вал., 303.
Росцишевскій Фел., 303.
Ротшильдъ, 655.
Ротъ, 117.
Рудаковъ В., 209.
Рудзевичъ, 318.
Рудченко, 213.
Руйе, 656.
Руничъ Дм. Пав., 434.
Руссо Ж. Ж., 10, 20, 24, 212, 217, 219, 220, 222, 223, 225, 227, 229, 326, 327, 379, 500, 515, 534, 535, 678.
Рюльеръ, 12, 260.
Рюлюнне, 374.
Рылѣевъ Кондр. Ѳ., дек., 67, 84, 85, 86, 90, 91, 94, 103, 107, 108, 159, **166**, 176, 181, 189; **217—218**, 220, 223, 226, 229, 230, 231, 233, 244, 245, 247, 249, 250, 254, 255, 258, 259, 260, 296, 322, 439, 450, 471, 472, 474, 475, 485, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 496, 497, 498, 499, 508, 581, 599, 612, 629, 637, 638, 643, 658, 675, 676.
Рѣпинъ Н. П., дек., **221**.
Сааръ, 304.
Сабанѣевъ, 115, 117, 118, 119, 126, 313, 316, 318, 321, 431, 432.
Саблинъ В. М., 24, 28.
Саблуковъ, чл. гос. сов., 48, 652, 653.
Саитовъ Вл. И., 219, 230, 315, 361, 400, 419, 435.
Саллюстій, 228.
Саломонъ, 179, 240, 242, 597.
Салтыковъ А. кн., 652, 654.
Салтыковъ М. А., 21.
Салтыковъ гр. Н. И., 21, 30.
Самаринъ Ю. Ѳ., 621.
Самборскій, 21.
Сангленъ де, 78, 332.
Сандуновъ, 202.
Сарторіусъ, 205.
Свербеевъ Д. Н., 85, 98, 201, 202, 216, 372, 374.
Свистуновъ Петръ Ник., дек., 223, 490.
Сегюръ, 21.
Сеже, 20
Селивановскій типогр., 430, 431.
Семенова. 191.
Семеновъ А., 202.
Семеновъ Алексѣй Вас., 95, 247, 256.
Семеновъ Ст. М., 201, **216—217**, 233, 442, 443, 445, 446, 598, 610, 654.
Семѐнъ (Рене-Семѐнъ, René-Semen) Авг. Ив., 386, 400, 679.
Сенъ-Жюстъ, 628.
Сенъ-Мартенъ, 375.
Сенъ-Симонъ, 208, 629, 630.
Сентъ-Эдмъ, 253, 367.
Сенявинъ вице-адм., 198, 379, 494.
Сенявинъ Ник. Дм., 379, 654.
Серванъ, 167.
Середонинъ Серг. М., 88, 89, 90, 94, 99, 103, 297, 338, 439, 654.
Сеславинъ, 244.
Сиверсъ гр. Як. Еф., 6, 12.
Сигизмундъ III, 181.
Сиповскій В. В., 231.
Силинъ В., 318.
Сипягинъ, 117, 266, 278.
Сиротининъ, 229.
Сисмонди Симонъ де, 216, 225, 227, 523, 627, 630.
Сіэсъ абб., 449.
Скабичевскій А. М., 183.
Скалонъ Алкдр., 322, 658.
Скалонъ С. В., 307.
Скуфасъ, 250, 251.
Слонимскій Алкд. Леон., 231.
Слѣпцовъ Левъ, 336.
Смитъ Адамъ, 7, 95, 210, 216, 219, 221, 225, 227, 228, 229, 523, 627, 678.
Соболевскій Игн., 73, 282.
Соймонова (по мужу Свѣчина), 21.
Соколовская Тира Отт., 288, 290, 293, 294, 303, 326, 333, 334, 336, 347, 348, 349, 351, 658.

Соколовскій М. К., 118, 130, 349, 350, 351.
Солнцевъ, 184.
Соловьевъ С. М., 375.
Соломонъ, 330, 334.
Сопиковъ, 209.
Сорель, 383.
Соренъ, 196, 197, 247.
Сотниковъ, 309.
Соцъ, 269.
Сперанскій М. М., 20, 37—39, 41—48, 49, 50, 51, 53—54, 71, 78, 79, 85, 86, 88, 167, 181, 261—262, 270—271, 341, 346, 414, 485, 486, 492—496, 559, 560, 567, 614—615, 636, 649—650, 675.
Спиноза, 217.
Спиридовъ, дек., 110, 116, 225, 228, 523, 524, 586, 616.
Сталь де баронесса, 71, 207, 210, 211, 214, 215, 220, 225, 229, 440, 486, 500, 556, 563, 596, 678.
Станевичъ, 182.
Старынкевичъ сен., 395, 440.
Сташицъ, 360.
Стекловъ Ю., 403.
Стешенко И., 297.
Столыпинъ Арк. Алексѣев., 270, 494, 497.
Страховъ, 200, 449.
Строгановъ гр. Пав. Алкдр., 20, 34, 35, 37, 40, 46, 414, 466, 636.
Стройновскій, 606, 622, 679.
Струве И., 215, 228.
Струговщиковъ, 226.
Стурдза Алкдр., 232, 241, 242.
Стюартъ Джемсъ, 210.
Стюрлеръ, 145.
Суворинъ, 436.
Суворовъ, 655.
Суворовъ Рымникскій, А. В., 449.
Сузинъ, 186.
Сулла, 27.
Суминскій, 366.
Суровецкій, 603—604.
Сухомлиновъ М. И., 179, 182, 184, 201, 278, 361, 370, 375, 594.
Суццо кн., 316.
Суццо молдавскій господарь, 252.
Сушковъ Н. В., 182.
Сюлли, 227.
Сэй Ж. Б., 204, 210, 216, 221, 225, 226, 227, 228, 229, 678.
Сэнтъ-Бёвъ, 222.
Сярчинскій, 53, 266, 277.

Т—нъ А., 71, 193.
Тавасси Паскв. 366.
Талызинъ, 261.
Тальбергъ Д., 92.
Танъ В. Г., 230.
Тарданъ, 314.
Тарле Е. В., 541.
Тарновскій Вл. Вас., 297, 298, 302.
Тастевенъ, 386.
Татищевъ Вас. Никит., 4.
Таубе, 126.
Тауте, 399.
Тацитъ, 216, 220, 403.
Твардовскій, 188.
Телль Вильг., 25, 326.
Тепловъ В., 374.
Тиръ, 187.
Титовъ, 322.
Титъ Ливій, 216, 220.
Тобинъ, 607.
Толстой гр. П. А., 20.
Толстой гр. С. Л., 601.
Толстой Я. Н., 122, 230, 435, 436, 437, 443, 672.
Толстой гр. Ѳ. П., 204, 293, 322, 428, 439, 445, 446, 670.
Томазій, 3.
Тормасовъ, 374.
Торсонъ К. П., дек., 439, 447, 450, 474—480, 490, 491, 499, 588—589, 638.
Траверсе, 194.
Трачевскій, 71, 176, 196, 244.
Трейтчке, 76, 241, 248, 580, 589.
Треска Луи, 314, 320, 679.
Трипье, 235, 452, 568, 569, 634.
Тройницкій Н. С., 24, 28.
Трощинскій Дм. Прокоф., 35, 652.
Трубецкой кн. Никита, 664.
Трубецкой кн. П., 303, 304, 318, 322.
Трубецкой кн. С. П., дек., 60, 82, 90, 104, 106, 127—128, 130, 158, 169, 172, 174, 176, 193, 204, 205, 209, 230, 257, 263, 288, 289, 290, 291, 298, 309, 313, 320, 321, 347, 410, 419, 421, 423, 428, 435, 436, 439, 441, 442, 443, 449, 457, 471, 472, 474, 485, 486, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496—498, 499, 500, 508, 545, 575, 578, 581, 588, 590, 599, 609, 611, 615, 644, 669, 670, 671.
Туганъ-Барановскій М. И., 96, 181.
Тулубьевъ, 143.
Туманскій Иванъ, 30.
Тургеневъ Алкдр. П., 51, 145, 147, 152, 223, 262, 265, 268, 280, 314, 377, 393, 440, 445—446, 557, 568, 609, 618, 619.
Тургеневъ Н. И., дек., 51, 72, 76, 78, 84, 85, 92, 95, 101, 103, 105, 106, 113, 114, 120, 121, 126, 129, 145, 146, 149, 154, 171, 172, 175, 178, 179, 183, 189, 190, 192, 194—195, 196, 197, 200, 201, 203, 205, 210—216, 221, 224, 225, 229, 230, 231, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 249, 250, 261—262, 267—268, 271, 272, 273, 281, 286, 293—295, 296, 298, 322, 332, 338, 339, 361, 365, 377, 378, 389—392, 393, 396, 407, 408, 410, 414, 415, 417, 418—419, 421, 426, 429, 439—442, 444, 445, 446, 472, 485, 488, 489, 490, 492, 493, 494, 528, 540, 545, 555—568, 572, 573—574, 575, 582, 587—588, 595, 597—598, 601, 602—603,

607—608, 609, 611, 613, 614, **615**, 616, 618, **619—620**, 624, 636, 637, 638, 639, 654, 657, 658, 663, 664, 668, 672, 678.
Тургеневъ Серг. Ив., 78, 114, **147**, 201, 203, 214, 242, 265, 268, 271, 295, 296, 415, 418, 440, 557, 618.
Турне М., 11.
Тутолминъ, 104.
Тучковъ А. А., 105.
Тучковъ г.-м. С. А., 314, 316, 317, 659.
Тютчевъ А. И., дек., 158, 165, 166.

Уваровъ Ѳ. П., г. а., 40, 104, 261.
Уваровъ Сер. Сем., 267, **275**.
Улыбышевъ Алкдр. Дм., 436.
Ульрика Элеонора, 2, 3.
Усовскій поруч., 108.
Устимовичъ, 654.
Ушаковъ Ѳ. В., 22, 23.

Фабриціусъ, 167, 168, 169, 171, 172, 173, 176.
Фарнгагенъ фонъ-Энзе, 316.
Фейербахъ Ансельмъ, 563, 573.
Фелленбергъ, 200, 655.
Фердинандъ VII, 196, 244, 245, 246, 314, 413.
Феслеръ, 346, 378, 386.
Филанджіери, 221, 225, 226, 227, 228, 229, 678.
Филаретъ архіеп., 182, 494, 667.
Филипповъ М., 219, 233.
Филиппъ Красивый, 357.
Филипсонъ Г. И., 172.
Филлипсъ, 557.
Финдель, 289, 324, 343, 344, 353, 398, 404.
Фихте, 233, 522.
Фишеръ Р., 341.
Флате, 76.
Флёри, 314.
Фойхтъ Іог., 419, 420, 423.
Фойницкій, 556, 563, 575, 597.
Фокъ, 673, 674.
Фолленъ Карлъ, 247.
Фонъ-Визинъ Ден. И., 12, 13, 14, 219, 231, 261.
Фонъ-Визинъ, Ив. Алкд., 261.
Фонъ-Визинъ М. А., дек., 12, 13, 82, 113, 159, 169, 205, 206, 217, 219, **220—221**, 222, 233, 259, 260, 263, 289, 290, 293, 321, 378, 417, 420, 421, 434, 438, 444, 447, 495, 578—579, 582, 584, 597, 623, 669, 670, 671.
Фонъ-Визинъ С. П., 384.
Фотій архим., 84, 182.
Фоше абб., 403, 536, 628.
Франклинъ, 226, 514.
Францъ имп. австр., 248.
Фридрихъ I кор. швед., 3.
Фридрихъ II кор. прусскій, 227, 594.
Фридрихъ Вильгельмъ III, 636.
Фурнье Авг., 419, 420, 423.
Фурье, 629, 630.
Фуше, 603.

Харлинскій Францъ, 303.
Хвостовъ гр., 375.
Хмѣльницкій Богд., 299.
Ходкевичъ гр., 299, 300, 307.
Ходскій Леон. Вл., 98.
Хотяинцовъ, 299, 301, 322.
Храповицкій Алкдр. Вас., 18.
Христіанъ-Фридрихъ (позднѣе Христіанъ VIII кор. дат.), **660—663**.

Цакаловъ Аѳан. (Чакаловъ), 250.
Цебриковъ Ник. Ром., дек., 233.
Цвѣтаевъ, 555.
Цицеронъ, 220, 403.
Цшокке, 373.

Чаадаевъ М. Я., 244.
Чаадаевъ П. Я., 66, 85, 98, 149, 150, 154, 155, 183, 209, 220, 230, 244, 288, 322, 354, 442, **657**.
Чайковскій, 436.
Чапскій, 360.
Чарторыскій кн. Адамъ, 31, 32, 40, 46, 71, 72, 73, 396—397, 564.
Чебышева Мар. Леонид., 377.
Черновъ, 351.
Чернышевъ А. И., 427, 428, 550.
Чечотъ, 186.
Чечулинъ Н. Д., 16, 659.
Чичеринъ Б. И., 215, 530, 549.
Чичкинъ, 304.
Чистяковъ, 142.

Шабо, 628.
Шабо, авторъ книги о Дэтю-де-Траси, 549.
Шадъ, 184.
Шамбонно бар., 314.
Шанявскій, 73.
Шапелинскій, 304.
Шарнгорстъ, 167, 420.
Шатобріанъ, 237, 242, 243.
Шаховской кн. Д. И., 6, 678.
Шаховской кн. Ѳ. П., дек., 114, 130, 158, 204, 224, 256, 288, 289, 290, 291, 292, 321, 438, 597, 630, 670, 678, 679.
Шаховъ, 215.
Шварценбергъ, 303, 305, 430.
Шварцъ, ком. Семен. полка, **131—138**, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 149, 150, 151, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, **163**, 166, 179, 192.
Шелеховъ, 80, 119.
Шеллингъ, 219, 233.
Шендзиковскій, 122.
Шеншинъ, 256.
Шенье Андр., 66.
Шервудъ, 100, 175, 176, 256, 676.
Шешковскій, 20, 70.
Шибергсонъ, 262.

Шиллеръ, 210, 233, 655, 656, 679.
Шилль, 419, 420.
Шильдеръ Н. К., 35, 69, 70, 71, 72, 76, 81, 83, 85, 100, 167, 169, 170, 176, 178, 190, 193, 265, 266, 267, 278, 285, 446, 658.
Шимановскій, 303.
Шиманъ Ѳ. Ѳ., 59, 81, 167, 175, 178, 186, 187, 190, 197, 204, 376, 448, 475, 485, 575, 578, 581, 670.
Шиповъ Ив. Павл., 204, 289, 445, 669, 670.
Шиповъ Серг. Павл., 204, 289, 669, 670.
Шишко Л., 209, 377.
Шишковъ А. Сем., 35, 182, 439, **650**, 651.
Шлегель, 233.
Шлёцеръ Х. А., 204, 205.
Шляпкинъ И. А., 489.
Шмидтъ, 55.
Шмидъ Е., 200, 201.
Шнитцлеръ, 644.
Штакельбергъ, 365—366.
Штейнгель бар. Вл. Ив., дек., 79, 81, 82, 87, 89, 94, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 106, 177, 180, 181, 184, 190, 192, 193, 197, 202, 203, **219—220**, 249, 256, 257, 262, 273, 292, 353, 448, 450, 474, 486, **496**, **498—499**, 577, 590, 616.
Штейнъ бар. Фомъ, 72, 207, 293, 369, 390, 419, 420, 556.
Штернъ Альфр., 224, 242, 244, 245, 248, 419, 420, 520.
Штеттинеръ, 416, 419, 420.
Шторхъ Г., 204, 227, 228, 232, 606, 617.
Шубертъ, 244, 257.
Шуваловъ гр. Пав. Андр., 77.
Шуваловы, 664.
Шубинскій С., 350.
Шуллеръ, 315, 317.
Шолковичъ, 187, 188, 189.
Шумахеръ, 491.
Шустеръ, 251, 253, 344, 355, 362, 370.

Щеголевъ П. Е., 24, 111, 180, 207, 435, 485, 491, 509, 575, 576.
Щепетильниковъ, 79, 104, 128, 169.
Щешкинъ, 233.
Щешкинъ Мих. Сем., 112.
Щербатовъ кн., ген.-ад., 309.
Щербатовъ кн., ген.-м., 82, 101.
Щербатовъ кн., Ив. Дм., 114, 192.
Щербатовъ кн. М. М., 6, **14—16**, 17, 37, 51, 678.
Щербининъ, 293.
Щербининъ Алкдръ, 380.

Эллизенъ, 343, 345.
Энгельгардтъ В. В., 438.
Энгельгардтъ, Ег. Антон., 78, 193, 232.
Эртель ген., 667.
Эртель ген. полицм., 302, 307, 308.
Эсменъ, 634.
Эссенъ, 433.
Эстергази, 21.
Эсткова, 678.
Эфруси, 523.

Юлій Цезарь, 202.
Юмъ, 216, 574.
Юрьевъ, 435.
Юшковъ, 434.
Юшневскій Алексѣй Петр., дек., 300, 538, 640.

Яблоновскій кн., 300, 306, 310, **641—642**, 643.
Языковъ Ник. М., 182—183.
Яковъ, 210, 228.
Якубовичъ А. И., дек., 90, 95, 97, 98, 100, 102, 111, 122, 124, 182, 230, 435, 580.
Якушкинъ Вяч. Евг., 269, 332, 397, 450,
Якушкинъ И. Д., дек., 77—78, 79, 103, 104, 105, 111, 113, 126, 129, 130, 158, 169, 172, 174, 175, 176, 182, 189, 192, 193, 207, **220**, 221, 228, 230, 240, 249, 254, 269, 288, 289, 292, 353, 417, 421, 428, 443, 444, 500, 501, 551, 553, 584, 601, 608—609, **613**, **620**, 622, 623, 624, 669, 670, 671.
Янтальцевъ Андр. Вас., дек., 322, 657.
Янъ, 241.
Яропевицкій, 126.
Яфимовичъ, 136.

Ѳоминъ И., 259.
Ѳемистоклъ, 253.
Ѳеоктистовъ, 182, 184, 189.

Оглавленіе.

Стран

Предисловіе.

Введеніе. *Проекты преобразованія государственнаго строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка.*—Попытка верховниковъ.—С. Е. Десницкій.—Дидро.—Н. П. Панинъ.—Кн. М. М. Щербатовъ.—Проекты преобразованія сената имп. Екатерины II.—А. Н. Радищевъ.—Ѳ. Кречетовъ.—Проектъ кн. Безбородка.—Планы Сперанскаго 1802, 1803 и 1809 гг.—Проекты Мордвинова. — Конституція Царства Польскаго 1815 г. Проектъ Новосильцова „Уставной Грамоты".—Мнѣніе Карамзина.—Записка Т. Бока . . . . . 1 — 67

Глава I. *Отношеніе декабристовъ къ нашему политическому и общественному строю.* I. Имп. Александръ I.—Вел. князья Николай и Михаилъ Павловичи.—Аракчеевъ.—II. Государственный Совѣтъ.—Сенатъ.—Высшая мѣстная администрація. Судопроизводство.—Тяжесть налоговъ.—III. Дворянство, духовенство, купечество, мѣщане и крестьяне.—IV. Тяжелая жизнь солдатъ.—V. Волненіе Семеновскаго полка въ 1820 г.—VI. Военныя поселенія.—VII. Цензура. Преслѣдованіе профессоровъ и учащейся молодежи. Запрещеніе тайныхъ обществъ. Ссылка Лабзина.—Высылка Кайсарова.—VIII. Иностранная политика Россіи . . . . . 68—198

Глава II. *Причины „вольномыслія" декабристовъ.*—I. Ихъ образовательный цензъ.—Вліяніе посѣщенія Западной Европы.—II. Вліяніе чтенія.—III. Вліяніе западныхъ конституцій и революцій.—Возстаніе грековъ. IV. Вліяніе изученія русской исторіи. Рѣчи Александра I въ Варшавѣ и ихъ вліяніе. . . 199—285

Глава III. *Декабристы-масоны.*—I. Масоны—члены тайныхъ обществъ.—II. Масонскія ложи въ Полтавѣ и Кіевѣ.—В. Л. Лукашевичъ. III. Масонская ложа въ Кишиневѣ.—IV. Политическое и соціальное міросозерцаніе масоновъ.—V. Вопросъ о религіи въ русскомъ масонствѣ.—VI. Благотворительность масоновъ.—Ихъ отрицательныя стороны. Разочарованіе декабристовъ въ масонствѣ.—VII. Польское масонство высшихъ степеней.—Дѣло кн. Баратаева.—Вліяніе карбонаризма.—Венты карбонаріевъ въ Швейцаріи. . . . . 286—377

Стран.

Глава IV. Проекты реформъ М. Ѳ. Орлова, гр. М. А. Дмитріева-Мамонова и Н. Н. Тургенева въ 1814—17 годахъ. Орденъ Русскихъ Рыцарей. . . . . 378—415.

Глава V. Союзъ Спасенія.—Союзъ Благоденствія.—Заимствованія при составленіи его устава изъ устава прусскаго Союза Добродѣтели.—Учрежденіе школъ.—В. Ѳ. Раевскій, какъ пропагандистъ.—Литературныя общества.—Предположенія Н. Н. Тургенева объ изданіи журнала.—Конституціонныя стремленія Союза Благоденствія. Обсужденіе коренною управою 1820 г. вопроса о формахъ правленія. . . . . 416—446.

Глава VI. Монархически-конституціонныя стремленія Сѣвернаго Тайнаго Общества.—Проектъ конституціи Никиты Мих. Муравьева.—Замѣчанія на него П. И. Пестеля и К. П. Торсона.—Проектъ конституціи Г. С. Батенькова.—Пріѣздъ Пестеля въ Петербургъ въ 1824 г.—Республиканскія теченія въ Сѣверномъ Обществѣ.—Кандидаты во временное правленіе.—Проекты манифеста о созывѣ великаго собора. . . 447—499

Глава VII. Русская Правда Пестеля. Общество Соединенныхъ Славянъ . . . . . 500—554

Глава VIII. Судебная реформа . . . . . 555—577

Глава IX. Преобразованіе военнаго строя . . . . . 578—590

Глава X. Свобода печати . . . . . 591—600

Глава XI. Крестьянскій вопросъ . . . . . 601—630

Глава XII. . . . . 631—647

Добавленія . . . . . 648—679

Указатель . . . . . 679—694

Важнѣйшія опечатки.

Важнѣйшія опечатки:

стран.	*строка*	*напечатано:*	*должно быть:*
20	19 сверху	Райналь	Рейналь
35	16 »	А. В. Воронцовъ	А. Р. Воронцовъ
43	11 »	представителей	владѣльцевъ
42	17 »	облегченія	облеченія
42	12 снизу	правительству	исключительно державной власти
—	»	оно	правительство
—	11 »	законъ	коренной государственный законъ
61	20 сверху	Ламменэ	Ламенэ
63, 69, 70, 183, 343		Вязьмитиновъ	Вязмитиновъ
47	21 снизу	отсуттвіе	отсутствіе
76	17—18 сверху	двоюродному брату	тестю
91	25 »	а указъ	на указъ
182	10 снизу	49	48
161	2 »	это былъ	это не
202	4 »	Бурцевъ	Бурцовъ
204	21 сверху		
209, 221, 322, 434, 439, 445, 446, 472, 494		Бриггенъ	Бригенъ
211	6 снизу	Александру I	ему
208	15 »	Лабедоайеръ	Лабедойеръ
212	5 »	Г—о	Руссо
225	4 сверху	Лабрюэръ	Лабрюйеръ
243	23 снизу	Людовика XIV	Людовика XVIII
228	16 »	Владѣлецъ (?)	«Владѣлецъ» (Le Prince ?)
253	21 »	кн. Витгенштейну	гр. Витгенштейну
256	21 сверху	Канчіаловъ	Канчіаловъ
266	14 снизу	зятя	тестя
282	5 »	Друцкой	Друцкій
289	3 сверху	Долгорукій	Долгоруковъ
290	17 »		
291	4 снизу		
303	3 »	Zaleski	Zaleski
341	10 »		
307	8 сверху	Репнина	Репнина
322	14 »	М. Н. Новиковъ	Н. М. Новиковъ
354	23 снизу		

стран.	*строка*	*напечатано:*	*должно быть:*
322	17 сверху	Вас. Мих. Бакунинъ	Алекдр. Пав. Бакунинъ
363	25 и 27 снизу	confrerie	confrérie
366	18 сверху	прини-	возводимый въ нее
368 и 373	»	Мюрэ	Мюре
371	4 снизу	Зандтъ	Зандъ
374	12 сверху	Рюшонпэ	Рюшонне
376	14, 19, 22 сверху	Буонаротти	Буонарроти
380	6 сверху	Михаила	Михаила (Петра или Павла) *)
386	9 и 11 снизу		
400	2 »	Се́менъ	Семе́нъ
412	1 »	является «дума»	являются «думы»
415	1 сверху	слахи	слухъ
—	2 снизу	Д. Н. Давыдова	Д. В. Давыдова
434	11 »	Н. Ѳ. Глинка	Ѳ Н. Глинка
475	9 снизу	Бестужева	М. Бестужева
493	18 »	правило	правила
504	13 сверху	Детю-де-Траси	Дэтю-де-Траси
520	4 снизу	рекрутчину	рекрутчину уже при Александрѣ I
527	8 »	откупѣ	откупъ
542	2 »	Муравьевъ	Муравьевъ-Апостолъ **)

*) Срав. *Геннади* «Справочный словарь о рус. писат. и ученыхъ, т. II, 406.

**) На стран. 165 и 536 первое и второе примѣчанія, а на стр. 595 четвертое и пятое примѣчанія должно переставить одно на мѣсто другого.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія:

1. *Ядринцевъ.* Сибирскіе инородцы. Ц. 2 р.

2. *Вундтъ.* Этика Т. II, ц. 2 р. 50 к. (1-й томъ распроданъ).

3. *Летурно.* Эволюція собственности. Ц. 3 р.

4 *Межовъ.* Русская историческая библіографія, за 1800—1854 г. Т. I, ц. 1 р.; т. II, ц. 1 р; т. III, ц. 1 р.

5. *Тургеневъ, И. С.* Стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

6. *Крестовскій* (псевдонимъ). Первая борьба. Ц. 1 р.

7. *Раллей.* Элементарная политика. Ц. 80 к.

8. *Вейсбахъ.* Таблица для опредѣленія минераловъ. Ц. 1 р. 50 к.

9. Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи. Т. I. *В. В.* Общинное землевладѣніе. Ц. 3 р. 50 к.

10. Крестьянская реформа въ Новгородской губ. Записки *С. И. Носовича* 1861—63 г. Ц. 1 р. 25 к.

Складъ изданій: №№ 1, 4, 5, 9 и 10, въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича (Васильевскій Остр., 5 линія, д. 28), №№ 2, 3, 6, 7 и 8 въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Цинзерлинга (бывш. Мелье, Невскій пр.. д. 20).

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются сочиненія

В. И. Семевскаго:

1. **Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.** Т. I. (53+517 стр.). Спб., 188. Ц. 3 р. (Подготовка паденія крѣпостного права въ XVIII и первой четверти XIX в.).

2. **Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка.** Т. II (625 стр.). Спб., 1888. Ц. 3 р. (Подготовка паденія крѣпостного права въ царствованіе императора Николая I).

3. **Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II.** Т. I, изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб., 1903. (XXXVII+643 стр.). (Введеніе. Помѣщики и крѣпостные крестьяне. Поссесіонные крестьяне).

4. **Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II.** Т. II. (XL+865 стр.). Спб., 1901 г. Ц. 5 р. (Крестьяне дворцоваго вѣдомства. Крестьяне церковныхъ вотчинъ. Государственные крестьяне. Однодворцы и старыхъ службъ служилые люди. Ямщики. Обѣльные вотчинники и крестьяне).

5. **Политическія и общественныя идеи декабристовъ.** (694 стр.). 1909 г. Ц. 3 р. 50 к. (Продается въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой, С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2 л., д. № 11, кв. 15, **съ уступкою 25 процентовъ**).

6. **Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ г.г. (Петрашевцы).** 1905 г. (84 стр.). Ц .15 к.

7. **Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова.** 1905 г. (102 стр.). Ц. 20 к.

8. **Василій Ивановичъ Водовозовъ.** Біографическій очеркъ, съ портретомъ. 1888 г. (169+VIII стр.). Ц. 50 к.

9. **Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ.** Томъ. I. (LXXXIV+574 стр.). Спб., 1898. Ц. 3 р.

10. **Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ.** Т. II. (914 стр.). Спб., 1898. Ц. 3 р.

Складъ изданій: №№ 1 и 2 въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Цинзерлинга (бывш. Мелье). Невскій пр., д. 20, №№ 3, 4, 9 и 10 въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, (Васильевскій Островъ, 5-я линія, д. № 28); №№ 5, 6, 7 и 8 въ книжномъ складѣ Е. Н. Водовозовой (Васильевскій Островъ, 2 линія, д. 11, кв. 15).

2007237418